РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

НА ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ

А.В. ГАНИН

АТАМАН А.И. ДУТОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вниманию читателей впервые представляется научная биография атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта Александра Ильича Дутова. Она дается на широком фоне военно-политической истории России периода революционных потрясений с введением в научный оборот большого пласта архивных материалов, которые ранее не были известны историкам. А. И. Дутов показан сильным региональным лидером и политическим деятелем общероссийского масштаба, который по справедливости должен занять свое место в ряду таких белых вождей, как Деникин, Врангель, Колчак, Семенов, Юденич.

Книга является 61-й по счету в книжной серии, выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием под названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

- Андрей Владиславович Ганин
  - Введение
  - Глава 1
    - Оренбургское казачество в последней четверти XIX – начале XX в
    - Род и семья Дутовых
    - Молодые годы
  - Глава 2
    - Училище. «Царская сотня»
    - В Академии Генерального штаба
    - После неудачи
    - Великая война
  - Глава 3
    - От войны к политике
    - Дутов и выступление Корнилова
    - Избрание атаманом
  - Глава 4
    - «Мятеж» Дутова
    - Защита Оренбурга
  - Глава 5

- В Верхнеуральске. Продолжение борьбы
- Тургайский поход

- Глава 6
  - Между Самарой и Омском
  - Военное строительство
  - Борьба с оппозицией
  - Государственное совещание
- Глава 7
  - На фронте
  - Приход к власти адмирала Колчака
  - «Дело» полковника Рудакова
  - Падение Оренбурга и разложение армии
  - Дело генерала Сукина
  - Военные преобразования
- Глава 8
  -
  - Социально-экономическая политика Дутова
  - Национальная и конфессиональная политика Дутова
  - Правоохранительная политика Дутова и террор
  - Культурная политика Дутова (образование, наука, литература, искусство)
- Глава 9
  - Наступление
  - Главный начальник Оренбургского края
  - В лабиринтах омской политики
  - Походный атаман всех казачьих войск
- Глава 10
  - Вновь во главе армии
  - Голодный поход
  - Дутов и Анненков
  - Исход
- Глава 11
  - Подготовка к новой борьбе
  - Ликвидация
- Глава 12
  - Судьба оренбуржцев в Западном Китае
  - Семья Дутова
- Заключение
- Основные даты жизни и деятельности А.И. Дутова
- Примечания
- Список сокращений

Андрей Владиславович Ганин
Атаман А. И. Дутов

Памяти Вячеслава Михайловича Войнова (1958–1993) – основоположника современного изучения истории антибольшевистского движения оренбургского казачества

Введение

«Грозно и властно гудит вечевой колокол казачества. С далекого Дона несется звон его… Становись казак плотнее. Пусть красный, малиновый, синий и желтый лампасы покажут всему миру, что жив еще казак, живо его огневое сердце, жив дух, и быстро течет его свободная кровь, и нет силы свалить эту вековую общину… Вольные станичники слышат набат, и звуки его радостны им. Русь великая, Русь тихая, сермяжная, Русь православная, слышишь ли ты набат казачий? Очнись, родная, и ударь в своем старом Кремле-Москве, во все колокола, и твой набат будет слышен повсюду. Сбрось великий народ ярмо чужеземное, немецкое. И сольются звуки вечевых казачьих колоколов с твоим Кремлевским перезвоном, и Русь великая, Русь православная будет целой и нераздельной. Бей в набат, русский народ, бей сильней, зови сынов своих, и будем все мы дружны за Русь святую…» – писал Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант Александр Ильич Дутов в своей поэме «Набат», призывая казаков на борьбу с большевиками[1].

Наверное, каждый в нашей стране, хотя бы в школьные годы, так или иначе слышал об атамане Дутове. Его образ присутствует и в художественных произведениях. В частности, яркий портрет Дутова был создан А.Н. Толстым в трилогии «Хождение по мукам» при описании банкета в Самаре летом 1918 г.: «Напротив него сидел тучный, средних лет, военный с белым аксельбантом. Яйцевидный череп его был гол и массивен, как оплот власти. На обритом жирном лице примечательными казались толстые губы: он не переставая жевал, сдвинув бровные мускулы, зорко поглядывал на разнообразные закуски. Рюмочка тонула в его большой руке, – видимо, он привык больше к стаканчику. Коротко, закидывая голову, выпивал. Умные голубые медвежьи глазки его не останавливались ни на ком, точно он был здесь настороже. Военные склонялись к нему с особенным вниманием. Это был недавний гость, герой уральского казачества, оренбургский атаман Дутов»[2]. Портрет яркий, но вызывающий отвращение и вдобавок пестрящий неточностями. Летом 1918 г. Дутов не мог носить аксельбант, поскольку еще не был причислен к Генеральному штабу (это произошло в апреле 1919 г.), что же касается пассажа о рюмке – оставляю его на совести Толстого, поскольку оренбургский атаман вообще не употреблял спиртного.

Образ Дутова встречается и в других художественных произведениях[3]. О спецоперации по ликвидации атамана был

снят двухсерийный художественный фильм «Конец атамана», который, по данным на 1972 г., посмотрело около 30 миллионов зрителей[4]. Дутов, в исполнении В.И. Стржельчика, предстал перед зрителями в карикатурном виде как неуравновешенный и истеричный человек.

Несмотря на обширный поток современной литературы о Гражданской войне и непосредственно о Белом движении, в массовом сознании отложилась лишь пара-тройка фактов о жизни и деятельности легендарного атамана: в лучшем случае то, что он был казаком, непримиримым борцом с советской властью и что был убит чекистами. Иногда о Дутове говорят пропагандистскими штампами еще советских времен как о яром монархисте, развязавшем кровавый террор на Урале и т. п. И все. Обусловлена такая ситуация в том числе и тем, что из всех вождей антибольшевистского движения атаману Дутову с биографами повезло меньше других.

В советской историографии существовал значительный пласт общих работ как по истории Гражданской войны, так и непосредственно по истории Гражданской войны на Урале. Разумеется, в такого рода работах Дутов фигурировал хотя бы потому, что масштабы его личности не позволяли вообще не упоминать о нем, как это было с менее знаменитыми участниками Белого движения, однако в СССР о Дутове писали как о враге и вдобавок крайне поверхностно, а возглавленное им движение именовали специально придуманным термином «дутовщина» (кстати, наличие этого термина подчеркивает значимость выступления оренбургского атамана в глазах большевиков)[5], причем рецидивы подобной терминологии отчасти сохранились и в постсоветской историографии[6]. Политическая программа Дутова считалась реставрационной[7]. Порой создается впечатление, что советские историки специально изощрялись в том, кто наиболее хлестко обзовет оренбургского атамана. Как только его не называли – и «врагом народа»[8], и «отпетым монархистом»[9], и представителем «черносотенной военщины»[10]. Не заслуживающим внимания представляется и распространенное утверждение о членстве Дутова и ряда других высокопоставленных деятелей Белого движения на Востоке России в некоей строго законспирированной монархической организации[11].

Весьма характерно абсурдное высказывание И.И. Минца, утверждавшего, что «свою ненависть к революции Дутов переносил и на всю страну, в которой она началась и развивалась»[12].Тот же автор почему-то называл Дутова «царским генералом»[13], хотя к февралю 1917 г. Александр Ильич

дослужился лишь до чина войскового старшины. По мнению В. Булаха, «Дутов был обычным посетителем шикарных кабаков и тоже пил, пил много»[14], хотя на самом деле, как я указывал, атаман не пил вообще. По заявлению Г.В. Пожидаевой, Дутов был орудием в руках американских и англо-французских империалистов и «целиком находился на их содержании»[15]. Н.К. Лисовский отметил, что «Белоказачье войсковое правительство, так же как и другие контрреволюционные правительства России, находилось в полной зависимости от империалистов США, Англии и Франции, беспрекословно выполняло их волю»[16].Он же писал, что мятеж Дутова «являлся частью общего плана борьбы кадетской буржуазии и англо-американских империалистов против Советской республики»[17]. Приведенные цитаты наглядно демонстрируют уровень изучения деятельности Дутова и истории антибольшевистского движения оренбургского казачества в советский период.

Разумеется, насколько позволяла внутриполитическая обстановка, предпринимались попытки более серьезного изучения движения Дутова. Одними из первых работ, специально посвященных этой теме, стали изданные в 1930-х гг. труды Ф.Г. Попова и С.М. Петрова[18]. Указанные авторы попытались проанализировать причины активного участия оренбургского казачества в контрреволюции, придя к выводу о том, что причины эти коренились в зажиточности казачества и широкой популярности в нем с 1917 г. идей автономизма. Отдельно от начатой Поповым и Петровым историографической традиции следует рассматривать фундаментальное военно-научное исследование В.Ф. Воробьева, которое сохраняет свою научную значимость и по сей день[19]. Работа Воробьева еще в 1930-х гг. была написана с широким привлечением документов обеих противоборствующих сторон и является достаточно объективной, чего нельзя сказать о произведениях Попова и Петрова.

Следующая по времени издания работа по истории «дутовщины» появилась в СССР лишь в 1964 г. и принадлежит перу уральского историка Н.К. Лисовского[20]. Разумеется, Лисовский при написании своей книги руководствовался идеологическими установками своего времени, не утруждая себя ссылками на документы, которые бы подтверждали выдвигавшиеся им против белых обвинения. По мнению этого автора, на стороне Дутова «в конце концов… осталась лишь казацко-кулацкая верхушка, офицерство и незначительная часть реакционно настроенных середняцких масс казацких станиц»[21]. Решающими условиями успеха в борьбе с «дутовщиной» Лисовский назвал руководство народными массами

коммунистической партии во главе с Лениным и безграничную веру в партию советских людей.

Наконец, первой и последней по-настоящему серьезной советской работой о движении Дутова в целом, несмотря на некоторые фактические неточности, следует считать монографию М.Д. Машина[22]. Машин сумел подготовить интересное исследование, основанное в том числе и на документах антибольшевистского лагеря и содержащее значительный фактический материал. Он пришел к выводу о том, что казачество не являлось сплошь контрреволюционной массой, как считалось ранее. Нельзя не отметить, что подобный вывод сделан Машиным в результате значительного преувеличения степени революционности казачества. Казаки, по мнению Машина, под влиянием пролетариата и большевистской партии пришли к прочному союзу с рабочим классом. Едва ли можно согласиться с такой точкой зрения. Этой работой, по сути, и завершается вся советская историография проблемы.

Нельзя не отметить, что единственный эпизод биографии Дутова, которому в советской историографии было уделено сколько-нибудь пристальное внимание, – это спецоперация по ликвидации атамана, причем интерес к обстоятельствам этой первой из целого ряда осуществленных советскими спецслужбами зарубежных ликвидаций сохраняется вплоть до настоящего времени[23]. Многие годы спустя после убийства Дутова в советской печати можно было наблюдать негласное соперничество различных ведомств и организаций, ставивших успех операции в заслугу именно своим сотрудникам.

Несмотря на наличие необходимой источниковой базы в архивах СССР, специальных работ, посвященных жизни и деятельности Дутова, исключая более или менее однотипные энциклопедические статьи[24], по вполне понятным причинам в советской историографии до 1989 г. создано не было, однако такие работы были написаны в годы Гражданской войны на неподконтрольной большевикам территории России, а также в русском зарубежье.

Первым по времени издания серьезным очерком жизни и деятельности Дутова является его официальная биография, выпущенная в 1919 г. в Троицке, бывшем тогда административным центром Оренбургского казачьего войска (прежний центр, Оренбург, был занят красными)[25]. Собственно, биографическая часть этой брошюры предельно апологетична, но для исследователей это издание ценно не столько как исследование жизни и деятельности оренбургского атамана, сколько как источник, так как сведения для него, по всей

видимости, давал сам Дутов, а в приложении к этой биографии опубликовано значительное количество документов о деятельности Дутова.

С окончанием Гражданской войны относительно свободное изучение биографии Дутова было возможно лишь в среде русской эмиграции. В роли первых биографов атамана с краткими очерками выступили оренбургские казачьи генералы И.Г. Акулинин (иногда под псевдонимом «Оренбурец») и А.В. Зуев[26]. Однако эти люди, лично знавшие Дутова или являвшиеся его соратниками по борьбе, не могли быть полностью беспристрастны в своих оценках, не ставили своей задачей написание исчерпывающего труда об оренбургском атамане, да и по объективным причинам отсутствия в их распоряжении необходимых документов просто не могли это осуществить. Помимо этого в эмиграции было написано еще несколько незначительных очерков о Дутове, а также работ общего характера, в которых содержались сведения о разных эпизодах его жизни[27]. Вышла и малоизвестная брошюра «Генерал Дутов: Биография и деяния. Воспоминания соратников» (Харбин, 1928), единственный известный экземпляр которой сохранился во Владивостоке. К сожалению, в ходе работы над книгой мне не удалось ознакомиться с содержанием этой брошюры.

Разумеется, для участников Белого движения Дутов являлся священной фигурой, это связано с тем, что оренбуржцы достаточно быстро растворились в среде русской эмиграции, а подавляющее большинство ветеранов Белой борьбы знало об оренбургском атамане только понаслышке. Реального человека подменил искусственно созданный штамп. Точно такой же штамп, только с противоположным знаком, существовал и в СССР (Это утверждение автора, пожалуй, излишняя дань объективистскому подходу, тем более что вся книга рисует А.И. Дутова как выдающегося деятеля эпохи 1917–1920 гг. Вряд ли к тому же оценки этой личности белыми и красными равно удалены от истины. – *Ред.*).

Непросто проходил процесс реабилитации имени Дутова на родине атамана. На излете советской эпохи партийные функционеры, справедливо опасаясь возможных репрессий за свою деятельность, позволили публиковать в партийной печати материалы, в том числе и о Белом движении[28]. Однако тут же, на всякий случай, публиковались и материалы прямо противоположного характера. Нельзя не отметить одну из таких работ, касавшуюся биографии Дутова. Автор этой заметки, член Союза писателей СССР Ю. Никифоренко, осенью 1990 г. писал: «Свыше 70 лет нет царя, а вот цареугодничество… сохраняется…

Вот, к примеру, до сих пор иные «наследники» бредят по белоказачьему предводителю А.И. Дутову. Нам заново[29] живописуется его образ, только на этот раз «опускается» его практическая деятельность, а на передний план выдвигаются штрихи к портрету (привычки, мысли, анкета). И незаметно на свет божий предстает чуть ли не прогрессивный деятель, да вот и не дали большевики развернуться таланту, прервали его бурную работу за «общечеловеческую мораль и нравственность»… Дутов, захватив Оренбург, держался не на любви к себе со стороны простых людей, а на штыках, на терроре и насилии… Можно бы привести еще немало фактов, рисующих совсем в иных красках образ белоказачьего атамана, у которого находятся ныне сердобольные «адвокаты», одновременно испытывающие явную ненависть к подлинным героям, чей ратный подвиг был отмечен Почетным революционным Знаменем ВЦИК»[30]. Такой подход, казалось бы, должен остаться в безвозвратном прошлом, однако и в современной отечественной историографии все же довольно часто встречаются рецидивы советского периода.

Лишь с конца 1980-х – начала 1990-х гг. после открытия доступа к архивным фондам по истории Белого движения, ослабления, а затем и отмены партийного идеологического диктата в СССР, а после его распада и в России стало возможным непредвзятое изучение жизни и деятельности Дутова. Однако поздняя советская и постсоветская историография деятельности Дутова вплоть до настоящего времени представлены в основном энциклопедическими, популярными или в лучшем случае научно-популярными статьями небольшого объема, подавляющее большинство которых, даже несмотря на свою краткость, содержат сведения, имеющие мало общего с действительностью[31]. Ошибки некоторых авторов красноречиво свидетельствуют о непрофессиональном подходе к рассматриваемым вопросам. Один из наиболее оригинальных примеров – превращение в претендующих на историзм работах писателя В.Е. Шамбарова одного из участников ликвидации Дутова К.Г. Чанышева сразу в двух человек[32]. Справедливости ради отмечу, что научно-популярному жанру отдал должное и автор этой книги, впрочем впервые введя в научный оборот ряд документов о Дутове[33].

По-настоящему заслуживающими внимания можно назвать только несколько публикаций о Дутове и отдельных аспектах его жизненного пути. Среди авторов такого рода работ нельзя не упомянуть безвременно ушедшего из жизни талантливого оренбургского историка, основоположника современного изучения антибольшевистского движения оренбургского

казачества В.М. Войнова, ставшего первым биографом атамана еще в СССР. В 1993 г. И.Ф. Плотниковым была опубликована небольшая статья о взаимоотношениях Дутова и Колчака, основанная на изучении пяти сохранившихся писем Дутова к Колчаку. Кроме того, вызывает интерес основанная на материалах дальневосточных архивов статья хабаровского исследователя С.Н. Савченко о поездке Дутова на Дальний Восток в 1919 г.[34]

Исследованию движения Дутова посвящена кандидатская диссертация Н.А. Чирухина[35]. Однако следует учитывать, что эта работа была написана в начале 1990-х гг. на волне демократической эйфории, что отразилось на оценках автора, и охватывает лишь период до ноября 1918 г. Автор провел большую работу и привлек значительный объем архивных документов, придя к выводу о том, что эскалация Гражданской войны вынудила Дутова пойти на свертывание демократических начал и ужесточение политического режима, установление военной диктатуры. Несмотря на добросовестность проведенного исследования, с такими выводами согласиться нельзя, поскольку режим Дутова никогда не был диктатурой в полном смысле этого слова. Кроме того, если не принимать во внимание начальный период борьбы в конце 1917-го – начале 1918 г., когда Дутов еще не обладал реальной властью в войске, его режим практически не изменил своего политического облика.

В статье близкого к ФСБ журналиста А.Е. Хинштейна и сотрудников Центрального архива ФСБ (ЦА ФСБ) А.Т. Жадобина и В.В. Марковчина в газете «Московский комсомолец-воскресенье» впервые опубликованы до сих пор недоступные для исследователей документы ВЧК из архива ФСБ и изложена официальная версия обстоятельств ликвидации Дутова[36]. В 2005 г. депутат Государственной думы А.Е. Хинштейн, правда, уже без соавторов опубликовал в своей книге «Подземелья Лубянки» очерк «Конец атамана», написанный с привлечением документов ЦА ФСБ[37]. В основе очерка все та же статья из «Московского комсомольца», впрочем до крайности популяризированная и сдобренная низкопробными сравнениями, видимо призванными, по мнению этого автора, воссоздавать историческую атмосферу[38].

В 2000-х гг. опубликовано несколько серьезных работ о Дутове. Это статья оренбургского историка Д.А. Сафонова «Легенда о «казачьем мятеже», в которой рассмотрены различные трактовки начального периода борьбы Дутова и предлагается авторская точка зрения, основанная на архивных данных. Уральский историк Е.А. Плешкевич в небольшой статье провел сравнение жизненного пути А.И. Дутова и Г.М. Семенова. По

мнению Плешкевича, офицеры казачьих войск взяли на себя руководство казачьим движением в связи с отсутствием в казачьих войсках сколько-нибудь значительного слоя интеллигенции. Автор статьи, отметив, что оба атамана честно выполняли свой долг, почему-то затруднился ответить на вопрос, поставленный в заглавии статьи, – являются ли они героями или предателями Отечества? Нельзя не отметить книгу уже упоминавшегося В.В. Марковчина «Три атамана», первая часть которой посвящена поездке Дутова на Дальний Восток и ликвидации атамана. Работа Марковчина, несмотря на ряд ошибок, представляет, прежде всего, археографический интерес, поскольку в ней опубликованы некоторые по-прежнему недоступные даже для специалистов документы о деятельности Дутова из ЦА ФСБ. Еще одно исследование – статья К.Э. Козубского и М.Н. Ивлева, анализирующих различные версии обстоятельств ликвидации Дутова, в том числе на основе документов, ранее опубликованных В.В. Марковчиным и его соавторами[39]. Авторы использовали далеко не все свидетельства о ликвидации оренбургского атамана, с равной степенью доверия относясь в том числе и ко вторичным, а то и вовсе основываясь на исследованиях и даже на художественных произведениях, что является грубой ошибкой и не дает возможности отделить реально произошедшие события от позднейших, в том числе идеологических, наслоений.

Как видим, многие из перечисленных выше работ, и даже лучшие из них, страдают разного рода недостатками. Так, исследования В.М. Войнова, написанные в конце 1980-х – начале 1990-х гг., неравноценны. Наиболее серьезными биографическими очерками о Дутове, принадлежащими его перу, являются статьи в журнале «Уральский следопыт» и в энциклопедии «Политические деятели России 1917», опубликованные в 1993 г. Тем не менее на данный момент даже эти работы уже во многом устарели, поскольку за прошедшие с момента их написания 10–15 лет появилась возможность по-другому и значительно глубже исследовать жизнь и деятельность оренбургского атамана. Кроме того, в публикациях Войнова о Дутове практически ничего не говорится о деятельности будущего атамана до революции, между тем до 1917 г. прошла большая часть его жизни. В.М. Войнов в силу обстоятельств не успел реализовать многое из того, что было им задумано в научной сфере. Если бы не преждевременная смерть, возможно, именно он стал бы автором первой биографии Дутова, поэтому я посвящаю эту книгу его памяти. В отношении более поздних работ, за исключением основательных статей С.Н. Савченко и Д.А.

Сафонова, нельзя не отметить крайнюю узость их источниковой базы, ограничивающейся либо только опубликованными материалами (К.Э. Козубский и М.Н. Ивлев), либо документами какого-либо одного архива (только ЦА ФСБ в работе В.В. Марковчина). Добавлю, что в настоящее время лучшей энциклопедической статьей о Дутове, на мой взгляд, является статья из биографического справочника Е.В. Волкова, Н.Д. Егорова и И.В. Купцова[40].

До сих пор объективных оценок деятельности Дутова в период 1917–1921 гг. встречать не приходилось. От апологетических публикаций начала 1990-х гг. в последние годы произошел резкий переход к совершенно неоправданному гиперкритицизму в отношении оренбургского атамана и всего, что с ним связано. Например, челябинский историк Е.В. Волков считает, что Дутов «не являлся тонким, дальновидным политиком и способным военачальником… совмещал несколько постов, являясь и атаманом, и председателем войскового правительства, занимаясь при этом и другими вопросами. Отсюда эффективность решения многих из них оказалась невысокой. Атаман не сумел найти общего языка и с башкирским национальным движением… его армия не имела крупных военных успехов на протяжении всего 1919 года… ни сам А.И. Дутов, ни генералы из его окружения большими военными талантами не обладали. Они оказались не подготовлены к затяжной вооруженной борьбе внутри страны и мыслили категориями из книг военных теоретиков, разработавших тактику и стратегию позиционных войн (?! – *А. Г.*)… Штаб А.И. Дутова… не имел представления об особенностях гражданской войны…»[41]. Хотя в подобных упреках и есть некоторая доля правды, думается, все же объективная картина происходившего была иной.

Разумеется, исследование жизни и деятельности Дутова потребовало привлечения не только работ предшественников, непосредственно писавших о самом атамане или возглавленном им движении, но и различных исследований общего характера по истории России конца XIX – первой четверти XX в. Дать характеристику каждому из этих произведений в рамках введения не представляется возможным. По мере необходимости такие оценки приведены в основном тексте.

С сожалением приходится коснуться и отрицательных сторон современной отечественной исторической науки, в которой все шире процветают явления, совершенно несовместимые с честью историка. Я не буду касаться современного состояния сообщества отечественных ученых-историков, а остановлюсь лишь на анализе опубликованных работ. И если публицистические по своей

направленности статьи и книги (как, например, книга А.Е. Хинштейна) могут научным сообществом не восприниматься всерьез и не подвергаться всесторонней критике, то научные или научно-популярные работы подлежат всесторонней и беспощадной критике. Одно из распространенных вопиющих явлений в «научных» исследованиях можно сравнительно мягко назвать заимствованием архивных ссылок, когда добросовестные исследователи с немалым трудом и значительными временными затратами добывают бесценный материал в архивах, а менее добросовестные просто заимствуют из их работ ссылки на этот материал и выдают их за свои. К примеру, связанная с темой этой работы книга челябинских краеведов А.В. Апрелкова и Л.А. Попова[42].

Помимо недобросовестности некоторых авторов нельзя не отметить и крайнюю необъективность подходов, встречающуюся в целом ряде работ. Прежде всего, речь идет об упоминавшихся выше рецидивах советской пропаганды[43]. Если к такого рода работам можно относиться как к курьезам, порожденным успешным воздействием на умы советской пропагандистской машины, то новомодные тенденции в фундаментальных исследованиях не могут не настораживать. Одной из них стало привнесенное из современной западноевропейской исторической науки пренебрежительное отношение к проблемам военно-политической истории, которую некоторые исследователи называют даже тупиковым направлением, сами допуская при этом фактические ошибки в тех вопросах, которые считают недостойными изучения[44]. Хочется верить, что отечественная историческая наука со временем изживет эти негативные черты.

Что касается зарубежной историографии, то в отношении биографии Дутова она ничуть не лучше написанного об оренбургском атамане в советский период. Одной из первых работ, в которых упоминается Дутов, является пропагандистская книга американского коммуниста Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», снабженная предисловиями Ленина и Крупской. Ее автор утверждал, что «казачье движение повсюду проявляло себя как антисоциалистическое и милитаристское. Его вождями были дворяне и крупные землевладельцы, такие, как Каледин, Корнилов, генералы Дутов, Караулов и Бардижи…»[45]. Разумеется, подобное заявление не соответствует действительности – крупными землевладельцами вожди казачества не являлись. Дутов хотя и был дворянином, но, как указано в его послужном списке, вообще не имел никакого недвижимого имущества[46].

Разумеется, книга Рида не может считаться сколько-нибудь серьезным исследованием, однако даже в солидных зарубежных

научных изданиях встречаются многочисленные неточности в изложении биографии Дутова. К примеру, публикатор документов Троцкого (Бронштейна) в одном из комментариев исказил даты жизни Дутова и почему-то назвал его атаманом сибирских казаков[47]. По мнению составителей «Словаря русской революции», Дутов родился не в 1879-м, а в 1864 г., а был убит не 6–7 февраля, а 7 марта 1921 г. (по непонятной причине эти же ошибки распространены и у отечественных авторов), командовал Южной армией Колчака (на самом деле, несмотря на кажущуюся хаотичность переименований, Дутов последовательно командовал Юго-Западной, Отдельной Оренбургской, Оренбургской, а позднее вновь Отдельной Оренбургской армиями), наступление которой «в конце концов провалилось отчасти из-за неспособности войск Дутова соединиться с белыми войсками на Юге под командованием А.И. Деникина»[48]. Составители указанного справочника, очевидно, имели слабое представление об обстановке весны – лета 1919 г. на востоке России, о которой, по всей видимости, вели речь, если полагали, что войска Дутова в одиночку могли решить ту задачу, с которой в итоге не справился весь Восточный фронт белых.

Некоторые ошибки авторов этого справочника повторил современный британский ученый Джонатан Смил – автор весьма солидного и интересного исследования о Гражданской войне в Сибири, написанного, к сожалению, без использования материалов российских архивов. Он, в частности, назвал армию Дутова Южной, указав, что Ставка Дутова в период подготовки весеннего наступления 1919 г. находилась где-то в тургайских степях к востоку от Оренбурга (на самом деле – в городах Орск и Троицк) и что армия Дутова подчинялась Колчаку лишь номинально из-за отсутствия коммуникаций после потери узловой станции Кинель[49]. Между тем существовал телеграф, телефон и другие способы связи, так что возможности для передачи приказов были обширными, а сами приказы и оперативные сведения достаточно быстро для того времени передавались и на существенно большие расстояния, нежели между Омском и Троицком. К примеру, телеграмма о взятии Царицына была отправлена генерал-квартирмейстером штаба Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России Генерального штаба генерал-майором Ю.Н. Плющевским-Плющиком 4 июля 1919 г., а уже 7 июля она была получена в Омске адмиралом А.В. Колчаком[50].

Еще один современный западный автор, Р. Пайпс, утверждает, что «на Юге действовали уральские и сибирские казаки и башкирские части, все под командованием атамана

Александра Дутова»[51]. Мало того что такая характеристика является откровенно примитивной, она еще и не соответствует действительности – основу войск Дутова составляли оренбургские, а никак не сибирские казаки. Западные авторы также преуспели в создании образных, но, как правило, негативных характеристик Дутова. Так, Ричард Лакетт почему-то назвал Дутова человеком «с жестокостью и низким коварством»[52]. По оценке автора книги о Колчаке Питера Флеминга, Дутов – «полный, с глазами спаниеля, невзрачный низкорослый человек»[53]. Довольно поверхностные и часто ошибочные суждения о Дутове содержит книга чешского историка С. Ауского[54]. Канадский историк Н. Перейра ставит Дутова в один ряд с остальными казачьими атаманами и полагает, что он отметился «как неутолимой жаждой грабежей и крови, так и полным презрением к гражданской власти и надлежащему судопроизводству»[55]. Подобная оценка не только не основана на каких-либо документах, но и вообще не имеет ничего общего с действительностью. В целом необходимо отметить, что западная историография изобилует различными оценками личности Дутова, в основном в работах обобщающего характера, но не создала целостной и сколько-нибудь достоверной картины его жизни и деятельности.

Итак, серьезной научной биографии Дутова на широком фоне военно-политической истории России периода революционных потрясений до сих пор не создано. Более того, задача полномасштабного изучения жизни и деятельности оренбургского атамана ранее исследователями не ставилась. В этой связи по меньшей мере странным кажется утверждение одного из современных уральских историков, что «в изучении политических проблем революции 1917 г. на Урале трудно в ближайшее время ожидать каких-то прорывов»[56]. Изучение жизненного пути Дутова как раз и дает уникальную возможность проанализировать целый комплекс сложнейших проблем истории России переломного периода, совершив подобный прорыв. В своей работе я попытаюсь на широкой источниковой базе решить эту задачу.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что с конца 1980-х гг., когда были сняты ограничения на доступ к архивным коллекциям по истории Белого движения, по сей день не появилось ни одной основанной на этом уникальном материале специальной работы ни по истории антибольшевистского движения оренбургского казачества в целом, ни по отдельным аспектам этой темы. Некоторое исключение составляют лишь диссертация Н.А. Чирухина, охватывающая лишь события до осени 1918 г. и к настоящему времени уже во многом устаревшая,

а также моя предыдущая книга о генерале А.С. Бакиче, в которой антибольшевистское движение оренбургского казачества рассмотрено с осени 1918-го по 1922 г. В данной работе через призму биографии атамана Дутова предпринята попытка более подробного рассмотрения истории борьбы оренбургских казаков с большевиками с момента зарождения антибольшевистского движения и значительно более широкой и крайне сложной проблемы участия казачества в революции и Гражданской войне.

Полноценное исследование жизни и деятельности Дутова было бы невозможно без многолетней предварительной работы над некоторыми аспектами его биографии, а также над биографиями соратников Дутова по антибольшевистской борьбе – генералов И.Г. Акулинина, А.С. Бакича, И.М. Зайцева, полковника Ф.Е. Махина и других вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества. Результаты этой работы нашли отражение в ряде моих публикаций и книге[57]. Но не подлежит сомнению и то, что биография Дутова куда более многогранна по сравнению с биографиями окружавших его офицеров или чиновников. Дутов – это не только и даже не столько военный деятель, сколько политик, деятельность которого самым существенным образом отразилась на военно-политической, социально-экономической и даже культурной жизни Южного Урала периода 1917–1919 гг. Сознавая невозможность одинаково подробно проанализировать все три весьма значительные составляющие деятельности оренбургского атамана, я делаю акцент на первой из них как на наиболее значимой в условиях Гражданской войны, стараясь по возможности рассмотреть и остающиеся.

На мой взгляд, Дутов являлся одновременно как сильным региональным лидером, так и политическим деятелем общероссийского масштаба, который по справедливости должен занять свое место в ряду таких белых вождей, как А.И. Деникин, П.Н. Врангель, А.В. Колчак, Г.М. Семенов, Н.Н. Юденич. Вследствие своей ранней гибели Дутов не успел, в отличие от некоторых из упомянутых выше руководителей антибольшевистской борьбы, написать воспоминания, крайне мало воспоминаний сохранилось и о нем самом. Во многом именно по этим причинам оренбургский атаман до сих пор остается на втором или даже на третьем плане. С другой стороны, сама по себе биография Дутова достаточно специфична. В отличие, к примеру, от адмирала А.В. Колчака Дутов никак не проявил себя на научном поприще, не прославился, в отличие от многих других видных деятелей Белого движения, в годы Первой мировой войны (правда, Дутов тогда был лишь штаб-офицером).

Дутова невозможно охарактеризовать однозначно с положительной или отрицательной стороны, его фигура крайне противоречива и многогранна. Как человек он, видимо, может быть назван посредственностью. В то же время те процессы, в которые он оказался вовлечен самим ходом событий 1917–1921 гг., имели определяющее значение для истории нашей страны и поэтому не только важны и интересны для изучения, но и крайне неоднозначны. Значимость этих процессов придает больший вес и фигуре самого атамана.

Все это в совокупности предопределяет значительную сложность написания биографии казачьего вождя, о деятельности которого сохранилось мало ярких свидетельств. Поэтому проведение такого исследования предполагает, на мой взгляд, максимально полное ознакомление со всем корпусом документов и материалов о деятельности Дутова, в противном случае целые периоды его жизни могут быть упущены. Разумеется, жизнь Дутова не следует рассматривать саму по себе, как некую последовательность его поступков или перечень должностей, которые он занимал. Она интересна и значима лишь в живой взаимосвязи с той средой, которая сформировала оренбургского атамана как личность, с теми общегосударственными и региональными процессами, в которых он участвовал, а иногда и направлял, и, наконец, с возглавленным им в 1917–1921 гг. мощнейшим антибольшевистским движением. Тупиковыми мне представляются подходы к оценке личности Дутова, предложенные как его сторонниками, так и его противниками, то есть огульное восхваление или такое же огульное очернение. Задачей историков является, на мой взгляд, проведение максимально объективного исследования, – в противном случае мы никогда не сможем понять главного – почему в Гражданской войне победили красные? Впрочем, это лишь один (быть может, самый важный) из многих вопросов, дать ответ на которые будет возможно на основе непредвзятого исследования. Именно по этой причине я постарался не руководствоваться какими бы то ни было заранее готовыми схемами, которые, как показывает опыт предшественников, все равно будут пересмотрены последующими исследователями, а подготовить исследование, максимально приближенное к фактам, предложив читателю самостоятельно оценить положительные и отрицательные черты самого Дутова как лидера, а также возглавленного им движения.

Основу работы составили свыше четырехсот единиц хранения из 141 фонда семнадцати архивов России и зарубежья: Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного военного архива (РГВА),

Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА), отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), бывшего Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК, ныне – РГВА), Государственных архивов Новосибирской (ГАНО), Оренбургской (ГАОО), Пермской (ГАПО, предоставлены М.Г. Ситниковым) и Ульяновской (ГАУО) областей, Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), архива библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (БФРЗ), архива департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по городу Алматы (АДКНБ РК по городу Алматы), Гуверовского архива войны, революции и мира, Бахметьевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры, а также частных архивов[58].

Использованные в работе источники можно разделить на следующие группы: 1) делопроизводственные документы (нормативная, протокольная, отчетная документация, деловая переписка), 2) документы личного происхождения (воспоминания, дневники, личная переписка), 3) материалы периодической печати. К первой группе относятся хранящиеся в РГВИА послужной список и аттестация Дутова, журналы военных действий, документация 1-го Оренбургского казачьего Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, в котором Дутов служил в годы Первой мировой войны, другие служебные документы Дутова. Кроме того, это приказы, инструкции, аналитические записки, следственные материалы, журналы военных действий, боевые расписания, кроки, карты и схемы боевых действий частей и соединений Оренбургского казачьего войска, Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий, а также соседних Отдельной Уральской и Западной армий, приказы Верховного Правителя и Верховного главнокомандующего и его начальника штаба, приказы по Оренбургскому военному округу, Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Отдельной Семиреченской армиям, а также делопроизводственные документы РККА из собраний РГВА и ГА РФ. К этой группе источников также можно отнести протоколы Войсковых Кругов и окружных съездов Оренбургского казачьего войска за период 1917–1919 гг., позволяющие выявить позицию казачества по основным военно-политическим и хозяйственным вопросам, воззвания, указы Войскового правительства, журналы заседаний Комуча, документацию Временного Сибирского и Временного Всероссийского правительств, Российского

правительства адмирала А.В. Колчака, публикации оперативных документов[59], показания атамана Б.В. Анненкова, касавшиеся прихода армии Дутова в Семиречье, и другие следственные документы (являющиеся, надо сказать, весьма специфическим и очень сложным источником), в том числе впервые вводимые в научный оборот документы следственного дела генерала А.С. Бакича и его соратников из Государственного архива Новосибирской области, а также материалы судебного процесса социалистов-революционеров[60]. Служебная переписка Дутова и его соратников по борьбе хранится в собраниях РГВА, ГА РФ и ГАОО. Прежде всего, это письма самого Дутова, а также письма, обращенные к нему. Особый интерес представляет переписка атамана с Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком (по своему характеру она может быть отнесена и к личной) и другими крупнейшими военно-политическими деятелями белого лагеря М.В. Алексеевым и А.И. Деникиным. Мной использованы многочисленные телеграммы и донесения оперативного характера различных частей и соединений Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Южной армий.

Документы личного происхождения, использованные мной, также достаточно обширны и разнообразны, поэтому охарактеризую лишь важнейшие из них. Одним из наиболее ценных и сложных источников является неопубликованный мемуарный свод по истории антибольшевистского движения на востоке России, написанный однокашником Дутова и его сослуживцем Генерального штаба генерал-майором С.А. Щепихиным[61]. Думаю, не будет ошибкой и по ценности и по объему приравнять труды Щепихина к знаменитым «Очеркам Русской Смуты» А.И. Деникина. В рамках рассматриваемой темы наиболее интересны следующие мемуарные очерки Щепихина: «Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом», «Под стягом Учредительного Собрания», «Сибирь при Колчаке» и «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака».

К сожалению, мемуары Щепихина, которые по праву должны быть основополагающим источником для историков Гражданской войны на востоке России, до сих пор практически не опубликованы и почти не привлекали внимания даже специалистов, что существенно обедняет и без того немногочисленные работы по данной теме. Отмечу, что знакомство со служебными документами Щепихина периода Гражданской войны позволяет считать его позднейшие мемуары весьма достоверным источником в отношении излагаемых фактов.

Особенно интересны и колоритны психологические портреты

и характеристики сослуживцев Щепихина, в изобилии встречающиеся на страницах его воспоминаний. При этом, разумеется, необходимо вносить некоторый поправочный коэффициент, поскольку оценочная часть мемуаров Щепихина крайне субъективна – генерал Щепихин во всех окружающих видел в основном только негативные черты, что позволяет судить о болезненном самолюбии автора.

Весьма ценным является неопубликованный военно-исторический очерк начальника штаба отдельной Оренбургской казачьей пластунской дивизии Генерального штаба полковника А.Ю. Лейбурга «Южная армия Восточного фронта в 1919 году»[62]. Работа Лейбурга, являясь мемуарно-исследовательской (такого рода исследования вообще были довольно широко распространены) по своему характеру, касается прежде всего военных вопросов. Автор критически оценивает деятельность Дутова на посту командующего Отдельной Оренбургской армией.

Личной можно назвать переписку Дутова с генералом А.С. Бакичем, относящуюся к периоду 1920–1921 гг.[63] Анализ обнаруженных мной писем Дутова позволяет сделать выводы о характере взаимоотношений между вождями Белого движения на востоке России, в письмах содержатся важные сведения о планах белых вождей, положении их отрядов после интернирования на территории Китая. Неопубликованные воспоминания и дневники оренбургских казачьих офицеров А.О. Приданникова и И.Е. Рогожкина отражают взгляды младшего офицерского состава на происходившие события[64]. Значительный интерес представляют опубликованные мемуарно-исследовательские работы помощника Дутова Генштаба генерал-майора И.Г. Акулинина, воспоминания военных и политических деятелей большевиков К.К. Байкалова (Некундэ), А.И. Верховского, Г.Д. Гая (Бжишкяна), П.А. Кобозева, Н.И. Кирюхина, П.П. Собенникова, М.Н. Тухачевского; башкирских политических и военных деятелей А.-З. Валидова (З.-В. Тогана) и М.Л. Муртазина, политика и ученого И.И. Серебренникова, потомка русских эмигрантов В.И. Петрова[65]. Взгляды социалистов-революционеров отражены в воспоминаниях участников антибольшевистского движения, вошедших в сборник «Гражданская война на Волге в 1918 г.»[66]. Значительный интерес вызывают воспоминания бывшего юнкера Ф.И. Елисеева о деятельности Дутова в Оренбургском казачьем училище[67]. Широко использовались в работе опубликованные воспоминания и дневники генералов В.Г. Болдырева, А.П. Будберга, К.Я. Гоппера, Д.В. Филатьева, Б.А. Штейфона, представителей младшего и среднего офицерского состава Н.Н. Голеевского, Н. Дутова, И. Еловского, Г.В. Енборисова, К. Носкова, С.Е. Хитуна,

военного врача Л. Головина и многих других участников событий[68].

Помимо документов личного происхождения при написании работы использовались материалы периодической печати. Особое значение для раскрытия темы представляет официальный орган оренбургского Войскового правительства газета «Оренбургский казачий вестник», выходившая последовательно в Оренбурге и Троицке в 1917–1919 гг. Материалы газеты содержат богатый фактический материал о событиях на Южном Урале периода революции и Гражданской войны, а также статьи и заметки аналитического, публицистического и мемуарного характера. Орган оренбургских меньшевиков, газета «Рабочее утро», также представляет значительный интерес, поскольку отражает взгляды оппозиции Дутову. Всего в работе использовано около 30 различных наименований газет, выходивших в основном в годы Гражданской войны на востоке России. К этой группе источников можно отнести также пропагандистские материалы и публицистику, в том числе статьи самого Дутова.

Одной из основных особенностей источниковой базы как по биографии Дутова, так и по истории антибольшевистского движения оренбургского казачества является ее плохая сохранность, разрозненность и фрагментарность. Отсутствие необходимых документов далеко не всегда позволяет перепроверить те или иные сведения и порой вынуждает полагаться на сохранившиеся источники. Публикации документов, касающихся Дутова, можно буквально пересчитать по пальцам (характеристики некоторых из них приведены в примечаниях к основному тексту). Крайне мало материалов сохранилось о деятельности Дутова до Гражданской войны. Период до 1917 г., помимо служебных документов, освещают в основном лишь официальная биография атамана и воспоминания его однокашника С.А. Щепихина. Если официальная биография представляет собой апологию деятельности Дутова, то воспоминания Щепихина, наоборот, содержат уничтожающую критику. Преодолеть дуализм этих двух источников практически не представляется возможным. Впрочем, о подавляющем большинстве полковых командиров Первой мировой войны мы можем знать только по их, как правило, крайне отрывочным и скупым служебным документам. В этой связи ситуация с документами Дутова не является исключительной.

Весьма противоречивы данные о выдвижении Дутова на политическую авансцену в начале 1917 г., почти нет достоверных сведений о той роли, которую будущий атаман должен был сыграть в выступлении Л.Г. Корнилова. В отношении дальнейшей

деятельности Дутова ситуация немногим лучше. По всей видимости, безвозвратно утрачен ценнейший личный архив Дутова, содержавший наиболее значимые для атамана бумаги, в том числе письма Колчака и всю служебную и личную переписку атамана за период Гражданской войны. Хотя часть писем и сохранилась в документах адресатов Дутова, а также в документах войска, тем не менее подобная утрата значительно осложняет изучение внутриполитического курса оренбургского атамана и его взаимоотношений с другими военно-политическими деятелями Белой России. Почти не сохранилось документов о деятельности Дутова осенью 1919 г. до его отъезда в армию, а также о пребывании атамана в начале 1920 г. на посту Главного начальника Семиреченского края.

В целом за годы Гражданской войны по разным причинам погибло или было утеряно огромное количество самых разнообразных документов, представляющих интерес для раскрытия темы. Некоторые материалы, например, из архива ФСБ или из зарубежных архивохранилищ остаются практически недоступными даже для специалистов. Основной массив сохранившихся до наших дней документов – это трофеи, захваченные частями РККА у белых при наступлении на Урале, в Средней Азии и в Сибири. Часть документов сохранилась в Русском заграничном историческом архиве в Праге и в 1946 г. была передана в Москву. Восполнить существующие пробелы автор попытался путем максимально широкого вовлечения в оборот всего, что уцелело до наших дней и представляет интерес в рамках данной темы. Подавляющее большинство документов вводится в научный оборот впервые.

Все даты до 1 (14) февраля 1918 г. приведены по старому стилю. Документы цитируются и публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок, разбивка цитируемых документов по абзацам не сохраняется. При подготовке этой книги автор задался целью создать исчерпывающий свод данных об оренбургском атамане и событиях, связанных с его деятельностью, поэтому хотел бы заранее извиниться перед читателями за порой достаточно обширные цитаты, приведение которых считаю необходимым для наиболее точного отражения фактов прошлого.

Выражаю особую благодарность моему учителю к. и. н. О.Р. Айрапетову, а также В.Б. Каширину и А.С. Кручинину, взявшим на себя труд ознакомиться с рукописью и высказавшим ценные замечания. Искренне благодарен за содействие И.В. Домнину,

А.В. Марыняку, П.Н. Стрелянову (Калабухову), к. и. н. В.Ж. Цветкову (Москва), к. и. н. В.Г. Семенову (Оренбург), М.Г. Ситникову (Пермь); сотрудникам архивов и библиотек, оказывавшим содействие в работе над книгой: Т.Ю. Бурмистровой, Ю.В. Киреевой, Д.П. Шергину (РГВИА), Е.В. Дорониной, В.Н. Кузеленкову (РГВА), С.В. Богданову (РГИА), Н.И. Абдулаевой, Л.И. Кулагиной, Д.А. Мальцеву, Л.И. Петрушевой, Л.А. Роговой, А.А. Федюхину (ГА РФ), Е.Н. Косцовой, Л.А. Савиной, Т.В. Судоргиной (ГАОО), В.А. Шокову (ЦДНИОО), С. Аносову (департамент Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по городу Алматы), Р. Булатоффу, К. Лиденхэм (Гуверовский архив войны, революции и мира), Т. Чеботареву (Бахметьевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры) и П. Полански (Библиотека им. Гамильтона Гавайского университета). Глубоко признателен историческому альманаху «Белая гвардия» (Москва), В.Г. Бешенцеву (Оренбургская обл.), к. и. н. Е.В. Волкову, И.В. Купцову (Челябинск) и к. и. н. В.Г. Семенову (Оренбург) за предоставленные для публикации фотоматериалы.

Автор обращается к потомкам участников антибольшевистского движения оренбургского казачества с просьбой в целях наиболее полного и достоверного восстановления исторических событий присылать копии сохранившихся документов (в том числе фотографии и рисунки) периода Гражданской войны и эмиграции. Автор с благодарностью примет любые дополнения и уточнения по тексту данной книги. Все материалы следует направлять на электронный адрес: andrey_ganin@mail.ru.

Глава 1
Рождение вождя

Оренбургское казачество в последней четверти XIX – начале XX в

Имя атамана Дутова неразрывно связано с казачеством и его многовековой историей. Видный представитель казачьей эмиграции, бывший председатель Донского правительства Н.М. Мельников писал в 1928 г.: «Казачество… Казаки… Не колеблюсь сказать: на мой слух – «это звучит гордо». Ведь это – те самые, которые из России большой сделали Россию Великую, расширив ее границы, присоединив к ней необъятные пространства Дона, Кубани, Терека, Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. И не только присоединили, но и колонизовали, удержали, вросли корнями, закрепили прочно и навсегда»[69]. И действительно, в истории дореволюционной России казаки сыграли выдающуюся роль, ведь отнюдь не случайно появилось выражение, что «границы России лежат на арчаке[70] казачьего седла».

Российское казачество формировалось по меньшей мере с XIV в. на окраинах русских земель в результате смешения славянских народов и остатков тюркских племен как вольная (не несшая тягла) группа людей. Но постепенно казаки переходили на службу Русскому государству, формируя служилое казачество. В XV–XVII вв. служилые казаки несли сторожевую и пограничную службу на южных и юго-восточных границах Руси, за что получали от правительства землю и жалованье. Другим источником пополнения казачества стало массовое бегство крестьян и посадских людей на незаселенные земли юга России в XV–XVII вв. Борьба казаков с кочевыми соседями и правительственными войсками привела к появлению казачьих военных общин. В XV – начале XVI в. возникли общины донских, волжских, днепровских, гребенских и яицких казаков. В первой половине XVI в. на Украине образовалась Запорожская Сечь, а во второй половине XVI в. – общины терских и сибирских казаков. Основными занятиями казаков были промыслы, скотоводство, земледелие, распространившееся с середины XVII в., и торговля; важными источниками существования были военная добыча и жалованье от государства. Казачество активно участвовало в освоении новых земель юга России, Сибири и Дальнего Востока.

В XVI–XVII вв. казачество пользовалось широкой автономией. Все важнейшие дела решались на общих сходах казаков (кругах, радах), во главе общин стояли выборные атаманы. Однако правительство постепенно ограничивало автономию казачьих областей, стремясь к полному подчинению казачества своей

власти. Этот процесс проходил непросто. В XVII–XVIII вв. казаки упорно отстаивали свою свободу и принимали активное участие в крестьянских войнах и восстаниях XVII–XVIII вв., выдвинув из своей среды таких руководителей, как С.Т. Разин, К.А. Булавин и Е.И. Пугачев. В начале XVIII в. казачьи общины были преобразованы в иррегулярные казачьи войска, а в 1723 г. ликвидирована выборность войсковых атаманов и старшин, которые теперь стали назначаться правительством. Во второй половине XVIII–XIX вв. был упразднен ряд казачьих войск и созданы новые – уже полностью подчиненные правительству (Оренбургское – в 1748 г., Астраханское – в 1750 г., Сибирское – в 1808 г., Кавказское линейное – в 1832 г. (разделено в 1860 г. вместе с Черноморским войском на Кубанское и Терское), Забайкальское – в 1851 г., Амурское – в 1858 г., Семиреченское – в 1867 г. и Уссурийское – в 1889 г.).

Положение казачества как замкнутого сословия было закреплено при Николае I. Казакам было запрещено вступать в браки с представителями неказачьего населения, воспрещен выход из войскового сословия. При этом казачество получило ряд привилегий: освобождение от подушной подати, рекрутской повинности, земского сбора, право беспошлинной торговли в пределах войсковой территории, особые права на пользование государственными землями и угодьями (ловлей рыбы, добычей соли и т. п.). Казачество участвовало во всех войнах, которые вела Россия в XVIII–XX вв. Особенно отличились казаки в Семилетней войне (1756–1763 гг.), Отечественной войне 1812 г., Кавказской (1817–1864 гг.), Крымской (1853–1856 гг.) и Русско-турецких войнах. В конце XIX – начале XX в. казаки также широко использовались властью для обеспечения государственной безопасности и правопорядка.

К началу XX в. в Российской империи существовало 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское), в 1917 г. из красноярских и иркутских казаков было образовано Енисейское казачье войско. Кроме того, в ведении Министерства внутренних дел находился Якутский казачий полк. К 1916 г. общая численность казачества превысила 4,4 миллиона человек, включая около 480 000 человек служилого состава. В конце XIX в. казаки составляли 2,3 % населения страны[71]. Все казачьи войска и области в военном и административном отношении с 1879 г. были подчинены Главному управлению казачьих войск, а с 1910 г. – Казачьему отделу Главного штаба. Атаманом всех казачьих войск с 1827 г. являлся наследник престола, во главе

каждого войска стоял Наказный (назначенный) атаман. Если в Донском войске должность атамана была самостоятельной, то в других казачьих войсках Наказный атаман являлся одновременно Генерал-губернатором или Командующим войсками округа. При атамане существовал Войсковой штаб, управлявший делами войска через атаманов отделов или округов. Станичные и хуторские атаманы избирались на сходах.

В основе экономики казачества лежала сложившаяся еще в XIX в. система казачьего землевладения. К концу XIX в. общая площадь казачьих земель составляла не менее 81 миллиона десятин, или 4,05 % всех земель Российской империи, в 1907 г. – около 50 миллионов десятин. В соответствии с «Положением о поземельном устройстве станиц казачьих войск» от 21 апреля 1869 г. казачьи земли были распределены между станицами в соответствии с численностью населения, причем земля выделялась равномерными паями в общинное пользование всех станичников старше 17 лет без права отчуждения, в собственность казачьим офицерам и чиновникам и в войсковой запас.

Казаки с 18 лет были обязаны нести военную службу, продолжавшуюся 20 лет (по Уставу о воинской повинности от 17 апреля 1875 г. для Донского войска, распространенному позже на другие войска): первые 3 года в приготовительном разряде, затем 12 лет в строевом (4 года на действительной службе (1-я очередь) и 8 лет на льготе (2-я и 3-я очереди) с периодическими лагерными сборами), 5 лет в запасе, после чего казаки зачислялись на 10 лет в ополчение. В 1909 г. срок службы был сокращен до 18 лет за счет сокращения приготовительного разряда до года. На военную службу казак обязан был являться со своим обмундированием и снаряжением.

Оренбургское казачье войско, к которому принадлежал Дутов, было расположено на обширной территории Оренбургской губернии (ныне Оренбургская область, часть Челябинской области и Башкортостана) с центром в Оренбурге. К началу XX в. войско занимало территорию общей площадью 7 448 304,8 десятины, или 71 503,7 квадратной версты (для сравнения – площадь Оренбургской губернии составляла примерно 170 000 квадратных верст). Войско выделялось среди других казачьих войск – было третьим по численности населения (556 443 человека в 1908 г.[72]) и площади территории и первым по уровню грамотности населения.

Условия для появления казаков на Южном Урале были созданы после покорения Казанского и Астраханского ханств, когда вольные волжские казаки под давлением

правительственных войск частью покорились и остались на месте, а частью перешли на службу царю и русским купцам и стали продвигаться далее на восток[73]. В зависимости от места поселения они получили свое название: самарские, уфимские, исетские, яицкие и сибирские казаки. Исетские казаки, продвигаясь вверх по реке Исеть и ее притоку реке Миасс, постепенно вклинивались между башкирскими и казахскими кочевниками, разъединяя их путем сооружения постов и укреплений. При содействии сибирских воевод на этой территории появились первые казачьи общины. Создание Оренбургского войска явилось следствием военной колонизации региона, предпринятой центральной властью. Путем этой колонизации правительство стремилось закрепить за Московским государством Поволжье, Приуралье и Урал и покончить с набегами кочевников. Колонизация была начата экспедицией под руководством обер-секретаря Правительствующего сената И.И. Кириллова в 1734 г.

В 1735 г. была построена крепость в устье реки Орь (позднее город Орск), а в 1742 г. – крепость в устье реки Сакмара (Оренбург)[74]. В 1730—1740-х гг. на Южном Урале в основном было завершено строительство Оренбургской оборонительной линии – мощной системы пограничных укреплений, включавшей в себя шесть оборонительных линий: Самарскую, Сакмарскую, Нижне– и Верхнеяицкую, Исетскую и Уйско-Тобольскую[75]. В 1744 г. был образован Оренбургский нерегулярный казачий корпус, который в 1748 г. по указу Военной коллегии Сената в целях обороны линии получил единое командование[76].Так началось создание Оренбургского казачьего войска. На линию были переселены уфимские, самарские, исетские и отчасти яицкие казаки, в связи с острой нехваткой людей для обороны границы в состав войска были включены малороссийские казаки и даже местные беглые крестьяне. В итоге было сформировано одно из крупнейших, как по площади территории, так и по численности населения, казачьих войск Российской империи. Оренбургские казаки принимали участие практически во всех вооруженных конфликтах России XIX в.: в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. (в составе четырех казачьих полков), в подавлении польского восстания 1830 г., в Русско-турецких 1828—1829-го и 1877–1878 гг. и Крымской войнах, а также в покорении Туркестана.

В первой половине XIX в. правительство предприняло ряд мер по укреплению войска и увеличению его численности. В войсковое сословие в массовом порядке было зачислено все население, проживавшее на войсковой территории, в войско

также переселялись солдаты и малолетки, государственные крестьяне других губерний, татары, башкиры и мещеряки (по собственному желанию)[77]. В состав войска, в котором числилось 42 000 казаков, вошло 25 000 крестьян, около 10 000 отставных солдат и 1700 калмыков Ставропольского калмыцкого войска[78].

Одной из особенностей войска была тесная взаимосвязь в нем военного и гражданского управления. Положение об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г. разделило войско на два военных округа, в каждый из которых было включено по пять полковых округов. Полки имели две очереди: для службы на линии и для внешней службы. Помимо десяти полков могли формироваться сводные казачьи полки. Число выставляемых частей должно было увеличиваться по мере роста численности казачьего населения. Во главе всей войсковой администрации стоял войсковой Наказный атаман, подчиненный командиру Отдельного Оренбургского корпуса как главному начальнику войска[79]. Атаман являлся оренбургским гражданским губернатором, обладавшим в военном отношении правами начальника дивизии, а командир Корпуса являлся оренбургским военным губернатором. При атамане существовал штаб (Войсковое дежурство) во главе с начальником штаба – штаб-офицером или генералом, не принадлежавшим к войску. Войсковое дежурство являлось прежде всего органом военного управления, но также ведало хозяйственными и судебными вопросами, в административно-хозяйственном отношении оно действовало через окружные дежурства. В целом войско было преобразовано в практически полностью изолированный от внешнего воздействия орган, а выход из казачьего сословия был запрещен. К началу 1853 г. на действительной службе состояло 4673 казака. В укреплениях Оренбургской пограничной линии, по данным на 1857 г., несли службу 4829 оренбургских и 955 уральских казаков, 1062 солдата и 248 артиллеристов[80]. И хотя в этот период линия уже утрачивала свое военное значение, кордонная стража с нее была снята лишь в 1871 г.

Важным звеном в процессе реформирования системы войскового управления стала эпоха Великих реформ. Пересмотр положений о казачьих войсках начался еще в конце 1850-х гг. В 1865 г. Оренбургское казачье войско было в административном, судебном и полицейском отношениях объединено с Оренбургской губернией, причем представители неказачьих сословий получили разрешение селиться на казачьих землях без причисления к казачеству[81]. Казаки составили часть губернского населения, что положило конец их обособленности. Должность Наказного атамана по традиции осталась объединенной с должностью

гражданского губернатора. При атамане был создан новый орган – Войсковое хозяйственное правление, регулировавший хозяйственную деятельность войска, взаимодействуя непосредственно со станичными правлениями[82]. Высшим органом военного управления войска был Войсковой штаб. С упразднением Отдельного Оренбургского корпуса создавался Оренбургский военный округ во главе с командующим. В 1866 г. территория войска была разделена на три округа.

В 1867 г. последовала новая реформа, облегчившая воинскую повинность оренбургских казаков. Служилый состав войска был ограничен постоянным числом казаков, в результате чего появилась недопустимая ранее категория неслужилых казаков – тех, кто вообще не состоял на действительной службе. Власти планировали из таких казаков создать слой крепких хозяев, обложить их особым налогом в пользу служилой категории, а также направлять их на поддержание хозяйств тех, кто ушел на действительную службу[83]. Нежизнеспособность подобного подхода выявилась в течение последующих нескольких лет, и уже в 1876 г. в войске был введен Устав о воинской повинности Донского казачьего войска от 29 апреля 1875 г., а также специально разработанное «Положение о военной службе казаков Оренбургского войска». Был сокращен общий срок службы казаков и срок отбывания ими действительной службы, казачьи части поставлены в одинаковые условия с регулярными войсками, отменена жеребьевка при их комплектовании, прекращено зачисление в разряд неслужилых казаков. По итогам реформ войско по-прежнему осталось замкнутым сословием, хотя с 1869 г. выход из казачьего сословия был разрешен. Казачье население приобрело те же права, что и представители других сословий, но, как и раньше, должно было нести воинскую повинность в существенно большем размере.

В результате принятых мер к началу 1870-х гг. общая численность оренбургского войскового казачьего сословия составила 252 928 душ обоего пола, и войско стало крупнейшим по численности казачьего населения. В него почти полностью вошли Верхнеуральский и Троицкий уезды, а также часть Оренбургского, Орского и Челябинского уездов Оренбургской губернии. К началу XX в. управление войском регулировалось Положением об управлении военными отделами Оренбургского казачьего войска, Высочайше утвержденным 24 января 1884 г., и Положением об общественном управлении станиц казачьих войск 1891 г.

Как уже говорилось, делами по военному и гражданскому устройству всех казачьих войск ведало Главное управление

казачьих войск. Казачьи офицеры из-за постоянной бюрократической волокиты в шутку называли этот орган «Главное затруднение казачьих войск»[84]. В 1910 г. функции управления были переданы Казачьему отделу Главного штаба. В военном отношении войско подчинялось командующему войсками Казанского военного округа. Непосредственно во главе войскового управления стоял Наказный атаман, должность которого совмещалась с должностью оренбургского губернатора. Атаман управлял войском по гражданской (административно-хозяйственной) части на правах губернатора через Войсковое хозяйственное правление, по военной части – на правах начальника дивизии через Войсковой штаб. В полицейском отношении население находилось в ведении общей губернской полиции. Войсковое хозяйственное правление включало общее присутствие и пять отделений: хозяйственное, поземельно-строительное, особое, межевое и лесное. В ведении Войскового хозяйственного правления находились все отрасли войскового хозяйства, а также непосредственное управление общими войсковыми капиталами. Особое отделение отвечало за общественное управление станиц. Не менее важным административным органом был Войсковой штаб, во главе которого стоял начальник в чине полковника или генерал-майора.

Следующим звеном войсковой административной системы являлись управления военных отделов и сами отделы: 1-й с центром в Оренбурге, 2-й с центром в Верхнеуральске и 3-й с центром в Троицке. Во главе каждого отдела стоял атаман в чине полковника или генерал-майора, непосредственно подчинявшийся Наказному атаману. Первый отдел был крупнейшим по числу станиц и численности казачьего населения, второй отдел превосходил остальные по территории, третий отдел – по общей численности как войскового, так и невойскового населения и по количеству населенных пунктов.

Атаман отдела должен был осуществлять военное управление, наблюдать за общественным управлением в станицах, в его ведении также было руководство станичными школами и общее управление станичными конно-плодовыми табунами. По военной части атаман отдела наблюдал за исправностью отбывания казаками воинской повинности, должен был следить за тем, чтобы все чины льготных частей, а также запасные состояли в установленной положением готовности к службе по всем предметам воинского снаряжения, а казаки старшего возраста приготовительного разряда приобретали бы необходимое для службы снаряжение в срок. Кроме того, атаман

отдела заведовал всем не находившимся на действительной службе служилым составом казаков отдела и наблюдал за тем, чтобы они не уклонялись от службы во время лагерных сборов. Атаман также руководил учебными занятиями казаков, занимался формированием сменных команд первоочередных частей, инспектировал льготные команды тех же частей по возвращении их в войско.

В военное время атаман отдела формировал при мобилизации льготные части, выставляемые отделом, инспектировал мобилизованные части по возвращении их в войско. Атаманы отделов осуществляли надзор за общественным управлением в станицах и имели полномочия увольнять станичных и поселковых должностных лиц, за исключением станичных атаманов и почетных судей, за проступки. За маловажные проступки атаманы отделов имели право подвергать виновных выговорам, замечаниям или денежному взысканию до 5 руб. и аресту до семи дней. Несмотря на наличие штата помощников, атаманы отделов не справлялись с возложенными на них обязанностями.

Территория каждого отдела подразделялась на два полковых округа, служившие территориальными районами комплектования льготных полков. В одном полковом округе к началу XX в. проживало по 32 000—36 000 душ мужского пола войскового сословия. Каждую осень атаманы отделов объезжали станицы, проверяя их военную, хозяйственную и общественную деятельность.

Станицы и поселки имели свое местное самоуправление. На станичном уровне оно включало: станичного атамана, станичный сбор, станичное правление и станичный суд. Станичный атаман избирался сроком на три года станичным сбором и утверждался в должности Наказным атаманом. Качественный состав станичных атаманов был стабильно высок, поскольку атаманами обычно избирались казачьи унтер-офицеры (вахмистры, урядники), являвшиеся, как правило, авторитетными и законопослушными людьми с опытом административной работы. Одним из основных показателей результативной работы станичных атаманов на благо своих одностаничников является значительный процент переизбраний атаманов на второй и последующие сроки – по данным на начало XX в., 46 % станичных атаманов избиралось на этот ключевой в жизни станицы пост несколько раз подряд. На станичного атамана возлагались обязанности объявлять станичному обществу и приводить в исполнение все распоряжения войскового начальства по вопросам отбывания казаками воинской повинности, наблюдать за исправным

снаряжением казаков служилого состава на службу, при мобилизации и при выходе казаков на службу в мирное время принимать в экстренных случаях необходимые меры при наличии казаков, не имеющих исправного снаряжения, и доносить о них атаману отдела.

Станичный атаман мог подвергать лиц, не пользовавшихся особыми правами по состоянию, за маловажные проступки денежному взысканию на сумму до 3 руб. или аресту (назначению на общественные работы) на срок до трех дней. Для лиц, подвергавшихся взысканиям неоднократно, сумма взыскания могла быть увеличена до 5 руб., а сроки ареста или общественных работ соответственно до пяти дней. Поскольку все станичные общества Оренбургского казачьего войска к началу XX в. имели не менее 300 дворов, на станичные сборы избирался представитель от каждых десяти дворов. Станичный сбор ведал общими станичными суммами и назначением сборов (денежных или натуральных) на станичные потребности; разверсткой земских и станичных повинностей между отдельными поселковыми обществами; определением на основании положения о военной службе платы с казаков, неспособных к службе, но способных к труду; назначением этой категории казаков на внутреннюю службу по войску; рассмотрением и утверждением проектов возрастных и очередных списков; определением казаков, нуждающихся для выхода на службу в пособиях или ссудах; избранием лиц на общественные станичные должности. Сбор созывался, как правило, один или два раза в месяц, а иногда и реже.

Станичное правление представляло собой орган, в состав которого входили: станичный атаман, его помощники, станичный казначей и доверенные. Станичное правление решало менее важные вопросы по сравнению со станичным сбором. Оно занималось ежемесячной поверкой станичных сумм, проверкой всего станичного имущества (не реже одного раза в год), ежегодным составлением сметы станичных доходов и расходов, составлением возрастных и очередных списков и организацией публичных торгов. Станичный суд рассматривал дела, связанные с маловажными проступками, и состоял из двух органов: суда станичных и суда почетных судей. Под юрисдикцию станичного суда подпадали гражданские дела на сумму до 100 руб., а уголовные – по мелким преступлениям[85]. Суд станичных судей действовал в каждой станице, в его состав ежегодно избирались от 4 до 12 человек. Суд почетных судей (3–6 человек) был один на две станицы. В его ведении были дела, уже рассмотренные первым судом, как правило жалобы на станичных судей, по

остальным делам потерпевшие должны были обращаться к земским начальникам или городским судьям.

Следующим уровнем войсковой администрации являлось управление поселка, состоявшее из поселкового атамана и поселкового сбора. Их функции в целом совпадали с функциями одноименных органов станичного уровня. Поселковый атаман избирался поселковым сбором на три года и утверждался в должности атаманом отдела. В поселке он являлся представителем местной правительственной власти, отвечал за сохранение порядка в поселке, общественные дела. Провинившихся лиц поселковый атаман мог подвергать денежному взысканию на сумму не свыше 1 руб. или аресту (общественным работам) на срок, не превышавший двух дней. Поселковый сбор составляли: атаман поселка и выборные казаки-домохозяева. Права участвовать в выборах и быть избранными не имели лица, не достигшие 25 лет, состоявшие под следствием или судом, отданные по решению суда под надзор общества, лица, судимые за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества и не оправданные, а также подвергшиеся более строгому наказанию (тюремному заключению и т. п.) и лишенные права участвовать в сборах. Вплоть до 1913 г. на территории Оренбургской губернии не было земства, но даже с его появлением войско было изъято из-под его юрисдикции, чтобы избежать разрушения традиционного казачьего уклада[86].

По свидетельству очевидца, оренбургские казаки «народ здоровый и крепкий; в обращении – довольно добродушный и приветливый, в сношениях с начальством – послушный и достаточно почтительный. Православное население отличается своей набожностью; в каждой избе, даже и у бедного хозяина, имеются несколько образов, а у зажиточных казаков образами увешана иногда целая стена в чистой комнате… Казаки, видимо, стараются развить любовь к военному делу у своих детей; в школах всех посещенных (инспекцией. – *А. Г.*) поселков для мальчиков заготовлено казачье обмундирование и шашки, которые они надевают при посещении церкви в праздничные дни, при приезде начальства и в некоторых других случаях; для встречи начальства от школы выставляется почетный караул и ординарцы, а в классах рапортуют дежурные школьники. Таким образом, подрастающее поколение приучается с малых лет смотреть на себя как на военных людей»[87].

К 1910 г. население войска достигло почти 600 000 человек – больше, чем в Амурском, Астраханском, Енисейском, Семиреченском, Сибирском, Уральском и Уссурийском казачьих

войсках, вместе взятых. По численности населения войско уступало лишь Донскому и Кубанскому, а по площади занимаемой территории – Донскому и Забайкальскому войскам. В 1914 г. плотность населения на территории войска составляла 8,8 человека на квадратную версту[88]. Для сравнения: в губерниях Европейской России, по данным на 1913 г., средняя плотность населения составляла 30 человек на квадратную версту. В войсковых пределах находилось шесть городов: Оренбург (губернский), Орск, Верхнеуральск, Троицк, Челябинск (уездные), Илецкая Защита (заштатный). Однако эти города, несмотря на нахождение в некоторых из них войсковых административных зданий, не принадлежали войску. К 1914 г. в войске было 58 станиц (25 в 1-м военном отделе, 17 – во 2-м и 16 – в 3-м), 441 поселок, 65 выселков и 553 хутора, причем некоторые станицы по числу жителей были крупнее многих городов того времени. Крупнейшей по численности населения являлась станица Челябинская (25 960 жителей)[89]. За сорок лет, с 1871-го по 1912 г., население войска возросло примерно в 2,3 раза, причем собственно казачье население только в 2 раза[90].

На увеличении численности казачества негативно сказалась предпринятая в *ходе* Русско-японской войны и первой русской революции мобилизация всего войска. В итоге в период 1904–1907 гг. прирост населения неуклонно падал с 5,3 % в 1904 г. до 5 % в 1906 г., и лишь в 1907 г., после демобилизации, этот показатель резко пошел вверх, составив 5,9 %[91]. Общая численность неказачьего населения в войске в начале XX в. была относительно невелика и составляла 18,1 % (данные на 1912 г.; для сравнения: в Донском казачьем войске в 1912 г. иногородние составляли 57,2 % населения, в Кубанском в 1917 г. – 58 %). При этом процент иногородних значительно различался по станицам. Например, в станице Оренбургской их численность достигала 51 %, а в станице Степной лишь 3 %. В поселках наблюдалась та же картина: в поселке Кочкарском станицы Кособродской 69 % иногородних, в поселках Павловском станицы Павловской и Гирьяльском станицы Гирьяльской – 2 % иногородних. Наибольшее количество иногородних проживало в 3-м (Троицком) военном отделе.

В этническом отношении казачье население не было единым: по данным 1902 г., доминировало русское население (87,6 %), остальные этносы (мордва, башкиры, калмыки), за исключением татар *(6,6 %)* и крещеных татар – нагайбаков (2,9 %), были представлены достаточно слабо (суммарно 2,9 %). В конфессиональном отношении, по данным на 1902 г., православные составляли 88 %, мусульмане – 7,4 %,

старообрядцы – 4,6 %[92]. К православным относились русские, нагайбаки, мордва и калмыки, к мусульманам – татары и башкиры. При этом среднестатистическая конфессиональная однородность отнюдь не означала полного доминирования православной веры во всех населенных пунктах войска. К примеру, 94,5 % жителей станицы Сакмарской придерживались старообрядчества, 20–30 % старообрядцев было в станицах Коельской, Челябинской и Рассыпной. 45 % жителей Ильинской станицы, 43,5 % жителей Татищевской станицы, 37 % жителей Пречистенской станицы были мусульманами. Несмотря на поликонфессиональный состав войска, оренбургские казаки отличались веротерпимостью.

По губернии русские составляли 73,2 % населения – даже больше, чем в Симбирской (68,2 %) и Саратовской (68,9 %) губерниях[93]. При этом встречались целые поселки, заселенные исключительно представителями того или иного из национальных меньшинств. К таким населенным пунктам в начале XX в. относились поселок Ахуновский Карагайской станицы и поселок Никольский Ильинской станицы, почти со 100 %-ным татарским населением. Татары старались держаться обособленно от русских, и, судя по всему, национальная принадлежность для них была более значимой, чем сословная. Они крайне неохотно носили казачью форму, пытаясь по возможности одевать халат и тюбетейку. При этом татары были, как правило, менее зажиточны по сравнению с русскими.

В значительно большей степени к русским тяготели нагайбаки, которые от них практически не отличались. Одним из немногих отличий было то, что эта этническая группа не соблюдала установленных церковных постов.

Затраты на снаряжение оренбургского казака на военную службу менее чем за полвека возросли примерно в 2,9 раза. Если в 1865 г. они составляли 71 руб. 9 коп., то в 1875 г. – уже 109 руб. 55 коп., а в 1900 г. – 204 руб. 2 коп.[94] Основными статьями расхода (свыше 64 % всей суммы) являлись (по мере убывания): покупка лошади, седла и мундира. Обострялись противоречия между военной службой казака и его хозяйственной деятельностью.

Деление земель на паи осуществлял станичный сбор, а затем нарезанные участки распределялись по жребию. Величина земельного надела, который получал каждый казак по достижении 17 лет, составляла по закону от 9 сентября 1867 г. 30 десятин удобной земли, причем в эту площадь входило не менее 6 десятин лугов[95]. В 1912 г. на одну душу мужского пола войскового сословия в Оренбургском казачьем войске

приходилось в среднем 23,5 десятины удобной земли, 2,3 десятины леса и 2,5 десятины неудобной земли, итого 28,4 десятины земли[96]. Казаки некоторых станиц особенно сильно нуждались в дополнительных наделах. Так, к 1900 г. в станицах Нижнеозерной, Воздвиженской, Татищевской и Гирьяльской на душу мужского пола приходилось от 11 до 14 десятин земли, причем размеры эти неуклонно сокращались[97]. По предварительным расчетам, к 1934 г. казаки должны были столкнуться с проблемой малоземелья[98]. Постепенно складывалась парадоксальная ситуация, когда казаки продолжали служить, как и раньше, несли те же и даже большие тяготы, но взамен не получали гарантированных им государством земельных наделов. Нарушался основополагающий принцип казачьей службы за землю, и в этих условиях казаки могли также начать отказываться от своих обязательств.

В 1892 г. в войске была введена переложная система землепользования. Широкое распространение получило трехполье (посев – сенокос – пастбище), каждые 3–6 лет производилось чередование полей. Таким образом, фактически казак мог использовать не более 3–9 десятин земли на душу в год. Основными зерновыми культурами в войске были: пшеница-кубанка, овес, реже просо и рожь (1-й военный отдел); пшеница-сибирка, овес, рожь и ячмень (2-й и 3-й военные отделы). Земледелие было особенно широко развито в 3-м военном отделе, где земли были наиболее плодородными, а близость Самаро-Златоустовской железной дороги позволяла быстро реализовывать сельхозпродукцию.

Важной статьей дохода казаков было скотоводство. В войске разводили главным образом лошадей, крупный рогатый скот, овец и свиней. Повсеместное распространение получило огородничество, а на территории 1-го военного отдела и в южных станицах других отделов было развито и бахчеводство. Основными культурами, которые выращивались в казачьих хозяйствах, были традиционные для Европейской России картофель, капуста, лук, редька, свекла, морковь, укроп, а также бахчевые – арбузы, дыни, тыквы. Помимо сельского хозяйства казаки занимались и побочными промыслами, такими как рыболовство или пчеловодство, но доходы от них были совершенно ничтожны. Развитию рыболовства на реке Урал препятствовал «учуг» (перегородка) на территории Уральского казачьего войска, отсекавший Оренбургское войско от каспийской рыбы осетровых пород (осетр, севрюга), в других реках водились куда менее ценные породы рыб: щука, карась, язь, окунь, жерех, голавль и т. д.

Широко развивалась торговля. В конце XIX в. ярмарки проводились практически в каждой станице войска[99]. Рынками сбыта сельхозпродукции традиционно являлись города. В связи с развитием сети железных дорог рынки сбыта продукции казачьих хозяйств существенно расширились, но в основном это была территория Оренбургской и соседних губерний. Основным препятствием развитию предпринимательства в казачьей среде было отсутствие денежных средств. Чтобы решить эту и другие проблемы, с 1908 г. в войске стали открываться кредитные товарищества, выдававшие ссуды на срок до пяти лет.

Казак к началу XX в. в силу разных причин не мог обеспечить собственное благосостояние ни сельским хозяйством, ни побочными промыслами, но в то же время в пользу государства должен был нести значительное число повинностей. Как писал штаб-офицер по особым поручениям при Наказном атамане Оренбургского казачьего войска Д.Е. Серов в начале XX в., «едва ли найдется в Империи другое какое сословие или община, которые были бы так обременены всевозможными повинностями и которые так мало получали бы за это, как оренбургский казак»[100]. Возможно, автор этого высказывания несколько преувеличил, но, тем не менее, повинностей было действительно немало. Все они подразделялись на натуральные (воинская, общие земские и станичные) и денежные (выплаты на ремонт дорог, на содержание земских лошадей, на содержание медико-статистического бюро, на содержание сельско-ветеринарной части, на содержание арестованных и на делопроизводство, на борьбу с вредными животными и насекомыми, на расходы выездных сессий уездных съездов).

В состав общих земских повинностей входили: дорожная, постойно-квартирная, арестантско-этапная, конвой для сопровождения почт, тушение лесных и степных пожаров. Станичные повинности включали: подводную повинность с летучей почтой, караульную повинность, содержание хлебных и сенных запасов, содержание случных пунктов и жеребцов для конно-плодовых табунов, содержание дорог, перевозов, паромов и т. д., истребление вредных животных и насекомых, содержание штатов станичных и поселковых правлений, устройство и ремонт общественных зданий, содержание пожарных обозов, содержание школ и приемных покоев. В пересчете на деньги все повинности требовали от казака годового расхода в 50–70 руб., что было крайне обременительно.

Тем не менее Д. Басов писал в 1907 г.: «Следуя Оренбургским казачьим войском, я наблюдал, что оно живет хорошо и богато, далеко зажиточнее сибирских казаков. Масса скота; у всех

сельскохозяйственные машины и орудия, во всей домашней обстановке видно широкое довольство. В хороших избах-домах та же симпатичная черта сибиряков – педантичная чистота и опрятность, чего нет и у здешних переселенцев. Станицы и поселки громадны: везде храмы, школы и больницы»[101]. Из этого можно сделать вывод, что, хотя снаряжение на военную службу и становилось все более обременительным для оренбургских казаков, а их экономическое положение ухудшалось, до обнищания войскового сословия было все же далеко.

Основной и наиболее тяжелой обязанностью оренбургского казачества являлась воинская повинность. К началу XX в. казаки уже не могли считаться теми природными воинами, какими они были раньше, во время их борьбы с кочевыми народами. Генерального штаба генерал-майор А.Ф. Редигер отмечал, что казаки, «конечно, уже не могут более являться на службу столь же готовыми воинами, как прежде. Но те природные качества, которые выработались в казачестве путем подбора людей с особым характером и наклонностями, а также и вековыми условиями быта казаков, не успели и еще не скоро успеют сгладиться; и по настоящее время казачьим войскам присущ воинский дух, поддерживаемый преданиями старины, особыми условиями отбывания воинской повинности, особым устройством их управления; казаки и ныне являются естественною конницею, так как размер войсковых земель пока еще позволяет населению заниматься обширным коневодством. Наличность этих двух условий: воинского духа и, так сказать, прирожденного искусства верховой езды – до настоящего времени делают казачьи войска незаменимым источником для формирования многочисленной конницы, по своей численности равняющейся совокупности всей кавалерии наших западных соседей и особенно способной к действиям, требующим от каждого всадника сметливости и сноровки: к партизанской войне, к сторожевой и разведывательной службе и т. п.»[102].

Казачья воинская повинность определялась к началу XX в. Уставом о воинской повинности Донского казачьего войска от 29 апреля 1875 г., впоследствии распространенным с некоторыми поправками на другие казачьи войска, а также Высочайше утвержденным 10 июля 1876 г. «Положением о военной службе казаков Оренбургского войска». На основании этих нормативных актов все мужское население войска подлежало воинской повинности без различия состояний. Не допускались денежный выкуп и замена добровольцем. Военный состав войска был разделен на служилый состав и войсковое ополчение. В служилый состав зачислялись все казаки, достигшие 18 лет к 1 января того

года, в который производилось зачисление. Исключение составляли лица, лишенные всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ. Зачисление производилось по особым возрастным спискам, составлявшимся в станицах. Войсковое начальство определяло число мобилизуемых в первоочередные части, разнарядка направлялась атаманам отделов и станиц, а в самих списках устанавливался предельный номер, казаки, указанные в списке ниже этого номера, зачислялись в льготные части. Казаки должны были являться на службу со своим снаряжением, вооружением (кроме огнестрельного оружия) и строевым конем.

В возрасте 18 лет казаки поступали в приготовительный разряд, в котором их готовили к службе в течение трех лет. Затем на протяжении двенадцати лет казаки должны были состоять в строевом разряде: первые четыре года казаки находились в частях первой очереди, следующие четыре года состояли в частях второй очереди (на льготе), т. е. жили в станицах, но должны были в исправности содержать строевого коня, обмундирование, вооружение и снаряжение и ежегодно собираться в лагеря, и последние четыре года казаки числились в частях третьей очереди, но могли уже не иметь строевых лошадей и лишь однажды должны были собираться в лагеря, однако по первому требованию к выходу на службу обязаны были завести строевого коня.

По достижении 33 лет казаки перечислялись на пять лет в запасной разряд, из состава которого пополнялась убыль строевых частей в военное время. После двадцатилетней службы казаки зачислялись в войсковое ополчение, где числились до тех пор, пока были в состоянии носить оружие. Особо учитывались десять младших возрастов войскового ополчения, в которые входили вполне еще крепкие мужчины от 38 до 48 лет. Войсковое ополчение подлежало мобилизации лишь при чрезвычайных обстоятельствах военного времени.

Оренбургское казачье войско к началу XX в. выставляло по штату мирного времени три шестисотенных и три четырехсотенных казачьих конных полка (всего – 30 сотен), две отдельные конные сотни, три шестиорудийные батареи (всего – 18 орудий) и три штаба льготных батарей двухорудийного состава, три пешие местные команды, на льготе состоял личный состав двенадцати шестисотенных конных полков и трех батарей, а также одной запасной батареи. В военное время войско обязано было выставить пятнадцать шестисотенных и три четырехсотенных конных полка (всего – 18 конных полков, или 102 сотни), две отдельные конные сотни, шесть шестиорудийных

и одну запасную четырехорудийную батарею (всего – 40 орудий), три пешие местные команды, шесть запасных конных сотен.

К 1 января 1896 г. при численности мужского населения войскового сословия в 178 230 человек штат строевых частей войска мирного времени составлял 225 офицеров и 6110 нижних чинов при 5707 строевых, артиллерийских и обозных лошадях[103]. В военное время войско должно было выставить 418 офицеров, 19 638 нижних чинов (т. е. всего 20 056 человек), 21 030 лошадей (в том числе 17 758 строевых, 842 артиллерийских и 2430 подъемных и вьючных), т. е. тотальная мобилизация всех трех очередей войска ставила под ружье только 11,2 % мужского казачьего населения. К началу XX в. на службе состояло около 1,8 % населения войска, что почти в два раза превышало принятый в Европе мирный состав армии в 1 % населения[104]. В военное время войско выставляло в 1,8 раза больше офицеров по сравнению с мирным временем, причем по штату военного времени офицеры составляли 2,08 % всех чинов. Штат нижних чинов в связи с мобилизацией возрастал в 3,2 раза, численность выставляемых войском лошадей – в 3,7 раза.

К 1 января 1896 г. в войске состояло 470 генералов, штаб– и обер-офицеров и 45 219 нижних чинов. Офицеры составляли 1,3 % от численности нижних чинов[105]. Нижние чины служилого состава, имевшиеся налицо (43 911 казаков), в процентном соотношении распределялись следующим образом: 20 % – приготовительный разряд, 57,5 % – строевой разряд и 22,5 % – запасной разряд. На действительной службе в строевых частях состояло 198 офицеров и 5377 нижних чинов, всего 3,1 % мужского казачьего населения (для сравнения: в Донском казачьем войске – 3,7 %, в Кубанском – 4,2 %, в Уральском – 4,4 %, в Семиреченском – 4,9 %, в Амурском – 5,1 %). Численность негодных к службе казаков (11 083 человека) составляла 20,1 % ко всем обязанным службой.

Как уже говорилось, войско было разделено на три военных отдела, каждый из которых, в свою очередь, делился на два полковых округа. Полковые округа являлись районами комплектования казачьих полков всех трех очередей. Из этого следует, что в каждом полковом округе формировалось три полка: один первоочередной и два льготных, следовательно, в каждом военном отделе формировалось шесть казачьих полков: два первоочередных и четыре льготных. На территории 1-го военного отдела формировались 2, 6, 7, 8, 13 и 14-й Оренбургские казачьи полки, на территории 2-го военного отдела – 1, 5, 9, 10, 15 и 16-й Оренбургские казачьи полки, на территории 3-го военного отдела – 3, 4, 11, 12, 17 и 18-й

Оренбургские казачьи полки. Первоочередные казачьи части дислоцировались в Казанском, Киевском, Варшавском, Туркестанском и Петербургском военных округах. К 1914 г. дислокация и подчиненность оренбургских казачьих частей первой очереди иллюстрируются данными, приведенными в таблице 1.

Таблица 1

Часть	Пункт дислокации	Подчинение
1-й Оренбургский казачий полк	Харьков, Харьковская губерния	2-я бригада 10-й кавалерийской дивизии X армейского корпуса
2-й Оренбургский казачий полк	Варшава, Варшавская губерния	2-я бригада 13-й кавалерийской дивизии XIV армейского корпуса

Часть	Пункт дислокации	Подчинение
3-й Оренбургский казачий полк	Волочиск, Подольская губерния	2-я бригада 12-й кавалерийской дивизии XII армейского корпуса
4-й Оренбургский казачий полк	Керки, Бухарское ханство	1-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
5-й Оренбургский казачий полк	Ташкент, Сырдарьинская область	2-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
6-й Оренбургский казачий полк	Новый Маргелан, Ферганская область	2-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
2-я (оренбургская) сотня Лейб-гвардии Сводно-казачьего Его Величества полка	Гатчина, Санкт-Петербургская губерния	3-я бригада 1-й гвардейской кавалерийской дивизии
Оренбургский казачий дивизион	Гельсингфорс, Нюландская губерния, Великое княжество Финляндское	XXII армейский корпус
1-я Оренбургская казачья отдельная сотня[1]	Оренбург, Оренбургская губерния	XXIV армейский корпус
2-я Оренбургская казачья отдельная сотня	Кустанай, Тургайская область (1-я полусотня — Иргиз, 2-я полусотня — Тургай)	XXIV армейский корпус
1-я Оренбургская казачья батарея	Бар, Подольская губерния	1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион 2-й Сводной казачьей дивизии XII армейского корпуса
2-я Оренбургская казачья батарея	Керки, Бухарское ханство	1-я Туркестанская казачья дивизия I Туркестанского корпуса
3-я Оренбургская казачья батарея	Бар, Подольская губерния	1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион 2-й Сводной казачьей дивизии XII армейского корпуса
Оренбургская местная команда	Оренбург, Оренбургская губерния	—
Верхнеуральская местная команда	Верхнеуральск, Оренбургская губерния	—
Троицкая местная команда	Троицк, Оренбургская губерния	—

[1] Сотня несла военно-полицейскую службу в Оренбурге, по линии Ташкентской железной дороги и на уральских заводах.

Казак почти полностью формировался в станичной атмосфере. В заслугу войсковой администрации можно поставить небывалое не только для казачества, но и для всей страны развитие системы народного образования и просвещения в войске. На территории войска к 1900 г. действовало 506 станичных и поселковых школ (156 мужских, 153 женских и 168

смешанных)[106], из которых восемь с курсом двуклассных, а остальные с курсом одноклассных сельских училищ. В 1-м военном отделе имелось 127 школ, во 2-м – 176 школ и в 3-м – 203 школы. На их содержание войско ежегодно расходовало свыше 160 000 руб. из общественных сумм и до 2500 руб. из войскового капитала.

В большинстве поселков было две школы – мужская и женская, поселков, не имевших школ вообще, в войске к началу XX в. не было. Именно в школах казаки проходили курс первоначальной строевой подготовки. Учеба длилась шесть месяцев – с октября по март, заканчиваясь перед началом посевной. Ежедневно казачата занимались не более шести часов. В школах преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, церковно-славянский язык, арифметика и чистописание[107]. Учебная нагрузка составляла 26 часов в неделю. Между прочим, посещение школ было обязательным для всех казачьих детей начиная с 8 лет. Именно эта мера вывела войско на первое место по уровню грамотности среди других. К началу XX в. до 70 % казаков и до 50 % казачек было грамотно, неграмотной была лишь часть стариков, служивших до 1871 г., а также дети до 7 лет. В 3-м военном отделе уже в 1902 г. существовала 99 %-ная, или всеобщая, грамотность[108]. На мой взгляд, это уникальный показатель для российской глубинки начала XX в.

Отличительными чертами казаков некогда считались набожность, монархизм, чинопочитание, любовь к войску, смелость, инициативность, простота в обращении, чувство товарищества. Но постепенно многие из этих черт становились достоянием истории, уходили в прошлое. На смену им в начале XX в., в основном в среде казачьей молодежи, пришли совершенно нехарактерные ранее явления: алкоголизм, приобретший массовый характер, упадок дисциплины, рост непонимания и проявление неуважения по отношению к старикам, апатия в отношении военной службы. Эти явления наблюдались тогда не только в Оренбургском войске, но и в других казачьих войсках. Расходы населения на водку в три раза превышали общественные расходы всего войска. Только, по официальным данным, в 1907 г. на душу населения всех сословий в войске приходилось 9,2 литра 40-градусной водки[109]. Но, как известно, значительная часть алкоголя производилась самими казаками в своих хозяйствах и не могла быть учтена, а кроме того, помимо водки потреблялись и другие спиртные напитки. Таким образом, реальные масштабы потребления спиртных напитков были гораздо большими.

Чрезмерное потребление алкоголя сказывалось на генофонде казаков. Пьянство породило среди казаков лень, отсутствие хозяйственности. Тяжелый домашний труд обычно поручался дешевым наемным работникам (например, казахам) или взваливался на плечи казачек[110]. Пьянство, недисциплинированность, неприятие авторитетов, безразличие к окружающему миру и замкнутость, особенно в среде казачьей молодежи, являлись формами социального протеста и, вероятно, были связаны с трудностями самореализации в условиях мирного времени. В качестве меры дисциплинарного наказания для казаков дурного поведения было откомандирование их на полевую службу на срок до четырех лет, если они состояли в строевом разряде. Отставных казаков выселяли на срок до четырех лет в отдаленные от постоянного места жительства станицы. Эти меры были установлены в 1886 г. как временные, но в 1891-м и 1895 гг. продлялись, за исключением права ссылки. В таком состоянии казачество вступило в XX век. Мощнейшим катализатором для выплескивания всего отрицательного, что накопилось в казачестве за предыдущие десятилетия, стал 1917 год.

Говоря о предпосылках революции и Гражданской войны в казачьих областях, нельзя не упомянуть об уже сформировавшейся к началу XX в. особой группе внутри казачества – станичной интеллигенции (например, фельдшеры, агрономы, учителя). Эта категория включала лиц интеллектуального труда, не отошедших в полной мере от образа жизни простых казаков, по долгу службы постоянно соприкасавшихся с ними и оказывавших, в силу своего положения, образованности, авторитета, личных качеств значительное влияние на станичную и поселковую атмосферу. Представители этой группы лиц могли не принадлежать к казачьему сословию, но именно они претендовали на неформальное лидерство в станицах. Как правило, это были лица, настроенные антиправительственно. Речь идет именно о сельской интеллигенции, поскольку, во-первых, большинство казаков жило вне городов, а во-вторых, в замкнутой станичной атмосфере влияние этой группы на сознание казачества было особенно сильным. В 1917 г. и позднее представители этой группы постепенно перешли к поддержке идей самораскачивания и своими идеями принесли огромный вред казачеству, фактически расколов его в период наиболее трудных испытаний. Именно представители казачьей интеллигенции сыграли важную роль в оппозиции режиму Дутова.

Род и семья Дутовых

Род Дутовых восходит к волжскому казачеству. Волга издревле была важнейшей водной артерией Восточной Европы и имела колоссальное значение в торговле Руси с Востоком. Именно этот фактор привлекал сюда любителей легкой наживы за чужой счет. Уже с XIV в. известны действовавшие здесь ушкуйники. Кроме того, в пограничном с Золотой Ордой Поволжье находили убежище беглые крестьяне из Северо-Восточной Руси. Таким образом, в этом регионе со Средневековья существовали условия для формирования казачества. В XVI в. на Волге одновременно сосуществовали как городовые казаки, находившиеся на службе у русского правительства, так и вольные «воровские» казаки, постепенно также переманивавшиеся на службу государственной властью. Именно ко второй категории относился знаменитый покоритель Сибири Ермак Тимофеевич[111].

Фамилию Дутов специалисты связывают со словом «дутый» – полный, толстый или надутый, сердитый[112]. Несомненна также ее связь со словом «дуться», соответствующее прозвище (Дутик, Дутка, Дутый и т. п.) «могли дать либо тому, кто дуется, дует губы, либо гордому, надменному человеку. Однако не исключено, что так могли прозвать толстого, полного человека – например, в говорах **дутыш**, **дутик** (здесь и далее выделено в тексте. – *А. Г.*) – «раздутая вещь, пузырь», а также «человек полный в лице или вообще плотный коротыш, толстячок» (ср. слова того же корня **одутловатый**, **раздутый**)»[113]. И если посмотреть на фотографии Александра Ильича, он действительно кажется таким, полным и надутым. По одной из легенд, атаман не допускал употребления своей фамилии в родительном падеже, ему слышалось, что говорят не про атамана Дутова, а про атамана дутого. Однако это только легенда. В XVI–XVII вв. было распространено прозвище Дутой (Дутый) и аналогичные ему. Документы того времени сохранили упоминания о винницком мещанине Иване Дутом (1552 г.), московском торговом человеке Петре Дутом (1566 г.), литовском мужике Ивашко по прозвищу Дутка (1648 г.), кроме того, по документам 1614 г. известен волжский казак Максим Дутая Нога[114]. И хотя Дутовы также вели свой род от волжских казаков, доказательств их родства с этим человеком пока не обнаружено.

О происхождении Дутова до сих пор было известно крайне мало. Основные и наиболее достоверные данные содержала его официальная биография, изданная в 1919 г. В ней отмечалось, что «Александр Ильич Дутов происходил из староказачьей семьи.

Род Дутовых до начала 19-го века жил в Самаре, так предки были волжские казаки, в частности принадлежащие к Самарскому казачьему войску. С уничтожением этого войска и лишением его земель, самарские казаки переселились в Оренбургское войско, и в числе переселенцев, не желавших выйти из казачества, был и прадед Дутова казак Степан. Дед Александра Ильича служил уже Оренбургскому войску и в чине Войскового Старшины закончил свое земное существование. Отец Атамана, Илья Петрович, отставной генерал-майор, здравствует и поныне и всю службу провел в рядах Оренбургского Войска, главным образом, в Туркестане, принимая участие в покорении Средней Азии и в войне с турками на Кавказе. Жизнь отца А.И. (здесь и далее так указываются инициалы Дутова. – *А. Г.*) была полна походов, скитаний и переездов, и вот на походе из Оренбурга в Фергану, в городе Казалинске, 6 августа 1879 г. родился у него сын Александр, ныне Войсковой Атаман»[115]. Эти сведения, изложенные для официальной биографии, по всей видимости, самим Дутовым, являются весьма отрывочными.

В собрании РГИА удалось обнаружить документы о дворянстве рода Дутовых, которые существенно расширяют имевшиеся до сих пор сведения. По обнаруженным мной данным, первым известным предком атамана следует считать самарского казака Якова Дутова, жившего во второй половине XVIII в.[116] Примерно в 1787–1788 гг. у него родился сын Степан, поступивший на военную службу в марте 1807 г. и дослужившийся впоследствии до чина урядника (1809 г.) и зауряд-хорунжего (1811 г.) Оренбургского казачьего войска. В его служебных документах *особо* отмечалось, что «в разных годах в линейной службе находился… Российской грамоте знает…»[117]. В июне 1811 г. в Самаре Степан женился на восемнадцатилетней дочери отставного казака[118] (по другим данным – на дочери капрала[119]) Анисье Яковлевне.

У Дутовых родилось три дочери: Мария (1814 г.), Аграфена (1817 г.) и Александра (1819 г.), а 27 декабря 1817 г. на свет появился сын Петр – дедушка атамана Дутова. Петр Степанович уже числился казаком станицы Оренбургской, той самой, к которой позднее будут приписаны его многочисленные потомки, в том числе и сам А.И. Дутов. Дед оренбургского атамана прошел все ступеньки казачьей иерархии, поступив на службу казаком из вольноопределяющихся в июне 1834 г. Уже на следующий год он получил должность писаря Войсковой канцелярии Оренбургского казачьего войска, а в марте 1836 г. был произведен в урядники. В 1841 г. П.С. Дутов повышен до старшего писаря Войскового правления, в 1847 г. уже в должности протоколиста. Наконец, в

1851 г. Дутов за выслугу лет был произведен в хорунжие и как выслуживший четырехлетний срок ранее Высочайшего манифеста от 11 июня 1845 г. (повысившего требования к получению потомственного дворянства с XIV до VIII класса Табели о рангах) получил права потомственного дворянства, значительно повысив как свой социальный статус, так и статус всех своих потомков[120], которым, впрочем, впоследствии все равно приходилось подтверждать свои права на принадлежность к дворянству. В 1854 г. он уже в чине сотника. Как чиновник, находившийся при войсках, П.С. Дутов был награжден бронзовой медалью в память Крымской войны 1853–1856 гг. на владимирской ленте[121]. Последующие десять лет (1855–1865 гг.) он прослужил экзекутором Войскового правления Оренбургского казачьего войска. Итогом его многолетней службы был чин войскового старшины, а последняя известная должность деда атамана Дутова – архивариус Войскового правления (1879 г.)[122]. Потомственная казачка Татьяна Алексеевна Ситникова подарила мужу четырех сыновей: Алексея (1843 г.), Павла (1848 г.), Илью (1851 г.) и Николая (1854 г.) и четырех дочерей: Екатерину (1852 г.), Анну (1857 г.), Татьяну (1859 г.) и Александру (1861 г.). Дутовы владели домом в станице Оренбургской – казачьем предместье города Оренбурга.

Старший сын Алексей, судя по всему, умер еще в юности. Двое других, Павел и Илья, пошли по стопам отца и отдали все свои силы служению родине и родному войску. Павел Петрович получил общее образование дома, а военное «приобрел на службе практически»[123]. Дядя будущего оренбургского атамана принял участие в кампаниях 1875-го и 1879 гг., однако в сражениях не участвовал и ранен не был. Впоследствии он выслужил чин полковника. Был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (1875 г.) и Св. Анны 3-й степени. Скончался в Оренбурге в 1916 г. от паралича[124].

Отец будущего казачьего вождя, Илья Петрович, по сравнению со своим старшим братом получил более солидное образование: окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду и Офицерскую кавалерийскую школу «успешно». Был настоящим боевым офицером эпохи туркестанских походов. С 1874-го по 1876 г. и в 1879 г. он находился в войсках Амударьинского отдела, где служба считалась за военный поход. В Государственном архиве Оренбургской области сохранились его записки о пути следования отряда от города Казалы до Петро-Александровского укрепления летом 1874 г.[125] Записки представляют собой очень подробное описание пройденного маршрута протяженностью в 595 верст.

Принимал он участие и в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на территории Азиатской Турции, причем непосредственно участвовал в штурме Карса. В 1880 г. находился в составе войск Саракамышского действующего отряда, а в 1892 г. – в составе Памирского отряда (казаки сотни Дутова принимали участие в схватке с афганцами на посту Яшиль-Куль[126]). В мае 1904 г. Дутов-старший получил в командование 5-й Оренбургский казачий полк, расквартированный в Ташкенте. В 1906 г. принял 4-й полк, стоявший в городе Керки Бухарского ханства, а в сентябре 1907 г. был произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией. За годы службы Илья Петрович был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, орденом Бухарской золотой звезды 2-й степени; серебряными медалями за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и в память царствования императора Александра III на Александровской ленте[127]. Кроме того, Илья Петрович имел земельный надел в Троицком уезде Оренбургской губернии[128]. За его женой был деревянный дом в Оренбурге и благоприобретенный земельный участок в 400 десятин[129].

Дожил Илья Петрович и до стремительного карьерного взлета своего старшего сына, ставшего Войсковым атаманом. Супругой Ильи Петровича и матерью будущего атамана была Елизавета Николаевна Ускова – дочь урядника, уроженка Оренбургской губернии. По некоторым данным, среди ее предков был комендант Новопетровского укрепления подполковник И.А. Усков, помогавший Т.Г. Шевченко в период пребывания последнего под арестом в укреплении. Это родство впоследствии предопределило интерес Дутова к оренбургскому периоду жизни Шевченко.

Сам Дутов был причислен к потомственному дворянству в конце апреля 1917 г.[130] – в петроградский период своей деятельности (по всей видимости, послефевральские реалии и демократическая риторика не помешали ему позаботиться об утверждении семьи в дворянском сословии). Добавлю, что начиная с отца и дяди оренбургского атамана Дутовы стали элитой оренбургского казачества, и неудивительно, что Александр Ильич впоследствии смог претендовать на пост Войскового атамана.

Молодые годы

5 августа 1879 г. во время ферганского похода в городе Казалинске Сырдарьинской области у есаула Дутова и его супруги родился первенец Александр – будущий оренбургский атаман. Крещен он был 15 августа в Казалинской Казанской церкви, о чем сделана запись в метрической книге церкви под № 43. В качестве восприемников при крещении младенца выступил дядя, сотник 1-го Оренбургского казачьего полка Николай Петрович Дутов, и жена войскового старшины Михаила Алексеевича Пискунова Евдокия Павловна[131]. Младший брат Дутова Николай, впоследствии секретарь Орской уездной земской управы[132], родился в 1883 г. Будущий атаман был приписан к станице Оренбургской. В семь лет он начал ходить в школу Летниковой, а затем для подготовки к кадетскому корпусу в школу Назаровой. В период обучения отца в Офицерской кавалерийской школе в 1888–1889 гг. Александр жил в Петербурге и учился в одной из школ столицы, а позднее посещал занятия в училище Жоравович в Оренбурге[133].

В 1889 г. Александр поступил на войсковую стипендию в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, где был в числе средних учеников. Однокашник Дутова по корпусу, училищу и академии Генерального штаба генерал-майор С.А. Щепихин впоследствии вспоминал: «Шурка» (так звали его ближайшие друзья), «дутик-карапузик», «каракатица», «тетка» – вот, кажется, все прозвища школьников, умеющих обычно метко и надолго припечатать каждому определенный штемпель. Видимо, у Александра Ильича не было особенно ярких черт, которые могли бы привлечь внимание товарищей детства. Так он и рос среди нас, не выделяясь из золотой середины ни учением, ни поведением. Среди своих оренбур[ж]цев (оренбургских казаков у нас в корпусе было от 15 до 25 % всего состава) он пользовался некоторым вниманием, так как все они знали, по рассказам родителей, его отца – лихого командира полка. В корпусе он пользовался достатком, так как отец мог баловать его карманными деньгами. Жадным не был, но не был особенно и щедр. Скорее это была скуповато-эгоистическая натура. Средние способности угнетали его: он сильно «зубрил», чтобы выбиться на поверхность, но это ему так и не удалось до конца. Физически он был вполне здоров, даже цветущ, но развития был очень слабого: гимнастика и танцы, а также и «фронт» (строевые занятия) были его слабым местом всегда. Он, видимо, сильно от этого страдал, но характера вытренировать себя не проявлял. В младших классах

был в достаточной мере слезлив и обстановка корпуса, особенно в первых классах, его явно угнетала. Много этому способствовала первая встреча, оказанная ему на первых же шагах: при виде пухлого, розово-ланитного, малоповоротливого малыша второклассники и «старички» (оставшиеся на второй год в 1-м классе) взяли его в оборот. Шлепали по щекам и другим мягким частям, тычки и щипки быстро вывели из равновесия новичка, и он заревел. Помню этот неистовый рев и удирание под защиту офицера-воспитателя. Долго он за эту жалобу носил кличку – «ябедник»! Ни ярких шалостей и проказ, ни примерного поведения – все обычно серое, не предвещало, что в будущем из него сконструируется «вождь»[134].

Автор этой характеристики в своих воспоминаниях стремился всячески очернить Дутова, что, на мой взгляд, связано с тем, что С.А. Щепихин в годы Гражданской войны не сумел достичь высот своего менее талантливого ровесника Дутова, получившего общероссийскую известность. Вместе с тем факты, приведенные Щепихиным, не должны вызывать сомнений, поскольку вряд ли являются вымышленными, он просто концентрирует свое внимание в основном на негативных чертах Дутова и отрицательных моментах его жизни, а кроме того, это практически единственное свидетельство о ранних годах Дутова. Вероятно, сам Дутов для своей официальной биографии сообщил несколько иные сведения, что его «кадетская жизнь была однообразна: ученье, праздничные отпуски к родным, так как родители почти все время жили в Туркестане. Только лето было праздником. Еще мальчиком А.И. горячо любил природу и свои родные степи. Целые дни проводил он в лугах и степи, участвуя в сельских работах со своими станичниками, или же бродил с ружьем по озерам и речкам, зачастую по неделям живя в лугах и закаляя себя в тяжелых переходах в жару и привыкая к скромному питанию и простым ночлегам у костра в степи. Любовь к природе и знакомство с трудовой жизнью казаков оказали для будущей работы Атамана большую помощь. Неприхотливая жизнь и постоянные лишения закалили здоровье А.И., и только этим можно объяснить ту кипучую энергию и бодрость, каковая присуща нашему Атаману на его посту. В холерную эпидемию 1891 года А.И. жил в поселке Ново-Черкасском, тогда Воздвиженской станицы, видел несовершенство врачебной помощи, и с детских лет запал этот существенный недостаток в душу Атамана, и ныне на своем посту он широко идет навстречу врачебному персоналу в деле санитарной помощи населению станиц. В кадетские годы А.И. прочитал всех русских классиков и особенно увлекался историей; страсть к чтению была

отличительной чертой Атамана. В короткие праздники А.И., приходя к родным, очень редко уходил из дома, предпочитая развлечениям книгу»[135]. Сложно сказать, насколько достоверны эти сведения и не выдавал ли сам атаман и его соратники желаемое за действительное.

В 1890-х гг. учебный план кадетского корпуса, в котором учился Дутов, включал такие предметы, как Закон Божий, русский язык и словесность, французский и немецкий языки, математику, начальные сведения из естественной истории, физику, космографию, географию, историю русскую и всеобщую, законоведение, чистописание и рисование[136].

Разумеется, Дутов, благодаря положению своего отца, имел самые благоприятные стартовые условия для службы, и в этом отношении можно утверждать, что талантливым самородком, как, например, Л.Г. Корнилов, он не являлся.

Глава 2
Начало пути

Училище. «Царская сотня»

По выпуске из корпуса в возрасте семнадцати лет Дутов был зачислен юнкером в казачью сотню Николаевского кавалерийского училища (1897 г.) и отправился в столицу. В училище без экзамена принимали выпускников кадетских корпусов и гражданских учебных заведений (на училищном жаргоне – «прибывших с вокзала») не моложе 16 лет. Обучение являлось платным. Казачья сотня Николаевского кавалерийского училища, неофициально именовавшаяся «царской сотней», была мечтой любого казака, стремившегося к офицерским погонам и блестящей карьере. Ведь Дутов вполне мог учиться и в казачьем юнкерском училище в Оренбурге, однако выбрал гораздо более престижный Петербург.

Вместе с Дутовым в училище прибыло 11 выпускников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, всего же в младший класс училища в 1897 г. было зачислено 136 человек, включая 114 выпускников кадетских корпусов, 5 юнкеров, остававшихся в младшем классе на второй год (получавших чин «майора» в неформальной училищной иерархии) и 22 человека со стороны. Небезынтересно, что 5 из 11 бывших неплюевцев, включая Дутова, были произведены в старшем классе в портупей-юнкера (всего в потоке было 43 портупей-юнкера, 36 из них поступили в училище из кадетских корпусов), лишь один из одиннадцати закончил училище по второму разряду, остальные – по первому (всего в потоке по первому разряду училище окончил 121 юнкер, по второму – 11 и по третьему – 1, кроме того, один юнкер был оставлен в старшем классе на второй год; для бывших выпускников кадетских корпусов – 106, 9 и 1 соответственно)[137].

Само училище, или «Славная Школа», как его еще называли выпускники, было открыто в 1823 г. и как раз в период обучения Дутова в 1898 г. торжественно отмечало свой 75-летний юбилей. Сотня при училище появилась лишь в 1890 г. и (с 1891 г.) была рассчитана на 120 юнкеров всех казачьих войск. Позднее к этому количеству прибавилось еще 15 стипендиатов-кубанцев. Плата за обучение в начале 1890-х гг. составляла 600 руб. в год, в связи с чем некоторые юнкера из бедных семей, не имевших возможности оплатить обучение, были вынуждены переводиться в другие училища.

В сотне имелось четыре взвода. Обучение вели казачьи офицеры. В период обучения Дутова юнкера носили форму своих казачьих войск. Сотня размещалась на третьем этаже здания училища. При Дутове сотней командовал полковник Н.Я. Дьяков

(командир сотни в 1891–1902 гг.)[138].

По воспоминаниям современников, юнкера сотни «были известны в Петербурге как исключительная строевая часть по своей лихости и удали»[139].Девизом училища была фраза «И были дружною семьею солдат, корнет и генерал!»[140]. При выпуске из училища юнкера-казаки выходили в части своих казачьих войск. Сотня, да и все училище в целом славились не только отличной строевой подготовкой, но и различными неформальными традициями, существовавшими в юнкерской среде. Традиции имели целью развитие лихости и, как тогда говорили, «отчетливости», а также любви юнкеров к прошлому[141].

Отличительной чертой учебного процесса в «Славной Школе» был знаменитый «Цук»[142] – не регламентированные уставом взаимоотношения между юнкерами старшего и младшего курсов, которые, однако, нравились младшим, поскольку приучали их к будущей офицерской службе и не унижали их[143]. Старшие юнкера не имели права с неуважением даже дотронуться до младших, не говоря уже о немыслимых в училище побоях. В случае драки все ее участники незамедлительно отчислялись от училища. То, что «цук» принимал уродливые формы, как утверждали советские авторы[144], совершенно не соответствует действительности. Один из выпускников училища впоследствии писал: «Цук, который, конечно, существовал в эскадроне, принес всем нам громадную пользу для будущей жизни в полках… выработал наш характер»[145]. Другой выпускник вспоминал, что «традиции Школы, цуканье и подтяжка не умалили силу нашей конницы, но, наоборот, они дали ей стойкость, дали дисциплинированных офицеров, связанных между собою неподдельной дружбой и спаянных воспоминаниями о славной старой школе»[146]. Кстати, «цук» существовал и в других кавалерийских училищах[147]. В казачьей сотне, тем не менее, существовали более доброжелательные отношения между старшими и младшими[148]. Как вспоминал великий князь Гавриил Константинович, «казаки жили отдельно, в своих бараках, и «цуканья» у них не было. Они вообще были серьезнее юнкеров эскадрона и лучше их учились»[149]. Есть еще одно свидетельство, правда относящееся к начальному периоду существования сотни, о том, что в сотне вовсе не было цука[150]. В то же время встречаются упоминания о некотором антагонизме между сотней и эскадроном[151].

Мало что понимавшая в подготовке офицеров петербургская интеллигенция к «цуку» относилась весьма неодобрительно[152], такие же настроения были распространены и в армейской среде (среди не кавалеристов), судя по всему, они передались части училищных офицеров. Как раз в год зачисления Дутова в училище

его новый начальник Генерального штаба генерал-майор П.А. Плеве предпринял неудачную попытку искоренения традиций[153]. Эта попытка встретила дружный отпор училищных офицеров и юнкеров. По воспоминаниям В.С. Трубецкого, «в Николаевском училище юнкера жили удивительно сплоченной кастой, и нравы там царили совсем особые. Дисциплина – адовая, а цук – из ряда вон выходящий, крепко вошедший в традицию. Говоря о традиции, я вообще должен сознаться, что другого такого учреждения, где сила традиции была бы столь велика, как в Николаевском училище, я нигде никогда не встречал… своим беспощадным цуком старшие закаливали младших, страшно дисциплинировали их, вырабатывали особую бравую выправку, по которой чуть не за версту всегда можно было узнать николаевца»[154].

Младшекурсники считались «сугубыми зверями», юнкера старшего курса казачьей сотни – «хорунжими», эскадрона – «корнетами». «Господа хорунжие» пытались привить своим младшим товарищам любовь к прошлому казачества и лихость. Основной традицией сотни был «ночной обход», во время которого происходило избрание старшим курсом группы наиболее авторитетных юнкеров – хранителей традиций из числа младшекурсников. Незадолго до выпуска юнкера старшего курса ночью выстраивались в сотенной спальне с шашками наголо и со свечами на их остриях и исполняли сотенную песню, после чего зачитывался приказ о назначении вместо выпускников новых «полковника», двух «войсковых старшин», двух «есаулов» и «хорунжего»[155] (по другой версии, «хорунжего» не было, а один из «есаулов» являлся еще и адъютантом сотни[156]), на которых возлагалось соблюдение традиций и разрешение всех споров в сотне. Во время этой церемонии зачитывались стихи[157]:

Серый день едва мерцает,
Скоро ночь пройдет,
Офицерство совершает
Свой ночной обход.

Впереди полковник бравый,
Вслед хорунжих ряд,
Жаждой удали и славы
Очи их горят.

Блещут шашки боевые,
Шпоры чуть звенят,
На погонах золотые

Звездочки горят.

Раздаются песни звуки
Храбрых казаков
Про великие заслуги
Дедов и отцов.

Про Азовское сиденье,
Вечную войну,
И Сибири покоренье,
И тоску в плену.

Запорожские походы
К туркам, полякам,
Покоренные народы
Храбрым казакам.

Мнится вольность удалая
В прежние века,
Сагайдачного, Нечая
Слава Ермака.

Слава вихря-атамана
И сквозь дым веков —
Бунты Разина Степана,
Бич бояр-купцов.

Русь! Гляди, какую силу
Казаки таят.
За Тебя сойти в могилу
Каждый будет рад.

Одно из наиболее ярких описаний поступления в училище оставил Е. Вадимов: «Нас – человек двадцать пять. Двадцать пять кадет одного и того же корпуса, которых ведет в военное училище последний раз сопровождающий своих питомцев кадетский офицер-воспитатель. Последний раз на наших плечах кадетские шинели и мундиры. Нас ведут к суровой юнкерской жизни. За спиною – семь лет крикливого, веселого, беспечного, самоуверенного кадетства… Впереди – строгая тайна знаменитой «гвардейской школы» и связанной с нею беспощадной кавалерийской тренировки в течение двух лет. Жутко и торжественно…»[158].

Поступив в училище, юнкера закреплялись за «дядьками» – старшекурсниками, как правило, из одного с младшими кадетского корпуса[159], которые обучали своих младших товарищей различным правилам и манерам. Один из куплетов училищной «звериады» (песни) описывал наставления старших[160]:

А вам, кадетам, гимназистам,
Забыть давно уже пора,
Что вы уж больше не мальчишки,
А Славной Школы юнкера.

Юнкера должны были все знать о приставленном к ним «дядьке» или «корнете» – в какой полк он собирался выйти, кто его возлюбленная и т. д. Кроме того, за юнкерами закреплялись лакеи, которые должны были следить за внешним видом своих подопечных. Старшие юнкера неформально поощряли манкирование «некавалерийскими» предметами, но в то же время требовали от младших самого серьезного изучения шашечных приемов, езды, джигитовки, вольтижировки[161], иппологии[162] и т. п. Существовали и другие неписаные правила. Между однокурсниками и в училище, и после его окончания было принято обращение исключительно на «ты». При входе в помещение кого-либо из юнкеров старшего курса младшие должны были встать по стойке «смирно» до тех пор, пока им не будет разрешено сесть, и т. д. Младшие не могли ходить по одной из лестниц училища, которая называлась «корнетской».

Важной составляющей «цука» были вопросы об униформе и дислокации всех кавалерийских полков. Младшим необходимо было знать все об этом вплоть до мелочей. Причем нередко после весьма трудных вопросов старшие спрашивали: «Какие подковы в 4-м эскадроне лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка?» Некоторые «звери» безуспешно пытались выяснить особенности подков лошадей именно этого эскадрона, спрашивали у старших и т. д. Правильным же был ответ: «Обычные». Излюбленным был также вопрос о том, что такое прогресс. Ответ на него явно высмеивал тот пиетет, с которым к этому слову относилась тогдашняя интеллигенция. Юнкеру следовало ответить, что «прогресс есть констатация эксибиция секулярных новаторов тенденции коминерации индивидуумов социал…»[163].

Существовала и другая сторона юнкерских традиций (впрочем, нехарактерная для сотни), способствовавшая формированию некоторого высокомерия и цинизма, отчасти присущих офицерам гвардейской кавалерии, в полки которой шло значительное количество выпускников училища[164]. Один из

юнкеров сотни писал о юнкерах эскадрона: «…для них… знание Лермонтовской «звериады» и манеж были выше научных знаний. Химия и механика признавались ими сугубо вредными науками, изучать которые позорно: за полученную хорошую отметку по сугубому предмету звали «мыловаром». Если же было необходимо исправить дурной балл, то рекомендовалось «приказами по курилке» держать книгу руками, одетыми в перчатки. Теми же приказами предлагалось после экзаменов сжигать учебники сугубых наук при торжественной обстановке, в каминах курительной комнаты. Чтением книг славные гвардейцы не увлекались. Несмотря на царивший в школе культ Лермонтова, музей его имени почти не посещался. Искусство интересовало их постольку, поскольку можно было встретить красивую наездницу или балерину в театре.

Идеология большинства заключалась в немногих словах:

Никаких карт – кроме игральных;

Никаких историй, кроме скандальных;

Никаких языков, кроме копченых;

Никаких тел, кроме женских.

Карты, истории, языки и тела, сходные с учебными предметами лишь по названию, кавалеристы находили в отдельных кабинетах ресторанов, где отдыхали душой от сурового училищного режима. Несмотря на запрещение посещения юнкерами ресторанов, в пирушках порой участвовали некоторые офицеры эскадрона…»[165].

Занятия в училище начинались с 8 часов утра и продолжались до полудня, после чего был перерыв на завтрак. Юнкера сотни и эскадрона посещали лекции совместно. Ежедневно проводилось 4 часа физических упражнений, 3 часа лекций и в течение 2 часов юнкера готовились к репетиционным экзаменам[166]. Навыки верховой езды укреплялись у юнкеров благодаря ежедневным занятиям в течение двух лет. Сначала юнкеров заставляли ездить «по-скифски», т. е. без седла, после чего ездить верхом было уже легче. Казаки начинали освоение лошади с езды без стремян на драгунских ленчиках[167], что было крайне мучительно, таким образом, переход на казачье седло воспринимался с облегчением. В числе основных требований была постоянная смена лошадей во избежание привыкания к какой-либо одной. В сотне два раза в неделю проходила джигитовка, способствовавшая выработке у юнкеров-казаков лихости. При подобных тренировках юнкера неизбежно получали массу травм, однако это не останавливало тех, кто действительно стремился служить в кавалерии. «Корнеты» часто заставляли «зверей» выполнять приседания, повороты кругом, что было

небесполезно для выработки правильной посадки в седле. В ходе упорных тренировок юнкера должны были заслужить свои первые кавалерийские шпоры.

Важной вехой в жизни каждого будущего офицера была присяга, после которой «цук» резко ослабевал. Текст присяги в период обучения Дутова был следующим: «Я, нижепоименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Господом перед святым его Евангелием и животворящим Крестом Господним в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, верно и нелицемерно служить! В заключение сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь»[168].

В день присяги юнкера получали свой первый городской отпуск, в который дозволялось идти в форме, и непременно посещали петербургский цирк Чинизелли. После присяги на быт юнкеров училищной традицией накладывались некоторые ограничения, связанные с изменением их статуса (формально юнкера считались нижними чинами). В частности, они уже не могли ездить в трамвае (впрочем, выходили из положения и ездили на подножках) или ходить пешком (чтобы не быть как пехота), а должны были брать извозчика и платить ему независимо от расстояния целковый, пешком можно было прогуливаться лишь от Дворцовой набережной до улицы Морской[169]. Два лета подряд юнкера участвовали в съемках местности, решении тактических задач и маневрах в районе Красного Села и Дудергофа, причем для старшего курса эти маневры оканчивались производством в офицеры в присутствии императора. Переводные экзамены на старший курс были не сложны, труднее были выпускные.

Чтобы стать портупей-юнкером, Дутову, прибывшему, как говорили на училищном жаргоне, из оренбургского «болота» (т. е. из кадетского корпуса), пришлось очень постараться и быть, используя тот же жаргон, «отчетливым сугубцем». 11 февраля 1899 г. на старшем курсе он был произведен в унтер-офицеры и в портупей-юнкера[170]. Очевидно, это далось ему нелегко. По свидетельству С.А. Щепихина, «здесь А.И. Дутов также на положении средняка (так в документе. – *А. Г.*), а по строю даже из числа отсталых. Но здесь ярче начинает выступать самолюбие и честолюбие. Говорили, что отец обещал его выпороть, если он не получит «лычки» (нашивки портупей-юнкера), и он их добился, несмотря на плохой строй. В училище он начал франтить (благо отец высылал деньги) и пустился в свет, но ни в дебошах, ни в выпивках участия заметного не принимал»[171]. При выпуске

юнкера в Красном Селе проезжали церемониальным маршем перед императором, после чего спешивались, получали от флигель-адъютантов типографские приказы о производстве, их ряды обходил император и благодарил за смотр. Вслед за этим юнкера садились верхом и неслись что есть мочи к баракам, где их уже ожидала новенькая офицерская форма. Спустя один-два дня в одном из лучших петербургских ресторанов проводился традиционный *обед* выпускников, после которого они разъезжались по своим полкам.

Училище Дутов окончил по первому разряду (это давало преимущество в старшинстве) в 1899 г., в своем выпуске был в первом десятке, Высочайшим приказом 9 августа 1899 г. он был произведен в хорунжие со старшинством с 8 августа 1898 г. и направлен в 1-й Оренбургский казачий полк под командованием полковника Н.В. Авдеева, стоявший в Харькове[172]. По существовавшим правилам за воспитание в училище он должен был прослужить три года на действительной службе. По некоторым данным, Дутов среди офицеров считался признанным стрелком из револьвера и даже несколько раз выигрывал атаманский приз[173]. К слову сказать, 1 мая 1900 г. на службу в этот же полк прибыл отец будущего атамана войсковой старшина И.П. Дутов (вместе с сыном он прослужил *более* года, до конца мая 1901 г.).

Прослужив на новом месте менее года, Дутов-младший в июне 1900 г. отправился в 3-ю саперную бригаду, стоявшую в Киеве, изучать телефонное дело. По возвращении в полк Дутова назначили заведующим конно-саперной командой, кроме того, он в 1900–1901 гг. выполнял ряд общественных обязанностей – являлся полковым библиотекарем, а также, по некоторым данным, членом офицерского заемного капитала (кассы взаимопомощи). В своей конно-саперной команде, как сообщает официальная биография, Дутов «довел обучение до совершенства, пользуясь любовью казаков и не применяя репрессивных мер и других тяжелых наказаний. Команда саперов была настолько хороша, что ее выводили на специальные смотры иностранных агентов как образцовую. До сих пор (*до* 1919 г. – *А. Г.*) у казаков этой команды бережно хранятся фотографии их молодого командира и вспоминаются с радостью эти дни службы (сведения эти получены от депутата Войскового Круга станицы Наследницкой, бывшего вахмистра этой команды Н.П. Иванова. – *А. Г.*)»[174]. Во время службы в Харькове Дутов в технологическом институте императора Александра III слушал лекции по электротехнике, которой он увлекался, своей специальностью он избрал телеграфное и телефонное дело, причем практические

навыки в этой области сохранил на всю жизнь и уже в годы Гражданской войны часто сам читал телеграфную ленту и работал на аппарате[175]. В 1901 г. он вновь был направлен в Киев для изучения саперного дела, причем вернулся в полк после курса обучения саперному делу с характеристикой «выдающийся»[176].

Чтобы не идти на льготу (3—4-летний обязательный перерыв в службе казачьего обер-офицера, вызванный необходимостью развертывания казачьих полков 2-й и 3-й очереди в случае войны), полагавшуюся в Оренбургском казачьем войске после трех лет строевой офицерской службы, Дутов решил перевестись в инженерные войска, где в строевой службе офицера не было таких перерывов, как в казачьих войсках. Вероятно, за счет этого он хотел быстрее выслужить следующий чин. На проблеме офицерской льготы имеет смысл остановиться *более* подробно[177]. Надо сказать, что вопрос о необходимости офицерской льготы в казачьих войсках вызывал в начале XX в. довольно серьезные разногласия на страницах центральной военной печати. Этот вопрос имел как военную (совершенствование подготовки казачьих офицеров), так и экономическую (необходимость повышения жалованья казачьих офицеров на льготе) подоплеку.

Офицерская льгота существовала для того, чтобы казачьи войска, которые в военное время в несколько раз увеличивали свою численность за счет призыва льготных казаков, имели подготовленный запас обер-офицеров. В Донском, Уральском и Оренбургском казачьих войсках офицеры числились в трех очередях строевых частей, постоянно переходя из очереди в очередь. В первоочередных частях они состояли, как правило, три года, а в льготных – в зависимости от полноты и соотношения штатного состава офицерских чинов в первоочередных частях мирного времени к комплекту офицеров военного времени[178].

В начале XX в. донские, уральские и оренбургские казачьи офицеры, как правило, состояли на льготе по 3–4 года. Уходя на льготу, офицеры лишались полного содержания, которое они получали лишь на службе в первоочередных частях. Вопрос стоял так остро, что казачьи офицеры даже стали чаще отдавать своих сыновей на учебу не в военные, а в гражданские учебные заведения, чтобы те избежали лишений на льготе. В будущем это грозило некомплектом офицеров казачьих войск[179].

Последовательным противником льготы выступал П.Н. Краснов. Он считал, что льгота мешала подготовке офицерских кадров, так как ко второму году своей службы офицер начинает думать о льготе, а не о службе. Льгота представлялась Краснову как безделье, за которое еще вдобавок платили жалованье[180]. Со

временем первой льготы у казачьего офицера, как правило, совпадал период возмужания и первой любви, который, по мнению Краснова, обычно на льготе заканчивался «довольно примитивным романом и таким же браком», а вскоре, с рождением детей, казачий офицер погружался в постоянные заботы о семье[181]. Денег не хватало, и офицер жил мечтой о скорейшем получении сотни в командование. С командованием сотней обычно связывалась надежда на прибавление жалованья на 30 руб. и, что особенно важно, на дополнительный доход в виде остатка от фуражных и иных финансовых операций. У офицерской льготы, как утверждал П.Н. Краснов, было две основных причины: а) необходимость развития у казаков культурного сельского хозяйства при помощи офицера-помещика; б) необходимость создания офицерского запаса для развертывания в случае необходимости второй и третьей очередей. Однако первая причина к началу XX в. уже утратила свою актуальность в связи с массовым разорением и обезземеливанием офицеров-дворян, которые на льготе просто прозябали на казенном пайке. В записке военному министру о наболевших казачьих вопросах, поданной в 1902 г., между прочим, говорилось и об уничтожении льготы обер-офицеров первоочередных казачьих полков[182].

В защиту офицерской льготы в качестве критика статьи П.Н. Краснова выступил оренбургский казачий офицер Л.Н. Доможиров[183]. Он считал, что льгота сближает казачьих офицеров с простыми казаками, казачьи офицеры, благодаря льготе, не так сильно тяготятся службой, которая носит, таким образом, разнообразный характер. В отношении ранних браков, о которых писал Краснов, Л.Н. Доможиров ссылался на отсутствие такой статистики и неясность вопроса, кто женится раньше – казачьи или армейские офицеры. Справедливыми, по мнению Доможирова, были устремления казачьих офицеров как можно скорее получить сотню. Дело в том, что чинопроизводство в казачьих войсках и в регулярной кавалерии шло по-разному и многие подъесаулы, отслужив 23 года, продолжали командовать взводами, тогда как в регулярной кавалерии офицер уже после 12–13 лет службы, как правило, получал эскадрон и чин ротмистра. Завершая свою статью, Л.Н. Доможиров заявил, что «приказ… об упразднении льготы будет смертным приговором казачеству: появится, может, тогда на Руси кавалерия из казаков, – но самих казаков не будет!»[184].

В ответной статье Краснов, обосновывая причину ее написания, отметил, что «не стал бы писать о статье г. Л.Н. Доможирова, если бы она не была написана талантливо. Талант,

как всякое хорошее орудие, часто бывает опасен…»[185]. В офицерской льготе Краснов усмотрел причину неудач казаков на полях Русско-японской войны. Выход Краснову виделся в повышении уровня образования казачьих офицеров и, вероятно, в их трудоустройстве на период льготы. Саму льготу он характеризовал как «ленивое прозябание в теплой избе, на полатях»[186] и утверждал, что казачий офицер ею материально раздавлен. Однако уже в 1911 г. в связи с прибавкой жалованья льготным офицерам экономическая составляющая вопроса об офицерской льготе утратила свою остроту[187].

Итак, в 1902 г. молодой способный офицер Дутов был командирован сначала в Киев для предварительного испытания при штабе 3-й саперной бригады на перевод в инженерные войска, а выдержав испытания, направлен в Санкт-Петербург для сдачи экзамена при Николаевском инженерном училище на право прикомандирования к инженерным войскам. Подготовка заняла четыре месяца, а затем, успешно сдав экзамен за весь курс училища (по свидетельству официальной биографии, – первым[188]), Дутов был отчислен в распоряжение Главного инженерного управления и командирован в 5-й саперный батальон (командир – полковник Н.П. Червинов – впоследствии генерал-майор, участник антибольшевистского движения на Востоке России) для испытания по службе и последующего перевода. Тем не менее, по утверждению С.А. Щепихина, «не будь случая, т. е. революции, вероятно, Ал[ександр] И[льич] так и тянул лямку сапера, так как мечтать об инженерной академии он, конечно, не мог: курс ее совершенно не соответствовал его математическим способностям!»[189]. Сложно сказать, насколько способным к учебе человеком был Дутов, но не думаю, что будет ошибкой определить его способности на уровне выше среднего.

5-й саперный батальон был расквартирован в киевских Никольских казармах на Московской улице. Прибыв в батальон 30 июня 1902 г., Дутов спустя три месяца, был назначен преподавателем саперной, а с 1903 г. – телеграфной школы. Помимо этой работы, он заведовал батальонной солдатской лавкой. 1 октября 1903 г. Дутов был произведен в чин поручика. С.А. Щепихин писал: «Из училища Дутов по протекции отца перешел в саперные части, где закрепилась у него дружба с семейством Сахаровых (тоже из гор[ода] Оренбурга), с одним из членов которого, нашим одноклассником Костей Сахаровым, он подружился, а затем и женился на сестре последнего»[190]. На мой взгляд, протекция И.П. Дутова вряд ли могла распространяться за пределы Оренбургского казачьего войска, так что к этому тезису Щепихина следует отнестись критически. Однако свидетельство

Щепихина о бракосочетании Дутова является достоверным. Действительно, Дутов в этот период женился на Ольге Викторовне Петровской, происходившей из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. По одной из характеристик, это была женщина «вежливая, скромная и в обращении простая. Небольшого росточка, темноглазая, темноволосая»[191]. Разумеется, «Костя Сахаров» – это будущий Генерального штаба генерал-лейтенант и главнокомандующий армиями Восточного фронта (4 ноября – 9 декабря 1919 г.) Константин Вячеславович Сахаров (1881–1941). В то же время очевидно, что Ольга Викторовна не могла приходиться ему родной сестрой, а являлась, предположительно, двоюродной.

В Академии Генерального штаба

Стремление к знаниям не оставило Дутова и на новом месте. Он, как и будущий вождь Белого движения на Юге России А.И. Деникин, понимал, что «для непривилегированного офицерства иначе как через узкие ворота «генерального штаба» выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно»[192], и принял решение поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. Чтобы попасть в академию, в начале XX в. офицеру необходимо было прослужить не менее трех лет в строю и принять участие как минимум в двух лагерных сборах[193].

Успешно сдав летом 1904 г. предварительные письменные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба при штабе Киевского военного округа (тактика, политическая история, география, русский язык, верховая езда), 25-летний Дутов вновь отправился в столицу, чтобы выдержать вступительные испытания непосредственно при академии – строевые уставы, артиллерия, фортификация, математика (арифметика, начальная алгебра, геометрия, прямолинейная тригонометрия), военная администрация, политическая история, география, топографическое черчение, русский и иностранный языки. На подготовку и сдачу вступительных экзаменов в академию у офицеров, как правило, уходил год напряженного труда[194]. Причем процент отсева поступающих, даже на этапе предварительных испытаний, был довольно велик. Тем не менее, по итогам экзамена Дутов был зачислен на младший курс академии.

Едва начав учиться в академии, он в ноябре 1904 г. возвращается в свой саперный батальон и в декабре едет в командировку в город Умань за лошадьми по конской повинности. Во время командировки он получает назначение на должность начальника кабельного отделения, в каковой находится до 11 сентября 1905 г. Единственным объяснением этих событий в жизни Дутова является то, что велась подготовка к отправке батальона на Дальний Восток, где уже почти год шла неудачная для России война с Японией. По имеющимся сведениям, будущий казачий вождь пошел на войну добровольцем. Его саперный батальон в составе 2-й Маньчжурской армии принял участие в Русско-японской войне на ее заключительном этапе. Поручик Дутов находился в Маньчжурии с 11 марта по 1 октября 1905 г., причем за «отлично-усердную службу и особые труды» во время боевых действий в

январе 1906 г. приказом по армии был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, награждение было утверждено императором лишь через год, в январе 1907 г.[195] Необходимо отметить, что пожалованный Дутову орден не имел мечей, то есть награждение состоялось не за отличие на поле боя. Скорее всего, Дутов отличился при строительстве укреплений или по хозяйственной части. К тому же его пребывание на театре военных действий пришлось на период после мукденских боев, когда крупномасштабные боевые действия на сухопутном театре уже практически не велись. Кроме того, он получил темно-бронзовую медаль в память Русско-японской войны. Такие медали выдавались лицам, не принимавшим участия в боях, но состоявшим на службе в действовавших армиях[196]. Портрет Дутова в 1909 г. был напечатан в фотоальбоме «Участники русско-японской войны»[197], куда, разумеется, попадали фотографии далеко не всех офицеров и нижних чинов. После войны Дутов возобновил учебу в академии. В период обучения Дутова во главе академии стояли Н.П. Михневич (1904–1907) и Д.Г. Щербачев (1907–1913).

Корпус офицеров Генерального штаба как особая замкнутая корпорация внутри русского офицерского корпуса окончательно оформился в 90-х гг. XIX в.[198] К началу XX в. престиж офицера Генерального штаба значительно возрос. Офицеры Генштаба, представляя элиту русской армии, были кандидатами на высшие командные и штабные должности. Поэтому строевые офицеры к генштабистам относились плохо и, завидуя их быстрому карьерному росту, придумали для них презрительную кличку – «момент»[199]. Генштабисты платили строевикам той же монетой и сами свысока смотрели на тех, кто не учился в Николаевской академии Генерального штаба, считая их неудачниками и людьми, несведущими в военной науке.

Взаимоотношения между самими офицерами Генштаба – сюжет для отдельного исследования. Здесь были свои противоречия, обусловленные различиями в происхождении офицеров, их принадлежностью к гвардейским или армейским частям. Вместе с тем в академические годы однокурсники образовывали своеобразные землячества и группировались по военным округам[200]. Многие офицеры после окончания академии поддерживали дружеские взаимоотношения и следили за продвижением своих бывших однокашников по службе. Более того, бывшим слушателям академии по характеру своей работы в военных округах приходилось находиться в постоянном контакте друг с другом, вращаться как бы в своем закрытом для посторонних сообществе. Порой именно конфликты внутри этого

сообщества или же служебные неудачи становились основной причиной перехода генштабистов на службу советской власти после 1917 г. Примерно в одно время с Дутовым в академии учились и, весьма вероятно, уже в академические годы были знакомы его будущие соратники по борьбе в годы Гражданской войны М.Г. Серов, И.М. Зайцев, Н.Т. Сукин и С.А. Щепихин.

Годы учебы были серьезным испытанием для слушателей академии, учебный курс которой был достаточно труден, а программа, по мнению многих выпускников, перегружена[201]. В чем-то такой подход являлся оправданным, ведь от полученных слушателями навыков зависели жизни людей и исход боевых действий. Основной курс обучения в академии был разделен на два годичных класса (младший и старший) и состоял как из теоретических, так и из практических занятий. Главными предметами являлись тактика, стратегия, военная администрация, военная история, военная статистика, геодезия, вспомогательными – русский язык, сведения по части артиллерийской и инженерной, политическая история, международное право, иностранные языки. Что касается иностранных языков, то изучение как минимум одного из них являлось обязательным, два других языка можно было изучать по желанию. Между слушателями академии существовала острая конкуренция, связанная с рейтинговой системой оценок при выпуске.

Отбор кандидатов в Генеральный штаб был многоступенчатым и практически исключал доступ туда случайных людей. Достаточно отметить, что в процессе обучения от академии в начале XX в. отчислялось не менее 40 % зачисленных в младший класс офицеров[202]. В то же время успех или неудача в академии много значили в карьере и жизни офицера, предопределяли всю дальнейшую службу офицера, круто меняли характер человека и его жизненные установки.

Обучение в академии одного офицера обходилось государству в 40 000 руб.[203] Оценки за сдачу предметов выставлялись по двенадцатибалльной шкале: «отлично» – 12 баллов, «весьма хорошо» – 10–12 баллов, «хорошо» – 8–9 баллов, «удовлетворительно» – 6–7 баллов, «посредственно» – 4–5 баллов, «слабо» – 1–3 балла. Летом слушатели участвовали в съемках и практических занятиях по тактике. Офицеры, получившие по окончании старшего класса в среднем не менее 10 баллов и не имевшие неудовлетворительных оценок, считались окончившими курс по первому разряду и зачислялись на дополнительный курс. Те, кто получил менее 10 баллов, считались окончившими академию по второму разряду и отчислялись в свои части. Такие

офицеры, «не попавшие в Генеральный штаб, быть может, благодаря только нехватке какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле, возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего»[204].

Дутов окончил два класса академии по первому разряду и дополнительный курс «успешно», но «без права на производство в следующий чин за окончание академии и на причисление к Генеральному штабу»[205], что выработало в нем настоящее чувство собственной неполноценности, которое он пытался преодолеть всю свою жизнь. О том, что его не оценили в академии, он впоследствии часто вспоминал и сильно переживал эту неудачу[206]. Однако неудовлетворенность своими достижениями, возникшая у Дутова после академии, до 1917 г. никак себя не проявляла. Но возможно, получив весной 1917 г. шанс реабилитироваться в собственных глазах и в глазах окружающих, Дутов ухватился за него и в полной мере этим шансом воспользовался. Его сокурсник С.А. Щепихин вспоминал, что однажды, в начале октября 1919 г., Дутов сказал ему: «Да, Сережа, вот тебе и Генеральный штаб. Меня не пожелали, выгнали, забраковали, а вот какие дела можно делать и без марки, штемпеля Генштабиста! И заметь, все около меня бывшие – Вагин, Зайцев, Махин[207] – все это второразрядники, не чистый Генеральный штаб!» Что я ему мог сказать?! Мне было неловко, что такой человек, такое имя и не имеет чутья и такта подавить, вытравить из своей души все прежние обиды»[208].

Конечно, академический балл спустя годы после окончания академии мог и не иметь большого значения для оценки способности его выпускников руководить войсками, так как не учитывал их практического опыта, накопленного в Первую мировую и Гражданскую войны. Но хочется верить, что назначение второразрядников на высшие посты в Оренбургском казачьем войске не стало целенаправленной политикой Дутова. Тем не менее, если верить Щепихину, можно сделать вывод, что для Дутова при назначениях на высшие должности личные предпочтения вполне могли быть важнее способности кандидата к работе по данной должности. Поражение антибольшевистского движения на Южном Урале в таком контексте выглядит еще трагичнее. С другой стороны, вполне допустимо предположить, что Дутов, исходя из собственного опыта, не придавал значения только формальным признакам (разряду окончания академии, причислению или непричислению к Генштабу), а, наоборот, назначал людей за их способности, деловые и личные качества. Это меняет ситуацию. Кстати, в связи с переходом академии

Генерального штаба к белым в 1918 г. Дутов телеграфировал в Челябинск: «Уверен, что академики своим опытом и знанием помогут Родине, армии вернуть былую славу»[209].

Тот же Щепихин не без сарказма вспоминал: «…в Академии Дутова я встретил уже отцом семейства. Жил он хорошо – были средства хорошие у жены (маленькое поместье), да и отец помогал. Занимался он усердно, и в доме все было к его услугам. Помню случай: как-то один из его малышей порвал готовое к подаче руководителю практических работ Академии кроки[210]. Вместо того чтобы засесть быстро за работу и восполнить к сроку пробел, Александр] Ильич (Дутов. – *А. Г.*) ушел на два дня из дома («пропал») и на сдачу работ не явился. За это время он обошел всех своих знакомых и тоскливо со слезами (плакал и мне (т. е. СА. Щепихину. – *А. Г.*) в жилет) сетовал на неудачную свою семейную жизнь! «Из-за семьи и академию не кончишь!» – роптал он. Его утешали, и кто-то дал совет – отдать начертать кроки другому. Как все кончилось, не помню, но слезы его запомнились и немало в свое время изумляли всех. Попал я с ним к одному руководителю по статистике. Задано было описание (стратегическое) района побережья возле Красной Горки. Вместо того чтобы приняться за отчетную работу, А[лександр] И[льич] начал обходить все старшие курсы академии и справляться, каковы требования у руководителя. Этот прием, между прочим, был довольно распространен: при полной независимости руководителей в требованиях, предъявляемых к слушателям, а также отсутствии в академии однообразных требований – указанный способ не был излишним, если только сведения могли быть основательны и объективны. Дутову кто-то сообщил за достоверное, что руководитель требует краткости и ясности. Сказано – сделано. При поверке – все работы подверглись критике. И дутовская работа заслужила за свою краткость одобрения. В то же время другому офицеру руководитель, не порицая его словоохотливости, сделал несколько якобы колких замечаний – «почему мало оттенены такие данные, как осенние морские туманы и их влияние на операции». Дутов сиял как блин, а в результате получил «семь», а другой офицер, о котором упомянуто, «11». Дутов до слез был взволнован. Зная, что отметки руководителей не подлежат критике, обжалованию и изменению, а также то, что его претензия ударит больно по его сотоварищу, Дутов все же подал жалобу, где указывал, что его работа была «похвалена», а работа другого критиковалась, высказал свою личную догадку – «не произошла ли путаница и ошибка в списке и что не ему ли в действительности присуждена отметка «11», а другому офицеру «7». Однокурсники, всегда живо реагирующие

на всякого рода трения, сразу отшатнулись от Ильича, что своим откровенным, но не обоснованным [заявлением] он не постеснялся «топить» своего товарища… Вскоре и от администрации Академии был получен ответ, что ошибка исключена и что руководитель подтвердил правильность дутовской семерки, но, конечно, без подробного объяснения причин. Так Дутов неосмотрительно погубил свою репутацию в нашей среде. Я потом не раз с ним беседовал по этому поводу. Он упрямо настаивал, что он был прав и что руководитель к нему «придрался». При каждом разговоре у него потело лицо и слезы явно выступали на глазах. «Ого! – подумал я. – Да ты честолюбец не в меру!» Окончить Академию Дутову благополучно не удалось – он попал под черту и в Генеральный штаб не попал. Два года он мобилизовал все свои связи и знакомства, чтобы попасть в Генеральный штаб, но так это ему и не удалось. Это был червь, точивший его все время… Даже когда я его встретил уже в зените славы, даже и тогда он не без горечи и яду сказал мне, что вот, слава богу, и без Академии он сумел выдвинуться… «Впрочем, не во мне первом Академия наша ошибается…» Намек на случай со Скобелевым (Белым Генералом)… Так сам себя высоко ценил тогда Дутов. Не с целью дискредитировать Атамана, а с целью лишь указать, что никаких задатков «вождя» у Дутова не было, хотя я его близко знал включительно до Академии»[211].

Характеристика Щепихина крайне субъективна, поэтому обращусь к более объективным данным об успеваемости Дутова в Академии. К сожалению, данные эти страдают неполнотой, так как в делопроизводстве Николаевской академии Генерального штаба сохранились лишь отдельные результаты его успеваемости.

Таблица 2

Успеваемость поручика 5-го саперного батальона А.И. Дутова в младшем классе академии (1905/06 учебный год)[212]

Предмет	Балл
Военная администрация	10
Тактика	10
Тактика (полевые занятия)	9
Общая история военного искусства	11
История военного искусства в России	9
Сведения по части артиллерийской	10
Сведения по части инженерной	12
Политическая история (русская, общая, средний балл)	9; 9; 9

Из таблицы видно, что высший балл А.И. Дутов получил за курс сведений по части инженерной, имел неплохие результаты по общей истории военного искусства, тактике, артиллерии и

военной администрации.

Таблица 3

Успеваемость штабс-капитана 5-го саперного батальона А.И. Дутова в старшем классе академии (1906/07 учебный год)[213]

Предмет	Балл
Военная администрация	11,5
Военная администрация (практические занятия)	11
Стратегия	12
Тактика (элементарная, прикладная, средний балл)	9; 11; 10
Тактика (практические занятия)	10,5
Военная статистика (русская, иностранная, средний балл)	10; 9; 9,5
Военная история (1870—71; 1877—78; средний балл)	10; 10; 10
Сведения по части инженерной	9
Фортификация (практические занятия)	10,5
Русский язык	-
Французский язык	9
Немецкий язык	9
Английский язык	9
Баллы за съемки (1-я, 2-я, средний балл). Полковник А.К. Баиов.	10,5; 11,5; 11

В старшем классе лучший балл Дутов имел по стратегии, чуть ниже был его результат по военной администрации. В период Гражданской войны Дутов подтвердил правильность академических оценок по этим дисциплинам, прославившись именно как талантливый администратор и стратег. С трудом давалась будущему атаману тактика, еще тяжелее иностранные языки и, как ни странно, инженерное дело, хотя до академии он выдержал экзамен при Николаевском инженерном училище и служил в инженерных войсках! В то же время среди приведенных результатов нет ни одного ниже оценки «хорошо», что свидетельствует о достаточно высоком уровне знаний молодого офицера.

31 мая 1907 г. у Дутова родилась дочь Ольга, восприемниками при крещении были Николаевской академии Генерального штаба поручик Константин Вячеславович Сахаров и жена есаула Александра Алексеевна Мельникова[214].

С 1869 г. для совершенствования практических навыков будущих генштабистов в академии был учрежден дополнительный курс продолжительностью шесть месяцев[215]. До 1897 г. к Генеральному штабу причисляли всех офицеров, окончивших дополнительный курс, и лишь позднее стали отбирать лучших. На дополнительном курсе слушатели самостоятельно разрабатывали три темы: по военной истории, по

военному искусству и по стратегии.

Таблица 4

Успеваемость штабс-капитана 5-го саперного батальона А.И. Дутова на дополнительном курсе академии (1907/08 учебный год)[216]

Оценки, полученные будущим атаманом по первой и третьей темам дополнительного курса, можно назвать провальными. Судя по всему, именно из-за этих результатов ворота Генерального штаба оказались для него закрытыми. Дутов явно не был в числе выдающихся слушателей академии, не способствовало этому наличие у него семьи и детей (по статистике, в начале XX в. лишь около 55 % казачьих офицеров и около 52 % обер-офицеров были женаты[217]), разумеется отвлекавшее его от учебы, однако можно предположить, что окончание академии дало ему достаточно широкий кругозор и, вероятно, способствовало тому, что впоследствии он оказался в числе ведущих политических деятелей России.

Предмет/экзаменатор	Балл
Доклад первой темы. 10 октября 1907 г. Полковник Н.А. Данилов, полковник П.Д. Комаров	8
Доклад второй темы. 27 ноября 1907 г. Генерал-майор Аметистов, подполковник А.А. Незнамов	10
Доклад третьей темы (отделы: военно-статистический; военно-административный; стратегический; общий средний балл). 26 апреля 1908 г. Генерал-майор Г.Г. Христиани, генерал-майор Л.В. Де Витт, полковник Н.Н. Янушкевич	8; 9; 9; 8,7

После неудачи

По окончании дополнительного курса академии выпускники распределялись по военным округам для прохождения штабного ценза, причем первые десять офицеров в выпуске имели право назначения на вакансии в Петербургском военном округе. За каждый год обучения полагалось прослужить полтора года в военном ведомстве. Для ознакомления со службой Генерального штаба штабс-капитан Дутов был направлен в Киевский военный округ, в штаб X армейского корпуса, расположенный в Харькове. После трехмесячной практики Дутов осенью 1908 г. вернулся в свой 5-й саперный батальон, где не был с 1905 г.

Между тем в его отсутствие в батальоне имели место довольно драматические события – в ноябре 1906 г. произошел бунт нижних чинов 3-й роты, впрочем достаточно быстро подавленный[218].

Прослужив в батальоне лишь четыре месяца, Дутов в начале 1909 г. выехал во «временную командировку» в свое родное Оренбургское казачье войско и занял должность преподавателя Оренбургского казачьего юнкерского училища.

Почему он так поступил, чем руководствовался при стремлении попасть на такую, вроде бы незначительную для выпускника академии должность?! Документальных свидетельств об этом нет. Но возможных причин несколько: во-первых, Оренбург являлся родным городом Дутова, где жили его родители и многочисленная родня, во-вторых, Дутов мог перевестись в училище, чтобы получить спокойное, тихое место и комфортно жить, посвятив себя семье, наконец, еще одна возможная причина – стремление Дутова реализовать свои навыки, полученные в академии и в инженерных войсках. Такой шаг характеризует Александра Ильича в этот период его жизни отнюдь не как карьериста.

Крайне сложно судить о внутреннем мире и переживаниях другого человека, который к тому же жил в уже навсегда ушедшую от нас эпоху, однако все же можно допустить, что в молодом и честолюбивом офицере после академической неудачи произошел какой-то внутренний перелом, в результате которого он осел в провинциальном Оренбурге и удалился, можно сказать, в частную жизнь.

Продлевая свою «временную командировку», Дутов в сентябре 1909 г. добился сначала перевода в училище помощником инспектора классов с переименованием в подъесаулы, а в марте 1910-го и зачисления в войско. К этому

времени Дутов уже был есаулом. С 1909-го по 1912 г. он прослужил в училище на разных должностях, временно исполнял должность инспектора классов, был даже ктитором (т. е. старостой или заведующим хозяйством) училищной церкви.

Училище, основанное в декабре 1867 г., в этот период считалось образцовым. В официальном отчете об осмотре училища летом 1909 г. сообщалось: «В Оренбургском казачьем юнкерском училище дело конного обучения поставлено правильно, и юнкера хорошо подготовлены в этом главном деле их будущей службы. Основной недостаток юнкеров – **отсутствие выправки и известного щегольства в приемах и движениях, которое должно отличать офицера от рядового казака** (подчеркнуто карандашом в тексте. – *А. Г.*). Причины этому те же, что и в Новочеркасском казачьем юнкерском училище: малая культурность класса, поставляющего юнкеров в училище, широкая учебная программа, отнимающая много сил и времени; в училище проходится английский язык, и, по отзывам начальника училища, с большим успехом. Если юнкера выигрывают в сравнении с юнкерами Новочеркасского училища, то исключительно благодаря энергии начальника Оренбургского училища и отчасти недурному составу офицеров…»[219]. В 1910 г. училище было приравнено в правах к военному и стало называться Оренбургским казачьим училищем. По штату в этом учебном заведении должно было обучаться 120 юнкеров, причем только 36 из них представляли Оренбургское войско, остальные были выходцами из других казачьих войск, за исключением Донского, имевшего свое училище в Новочеркасске. Срок обучения составлял три года[220].

Среди подопечных Дутова были портупей-юнкер Ф.И. Елисеев (окончил училище в 1913 г.), создавший позднее монументальный свод воспоминаний о кубанском казачестве периода Первой мировой и Гражданской войн, и юнкер Г.М. Семенов (окончил училище в 1911 г.), впоследствии атаман Забайкальского казачьего войска. Уже находясь в эмиграции, последний с ностальгией писал об училищных годах: «Постановка военного воспитания и образования в военных училищах старой Императорской России была настолько хороша, что, по справедливости, она может служить образчиком и на будущее время, когда Россия освободится от оков коминтерна и станет прежней благоденствующей страной, под сенью которой находили приют и благополучие все народы ее населяющие… Начальником Оренбургского казачьего училища в мое время был терский казак, Генерального штаба генерал-майор Слесарев[221]. По своему образованию, знанию и любви к порученному ему делу

это был выдающийся офицер, который пользовался большим уважением и любовью своих питомцев. Инспектором классов был ученый артиллерист, окончивший Михайловскую артиллерийскую академию, полковник Михайлов, а его помощником – войсковой старшина Дутов, впоследствии Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска и известный деятель Белого движения. Грозой юнкеров был преподаватель математики, артиллерийский подполковник и академик Дмитрий Владимирович Нарбут – строгий педагог, исключительных знаний и дарований. Командовал сотней юнкеров Терец, Войсковой старшина Бочаров. Он также окончил Академию Генерального штаба, и потому, помимо руководства чисто строевой подготовкой юнкеров, он вел также курс военной администрации. Тактику нам читал Генерального штаба подполковник [А.А.?] Веселаго, талантливый лектор и веселый в компании человек. Помимо внедрения в наши головы чисто научных истин он, при случае, руководил нашим светским образованием. Воспоминания об училище уносят в даль былого величия и благополучия нашей родины и вселяют уверенность в неизбежность ее возрождения»[222].

Ф.И. Елисеев также в годы эмиграции вспоминал о своем пребывании в училище и деятельности в нем Дутова:

«В течение моего трехлетнего пребывания в Оренбургском военном училище – он был помощником инспектора классов и преподавателем тактики, топографии и конно-саперного дела.

Среднего роста, со спокойным, слегка одутловатым лицом, как будто с примесью татаро-монгольской крови, с плавными движениями, чуть склонный к полноте, есаул самого обыкновенного внешнего вида, он совершенно не производил впечатления – ни «выдающегося», ни даже «строевого» казачьего офицера.

Молчалив, спокоен, скуп на слова – он был скромен, а как лектор краток и точен, словно математик.

При входе его в класс отчетливая юнкерская команда «Встать! Смирно!» будто смущала его. Мягко улыбнувшись и скромно поздоровавшись: «Здравствуйте, господа!», он немедленно приступал к своей лекции.

Он не любил многословия в ответах и всегда молча слушал юнкера.

Всегда одинаково ровный и неторопливый и с юнкерами, и с офицерами, и со своими начальниками, он подкупал нас этим, выявляя себя офицером авторитетным, независимым.

Он был бессменным ктитором училищной церкви, заботливым об этой святыне и таким скромным при отправлении

этих своих обязанностей, что мы – церковный хор юнкеров, подчиненный ему, – мало чувствовали в нем своего начальника, а скорее – старшего товарища.

Традиционные училищные вечера-балы, происходившие неизменно под его руководством, шли так же дружно и сердечно, без всякого применения воинской дисциплины, но словно «по-семейному», как это бывает у отца со своими взрослыми сыновьями.

И никогда и ни в чем у него не было ни повышенного тона, ни «цукания». А если что надо было серьезное – он терпеливо расскажет, покажет, переспросит непонимающего и повторит вновь.

Всякое его распоряжение – было свято для юнкеров.

В юнкерских лагерях он проходил с нами практический курс конно-саперного дела. Рвали пироксилиновыми шашками все то, что потребовалось бы на войне. И как мы восхищались, когда в реке, после взрыва фугасов, на поверхности воды появилась в большом количестве оглушенная рыба, плававшая на боку, и когда он с нами на лодке быстро бросался вперед и круто свесившись через борт, с неподдельным юношеским задором и веселием, хватал ее руками, весь заплескиваясь водой. Он тогда был среди нас самым обыкновенным человеком.

Летом, в трехнедельном походе по станицам Оренбургских казаков, его часто можно было встретить на улице запросто разговаривающим со стариками и казачками. И тогда «юнкерское отчетливое козыряние», видимо, стесняло его.

«Атаман Дутов умел хорошо говорить с казаками», – обмолвился о нем в своей книге «Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками» генерал Акулинин[223].

Всегда запросто одетый в обыкновенный офицерский китель и бриджи с голубыми войсковыми лампасами, он не производил впечатления «ученого офицера» и меньше всего будущего Казачьего вождя – Атамана! Такова натура всех скромных и благородных людей»[224].

Свидетельство Елисеева еще раз демонстрирует отсутствие в Дутове задатков будущего вождя и простоту его образа жизни в период службы в училище.

В этот, наверное, самый спокойный в жизни Дутова период у него родились еще две дочери: Надежда (12 сентября 1909 г.) и Мария (22 мая 1912 г.). Восприемниками Надежды стали подъесаул лейб-гвардии Сводно-казачьего полка Григорий Степанович Бунтов и жена есаула Оренбургского казачьего войска Лидия Павловна Доможирова (урожденная Дутова, кузина Александра Ильича[225]), Марии – состоящий на льготе подъесаул

Оренбургского казачьего войска Петр Николаевич Кручинин и жена состоящего на льготе есаула Оренбургского казачьего войска Александра Алексеевна Мельникова. Младшая дочь Елизавета также родилась в Оренбурге (восприемники – Генерального штаба капитан Николай Тимофеевич Сукин и жена войскового старшины Оренбургского казачьего войска Лидия Павловна Доможирова), но уже во время Первой мировой войны – 31 августа 1914 г.[226] У Дутова был и сын Олег, однако документы о его рождении мне неизвестны, можно лишь однозначно утверждать, что родился он в 1917–1918 гг.[227] Дутову, очевидно, нравилась именно такая спокойная, размеренная и предсказуемая жизнь провинциального офицера. Годовой доход будущего атамана на 10 января 1913 г. составлял: жалованье – 800 руб., столовые – 800 руб., квартирные – 320 руб. 25 коп. Всего – 1920 руб. 25 коп. (в среднем – 160 руб. в месяц)[228]. При стоимости пуда пшеничной муки в 2,5 руб., мешка картофеля в 1 руб., фунта мяса в 10–12 коп., бутылки водки в 30 коп., бутылки коньяка в 1,5 руб., пары ботинок в 5–8 руб., пары яловых сапог в 7 руб. подобный оклад позволял существовать достаточно свободно. Для сравнения: зарплата квалифицированного рабочего составляла в среднем 90 руб., служащего – 85,5 руб.

Своей деятельностью в училище Дутов заслужил любовь и уважение со стороны юнкеров, для которых он сделал очень много. Помимо образцового выполнения своих должностных обязанностей, Дутов организовывал для юнкеров спектакли, концерты и вечера. По свидетельству официальной биографии Дутова, «его лекции и сообщения всегда были интересны, а справедливое, всегда ровное отношение снискало большую любовь юнкеров. И ныне многие его ученики вспоминают с благодарностью наставления и советы А.И. В момент поступления А.И. в училище последнее принял К.М. Слесарев. Училище было запущено, особенно инвентарь, описи были в хаотическом беспорядке, учебное имущество и библиотека содержались отвратительно. Огромную помощь в учебном деле начальнику училища оказал А.И. Дутов. Бывшие юнкера рассказывали, что в первые годы принятия должности А.И., засучив рукава и одев фартук, сам перетирал, мыл, исправлял и подклеивал учебное имущество, до глубокой ночи засиживаясь в училище и приводя все в порядок. Любовь к порядку и аккуратности особенно сказалась на службе в училище. В первый же год имущество все было строго проверено, систематизировано, были составлены каталоги и описи. Работа А.И. в училище многократно оценивалась и отмечалась в приказах. За всю службу, по свидетельству сослуживцев, А.И. ни разу не опоздал на службу и

ни разу не ушел со службы ранее назначенного срока… А.И. всегда был устроителем всех спектаклей, концертов, вечеров, украшал и декорировал залы и комнаты, выказывая огромную изобретательность и тонкий вкус»[229].

За свои труды Дутов в декабре 1910 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, а 6 декабря 1912 г. в возрасте 33 лет произведен в войсковые старшины. Для сравнения: его отец получил тот же чин только в 47 лет[230]. Добавлю, что, по статистике 1892 г., средний возраст подполковников (армейский чин, соответствовавший чину войскового старшины в казачьих войсках) составлял 45 лет[231]. Таким образом, можно сделать вывод о достаточно успешном продвижении Дутова по службе.

В октябре 1912 г. для приобретения годового ценза командования сотней его командировали в 5-ю сотню 1-го Оренбургского казачьего полка, дислоцированного в Харькове, был ли у него выбор в этом вопросе – неизвестно, однако это цензовое командование и знакомство с графом Ф.А. Келлером впоследствии кардинально изменили жизнь Дутова. «В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к оному», – гласила стандартная формулировка из его послужного списка, составленного в Харькове 24 января 1913 г.[232]

В приказе по 10-й кавалерийской дивизии от 28 января 1913 г. ее начальник генерал-майор граф Ф.А. Келлер отметил, что, посетив 27 января казармы учебной команды, 5-й и 6-й сотен 1-го Оренбургского казачьего полка, «несмотря на то, что непосредственно перед моим приездом в названные сотни в них прибыли с железных дорог сменные команды молодых казаков с их лошадьми, я застал как казармы, так и конюшни совершенно готовыми к их принятию. Молодых казаков я застал уже за *обедом,* который был изготовлен раньше обыкновенного времени; в казармах для каждого молодого казака была уже приготовлена койка с набитым тюфячком, подушкой и одеялом; баня для мытья после дальней дороги была заказана; одним словом, полковым и сотенным начальством были приняты все меры для того, чтобы молодые казаки сразу почувствовали себя в родной, заботящей[ся] о них семье… ставлю такое отношение к важному воспитательному делу в пример всем полкам дивизии и надеюсь, что в будущем году я увижу такое же отношение к молодым солдатам, прибывающим в регулярные полки»[233]. В приказе объявлялась благодарность Дутову и другим офицерам полка. И надо сказать, что благодарность Келлера, слава которого гремела по всей русской коннице, значила немало.

В приказании № 15 по 10-й кавалерийской дивизии от 24 августа 1913 г. сообщалось, что во время учений «как пример отличной работы разведывательных частей необходимо указать на работу 5-й сотни 1-го Оренбургского казачьего полка под командой Войскового Старшины Д у т о в а (здесь и далее – разрядка документа. – *А. Г.*), которая была от красного отряда с задачей произвести разведку в районе р. Тетлеги – с. Заражное – с. Каменная Яруга. Войсковой Старшина Д у т о в, перейдя Донец вброд, не обнаруженный противником, произвел отличную и обстоятельную разведку всех частей неприятельского отряда. Трудную задачу по доставке донесений организовал настолько обдуманно и удачно, что все донесения, несмотря на то, что Донец был занят охранением противника, были своевременно доставлены начальнику отряда. Условия разведки были очень тяжелые, и поэтому отличные результаты могли быть получены только при самой тщательной продуманности всех действий и дружной работе…»[234]. За организацию разведки Дутов был вновь удостоен благодарности начальника дивизии. И наконец, в октябре – ноябре 1913 г. за разведку во время маневров Дутов, уже после того, как он сдал свою сотню и возвратился в Оренбург, получил благодарность командира X армейского корпуса (приказ войскам X армейского корпуса № 131 от 21 октября 1913 г.) и третью благодарность начальника дивизии графа Келлера (приказ по 10-й кавалерийской дивизии № 147 от 9 ноября 1913 г.). Известно, что 1-й Оренбургский казачий полк был любимым полком Келлера[235], и не исключено, что кратковременный период пребывания в полку Дутова послужил Келлеру очередным доказательством правильности своего выбора. Верным был и выбор самого Дутова, который за время пребывания в дивизии Келлера, самым серьезным образом готовившего свои части к предстоявшей войне, смог почерпнуть для себя как для кавалерийского офицера много полезного.

Об этом периоде жизни Дутова его официальная биография сообщала: «Командование было блестяще; казаки любили своего командира и, по отзыву казаков, рады были для него сделать все возможное… Память у Атамана феноменальная; и теперь (в 1919 г. – *А. Г.*), встречая своих бывших сослуживцев, А.И. всегда узнает их и называет по фамилиям. Окружающие Атамана лица поражаются его наблюдательностью и памятью. Казаки 5-й сотни 1-го Оренбургского казачьего полка до сих пор называют А.И. своим отцом-командиром; ни одного казака им не отдано под суд, но дисциплина и служба его сотни были образцовыми. Среди офицеров А.И. пользовался тоже большим уважением; всегда выбирали его в суд чести, в хозяйственно-распорядительный

комитет и другие выборно-почетные должности»[236]. В приказе по 1-му Оренбургскому казачьему полку № 292 от 19 октября 1913 г. отмечалось, что, «командуя сотней в течение года, Войсковой Старшина Д у т о в (здесь и далее – разрядка документа. – *А. Г.*) показал себя не как начинающий, а как настоящий командир сотни. Энергия, большая трудоспособность и выносливость, которые проявлял Войсковой Старшина Д у т о в в течение всего времени прикомандирования к полку, заставляют меня от лица службы благодарить этого Штаб-офицера и желать, чтобы в будущем он так же ревностно и заботливо относился к службе для несомненной пользы нашему дорогому военному делу»[237]. Приказ подписал командир полка полковник Л.П. Тимашев. По истечении срока командования Дутов сдал сотню (16 октября 1913 г.) и вернулся в училище, где прослужил *до* 1916 г.

В 1914–1915 гг. Дутов помимо военной службы состоял действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии, уже выпустившей к 1914 г. 30 томов своих научных трудов[238]. По данным В.М. Войнова, полученным, судя по всему, от старожилов (Войнов писал об этом со слова «рассказывают»), Дутов, будучи членом комиссии, собирал материалы о пребывании в Оренбурге А.С. Пушкина[239]. История для Дутова была одной из любимых наук. Дочь полковника Оренбургского казачьего войска П.Н. Корелина, А.П. Царицынцева, учившаяся в Оренбургском институте имени Николая I (Николаевский женский институт благородных девиц), вспоминала, что в 1918 г., уже будучи Войсковым атаманом, на уроках физики и истории в ее выпускном классе присутствовал Дутов. «Знакомился с преподаванием предметов, со степенью знания их учащимися. Это его любимые дисциплины. Метил нас направить в казачьи школы учителями-предметниками»[240]. В то же время членство в ученой архивной комиссии давало Дутову возможность неформальных контактов с элитой войска и губернии, поскольку попечителем комиссии являлся сам оренбургский губернатор и Наказный атаман Оренбургского казачьего войска[241], а кроме того, в комиссии состояли многие оренбургские чиновники.

Великая война

В годы Первой мировой войны казачьи войска поставили под ружье около 370 000 человек, служивших в составе 164 конных казачьих полков, 4 дивизионов, 30 пластунских батальонов, 64 батарей, 177 отдельных и особых сотен, 79 конвоев полусотенного состава, казачьих запасных частей. Свыше 120 000 казаков (практически каждый третий) были удостоены георгиевских наград. Около 45 000 казаков были убиты, ранены, пропали без вести[242].

С началом Первой мировой войны Оренбургское казачье училище перешло на четырехмесячный курс обучения и стало осуществлять ускоренный выпуск офицеров военного времени с чином прапорщика. Впрочем, это уже были далеко не те воспитанники, что в довоенное время. Это, в частности, видно из следующего эпизода. Летом 1915 г. Дутову и другим училищным офицерам пришлось участвовать в разбирательстве инцидента, произошедшего между двумя юнкерами. Дело состояло в том, что юнкера майского приема отрабатывали 13 августа в конном строю приемы владения холодным оружием, причем взводный портупей-юнкер 23-летний кубанец М.М. Каплин обозвал 18-летнего юнкера Н.В. Дмитренко «жидом», последний счел себя оскорбленным и слегка ударил обидчика шашкой плашмя по спине, тот недолго думая с силой ударил Дмитренко шашкой по лицу, однако Дмитренко правой рукой сумел закрыться, причем в результате порезал указательный палец, однако Каплину этого показалось мало, и он ударил Дмитренко кулаком по лицу. Однако только дракой дело не ограничивалось – Дмитренко затронул весьма болезненный в армейской среде вопрос финансовых взаимоотношений. По его заявлению, Каплин брал деньги в долг и не отдавал, бесплатно пользовался извозчиками за счет других юнкеров.

21 августа 1915 г. офицеры училища обсудили происшествие на заседании дисциплинарного комитета, велась стенограмма выступлений. Многие, заботясь о чести мундира и стремясь по армейской традиции поддержать старшего по званию, оправдывали действия портупей-юнкера. Говорили, что Каплин слишком требователен и это не нравится юнкерам, Дмитренко же плох по строю, слабовольный, недисциплинированный, к тому же клеветник, т. к. не имел доказательств непорядочности Каплина. В то же время звучали обвинения и в адрес портупей-юнкера, которого считали властным. В целом из десяти училищных офицеров лишь трое старших выступили за Дмитренко,

священник Вишневский считал необходимым наказать обоих одинаково, и начальник училища Генерального штаба генерал-майор К.М. Слесарев постановил арестовать Дмитренко и посадить на гауптвахту, а Каплина лишить звания портупей-юнкера и перевести в третий разряд по поведению, что автоматически лишало его офицерского чина прапорщика при выпуске и давало лишь чин урядника. Отмечалось, что в мирное время оба были бы отчислены от училища без права повторного зачисления.

Ответ войскового старшины Дутова контрастировал с общим фоном высказываний: «…старший был плохой, постоянные недоразумения с юнкерами; затем неаккуратный и беспорядочный. Никогда не берет сам книг или пособий, а всегда приводит с собой юнкера, который и несет все; изображал из себя Каплин уже офицера и большого барина. Нет никакой гарантии, что Каплин в будущем по отношению к казакам не будет так же внушать уважение к себе и кулаком поддерживать свой авторитет… Инцидент с извощиком (так в документе. – *А. Г.*) рисует прямо наглое направление характера. Чрезвычайно самовластный, деспотичный характер. Такому нельзя давать власть, тем *более* над своими товарищами-офицерами…»[243]. В то же время Дутов считал необходимым арестовать Дмитренко на пять суток после производства «дабы подчеркнуть его мальчишеское отношение к вопросам товарищеских отношений между будущими офицерами»[244]. Дутов, как представляется, рассудил справедливо. Его ответ, на мой взгляд, весьма показателен – будущий атаман, в отличие от своих коллег, не стал выгораживать старшего, а пытался решить дело по справедливости.

Несмотря на попытки училищного начальства оставить Дутова при училище, он в 1916 г. добился возможности пойти на фронт, отправившись 20 марта в уже знакомый 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк (шефство Наследника Цесаревича полк получил одновременно со 2-м Донским казачьим полком 21 января 1914 г.[245]). Как говорили, Дутов собрался в три дня и уехал к полку.

Обстоятельства отъезда Дутова на фронт и причину, по которой он в 1914–1915 гг. оставался в Оренбурге, описал в своих воспоминаниях Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генерального штаба генерал-лейтенант М.С. Тюлин. Он отметил, что в период его атаманства было много «хлопот и неприятностей в деле назначения сотенных, полковых и бригадных командиров. Интриги, ходатайства на местах и в центре [–] Петербурге, но я

не очень уступал и на некоторых примерах видел, что хорошо делал. Например, история с Дутовым, в революционное время так много нашумевшим и погибшим, но уже в роли Наказного атамана по выборам[246]. Он был помощник инспектора классов в Оренб[ургском] казачьем училище, окончил академию Генерального] Штаба по 2 разр[яду]. Начальн[ик] училища его хвалил, толь[ко] Войсковой штаб не пускал его на войну, оттого, что он кончил академию, у них у всех, выслужившихся из нижнего звания, какая-то вражда к людям своим, получившим образование. Он приехал меня просить о назначении в действующую] армию, я обещал, но сказал, что есть вакансия в 1 полку в див[изии] у гр[афа] Келлера[247], [–] человека, не берегущего людей, и у него колоссальные потери убитыми и ранеными, и он очень требователен. Дутов с удовольствием согласился, и я его назначил. Через несколько месяцев он приехал весь израненный лечиться и уже с Георгиевским] оружием[248], поправился и опять поехал. Через некоторое время получил Георг[иевский] крест[249], а командир полка, раненный, выбыл из действующей] армии. Гр[аф] Келлер пишет мне письмо и просит назначить Дутова командиром полка, значит, заслужил, да еще у такого требовательного начальника] дивизии. Затем он во время революции выдвинулся, и после Мальцева…[250] выбран был Дутов, который вел борьбу с красной армией и был убит»[251]. Тем не менее почему он не смог пойти на фронт в 1914–1915 гг. – все же не вполне ясно. Не исключено, что Дутов ожидал подходящей вакансии, но в любом случае такое поведение будущего Войскового атамана не свидетельствует в его пользу, на фронт он явно не рвался.

1-й Оренбургский казачий полк можно назвать одним из лучших полков Оренбургского казачьего войска периода Первой мировой войны. Уже к декабрю 1915 г. в полку было пять кавалеров ордена Св. Георгия 4-й степени, шесть кавалеров Георгиевского оружия, 609 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами, 131 человек удостоен Георгиевских медалей. К этому времени полк захватил 1200 пленных, 4 орудия, 15 патронных двуколок, около 200 ружей, 42 походные вьючные кухни, много повозок обоза и т. д. При осмотре полка 18 марта 1916 г. Походный атаман всех казачьих войск великий князь Борис Владимирович отметил, что «вид людей отличный; выправка молодцеватая. Одеты хорошо. Вооружены со времени действий под Перемышлем отлаженными австрийскими винтовками системы Манлихера и металлическими пиками. Лошади – киргизы – небольшие, но крепкие; тела и чистка в отличном состоянии»[252].

На момент прибытия Дутова в действующую армию полк сражался с австрийцами в составе 10-й кавалерийской дивизии III кавалерийского корпуса 9-й армии генерала от инфантерии П.А. Лечицкого. 29 марта полк лично приветствовал император Николай II, затем казаки получили отдых, а с 6 апреля несли охрану государственной границы по реке Прут[253].

Армия Лечицкого располагалась на левом фланге Юго-Западного фронта, левый фланг армии прикрывал III кавалерийский корпус генерал-лейтенанта графа Ф.А. Келлера, а левый фланг корпуса – 10-я кавалерийская дивизия, в состав которой входил полк Дутова. Таким образом, действовать Дутову пришлось на крайнем левом фланге всего Восточного фронта, возле самой румынской границы. 9-й армии при подготовке главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генералом от кавалерии А.А. Брусиловым наступления 1916 г. отводилась вспомогательная роль. Сам Лечицкий принял решение сначала разгромить противника в Буковине, после чего наступать в сторону Карпат и затем перенести удар в Заднестровье.

На фронте Дутов сформировал и с 3 апреля 1916 г. возглавил стрелковый дивизион 10-й кавалерийской дивизии. Что представляло собой и в связи с чем было создано это необычное формирование? Незадолго до прибытия Дутова на фронт приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерала от инфантерии М.В. Алексеева от 5 марта 1916 г. за № 296 было предписано: «Сформировать при каждом кавалерийском полку особый стрелковый (пеший) эскадрон согласно объявляемому при этом штату. В каждой кавалерийской дивизии означенные эскадроны свести в дивизионы (штат управления при этом объявляется), с придачей последним по одной пулеметной команде, вооруженной пулеметами системы Кольта. При управлениях дивизионов устанавливаются команды для связи… Снаряжение для нижних чинов стрелковых дивизионов и эскадронов устанавливается пехотного образца; винтовки – той же системы, что и в полках данной дивизии. Офицеры в стрелковые эскадроны назначаются из соответственных кавалерийских полков; командиры дивизионов, адъютанты и начальники команд для связи – из состава данной дивизии. Нижними чинами стрелковые эскадроны пополняются из числа: 1) строевых данного полка, временно не имеющих лошадей; 2) назначаемых из запасных кавалерийских полков и 3) недостающее число – из запасных баталионов фронта»[254]. В стрелковом эскадроне кавалерийского полка по штату полагалось 4 офицера, 236 строевых и 15 нестроевых нижних чинов, 11 обозных лошадей. Управление стрелкового

дивизиона кавалерийской дивизии по штату должно было включать 3 офицеров, 3 чиновников, 24 строевых и 22 нестроевых нижних чина (управление и команда связи), 11 верховых и 13 обозных лошадей.

Приказом № 617 от 9 мая того же года походная кухня таких подразделений могла быть пехотно-артиллерийского образца[255]. 7 декабря 1916 г. был издан еще один приказ, согласно которому при каждом кавалерийском полку предписывалось содержать уже не по одному, а по два стрелковых эскадрона, а стрелковые эскадроны кавалерийских дивизий свести в шестиэскадронные стрелковые полки. При всех казачьих дивизиях требовалось сформировать по одному трехсотенному стрелковому дивизиону, штаты оставались прежними. На формирование дивизионов обращались нижние чины пехоты переменного состава запасных частей соответствующих фронтов, офицеры из полков дивизии. Личный состав подобных формирований носил обмундирование пехотного образца, шифровки своей дивизии, имея на вооружении винтовки той же системы, что и в полках дивизии[256]. По всей видимости, создание стрелковых эскадронов явилось закономерным результатом невозможности широко использовать в условиях позиционной войны весьма многочисленную в русской армии конницу.

Вскоре после окончания формирования дивизион Дутова отличился в боях на реке Прут. Русским войскам на этом участке противостоял сильный II австро-венгерский корпус. На рассвете 22 мая 1916 г. 9-я армия перешла в наступление. В журнале военных действий 1-го Оренбургского казачьего полка отмечено, что переправа через Прут происходила 28 мая 1916 г. под сильным артиллерийским огнем. Казаки переправлялись через реку вброд, мосты были взорваны, причем на реке было сильное течение, а вода, по свидетельству участников переправы, в результате весеннего половодья была выше пояса (вероятно, переправлялись верхом)[257]. В ночном бою при переправе через Прут стрелковый дивизион Дутова взял линию окопов и удерживал ее в течение двух суток до смены, потеряв 50 % нижних чинов и 60 % офицерского состава. Будучи контуженным, войсковой старшина Дутов остался в строю и в цепи до конца боя и ушел после смены последним[258]. К сожалению, на первом этапе операции стратегической коннице Келлера была отведена лишь пассивная роль обеспечения левого фланга армии и фронта, что, по мнению русского военного историка А.А. Керсновского, было большой ошибкой[259]. Тем не менее операция развивалась успешно. Потери противника достигали 60 000 человек убитыми, ранеными и пленными. 9-я армия потеряла до 30 000 человек.

После занятия 5 июня Черновиц ударная группа армии была остановлена на линии реки Прут для перемены операционного направления, а для преследования отступавшего противника (южная группа 7-й австро-венгерской армии генерала К. фон Пфланцер-Балтина) были выделены III кавалерийский и Сводный корпуса. В результате запоздалого подключения III корпуса к активным действиям австрийцы не были отрезаны от Карпат, а лишь оттеснены к ним и заняли упорную оборону.

Дивизион Дутова в составе III кавалерийского корпуса принял участие в преследовании австрийцев от Черновиц через Буковину до карпатских горных проходов у Кирлибаба – Дорна-Ватра. Как отмечалось 24 июля 1916 г. в журнале военных действий 1-го Оренбургского казачьего полка, «условия на позиции очень трудные – на высотах снег, холод, сильный пронизывающий ветер, людям очень трудно»[260]. Пеший дивизион практически не отставал от конного 1-го Оренбургского казачьего полка, пройдя, по сведениям из официальной биографии Дутова, с боями пешком 450 верст в течение 10 дней без дневок[261], что, впрочем, представляется маловероятным. Дивизион был организован Дутовым с нуля и постепенно обзавелся своими обозами и мастерскими. Донесения Дутова отличались лаконичностью: «Приказ Ваш исполнен деревня (Ней-Ицкани в Карпатах. – *А. Г.*), благодаря доблести стрелков, взята; иду дальше на высоту 1227». Другое донесение при атаке укрепленной позиции у Рункуль не менее кратко и красноречиво: «Преодолев семь рядов проволоки и взяв четыре линии окопов, стрелки и казаки вверенного мне участка преследуют противника на Кирлибабу. 250 пленных и трофеи представляю. Потери незначительны. Сейчас с цепью нахожусь у высоты «Обчина»[262].

В ходе дальнейшего наступления наших войск 130-тысячная 7-я австро-венгерская армия в междуречье Днестра и Прута была разгромлена. 9-я русская армия угрожала Венгрии и нефтяным скважинам Галиции. В июле армия Лечицкого действовала в двух направлениях: на Галич и в Трансильванию, причем левый (карпатский) фланг, на котором сражался Дутов, в ходе боев был достаточно ослаблен. Особенностью боевых действий на фронте армии была их маневренность, имели место конные столкновения, однако умело использовать конницу командование не смогло. Очевидно, что конница не была предназначена для горной войны, тем не менее другого применения для корпуса Келлера в тот период почему-то не нашлось. Против Келлера действовал XI австрийский корпус. 28 июля войска Лечицкого заняли Станиславов. Армия готовилась к походу через Карпаты в Трансильванию. В 21 час 14 августа в войну против Австро-

Венгрии на стороне Антанты, во многом благодаря блестящим действиям Лечицкого, вступила Румыния, что, однако, не привело к усилению русского фронта, а скорее, наоборот, ослабило его[263].

Наступление 9-й армии для содействия румынам было назначено Брусиловым на 18 августа. Армия Лечицкого должна была наступать в направлении на Кирлибаба – Сигот, причем закрепление за русскими войсками района Сигота, по мнению начальника штаба Верховного главнокомандующего, фактически главнокомандующего русской армией Генерального штаба генерала от инфантерии М.В. Алексеева, должно было содействовать румынским операциям в Трансильвании. Корпус графа Келлера находился в составе южной группы 9-й армии, действовавшей на участке от Кирлибабы до румынской границы.

Август и сентябрь на фронте армии прошли в ожесточенных и крайне тяжелых боях, причем уже в сентябре войска в Карпатах сражались в глубоком снегу. Лечицкому по-прежнему противостояла 7-я австро-венгерская армия. Бои у Дорна-Ватры, Кирлибабы и Якобен показались немцам из состава переброшенной против войск Лечицкого с Западного фронта 1-й германской пехотной дивизии тяжелее верденских. Русское наступление развивалось медленно. Вплоть до 13 сентября, когда Лечицкий из-за значительных потерь (145 офицеров и 10 058 нижних чинов) был вынужден приостановить операцию, бои шли беспрерывно. После приостановки наступления войска заняли высоты, командовавшие над шоссе Кирлибаба – Дорна-Ватра[264].

1 октября 1916 г. под деревней Паничи в Румынии Дутов был вновь контужен и вдобавок получил ранение от разрыва шестидюймового снаряда, в результате чего на некоторое время лишился зрения и слуха и получил трещину черепа. По одному из свидетельств, Дутов также временно не владел речью и правой половиной тела[265]. Сам Дутов уже в декабре 1917 г. говорил: «У меня перебита шея, треснул череп, и никуда не годятся плечо и рука»[266].

Раненный и контуженный, он вернулся в Оренбург. Казалось, что ему придется навсегда оставить строй, однако уже спустя два месяца он вернулся в полк. Судьба хранила Дутова для дальнейших свершений. 16 октября 1916 г. Высочайшим приказом он был назначен командующим 1-м Оренбургским казачьим Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком[267]. К полку Дутов прибыл лишь 18 ноября, а 15 декабря в связи с неясностью своего статуса писал начальнику штаба 10-й кавалерийской дивизии: «Я прибыл к полку 18 ноября, о чем и донес. Прошу не отказать [сообщить], был ли приказ по дивизии о моем положении или нет. Затем, как считать стрелковый

дивизион сданным или еще мне его надо сдавать. Войск[овой] Старш[ина] *Дутов*»[268].

Между тем на фронте продолжалась борьба у Кирлибабы и Дорна-Ватры. Потери русских войск были значительны. Как писал А.А. Керсновский, «склоны гор у Кирлибабы превратились в обширные русские кладбища… Весь ноябрь шли тут героические бои в облаках и за облаками… История их когда-нибудь будет написана. Трофеи наши в этой горной войне были значительны, потери – огромны, героизм – беспределен»[269]. Наступление 9-й армии на город Дорна-Ватра началось 15 ноября 1916 г., бои приняли затяжной характер и выбить австрийцев из карпатских горных проходов нашим войскам не удалось. Как вспоминал А.Г. Шкуро, «горы были страшно крутые, продвижение обозов невозможно, подвоз продуктов приходилось производить на вьюках по горным тропинкам, вывоз раненых был затруднен. Вообще работа была страшно трудная»[270].

15 ноября Брусилов приказал III конному корпусу выступить в район Рымника. В связи с разгромом румынской армии русским войскам пришлось спасать как своего нового союзника, так и положение на левом фланге собственного Восточного фронта. От реки Прут войска должны были следовать по территории Валахии походным порядком. Корпус графа Келлера, таким образом, был вынужден преодолеть 500 верст от Буковины до Бухареста, в результате чего лошади были крайне истощены. В декабре корпус уже находился в составе 6-й армии, занимавшей участок фронта от Фирул-Маре до черноморского побережья.

В фондах РГВИА сохранились полевые книжки Дутова за декабрь 1916 – январь 1917 г. На основе их анализа можно сделать вывод о том, что в полку Дутов занимался в основном хозяйственной деятельностью, твердо отдавал приказания подчиненным. С казаками Дутов обращался строго, не допуская беспорядка в части. К примеру, если казак набивал спину лошади, командир полка в качестве наказания отправлял его в стрелковый дивизион, служба в котором, разумеется, была опаснее по само́й природе пехотной службы. Однако с казаками другой подход был недопустим, так как при всей жесткости Дутова среди казаков имели место случаи мародерства[271]. Строг был Дутов и по отношению к офицерам, заставляя покидать полк даже за сквернословие[272].

К 20 декабря 1916 г., когда бои шли в районе реки Рымны, в сотнях полка имелось по восемь рядов, воевать казакам приходилось на австрийских патронах (как уже отмечалось, полк был вооружен австрийскими винтовками)[273]. В распоряжении Дутова было лишь пять сотен полка, шестая была выделена для

несения конвойной службы. В кровопролитных боях зимы 1916/17 г. полк Дутова прикрывал отступление румынской армии от Бухареста и потерял тогда почти половину своего состава. К 24 января 1917 г. из-за потерь и сложностей с доставкой фуража корпус Келлера был выведен в резерв и дислоцирован вдоль реки Прут в районе Селище – Исайканы – Сбироя – Нов. Дрогушаны – Вороничени[274].

Уже в этот период своей жизни Дутов не забывал о собственных благах – в частности, в декабре 1916 г. требовал в свое распоряжение экипаж и лошадей[275]. Для перевозки вещей Дутова было разрешено приобрести двуколку[276]. Стремление к комфорту будет присуще ему и в дальнейшем. 16 ноября 1916 г. Дутову для подтверждения его прав на потомственное дворянство оренбургским вице-губернатором Л.А. Пушкиным было выдано свидетельство для представления в Оренбургское дворянское депутатское собрание в том, что «он поведения безукоризненного, под судом и следствием не был и в настоящее время не состоит и ни в чем предосудительном в политическом отношении не замечен»[277]. Однако гораздо более интересны аттестации, данные Дутову 11 и 24 февраля 1917 г. начальником 10-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенантом В.Е. Марковым и командиром III конного корпуса графом Келлером. В «мнении начальника» от 11 февраля генерал Марков писал: «Последние бои в Румынии, в которых принимал участие полк под командой войск[ового] ст[аршины] ДУТОВА, дают право видеть в нем отлично разбирающегося в обстановке командира и принимающего соответствующие решения энергично, в силу чего считаю его выдающимся, но по краткости времени командования полком только вполне соответствующим своему назначению»[278].

В аттестации от 24 февраля 1917 г. отмечалось, что Дутов «здоровья крепкого. На тяжесть походной жизни не жалуется – всегда весел. Нравственности хорошей. Умственно развит хорошо. Живо интересуется службой и любит ее. Начитан и хорошо образован. Боевого опыта еще не имеет, но стремится к самостоятельному решению боевых задач. В бою несколько впечатлителен и склонен дать обстановку боя по впечатлению младших и несколько преувеличенную. Работать любит напоказ, хотя вообще в работе неутомим. Хозяйство знает. О подчиненных заботлив. Хороший. Соответствует занимаемой должности командира казачьего полка. Подписал: Начальник 10-й кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант *МАРКОВ*. С первой аттестацией начальника дивизии я не согласен и вполне присоединяюсь ко второй, так как всегда считал войскового старшину ДУТОВА Отличным боевым командиром полка.

«Отличный»[,] вполне соответствует занимаемой должности. Подписал: Генерал Граф *КЕЛЛЕР*»[279]. К февралю 1917 г. за боевые отличия Дутов был награжден мечами и бантом к ордену Св. Анны 3-й степени и орденом Св. Анны 2-й степени, однако без мечей. Авторы официальной биографии Дутова утверждали, что его заслуги «на войне прежним правительством оценивались очень мало, орденов у него немного – причиной тому была независимость Атамана, нежелание льстить высшему начальству, отстаивание казачьих интересов и полное презрение к умышленно ложным донесениям с целью украсить свои дела и описать подвиги»[280]. Судя по приведенным выше данным, такая картина идеализирует Дутова и не вполне соответствует действительности.

Глава 3
«Великая и бескровная»

От войны к политике

В должности командира полка Дутов находился лишь четыре месяца, Февральская революция изменила его в общем-то заурядный до тех пор жизненный путь безвестного казачьего штаб-офицера. В марте 1917 г. премьер-министр Г.Е. Львов дал разрешение на проведение в Петрограде первого общеказачьего съезда «для выяснения нужд казачества», и 16 марта 1917 г. войсковой старшина Дутов в качестве делегата от своего полка прибыл в столицу. Началась его политическая карьера.

Как справедливо отметил современный американский историк А.В. Шмелев, «роль казачества в событиях 1917 года, во многом, еще не выяснена»[281]. Очевидно, что серьезное исследование этой роли невозможно без рассмотрения деятельности Дутова – одного из крупнейших политических деятелей, выдвинутых казачьей средой в 1917 г. Можно с уверенностью сказать, что к февралю 1917 г. Дутов как политическая фигура еще не состоялся, а являлся лишь одним из сотен полковых командиров. Он не был трусом на войне, правда, на фронте пробыл менее года. Не будь революции, Дутов вряд ли смог бы проявить все свои способности. Природа революции такова, что неизбежно революционная стихия, мутный водоворот событий выдвигают на первый план новых, ранее ничем не выделявшихся людей. Одним из них в 1917 г. стал Александр Ильич Дутов.

Весной 1917 г. его судьба круто изменилась. К сожалению, вполне достоверных сведений о том, что же выбросило Александра Ильича на гребень революционной волны, нет. Единственное свидетельство оренбургского казачьего офицера генерал-майора И.М. Зайцева заставляет задуматься об удивительной роли случайности в истории. Генерал Зайцев писал о Дутове: «Поначалу казалось странным, почему от полка командирован командир, в то время как представителями дивизий были, в большинстве случаев, обер-офицеры. Впоследствии выяснилось, что полк был недоволен своим командиром и с целью избавиться от него под благовидным предлогом его делегировал в Петроград. Дело в следующем: в первые дни революции лихой граф Келлер – командир III конного корпуса, находившегося в то время в Бессарабии, экстренно пригласил командиров полков и спросил их: могут ли они со своими полками двинуться в поход на Царское Село, освободить Царскую Семью. А.И. Дутов как командир шефского полка от имени полка заявил, что его полк охотно пойдет освобождать

своего Шефа. Вот это-то будто бы и возбудило недовольство всего полка. Такие разговоры были тогда. Впоследствии в результате всех событий выяснилось, что главным агитатором против Дутова, осуждавшим его заявление от имени полка о готовности казаков идти спасать Царскую Семью, был старый офицер полка Лосев, оставшийся впоследствии у большевиков»[282]. Свидетельство Зайцева находит подтверждение в «Записках» знаменитого партизана А.Г. Шкуро, впоследствии генерала, а на момент рассматриваемых событий – войскового старшины и командира партизанского отряда в составе III конного корпуса, который отметил, что Келлер после отречения Николая II действительно собрал представителей всех подчиненных ему частей и объявил о своем решении идти защищать императора[283]. Не исключено, что речь идет об одном и том же событии. Даже если это и не так, ничто не мешало Келлеру зондировать почву в своем корпусе по вопросу о походе для спасения императора. Кроме того, приведенные выше документы свидетельствуют о том, что Келлер лично знал Дутова и, по всей видимости, даже покровительствовал ему. Так что свидетельство Зайцева вполне может заслуживать доверия. В то же время официальная биография оренбургского атамана сообщает, что Дутов был делегирован в Петроград, поскольку являлся «командиром полка, любимым и офицерами и казаками»[284].

Если свидетельство Зайцева достоверно, то можно сделать вывод о конформизме Дутова, поскольку получается, что Александр Ильич был склонен менять свои политические пристрастия в зависимости от текущей конъюнктуры – до февраля 1917 г. был монархистом, затем, в том числе и по карьерным мотивам, принял Февральскую революцию, после Февраля стал демократом, в период выступления Л.Г. Корнилова занял выжидательную позицию, а позднее, в годы Гражданской войны, также менял ориентацию с Комуча на Сибирское правительство, а затем на правительство адмирала А.В. Колчака. Разве что с большевиками Дутов никогда не был, но к октябрю 1917 г. в лагере сторонников Ленина оренбургского атамана однозначно воспринимали как врага и контрреволюционера, поэтому очевидно, что он не мог быть вместе с ними. Небезынтересно, что сам Дутов, как бы упреждая этот упрек, в декабре 1917 г. поспешил заявить, что во все периоды его точка зрения «…была определенна. Своими взглядами и мнениями, как перчатками, я не играю»[285].

К сожалению, проверить достоверность свидетельства Зайцева не представляется возможным. Впрочем, как позднее писал один из ближайших соратников Дутова по

антибольшевистской борьбе Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин, «революционный шквал сразу выбросил скромного войскового старшину Дутова на поверхность бушующего моря в роли стойкого борца за Родину и горячего поборника казачьих прав»[286].

Так или иначе, казачество весной 1917 г. вместе со всей страной оказалось в новых, во многом непонятных для него условиях, к которым приходилось спешно адаптироваться и намечать пути дальнейшего развития. Как писал уже в эмиграции Генерального штаба генерал-лейтенант А.И. Деникин, «по инициативе революционной демократии началась сильнейшая агитация, с целью проведения идеи «расказачивания». Там, где казаки были вкраплены в меньшинстве среди иногороднего или туземного населения, она имела вначале некоторый успех… Но в общем идея самоупразднения никакого успеха не имела. Наоборот, среди казачества все более усиливалось стремление к внутренней обособленной организации и к единению всех казачьих войск… Во главе казачества появились такие крупные люди, как Каледин (Дон), Дутов (Оренбург), Караулов (Терек)»[287]. Таким образом, Деникин, скорее всего, в связи с позднейшей деятельностью Дутова ставил его в один ряд с Калединым и считал крупной фигурой. Эту оценку можно назвать справедливой и, опираясь на нее, прийти к выводу о том, что, коль скоро Каледин по праву занимает место в ряду вождей российской контрреволюции первого плана, такое же место должно принадлежать и Дутову.

Уже 12 марта 1917 г. в помещении общеказачьей организации состоялось собрание донских казаков под председательством профессора горного института А.И. Поботина. Участники обменялись мнениями об участии казаков в революционном движении. Присяжным поверенным А.С. Яковлевым была выдвинута идея образования союза всех казачьих войск для поддержки Временного правительства. Эта идея была поддержана всеми участниками собрания. Была избрана комиссия для организации съезда казачьих представителей и подготовки к созданию союза. В состав комиссии вошли: А.П. Савватеев, Ф.Д. Крюков, П.Д. Крюков, П.Д. Захарьев, А.С. Яковлев, П.П. Логвинов и В.С. Филатов. Организационное собрание было назначено на 23 марта[288].

Первый общеказачий съезд (позднее его называли предварительным[289]) был созван в Петрограде 23–29 марта 1917 г. по инициативе членов Петроградского Общества взаимопомощи Донских казаков, однако телеграммы запоздали, и целый ряд казачьих войск не успел прислать своих делегатов с

мест. Были представлены лишь Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское и Уральское казачьи войска. Часть казачьих войск была представлена исключительно делегатами-фронтовиками[290]. Несмотря на это, с открытием съезда явно торопились, с целью выяснить позицию казачества в новой политической ситуации. Одной из задач съезда было объединение казачьего и неказачьего населения казачьих областей. Открыл съезд в зале Армии и Флота член Государственной думы от Донского казачьего войска А.П. Савватеев. В приветственной речи он сказал: «Нас всех ждет Учредительное Собрание, которое решит судьбу нашей родины, которое даст нам новый уклад жизни, и было бы преступлением перед казачеством, если бы мы не приготовились к этому радостному и вместе очень важному Собранию, чтобы не указать ему наши нужды и наши права. Но для того, чтобы предстать во всеоружии на Учредительном Собрании, нам нужно соорганизоваться, сговориться между собою, чтобы дружно, без раздора, как один человек, рассказать о нуждах нашего казачества»[291].

На съезде присутствовал главнокомандующий войсками Петроградского военного округа Генерального штаба генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов. На заседаниях обсуждались вопросы казачьего землепользования, участия казаков в войне, самоуправления, реформирования сословия. Большинство делегатов высказалось за войну до победы, поддержку Временного правительства, доведение страны до Учредительного собрания, неприкосновенность казачьих земель, возврат казачеству земель, ранее ему принадлежавших, но затем перешедших в частное владение. Была также выдвинута идея полного самоуправления казачьих войск. Казаков особенно беспокоила угроза поземельных столкновений с крестьянами. Уже тогда говорилось о возможности защиты казачьих земель от посягательств с оружием в руках. Вопрос о военной службе казаков было решено отложить до окончания войны, однако депутаты требовали снять с казачества полицейские функции, которыми в экстренных случаях его обременяла власть. Кроме того, возникло предложение уравнять казачью воинскую повинность с неказачьей, что было равносильно призыву к упразднению казачества, при этом казаки, как ни оригинально, стремились служить на общих основаниях, но при этом сохранить свои прежние привилегии. Звучали и другие, весьма любопытные высказывания. В частности, было заявлено, что казакам не нужно следовать за какими-либо политическими силами, а необходимо самим вести народ за собой. Николай II и его окружение на съезде были названы предателями. Показательно и то, что съезд

приветствовал Совет рабочих и солдатских депутатов.

Участие Дутова в работе съезда выразилось в двух ремарках. Первая относилась к 25 марта и была чисто технической по своему характеру. Вторая куда более показательна. Она относится к достаточно острому для казаков вопросу о самоснаряжении. На съезде звучали призывы к отмене самоснаряжения, являвшегося между тем одной из основ казачьей воинской повинности. С этим вопросом была связана и возникшая на съезде неслыханная ранее идея оплаты государством расходов казачества за весь период Первой мировой войны. Тогда-то на вечернем заседании 28 марта 1917 г. и прозвучала весьма неблаговидная реплика Дутова: «Мы предъявляем иск к старому режиму»[292]. Эта фраза полностью соответствовала духу съезда и первых послефевральских недель, однако то, что ее сказал не кто-нибудь, а Дутов, наводит на печальные размышления об ответственности будущих вождей Белого движения за события 1917 г. Итак, Дутов, как и многие другие будущие белые вожди, принял Февраль.

Возвращаясь к работе съезда, отмечу, что, кроме двух незначительных высказываний, Дутов на съезде никак себя не проявил. Очевидно, присматривался к петроградской политической жизни. В то же время в *ходе* работы съезда возникла идея создания массовой казачьей организации – Союза казачьих войск – с последующим выделением из него постоянно действующего Совета. Совет Союза казачьих войск должен был в перспективе освободить казачьи части от разлагающего влияния различных комитетов и Советов солдатских депутатов[293]. Это сохраняло казачьи части на фронте и в условиях разложения неказачьих частей могло сделать их внушительной силой на общероссийской политической арене. Однако съезд сами его участники не сочли полномочным для решения таких вопросов, поэтому было решено в мае 1917 г. созвать *более* представительный 2-й общеказачий съезд (его еще называли Первым Всероссийским казачьим съездом, или Кругом). Была сформирована комиссия для работ по созданию Союза казачьих войск, получившая название «Временный совет Союза Казачьих Войск» под председательством А.П. Савватеева. С этого момента и началось возвышение Дутова, который занял пост одного из товарищей (помощников) председателя (по некоторым данным – старшего товарища[294]). Как вспоминал позднее И.М. Зайцев, «в Петрограде он (Дутов. – *А. Г.*) обратился (к Зайцеву. – *А. Г.*) с просьбой о содействии. Он спрашивал, что ему делать и нельзя ли найти ему какое-либо применение. Я посоветовал ему продолжать работу во Временном казачьем совете, вместе с Савватеевым, и вести работу в духе и направлении директив,

данных в свое время А.И. Гучковым, и что при этом условии можно надеяться на прикомандирование его к Главному Штабу. Действительно, прикомандирование к Главному Штабу удалось устроить, и А.И. Дутову была поручена работа по казачьему вопросу совместно с Савватеевым»[295].

В состав Временного совета из делегатов съезда вошли 34 представителя 13 казачьих войск (Донского – 6, Кубанского – 5, Терского – 4, Оренбургского – 3, Уральского, Астраханского, Забайкальского, Амурского, Семиреченского, Уссурийского и Сибирского – по 2, Енисейского и Красноярского – по 1). Помимо Дутова Оренбургское войско во Временном совете представляли подъесаул Т.И. Вагин и казак 16-го Оренбургского казачьего полка И.Е. Соколов, которые, в отличие от первого, в дальнейшем никак себя не проявили. 27 марта первый общеказачий съезд завершил свою работу. Были приняты резолюции по земельному вопросу, по вопросу о военной службе, о взаимоотношении между офицерами и казаками, о самоуправлении, о войне, об отношении к Временному правительству и об отношении к Совету рабочих и солдатских депутатов. Суть этих резолюций сводилась к стремлению закрепить за казачьими войсками их земли как неприкосновенную собственность каждого войска, причем на основании закона, который должен был быть принят Учредительным собранием, предполагалась передача казачьим войскам всех частновладельческих земель, выделенных из казачьих территорий Высочайшими пожалованиями, а также государственных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных земель. За их собственниками должны были остаться лишь крестьянские, надельные земли, земли мелких собственников и крестьянских товариществ. Вопросы самоуправления должны были разрешаться каждым войском самостоятельно. В отношении военной службы предполагалось добиться увеличения правительственной помощи казакам в вопросе снаряжения на войну, обсудить вопрос о внесении в послевоенное время изменений в порядок отбывания казаками воинской повинности. Выдвигалась идея единения казачьих офицеров и нижних чинов перед внешней опасностью, а войну признавалось необходимым довести «до победоносного конца» при полном доверии Временному правительству.

В одном из постановлений съезда говорилось: «Мы, офицеры и казаки всех казачьих войск… обсудив наши прежние взаимоотношения, постановили: *предать их забвению и проклятию вместе с подлым старым режимом, ибо это он сделал нас врагами, разделив нас бездной взаимного недоверия. Отныне между нами нет вражды, а есть только любовь и единение.*

Отныне между нами нет начальников и подчиненных, а есть старшие и младшие братья. Сольемся в одну дружную семью и составим такую силу, которую никто не может одолеть…»[296]

Временный совет должен был начать работу с 5 апреля, чтобы дать возможность делегатам съездить домой и ознакомить станичников с решениями съезда, а также запастись вещами для продолжительной жизни в Петрограде. Работа во Временном совете велась в четырех комиссиях: военной, земельной, юридической и финансовой. Секретарем Временного совета стал П.П. Калмыков (донец), казначеем и председателем военной комиссии – войсковой старшина А.Н. Греков (донец), земельную комиссию возглавил терец Г.А. Ткачев (кубанец), юридическую – И.Г. Харламов (донец), финансовую – В.С. Филатов (донец). Дутов не вошел ни в одну из комиссий, но пожелал участвовать во всех «по мере надобности». В апреле он объехал фронтовые казачьи части и вел агитацию за продолжение войны. В период пребывания в Петрограде он продолжал состоять командиром 1-го Оренбургского казачьего полка, но при этом числился в резерве чинов Петроградского военного округа[297]. Состояние в резерве чинов позволяло офицеру получать жалованье и жить на казенной квартире[298]. Подобное положение (за исключением командования полком) Дутов сохранил за собой вплоть до октября 1917 г. Однако Дутов утверждал, что отказался от жалованья по должности председателя Совета Союза казачьих войск (600 руб.) в пользу фонда на теплые вещи казакам на фронте[299]. После Дутова полк с 1 июля 1917 г. принял кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени полковник И.Н. Лосев[300].

По данным на 30 апреля, Дутов состоял в хозяйственной, финансово-экономической, организационной и по военным делам комиссиях Временного совета[301]. Программа Союза казачьих войск была опубликована 30 апреля 1917 г. В ней отмечалось, что «I. Союз Казачьих войск учреждается в целях объединения Казачьих войск для выяснения их общих интересов и проведения необходимых реформ. II. Членами Союза могут быть только Казачьи Войска, разделяющие программу Союза. III. Программа Союза и исполнительные его органы определяются Съездом представителей от Казачьих Войск. IV. До утверждения программы Союза Учредительным Съездом в задачу Союза входят: 1) Укрепление нового государственного строя на началах декларации Временного Правительства. 2) Подготовка казачества к Всероссийскому Учредительному Собранию. 3) Разработка норм и оснований, на которых должна быть построена будущая государственная и общественная жизнь казачьих войск. 4) Разработка неотложных реформ, касающихся казачьих войск, до

созыва Учредительного Собрания. V. Временное заведывание делами Союза возлагается на Временный Совет Союза, который состоит из 36-ти лиц, избранных на Съезде 23–29 марта 1917 года[302]. При выборах от каждого войска в числе избранных в Совет Союза должно быть не менее одного от фронта. Во Временный Совет входят, сверх 36-ти, как непременные члены – Члены 4-й Государственной Думы – казаки и все члены Организационного бюро – казаки. Временному Совету предоставляется право приглашения сведующих (так в документе. – *А. Г.*) лиц. VI. Программа деятельности Союза вырабатывается Временным Советом в соответствии с этими задачами, которые положены в основу этой Организации (п. I) и обстоятельствами текущего момента. На него же возлагается разработка положения о Совете представителей Войск и созыве первого Учредительного Съезда Союза Казачьих Войск в г. Петрограде на основании пропорционального представительства…»[303].

Тем временем существенные изменения происходили и на местах. Исполняющим обязанности Наказного атамана Оренбургского казачьего войска вместо Генерального штаба генерал-лейтенанта М.С. Тюлина был назначен генерал-майор Н.П. Мальцев, была осуществлена смена всех прежних атаманов военных отделов. 17 апреля открылся 1-й Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска, приветствовавший Временное правительство. На Круге был принят проект «Положения о самоуправлении Оренбургского казачьего войска», в соответствии с которым высшим распорядительным органом войска был провозглашен Войсковой Круг (1 депутат избирался от 5000 человек), избрана Войсковая управа – орган исполнительной власти в войске во главе с председателем и Войсковым атаманом Н.П. Мальцевым, в составе Г.Ф. Шангина, В.Н. Половникова, М.П. Репникова, С.А. Выдрина, М.П. Копытина и Т.И. Седельникова. Военные отделы были переименованы в военные округа. Предполагалось вместо трех военных отделов образовать шесть военных округов, впрочем, этот проект так и не был реализован, только осенью 1918 г. был образован 4-й (Челябинский) военный округ. В военных округах предполагалось созывать окружные съезды (1 депутат от 2500 человек), избиравшие членов окружной управы. Председатели окружных управ являлись и окружными атаманами. На станичном уровне власть была сосредоточена в руках станичных сходов[304]. Впрочем, окружные съезды в войске состоялись лишь в июле 1917 г. Несмотря на значимость преобразований, в рядах войсковой администрации чувствовалась сильная растерянность, опыта самоуправления не было, а казачья

традиция ожидания распоряжений сверху оказалась слишком сильной[305].

В мае Дутов и А.Н. Греков добились аудиенции у военного и морского министра А.Ф. Керенского и проговорили с ним около часа. Дутов доложил о целях созыва и работе съезда и Временного совета, было получено официальное разрешение на проведение 2-го общеказачьего съезда, причем Керенский просил приезжать к нему и держать в курсе работы. В то же время противовесом Временному совету стала казачья секция Петроградского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, стремившаяся подчинить Временный совет себе. Как писал позднее сам Дутов, «работа этого Совета была крайне напряженная, нервная и тяжелая. На казаков в Петрограде смотрели с предвзятой точки зрения, и потому идею казачества проводить было трудно. Но труд и энергия победили, и голос казаков стал слышен в Петрограде»[306]. Первоначально Временный совет совершенно не имел средств, однако со временем работа стала налаживаться. Казакам передали помещение бывшего Главного управления казачьих войск. Открытие 2-го съезда было первоначально намечено на 28 мая, но позднее перенесено на 1 июня 1917 г., впрочем, вскоре после открытия работа съезда была прервана до 7 июня. Помимо представителей из регионов, избиравшихся Войсковыми Кругами, на съезде должно было присутствовать по два выборных делегата от каждой казачьей части. Характерно, что в советской историографии бездоказательно говорилось о фальсификации выборов на съезд и о том, что в его работе участвовала лишь казачья верхушка[307]. Председателем съезда единогласно был избран войсковой старшина Дутов, приобретший благодаря этой должности общероссийскую известность. В то же время нельзя не отметить, что Дутов на этом посту был во многом случайным человеком – за его плечами почти не было никакого опыта политической и общественной деятельности.

Съезд открылся в большом зале в здании Собрания армии и флота, присутствовало около 600 делегатов. По утрам проводились общие заседания, вечерами шли заседания по казачьим войскам. Такой способ работы оказался весьма выигрышным, т. к. у присутствующих на съезде видных политических деятелей складывалось впечатление полного единства всего российского казачества. За время работы съезда заседания посетили такие видные политические деятели, как А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко, А.И. Гучков, П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов и В.Д. Набоков, иностранные послы и военные атташе. На заседаниях присутствовало множество зрителей. Основной

лозунг, выдвигавшийся на съезде, – «Война до победного конца», делегаты активно выступали за созыв Учредительного собрания. По всей видимости, к этому периоду относится и свидетельство главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Генерального штаба генерал-майора П.А. Половцова: «Хотя казачья нагайка, как символ восстановления порядка, и потеряла силу, но казаки стремятся все-таки остановить анархию, если и не во всей России, то по крайней мере – в своих областях, и заседающий в Петрограде в здании придворной Певческой капеллы казачий съезд, под предводительством казака Дутова, энергично работает в этом направлении. Захожу как-то к ним и произношу чувствительную речь. Видно, что они народ серьезный. Керенского шибко недолюбливают, но и к ним демократия относится весьма подозрительно»[308]. Судя по всему, Половцов несколько преувеличил степень контрреволюционности казаков – есть сведения о том, что посетившего съезд Керенского делегаты носили на руках[309].

С первых дней работы выявились противоречия между фронтовой казачьей молодежью и представителями казачьих регионов, в основном стариками. Главным итогом работы общеказачьего съезда стала общая резолюция, включавшая такие положения, как: единая и неделимая Россия, широкое местное самоуправление, война до победы, почетный мир, вся власть Временному правительству до созыва Учредительного собрания и решения вопроса об образе правления. 13 июня делегаты избрали состав Совета Союза казачьих войск – постоянного, достаточно представительного и вполне легитимного казачьего органа, который должен был работать в перерыве между съездами. В Совет сроком на три года было избрано 36 (по другим данным – 38) человек пропорционально численности их казачьих войск, многие из них ранее состояли во Временном совете: Дон – войсковой старшина А.Н. Греков, сотник П.П. Калмыков (оба – бывшие члены Временного совета), есаул А.И. Аникеев, прапорщик (по другим данным – сотник) А.Ф. Худяков (оба – от строевых частей), учитель П.И. Ковалев, урядник А.И. Попов (оба – делегаты с мест); Кубань – есаул Бережный, урядник П.А. Авдеев, есаул Д.Г. Новосильцев (оба – бывшие члены Временного совета), подъесаул А.В. Винников (от строевых частей), хорунжий В.К. Бардиж, сотник В.Я. Поночевный, В.Д. Гамалий, Г.Н. Колков; Терек – Г.А. Ткачев (член терского Войскового правительства, бывший член Временного совета), сотник П.Д. Мигузов (от строевых частей), подхорунжий В.Ф. Зайцев, фельдшер К.А. Шамшин (оба – бывшие члены Временного совета); Оренбург – войсковой старшина А.И. Дутов (бывший член Временного

совета), А.Ф. Пономарев, войсковой старшина Н.С. Анисимов, И.Е. Соколов (бывший член Временного совета); Урал – А.А. Михеев, хорунжий Г.М. Мусатов, сотник Г.Е. Герасимов; Забайкалье – Ф.Г. Тюменцев; Сибирь – И.И. Лаптев (умер в сентябре 1917 г.), Е.Я. Глебов (бывший член Временного совета); Семиречье – А.Г. Сидоров; Астрахань – А.И. Попов (бывший член Временного совета), П.В. Колоколов, Б.Д. Самсонов; Амур – А.А. Вертопрахов; Уссури – С.Ф. Ларионов; Енисей – И.С. Макридин (бывший член Временного совета); Красноярск – И.Л. Лукин[310]. Каждое войско должно было выплачивать по 500 руб. в месяц на содержание одного своего депутата, кроме того, казачьи войска должны были оплачивать аренду помещения и канцелярские расходы Совета Союза казачьих войск – по 1000 руб. в год на депутата. Общая сумма взносов всех войск за год должна была составить 231 000 руб., однако свой взнос выплатило лишь Донское войско. На двух последних заседаниях съезда зачитывались протоколы его работы. К сожалению, стенограмма заседаний съезда была уничтожена в ноябре – декабре 1917 г. при разгроме помещений Совета большевиками.

В этот период Дутов присматривался к петроградской политической кухне и, судя по всему, активно налаживал контакты с военной и политической элитой новой России, что вскоре позволило ему самому стать частью этой элиты. Как вспоминал позднее сам Дутов, «два раза я был во дворце Кшесинской, видел Ленина и Троцкого, пытался разговаривать с ними, но ничего хорошего из разговоров этих не вышло»[311]. Возможно, Дутов преувеличивал, что было для него характерно, – ни Ленин, ни Троцкий никогда впоследствии не упоминали о знакомстве с Дутовым. Знакомство же это могло состояться не позднее первых чисел июля 1917 г., когда большевики из особняка М.Ф. Кшесинской были изгнаны. Тем не менее данное свидетельство весьма любопытно. По данным Г.З. Иоффе, Дутов якобы сотрудничал с организацией «Республиканский центр»[312], внутри которой существовал некий «законспирированный военный отдел», объединявший различные военные союзы, в том числе и Совет Союза казачьих войск[313]. Настаивавшие на этой версии советские авторы, а несколько ранее и А.Ф. Керенский таким способом пытались доказать наличие тщательно подготовленного военного заговора правых летом 1917 г.[314] И если в сотрудничество Дутова с «Республиканским центром» еще можно поверить, то указание на подпольную организацию, с которой он был связан, требует существенно большей доказательной базы (как минимум ссылок на документы по этому вопросу, если таковые сохранились), нежели просто голословное

заявление. С уверенностью можно сказать, что весомых доказательств наличия широкомасштабного заговора, а тем *более* участия в нем Совета Союза казачьих войск до сих пор не обнаружено[315]. В то же время определенные круги, прежде всего внутри Союза офицеров и «Республиканского центра», вели работу, которая может быть квалифицирована как заговорщическая, однако в эту работу вплоть до ликвидации выступления Корнилова было посвящено минимальное число участников.

Временное правительство, поощрявшее всякого рода общественные организации, обеспечило Совет всем необходимым: выделило помещение – Павловский институт возле Николаевского вокзала (ул. Знаменская, д. 8[316]), предоставило два легковых и грузовой автомобили, а также бензин. Члены Совета получили возможность пользоваться столовой и кухней Павловского института. В первый день работы Совета был избран президиум. Председателем стал Дутов, его товарищами (помощниками) – Г.А. Ткачев и И.П. Лаптев, секретарем – ДГ. Новосильцев, казначеем – А.Н. Греков. Роль Дутова в этот период представляется чисто технической – вести заседания, ставить на голосование вопросы и т. д. В то же время в печати появляются и его первые политические заявления. Так, 7 июля 1917 г. он заявил: «Мы (казаки. – *А. Г.*) никогда не разойдемся со всей русской демократией»[317].

Уже в начале работы Совета его члены смогли добиться значительных результатов. Была упразднена должность Походного атамана всех казачьих войск, к Ставке для защиты интересов казачества прикомандировано три члена Совета, Совет добился законодательного закрепления назначения на командные должности в казачьи части только казачьих офицеров, закрепил за собой право вести список старшинства и аттестации казачьих офицеров, а также представление аттестаций на утверждение военному министру или главнокомандующему. Удалось также добиться увеличения размера вознаграждения казакам, до 1 июня 1917 г. лишившимся на войне лошадей, со 150 до 500 руб. Выдвигались проекты создания Советов казаков во всех казачьих частях. В качестве постоянного представителя всероссийского казачества Дутов присутствовал на некоторых заседаниях Временного правительства, вплоть до октября 1917 г. состоял в комиссиях при Временном правительстве по созыву Учредительного собрания, по казачьим делам, по междуведомственным работам[318].

Члены Совета вели активную пропагандистскую работу в войсках, причем при Совете были даже открыты двухнедельные

пропагандистские курсы, на которых могли обучаться по два человека от каждой казачьей части, после окончания обучения их сменяли двое других от той же части. Однако удалось осуществить лишь один выпуск курсов. Еще при Временном совете с 30 апреля 1917 г. началось печатание собственной газеты «Вестник Союза Казачьих Войск». Дважды сторонники большевиков рассыпали уже готовый набор свежего номера «Вестника», пытались запретить газету как правую. Позднее вместо «Вестника» Совет стал издавать газету «Вольность казачья», поступавшую бесплатно на фронт, а затем переименованную в «Вольность». 1 декабря 1917 г. типография газеты была разгромлена большевиками, и выход ее прекратился.

При первой попытке большевиков взять власть 3–5 июля 1917 г. члены Совета отправились в дислоцированные в Петрограде казачьи полки (А.Н. Греков – в 1-й Донской казачий полк, П.П. Калмыков – в 4-й Донской казачий полк) для ведения пропаганды. Дутов должен был находиться в помещении Совета и координировать работу. Однако, по всей видимости, в Петрограде в эти дни его не было. Главную роль при подавлении выступления большевиков сыграли донские казаки, в результате чего первое время при появлении казаков в общественных местах присутствовавшие даже вставали и встречали их аплодисментами[319]. 2 августа Керенский издал приказ армии и флоту с благодарностью казакам[320]. На похороны погибших казаков (в основном из состава 1-го и 4-го Донских казачьих полков), помощь семьям и сооружение памятника было собрано свыше 800 000 руб. добровольных пожертвований. Денег было так много, что удалось выделить по 10 000 руб. на семью каждого убитого, а остаток отложить на обучение детей погибших. Похороны превратились в грандиозное антибольшевистское шествие. Во избежание эксцессов вместо милиции охрану несли казаки. В процессии принимали участие члены Временного правительства и Совета Союза казачьих войск.

Большевистская провокация была с возмущением встречена по всей стране. Оренбургская войсковая управа направила 9 июля телеграмму на имя Керенского: «Совет рабочих солдатских крестьянских депутатов, возмущенная до глубины души предательским ударом в спину, нанесенным нашей истекающей кровью армии в момент наступленья, оренбургская войсковая управа просит вас как нашего беззаветного и любимого вождя передать временному Правительству, что оренбургское казачество никогда не примирится с захватом власти большевиками и немецкими шпионами и будет вести с ними беспощадную борьбу, довольно терпимости и к предателям и изменникам, нет и не

должно быть свободы для врагов свободы. Председатель Управы *Мальцев*»[321]. Слова Мальцева оказались пророческими – в период Гражданской войны практически все войско поднялось на борьбу с большевиками, однако руководил им уже другой человек – Александр Ильич Дутов.

Точно восстановить график работы Дутова в июльские дни достаточно сложно. Во всяком случае, известно, что в начале июля он ездил домой в Оренбург, где 7 июля в Епархиальном училище сделал доклад о политическом моменте. Дутов говорил о недавнем всероссийском казачьем съезде, указав на его всероссийское и даже мировое (!) значение, рассказал он и об активном участии и значительных потерях казачьих частей в ходе июньского наступления, в тот же день будущий атаман участвовал в организационном собрании местного Совета казачьих депутатов[322]. На первом собрании Совета Дутов предложил отправить Керенскому телеграмму о том, что «Совет казачьих депутатов в Оренбурге, обсудив ужасную весть о разложении армии Юго-Западного фронта, постановил просить Вас **смело и решительно использовать все** (здесь и далее выделено в документе. – *А. Г.*) Оренбургские Казачьи части **для наступления** и быстрого восстановления порядка в армии. Мы твердо верим, что славное имя Оренбургского Казака не будет в числе предающих Родину. Не останавливаясь ни перед чем, спасите честь свободной России. За наш тыл не беспокойтесь, сделаем все для поддержания порядка в целях помощи армии»[323]. Предложение Дутова, как наиболее авторитетного оренбургского политического деятеля, было принято депутатами оренбургского Совета единогласно. Впоследствии, однако, эта телеграмма вызвала недовольство фронтовых казаков.

Первая статья Дутова в «Оренбургском казачьем вестнике» была опубликована 16 июля, в номере от 21 июля публикуется его отчет о работе всероссийского казачьего съезда[324]. Во многих номерах газеты за 1917 г. можно было также прочитать скромное объявление: «Прошу всех казаков, кому нужна справка по каким-либо вопросам казачьей жизни, обращаться на мое имя. Петроград, Загородный, 13, кв. 44. Председатель Совета Союза казачьих войск *А.И. Дутов*»[325].

Между тем на местах воцарилась настоящая анархия. Даже в провинциальных городах было неспокойно, не говоря уже о деревне. В сводке штаба Казанского военного округа о состоянии войск за август 1917 г. сообщалось об избиениях нижними чинами офицеров в Саратове при попытке навести порядок, полном неподчинении офицерам в Царицыне, об анархии и самосудах над офицерами, их самочинных и незаконных арестах,

буйствах запасных солдат[326]. Если не учитывать тот хаос, в который погрузилась страна при Временном правительстве, нельзя понять последующих действий генерала Л.Г. Корнилова. После неудачи его выступления ситуация беспредела на местах продолжала сохраняться. Население теряло какие бы то ни было ориентиры.

В частности, в октябре 1917 г. в Оренбургском казачьем войске сами казаки занялись выяснением отношений с оружием в руках. На почве дележа земли 3 октября 1917 г. казаки двух соседних станиц Никольской и Рычковской вступили в бой друг с другом (никольцы выпасали скот на землях рычковцев). В результате 7 человек было ранено, 2 казака умерло от ран. Дополнительной мотивацией столкновения был негативный опыт прошлых лет: «Всегда у нас с никольцами нехорошие отношения»[327]. Небезынтересно, что впоследствии жители Никольской перешли на сторону красных. И тогда, и ранее, летом 1917 г., государственно мыслящие люди задумывались над тем, что же можно сделать для спасения воюющей страны и недопущения крушения фронта. Наиболее реалистичным решением проблемы казался силовой вариант, воплощением которого стало в августе 1917 г. выступление генерала Корнилова.

Дутов и выступление Корнилова

После июльских событий Совет Союза казачьих войск не мог не втянуться в политическую борьбу. В отличие от Временного правительства в Петрограде за ним стояла вполне реальная сила – три Донских казачьих полка (1-й, 4-й и 14-й). Это вынуждало власть считаться с казаками. 11 июля Дутов передал в правительство резолюцию Совета о поддержке телеграммы Л.Г. Корнилова о введении смертной казни. 12 июля правительство приняло соответствующее постановление, а 24 июля Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим. 19 июля члены Совета представились министру-председателю А.Ф. Керенскому[328]. 21 июля Дутов принял участие в совещании в Зимнем дворце по вопросу о полномочиях Керенского. В конце июля помещение Совета посетил управляющий военным министерством Б.В. Савинков, который о чем-то долго беседовал с Дутовым, причем войсковой старшина А.Н. Греков, зашедший на некоторое время в кабинет Дутова, куда Греков имел свободный доступ, в конце беседы, услышал, что разговор касался деятельности Корнилова[329]. Впереди были драматические события.

В этот период Дутову из Ставки пришла телеграмма: «Верховный Главнокомандующий просит Вас прибыть в Ставку 3 августа – [№] 12471»[330]. Однако 3 августа сам Корнилов прибыл в Петроград для доклада Временному правительству о состоянии армии и положении на фронте. Дутов был среди встречавших Корнилова на вокзале[331]. Как взаимосвязаны между собой эти два факта, сказать сложно. Из показаний Корнилова достоверно известно, что Дутов незадолго до московского Государственного совещания ездил в Ставку по делам Совета и встречался с ним[332]. Биограф Корнилова М.К. Басханов, не ссылаясь на источник, также отмечает, что Дутов приезжал в Ставку в августе 1917 г.[333]

6 августа Совет выступил с резолюцией в защиту Корнилова, в которой говорилось: «Совет Союза Казачьих Войск в экстренном заседании 6 августа, обсудив высказанные в некоторых органах печати взгляды на деятельность Верховного Главнокомандующего Генерала КОРНИЛОВА, усмотрел в этом планомерное проведение мысли о возможной смене Верховного Главнокомандующего. Причинами отставки служат, по мнению этих органов, чрезмерная требовательность и настойчивость Генерала КОРНИЛОВА в своих действиях, нежелание его считаться с выборными войсковыми организациями и непризнание им авторитета С[олдатских] и Р[абочих] Депутатов] в области

реорганизации армии. СОВЕТ СОЮЗА КАЗАЧЬИХ ВОЙСК П О С Т А Н О В И Л (разрядка документа. – *А. Г.*): Довести до сведения Временного Правительства, Военного Министра и распубликовать в газетах во всеобщее сведение, что 1) Совет Союза Казачьих Войск совершенно не согласен со взглядами, проводимыми в последних №№ Известий С[овета] С[олдатских] и Р[абочих] Депутатов]. 2) Генерал КОРНИЛОВ не может быть смещен, как истинный народный вождь и, по мнению большинства населения, единственный Генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения. 3) Совет Союза Казачьих Войск, как представитель всего Российского Казачества, заявляет, что смена Генерала КОРНИЛОВА неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв, ввиду явного нежелания власти спасти Родину, честь армии и свободу народу действительными мерами. 4) Совет Союза Казачьих войск считает нравственным долгом заявить Временному Правительству и народу, что он снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене Генерала КОРНИЛОВА. 5) Совет Союза Казачьих Войск заявляет, ГРОМКО и ТВЕРДО, о полном и всемерном подчинении своему вождю-Герою Генералу Лавру Георгиевичу КОРНИЛОВУ[334]. Председатель Совета Войсковой Старшина ДУТОВ»[335].

Это заявление казачьих представителей было уже своеобразным ультиматумом Керенскому. Резолюция была передана Савинкову и быстро появилась в печати. По воспоминаниям А.Н. Грекова, 7 августа[336] (по датировке машинописной копии заявления Союза георгиевских кавалеров – 9 августа[337], по данным П.Н. Милюкова – 8 августа[338]) резолюция получила полную поддержку Союза офицеров и Союза георгиевских кавалеров. В любом случае резолюция Совета Союза казачьих войск была первой. В постановлении Союза георгиевских кавалеров говорилось: «Конференция Союза Георгиевских Кавалеров единогласно постановила всецело присоединиться к резолюции Совета [Союза] Казачьих войск и твердо заявить временному Правительству (стиль документа. – *А. Г.*), что если оно допустит восторжествовать клевете и Генерал КОРНИЛОВ будет смещен, то Союз Георгиевских Кавалеров немедленно отдаст боевой клич всем Кавалерам в выступлении совместно с Казачеством. Подлинная за надлежащими подписями»[339].

В эти дни Дутов написал разоблачительную статью о заигрывании Керенского с большевизированными Советами, однако вечером 9 августа в редакцию «Вольности» проникли несколько человек в штатском (по свидетельству очевидца, это

были латыши[340]) и, угрожая главному редактору, разбросали набор. Редактором являлся известный журналист А.В. Амфитеатров, который после этого случая стал бояться пропускать в печать статьи оппозиционного характера. Вскоре он был уволен (по иным причинам – как первоклассный редактор он был слишком дорог для Совета[341]), а редакция стала коллективной. В ее состав вошли только члены Совета: А.И. Дутов, Г.Д. Ткачев, БД. Самсонов, П.П. Калмыков и В.С. Филатов (кооптирован в Совет).

К середине августа эпицентр политической жизни переместился в Москву. 8 августа здесь прошло собрание общественных деятелей, на котором присутствовала делегация Совета. На Государственном совещании, которое должно было открыться несколько позже, Совету было предоставлено десять мест, а поскольку многие его члены участвовали в работе совещания как представители своих войск, получилось, что в работе совещания принимали участие практически все, кто состоял в Совете. 11 августа делегация выехала из Петрограда, а 12-го утром уже была в Москве. Казачьи делегаты поселились вместе в круглом угловом зале Московского дворянского собрания. А.М. Каледин жил на частной квартире. Казачьи представители провели собственное совещание под председательством Каледина. Товарищами (помощниками) председателя казачьей фракции были Дутов и М.А. Караулов. На первом заседании было образовано две комиссии: по общим вопросам (председатель – Караулов) и по военным вопросам (председатель – Дутов). Как вспоминал впоследствии Ф.А. Щербина, участвовавший на совещании в составе кубанской делегации: «Я в первый раз видел Каледина… во многом я единомышленник с этим обаятельным генералом-казаком. Весь ход участия в съезде нас, казаков, укрепил меня как в этом частном, так и в общем убеждении в том, что могут же сходиться и объединяться между собою не только казаки из профессионально-интеллигентной среды, но и казаки из среды предержащей власти. В этом убеждала меня и совместная работа с другим представителем предержащих властей – с оренбургским казаком А.И. Дутовым… я имел полную возможность ознакомиться и оценить казачью идеологию, как в суждениях всех вообще представителей казачества на общих собраниях, так и ближе воззрения А.И. Дутова и отчасти А.М. Каледина, так как после почти бессонной ночи он успел познакомиться с нашею с Дутовым сводкою и внести свою долю поправок в нее. Об этом, да и вообще о взаимоотношениях казаков в той обстановке остались у меня светлые воспоминания. Наши заседания и принятие

казачьей декларации прошли оживленно и дружно»[342].

В ходе работы выявилось единство взглядов казаков по основным вопросам, к 13 августа была выработана общая резолюция, ее сводку и окончательную редакцию осуществили Дутов и Ф.А. Щербина, на следующий день она была зачитана от имени всего казачества Калединым. Резолюция была довольно резкой, и казаки боялись, что Каледин может от этого пострадать, поэтому решили, что зачитывать должен кто-то другой. Узнав об их опасениях, Каледин решительно вызвался сам озвучить документ, более того, он усилил пункт об ограничении прав комитетов требованием их отмены[343].

Совещание открылось в Большом театре 11 августа в 16.00 речью Керенского и длилось до 23 часов. 14 августа в 11 часов казаки поехали к Брестскому вокзалу встречать Корнилова. В почетном карауле стояли казаки двух оренбургских сотен. Речь Каледина, выступившего в тот же день, должна была, по его замыслу, быть правее речи Корнилова, чтобы власти согласились с корниловской программой. По свидетельству очевидцев, речь Каледина была наиболее ярким моментом совещания. Каледин сказал: «Служа верой и правдой новому строю, кровью запечатлев преданность порядку, спасению родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контрреволюции, казачество заявляет, что в минуту смертельной опасности для родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством… В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение родины требует, прежде всего, доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны…»[344] Помимо этого, программа Каледина, а следовательно, и Дутова предполагала: неучастие армии в политической деятельности; упразднение всех Советов и комитетов в армии и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных; ограничение их компетенции хозяйственными вопросами; пересмотр декларации прав солдата и дополнение ее декларацией его обязанностей; решительные меры по укреплению дисциплины в армии; единство фронта и тыла; восстановление дисциплинарных прав начальствующих лиц; установление твердой внепартийной власти; жесткое подавление сепаратизма; введение трудовой повинности; обеспечение законности при выборах в Учредительное собрание.

Речь Каледина, по мнению Ленина (Ульянова), – «это самое существенное политическое заявление, сделанное на Московском совещании»[345]. Что может быть убедительнее такого признания, сделанного прямым врагом!

На следующий день, 15 августа, в противовес Каледину от ВЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов выступил есаул 7-го Оренбургского казачьего полка А.Г. Нагаев, называвший себя «выразителем интересов трудового революционного казачества»[346]. Речь Нагаева была в первую очередь направлена против Совета Союза казачьих войск, давним противником которого он являлся. Он утверждал, что Совет непредставителен, не выражает интересов трудового казачества (термин, изобретенный тогда же с целью расколоть казачество), что фронтовое казачество в нем представлено слабо, ряд частей не доверяет Совету, а требование роспуска всех Советов недопустимо без проведения всероссийского казачьего съезда[347].

Тогда же произошел скандальный эпизод с Генерального штаба полковником К.В. Сахаровым, который во время выступления Нагаева выкрикнул «Германские марки!»[348], а по другой, более привлекательной версии, спросил, сколько стоит германская марка в переводе на рубли[349]. После этого Керенский потребовал оратора назвать себя, но, не расслышав ответ Сахарова из-за шума, сказал (так, как ему хотелось бы считать): «Есаул Нагаев и все присутствующие здесь русские люди совершенно удовлетворены молчанием труса»[350]. После еще нескольких выкриков Нагаев продолжил свое выступление. В перерыве к Керенскому улаживать скандал с участием своего родственника бросился Дутов. Он совместно с другими присутствовавшими просил Керенского взять свои слова назад, что тот и сделал после перерыва. Сахаров с места сказал, что готов дать удовлетворение Нагаеву, что означало дуэль. Но после некоторых пререканий инцидент был исчерпан. 16 августа члены Совета выехали в Петроград.

Следует отметить, что деятельность Дутова во фронтовых оренбургских казачьих частях воспринималась неоднозначно. Так, 13 августа в газете «Оренбургский казачий вестник» появилась статья «Открытое письмо с фронта», в которой в ответ на инициированную Дутовым июльскую телеграмму оренбургского Совета Керенскому с призывом использовать оренбургские части в наступлении говорилось: «…нам здесь на фронте интересно было бы знать, кто уполномочивал В[ойскового] Ст[аршину] Дутова делать подобное предложение и просить военного министра «использовать все Оренбургские казачьи части»? Разве г. Дутова все наши части уполномочили говорить так?! Насколько

нам известно, – ничего подобного, ибо от большинства наших частей, находящихся в действующей армии, не было делегатов на этом собрании. В силу чего В[ойсковой] Ст[аршина] Дутов считает себя призванным предлагать правительству услуги «всех» Оренбургских частей? Главнокомандующий генерал Корнилов в телеграмме докладывает, что «наступление при таком положении в армии невозможно и его надо прекратить на всех фронтах». В[ойсковой] Ст[аршина] Дутов в этом не согласен с ген[ералом] Корниловым и предлагает «использовать» нас «для наступления». А Совет казачьих депутатов на каких основаниях счел себя вправе принять это предложение? В уставе этого совета из всех 4-х параграфов я не вижу ни одного более или менее подходящего, который давал бы право совету принимать подобное «боевое» предложение частного лица. Совет казачьих депутатов, судя по уставу его, организован для рассмотрения тыловых вопросов и в 1-м же своем собрании «смело и решительно» не считается с[о] своим уставом?!? Оренбургские казачьи части, находящиеся уже четвертый год на фронтах, славно, неустанно выполняют свою боевую службу перед дорогой им Родиной. Все они умеют скромно, с достоинством и доблестью истого казака исполнять святой долг перед Нею, не нуждаясь в оценке своих трудов и в указаниях самозваных, безответственных ходатаев. Наши казачьи части знают, что их боевые вожди видят лучше этих непрошеных ходатаев, – куда и как вести казаков на подвиги во имя Родины и где нужна их доблесть. Почти все Оренбургские казачьи части записались в состав ударных войск и, таким образом, предупредили тыловое «предложение». Удивляемся мы здесь, на боевом фронте, тому, что находятся в далеком тылу организации и частные лица, с такой развязностью и легкостью проектирующие для нас боевые задачи! Успокойтесь, умерьте свой пыл за счет не вашей крови. Будьте добры, – разрешите нам, казакам, служить Временному Правительству, как служили; идти нам всегда по указу нашего фронтового начальства туда, куда призовет нас честь наша, благо исстрадавшейся России и спасение истинной свободы. А вы сами займитесь прямым своим делом, если оно только у вас есть, помимо разговоров! Не ваше дело, – не вами и сделается! *А.Б.*»[351].

Ответ не заставил себя долго ждать. Уже 23 августа войсковой старшина А.Ф. Рязанов выступил на газетных страницах в защиту Дутова: «Войсковой стар[шина] Дутов, как делегат 1-го Оренб[ургского] Казачьего полка, как делегат войска, является ничуть не частным лицом и мог подать свой голос от имени всего войска и, следовательно, от всех казачьих частей фронта. Как делегат Всероссийского Казачьего Круга, как

его председатель, как председатель Совета Союза Казачьих войск, лицо облеченное доверием всего объединенного Казачества, Войсковой] Ст[аршина] Дутов полномочен подать свой голос и внести предложение от имени Казачества вообще. В числе принявших его предложение о посылке известной телеграммы на имя Военного министра были лица, облеченные доверием всего войска выборные: Войсковой атаман Генерал Мальцев, Начальник штаба полковник Половников, делегаты Оренбургского войскового круга, члены Войсковой Управы, окружной Управы и делегаты войсковых частей с фронта, бывшие на съезде в Оренбурге. Мы не имеем чести знать, кто вы, г-н А.Б., но возможно, что в числе принявших эту резолюцию был делегат и вашей части. Я думаю, что тут произошло недоразумение вследствие вашей неосведомленности в наших казачьих делах… Наша резолюция не есть боевой приказ и боевая задача… Она преследовала цель заявить Вр[еменному] Правительству, что среди общего распада и уныния жив и крепок дух казаков»[352]. Разумеется, Дутов несколько превысил свои полномочия, за что и получил негодующий ответ с фронта.

По слухам, которые просочились и в печать, 28–29 августа в Петрограде ожидалось новое выступление большевиков в связи с шестимесячным «юбилеем» февральских событий[353]. Для пресечения возможного мятежа Временное правительство вызвало с фронта войска, причем члены Совета Союза казачьих войск с 24 августа были в курсе того, что III конный корпус Генерального штаба генерал-лейтенанта А.М. Крымова двигается к столице. Однако Керенский, 26 августа введенный в заблуждение обер-прокурором В.Н. Львовым, названным британским послом в России Д. Бьюкененом «зловредным интриганом»[354], объявил Л.Г. Корнилова изменником и начал вооружать петроградских рабочих[355].

27 августа представителей Совета неожиданно попросили прибыть к 19 часам в штаб Петроградского военного округа. Поехали П.А. Авдеев и А.Н. Греков, с казаками беседовал главнокомандующий округом генерал О.П. Васильковский, пытавшийся узнать, располагают ли они сведениями о мятеже Корнилова. Казаки ничего не знали, и этим генерал был успокоен. Очевидно, Васильковский пытался таким простым способом выяснить, существует ли заговор против правительства и в Петрограде. Новостью для Грекова и Авдеева стало известие об отказе Корнилова подчиниться приказу Керенского о собственном смещении с поста главковерха. По возвращении члены Совета собрались на заседание и стали обсуждать сложившуюся ситуацию, ставя перед собой задачу предотвратить

Гражданскую войну, угроза которой была очевидна. Дутов узнал о происшедшем из частного источника и сам собрал Совет. Как заявил 9 октября 1917 г. в своих показаниях Чрезвычайной комиссии по делу Корнилова член Совета есаул А.И. Аникеев, «положение рисовалось нам до чрезвычайности тяжелым. Трудно было учесть тяжесть последствий этого конфликта. Ясно было только одно, что **по чьей-то вине** (подчеркнуто в документе. – *А. Г.*) сделан был большой прыжок в сторону гибели и позора России. Перед нами встал весь ужас возможности кровавой братоубийственной войны, ужас тем *более* для нас страшный, что в этот водоворот неизбежно должны быть вовлечены казачьи части, поставленные перед лицом жестокой необходимости стрелять друг в друга, так как казаки, подчиняясь приказу начальства, могли выступить и с той и с другой стороны, а разрешение конфликта могло вызвать употребление в дело оружия»[356]. Было решено командировать трех человек к Керенскому и добиться разрешения поехать в Ставку.

Поздно ночью (в 1–2 часа ночи[357]) Дутов, Караулов и Аникеев отправились к Керенскому, который принял их в присутствии управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова и потребовал от казаков письменного отказа от насильственной реализации постановления Совета по Корнилову. Кроме того, министр-председатель потребовал от членов Совета в случае продолжения движения корпуса Крымова на Петроград призвать казачество встать на сторону правительства, но получил по всем вопросам отказ. «Керенский был взволнован. На вопросы отвечал довольно сдержанно. Савинков был откровеннее»[358].

Казаки просили у Керенского разрешения отправиться в Ставку, чтобы примирить обе стороны. Керенский сказал, что примирение уже невозможно и нужно убедить Корнилова подчиниться. Он дал разрешение на поездку и попросил Савинкова подготовить пропуска. Однако, когда члены Совета пришли на следующее утро (28 августа) за пропусками, Савинков, показав им уже готовые документы, ответил, что Керенский запретил им ехать в Ставку под предлогом того, что их посредничество уже запоздало. По другой версии, имела место встреча не с Савинковым, а с начальником политического управления Военного министерства поручиком Ф.А. Степуном[359], однако с тем же результатом. Совет усмотрел в этом недоверие со стороны министра-председателя к своей работе и сложил с себя ответственность за дальнейшее развитие событий.

В этот же день Корнилов принял решение об открытом выступлении против Временного правительства, ведшего страну к гибели. 28 августа датировано его воззвание к казакам: «Казаки,

дорогие станичники! Не на костях ли ваших предков расширялись и росли пределы Государства Российского. Не вашей ли могучей доблестью, не вашими ли подвигами, жертвами и геройством была сильна Великая Россия. Вы – вольные, свободные сыны тихого Дона, красавицы Кубани, буйного Терека, залетные, могучие орлы уральских, оренбургских, астраханских, семиреченских и сибирских степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури, всегда стояли на страже чести и славы ваших знамен, и русская земля полна сказаниями о подвигах ваших отцов и дедов. Ныне настал час, когда вы должны прийти на помощь Родине. Я обвиняю Временное правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло 12 тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов правительства в прямом предательстве Родины и тому привожу доказательство: когда я был на заседании Временного правительства в Зимнем дворце 3 августа, министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные. Ясно, что такое правительство ведет страну к гибели, что такому правительству верить нельзя, и вместе с ним не может быть спасенья несчастной России. Поэтому, когда вчера Временное правительство в угоду врагов потребовало от меня оставления должности Верховного главнокомандующего, я, как казак, по долгу совести и чести, вынужден был отказаться от исполнения этого требования, предпочитая смерть на поле брани – позору и предательству Родины. Казаки, рыцари Земли Русской! Вы обещали встать вместе со мной на спасенье Родины, когда я найду это нужным. Час пробил, Родина – накануне смерти. Я не подчиняюсь распоряжениям ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА и ради спасенья Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину. Поддержите, казаки, честь и славу беспримерно доблестного казачества, и этим вы спасете Родину и Свободу, завоеванную Революцией. Слушайтесь же и исполняйте мои приказания. Идите же за мной. Верховный главнокомандующий, генерал *Корнилов* 28-го августа 1917 года»[360].

Информация о том, что Дутов 28 августа якобы был в Ставке и вечером уехал с письмом Корнилова в Оренбург[361], совершенно не соответствует действительности. Адъютант Корнилова Р.-Б. Хаджиев в своих мемуарах отметил, что, «кажется, с 27 августа Верховный начал посылать людей во все стороны для подготовки

народа к предстоящей совместной работе. Одним из первых уехал [В.С.] Завойко и Александр Ильич Дутов, причем первый уехал на Дон[362], а второй в Оренбург для подготовления казаков. Верховный приказал мне дать двух джигитов для сопровождения их до Гомеля, так как они ехали туда в автомобиле»[363]. Разумеется, в Оренбург Дутов не уезжал. Известно, что с 27 августа он точно находился в Петрограде, таким образом, побывать в Ставке будущий атаман мог лишь до этого – с учетом дороги из Ставки до Петрограда его встреча с Корниловым могла состояться не позже 25 августа. К сожалению, более детальных свидетельств о пребывании Дутова в Ставке обнаружить не удалось.

Впрочем, сам Дутов позднее вспоминал в беседе с журналистом, что встречался с Корниловым в Ставке после московского совещания. «Здесь (в Ставке. – *А. Г.*) мне была поручена работа, – говорил он, – по подготовке к этому выступлению (Корнилова. – *А. Г.*) войск в Петрограде, и после начала выступления я уже не виделся с Корниловым»[364].

Любопытное свидетельство привел П.Н. Милюков в своей «Истории второй русской революции». Оно было получено от небезызвестного В.Н. Львова, «рассказавшего ему (Милюкову. – *А. Г.*) в мае 1921 г. в Париже о следующем своем разговоре с казацким полковником Дутовым. «В январе 1918 г., – говорил В.Н. Львов, – я был при защите Оренбурга от большевиков. Между прочим, я был у Дутова в сопровождении председателя оренбургского комитета к[онституционно]-д[емократической] партии Городецкого. Я спросил Дутова: что должно было случиться 28-го августа 1917 года? Дутов ответил мне буквально следующее: между 28 августа и 2 сентября под видом большевиков должен был выступить я»…[365] Дутов продолжал: «Но я бегал в экономический клуб[366] звать выйти на улицу, *да за мною никто не пошел* (выделено в тексте. – *А. Г.*)»…»[367]. Здесь же Милюков рассуждал об офицерском заговоре и о том, был ли в него посвящен Корнилов. На мой взгляд, В.Н. Львов давал такие показания, чтобы снять с себя ответственность за собственные бездумные действия в августе 1917 г. и пытаясь утверждать, что заговор Корнилова и офицеров – не плод воображения перепуганного Львовым Керенского, а исторический факт. Позднее и сам Керенский пытался утверждать, что такой заговор правых, в том числе при участии Совета Союза казачьих войск, существовал на самом деле, и, более того, о нем было известно начиная с середины июля[368]. Небезынтересно, что за это свидетельство в 1930-х гг. ухватилась и советская пропаганда[369]. Керенский, в частности, заявлял, что Корнилов был связан с

Дутовым гораздо раньше, чем с Калединым[370]. Дутов принимал участие в собрании представителей петроградских правых организаций в ресторане «Малый Ярославец», произошедшем по трем различным свидетельствам в период 26–28 августа[371]. Также присутствовали А.И. Путилов, генерал Иванов, Генштаба полковники Л.П. Дюсиметьер («Республиканский центр») и В.И. Сидорин, полковник Гейман, подполковник Бантыш, штабс-капитан Алькимович, поручик Березовский, Ф.А. Липский и Л.Л. Рума. Всего не более 15 человек. Дутов был навеселе, остальные серьезно обсуждали назревшие вопросы. В связи с приближением корпуса Крымова и не ожидавшимся в ближайшее время выступлением большевиков было якобы принято решение об организации в городе погромов с целью спровоцировать большевиков, причем ответственным за это дело был назначен Генерального штаба полковник В.И. Сидорин[372].

Генерального штаба капитан С.Н. Ряснянский, являвшийся членом Главного комитета Союза офицеров армии и флота, отмечал, что Сидорин «очень энергичный и мужественный, когда он того хотел… временами впадал в полное безделие и совершенно ничего не хотел делать»[373]. Именно на Сидорина, по свидетельству Ряснянского, была возложена задача наладить связь с Союзом казачьих войск для подготовки совместного выступления в Петрограде. Разумеется, Ряснянский отмечает, что казаки были настроены «не всегда так, как бы это нужно было»[374]. Однако и сам Сидорин, как выяснилось, вплоть до 26 августа почти ничего не сделал для налаживания взаимодействия с организацией Дутова. Связь между двумя союзами существовала на уровне Сидорин – Хрещатицкий (помощник Дутова). В итоге Дутов смог лишь постфактум заявлять о своей важной роли в тех событиях. Тогда же он, по всей видимости, был не вполне осведомлен о той работе, которую вели некоторые члены Союза офицеров армии и флота. Не был о ней осведомлен и генерал Корнилов (иначе, учитывая его контакты с Дутовым и наличие единой организации, будущий атаман, скорее всего, был бы в курсе всех организационных вопросов и взаимодействовал бы с Союзом офицеров непосредственно). Что касается заговора, если он и существовал в действительности, то формировался в основном вокруг руководства Союза офицеров армии и флота, причем речь шла не о заговоре против Временного правительства, а о ликвидации Петроградского Совета, которая бы положила начало ликвидации системы Советов по всей стране.

Известный эмигрантский публицист И.Л. Солоневич, являвшийся на момент выступления Корнилова начальником одного из отделений студенческой милиции Васильевского

острова и состоявший в качестве представителя спортивного студенчества при Дутове, отмечал, что Дутов должен был выступить в Петрограде не «под видом большевиков», а непосредственно поддержать движение Корнилова. «Мы умоляли Дутова дать нам винтовки. Дутов был чрезвычайно оптимистичен: «Ничего вы, штатские, не понимаете. У меня есть свои казачки, я прикажу – и все будет сделано. Нечего вам и соваться». Атаман Дутов приказал. А казачки сели на борзые на поезда и катнули на тихий на Дон. Дутов бросил на прощание несколько невразумительных фраз, вот вроде тех сводок о заранее укрепленных позициях, на которые обязательно отступает всякий разбитый генерал. Я только потом понял, что атаман Дутов был просто глуп той честной строевой глупостью, которая за пределами своей шеренги не видит ни уха ни рыла. Очень может быть, что из нашей студенческой затеи, если бы мы и получили винтовки, не вышло бы все равно ничего. Ну а вдруг? Мало ли какой камушек в решающий момент может перевесить весы истории? Наш камушек, камушек студенческой молодежи, людей смелых, тренированных, как звери, и знающих, чего они хотят, был презрительно выброшен в помойную яму истории»[375].

Сложно оценить степень достоверности этого свидетельства. Тем более, что Солоневич известен своим резко отрицательным отношением к руководителям Белого движения. По меньшей мере странным выглядит обращение Солоневича к Дутову с просьбой о выдаче оружия. Можно подумать, что возглавляемый Дутовым Совет Союза казачьих войск был военизированной организацией с собственными запасами вооружения! Очевидно, что Дутов если и мог как-то содействовать Корнилову, то только посредством своего авторитета и связей в казачьих частях и петроградских штабах.

Разумеется, нельзя говорить о роли Дутова в те дни однозначно, однако нет никаких весомых доказательств того, что он должен был поднять восстание в Петрограде. Его отказ Солоневичу это доказывает. Если бы Дутов был действительно намерен выступить, он бы, конечно, с радостью воспользовался помощью любых сил. Собственные же (и приписываемые ему) признания Дутова, учитывая известную склонность атамана к бахвальству, нуждаются в самом критическом анализе. В годы Гражданской войны указания на нейтралитет Дутова в корниловские дни едва ли могли положительно восприниматься в Белом лагере, соответственно Дутову приходилось изворачиваться в объяснениях, чтобы не терять популярность.

Кроме того, в дальнейшем (осенью 1917 г.) Дутов тесно сотрудничал с Временным правительством и даже был

произведен в следующий чин, что было бы невозможно, будь он причастен к какому бы то ни было заговору (вопрос о наличии заговора весьма интересовал Керенского, получавшего информацию об этом непосредственно из Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова). Совет Союза казачьих войск организационно не участвовал в движении Корнилова. Более того, вся деятельность Дутова и Совета Союза казачьих войск в период выступления Корнилова говорит об их нейтралитете, правда в большей степени благожелательном по отношению к Корнилову, чем к Керенскому. Как позднее свидетельствовал последний, руководители Совета «принадлежали к той группе лиц, как и Милюков, которые были убеждены, что победа будет на стороне Корнилова, а не на стороне революции»[376]. Тем не менее позиция Дутова не устраивала ни правых, ни левых. В частности, известный монархист В.М. Пуришкевич в письме Каледину от 4 ноября 1917 г. назвал политику Дутова (правда, скорее всего, в отношении всего периода до ноября 1917 г.) странной, указав, что из-за этого казаки оказались распропагандированы, и обвинил будущего оренбургского атамана в том, что тот упустил благоприятный для решительных действий момент[377]. Но, как уже говорилось, Дутов не собирался предпринимать такого рода действия. Думаю, не будет ошибкой сказать, что Дутов занял очень осторожную и выжидательную позицию.

От 13-го и 15-го Донских казачьих полков III корпуса в Петроград 29 августа прибыли ветеринарный фельдшер Гуров, урядники Мельников и Даращев. Они встретились с Керенским, который сказал им, что Корнилов – изменник и поднял мятеж, и приказал не исполнять приказов о движении к Петрограду, а офицеров арестовывать. Прибывшие были произведены в прапорщики[378]. Казаки просили командировать в эшелоны кого-либо из Совета Союза казачьих войск. Дутов попросил Аникеева получить для этого пропуск в штабе округа. Из штаба округа Аникеев с казаками и адъютантом Керенского лейтенантом Ковалько поехал в Совет. 30 августа делегаты Совета П.А. Авдеев и А.Ф. Худяков выехали к войскам (в 1-ю Донскую казачью дивизию) с задачей по возможности не допустить арестов офицеров и успокоить казаков, что им в целом удалось сделать. Перед выездом они имели беседу с Б.В. Савинковым.

30 августа в Петроград приехал генерал А.М. Крымов, который после беседы с Керенским застрелился. Похороны Крымова во избежание демонстраций протеста были проведены скрытно. В тот же день Дутова, Караулова и Аникеева в штаб округа пригласил Савинков. После беседы с ним состоялась

встреча с начальником штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба генералом от инфантерии М.В. Алексеевым, который сказал, что «уже начались случаи дикой, кровавой расправы солдат с офицерами. Такие осложнения под влиянием пропаганды безответственных лиц возможны, хотя и маловероятны, и в ваших казачьих частях, подошедших к Петрограду. Надеюсь, вы не откажете мне в помощи и поедете в казачьи части поговорить с казаками, чтобы своим авторитетом успокоить их. Теперь в казачьих частях еще сохранился порядок, и поддержать его крайне необходимо. **Временное правительство обещает провести в жизнь поставленные мною условия, но разве «им» можно верить?** (подчеркнуто в документе. – *А. Г.*)»[379]. Разумеется, делегаты обещали поехать в полки, однако на следующий день их поездка была отменена. 30 августа была выпущена резолюция Совета с призывом к казакам подчиняться правительственным распоряжениям, но такой документ не устроил Керенского.

31 августа в Зимний дворец был вызван Дутов. Однако он сказался больным и не поехал, оставшись в своем номере гостиницы «Пушкинская» на Пушкинской улице. По поручению Дутова к Керенскому отправился войсковой старшина А.Н. Греков. В крайнем случае обещал быть и сам Дутов. Керенский принял Грекова в бывшем императорском кабинете, его целью было потребовать от Дутова решительных действий против Корнилова и Каледина. Совет должен был объявить Корнилова изменником, а Каледина – мятежником. Оба обвинения не имели под собой никакой почвы и основывались на страхах Керенского. Разумеется, Греков отказался выполнить его просьбу, сообщив, что не имеет необходимых полномочий. Тогда Керенский потребовал к себе весь президиум Совета Союза казачьих войск. Вскоре члены президиума были у Керенского. Керенский принял их вместе с министром призрения донским казаком И.Н. Ефремовым. Поздоровавшись с каждым за руку, он принялся ходить по кабинету, излагая волновавшие его вопросы. Керенский, по свидетельству есаула А.И. Аникеева, «в непозволительном повышенном тоне обратился к президиуму Совета со следующими словами: «Почему Совет так поздно нашел возможность сказать свое слово о подчинении Временному правительству. Совет это слово сказал тогда, когда стало ясно, что выступление генерала Корнилова ликвидировано. Кроме того, генерал Каледин поднял мятеж на Дону, грозит отрезать Москву и Петроград от угольного района, занял станцию Поворино, в Урюпинске сосредоточивает мятежные войска, разъезжает по области и призывает казаков к восстанию против Временного

правительства. Совет в своем воззвании не вынес осуждения ни генералу Корнилову, ни генералу Каледину как мятежникам и предателям и изменникам родины. Я требую от Совета самого жестокого осуждения генералам Корнилову и Каледину. Если Совет это сделает, то все происшедшее я могу считать недоразумением»[380]. Обвинения Каледина в подготовке восстания были откровенной клеветой, обусловленной слабой информированностью Керенского о реальном положении дел (впрочем, слабо информированы были все стороны в этом конфликте) и страхом перед представителями правого лагеря. В то же время реальной ситуации не знали и члены Совета.

Ответил Дутов, обративший внимание Керенского на то, что казаки уже предлагали мирное решение, но получили отказ в поездке в Ставку, теперь уже Дутов отказал в резолюции, которой добивался Керенский. Последний заявил делегатам, что это решение казачьего офицерства, а не трудовых казаков, и потребовал резолюцию всего Совета. Подобное высказывание было достаточно наивным, ведь рядовое казачество и казачье офицерство были связаны друг с другом самым тесным образом: многие вместе воспитывались и жили в станице, вместе несли тяготы военной службы и боевой жизни, а часто даже являлись близкими родственниками. Почти все вернулись с Первой мировой войны живыми. Подобные особенности отразились на участии казачества в Гражданской войне, когда казаки пошли за своими офицерами и метались между красными и белыми часто тоже вместе с офицерством.

После этого разговора у членов президиума сложилось впечатление, что Керенский их арестует. Чтобы прояснить ситуацию, Дутов перед уходом спросил его, могут ли присутствующие члены Совета считать себя в безопасности и не вызовет ли их отказ репрессий. Керенский на это ответил: «Вы мне не опасны, повторяю вам, трудовое казачество на моей стороне. Можете быть свободны; я жду от вас сегодня же нужной для меня резолюции»[381].

Около 15 часов члены президиума покинули Зимний. На 18 часов Дутов назначил экстренное заседание Совета. На заседании он изложил свою точку зрения, после прений совместно с присутствовавшим Карауловым им было составлено письмо Керенскому. В письме перечислялись все обиды, нанесенные правительством казакам. Отмечалось, что Каледин и Корнилов – казаки и что Совет не может их осудить, не выяснив всех обстоятельств. Кроме того, было указано, что Совет не может работать, когда ему угрожают. Текст этого документа, озаглавленного как «Обращение Совета Союза Казачьих Войск к

Министру-Председателю Государства Российского», был следующим (неясны временные разночтения в источниках): «Господин Министр-Председатель. По Вашему вызову Президиум Совета сегодня, 31 августа, в 17 час. прибыл в Зимний дворец и выслушал Ваше требование: «Дать немедленное и жестокое осуждение генералам Корнилову и Каледину и признать их мятежниками и изменниками родины». Первое обращение Совета в виде делегации в лице Председателя А.И. Дутова, Атамана Терского войска Караулова и есаула Аникеева за разъяснением событий и принятия на себя посредничества не привело ни к чему. Вы обещали послать эту делегацию к генералу Корнилову, потом отменили. Мы обратились с просьбой послать делегации в Уссурийскую казачью, Туземную конную, 1-ю Донскую казачью и 5-ю Кавказскую казачью дивизии, дабы предотвратить братоубийственное столкновение и осветить обстановку. Вы нам обещали, но не дали разрешения; потом настойчиво прося, мы опять получили разрешение ехать и вновь нас не пустили. Таким образом, мы являемся или узниками, или, вернее, заложниками казачества и к нам применены меры пресечения. Теперь же, когда на Дону начались неурядицы и это грозит голодом и отсутствием угля, Вы вновь обращаетесь к нам за помощью, но уже в резкой ультимативной форме, почти с угрозой. Совет не может уяснить себе тактики Временного Правительства по отношению к нему. В настоящее тяжелое для казачества время, казалось, проще всего обратиться к его выборному органу того же казачества (так в документе. – *А. Г.*), но, тем не менее, ему не доверяют и его игнорируют. В то же время члены Совета Р[абочих] и С[олдатских] Депутатов] имеют свободный пропуск и решают казачьи дела. Совет, после объяснения с генералом Алексеевым и бывшим управляющим военным министерством Савинковым, счел для себя, наконец, обстановку несколько выясненной и заявил войскам свое требование о подчинении Временному Правительству, но этого оказывается мало, и теперь Совету приказывают заклеймить генералов Корнилова и Каледина именем Изменников и бунтовщиков. Совет, являясь выборным органом всего Российского казачества, в том числе и Донского, не может работать под давлением и угрозами и, дав уже резолюцию о подчинении Временному Правительству, другой вынести не представляет для себя возможным. К тому Совет Союза Казачьих Войск считает нужным заявить Временному Правительству, в лице Вашем, Господин Министр-Председатель, что даже при наличии военных действий между противниками возможны всякие мирные конференции для выяснения всех причин, тем *более* казалось бы возможным при настоящем братоубийственном

столкновении испытать все мирные средства, а потом уже угрозы. Совет твердо заявляет, что он первый сделал все примирительные шаги, но его предложения отвергнуты. Совет с начала своего существования не встретил сочувствия к себе со стороны Временного Правительства. Ему всегда и во всем ставились препоны. Так, ему было отказано и в помещении, и в перевозочных средствах, и во многих других, необходимых для существования нуждах, в то же время другим организациям все это предоставлялось сразу и без хлопот. Совет никуда не звали и не приглашали. Совет сам упорно добивался участия в государственной жизни страны тогда, когда задевались интересы казачества, и только настойчивыми просьбами, многочасовыми сидениями председателя по приемным удалось добиться некоторого обоснованного положения. Прорыв фронта и казачья стойкость там дали казачеству, а в частности Совету, возможность кое-где проявлять себя. События 5 июля, когда на улицах Петрограда пролилась казачья кровь, дали Совету окончательно фундамент, и, наконец, Московское Совещание, куда Совет попал в числе 10 лиц и то после многократных просьб, несмотря на Ваше, Господин Министр-Председатель, обещание вызвать туда весь Совет, кое-как позволи[ло] Совету быть окончательно известным Временному Правительству. Все просьбы членов Совета почти не имели успеха. Фронтовый (так в документе. – *А. Г.*) казачий Съезд нам разрешили, потом отменяли, вновь разрешали и опять отменяли. Работая на благо родины, Совет всецело существовал на свои собственные средства, не обременяя и без того тощую государственную казну. Все земельные и выборные реформы по Учредительному Собранию в отношении казачества встречали огромные препятствия со стороны членов Временного Правительства. Последнее земское положение окончательно указало на невозможность сохранения казачьих особенностей жизни. В комиссию, назначенную для расследования Событий 3 и 5 июля, члены Совета не вошли, между тем кому, как не казакам, быть [и] участвовать в этой комиссии. В последнее время началась травля Совета, называли его предателем армии. И когда председатель Совета обратился с письмом на Ваше имя, Господин Министр-Председатель, с просьбой не допускать подобных выпадов в печати, от Вашего имени Совет получил ответ, [–] неправительственные печатные органы не могут быть связаны его приказаниями. В такой атмосфере работать невозможно. Теперь от нас требуют заявления и как бы суда над генералами Корниловым и Калединым. Мы – не судьи, а представители всех 12-ти казачьих войск, в списках коих состоят и генерал Корнилов, и генерал

Каледин, а потому осудить их мы не можем, не узнав всех подробностей. Как Вы, Господин Министр, так и бывший управляющий военным министерством Савинков, даже теперь утверждали, что генерал Корнилов – боевой генерал, любящий родину, но вовлеченный лишь в авантюру неизвестными выскочками, так как же мы, казаки, можем заклеймить этих боевых сынов казачества столь позорным именем без суда и следствия. Разве Вам недостаточно, Господин Министр-Председатель, заявления в нашем воззвании о подчинении Временному Правительству. Большего дать сейчас не можем, и если Вы будете настаивать, угрожать и оказывать давление на нас, то мы, Совет, вынуждены будем просить свои [войска] сложить с нас полномочия, считая дальнейшую работу под давлением несовместимым (так в документе. – *А. Г.*) с достоинством выборного органа всероссийского казачества»[382].

Ответ Совета было решено отправить не с офицерами, а исключительно с простыми казаками, чтобы тем самым наглядно продемонстрировать Керенскому, что это решение трудового казачества. Зачитать ответ должен был П.А. Авдеев – бас Кубанского казачьего хора. В делегацию вошли П.А. Авдеев, А.И. Попов, А. Сидоров, В.Ф. Зайцев, Н.А. Шамшин, И.Е. Соколов, Г.В. Тюменцов, И.С. Макридин и П.Л. Лукин. Делегаты прибыли во дворец около 23–24 часов и были приняты министром-председателем. После того как Авдеев зачитал письмо, Керенский попросил забрать бумагу обратно, но казаки отказались. «Тем хуже для Вас, за последствия я не ручаюсь»[383], – была последняя фраза Керенского. В тот же день Корнилов и Каледин были объявлены изменником и мятежником. Совет Союза казачьих войск в ответ вынес резолюцию о том, что Керенский не вправе отстранять выборного донского атамана, каким являлся Каледин, т. к. не он его избирал. По мнению Керенского, он утвердил Каледина в должности и мог его отозвать. 1 сентября на встрече с Аникеевым и Худяковым Керенский «держал себя по отношению к нам, членам Совета, возмутительно: кричал на нас, волновался, делал непозволительные скачки и жесты и все время подчеркивал, что он Верховный главнокомандующий, а мы – военнослужащие. Хотя мы разговаривали с ним не как с Верховным главнокомандующим, а как с министром, и не как военнослужащие, а [как] представители казачества»[384].

2 сентября в Совете узнали об аресте Корнилова, произошедшем за день до этого. После ликвидации Корниловского движения казаки стали добиваться участия в расследовании дела Корнилова. Такая возможность была им дана. Представитель казачества И.Г. Харламов участвовал в работе

чрезвычайной комиссии по расследованию дела Корнилова[385]. Отношение Керенского к Совету после подавления выступления Корнилова ухудшилось. Есть, однако, сведения о том, что применительно к делу Каледина Керенский сожалел «о создавшемся недоразумении между ним и казачеством»[386]. Возможно, чтобы примириться с казачеством, как со своей последней опорой, он решил задобрить его представителей, причем не только словами извинений и сожалений, но также новыми назначениями и чинами. Популистские шаги Керенского по отношению к казакам увенчались успехом – Ленин вплоть до 20-х чисел октября 1917 г. всерьез опасался их выступления в защиту Временного правительства, считая, что последнее может еще рассчитывать на поддержку казачества[387]. Таким образом, нельзя согласиться с мнением о том, что «к моменту большевицкого переворота отношения казачества с Временным правительством были окончательно испорчены Керенским»[388]. Определенный кредит доверия был, но воспользоваться им правительство не смогло.

Сам Дутов отмечал в те дни, что «Совет Союза казачьих войск работает в целях укрепления нового строя и объединяет все демократически-трудовое казачество»[389]. 11 сентября по инициативе Совета Союза казачьих войск в Петрограде прошло совещание представителей всех казачьих частей Петрограда и окрестностей. Совещание началось около 12 часов дня и затянулось до поздней ночи, председательствовал Дутов, которого в газетах уже называли полковником. В своем выступлении он призвал казаков к единению. На совещании выступил и Б.В. Савинков, отметивший, что считает Корнилова честным человеком, но расходится с ним в средствах и планах, поскольку выступает против единоличной диктатуры. Демократическое совещание казаки посчитали имеющим частный характер, но поддержали идею демократической республики[390].

15 сентября 1917 г. Дутов и Греков приехали в Военное министерство, где их принял новый военный министр А.И. Верховский, назначенный на этот пост Керенским, в благодарность за решительные действия по подавлению движения Корнилова. По мнению Грекова, Верховский пытался заискивать перед казаками, спрашивал, сильно ли им недовольно казачество в результате его необоснованных обвинений в адрес Каледина[391]. Дутов ответил, что Верховского считают виновником всех несчастий. Тогда он показал Дутову пачку телеграмм с сообщениями о движении казачьих частей и занятии станции Поворино, разрешив снять с них копии. На встрече также обсуждалась идея создания при Военном министерстве комиссии

по казачьим вопросам. Дутов высказался против привлечения исключительно казаков к полицейской службе, затронул вопрос безопасности Корнилова и получил успокоительные заверения Верховского[392]. Несмотря на это, Дутов решил предпринять собственные шаги для выяснения действительной ситуации с Корниловым – представителю казачества при Ставке сотнику Г.Е. Герасимову было поручено съездить в Быхов и лично ознакомиться с условиями содержания Корнилова и его соратников. После беседы министр поздравил Дутова с производством в полковники и пригласил на обед.

Относительно этой встречи больше вопросов, чем ответов. Один из ее участников войсковой старшина А.Н. Греков в своих показаниях Чрезвычайной комиссии по расследованию дела Корнилова от 4 октября 1917 г. указал, что имел две встречи с Верховским, в ходе первой из которых речь шла о Каледине, а в ходе второй (на следующий день) – о казачьем представителе в следственной комиссии, причем именно тогда Верховский передал Грекову телеграммы[393]. Об участии по крайней мере в одной из этих встреч Дутова Греков не обмолвился ни словом (хотя писал об этом в мемуарах, впрочем объединив две встречи в одну), кроме того, он не смог в своих показаниях указать точную дату обеих встреч с Верховским, однако почему-то сделал это в опубликованных шесть лет спустя воспоминаниях. И вообще более чем странно, что чрезвычайная комиссия допросила членов Совета Союза казачьих войск А.И. Аникеева и А.Н. Грекова, но не допрашивала более значимого свидетеля – председателя Совета Дутова. Добавлю, что газета «Оренбургский казачий вестник» писала о встрече Верховского и Дутова лишь в номерах от 20 и 24 октября 1917 г., однако уже 19 октября Верховский ушел в отставку[394], датировка же встречи Грековым может быть поставлена под сомнение. Кроме того, производство Дутова в полковники состоялось лишь 16 октября (со старшинством с 25 сентября 1917 г.[395]), поэтому сентябрьские поздравления Верховского кажутся преждевременными. При этом, однако, нельзя исключать, что могла идти речь о подготовке производства в Военном министерстве. И, как говорилось выше, Дутова в печати уже называли полковником. К сожалению, сам Верховский в своих воспоминаниях вообще предпочел воздержаться от упоминания об этой встрече.

Избрание атаманом

Как бы то ни было, в июле – октябре 1917 г. помимо политической борьбы Совет Союза казачьих войск продолжал вести большую работу по содействию казачьим войскам. Удалось добиться помощи войскам, пострадавшим от неурожая (Уральское, Астраханское, Уссурийское и Енисейское), голосования фронтовых казаков на выборах в Учредительное собрание по своим станицам, чтобы их голоса не пропали на фронте в массе регулярных войск, запрета использовать казачьи части на подавлениях без ведома Совета. Советом был выработан и принят устав объединенного казачьего банка, велась работа по совершенствованию сельского хозяйства в казачьих областях, Совет добивался помощи фронтовым казакам теплыми вещами (проект не реализован в связи с переворотом в Петрограде). В сентябре Совет организационно отказался от участия в Демократическом совещании и во Временном совете Российской республики – Предпарламенте. Дутов принимал участие в совещании, на котором были намечены члены комиссий Предпарламента, и был избран членом комиссии по обороне, но от участия в работе Предпарламента отказался, сославшись на перегруженность работой. В этот же период ему было поручено отправиться во Францию на ноябрьскую конференцию союзных держав[396].

16 сентября в печати появилась программная статья Дутова «Позиция казачества», в которой он писал: «За последнее время как в печати, так и на митингах стали все громче раздаваться голоса, что казаки – контрреволюционеры, что они «нагаечники» и т. п. Немалым толчком к этому послужила декларация казачества, прочитанная на Московском Государственном Совещании генералом А.М. Калединым. Я не буду касаться этой декларации, скажу лишь несколько слов о казачестве с исторической точки зрения. Само возникновение казачества относится к тем моментам государственной жизни Руси, когда отдельные лица и целые общины не выдерживали тогдашнего полицейского гнета правителей русского народа и бежали на вольные степи и широкие реки. Что их связывало? – жажда свободы, устройство своей жизни по собственному желанию и выборное начало. Неужели эти вольные люди могли дать потомство «гасителей свободы»? Казаки не социалисты. Да, мы не социалисты современного типа, мы государственники-социалисты. Ведь теперь социализм сводится к тому, чтобы отнять у имущих землю и разделить поровну и таким образом

создать класс мелких землесобственников, так называемых «мещан земли». Разве это социализм? Обратитесь к казакам. У нас земля принадлежит войску в целом, а не членам его – здесь именно чистый социализм, в государственном его значении. Казаки – не демократы. А кто же они? Где же принцип равенства проведен от начала и до конца, как не у казаков? Где нет сословных перегородок? У казаков. Казаки не революционеры. Верно то, что они не большевики. Стенька Разин, Емельян Пугачев, Булавинский бунт, Выселение Яицких казаков и проч. достаточно ясно говорят об участии казаков в борьбе за свободу, «за Землю и Волю». Да и теперь в великой революции 1917 года казаки Петрограда очень твердо заявили свои взгляды. Казаков упрекают в приверженности к монархии и корят тем, что бывшие цари милостивы были к казачеству. Да, милость эта очень ясно показывалась назначением атаманов казакам в лице Таубе, Граббе и друг[их] известных лиц. Ныне казачество имеет своих выборных атаманов. Монархи требовали от казачества колоссальных денежных затрат по отбыванию воинской повинности. Казаки должны были выходить «конно, людно и оружно», да еще за свой кошт – это ли не милость? У Оренбургцев – отнята Магнитная гора, у Енисейцев – земли, Уссурийцев – поселили на камнях и болотах, Терцам и Кубанцам наложили всякие запреты на нефть, Дону в свое время переселили столько крестьян, что задавили казачество. У Забайкальцев для поселенцев отобрали лишние куски земли, у Амурцев – тоже. Вот какие дары казачество получало от своих государей. Все военные законы о льготах и денежных пособиях, если касались казаков, то после долгих хлопот или с ограничениями, даже командный состав в большинстве был не казачий – ибо не доверяли. Вот как казаки были любимы. Нет, за такие вольности и права споров не будет. Пусть за старый строй идет кто-либо другой, а казачеству он достаточно известен, и любви к нему не было, да и никогда не будет. Если казаки не республиканцы чистой воды, тогда ищите в мире других таких. Казачество вольное, свободное, строго разумное, будет верно своим историческим традициям, и его с пути не собьешь»[397].

По этой статье можно судить о политических взглядах Александра Ильича, сформировавшихся к моменту большевистского переворота. Кроме того, это позиция и ряда других предводителей казачества того времени. Сложно сказать, насколько искренне писал этот документ Дутов, но, тем не менее, именно такую точку зрения он декларировал. Даже если отбросить, вероятно, вынужденное расшаркивание перед Временным правительством после августовского конфликта,

Дутов стоял на республиканских и демократических позициях.

Тогда же он был вызван в Оренбург на чрезвычайный Войсковой Круг. Круг стал сплошным триумфом Дутова, сумевшего в полной мере пожать плоды своей работы в Петрограде. На Круге было запрещено употребление слова «товарищ». Первое заседание 20 сентября было открыто приветственной речью первого выборного Войскового атамана генерал-майора Н.П. Мальцева, судя по всему не пользовавшегося авторитетом у казаков. Председателем Круга был избран А.И. Кривощеков. В первый же день была заслушана приветственная речь Дутова, а самого докладчика избрали почетным председателем Круга[398]. Дутов тогда заявил: «Приветствую Круг от имени заложников казачества в Петрограде: такими заложниками был весь состав совета союза казачьих войск с 27 августа по 3 сентября. Нас боялись выпустить из Петрограда, нам не давали билетов на трамвай, не доставляли телеграмм… «Позор!» – несется дружный крик с депутатских мест. – Ваш покорный слуга был вызван к министру-председателю, и там мне, чуть не под угрозой заключения в тюрьму, было предложено подписать бумагу, в которой Корнилов и Каледин назывались изменниками. Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги я не подпишу… А вскоре меня призывает новый военный министр Верховский и просит подписать телеграмму на Дон о том, что Каледин не будет арестован, потому что заявлению Правительства об этом донцы не поверили… На чем было основано обвинение Каледина? Были двинуты на Дон казачьи части с фронта? Да, были, но части эти были двинуты по ордеру, подписанному еще в июле, для сформирования новой дивизии. Был занят казаками Донецкий каменноугольный бассейн? Да, был занят. Но занят по приказанию Временного Правительства, для восстановления порядка, нарушенного рабочими. Военный министр извинился за нанесенное казачеству оскорбление. Казаки получили право участвовать в деле Корнилова и Каледина в равном числе с неказаками. Нас спрашивают: с демократией ли Казаки? Нет, мы не с демократией, не с аристократией, не с тою или иною партией – мы, казаки, сами – единая партия. И мы с теми, кто любит родину. На московском совещании послы союзников заявили: союзники не бросят Россию до тех пор, пока казаки не бросят идею спасения родины. Пора, станичники, пора спасать родину, как спасали ее казаки 300 лет назад!»[399] Последняя фраза приобрела явно не тот оттенок, который хотел ей придать Дутов, ведь казаки в Смуту XVII в. сыграли весьма неблаговидную роль (что во многом повторилось и в Гражданскую войну). Тем не менее выступление Дутова было

восторженно встречено депутатами.

22 сентября Дутов и члены Совета Союза казачьих войск А.Ф. Пономарев и Н.С. Анисимов получили право решающего голоса на Круге. 23 сентября Дутов выступал перед депутатами Круга с докладом о политической позиции казачества, причем говорить ему пришлось почти в течение всего дня. По имеющимся сведениям, Дутов крайне негативно охарактеризовал обстановку в стране, казавшуюся ему хаотической[400]. По некоторым данным, будущий атаман заявил казачьим депутатам, что «нам нужно устроить свою казачью федеративную республику. Чтобы отстоять свои права в Учред[ительном] Собр[ании], нам нужно идти не с партиями, а с народностями, потому что мы – казаки – есть особая ветвь великорусского племени и должны считать себя особой нацией. Мы сначала казаки, а потом русские. Россия – больной разлагающийся организм, и из опасения заразы мы должны стремиться спасать свои животы. Наши леса, воды, недра и земли мы удержим за собой, а Россия, если она не одумается, пусть гибнет»[401]. Сложно сказать, насколько достоверна эта цитата, указанная в явно враждебном Дутову документе, однако, если она соответствует действительности, Дутов предстает не только казачьим автономистом, но и едва ли не сепаратистом, однако в дальнейшем, видимо, в нем возобладал здравый государственнический подход к политике. Позицию Дутова можно понять – страна была ввергнута в анархию, и оздоровление государства после неудачи Корнилова становилось возможным лишь из регионов.

Удалось обнаружить сравнительно полный пересказ речи Дутова, который был сообщен по телеграфу в Петроград комиссаром Временного правительства подпоручиком 109-го пехотного запасного полка Н.В. Архангельским, докладывавшим по линии МВД обо всех действиях Александра Ильича. Вообще беспардонное вмешательство Архангельского в казачьи дела вызывало справедливое возмущение выборной казачьей администрации уже тогда[402]. Тем не менее благодаря своеобразному доносу комиссара выступление Дутова сохранилось до наших дней. Эта речь и сегодня не может оставить равнодушным. Считаю целесообразным привести ее в полном объеме.

«Армии нет, армия проиграла в карты полтора миллиона рублей. Отдельные части продают пушки, пулеметы, во время обыска на Апраксином рынке найдено предметов военного обмундирования более, чем на целую армию. Под Ригой было постыдное бегство и дезертирство, хотя Войтинский[403] сообщал, что войска отошли при полном порядке, но он же на докладе [в]

политехникуме утверждал, что армии нет, что под Ригой было бегство. Военный министр Керенский [на] государственном совещании утверждал, что [в] армии много слов и два миллиона дезертиров. Солдаты насилуют женщин – сестер милосердия, раненых из женского батальона. Тарнополь нам стоил три с половиной миллиарда рублей, [–] всю вырученную сумму займа. Верховная власть не верит фронту, и поэтому Ставка переезжает [в] Калугу, чтобы не быть близко к фронту. Армия обменивает предметы снаряжения на хлеб, идет меновая торговля, мы возвращаемся [к] каменному веку, съеден впервые за все время войны неприкосновенный запас сухарей. Железные дороги: доходы миллиард 600 миллионов рублей, расход миллиард 800 миллионов рублей, между тем железнодорожники предъявили новые требования повышения заработной платы [на] три [с] половиной миллиарда рублей, откуда мы возьмем деньги, если весь бюджет равен 6 миллиардам. Починка старого паровоза обходится теперь гораздо дороже, чем покупка нового [в] Америке с доставкой его сюда. Раньше вырабатывалось 100 аэропланов [в] месяц, убывало 60, теперь 45, убывает 70, скоро мы останемся без аэропланов. Раньше вырабатывалась каждый месяц одна подводная лодка, теперь [за] шесть месяцев революции – одна канонерка, всюду взрывы пороховых складов, заводов. Финансы. Банки составляют синдикаты, мне известно, что 5 русских банков устроили синдикат [под] покровительством Дейтш банк. Врем[енное] правительство для поправления финансов предполагало продать недра Сибири. Иностранной политики нет, наши послы или не существуют, или отозваны, с Россией никто не считается. Внутренняя политика. Распоряжаются всем комитеты, которые стоят 120 миллионов рублей. Комиссары получают [в] 6 раз больше, чем представители старого правительства. Милиция обходится [в] несколько раз дороже протопоповских штатов. Казаки отдали все, что нужно было, так Кубань, Сибирь отдали весь хлеб. Всюду аграрные беспорядки, а власть организуется таким образом, что [в] Петрограде товарищем городского головы избран Луначарский, вы его знаете. Суда нет. Церкви нет. Священников не признают, но праздники празднуют. Рабочее движение. Всюду 8 часовой рабочий день, [о] котором [при] разрухе смешно говорить, рабочие получают 800–900 рублей, инженеры от 200–300 руб. Советы получили субсидии 28 миллионов, получат еще, между тем как относятся Советы [к] имуществу государства [и] нации, видно из доклада Родзянко, при перевозке из Таврического дворца Советы произвели полный разгром имущества, и из кабинета Родзянко неизвестно куда девались предметы

исторической ценности, обо всем этом можно прочитать у известного литератора Кузьмина в его статье [о] большевиках. Власть себя проявила 21 апреля, 3–5 июля, 28 августа, при созыве Государ[ственного] совещания и Демократического. Корниловское движение. Когда Корнилов приехал [на] совещание [в] Зимний дворец и хотел представить совету министров свой доклад, то министр-председатель дернул его за руку и сказал, что в совете министров всего нельзя говорить. Меры, предлагаемые Корниловым, были следующие: 1. Милитаризация железных дорог [и] заводов 2. Дисциплина [в] армии, комитеты остаются [с] чисто хозяйственными функциями, роль комиссаров только передаточная, им никакой власти не должно быть предоставлено. Власть же комиссаров огромна, так, например, укажу на случай, когда комиссар приказал разбудить Корнилова [в] $3^1/_2$ часа ночи, затем, чтобы узнать, поедет он [в] Петроград сегодня или нет. 3. Распространение смертной казни на тыл, но это требование не Корнилова, а всего фронта. 4. Назначение командного состава верхглавкомом[404], так как иначе возможны случаи, как случай [с] Черемисовым, который обратился, как говорят, [в] совдеп, и его кандидатура была признана приемлемой[405]. При въезде [в] Петроград и выезде Корнилов принужден был принять меры предосторожности, по выходе [из] поезда, окруженный отрядом текинцев, ехал [в] Зимний дворец [в] сопровождении автомобилей [с] пулеметами. Во время московского совещания Корнилов был торжественно приветствуем [за] исключением малой кучки с.р. депутатов, которые [при] его появлении не встали. На Государственном совещании [во] фракцию казаков явились 2 юнкера [и] заявили, что их предупреждают о восстании Корнилова, просили совета, как им быть. 27/8 мы ничего не знали, 28/8 [в] 8 часов вечера [ко] мне обратился корреспондент [«]Русского слова[»] и сообщил [о] восстании Корнилова. Был собран Совет, избрана делегация, [в] которую вошел и я. Мы отправились [к] министру [в] Зимний дворец, но правды у министра не узнали, а только услыхали: Смута, Смута. Тогда Совет Союза казачьих войск решил предъявить требование Врем[енному] правительству [о] посылке делегации [от] себя [к] Корнилову, делегация была разрешена, потом нет, 29/8 [в] Совет Союза явились 3 гонца от 1-й Донской дивизии, но при проверке оказались просто казаками 13-го Донского полка. Уходя от нас, один из них, Бутов, обратился ко мне: «Эх, войсковой старшина Дутов, плюньте вы на Врем[енное] правительство и поедемте к нам, на Дон». Эти 3 казака от нас пошли [к] Керенскому, и там им были произведены [в] прапорщики. 30 августа [в] кабинете Савинкова мы узнали [о] телеграфных переговорах прямым

проводом Керенского с Корниловым. Львов [от] имени Временного правительства ездил [к] Корнилову [с] предложением организовать власть [на] 3 условиях, из которых одно – диктатура Корнилова – было им принято.

От Корнилова Львов [с] предложением диктатуры Корнилова обратился [к] Керенскому. Когда мы спросили, почему Львов ездил [к] Корнилову, ответа не получили. Войск [на] Петроград Корнилов не двигал. 3-й конный корпус было решено вызвать 23 августа при предполагаемом введении военного положения. Корнилов ставил условием введения военного положения [в] Петрограде, введение [в] Петроград преданных войск, на что Временное правительство согласилось, таким образом, движение войск со стороны Корнилова не есть желание создать политическую авантюру, а вопрос, выдвинутый самим правительством для каких-то целей. Филоненко[406] заявил, что заговор был известен за месяц вперед, почему не были приняты меры, вообще [в] переговорах Керенского Корнилова все неясно. Алексеев принужден был принять пост начальника штаба только из боязни погибели России, так как верхоглавк[407] назначен Керенский. Положение офицеров было такое тяжелое, что 50 процентов их подало отставку, когда отставка не принималась, они подавали новое прошение [с] добавлением слов: служить не могу, ибо я монархист. После увольнения Корнилова и объявления его действий мятежом Вр[еменное] прав[ительство] издает приказ, которым приказы Корнилова объявлялись действительными, подлежащими исполнению. Тут мы растерялись – то бунтовщиком, то приказы его должны исполняться. Когда Корнилов отказался сдать верховное командование, то Алексеев со слезами, на коленях просил Корнилова сдаться. Никаких стычек, расстрелов не было. Все это вздор. Казачество обещало Корнилову помощь. 30/8 получились известия [о] Каледине. Керенский призвал меня и заявил о восстании, сообщил, что с Дона получена телеграмма о Каледине, но такой телеграммы предъявлено не было. Мы фактически были заложниками [в] Петрограде. Министр-председатель требовал написать резолюцию об измене Корнилова [и] Каледина, я ответил, что сделать этого не могу, пока не получу разъяснений. Керенский стал говорить со мною на повышенном тоне, каковым со мной никто никогда не разговаривал, тогда я сказал[, что] я представитель всех казачьих войск и оскорблять себя не позволю, после этого я и президиум вышли и написали письмо к министру-председателю. Керенский заявил, что мы представляем голос только офицеров, тогда мы выбрали из Совета казаков, и с ними послали это письмо Керенскому. Керенский бегло просмотрел [и]

сказал, что не примет этого письма, тогда делегация заявила, что она обязана исполнить приказ о вручении письма, тогда Керенский оставил письмо у себя. Круг Дону был не разрешен тогда, донцы заявили, что Врем[енное] правит[ельство] не имеет права не разрешать, на это правительство ответило, что оно было введено заблуждение. Как можно ввести правительство в заблуждение, ответа мы не получили. Совет Союза казачьих войск на Демократическое совещание приглашен не был, между тем Времен[ное] правительство заявило, что оно примет во внимание резолюцию Демократического совещания. Казаки признали совещание делом частным. Между тем Демократическое совещание подбиралось так, как нужно было господину Чхеидзе, совдепами была произведена анкета войскам, но наш Совет на нее не ответил, так как мы ничем не гарантированы, что сообщенные нам сведения не попадут руки немцев»[408].

Это выступление демонстрирует нам совсем иного Дутова. Перед нами уже не безвольный и колеблющийся человек. Впервые Дутов заявил о себе как об активном стороннике Корнилова, что в тот период было в общем-то небезопасно. Кроме того, позиция Дутова явно не была вызвана текущей конъюнктурой, а отражает собственную точку зрения будущего оренбургского атамана. По сути, это его первое крупное политическое заявление.

Неудивительно, что эта проникновенная речь произвела в провинциальном Оренбурге впечатление разорвавшейся бомбы, вызвав огромный резонанс среди слушателей. 26 сентября Дутов ответил на возникшие в связи с этой речью вопросы. 27 сентября высокой оценки депутатов была удостоена работа Совета Союза казачьих войск во главе с Дутовым. Как отмечалось в резолюции Круга, «Совет Союза казачьих войск является единственным выразителем мнений тылового и фронтового казачества всех войск. Его работа в целях объединения войск, защиты их интересов и представительства воли казачества является крайне полезной и существование его необходимым. В целях более полной связи совета с казачьими областями и, особенно, с фронтовыми казачьими частями он должен быть в своем составе увеличен до необходимой нормы за счет строевых частей, представителей которых должно быть до 50 % всего состава; в совет должен войти один представитель от казаков-мусульман Оренбургского войска. Отмечая спокойную, выдержанную и плодотворную, вполне отвечающую[409] переживаемому моменту работу совета, высоко держащего знамя казачества, Круг постановил: выразить всему составу его полное доверие и одобрение его деятельности в столь тяжелое для страны и казачества время»[410].

29 сентября Дутов сделал очередной доклад о приветствии им по поручению Круга мусульманского съезда, а 30 сентября был избран кандидатом в депутаты Учредительного собрания от Оренбургского казачьего войска, получив 128 голосов из 149 возможных (больше, чем другие кандидаты). Казачий список (список № 2 по Оренбургскому избирательному округу) кандидатов в Учредительное собрание включал 13 человек. Первым в списке значился сам Дутов (это было равносильно гарантированному избиранию, поскольку на территории Оренбургской губернии казачество было весьма мощной силой и даже в случае неудачи хотя бы один представитель войска наверняка бы прошел в Учредительное собрание), затем располагались кандидатуры председателя Войскового Круга и инспектора Троицкого высшего начального училища А.И. Кривощекова, учителя Троицкой гимназии В.А. Матушкина, члена Войскового правительства от мусульман Г.Г. Богданова, военного следователя Генштаба полковника А.И. Мякутина, члена Совета Союза казачьих войск войскового старшины Н.С. Анисимо– ва, атамана 1-го военного округа К.Л. Каргина, вахмистра станицы Угольной К.Ф. Фаддеева, казаков-мусульман Г.Ш. Суюндукова, У.А. Уразаева, атамана станицы Оренбургской полковника В.П. Чернова, члена Войскового правительства сотника М.П. Репникова и вахмистра Ю.И. Илишева (от казаков-мусульман). Войсковой Круг постановил переименовать Войсковую управу в Войсковое правительство, а окружные, станичные и поселковые управы – в правления.

Наконец 1 октября 1917 г. в результате тайного голосования Дутов был избран Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска и председателем Войскового правительства, набрав 111 голосов из 133 возможных. В своей первой после избрания речи Дутов, явно взволнованный моментом, сказал: «Дорогие станичники. Я глубоко тронут и взволнован честью, оказанной мне. Говорить ничего не могу, ибо я Кругу уже все сказал. Прошу верить, что по мере сил постараюсь оправдать оказанное мне доверие и высоко держать наше казачье знамя. Клянусь честью, что положу все, что есть: здоровье и силу, чтобы защищать нашу казачью волю-волюшку и не дать померкнуть нашей казачьей славе»[411]. Необходимо признать, что свою клятву Дутов сдержал.

На одном из заседаний у председательствовавшего А.И. Кривощекова внезапно вырвалась фраза: «Мы с кадетами не пойдем»[412]. По имеющимся сведениям (впрочем, исходящим от большевиков), Дутов тогда попытался его поправить, заявив, что Кривощеков – новичок и не то имел в виду[413]. 2 октября полномочия Дутова были определены сроком на три года.

Наконец, на следующий день оппонент Дутова есаул А.Г. Нагаев был исключен из казачьего сословия, а Круг завершил свою работу. Дутов мог торжествовать, однако осень 1917 г. была далеко не самым благоприятным временем для вождей казачества, ведь уже совсем скоро новоиспеченному атаману предстояло принять весьма непростые решения.

Представители других казачьих войск поспешили поздравить нового оренбургского атамана. С Дона пришла поздравительная телеграмма Каледина: «Лично от себя и от всего Донского войска сердечно поздравляю с избранием на почетный и трудный пост. Шлю привет Вам и Оренбургскому войску с пожеланием дружной и совместной работы на пользу войска и всего казачества. *Каледин*»[414]. Делегат Донского войска при избрании Дутова атаманом сказал: «Донское войско хорошо знает А.И. Дутова. От имени войска я присоединяюсь к вам – ваш избранник является и нашим избранником…»[415] Приветствия также были получены от атамана и Войскового Круга Сибирского казачьего войска, командиров казачьих частей.

2 октября пополудни состоялась торжественная и красочная церемония вступления Дутова в должность. На Форштадтской площади были выстроены казачьи части, юнкера военного училища, кадеты, воспитанники института, два оркестра (войсковой и кадетский). Под звуки оркестра депутаты Войскового Круга выстроились перед знаменной избой. Затем сам Дутов, члены правительства и депутаты вошли в избу и вскоре вынесли из нее старинные войсковые знамена. Под звуки войскового марша начался парад – торжественная процессия двинулась к войсковому собору. Затем вновь у знаменной избы под грохот орудийного салюта председатель Круга зачитал торжественную грамоту:

> «От Свободного Войскового Круга Оренбургского Казачьего Войска.
>
> ***ГРАМОТА***
>
> Нашего Войска Войсковому Старшине Александру Ильичу Дутову. Первый свободный Войсковой Круг, созванный на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, избрал тебя нашим Войсковым Атаманом на трехлетие и приказывает тебе, народному избраннику, править Войском, совместно с избранным нами Войсковым Правительством, на славу и

процветание родного Оренбургского казачества и свободной Руси, в знак чего вручает тебе булаву – символ Атаманской власти»[416].

С обнаженной головой Дутов принял булаву из рук старого, седого казака, после чего площадь огласило троекратное «ура» в честь атамана, правительства и всего войска. Дутов провозгласил: «Кланяюсь Войсковому Кругу, кланяюсь в лице его всему родному войску. Клянусь охранять нашу вольную волюшку, ни в чем не расходясь в действиях своих с Войсковым Правительством»[417]. После ответного «ура» была исполнена «Марсельеза», использовавшаяся в качестве государственного гимна России того времени. Дутов и члены правительства обошли ряды войск, затем атаману подали коня. Перед атаманом церемониальным маршем прошли кадеты и юнкера, местная команда, 13-й Оренбургский казачий и 1-й Оренбургский казачий запасный полки, артиллерийская батарея. В 14.40 церемония завершилась. После этого атаман отправился к правлению своей родной станицы Оренбургской, где ему были поднесены хлеб-соль, затем посетил правление 1-го военного округа и беседовал со стариками.

4 октября состоялось первое заседание нового состава Войскового правительства. Из десяти членов правительства трое имели университетское образование, двое окончили военные академии, еще четверо окончили военные училища, один имел среднее образование.

7 октября Дутов выехал в Петроград для передачи своей должности председателя Совета Союза казачьих войск и доклада Временному правительству о положении дел в войске. Вскоре в столице он был утвержден в атаманской должности (приказ Временного правительства армии и флоту о чинах военных от 18 октября 1917 г. – Дутов назначен «наказным атаманом») и произведен в полковники[418].

Октябрь 1917 г. – очередная веха стремительного взлета Дутова. К этому времени 38-летний Дутов сильно изменился: из заурядного штаб-офицера превратился в крупномасштабную фигуру, известную по всей России и популярную в казачестве, хотя и воспринимавшуюся последним неоднозначно. Он выработал в себе волю к борьбе, стал и более требователен к себе, и более амбициозен. Возможно, не последнюю роль в его взлете сыграло зародившееся в нем после академии чувство неудовлетворенности собой, желание перебороть допущенную в его отношении при старом режиме несправедливость. И если он к октябрю был уже весьма значительной фигурой даже для Петрограда, то в провинциальном Оренбурге масштаб личности

Дутова представлялся много крупнее. К тому же он был единственным известным в стране оренбургским политиком. Итак, Дутов в 1917 г. – фигура, созданная революцией. Однако позднее, благодаря тому размаху, который приобретет его деятельность в период Гражданской войны, Дутов в общественном сознании и в анналах истории превратится в фигуру, созданную контрреволюцией.

Интересные, хотя и небесспорные рассуждения о стремительном карьерном возвышении Дутова привел в своих неопубликованных воспоминаниях С.А. Щепихин, который писал: «Когда обнаружились в Дутове ораторские таланты, которыми он увлек сначала Союз офицеров[419], затем Общеказачий союз, где был одно время даже председателем – не знаю. Затем Керенский (?!) его выдвинул в уполномоченные по Оренбургской губернии (фактический – губернатор), а затем выборный Атаман. Карьера, которую многие проделали во время Смутного времени. Оренбургское войско интеллигенцией бедно; еще менее среди этой последней – лицами, игравшими роль в революции. Дутов, поставленный случаем во главу крупной организации (общеказачий союз), очутился в том интеллигентном меньшинстве, которое и руководило съездом. Так как Керенский считался с казачеством, то, естественно, роль играли и руководители съезда. И так далее… О Дутове Атаман Каледин сказал: «Не находка для Оренбур[ж]цев этот Дутов»…»[420] Отмечу, что в других источниках негативное или даже пренебрежительное отношение Каледина к Дутову подтверждения не находит, скорее наоборот, их совместная работа (в частности, в период московского Государственного совещания) была достаточно плодотворной. Безусловно, Каледин воспринимал Дутова как своего единомышленника. Кроме того, свидетельство Щепихина изобилует целым рядом неточностей, обилие которых связано с тем, что Щепихин не общался с Дутовым со времени окончания академии Генерального штаба (1908 г.) вплоть до лета 1918 г., соответственно, его характеристика жизни Дутова в этот период заслуживает куда меньше доверия, чем характеристики, которые относятся к периодам их совместной службы.

Более того, двуличие Щепихина особенно ярко просматривается при сравнении цитированных выше неопубликованных воспоминаний и его же опубликованной статьи «Под стягом Учредительного Собрания» в сборнике «Гражданская война на Волге в 1918 г.», выпущенном эсерами в Праге в 1930 г. В этой своей работе Щепихин восторженно писал: «…оренбургские казаки ко времени большевицкого переворота шли доверчиво за своим популярным атаманом (Александр Ильич

Дутов), с успехом оспаривавшим власть войскового круга… Активная, энергичная личность, какой является атаман Дутов, не мирится с переменой центральной власти, и гражданская война загорается почти на другой же день после 25 октября. В то время как уполномоченные Временного Правительства по всей России, один за другим, без борьбы сдают свои позиции, Дутов первый и единственный пока бросает вызов Москве[421]. И Москва, быстро оценив опасность, принимает ряд энергичных мер для подавления «мятежа»: эшелоны добровольцев с фронта гонятся спешно на Оренбург, поток агитаторов устремляется туда же, и в несколько недель с «дутовщиной» покончено. Дутов с горстью «мятежников» скрывается в глубь Тургайских степей, чтобы появиться снова на арене лишь после выступления чехов. Оренбургские казаки, оставшись без вождя, еще не вкусивши прелестей советского рая, вводят у себя советы, комбеды и сравниваются в правах с неказачьим, довольно многочисленным в их области, элементом. Дутов держался определенной политической линии. Он не мог примириться с властью советов, несущих диктатуру меньшинства, и не принимал Брест-Литовского мира, но он пренебрег медленным, но верным путем постепенной обработки общественного мнения казачьей массы и в результате остался один. Хуже того, и в дальнейшем события не научили его, а обстановка не дала времени и средств, чтобы вдохнуть бодрость в сопротивлении своим станичникам, – так до конца оренбуржцы и остались в разряде колеблющихся: успех окрылял их, неуспех охлаждал их энтузиазм. И в сущности, «дутовщина» не была так страшна, как старались изобразить ее большевицкие кликуши: без помощи извне, без чувства «локтя» соседа, оренбуржцы никогда не проявляли большой стойкости в борьбе»[422].

Попробуем разобраться, насколько достоверны суждения Щепихина, однако об этом ниже.

Р.Б. Гуль писал о Дутове: «Природный казак, полный, чуть сутулый, от контузии (когда отпускал бороду) с половиной седой бороды, офицер Генерального штаба[423], Дутов выдвинулся в первые ряды казаков к моменту октябрьской революции. Будучи хорошим военным оратором, умея играть на казачьих струнах, уже на общеказачьем съезде в Петербурге Дутов привлек к себе вниманье, а к моменту октябрьского переворота стал выборным Оренбургским казачьим атаманом»[424].

Сам Дутов писал в августе 1918 г. генерал-майору А.Н. Гришину-Алмазову: «…мне известно, будто бы я нахожусь под чьим-то влиянием. Я должен Вам доложить, что с тех пор, как я мог жить своим умом, я никогда ни с кем не был в таких близких

отношениях, каковые налагали бы на меня некоторого рода обязательства. Я вышел на дорогу своим собственным трудом и всегда жил только своим умом. Даже семья моя никогда в доме не слышала ни одного служебного разговора: это мой принцип, которого я всегда держался и держусь»[425].

В Петрограде Дутов 15 октября сдал должности члена комиссий при Временном правительстве и получил назначение главноуполномоченным Временного правительства по продовольствию по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области на правах министра. В этой должности он состоял до 1 января 1918 г.[426]

В сентябре 1917 г. Ленин вполне справедливо и с опаской писал о казачестве: «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»[427]. Именно Дутову, по свидетельству Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина, принадлежала идея проведения в Петрограде в воскресенье 22 октября 1917 г., в день Казанской Божьей Матери, общей демонстрации всех казачьих частей петроградского гарнизона и крестного хода к Казанскому собору. Ленин опасался, что эта демонстрация сорвет его планы захвата власти, однако Временное правительство само не позволило провести шествие[428], испугавшись повторения августовских событий. Вместо крестного хода был проведен «День Петроградского Совета». Вождь большевиков по этому поводу писал 22–23 октября Я.М. Свердлову: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! *Наступать* (здесь и далее – стиль документа. – *А. Г.*) изо *всех сил*, и мы победим в несколько дней! Лучшие приветы! Ваш»[429]. Председателем Совета Союза казачьих войск после Дутова стал есаул А.И. Аникеев. С захватом власти большевиками Совет перестал играть сколько-нибудь значимую роль, а в начале декабря 1917 г. подвергся разгрому, дальнейшие судьбы большинства его членов, в том числе и самого Дутова, оказались трагическими.

Глава 4
Жребий брошен

«Мятеж» Дутова

В четверг, 26 октября (8 ноября) 1917 г., Дутов вернулся в Оренбург и приступил к работе по своим должностям. В тот же день он посетил 1-й очередной съезд 1-го военного округа (в дальнейшем он регулярно посещал заседания этого съезда) и подписал приказ по войску № 816 о непризнании насильственного захвата власти большевиками в Петрограде. В приказе говорилось: «В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть, таковые же выступления имеют место и в других городах. Войсковое Правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым. В тесном и братском союзе с правительствами других казачьих войск Оренбургское Войсковое Правительство окажет полную поддержку существующему коалиционному Временному Правительству. В силу прекращения сообщения и связи с центральной Государственной властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, Войсковое Правительство ради блага Родины и поддержания порядка, временно, впредь до восстановления власти Временного Правительства и телеграфной связи, с 20-ти часов 26-го сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной Государственной власти в войске. Войсковой Атаман, Полковник *Дутов*»[430].

С 27 октября в Оренбурге было введено военное положение[431]. Позднее Дутов утверждал, что 25 октября 1917 г. он якобы получил телеграмму Ленина с требованием признать власть Совета народных комиссаров и тогда же ответил, что власть захватчиков не может быть признана казаками[432]. Сложно сказать, насколько достоверно это утверждение оренбургского атамана, однако в любом случае оно мало что меняет в общей картине событий.

Если не считать кратковременной борьбы с большевиками в районе Петрограда (где, кстати, красным противостояли в том числе и оренбургские казаки под командованием хорунжего А. Болгарцева из состава лейб-гвардии Сводно-казачьего полка[433]), в Москве и Ташкенте (при участии казаков 17-го Оренбургского казачьего полка, часть которых после этого ушла к Дутову[434]) в конце октября 1917 г., получается, что по хронологии событий Дутов первым в России и первым на востоке страны поднял знамя антибольшевистского сопротивления и создал свой, неподконтрольный красным антибольшевистский центр. Командующий Донской армией Генерального штаба генерал-

лейтенант С.В. Денисов впоследствии отметил, что «популярность этого образованного и незаурядного офицера… была за пределами своего Войска…»[435]. Несколько позже Дутова о непризнании большевистского переворота заявил на Юге России атаман Каледин. Затем образовался очаг антибольшевистского сопротивления и в Забайкалье, где во главе движения стал есаул Г.М. Семенов. Впрочем, думаю, в тот период ни Дутову, ни Каледину, ни Семенову не было никакого дела до того, кого из них историки впоследствии назовут первым.

Разумеется, выступление Каледина на Дону, в непосредственной близости от большевистского центра, казалось большевикам более опасным по сравнению с «мятежом» Дутова в далеком Оренбурге, еще менее значимым новым хозяевам России могло казаться выступление Семенова в Забайкалье. Тем не менее это было лишь началом сопротивления, его первыми очагами. Если сравнивать двух крупнейших казачьих вождей начального этапа Гражданской войны: Каледина и Дутова, то, разумеется, в Белом лагере осенью 1917 – зимой 1918 г. имя Каледина было гораздо более звучным, чем имя Дутова. Однако Каледин вследствие своей ранней гибели в начале 1918 г. успел лишь немногое в организации антибольшевистского движения донского казачества, тогда как Дутов – единственный из казачьих атаманов – провел на своем посту всю Гражданскую войну с самого ее возникновения и практически до окончания и сыграл определяющую роль в антибольшевистской борьбе оренбургского казачества, равно как и в Белом движении в целом. Таким образом, незаслуженно забытая фигура Дутова должна по праву занять место в одном ряду с другими вождями антибольшевистской борьбы.

Здесь целесообразно упомянуть об изданном в Пскове приказе Верховного главнокомандующего № 314 от 25 октября 1917 г., в котором А.Ф. Керенский призвал всех должностных лиц оставаться на своих постах и исполнять свой долг перед родиной[436]. Неизвестно, был ли Дутов знаком с этим документом, но действовал он в полном соответствии с ним. Действия Дутова были одобрены комиссаром Временного правительства Н.В. Архангельским, представителями местных организаций и даже оренбургским Советом рабочих и солдатских депутатов, осудившим действия петроградских большевиков и пообещавшим не выступать в Оренбурге до получения указаний партийного руководства из Петрограда (большевики тогда еще не составляли большинства в Совете). По приказу Дутова казаки и юнкера заняли вокзал, почту, телеграф, были запрещены митинги, собрания и демонстрации[437]. Хотя Оренбург был объявлен на

военном положении, митинги в городе, в связи с нежеланием местных большевиков подчиниться приказу, все же проводились. Тогда по распоряжению Дутова был закрыт клуб большевиков, конфискована хранившаяся там литература, 5 ноября рассыпан набор 3-го номера и запрещено дальнейшее издание газеты «Пролетарий», редактор газеты А.А. Коростелев задержан, однако через десять часов освобожден под давлением «общественности»[438]. На самом деле пресловутая «общественность» состояла из большевиков – членов местного совдепа, которые, угрожая властям принятием оренбургскими рабочими каких-то «соответствующих мер», смогли добиться освобождения Коростелева[439].

27 октября Дутов вновь побывал на заседании окружного съезда 1-го военного округа, где заявил: «Я был на соединенном совещании местных организаций и считаю нравственным долгом поделиться с вами, – мною получены сведения, что Москва отрезана от Петрограда, в последнем идет бунт. Васильевский остров, Николаевский мост и Зимний дворец атаковываются мятежниками. Министр-Председатель выехал на Северный фронт и во главе войск идет на Петроград. Москва – благоразумные люди захватили телеграф, дабы перехватывать распоряжения б о л ь ш е в и к о в (разрядка документа. – *А. Г.*), города Казань и Уфа находятся в руках большевиков, во избежание восстания большевиков в Оренбурге я в согласии с местными организациями взял на себя ответственность руководить войском и губернией (Губернский комиссар власть передал мне). Не имея связи, железных дорог и телеграфа с центральной верховной властью… власть временно до установления порядка переходит к Войсковому Правительству, тоже сделано на Дону, о чем я получил телеграмму от Атамана Каледина и от фронтовой казачьей организации из Киева. В связи с этим объявлено по городу о том, что войска будут выведены только для стрельбы, о чем сделано распоряжение командирам полков и на случай приняты меры охраны банков и других правительственных учреждений. Большевики в Оренбурге от выступления отказались. В такое смутное время я работаю исключительно на благо родины и прошу поддержки с вашей стороны»[440]. Эта речь Дутова очень важна для понимания мотивов его действий в тот период.

28 октября Дутов разъяснил избранный им курс депутатам Оренбургской городской думы. Программа Дутова предусматривала осуществление демократической федеративной республики, поддержку коалиционного Временного правительства, ожидание Учредительного собрания, принятие всех мер к его созыву и недопущение захвата власти

большевиками и анархистами, а также борьбу за порядок и сохранение единой военной власти. Дутов произнес тогда: «О диктатуре не может быть и речи. Хотите этому верьте, хотите нет – говорю с открытой душой и сердцем»[441]. На следующий день он по телеграфу обсудил текущую политическую ситуацию с уральским Войсковым атаманом В.П. Мартыновым[442]. Удалось наладить связь и с Семиреченским войском, причем Дутов просил семиреков оказать содействие оренбуржцам в Ташкенте, где тогда шли бои с большевиками[443]. В телеграмме на имя председателя Войскового совета Семиреченского казачьего войска хорунжего А.М. Астраханцева он писал: «Войсковое правительство приняло в войске всю полноту власти… Просим войско семиреков быть с нами… Дон возглавляет все казачество. Казачий съезд в Киеве руководит полками фронтов»[444].

В газете «Оренбургский казачий вестник» 1 ноября Дутов публикует статью «Германский шпионаж», призванную ориентировать население на адекватное восприятие происходящих событий. Мотивы действий оренбургского правительства дополнительно разъяснялись в специально подготовленном 30 октября воззвании к населению войска.

«Такой тяжелый и ответственный удел, – говорилось в документе, – пал на Войсковое Правительство в тот момент, когда одна из партий, известная под названием «партия большевиков», в Петрограде пыталась силою ниспровергнуть существующее в свободной Российской Республике законное Временное Правительство, которое с тяжким трудом, под крики недоверия, под общий гул исстрадавшейся России так или иначе все же довело страну до порога Учредительного Собрания. Осталось только три недели до выборов в Учредительное Собрание, когда хозяин земли Русской, собравшись, мог бы сказать окончательное свое веское слово о всем, что вас волнует, оскорбляет, что нам подает надежду и заставляет верить в светлое будущее России. И в это полное тревог и ожиданий время большевики посягнули на Верховную Власть, доподлинно зная, что переворот государственный в данную минуту внесет величайшую смуту в без того истерзанную партийными раздорами Россию. Внешний враг еще не освободил от своего дьявольского натиска нашей Родины, он черпает свою силу в нашем бессилии, а мы, на словах именующие себя сынами родины, преданными служителями отечества, – на деле вырываем куски живого мяса с той РОССИИ, которая есть наше кровное гнездо, без которой наша жизнь будет цыганской. И вот под такой безумный торг различных партий Временное Правительство, меняясь в своем составе чуть не каждый день, все же вело Россию к тому желанному

Учредительному Собранию, где будем мы, Российские свободные граждане, выкладывать свои нужды, свое горе и надежды. Но большевики оказались нетерпеливыми к естественному течению государственной жизни и силою, хотя бы на час-другой, вырвали Верховную Власть из рук законного временного обладателя ее. Такой преступный не только к государственности, но и к человечности шаг может сделать только тот, кто сознательный враг принципов государства, кто личное благополучие ставит на первое место, кто не знает родины, кто не понимает или не хочет понимать, что человеческая жизнь наша, общественная или государственная, никогда ни в чем не терпит скачков, а течет планомерно по своему естественному руслу и насиловать ее – дело безумства или сознательного человеконенавистничества. Вот ответ на захват верховной государственной власти большевиками было принятие Войсковым Правительством Оренбургского Казачьего Войска всей полноты государственной власти (так в документе. – *А. Г.*) здесь, на месте, в Оренбургском Казачьем Войске, чтобы сколько-нибудь по возможности Войсковое Правительство, опираясь на своих братьев станичников, могло отстоять те азбучные истины, которые всегда и везде говорят: «Единодушие и порядок прежде всего». Не тщеславие, не желание бряцать оружием вызвало Войсковое Правительство на этот ответственный и тяжелый шаг, а единственно искреннее намерение не допустить братоубийственной резни здесь, на месте, где родны нам и близки все широкие поля и степи, где каждый кустик нам, землеробам, знаком с малолетства. Взяв полноту государственной власти, Войсковое Правительство было уверено, что благоразумная часть населения беспрекословно будет держать позицию казачества и, таким образом, удержит мир и спокойствие края, но, к сожалению, надежды не оправдываются: смутьяны, люди наживы, люди уличной славы и мародеры, поджидающие суматоху, чтобы поймать рыбу в мутной воде, не преминули взбудоражить мирное население, вызвав панику: Самара, Челябинск в руках большевиков, Уфа только что освободилась, Казань и Саратов под обстрелом, в Ташкенте – пальба казаков и правительственных войск с большевиками. Всюду кричат о помощи. Только Оренбург, благодаря своевременно принятым мерам, оказался вне сферы влияния большевиков, и вот там уже пять дней поддерживается полный порядок и спокойствие. Но фактов мало: на казаков и, в частности, на Войсковое Правительство указывают как на захватчиков власти, требуют, чтобы власть передали кому-то по принадлежности, но кому[?!] Вы понимаете, станичники, как

ненавидят казаков, вы знаете, как их поносят и втихомолку, и открыто, но мы того не боимся, совесть была бы чиста, а там, что хошь говори. Мы, Войсковое Правительство, дадим отчет нашему Войсковому Кругу и Законному Российскому Правительству в своих действиях, а потому руководимся одним-единственным желанием сберечь от разорения, от междуусобия дорогой край наш, и мы открыто заявляем и докажем на деле, что до восстановления Верховной Власти в законных руках никакой анархии, никаких попыток к погромам и прочего безобразия мы не допустим. Мы играть словами не умеем и не намерены: все ясно – хочешь порядка – сиди и жди, не хочешь – вини себя. Если бы не это несчастное мыкание с партии на партию, с лозунгами на лозунги, с безделия на грабеж, с грабежа на дезертирство и т. д. и т. д., то давным-давно была бы война кончена и все жили бы в покое, разделив благо свободы. Но правильна пословица: худая голова ногам покоя не дает. Мы, казаки, по этой дороге не пойдем. Нам стыдно указывать всю лживость партийных заверений о любви к родине, нам надоело слушать бесконечное море слов, мы требуем дела, мы требуем от граждан опомниться и взглянуть на себя – кем бы были и кем стали: оборванные, босые, изозленные (так в документе. – *А. Г.*), полуголодные – мы идем брат на брата, на глазах внешнего врага, разъяриваясь при встрече друг с другом. Неужели это достойно гражданина, когда свобода висит на волоске. Неужели свобода, дешевая возможность открыто заявлять свое мнение, – есть причина той глупости, той неудачной развязанности, что жутко становится, когда знаешь, что несколько месяцев назад, при старом режиме, на миллион немых подданных слышался только один смелый голос. А теперь заговорили все сполна. Дорогие станичники. Дело большевиков – незаконченное дело; потушить вспыхнувший мятеж трудно; заверениями о доброжелательстве многого не сделаешь, – нужна реальная помощь ото всех. Только тогда можно быть окончательно уверенным, что мы отстоим тот порядок, то спокойствие, которое дорого в нынешнее тревожное время каждому мирному жителю. Станичники, вспомните кордоны, вспомните, как увозили в степи жен и детей ваших, вы тогда несли сторожевую службу, охраняя окрайну России, теперь пора такая же настала: жен, детей не увозят, а грабят, убивают беспощадно не в одиночку, а шайками. Так стойте же вы, седые старики станичники, по заветам прошлого, на страже законности, и не пускайте к станицам мародеров во всех видах и пропорциях. Вы, молодые казачата, пример с отцов берите и гордитесь тем, что ни вам, ни вашим старикам Россия, родина любимая наша, не бросит упрека в измене, в предательстве, в дезертирстве и

мародерстве. Будьте стройными в полку и дома! Движение большевиков не прекратилось. Войсковое Правительство, учитывая это, встало перед тяжелым вопросом – принять крайние меры воздействия, если будет разгораться мятеж шире. Быть может, придется пролить братскую кровь в защиту себя и государства, но мы исполним свой долг перед родиной до конца. И мы, Войсковое Правительство, призываем Вас, дорогие станичники: по первому нашему зову будьте готовы сомкнуться в тесные ряды и сломить анархию, сломить то вопиющее стремление к захвату власти со стороны правых и левых, которые являются яблоком раздора, которые не дают ни днем, ни ночью покоя, тех, кто жаждет незаслуженно ее. Мы, казаки, должны довести страну до Учредительного Собрания. Мы, казаки, должны охранять путь к этому высокому месту нашего русского хозяина, и пусть за эту цепь никто не смеет прорваться и лезть с грязными руками туда, где места нет для недостойных. И мы глубоко уверены, что все благоразумные граждане России с нами. Те нас не боятся, те нас знают и видели на деле нашу преданность родине. Вспомните пролитую 3–4 июля от рук большевиков казачью кровь на мостовых Петрограда, и вам ясно станет, что такое большевики в дни свободы и что такое казаки в эти же дни. Станичники. Будьте наготове каждый час. Если чуть тревожно, гоните гонцов в город на телеграф, чтобы всем известно было о беде. Если помощь потребуется ваша, то слушайте приказа от ваших избранников, которые здесь, в Оренбурге, стоят за ваше спокойствие, которые стоят за законность и порядок и давать в обиду своих не намерены. И вы также, старики и малолетки, по первому нашему зову верхом на коне, твердо помня казачий сигнал: всадники-други, в поход собирайтесь. Воззвание это прочесть во всех станичных и поселковых сборах Оренбургского Казачьего войска»[445].

Воззвание было подписано Дутовым и членами правительства. К сожалению, этот документ до сих пор не привлекал внимания историков, хотя он многое объясняет в причинах, побудивших Дутова выступить против большевиков. Дутов взял под свой контроль стратегически важный регион, перекрывавший сообщение с Туркестаном и Сибирью, между тем связь с этими регионами была важна не только в военном отношении, но и в вопросе снабжения продовольствием Центральной России. Выступление Дутова в одночасье сделало его имя известным по всей стране. К примеру, его действия осудили на Украине члены военно-революционного комитета 8-й армии, а в Закавказье – делегаты 2-го краевого съезда Кавказской армии[446].

В советской историографии выступление Дутова получило название мятежа. Разумеется, в наши дни уже не требуется ниспровергать это по своему наивное определение. Проблема в том, что период деятельности Дутова с конца октября по вторую половину декабря 1917 г. является едва ли не самым противоречивым и сложным для изучения во всей его биографии. Дело даже не в многочисленных историографических искажениях, подтасовках и домыслах, а в том, что источники, прежде всего личного происхождения, при всем их многообразии находятся в полном противоречии друг с другом. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует дискуссионная, но весьма интересная статья оренбургского историка Д.А. Сафонова, проанализировавшего различные, порой взаимоисключающие, версии событий тех дней на Южном Урале[447]. По мнению Сафонова, имел место не мятеж и даже не восстание, перед Дутовым стояла задача проведения выборов в Учредительное собрание и поддержания стабильности в губернии и войске вплоть до созыва этого органа. На мой взгляд, с этой задачей Дутов в целом справился. Хотя и не смог, несмотря на то что был избран депутатом, лично принять участие в работе Учредительного собрания, поскольку, покинув подконтрольную территорию, был бы тут же арестован большевиками и, скорее всего, казнен.

При этом нельзя согласиться с утверждением Сафонова о том, что Дутов вплоть до начала 1918 г. якобы не предпринимал никаких решительных действий. На самом деле военная составляющая в возглавленном Дутовым движении присутствовала всегда. О потенциальном вооруженном конфликте говорилось уже в воззвании к населению 30 октября 1917 г. Военные действия на территории войска до конца декабря не велись, поскольку большевики, не имея достаточно сил, не вторгались на казачью территорию, казаки же, в свою очередь, опасались воевать вне войска, в их понимании «со всей Россией». В распоряжении Дутова имелись оренбургские казачьи запасные полки (1-й и 4-й в Оренбурге, 2-й и 5-й – в Верхнеуральске, 3-й и 6-й – в Троицке), 13-й Оренбургский казачий полк (станица Павловская), юнкера Оренбургского казачьего училища и школы прапорщиков. При этом атаман фактически не контролировал стремительно разлагавшиеся казачьи полки. Применительно к первому периоду борьбы Дутова можно говорить об оборонительной стратегии, предполагавшей недопущение в губернию и войско большевистских отрядов. Фактически речь идет не о противопоставлении пресловутого «мятежа» поддержанию стабильности в регионе, предлагаемом Сафоновым,

а, скорее, об изменении формулировки на антибольшевистское выступление, тем более что факты отказа Дутова от подчинения большевистскому центру, борьбы с большевиками в региональных границах и подготовки к вооруженному сопротивлению в октябре – декабре 1917 г. налицо.

В первых числах ноября к Дутову с просьбой о помощи против большевиков обратился Саратовский Комитет общественной безопасности. В ответ Дутов писал казакам дислоцированной в Саратовской губернии 2-й Оренбургской казачьей дивизии Генерального штаба генерал-майора Л.П. Тимашева: «Я, как ваш Атаман, от имени Войскового Правительства и всего войска в лице Окружных Съездов всех округов, приказываю вам всем, от генерала до рядового казака, встать на защиту Временного Правительства от большевиков с оружием в руках. Войско все мобилизуется, как и все казачьи войска, с которыми я имею связь. Мы на своей территории действуем решительно и даже думаем послать помощь соседям. В Ташкенте 17-й Оренбургский казачий полк, Ваш боевой товарищ по дивизии, изнемогает в борьбе с большевиками, понес огромные потери, но честно выполняет присягу. Имена казаков 17-го полка будут гордостью войска. Ваши боевые братья требуют решительности, и Войсковое Правительство приказывает Вам войти в город и восстановить власть Временного Правительства. По всей России Оренбургские казаки твердо стоят на поддержке Временного Правительства. Помните это и немедленно на коней и в Саратов! Сильным и честным – победа и слава! Войсковой Атаман Полковник *Дутов*»[448]. Казаки подчинились приказу и повели наступление на Саратов. 4 ноября под Саратовом красные захватили четырех казаков 14-го Оренбургского казачьего полка, в том числе казака 1-й сотни И.И. Пастухова. Казаков били прикладами, приставляли к груди шашки, выпытывали место нахождения их сотни, которая с целью войти в город шла степью[449]. Была отрезана связь города с Москвой, однако дальше этого дело не двинулось – начались братания, инициированные полковыми комитетами. Казаков на переговорах представлял подъесаул Пащенко. В итоге было решено прекратить боевые действия и уйти, тем не менее дивизия осталась на месте[450].

4 ноября в Оренбург из Петрограда прибыл 27-летний С.М. Цвилинг[451] – делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, назначенный Петроградским военно-революционным комитетом чрезвычайным комиссаром Оренбургской губернии. Это был решительный человек, который отличился еще в годы первой русской революции участием в грабежах в Омске и Томске и был судим, причем от его действий социал-демократы предпочли

тогда отмежеваться[452]. В ноябре 1917 г. Цвилинг предполагал сменить прежнего губернского комиссара Архангельского, однако тот, как уже говорилось выше, передал власть Дутову, сменить которого Цвилингу было не так просто. В течение недели по приезде Цвилинг ежедневно выступал на митингах перед войсками оренбургского гарнизона с призывами к свержению власти Дутова.

В ночь на 7 ноября руководители большевиков (А.А. Коростелев, С.А. Кичигин, И. Лобов, М.М. Макарова (в замужестве – Мутнова), И.Д. Мартынов, В.И. Мискинов) были арестованы и высланы в станицы Верхнеозерную и Нежинскую. Макарова была освобождена для венчания, дав вместе с отцом подписку о том, что после свадьбы уедет в Самару[453], однако слово свое не сдержала и спустя неделю опять попалась при аресте Оренбургского военно-революционного комитета. Среди причин ареста были не только призывы к восстанию против Временного правительства, распространение воззваний и устная агитация среди солдат оренбургского гарнизона и рабочих, но также заявление Цвилинга об открытии военных действий большевиками, сведения о движении большевистских войск из Ташкента на Оренбург и обнаружение на станции Оренбург вагона с ручными гранатами из Казани[454].

Однако интенсивная агитация сделала свое дело, и 7 ноября Оренбургский Совет солдатских депутатов был переизбран, 90 % мест в нем получили большевики. Они активно готовились к насильственному захвату власти, рассчитывая на 104, 105 и 238-й пехотные запасные полки, входившие в состав местного гарнизона (кроме этих частей, в состав оренбургского гарнизона входили запасные батальоны 48-й пехотной дивизии[455]). Устранение угрозы местного большевистского переворота в самом Оренбурге стало главной задачей для Дутова, и с ней он справился.

7 ноября на Форштадтской площади была отслужена панихида по всем убитым в результате выступления большевиков. В церемонии участвовали Дутов, губернский комиссар подпоручик Н.В. Архангельский, другие офицеры, казаки и юнкера[456].

Добавлю, что по крайней мере до ноября функционировала почтовая связь и велась переписка Оренбурга со Ставкой, что было на руку Дутову[457]. Между тем безотносительно его решимости или нерешимости активно бороться с большевиками в Оренбург стали прибывать довольно значительные группы офицеров, в том числе уже принимавших участие в боях с большевиками в Москве, что усиливало в Оренбурге позиции

сторонников активного вооруженного сопротивления красным. По некоторым данным, через Вятку к Дутову пробралось около 250 офицеров, составивших офицерскую дружину, а 7 ноября при содействии 21-летней сестры милосердия М.А. Нестерович из Москвы в Оренбург сумели пробраться 120 офицеров и юнкеров.

Деятельность этой отважной женщины заслуживает отдельного повествования. 4 ноября Нестерович с переодетыми офицерами выехала из Москвы, а через три дня была в Оренбурге. Воспоминания Нестерович являются единственным подробным свидетельством об обстановке в штабе Дутова осенью 1917 г.

О своей поездке она впоследствии вспоминала:

«Город произвел на меня убогое впечатление: дома все маленькие, жители по большей части азиаты. С вокзала до штаба ехали довольно долго. Я спрашивала у казаков, есть ли у них большевики.

– Где их нет! Вестимо есть, элемент пришлый. Забились в щели, как мыши, боятся атамана, он долго разговаривать не станет, живо распорядится по закону, – ответил казак.

Пришлось ждать минут двадцать. Атаман был занят. В штабе находилось много арестованных большевиков-комиссаров.

– Ценная добыча, – ухмыльнулся казак.

Тут встретили нас офицеры, отосланные нами из Москвы в первый день… Вскоре адъютант повел нас к атаману. Кабинет его можно было бы назвать музеем, все говорило здесь о древности Оренбурга и казачьих традициях. Встав из-за письменного стола, Дутов сделал несколько шагов навстречу и сердечно поздоровался:

– Ждал, сестра, каждый день. Много говорили о вас казаки… Рад познакомиться. Разрешите принять при вас двух офицеров с докладом из Самары?

Доклад длился недолго, помню, касался он того, как отбить золотой запас Государственного Банка в Самаре.

– Как доехали? Кого привезли с собой?

– Доехали благополучно, а привезли 120 офицеров.

– Не может быть, – откинувшись на кресло, удивился атаман. – Но как вам удалось?..

К сожалению, офицерские отряды не у меня, а у атамана Каледина на Дону. Но это не помешает мне принять офицеров, прибывших с вами, тем более что скоро я двинусь на Самару отбивать золотой запас… Ко мне тоже едут отовсюду переодетые офицеры. Эту силу надо использовать. Но нельзя оборванных и измученных сразу посылать в бой, сначала – отдых. А для этого необходимы деньги и деньги. У меня в войске их вовсе нет. Созвал я наших милых купчиков, просил дать денег, не помогло,

хоть и клянутся: «Душу отдадим за спасение России». Я им: «Оставьте душу себе, мне деньги нужны». Не тут-то было. Пришлось наложить контрибуцию – в миллион рублей. Дал сроку 24 часа, завтра утром должны быть доставлены. Все рабочие-большевики грозились забастовкой, так что одно оставалось – занять войсками городские учреждения, расстреляв предварительно зачинщиков[458]. Рабочие комитеты я засадил в тюрьмы, как заложников. Думаю, что голубчики призадумаются; знают – не шучу. Пробовали присылать делегации с требованием освободить арестованных. Несколько раз дал маху: принял. Но когда уже очень обнаглели, – даже террором стали мне грозить и казакам, – перестал с ними церемониться. Теперь, когда приходит делегация, попросту зову казаков, и они делегацию забирают. Что с ней потом делают – меня мало интересует. Сейчас Россия в таком состоянии, что разговаривать не время… Ну и прекратились делегации. Слава Богу, все в порядке. Получил я приказ от Ленина сдать власть совету казачьих депутатов. Что же? Я ответил: «Мерзавцев и бандитов властью назвать не могу». Имею сведения, что мой ответ дошел по адресу. Под Ташкентом вырезали много казаков, начальник еле спасся, переодевшись сартом… Но ежели удастся спасти золотой запас из Самары, тогда ничего не страшно. А доколе денег нет, что поделаешь? Знаете наших купцов: пока раскачаются, с Россией Бог весть что стрясется. Ни я, ни Каледин, ни Алексеев без денег ничего не сделаем… В Новочеркасске теперь Всероссийский казачий съезд. Отправляйтесь-ка немедля на Дон к Каледину с моим письмом и расскажите все подробно о себе и то, что я говорил…

Атаман сказал еще, что в Оренбурге вся городская управа – сплошь большевики, но он прикажет ей выдать мне удостоверение… Дутов просил поддерживать связь с ним, не доверяя казакам, среди которых шла энергичная большевицкая агитация. У Дутова мы пробыли часа четыре, а затем – в городскую Управу, где все было исполнено по приказу атамана…»[459].

В тот же день (7 ноября) Нестерович выехала из Оренбурга в Новочеркасск. По мнению Нестерович, «настроение среди оренбургских казаков было отличное, дружно возмущались расстрелами офицеров. В вагон заходили казаки, караулившие на станции. Говорили о большевиках, негодовали, рассказывая о задержке вагона с бомбами и оружием по дороге из Ташкента в Самару… Какое путешествие! Всюду расстрелы, всюду трупы офицеров и простых обывателей, даже женщин, детей. На вокзалах буйствовали революционные комитеты, члены их были пьяны и стреляли в вагоны на страх буржуям. Чуть остановка,

пьяная озверелая толпа бросалась на поезд, ища офицеров»[460]. На Юге России работой Дутова заинтересовался Генерального штаба генерал от кавалерии И.Г. Эрдели, который, выслушав рассказ Нестерович, сказал, что «сам сторонник крутых мер, что Дутов в этом отношении полная противоположность Каледину»[461]. Судя по всему, Дутов сумел произвести сильное впечатление на молодую сестру милосердия, ведь на самом деле он в своих действиях редко прибегал к крайним мерам. Товарищ (помощник) Каледина М.П. Богаевский придал письму Дутова большое значение и бросился звонить донскому атаману. Вскоре состоялась беседа Каледина и Богаевского с Нестерович, в *ходе* которой руководители донского казачества интересовались деятельностью Дутова, а Каледин, прочитав письмо Дутова, сделал карандашные пометки в полученных из Оренбурга бумагах. Затем с Нестерович беседовал бывший Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев, который отметил, что его обрадовали «крутые меры атамана Дутова»[462]. 13 ноября Нестерович была уже в Москве с письмами от Алексеева, Каледина и Дутова. 14 ноября она отправила в Оренбург еще 68 офицеров и юнкеров. Таким образом, всего в Оренбург при содействии сестры милосердия М.А. Нестерович в ноябре 1917 г. было переброшено не менее 188 офицеров и юнкеров. Видные деятели антибольшевистского движения на Юге России (М.П. Богаевский, А.М. Каледин, И.Г. Эрдели) хотели направить Нестерович к Дутову еще раз уже в декабре 1917 г., однако такая поездка была бы уже крайне рискованной и по этой причине не состоялась. Однако в дальнейшем связь Дутова с белым Югом поддерживалась при помощи курьеров, в роли которых обычно выступали офицеры.

Для «самозащиты и борьбы с насилием и погромами, с какой бы стороны они ни были», 8 ноября Оренбургской городской думой был создан особый орган – Комитет спасения Родины и Революции под председательством оренбургского городского головы В.Ф. Барановского, в который вошли 34 представителя казачества, городского и земского самоуправления, политических партий (кроме большевиков и кадетов), общественных и национальных организаций. Ведущую роль в Комитете играли социалисты. Решение о создании Комитета было принято еще 28 октября.

В ответ на арест большевистских лидеров 9 ноября началась забастовка рабочих Главных железнодорожных мастерских и депо, железнодорожное движение остановилось. Небезынтересно, что была подготовлена телеграмма протеста: «В свободной России не может быть мест арестов (так в документе. – *А. Г.*)

политических деятелей тех или иных партий, если нет на то законных и веских данных [к] аресту»[463]. Авторы этого документа, судя по всему, пребывали в каком-то вымышленном ими самими мире. Рационализмом и покорностью судьбе отличалась резолюция общего собрания служащих управления службы тяги: «Судьба Родины будет решаться не в Оренбурге, а Оренбург разделит участь общую всей стране, и, что вследствие этого, долг каждого гражданина принять все зависящие от него меры к избежанию напрасного кровопролития, к каковому влечет в настоящее время забастовка, возбуждающая ненависть всего населения к железнодорожникам»[464]. Было также постановлено ничего не платить бастующим. Известный большевик ПА. Кобозев был также против забастовки, которая, по его мнению, «одинаково тяжело бьет *обе* стороны и трудно решить, которую больнее»[465].

Вечером 9 ноября к атаману явилась делегация пекарей с категорическим требованием освободить большевиков под угрозой забастовки[466]. 12 ноября в Оренбург тайно для выяснения обстановки прибыл уже упоминавшийся чрезвычайный комиссар Оренбургской губернии и Тургайской области ПА. Кобозев, который должен был возглавить борьбу с Дутовым. Оренбургскими большевиками был составлен ультиматум Дутову, бумагу предполагалось предъявить атаману после получения от Кобозева телеграммы с указанием на то, что он собрал войска для наступления на Оренбург. Кобозев уехал в Бузулук, а в его отсутствие оренбургские большевики, возможно из-за амбиций Цвилинга, решили ускорить ход событий.

14 ноября был переизбран Исполнительный комитет Оренбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Между прочим, в этот же день оренбургский гарнизон своей резолюцией одобрил действия Дутова[467]. В ночь на 15 ноября по инициативе Цвилинга в здании Караван-сарая было проведено заседание Совета, на котором присутствовало 125 человек. Около 2 часов ночи было принято решение о создании Военно-революционного комитета в составе С.М. Цвилинга, А.М. Бурчак-Абрамовича, Гаврилова, А.Я. Закурдаева, Попова и П.М. Челышева. Первым делом был издан приказ о переходе к ВРК всей полноты власти в Оренбурге.

Противники большевиков отреагировали незамедлительно – вопрос стоял остро: или большевики арестуют членов Комитета, или последние большевиков. По настоянию Дутова Комитет принял решение арестовать заговорщиков. Караван-сарай был оцеплен двумя сотнями казаков, ротой юнкеров школы прапорщиков при пулемете и милицией, после чего все

собравшиеся были задержаны. 25 человек (по некоторым данным – 32[468]) – членов Оренбургского Совета рабочих и солдатских депутатов от партии большевиков было арестовано, часть выслана в станицы с предписанием «содержать препровождаемых впредь до суда под строгим надзором, не допуская ни побега их, ни каких-либо к ним посетителей. Содержать в теплом помещении, кормить так, как едят и сами казаки – не богато, но и не голодно, не допускать над ними никаких недостойных казаков насилий. Писать письма им можно разрешить, но все письма направлять через Войскового Атамана»[469]. Военно-революционный комитет, а вместе с ним и угроза захвата власти большевиками в городе были ликвидированы.

Позднее высланные были возвращены в тюрьму, где содержались в щадящем режиме (два раза в неделю были разрешены свидания, причем даже с целыми делегациями, разрешено самостоятельно готовить пищу (продукты поставлял штаб Красной гвардии)[470], у Цвилинга в тюрьме был при себе револьвер Кольта[471]), что являлось, на мой взгляд, глубоко ошибочным решением. Уже в ночь на 13 декабря 1917 г. арестованным при содействии нелегального отряда Красной гвардии удалось бежать из тюрьмы[472]. Всего в те дни по городу было расставлено 77 постовых караулов, из которых лишь 2 казачьих, а остальные пехотные[473].

Оренбургские настроения тех дней и протест против углубления революции наиболее образно выразил редактор «Оренбургского казачьего вестника» А.С. Беленинов в стихотворении «В эти дни»[474]:

Хочется плакать от гнева и боли
В эти осенние, грустные дни…
Родина, ждавшая счастья и воли,
Что над тобой совершили они?
Кровь, и потери, и страх, и рыданья,
Муки над трупами павших в бою —
В это ли в долгие годы страданья
Ты воплощала надежду свою?
Враг торжествующий, бунт и измена,
Голод и вой озверевших людей —
Это ль в столетия царского плена
Было мечтой твоих лучших детей?..

В конце ноября 1917 г. Дутова, как и ожидалось, избрали депутатом Учредительного собрания от Оренбургского казачьего войска. По Оренбургской губернии победа на выборах досталась

казакам (218 196 голосов по губернии, 7921 голос в Оренбурге, 570 в Челябинске, 1238 в Троицке, 158 в Орске), на втором месте оказались большевики, которые, как ни парадоксально, тоже баллотировались (166 121 голос по губернии, 20 227 в Оренбурге, 9484 в Челябинске, 5996 в Троицке и 1431 в Орске), кроме того, последние с большим отрывом победили в городах Оренбурге, Челябинске и Троицке. На третьем месте были башкиры. Голоса огромного небольшевистского электората распылились между списками казаков, кадетов, эсеров, меньшевиков, народных социалистов, мусульман, башкир и кооператоров[475]. В итоге из 11 депутатов от Оренбургской губернии четверо представляли казаков (А.И. Дутов, А.И. Кривощеков, В.А. Матушкин, Г.Г. Богданов), трое – большевиков (С.М. Цвилинг, А.А. Коростелев, С.Е. Чуцкаев) и по два депутата от эсеров (М.Х. Поляков, И. Сорокин) и башкир-федералистов (Ш.А. Манатов, Г.-А.Р. Фахретдинов). Впрочем, не следует преувеличивать значение выборов в Учредительное собрание и сознательность голосования уральского населения, как и населения других регионов России. Например, в Уржумском уезде Вятской губернии крестьяне, обсуждая (!), за кого голосовать, руководствовались откуда-то нахватанными сведениями о том, что один из списков «пользительнее», при этом было высказано мнение, что лучше голосовать за списки № 7 и 11, т. к. эти номера «самые счастливые»[476]. Есть все основания верить газетному сообщению об этом, а также и предположить, что в других регионах выбор населения осуществлялся примерно по такому же принципу.

Тогда же Дутову подчинились центры 2-го и 3-го военных округов – Верхнеуральск и Троицк, а также города Орск и Челябинск, причем последний весьма условно контролировался Дутовым лишь с 30 октября по 20 ноября 1917 г. (в этот день Челябинск занял сводный отряд красногвардейцев из Самары и Уфы под командованием В.К. Блюхера, а также Сызранский кавалерийский дивизион)[477]. Таким образом, Дутов в ноябре формально поставил под свой контроль огромную территорию Южного Урала. Была объявлена демобилизация оренбургского гарнизона, о которой солдаты давно мечтали. Силами 1-го и 4-го Оренбургских казачьих запасных полков разлагавшийся гарнизон (около 20 000 человек[478]) был разоружен, что позволило обеспечить оружием формировавшиеся в Оренбурге отряды[479]. Солдаты были распущены по домам с отпускными билетами без указания срока возвращения. На службе остались в основном офицеры. Номинально запасные пехотные полки продолжали существовать в Оренбурге и в декабре, во всяком случае, в приказах по Оренбургскому военному округу за декабрь 1917 г.

эти части и их командиры упоминались[480]. Дутовым была также осуществлена мобилизация казаков старших возрастов. Оружие удалось получить из арсеналов, находившихся на территории войска[481], а также благодаря разоружению запасных солдат. Документы о выдаче суточных казакам 1-й сотни 4-го Оренбургского казачьего запасного полка свидетельствуют о том, что в ней на декабрь 1917 г. состояло не менее 246 казаков – примерно в два раза больше, чем в сотне строевого казачьего полка[482]. Вполне возможно, каждый из запасных казачьих полков, находившихся в распоряжении Дутова в тот период, был равен по своему составу двум строевым полкам. В конце декабря 1917 г. на Малом Войсковом Круге было решено распустить казачьи запасные части (до казаков присяги 1915 г. включительно) в связи с дороговизной их содержания и безнадежностью в служебном отношении[483]. Тем не менее и в январе 1918 г. эти части продолжали существовать[484].

Для ликвидации забастовки железнодорожников продовольственным комитетом было принято решение о прекращении с 11 ноября выдачи бастующим хлеба, с 15 ноября Комитет спасения Родины и Революции принял аналогичное решение и в отношении заработной платы бастующих. Тем временем большевики приступили к блокаде Оренбурга, не пропуская в город продовольствие по железной дороге. Возвращавшиеся с фронта солдаты также не пропускались в Оренбург, причем на участке между станциями Кинель и Новосергиевка вскоре собралось около 10 000 серых шинелей. К началу января 1918 г. из-за скопления огромного количества пассажиров в Самаре началась эпидемия тифа[485]. По некоторым данным, в ноябре 1917 г. самарские кадеты выделили для войск Дутова миллион рублей[486].

В Бузулуке сторонники Дутова развернули агитацию среди возвращавшихся с фронта. Агитация попадала на благодатную почву – город и уезд голодали, повсеместно происходили грабежи[487]. Уже в начале 1918 г. Дутов совместно с Комитетом спасения Родины и Революции выпустил обращение к задержанным в районе Бузулука: «Мы, граждане города Оренбурга и казаки, слышали здесь, что инженер Кобозев распространяет среди Вас слухи о том, что казаки не хотят пустить Вас в Оренбург и дальше. Его приспешники говорят, указывая на раненых «красногвардейцев», что это дело казаков, и приглашают Вас взять оружие и с оружием в руках предлагают пробивать путь на Оренбург. Все это ложь. Не верьте ей и знайте, что никто из нас и никогда, ни раньше, ни теперь, этого не делал, а если и были раненые, то только при отражении нападения

«красногвардейцев». Если Вы задержаны, то только Кобозевым и его бандами. Вам это скажут также и те из Ваших односельчан, кто проехал Оренбург до 24 декабря. Кобозев ради власти, а его приспешники – ради наживы, позабыв Бога, растеряв совесть, в Святую Ночь – в сочельник, подошли на 20 верст к Оренбургу, чтобы завладеть им. Граждане Оренбурга и казаки, глубоко возмущенные действиями Кобозева и его банд, дали ему отпор у Каргалы, и теперь его приспешники бегут назад. В настоящий момент они у Платовки. Уходя назад, отряд большевиков снимает аппараты со станций, увозит телеграфистов, словом, делает все, чтобы еще больше задержать движение поездов. Теперь судите сами, кто виноват, – Кобозев или казаки. Не мы пришли к нему, а пришел он к нам, и он задержал Вас, а не мы. А Вы, чтобы быть свободными, посодействуйте нам и нашему делу. Заставьте Кобозева прекратить борьбу за власть. Заставьте его бросить всякое посягательство на Оренбург и на казачьи земли. Уберите его вооруженных людей. Тогда дорога откроется, и Вы, как свободные граждане, сможете пожаловать туда, куда желаете»[488].

Большевики тоже не сидели сложа руки. Возвращаясь к ноябрьским событиям, следует упомянуть, что 23 ноября в Оренбурге был создан нелегальный отряд Красной гвардии в 480 добровольцев под командованием бывшего фельдфебеля рабочего А.Е. Левашова (помощник К.Н. Котов, адъютант Панорин[489]), вскоре получивший из Бузулука оружие (89 винтовок, 3 пулемета и около 600 патронов, провезенных машинистом-большевиком Ф.Г. Кравченко в тендере паровоза). Работа по формированию оренбургской Красной гвардии шла усиленными темпами. Город был разбит на три района (Аренда и сам город; Красный городок, завод «Орлес», кирпичные заводы; Новая стройка), во главе с районными организаторами (Е. Калинин, П.С. Курач и И. Анпилогов соответственно), подчиненными штабу, активно шла вербовка рабочих и их обучение военному делу. Один только санитарный отряд насчитывал свыше 40 медицинских сестер!

Среди большевиков ходил слух о движении Дутова на Самару[490], заставлявший серьезно относиться к очагу непокорности на Южном Урале. 22 ноября было написано прошение оренбургских рабочих и железнодорожников к Ленину с просьбой о помощи. 24 ноября Л.Д. Троцкий в разговоре с большевистским «главковерхом» Н.В. Крыленко демагогически заявил, что Дутов, «опираясь на денежную поддержку кадетской буржуазии, разоружил оренбургский гарнизон, арестовал Исполнительный Комитет, Военно-Революционный и стачечный комитеты и совершает отвратительные насилия над революционными гражданами, не щадя женщин… мы предлагаем

вам, товарищ верховный главнокомандующий, немедленно двинуть по направлению к Москве, Ростову-на-Дону и Оренбургу такие силы, которые, не колебля линии нашего фронта, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контрреволюционный мятеж казачьих генералов и кадетской буржуазии»[491]. Крыленко ответил, что удалось приостановить разработанный бывшим Верховным главнокомандующим Генерального штаба генерал-лейтенантом Н.Н. Духониным план сосредоточения казачьих частей и их переброски на Дон, Урал и Дальний Восток. Троцкий, в свою очередь, подчеркнул, что местных сил на Дону и на Урале для борьбы с Калединым и Дутовым недостаточно. Не признанные ни одним казачьим правительством, большевики справедливо опасались казачества и препятствовали любым перевозкам казачьих частей. Доходило до того, что в ноябре 1917 г. начальник полевого штаба казачьих войск при Верховном главнокомандующем генерал от кавалерии А.А. Смагин просил командира III казачьего корпуса (бывшего III конного. – *А. Г.*) генерал-майора П.Н. Краснова не злить большевиков и не поднимать этот вопрос «до Учредительного Собрания, которое окончательно выяснит образ правления и все касающееся армии»[492].

Вообще, конец 1917 г., когда Гражданская война еще только начиналась, был богат на различные курьезы. К примеру, в конце ноября – декабре 1917 г. Дутов, как ни парадоксально, имел возможность влиять на решения штаба Крыленко! Мне удалось обнаружить телеграмму Дутова в Ставку от 28 ноября 1917 г., в которой оренбургский атаман требовал восстановить 18-й Оренбургский казачий полк в шестисотенном составе, т. к. в полк были возвращены казачьи конвои, выделенные из него ранее. В декабре 1917 г. на основе этой телеграммы был подготовлен проект приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего, экземпляр которого сохранился до наших дней[493]. Этот факт очень ярко характеризует обстановку того времени, когда должностные лица, такие как, к примеру, Дутов и Крыленко, назначенные различными (по сути, враждебными друг другу) властями и впоследствии оказавшиеся по разные стороны фронта, выполняли свои функции и даже взаимодействовали. Впрочем, данными о том, был ли этот приказ впоследствии действительно подписан, я не располагаю.

Сохранилось небезынтересное свидетельство о том, как простые казаки осенью 1917 г. оценивали деятельность Дутова. 23 ноября 1917 г. казаки станиц Травниковской, Чебаркульской и Медведевской 3-го военного округа на общем собрании вынесли

следующее постановление: «Как нам известно, полковник Дутов за столь сравнительно короткое время своего служения на посту Войскового Атамана нашего войска своею служебною деятельностью поставил себя в глазах войскового населения прекрасным тружеником в деле поднятия в войске политического и экономического благосостояния, дав населению понять, что под управлением столь энергично-делового начальника население войска пойдет по пути прогресса и цивилизации быстрыми шагами вперед, дабы быть достойными сынами своего отечества. Свою разумно-полезную деятельность Войсковой Атаман Дутов не замедлил провести в жизнь и в деле подавления в Оренбургской губернии выступления большевиков с преступными и явно гибельными для родины последствиями. Быстро ориентировавшись и приняв на законном основании управление казачьим и гражданским населением губернии в свои руки, полковник Дутов сумел поставить дело борьбы с большевиками так, что выступления их с преступною среди населения пропагандою в какой бы то ни было части губернии подавлялись в корне и немедленно, зачинщики большевистских выступлений властью его арестовывались, и, таким образом, гнусные затеи их не удавались. Мера ареста большевиков в данное трудное для Родины время нами признается вполне законной, так как именно благодаря этим мерам на территории Оренбургской губернии не было ни одного случая братоубийственной войны и не было пролито напрасно ни одной капли народной русской крови»[494]. Как видно, Дутов пользовался популярностью у населения.

25 ноября Петроградский военно-революционный комитет обсудил вопрос о положении на Урале и в Сибири, прямо на заседании было решено направить на Урал отряд матросов с Северного фронта[495]. Матросы через Вологду, Вятку и Пермь отправились на борьбу с Дутовым. Уже 25 ноября появилось обращение СНК к населению о борьбе с Калединым и Дутовым. Текст этого документа был весьма характерен для большевистской пропаганды: «В то время как представители рабочих, солдатских и крестьянских Советов открыли переговоры с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казачьи генералы предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе

власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей… В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный и Военно-Революционный комитет[ы], разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города… Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются изнутри Учредительного собрания прийти на помощь своим генералам – Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ. Рабочие, солдаты, крестьяне, революция в опасности! Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа. Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено, и виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления…»[496] Южный Урал объявлялся на осадном положении, запрещались переговоры с противником, вожди белых объявлялись вне закона, гарантировалась поддержка всем казакам, переходящим на сторону советской власти. Об объявлении Оренбургской губернии на осадном положении комиссар Кобозев сообщил СНК 2 декабря[497].

26 ноября при содействии Свердлова с Лениным встретились председатель Бузулукского военно-революционного комитета машинист П.Г. Бебин и председатель дорожного комитета машинист И.Е. Герман[498], в результате этой встречи Ленин написал следующую записку: «В штаб. (Подвойскому или Антонову.) Податели – товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется *экстренная* (здесь и далее – выделено в тексте документа. – *А. Г.*) военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить *практически* поскорее. А мне черкнуть, как решите. *Ленин*»[499]. Руководители большевиков быстро осознали, какую опасность для них представляло выступление оренбургского казачества, территория расселения которого перекрывала красным стратегически важные пути из Европейской России в Сибирь и Среднюю Азию. 28 ноября Ленин и члены СНК подписали декрет «Об аресте вождей гражданской войны против Революции», касавшийся членов кадетской партии, а в «Известиях» было напечатано обращение СНК к трудовым казакам, в котором, в частности, говорилось, что «Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардижи всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы

отстоять земли за помещиками… Казаки! От вас зависит теперь, будет ли дальше еще литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Объединитесь со всем народом против его врагов. Объявите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными силами и передайте их в руки Советской власти, которая будет их судить гласным и открытым революционным судом»[500].

3 декабря Дутов выступил в печати с сильной и талантливо написанной статьей «Клеветникам», четко дающей представление об истинных виновниках Гражданской войны: «В эти тяжелые дни рука не хочет браться за перо. Я все время молчал… Но, очевидно, молчание мое понято ложно. На пасквили и клевету отвечать противно. Я хочу сказать несколько слов лишь о современных событиях. «Товарищ» Троцкий-Бронштейн телеграфирует «товарищу» «главковерху» Крыленко о мятеже Дутова, о разоружении гарнизона, насилиях над гражданами, женщинами и о терроре. «Товарищ» чрезвычайный диктатор и начальник дороги Самара – Бузулук Кобозев грозит войной казачеству и мятежнику Дутову, стягивает войска и объявляет крестовый поход на Оренбург. «Товарищ» столяр Ершов, как командующий войсками Казанского округа, требует неисполнения приказов Дутова и грозит стереть с лица земли казачество, как контрреволюционеров и т. д. и т. д. (так в документе. – *А. Г.*). Я ставлю первый вопрос: в чем мятеж Дутова? Мятеж его, как члена Войскового Правительства, должен был быть или осужден самим Войсковым Правительством, или же признан мятежом всего Правительства. Я, как член Войскового Правительства, вхожу в Комитет Спасения Родины и Революции, действия мои всегда вытекали из постановлений этого Комитета[501] – значит, мы имеем дело с мятежом всего населения гор[ода] Оренбурга, т. к. члены Комитета СР. и Р. являются выразителями мнений всего Оренбурга. Итак, существует мятеж? Какие его признаки? Полное спокойствие в городе, никаких эксцессов, жизнь идет нормально, все учреждения работают, магазины торгуют, увеселения существуют, и мирная покойная жизнь протекает в городе. Где же насилия, где грабежи и погромы, где пьяный разгул и беспринципная разнузданность – ничего этого нет? Весь мятеж – полный порядок и нормальная жизнь. Конечно, ныне все спуталось. Кровавое шествие Ленина и его прихвостня Бронштейна[502], диктатура Кобозева и его помощника [Я.В.] Ап[п]ельбаума[503] не могут быть названы мятежами, ибо они заливают кровью матушку Русь, сжигают города и усадьбы, грабят магазины и пьют спирт, взрывают

заводы обороны, насилуют женщин, расхищают золото, исторические ценности, составляющие достояние всего народа, и определенно ведут к гибели всю Родину в целом. Это уже не мятеж, а обыкновенное управление государством. Второе – казачество препятствует власти совета солдатских депутатов. Вся власть в государстве должна быть у солдат и рабочих! Почему это? Потому, что солдаты бежали с фронта и его открыли и, будучи бессильными с врагом-немцем, пробуют силу штыка и пулемета на безоружном жителе. Потому, что немецкий солдат и немецкий пленный стали русскому солдату братьями[504], а казак, трудовой землероб, кровным врагом, с которым по приказу Ленина, Троцкого, Кобозева и К[О], даже запрещено разговаривать. Потому, что избранники[505] войск, войсковые атаманы, не угодны Ленину и т. д. и т. д. Солдаты, получая все от казны, не желают нести даже караулов, а казаки, служащие на собственном иждивении, служат безропотно. Где же справедливость?!.. Войсковой атаман Дутов издает приказы по гарнизону, распускает солдат и проч. Короче говоря, вмешивается в солдатскую жизнь. И это неправда. Начальником гарнизона состоял и состоит полковник Неуков, он же пишет приказы по гарнизону, в его приказе даже упоминается о подчинении ему как начальнику гарнизона в деле караульной службы казачьих полков, расположенных в городе. Ни одного приказа по пехотному гарнизону не подписано Войсковым Атаманом. Пехота жалуется, что ей не доверяют. В то же время бросает свои караулы и оставляет на произвол судьбы государственные учреждения. Ап[п]ельбаум издает приказ, что казаки не слушают своего Атамана и не желают его. В то же время казаки выносят резолюцию: «Верь нам, Атаман, что мы с тобой и твои приказы мы исполним без всяких оговорок». Для чего все это делается?! Цель ясна! Казаки и их вожди провокацией не занимаются, а господа Бронштейны и Ап[п]ельбаумы принимают все способы борьбы, какие раньше имели у себя жандармы. В Оренбурге казаки никого не трогали, никого не разоружали. Их оскорбляют, но они молча переносят. А вот «товарищи» разоружают наших братьев, едущих домой, выбрасывают из вагона на полном ходу поезда казаков, плюют им в глаза и всячески издеваются. Положение казаков на фронте невыносимое, фуража им не дают – лошади дохнут, ни одежды, ни белья казакам не дают, хлеб получают после всех и не каждый день! Это как назвать!! Скажите, за что все это?! Во всех воззваниях твердят: казаки продались купцам и буржуям. Спросите любого казака, я смело говорю, получил ли он от кого и что получил? Казак с гордостью может сказать, что он не наемник, деньгами его никто и никогда не покупал. 300 лет

казачество было свободно и таковым останется навеки! Прочь от казачества, торгаши своей совести! Прочь, наемники Вильгельма! Прочь, грабители государственных банков! Прочь, мародеры, обирающие жителей и служащие на немецкие и награбленные деньги!!»[506].

Такую статью мог написать только настоящий патриот своей страны, который лично выстрадал столь проникновенные строки. И если поставить вопрос, за что вообще такой исторический деятель, как Дутов, достоин искреннего уважения потомков, однозначным будет ответ – за свою бескомпромиссную борьбу с большевиками с 1917 г. и до самой смерти.

На 2-м очередном Войсковом Круге, открывшемся 7 декабря 1917 г. в оренбургском Епархиальном училище, заметную роль играла оппозиция Дутову, попытавшаяся добиться его смещения. Во вступительной речи со свойственной ему образностью изложения Дутов заявил:

«Депутаты Войскового Круга и дорогие станичники! Вновь собрались Вы, вершители судеб родного Войска. Объявляю очередной Круг Оренбургского казачьего войска открытым. Войсковой Круг! Тебе кланяется Войсковое Правительство и передает власть войсковую. Я, как Войсковой Атаман и Председатель Войскового Правительства, стоявший во главе войска, кладу атаманскую булаву, символ власти, на стол президиума Круга и становлюсь рядовым работником. (При этих словах Атаман положил булаву на стол.) Войсковой Круг! Собрался ты хотя и в очередном порядке, но опять перед тобой великие события. Призывая Вас, депутаты, к полному спокойствию и хладнокровию, необходимым спутникам при решении государственных дел, в то же время Войсковое Правительство просит депутатов быть Верховным Судьей и Правителем в полной мере. Перед Вами много очередных хозяйственных дел, но в первую очередь необходимо выяснить позицию казачества, а вместе с нею вопрос о полках, находящихся в городе Оренбурге, об их службе, замене и деятельности.

Мы пережили Корниловские дни, и Чрезвычайный Войсковой Круг дал свое авторитетное слово. Ныне мы переживаем большевистские дни. Мы видим в сумраке неясные очертания царизма Вильгельма и его сторонников, и ясно, определенно стоит перед нами провокаторская фигура Владимира Ленина и его сторонников: Троцкого-Бронштейна, Рязанова-Гольденбаха, Каменева-Розенфельда, Суханова-Гиммера и Зиновьева-Апфельбаума[507]. Россия умирает. Мы присутствуем при последних ее вздохах. Была Русь от Балтийского моря до океана, от Белого моря до Персии, была целая, великая, грозная, могучая,

серая земледельческая трудовая Россия – и нет ее. Разбитые черепки государственности кое-как стараются слиться и хоть что-либо сделать для своего соединения. Гибнет веками созданная, Христианскою верою и народным разумом спаянная Русь. Где ты, дорогая мать наша? Ты больна или лежишь уже при смерти?! Ты умираешь, растерзанная, и все дети бегут от тебя зачумленной. Но нет, родная, не все убежали. Помни, твой верный сын, хоть меньшой по силе, казак, остался при тебе. Больно и грустно ему. Не может его сердце, воспитанное на порядке и государственности, быть безучастным ко всему. Среди мирового пожара, среди пламени родных городов, среди свиста пуль и шрапнели, так охотно выпущенных солдатами внутри страны по безоружным жителям, и среди полного спокойствия на фронте, где идет братанье, среди ужаса расстрела женщин, изнасилования учениц, среди массового зверского убийства юнкеров и офицеров, среди пьянства, грабежа и погромов, ты, наша Великая мать – Россия, в своем красном русском сарафане легла на смертный одр, – и здесь тебя не оставляют в покое, грязными руками сдергивают с тебя последние ценности, у одра твоего звенят немецкие марки, – ты, любимая, отдавая последний вздох.

Открой на секунду тяжелые веки свои, – тут, рядом с тобой, стоит гордый своей свободой и сильный душой, верный до гроба сын твой – Войско Оренбургское. Триста лет его пугали всем, воевало оно много, много крови пролито за тебя; старались сломить его крепость и стойкость, ломали его други и недруги, ломал бюрократический строй, ломали немцы, но, как гранит, твердо стоит оно, только крепче смыкаются казачьи ряды, только грознее сдвигаются брови. Не большевикам разрушить вековую казачью общину! Не предателям Родины смутить казачьи головы, не немецкими посулами увлечь казачье сердце!

Родное казачество! К тебе взывает твой верный сын, тобой же поставленный Атаман. Скажи свое веское слово, и оно будет законом! Но скажи громко и твердо! Если мать-Россия умрет, то ее верный сын – казачество не умрет и будет у себя дома сохранять свои свычаи и обычаи, вольные духом, сильные сердцем скуют родные казаченьки еще крепче свою общину и будут в общеказачьей семье жить по-своему, не забывая никогда Родину-Русь. Что же делать нам, родные станичники? Неужели гибнуть со всеми? Думаю, что ни отцы, ни сыновья, ни внуки не простят нам, стоящим у кормила войска, нашего бездействия и нашей нерешительности. Я, при вручении мне булавы, клялся Кругу, что буду стоять на страже интересов Войска. Войсковое Правительство неустанно работало в эти дни, и я, как бессменный часовой, сорок дней, не щадя здоровья, забывая о семье и детях,

стоял на посту, не смыкая глаз. И вот, родные станичники-депутаты, войско цело, его порядки сохранены, и на его земле нет ни погромов, ни большевистских шаек…»[508]

Каждое предложение этой глубоко искренней вступительной речи было прочувствовано Дутовым.

По мнению депутата Войскового Круга и члена правительства М.П. Копытина, Войсковое правительство должно было быть переизбрано, т. к. его избирали как орган земской направленности, а в новых условиях оно стало органом, взявшим на себя всю полноту власти в регионе[509]. Копытин обвинил Дутова в диктаторских амбициях, отрицательном отношении к Советам (даже без большевиков), в единоличных действиях без санкции Войскового правительства, неправомерном разоружении гарнизона и… в матерной ругани. Не без ехидства Копытин заявлял: «Атаман, конечно, по-своему прав, так как он человек особой школы и привык управлять так, как управляли до переворота»[510]. В этой фразе чувствуется весьма болезненный в то время упрек Дутова в монархических пристрастиях, которых у Дутова на самом деле уже не было. Копытин цитировал фразу, якобы сказанную Калединым о Дутове: «Он пылкий человек. Поднялся он высоко, но падение будет страшно»[511]. Невозможно спокойно отнестись к действиям Копытина, который, как и другие близорукие деятели казачества, сам копал могилу себе и всему войсковому сословию.

Сторонники Дутова отметили, что атаман не действует единолично, а согласует все шаги с Войсковым правительством, кроме того, он полномочен действовать единолично при решении срочных вопросов, когда консультации с правительством невозможны, например ночью[512].

Сторонники большевиков депутаты Т.И. Седельников и подъесаул И.Д. Каширин прямо потребовали отставки Дутова и признания советской власти, однако такое предложение не встретило поддержки у делегатов. Большинство депутатов стало предлагать образовать коалицию, но это не удалось. Кандидатом в Войсковые атаманы от меньшинства был выдвинут А.И. Мякутин, однако он проиграл Дутову, получив 57 голосов при 4 воздержавшихся, тогда как за Дутова было подано 100 голосов[513]. Итак, Дутов вновь был избран атаманом. После переизбрания Дутова на трибуну поднялся Седельников и демонстративно сложил с себя всякую ответственность за деятельность Войскового правительства. Сам же Дутов торжественно поклялся, что «большевистская нога ступит на политую казацкой кровью землю родного мне Оренбургского войска только через мой труп»[514]. Активизация оппозиции Дутову и необходимость сторонников

атамана оправдываться и приводить в его защиту столь странные аргументы продемонстрировала как неустойчивость позиций Дутова в войске, так и сильную ограниченность атамана в действиях (далеко не самые решительные его шаги повлекли сильнейшее неприятие со стороны оппонентов). Впрочем, на этом атака оппозиционеров на Дутова не закончилась.

13 декабря на заседании Круга есаул И.А. Юдин от имени казаков-фронтовиков выразил недоверие Дутову, заявив, что политика атамана ведет к конфликту между казаками и солдатами. На следующий день Войсковое правительство по причине недоверия к нему подало в отставку. Во избежание кризиса власти в войске по предложению Дутова было постановлено в качестве компромисса при правительстве прежнего состава сформировать Малый Войсковой Круг (в составе 9 членов), который бы контролировал действия правительства в перерыве между сессиями Войскового Круга с правами распорядительной власти[515]. Впрочем, Малый Круг в связи с событиями на фронте вскоре самоупразднился, передав всю полноту военной власти Дутову. Казачий гарнизон Оренбурга в те же дни высказался за образование в городе Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, введение выборного командного состава и упразднение белой гвардии – школы прапорщиков и Оренбургского казачьего училища. Большевизированный 4-й Оренбургский казачий запасной полк напрямую выразил недоверие Дутову[516]. Вскоре Войсковой Круг принял решение расформировать казачьи запасные полки.

Как нельзя кстати для Дутова в его поддержку выступили казаки-старики станицы Оренбургской – родной станицы атамана: «…**Атаман**. Круг тебя ставил, и не молодежи незваной судить тебя: на то есть власть Войскового Круга. Мы, старики **Оренбургской станицы**, с[о] своей стороны, тебе, **Атаман**, верим крепко. Крепок и здоров будь и **ты, Атаман наш.** Черпай, **Батько наш,** силы в сознании своей правды и знай, что, хоть и не молоды мы, а руки наши умеют еще держать винтовку, а шашка казацкая в наших руках – еще не хворостина. И когда бы ни было нужно, – кликни только, – и мы подымемся **седой горой**, а в обиду и поругание не дадим **вольного Круга** и вольной головы войсковой, выбранного своего **Атамана**. Мы умели честно служить, и мы требуем, чтобы честно служили и те, кому пришел его черед»[517]. На практике заставить молодежь «честно служить» оказалось не так просто.

11 декабря 1917 г. на заседании Войскового Круга Дутов доложил о ходе борьбы с красными. В тот же день постановлением Войскового Круга, Комитета спасения Родины и

Революции, башкирского и киргизского[518] съездов в границах Оренбургской губернии и Тургайской области был образован Оренбургский военный округ, командующим войсками которого стал сам оренбургский атаман, начальником штаба округа был назначен Генерального штаба полковник И.Г. Акулинин[519], избранный на Круге помощником Дутова. Одной из причин образования военного округа было то, что военные учреждения Оренбурга после установления советской власти в Казани, центре Казанского военного округа, оказались лишены каких бы то ни было средств[520]. Достоверно известно, что Казань не пропускала в Оренбург сукно на обмундирование[521]. Кроме того, до 1881 г. Оренбург уже обладал статусом центра военного округа, причем округ был упразднен тогда по субъективным причинам. Организация округа повышала статус Оренбурга и расширяла полномочия Дутова, ставшего теперь верховным военным руководителем на всем Южном Урале. Работа по созданию округа с самого начала была поставлена на широкую ногу – в Оренбурге был сформирован штаб округа и собственные интендантское, инженерное и артиллерийское управления, а также военно-окружной суд. Ранее Оренбург в военном отношении подчинялся командующему войсками Казанского военного округа, но теперь был провозглашен самостоятельным военно-административным центром. Одновременно с этим было объявлено о том, что все приказы Временного правительства по армии и флоту подлежат неуклонному исполнению. Дутов, безусловно, был в курсе тех процессов, которые охватили окраины России в конце 1917 г. Он видел, что автономизировавшиеся казачьи и национальные окраины могут стать зародышами будущего объединения страны на антибольшевистской платформе при помощи сильной центральной власти. Возможно, поэтому он временно допустил некоторое обособление Оренбургского казачьего войска и Оренбургской губернии. 26 декабря на Круге Дутов поднял вопрос о способах воздействия на офицерский состав для привлечения его к защите Оренбурга в связи с недоверием к Войсковому атаману со стороны рядовых казаков.

16 декабря Дутов написал письмо № 19127 неустановленному командиру оренбургской казачьей части (полка или батареи) с призывом направить казаков с оружием в войско. Текст письма был следующим: «МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ! В настоящее время, как Вам известно, на фронте и внутри России благодаря всеобщему разложению создалось невыносимое положение для казаков. Большевики, не желающие помириться с существованием свободного казачества, стараются разложить его однородную массу и для достижения своих целей

не брезгуют никакими средствами. Вверенному мне войску грозит смертельная опасность, и в такое время, когда России в действительности уже нет, я считаю своей священной обязанностью собрать в войско всех находящихся на фронте казаков и в случае надобности всеми мерами отстаивать казачество. С этой целью, прилагая при сем выписку из постановления войскового круга от 13 сего декабря[522], считаю долгом сообщить Вам следующее: Вам как командиру части надлежит принять все меры к тому, чтобы казаки прибыли каким угодно порядком в свои округа. Для этого необходимо увеличить норму отпускных казаков, уволить на льготу, не дожидаясь прихода из войска сменной команды, тех казаков, которые подлежат замене. Имеющееся в части казенное имущество надлежит сдать в ближайшие склады или продать, сдав деньги в соответствующее казначейство. Что касается здоровых лошадей, то их под видом слабосильных следует отправить в войско. Представляется крайне необходимым, чтобы казаки прибыли в войско с оружием. Некоторые из строевых частей, как, например, первая, восьмая батареи и несколько сотен 15-го полка, прибыли вооруженными в Донскую область. Если Вы с частью находите затруднительным и опасным прибыть в свое войско, то следует направиться в ближайшую казачью область. Во всяком случае, всех возвратившихся в войско казаков войсковое правительство не будет считать дезертирами. Все это, однако, должно делаться так, чтобы не навлечь никаких подозрений со стороны тех организаций, в состав коих входит вверенная Вам часть. Разумеется, я не могу Вам указать всех способов, при помощи которых казаки могут прибыть с оружием в свое войско или другие казачьи области, и это всецело предоставляется Вашей опытности, знанию, умению и инициативе, но, во всяком случае, если части придется разоруживать (так в документе. – *А. Г.*), то необходимо принять все меры к тому, чтобы это происходило на какой-либо казачьей территории и чтобы в сдаче оружия и имущества были даны квитанции соответствующих войсковых начальств. Прошу принять уверения в совершенном моем к Вам уважении и таковой же преданности. *А. Дутов*»[523].

По свидетельству большевика Д.П. Саликова, письмо было адресовано «на имя Исецко, командира Ставропольского полка», по его же сведениям, оно начиналось обращением «Милостивый Государь, Иван Матвеевич!»[524]. Саликов явно исказил фамилию адресата – в Оренбургском казачьем войске не было офицеров со столь странной фамилией, зато существовал 4-й Исетско-Ставропольский полк, от названия которого и была произведена фамилия казачьего офицера. В декабре 1917 г. полком

командовал уже известный читателю полковник И.М. Зайцев, полк находился в Туркестане на подавлении туркменского восстания. Письмо Дутова было перехвачено ташкентскими большевиками, не дошло до адресата и тогда же было опубликовано в целях дискредитации Дутова. Поскольку в письме нет каких-либо конкретных указаний на Туркестан, скорее всего, этот же документ был направлен Дутовым и остальным командирам оренбургских казачьих частей, но большевики смогли перехватить лишь письмо Зайцеву. Таким образом, вопреки утверждению оренбургского историка Д.А. Сафонова[525], есть все основания считать это директивное письмо еще и циркулярным. Другие экземпляры документа были, по всей видимости, уничтожены адресатами, поскольку возить при себе подобную бумагу в начале 1918 г., даже для командира части, было практически равносильно смертному приговору. Кстати, не получивший письма Дутова 4-й полк стал едва ли не единственной оренбургской казачьей частью, вступившей уже в начале 1918 г. в борьбу с большевиками (еще одной такой частью являлся 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион[526]).

Зачем Дутову необходимо было сосредотачивать в войске вооруженных казаков? Разумеется, для борьбы с большевиками. Оренбургскому атаману необходимы были люди и оружие, однако, как вскоре выяснилось, на оружие он еще мог рассчитывать, но основная масса казаков, возвращавшихся с фронта, воевать уже не хотела. Поэтому на первом этапе борьбы оренбургский атаман, как и другие вожди антибольшевистского сопротивления, не сумел поднять на борьбу и повести за собой сколько-нибудь значительное число сторонников. Те добровольческие отряды, которые организовывались Дутовым в конце 1917 г. на Южном Урале, состояли в основном из офицеров и учащейся молодежи. На территории 1-го (Оренбургского) военного округа формировались станичные дружины. Благодаря настояниям Дутова, при содействии купечества и горожан удалось собрать денежные средства для организации борьбы. Возможно, если бы Дутов сумел продержаться в Оренбурге до весны 1918 г., расстановка сил изменилась бы в его пользу – в войско вернулись бы полки с фронта, после необходимого отдыха они вполне могли выступить против большевиков, тем более что часть фронтовиков, как это ни парадоксально, была готова к вооруженной борьбе с ними, если бы в войске возвращающимся с фронта было к кому присоединиться.

В ноябре – декабре 1917 г. противники Дутова не имели четкого представления о его слабости, к тому же они были дезинформированы сведениями, поступавшими из Оренбурга, в

частности информацией о наличии у Дутова до 7000 казаков. На самом деле против красных Дутов мог выставить не более двух тысяч человек, включая стариков и молодежь, этих сил явно не хватало для борьбы с окружавшими Оренбург большевиками, в связи с провалом казачьей мобилизации можно было рассчитывать лишь на добровольцев и учащихся военных училищ. Как позднее отмечал сам оренбургский атаман, «в то время у меня было 2 конных полка, 2 батареи, юнкера и школа прапорщиков»[527]. Сам он оценивал свои тогдашние силы в 3000 человек. По наиболее умеренным подсчетам советской стороны, Дутов к концу 1917 г. мог выставить около 2500 штыков и сабель[528]. Небезынтересно, что в советской историографии фигурировала и цифра в «15 000 хорошо вооруженных и обученных бойцов», имевшихся у Дутова[529]. Преувеличение составило примерно десять раз. Большинство боеспособных казаков еще не вернулось с фронта Первой мировой войны, а возвращавшиеся, как уже говорилось, не хотели снова браться за оружие, т. к. новая власть еще не успела проявить себя и воевать по их представлениям вроде бы было не за что.

Большевики очень боялись гипотетического соединения Дутова и Каледина, на что в ноябре – декабре 1917 г. ни у Каледина, ни у Дутова просто не было сил. К тому же за дальностью расстояний какое-либо взаимодействие было практически невозможно. Тем не менее попытки координации действий предпринимались. Так, в ноябре 1917 г. в газетах сообщалось о телеграмме Каледина Дутову с предложением выступить на соединение с ним[530]. Каледин 5 декабря отправил в Оренбург мощный радиотелеграфный аппарат «такой силы, чтобы установить связь Оренбурга с Доном»[531]. 6 декабря донской атаман просил сестру милосердия М.А. Нестерович передать Дутову, что надеется на союз с Украиной для общего удара по большевикам. По данным современного московского исследователя А.С. Кручинина, Каледин рассылал оперативные документы также и во 2-ю Оренбургскую казачью дивизию, застрявшую в эшелонах возле станции Филоново – недалеко от границы Донской области[532]. Известна недатированная телеграмма Дутову товарища донского атамана М.П. Богаевского, ошибочно названного при публикации этого документа генералом: «Немедленно командируйте в Новочеркасск своих депутатов на совещание представителей войсковых правительств по важным вопросам текущего момента»[533].

Более реальными представляются планы координации действий Дутова с непосредственными соседями оренбуржцев – уральскими казаками, однако документы об этом относятся к

январю 1918 г. – более позднему периоду, когда на Южном Урале уже шла ожесточенная борьба с большевиками. В частности, удалось обнаружить внешне неприметный, но интересный документ – удостоверение капитана Апушкина, выданное ему Дутовым 13 января 1918 г. и заверенное печатью Войскового штаба Оренбургского казачьего войска. В удостоверении сообщалось, что «предъявитель сего, капитан Апушкин, был на Дону, прибыл для связи в Оренбург и теперь отправляется в Уральск для формирования партизанских и добровольческих отрядов, что удостоверяю своей подписью. Прошу об оказании полного содействия. Полковник *Дутов*»[534]. Из этого документа следует, что Апушкин был связным между Новочеркасском, Оренбургом и Уральском. Таким образом, эти центры в конце 1917 – начале 1918 г. по мере возможности пытались координировать свои действия. В Забайкалье есаул Г.М. Семенов планировал «обезопасить Сибирскую магистраль и организовать боевые силы в помощь ген[ералу] Дутову»[535]. В начале января 1918 г. Семенов направил к Дутову офицера Февралева[536], однако последний был арестован в начале своей миссии на станции Песчанка (судя по всему, в районе Красноярска)[537]. Сам Дутов также пытался поддерживать связь с Дальним Востоком. В частности, в ноябре 1917 г. он направил Войсковому атаману Уссурийского казачьего войска Н.Л. Попову телеграмму с осуждением действий большевиков, захвативших власть в Петрограде, и призывом поддержать Временное правительство[538]. По всей видимости, в налаживании связей с лидерами других казачьих войск Дутову помогли контакты, установленные еще в петроградский период его деятельности.

Регионом, который постоянно интересовал Дутова, являлся Туркестан. В конце 1917 г. Войсковое правительство командировало в Самарканд и Коканд хорунжего Полюдова с задачей поднять восстание против большевиков и установить связь с местными антибольшевистскими силами. Полюдов в дальнейшем вступил в Туркестанскую военную организацию, выполнял различные опасные поручения, в том числе по организации отделов в Черняевском и Аулие-Атинском уездах, содействовал побегу из ташкентской крепости полковника И.М. Зайцева, а в августе 1919 г. возвратился на Урал[539].

Дни 16–18 декабря ознаменовались безобразным пьяным бунтом в Оренбурге, где произошел разгром винного склада, на котором хранилось около 40 000 ведер (ведро – мера объема, равная 12,29 литра) спирта. Предыстория произошедшего была следующей. Городские власти по предложению губернского комиссара Н.В. Архангельского во избежание пьяных погромов,

прокатившихся тогда по всему Уралу, занимались уничтожением запасов спирта путем их слива в р. Урал, однако после того, как слив был по решению председателя Комитета спасения Родины и Революции В.Ф. Барановского приостановлен, труба от избыточного давления лопнула и началась утечка спирта, оренбургским властям пришлось столкнуться с крайне сложной ситуацией, грозившей массовыми беспорядками и хаосом в городе, притом в канун большевистского наступления. Казаки 5-й сотни 4-го Оренбургского казачьего запасного полка, вызванные для охраны растекшегося спирта, вечером 16 декабря перепились. Новый караул поступил точно так же. После этого к месту утечки потянулись местные жители, началось разграбление склада, вспыхнул пожар. 17 декабря место происшествия посетил Дутов, в тот же день выступивший перед Войсковым Кругом со своими предложениями о мерах воздействия на мародеров. Конная милиция смогла разогнать толпу, однако весь день по городу ходили массы пьяных людей, 17–18 декабря в городе закрылись магазины, рестораны, театры и кинематограф. Лишь опираясь на казаков-стариков из ближайших к Оренбургу станиц (в основном из Павловской и Сакмарской), мобилизовавших все мужское население от 22 до 55 лет, Дутов сумел пресечь угрозу массовых беспорядков в городе. Всего в город прибыло около 2000 казаков. Вместе с тем разграбление склада продолжилось и позднее, причем от неумеренного употребления спиртного и других причин погибло около 210 человек[540]. В советской историографии в провоцировании погромов был обвинен сам Дутов, поскольку именно он, прекратив погром, смог укрепить свои позиции[541]. Оренбургский атаман считал, что, наоборот, именно «большевики перешли к излюбленному приему: спаиванию темной массы, организовали пьяный бунт»[542].

Защита Оренбурга

28 ноября секретарь Ленина и Троцкого Иванов запросил захваченную за неделю до этого большевиками Ставку по телефону о том, что сделано для ликвидации мятежа Каледина и Дутова. Начальник штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич сообщил, что руководство посылкой войск взял на себя военно-революционный комитет Ставки[543]. На вечер 28 ноября было намечено совещание по этому вопросу. Видимо, позднее был образован Полевой штаб при Ставке для борьбы с контрреволюцией, в состав которого вошли представитель Петроградского ВРК М.К. Тер-Арутюнянц, большевик подполковник В.В. Каменщиков и два делегата по выбору армейского совещания при Ставке[544]. Небезынтересно, что в этот период в Ставке выпускались еженедельные «Сводки о демократизации армии».

По сведениям В.М. Войнова, уже 29–30 ноября произошли неудачные для красных первые бои со сторонниками Дутова в районе станции Платовка[545]. Эти данные, впрочем, не подтверждаются имеющимися в моем распоряжении источниками ни со стороны красных, ни со стороны белых, еще одним контраргументом против такой точки зрения является тот факт, что вплоть до второй половины декабря пассажирские поезда свободно проходили из красной Самары в красный Ташкент через белый Оренбург и лишь с началом большевистского наступления 23 декабря пассажирское сообщение прекратилось[546]. Судя по всему, красными при блокаде Оренбурга не пропускались лишь воинские и товарные эшелоны.

С начала декабря 1917 г. большевики наращивали имевшиеся силы против Дутова. 27 ноября из Петрограда десятью эшелонами выехал Сводный Северный летучий отряд, ставший первым формированием, направленным специально против Дутова[547]. С 8 декабря началась большевистская мобилизация на Урале[548]. Большевики направили против оренбургского атамана отряды из Самары, Екатеринбурга, Казани, Перми, Иващенкова, Уфы, Бузулука, Челябинска, Москвы, Петрограда и других городов, а также из Архангельского, Аша-Балашовского, Белорецкого, Богоявленского, Катав-Ивановского, Миньярского, Симского, Тирлянского и Юрюзанского заводов. В связи с разнообразием данных относительно этих отрядов и отсутствием какой бы то ни было систематизации имеющихся сведений представляется целесообразным реконструировать их боевое расписание (см.

табл. 5).

Таблица 5

Реконструкция боевого расписания вооруженных формирований, действовавших против А.И. Дутова в декабре 1917 – январе 1918 г.[549]

Название отряда	Командир	Пункт формирования	Состав	Время и пункт прибытия на фронт против Дутова
—	Гавриленко	Самара	300 рабочих завода Масленникова	Бузулук
«Черная гвардия»	Карасик	Самара	550 анархистов	Бузулук
Сводный отряд красногвардейцев из Самары и Уфы	В.К. Блюхер, А.П. Галактионов, М.П. Герасимов	Самара	500 солдат Самарского пехотного полка, 8-я орудийная батарея[1]	Челябинск, 20.11.1917
Сызранский кавалерийский дивизион		Сызрань	120 уланов	Челябинск, 20.11.1917
		Томск	2 пулеметные команды	Челябинск, 11.1917
		Омск	300 штыков[2]	Челябинск

[1] Возможно, 3-й легко-артиллерийский дивизион. См.: *Ташкинов П.* Из воспоминаний о Красной Гвардии //Искра (Кунгур). 1927. 23 февраля… (Материал предоставлен М.Г. Ситниковым (Пермь).

[2] Отряд отправлен в начале 1918 г. по распоряжению перешедшего на сторону большевиков начальника штаба Омского военного округа Генерального штаба генерал-лейтенанта А.А. Таубе. См.: *Познанский В.* На службе революции //Военно-исторический журнал. 1960. № 8. С. 117.

Название отряда	Командир	Пункт формирования	Состав	Время и пункт прибытия на фронт против Дутова
Екатеринбургский отряд	П.З. Ермаков	Екатеринбург	500 человек (в т. ч. 300 красногвардейцев Верхнеисетского завода), 2 орудия, 2 пулемета[1]	Бузулук, 01.1918
		Казань	200 солдат казанского гарнизона и красногвардейцев, 50 пулеметов	
	А.Л. Борчанинов	Пермь	300 красногвардейцев мотовилихинского завода	Челябинск
	А. Авдеев	Екатеринбург	120 рабочих завода тяжелых артиллерийских снарядов Злоказова (ехали в эшелоне с пермским отрядом А.Л. Борчанинова)	Выехали 30.12.1917 из Екатеринбурга
Бузулукский смешанный отряд[2]		Бузулук	150 красногвардейцев, 120 кавалеристов из Сызрани, 20 пехотинцев[3]	На месте
	И.И. Осокин, И. Опарин;, Л. Напалков	Аша-Балашовский завод	Более 1500 вооруженных рабочих	
	Д.П. Заикин	Миньярский завод		
	Н.А. Масленников	Симский завод		
Отряды Красной гвардии	М.Г. Назаров, В. Ковшов;, В. Сулимов	Златоуст		

[1] 2 37-мм орудия и 2 пулемета были подарены отряду на Верхнеисетском заводе. См.: *Ермаков П.*[З.] На Дутова! //Правда. 1937. № 116 (7082). 27 апреля. С. 3.

[2] Есть сведения о том, что из Бузулука на борьбу с Дутовым выступили солдаты 170-го и 264-го (по другим данным, 244-го) запасных пехотных полков. См.: *Ташкинов П.* Из воспоминаний о Красной Гвардии // Искра (Кунгур). 1927. 23 февраля. (Материал предоставлен М.Г. Ситниковым (Пермь).

[3] По другим данным, был сформирован двухбатальонный пехотный полк (700 человек), кавалерийский отряд – 70 человек, советская рота (100 человек), железнодорожный красногвардейский отряд (160 человек). См.: *Александров Ф.А.*

Указ. соч. С. 20.

Название отряда	Командир	Пункт формирования	Состав	Время и пункт прибытия на фронт против Дутова
Отряды Красной гвардии	С.Я. Елькин (Челябинский смешанный отряд – 300 бойцов), В.И. Евтеев	Челябинск	Более 700 человек, 15 пулеметов, артиллерийские орудия	Челябинск, 12.1917
Сводный Северный летучий отряд	Мичман С.Д. Павлов	Петроград	1500 бойцов: до 500 матросов, стрелки 17-го Сибирского стрелкового полка	Челябинск, 16.12.1917; Бузулук, 12.01.1918
	Г.И. Зануздан ов	Румынский фронт	350 солдат 196-го пехотного полка, 5 пулеметов	Самара, 23.12.1917
	В.Н. Ходаков		128 артиллеристов при 8 легких орудиях 24-го артиллерийского дивизиона и 2 мортирах мортирного дивизиона с Румынского фронта	
Дружина	А.М. Чеверев	Уфа	450 человек[1]	Не позднее 27.12.1917
		Казань	200 солдат и рабочих	
Туркестанский отряд			Красногвардейцы	
Пехотный отряд		Кунгур		
			2 аэроплана «Фарман»	Бузулук
Технический железнодорожный вспомогательный поезд	Железнодорожный мастер Федотчев		40 рабочих	

[1] Есть сведения о том, что из Уфы прибыл магометанский полк. См.: *Ташкинов П.* Из воспоминаний о Красной Гвардии // Искра (Кунгур). 1927. 23 февраля. (Материал предоставлен М.Г. Ситниковым (Пермь).

Основным пунктом сосредоточения по линии Ташкентской железной дороги был Бузулук, а непосредственно на Урале – Челябинск. Как видно из таблицы, отряды, выступившие на борьбу с Дутовым, были достаточно разношерстными. Кроме того,

из таблицы следует, что уже в декабре 1917 г. против Дутова красные бросили не менее 7500 человек с пулеметами и артиллерией (20–25 орудий[550]), в том числе не менее 4000 из района Челябинска[551].

Таким образом, уже в первом наступлении на Дутова красные превосходили противника по численности как минимум в три раза. Это, однако, не помогло им успешно завершить операцию, хотя, в отличие от сил Дутова, у красных имелись далеко не случайные кадры. Матросы Балтийского флота, входившие в состав Сводного Северного летучего отряда мичмана С.Д. Павлова (член РСДРП(б) с мая 1917 г. и участник «штурма» Зимнего дворца), были набраны в основном из команд линейных кораблей «Андрей Первозванный» и «Петропавловск» (помимо этого с линкоров «Севастополь», «Полтава», крейсеров «Рюрик», «Олег», «Богатырь» и с миноносцев). Именно распропагандированные социалистами матросы с «Андрея Первозванного» и «Петропавловска» наиболее активно участвовали в убийствах собственных офицеров в Гельсингфорсе в марте 1917 г.[552] Эти люди в слепой ненависти были готовы уничтожить любого противника. В отряде Павлова также находились стрелки 17-го Сибирского стрелкового полка, «отличившиеся» мятежом еще в декабре 1916 г. – задолго до событий Февраля 1917 г.[553] Помимо матросов и стрелков в борьбе с Дутовым на ее начальном этапе участвовали ветераны революционного подполья, состоявшие в отрядах боевиков еще в годы первой русской революции[554]. Об этом впоследствии писал, правда применительно к весне 1918 г., и председатель Уралоблсовета А.Г. Белобородов, по свидетельству которого «наиболее надежные воинские (только что сформированные) части зарождавшейся Красной Армии были в походе против Дутова, туда же были оттянуты и все красногвардейские отряды»[555].

К началу 1918 г. на борьбу с Дутовым красными было стянуто уже не менее 10–12 тыс. человек[556]. Между тем нет сведений о том, что силы Дутова к началу второго наступления красных сколько-нибудь увеличились – красные численно превосходили своего противника в 4–4,8 раза. Всего же Петроград планировал бросить против Оренбурга до 25 000 человек с артиллерией и пулеметами[557]. 23 декабря на содержание красногвардейских отрядов СНК ассигновал 50 000 руб.[558] Позднее Кобозеву из Петрограда было направлено 10 000 000 руб.[559] Постановлением от 18 декабря 1918 г. СНК обязал председателя Коллегии народного комиссариата по военным делам Н.И. Подвойского делать ежедневные доклады о мерах по оказанию помощи Самаре и Оренбургу[560] – настолько сильно большевистская верхушка

испугалась выступления Дутова. Подвойский, в свою очередь, обязал ежедневно докладывать обстановку чрезвычайного комиссара Оренбургской губернии и Тургайской области П.А. Кобозева – непосредственного руководителя борьбы с Дутовым. Большевистское руководство считало необходимым покончить с Дутовым до весенней распутицы, т. к. иначе у атамана, по их мнению, появлялось бы преимущество[561].

В организации борьбы с Дутовым Кобозеву содействовал бывший штабс-капитан Масальский, являвшийся начальником сводных отрядов. 20 декабря Кобозев направил Дутову ультиматум: «Если через 24 часа вы не передадите обратно захваченную вами власть в надежные руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и железнодорожных депутатов, то я принужден буду внешней воинской силой восстановить народоправие в Оренбурге…»[562] Ответа от Дутова не последовало.

23 декабря красные перешли в наступление, передвигаясь в эшелонах. Дутов активных действий не предпринимал. Красногвардейцы доехали таким образом до станции Платовка, однако продвинуться дальше могли только с боями. В районе разъезда № 13 произошел бой с отрядом защиты Комитета спасения Родины и Революции под командованием есаула Кузнецова (до 350 человек при 2 пулеметах). Белым пришлось отойти. Первый бой с применением артиллерии произошел у станции Сырт. Красные заняли Сырт и 15-й разъезд. Далее на перегоне между Каргалой и Переволоцком были подпилены телеграфные столбы, чего оказалось достаточно для бегства красных в Платовку, решивших, что все казаки поднялись против них. Официально Кобозев заявлял, что неудача произошла «из-за отсутствия резервов, истощения и недостатка в командовании»[563]. Красные в общей сложности потеряли не менее 100 человек. Небезынтересно, что в ходе этого отступления красные умудрились потерять даже один из двух имевшихся у них аэропланов. Самолет был захвачен на 16-м разъезде казаками хорунжего Балабанова[564].

По мнению Ф.Г. Попова, в провале наступления был виноват начальник штаба Кобозева бывший штабс-капитан Масальский, напившийся еще в Бузулуке и первым бежавший с поля боя[565]. Кстати, штаб Масальского даже предпринял попытку устроить самосуд над П.А. Кобозевым[566]. История сохранила для нас любопытное описание «штаба» Масальского, сделанное одним из офицеров: «В комнате, куда нас ввели, кроме двух стульев, трех бутылок из-под «денатуры» или «самогонки» (на этикет не обратил внимания), штабс-капитана Масальского и одного

«товарища» из женского батальона, я ничего не заметил»[567].

К 11 часам 25 декабря на оренбургском вокзале собралось около 1000 казаков, юнкеров и офицеров[568]. Именно эти силы и приняли основное участие в дальнейших боях под Оренбургом. 28 декабря белые заняли станцию Сырт. В этот период на стороне Дутова сражались дружины самообороны станицы Донецкой и поселка Переволоцкого, партизанский отряд подъесаула Вагина, санитарный отряд станицы Бердской и т. д. Местное население помогало защитникам войска хлебом и мясом[569].

Уже в эти дни со стороны красных имели место случаи зверств по отношению к противнику[570]. Для сравнения: 30 декабря 1917 г. приказом по Оренбургскому сводному отряду белых предписывалось не допускать самосудов над красными[571].

Сложно сказать, задумывалось ли это специально, или стало просто совпадением, но наступление на Дутова сторонники большевиков начали практически одновременно с северо-запада и северо-востока – от Бузулука и от Челябинска. Общее руководство и координация действий противников Дутова находились на очень низком уровне, что признавали сами красные[572]. Правда, впоследствии советские авторы писали даже о замысле концентрического наступления на Дутова[573]. Первое серьезное наступление вооруженных формирований Кобозева на Оренбург полностью провалилось. В то же время начавшееся 22 декабря наступление большевиков в районе Челябинска увенчалось успехом. 23 декабря произошел бой в районе станции Полетаево. 24 декабря красные заняли станицы Еманжелинская и Нижне-Увельская, а в ночь на 25 декабря и город Троицк – центр 3-го военного округа Оренбургского казачьего войска (пленено около 300 казаков). По слухам, казаки в Троицке перепились по случаю Рождества, чем и воспользовались большевики, взяв город[574]. По данным красных, к моменту их вступления в город казаки были заняты разграблением складов амуниции[575].

Борьба казаков с красными в районе Троицка тогда сводилась в основном к порче железнодорожного пути и подрыву водонапорных башен (без воды не двигались паровозы). Вооруженных столкновений было немного, однако, несмотря на это, красные сполна продемонстрировали местному населению свою сущность. Так, в станице Еткульской отряд мичмана Павлова расстрелял станичного атамана и священника за то, что те созывали казаков набатом[576]. По занятии Троицка стрелки 17-го Сибирского стрелкового полка были оставлены в городе, матросов же перебросили под Оренбург, где дела у красных обстояли не столь благополучно. 27 декабря матросы выехали из города.

31 декабря 1917 г. атаман выступил на заседании Малого Круга с докладом о политическом моменте. Дутов был настроен оптимистично: «Мы постепенно вытесняем противника. Движение идет успешно. Потерь мало. Начальник отряда действует осторожно. Наша казачья территория кончается станицей Новосергиевка. На вопрос различных организаций, что будет дальше, я отвечал: «Что прикажет Круг, то и будет». Теперь вопрос: идти ли нам дальше, на Бузулук, как предлагают городские Организации, помогавшие и помогающие материально и чем угодно теперь, например, продовольствием, фуражом, одеждой, и в данное время являющиеся охраной по тишине и спокойствию самого Города? После сказанного обращаюсь к вам и прошу указаний, как действовать дальше. Мнение Войскового Правительства таково: занять Платовку, установить наблюдение за Новосергиевкой, на этом кончить наступление. Идти на Бузулук просят др[угие] организации для того, чтобы выручить весь груз, направленный для Оренбурга», – заявил он[577]. За выступлением Дутова последовали прения. Высказывались разнообразные суждения: не ходить «за грань», чтобы не нарушать постановление Войскового Круга и не рисковать, оставить заслон лишь из обеспеченных людей, оставить заслон лишь из молодых казаков, уволив стариков. В итоге было принято решение занять Платовку и наблюдать за Новосергиевкой, казаков, кроме присяги 1916 г., распустить по домам.

Очень осторожно Дутов просил Малый Круг наделить его хоть какой-то властью в отношении не исполняющих его приказы офицеров. Дутов просил разрешения лишать их офицерского звания, а также не позволять им покидать войско в настоящий момент. Предложение поддержки не нашло, поскольку, по мнению одного из депутатов, запрещение выезда из войска может коснуться и простых казаков, что «нарушит права свободного Гражданина пользоваться завоеванными революцией свободами»[578]. Таким образом, депутаты Малого Круга не только не понимали складывавшуюся обстановку, но и серьезно мешали Дутову в его работе. О том, насколько непросто приходилось Дутову в этот период и какие умонастроения царили в войске, наглядно свидетельствует уникальный документ – «Временный воинский устав о наказаниях, налагаемых на казаков Оренбургского казачьего войска», разработанный Малым Войсковым Кругом. Одним из его пунктов была отмена единоличной дисциплинарной власти воинских начальников. Устав также содержал интересные статьи о наказаниях за уклонение от службы (до 3 месяцев тюремного заключения), первый и второй побеги со службы (до 1 и до 3 лет тюремного

заключения соответственно) и т. п.[579]

Дутов с одобрения Комитета спасения Родины и Революции и Малого Войскового Круга 31 декабря приказал войскам по занятии станции Новосергиевка прекратить преследование противника, поскольку территория Оренбургской губернии и войска таким образом была бы очищена от большевиков. При этом предполагалось на станции Новосергиевка выставить пеший отряд из офицеров, юнкеров и добровольцев-казаков численностью 100–150 человек с пулеметом и вести ближнюю конную и агентурную разведку, резерв (200 человек из казаков призыва 1916 г. и признанных негодными к службе казаков призыва 1905 г. с пулеметом) должен был находиться на станции Платовка. Эти части должны были периодически сменяться. Остальные силы должны были быть отведены в Оренбург[580]. По занятии Новосергиевки Дутов разрешил всем ранее задержанным большевиками солдатам отправиться домой[581]. Первое наступление красных было отражено силами нескольких слабых «добровольческих отрядов эсеровского толка и отдельных казачьих сотен, тоже из добровольцев, довольно низкой боеспособности»[582]. Небезынтересно, что после отхода красных ненадолго возобновилось железнодорожное сообщение.

В эти дни в Оренбурге получило распространение следующее нескладное, но злободневное стихотворение (небезынтересно, что сохранилось оно в воспоминаниях самого П.А. Кобозева)[583]:

Полетят повсюду пули,
Загорятся все дома,
Всем покажут черта в стуле,
Будет «елка» всем да «Фарман» на.
Дядя Кобозев сморозит
Большевистский переворот;
Уж недаром он подвозит
Вместо хлеба – пулемет,
Так в дни равенства, свободы
Ждем мы «елочки» теперь.
Дед Мороз – в былые годы.
Дядя Кобозев – теперь.

Для обороны линии Ташкентской железной дороги, по которой наступали большевики, Дутов организовал Оренбургский Сводный отряд под командованием георгиевского кавалера полковника В.К. Нейзеля. 25 декабря всем офицерам, проживавшим в Оренбурге, было приказано зарегистрироваться, чтобы нести службу по охране города[584], а на следующий день

Дутов пошел на беспрецедентный шаг – временную мобилизацию для несения внутренней службы в Оренбурге «ввиду исключительных обстоятельств текущего момента» 7-х классов 1-й и 2-й Оренбургских военных гимназий[585].

В новогоднем поздравлении войскам Дутов писал: «Поздравляю отряд и Вас с Новым Годом, желаю здоровья, уверен, что правда и закон восторжествуют в Новом Году после урока, данного доблестным отрядом под Вашим предводительством Кобозевым бандам (так в документе. – *А. Г.*). Пользуясь случаем, благодарю Вас и чинов всего отряда за тяжелую боевую службу минувших дней на благо родины, родного Оренбурга и войска. Командующий войсками и Войсковой Атаман Дутов»[586]. С 8 января 1918 г. все войско, Ташкентская железная дорога и Оренбург (с 7 января на осадном положении) были объявлены на военном положении, а в одном из документов отмечалось, что «выступление большевиков рассматривается как открытие военных действий против Оренбургского казачьего войска и всего Оренбургского края»[587]. Впрочем, станицы вяло отреагировали на призыв Дутова. О своем «нейтралитете» заявила станица Мамолаевская[588]. Опасались воевать в одиночку и офицеры. В этой связи 7 января офицерский отряд 104, 105 и 238-го запасных пехотных полков запросил Малый Войсковой Круг о том, какие казачьи части будут действовать на фронте и считает ли Круг необходимым выступление офицерских отрядов. Разумеется, Круг ответил успокоительным заверением[589].

Второе наступление Кобозева на Оренбург началось уже 7 января. Организовано оно было так же оригинально, как и первое. В связи с сильными морозами и бураном войска «наступали» в эшелонах непрерывной цепью с промежутком в полверсты между составами[590]. Каких-либо маневров практически не было. Первый и сильный бой произошел под Новосергиевкой, восточнее железнодорожной станции. Фанатично настроенные матросы атаковали дутовцев в рост с пением революционных песен.

Одновременно красные пытались действовать, наступая из Туркестана со стороны Ташкента, причем на ташкентском направлении к Дутову присоединилось несколько киргизских разъездов[591]. Белые отряды на этом направлении возглавлял полковник Г.М. Фаддеев. 27 декабря 1917 г. белые на этом направлении оставили станцию Ак-Булак. Боевые действия в январе 1918 г. развернулись в районе станции Чашкан[592] – следующей за Илецкой Защитой, если ехать от Оренбурга. Основу белых сил составляли отряды станиц Григорьевской и Угольной, а также юнкера. На этом направлении активные действия предпринимали белые. В частности, ими было совершено

нападение на станцию Ак-Булак[593].

Отряды красных имели выборный командный состав, в результате чего часто непосредственно во время боев были вынуждены нерационально тратить время на стихийно возникавшие митинги и перевыборы командиров[594]. Вообще же в отряде Кобозева было аж три комиссара: сам Кобозев как «правительственный» комиссар, бежавший из оренбургской тюрьмы С.М. Цвилинг – чрезвычайный комиссар Оренбургской губернии и А.Т. Джангильдин – чрезвычайный комиссар Тургайской области. Для большего воздействия на противника красные организовали самодельный «бронепоезд» из двух платформ, на одной из которых были установлены два орудия, а на другой – снятый с колес бронеавтомобиль[595].

7 января на фронт отправился отряд казаков станицы Нежинской, приказ отправиться на фронт был отдан и 1-му Оренбургскому казачьему запасному полку, которому предписывалось отправить против большевиков «всех свободных казаков в конном строю»[596]. Уже 8 января белые с боем отступили от разъезда № 12, фронт пролегал между этим разъездом и станцией Переволоцк. Донецкая и Татищевская станицы направили Дутову подкрепления. На следующий день белые продолжали отходить с боями, был разобран железнодорожный путь и разрушены мосты. В эти дни добровольцами на фронт пошли даже кадеты Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, вскоре принявшие участие в бою под Сыртом. Убит в цепи кадет 7-го класса М. Кулагин (16 лет), ранен 6-классник М. Пискунов[597]. Казаки же продолжали плыть по течению, оставаясь, в большинстве своем, сторонними наблюдателями.

Оставив разъезд № 13, по которому красные выпустили не менее 120 снарядов, сторонники Дутова ненадолго закрепились на разъезде № 14, мост между разъездами был взорван. Под угрозой исключения всего населения из казачьего сословия Дутов осуществляет мобилизацию казаков от 20 до 55 лет близкой к линии фронта станицы Донецкой. Как впоследствии вспоминал сам Дутов, у казаков в тот период оставалось по 10 патронов на винтовку и по 2 снаряда на орудие, приходилось драться штыками[598].

13 января в Оренбурге была объявлена мобилизация всех торгово-промышленных служащих в возрасте от 18 до 55 лет для несения караульной службы и оборонительных работ[599]. С призывом к казакам – приверженцам левых взглядов обратился Т.И. Седельников, по мнению которого нежелание казаков бороться с большевиками вызвано непониманием складывающейся ситуации. «Не пора ли бросить прикрываться

«левыми словами» для оправдания нашего бездействия, если не нашей трусости?» – писал он[600].

Наибольшим ожесточением отличались бои за станцию Сырт, занятую красными 13 января. Бой длился три дня – особенно упорно шла борьба за сопку возле станции. Исход столкновения решили красные лыжники во главе с П.З. Ермаковым, обошедшие белых с тыла. В том бою белые потеряли не менее 60 человек убитыми и ранеными[601], в плен к красным попали 10 человек, в том числе трое мальчишек-кадетов. По одному из свидетельств, кадеты ревели и валялись в ногах у взявших их в плен матросов, прося о пощаде[602]. Какова их дальнейшая судьба – неизвестно. По воспоминаниям одного из участников, в боях красными активно использовались гранаты, штыков для ближнего боя было очень мало[603]. Красные оценивали численность сторонников Дутова, отступивших после этого в Оренбург, всего лишь в 300 человек[604]. Возможно, это даже преувеличение. Есть сведения, что Оренбург обороняло всего 200 бойцов[605]. В то же время фигурирует цифра в 1500 человек, имевшихся в общей сложности в распоряжении Дутова[606]. Несмотря на малочисленность защитников Оренбурга, бои были очень упорными – красным приходилось брать с боем почти каждую станцию.

Газеты того времени сохранили до наших дней имена первых защитников войсковой столицы, дающие представление о том, кто сражался на стороне белых в начале Гражданской войны. Вот некоторые из них: подъесаул П.Г. Тюрин – умер от ран и контузий, юнкер Портнягин – убит большевиками; доброволец И.И. Трусов – 18 лет, воспитанник 6-го класса оренбургской гимназии, ранен; юнкер Оренбургской школы прапорщиков И.В. Карташев – 22 года, ранен; прапорщик Петров – убит большевиками, «в левом крыле носа имеется рана, но не рваная, а пулевая, колотой штыковой раны в области груди нет, а имеется на ее правой стороне и на внутренней стороне правого бедра по одной большой колотой ране»[607]. У Оренбурга были очень юные защитники, но это не остановило красных перед самыми гнусными жестокостями в их отношении. На станции Новосергиевка в начале января 1918 г. был обнаружен труп неизвестного юнкера, который был «исколот штыками, прострелен, в области живота вырезан кусок тела, в другой части тела обнаружена большая рана, нанесенная, как предполагают, тупым орудием, язык, уши, нос и половые органы были вырезаны»[608].

В Оренбурге в условиях военного положения все заведения должны были работать до 22 часов, была запрещена торговля спиртным. 16 января 1918 г. был издан приказ о мобилизации

домовладельцев 1-й части Оренбурга в возрасте от 18 до 55 лет для формирования боевых, трудовых и охранных дружин. Боевые дружины формировались из мужчин 20–35 лет, трудовые – 18–19 и 36–55 лет[609]. Однако было уже поздно.

16 января 1918 г. произошел решающий бой под станцией Каргала в 35 верстах от Оренбурга. Этот бой стал «лебединой песней» оренбургских кадетов, откликнувшихся на призыв последних защитников города. На фронт под командой 18-летнего прапорщика Хрусталева, который сам лишь год назад окончил Неплюевский корпус, пошли даже 14-летние. Один из них впоследствии вспоминал:

«Нас спешно одели. Ватные куртки, штаны, бараньи полушубки, валенки, папахи. До вокзала шли в кадетских фуражках. Первый раз запели ротой уже дошедшую до Оренбурга песню:

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую…

Был солнечный, морозный день пятнадцатого января восемнадцатого года, один из последних дней белого Оренбурга. Об этом мы даже не думали. Не могло же быть, чтобы мы с нашими старшими друзьями юнкерами не отбросили банды Кобозева обратно к Самаре. А там Корнилов и Алексеев двинутся с Дона и разгонят большевиков. До Каргаллы ехали час в отопленных и хорошо оборудованных теплушках… На станции сотня казачьих юнкеров и роты две эсеровских добровольцев. Эсеровские добровольцы (они ходят без погон и называют себя отрядами Учредительного Собрания) величают друг друга – «товарищами». Пытаются так называть и нас. Дело чуть не доходит до драки, а связиста из штабного вагона выкидывают из купе. Даже не мы, а дежурный офицер, бывший кадет 2-го корпуса. Их офицеры, они в погонах, приходят с извинениями. Слово «товарищ» у них было будто бы в обращении всегда – и употребляют его они не в политическом, а в «обиходном» смысле.

Славно поели жирного солдатского кулеша, и, как настоящим солдатам, нам выдали по полстакана водки. Вечером, в двух вагонах, кадетскую роту передвинули к железнодорожной будке, в двух верстах от станции. Сменяем в заставе офицерскую роту. Застава в полуверсте от будки, в снеговых окопах, по обеим сторонам железнодорожного полотна. Там, на всю ночь, остается одно отделение… На дворе градусов двадцать мороза. Каково должно быть нашим в заставе… У большевиков все тихо, только где-то очень далеко слышны паровозные гудки. Должно быть, в

самом Сырте – верст 10 или 12 впереди. В Поповке, что почти на фланге заставы, только лают собаки. С этой стороны позицию защищает глубокий снег.

Утро шестнадцатого января. День обещает быть таким же солнечным и морозным, как вчера… На Оренбургском фронте воюют только днем. Было часов девять утра, когда, со стороны заставы, послышалась частая ружейная стрельба и, почти сразу, разорвался первый снаряд. Вошел в дело приданный нам пулемет… бой разгорается, и мне видно с полотна, как ложатся, совсем близко от нашей будки, снаряды. Из Поповки показалась стрелковая цепь. Черные муравьи на белом фоне. Отсюда, за две версты, кажется, что они не двигаются. Их цель, по-видимому, обойти нашу позицию справа. С Каргаллы их цепь, конечно, видят, и вот красивым барашком рвется первая шрапнель нашей бронированной площадки. От меня, с высокой насыпи полотна, все видно, как на ладони… На станции добровольческие роты уже грузятся и юнкера седлают коней. Они постараются обойти красных на нашем левом фланге, но – снег их остановит… Паровоз, прицепленный сзади, толкает пять теплушек с добровольцами. Я примостился на подножке паровоза. Холодно, светло, весело и жутко. Там, в стороне Сырта, перестрелка принимает характер настоящего огневого боя. Пули уже посвистывают около будки, у которой разгружаются добровольцы. Одна из их рот разворачивается полоборотом направо против цепи, вышедшей из Поповки, и медленно начинает продвижение, утопая в глубоком снегу… «фронт» был в полуверсте, и идти на «фронт» можно было только по полотну железной дороги.

– Идите осторожно, – напутствовал меня начальник участка, – ниже полотна, если сможете.

Но ниже полотна лежал глубокий снег, с подмерзшей корочкой, дающей ему обманчиво солидный вид. Два-три раза я провалился по пояс и в конце концов взобрался на насыпь. Я как-то не сразу сообразил, что то, что свистит и мяукает в воздухе или со стеклянным звоном бьет по рельсам, – это и есть пули, которые убивают людей. Но и поняв это, я до первой крови не мог вообразить, что они могут убить или ранить… Вот, наконец, вправо от полотна, перпендикулярно к нему вырытый в снегу окоп. Красно-черные фуражки – Неплюевская рота… Над ними свистят те же пули, которые свистели только что на насыпи. Кадеты сидят, покуривая, выданную вчера махорку. Винтовки прислонены к брустверу. В амбразуре – пулемет. Мы не стреляем. Впереди, шагах в восьмистах, перед нами лежит «их» цепь. Все в черном, должно быть матросы. Это мне рассказывают, т. к. цепи почти не видно: она зарылась в снег. Когда матросы поднимаются

и пытаются сделать перебежку, Хрусталев поднимает роту и дает два-три залпа. Говорят, что успех потрясающий, и цепь зарывается снова. Конечно, сильно помогает пулемет. Все же они продвинулись шагов на пятьсот, но, как объясняет Хрусталев, нужно было их подпустить поближе для большей меткости огня. Справа, из Поповки, большевицкая цепь отходит, а добровольцы приближаются к деревне. Красный бронепоезд пытается нащупать нас из своей пушки. Но им тоже нас не видно, как и мы не видим их цепи. Только головы, когда стреляем залпами. Уже за полдень. Едим мерзлый хлеб и вкусные, мясные консервы под свист пуль и, иногда близкие, разрывы снарядов.

Вот по насыпи прошла наша броневая площадка, привлекая на себя огонь красной артиллерии. Целая очередь падает совсем близко от окопа, засыпая нас снегом. К счастью, снаряды «глохнут» в снегу и не дают осколков. Бой оживляется. Все чаще и чаще поднимает Хрусталев свою роту к брустверу. За красной цепью, вне достижимости ружейного огня, останавливается эшелон. Виден, как на ладони, паровоз и красные вагоны, из которых высыпаются люди и двигаются, густыми цепями, на поддержку матросов. Матросы снова поднялись и идут перебежками. Между залпами, «беглый огонь», – командует прапорщик Хрусталев… Вот она, первая кровь… Почти сразу, после ранения Миллера, убит пулей в лоб один из офицеров-пулеметчиков. «Рота… пли. Рота… пли», – командует Хрусталев. «Веселей, ребята, веселей». Он боится, что этот первый в кадетском окопе убитый плохо подействует на его молодых солдат.

«Рота… пли. Беглый огонь». Матросы не просто останавливаются, а убегают. «Рота… пли», – винтовки накаляются. «Урра… Рота… пли»… Вот капитан, начальник боевого участка, спокойный, молодой еще офицер. «Славно, однокашники, славно… Приятно за своих». Оказывается, мы только что отбили сильную атаку. Снег нам, конечно, помог, но и без снега мы ее отбили бы… Короткий зимний день на склоне. Синие тени ложатся в окоп, и холод начинает пронизывать до костей. С той стороны красные начинают грузиться в эшелоны. «Едут спать в Сырт», – шутят знатоки «железнодорожной» войны. Мы тоже скоро на Каргаллу»[610].

Той же ночью кадетов отправили в Оренбург. Похоже, это единственные белые воспоминания о боях за Оренбург в начале 1918 г.

Несмотря на весь героизм немногочисленных защитников Оренбурга, наступление Кобозева отбить не удалось и вечером станция была захвачена силами красных, 15-й и 16-й разъезды

были заняты ими уже без боя. В этот же день было разослано сообщение о переносе Войскового Круга в Верхнеуральск[611].

Кстати, по свидетельству П.А. Кобозева, обороняя Оренбург, белые стреляли не боевыми, а учебными снарядами, не дававшими разрывов[612]. Красные же использовали боевые.

17 января красные заняли 17-й разъезд. В тот же день войсковой старшина Протодьяконов и сотник Б.А. Мелянин под артиллерийским и пулеметным огнем красных взорвали железнодорожный мост через реку Каргалку у разъезда № 18[613]. И наконец 18 января в результате отступления белых и восстания городских рабочих, атаковавших железнодорожный вокзал, Оренбург был сдан. Потери отряда мичмана Павлова на Урале составили всего 19 человек. Вскоре погибшие были торжественно похоронены на Марсовом поле в Петрограде[614].

Белые добровольческие отряды было решено распустить. Те из участников дутовской эпопеи, кто не пожелал сложить оружие, отступили по двум направлениям: на Уральск во главе с Генерального штаба генерал-майором К.М. Слесаревым (до 500 человек, включая остатки офицерских рот, кадетов старших классов Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, юнкеров и добровольцев[615]) и на Верхнеуральск или временно укрылись по станицам. Судьба раненых и оставшихся в Оренбурге его защитников неизвестна, но по аналогии со схожими событиями на Юге России она должна была быть весьма печальной.

Самому атаману пришлось спешно покинуть Войсковую столицу в сопровождении шести офицеров, вместе с которыми он вывез из города Войсковые регалии и часть оружия. 19 января в город вступили красные. Один из очевидцев писал в те дни: «Молчаливо и пусто в войсковых учреждениях. Валяются связки бумаг, в беспорядке раздвиганы (так в документе. – *А. Г.*) стулья, чернеют футляры пишущих машинок. И ни души. Только изредка забредет в помещение кто-нибудь из служащих, и его шаги гулко раздаются в пустых комнатах»[616]. Не менее печально и другое свидетельство о состоянии Войскового штаба в те дни: «Все, конечно, было перерыто и раскидано по полу и столам, некоторые портреты и фотографии, имеющие для войска историческую ценность, уничтожены совсем. Все *более* важные дела унесены. Из трофейной исторической коллекции взято все с исторической точки зрения *более* ценное, в том числе два немецких[617] знамени, взятые в эту войну нашими казаками»[618].

Как позднее отметил один из авторов, «в отношении всей этой шумной «Дутовской» истории нужно, во-первых, указать, что она носила агитационный характер, *обе* стороны были слабо

организованы не только в военном, но даже и в политическом отношении. Отсюда борьба имела раздутый темп и развитие. Население в очень слабой степени отозвалось на призывы по мобилизации, из многомиллионной массы Южно-Уральского населения едва выявилось $1^1/_2$– 2 тысячи добровольцев с обеих сторон для проведения первых столкновений гражданской борьбы»[619]. Впрочем, если для белых эти цифры соответствуют действительности, то численность красных была существенно больше.

Восставшие рабочие-железнодорожники во главе с Г.А. Коростелевым выехали из Оренбурга на поезде навстречу войскам Кобозева, принявшим их поначалу за белых, однако вскоре недоразумение выяснилось и стало ясно, что путь на Оренбург для красных открыт[620]. Красные при огромном численном превосходстве смогли-таки уничтожить первый очаг антибольшевистского сопротивления на Южном Урале.

По занятии Оренбурга Ленин 22 января 1918 г. отправил радиограмму «Всем, Всем»: «Оренбург взят Советскими властями, и вождь казаков Дутов разбит и бежал»[621]. По другой версии, текст радиограммы был следующим: «Оренбург занят советскими войсками окончательно. Дутов с горстью приверженцев скрылся. Все правительственные учреждения в Оренбурге заняты советскими войсками. Властью на месте объявлен Оренбургский Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казацких Депутатов»[622].

В Оренбурге красные организовали военно-революционный комитет, а противники Дутова, которого они называли «неумелым и недальновидным капитаном»[623], из казаков (А. Бочкарев, Т.И. Седельников, М.П. Копытин, А.И. Завалишин, А.С. Беленинов, И.Ф. Ильиных, Н.Ф. Турчанинов, Панов и другие – в основном сотрудники «Оренбургского казачьего вестника») образовали уже 19 января Временный совет Оренбургского казачьего войска. Седельников первоначально выступал с антибольшевистскими лозунгами, призывал защищать идею войскового самоуправления. С горечью писал он на страницах «Оренбургского казачьего вестника», не сразу прикрытого большевиками, о поражении по причине несознательности казаков и несамостоятельности их в общественно-политических вопросах при старом режиме[624].

Тем временем в городе начались обыски, грабежи, изъятия церковных и иных ценностей, аресты и расстрелы. Три дня красные грабили станицу Оренбургскую. В монастырской церкви Оренбурга 7 красногвардейцев сбрасывали иконы, но были схвачены и арестованы возмущенными местными жителями[625].

Новой властью был арестован оренбургский городской голова В.Ф. Барановский, начальник Оренбургской школы прапорщиков Игнатьев, задержан епископ Мефодий (М.Л. Герасимов), которого красные подозревали в сочувствии Дутову. Епископа отвели на вокзал и допрашивали в вагоне, обвиняя в отпевании дутовцев. Мефодий заявил, что отпевал жертв Гражданской войны вообще и выступает против братоубийства. Доводы подействовали, и он оказался на свободе[626].

Первое время важную роль в Оренбурге играл мусульманский военный комитет, однако в ближайшие дни красные взяли управление городом под свой контроль в полном объеме, разоружив 26 января мусульманскую дружину[627]. Много арестов было произведено по доносам, тюрьма оказалась переполненной. Имели место и бессудные расправы. Уже 24 января 1918 г. матросы расстреляли юнкера А. Бабичева, который укрывался в монастыре у станции Платовка и, по их мнению, выпустил сигнальную ракету[628]. В тот же день на разъезде № 18 был расстрелян возвращавшийся с фронта к семье бывший командир 2-го Оренбургского казачьего полка генерал-майор П.В. Хлебников, ранее задержанный на станции Платовка и доставленный для краткого допроса в Оренбург[629]. В своей квартире был убит 67-летний генерал-лейтенант Шейх-Иль-Ислам Абдул Вагапович Кочуров и с ним бывший командир 12-го Оренбургского казачьего полка полковник М.Ф. Доможиров. С бывшего атамана 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта Н.А. Наследова на улице сорвали погоны и избили. Лишь чудом 63-летнему генералу удалось добраться домой живым. На глазах собственных малолетних детей был убит есаул Г.М. Нагаев[630]. Расстреляны есаулы С.С. Полозов и А. Кручинин.

Новая волна насилия против офицеров и казаков последовала после набега белых на Оренбург 4 апреля 1918 г. 7 апреля 1918 г. были расстреляны шесть штаб-офицеров 2-й Оренбургской гимназии военного ведомства, в том числе ее директор генерал-майор А.К. Ахматов[631]. Расстреляны отставной генерал-майор Ф.С. Воробьев, старик войсковой старшина Никитин[632], полковник в отставке А.Н. Полозов (позднее сообщено, что расстрелян «по недоразумению»)[633], разжалованный еще в период первой русской революции сотник Н.В. Стрелковский.

Разумеется, это лишь отдельные сведения. Неподалеку от Оренбурга в станице Сакмарской в мае 1918 г. было арестовано и расстреляно 14 человек, в том числе несколько казачьих офицеров[634]. Всего, по данным оренбургских эсеров, на городском кладбище Оренбурга за несколько недель владычества

большевиков было захоронено около 400 трупов[635]. Около 100 офицеров в Оренбурге при большевиках находилось в заложниках, причем населению было объявлено, что за каждого убитого советского работника или красногвардейца будет расстреляно 10 заложников[636].

Ленин, очевидно, считал контрреволюцию на Южном Урале ликвидированной окончательно, однако Дутов схвачен не был, что имело для большевиков весьма печальные последствия – борьбу с ним пришлось начинать сначала. Заявить об окончательном разгроме Дутова большевики поспешили и в своей печатной пропаганде[637]. Тем не менее до настоящей победы над восставшим атаманом было еще далеко.

За неделю до вступления в Оренбург красных Дутов, видимо, для собственной безопасности переселился в казачий Форштадт (предместье Оренбурга, населенное казаками) по адресу ул. Черновская, дом 26[638]. Несмотря на требования большевиков по взятии Оренбурга задержать Дутова, обещание вознаграждения за его поимку и почти полное отсутствие у него охраны, ни одна из станиц не выдала Войскового атамана. Дутов решил не покидать территорию войска и отправился в Верхнеуральск, где намечался созыв Войскового Круга. Верхнеуральск находился вдали от крупных дорог и давал возможность продолжить борьбу и сформировать новые силы против большевиков, не теряя управления войском. Туда же отдельно от атамана уехали члены Войскового правительства и депутаты Круга. Красные же предполагали, что Дутов может уйти на Дон[639].

Уже в июле 1918 г. атаман сам подробно изложил обстоятельства своего побега из Оренбурга. Дутов вспоминал, что «17 января в $8^1/_2$ час[ов] вечера для меня поданы были лошади для отъезда из г. Оренбурга. Однако мусульманская организация, которой в тот момент в городе принадлежала власть, этих лошадей арестовала. Тогда я пошел в Форштадт. Иду по войсковой площади, меня догоняет подпоручик Гончаренко.

– Куда вы? – спрашивает он.

– Домой.

– Куда домой?

– В Оренбургскую станицу…

Гончаренко берет меня, и едем в Нежинскую станицу. Приезжаем. Там идет сход, на котором выносится решение о том, чтобы меня арестовать. Узнав об этом, являюсь на сход и предлагаю привести в исполнение их постановление обо мне. Нежинцы смягчились, напоили чаем и отправили дальше. Приезжаю в Верхне-Озерную станицу. Там имеется телеграф, по которому в эту станицу уже было сообщено о том, что за поимку

меня обещана награда в 200 000 руб.

Являюсь в станицу и говорю:

– У вас бедно. Заработайте на мне…

Тоже устыдились и проводили дальше. Приезжаю в поселок Хабарный, от которого до г. Орска 17 верст. Проехал и еду дальше на г. Орск, около которого стоят уже пикеты. Проезжаю Орск. Кругом пьяно. Видны пьяные хвосты. Приезжаю в пос. Куртазымский[640], где сталкиваюсь с четырьмя каторжниками-казаками, которые вначале хотели было меня арестовать, но чего-то медлили[641].

– Почему же не арестуете, – спрашиваю.

– Да мы думали, что вы не такой, какой вы есть… Казак-каторжанин на своих лошадях бесплатно отвозит меня до следующей станции, причем 60 верст делает в 4 часа[642].

В Верхнеуральске меня встретили довольно торжественно. В других станицах меня встречали частью хорошо, частью сдержанно, причем везде я собирал сходы. В г. Верхнеуральск я мог проехать в шесть дней, а я ехал 12 дней, так что если у большевиков была бы организация и хоть одна умная голова, то они поймали бы меня…»[643]. Таким образом, Дутов оказался в Верхнеуральске около 29 января 1918 г.

Известный писатель-эмигрант Р.Б. Гуль так описывал события: «Дутов не признал октября ни на один день. Атаман печатно заявил, что не подчиняется большевистской власти, и в Оренбурге начал формировать казачьи отряды для вооруженной борьбы. Но на Оренбург, по улицам которого в желтом овчинном полушубке, в руке с атаманской булавой, окруженный охраной ходил Дутов, в декабре 1917-го двинулись красные матросские отряды. Пришедшие с фронта мировой войны, разложенные казаки-фронтовики не захотели сражаться еще и под родным Оренбургом и открыли матросам город. Красная гвардия ринулась в казачью столицу. До последней минуты Дутов оставался в Оренбурге. Только когда уж по улицам бежали ворвавшиеся матросы, атаман с комендантом города высадили с извозчика какого-то седока на мостовую и на рысаке в сумерках помчались из Оренбурга. За голову Дутова большевики объявили награду, но так и ушел от красных матросов казачий атаман, увезший с собой только булаву, и, засев в Верхнеуральске, созвал войсковой Круг оренбургских казаков, чтобы снова отсюда вести сопротивление большевикам. В русскую революцию и гражданскую войну многие белые и красные военачальники освежали в памяти биографию Бонапарта. Не забыл ее и Дутов. У Дутова были данные: военный талант, храбрость, ораторский дар, уменье поднять войска; но люди близкие атаману знавали и иные

черты казачьего офицера: легкомыслие и любовь к удовольствиям жизни, из-за которых подчас на многое махал рукой веселый атаман. В 1923 году[644] в Западном Китае к штабу уже выбитого из России Дутова подскакал степной киргиз, привезший для атамана «секретный пакет». Дутов вышел к посланцу на крыльцо. Подкупленный агентами ГПУ киргиз подал атаману левой рукой пакет, а правой выстрелил в упор в Дутова и убил наповал. Так кончил жизнь казак, атаман А.И. Дутов. Но тогда в 1918 году в Верхнеуральске за ним пошли старики – казаки, башкиры, сформировались партизанские юнкерские и офицерские части, и Дутов двинулся на север на захват железнодорожного узла у Челябинска. План Дутова был правилен: отрезать от большевистской России Сибирь. Но этот план поняли и в Москве. Против Дутова из Великороссии пошли первые красногвардейские отряды всевозможной шпаны и матросов. Эти отряды были б малострашны, если б внезапным сильным противником атаману не встал самарский комиссар, неизвестный Блюхер, пошедший на него из Самары»[645].

Нельзя не упомянуть о том, что с этим периодом была связана одна из нескольких неудачных попыток спасения при содействии Дутова семьи императора Николая II. План этой операции был выработан главой одной из московских гражданских организаций убежденным монархистом присяжным поверенным В.С. Полянским, вероятно, совместно с епископом Камчатским Нестором вскоре после октябрьского переворота. Царскую семью предполагалось вывезти из Тобольска в Троицк, занятый силами Дутова. С целью разведки в район городов Тюмени, Омска, Екатеринбурга и Троицка должны были несколькими группами выехать 30 человек из московских подпольных антибольшевистских организаций во главе с ротмистром Сумского гусарского полка М.С. Лопухиным (расстрелян большевиками в Москве летом 1918 г.[646]). При проезде через Оренбургскую губернию этот отряд должен был стать конвоем императора и цесаревича, которые должны были ехать инкогнито (по некоторым данным, императрицу и великих княжон предполагалось вывезти в Японию[647]). Непосредственное освобождение семьи Николая II в Тобольске было возложено на сотню гардемарин под руководством командира одного из пехотных полков кавалера ордена Св. Георгия 4-й степени и французского ордена Почетного легиона полковника Н.[648] Группа Лопухина выехала из Москвы в первой половине января 1918 г. разными маршрутами: князь А.Е. Трубецкой и 5 офицеров – по маршруту Вятка – Пермь – Екатеринбург – Челябинск (выехали двумя группами 10–11 января), а сам Лопухин и его люди – по

маршруту Уфа – Оренбург. По прибытии в Челябинск стало известно о том, что еще 25 декабря 1917 г. Троицк был занят красными. В Москву была направлена телеграмма: «Цены изменились, сделка состояться не может»[649]. Одна из составляющих плана рухнула, а впоследствии не удалась и вся операция.

Следует отметить, что в основе плана операции лежала слепая вера ее организаторов во всеобщий монархизм оренбургского казачества и в то, что, даже если инкогнито императора и наследника будет раскрыто, опасности для них со стороны оренбуржцев не будет[650]. Возможно, оренбуржцы бы и не выдали бывшего императора, однако отношение казаков к представителям старого режима было в этот период совсем иным. К примеру, газета «Оренбургский казачий вестник», официальный орган войска, писала 16 января 1918 г. о Каледине, что тот «сделал Луцкий прорыв, после чего Алиса настояла на почетной ссылке его на Дон»[651]. Автор этой довольно хамской, на мой взгляд, характеристики, разумеется, имел в виду императрицу Александру Федоровну – урожденную принцессу Алису Гессенскую и предполагавшееся, но так и не доказанное ее вмешательство в государственные дела. Сведений о том, что редактор газеты А.С. Беленинов за публикацию такого материала понес какое-то наказание от Дутова, не имеется. Следовательно, сам Дутов в этот период не считал подобную оценку непозволительной. Конечно, нельзя исключать, что оренбургский атаман не читал эту статью (хотя это маловероятно), но даже в этом случае о монархизме оренбургского казачества и его лидеров после 1917 г. говорить не приходится. Кстати, это далеко не единичный пример антимонархических пассажей «Оренбургского казачьего вестника». Например, в декабре 1918 г. в газете появилась панегирическая статья «Первые мученики», посвященная декабристам[652]. Сам Дутов в 1919 г. писал: «Разве русскому народу свойственен царский строй; нет, и глубоко нет. Он навязан с Востока, из Византии и потом укреплялся влиянием Запада»[653]. Антимонархизмом отличались и другие представители войсковой администрации периода Гражданской войны. Например, молодой атаман 2-го военного округа подъесаул В.Н. Захаров заявил на 3-м окружном съезде в конце 1918 г.: «Демократические иностранные государства нам помогут, и мы не доживем до монархии»[654].

В моем распоряжении имеются данные и еще об одной попытке спасения царской семьи, связанной с именем Дутова. Впрочем, эти данные представляются довольно сомнительными. Дутов якобы в июле 1918 г. послал в Екатеринбург есаула

Тюменцева, поручив ему освободить пленников, однако Тюменцев прибыл в город лишь через неделю после казни[655]. Скорее всего, это легенда, т. к. ни офицера с такой фамилией, ни стремления спасти царскую семью у Дутова не было.

К этому можно добавить лишь то, что подавляющее большинство лиц, задействованных в охране, а позднее и в расправе над семьей последнего императора, до этого принимали активное участие в борьбе с Дутовым – то есть имели свежий боевой опыт и были вполне преданными большевикам[656]. Кроме того, есть данные о том, что среди причин расстрела царской семьи были сведения о подготовке похищения узников при содействии Дутова[657]. Впрочем, едва ли подобные слухи имели под собой какое-либо основание.

Итак, Дутов был вынужден оставить Оренбург, его выступление потерпело неудачу, однако на этом атаман не остановился и решил продолжить борьбу.

Глава 5
Одиночество

В Верхнеуральске. Продолжение борьбы

Верхнеуральск – центр 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска, куда отправился Дутов, – был расположен вдали от крупных дорог. Здесь можно было в течение некоторого времени, не теряя управления войском, относительно спокойно заниматься формированием новых сил для борьбы с большевиками. Основу нового формирования составили партизанские отряды отставного подъесаула Г.В. Енборисова и войскового старшины Ю.И. Мамаева (из Троицка), подъесаулов В.А. Бородина и К.Н. Михайлова, есаула Е.Д. Савина и сотника В.М. Свиридова. Всего до 600 человек. Кроме того, в окрестностях Верхнеуральска было сформировано несколько станичных добровольческих дружин, оружие которым было выдано из арсенала 2-го военного округа. На территории округа отряды Дутова продержались до середины апреля.

Прибытие Дутова в Верхнеуральск было неожиданным. Обосновавшись в городе, атаман арестовал местный совдеп во главе с прапорщиком С.П. Поповым (вскоре освобождены по решению Круга и выселены из города) и сторонников большевиков. По некоторым данным, в Совет явился переодетый Дутов и предложил содействие в поимке самого себя[658]. 29 января 1918 г. в Верхнеуральске под председательством М.А. Арзамасцева открылся 2-й чрезвычайный Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска. Первоначально он должен был состояться в Оренбурге, однако захват столицы войска красными не позволил это реализовать. На Круге присутствовали 74 делегата.

В своей речи Дутов кратко рассказал о ходе борьбы с большевиками и причинах неудачи. Атаман упомянул о вредной и непоследовательной политике Т.И. Седельникова. Дутов трижды отказывался от своего поста, ссылаясь на то, что, возможно, войско страдает из-за него лично, однако делегаты не позволили ему уйти в отставку. Дутову был разрешен лишь двухмесячный отпуск, отгулять который атаману так и не пришлось.

30 января депутат Белобородов в конце своей речи заявил: «Пал Оренбург, но не пало войско, да здравствует Оренбургское казачье войско и Атаман Дутов»[659]. Таким образом, имя Дутова для части казаков постепенно становилось символом бескомпромиссного сопротивления большевизму.

Войсковой Круг был объявлен единственной легитимной властью в войске вплоть до решения вопроса о государственной

власти на Учредительном собрании, руководители образовавшегося в Оренбурге самочинного Временного совета войска были исключены из казаков. Дутов также высказался за создание в войске офицерских отрядов. 4 февраля Кругом было принято постановление о формировании для самообороны в каждом военном округе одного полка в составе трех конных и трех пеших сотен и одной четырехорудийной батареи. Было принято решение о мобилизации казаков от 19 до 45 лет. Для самообороны предполагалось организовывать партизанские отряды. Было постановлено, что офицеры не должны снимать погоны. Кроме того, Дутов высказался за перенос войсковой столицы из Оренбурга в станицу Магнитную, как расположенную в географическом центре войска. Круг официально постановил не признавать Верхнеуральский Совет рабочих и солдатских депутатов законным, поскольку в городе нет ни фабрик, ни воинских частей. Также был официально упразднен Малый Круг[660].

Несмотря на некоторые колебания, в целом Круг одобрил политический курс оренбургского атамана на вооруженную борьбу с большевиками, а решения Круга были объявлены обязательными как для казаков, так и для неказачьего населения войска. В то же время антибольшевизм депутатов Круга и войсковой администрации не имел еще сколько-нибудь законченного характера. Например, подъесаул И.Д. Каширин, известный своими революционными взглядами, всего лишь не был принят Кругом, но никакого наказания за свои политические убеждения не понес[661]. По мнению В.М. Войнова, решения этого Круга в организационном плане положили начало противостоянию оренбургского казачества и большевиков, причем в основе конфликта была бескомпромиссная позиция обеих сторон[662]. Такая оценка отчасти оправдана, однако до бескомпромиссного противостояния, в особенности со стороны казачества, было еще далеко.

Подробное, правда не всегда лицеприятное для Дутова описание его деятельности в этот период оставил в своих воспоминаниях председатель Верхнеуральской городской думы М.П. Полосин. Он писал:

«Меня познакомили с Дутовым в кулуарах съезда[663]. Я увидел перед собой небольшого, полного, сутулого человека, в желтом овчинном полушубке, заросшего давно не бритой бородой, половина которой на контуженой стороне была совершенно седая. Волосы на голове, стриженные ранее под машинку, отросли и были с проседью. Кисть правой руки намазана йодом и висит на черной повязке. Мне сказали, что с ним на съезде был

обморок, при известии, что его жена и дети убиты большевиками в Оренбурге, и после этого у него отнялась рука. (Известие это, как потом оказалось, не было правильным.) Глаза у него голубые, большие, были очень красивы и поразили меня тогда своим грустным выражением. Я, как врач, поинтересовался состоянием его руки, на что услышал приветливое:

– О нет. Это ничего. При нервных потрясениях это со мной случается, а потом быстро проходит. А вы видите, какое время мы все переживаем…

Несколько дней эта рука еще фигурировала на съезде на черной повязке, потом повязка исчезла.

Речи Дутов произносил громко, складно и дельно. Во время речи он смотрел через головы слушателей, на противоположную стену. Голова его сутулилась, и поднятые вверх глаза останавливали на себе внимание слушателей. Седая борода и голова импонировали аудитории, состав которой был, главным образом, из стариков.

Через несколько дней съезд кончился, и в последний день произошла разительная перемена. Дутов явился на съезд в изящном штатском костюме, выбритый и гладко остриженный. Румяные щеки его пылали здоровьем, и на вид ему нельзя было дать более 35 лет. В то время ему было года 42–43[664], но с бородой он выглядел лет на 50. Дутов не забыл порисоваться штатским костюмом, объяснив его тем, что ему приходится переодеваться, так как простые люди кидаются в сторону, когда он идет с булавой по улице в сопровождении своей охраны, и высказал надежду, что скоро, вероятно, ему не придется переодеваться и маскироваться и жизнь, особенно казачья, быстро наладится. (Вероятно, это обстоятельство послужило позднее к рассказам о нем как [об] оборотне.) При громких аплодисментах и криках «ура» он покинул трибуну»[665]. Вскоре Дутов решил отказаться от личной охраны. «От судьбы не уйдешь», – говорил он, стремясь к большей свободе (на самом деле речь шла о возможности более спокойно ухаживать за дамами)[666]. Для государственного деятеля такое поведение было крайне легкомысленным. Что же касается судьбы семьи Дутова, то в июне 1918 г. Н.Д. Каширин, узнав, что в Оренбурге остался отец Дутова, распорядился приставить к дому престарелого генерала охрану[667]. Вряд ли этот шаг можно поставить в заслугу красному командиру – он ведь отлично понимал, что, пострадай семья Дутова, той же участи не избежать и семье самого Каширина.

Денег у Дутова на организацию борьбы с большевиками не было. Касса верхнеуральского казначейства, в течение нескольких месяцев не получавшая денег из центра, была пуста. М.П.

Полосину удалось провести через Верхнеуральскую городскую думу постановление об обложении местных богачей налогом в 100 000 руб., однако на добровольной основе удалось собрать лишь порядка 18 000 руб. Причем многие богатые верхнеуральцы скрыли свои сбережения от белых, красным же позднее отдали все, в том числе и жизнь.

5 марта 1918 г. Дутов из Верхнеуральска отправил с двумя партизанами письмо М.П. Богаевскому на Дон. Сам Богаевский был расстрелян большевиками 14 апреля 1918 г. в Новочеркасске, однако письмо, попав в мае на Дон с одним из партизан, не только не затерялось, но даже было в октябре 1918 г. опубликовано на страницах журнала «Донская волна», дойдя до нас в таком виде. Моральное значение получения этого известия из далекого Оренбуржья на Дону весной 1918 г., думаю, трудно переоценить. Дутов писал: «Податели сего письма партизаны Червь и ваш донец Дмитриев командированы к Вам изложить все. Писать и некогда, и лучше они на словах передадут все. Войсковое правительство просит оказать им доверие и наладить к нам доставку оружия. У нас мало пушек и особенно снарядов. Пулеметы есть и тоже маловато. Хотелось бы иметь всего, но как – сказать не умею. Силы последние выматываю, но борюсь до конца. Пережил три круга и все еще на посту. Очень и очень нужны офицеры и главное – деньги знаками прежними. Если вы сумеете послать нам деньги, посылайте со своим доверенным, это будет лучше. Вам все податели сего передадут – где мы и что мы. Привет Вам и всему Пр[авительст]ву. Ваш преданный и глубокоуважающий Вас атаман *А. Дутов*»[668].

3 марта 1918 г. оренбургские большевики с целью упреждения возможных вооруженных выступлений против советской власти объявили о том, что за каждого убитого красноармейца или представителя советской власти будет расстреляно десять представителей оренбургской буржуазии, станицы, оказывающие содействие контрреволюционерам, будут расстреливаться артиллерией, та же участь ожидает все станицы, которые не сдадут оружие в течение трех дней. По имеющимся сведениям, инициатором подобного ультиматума в ответ на требования подполковника Корчакова был председатель Оренбургского губисполкома С.М. Цвилинг[669]. Небезынтересно, что в эти дни (12 марта) в Оренбурге открылся 1-й Оренбургский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Всего присутствовало 1200 человек, включая около 1000 большевиков и только 130 казаков (и это в казачьем регионе!). Неудивительно, что практически все казаки, осознав невозможность отстаивать свои интересы при таком соотношении

сил, покинули съезд. Осталось лишь 13 казаков, образовавших казачью секцию. Со съезда также ушли меньшевики и эсеры[670]. На съезде был избран Оренбургский губисполком, в состав которого вошли 74 человека, в том числе 9 представителей казачества (А.А. Галин, К.П. Лызлов (в 1919 г. – председатель войсковой ЧК Оренбургского казачьего войска!), Н. Захаров (избран войсковым комиссаром), Х.Г. Абузяров, В.Л. Кутелев, Г. Лыков, Журавлев, А. Пименов и А.С. Шереметьев (избран военным комиссаром войска), которые, по одному из свидетельств, представляли собой «подлинную революционную казачью бедноту»[671].

Между тем Дутов распространял по войску приказ о мобилизации «для защиты станиц и имущества от грабителей»[672]. Для подобного призыва имелись все основания, поскольку даже сами большевики в своих военных сводках признавали, что посылаемые под Оренбург отряды деморализованы и занимаются мародерством[673]. Вместе с тем Дутов вроде и не хотел формировать казачьи отряды, не доверяя казакам[674]. Аналогичная ситуация складывалась и с офицерскими формированиями. Дутов бездействовал. По свидетельству очевидца, он «никого не принуждал, сидел в Верхнеуральске и, как мне казалось, ничего не делал. Ходил в клуб, ухаживал за дамами, танцевал, ходил по гостям, играл в карты; пил он немного. Рассказывал много о себе, сам себя называл исторической личностью, охотно притом ругал Керенского и вообще социалистов и, несомненно, мечтал о лаврах Наполеона… он отвечал мне:

– Ну, что, по-вашему, надо делать? Отряд формируется, до весны боев никаких не будет! Вы думаете, большевики пойдут сюда, в Верхнеуральск? Да никогда! Они, дорогой мой, привыкли воевать с комфортом: штаб их в международных вагонах, а солдатня, матросня – в классных. Пойдут они вам сюда, за 150 верст от железной дороги, да еще в такие морозы!»[675]. В этот период Дутов предпринял попытку получить оружие у казаков 15-го Оренбургского казачьего полка, вернувшихся в войско (станица Карагайская) со всем вооружением. Первая попытка закончилась перестрелкой между казаками и посланцами Дутова, однако затем Дутов все же получил оружие (в том числе 4 пулемета).

Тем не менее в период пребывания в Верхнеуральске мобилизовать казаков на борьбу Дутову не удалось. Казаки поднялись сами, но несколько позже. Положение же Дутова в Верхнеуральске тем временем начинало ухудшаться. Местное население все меньше считалось с его властью, подняли голову сторонники красных и просто хулиганы. Доходило до откровенного унижения. Например, пьяный хулиган разбил окно квартиры Дутова, ругал атамана прямо рядом с его домом, а

затем уехал[676]. Правда, горячие головы из партизанского отряда Дутова во главе с поручиком Гончаренко, которого за его красную фуражку прозвали «красной шапочкой» (в Оренбурге Гончаренко служил комендантом железнодорожной станции), догнали наглеца и ранили его. Но при этом стрельба на улицах города средь бела дня пошла явно не на пользу авторитету Дутова. Задержанные позднее активисты местного совдепа умоляли о пощаде, ссылаясь на собственную темноту. Дутов решил поиграть перед арестованными демократизмом и заявил в ответ на обращение к нему: «Здесь нет высокоблагородий, я такой же человек, как и вы, и если вы думаете по-своему, то позвольте и мне думать и делать так, как мне кажется лучше!»[677]

После этого Дутов вновь забросил государственные вопросы. В газете «Уральский маяк» он под псевдонимом «Гражданин» стал публиковать свои статьи. Кроме того, как писал очевидец, «ухаживания его за дамой сердца приняли систематический характер. Муж этой дамы поспешил уехать из города, даже со скандалом: партизаны не хотели его выпустить, посчитав его за шкурника. Дутов не вылезал из квартиры дамы, или она от него. Часть членов правительства куда-то выехала, часть сидела, ругала Дутова и ничего не делала»[678]. Почта и телеграф прекратили свою работу, в городе начались аресты. Тогда же Дутов предпринял попытку захватить соседний Троицк, причем лично возглавил операцию, обратил красных в бегство под станицей Сухтелинской и преследовал их до самого Троицка, 26 марта атаковал город, но овладеть им не смог. По имеющимся сведениям, атаману удалось отрезать город от окружающего мира[679], однако дальнейшие события вынудили его свернуть операции на этом направлении.

В отсутствие Дутова в Верхнеуральске был застрелен комендант города поручик Гончаренко. Воспользовавшись слабостью Дутова, 25–26 марта его противники подняли восстание и взяли власть в Верхнеуральске. Войсковое правительство успело уехать, однако вещи Дутова остались на его квартире и были захвачены восставшими. Активную роль в восстании и в последовавших за ним погромах и терроре сыграли женщины-солдатки. Восставшим достался городской арсенал, однако патронов было мало. В качестве подкрепления после восстания в город из Белорецка прибыл отряд красных. Небезынтересно, что дама, за которой ухаживал Дутов в Верхнеуральске, по занятии города большевиками уехала с каким-то красным прапорщиком.

28 марта партизаны Дутова предприняли безуспешную попытку отбить город. Казаки наступали с двух сторон: основная

группа под командованием Генерального штаба полковника И.Г. Акулинина – со стороны станиц Урлядинской (родная станица Акулинина) и Карагайской. По свидетельству участника событий, «была дурная погода, сильная метель. Большие расстояния, пройденные бойцами, прежде чем дойти до Верхнеуральска, утомили их. Бой длился до вечера под самым Верхнеуральском, но городом овладеть не смогли и отошли – партизаны в район ст. ст. Краснинской и Кассельской, а дружины – в свои станицы»[680].

В занятом красными Верхнеуральске на службу к большевикам поступили сыновья атамана станицы Верхнеуральской и бывшие подъесаулы Н.Д. и И.Д. Каширины, возглавившие сторонников большевиков в Оренбургском казачьем войске. Каширины пользовались авторитетом в Верхнеуральской станице, однако, как вспоминал В.К. Блюхер, «я бы не сказал, что они в то время (речь идет уже об июле 1918 г. – *А. Г.*) были вполне политически сложившимися и полностью понимали свою роль. И.Д. Каширин был беспартийный. Одевался он немного помпезно, обычно носил красную рубашку. Н.Д. Каширин представлял собой резкую противоположность своему брату. Он уже в то время был членом партии. Это был скромный, сдержанный и умный командир»[681]. По оценке председателя Верхнеуральской городской думы М.П. Полосина, Каширины – «типичная казачья семья – подхалимов. До революции отчаянные монархисты… Отец, станичный атаман Верхнеуральской станицы, до пупа увешанный большими серебряными и золотыми медалями, урядник, за выслугу лет и подхалимство перед начальством произведенный потом в хорунжие. Три сына, офицеры, с юнкерским образованием. Младший сходил с ума. Мать их – алкоголичка. После свержения большевиками Временного Правительства все они сделались большевизанами»[682]. Похожую оценку привел Г.В. Енборисов: «Я уверен, что Каширин[ы], особенно Иван, – люди совсем не идейные, а просто они привыкли смотреть на своего отца – атамана станицы – в течение 27 лет как на человека, занимающего должность «Божественного происхождения», и они, как наследники его, должны быть тоже атаманы, тоже власть, а большевикам это все равно… Раз человек из ярого монархиста легко перелетел в революционеры, то еще легче он способен явиться обратно, как и вообще все перелеты-трусишки-шкурники идут за шкуру»[683]. И.Д. Каширин отличался жестокостью. Например, есть данные о том, что он лично застрелил 11 казаков поселка Куропаткинского, в станице Арсинской им же было сожжено 90 домов[684]. Сложно сказать, достоверны ли эти сведения. Тем не менее финал жизненного пути братьев

Кашириных был закономерен – в 1937–1938 гг. они получили от советской власти вполне заслуженную ими благодарность.

По оставлении Верхнеуральска атаман 2-го военного округа хорунжий В.Н. Захаров перебрался в поселок Кассельский в 25 верстах от города, а Войсковое правительство во главе с Дутовым переехало в станицу Краснинскую (в 12 верстах от Кассельской и в 20 верстах от Верхнеуральска). В самом городе вовсю шли расстрелы офицеров, казаков, простых людей. По имеющимся сведениям, казнено было около ста человек (в том числе и не успевший покинуть город член Войскового правительства И.С. Белобородов, городской голова Верхнеуральска П.С. Полосин, войсковой старшина П.Ф. Воротовов, протоиерей М. Громогласов), что для захолустного городка было немало[685]. В связи с верхнеуральским террором печальную известность приобрел прибывший в город уфимский большевик М.С. Кадомцев.

После провала наступления две недели у Дутова ушло на установление связи с различными районами войска. На 14 апреля в станице Кассельской был намечен созыв окружного съезда 2-го округа, а на 18 апреля – созыв Войскового Круга, однако события пошли по другому сценарию. 14 апреля Кассельская была занята красными, в станице произошел бой, которым руководил отставной подъесаул Г.В. Енборисов (ранен в этом бою), из Краснинской подоспел партизанский отряд подъесаула В.А. Бородина (также ранен в этом бою), в результате красных к вечеру обратили в бегство и преследовали на протяжении 25 верст вплоть до самого Верхнеуральска. При бегстве красными было брошено 13 пулеметов, в их рядах убито около 20 человек[686]. По слухам, сам В.К. Блюхер при отступлении едва спасся, спрятавшись в куче навоза возле горы Имамоевой[687]. Впрочем, для занятия и удержания города, несмотря на панику в нем, сил преследователей было явно недостаточно.

Наступление красных было лишь первым тревожным сигналом. Тучи над загнанными в уральское захолустье немногочисленными силами Дутова постепенно сгущались. В начале апреля в Троицк прибыл В.К. Блюхер с красногвардейскими отрядами из Екатеринбурга (командир – СВ. Мрачковский) и Челябинска (командир – С.Я. Елькин), двумя ротами мадьяр и батареей[688]. В Троицке в распоряжение Блюхера поступили пермский отряд Лупова и Уральский красногвардейский отряд Циркунова. 17-й Сибирский стрелковый полк, некогда оставленный в Троицке СД. Павловым, составлял городской гарнизон. Кроме того, красные располагали дислоцированными в Верхнеуральске отрядами НД. Каширина и

М.С. Кадомцева. Впрочем, последний предпочитал не подчиняться приказам Блюхера, а действовать самостоятельно. Таким образом, силы красных были разделены на две группы, сосредоточенные в Троицке и Верхнеуральске.

К середине апреля станица Краснинская оказалась окружена красными[689]. На военном совете было принято решение пробиваться на юг и, если не удастся удержаться на войсковой земле, уходить вдоль реки Урал в киргизские степи. Там планировалось находиться до тех пор, пока не представится возможность вернуться обратно в войско для продолжения борьбы с большевиками (здесь уместна параллель со Степным походом донских казаков)[690]. Сам Дутов впоследствии отрицал вынужденный, отступательный характер похода и утверждал, что в поход казаки выступили с целью получить патроны со складов в Тургае, а также отдохнуть после напряженной борьбы[691]. На самом деле ситуация была совершенно иной.

Об этом периоде борьбы Дутов позднее несколько преувеличенно рассказывал сибирским журналистам: «Это была настоящая война – не партизанская, а настоящая… Я воевал с ними (красными. – *А. Г.*) в продолжение нескольких месяцев, что называется, с голыми руками. Мой отряд состоял из двухсот тридцати человек. За все время у меня не было больше людей. Винтовок еще меньше, а патронов так совсем мало. Больше шашками работали. Ну а о продовольствии нечего и говорить: по нескольку дней ничего не ели…»[692]

Уход казаков вызвал крайне негативную реакцию местного населения, которое восприняло это чуть ли не как предательство, справедливо опасаясь репрессий со стороны красных. В результате Дутову пришлось оставить часть оружия станицам Краснинской и Кассельской для успокоения станичников.

Тургайский поход

17 апреля (по другим данным – 18-го), прорвав окружение силами четырех партизанских отрядов (под командованием отставного подъесаула Г.В. Енборисова и Ю.И. Мамаева и подъесаулов В.А. Бородина и К.Н. Михайлова), а также офицерского взвода (командир – есаул Е.Д. Савин)[693], Дутов вырвался из Краснинской. Эта дата может считаться началом 600-верстного Тургайского похода.

Командующий красными отрядами Урала, боровшимися с Дутовым, В.К. Блюхер позднее отметил, что тогда «дутовцы, почувствовав окружение в районе станиц Краснинской и Кастельской (Кассельской. – *А. Г.*), не принимая боя… бежали в южном направлении…»[694]. Красногвардейские отряды под командованием В.К. Блюхера[695] и НД. Каширина[696] устремились вслед за отступавшими партизанскими отрядами на станицу Магнитную. Там они разделились: отряды Каширина выступили на станицу Черниговскую через станицу Наваринскую, чтобы преградить путь Дутову, а отряды Блюхера двинулись на поселок Кизил, чтобы уничтожить партизан Дутова, если они пробьются под Черниговской[697].

По вопросу о действиях красных в тот период советский историк Н.К. Лисовский отметил, что красногвардейские отряды в борьбе с Дутовым «действовали недостаточно слаженно и организованно, а некоторые командиры отрядов проявляли недисциплинированность, не всегда выполняли указания главкома»[698]. Удивительно, но Москва в этот период самым пристальным образом следила за передвижениями Дутова (в сводках фигурировали даже названия отдельных станиц)[699].

Зная о движении отряда красных к Черниговской, Дутов принял решение от боя с противником уклониться. Каширин ожидал оренбургских партизан на переправе через реку Гумбейка (приток р. Урал) у станицы Черниговской, в то время как они переправились через эту реку возле станицы Наваринской, введя красных в заблуждение. По некоторым данным, виновником провала стал как раз М.С. Кадомцев, не выполнивший приказ Блюхера о занятии Наваринской[700]. В поселок Браилов партизаны вступили 20 апреля. Жители поселка вышли их встречать в праздничной одежде, готовился торжественный *обед:* жареные гуси, окорока. Как выяснилось позднее, поселок так встречал красногвардейцев, а оказалось, что приехали казаки, которым и достался *обе*д.

Из Браилова партизаны выступили на поселок Бриентский,

где им был дан отдых (по всей видимости, это было ошибкой), а 23 апреля партизан настиг сильный отряд красных, состоявший из пехоты, кавалерии и артиллерии (под командованием Бобылева совместно с кавалерией Митина[701]). Нападение оказалось неожиданным, началась паника. Пришлось в невыгодных условиях принять бой. Боем руководил помощник Войскового атамана Генерального штаба полковник И.Г. Акулинин, которому была поставлена задача задержать красных и выиграть время для эвакуации раненых, беженцев и обоза.

Красные безуспешно пытались фланговым кавалерийским ударом окружить казаков. С фронта при поддержке артиллерии по голой степи наступала красная пехота, которую казаки обстреливали из пулемета, установленного на колокольне поселковой церкви[702]. По некоторым данным, казаки держались полдня, красные же подтянули к поселку артиллерию и повели обстрел с горы. В этом бою едва не погиб сам атаман Дутов, так как «неприятельская граната упала и разорвалась всего в шести – восьми шагах от Атамана, но Бог хранил А.И. для дальнейшей работы…»[703]. На самом деле снаряд просто не разорвался[704]. Тем не менее подобные случаи создавали почву для наделения атамана какой-то мистической силой, магией – «а Дутов подошел к храму-то Божьему и заговорил его, и большевики так и не сделали ему вреды (так в документе. – *А. Г.*), целехонек остался храм-от Божий», – позднее вспоминал один из очевидцев боя[705].

В результате сражения казакам удалось на несколько часов задержать красных, что позволило Дутову успешно провести эвакуацию. В советской историографии считалось, что дутовцы потерпели серьезное поражение, а кавалерия красных на их плечах ворвалась в поселок, захватив много пленных, в том числе и трех штабных офицеров[706], однако сведения о захвате трех штабных офицеров в *ходе* боя под Бриентским в мемуарах участников Тургайского похода И.Г. Акулинина и Г.В. Енборисова не подтверждаются. По данным белых, большевики расстреляли одного из офицеров, который остался в поселке и попытался убить большевистского комиссара, также погибли еще два офицера, однако нет сведений о том, что они относились к штабу Дутова[707]. По имеющимся сведениям, белые, отступая, оставили в поселке нескольких офицеров с пулеметом для прикрытия. Особенно отчаянно сопротивлялся пулеметчик, которого уничтожили выстрелом из орудия. Все оставшиеся в поселке белые были убиты, а с одного из убитых преследователи даже сняли перстень[708]. К вечеру все отряды собрались в станице Елизаветинской – последней станице Оренбургского войска перед Тургайской степью, на границе с которой красные прекратили

преследование. Уже 28 апреля все отряды были отозваны в места формирования. Сам Блюхер уехал в Екатеринбург.

По воспоминаниям Блюхера, «весенняя распутица не позволила преследовать их (казаков. – *А. Г.*), и они (казаки. – *А. Г.*), разбившись в Тургайской области на маленькие группки, разошлись в разных направлениях»[709]. Неясно, только ли распутица явилась причиной прекращения преследования. Вероятно, определенную роль сыграло и усиление повстанческих выступлений на территории войска. Кроме того, не соответствует действительности и указание Блюхера о разделении казаков на группки. В действительности по пути к Тургаю казаки, наоборот, были объединены в один отряд. Из четырех отрядов и офицерского взвода был сформирован единый партизанский отряд Оренбургского казачьего войска под командованием войскового старшины Ю.И. Мамаева (помощник – войсковой старшина ВА. Бородин[710], адъютант – подъесаул М.Ф. Воротовов). В состав отряда входили: конная сотня (полковник В.М. Панов, около 110 чел.); пешая сотня (есаул Н.Н. Титов, около 80 чел.); пулеметная команда (хорунжий М.Н. Николаев, около 40 чел. при 7 пулеметах). Всего около 240 человек[711].

Как писал Г.В. Енборисов, «путь… был очень труден: ночь, где грязь, где снег, дороги нет, кони усталые, и люди несвежие, страшное утомление, без сна, шли по компасу, каждый ручеек превращен в непроходимую речушку, много раз приходилось вытаскивать повозки, запрягая по нескольку лошадей, производя эту операцию в воде или в мокром снегу – и все-таки мы шли, подогреваемые только правотой своего дела, а не боязнью за свою шкуру: ведь Каширин не многих бы нас казнил, а большинство-то осталось бы целыми, но о сдаче никто и слышать не хотел»[712]. Значительные трудности представляла добыча пищи и фуража.

А.И. Дутов в своем выступлении 4 июля 1919 г. перед депутатами Хабаровской городской думы заявлял о том, что «по пути в Тургай мой отряд в 240 человек несколько раз окружался 6—8-тысячными отрядами большевиков»[713]. По некоторым данным, с Дутовым в Тургай пришло до 600 человек, то есть помимо отряда еще около 360 гражданских лиц (беженцев)[714]. Кроме того, по одному из свидетельств, в тот период «Дутов имел в своем распоряжении около 600 человек самого отчаянного народа и 4 или 5 пулеметов»[715].

Во время похода пешая сотня отряда передвигалась на тарантасах (по 4 стрелка на тарантасе и кучер). В нее, как и в конную сотню, были зачислены все боеспособные беженцы, а остальных в виде нестроевой команды оставили при обозе[716]. Как позднее вспоминал один из участников похода: «Все партизаны,

от Атамана до кучера на повозке, жили в одинаковых условиях, ели одну пищу и получали одинаковое жалованье»[717]. После вступления казаков в Тургайскую степь отряд стал передвигаться исключительно днем (для пополнения запасов), в то время как по территории войска приходилось в основном совершать ночные переходы. Г.В. Енборисов в своих мемуарах писал о непредусмотрительности Дутова, который вовремя не позаботился о переправе отряда через ручей у села Адамовского, между тем как к селу уже подходили разъезды красных[718].

Во время остановок отряда командование, как свидетельствуют документы, предпринимало серьезные меры безопасности. При каждой дневке назначался дежурный по биваку, дежурная часть и сборный пункт на случай тревоги, выставлялись два полевых караула: один для наблюдения за дорогой в войско, другой – за дорогой на Тургай. Во время движения отряда постоянно велась разведка, высылались разъезды.

Командование отряда стремилось к установлению жесткой дисциплины, что во многом являлось вынужденной мерой, так как число проступков со стороны казаков было велико. Казаки неоднократно бросали в степи лошадей, находившихся в собственности войска, из-за халатности с огнем часто происходили возгорания, которые в степи были особенно опасны. Несмотря на то что женам и детям чинов отряда отводились специальные районы для ночлега, они предпочитали вопреки этим распоряжениям останавливаться вместе с отрядом.

Наиболее яркими проявлениями халатности явились происшествия 6 и 8 мая 1918 г. Так, 6 мая хорунжий М.Н. Николаев, чистя револьвер, из-за небрежного обращения с оружием застрелил партизана Н.П. Полосина (сына городского головы Верхнеуральска П.С. Полосина, казненного красными и брата автора мемуаров о Дутове М.П. Полосина). А 8 мая при переправе через реку по вине подъесаула Пичугина были подмочены знамена войска и войсковая казна.

Первоначально киргизы, населявшие Тургайскую степь, относились к вступившим на их территорию казакам с недоверием, принимая их за красных, но вскоре это недоразумение выяснилось, после чего на пути казаков стали появляться кибитки (ранее киргизы скрывались в степи) и появилась возможность регулярно пополнять запасы продовольствия. По свидетельству начальника обоза партизанского отряда Г.В. Енборисова, за все продукты казаки «платили очень щедро, и киргизы начали нас (казаков. – *А. Г.*) при входе в их аулы встречать и даже угощали»[719]. Однако

движение по Тургайской степи осложнялось не столько отношением местного населения, сколько природными условиями: бездорожьем и весенним половодьем. Несмотря на тяготы походной жизни, партизаны старались не падать духом. Например, когда в одном из киргизских аулов отряд встречал Пасху, по личному распоряжению Дутова всем желающим было разрешено собраться и пропеть праздничный тропарь «Христос Воскресе».

10 мая отряд вступил в Тургай. В городе до прихода оренбургских партизан действовал местный Совет, депутаты которого перед появлением в городе казаков скрылись[720]. Перед вступлением в город А.И. Дутов отдал приказ: «При вступлении в город Тургай всем иметь винтовку в руках, а ездовым – одетыми через плечо. Пулеметам быть в полной готовности, иметь при себе воду… Требую полного порядка и воинского вида при вступлении в город. Из рядов без приказа не выходить и не выезжать… Обращаюсь ко всем партизанам с напоминанием, что стоянка в Тургае может быть действительным отдыхом только тогда, когда население будет относиться к нам сочувственно. Значит, нам, как гостям, надлежит вести себя возможно скромнее… Командирам сотен и начальнику команды использовать стоянку в Тургае на приведение в порядок оружия, лошадей и обоза. Приобрести все, в чем ощущался недостаток в походе»[721].

Тургай в то время мало чем отличался от киргизских аулов. По свидетельству современника, город был выстроен «весь из самана, домики без крыш, а с залитым глиной пологим верхом, в стороне от города – церковь, казармы в разрушенном состоянии, конюшни и др[угие] постройки…»[722]. В Тургае партизанам достались значительные склады продовольствия и боеприпасов, оставшиеся после ухода *особо*го экспедиционного отряда генерал-лейтенанта АД. Лаврентьева, усмирявшего киргизские волнения в 1916–1917 гг. Кроме того, казакам удалось получить 2,5 миллиона романовских рублей[723].

За время пребывания в городе (*до* 12 июня 1918 г.) казаки смогли отдохнуть, подкрепить свои силы, была обновлена материальная часть, пополнен конский состав. По прибытии в Тургай отряд перешел на новое довольствие. На одного партизана в сутки выдавалось 1,5 фунта хлеба, фунт мяса, четверть фунта крупы, 6 золотников сахара и 0,48 золотника чая[724]. В целях упрочения дисциплины были запрещены азартные игры, введен комендантский час, запрещено хождение по городу в неопрятном виде. Для того чтобы как-то занять партизан, проводились занятия на стрельбище, казаки несли караульную и дозорную

службы, привлекались к строительству укреплений вокруг города[725]. Командование отряда в самой жесткой форме пресекало все случаи нарушения дисциплины. Наиболее распространенным наказанием был арест на 3–5 суток, а иногда усиленный арест с заменой стойкой (при таком наказании казак должен был определенное время стоять и держать на весу оружие: винтовку или шашку).

Вокруг города были выставлены наблюдательные посты (на 10 верст). На ближних подступах уставлены и пристреляны по ориентирам пулеметы, с церковной колокольни за местностью следил наблюдатель с биноклем. Штаб Дутова был соединен телефонной линией с партизанским отрядом, оборонительными рубежами на подступах к городу и наблюдателем на колокольне. Принятые меры позволили обезопасить казаков от нападения красных на весь период пребывания в Тургае.

Симпатии местного населения были в целом на стороне казаков, тем *более* что последние не причиняли вреда киргизам. Более того, сами киргизы вскоре стали злоупотреблять их доверием и использовать пребывание оренбуржцев в городе в целях личного обогащения. Они стали воровать лошадей из отрядного табуна. После чего якобы «находили» краденую лошадь и возвращали ее в отряд, за что получали от Войскового правительства денежное вознаграждение. Это явление удалось пресечь лишь тогда, когда денежные вознаграждения стали выдавать не из средств Войскового правительства, а за счет виновного в пропаже лошади[726].

В Тургайском походе участвовала и Александра Афанасьевна Васильева – казачка станицы Остроленской 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска. По одной из характеристик, это была «молодая особа с крепкой, хорошей фигурой, лицо широкое, скуластое, но черные блестящие глаза – глубоки, жгучи… Она жила в Федотовке с братом, студентом-добровольцем… Дутов предложил Шурке (т. е. А.А. Васильевой. – *А. Г.*) собираться и увез ее потом в автомобиле с собою, а ее брату-студенту написал на своем бланке документ для следования туда же лошадьми»[727]. Есть сведения, что АА. Васильева происходила из нагайбаков – крещеных татар, числившихся оренбургскими казаками. Именно она, по всей видимости, с 1918–1919 гг. стала гражданской женой Дутова и разделила с ним оставшиеся три года его жизни.

Конфликт стариков и фронтовиков, имевший место в Оренбургском казачьем войске, как и в других войсках, не позволил Дутову на начальном этапе борьбы объединить вокруг себя значительные массы казаков. Однако новая власть не считалась с казачьими традициями и образом жизни,

разговаривала с казаками в основном с позиции силы, что вызывало в их среде острое недовольство, быстро переросшее в вооруженное противостояние. Таким образом, для большинства казаков борьба с большевиками приняла характер борьбы за свои права и саму возможность свободного существования.

Весной 1918 г., вне связи с Дутовым, на территории 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска началось мощное повстанческое движение против большевиков, которое возглавил Съезд делегатов 25 объединенных станиц и штаб фронтов во главе с войсковым старшиной Д.М. Красноярцевым. 28 марта в станице Ветлянской казаками был уничтожен отряд председателя Совета Илецкой Защиты П.А. Персиянова, 2 апреля в станице Изобильной уничтожен карательный отряд председателя Оренбургского губисполкома и ВРК С.М. Цвилинга, а в ночь с 3 на 4 апреля отряд войскового старшины Н.В. Лукина (вскоре расстрелян) совершил дерзкий налет на Оренбург, заняв город на некоторое время и нанеся красным ощутимые потери. Красные ответили жестокими мерами: на территории губернии действовали карательные отряды, которые расстреливали антибольшевистски настроенных казаков, сжигали сопротивлявшиеся станицы (весной 1918 г. сожжено 11 станиц), налагали на казаков значительные контрибуции. В результате только на территории 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска к июню 1918 г. в повстанческую борьбу оказалось вовлечено свыше шести тысяч казаков, важную роль в организации выступления казаков сыграли станичные военные комиссии. Кроме того, в конце мая к движению сопротивления присоединились казаки 2-го и 3-го военных округов, поддержанные восставшими чехословаками.

Именно выступление против большевиков Отдельного Чехословацкого корпуса кардинально изменило всю стратегическую обстановку на востоке России. Казаки стали действовать совместно с чехословаками. В то же время автономное друг от друга выступление казаков в 1-м и других военных округах предопределило в дальнейшем искусственное раздробление территории войска, в результате которого казачьи формирования 2-го и 3-го округов с лета 1918 г. оказались отделены от формирований 1-го округа и даже подчинены различным правительствам.

Красные пытались подавить казачье восстание при помощи террора. Сохранилось весьма характерное описание действий 1-й Лысьвенской роты 8-го Уральского полка красных: «…мы следовали по разрушенному пути. И вот мы однажды подъезжаем к одной станции, в которой поголовно жили казаки, которые

слепо шли с Дутовым против нас. И в этой станции нам пришлось довольно долго поработать: во-первых, установить Советскую власть, а во-вторых, много пришлось отправить на тот свет, т. к. они не хотели признавать Советскую власть. Однажды мы вызываем несколько главных противников в штаб и наш командир полка, а также и комиссар спрашивают их, зачем вы не хотите признавать нашу власть, ведь [мы] же делаем лучше, и зачем вы ломаете железную дорогу и жгете станции, и это вам же самим придется делать, то они отвечали: «Ничего мы не будем для вас делать и не признаем вашей власти и остаемся при старой власти». И вот тогда нашему командиру т. Солареву пришлось созвать весь полк и обсудить, что делать с такими контрреволюционерами, и мы, конечно, все единогласно постановили – расстрелять их, чтобы показать другим. И вот, когда вывели их всех человек двадцать и поставили всех в одну шеренгу против 1-й роты, которая должна совершить это страшное дело. И вот когда все было готово, то их стали увещевать в ихнем заблуждении и темноте и [предлагали] признать Советскую власть и не делать нам зла, а идти с нами, то они как один наотрез отказались. И это им было предложено до трех раз, но они стояли все на одном, и наконец нас вывело из терпения, и когда командир роты т. Сиротин скомандовал, говоря «рота, возьми на изготовку», и этим самым испугать осужденных, а они даже и не слова, а наоборот, взялись за свои папахи и бросая их кверху и крича во все горло: «Помираем за вольное казачество и за батюшку царя». И тут нас совсем взорвало и по команде «Пли» они все как один, повались и мы доказали всем живущим, что не дрогнет рука красноармейца, если кто против нас и Советской власти»[728].

Население было запугано, однако подобная политика в отношении казачества далеко не всегда вела к полному подчинению последнего насилию, большевики попросту вынуждали людей браться за оружие, чтобы отстоять свои права. Уже в мае Оренбург оказался окружен отрядами восставших казаков и красным, чтобы попасть в город, приходилось продвигаться с боями даже по линии железной дороги, подвергавшейся систематическим налетам и разрушению. Связь с Оренбургом существовала лишь по грунтовым дорогам, поддерживалось телеграфное сообщение[729]. Сторонникам новой власти было небезопасно перемещаться по Форштадту – казачьему предместью Оренбурга. Оперативные работники народного комиссариата по военным делам были настолько напуганы ростом антибольшевистского сопротивления, что даже не исключали возможности существования мифического «общего

плана в действиях Корнилова, Дутова и Семенова»[730]. С начала мая просил помощи и сам Оренбург[731].

Уже 4 мая в Москву из Оренбурга была направлена экстренная телеграмма: «…казачество организуется. Делает набеги на станции железных дорог по всем магистралям, замечается движение отрядов на Оренбург по всем направлениям, и довольно организованное, делают набеги так, чтобы распылить силы, а потом окружить Оренбург. Имеются сведения о приближении Дутова с отрядом офицеров, кроме этого, в некоторых дальних станицах имеются организованные банды офицеров. Положение критическое. Шлите поддержки, и больше, иначе будет Оренбург отрезан, в данный момент приходится вести военные действия в трех направлениях… необходима сила. В городе тоже нужна сила. Шлите больше и скорее силы. Всякое промедление пагубно для диктатуры пролетариата, необходимо дать отпор, а потом не оставить камня на камне, иначе будут все время набеги, беспокойство, затраты и постоянный тормоз в организационной работе для Российской социалистической республики. Спешите все свободные силы высылайте немедленно, настоящую телеграмму прошу отправить [в] Москву без изменения, так как сила нужна большая. Председатель штаба *Терехов*. Товарищ *Ярыгин*»[732].

На выручку Оренбургу красные из Екатеринбурга перебросили отряд В.К. Блюхера (1-й Уральский стрелковый полк, Екатеринбургский кавалерийский эскадрон, отряд рабочих «Народных копей», батарея, артиллерийский взвод), который начиная с 18 мая с боями пробивался к Оренбургу от Новосергиевки по линии железной дороги. Лишь вечером 23 мая войскам Блюхера удалось пробиться к городу. Одновременно из Челябинска прибыл кавалерийский отряд С.Я. Елькина, а из Смоленска – отряд Западного фронта под командованием Г.В. Зиновьева (1200 штыков, 4 орудия). Позднее подошли и другие отряды, которым заново пришлось пробивать себе путь: из Перми 6 июня прибыл 8-й Уральский полк (600 человек), из Уфы 12 июня – отряды М.В. Калмыкова, из Верхнеуральска 16 июня – отряд Н.Д. Каширина (180 сабель, 235 штыков, 9 пулеметов), из Орска – красногвардейцы во главе с М.М. Краснощековым, из Тамбова – отряд Вагина. Только 17–20 мая 1918 г. на борьбу с восставшими оренбуржцами красные направили 3505 красноармейцев, 6 орудий, 22 броневика и 50 пулеметов[733].

Командование войсками, сосредоточенными в районе Оренбурга, после некоторых разногласий 27 мая перешло к Г.В. Зиновьеву[734]. Уже в конце мая в связи с выступлением чехословаков красные в Оренбурге лишились железнодорожной

связи с центром и возможности получать оттуда подкрепления. В самом городе был сформирован 1-й Оренбургский советский трудового казачества полк под командованием В.Т. Обухова. Прибытие сильных подкреплений на некоторое время продлило агонию красного Оренбурга. Тем не менее, по одному из свидетельств, «боеспособность частей, входящих в состав Оренбургского гарнизона, ввиду нахождения в них элемента, не вполне еще революционного, при первых известиях о неудачах на красных фронтах создал[а] нечто близкое к панике»[735].

В двадцатых числах мая в Тургай прибыла делегация Съезда делегатов объединенных станиц в составе члена Войскового правительства Г.Г. Богданова и подъесаула И.Н. Пивоварова, которая передала А.И. Дутову просьбу председателя Съезда Г.И. Красноярцева прибыть в войско и возглавить там борьбу с большевиками. Красноярцев, обращаясь к Дутову, писал: «Батько Атаман. Я и съезд 25 объединенных станиц… услышав близость Вашу, просим прибыть в станицу Ветлянскую вместе с правительством. Вы необходимы, Ваше имя на устах у всех, Вы своим присутствием еще более вдохнете единения, бодрости и подъема. Борьба идет пять месяцев, отбито и на руках 11 пулеметов, четыре годные пушки… Дух бодрый, надежда есть, большевики из России гонятся: Самара[736], Сызрань, Пенза[737]. Кузнецк, Саратов, Царицын, Камышин[738] свергнуты, жизнь в них большевиков кончается. Уральцы с нами в союзе. Идите же помогайте, работы много…»[739] Вероятно, с аналогичным предложением немного позднее к Дутову прибыли двое казаков из Челябинска (освобожден от большевиков 26 мая 1918 г.)[740], сообщивших о выступлении Чехословацкого корпуса и восстании казаков 3-го военного округа.

Дутов, как популярный казачий вождь, мог объединить вокруг себя значительные массы казаков. Он был законно избранным Войсковым атаманом, а также одним из наиболее авторитетных казачьих вождей, вместе с Дутовым в поход ушло несколько штаб-офицеров (в том числе с академическим образованием) и членов Войскового правительства, тогда как среди командиров повстанческих отрядов и даже фронтов преобладали младшие офицеры, неизвестные основной массе казачества.

Из-за того, что Дутов в конце мая – начале июня заболел тифом, отряд не смог немедленно выступить из Тургая. Обязанности Дутова были возложены на его заместителя И.Г. Акулинина[741]. 6 июня 1918 г. в приказе по партизанскому отряду объявлялось, что «ввиду радостных известий из родного войска все наложенные ранее взыскания на партизан отменяю

(войсковой старшина Ю.И. Мамаев. – *А. Г.*). Находящихся под арестом – выпустить»[742]. Первоначально предполагалось двинуться из Тургая на Кустанай[743], но вскоре был избран иной план. Известия о крупных антибольшевистских восстаниях в войске стали причиной выступления отряда из Тургая 12 июня 1918 г. на город Иргиз, откуда казаки через город Карабутак двинулись на станицу Ильинскую. Переправившись на правый берег реки Урал возле Ильинской, отряд 2 июля вступил на территорию войска. Тогда же стало известно о том, что на станцию Кувандык Орской железной дороги (в одном переходе от Ильинской) прибыл из-под Оренбурга отряд красных с бронепоездом.

Атаман Дутов принял решение совершить набег и освободить станцию, чтобы в определенной степени реабилитировать партизан перед повстанческими дружинами, действовавшими на территории войска в период пребывания Дутова в Тургае, и показать, что «войсковые партизаны не только могут отступать, но и освобождать население и их жилища от банд»[744]. Бой произошел на кувандыкских высотах, действиями партизан руководил лично сам Дутов. Партизаны пустили в направлении красных пустой паровоз, которым при крушении разбили 26 вагонов большевистского эшелона и уничтожили до 200 человек[745]. Несмотря на то что *обе* стороны в этом бою понесли значительные потери, партизанам все же удалось расчистить себе путь к Оренбургу по Орской железной дороге. Однако Кувандык по телеграфу смог вызвать подкрепления, и казаки едва не попали в окружение. Пришлось прорываться под обстрелом красных, занявших господствующие высоты возле станции. Желаемого морального эффекта этот бой не дал[746].

3 июля (20 июня) в 13 часов Войсковым штабом Оренбургского казачьего войска было получено первое сообщение от Дутова. Оренбургский атаман, принявший сразу по возвращении в войско приказной тон, писал: «Командущему Восточным отрядом ст. Каменно-Озерная. № 1. Прибыв в ст. Никольскую, я задержал вашего гонца, получил приказ Восточному отряду № 1 от 19 июня 1918 года и воззвание фронта из ст. Линевской. Только что вернулся с ночного набега на ст. Кувандык; телеграф и путь на ней разрушены, совет выдан жителями и расстрелян. Кувандыкский отряд Красной армии разбит. Их потери: убито 65, ранено *более* 100 человек. Наши потери: 11 тяжелораненых партизан, убитых нет. Завтра продолжаю движение на соединение с Вами. Требую ежедневных донесений; пришлите офицера штаба для доклада. Немедленно сообщите все вышеизложенное в ст. Линевскую. Я с Войсковым

правительством, Окружным правлением 2-го Округа и партизанским отрядом прибыл на войсковую территорию в ст. Ильинскую вчера 19 июня из Тургайской области»[747].

Несмотря на неопределенный исход боя под Кувандыком, население казачьих станиц радостно встречало возвращавшихся партизан. По пути отряда одна за другой поднимались на борьбу с большевиками казачьи станицы 1-го военного округа (станицы Никольская, Верхнеозерная, Гирьяльская и другие), их казаки вступали в партизанский отряд, численность которого за время движения по территории войска значительно увеличилась. Особенно торжественная встреча была организована в станице Красногорской, все мужское население которой «от старика до шестилетнего мальчика выехало на встречу верхом и расположилось шпалерами. Станица была убрана флагами, везде стояли столы с иконами и хлебом-солью»[748]. Находясь в станице Каменноозерной, Дутов получил известие об освобождении Оренбурга.

Дату вступления партизанского отряда Оренбургского казачьего войска в Оренбург 7 июля 1918 г. следует считать датой окончания Тургайского похода. Для антибольшевистского движения в Оренбургском казачьем войске значение этого похода трудно переоценить. Оренбургские казаки, уйдя в тургайские степи, сумели сохранить как свое управление в лице атамана А.И. Дутова и Войскового правительства, так и то ядро казаков – идейных сторонников антибольшевистского движения, вокруг которого оренбургские казаки смогли позднее объединиться в целях дальнейшей борьбы с большевиками.

Глава 6
В зените славы

Между Самарой и Омском

Наиболее торжественная встреча была устроена Дутову в Оренбурге, освобожденном от большевиков 3 июля 1918 г. отрядами повстанцев под командованием войсковых старшин Д.М. Красноярцева и Н.П. Карнаухова. Освобождение от красных было встречено жителями Оренбурга с облегчением. Как писали в те дни оренбургские газеты, накануне вступления в Оренбург повстанцев «город пережил три ужасных кроваво-кошмарных дня. Мирные граждане, уходя из дома, не могли быть уверены, что вернутся домой, не попав под мушку наемника-мадьяра, ложась спать, не надеялись встать живыми. Принужденные покинуть город, большевики, как раненый зверь, неистовствовали вовсю. Расстрелы, грабежи, уничтожение частного и общественного имущества, слухи о поголовном истреблении интеллигенции – и целый ряд других страхов питали воспаленный мозг обывателя. Пришли казаки, и как по мановению жезла волшебника переменилась картина»[749]. Красные вследствие разногласий в своем руководстве из Оренбурга отступили в трех направлениях – на Туркестан (Г.В. Зиновьев), на территорию 2-го военного округа (В.К. Блюхер и Н.Д. Каширин) и на Орск (М.М. Краснощеков). Как оказалось, этот спонтанно возникший вариант отхода оказался максимально выгоден красным – все три группировки в дальнейшем доставили белым немало хлопот.

Первоначально отход красных напоминал паническое бегство. Казаки пытались преследовать отступавшего противника – некоторые смельчаки даже вскакивали в поезда красных на ходу, для психологического воздействия активно использовались трещотки, звук которых напоминал пулеметную очередь[750].

Освобождение войсковой столицы приветствовали члены образовавшегося в Самаре 8 июня 1918 г. Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуча):

> «Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания, поздравляя с победой, горячо приветствует доблестное войско бойцов за возрождение поруганной Родины, за право и свободу. Да здравствует свободное вольное казачество! Да здравствуют его избранники! Уполномоченный член комитета выехал в Оренбург.
>
> *Члены комитета: И. Брушвит, П. Климушкин, В. Вольский, И. Нестеров.*

Управляющий делами комитета Дворжец»[751].

4 июля 1918 г. чехословаки при содействии Генерального штаба подполковника Ф.Е. Махина взяли Уфу, уже через день на станции Миньяр в 110 километрах к востоку от Уфы произошло соединение челябинской (Генерального штаба полковник С.Н. Войцеховский) и самаро-златоустовской (полковник С. Чечек) групп чехословаков, в результате чего от большевиков была практически полностью освобождена огромная территория от Волги до Тихого океана, в тот же день оренбургские казаки заняли Верхнеуральск. Внушительные успехи белых придавали им уверенность в собственной конечной победе. В этот же день в Оренбург приехал уполномоченный Комуча И.П. Нестеров.

Войсковое правительство с атаманом торжественно вступило в Оренбург спустя 5 дней после его освобождения – 7 июля 1918 г. Следом за ними тянулись партизанский отряд и длинная колонна казачьих сотен. Вид города, только что освобожденного от большевиков, был ужасен: «Оренбург был в полном запустении; все казармы были загажены, окна выбиты; особенно жалкий вид имело военное училище и станичное правление Оренбургской станицы. Все дела Войскового Правительства были изорваны, канцелярии не работали, и все приходилось начинать снова, без копейки денег, а враг стоял под Оренбургом: Илецкая Защита была еще в руках красных»[752]. При отступлении красные взорвали железнодорожный мост через реку Сакмара, не останавливаясь, как писал Дутов, «перед порчей многомиллионного народного достояния»[753]. Впрочем, усилиями инженеров Оренбургского военного округа с 12 августа было организовано сообщение с Самарой по обходному временному мосту.

Отряды повстанцев, взявших Оренбург, для встречи Войскового атамана и правительства были выстроены в конном строю. Сам атаман ехал с непокрытой головой, держа в руке атаманскую булаву, у адъютанта был огромный букет цветов, поднесенный Дутову. Начальники отрядов доложили атаману о взятии города. На Форштадтской площади Дутова встречало духовенство и густые толпы горожан. Празднично одетые дамы бросали цветы. Архиепископом Оренбургским Мефодием (Герасимовым) был отслужен торжественный молебен, после которого состоялся прием депутаций и военный парад. Во время встречи Дутов объехал войска и депутации, а затем спешился и подошел к группе членов Учредительного собрания, где его приветствовали И.П. Нестеров и временно исполнявший должность Войскового атамана К.Л. Каргин, торжественно

передавшие атаману законную власть в войске. Оренбургский городской голова поднес Дутову хлеб-соль. Затем торжественная процессия в сопровождении духового оркестра проследовала к центральной гостинице, где и расположился Дутов с членами правительства.

Среди встречавших Дутова был и будущий академик, директор Эрмитажа и известный историк Б.Б. Пиотровский (его отец являлся с 1918 г. директором оренбургской гимназии), который вспоминал: «Помню и торжественную встречу атамана Дутова, во время которой мы хором под управлением дьякона пели кантату в честь атамана. Вспоминаю первые слова: «Слава высшему зиждителю, мира знания[754] благого! Слава!» В торжественной процессии Дутов шел спешившись, с фуражкой в руке, а его конь был украшен цветами»[755]. По свидетельству очевидца, «А.И. Дутов сильно изменился. Заботы, шестимесячные испытания, перенесенная тяжелая болезнь наложили свои следы»[756]. Дутов «скромно» заявил встречавшим, что победу над большевиками нельзя приписывать исключительно ему одному, поскольку «победа достигнута объединившимся казачеством, которое убедилось, наконец, что его Войсковой Атаман был прав»[757].

В приказе № 37 по Оренбургскому военному округу от 8 июля (25 июня) Дутов поблагодарил граждан Оренбурга за теплую встречу и отметил: «Широкое гостеприимство, ласка и привет тронули до глубины души весь отряд. Среди встречавших я (Дутов. – *А. Г.*) видел все классы населения… Это указывает на признательность всего населения казакам за очищение Оренбурга от большевиков… Минуты, которые пережили мы, пришедшие, не забудутся никогда… Рабочие. Вы боитесь нас, казаков, и это напрасно. Я видел Вас среди молящихся на площади, значит, Вы не забыли Бога. Я вижу Вас на работе у станков, значит, Вы признаете новую власть. Живите мирно и спокойно. Кара коснется только насильников и красногвардейцев»[758].

В обстановке эйфории после освобождения Оренбурга от красных было написано стихотворение Л. Кострова «Этапы», повествовавшее о событиях первой половины 1918 г. в войске[759]:

Нам январь принес печали,
Головою всяк поник:
В январе мы все узнали,
Что такое «большевик».
Появились комиссары, —
Трепещи же, человек!
Шашку, китель, шаровары

Во дворе зарыл я в снег.

Блага всякие народу
Обещает Цвиллинг – враль…
Краснолицую «свободу»
«Углубляет» все февраль.
И «буржуи» углубляют
В землю золото свое…
Комиссары обирают.
По закону – все мое!

В марте глубже всяк зарылся;
Только выгляни – каюк!
А язык наш превратился
В настоящий «волапюк»:
Там Совдепы, Совнаркомы,
И Викжель, и Викжедор,
Совнархозы, Исполкомы
И тому подобный вздор!

Виснут тучи темной Хмарой,
Пули слышится свирель…
Сообщение с Самарой
Прекратил совсем апрель,
Выставлять боимся рамы,
Не идем дальше крыльца
С красной лентой ходят хамы
И их дамы без конца.

Май. В осадном положенье
Держат город казаки.
Понемногу пораженья
Терпят «красные» полки.
Каждый день грохочут пушки
И стрекочет пулемет…
Держит ушки на макушке
Хулиганский всякий сброд.

Весь июнь не без боязни
Выходили на крыльцо:
Каждый день расстрелы, казни…
Всюду наглое лицо.
Лишь одна в ходу игрушка —
Будь ты прав или не прав, —

Всюду «мушка», только «мушка»,
Кроме «мушки» нет забав.

Над свободой надругались.
Но исчез кровавый бред.
Тучи черные прорвались,
И кошмара больше нет!

По возвращении Дутова в Оренбург 11 июля приказом № 85 на жителей пригородных слобод города (Нахаловки, Новых мест, Кузнечных рядов), иногородних Форштадта (казачьего предместья Оренбурга. – *А. Г.*), как принимавших активное участие в грабежах населения при большевиках, была наложена денежная контрибуция в размере 200 000 руб., которую необходимо было выплатить до 12 часов дня 19 июля 1918 г.[760] По мнению Дутова, контрибуцию должны были выплачивать лица, виновные в грабежах[761]. Думается, при такой постановке вопроса мера справедливая, однако проблема заключалась в том, что наиболее активные участники грабежей, опасаясь возмездия, скорее всего, покинули город вместе с красными. Обложение Дутовым рабочих окраин было лишь ответной мерой, поскольку еще 16 февраля 1918 г. оренбургский ВРК наложил на оренбургскую буржуазию контрибуцию во много раз большую – 10 миллионов руб.[762], на буржуазию Илека в марте 1918 г. красными была наложена контрибуция в 3 миллиона руб., которую предписывалось внести в 24 часа[763], такую же сумму должна была внести и буржуазия Троицка[764]. Несколько позднее, в августе 1918 г., красные взяли в заложники 65 орских купцов, потребовав с них 3,5 миллиона руб.[765] Контрибуциями, правда гораздо меньшими по сумме, облагалось даже явно не относившееся к «имущественным классам» население станиц (Покровской – 500 000 руб., Григорьевской, Прохладной и Угольной – 560 000 руб., Кичигинской – 75 000 руб., Нижнеувельской – 50 000 руб.[766]). Это только достаточно разрозненные опубликованные данные, реальная же сумма денежной контрибуции, выплаченной населением Оренбургской губернии и войска красным, не поддается подсчету[767]. А ведь были еще не менее обременительные для населения реквизиции зерна и скота (иногда, как, например, в станице Сорочинской, у казаков изымалось даже зерно непосредственно необходимое для посева).

Население Оренбурга было официально уведомлено о том, что казачья администрация не допустит в городе погромов ни на религиозной, ни на национальной, ни на классовой почве[768].

8 июля в Оренбург из станицы Линевской был переведен повстанческий съезд делегатов объединенных станиц 1-го военного округа. Дутов активно взялся за организацию антибольшевистской борьбы: уже 7 июля был восстановлен Оренбургский военный округ, атаман вступил в командование всеми войсками Оренбургского казачьего войска. Начала проводиться регистрация офицеров округа, не исключая и отставных. Казачество рассматривалось Дутовым как кадр возрождения национальной армии. Атаману, длительное время отсутствовавшему в войске, необходимо было срочно повысить свой авторитет в глазах казаков и добиться признания своего атаманского статуса руководителями повстанческих формирований, стихийно возникших на территории войска автономно от него.

На следующий день по возвращении из Тургая Дутов в сопровождении начальника штаба обороны войска Генерального штаба полковника Н.А. Полякова и адъютанта есаула Н.П. Кузнецова отправился на Илецкий фронт. 9 июля вечером он возвратился из поездки и посетил заседание съезда делегатов объединенных станиц, игравшего вплоть до сентябрьского Войскового Круга важную роль в управлении войском, доложив о взятии казаками 8 июля Илецкой Защиты и о продолжении преследования противника на Ташкентском направлении. В тот же вечер Дутов посетил заседание Оренбургской городской думы, где выступил с программной речью.

В начале речи атаман извинился за свой костюм и объяснил, что только что приехал с фронта, сделав за двое суток несколько сотен верст. Еще раз Дутов отметил, что был очень тронут встречей, оказанной ему в Оренбурге. «Мы скитались, – досказывает Войсковой Атаман, – пять месяцев и вели настоящую борьбу не словом, а с оружием в руках. То, что вы пережили здесь, было известно мне детально. Вновь появившись среди вас, постараюсь поделиться виденным мною.

Я видел массу народную, за интересы которой мы, интеллигенты, боремся, видел темный и запуганный народ, для которого так ценно народовластие; среди казачества, которое поголовно грамотно, видел ту же запуганность и забитость.

В Троицком и Верхнеуральском уездах видел пустынные поля; люди до того запуганы, что запираются с первым же наступлением темноты; и обыски, плохие дороги, полное отсутствие товаров – одним словом, везде сплошной кошмар… И киргизы, увидя при винтовке, без оглядки бегут, бросая скот и ломая утварь. Их иногда едва удавалось успокоить. Видел я советскую власть в Тургае, Иргизе, Кара-Бутаке… В последнем

населения 325 человек, а в Совете 60 человек. Люди попросту грабят друг друга, и когда мы приехали, то кругом слышалось облегченное: «Ну, теперь Слава Богу!»[769]

Об Илецком фронте Дутов сказал: «Я, как атаман, видел фронт и видел тот энтузиазм, которым полны казаки… Конечно, я не могу говорить о нашей численности: это военная тайна. Но могу сказать: у нас сформировались отряды, численность которых 22 сотни. И таких отрядов у нас несколько… Снарядов и пр[очего] у нас много. Вчера в 6 час[ов] вечера я отдал приказ о наступлении на Илецкую Защиту, а в 8 час[ов] 30 мин[ут] вечера Илецкая Защита нами уже была занята (шумные и продолжительные аплодисменты). Противник отстреливался. У него есть снаряды; нам выгодно, чтобы он больше стрелял: ему скоро нечем будет стрелять. Вчера нами был занят разъезд № 25, и я отдал распоряжение ген[ералу] Карликову[770] преследовать дальше и занять Ак-Булак. У вас прошу помощи в смысле санитарном. У нас скажу откровенно, это дело хромает. Раненых мало. Но они могут быть. Раненых приходится возить 60 верст. Воды нет. Нам нужно хотя бы десять телег с матрацами. Я с марта месяца сделал около 2000 верст, не проиграв ни одного боя, не потеряв ни одного раненого, не имея ни одного доктора, так как бывшие со мной два врача, к сожалению, сбежали. Я сам рвал рубашки и накладывал без лекарств повязки на раны…»[771] Несмотря на внешний успех под Илецкой Защитой, ходили слухи о том, что Дутов упустил в этой операции красных, поскольку руководствовался не задачей их разгрома, а саморекламой[772].

О собственном политическом курсе и о политике Войскового правительства Дутов сказал, что «некоторая суровость, замечаемая в части отданных им приказов, неизбежна: таково время. Теперь должна быть одна партия: освободителей г. Оренбурга и Оренбургской губернии от большевиков… Считаю ту партию лучшей, которая спасет Россию»[773]. По мнению автора газетного сообщения, Дутов – «человек военный и выполняет свои задачи, может быть, иногда идя не в такт с переживаемым революционным переходным моментом. «Мне жизнь каждого жителя, – говорит А.И. Дутов, – и казака одинаково дорога»[774]. Говорил Дутов и о неизбежности расстрелов в тот период, при этом заверив депутатов, что посягательств на городское самоуправление не будет. По словам атамана, обысков почти не будет, ночное движение и зрелища скоро будут возобновлены. «Цензура мною введена, но не большевистская. Я сам, не изменивший своим убеждениям с 17 марта 1917 года до сего дня, стою за свободу печати и на нее налегать не буду», – заявил оренбургский атаман[775]. Надо сказать, что свое обещание он в

целом сдержал. При этом Дутов посетовал на трудности в работе: «Я три дня в городе, а еще свою семью не видел…»[776] В конце речи атаман сообщил о стремлении союзников помочь борцам с большевиками и о восстании в Москве. «Я забыл добавить, – сказал под конец Дутов. – Здесь роль казачества не кончается. Мы будем работать для спасения России. Мы формируем новые полки, и вчера полк Оренбургских казаков уже отправился в г. Самару»[777]. В эти дни Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска приняло решение о переходе в летоисчислении с юлианского на григорианский календарь (со старого стиля на новый)[778].

Казаки поднимались на борьбу. 11 июля Дутов получил телеграмму из Челябинска от окружного съезда казаков 3-го военного округа: «Батько Атаман! Оскорбленные и поруганные большевиками сыны твои встали на защиту попранных казачьих прав и свободы. Шлем предателям, изменникам свои проклятья; борцам, павшим за свободу, вечная память; Атаману, Правительству, братьям чехам и свободолюбивому казачеству – ура! В Челябинске собрался окружной казачий съезд делегатов III округа Оренбургского казачьего войска. От войскового старшины Замятина получена телеграмма о взятии Верхнеуральска. В отряде Замятина, кроме чехо-словаков и Оренбуржцев, были и сибирские казаки»[779].

Тогда же атаман телеграфировал в Верхнеуральск войсковому старшине М.И. Замятину: «Я с правительством нахожусь в Оренбурге. Прибыл 24 июня[780]. Командую фронтом. Тесню большевиков на Ташкент, дошел до Ак-Булака. В нашем округе мобилизованы станичники от 20 до 35 л[ет]. Кроме того, сформированы партизанские отряды. На вас двигается Каширин, который разбит под Оренбургом. Я его преследую. Он не знает о падении Верхнеуральска. Мною посланы части в Самару и Уральск. Благодарю станичников за верную и бескорыстную службу родному войску. Войсковой Атаман *Дутов*»[781]. В обращении к населению Дутов писал: «Граждане! Неужели до сих пор имя атамана Дутова должно служить пугалом. Кажется, всем должно быть ясно, за что я боролся и к чему стремился. Я призываю всех к доверию и совместной работе на благо Родины»[782]. Особую роль в освобождении войска от большевиков должны были играть атаманы военных округов, на которых с 28 июня 1918 г. были возложены обязанности начальников обороны соответствующих округов и обязанности очистить подведомственную территорию от красных[783].

Настроения тех дней нашли отражение в стихотворении войскового старшины А.Ф. Рязанова «Тревога»[784]:

Трубач, труби скорей сигнал —
Наш старый марш-поход,
Чтоб на всю Русь он прозвучал,
Чтоб разбудил народ!

Настал последний, грозный час,
Последний смертный бой:
Наш подлый враг идет на нас
Со злобою слепой.

Казак! Седлай скорей коня,
Скачи под сень знамен:
Станицы гибнут от огня,
Там плач детей и жен.

Там гибнет труд твой вековой —
Наследье многих лет,
Что добыл тяжкою борьбой
Твой славный старый дед.

Трубач, труби! В ком искра есть
И к родине любовь,
Восстанет тот за нашу честь,
Россия будет вновь!

Из моря крови, груды тел,
Страдальческих могил
Народ восстанет гневен, смел
И полн могучих сил.

Слухи о Дутове и слава оренбургского атамана вышли далеко за пределы Оренбургской губернии и даже востока России, порой оренбургскому атаману приписывали то, к чему он совершенно не был причастен. Дутов еще спокойно пребывал в Тургае, а в Москве народный комиссар по военным и морским делам Л.Д. Троцкий в приказе от 13 июня 1918 г. уже отметил, что «преступный мятежник Дутов двигает против рабочих и крестьян темные банды на Урале»[785]. Казачье повстанческое движение связывали с Дутовым и представители Белого лагеря. Так, в конце мая 1918 г. известный правый политический и общественный деятель В.В. Шульгин писал из Киева командующему Добровольческой армией Генерального штаба генерал-лейтенанту А.И. Деникину: «Мое мнение – нужно узнать, чем дышит армия

Дутова, и, если там лозунг монархический и союзнический, открыто провозгласить у себя в армии Алексеева лозунг за монархию и союзников и идти на соединение с Дутовым»[786]. Донской атаман П.Н. Краснов 28 (15) мая 1918 г. на встрече с Деникиным в станице Манычской также упомянул об общности целей борьбы Добровольческой армии, донского казачества, оренбургских казаков Дутова и чехословаков[787]. Епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский) в начале 1918 г. в своих «Письмах к верующим большевикам» призывал к покаянию и называл Дутова величайшим героем и спасителем Отечества наравне с Мининым, Пожарским и Кутузовым[788]. Сам же Дутов позднее отмечал, что «у нас были сведения, что есть отряды Деникина, Семенова, Калмыкова и др[угих], и эти сведения, долетая до нас, указывали, что мы не одни, что наше дело не пропащее»[789]. Враги Дутова, вероятно, в 1918 г. сочинили про атамана ругательное стихотворение, оказавшееся, к сожалению, пророческим[790]:

Ты смиритель царский верный,
Враг народный и злодей,
Окруженный бандой белой
Ищешь гибели своей.

По степям ты рыщешь, подлый,
Путь ломаешь, мосты жжешь,
Как разбойник, как грабитель,
В бой открытый ты нейдешь.

По горам и по оврагам,
Притаившись, как змея,
Будто зверь ты кровожадный,
Крови ищешь для себя,

Заставляешь кровь святую
Проливать ты за дворян,
Для того, чтобы буржуям
Набивал народ карман.

При царе вы нас душили,
Беспощадно гнули в рог,
Что вы делали над нами —
Знает только один Бог.

За чины и за погоны,

И за почести свои,
За кокарды и за шпоры
Утопаете в крови…

Но теперь другое время,
Пролетарий – властелин,
Управлять страной умеет,
Не жалеет своих сил.

О, как жаль вам расставаться
С тем, отняли что у вас;
Закаталось ваше солнце,
Наш пробил счастливый час.

Период июля – августа 1918 г. был, пожалуй, одним из наиболее насыщенных и интересных в жизни Дутова. Однако в характере атамана все сильнее стали проявляться такие негативные черты, как стремление к самолюбованию, разного рода удовольствиям и бахвальство. Дутов начинает раздавать интервью, не стесняясь в них откровенно врать. Так, в интервью корреспонденту газеты «Уфимская жизнь» летом 1918 г. он, не смущаясь, присвоил себе победу повстанцев над отрядом С.М. Цвилинга в станице Изобильной весной 1918 г. Все сведения, изложенные Дутовым, напоминают обстановку именно изобильненского боя. Сделаю одну оговорку, хочется надеяться, что в статье допущена опечатка и речь идет не о станице Изобильной, в которой был убит Цвилинг, а о станице Ильинской, через которую прошел Дутов, возвращаясь из Тургая. В этом случае интервью атамана не будет вызывать таких негативных эмоций. Дутов рассказал, что находился в засаде, имея всего 15 винтовок и по 5 патронов на винтовку, при том что красных было около 2000 человек. «Мы все ждем, сидим, не шелохнемся, – говорил атаман. – Наконец, наступили сумерки. Тут я крикнул: «С Богом, братцы!» Выпалили наши пятнадцать винтовок по пяти раз, и все мы бросились в атаку… Как гром упали на голову большевиков. Они не ожидали… Что только было! Уж и устроили же мы из них кашу… Не много ушло от нас тогда…»[791] Оставлю на совести Дутова этот случай и вернусь к анализу дальнейших его действий.

Оренбургский атаман сразу по возвращении в войско столкнулся с необходимостью формулировки и проведения в жизнь собственного внешнеполитического курса. В условиях войны дипломатия как никогда тесно переплелась со стратегией,

а в качестве дипломатов чаще всего выступали военные (что особенно характерно для периода 1917–1918 гг., когда антибольшевистский лагерь еще только формировался). Таким образом, Дутов должен был стать не только ответственным политиком, но еще и искусным дипломатом. Действовать приходилось в непростой обстановке. Освобождение территории войска от большевиков шло с двух сторон: на юге оно осуществлялось повстанческими отрядами оренбургских казаков, а на севере – соединенными силами казаков и частей восставшего против большевиков Отдельного Чехословацкого стрелкового корпуса, причем оренбургские казачьи части на севере войска действовали в составе Сибирской армии и подчинялись Временному Сибирскому правительству, на юге же казаки подчинились власти Комуча. Прежде всего, щекотливость положения Дутова заключалась в том, что в итоге территория Оренбургского казачьего войска в административном отношении оказалась разделена между самарским Комучем и Временным Сибирским правительством в Омске. Между тем Дутов сразу по возвращении в Оренбург признал Комуч и как депутат Учредительного собрания вошел в его состав. 10 июля приказом № 8 по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области за подписью И.П. Нестерова он был назначен главноуполномоченным Комитета членов Всероссийского учредительного собрания на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области[792] – высшим представителем Комуча в регионе[793].

13 июля Дутов выехал в Самару, куда прибыл чуть ли не в салон-вагоне самого П.А. Столыпина[794] в воскресенье 14 июля в 16.30. Дутова встречала многотысячная толпа, чехословаки с духовым оркестром и казаки, Комуч представлял Б.К. Фортунатов, союзников – французский военный агент Тимэ. Дутов обратился к встречавшим с краткой речью: «Спасибо вам, господа, за то приветствие, за тот радушный прием, который вы оказали здесь сейчас мне. В свою очередь, позвольте и мне от своего лица и от лица всего моего дорогого казачества поприветствовать вас с освобождением от большевистского гнета, который виден был везде и во всем. Своему освобождению мы вместе с вами всецело обязаны никому другому, как только нашим дорогим братьям чехословакам. Оренбургское казачество никогда не забудет той помощи, которая как раз вовремя была ему оказана войсками чехословаков под городом Троицком. Я полон пожелания чехословацкому народу и впредь так же доблестно сражаться совместно со всеми нами с общим нашим

врагом Германией»[795]. В ответ раздалось громовое «ура».

От вокзала по улице Льва Толстого атаман проехал на автомобиле, вдоль пути были выстроены конные казаки. Атаман остановился в доме номер 6 по Казанской улице. Одновременно прибывшую делегацию уральцев разместили там же, но на задворках, что вызвало озлобление уральских делегатов против Дутова[796]. В Самаре атаман встретил радушный прием, население восторженно встречало казачьего вождя, оренбургские газеты писали о полном взаимопонимании с самарскими политиками[797].

Впрочем, иначе считал С.А. Щепихин, также оставивший свои воспоминания о приезде Дутова: «Его встречали с помпой. На вокзале были представители всех правительств, организаций и командований. Был чешский почетный караул с музыкой, представители чехов и Комуча. Цветы, речи. Мы встретились по-дружески, и Дутов просил сегодня же навестить его. В автомобиле, под конвоем Оренбур[г]ской сотни он уехал с вокзала. Толпу народу усердно казаки разгоняли плетьми – боялись покушений»[798].

В день приезда Дутов выступил на митинге в самарском театре «Олимп», рассказав об истории своей борьбы и о современных ее задачах. Собрание открыл видный деятель Комуча В.И. Лебедев, который и предоставил слово оренбургскому атаману. По свидетельству очевидца, Дутов «среднего роста, коренастый, с полковничьими погонами, одет скромно. Говорит тихо, но внятно и часто вставляет в свою речь остроумно-веселые и насмешливые над своими «вечными» противниками анекдоты об их «храбрости». Мне вышла большая честь быть представителем казачества, как первому выборному Атаману. Но говорит поговорка: «Атаману первая чарка, ему и первая палка», так и мне… Путь, на который встали сознательные граждане, должен быть проторен. Атаман приветствует Самару, откуда начинает исходить сияние новой России. Приветствует всех борцов от имени Оренбургского казачества.

– Нужно обеспечить работу комитета членов Учредительного Собрания. Мы должны все встать на военную ногу, и тогда мы победим не только большевиков (их не трудно), но и врага внешнего. Оренбургское казачество не остановится на победе над большевиками. С вашей же стороны мы ждем помощи материальной. Мы разорены и продолжаем разоряться. Многие станицы выжжены дотла, нет лошадей, нечем засевать. Помогая казакам, вы помогаете России, ибо все мужчины-казаки в рядах армии. Присылая сюда свои части, мы, быть может, стесняем вас в жилищном или продовольственном отношении, но надо претерпевать, ибо дело идет о спасении Родины.

Дутов призывает отбросить классовую и партийную борьбу и не говорить фраз.

– Пышные фразы говорить стыдно, надо делать дело, и мы делаем, как умеем»[799].

Показательно, что Дутов в июле 1918 г. еще не считал большевиков сколько-нибудь серьезным противником, рассматривая борьбу с ними лишь как первый шаг к восстановлению противогерманского фронта. Такого же мнения придерживались и многие другие руководители антибольшевистского движения.

15 июля Дутов официально вошел в состав Комуча[800]. Между тем истинное отношение деятелей Комитета к Дутову отчетливо видно из неопубликованных воспоминаний управляющего делами Комуча Я.С. Дворжеца, который писал: «Одним из наиболее интересных и поучительных моментов, ярким выразителем и, как мне кажется, рисунком, выявляющим физиономию К[омитета] У[чредительного] С[обрания], является факт взаимоотношений К[омитета] У[чредительного] С[обрания] с полк[овником] Дутовым. Постараюсь остановиться на фактах возможно подробнее, ибо каждый из них является черточкой, характерной для этого периода. К[омитету] У[чредительного] С[обрания] стало известно о том, что Дутов из Оренбурга выезжает в Самару для свидания и установления связи с К[омитетом] У[чредительного] С[обрания]. Одновременно нам стало известно о готовящейся Штабом Армии торжественной встрече – готовилось лучшее в городе помещение (Аржанова), спешно ставились туда телефоны, намечался план церемониала приема, парада у вокзала, торжественного обеда в Штабе и проч[его]. Штаб считал эту встречу святым долгом своим дани «храброму бойцу с б[ольшеви]ками», а может быть, многие в этот момент мечтали о будущей грозной фигуре бонапартствующего диктатора. Как бы то ни было, но подготовка встречи шла, и К[омитет] У[чредительного] С[обрания] не вмешивался в нее, не желая давать бой на этом вопросе. Чуть ли не ежечасно ко мне в кабинет звонили из Штаба с чувством глубочайшего умиления и важности совершаемого дела, сообщая о том, что поезд господина Дутова прошел такую-то станцию. К[омитет] У[чредительного] С[обрания], обсудив вопрос о встрече атамана Дутова, пришел к заключению, что представитель к[омите]та должен быть на станции для встречи его как выборного председателя Оренбург[ского] Правительства, но вместе с тем постановил требовать от Дутова, чтобы по приезде прямо с вокзала он, прежде всего, отправился в К[омитет] У[чредительного] С[обрания] представиться. Для встречи был командирован,

кажется, И.П. Нестеров, который всегда являлся козлом отпущения для встреч, особенно неприятных. В самом к[омите]те решили Дутова не встречать, а принять его в обычной деловой рабочей обстановке. Так и было сделано. С громом и блеском подкатила толпа золоченых бандитов к крыльцу Наумовского дома, над которым гордо развевался красный флаг (так урезонивший эту свору). Несколько членов У[чредительного] С[обрания] сидело в кабинете В[.]К[.] Вольского за обсуждением каких-то вопросов. Открылась дверь, пропуская маленькую полную фигуру в синем казачьем костюме, с белыми полков[ничьими] погонами, при казачьей шашке, с низко опущенным лицом и исподлобья глядящими злыми глазами. Характерная для Дутова поза – я никогда не видал у него поднятой головы и прямого взгляда – взгляд волка, взгляд каторжника – характерен ему. Поздоровавшись с ним с присущим ему демократическим тактом, ВКВ[801] пригласил его сесть, сказал несколько слов приветствия выборному главе правительства Оренбург[ского] Каз[ачьего] войска и пригласил его вечером на заседание К[омитета] У[чредительного] С[обрания], как члена У[чредительного] С[обрания]. Дутов скромно ответил, что вечером будет, и просил присутствующих членов У[чредительного] С[обрания] удостоить своим присутствием обед. ВКВ не счел удобным отказываться, и компания, сопровождаемая гремящей и сверкающей золотом, серебром, звездочками и аксельбантами толпой, в другую минуту охотно уничтожившей бы эту кампанию учредиловщиков в домашних потертых пинджаках (так в документе. – *А. Г.*) и брюках с мешками у колен, отправилась в автомобилях на *обед»*[802].

Как уже говорилось, в Самаре Дутов встретился и со своим бывшим однокашником, уже неоднократно упоминавшимся выше Генерального штаба полковником С.А. Щепихиным, занимавшим в тот период должность начальника Войскового штаба Уральского казачьего войска. По воспоминаниям последнего, Дутов, вернувшись из Тургая, «вначале как бы растерялся от неожиданности: едет на поклон в Самару, подписывает соглашение, чтобы не вытянуть (? – неразборчиво. – *А. Г.*) из него ни одной строчки, вступает даже в Комуч. «Устал я, устал, С[ергей] А[рефьевич], – говорил он мне в Самаре. – Пусть берет всю власть Комуч, а я ограничусь скромной ролью в Оренбурге… Только табак, вино и женщины еще меня поддерживают, а то бы свалился»…»[803] Если учесть, что Дутов вообще не употреблял алкоголь, необходимо отнестись к этому высказыванию весьма осторожно. К тому же в другом изложении этой фразы Дутова Щепихин упомянул только о табаке и женщинах[804].

Надо признать, что Щепихин оставил пусть и не вполне беспристрастные, но все же самые интересные воспоминания о пребывании Дутова в Самаре:

«…Александр Ильич рассказывал о своих мытарствах. Очень кривился, что приходится все получать из рук чехов и эс-эров. Недоволен был необходимостью лично явиться в Самару. Вообще, не стесняясь показывал мне, что ему с Комучем не по пути. В тот же день был устроен банкет в одной из гостиниц в честь Дутова. Председательствовал в роли хозяина Чернов…[805] Чернов официально в Правительство не вошел, но о его влиянии некоронованного короля говорили уверенно, определенно и не без оснований… Организация банкета в честь Атамана Дутова была до чрезвычайности нелепа.

Огромный стол в главном зале «Континенталя» был накрыт в форме буквы «Г»; на короткой стороне, ближайшей ко входу, разместили «генералитет», а по длинной восседали (так в документе. – *А. Г.*), уходя вдаль, окружение Дутова, отъявленные «питухи». На хоры вход был свободный, т. е. объявлен был свободный, а на деле дутовцы пускали лишь своих, под предлогом возможности покушения на любимого Атамана.

Чернов прибыл раньше, украшенный красной гвоздикой; видимо, волнуясь, он, натянуто улыбаясь, опирался руками на стол, изредка наклоняя голову к роскошному букету в хрустальной вазе: букет состоял исключительно из красных и белых гвоздик.

В назначенный час прибыл Дутов в полной парадной форме, с огромной, кавказского образца саблей. Это была тогда мода, хотя и не по уставу – оренбур[ж]цы, как степное войско, права на кавказское оружие не имели.

Но кто же тогда соблюдал форму.

На рукояти шашки болтался красный темляк, а справа через плечо символ казачества – нагайка. К чему? Ведь Атаман ездил исключительно в авто! Шаровары в Черное море, широченные лампасы, защитного цвета гимнастерка и походка с развальцем – отнюдь не импонировали.

Перед вами был самый обыкновенный есаул, даже и не лихой на вид, а так, попавший в случай к Ея Величеству Революции; она как дама, конечно, склонна к увлечениям и ошибкам.

Ни орлиного взгляда, ни залихвацкого чуба – ну, ничего!

Дутов даже казался несколько смущенным, хотя глаза его весело поблескивали. Перед представительным, красивым, с львиной головой Черновым Атаман безусловно терял.

Заиграли туш. Чернов сказал два слова навстречу Атамана и приколол ему красную гвоздику. Дутов принял, а затем сам

вынул из воды белую гвоздику и приколол рядом с красной себе в петлицу.

Начало обещало!..

За Дутовым стали проходить гости, приветствуя Чернова. Руки ему не подавало большинство, но это и не требовалось: Чернов с любезной улыбкой шел, выдвигался навстречу гостю, держа в одной руке красную, в другой белую гвоздику и спрашивал «белую?» – «красную?». Получив ответ, украшал гостя цветком, цвета по желанию гостя.

Белый цвет сильно убывал из вазы – красный пышно красовался…

За короткой частью стола белая и красная гвоздика строго чередовались; на длинной, не подчинявшейся вообще церемониалу, преобладал белый цвет; здесь уже за супом начали раздаваться бурчливые (так в документе. – *А. Г.*) выкрики, полутосты дутовской сотни. С хоров им аплодировали. Атаман усмехался и поощрял…

Тихо, под сурдинку, было отдано распоряжение – *обе*д не тянуть. Чернов, Дутов, Чечек на одной стороне, Галкин[806], я и член Комуча на другой поддерживали невязкий разговор. Все ждали вина и тостов. Станица бушевала, зарядившись, очевидно, задолго до банкета.

Все сидели как на иголках…

После рыбы, сокращая программу, Чернов поднялся с приветствием Дутову… Ничто героическое не было упущено. Лесть хлестала через край. Сотня мрачно умолкла… Но вот когда Чернов приблизился к моменту, к ближайшим перспективам, возможностям дружной, совместной работы, бок о бок с Атаманом… Тут сотня, а за ней и галерея не выдержали – началось улюлюканье и ясные выкрики «ату его!»…

Так как музыка была захвачена той же сотней и дирижировал трубачами лихой хорунжий, то естественно, что дикие крики не были заглушены медным оркестром, а достигли полностью и смачно припечатались к ушам оратора!..

К удивлению, на лицах короткого стола было очень веселое, даже радостное выражение… Чернова смутить было не легко – он лишь чуть-чуть побледнел, но улыбка освещала лицо и закрывала те тучки, что залегли в его глазах… Ясно – нам не по пути!.. А я все же попытаюсь – ведь это же не войско. Войско вот – рядом со мной Атаман!!

Атаман с ленивым жестом, в развалку приподнялся, оправил «Гурду»[807] и плеть… и начал очередную чушь, бесполезную, скорее вредную, никому не нужную и нудную… Любезности, сладкие слова с камнем, даже и не за пазухой, а тут же, в

открытую этот камень лежит готовенький в лице атаманской сотни…

И кого он дурачил… Чернова? Но для этого Дутов не был достаточно умен и искушен… Публику? Но сотня уж с первых слов своего «любимого атамана» (которого, к слову сказать, уже дважды покидали его верные станичники) орала ему «славу»…

То не банкет был, а дикость…

Скомкали, вытерли усы, пожали руку хозяину Земли Русской, Селянскому министру, и уносили свои ноги… Чернов тоже не задержался: он вышел провожать Дутова до вестибюля, а оттуда юркнул в общий коридор…

Так сотня его и не видала больше, оставшись допивать угощение без хозяев…

Но кому-то надо было кого-то дурачить. Вечером на заседании президиума Комуча снова появился атаман и заключил конвенцию полного, безоговорочного подчинения Комучу.

Реально это вылилось в следующее:

Представитель Комуча в Оренбурге не будет ни повешен, ни расстрелян, ни даже высечен атаманом; на фронт Атаман дает – два башкирских батальона (при чем тут башкиры?!) и две сотни казаков: башкиры брошены на фронт и погибли впоследствии полностью; а казаки остались в Самаре, в гарнизоне. Много позже прибыл еще полк…

Вот все, что дал Дутов Комучу… плюс те заботы, волнения, которые обусловливались двуручной политикой атамана: лавры Заруцкого и Болотникова не давали ему спать; лукавство мысли и слова – было, пожалуй, единственным багажом этого случайного, маленького человечка…»[808]

Тот же Щепихин в другой своей работе отмечал, что в Самаре «Дутов, более политичный (по сравнению с уральцами, которых представлял тогда Щепихин. – *А. Г.*), формально пошел на все уступки своей гегемонии в Оренбургском крае, а на деле не осуществил почти ничего: во всяком случае, добиться от него помощи оружием было нечего и думать. За все время Волга получила один достаточно потрепанный казачий полк да несколько башкирских батальонов»[809]. Критикуя Дутова за это, автор далее признается в том, что уральцы не выделили Комучу вообще никаких сил.

Известно, что в Самаре при участии консулов союзных держав велись переговоры о создании единого командования антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России[810]. Сам Дутов встречался с французским представителем (торговый консул) Жано. Возможно, в результате именно этих переговоров с участием Дутова 17 июля полковник С. Чечек (в

прошлом – аптекарский помощник, ставший в военное время младшим офицером австрийской армии) был назначен командующим войсками Народной армии, в том числе мобилизованными частями Оренбургского и Уральского казачьих войск[811]. Кроме того, союзники заверили Дутова в скором прибытии как военной, так и материальной помощи, что не могло не обнадеживать, поскольку авторитет союзников пока еще был довольно высок и их обещаниям верили. Из Самары Дутов вернулся 19 июля. В тот же день на заседании Комуча было принято постановление о том, что командующие войсками Оренбургского и Уральского военных округов назначаются на эти посты Войсковыми правительствами[812].

Вообще Народная армия, в состав которой вошли оренбургские казаки, выделялась среди других антибольшевистских армий своим своеобразием. Армия формировалась под полным контролем со стороны партии социалистов-революционеров первоначально на добровольческой основе, а с начала июля – по призыву. Впрочем, мобилизованные были крайне ненадежным элементом. В общей сложности к середине августа 1918 г. были сформированы три стрелковые дивизии и одна бригада, к концу августа число дивизий удвоилось, достигнув шести[813]. Бойцы Народной армии не носили погон, а воевали под красным флагом. По одной из оценок, «части народной армии ненадежны ни в боевом отношении, ни как опора власти. Замечается массовое дезертирство, чему способствует территориальная и национальная система пополнения: уходят по домам целыми деревнями. Блестящим исключением являются добровольческие части да казаки. Только они являются достойными соратниками чехословаков, и их доблести Россия обязана освобождением Симбирска и Казани»[814]. Поручик Л. Бобриков, успевший за годы Гражданской войны послужить и в Народной, и в Добровольческой, и в Русской армиях, вспоминал, что «если большевики превосходили силой, то Народная Армия отступала. Впоследствии, когда я уже служил в Добровольческой Армии и в Крыму у Врангеля, я поражался тому, что видел. Небольшие кучки добровольцев били вдесятеро сильнейшего врага. Этого не было в Народной Армии. Не было соревнования между воинскими частями, не было той закваски, которая делает армию героической и которая так хорошо знакома военным»[815].

19 июля Дутов вернулся из Самары, а на следующий день написал письмо на Украину генералу С.И. Гаврилову: «Милостивый Государь, Сергей Иванович. Ваша жена была у меня и сообщила место Вашего пребывания. Я пользуюсь случаем

передать наши дела. В Оренбурге и во всем войске власть большевиков свергнута; то же самое сделано и в Сибири, и в Поволжском районе, включительно до Сызрани. Уральская область с нами в полном единении; у нас мобилизованы все фронтовые части; имеем и технические средства, как то: артиллерию, пулеметы, аэропланы, броневые поезда, тяжелую артиллерию и пр. Кубанское войско тоже восстало. Сибирские казачьи части помогают нам на Урале. У нас объявляется мобилизация солдат четырех последних возрастов и именуется «Народной армией». Офицерство горячо откликнулось и поступает охотно в ряды; сформированы, кроме солдатских частей, еще и офицерские инструкторские роты. Усиленно и очень успешно идет мобилизация национальных полков. С Сибирским Правительством установлена полная связь. Оружием, артиллерией и снарядами пока обеспечены. Предполагаем развить операции на Симбирск и Екатеринбург. Курс политики взят твердый. В Самаре образован Комитет членов Учредительного Собрания, который вошел в связь с Сибирским Правительством, и на 6 августа в городе Челябинске предполагается созыв членов Учредительного Собрания и представителей всех Правительств, образовавшихся в автономных частях. На этом съезде предположено избрать Временное Всероссийское Правительство. Прошу Вас, генерал, по возможности постараться войти в связь с Доном и, если это возможно, попытаться поднять крестьянство Украины и внушить ему мысль, что Россия будет велика только [при] полном единении всех областей и губерний. Я [думаю,] крестьянство Украины достаточно ясно уразумело политику Германии и на своих спинах поняло, что сепаратизм ведет к гибели и разорению. Имя атамана Дутова достаточно известно как у нас в России, так и у Вас в Украине, почему используйте его для самой широкой пропаганды. Мы здесь с большевизмом боремся с ожесточением и вырываем зло с корнем. Следуйте нашему примеру. Французы, англичане и американцы со мной имеют непосредственное сношение и оказывают нам помощь. Близок день, когда эта помощь будет еще *более* реальна. Покончив с большевиками, мы будем продолжать войну с Германией, и я, как член Учредительного Собрания, заверяю Вас, что все договоры с союзниками будут возобновлены. Чехословакский (так в документе. – *А. Г.*) корпус дерется с нами. Пока заканчиваю письмо и прошу принять уверение в совершенном почтении и глубоком уважении»[816].

В письме в сжатой форме отражены взгляды Дутова того времени на внутреннюю и внешнюю политику. При этом

оренбургский атаман не прочь был преувеличить, возможно, для пользы дела свои связи с союзниками и степень оказываемой ему поддержки с их стороны.

21 июля Дутов посетил первое заседание чрезвычайного съезда 1-го военного округа Оренбургского казачьего войска, на котором заявил делегатам:

«Отрадно видеть вас здесь так, когда вы можете свободно, по чистой совести, выразить истинный голос казачества, а еще так недавно вас разгоняли, сковывали вам язык и не давали ему выражать то, что лежало у вас на сердце. Несчастье, постигшее всех нас, должно сплотить нас в одну семью, которая останется непоколебимой во веки веков, и забыть ту рознь, которая губила нас.

Не будем вспоминать прошлое: кто был прав, кто виноват, не будем корить друг друга.

Теперь те, которые были гонимы, должны быть приветствуемы. Они, пройдя через «горнило испытаний», все силы свои отдадут для блага народа.

Войсковое Правительство не боится отдать отчет в своей деятельности, ибо на нем нет пятен. Оно не истратило ни копейки войсковых денег, но приобрело десятки тысяч. Как, каким образом, оно отдаст отчет потом…

Надо забыть деление на фронтовиков и нефронтовиков, надо думать, что есть «казак» в целом, тот свободолюбивый казак, о которого, как о гранитную скалу, разбивалось всякое посягательство на его свободу, тот казак, который как один человек в минуты тяжелых испытаний вставал на защиту поруганной Родины.

Вы припомните наши прежние отношения: у нас было деление на «трудовых» и «нетрудовых» казаков. Было стремление вбить клинья в нашу дружную семью, расчленить ее и тем ослабить и уничтожить ту внутреннюю спайку, которая давала нам мощь. У нас не должно быть никаких партий. Для нас есть партия – «казак», а для государства у нас есть любовь к Родине, которую мы доказали не на словах, а на деле, жертвуя и имуществом и жизнью!

Пусть другие политические партии докажут свою верность, свою любовь к Родине так, как это доказали казаки!..

Теперь является возможность воскресить Учредительное Собрание, и мы должны сплотиться вокруг него, должны поддержать идею его созыва. Только Учредительное Собрание вольно решить вопросы о форме правления, вопросы нашей судьбы! То, что пережито, накладывает большое обязательство. С меня взяли слово высоко держать Войсковое Знамя. Как умел, но

я слово сдержал, Войсковое Знамя сберег и привез его незапятнанным!..

Мне ставят в вину строгие меры, но дисциплина должна быть, и я ее поддерживаю, исполняя вашу волю!

Проводя идеи Круга, я думаю, что не делаю ничего преступного.

Меня упрекают в том, что ведутся расстрелы, но они вызваны кровью и кровью должны быть окончены, ибо «взявший меч от меча и погибнет!». Соглашательской политике теперь не место…

Кто хочет идти с нами, милости просим. Мы покажем, как надо любить Родину!..

Большевизм теперь не страшен, ибо народ понял его политику, увидел ту разрушительную силу, которую он с собой принес…

С целью помочь населению в хозяйственном отношении, а также по военным вопросам я был в Самаре и с той же целью я еду в Сибирь. В Самаре я беседовал с консулами союзных с нами держав, и нам была обещана помощь и денежная и военная. Откуда, куда, сколько (это военная тайна), но помощь нам идет.

Самара произвела на меня хорошее впечатление.

В войсках народной армии дисциплина почти старая, свою боевую способность они доказали под Сызранью.

Комитет членов Учредительного Собрания утвердительно высказался, что казачье землевладение неприкосновенно.

Оренбургское казачество переживает исторические минуты, когда, сплотившись у себя дома, ему пора переименовать свой край в Оренбургскую Область.

Пусть здесь будет и губерния, мы мешать не будем, но мы должны обосноваться здесь хозяевами!»[817]

В тот же день Дутов написал письмо эмиру Бухарскому. Текст письма удалось реконструировать по сохранившемуся черновику с многочисленными исправлениями.

«Политическая обстановка. Союзники вмешались в наши дела, решили помочь нам избавиться от большевиков, началом вмешательства союзников послужило восстание Чехо-словак, направлявшихся через Сибирь на Франц[узский] фронт, которых по приказу Германского Главнокомандования Ленин и Троцкий приказали разоружить. Чехо-словаки же этому приказу не подчинились и решили пробиться во Владивосток. Ими были заняты города по ж. д. Пенза, Сызрань, Самара, Бузулук, Бугуруслан, Уфа, Екатеринбург, Курган. Занимая города и постепенно продвигаясь на восток, они вошли в связь с нами и войсками Сибирского Правительства… к Чехо-словакам примкнуло сочувствующее население, которое скоро

сформировало ряд добровольческих отрядов, которые начали действовать самостоятельно, очищая от большевиков области, прилегающие к ж. дороге. В данное же время власть большевиков свергнута в Оренбурге и во всем Оренбургском войске, в Сибири и в Поволжском районе – включительно до Сызрани. Уральская область работает с нами в полном единении. На Урале нам помогают Сибирские каз[ачьи] части. В Сибири образовалось Сибирское Вр. правительство, у которого сформирована 100-тысячная армия, действующая совместно с Чехо-словацкими войсками в Сибири, которые по очистке Сибири двинутся для той же цели на Волгу и далее в глубь России.

Покончив с большевиками, мы будем продолжать войну с Германией. В этом направлении нами принимаются меры. В войске мобилизованы все части, находящиеся ранее же на фронте, а также объявляется мобилизация во всех очищенных областях четырех последних возрастов. Кроме того, успешно идет мобилизация национальных полков башкир и кирг[изов]. Мобилизованные войска [счита?]ются Народной армией… Цель такой мобилизации – сформировать армию, которая сможет вести войну с Германией…

Киргизы Уральской области заключили союз с уральским войском и приступили к формированию своей армии. Кубанское и Терское войска восстали… дела у них идут успешно. Дон от большевиков очищен за исключением небольшого района, прилегающего к Царицыну. Всюду в России начинается отрезвление… На Украине и Дону развивается движение не в пользу Германии, недовольство немецким засильем растет с каждым днем.

Общее же стремление и конечная цель всех восставших – образовать фронт по Волге от Белого моря до Астрахани и продолжать войну с Германией.

На Мурмане высадились Англо-Французские десанты, последний направляется вверх по Печере, имея стремление соединиться с войсками Поволжского района. У Вологды стоит Сербский Корпус. Под Иркутском Есаул Семенов Забайк[альского] в[ойска] совместно работает с 5000 японцев.

Для ведения войны у нас имеются технические средства, как то: артиллерия, пулеметы, аэропланы, броневые поезда и тяжелая артиллерия. Оружием, артиллерией и снарядами обеспечены.

С Сибирским Правительством связь установлена.

Как высший орган Государственной власти в г. Самаре образован Комитет Членов Учредительного Собрания, который также вошел в связь с Сибирским Правительством. На шестое августа в городе Челябинске предполагается созыв членов

Учредительного собрания и представителей всех Правительств, образовавшихся в автономных частях. На этом съезде предположено избрать Временное Всероссийское Правительство.

План действий. В скором времени предполагаем развить операции[818] на Симбирск с целью отбросить большевиков за Волгу и на Екатеринбург, чтобы очистить от красноармейцев горный район. В случае успеха операций в указанных направлениях предполагаем развить операцию и на Ташкент. В целях более скорого освобождения Туркестана и гор. Ташкента от большевицкого ига ревностных пособников германцев не найдете ли возможным начать операцию на Самарканд и Ташкент теперь же, потому что бои под Оренбургом и Илецкой Защитой совершенно деморализовали большевиков, а потому очищение от них Туркестанского края в данное время является наиболее легким. В случае же Вашего движения на Ташкент мы со своей стороны все сделаем для обеспечения успеха движением туда же с севера вдоль ж. д. со стороны Оренбурга. Кроме того, убедительно прошу Вас поддерживать связь с англичанами через Афганистан, которые могли бы нас снабжать оружием, патронами, снарядами и обмундированием. Мною командируется к Вам сотник Леонтьев, который должен Вашему Высочеству лично доложить все подробно»[819].

Таким образом, военно-политическая активность Дутова в эти дни была достаточно высока. 22 июля атаман уже едет в Омск – устанавливать контакты с сибирскими политическими деятелями. Очевидец писал: «Состав поезда у атамана был очень богатый, из вагонов сибирского экспресса Международного Общества. В вагон-салоне видно было несколько весьма эффектных и эффектно одетых дам. Впереди этих вагонов шли товарные вагоны с сотней казаков с лошадьми. (Атаман Дутов любил создавать шум. Выезжал он на автомобиле с полусотней казаков впереди и полусотней – сзади.)»[820]. Как уже говорилось, в Дутове еще до его возвышения была сильна любовь к комфорту, теперь же она могла быть удовлетворена. Население восторженно приветствовало поезд Дутова на станциях. Торжественная встреча была устроена в Уфе.

Как мне представляется, эту поездку не следует считать проявлением двойной игры Дутова. Оренбургский атаман придерживался своей собственной политической линии, присматривался к тем политическим силам, которые его окружали, а порой и заигрывал и с теми и с другими, стремясь добиться максимальных выгод для своего войска. Скудные материальные возможности подчиненного ему региона вынуждали атамана лавировать, стремясь получить помощь

отовсюду. Более того, территория Оренбургского казачьего войска, как уже отмечалось, оказалась разделена между самарским и омским правительствами (постановлением Временного Сибирского правительства от 18 июля 1918 г. в управляемую им территорию вплоть до установления Учредительным собранием западной границы Сибири были включены Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии[821], образован Челябинский округ в составе Челябинского, Златоустовского и Троицкого уездов во главе с окружным комиссаром), и Дутов, как атаман всего войска, должен был поддерживать отношения и с тем и с другим, стремясь подчинить оренбургскому правительству всю территорию войска. Кроме того, атаман просто обязан был помогать населению войска, страдавшему от негласной таможенной войны между Самарой и Омском[822]. Наконец, нельзя исключать стремление Дутова объединить все антибольшевистские силы воедино.

По своей политической ориентации коалиционное (от эсеров до монархистов, с преобладанием представителей правого крыла) Временное Сибирское правительство, существовавшее в Омске, было значительно правее эсеровского Комуча, что являлось одной из причин острых разногласий между этими государственными образованиями. В этой обстановке визит Дутова в Сибирь рассматривался эсерами едва ли не как предательство интересов Комуча.

24 июля в 11.10 в Уфе состоялся разговор Дутова по прямому проводу с управляющим Военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майором А.Н. Гришиным-Алмазовым:

«Я Атаман Дутов, я сейчас в Уфе, еду к Вам в Омск для личных переговоров, извиняюсь за беспокойство, прошу сообщить, застану ли я Вас в Омске или в каком другом городе по железной дороге. По аппарату всего сказать не могу. Сообщаю, что казаки 1-го Оренбургского Уезда[823] находится в сфере действий Самарского Комитета, а также Уральских. Тоже необходимо с Вами войти в полное соглашение, о чем переговорю лично. С Доном вошел в связь, там генерал И. Краснов[824] и там же Совет Казачьих войск. Терское войско и Кубанское мобилизованы, с Эмиром Бухарским завязал сношения. На Украйну (так в документе. – *А. Г.*) посланы курьеры для передачи наших планов и организации народного движения. Подробности сообщу лично. Сам здесь в Уфе. Я кончил.

[Гришин-Алмазов.] Приветствую Вас, Атаман, и очень рад, что я, наконец, нашел Вас. Я из Омска пока никуда не выеду и буду ожидать Вас здесь. Нам надо будет *обо* многом

переговорить, многое решить, и я не сомневаюсь, что мы с Вами и Вр[еменным] Сиб[ирским] Правительством] поймем друг друга и сделаем все возможное для нашего общего дела – возрождения[825] России. Буду ожидать от Вас телеграммы о выезде.

[Дутов.] Я сейчас в Уфе, был у себя в Оренбурге, [в] Самаре вел переговоры с Самарскими и Уральскими представителями и теперь еду к Вам, через полчаса выезжаю, со мной Штаб и конвойная сотня. Прошу не отказать в отводе квартиры. Приветствую Вас, Сибирского вождя и в Вашем лице Вашу Армию. Сообщу [из] Челябинска точно свой приезд. Пока до свидания.

[Гришин-Алмазов.] Счастливого пути»[826].

Видный деятель партии социалистов-революционеров ЛА. Кроль вспоминал: «Я ехал в вагоне полковника [В.Г.] Рудакова[827], с которым у нас завязалась серьезная беседа по поводу методов дальнейшего устроения судеб освободившейся территории. К Комучу Рудаков относился скептически, но с Комучем Оренбургскому войску приходилось сильно считаться из-за материальных ресурсов. К вступлению атамана Дутова членом Комуча – что не мало нас всех удивляло – Рудаков относился очень просто: отчего не использовать атаману Дутову своего положения члена Учредительного Собрания для большего влияния в Комуче; имея свою реальную воинскую силу, Дутов фактически независим от Комуча; наконец, Дутов в любой момент, когда это будет выгодно, может так же легко уйти из Комуча, как он в него вошел. Особые условия казачьего быта, по словам Рудакова, и заинтересованность казачества в сохранении его приводили его к выводу, что если бы удалось в разумном виде создать федерацию, то, пожалуй, это было бы наилучшим исходом. Мысль о создании автономии Горнозаводского Урала с рабочим населением, иного уклада жизни и с иной психологией, чем казачье, Рудаков одобрял. Избавиться от беспокойного элемента и передать его области горнозаводского Урала было бы очень хорошо. Одним словом, в полковнике Рудакове я нашел сочувствие, и мы тут же, развернув карту Урала, намечали, примерно, границы Оренбургского войска и Горнозаводского Урала, учитывая еще третью претензию, башкир, имевших в то время свое правительство, поддерживаемое Самарой. По пути мы остановились, встретившись на разъезде с поездом атамана Дутова, ехавшего в Омск…Через час, примерно, мы двинулись дальше. Вернувшийся от атамана полковник Рудаков сообщил мне, что он передал нашу беседу атаману и что тот в общем тоже сходится с нами во взглядах»[828].

Между тем, по некоторым данным, 24–25 июля 1918 г. в Челябинске на Дутова было совершено покушение – в него

стреляли, но промахнулись, – атаман не пострадал[829]. В Челябинске, как писал М.П. Полосин, «пришлось проталкиваться через массу народа, стоявшего на платформе и глазевшего на поезд Дутова… Я вошел в вагон и увидел Дутова, диктовавшего что-то своему адъютанту, также мне знакомому. Гладко выбритый, Дутов был одет в синюю рубашку с полковничьими погонами, подпоясанную ремнем. На груди у ворота – петличка из синей и георгиевской ленточки, присвоенная, по его приказу, всем участникам похода[830]. Мы обнялись… После первых восклицаний заговорили о прошлом. Он рассказал мне о своем походе и о том, как трудно им пришлось обходиться без врача, особенно с ранеными. Как он, за неимением перевязочного материала, рвал свои рубашки и сам перевязывал раненых… Мы вышли с ним в коридор из салона. Там стояли офицеры, представлявшиеся Дутову, и лица, едущие с ним в Омск…

– Дядя! – закричал он в окно пробегавшему мимо уряднику из его охраны. – Скажи, чтобы «крутил Гаврила»…

Едем дальше! Народ засмеялся… Расстались мы холоднее, чем встретились. Я вышел из вагона на платформу. Поезд двинулся. Дутов козырнул мне, улыбнувшись из окна вагона. Народ закричал «ура» и замахал шапками… В другом окне мелькнула женская головка гимназистки из нашего города…[831] В коридоре вагона, заметя мой удивленный взгляд на нее, адъютант Дутова, улучив минуту, шепнул мне в ухо:

– Походная краля-с!..» [832]

25 июля 1918 г. Комучем было утверждено производство Дутова «за отличие в борьбе с большевиками» в генерал-майоры[833] со старшинством с 20 июля (дата производства Кругом объединенных станиц «за отличие по службе»[834]), но похоже, что уже через несколько дней руководители Комитета об этом пожалели. Дутов прибыл в Омск 26 июля. Атамана приветствовали Войсковой атаман Сибирского казачьего войска генерал-майор П.П. Иванов-Ринов, начальник штаба Сибирской армии Генерального штаба генерал-майор П.А. Белов (Г.А. Виттекопф) и по поручению правительства управляющий делами Временного Сибирского правительства Г.К. Гинс, который сказал:

«Господин Атаман. Мы рады видеть Вас здесь, на территории вольной Сибири, в центре одной из наиболее крупных и здоровых частей единого Российского Государства. Мы приветствуем в Вашем лице главу славного казачьего войска, которое в самое тяжелое время сумело сохранить самое дорогое: свою честь, достоинство, независимость. В Вашем лице мы видим представителя еще одной возродившейся части России и радостно думаем о том, что в стране происходит великий процесс соединения разорванных частей в одно мощное целое. Сибирь, потом Ваш край, потом Дон, потом все дальше и дальше на запад, и вот опять встает перед нами Великая Россия. Это конечная мечта и главная цель, общая для всех нас, так как мощная Великая Россия – условие благополучия и Сибири, и Оренбурга, и Дона. С Вашим именем, Атаман, связаны легенды. О Вас враги Ваши, враги России говорили, что Вас уже нет[835]. Но вот Атаман Дутов стоит перед нами, он опять действует, как действенно опять то русское национальное самосознание, которого уже, казалось, тоже не существует. Еще раз приветствуем Вас и верим, что Вы уедете отсюда удовлетворенным – у нас одни и те же задачи, один и тот же путь»[836].

В ответном слове Дутов отметил, что «он хочет и должен сказать Сибирскому Правительству много и будет просить, чтобы ему дана была возможность сделать это в Совете Министров в полном его составе, дабы выяснить все наболевшие вопросы. Но, – сказал Дутов, – уже сейчас я отмечу, что в наших краях говорится

о Сибирском Правительстве много такого, что, по-видимому, вовсе не соответствует действительности. Отмечу и то, что и у вас говорили *обо* мне и о войске с большим преувеличением, в частности моя личная роль гораздо меньше, чем ее изображают. Благодарю за радушный прием и в свою очередь выражаю уверенность, что на пути к созданию Великой России мы с Сибирским Правительством никогда не разойдемся»[837].

Вечером того же дня Дутов был принят в Совете министров и рассказал о положении на Южном Урале. Тогда же состоялась его первая встреча с председателем Совета министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодским. Во время встречи Вологодский произнес пространную речь о работе правительства и текущем политическом моменте, а позднее записал в дневнике, что Дутов на него «произвел впечатление двойственное. Он, очевидно, искренний и стойкий ненавистник большевиков, но ведет он какую-то свою особую линию. Он истый казак – хитрый, себе на уме, но отчаянный, с которым надо держать себя осторожно. Не показался он мне и достаточно образованным. Но он несомненно сила, и его надо приласкать»[838]. Как вспоминал Г.К. Гинс, «атаман Дутов, приезжавший в Омск летом 1918 г., произвел на всех впечатление лукавого, неглупого человека, который не гонится за внешними успехами, но любит пожить. Небольшого роста, коренастый, с монгольского типа лицом, он обладал невидною, но оригинальною внешностью. Интересна его политическая гибкость. Он состоял членом «Комуча», приезжал в Омск для обеспечения некоторых выгод и в то же время считал свое войско никому не подчиненным, так как оно имело свое правительство»[839]. Тот же Гинс впоследствии отметил, что «в июле в Омске побывал Дутов, атаман оренбургских казаков. Он и по внешности уступал Семенову (Григорию Михайловичу. – *А. Г.*) и характером не располагал к себе. Он производил впечатление человека хитрого и политического, видимо, лавировал между Самарским «Комучем» и Сибирским Правительством, скептически относясь и к тому и к другому, но стараясь заполучить от каждой стороны побольше. Семенов казался неспособным на такую игру»[840].

Беседовал Дутов и с генерал-майором А.Н. Гришиным-Алмазовым. Последний позднее с сожалением отметил: «Среди казаков ни одной сильной фигуры. Дутов интересуется лишь Оренбургскими делами. Мои усилия вытянуть его на более широкую деятельность не имели успеха»[841]. С этой фразой можно согласиться – многие известные деятели антибольшевистского лагеря хотели бы видеть Дутова на более высоких постах, нежели пост атамана одного из казачьих войск. Разумеется, выше мог

быть только пост диктатора. Однако то ли Дутов сам сознавал пределы своих способностей, то ли просто не хотел большей власти и, следовательно, большей ответственности, но на руководство всем антибольшевистским лагерем никогда не претендовал.

Министр снабжения Временного Сибирского правительства И.И. Серебренников впоследствии вспоминал: «Я хорошо помню приезд Дутова в Омск и сделанный им на заседании Совета Министров доклад о положении дел в Оренбургском крае. Доклад этот, изложенный в ровном, спокойном тоне, произвел хорошее впечатление на присутствовавших; в нем атаман дал понять нам, что симпатии Оренбурга склоняются в сторону Омска, а не Самары»[842].

Вот что вспоминал Серебренников об атамане в своем неопубликованном очерке «Мои встречи с атаманом А.И. Дутовым»:

«Впервые встретился я с атаманом А.И. Дутовым осенью 1918 года[843] в Омске. Встреча эта произошла в заседании Совета Министров Временного Сибирского Правительства, на каковом А.И. Дутов докладывал о положении дел на Оренбургском фронте антибольшевицкой борьбы. Насколько я помню, указанное заседание было целиком посвящено этому докладу. Я с интересом приглядывался к атаману Дутову, уже тогда составившему себе большую известность среди лидеров антибольшевицкого движения в России. Коренастая, довольно высокая фигура[844], коротко остриженные волосы, живое, покрытое загаром лицо с выразительными и умными глазами – таков был внешний облик атамана при первом моем знакомстве с ним. Общее симпатичное впечатление дополняли уверенность жестов и движений и спокойная твердость голоса – никакой аффектированности и излишней экзальтации. Доклад его лился гладко, ровно, обличая в атамане уже известный навык к ораторским выступлениям и убедительное красноречие. Доклад был выслушан с большим вниманием и, я сказал бы, с некоторой настороженностью. Надобно заметить, что атаман Дутов был в предыдущем году избран в члены Учредительного Собрания от Оренбургской губернии и, в качестве такового, входил в так называемый Комитет Членов Учредительного Собрания (Комуч), находившийся в Самаре и являвшийся, наравне с Оренбургом и Омском, центром антибольшевицкой борьбы. Как известно, Комуч не особенно доброжелательно относился к Временному Сибирскому Правительству и его деятелям. Из доклада А.И. Дутова выяснилось, однако, что он лично и возглавляемое им Войсковое Правительство Оренбургского Казачьего Войска

благожелательно настроены по отношению к сибирякам в Омске. Последовавшие за докладом прения еще более убедили нас, сибиряков, в наличии такого отношения, и мы почувствовали, что в лице атамана Дутова мы можем иметь верного союзника. Атаман недолго пробыл в Омске и вернулся в свои родные пределы»[845].

Визит Дутова в Омск вызвал крайне негативную реакцию в Самаре. 28 июля на заседании Комуча было решено вызвать атамана для объяснений[846]. Помимо самого факта контактов Дутова с Сибирским правительством деятелей Комуча могли обоснованно возмутить высказывания Дутова. Представители самарского правительства, вероятно, имели возможность ознакомиться с интервью, которое Дутов дал в Омске. На вопрос о его личном отношении к Комучу атаман ответил:

«Это организация чисто случайная, созданная силой самих обстоятельств, значение ее пока временное и местное. В политическом смысле Комитет однороден: в нем 14 социалистов-революционеров и один контрреволюционер Дутов, прибавил атаман, улыбаясь. Свои политические взгляды атаман определил так: я люблю Россию, в частности свой оренбургский край, в этом вся моя платформа. К автономии областей отношусь положительно, и сам я большой областник. Партийной борьбы не признавал и не признаю. Если бы большевики и анархисты нашли действительный путь спасения и возрождения России, я был бы в их рядах. Мне дорога Россия, и патриоты, какой бы партии они ни принадлежали, меня поймут, равно как и я их. Но должен сказать прямо: я сторонник порядка, дисциплины, твердой власти, а в такое время, как теперь, когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не остановлюсь и пред расстрелами. Эти расстрелы не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны, большевики и не большевики, солдаты и офицеры, свои и чужие. Недавно по моему приказу было расстреляно двести наших казаков за отказ выступить активно против большевиков. Расстрелял я и одного из своих офицеров за неисполнение приказа. Это очень тяжело, но в создавшихся условиях неизбежно.

– Состоите ли Вы, атаман, в контакте с генералом Красновым, действующим на Дону[?].

– Нет, и вообще ни с кем в контакте не состою, предпочитаю действовать самостоятельно и на свою ответственность. Что касается генерала Краснова, то Донская Ориентация (так в документе. – *А. Г.*) мне пока не нравится, она как будто немного германская… Сейчас, впрочем, точных сведений не имеется, посмотрим, что будет дальше.

На вопрос о том, в каком виде рисуется атаману Дутову конструкция будущей Всероссийской власти, он ответил:

– Правительство должно быть деловое, персональное, составленное из людей с именами, которые имели бы вес, значение и силу.

– Допускаете ли Вы существование в России военной диктатуры[?].

– Нет. Военная диктатура не целесообразна, не желательна и думаю, что ее быть не может.

На этом беседа закончилась»[847].

Уже в этом интервью атаман противопоставил себя Комучу. Позиция Дутова была весьма противоречивой: с одной стороны, он сторонник твердой власти, но с другой – противник диктатуры; областник и в то же время государственник. Либо Дутов пытался таким образом замаскировать свои истинные политические пристрастия и попросту запутать потенциального читателя, либо, что более вероятно, просто все еще очень слабо разбирался в политике. Его критика Комуча и некоторое противопоставление себя как контрреволюционера представителям Самары могло быть связано с негативным отношением некоторых деятелей партии эсеров к Дутову, что оренбургский атаман мог ощутить в период пребывания в Самаре. Небезынтересно, что применительно к этому периоду лидер кадетов П.Н. Милюков записал в своем дневнике: «Среди казаков – ни одной сильной фигуры. Дутов почил на лаврах; несмотря на мои усилия вытянуть его к более широкой работе, – не удалось»[848].

6 августа на заседании Комуча был заслушан доклад П.Д. Климушкина о чуть ли не каждодневном росте реакционных устремлений в Оренбурге. Было принято решение командировать в Оренбург члена Комуча В.В. Подвицкого в качестве особоуполномоченного[849].

Вслед за Дутовым в Омск прибыл товарищ председателя Комуча и управляющий ведомством финансов И.М. Брушвит. По возвращении в Самару Брушвит на заседании Комитета 9 августа выступил со следующим докладом: «Приехав в Сибирь, я предполагал переговорить с Министром Председателем ВОЛОГОДСКИМ, но разговаривать мне с ним не удалось. Мне было отказано в приеме. В это время происходило заседание Сибирского Правительства совместно с Дутовым. Дутов первое время вел себя довольно скромно. Но впоследствии он заявил: в Самаре нет ничего серьезного. Войско возглавлено совдепами. По этим соображениям им выделена активная часть казачества для ликвидации Самарского Комитета. Он просит включения

казачества в Сибирскую Республику. Доклад Дутова был встречен неблагоприятно. Тем не менее, он имел несколько конфиденциальных бесед с Гришиным-Алмазовым»[850]. Впоследствии Дутов изложил этот документ в своем письме к Гришину-Алмазову, причем тот специально подчеркнул последнее предложение доклада Брушвита, касавшееся самого Гришина[851]. Из Омска Дутов выехал в Троицк, где еще не бывал с момента своего избрания атаманом. Дутов посетил городскую думу, окружное правление, присутствовал на парадном обеде, устроенном городом, затем побывал в станице Клястицкой и выехал в Самару, где ему было предъявлено обвинение в непризнании Комуча и принятии политики Сибирского правительства[852]. Дальнейшая реакция Самары на действия Дутова кажется чересчур жесткой.

В то же время из Сибири атаман привез в войско медикаменты и перевязочные материалы, в которых остро нуждались оренбуржцы[853]. 3 августа Дутов возвратился из Омска и занялся операциями на фронте, а кроме того, был вынужден объясняться с Самарой, причем уже 5 августа по решению Комуча атаман был снят с поста главноуполномоченного.

Август – сентябрь 1918 г. на фронтах Оренбургского казачьего войска характеризовался попытками оренбуржцев взять Орск – последний неподконтрольный белым центр на территории Оренбургского казачьего войска. Постоянный фронт под Орском образовался уже в середине июля 1918 г. Первоначальная численность осаждавших город белых составляла 3000 шашек, 250 штыков при 7 орудиях[854]. Для блокирования Орска этих сил было явно недостаточно, тем более что гарнизон самого города, которым руководил оренбургский рабочий А.Е. Левашов, составлял не менее 5000 человек (1-й Оренбургский рабочий полк, 28-й Уральский пехотный полк[855], Орский кавалерийский полк) при артиллерийском дивизионе и 2 бронеавтомобилях[856] – осада заключалась в наблюдении за городом и окружении его цепью постов. При таких условиях красные имели возможность поддерживать связь с соседним Актюбинском. И все же в августе белые предприняли несколько атак на Орск. Малочисленность орской группировки белых была очевидна даже депутатам чрезвычайного съезда 1-го военного округа, которые ходатайствовали об усилении Орского фронта[857].

С переменным успехом шли бои и на Ташкентском направлении. Разведка доносила, что красные на этом направлении усиливаются. По взятии Орска Дутов предполагал развить наступление на Актюбинск и ликвидировать весь Южный фронт. В середине августа казаки на этом направлении перешли в

наступление и 14 августа овладели станцией Яйсан[858]. Красные под Яйсаном понесли серьезные потери[859]. Однако ликвидация Южного фронта могла быть достигнута лишь в случае полного освобождения от красных всего Туркестана, на что, учитывая колоссальную площадь этого региона, были необходимы весьма значительные силы. Такая задача была для оренбуржцев непосильной, на какую-либо стороннюю помощь, за исключением снабжения, рассчитывать не приходилось. К этому периоду относится курьезный эпизод переговоров красного взвода и казачьей сотни станицы Краснохолмской, имевших место на Ташкентском фронте. Обе стороны при встрече призывали друг друга сдаться, а при уходе сотни из взвода в ее направлении раздался окрик: «Передай привет маме!» Крикнул молодой красный казак своему бородатому папаше»[860]. В такие моменты, несмотря на некоторый комизм данной конкретной ситуации, особенно ярко чувствовался братоубийственный характер и трагизм Гражданской войны, фронты которой пролегли даже через многие семьи.

Осенью бои с переменным успехом для обеих сторон велись в районе станций Яйсан, Мартук и Сагарчин – между Илецкой Защитой и Актюбинском. Со стороны красных действовал бронепоезд, белые пробовали применять авиацию[861]. В дальнейшем на этом направлении бои носили локальный характер, а линия фронта значительных изменений вплоть до декабря 1918 г. не претерпела.

Вопрос со взятием Орска затянулся до самого конца сентября 1918 г., а уже в начале октября в связи с крушением Поволжского фронта на севере образовался Бузулукский фронт, ставший главным для оренбуржцев. «Мы совершенно не имеем обмундирования и белья, и полки наши одеты отвратительно, и, тем не менее, вот уже три месяца мы деремся без всякой посторонней помощи. У нас не было ни чехословаков, ни добровольцев, ни солдат; все делается исключительно казачьими руками», – писал Дутов[862].

По возвращении из Омска Дутов получил письмо от руководителя Добровольческой армии Генерального штаба генерала от инфантерии М.В. Алексеева, написанное в Новочеркасске 19 (6) июля 1918 г. Мог ли Дутов еще полтора года назад удостоиться внимания крупнейшего военного деятеля России того времени?! Разумеется, нет. Теперь же оренбургский атаман являлся вполне самостоятельной фигурой на политической сцене антибольшевистской России, и именно этим было обусловлено обращение к нему Алексеева. Разумеется, получение этого письма способствовало значительному росту

самооценки Дутова.

Алексеев стремился скоординировать действия антибольшевистских сил юга и востока России, получить свежие оперативные сведения, а также выяснить политическую ориентацию Дутова. Кроме того, к этому периоду относился его замысел перенести борьбу с большевиками на Волгу с целью восстановления Восточного фронта. Алексеев писал Дутову:

«Милостивый Государь! Обстановка складывается таким образом, что нам в весьма близком будущем придется войти в непосредственное соприкосновение. Нам необходимо взаимно осведомить друг друга о наших целях, задачах и о занимаемом положении. Задачи, которые ставила себе Добровольческая Армия с первого момента ее возникновения и до сего времени, оставались неизменными, но некоторые обстоятельства заставляли нас действовать в узкой сфере местных интересов. В настоящее время общая конъюнктура настолько переменилась, что мы не только получаем возможность, но и приобретаем обязанность перейти к нашим коренным целям более широкого масштаба.

Добровольческая Армия начала свое формирование на Дону еще в ноябре <…> 1917 года. Не успев достаточно сформироваться, она должна была принять на себя борьбу с большевиками под Ростовом, а затем и под Таганрогом. После двух с лишним месяцев героической борьбы, вследствие инертности, а порой даже и враждебности Донского казачьего населения, зараженного еще на фронте большевизмом, Добровольческая Армия принуждена была покинуть пределы Дона. Обстоятельства, которыми сопровождался этот фазис борьбы с большевизмом здесь, Вам, наверное, известны: самоубийство Каледина, убийство выбранного вместо него атамана Назарова и утверждение большевистской власти через изменников-казаков. Добровольческая Армия далее совершила поход на Кубань, соединилась там с Кубанским Правительством и остатками его войск. Операции на Кубани не могли привести к желательному результату вследствие неподготовленности населения к вооруженной борьбе и вследствие отсутствия базы, которая могла бы питать Армию. Добровольческая Армия, слившись в одно целое с кубанскими частями, вернулась к пределам Дона и, пользуясь восстановлением здесь казачьей власти, приступила к исправлению недочетов своей организации, пополнению своих рядов, обмундированию, снаряжению и т. д. Пополнение это идет очень успешно по сие время по 2 направлениям: с одной стороны, прибывают Кубанцы, желающие принять участие в освобождении своего края от большевиков, с

другой стороны офицеры и солдаты из Украины и Крыма. Это последнее обстоятельство является чрезвычайно симптоматичным, ибо показывает, насколько в настоящий момент общей автономии и самостийности просыпаются истинно-государственные лозунги и стремление к единой России. Именно это, а никак не те местные задачи, которые мы сейчас осуществляем, и служит предметом моего настоящего письма.

Я считаю, что обстоятельства складываются так, что мы обязаны начать общую работу и отдать все силы созданию Единой России. Я не сомневаюсь, что новые автономные государственные соединения являются лишь временными, и если бы удалось сейчас воссоздать Родину в тех ее пределах и в том величии, в котором она была ранее, то во всяком случае обязанность всех государственномыслящих элементов заключаются (так в документе. – *А. Г.*) в том, чтобы приступить к собиранию русской земли и создать в этом отношении могущественное ядро, к которому несомненно очень быстро прирастут все теперь отпавшие части России. Высказывая такой взгляд, мне приходится, собственно говоря, лишь констатировать свое отношение к тому, что уже постепенно проникает в общее сознание. Но я полагаю, что борьба за единую Россию, перейдя из наших мыслей в действие, достигла уже того периода, когда отдельные частные предприятия должны быть объединены в мощное народное движение. Изменяющаяся психология народных масс, по-видимому, этому благоприятствует.

Местные задачи, осуществляемые сейчас Армией, разумеется, нисколько не могут удержать ее от ее основных стремлений, и, как только Армия достаточно пополнится и снарядится и вся операция будет подготовлена, Армия двинется на Царицын или вообще на север Донской Области в зависимости от стратегической обстановки. Это движение к Волге требует, помимо взаимного ознакомления с обстановкой и задачами, также и тесного единства операций между Добровольческой Армией и частями, действующими в тех районах, куда Армия предполагает выйти.

Казалось бы, что вопрос о целях Ваших сомнений не вызывает, но некоторые обстоятельства, действующие здесь, повели к тому, что правительства войск Донского, Астраханского, – в лице объявившегося в Новочеркасске князя Тундутова, и Кубанского уклонились от пути, который я считаю единственно законным и патриотическим. Здесь создается новой формации Юго-Восточный Союз, исходящий из германского руководства. Подчиняясь сложившимся неблагоприятным обстоятельствам, правительства указанных войск принуждены

осуществлять свою власть из-под германской руки, войти с германским правительством в тесные сношения и стать с Германией в тесные договорные отношения. Разумеется, оправданием здесь может служить фактическое занятие немецкими войсками Дона и части Кубани. Но я лишь подчеркиваю, что в настоящий момент ни Дон, ни Кубань, ни Астрахань об общегосударственных задачах не могут думать; наоборот, все свои усилия направляют к тому, чтобы спасти несколько месяцев тому назад приобретенный ими суверенитет.

Я полагаю, что так как у Вас нет этого все усложняющего присутствия немцев, то и задачи Ваши существуют в *более* чистом виде и вполне сходны с теми, которые имеет Добровольческая Армия, т. е.: безусловное свержение большевистской власти, восстановление Российской Армии и борьба, в единении с союзниками, с врагом, ныне поработившим отечество.

Вам, конечно, не менее, чем мне, известны намерения союзников создать восточный фронт, и движение чехословаков на Волге является, казалось бы, лишь подготовительной к этому операцией. Мне важно знать, существуют ли у Вас какие-либо договорные условия и обязательства с союзниками и чехословаками, а также в какой мере объединены боевые действия их и Ваши; весьма существенным является также вопрос об отношении Вашем к Правительству Сибирскому.

В настоящем письме я лишь вкратце указал на общие цели Армии и на ближайшие ее оперативные задачи; это письмо послужит основанием для наших с Вами сношений, которым я полагал бы, ввиду близости наших операций на Волге, необходимо придать спешный характер. С этой целью я высылаю в Саратов Полковника Генерального Штаба Лебедева, которому и вменяю в обязанность войти с Вами в тесные сношения и разработать вопрос о координации наших действий, если к тому не встретится препятствий принципиального характера. Примите уверения в моем совершенном почтении. Генерал от Инфантерии *Мих[аил] Алексеев*»[863].

Письмо Алексеева сохранилось в виде машинописного отпуска. В этом исключительной важности документе четко прописаны задачи, ставившиеся Алексеевым перед Генерального штаба полковником Д.А. Лебедевым, ставшим впоследствии на востоке России начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего и сыгравшим печальную роль в истории белого Восточного фронта. Лебедев, по замыслу Алексеева, должен был совместно с Дутовым, которого Алексеев, вероятно, считал одним из немногих представителей здравых политических сил востока России, разработать план совместных действий белых

армий востока и юга. К сожалению, надежды Алексеева как на сознание народа, так и на своего эмиссара оказались совершенно неоправданными.

Известно имя курьера, доставившего письмо Алексеева Дутову и ответ оренбургского атамана, – им был подполковник Мельников. В своем докладе начальнику военно-политического отдела Добровольческой армии он подробно изложил обстоятельства этой поездки. Мельников выехал из Новочеркасска в Воронеж 23 (10) июля в одежде солдата. Уже на следующий день он пересек нейтральную полосу, разделявшую оккупировавших в тот период Донскую область германцев и большевиков, а далее, проехав с некоторыми приключениями через Балашов и Пензу, перешел линию фронта и сумел добраться до Оренбурга. Столь рискованная миссия облегчалась тем, что, по свидетельству Мельникова, боевые действия в тот период велись лишь в полосе железной дороги, а в стороны от нее даже не высылались разъезды.

Дутов на момент прибытия Мельникова еще не вернулся из Омска, поэтому Мельников был принят его помощником Генерального штаба полковником И.Г. Акулининым, однако уже 5 августа возвратившийся из поездки атаман передал Мельникову свое ответное письмо к Алексееву. 6 августа Мельников выехал на юг России.

По мнению Мельникова: «…в Оренбурге, несмотря на присутствие войскового Атамана и правительства, твердой власти не чувствуется. Воинская дисциплина стоит ниже, чем [у] казаков Донской области. Большинство воинских чинов ходят без погон. Отдания чести не существует. В городе продаются социалистические газеты, которые находятся под покровительством Комитета Членов Учредительного Собрания, находящегося в Самаре. Цензура отменена Атаманом Дутовым по настоянию этого же комитета. Члены Учредительного Собрания приказали выпустить арестованного новоказачьим (так в документе. – *А. Г.*) правительством редактора социалистической газеты Фримана[864], не зная даже, за что последний арестован. В виде контролера во главе войск народной Армии стоит член Учредительного Собрания Фиктатуров (?. – *А. Г.*) (штатский с[оциалист-]р[еволюционер]). Нередко в газетах можно встретить его приказы «увольняю за грубое отношение к мобилизованным», «назначаю» и т. д. Оренбургские казаки мобилизованы от 18 до 55 лет. Шли охотно для защиты края от большевиков, хотя поля некому убирать. При мне был очищен последний город области от большевиков – Орск[865]. Сил Атамана Дутова не знаю – понял только, что значительно меньше 30 000. Атаман действует в

полном контакте с Вр[еменным] Сибирским Правительством. Последнее, судя по газетам, является твердой властью, допускающей военную диктатуру. Этим правительством Дутов произведен в генерал-майоры[866]. С организацией Сибирской Армии совершенно не знаком. Самарское правительство организует народную Армию… По моему мнению, годны для борьбы только с большевиками. Отрадное впечатление производит чешский корпус своей дисциплиной и серьезным отношением к работе… Части народной Армии относятся к наступлению очень спокойно; вообще их наступление носит характер игры детей в войну…»[867]

Ответное письмо Дутова Алексееву сохранило на себе следы провоза через линию фронта – судя по листам, оно было сложено в 16 раз и еще раз пополам. Сложенный таким способом документ, скорее всего, провозили внутри папиросы. Остается только отдать должное отважным курьерам, с риском для жизни осуществлявшим столь значимую работу. Дутов писал Алексееву: «Позиция Ваша, безусловно, позиция настоящего русского гражданина, и я, конечно, вполне разделяю ее. Намерения союзников мне известны. Никаких договорных условий и обязательств с союзниками и чехословаками я не заключал. Мы просто объединены одной идеей и вместе деремся. План наших действий примерно таков: очистить Поволжье, имея на правом фланге Астраханское казачье войско в районе Царицына и Саратова, войти в связь с Вашей армией; на севере: мы заняли Екатеринбург и будем продвигаться на Пермь и Вологду с целью соединиться с десантом англо-французским у Вологды. В Москве действует много организаций: эсеровская во главе с Савинковым, офицерские организации и монархические с видной аристократией. Две последние, безусловно, с Германской ориентацией. Надеяться можно на первую, и то не совсем. В других городах офицерские организации имеются, но они недостаточно сильны. Вообще, в настоящее время всему офицерству в целом доверять нельзя, ибо очень много, особенно в центральных губерниях, служило и служит в красной армии. С Украиной у меня отношения завязываются. **Просил бы Вас войти в связь с генералом** [СИ.] **Гавриловым** (подчеркнуто получателем письма. – *А. Г.*), находящимся в Одессе. Положение в Украине описывать не буду; оно Вам лучше известно. Желал бы знать все подробности политической жизни Дона, так как высшее командование, объединенное в руках генерала Краснова, очень сильно отзывается германизмом, и если на Дону германская ориентация преобладает, то, безусловно, нам это не с руки. Мне кажется, что этот германизм [–] есть лишь временное

последствие близости германских корпусов, но казачество в душе безусловно русское и при умелом ведении агитации и близости русского фронта очнется и пойдет с нами. В Астраханском казачьем войске германское течение уже сошло на нет. Самарский Комитет членов Учредительного Собрания весьма деятельно ведет организацию Народной Армии. Благодаря этой армии, мы имеем возможность двигаться на Казань и, таким образом, закрепить за собою весь главный район, где находятся пушечные, патронные и другие военные заводы. Войско Оренбургское, Уральское и Сибирское объединены одной мыслью бороться до конца. Сибирское Правительство состоит из очень честных и работоспособных министров. Средствами они обеспечены. Сибирская армия пока только добровольческая, но в середине августа будет призыв 19-го и 20-го годов (совершенно неслуживших), и это даст до двухсот тысяч. В настоящее время Сибирское Правительство ведет операции на Владивосток и Забайкалье, Сибирское же казачье войско вошло в связь с Семиречьем, которое вконец разорено и разграблено. Отряды Сибирских казаков двигаются к городу Верному. Оренбургское казачье войско дало полки и Сибирскому Правительству и Самарскому Комитету и, кроме того, ведет операции на Ташкент и очищает свою область от большевиков, засевших в заводских районах между Верхнеуральском, Златоустом и Уфой. На территории Оренбургского войска пока остался один город Орск, еще не очищенный от большевиков. Вот примерно все, что я могу Вам сообщить. Примите уверение в моем совершенном почтении. Атаман *А. Дутов*»[868].

Письмо было получено Алексеевым 24 августа 1918 г. за месяц до его смерти. К сожалению, их дальнейшая переписка неизвестна, но она совершенно точно была. Предположительно Алексеев успел ответить Дутову в конце августа – сентябре 1918 г. Оренбургский атаман свое следующее письмо Алексееву, по имеющимся косвенным данным, передал через генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова в октябре 1918 г.[869] Алексеев к этому времени уже умер (25 сентября 1918 г.), и далее переписка Дутова велась с его преемником А.И. Деникиным.

Опубликованное выше письмо Дутова Алексееву отражает его политические и военные взгляды в данный период, во всяком случае в том виде, в каком он хотел бы, чтобы их представляли на белом Юге. Конечно, он мог и прихвастнуть своими связями. Но все же оренбургский атаман, безусловно, имел сведения и из других антибольшевистских центров и подпольных организаций, правда являвшиеся в значительной степени устаревшими, а уровень информированности Дутова оставлял желать лучшего. В

частности, атаман писал о московских подпольных организациях, в том числе и об организации во главе с Б.В. Савинковым («Союз защиты Родины и Свободы»). Есть данные о том, что до конца мая 1918 г. Главный штаб «Союза защиты Родины и Свободы» установил связь с Дутовым[870], однако, реконструируя последовательность событий как деятельности Дутова, так и работы организации Савинкова и соотнося их между собой, нельзя не прийти к выводу, что организация Савинкова едва ли смогла наладить какое бы то ни было взаимодействие с Дутовым. Савинков после ликвидации поднятых его организацией восстаний в Москве и на Верхней Волге в июле 1918 г. бежал в Казань, где воевал в частях Генерального штаба полковника В.О. Каппеля[871]. об этом Дутов в начале августа 1918 г. еще не знал. Скорее всего, ассоциация высшей монархически настроенной аристократии с германофильством у Дутова свидетельствовала о его критическом отношении к монархической идее, а то, что он не считал возможным вполне полагаться на эсеров, говорит о его *более* правых взглядах. Таким образом, по политическим пристрастиям лета 1918 г. Дутова можно отнести к либеральному лагерю, а если говорить конкретнее, то в большей степени его взгляды соответствовали программе кадетской партии. При этом Дутов был типичным порождением 1917 г., в его поступках постоянно и отчетливо проявлялись такие качества, как демагогия и приспособленчество. Характерна приписываемая личным врачом Дутова Н.М. Рибо (Рябухиным) знаменитому даурскому барону генерал-майору Р.Ф. Унгерну фон Штернбергу презрительная реплика, относящаяся уже к 1920 г.: «Я не особенно доверяю Дутову и остальным из этой шайки. Все они кадеты и шли в одной упряжке с социалистами»[872].

Весьма доброжелательно оренбургский атаман отозвался о Комуче, что позволяет возложить вину за обострение конфликта прежде всего на представителей Самары. Деятели Комуча иначе смотрели на ситуацию. Один из них отмечал, что, «находясь в тылу и обеспеченные от прямых ударов большевиков, части оренбургского казачества предпочитали оставаться под тем или другим предлогом в тылу, и неоднократные попытки Комитета и командования Народной армии перебросить некоторые части оренбуржцев на помощь частям Народной армии оставались безрезультатными. Атаман Дутов, будучи членом Комитета, вел политику определенно Комитету враждебную, входя в непосредственные сношения с Сибирским правительством, часто во вред Комитету»[873]. При этом оренбуржцы в глазах представителей Комуча были контрреволюционерами и присылка казаков на Волгу в Самаре воспринималась крайне настороженно,

так что самарские политики в значительной степени сами виноваты в сложившейся ситуации. Не случайно Генштаба подполковник П.П. Петров отметил в своих мемуарах, что «боязнь Дутова как контрреволюционера, боязнь всякого нового влияния – очевидно господствовали (в Комуче. – *А. Г.*) над сознанием, что надо прежде всего думать об успехах на фронте»[874]. Такое же мнение получило распространение и на белом Юге[875].

Несколько позже Дутов на вопрос П.Н. Милюкова (по другим данным, эта фраза Дутова была воспроизведена А.Н. Гришиным-Алмазовым на Ясском совещании в конце 1918 г.) о его отношении к Добровольческой армии ответил: «Пусть приезжает Добровольческая] армия; я в ее распоряжении»[876]. Вообще политическая платформа Дутова в начале августа 1918 г. сводилась к следующему: любовь к России, неприятие партийной борьбы, автономия областей, строгая дисциплина, беспощадная борьба с врагами и твердая власть[877].

Между тем на восток России пробирались и другие эмиссары белого Юга. В частности, почти одновременно с подполковником Мельниковым там побывал Генерального штаба подполковник В.Д. Хартулари[878], составивший в сентябре 1918 г. в Москве (!) об этом подробный доклад, представленный вскоре командованию Добровольческой армии. Военно-политическому положению Оренбургского казачьего войска Хартулари посвятил один из разделов своего доклада:

«Находясь на границе Сибири и Европейской России и в сфере политического влияния, с одной стороны Сибири, – с другой Самары – Оренбургское войско оказалось политически разъединенным на две части. Северные отделы[879] – 2 и 3, экономически связанные с Сибирью, с начала переворота, отряхнув с себя глубоко засевший тут большевизм, – присоединились к Сибири, признали ее протекторат и отдали ей свою вооруженную силу. Слияние это прочно. Южный – первый отдел, в свое время выдвинувший ДУТОВА и скрывавший его во время господства Советской власти[880], – после переворота пошел опять за ним и разделил его судьбу. Дутов, с начала переворота, не будучи знаком с Сибирским правительством и вследствие географической близости, – потянул к Самаре. Самарское правительство приняло его с распростертыми объятиями, включило как члена учредительного собрания в свой состав, назначило своим главноуполномоченным для всей Оренбургской губернии и поднесло чин Генерал-Майора. Дутов имел неосторожность принять и назначение и чин, чем определилось его зависимое от Самары положение. Полки 1-го отдела вошли в состав народной армии.

Так как Дутов по облику совершенно не подходит к Самарскому правительству – вскоре не замедлило обозначиться расхождение. Стремясь объединить войско, которое его выбрало атаманом, Дутов убедился, что большинство не за Самару и, следовательно, не за него. Ознакомившись тем временем с физиономией Сибирского правительства, он, по-видимому, убедился, что поторопился принять Самарскую ориентацию.

В конце июля он предпринял поездку в Омск, что было и Сибирью и Самарой истолковано как знамение перемены политического курса. Действительно, вслед за возвращением его из поездки отношение его к Самаре изменилось до того, что в середине августа в Оренбурге одновременно был закрыт официоз Самарского правительства и предан полевому суду один из тамошних представителей Самарской власти[881], которая реагировала на это лишением Дутова звания главноуполномоченного правительством для Оренбургской губернии. Этот конфликт совпал со сбором в Оренбурге войскового круга, который отнесся к умалению прав своего выборного атамана весьма чутко. Исхода конфликта дождаться не пришлось, но можно предугадать, что вопрос кончится объединением в сторону Сибирской ориентации»[882].

Доклад Хартулари, как и доклад Мельникова, содержит множество неточностей, обусловленных слабым знанием их авторами реалий востока России. Как я уже отмечал, сама по себе поездка Дутова в Омск не являлась враждебным по отношению к Самаре шагом. Мнимая враждебность до определенного момента была в основном плодом фантазии деятелей Комуча. Даже по возвращении Дутова из Омска он хорошо отзывался о Комуче, однако самарские политики сознательно пошли на обострение отношений.

По мнению С.А. Щепихина, Дутов «и территориально (через Троицк – Челябинск) и духовно был всецело связан с Сибирью. Ясно, что разрыв (Самары. – *А. Г.*) с Омском заставил сильно призадуматься атамана, и он решил, невзирая на Комуч, связи с Сибирью не порывать. Такое решение Дутова подрывало авторитет Комуча. Так действовал «союзник» Дутов – сам член Комуча»[883]. 12 августа Дутов на фоне развивавшегося конфликта с Комучем пошел на беспрецедентный шаг – автономизацию территории войска, значительно укреплявшую его позиции как атамана. Войсковым правительством был издан указ № 568, который гласил:

«Вся территория Оренбургского казачьего войска принадлежит ему в силу исторических прав на занятые им земли. Права войска на занятую им территорию помимо фактических и

материальных оснований формально неоднократно признавались, подтверждались в разные времена актами существовавшей государственной власти, как, напр., положением в 1842 г.[884] и актом 1906 г.[885] Не подлежит никакому сомнению, что войсковая вся территория принадлежит войску на правах завоевания, а ни в каком случае не на правах пожалования или дара и что исходившие из государственной власти акты только утверждали истинные права войска на занятые им земли, а не служили источником этих прав. В силу этого права[,] Оренбургское казачье войско, как право завоевателя, распространяется на всю территорию без исключения в границах исторического владения. Принимая во внимание особенности казачьего быта, самоуправления и военной службы, становится совершенно ясным право самобытности войска. Окруженное со всех сторон не казачьим населением, различным по духу и историческим условиям, Оренбургское казачье войско во все тяжелые для государства дни всегда стояло на страже только общегосударственных интересов. Войсковое Правительство Оренбургского казачьего войска, основываясь на вышеизложенном и согласно постановлению всех Войсковых Кругов о конструкции Государства Российского в виде Федеративной Республики, полагает своевременно необходимым объявить территорию войска Оренбургского особой областью Государства Российского и впредь именовать ее «Область Войска Оренбургского». Подлинный подписали: Председатель Войскового Правительства, Войсковой Атаман, Генерал-Майор *Дутов*, Помощник Войскового Атамана Генерального Штаба, Полковник *Акулинин*. Члены Правительства *Рудаков, Шангин, Половников, Выдрин, Богданов, Пономарев* и Войсковой Секретарь *Иванов*»[886].

Автономизация войска формально была проявлением сепаратизма, однако сам Дутов был государственником и сепаратистом ни в коей мере не являлся, просто в тот момент в России не существовало достаточно авторитетной для казаков верховной государственной власти, а потому принятие указа от 12 августа было проявлением объективного стремления лидеров казачества оградить войско от внешних опасностей и непродуманных решений того или иного правительства (самарского или омского). Кроме того, автономизация делала Дутова более независимым от давления со стороны Комуча, позволяя на равных вести переговоры с представителями Самары. При этом атаман был сторонником расширения местного самоуправления и заявлял в 1919 г., что «организация власти должна идти с мест к центру, а не наоборот… Чтобы отдельные районы и области могли существовать, нужно предоставить им в

мудрых границах полную возможность проявлять инициативу. Снисходительно-покровительственное и одновременно с этим невнимательное отношение центра к окраинам должно быть раз навсегда оставлено. Окраины доказали теперь, что они носят в себе крепче, чем центр, чистое национальное начало. Не центр начал выручать русский народ от ига большевизма, а окраины, ранее забытые центром, идут выручать его и насаждать порядок»[887].

Небезынтересно, что в статье «Областные Правительства», опубликованной в Оренбурге в сентябре 1918 г., говорилось, что «автономия [–] значит самоуправление… автономия в той форме, какой она проявляется у нас теперь, наиболее всего способствует борьбе с большевизмом… единственно, что теперь затягивает эту борьбу, [–] это отсутствие в настоящее время Центрального Верховного Правительства… Все те, кто говорит о гибельности автономии, быть может, несознательно играют в руку большевикам. Они подрывают у населения авторитет власти, единственно пользующейся его доверием»[888].

На основе доклада Брушвита, видимо, уже 13 августа в Оренбург была отправлена телеграмма Самары о лишении Дутова всех полномочий Комуча. В Оренбург с правами чрезвычайного уполномоченного был направлен член Комуча В.В. Подвицкий, считавшийся правым эсером[889], с целью подчинить непокорный регион самарскому правительству. По имеющимся сведениям, Подвицкий по профессии был журналистом, происходил из Смоленска, в партии эсеров состоял с начала 1900-х гг.[890] К осени 1917 г. он являлся председателем смоленского губернского комитета партии эсеров и председателем губернской земской управы[891]. 21 августа Подвицкий был официально утвержден Комучем в должности чрезвычайного уполномоченного. «Эти действия Комитета, – писал Дутов, – носят явно оскорбительный, вызывающий характер, и, тем не менее, не приходится ставить остро вопроса, ибо как раз в это время большевики перешли в наступление, и опять потребовались патроны и снаряды. Вот в каких условиях приходится работать»[892].

Самара с опаской наблюдала за происходящим в Оренбурге. В августе в войсковую столицу был командирован И.Д. Ильинский, составивший по итогам командировки (12–25 августа) обстоятельный рапорт управляющему ведомством внутренних дел Комуча обо всем увиденном:

«Доношу, что, выехав 15 сего августа согласно Вашего предписания в г. Оренбург и исследовав положение на месте, я обнаружил следующее.

Управление Краем находится в состоянии крайне

неопределенном. Так называемый Комитет Уполномоченных от членов Вс[ероссийского] Учр[едительного] Собрания, долженствующий осуществлять высшую власть в крае, фактически таковою не пользуется, и ряд важнейших вопросов решается без его ведома, причем со стороны руководящих казачьих кругов явственно намечается стремление взять в свои руки реальную власть и силу, проводить узко казачью своекорыстную политику, подчас с реакционным оттенком. Если и неправильно широко распространенное представление о контрреволюционных планах атамана Дутова, то нижеследующий краткий перечень дает ясное понятие о тех разнообразных и широких прерогативах, которые ему принадлежат и при надобности могут быть использованы в каких угодно целях.

1. С должностью атамана Дутов соединяет должность Командующего войсками Оренбургского Военного Округа, каковая дает ему значительную независимость в военных делах от Комитета, предоставляет в его распоряжение значительные кредиты на содержание круга. И все это в то время, как Комитет никакого особого Оренбургского Военного Округа не учреждал.

2. Дутов сохранил за собою звание Главноуполномоченного по продовольствию, полученное им еще от правительства Керенского. Значение этого звания само собою понятно при настоящих условиях.

3. Самочинно учрежден Оренбургский Почтово-Телеграфный Округ с администрацией по назначению того же Дутова. Это обстоятельство обеспечивает ему возможность слишком широкого знакомства как с частной, так даже и с правительственной корреспонденцией, проходящей через почтово-телеграфные учреждения округа. Пользуюсь случаем довести до сведения Комитета, что посланная на имя Комитета телеграмма, содержавшая проект положения о Чрезвычайно-уполномоченном, составленный В.В. Подвицким и мною, была сообщена Дутову с **Самарского** телеграфа.

4. Учрежден без всякой надобности Оренбургский Округ Путей Сообщения и назначен личным распоряжением Дутова начальником Ташкентской ж. д. полковник Лазарев.

5. Продолжается засоряющее Каналы денежного обращения печатание местных денег, обеспечивающее местной власти почти абсолютную финансовую независимость от центра.

6. Политические преступления ведаются военно-полевым судом, протекающим вне общественного контроля и по своей юридической бесформенности легко способным стать орудием произвола военной власти.

Изложенному сопутствует широко практикуемый захват

Государственного, общественного и частного имущества, совершаемый без законных оснований постановлениями атамана и войскового Правительства. Так переведено в распоряжение войскового Правительства денег и припасов со счета Губернской продовольственной Управы всего на сумму около пяти с половиной миллионов рублей, «принята в ведение» войска бывшая социалистическая сахарная фабрика и консервная фабрика Тургайского Военно-Промышленного Комитета. Занят без прямой надобности под казачьи учреждения ряд частных и правительственных зданий, между прочим Караван-Сарай, где помещались все губернские учреждения; наконец, объявлены собственностью войска казенные соляные копи в Илецкой защите.

Вследствие вынужденно скорого отъезда из Оренбурга я не успел в достаточной мере обследовать военное положение. Тем не менее, в общих чертах можно сказать, что сформированные казачьи части в большинстве случаев сражаются плохо. Актюбинский фронт удерживается почти исключительно офицерским батальоном. Формирование Народной армии из демократических слоев населения производится с непонятной вялостью или, лучше сказать, не производится вовсе.

Ввиду всего изложенного полагал бы необходимым проведение нижеследующих мер:

1. Немедленное упразднение военно-полевого суда и передача всех находящихся в нем дел на рассмотрение военно-окружного суда, каковой может быть сформирован в Оренбурге.

2. Прекращение печатания местных денежных знаков и энергические мероприятия по изъятию их из обращения.

3. Немедленный приступ к доформированию на месте кадров Народной армии, для чего надлежит послать деятельного и опытного штаб-офицера с подчинением его непосредственно военному ведомству и открыть в городе и крае усиленную агитационную кампанию.

4. Упразднение искусственно созданных в Оренбурге разного рода округов. Упразднение это должно быть произведено не ранее, однако, сношения местного уполномоченного с войсковым правительством.

Вместе с тем считаю долгом указать, что слишком резкая и крутая политика по отношению к Дутову представлялась бы неправильной. Уже потому, что и без того недовольство им со стороны широких и влиятельных кругов казачества идет… (слово написано неразборчиво. – *А. Г.*) к реконструкции и перевыборам Войскового Правительства на ближайшем большом кругу (15 сентября). Обострение отношений до тех пор могло бы повлечь нежелательные осложнения и открыть простор для игры на

самолюбии казачьих низов. Принимая далее во внимание постоянные указания со стороны Оренбургского Войскового правительства на привилегированное положение Уральского Войска, а также тяжелое положение иногороднего населения Уральской области, полагал бы весьма желательным назначение в Уральск особо-уполномоченного на правах посла при местном войсковом правительстве»[893].

В Самаре, судя по всему, очень боялись усиления Дутова, не желая его видеть ни сильным, ни независимым, стремясь контролировать каждый его шаг.

13 августа В.В. Подвицкий созвал в Оренбурге совещание формально для урегулирования отношений между различными государственными образованиями, самоуправлением и народностями, а на самом деле для решения вопроса о полномочиях Дутова. На совещании присутствовал Дутов (от Войскового правительства Оренбургского казачьего войска), П.В. Богданович (от Оренбургского комитета уполномоченных Комуча), Тухватуллин (особоуполномоченный Комуча), А.-З. Валидов (от Башкурдистана), Лаванов (представитель Тургайской области), Испулов (представитель киргизов) и представители местного самоуправления и земства. Именно Богданович занял должность уполномоченного Комуча после Дутова, однако сразу после назначения Богдановича деятели Комуча сочли его непригодным для административной работы[894]. Такой человек, судя по всему, был выгоден Дутову, поскольку, не имея реальной власти, создавал видимость подчинения Комучу. Не позднее 31 августа Богданович был лишен звания уполномоченного Комуча.

Дутов стойко держал удар. Он отметил, что войско является самостоятельной единицей, не связанной с земством, и все делает на свои средства. Население Оренбурга, кроме интеллигенции, составляет темную массу, в связи с чем передать власть городскому самоуправлению не представляется возможным. Выборное начало во власти неприемлемо, допустимы лишь выборы на руководящие посты[895].

В ходе совещания Дутов пытался отстоять самостоятельность войска, и это ему удалось, хотя и пришлось пойти на некоторые уступки представителям Самары. Постановлено было образовать особую коллегию при Подвицком в составе представителей всех самоуправляющихся единиц и местных депутатов Учредительного собрания. Были освобождены арестованные ранее социалисты, в том числе редактор меньшевистской газеты «Рабочее утро» Я.М. Фридман, приостановлено судебное расследование деятельности губернского уполномоченного Комуча по Оренбургской губернии П.П. Гусева, отменены приказы по войску № 2 и 21,

регламентировавшие применение смертной казни. Военно-судебные учреждения Оренбургского военного округа отныне должны были руководствоваться приказом по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области № 31.

Даже без этих уступок режим, установленный Дутовым на Южном Урале, был относительно мягким и терпимым к различным политическим течениям, вплоть до меньшевистского. Очевидно, Дутов для укрепления своего положения стремился заручиться поддержкой как можно более широкого спектра политических сил. Председателем Оренбургской городской думы с начала июля 1917 г. и позднее при Дутове был правый эсер В.Ф. Барановский (до этого в июне – начале июля 1917 г. он являлся товарищем комиссара Временного правительства по Оренбургской губернии) – присяжный поверенный, попавший в годы первой русской революции в тюрьму за призывы к вооруженному восстанию[896]. После того как белым пришлось в январе 1918 г. оставить Оренбург, городская дума не функционировала, но уже в начале июля была воссоздана с прежним руководством. Более того, в августе 1918 г. в связи с массовой неявкой на выборы офицеров, казаков и интеллигенции, а также с повышенной избирательной активностью рабочих победу на выборах в Оренбургскую городскую думу одержали меньшевики (кроме того, 12 мест из 101 получили кадеты), и новым городским головой с октября также стал меньшевик Ф.А. Семенов (Булкин). Впрочем, несмотря на принадлежность к партии меньшевиков, он поддерживал Дутова[897]. Говоря о своем политическом курсе, Дутов в одном из выступлений заявил: «Нас называют реакционерами. Я не знаю, кто мы: революционеры или контрреволюционеры, куда мы идем – влево или вправо. Одно знаю, что мы идем честным путем к спасению Родины»[898].

В записке «Первоочередная задача власти», с которой был знаком Дутов, неизвестный автор писал о кризисе власти: «Действительно, если власть исключительно Войсковому Правительству – это значит «военная диктатура» с ее быстрыми, единоличными, почти никогда не поправимыми в случае ошибок решениями; если Комитету Уполномоченных – это, за отсутствием реальной силы… всегда слова… Где же выход между этими крайностями, этой своего рода Сциллою и Харибдою? Он напрашивается… должна быть найдена середина…»[899] Однако Дутов не считал выходом из ситуации создание предложенного анонимным автором коллективного органа.

В докладе «Условия политического момента» его автор есаул В.Н. Литвинов сообщал Дутову: «Оренбургское правительство [–]

одно из наиболее слабых из числа правительств, освободившихся от власти большевиков, так как территория Оренбургского Края еще не освобождена от большевиков, на территории нет заводов, изготовляющих оружие и огнестрельные припасы, несомненно, одно Оренбургское казачество с большевиками бороться не может, слабо оно для этого и духом, и единением и МОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ ТОЛЬКО ПРИ ПОМОЩИ СОСЕДНИХ ОСВОБОДИВШИХСЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ, в особенности тех, которые заручились помощью чехословаков. Вышеизложенные условия политической обстановки требуют от Оренбургской власти в настоящий момент *особо* осторожного и мудрого поведения. Нужно поставить первым условием политики – СОХРАНЕНИЕ ДОБРЫХ СОЮЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ С СОСЕДНИМИ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ И СОВМЕСТНУЮ БОРЬБУ С БОЛЬШЕВИЗМОМ. Разрешение вопросов спорных необходимо откладывать ДО РАЗРЕШЕНИЯ ИХ НАДЛЕЖАЩИМ ОБРАЗОМ В УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ. Неотложные дела должны быть решены путем взаимных уступок, причем по возможности В ВИДЕ ВРЕМЕННОЙ МЕРЫ до решения их УЧРЕДИТЕЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ. Необходимо продержаться в настоящем положении месяца два, а там политическая обстановка определится и реальная политика выступит на свою дорогу»[900].

Не исключено, что Дутов в своих дальнейших действиях руководствовался именно этими рекомендациями, пойдя на примирение с Комучем, от которого во многих вопросах оставался зависимым.

В начале августа Дутов направил А.Н. Гришину-Алмазову пять шифрованных телеграмм о военном и политическом положении. «Вполне уверен, – писал он 18 августа, – что эти телеграммы **дальше Уфы не попали** (подчеркнуто, вероятно, самим А.Н. Гришиным-Алмазовым. – *А. Г.*), вообще, вся моя корреспонденция подвергается или цензуре или же утаивается»[901]. Видимо, именно из-за совершенно возмутительного перехвата телеграмм представителями Комуча, пытавшимися осуществлять тотальный контроль над Дутовым, не состоялась его встреча в Челябинске 6 августа 1918 г. с Гришиным-Алмазовым, причем последний на встречу приехал, а Дутов не имел о ней никаких сведений, а кроме того, получил заверения Самары, что челябинское совещание не состоится.

«Количество моих врагов опять увеличивается, – отмечал далее оренбургский атаман, – и очень трудно работать в настоящий момент. После Омска я был вызван в Самару, и мне были там в Комитете предъявлены запросы: на каком основании я без разрешения Комитета ездил в Сибирь и кто меня

уполномочивал вести там переговоры. На это я дал настолько исчерпывающие и вполне отвечающие достоинству Войскового Атамана ответы (так в документе. – *А. Г.*). Затем мне было задано несколько других мелких вопросов, каковые я просто оставил без ответа. Вообще **Комитет был явно враждебно ко мне настроен** (подчеркнуто, вероятно, самим А.Н. Гришиным-Алмазовым. – *А. Г.*), тем не менее, порвать окончательно с Самарой не представлялось возможным, во-первых, потому, что Войсковое Правительство было против этого, а во-вторых, развитие боевых операций на фронте требовало самого срочного пополнения снарядами и патронами, а их можно было получить только в Самаре. Оторванность от Вас и неимение железнодорожного пути к Вам заставляет Войсковое Правительство так или иначе вести соглашательскую политику с Самарским Комитетом. На этом же заседании мною было заявлено, что в своих действиях, как Войскового Атамана Оренбургского Войска, я даю отчет только Кругу и Комитет для меня безразличен. В то же время я высказал удивление, что за мною Комитет командировал в Омск Члена своего Брушвита, каковой, очевидно, предназначался наблюдать за мною. Комитет это предположение отвергнул и сказал, что поездка Брушвита совершенно самостоятельна и никакой связи с моим пребыванием в Омске не имеет… Казачьи массы, которые я знаю, определенно идут за мной. В Оренбурге все сознательные граждане согласны с моей политикой и, конечно, ориентируются на Сибирь. Только рабочий класс и к ним примыкающие ведут кампанию против меня, но это неизбежно, ибо этому классу никакая власть не будет приятна…»[902]

18 августа к Дутову прибыл с особой миссией полковник Сибирской армии М.И. Замятин. Перед Замятиным стояло несколько задач: во-первых, склонить Дутова и оренбургское Войсковое правительство отказаться от поддержки Комуча по вопросу о созыве Государственного совещания в Самаре; во-вторых, выяснить политическую ориентацию оренбургского правительства и, в-третьих, выяснить, как настроено оренбургское правительство по отношению к Временному Сибирскому правительству. Миссия оказалась довольно несложной – в Оренбурге уже давно были недовольны деятельностью самарского правительства и не преминули всячески обласкать посланца Сибири, который к тому же, судя по всему, был оренбургским казаком – то есть своим. Оренбургское правительство единогласно высказалось за созыв Государственного совещания в Челябинске, заявило о полной поддержке Временного Сибирского правительства, отношение к Комучу было ироническим. Отчет полковника Замятина от 22 августа 1918 г. проливает свет на

историю конфликта Дутова с Комучем.

Замятин писал: «При встрече в Самаре с членами Оренб[ургского] Правительства я узнаю, что между комитетом Учредительного] собр[ания] и Атаманом] Дутовым крупное недоразумение, с которым ознакомился отчасти… В г. Оренбурге в открытом заседании войскового Прави[тельст]ва я подробно информировал деятельность Вр[еменного] Сиб[ирского] Пр[авительст]ва, и мой доклад повлиял на всех членов самым благоприятным образом. Считаю, что симпатии у Оренбургского Правительства к Врем[енному] Сиб[ирскому] Правительству завоеваны вполне. Здесь же я был ознакомлен с причинами недоразумения между Комитетом Учредительного Собрания и Атаманом Дутовым.

Член Учр[едительного] Собрания Брушвит обвинил Атамана в том, что Дутов в беседе с членами Сибирс[кого] Вр[еменного] П[равительст]ва отзывался определенно нелестно о членах комитета. (Прилагаю документы.)[903] Все же пункты обвинения Атамана членом Брушвитом были источником, полученным им от двух Членов Врем[енного] Сиб[ирского] П[равительст]ва, как заявил Г-н Брушвит. Хотя меня и удивило, что члены Вр[еменного] Сиб[ирского] П[равительст]ва, по заявлению Брушвита, передали ему то, что, по моему глубокому убеждению, должно составлять тайну, но я поборол неприятное чувство и выступил с самым решительным протестом, что Члены Вр[еменного] Сиб[ирского] П[равительст]ва не позволят себе ссорить отдельные группы правительства, – наоборот Вр[еменное] Сиб[ирское] П[равительст]во занято вопросом объединения на одной общей платформе всех Правительств и уже потом без трений создать Центральную Всероссийскую Власть. Здесь я выразил предположение, что Г-н Брушвит получил подобные сведения из других каких-либо источников. Мой пространный доклад не встретил ни малейшего возражения. Атаман Дутов по поводу обвинения его и лишения прав уполномоченного настроен иронически и нисколько не сожалеет, что **лишен полномочий** от Ком[ите]та Учред[ительного] Собрания. По мнению Атамана и Правительства, с Комитетом необходимо поддерживать связь, ввиду зависимости от Самары в смысле получения оттуда денежных знаков и боевых запасов. Что же касается Совета снабжения, то он себя еще ничем не заявил перед Оренбургом. Положение Оренбурга серьезно со стороны Орска и Актюбинска. Войско в данный момент разъединено на две части. По мнению Правительства и Атамана, объединение возможно только с падением Орска и тогда можно говорить о том, что судьба войска независима от Комитета Учред[ительного] Собрания. В данный

момент, находясь с Комитетом в связи, войско, т. е. 1-й округ, находится фактически на положении нейтральном»[904].

Если верно то, что члены Временного Сибирского правительства выдали И.М. Брушвиту все, что им изложил Дутов, то можно сделать вывод о приоритете для этих лиц их партийной принадлежности над интересами той государственности, которую они же сами представляли. Если эти сведения верны, то с большой долей вероятности можно предположить, что Дутова «сдал» кто-то из эсеров – Б.М. Шатилов, В.М. Крутовский или Г.Б. Патушинский. Между тем заседание Совета министров было секретным, и Брушвит не мог знать содержания бесед, однако уверял, что имеет сведения от двух омских министров. Сам Дутов был склонен считать заявление Брушвита инсинуацией. Однако сведения об этом докладе он получил лишь 18 августа и возбудил дело по этому вопросу. Зависимость от Самары в отношении боеприпасов и продовольствия не позволяла Дутову полностью разорвать отношения с Комучем. Чтобы окончательно разрешить конфликт, Дутов ждал открытия 15 сентября 1918 г. 3-го чрезвычайного Войскового Круга (Круг открылся на три дня позже – 18 сентября).

Видимо, вместе с Замятиным Дутов отправил письмо Гришину-Алмазову, отрывки из которого цитировались выше. В конце письма оренбургский атаман отметил: «Полковник Замятин мне передал, что в Сибирских газетах упоминается мое имя в связи с Комитетом, когда критикуется Сибирское Правительство, и будто бы Комитет, осуждая действия Сибирского Правительства, всегда подчеркивал, – так же смотрит и Атаман Дутов. Подобные приемы мне знакомы еще в правительстве Керенского, и я полагаю, что Вы, Алексей Николаевич, сами разберетесь в газетных статьях и отличите правду от лжи. Мне, вот уже четыре года беспрерывно находящемуся в боях[905] и многократно видевшему смерть, особенно приходится дорожить своим словом и своим добрым именем. Мы и с Вами всегда поймем друг друга, а общая задача спасти Россию даст нам веру друг в друга. Желаю Вам всего наилучшего, успеха в Вашей деятельности. Глубокоуважающий Вас *А. Дутов*»[906].

В ответном письме Гришин-Алмазов писал Дутову: «С глубоким удовлетворением прочел я Ваше письмо, которое должно окончательно рассеять происшедшие недоразумения и устранить их возможность в будущем. Вы указываете на трудности в Вашей работе, на затруднения, чинимые Вам Вашими врагами, но это общая участь тех, которые твердо идут к намеченной ими высокой цели создания Великой России, в то время как другие не хотят и не могут отрешиться от своих мелких

личных и партийных интересов и ставят всякие препятствия в деле первых. Вы, я думаю, понимаете, что Ваши враги – это наши общие враги и в то же время враги нашей великой цели спасения России, но эта-то цель, эта задача должна дать нам силы для нашей работы и веру в ее удачное завершение. Касаясь частностей Вашего письма, я считаю своим долгом заверить Вас, что все сообщения г. Брушвита являются вымыслом и те методы, к которым прибегают эти господа, еще раз подчеркивают их слабость и фактическую и моральную. Однако, как Вам самим очевидно, в настоящее время на первом плане стоит вопрос борьбы с большевизмом и германизмом и было бы нежелательным и даже опасным рвать с элементами, которые могут оказаться так или иначе полезными для выполнения этой задачи. Относительно же лишения Комитетом Вас Ваших полномочий, теперь с образованием независимого Правительства Области Войска Оренбургского, такие выпады теряют всякое, не только практическое, но и формальное значение. Я надеюсь, что уфимское совещание, в котором Вы примете участие, сумеет создать единую твердую всероссийскую власть из лиц, сумеющих объединить все патриотически и государственно настроенные элементы, и устранить всех тех, которые и в будущем осмелятся мешать общему делу, – власть, которую Вы и я будем единодушно поддерживать. Что касается офицерства, то я полагаю, что, несмотря на некоторые прискорбные исключения, в общей массе оно могло бы служить реальной поддержкой нашим планам, т. к. оно не раз за пережитое время показывало готовность служить России не за страх, а за совесть, стоя вне партий и классов, проливая свою кровь и жертвуя своей жизнью. Кончая свое письмо, я еще раз хочу выразить уверенность в том, что установившаяся между нами непосредственная связь, общность наших идей и интересов будут не только залогом устранения всяких недоразумений, но и гарантией успеха. Искренно желаю Вам удачи в Ваших предполагаемых военных действиях»[907]. Таким образом, Гришин-Алмазов всецело поддержал Дутова.

Еще 13 августа в Самару из Оренбурга была направлена представительная делегация в составе помощника Дутова Генштаба полковника И.Г. Акулинина, членов Войскового правительства Г.Г. Богданова, В.Г. Рудакова, а также войскового старшины Н.С. Анисимова и делегата Круга объединенных станиц И.В. Никитина. В Самаре делегация посетила французского консула Жано (обрусевший француз, прежде занимавшийся в Самаре спекуляцией[908]), безответственно (как и другие союзнические представители) заверившего казаков в сочувствии и полной поддержке со стороны союзников. Акулинин и Генштаба

полковник А.Н. Вагин встречались в Самаре с управляющим военным ведомством Комуча Генштаба полковником Н.А. Галкиным. В ходе встречи войску были выделены ранее испрошенные кредиты.

17 августа в Самаре проходили переговоры Акулинина и председателя Комуча В.К. Вольского, в ходе которых сторонам удалось достичь взаимопонимания. Накануне Комуч в делегацию для переговоров с казаками включил также В.М. Зензинова, И.М. Брушвита, Е.Ф. Роговского, П.Д. Климушкина и И.П. Нестерова. Вольский даже согласился восстановить Дутова в правах главноуполномоченного, однако лишь тогда, когда Дутов реабилитирует себя перед Комучем[909]. Оставалось только гадать, что имели в виду самарские политики, ставя такое, по сути, унизительное для атамана условие?! Дутов заявил протест против подобной постановки вопроса[910]. В преддверии Государственного совещания деятели Комуча не стали обострять этот конфликт, вероятно рассчитывая на поддержку со стороны Дутова. На 20 августа в Челябинске было намечено обсуждение вопросов относительно состава Государственного совещания и конструкции центральной власти.

18 августа Акулинин доложил обо всем услышанном в Самаре Кругу объединенных станиц Оренбургского казачьего войска, который выработал наказ участникам Государственного совещания, а 20 августа и специальное постановление в поддержку Дутова в этом конфликте. Казаки в специально подготовленном Наказе заявили:

«Обсудив создавшееся положение с лишением полномочий нашего Войскового Атамана, Генерала Дутова и выслушав заявления делегатов, вернувшихся из Самары, Круг постановил:

§ 1. Делегировать в Комитет Членов Всероссийского Учредительного Собрания в город Самару Председателя Круга И.Г. Маркова и члена Круга Прокопова.

§ 2. Делегатам поручить передать Комитету, что в лишении полномочий Войскового Атамана Круг усматривает недоверие к[о] всему казачеству и несогласие вернуть обратно положения Кругом понимается как нежелание считаться с мнением демократического казачества.

§ 3. Войсковой Атаман Генерал Дутов является нашим народным избранником, и мы все ему верим и многократно это доверие выражали и устно, и в печати.

§ 4. В ныне переживаемое тяжелое время казачество в лице своего Круга особенно дорожит Войсковым Атаманом, сумевшим взять надлежащий курс политики и установившим порядок в Крае.

§ 5. Командированный Комитетом Чрезвычайный Уполномоченный Г-н Подвицкий явно не желает считаться с нами, выборными людьми, т. к. ни разу у нас не был и нас ни о чем не спросил, в то время как имел беседы с партиями, классами и др[угими] лицами.

§ 6. Круг полагает, что в Крае должна быть власть у народного избранника, выбранного тем же краем, родившегося в Крае и знающего все местные условия, прибывшие же со стороны не всегда сумеют разобраться в обстановке.

§ 7. В Оренбурге и его окрестностях власть большевиков свергнута одними казаками, без участия чехословаков и Народной армии и др[угих] организаций, и ныне подступ к гор[оду] Самаре защищается теми же казаками. Казалось бы справедливым относиться к Оренбургскому казачеству с вниманием и не игнорировать его желаний.

§ 8. В докладе Господина Брушвита Круг видит явную недоброжелательность к нашему Атаману и прилагаемое при сем письмо Атамана даст исчерпывающий ответ[911].

Комитет Членов Учредительного Собрания не запросил обе стороны и только принял во внимание доклад Брушвита.

§ 9. Круг ожидает от Комитета Членов Учредительного Собрания доверия к войску, исполнения просьб его избранников и заявляет, что лишение полномочия Войскового Атамана может повлечь гибельные последствия, за таковые Круг не отвечает и возлагает их на Комитет Членов Всероссийского Учредительного Собрания»[912].

Как писал управляющий ведомством внутренних дел Комуча, видный деятель эсеровской партии П.Д. Климушкин, «между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению»[913]. Эта фраза вполне может быть отнесена и к взаимоотношениям между Комучем и Дутовым. К тому же видный деятель Комуча В.И. Лебедев с гордостью заявлял: «Мы не белые»[914]. Едва ли подобные заявления нравились Дутову.

По итогам поездки войсковых представителей в Самару Дутов 19 августа пишет на имя Комуча письмо (№ 594):

> «Вернувшиеся из Самары Члены Войскового Правительства Полковник Акулинин, Войсковой Старшина Рудаков, Войсковой Старшина Анисимов и Член Учредительного Собрания Богданов доложили Правительству протокол совместного совещания представителей Оренбургского Войскового

Правительства и делегации Комитета Членов Учредительного Собрания от 17 августа 1918 года и выписку из протокола заседания Комитета Членов Учредительного Собрания от 9 августа того же года, где вполне определенно сделаны заявления Членом Комитета И.М. Брушвитом о действиях моих в Сибири и переговорах с Сибирским Правительством. Ввиду того, что в этом заявлении есть много не соответствующего истине, а также бросающего тень на мою политическую деятельность, я, как Член Всероссийского Учредительного Собрания, считаю долгом заявить Комитету свой протест против подобных выпадов своего коллеги и осветить вопрос всесторонне. Будучи в Челябинске, я получил телеграмму от Комитета с вызовом меня в Самару. Я немедленно выехал и в Самаре в присутствии всех членов Комитета сделал доклад о своей поездке, и на все вопросы, мне предложенные, я ответил. Комитет вполне удовлетворился моими объяснениями, и доклад мой был принят к сведению, и никаких нареканий со стороны Комитета ко мне не было. Я полагал, что Комитет вполне удовлетворен моими разъяснениями и больше к этому вопросу не придется возвращаться. Между тем доклад Брушвита повлиял на Членов Комитета, и Комитет, не спрашивая меня, отнесся явно враждебно ко мне и счел для себя возможным лишить меня своих полномочий. Буду последовательно возражать по докладу Брушвита. Совершенно правильно, что я сделал ряд заявлений Сибирскому Правительству. Сущность этих заявлений сводилась к тому, чтобы второй и третий округа Оренбургского Войска, отошедшие, в силу создавшегося положения, в ведение Сибирского Правительства, были бы возвращены в распоряжение только Войскового Правительства Оренбургского Войска. По этому пункту достигнуто было полное соглашение. В то же время мне было крайне необходимо согласовать действия с Сибирским Казачьим Войском. Почему было отказано в приеме господину Брушвиту, мне неизвестно, да я этим и не интересовался. Меня поразило только одно, что вагон г-на Брушвита поместился параллельно моему вагону и что г-н Брушвит, выехав из Самары один, в Уфе потребовал себе военный конвой, очевидно считая себя в какой-то опасности. Но это к делу не относится. Я чрезвычайно признателен, что г-н Брушвит, во время

моего пребывания в Омске, взял на себя обязанности ментора и дал благоприятную оценку моего поведения: «Атаман вел себя довольно скромно». Полагаю, что я вышел уже давно из детского возраста и в баллах за поведение не нуждаюсь. Брушвит заявляет, что в Самаре нет ничего серьезного. Это не соответствует действительности. В Самаре чересчур серьезно, и эта серьезность отражается на течении народной жизни. Да, я говорил, что в Самарском Комитете преобладает С.-ровская программа и что руководители различными отраслями хозяйства являются партийными работниками. Этого личного мнения отнять у меня никто не может. Про войско я не говорил, что оно возглавлено совдепами, а сказал вообще, что в Самаре совдепы будут, и я был прав – в настоящее время в Самаре уже работает Совет рабочих депутатов. Я считал ненормальным, что во главе армии стоит Штаб Народной Армии. Это мнение разделял и полковник Галкин, и доказательством правильности моего взгляда служит преобразование управления Народной Армией в виде Военного Ведомства и создания должностей Командующих фронтами и Начальников Округов. В Сибирском Военном Штабе этого не было, и я, сравнивая оба высших военных учреждения, как строевой офицер и как офицер Генерального Штаба, безусловно, был на стороне Сибирского Штаба. Относительно ходатайства о включении Оренбургского Войска в Сибирскую республику сообщаю, что подобного акта я сделать не мог, ибо не имел на это полномочий, и это дело Войскового Круга. Выше мною указано, что я, наоборот, изъял из Сибирского Правительства 2/3 войска, но никак не вошел в Сибирскую республику. Об Учредительном Собрании, как член его, я не мог говорить того, что сказано в докладе Брушвита. Вопросов о том, зачем я вошел в Комитет, никто из Членов Сибирского Правительства мне не задавал, и поэтому о возвеличении или унижении Самарского Комитета, связанного с моим именем, не могло быть и речи. Манией величия я никогда не страдал и пока нахожусь еще в здравом уме. Смешно слышать от Члена Учредительного Собрания, что авторитет такого высокого Государственного учреждения может зависеть от личностей. Об Учредительном Собрании я говорил то же, что говорил и в Самаре, т. е. благодаря исключению

из Учредительного Собрания левых с.-р., большевиков и убитых во время революции состав Учредительного Собрания будет далек от кворума, и что необходимо или дополнить Собрание или произвести новые выборы, а в том виде, в каком оно есть, оно всегда будет давать повод к различного рода нареканиям. Относительно того, соберется ли Учредительное Собрание, или не соберется, я ничего и сейчас положительного сказать не сумею, но что оно должно собраться – это доказывается всеми моими речами и выступлениями, начиная с Мая 1917 года и кончая тем, что я, с оружием в руках, с Октября месяца сражался за созыв Учредительного Собрания. Я своих убеждений не менял и не меняю, каковы бы обстоятельства ни были. Далее, г-н Брушвит заявляет, что мой доклад был встречен неблагоприятно Сибирским Правительством. Я не интересовался, какое впечатление произведет мой доклад. Я лишь выполнил возложенное на меня Войсковым Правительством поручение, но все же таки я заметил чрезвычайно внимательное и серьезное ко мне отношение, и то обстоятельство, что беседа моя должна была быть только с Советом Министров, между тем на мой доклад пожаловали все Управляющие Министерствами, заставляет думать противное. Конфиденциальных бесед с генералом Гришиным-Алмазовым я не вел, а просто с ним установил общий план военных действий в Туркестане. Конечно, этот разговор не мог происходить на улице. С генералом Гришиным беседовал и о мобилизации. Как я вошел в состав Комитета с разрешения Войскового Правительства, так и уйти из него могу только с того же разрешения. Выделять какую-то активную часть казачества в Самару для ликвидации Комитета я не мог, ибо к свержению существующего строя я не причастен и в бунтовщиках никогда не состоял. Второй Оренбургский Казачий полк, находящийся в Самаре, предназначен был как для несения службы охраны Учредительного Собрания, так и для усиления Народной Армии. Полк этот был мобилизован в два дня и послан в Самару без оружия. Полк этот не имел даже правильной организации. Всякому, желающему путем оружия захватить власть, станет ясно, что для захвата власти посылают твердую сорганизованную боевую часть, снабженную всеми техническими средствами борьбы, а не безоружный,

экстренно созванный полк. Мнение это совершенно разбивается тем, что я сам же хлопотал о том, чтобы полк вывели из Самары на фронт, дабы не подвергать казаков дурному влиянию большого города. Г-н Брушвит указывает, что все заявления мои, сделанные Сибирскому Правительству, были ему сообщены двумя Министрами этого Правительства. Г-н Брушвит, однако, отказывается назвать фамилии этих Министров. Я полагаю, что когда делается заявление в официальном учреждении с целью подорвать доверие к одному из членов этого учреждения, то является странным сокрытие имен лиц, заявление которых опорочивает[915] кого бы то ни было. В Комитете мне твердо было заявлено, что г-н Брушвит поехал в Омск по делам Комитета и наблюдение за мной и моими словами ему не поручалось. Судя же по запротоколенным (так в документе. – *А. Г.*) заявлениям Брушвита, выходит, что он являлся негласным агентом Комитета, хотя, быть может, и взявши эту роль добровольно. Все вышеизложенное я счел долгом поставить в известность всем членам Комитета и ожидаю ответа на мое заявление.

Член Всероссийского Учредительного Собрания, Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего Войска и Председатель Войскового Правительства того же войска.

Генерал-Майор Дутов»[916].

Дутов ответил жестко, но справедливо, ведь, действительно, миссия Брушвита была похожа на соглядатайство. Конечно, атаман слукавил, что не говорил о несерьезности самарского правительства, но для самооправдания были хороши все средства, в том числе и ложь. Таким образом, в конфликте Самары и Оренбурга была и доля вины атамана, своими действиями спровоцировавшего (едва ли преднамеренно) резкую реакцию Самары.

24 августа 1918 г. в здании биржи состоялась лекция Дутова на тему «Текущий политический момент в связи с Гражданской войной и положение на фронтах в настоящее время». Зал был переполнен. Атаман кратко изложил историю большевистского движения. По его мнению, «когда само население столкнулось с ужасами расстрелов, грабежей и насилий, производимых советскими отрядами, теория «непротивления злу» отпала, и

народ сам начал борьбу с большевиками»[917]. Дутов считал, что «вся наша разруха – германское дело. И теперь немцы видят и чувствуют, что загубленная было ими наша страна воскресла. Этой живой водой, воскресившей Родину, был патриотизм»[918].

В своей речи атаман осветил ход антибольшевистского движения в общероссийском масштабе. В отношении собственного фронта Дутов был весьма оптимистичен: «Положение на нашем, Оренбургском фронте таково, что совершенно нечего бояться за фронт. Все наши полки достаточно вооружены, имеют достаточное количество пушек, снарядов. Мы имеем достаточно силы и устроили позиции по требованиям военной науки. Армия наших противников разлагается. Комиссары стараются улизнуть. Саморазложение их армии идет колоссальными шагами. И пусть никто не допускает мысли, что противник откуда-нибудь может прорваться в Оренбург. Этого не будет. Всякие же разговоры об этом – сплошная нелепость»[919]. В конце лекции Дутов сказал, что «в будущем Россия представляется мне сильным и могучим государством. Не может она превратиться в ничтожество. Имея исторические уроки, страна должна стать на правильный путь»[920]. Под гром аплодисментов атаман покинул трибуну.

Военное строительство

Дутов любил армию, тем более что антибольшевистские вооруженные формирования на Южном Урале в тот период были (и воспринимались современниками) в значительной степени его собственным детищем. Надо сказать, что на подконтрольной Дутову территории летом 1918 г. создавались не только казачьи формирования – велась активная работа по созданию армейских (из иногородних) и национальных (в основном из башкир и киргизов) частей. С июля 1918 г. в Оренбурге было установлено ношение погон, чего не было в Самаре, воспринимавшей это как реакционный жест[921].

Летом 1918 г. была осуществлена мобилизация башкир 1915–1919 гг. призыва[922]. Техническое выполнение мобилизации было возложено на башкирское правительство[923]. В общей сложности к концу лета 1918 г. сформировано шесть башкирских полков (5 пехотных и 1 кавалерийский), сведенных в две стрелковые дивизии, а в начале сентября формально – в Башкирский корпус под командованием генерал-майора Х.-А.И. Ишбулатова[924]. На ключевых должностях корпусного, дивизионных, бригадных и полковых командиров находились почти исключительно башкирские офицеры, штабные и строевые должности занимали, как правило, русские офицеры. Впрочем, сам корпус существовал лишь на бумаге.

За контроль над башкирскими формированиями на востоке России развернулась негласная борьба. Формально башкиры подчинялись Народной армии Комуча, однако подчинить их себе стремилось еще и Временное Сибирское правительство (по всей видимости, это была инициатива управляющего Военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова)[925]. Последнее летом 1918 г. отказало башкирам в финансовой поддержке, тем самым вынудив их распустить часть добровольцев по домам[926]. Дутов, судя по всему, также претендовал на управление башкирскими войсками, хотя бы в рамках Оренбургского военного округа, на территории которого в основном формировались и дислоцировались эти части. Не случайно он инспектировал эти формирования, стремился создать видимость активного участия в башкирском военном строительстве. 10 августа в Оренбург из Челябинска переехал Башкирский военный совет[927], оттуда же в Оренбург были передислоцированы 1-й и 5-й Башкирские пехотные полки. 11 августа Дутов посетил батальон 1-го Башкирского полка, расположенный в лагере 2-го Оренбургского кадетского корпуса

на Маячной горе[928]. При этом сами башкирские лидеры стремились к полной самостоятельности в отношении собственных вооруженных формирований[929], причем в результате их активности создавалась значительная путаница в деле мобилизации у правительств, власть которых распространялась на заселенную башкирами территорию[930]. На практике башкирские войска подчинялись всем трем правительствам (самарскому, омскому и оренбургскому), а также и своему собственному руководству, что не могло не вызывать противоречий. Осенью 1918 г. были случаи неподчинения в 1-м и 2-м Башкирских стрелковых полках даже собственному башкирскому командованию, причем после беспорядков в 1-м полку во дворе Караван-сарая в Оренбурге зачинщики были расстреляны[931].

В середине октября 1918 г., вскоре после образования Временного Всероссийского правительства, башкирские части были подчинены в военном отношении Дутову, а дальнейшая мобилизация башкир и формирование 2-й Башкирской стрелковой дивизии в связи с финансовыми затруднениями прекращены[932]. По заявлению Валидова, Дутов «великодушно объявил, что «он выхлопотал Башкирскую дивизию, но с полным подчинением ему»[933]. Башкирская стрелковая дивизия получила 9-й номер (37, 38, 39, 40-й Башкирские стрелковые полки, 4-я Башкирская батарея) и вошла наряду с другими неказачьими соединениями в состав Оренбургского армейского корпуса[934]. Общая численность дивизии на 28 декабря 1918 г. составляла 2278 штыков и сабель, 47 пулеметов, 2 трехдюймовых орудия[935]. Впрочем, в январе 1919 г. башкиры, очевидно, в пику белому командованию приступили к восстановлению Башкирского корпуса[936] и, по всей видимости, восстановили прежнюю нумерацию, поскольку в документах встречается и та и другая[937].

Башкирские части принимали активное участие в операциях на Южном Урале, в частности во взятии Орска. Практически полное отсутствие у казаков пехоты обусловливало особую ценность башкирских частей, которые являлись в основном пехотными.

Один из современников, Н. Стариков, описал то впечатление, которое произвели на него башкиры во время пребывания в Оренбурге во второй половине октября 1918 г.:

> «…Много говорят о стойкости и дисциплинированности казацких частей, хотя и здесь больше подразумевают те будущие казацкие полки, куда войдут старики. Мое впечатление от казаков, которых я

видел на улицах города, маршировавших взводами и ротами, таково, что они не радуют глаз военного человека – нет, так сказать, вида, выправки, стройности… Совершенно другое впечатление от башкирских частей. Хорошо одетые, молодцеватые – они всегда обращают на себя внимание, когда проходят частями по городу со своим оркестром, со своими национальными значками на фуражках и погонах. Видел башкирскую кавалерию, которой можно было любоваться… я узнал о трениях между башкирами и Дутовым. Башкиры заявили Дутову о своем определенном желании объединить все башкирские войсковые части в башкирский корпус. Отрицательный ответ Дутова вызвал сильное недовольство в рядах башкир. Я не знаю, чем башкиры угрожали, если Дутов не уважит их ходатайства, но знаю, что они угрожали: я понял, что они дали понять, что не будут так ретиво сражаться, как это было до сих пор. Точно знаю, что башкиры сильно раздражены дутовским освещением боев на Орском фронте – Орск был занят почти исключительно башкирами («казаки чай пили в это время», как говорят башкиры), а между тем честь взятия Орска Дутовым была приписана прежде всего «доблестным» казакам…»[938]

Свидетельство Старикова весьма интересно, однако нельзя не отметить, что в рассматриваемый период башкирский корпус существовал лишь формально.

Что касается взятия Орска, то, забегая вперед, отмечу, что казаки также принимали активное участие во взятии этого города. Как впоследствии писал помощник Дутова Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин, «башкиры показали себя хорошими солдатами, сохранившими – несмотря на революцию – старую дисциплину и уважение к старшим и к начальникам; но в политическом отношении это были люди совершенно темные; поэтому их главари могли ими пользоваться в каких угодно целях и увлечь в любую сторону, объяснив предварительно, что того или иного исполнения требует от них долг службы»[939]. К сожалению, впоследствии так и случилось. В 1919 г. переход башкир на сторону красных повлек за собой резкое ухудшение положения на левом фланге белого Восточного фронта. Есть и противоположное свидетельство. Один из пехотных офицеров отмечал, что обучить башкирские пополнения военному строю не было никакой возможности. Башкиры плохо понимали по-русски,

а отряды находились в постоянном движении, вследствие чего башкиры не освоили даже рассыпной строй[940]. Думаю, в этом свидетельстве есть некоторая доля правды.

Однако даже башкирские части не покрывали потребность Дутова в пехоте, в связи с чем из неказачьего населения подконтрольного Дутову Оренбургского уезда были сформированы 5-я Оренбургская стрелковая дивизия в составе 18, 19, 20 и 21-го Оренбургских стрелковых полков, Оренбургского стрелкового добровольческого полка имени атамана Дутова (включен в состав дивизии с 24 сентября 1918 г.), а также 5-я стрелковая артиллерийская бригада в составе двух артиллерийских дивизионов (тяжелого и легкого, всего шесть батарей). 5-й Оренбургской стрелковой дивизии были приданы Оренбургский офицерский батальон, Оренбургская добровольческая дружина, кадровые саперная, железнодорожная и обозная роты[941]. Формирование дивизии было завершено, по всей видимости, в сентябре 1918 г., когда была объявлена мобилизация призывников 1898–1899 гг. рождения в Оренбурге и Оренбургском уезде (25 сентября). Численность дивизии была довольно внушительной и составляла к 1 октября 1918 г. 370 офицеров, 4980 нижних чинов при 120 пулеметах и 20 орудиях[942].

Дутов содействовал и формированию киргизских частей. Всего было сформировано два киргизских конных полка. 1-й полк существовал с лета 1918 г. и находился в Кустанайском уезде в распоряжении командира Уральского Отдельного корпуса (вне подчинения Дутову), 2-й полк был сформирован в районе Орска в ноябре 1918 г. в составе 4 сотен (около 400 джигитов-добровольцев) и находился в распоряжении Тургайского совета Алаш-Орды[943]. Формированием 2-го полка занимался генерал-майор З.Ш. Дашкин.

Несмотря на успешный ход мобилизации на Южном Урале летом 1918 г., уклонение от призыва все же имело место, а качество призванных и дисциплина во вновь формируемых частях оставляли желать лучшего. Молодые казаки непочтительно относились к мобилизованным старикам, являвшимся опорой Дутова[944]. Уже в июле 1918 г. имели место беспорядки и неисполнение приказов в частях Илецкого фронта, а командир 14-го полка сотник Велизаров заявил следственной комиссии, что «они-де зачинщиков не выдадут и расстрелов не боятся»[945].

Поведение мобилизованных казаков вызвало серьезную озабоченность бюро Круга объединенных станиц 1-го военного округа, обсуждавшего этот вопрос на экстренном вечернем заседании 14 августа 1918 г. В постановлении бюро говорилось:

«Казаки, находящиеся в г. Оренбурге, совершенно утеряли вид воинского чина, а именно по улицам города ходят в неряшливом виде, а по вечерам делают бесчинства над женским полом, хватая последних на улице, и с бранной руганью тащат их в казармы, такие поступки недопустимы в среде воинских чинов, наипаче казакам (так в документе. – *А. Г.*). Поступки эти позорят имя казака, и они развивались только в среде большевистских банд, которых за насилие осудил весь народ, восстав против насильников как один человек, на нас, казаков, восставших против извергов[-]большевиков, смотрит весь народ и думает, что казаки, стоя на страже законности и порядка, будут показывать пример для других народностей, но на деле далеко не так, на казаков начинают смотреть плохо, и казаки своими действиями сами отталкивают от себя тех лиц, которые с жаром ожидали прибытия казаков в гор[од] Оренбург. Ввиду таких крайне нежелательных проступков, чинимых казаками, навлекают на казачество отрицательное действие и в дальнейшем могут повлечь за собой печальное последствие во вред казачества и в пользу большевикам. Вам, казаки, самим хорошо видно было, как враги ваши, большевики, за нетактичные действия прокляты всем народом и изгнаны из своей среды, как вредный элемент, Вам, казаки, этого делать не должно, а следует стяжать любовь и славу народа, а не проклятие. Бюро Круга объединенных станиц предупреждает всех казаков и командный состав, находящихся как в гор[оде] Оренбурге, так и на фронтах, иметь бодрый и веселый вид, а в частностях соблюдать надлежащий порядок, чистоту и опрятность. Всем лицам гражданского населения как на улицах, в частных домах, а также и в казарменном помещении оказывать должное уважение и вежливость. За все чинимые беззакония виновные будут привлекаться к ответственности по закону военного времени. Командному составу вменяется в обязанность строго следить за порядком, чистотою и опрятностью казака и отнюдь не допускать самовольных отлучек со двора»[946].

В свете этого неслучайным выглядит один из приказов Дутова, изданный в августе 1918 г.: «По городу – мною замечены – кучками ходят казаки без поясов и даже фуражек, эти служилые казаки не имеют никакого воинского вида: грызут семечки, толкают проходящих, ругаются. *Подобное* явление характеризует полный упадок дисциплины и отсутствие внутреннего порядка в сотнях, полках и батареях. Обращаю внимание всех Начальствующих лиц на недопустимость подобного бесцельного шатания по улице и совершенно запрещаю появление казаков на улицах без увольнительных билетов»[947]. Дутов считал, что «армия без дисциплины – сброд и что она должна быть вне политики.

Армия не должна принимать участия в выборах, митинговать по поводу тех или иных вопросов, как это было во времена Керенского. Эти начала надо считать безусловно здоровыми и надо надеяться, что они будут проведены в жизнь»[948].

Тем не менее разболтанность нижних чинов устранить так и не удалось. Более того, она коснулась и офицерского состава. В другом августовском приказе Дутов запрещал «ношение военнослужащими смешанной одежды (военной и статской), а особенно «маскарадного» характера. Наблюдаются прискорбные случаи недостаточно корректного поведения гг. офицеров в общественных местах. Считаю эти явления недопустимыми. Офицер всегда и везде должен являть собою пример безукоризненного рыцарского отношения как между собою в своей среде, так и ко всем гражданам и при всех обстоятельствах. Офицеров, которые будут уличены в некорректном поведении, – предавать суду чести, замеченных в нетрезвом виде на улицах и в общественных местах – представлять к разжалованию в рядовые; участвующих в каких-либо крупных ссорах – предавать военно-полевому суду»[949].

Ярким проявлением неблагонадежности части казаков стал уход с фронта 4-го Оренбургского казачьего полка, покинувшего свои позиции в районе станции Яйсан Ташкентской железной дороги в августе 1918 г. На заседании Круга объединенных станиц 1-го округа было постановлено «запросить казаков 4-го полка, желают ли они защищать сами себя или хотят, чтобы их защищали кто-то другие (так в документе. – *А. Г.*), если да – то немедленно распустить их по домам с документами, в которых указать, что они изменщики родины и казачества»[950]. Расследование показало, что казаки устали, некоторые не имели обуви и белья[951].

Неблагонадежность проявляли и казаки Краснохолмского полка, находившегося на Ташкентском фронте. Они хотели разойтись по станицам для полевых работ[952].

По агентурным данным Дутову было известно, что «настроение среди молодых казаков, призываемых на службу, вполне удовлетворительное, никакого разногласия и недовольства установленным ныне порядком нет. В особенности хорошо настроена молодежь из станиц, пострадавших от поджогов большевиков, и представляет из себя вполне надежную силу. Настроение казаков-фронтовиков продолжает быть ненадежным, в особенности это проявляется в станице Сакмарской, где среди фронтовиков имеется много сторонников большевизма. Молодые же казаки недовольны лишь одним, что они не получают никакого содержания. Вот буквальные слова

казаков, призванных на службу, вынесенные из разговора с ними: «В народной армии выдают жалованье по 45 р. в месяц каждому, при готовом довольствии и содержании, у каждого казака есть много расходов, а возмещать их не из чего, приходится просить у стариков отцов, а многие из последних ничего дать не в состоянии, выдача жалованья должна быть всем казакам, а не только офицерам и чиновникам»… Среди стариков-казаков настроение безусловно хорошее, они всецело на стороне нового порядка правления и ненавидят большевиков. **Одно их огорчает – непомерная дороговизна всех покупаемых ими продуктов в городе – чай, сахар, кишмиш, мануфактура, железо и пр.**»[953].

В конце лета для скорейшей ликвидации партизанщины в вооруженных формированиях оренбургского казачества Дутов предпринимает удачную попытку унификации существующих казачьих частей, что говорит о его вероятном стремлении в перспективе создать собственную казачью армию, на которую можно было бы всецело положиться. Указом Войскового правительства № 115 от 31 августа 1918 г. были переименованы: 1-й Линейный полк – в 7-й Оренбургский казачий конный полк, 2-й Линейный полк – в 8-й Оренбургский казачий конный полк, Степной полк – в 9-й Оренбургский казачий конный полк, Полтавский полк – в 10-й Оренбургский казачий конный полк, 6-й Окружной казачий полк (3-го военного округа) – в 11-й Оренбургский казачий конный полк, 4-й Исетско-Ставропольский полк – в 12-й Оренбургский казачий конный полк, 3-й Левобережный полк – в 13-й Оренбургский казачий конный полк, Восточный полк – в 14-й Оренбургский казачий конный полк, Кваркенский полк – в 15-й Оренбургский казачий конный полк, Петропавловский полк – в 16-й Оренбургский казачий конный полк, 3-й Уфимско-Самарский полк – в 17-й Оренбургский казачий конный полк, два Кундравинских и Чебаркульский полки – в 18-й Оренбургский казачий конный полк, 2-й Оренбургский казачий полк – в 19-й Оренбургский казачий конный полк, Сакмарский полк – в 20-й Оренбургский казачий конный полк, 5-й Окружной казачий полк (из казаков старших возрастов 2-го военного округа) – в 21-й Оренбургский казачий конный полк, Уйский полк – в 22-й Оренбургский казачий конный полк, 4-й Левобережный – в 23-й Оренбургский казачий конный полк, 1-я Оренбургская казачья батарея – в 10-ю Оренбургскую казачью батарею, 2-я Оренбургская казачья батарея – в 8-ю Оренбургскую казачью батарею, 3-я Оренбургская казачья батарея – в 9-ю Оренбургскую казачью батарею[954]. Спустя примерно полтора месяца после этой реорганизации была создана Юго-Западная армия, основу которой составили оренбургские казачьи части.

Дутов позднее отметил, что «все работники, на долю которых выпала, так сказать, черная работа по организации первых ячеек армии, были горячие головы, люди молодые, а потому делали немало ошибок. Я прошу граждан помнить, что не ошибается тот, кто ничего не делает»[955]. При этом реорганизация армии объективно усиливала позиции Дутова в его негласном противоборстве с лидерами оренбургских повстанцев, о котором пойдет речь ниже.

В общей сложности на фронтах Оренбургского войска к 23 августа 1918 г. имелось 3 батальона пехоты, 2 дружины, 11 казачьих полков, 2 отдельных казачьих дивизиона, 5 партизанских отрядов, 2 отдельных сотни, отдельный отряд и эскадрон кавалерии. Всего 327 офицеров, 9500 шашек, 2200 штыков, 39 пулеметов Максима, 8—Кольта, 2—Гочкиса, 3 батареи, 13 3-дюймовых орудий, 2 3,5-дюймовых поршневых орудия образца 1895 г., одна 48-линейная гаубица и бронированный поезд, имевший на вооружении 1 орудие и 2 пулемета[956].

4 сентября 1918 г. был издан приказ по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области за № 42 о том, что в связи с мобилизацией в Челябинском, Троицком, Верхнеуральском и части Орского уезда новобранцев 1919–1920 гг. призыва на территории Оренбургского уезда объявляется мобилизация родившихся в 1898–1899 гг.[957] В десятидневный срок, но не позднее 26 августа население Оренбурга должно было сдать оружие[958].

Дутову и Комитету членов Учредительного собрания из всей Оренбургской губернии реально подчинялась лишь территория Оренбургского и части Орского уездов – т. е. только 1-й военный округ, остальная же (и большая) часть территории войска находилась под контролем Временного Сибирского правительства (возможно, этим и объясняется *более* благожелательное отношение Дутова к омскому правительству).

В конце августа 1918 г. Дутов переехал из Центральной гостиницы, где работал ранее, в Атаманский дом на Водяной улице[959]. Сохранилось расписание ежедневной работы атамана. Его рабочий день начинался в 8 утра с получасового доклада адъютанта по оперативной части, затем решались дела конвоя, гаража, комендатуры штаба округа, в 9 часов начинался получасовой доклад юрисконсульта Войскового правительства, с 9.30 до 10.15 Дутов совершал объезд города с посещением воинских частей и госпиталей, далее следовал пятнадцатиминутный доклад начальника милиции. С половины одиннадцатого до двенадцати часов оренбургский атаман

принимал посетителей. С 10 до 15 часов имели право внеочередного доклада секретарь и управляющий делами Комуча. После этого до 15.00 следовали доклады начальника контрразведки, коменданта города, начальника гарнизона, инспектора артиллерии округа, начальника штаба, генерал-квартирмейстера, инспектора инженеров округа (по средам), начальника военно-учебных заведений (по понедельникам), военно-санитарного инспектора (по четвергам), начальника военно-дорожного управления (по вторникам), начальника военно-топографического отделения (по пятницам), дежурного генерала (по субботам) и доклад окружного интенданта. Затем до 17.00 был перерыв, а с 17 до 18 часов проходил доклад по управлению главноуполномоченного по продовольствию, с 18 до 21 часа – заседание Войскового правительства. После заседания в течение получаса Дутов разбирался с делами прессы, завершал же рабочий день Дутова получасовой доклад фронтового врача. Оперативные доклады делались вне очереди в любое время дня и ночи[960].

Таким образом, Дутов работал не менее 12 часов в сутки практически без перерыва. Кроме того, он был совершенно доступен для простых людей – любой человек мог прийти к атаману со своими вопросами или проблемами. Единственное, что для этого требовалось, – получить пропуск у коменданта штаба Оренбургского военного округа полковника Н.И. Душинкевича[961]. Несмотря на это, автор ряда недоброжелательных характеристик, С.А. Щепихин, отмечал, что «к этому времени относится и переход Дутова к сибаритизму (так в документе. – *А. Г.*): вагон-салон (бывший Столыпина), отдельный поезд, охрана, конвой, повар и метрессы. Так это завелось с Самары и сопровождало Дутова до смерти…»[962]. Впоследствии сам Дутов вспоминал: «Лично я занимал в Оренбурге несколько ответственных должностей, совмещая в себе военную и гражданскую власть. У меня было полдня военного и полдня гражданского, приходилось работать с 7 час[ов] утра до 2 час[ов] ночи. Личным примером я доказывал, что иногда существует 8, 14, 18-часовой рабочий день. Работая так, я просил граждан убедиться, что я не только говорю, но и делаю дело»[963]. Работая с бумагами, Дутов любил писать резолюции синим карандашом, цвет которого совпадал с приборным цветом Оренбургского войска, пометки красным встречаются лишь изредка.

Борьба с оппозицией

По возвращении из Тургая положение Дутова, несмотря на его популярность у населения[964], не только на политической сцене Белого востока России, но даже и в самом Оренбургском казачьем войске было очень непрочным, в казачьем руководстве появились его политические противники, стала формироваться оппозиция, наиболее ярко проявившая себя во второй половине 1918 г. По мнению одного из современников, для Дутова участники Тургайского похода были своими людьми[965], с которыми были связаны месяцы совместной борьбы. В дальнейшем именно «тургайцы» (они же партизаны), представлявшие собой и до похода элиту офицерского корпуса Оренбургского войска, встали во главе антибольшевистского движения оренбургского казачества.

Дутову повезло – руководителями казаков-повстанцев были в большинстве своем безвестные обер-офицеры, которые не могли соперничать с заслуженными штаб-офицерами с академическим образованием, ушедшими с ним в Тургай. Не в пользу повстанческих лидеров было и то, что они сильно тяготели к партизанским методам борьбы. Все эти факторы предопределили слабость и заведомую обреченность оппозиции в борьбе за власть в войске. По сути, фигура Дутова как вождя оренбуржцев была к лету 1918 г. практически безальтернативной, однако в отсутствие атамана в рядах повстанцев успела сложиться своя элита, не желавшая терять власть с возвращением «отсидевшегося» в Тургае Дутова. Самим ходом событий весны – лета 1918 г., на мой взгляд, были заложены предпосылки внутреннего раскола в антибольшевистском движении оренбургского казачества.

Отношения между повстанцами и партизанами складывались непросто с самого начала. Уже в июле 1918 г. вождь казаков-повстанцев 1-го округа генерал-майор Д.М. Красноярцев призвал войсковую администрацию предоставлять служебные места в первую очередь лицам, принимавшим активное участие в борьбе с большевиками[966]. К слову сказать, Красноярцев в дальнейшем, возможно не без «помощи» Дутова, сколько-нибудь значительной роли в антибольшевистском движении оренбургского казачества не сыграл.

Дутов писал в августе 1918 г. генералу Гришину-Алмазову: «До Вас доходят слухи, что офицерство мною недовольно; я говорю про казачье. Это, пожалуй, отчасти справедливо, ибо я признаю принцип старшинства только в исключительных случаях, командные же должности предназначаю исключительно

зарекомендовавшим себя офицерам, как в бою, так и в политике. Все офицеры, спасавшие свои жизни ценой предательства войска, конечно, у меня мест не получат. Вот причина недовольства преимущественно старших офицеров»[967].

Так, в сентябре 1918 г. в ходе работы 3-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска имели место противоречия между одним из лидеров повстанцев, атаманом 1-го военного округа полковником К.Л. Каргиным, избранным в период нахождения Дутова в Тургайском походе временно исполняющим должность Войскового атамана, и депутатами Круга – сторонниками Дутова, Каргин даже демонстративно покинул зал заседаний[968]. Впоследствии он активно участвовал в подготовке заговора против Дутова[969].

Одним из наиболее ярких проявлений оппозиционности повстанческих лидеров Дутову была деятельность есаула Ф.А. Богданова, своими исканиями чем-то напоминающего шолоховского Григория Мелехова. Филипп Архипович Богданов родился в 1882 г., происходил из оренбургских казаков, окончил Оренбургское казачье юнкерское училище, принимал участие в Первой мировой войне. В 1918 г. был главным организатором Левобережного фронта повстанцев, командовал Благословенским отрядом и 4-м Левобережным казачьим полком, «подвергался смертной казни от большевистских банд»[970], участвовал в атаках на поезда красных и первым вошел 2 июля (19 июня) 1918 г. в 7 часов 40 минут утра в Оренбург[971]. Произведен в есаулы 13 июля 1918 г. Богданов был храбрым человеком с большим самомнением и не побоялся открыто выступить против войсковой администрации и старших по званию. Уже 17 июля в органе оренбургской организации РСДРП (меньшевиков) газете «Рабочее утро» он и два его сослуживца, сотник Крыльцов и подхорунжий Скрыпников, написали: «Нас не знают, нас не оценили, нас забыли, но напрасно: потомки оценят нашу работу, о нашем страдании и скитании знают многие наши боевые соратники. Мы взяли город, а управлять городом явилось очень много охотников, которые недавно маскировались «товарищами», а теперь нахально заявляют: «Мы страдали, и мы пахали». Где же совесть и где же честь. Получившие овации при торжественной встрече не набрались мужества указать фамилии истинных героев, а фигурируют фамилии, которые абсолютно не участвовали во взятии города Оренбурга и не принимали никакого участия в свержении советской власти. Долой подполковников, им не место среди обновленного казачества»[972].

Заметка и особенно последнее заявление ее авторов произвели странное впечатление, как будто Богданов выступил

против каких-то конкретных «подполковников», однако вскоре последовало разъяснение, что редакцией была допущена опечатка и имелось в виду «подпольников»[973]. Не исключено, что Богданов был специально поставлен в щекотливое положение редакцией газеты.

Однако этим заявлением Богданов не ограничился. В открытом письме войсковому старшине Рязанову, опубликованном в той же газете, он утверждал: «В такой душной атмосфере, как в Оренбурге, жить и управлять городом я пока не согласен… Я – воин, но за политикою зорко слежу, когда есть возможность, и всегда правильно оценивал создавшуюся политическую обстановку. В том и беда, что я не вижу в наших володеях[974] сильных политиков… Вы пишете, что мы дрались под лозунгом: «Вся власть Учредительному Собранию и за восстановление Войскового Правительства». Я Вам скажу от чистого казачьего сердца: «За Учредительное Собрание», это верно, но за восстановление старого Войскового Правительства, да еще скажите – за Атамана Дутова, – нет, за это бороться я казаков не призывал. Да я и не знал даже, что еще где-то существует Войсковое Правительство. 29 апреля 1918 года по взятии стан[ции] Донгуз я лично послал делегата разыскивать Атамана Дутова с просьбою о помощи, но помощь эта пришла 20 июня в станицу Ильинскую[975], когда я с полком уже был в Оренбурге; так помощи в нужный момент и не дождался, а она была бы очень нужна»[976]. Богданов полагал, что большевики окончательно разбиты и борьба с ними близка к завершению. Он отмечал далее: «Вы пишете, что начался спор за места за столом победителей? Нет! Это неправда. Никакого места я занимать не собирался. Мне – воину, повторяю, было бы душно в городской атмосфере. Здесь же, в благодатной стране Башкирии, мне много простору и много свободы. Что касается предупреждения о розни, то я заявляю: я сумел устранить рознь в своем полку. У меня первый офицер и самый последний казак органически спаяны между собою. Дай Бог везде такого единения и согласия! Что имя мое будет зафиксировано, как выражается В[ойсковой] С[таршина] Рязанов, в этом я не сомневаюсь. Доказательства налицо: весь полк вынес пожелание[977] иметь меня своим шефом полка, и надеюсь, имя мое не смешают с братьями Кашириными, ибо мои действия прямо противоположны действиям К а ш и р и н ы х (разрядка документа. – *А. Г.*). Что же касается моего эгоизма, то это лучше спросите моих боевых станичн[иков]. Мой лозунг: «Все для них и ничего для себя!»[978] Себя Богданов относил к числу противников партии «куда ветер дует», т. е. ставил себя в явную оппозицию по отношению к лидеру

оренбуржцев Дутову[979].

В еще одном письме Богданов отметил: «Возникает тревога, что Оренбургское правительство, если будет идти таким путем, каким шло до сих пор, скоро дойдет до полной реставрации»[980]. Публикации Богданова внесли определенный раскол в войско, а кроме того, способствовали охлаждению отношений между Комучем и Дутовым[981].

3 октября 1918 г. на вечернем заседании 3-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска был поднят вопрос о деятельности Богданова. Председатель военной комиссии Круга полковник Л.Н. Доможиров сделал доклад о поведении есаула, причем было принято решение передать дело в Войсковое правительство и направить «по подсудимости (так в документе. – *А. Г.*) в спешном порядке»[982]. Богданов обвинялся в том, что: «1) он не исполнил приказания командующего фронтом генерала Красноярцева[983], 2) также не исполнил приказания Войскового Атамана генерала Дутова, 3) выступил в газете «Рабочее Утро» со статьей, оскорбляющей офицеров и Войсковое Правительство, 4) самовольно наименовал командуемый (так в документе. – *А. Г.*) им полк «4-м левобережным полком Архипа Богданова[984]» и 5) представил самого себя к производству в чин полковника за подвиги, которые произведенным подробным дознанием не подтвердились»[985]. Богданов пытался оправдываться и доказывать свою невиновность по всем пунктам обвинения за исключением третьего. Свою статью он оскорбительной не считал, поскольку «не думал этим письмом нанести кому-либо оскорбление и что письму его придадут не такое толкование, которое он имел в виду»[986]. Дело было передано в следственную комиссию Войскового Круга. Тем не менее полк Богданова тогда не только не утратил его самопровозглашенное шефство, но, *более* того, название полка Войсковой Круг утвердил по докладу самого Дутова[987].

Следующий, 3-й очередной Войсковой Круг, проходивший в 1919 г. в Троицке, также не обделил Богданова своим вниманием. Войсковой старшина (произведен в конце 1918 г.) Богданов, командовавший 23-м Оренбургским казачьим полком (ранее – 4-й Левобережный полк), прислал в адрес Круга телеграмму с просьбой разрешить делегировать на Круг по 2 представителя от полков. Атаман Дутов 10 февраля заявил в ответ на это, что «из его армии никто подобной телеграммы не пришлет, а войсковой старшина Богданов из его армии исключен»[988]. Телеграмма не вызвала одобрения и у депутатов. 17 февраля постановлением Войскового Круга 23-й Оренбургский казачий полк был лишен шефства Богданова за преступную деятельность командира

полка[989]. Основанием послужил письменный доклад Дутова от 10 февраля.

21 февраля Богданов был снят с должности командира полка и откомандирован в распоряжение Войскового штаба[990]. В июне 1919 г., лишенный шефства и полка, он написал заявление с просьбой о восстановлении и того и другого, но Круг просьбу о шефстве отклонил, а просьбу о назначении командиром полка передал в Войсковой штаб[991]. Вскоре Богданов получил назначение командиром 2-й Отдельной Оренбургской казачьей бригады и был произведен в полковники. 8 сентября 1919 г. вместе с бригадой в полном составе (более 1500 сабель, в том числе 80 офицеров) и со всем вооружением он перешел на сторону красных. В ночь на 22 сентября Богданов и другие перешедшие к красным казачьи офицеры были представлены председателю ВЦИКа М.И. Калинину, прибывшему на фронт, причем «Богданов и другие военнопленные горячо благодарили за прием, оказанный Советской властью, каялись в своих ошибках, клялись честно служить народу, защищать Советскую власть»[992].

Тогда же Богданов подписал обращение к оренбургским казакам:

> «Дорогие товарищи трудовые казаки! Вы, запуганные, забитые и обманутые тысячу раз своими вождями, не присоединились к нам – Вашим братьям-казакам, перешедшим в объятия Советской Республики. Спешим уведомить и убедить Вас, что Советская власть совершенно не стремится к уничтожению Вас всех. Советская власть старается прекратить братоубийственную, кровопролитную войну и обратиться к мирному строительству жизни всей трудящейся массы. Советская власть не отнимает у Вас ни земли, ни воды, ни леса. Наоборот, Советская власть идет навстречу всем труженикам, оказывая им всякую поддержку.
>
> Поверьте нам, Вашим братьям, что ни один гражданин-труженик в Советской России не обижен, не обездолен, как это делается в Стране Сибирского Правительства.
>
> Бросайте Ваше оружие и переходите к нам, мы Вас примем как родных братьев после долгой разлуки. Все Ваши старые грехи, совершенные по темноте Вашей, Советская власть Вам простит.
>
> Берите пример с нас. Вся наша бригада перешла целиком, и ни один казак, ни один офицер, ни один

доброволец не расстреляны. Все приняты, как братья! Мы твердо верим в правоту стремлений всей трудящейся массы. Мы труженики, мы землеробы всегда пойдем рука об руку с нашими братьями рабочими. За Нашими Революционными вождями, стоящими во главе Правительства Р.С.Ф.С.Р.

Если Вы хотите быть свободными гражданами, то бросайте своих генералов и спешите к нам, пока не поздно. Если Вы хотите быть рабами Ваших Генералов, то оставайтесь с ними, и Вы заслужите проклятье Вашего потомства! Наша бригада определенно заявляет: к старому нет возврата. Мы каменщики, стремящиеся к созданию фундамента для новой свободной жизни.

За Землю и волю; равенство и братство.

За народоправие мы все готовы умереть. Вот наши лозунги! Эти лозунги мы будем защищать всеми своими силами и знанием военного дела.

Ко[м]бриг 2-й Отдельной казачьей Товар[ищ] Богданов

Наштабриг Тов[арищ] Шклярский

Красные казаки Тов[арищ] Шептунов

Верещагин»[993].

На 22 ноября 1919 г. Богданов со штабом бригады находился в Самаре, а в 1920 г. принял участие в борьбе с частями Русской армии генерала П.Н. Врангеля. Дальнейшая судьба Богданова до сих пор неизвестна. На мой взгляд, оппозиция Богданова – не случайность, а лишь наиболее яркое проявление внутреннего раскола в руководстве антибольшевистского движения оренбургского казачества.

При Дутове многие «тургайцы» заняли ключевые посты в руководстве войском, армией и военным округом. Оказавшись на первых ролях, они все равно предпринимали попытки выделить себя из числа участников антибольшевистского движения оренбургского казачества и всячески подчеркнуть свою близость к Дутову, свою избранность. Их неформальное объединение существовало и в 1919 г. Именно они составили официальную биографию Дутова, изданную в Троицке в 1919 г., причем факт составления книги партизанами Дутова был специально зафиксирован в ее названии[994]. 30 марта 1919 г. на заседании Войскового Круга рассматривалось предложение о введении

«отличительно-нарукавного знака» для партизан отряда Дутова[995], хотя сам отряд уже давно не существовал. Предложение было передано на рассмотрение атамана и было им, по всей видимости, отклонено, чтобы не заострять внимания на уже было улегшихся разногласиях.

К сожалению, точно сказать, кто именно из «тургайцев» являлся их идеологом и выступал с подобными инициативами, нельзя, но факты налицо. Возможно, это был отставной подъесаул Г.В. Енборисов. Именно он на заседании 3-го чрезвычайного Войскового Круга 6 октября 1918 г. предложил произвести в следующие чины всех офицеров и нижних чинов, служивших в партизанских отрядах[996]. Это вызвало недовольство бывших повстанцев, которые отмечали, что «ввиду этого производства некоторые более достойные офицеры, но не бывшие в партизанском отряде Войскового Правительства, оказались оцененными ниже в сравнении с офицерами названного партизанского отряда»[997].

Чтобы не обострять противоречий, по решению Круга производство было распространено и на повстанцев. Таким образом, Круг, как выборный орган всего войска, пытался поддерживать некий баланс сил, не позволяя, насколько это было в его власти, той или иной группировке диктовать свою волю. Впрочем, сами «тургайцы», если верить мемуарам Енборисова, все равно оказались в выигрыше – они получили производство сразу в два чина: по старшинству и за сам поход[998]. После потери казаками Оренбурга и территории 1-го военного округа в начале 1919 г. позиции бывших повстанцев, происходивших в основном из этого округа, серьезно ослабли. В этот же период под следствием по неизвестной пока причине оказался один из повстанческих вожаков полковник А.М. Булгаков, лишенный на Круге депутатских полномочий. К сожалению, до сих пор неизвестно, существовала ли прямая связь между этим событием и явно затянувшимся конфликтом партизан и повстанцев. Тем не менее очевидно, что этот конфликт существовал и в той или иной степени оказывал влияние на весь ход антибольшевистской борьбы оренбургского казачества.

Государственное совещание

20—25 августа состоялось второе предварительное политическое совещание в Челябинске по вопросу о создании единого антибольшевистского правительства. Оренбургское войско на совещании представляли И.Г. Акулинин, В.Г. Рудаков и Н.С. Анисимов. Это совещание предшествовало гораздо более значимому форуму – Уфимскому государственному совещанию.

Государственное совещание в Уфе открылось 8 сентября 1918 г. с целью создания единой государственной власти на неподконтрольной большевикам территории. В работе совещания принимал участие и Дутов. Уже 31 августа он выехал из Оренбурга, однако, как выяснилось, открытие совещания было отсрочено, и делегации пришлось вернуться, 6 сентября оренбургские делегаты (члены Войскового правительства А.И. Дутов, Г.Г. Богданов, В.Г. Рудаков, а также войсковой старшина Н.С. Анисимов и делегат Круга объединенных станиц И.В. Никитин) вновь отправились в Уфу[999].

Небезынтересно, что делегацию Временного Сибирского правительства в Уфе помимо караула Народной армии встречал караул оренбургских казаков[1000] – судя по всему, Дутов хотел лишний раз подчеркнуть свою приверженность политическому курсу Омска.

Оренбургская делегация прибыла в Уфу рано утром 8 сентября. По прибытии Дутова приветствовали делегация уфимского городского самоуправления во главе с городским головой и представители гарнизона города. Около 11 часов атаман в сопровождении взвода казаков выехал в город[1001].

Дутова избрали членом Совета старейшин совещания и председателем казачьей фракции[1002]. Кандидатуру атамана выдвигали в состав Директории, однако он заявил, что не покинет войско, пока оно не в безопасности. По мнению И.Г. Акулинина, на Государственном совещании Дутов «являлся одним из самых активных и влиятельных участников. Около него группировались не только казачьи делегаты, но и вся умеренная часть Совещания»[1003]. Едва ли можно согласиться с утверждением, что «Ген[ерал] Дутов играл главную роль на Уфимском Совещании»[1004]. На самом деле Дутов выступил на этом форуме только один раз, 12 сентября, с секретным сообщением о тяжелом положении на фронте[1005]. По свидетельству Л.А. Кроля, Дутов говорил о том, что «положение на фронте плохо, что долго при нынешнем положении казаки не будут в состоянии тянуть, что необходимо ускорить создание

единого командования, а следовательно, и центральной власти. Дела, заявлял он, настолько плохи, что он должен уехать немедленно, и он счел своим долгом перед отъездом просить нас торопиться, ибо каждая минута дорога»[1006]. Заявление Дутова произвело сильное впечатление на присутствовавших. Однако, как считал оптимистично настроенный Генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, Дутов лишь пугал обстановкой на фронте[1007].

Подполковник Б. Солодовников, произведенный в этот чин при Керенском за революционные «заслуги» из подпоручиков[1008], оставил довольно ироничное описание обстановки совещания в Уфе: «В одну из открытых дверей можно было рассмотреть шумную группу казачьих офицеров, среди которых балагурил атаман Дутов, только что произведенный в генералы Самарским правительством за отличия на Оренбургском фронте. Дутов был в игривом настроении, острил и угощал «настоящими комиссарскими» сразу из двух золотых портсигаров – трофеев гражданской войны. Шутка начальства вызвала подобострастное хихиканье подчиненных и обворожительную улыбку дам. «Какой герой этот Дутов», – жеманно протянула Сыромятникова – бесцветная, скучающая дама в роскошной меховой пелерине случайного происхождения. Пелерина была велика и падала с плеч, доставляя немало забот кавалерам по обязанности из подчиненных ее мужа[1009] «Душка», «прелесть» – с восторгом шептала младшая Веденеева, сверкая уцелевшими от реквизиции бриллиантами. Молодежь тянулась к портсигарам, на глаз оценивая их валютную стоимость, завидуя и мечтая о комиссарах с такими портсигарами. Публика попрактичней давно уже расположилась в буфете…»[1010] Чуть ниже Солодовников добавляет еще один штрих: «Едва освободился из объятий обалдевшего купчика генерал Дутов»[1011]. Впрочем, особенно доверять оценкам Солодовникова не стоит, ведь он, по мнению, как всегда, острого на язык генерала С.А. Щепихина, – «никакой ни революционер, ни демократ, ни реакционер, ни офицер, а просто с-чь, порождение нашей Смуты»[1012]. Как говорится, ни отнять, ни прибавить.

Более заслуживающим доверия представляется свидетельство И.И. Серебренникова: «В сентябре месяце этого же года я снова встретился с А.И. Дутовым, на этот раз в Уфе, на Государственном Совещании. Там я возглавлял делегацию Врем[енного] Сиб[ирского] Правительства и, участвуя в работах Совещания, упорно противостоял яростным домогательствам партии социалистов-революционеров, которые составляли левое крыло Совещания. В этой моей сложной борьбе мне помогали

представители семи казачьих войск и немногие другие политические группы. По ходу совместной работы с казаками я нередко встречался и с атаманом Дутовым, который проявлял весьма благожелательное отношение к делегации Сибирского Правительства. Иногда мне приходилось вести и частные беседы с атаманом; при одной из таких бесед он подарил мне на память свой автограф – надпись на открытке: «Привет Сибири». Вспоминаю, как однажды атаман А.И. Дутов пригласил меня и профессора В.В. Сапожникова[1013], состоявшего также членом Сибирской делегации, в свой собственный поезд, находившийся на уфимском вокзале. В этот день атаман справлял свои именины[1014]. Роскошный салон-вагон, где он принимал гостей, был переполнен казаками всех казачьих войск, и только мы двое штатских – я и проф[ессор] Сапожников – составляли исключение. Атаман пригласил нас к своему отдельному столу, оказав этим нам особое внимание, и радушно угощал нас всякими яствами и винами, в изобилии украшавшими стол. К моему удивлению, сам атаман не пил совершенно – ни одной рюмки водки и ни бокала вина. Беседа лилась непринужденно, на самые разнообразные темы; хозяин принимал в ней живейшее участие, обнаруживая свой недюжинный ум и большую наблюдательность. Весьма интересным собеседником был и мой коллега по Сибирскому Правительству В.В. Сапожников… Должен сказать, что этот именинный день атамана А.И. Дутова составляет одно из приятнейших воспоминаний в моей жизни этого периода. Я и до сих пор отчетливо представляю себе всю обстановку атаманского салона-вагона, где происходило упомянутое празднество, и всех присутствовавших гостей – казачьих офицеров, в форме, с лампасами разных цветов»[1015]. Серебренников впоследствии сполна отплатил Дутову – именно благодаря его выпискам из, возможно, уже навсегда утраченных для истории документов Дутова нам достоверно известно о последнем годе жизни оренбургского атамана. В то же время из свидетельства Серебренникова напрашивается вывод о том, что Дутов, стремясь усилить свои позиции на Государственном совещании, всячески заискивал перед сибиряками.

Семиреченский казак И.Н. Шендриков описал ощущения казаков – участников предварительного Государственного совещания в Челябинске: «…для казаков стало очевидно, что среди участников Совещания нет единой воли к возрождению России. Партийные и групповые интересы ставились выше всего, выше блага России. Среди членов Совещания определились два резко обозначенных течения. Государственное, к которому примыкали казаки, Сибирское Правительство, представители

группы «Единство», кадеты и антигосударственное, выразителем которого, безусловно, являлись Самарский Комитет Учредительного собрания, члены Учредительного Собрания, партия эсеров за исключением правого крыла и представители мусульманских групп… Верилось, что с образованием единой Верховной власти будет положен конец многовластию, губительно отражающемуся, прежде всего, на боевых операциях, на фронте, где требуется последовательное проведение строго продуманного стратегического плана. Чехословаки в лице генерала Сырового также настаивали на создании Верховной власти во что бы то ни стало. Указывалось, что союзники при образовании Всероссийского Правительства не замедлят придти на помощь нам своими боевыми силами. После долгих колебаний, скрепя сердце, казаки согласились принять принцип ответственности Верховной власти перед членами Учредительного Собрания… В тяжелой общественно-политической атмосфере протекало Государственное Совещание. Целый ряд неблагоприятных обстоятельств, сопровождавших Совещание, должны были неизбежно привести и привели работы Совещания к ничтожным результатам. Прежде всего, надо признать безусловно отрицательным самый факт переноса Совещания из Челябинска в Уфу. Как известно, казаки настаивали на продолжении Совещания в Челябинске, в то время как Самарский комитет местом Совещания выдвигал Самару. В качестве компромисса была принята Уфа, где Самарский комитет приобрел исключительное влияние на весь ход Совещания уже по одному тому, что он чувствовал себя хозяином Уфимской территории и распорядителем всей техники Совещания»[1016].

На самом уфимском совещании казаки и представители Сибири растворились в общей массе преобладавших членов Учредительного Собрания. Гнетущее впечатление на участников совещания произвел наплыв беженцев в Уфе после падения Казани и Симбирска. Становились очевидными неустойчивость и скорое крушение Поволжского фронта, падение Сызрани и Самары. Несмотря на шаткость положения представителей Самары, они до последнего отстаивали свои требования. При попытке казаков провести в правительство своего кандидата они встретили упорное сопротивление и были вынуждены отказаться от этого. В то же время казаки добились некоторых уступок. Их усилиями в основной состав Директории не прошла кандидатура эсера В.М. Зензинова. Тем не менее этот кандидат все равно вошел в состав правительства, замещая отсутствовавшего на востоке России Н.В. Чайковского. Достаточно авторитетных представителей армии для включения в состав будущего

правительства на востоке России не было. Причем некоторые казаки выдвинули кандидатуру Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Деникина, надеясь, что он прилетит на аэроплане[1017]. Прошедшая в итоге кандидатура Генерального штаба генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева была во многом компромиссной. По характеристике находившегося в 1918–1919 гг. на востоке России британского полковника Д. Уорда – командира 23-го Мидлсекского батальона, Болдырев имел вид «грузного, бравого и глупого русского офицера; он не особенно мозговат; хитер, но не ловок»[1018].

Как вспоминал И.И. Серебренников, «нам, сибирякам и казакам, не искушенным в политике, противостояли весьма серьезные силы, в лице лучших представителей партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. В этом смысле борьба была слишком неравной, тем более что в нашем лагере совершенно не было ораторских дарований…»[1019].

Оренбургское казачье войско помимо Дутова на Государственном совещании в Уфе представляли войсковой старшина Н.С. Анисимов, член Войскового правительства полковник В.Г. Рудаков и Г.С. Жеребцов. Самым активным из оренбуржцев был Анисимов, вошедший в Совет старейшин, в состав комиссии по организации власти и выступавший трижды. Требования казачьих представителей сводились к следующему[1020]:

1. На совещании должна быть создана верховная всероссийская власть, главными задачами которой является создание единой русской армии, восстановление внешнего фронта для доведения войны до конца и восстановление порядка внутренней и экономической жизни в стране;

2. Верховная всероссийская власть должна быть вручена трем лицам, которые для текущей работы формируют кабинет министров;

3. Власть должна формироваться не по признаку партийности, а по признакам персонального авторитета и проникновенности идеей государственности и патриотизма;

4. Верховная всероссийская власть действует в обстановке полной деловой самостоятельности, независимости и ответственности перед Всероссийским Учредительным собранием **нового созыва** (выделено мной. – *А. Г.*)[1021];

5. При решении вопросов общегосударственного значения, связанных с существованием и самостоятельностью Российского государства (вопросы войны и мира), верховная всероссийская власть должна созывать Государственное совещание, решения которого для нее обязательны;

6. Состав Государственного совещания определяется настоящим совещанием;

7. Верховная всероссийская власть должна принять меры к скорейшему созыву полноправного Всероссийского Учредительного собрания, которому должна принадлежать вся власть в стране.

Эти требования были оформлены в декларацию, которую зачитал генерал-майор Б.И. Хорошхин. Нельзя согласиться с утверждением, что на Государственном совещании Дутов якобы нарушил некое обещание, данное им Комучу, а также игнорировал наказ своего собственного войска, призывая к перевыборам в Учредительное собрание[1022]. На самом деле никаких обещаний Дутов в ходе конфликта с Самарой ее представителям не давал и давать не мог, а наказ войска также предполагал перевыборы Учредительного собрания после создания центральной власти.

Любопытно, что думали рядовые казаки о политическом моменте. В протоколе общего собрания жителей станицы Нижнеувельской от 29 сентября 1918 г. говорилось:

«1. Так как междоусобная война, в настоящее время разоряющая всю Россию и не позволяющая заняться мирным трудом, происходит главным образом от размножившихся разных правительств, друг друга не признающих, мы требуем восстановления единой сильной власти, могущей завести порядок в стране и вывести ее из настоящего бедственного положения.

2. Все развертывающиеся в течение революции события доказывают, что власть на Руси захватили не русского происхождения люди и своими обещаниями завели народ в непроходимые дебри, мы не выступаем против жительства этих людей в России, но самым решительным образом требуем, чтобы во главе России стояли русские православные люди, искренне заботящиеся о нуждах коренного русского православного населения.

3. Обещания большевиков дать народу мир не оправдались, вместо мира они преподнесли народу Гражданскую войну, хуже войны с немцами. Мы требуем, чтобы Русское правительство употребило все усилия и средства, ведущие к настоящему Миру, из которого Россия вышла бы с честью, достойною своей прежней мощи и славы.

4. Что же касается внутреннего упорядочения России, мы всецело подчиняемся будущему Учредительному собранию, требуем расписания новых выборов и скорейшего его созыва»[1023].

Дутов покинул Уфу не позднее 17 сентября, чтобы принять участие в открытии Войскового Круга в Оренбурге. По одной из

характеристик, атаман «встал и до окончания заседания вышел из зала, демонстративно громко бросив своему соседу: «От красной гвоздики у меня голова разболелась!»[1024] Подобная оценка с намеком на неприятие Дутовым красных гвоздик в петлицах заседающих социалистов представляется несколько преувеличенной, поскольку скандалом отъезд Дутова явно не сопровождался. В то же время вполне исключать такой фразы нельзя и, быть может, ее следует понимать без намеков, в прямом смысле – после контузии Дутова часто мучили головные боли. Таким образом, ни сам Дутов, ни другие представители войска не подписали 23 сентября 1918 г. Акт об образовании всероссийской верховной власти. Председательствовавший на совещании Н.Д. Авксентьев в этот день заявил: «Я должен довести до сведения Высокого Собрания, что здесь нет подписи представителей Оренбургского Казачьего Войска, каковые по экстренным обстоятельствам положения дел на фронте должны были отбыть ранее, не дождавшись окончания Государственного Совещания. Я полномочен заявить, что подписи свои они дадут дополнительно»[1025]. Это обещание так и не было выполнено, и все произошедшее весьма похоже на очередной хитрый ход Дутова, ведшего свою собственную игру и стремившегося сохранить за собой свободу маневра, не подписывая документ.

Если необходимость возвращения Дутова в войско могла быть действительно продиктована оперативными соображениями, то отзыв других представителей, не имевших отношения к управлению войсками, в частности возглавлявшего продовольственный отдел Войскового правительства В.Г. Рудакова, этими соображениями объясняться никак не может. Объясняет этот шаг скорее приписанная Дутову генералом Гришиным-Алмазовым (перед своим отъездом на Юг России в начале октября 1918 г. Гришин-Алмазов встречался с Дутовым в Оренбурге[1026]) во время выступления последнего на Ясском совещании в ноябре 1918 г. фраза: «Пусть только придет Добровольческая Армия, и для меня Уфа не будет существовать»[1027]. В записи П.Н. Милюкова фраза была не столь резкой: «Пусть приезжает Добровольческая Армия; я в ее распоряжении»[1028]. Впрочем, Гришин-Алмазов имел склонность приписывать другим людям собственные взгляды. В дальнейшем, когда итоги Государственного совещания не встретили протеста среди военных и политических деятелей востока России, признал их и Дутов[1029].

Основным итогом работы Государственного совещания стало создание Временного Всероссийского правительства (Директории) в составе Н.Д. Авксентьева, Н.И. Астрова,

Генерального штаба генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева, П.В. Вологодского и Н.В. Чайковского и их заместителей А.А. Аргунова, В.А. Виноградова, Генерального штаба генерала от инфантерии М.В. Алексеева, В.В. Сапожникова и В.М. Зензинова[1030]. Заместители отсутствовавших на востоке России Н.И. Астрова и Н.В. Чайковского – В.А. Виноградов и В.М. Зензинов – приступили к работе как члены правительства. По своей ориентации правительство Белого востока России получилось кадетско-эсеровским и не получило признания ни левых, ни правых[1031]. Именно поэтому падение Директории и приход к власти адмирала А.В. Колчака прошли сравнительно безболезненно.

Между тем параллельно с Государственным совещанием представители Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского и Иркутского казачьих войск провели в Уфе свою конференцию по вопросу об образовании Восточного союза казачьих войск и создании казачьего представительства при Военном министерстве. Надо сказать, что это была вторая конференция такого рода – летом 1918 г. по инициативе Войскового атамана Сибирского казачьего войска генерал-майора П.П. Иванова-Ринова подобное совещание с участием представителей тех же казачьих войск, а также Астраханского войска уже имело место одновременно с предварительным Государственным совещанием в Челябинске. В работе обеих конференций участвовали Иванов-Ринов и Дутов (председательствовал на второй конференции). Восточный союз не являлся сепаратистской организацией, а ставил задачу «на страже Государственности одновременно бороться за создание суверенной и единой Российской Государственной власти»[1032]. К сожалению, более подробных сведений об участии Дутова в этой конференции обнаружить не удалось.

18 сентября 1918 г. в Оренбурге при наличии 177 депутатов начал свою работу 3-й чрезвычайный Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска. Председателем Круга вновь стал М.А. Арзамасцев. Надо сказать, что он председательствовал на всех трех Войсковых Кругах, прошедших в 1918–1919 гг. Пожалуй, это был единственный Войсковой Круг, в период работы которого Дутов реально контролировал практически всю войсковую территорию. От Круга Дутов, по всей видимости, ожидал значительного укрепления собственной власти и авторитета в войске. Важной задачей было закрепление главенства Дутова в противовес сторонникам казаков-повстанцев.

Авторитет оренбургского атамана был и без того велик – на Круге даже не произошло традиционного переизбрания атамана и

правительства. Первое заседание открыл сам атаман: «Согласно положению о самоуправлении в Оренбургском казачьем войске, Войсковой Круг открывает Председатель Войскового Правительства, а потому я объявляю третий Чрезвычайный Войсковой Круг открытым. В знак того, что прибыл Хозяин Войска и вся власть в Войске должна перейти к нему, я честь Войскового Атамана – Войсковую Булаву кладу на стол. Согласно того же положения о самоуправлении, Войсковой Круг должен избрать президиум, а до этого я, по примеру прежних Войсковых Кругов, позволю себе обратиться к Вам, дорогие станичники, с несколькими словами (голоса: просим)».

Войсковой Атаман поднимается на трибуну. «Господа депутаты Войскового Круга! Мы переживали и переживаем тяжелый и ответственный момент, как 300 лет тому назад. Раздираемая враждой и распрями, Россия тогда билась в тоске по власти. Также она ищет твердой власти и ныне. Заседание Войскового Круга совпадает с тем, что сейчас в Уфе идут работы по выбору Государственной власти. Там ведется работа, как было 300 лет тому назад. Везде смута, раздоры, снуют шайки, и в этот момент Ваша задача – сказать свое твердое слово и провести его в жизнь. Господа депутаты, декабрьский Круг 1917 года показал, как опасны и как вредны разногласия. Тогда боролись партии. Объединиться, к сожалению, не могли, и за эти ошибки нам пришлось пережить кошмарные дни. Здесь Войсковое Правительство приветствует Вас и призывает Вас к дружной работе на благо Родины и войска. Войсковое Правительство думает, что теперь не время разговоров и горячих речей, а время дела. Нужно выковать нам железную волю и объединить все войсковое население. И здесь, в этом зале, вы должны сказать решительную свою волю и дать право, которым должны руководствоваться ваши избранники. Я приветствую вас, как председатель казачьей конференции в Уфе; представители семи казачьих войск просили меня передать вам родной братский привет. Меня в Уфе также просили передать вам их привет. Доклады Войскового Правительства о том, что было сделано, будут даны в порядке дня. Заканчивая свое слово, я прошу вас помнить, что было говорено на декабрьском Круге; я тогда говорил, что Россия стоит на краю могилы, загубленная своими детьми, но тогда же я сказал: пока будет живо казачество, пока не умрет свободный дух казачества, Россия не погибнет. И теперь я смело и громко могу сказать на всю Россию, что всегда верное Родине казачество осталось верным ей до конца» (шумн[ые] аплодисменты)»[1033].

19 сентября Дутов при закрытых дверях доложил депутатам

обстановку на фронтах. После доклада атаман был утвержден в правах главнокомандующего, а сам доклад неоднократно прерывался аплодисментами. Против наделения Дутова полномочиями главнокомандующего выступил атаман 1-го военного округа К.Л. Каргин. Председатель Круга объединенных станиц 1-го военного округа губернский секретарь И.Г. Марков от имени Круга высказался за сосредоточение в ведении Войскового атамана исключительно военных вопросов, т. к. «в противном случае будут замечаться упущения во всех областях и едва ли представится возможным их восполнить при одном общем руководителе»[1034]. Круг признал Уфимскую директорию, заявил о непризнании Брестского мира и всех постановлений Советской власти, а также провозгласил борьбу с большевиками до победного конца[1035].

Что бы ни говорили о взаимоотношениях Дутова и Комуча, атаман не позволял себе критических высказываний в адрес Народной армии. Наоборот, в приказе по округу от 23 сентября он писал: «Сегодня объявлена мобилизация для создания частей Народной Армии с целью возрождения силы и мощи гибнущей Родины. Прочь от этой армии все лица, которые захотели бы отравить ее тлетворным ядом, кто вздумал бы ее разложить или внести политику в казармы. Те, которые осмелятся воспрепятствовать восстановлению дисциплины и боеспособности армии, – будут без сожаления предаваться военно-полевому суду или выселяться из пределов округа в административном порядке. Граждане! Берегите нарождающуюся нашу русскую НАРОДНУЮ АРМИЮ»[1036].

В эти дни полную поддержку атаману выразили казаки его родной станицы Оренбургской: «Принимая во внимание высокополезную и плодотворную его (Дутова. – *А. Г.*) деятельность, станичный сход единогласно постановил: выразить нашему станичнику Войсковому Атаману Генералу Дутову полное доверие и просить его проводить в жизнь те мероприятия, какие он найдет нужными в контакте с нашими союзниками чехословаками, не обращая внимания на происки и наветы темных личностей и народом признанных вредными левых партий, а Оренбургская станица готова поддержать эту политику всеми мерами и, если потребуется, с оружием в руках»[1037].

Глава 7
От побед к поражениям

На фронте

В августе – сентябре 1918 г. на фронтах Оренбургского казачьего войска обстановка складывалась в пользу Дутова, однако Поволжский фронт, который удерживали войска Народной армии и чехословаки, уже начинал терпеть неудачи. Тем не менее секретная директива старшим начальникам Оренбургского военного округа № 81 от 5 сентября 1918 г. была переполнена оптимизмом. Силы противника оценивались: на Ташкентской железной дороге – в 6000 человек при 23 орудиях, в Орске – в 5000 человек при 8 орудиях и 10 пулеметах[1038]. Директива предполагала оттеснение красных при содействии уральцев и киргизов с линии Ташкентской железной дороги на восток – в степь, освобождение Орска и содействие войскам Уфимского района в уничтожении отрядов В.К. Блюхера, прорвавшихся в этом районе на север (войска Дутова в начале августа 1918 г. должны были перекрыть пути отхода Блюхеру со стороны Стерлитамака[1039]).

Первоочередной задачей директива ставила освобождение Орска, после чего можно было приступить к активным действиям на Ташкентском направлении. Эта задача в случае успеха приводила к полному освобождению территории войска от большевиков, что имело огромное моральное значение. Орск был последним центром на территории войска, остававшимся в руках красных. Он не только отвлекал на себя значительную группировку войск, но и представлял собой постоянную угрозу в связи с многочисленностью его гарнизона и возможными вылазками в тыл Дутова.

Войска Дутова к началу сентября 1918 г. были разделены на три группы: Актюбинскую, Орскую и Уфимскую, кроме того, существовал так называемый Самаро-Уфимский фронт (командующий – полковник Н.П. Карнаухов (с 7 июля 1918 г.). 16 сентября приказом по войскам Оренбургского военного округа было образовано три фронта: Ташкентский (существовал и ранее, штаб – Ак-Булак, командующие – Генерального штаба генерал-майор В.А. Карликов (до 21 августа 1918 г.), генерал-майор В.Г. Попов; позднее – Генштаба полковник Ф.Е. Махин; начальники штаба – полковник Д.Г. Пичугин (с 19 июня 1918 г.), есаул И.Н. Пивоваров (с 5 сентября 1918 г.), Орский (штаб – Хабарный, командующие – полковник Н.П. Карнаухов, врио полковник А.Н. Чертыковцев) и Стерлитамакский (штаб – Ташла), Самаро-Уфимский фронт был упразднен (судя по всему, преобразован в Стерлитамакский). Войска Стерлитамакского фронта были

временно переданы в распоряжение командующего войсками Уфимского района[1040]. Уже 28 сентября в связи с перемещением операций к северу от линии Уфа – Челябинск Стерлитамакский фронт был ликвидирован[1041].

В середине сентября Дутов, стремясь покончить с городом, пошел на некоторое усиление орской группировки. В район Орска направляются батарея из четырех 48-линейных гаубиц и башкирский батальон, однако боевые действия, в особенности в связи с вылазкой части красных из Орска и внезапным ударом этой колонны на поселок Хабарный (тыловой штаб осаждавшей Орск группировки белых) в тылу белых, носили со стороны последних хаотичный характер[1042]. Красные, совершив эту вылазку, благополучно вернулись в Орск.

По воспоминаниям одного из ближайших соратников оренбургского атамана, отставного подъесаула Г.В. Енборисова, Дутов сам напросился на командировку в район Орска. «Вечером, не помню, какого числа[1043], ко мне на квартиру явился атаман Дутов (я жил в №№ Коробкова) и просил меня, для ускорения взятия г. Орска, предложить Войсковому Кругу командировать его, где он будет руководить боем. Я на утро выступил на Круге с предложением… Круг согласился и тут же пригласил Дутова (о моей беседе с ним никто не знал). Я повторил приказ Круга Атаману Дутову и добавил: «Приступайте, атаман!» Он ответил – Приказание Хозяина земли Области Оренбургских казаков исполню в точности… кланяется Президиуму, Кругу и уходит под громкое «ура». Через трое суток, даже не полных, получаем от него телеграмму, которая говорит: «Орск взят, на земле Оренбургских казаков не осталось ни одного большевика», а когда явился Дутов на Круг, то произошло что-то невероятное: шум, крик урра (так в документе. – *А. Г.*), аплодисменты, от которых приходилось беспокоиться о барабанной перепонке, и, наконец, когда успокоились, Дутов начинает свой доклад словами: «Орск у ног хозяина». Говорить не дают – «урра». Продолжает: «Приказание Круга исполнено» – и доложил подробности взятия Орска…»[1044]

Закрадывается крамольная мысль – не специально ли Дутов тянул со взятием Орска до открытия Войскового Круга, когда это событие получило бы наибольший резонанс, а сам атаман мог бы наиболее полно пожать плоды этой победы и существенно укрепить свой авторитет перед депутатами Круга?! Мне не приходилось встречать документов о преднамеренном затягивании осады, однако нельзя сказать, чтобы Дутов прежде приложил все усилия, чтобы взять город[1045].

Нам не так много известно о деятельности Дутова как

полководца, об оперативном руководстве армией с его стороны. По сути, лишь с июля 1918 г. по начало апреля 1919 г. и затем с октября по декабрь 1919 г. Александр Ильич реально лично осуществлял оперативное руководство сколько-нибудь значительными силами. Большую часть этого времени на фронтах его войск наблюдалось либо затишье, либо отступление, не представляющее интереса в военном отношении. Выяснить, был ли Дутов только лишь военачальником или еще и полководцем, и если был, то насколько хорошим, можно, только разобрав какую-либо конкретную операцию, осуществленную под его руководством. В этом отношении Орская операция, пожалуй, наиболее показательна.

Подробности взятия Орска были следующими. 26 сентября утром Дутов прибыл на станцию Сара – конечный пункт недостроенной железнодорожной ветки Оренбург – Орск. Со станции атаман проследовал в штаб Орского фронта, расположенный в хуторе Бережнов. Из штаба Дутов отправился на передовую, на участок 14-го Оренбургского казачьего полка, осмотрел подступы к городу. На рассвете следующего дня он выехал к Кумакским горам, расположенным с другой стороны от города, посетил станицы Банную, Кумакскую и Новоорскую, призывая казаков встать на время операции в ряды дружин самообороны. Запись шла успешно. К примеру, одна только станица Таналыцкая дала 1000 добровольцев сверх мобилизованных, причем в их рядах были лица старше 55 лет, разумеется, вооружение было самым разнообразным.

Основная проблема со взятием Орска заключалась для белых в том, что линия обвода вокруг города составляла 65–75 верст, и полностью блокировать все это пространство Дутов был просто не в состоянии из-за отсутствия необходимого количества войск. Окарауливание же этой территории слабыми постами являлось лишь пассивной и самой неудачной формой осады. Попытки штурмовать город с запада были обречены на провал – подступы к городу на этом направлении представляли собой длинные пологие скаты, которые легко простреливались из города. Дутов избрал для атаки противоположное, восточное направление[1046].

По данным разведки, в городе сосредоточилось около 7500 красных, имевших не менее 30 пулеметов, были возведены окопы и блиндажи. Большевистскому руководству Орска Дутовым был предъявлен ультиматум о сложении оружия, срок действия которого истекал в ночь на 27 сентября. В случае сдачи Дутов обещал всех пленных, включая большевиков, оставить в живых и направить в Тоцкий лагерь, где их судьбу решит центральное правительство. В случае отказа Дутов сообщил, что не сможет

гарантировать жизнь ни одному человеку[1047].

Однако в ответ на ультиматум красные вместо сдачи повели наступление из Орска на Оренбург. Левая колонна (1-й Оренбургский рабочий полк, эскадрон кавалерии и батарея) наступала вдоль реки Урал, правая (28-й Уральский пехотный полк, эскадрон кавалерии и 2 орудия) – двигалась в направлении станции Сара. Такой прорыв был чреват для Дутова – далее красные могли продвинуться практически беспрепятственно вплоть до Оренбурга, в тылу у Дутова войск почти не было. В срочном порядке из Оренбурга к Орску стягивались подкрепления. Для ликвидации прорыва спешно организовывались станичные дружины самообороны[1048]. 29 сентября весь день шел проливной дождь, препятствовавший развитию операции. На следующий день возле станции Сара произошел ожесточенный бой. Красные потеряли до 300 человек убитыми и ранеными, белые – 9 убитыми и 84 ранеными[1049]. После боя обе колонны красных соединились у станицы Ильинской и с арьергардными боями ушли на юг – к линии Ташкентской железной дороги, где лишь 15 октября в районе станций Мартук и Каратугай соединились с частями Туркестанской армии Г.В. Зиновьева. Ликвидировать эту группировку белые так и не смогли, однако, по словам Дутова, казаки преследовали отступавших красных в течение пяти часов. Как выяснилось, наступление красных от Орска на Оренбург было составляющей общего, но провалившегося плана наступления красных на Актюбинском фронте[1050].

Для взятия Орска было решено обороняться с запада от города и наступать с востока – от Кумакских гор. Воспользовавшись ослаблением орского гарнизона (осталось около 1500 человек) в связи с уходом двух колонн красных, с утра 27 сентября, после сильной артиллерийской подготовки белые (в основном 15-й Оренбургский казачий полк и башкирский батальон) начали наступление на сад и монастырь. К ночи удалось продвинуться на расстояние до 30 шагов от красных. Лишь ночью 28 сентября, когда красные с громадным обозом (около 1000 повозок) стали отступать из города на Актюбинск, Орск был занят белыми. Отход красных стал полной неожиданностью для Дутова и был замечен лишь на рассвете. Тогда же в Орск на автомобиле въехал сам атаман в сопровождении казаков 15-го Оренбургского казачьего полка. Потери белых были незначительны и составили 8 человек убитыми и 84 ранеными[1051]. По большому счету операция, несмотря на фактическое занятие города, была провальной (это признавалось уже в 1918 г.[1052]) – ни блокировать Орск,

изолировав его от Актюбинской группировки красных (согласно директиве самого же Дутова № 81 от 5 сентября 1918 г.), ни добиться уничтожения живой силы противника Дутов не смог, красные ушли из города почти в полном составе. Тем не менее формально можно было трубить об очередной громкой победе.

В Орске белые захватили значительные запасы кожи. Сразу по освобождении города была назначена новая городская администрация. Уполномоченным по Орскому уезду стал М.Е. Смирнов, временным городским головой – В.В. Пальмов (расстрелян красными в 1919 г.), а начальником гарнизона – полковник А.Н. Чертыковцев. В присутствии Дутова в Орске была пущена механическая обувная фабрика, изготовившая на глазах у атамана двенадцать пар сапог. Дутов основал газету «Орский вестник», лично составив первый номер. Решив все вопросы на месте, 30 сентября в 16 часов Дутов на автомобиле выехал из Орска в поселок Сары, расположенный возле станции Сара, верхом проехал в штаб войск, действовавших против поселка Губерлинского, а на следующий день в 9 часов утра приехал в Оренбург на поезде[1053].

Со взятием Орска территория войска была на некоторое время полностью очищена от красных. Этот успех во многом принадлежал самому Дутову, который, несмотря на сильную оппозицию своей власти со стороны эсеров из войсковой интеллигенции и части повстанческих вожаков, сумел удержать единоличную власть в своих руках и подчинить себе прежде независимые повстанческие партизанские отряды, приведя их к традиционному виду казачьих частей и подготовив почву для создания армии. В то же время по освобождении территории войска большинство казаков посчитало свою задачу выполненной и стремилось разойтись по станицам и заняться своим хозяйством, что, конечно, было на руку большевикам и способствовало их успехам на фронте.

Не заезжая домой, Дутов по прибытии в Оренбург явился на заседание Войскового Круга и доложил обстоятельства падения Орска. За эту победу Дутов по решению Войскового Круга прямо на заседании 1 октября 1918 г. был произведен в генерал-лейтенанты[1054]. Официально производство было осуществлено «за заслуги перед Родиной и Войском», в тот же день оно было утверждено Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России Генерального штаба генерал-лейтенантом В.Г. Болдыревым (официально приказ был подписан 4 октября)[1055]. Вряд ли Болдырев, только что назначенный на свой пост, обладал тогда достаточным авторитетом, чтобы, в случае своего несогласия, отказать

оренбургскому Кругу в этом вопросе.

27 сентября Круг выразил доверие Войсковому правительству и принял постановление по политическому моменту, в котором были и такие слова: «Оренбургское казачье войско мыслит Россию *федеративной демократической республикой* с самым широким местным самоуправлением. Казачество, как самостоятельная ветвь среди народов Российской республики, остается вольным, свободным братством, сохраняя свою самобытность, право на свои земли, недра, леса и проч. угодия и собственное войсковое самоуправление, где хозяином войска является *Войсковой Круг* из депутатов, избираемых всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Борясь за свободу, равенство и братство, казаки проводят в жизнь свои идеалы, указываемые исторически сложившейся жизнью вольного казачества… Верховной властью России для установления будущего устройства государства должно быть только Всенародное Учредительное Собрание, переизбранное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования… Оренбургское казачество твердо заявляет верным союзникам России, что оно не признает Брестского позорного договора и всех прочих постановлений советской власти и что война может быть доведена до полной победы только при содействии союзных нам держав, которые также жизненно заинтересованы в восстановлении Российского Государства, являющегося гарантией равновесия международных интересов»[1056]. Тогда же войском была признана уфимская Директория.

Доверие к Дутову было колоссальным. 5 октября товарищ председателя Круга депутат И.П. Белихов заявил: «Я вижу в нашем Атамане истинного хозяина войска. Вы видели, что его стараниями у нас созданы мастерские и выполнены другие крупные работы. Ведь известно, что после большевиков осталось все разрушенным. Но мы видим, что теперь вся машина налажена. Я смело говорю: какие бы ни были еще враги, но они нам не страшны, пока с нами будет Атаман»[1057]. Перед своим закрытием Круг 8 октября вынес пожелание о составлении биографии Дутова, «в которую включить полное описание его трудов по борьбе с большевиками; причем желательно включить сюда и все ходячие анекдоты и поговорки, существующие в народе и у большевиков»[1058].

8 октября Войсковой Круг закончил свою работу. В прощальной речи Дутов заверил депутатов, что правительство внимательно прислушивается к их мнению и с удовольствием принимает все указания Круга. Дутов просил депутатов разъяснить политическую линию правительства в станицах. По

случаю окончания работы Круга был проведен парад сотни 1-го Оренбургского казачьего полка, Атаманского дивизиона, полуроты Башкирского полка и Войскового музыкантского хора.

Круг дал своему атаману наказ:

«1) Держать крепче и выше знамя спасения России и не ронять чести и достоинства войска Оренбургского.

2) Все постановления и приказы Войскового Круга немедленно проводить в жизнь, не делая никаких послаблений.

3) Всякие попытки, ведущие к разложению населения и строевых частей и способствующие гибели войска, прекращать самым беспощадным образом.

4) Всякое неповиновение и неисполнение приказаний пресекать в корне, предавая виновных военно-полевому суду.

5) На неповинующиеся станицы и поселки налагать штрафы и наказывать по своему усмотрению.

Штрафные деньги зачислять в фонд помощи пострадавшим от большевиков.

6) Власть Войскового Правительства и Атамана распространяется на все войско Оренбургское, власть Окружных атаманов и правлений – распространяется на Округ.

7) Для приведения воли Войскового Круга в исполнение в распоряжении Войскового Правительства и Окружных правлений иметь карательные отряды, численность которых зависит от усмотрения Войскового Правительства и Окружных правлений.

8) Отчет о своих действиях Войсковое Правительство дает только Войсковому Кругу и никому больше, Окружные Правления дают отчет Окружным Съездам»[1059].

Накануне части Народной армии оставили Самару. Войска отходили на восток, к станции Кинель, за которой железная дорога разделялась в направлении на Уфу и на Оренбург. Основная масса армии двигалась далее на Уфу, Оренбургское направление становилось практически беззащитным, только 2-я Сызранская стрелковая дивизия под командованием полковника А.С. Бакича стала отходить на Оренбург, и то, по некоторым данным, вопреки приказу[1060]. К 10 октября белые эвакуировали станцию Кинель – весь подвижной состав был направлен на Бугуруслан, взорваны стрелки, уничтожены телеграфные провода[1061]. С этого же дня бывший Поволжский фронт в документах белых стал называться Западным. Район Бузулука, где сейчас организовывался фронт, был ранее глубоким тылом Дутова, в результате оборону пришлось создавать на пустом месте и в экстренном порядке. Во что бы то ни стало белым нужно было выиграть время, чтобы успеть стянуть сюда войска. К 11 октября Бакичу удалось наладить связь с Оренбургом и с

уральскими казаками, действовавшими к юго-западу от Бузулука. В районе Тоцкого шло формирование Оренбургской казачьей сводной дивизии под командованием Генерального штаба генерал-майора Н.А. Полякова (19, 20, 24 и 25-й Оренбургские казачьи полки).

Отход белых из Поволжья превращал территорию Оренбургского казачьего войска в прифронтовую полосу. Едва ли справедливо ехидное замечание С.А. Щепихина, что Дутов в связи с неудачами на фронте бывшего своего противника Комуча «втихомолку даже посмеивался себе в кулачок… Дутова ни время, ни несчастья ничему не научили»[1062]. Полагаю, что атаман все же отдавал себе отчет в том, чем грозит ему и войску неблагоприятное развитие событий на фронте. Помимо превращения территории войска в прифронтовую полосу, оно лишалось железнодорожной связи с Сибирью, а также возможности получать боеприпасы с расположенных в Поволжье заводов и складов (Казань – пороховые и артиллерийские склады; Симбирск – два патронных завода; Иващенково – завод взрывчатых веществ, капсюльный завод, артиллерийские склады, запасы взрывчатых веществ на 2 миллиона снарядов; Самара – трубочный завод, пороховой завод, мастерские)[1063]. Тем более в Сибири оружейных заводов не было. Таким образом, положение Оренбургского казачьего войска в отношении какого бы то ни было снабжения значительно ухудшалось, собственной же военной промышленности на территории войска не было. Как писал Генерального штаба генерал-майор И.Г Акулинин, оренбуржцы испытывали «постоянный недостаток во всех видах армейского снабжения, особенно в пулеметах и пушках, которые к тому же в самые горячие периоды боевых столкновений вынуждены были иногда бездействовать из-за полного отсутствия патронов. Эти обстоятельства крайне неблагоприятно отражались на психике бойцов и понижали боеспособность частей. Тем более, что на стороне противника наблюдалось постоянное превосходство в огневых и технических средствах»[1064].

В этот критический для войска момент 7 октября Войсковой Круг в своей телеграмме не подчинявшемуся Дутову командиру III Уральского армейского корпуса генерал-лейтенанту М.В. Ханжину категорически потребовал «дать срочно прямой ответ, где казачьи полки Вашего корпуса и что они делают в минуту смертельной опасности войску. Мы, отцы, дали сынов своих на защиту родины и войска и вправе требовать защиты всего войска, помощи Самаре и Оренбургу»[1065]. Есть все основания полагать, что корпус Ханжина в тот период попросту бездействовал[1066].

В Ставке было принято решение о преобразовании имевшихся

в оренбургском районе казачьих и армейских формирований в отдельную армию, получившую название Юго-Западной. Командующим армией был назначен наиболее авторитетный для казаков военный деятель – генерал-лейтенант А.И. Дутов, передавший пост главного начальника Оренбургского военного округа своему помощнику, Генерального штаба генерал-майору И.Г. Акулинину. Начальником штаба армии стал Генерального штаба полковник А.Н. Вагин, генерал-квартирмейстером – Генерального штаба генерал-майор Г.Ф. Одноглазков. Название армии объяснялось, скорее всего, тем, что это объединение включало в свой состав все антибольшевистские силы юго-западного по отношению к Ставке в Уфе направления. Не вполне правильно считать эту армию и ее преемницу – Отдельную Оренбургскую армию казачьими. Это были армии, основу которых составляли казачьи части, однако имелись и неказачьи формирования (армейские и национальные части).

Юго-Западная армия была образована 17 октября 1918 г. главным образом из частей Оренбургского казачьего войска, впрочем, в ее состав вошли также уральские и астраханские (с 20 октября) казачьи части, однако в одно время с Юго-Западной существовала и Уральская армия (известны приказы по армии за 1918 г.)[1067], обладавшая, по всей видимости, тактической самостоятельностью. Штаб Юго-Западной армии осуществлял лишь общее руководство операциями уральцев и астраханцев, что отражено в приказах по армии[1068]. Подчинение уральцев Дутову было чисто формальным, впрочем, таким же, как и их подчинение Колчаку и Деникину, так как долгое время они сражались отдельно от своих союзников по антибольшевистской борьбе[1069]. Как уже отмечалось, Дутов не мог контролировать не только соседние войска, но даже территорию собственного Оренбургского казачьего войска, поскольку территория к северу от Верхнеуральска и Троицка, включая эти значимые в рамках Оренбургского войска центры, попадала в сферу влияния III Уральского армейского корпуса генерал-лейтенанта М.В. Ханжина, также по происхождению оренбургского казака[1070].

Прибытие пехотных частей Бакича на стратегически важный левый фланг Восточного фронта белых было как нельзя кстати. Войска Дутова, действовавшие на этом фланге, крайне нуждались в усилении пехотными частями, поскольку в своей основе состояли из казачьей конницы. По уточненным данным на 28 декабря 1918 г., Юго-Западная армия насчитывала 23 батальона и 239 сотен, или не менее 10 775 штыков и 22 707 сабель, причем из этого числа 2158 штыков (!) и 631 сабля находились в резерве Верховного главнокомандующего[1071]. То есть даже после

усиления пехотными частями количество сотен в армии более чем в 10 раз превышало количество батальонов! Если бы хоть какие-то армейские части не были отведены на прикрытие этого направления, казаки, возможно, не сумели бы удержать Оренбург до 22 января 1919 г.

Бузулукский участок с 9 октября возглавил Генерального штаба полковник Ф.Е. Махин, руководство Западным фронтом перешло к чешскому генералу Чечеку[1072]. На Бузулукское направление Дутов направил 1-ю бригаду Оренбургской казачьей сводной дивизии (19-й и 20-й Оренбургские казачьи полки), батальон 2-го Башкирского пехотного полка и дивизион Уральского казачьего полка. В резерве в Бузулуке находился 11-й Бузулукский стрелковый полк, в Тоцком размещалась 2-я бригада Оренбургской казачьей сводной дивизии (24-й и 25-й Оренбургские казачьи полки). В состав создаваемой Бузулукской группы вошла и 2-я Сызранская стрелковая дивизия полковника Бакича. Задачей группы было прикрывать железную дорогу Кинель – Бузулук и задерживать продвижение противника на юго-восток, то есть на Бузулук и Оренбург[1073]. 15 октября Бакич вступил в командование боевым участком Бузулукской группы. В штабе Оренбургского военного округа, очевидно, осознали, что Бузулукский фронт при сложившихся обстоятельствах является главным, и начали его усиление. Уже 16 октября во 2-ю Сызранскую стрелковую дивизию из Оренбурга было направлено 1000 солдат (без оружия) и 250 артиллеристов с предписанием распределить их по частям в течение суток[1074].

В этот же период, вероятно, в штабе Оренбургского военного округа было принято решение о строительстве на Бузулукском направлении укрепленных позиций. Я не могу согласиться с утверждением челябинского исследователя Е.В. Волкова о том, что «в условиях маневренной, а не позиционной гражданской войны эти земляные сооружения оказались бы бесполезны. Противник их легко мог обойти, а при определенных условиях и взять, наступая с фронта. Штаб А.И. Дутова, видимо, этого не понимал и не имел представления об особенностях гражданской войны»[1075]. На мой взгляд, эти полевые укрепления создавались исходя из текущего опыта военных действий, и их сооружение было обусловлено как собственно военными, так и моральными соображениями – строительство велось в двух полосах: на дальних подступах к землям Оренбургского казачьего войска и непосредственно возле столицы войска – Оренбурга, утрата которого казаками не только наносила сильнейший удар по авторитету атамана Дутова, но и грозила разложением его войскам, основу которых составляли казаки.

Судя по времени сооружения этих укреплений, относящемуся к периоду неудач белых на Восточном фронте, их строительство в районе войсковых границ не было проявлением нежелания войскового начальства вести борьбу с большевиками вне территории войска и зарыться в землю на его границах, а подчинялось исключительно идее не допустить в войско красных и поднять моральный дух казаков. Руководил постройкой оборонительных сооружений один из лучших специалистов в своей области – начальник инженеров Оренбургского военного округа заслуженный профессор Николаевской инженерной академии генерал-лейтенант А.И. Ипатович-Горанский, являвшийся в годы Первой мировой войны начальником инженеров крепости Перемышль. Непосредственным руководителем фортификационных работ на Бузулукском направлении был назначен военный инженер К.Н. Добржинский. Было назначено несколько руководителей работ по укреплению позиций, отвечавших за строительство на различных участках.

12 октября 1918 г. полковник А.С. Бакич доносил в Оренбург: «Мною сегодня был осмотрен район по реке Бузулук [с] целью выбора здесь позиции. Ознакомившись с местностью и оценив важность прикрытия города Бузулука с Запада как политического и экономического центра уезда с сильно развитой железнодорожной станцией, я решил отказаться от укрепления позиции по рекам Ток и Бузулук, а вынести оборонительную линию вперед на Запад, где перехватить укрепленными группами важнейшие пути через рубеж реки Боровка, деревни Елшанская, Александровка, Духонино. Завтра произведу разведку этой позиции и приступлю к организации работ, сбора рабочих, инструмента и сапер»[1076]. Через день в Оренбург Бакичем была направлена еще одна телеграмма, касавшаяся фортификационных работ: «Вчера мною выбрана позиция на западной опушке Колтубанского леса по обе стороны жел[езной] дороги вдоль реки Неприк. Сегодня туда отправлены саперы и производится разбивка. К рытью окопов будет приступлено 15 Октября»[1077]. В качестве рабочей силы при строительстве укреплений использовались военнопленные и местные крестьяне.

Документы свидетельствуют о том, что укрепленный район предполагалось создавать непосредственно в районе полотна железной дороги, с использованием преимуществ местности (наличие рек). Осенью 1918 г. на Бузулукском направлении планировалось также построить укрепленные позиции у станций Новосергиевка, Платовка, Каргала и возле станицы Сакмарской. Как уже упоминалось, позиции возводились также и на ближних подступах к Оренбургу. В частности, к югу от войсковой столицы,

на Актюбинском направлении, у станции Донгуз и возле Илецкой Защиты. Позиции планировалось сомкнуть, чтобы тем самым прикрыть Оренбург в радиусе 20–25 верст полукольцом укреплений[1078]. Однако эти грандиозные замыслы, требовавшие значительных усилий даже в мирное время[1079], в условиях Гражданской войны были едва ли осуществимы, прежде всего из-за экономической неразвитости окраин, к числу которых можно отнести и территорию Оренбургского казачьего войска. Положение Оренбурга в военном и военно-экономическом отношениях было крайне тяжелым. При отсутствии военной промышленности и сколько-нибудь развитой сети железных дорог провал в деле постройки укреплений был заранее предопределен.

Осенью 1918 г. белые на этом участке Восточного фронта не только не имели сил и средств для надлежащего оборудования позиций, но и не располагали достаточным запасом времени на эту работу. Как отмечал помощник атамана Дутова и главный начальник Оренбургского военного округа Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин, у оренбуржцев не было ни денег, ни строительных материалов, ни даже теплой одежды для рабочих, что и привело к плачевным результатам[1080].

Что же представлял собой Оренбургский «укрепрайон» в действительности?! К началу боев не были завершены работы ни на одной из локальных оборонительных позиций, не говоря уже о создании полукольца укреплений на ближних подступах к Оренбургу[1081]. На позициях в лучшем случае имелись лишь простые линии окопов[1082], нуждавшиеся в усовершенствовании, что приходилось осуществлять непосредственно при занятии их войсками[1083]. С наступлением зимы работа по достройке позиций становилась практически невозможной. Описание одной из таких позиций содержится в воспоминаниях оренбургского казачьего офицера сотника И.Е. Рогожкина, впоследствии перешедшего на сторону красных: «…район Донецкой станицы на бумаге у Дутова считался укрепленным районом, и в печати часто упоминалось для успокоения умов, как будто неприступная крепость, горожане Оренбурга, а особенно старики станичники свято верили, что укрепленный район большевики не перешагнут… а на деле было совершенно иначе: укрепленный район ничем от другой местности не отличался, за исключением разве проволочного заграждения, занесенного снегом…»[1084] По причине малочисленности войск белых о выделении каких-либо частей для заблаговременного занятия позиций и подготовки к упорной обороне не было и речи. До наших дней сохранилась десятиверстная карта инженерного обеспечения подступов к Оренбургу, составленная осенью 1918 г. (точной даты, к

сожалению, не имеется) и подписанная Войсковым инженером поручиком Кретчмером[1085]. На карте крестами отмечены те пункты, в которых предполагалось возведение укрепленных позиций, причем практически все они находились на железных или грунтовых дорогах, что служит доказательством эшелонного характера Гражданской войны на Южном Урале в период 1918–1919 гг. Кстати, такая точка зрения встречается и в воспоминаниях опытного генштабиста С.А. Щепихина[1086].

Обширность театра военных действий и суровый климат Южного Урала не позволяли вести в этом регионе боевые действия вдали от путей сообщения, поэтому возведение даже элементарных оборонительных сооружений в полосе железных дорог вовсе не являлось пустой тратой времени, а могло при должном уровне этих сооружений, умелом использовании особенностей местности и упорной обороне надолго задержать наступление противника. Яркий пример такого рода – оборона станции Аральское Море, в районе которой летом 1919 г. красные успешно сдерживали натиск частей Южной армии белых. Укрепленный район с одной стороны ограничивался пустыней, а с другой – Аральским морем[1087].

26 октября Дутов приказал Бакичу «сдерживать продвижение красных в полосе Зуевка – Соболев – Илецкий городок и Богородское (Булгаково) – Имангулово, особенно на укрепленной позиции у Колтубанского леса, имея целью выигрыш времени для окончания формирования Оренбургской казачьей сводной дивизии»[1088]. Вопреки надеждам казачьего командования, укрепления, на практике оказавшиеся фикцией, не помогли сдержать натиск красных. Уже 29 октября Бузулук пал, но красные не стали развивать наступление на Оренбург вдоль линии железной дороги. Временная приостановка их наступательной операции была, очевидно, связана с необходимостью переброски частей 1-й советской армии на Южный фронт (в частности, 16 ноября туда была отправлена Инзенская дивизия)[1089]. Части Бузулукского участка в этот период находились в крайне тяжелом состоянии.

Боевые действия на ближних подступах к Оренбургу велись уже в январе 1919 г., однако и в этот период укрепления не сыграли сколько-нибудь значимой роли. Задача взятия Оренбурга была успешно решена красными во второй половине января 1919 г. Мне представляется неверным, исходя из опыта создания Оренбургского «укрепрайона», судить о бесперспективности полевой фортификации в условиях маневренной войны. Как выясняется, Оренбургский «укрепрайон» существовал лишь номинально, на бумаге. И вполне закономерно то, что белые на

возведенных «укреплениях» не смогли хоть сколько-нибудь задержать наступление красных. Вместе с тем в истории Гражданской войны есть примеры, когда именно наличие полевых укреплений позволяло одной из воюющих сторон добиться успеха.

15 октября 1918 г. Дутов, вероятно уже осведомленный о своем назначении командующим Юго-Западной армией, писал Болдыреву:

«Позволяю отнять у Вас драгоценное время настоящим письмом, но всего не скажешь по телеграфу. Я глубоко тронут Вашим доверием ко мне, выразившимся в высоком назначении, приложу все свои силы и знания, дабы оправдать Ваше доверие[1090].

Настроение у нас, Оренбургских казаков, повышенное, опасность еще теснее сблизила нас, и ко мне идут толпами с просьбами принять в ряды. Я мобилизовал все войско до 45 лет, но, за неимением оружия, не собирал на сборные пункты, а оставил пока в станицах, где они будут заниматься. Будь винтовки и патроны, можно было бы создать целую армию из казаков. Но нет **оружия** (здесь и далее подчеркнуто В.Г. Болдыревым. – *А. Г.*), нет **денег**, нет **седел**, нет **обмундирования**, а главное – **сапог**.

На меня Самарское Правительство в большой претензии, что я продолжаю печатать местные деньги. Я не вижу другого способа выходить из невероятно тяжелого финансового положения. С 26 октября 1917 года, вот скоро уже год, как я не получил ни одной копейки помощи и ни одного денежного знака, но в то же время не прекращал войны и дрался до конца, держал под ружьем части и вел хозяйство войска.

Я сам отлично понимаю вред местных денег, но, если я их прекращу, завтра же будет крах. Мои мольбы о присылке знаков были тщетны, единственный случай мне прислали кредит на 10 миллионов, но и то только ассигновку, но без денежных знаков и не имея в кассе ни рубля, так эта ассигновка лежит в папке. Иметь расход в 5 миллионов ежедневно и не получать ни гроша от казны – надо же было найти какой-либо выход. Наши деньги пользуются большим доверием в крае. Глубокоуважаемый Василий Георгиевич, поймите Вы мое поистине трагическое положение. Из-за личных счетов, зависти и какой-то контрреволюционности Комитет Членов Учредительного Собрания наказал народ и войско. Разве я не дал бы Самаре ту дивизию, которая сейчас **мною сформирована** и послана на **Бузулукское направление**. Ведь не было оружия и обмундирования, все это добыто для дивизии сейчас не

полностью и путем розыска по разъездам и селам, куда направились дезертиры Народной Армии[1091]. Если бы Вы видели паническое бегство тыла и резервов?! Это сплошной ужас. Группа Полковника Махина сделала все, что было в ее силах. Я с невероятным трудом вывез, что мог, но **винтовки, патроны ушли в Уфу**[1092]. У меня в резерве нет **ни одного патрона** к 3-линейным винтовкам. К системе Гра я имею. К Ватерли, Японской, Бердана – **ни одного**. Артиллерийских – много, особенно 3-дюймовых, но горных – нет, тяжелых – **очень, очень мало**. Нет аэропланов и бензина для моторов, но опять повторяю: нет денег и денег и денег. Мне кажется, что патроны могут быть высланы через Уфу или Троицк… Все, что в силах и по средствам, сделаю не ради частных интересов, а ради общего Российского дела.

Полагал бы своевременно необходимым теперь же организовать склады артиллерийские, инженерные, интендантские и другие в городах **Троицке, Верхнеуральске и Орске**[1093] для моей армии, но средствами Вашего резерва и Вашего аппарата, ибо у меня нет ничего. Я позволяю, может быть, затрагивать вопросы не моей компетенции, но иного выхода нет. Прошу меня извинить, ибо революционная разболтанность, очевидно, и на меня повлияла.

Крайне острая нужда сказывается в проволоке, изоляторах, крючьях и аппаратах для новых линий и поправления разрушенных[1094]. Затем докладываю Вам, что я принимаю все меры укрепления подступов к Оренбургу и Уральску и самый Оренбург предполагаю подготовить как укрепленный район. Скажите откровенно, Василий Георгиевич, можно ли думать, что союзники придут в достаточных силах и какое время нужно для их подхода. В зависимости от этого и придется вести операции. Наша Народная Армия, собранная и обученная в Оренбурге, по внешнему виду отличается сильно от Самарской. Не знаю, как будут в боях. Пока же ведут себя отлично и в строю молодцы. Посылаю завтра 1000 человек на пополнение 2-й Стрелковой дивизии, и вчера ушла на Актюбинский фронт Макленовская[1095] батарея Народной Армии. Думаю частями приучить ее к бою, и нужно только вооружение. С курьером Вам посылаю все доклады и схемы, касающиеся Округа и фронта. С Орском мы покончили. Теперь все операции на Актюбинском направлении, думаю иметь успех. Покончив с Актюбинском, дам этой группе вполне заслуженный отдых дней на 5 и переброшу на Самарский[1096]. Вот примерно все, что я хотел Вам доложить. В гор[оде] Оренбурге жители настроены панически и бегут, я очень рад и даю им возможность, чтобы не мешали делу. «Рыжие»[1097] ведут себя

прилично, и в городе нет ни митингов, ни собраний. Позволю себе доложить, что я могу Вам помочь и доставить в некоторые пункты: **мясо, хлеб, соль, сало, мыло, кожи, теплую одежду, лошадей**[1098]. Необходимы Ваши агенты и деньги. Продукты, указанные мной, имеются в достаточном количестве.

Теперь позволю себе частные дела. Я посылал Вам телеграмму о шефствах. Ради Бога, не подумайте о честолюбии, его, если оно и было, удовлетворили все и достаточно, дело не в этом. Раз опасность велика, все средства хороши, лишь бы опасность устранить. Я и позволил себе утруждать Вас этой просьбой. Меня одолевают с названиями, но я все-таки не решился на это без Вашего согласия. 16-ый Оренбургский казачий полк и Атаманский дивизион они носят мое имя по приказу Войскового Круга, я здесь бессилен, да и казачьи полки имели названия по своим Атаманам – это наша традиция, признаваемая и бывшей царской властью. Остальные же части, главным образом пехотные, я уведомил, что шефство отклонено и прошу это дело прекратить. Желаю Вам полного успеха в трудном деле созидания, остаюсь Глубокоуважающий Вас и всегда преданный. *А. Дутов*»[1099].

Письмо свидетельствует уже о неуверенности Дутова в скорой помощи союзников (о том, что союзники должны подойти к Оренбургу не позднее середины октября 1918 г., Дутову в начале месяца говорил генерал-майор Гришин-Алмазов при их встрече в Оренбурге[1100]). Резолюции Болдырева на этом письме говорят о не слишком доверительном отношении Верховного командования к Дутову. Решения по этому письму принимались уже в конце октября – ноябре 1918 г.

В октябре была начата эвакуация оренбургских учреждений в Орск для разгрузки войсковой столицы. Позднее эвакуация была приостановлена[1101], однако в городе началась паника. В связи с этим Дутов 15 октября по просьбе городского головы выступил перед депутатами городской думы с успокоительным докладом по текущему моменту[1102]. По утверждению Дутова, вот-вот должна была прибыть помощь союзников, в войске отличная артиллерия, а снарядов якобы «некуда класть». Атаман рассказал о своих последних решениях, некоторые из них выглядели курьезно, но свидетельствовали о решимости Дутова. В частности, он приказал снять двери с Центральной гостиницы, чтобы за ними не происходило того, что не должно было происходить в условиях Гражданской войны (речь шла, по всей видимости, о распитии водки офицерами[1103]). Кроме того, Дутов оштрафовал на 50 000 руб. фирму Аюпова за то, что ее представитель немец Пфейфер нетактичным поведением в

присутствии Дутова обнаружил, по мнению атамана, почти полное презрение ко всему русскому[1104]. Призывая население к спокойствию, Дутов сказал: «Я прошу вас о с т а в и т ь (разрядка документа. – *А. Г.*) все мелочное и помнить, что разбойничий контрреволюционер атаман Дутов складывает и свою голову за спасение города и родины. Мне жизнь не дорога, и ее не буду щадить, пока в России будут большевики. Прошу помнить, что ваш командующий всегда стоял за честь и достоинство родины!»[1105].

16 октября Дутов утвердил мобилизационный план Оренбургского военного округа, согласно которому предполагалось формирование в округе трех корпусов: казачьего, армейского и башкирского. Формирование частей на территории округа намечалось проводить «сообразуясь с особенностями населяющих территорию Оренбургской губернии и Тургайской области народностей»[1106]. 4–5 октября были изданы приказы об обязательной регистрации и мобилизации всех офицеров до 55 лет, находящихся на территории округа, не исключая отставных[1107]. Тогда же приказом по войску была объявлена мобилизация всех казаков 1873–1898 гг. рождения и призыв из их числа казаков 1883–1898 гг. рождения во 2-м и 3-м округах[1108]. Предполагалось вести подготовку казаков 1899–1900 гг. рождения[1109]. Впрочем, организовать казаков оказалось совсем не просто. Мобилизуемые являлись на сборные пункты в большинстве своем без лошадей и обмундирования, хотя обязаны были все это иметь при себе[1110].

Мобилизация в армейские (неказачьи) части предполагалась по мере освобождения уездов от противника. Прежде всего призыву подлежали лица 1898-го и 1899 гг. рождения (призыв 1919–1920 гг.)[1111]. Каждому полку предполагалось придать по 12 пулеметов. В идеале Дутов рассчитывал снабдить каждую сформированную стрелковую дивизию 120 пулеметами, 4 легкими орудиями, а также гаубичной и тяжелой батареями[1112]. Несколько иной была мобилизация казаков. Планировалось из молодых казаков присяги 1917–1918 гг. сформировать три казачьи конные дивизии по одной на каждый военный округ Оренбургского казачьего войска и одну пластунскую (трехполкового состава). В состав каждой дивизии включался трехбатарейный дивизион гаубичной артиллерии (12 орудий). Полки постоянной службы и кадровые батареи сводились в три отдельные казачьи бригады. Предполагалось создание запасных частей, а также тщательная подготовка личного состава новых формирований. Мобилизацией башкирских частей должно было заниматься башкирское правительство.

Видимым результатом деятельности Дутова и его штаба (впрочем, не только их, т. к. во 2-м и 3-м военных округах военное строительство шло самостоятельно) стало то, что, несмотря на все затруднения, в конце лета – начале осени 1918 г. на Южном Урале появились первые оренбургские казачьи соединения – бригады [2-я Отдельная[1113] (полковник П.М. Лосев, 2-й и 5-й Оренбургские казачьи полки) и 3-я Отдельная (полковник М.Г. Смирнов, 3-й и 6-й Оренбургские казачьи полки] и дивизии [1-я (генерал-майор Д.М. Красноярцев, 1-й Оренбургский казачий линейный полк (до 5 октября 1918 г. – 7-й Оренбургский казачий полк), 8, 13 и 14-й Оренбургские казачьи полки, Отдельный казачий стрелковый дивизион и 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (4-я и 10-я Оренбургские казачьи батареи), 2-я (генерал-майор М.Г. Серов, 9, 10, 15-й Оренбургские, 16-й Карагайский Атамана Дутова казачий полк (до 5 октября 1918 г. – 16-й Оренбургский казачий полк), Татищевский пластунский дивизион, 2-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (5-я и 8-я Оренбургские казачьи батареи), 3-я (генерал-майор В.М. Печенкин, 11, 12, 17 и 18-й Оренбургские казачьи полки, 3-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (6-я и 9-я Оренбургские казачьи батареи), Оренбургская казачья сводная[1114] (Генерального штаба генерал-майор Н.А. Поляков, 19, 20, 24 и 25-й Оренбургские казачьи полки, 4-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (11-я и 12-я Оренбургские казачьи батареи) и 1-я Оренбургская казачья пластунская (Генерального штаба полковник Ф.Е. Махин)]. Значительно позже, уже в начале 1919 г., были сформированы 5-я Оренбургская казачья дивизия и 1-я Отдельная Оренбургская казачья бригада. Впрочем, уже в конце марта 1919 г. 5-я дивизия была расформирована, поскольку в войске просто не было сил для пополнения такого количества соединений[1115].

Очевидные успехи войсковой администрации в деле формирования частей и соединений стали одной из причин создания Юго-Западной армии. Приказом войскам армии от 19 октября Ташкентский и Орский фронты расформировывались, их имущество передавалось на укомплектование 1-й и 2-й казачьих дивизий[1116]. Сформирована Ташкентская группа в составе этих двух дивизий, 1-й Башкирской пехотной дивизии и приданных частей.

Ряд казачьих частей и соединений из 2-го и 3-го военных округов организационно не подчинялись Дутову и не вошли в состав его армии, действуя в составе Уральского Отдельного корпуса (затем – III Уральского армейского корпуса), а позднее

Западной и Сибирской армий. В их числе были 2-я и 3-я Оренбургские казачьи дивизии, 2-я и 3-я Отдельные Оренбургские казачьи бригады, а также ряд полков и батарей.

26 октября 1918 г. был сформирован I Оренбургский казачий корпус (1-я, 2-я и позднее 4-я Оренбургские казачьи дивизии), который возглавил опытный кавалерийский начальник, генерал-майор Г.П. Жуков. Не вполне понятно соотношение полномочий командира корпуса и командующего Ташкентской группой. Корпус прикрывал Оренбургское и Орское направления со стороны Туркестана. Кстати, штат управления казачьего корпуса был выработан в Оренбургском военном округе еще в августе 1918 г., что свидетельствует о наличии у Дутова уже в тот период масштабных планов развертывания армии[1117]. Добавлю, что в армии Дутова была организована собственная разведывательная и контрразведывательная работа. Велась агентурная разведка в тылу красных, осуществлялся радиоперехват[1118].

Однако в деле военного строительства и обеспечения войск были и серьезные недочеты. В первую очередь крайне остро стоял вопрос нехватки в казачьих частях младшего офицерского состава. За годы Первой мировой войны офицерский корпус Оренбургского казачьего войска понес незначительные потери и сумел сохранить подавляющее большинство кадрового офицерского состава. Этот факт, на мой взгляд, сыграл определяющую роль в переходе оренбургского казачества практически в полном составе на сторону антибольшевистских сил. Вместе с тем в Гражданскую войну ветераны Первой мировой уже имели относительно высокие чины и не могли или не хотели служить на должностях младших офицеров. Налицо было перепроизводство кадровых казачьих штаб-офицеров и острая нехватка младшего офицерского состава.

В младших офицерских чинах оказывались либо офицеры военного времени производства периода Первой мировой и Гражданской войн, либо выслужившие офицерский чин в Первую мировую или Гражданскую унтер-офицеры, что не могло не сказаться отрицательно на рядовых казаках.

Бывало, что на офицерские должности в связи с нехваткой офицерского состава назначались офицеры-неказаки или унтер-офицеры[1119]. Неказачьи офицеры активно принимались в казачье сословие. В связи с острой нехваткой младших офицеров некоторые из них, находившиеся даже на крупных по меркам войска административных должностях, отправлялись на фронт. Например, именно по этой причине временно был допущен на фронт атаман 2-го военного округа подъесаул В.Н. Захаров[1120]. Нередко командирами полков становились обер-офицеры. Многие

опытные старшие офицеры – ветераны нескольких войн, наоборот, оказывались на тыловых должностях. В итоге в период Гражданской войны на должностях младших офицеров, непосредственно общавшихся с рядовым казачеством, оказывались почти исключительно офицеры военного времени, часто из нижних чинов. Такое положение вещей приводило к панибратским отношениям рядового и офицерского состава, падению авторитета офицера и, как следствие, к выходу казаков из подчинения своим командирам. Сюда же добавлялись известные недостатки территориальных казачьих формирований, когда командиры при необходимости принять суровое решение были вынуждены учитывать то, что им со своими подчиненными придется жить после войны по соседству.

Почти во всех казачьих полках нехватка обер-офицеров выражалась в двузначных цифрах. По данным на 15 октября 1918 г., некомплект офицеров по отношению к штату в частях войска составлял не менее 63 штаб-офицеров и не менее 801 обер-офицера[1121]. Цифры поразительные. Проиллюстрирую их на конкретном примере. По штату в казачьем конном полку полагалось 4 штаб-офицера и 45 обер-офицеров. Так, во 2-м Оренбургском казачьем полку не хватало до штатного количества 2 штаб-офицеров и 31 обер-офицера, в 5-м – 1 штаб-офицера и 40 обер-офицеров. Дутов 7 сентября 1918 г. даже обратился к казачьим офицерам с призывом не покидать свои части в связи с некомплектом[1122].

Если на 21 сентября 1918 г. один офицер-оренбуржец приходился в среднем на 16 казаков, то к 15 октября уже на 45, в Московской группе армий к 1 октября 1919 г. – на 35 нижних чинов, что было значительно хуже ситуации по Восточному фронту белых в целом[1123]. Таким образом, казачьи части были крайне бедны офицерским составом, что не могло не отразиться самым печальным образом на их боеспособности.

На вооружении оренбургских казачьих формирований находилось оружие самых разнообразных систем – винтовки системы Мосина, Бердана, Арисака, Гра, Ватерли, револьверы Нагана, пулеметы Максима, Кольта, Гочкиса, Льюиса[1124]. Винтовки иностранных систем были подчас распространены не меньше, чем русские (данные на 15 октября 1918 г.)[1125] (см. табл. 6).

Таблица 6

Система винтовок	1-й Оренбургский казачий полк	2-й Оренбургский казачий полк	11-й Оренбургский казачий полк
Мосина	111	122	345
Бердана	—	115	121
Арисака	—	44	86
Гра	402	—	138
Ватерли	243	114	—

Подобная пестрота обусловила сложность обеспечения армии соответствующими боеприпасами. Аналогичным образом дело обстояло и с пулеметами. На фронтах Оренбургского военного округа к 21 сентября 1918 г. имелось 52 пулемета Максима, 23 пулемета Кольта и 2 пулемета Гочкиса[1126]. По данным на 1 января 1919 г., в одной только 4-й Оренбургской казачьей дивизии имелось на вооружении 4 пулемета Максима, по 8 пулеметов Льюиса и Гочкиса и 16 пулеметов Кольта[1127].

Кроме того, войска Оренбургского военного округа (на 21 сентября 1918 г.) располагали двенадцатью 3-дюймовыми орудиями, двумя 3,5-дюймовыми поршневыми орудиями образца 1895 г., двумя 48-линейными поршневыми гаубицами и бронепоездом (орудие и два пулемета). По данным на 2 ноября 1918 г., у Дутова было 59 трехдюймовок, 11 48-линейных орудий и 7 6-дюймовых. Запас снарядов был следующим: 12 000 3-дюймовых гранат, 38 000 3-дюймовых шрапнелей, 11 000 48-линейных бомб и 5000 48-линейных шрапнелей. Кроме того, имелось 7000 3-линейных винтовок, 5000 ручных гранат, 17 280 тесаков и бебутов, 3880 шашек, 11 700 пик и 200 пулеметов Максима[1128]. В процентном соотношении у Дутова был только 21 % всех трехдюймовок, имевшихся у белых на Восточном фронте[1129], 33,3 % 48-линейных и 9,3 % 6-дюймовых орудий.

Остро чувствовалась нехватка средств связи, автомобилей, бронетехники (на весь округ в сентябре 1918 г. имелся лишь один бронеавтомобиль[1130]), осветительного материала[1131]. Как всегда, не хватало средств. В частности, Оренбургский военный округ в сентябре 1918 г. должен был получить из Самары 15 миллионов руб. на формирование армии, получено же было только 4 097 626 руб. 13 коп.[1132]

Казаки по-прежнему отличались низкой дисциплиной, что вызывало неоднократные нарекания со стороны Дутова. Атаман боролся с распространенными среди казаков самовольными реквизициями имущества у гражданского населения[1133] и с другими антидисциплинарными поступками. В приказе по Оренбургскому военному округу от 10 октября 1918 г. Дутов отметил: «…6-го октября с. г. при посещении мной

кинематографов и цирка замечено, что воинские чины гарнизона теряют всякий воинский облик. Мало того что форма одежды нарушается на каждом шагу, – позволяют себе ходить с расстегнутыми шинелями, грызть семечки на улице и в общественных местах, что свидетельствует о полной разболтанности. Совершенное отсутствие воинской выправки и такта, что, к общему стыду, замечаю иногда и среди офицеров. Считаю, что звание воина, будь он офицер, казак, солдат, настолько высоко и почетно, что им должны гордиться и ограждать его от всяких нареканий. Взаимное приветствие лишний раз должно напоминать и подчеркивать принадлежность всех воинских чинов к одной общей семье. Предписываю начальнику Гарнизона и коменданту Города обратить серьезное внимание на поведение и форму одежды воинских чинов, категорически требуя ее выполнения и строго взыскивая за всякие упущения…»[1134] Как видно, приказ почти идентичен аналогичному за август 1918 г., что свидетельствует о тщетности попыток Дутова привести казаков в порядок. В приказе по оренбургскому гарнизону от 17 октября 1918 г. отмечалось, что «несмотря на неоднократные приказы по гарнизону многие гг. офицеры ходят по городу без погон, на кокардах Георгиевские ленточки и не приветствуют друг друга и старших»[1135]. Подобная ситуация дала повод генералу С.А. Щепихину позднее утверждать, что у Дутова были «толпы вооруженных казаков `a la Заруцкий, но не было воинских частей»[1136].

Как вспоминал перебежавший позднее к красным командир 1-й сотни 25-го Оренбургского казачьего полка сотник И.Е. Рогожкин, «я с первого разу заметил порядки плохие, причитающие жалование и суточные на довольствие 2 месяца не выдавали. Обмундирование то же, казаки большинство обтрепаны, довольствие себе и лошадям доставали способом реквизиции и неумеренно (слово добавлено другим почерком. – *А. Г.*), где кто сколько ухватит, вооружение[:] за исключением моей 1[-й] сотни весь полк вооружен винтовками системы Гра и в большинстве неисправными»[1137]. По мнению Рогожкина (впрочем, дважды предававшегося военно-полевому суду), последовательно сменявшиеся командиры полка были крайне неудачными: один – «форменный алкоголик, да и недалекого, видимо, ума… по вывеске был очень представительный» (полковник Тургенев), другой – «человек трезвый и очень гуманный, но в военном деле был бездарный до бесконечности» (войсковой старшина П. Иванов), третий – «еще чуднее… человек совсем глупый и ни к чему не способный» (полковник Калачев)[1138]. Для борьбы с дезертирами в конце 1918 г. было

предписано задерживать их трудоспособных родителей и направлять на работы в окопы в прифронтовой полосе[1139].

1917 год разложил не только солдат, но и офицерство. Уже осенью 1918 г. наблюдатели отмечали, что на фронте офицеров не хватает, зато в тыловом Оренбурге они встречаются в избытке[1140]. Удивительным образом на новые условия службы накладывались прежние корпоративные традиции. В Указе Войскового правительства № 6 от 20 июля 1918 г. отмечалось:

«Многие из состоящих на службе офицеров не откликнулись на призыв Главнокомандующего фронтом действующих против большевиков казачьих отрядов и не встали в ряды бойцов на защиту войска. Были случаи отказа штаб-офицеров от исполнения поручений командующих фронтами, очевидно, потому, что командующие были моложе их чином. Не время теперь считаться со старшинством и умалять власть тех, кто, движимый любовью к родному войску и России, не жалея ни сил, ни жизни, не зная отдыха, отдает всего себя на борьбу со злейшим врагом казаков – большевиками и, благодаря лишь своей самоотверженной работе, выдвинут на видное место командующего отрядом или фронтом. Если успех сопутствует таким командующим, то они находятся на своем месте и смена их вредна для общего дела.

Время, переживаемое нами, слишком тяжело, не менее тяжелы сейчас и обязанности управления выздоравливающими, но страшно ослабевшими от тяжкой болезни вооруженными силами войска, а потому командование должно быть в руках тех, кому верят и [за кем] охотно пойдут части в бой, не щадя жизни. Таковыми являются офицеры, уже выдвинувшиеся из рядов бойцов против большевизма»[1141].

Некоторые явления свидетельствовали о моральном разложении офицерского корпуса, в том числе не худших его представителей. В офицерской среде стала проявляться непочтительность (например, по отношению к казакам-старикам[1142]). Широко распространились карточная игра и другие развлечения, пьянство (возможно, вследствие безысходности положения) и даже мародерство. В частности, командир дружины станицы Петровской, а позднее – офицер 17-го Оренбургского казачьего полка сотник Н.П. Пономарев, по мнению генерал-майора В.В. Кручинина, относился к числу морально падших людей. «Произведенный, очевидно, во время Великой войны, из урядников, и не имеющий соответствующего образования и должного воспитания, он, своими антиморальными (так в тексте. – *А. Г.*) поступками по отношению жителей и их имущества, стяжал себе поистине имя мародера, и нужно только удивляться, как такой выродок мог служить в

войсках Белой Армии и носить высокое звание офицера?!»[1143]

В одном из уфимских кафе в мае 1919 г. пьяный дебош устроил прапорщик 18-го Оренбургского казачьего полка П.А. Никольский, который «в ночь на 13 мая 1919 г. в гор. Уфе… напился пьяным до потери приличного воинскому званию вида… тогда же и там же, находясь в кафе «Трудовая Артель», носил при себе бутылку со спиртом, каковой в означенном кафе и распивал, причем вел там себя неприлично, шумя, ругаясь и ходя-шатаясь по ресторану, чем вызвал возмущение находившейся в кафе публики и требование удалить его из кафе»[1144], а затем, не желая подчиняться пытавшимся его утихомирить офицерам, заявил, что он «служит в войсках Дутова, какового только одного и признает, а до остального ему нет дела»[1145]. Прапорщик 8-го Оренбургского казачьего полка Ф. Бармотин в декабре 1918 г. совершил пьяное буйство, за что был разжалован в рядовые[1146]. Дошло до того, что Дутов в январе 1919 г. издал приказ: «Властью, мне данной Верховным Правителем, решительно объявляю: всякий пьяный, встреченный на улице, будет выпорот без различия званий и состояний… Роскошь, пьянство и безобразие не могут быть допущены в городе, вокруг которого льется святая кровь защитников Родины»[1147].

Недуг коснулся и старших офицеров. К примеру, в приказе по Восточному фронту № 85 от 8 сентября 1919 г. говорилось, что командир 6-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина А.А. Избышев «за уклонение от боевых операций и беспрерывное пьянство» разжалован в рядовые[1148]. Надо сказать, что пьянство получило распространение также среди неказачьих офицеров.

Некоторые офицеры не гнушались ловить рыбу в мутной воде и в период братоубийственной войны занимались личным обогащением за счет армии. Генерал С.А. Щепихин отмечал, что в злоупотреблениях был уличен оренбургский казачий офицер полковник Новокрещенов, являвшийся в 1919 г. начальником этапной части Южной армии[1149].

По данным, обнаруженным челябинским историком Е.В. Волковым, человеком, «не брезгующим никакими средствами для достижения личного благополучия», являлся видный деятель антибольшевистского движения оренбургского казачества есаул Г.В. Енборисов[1150], дело которого с декабря 1918 г. рассматривалось в Троицком окружном суде. Енборисов обвинялся в том, что, будучи сотрудником контрразведки (на должности начальника Верхнеуральского отделения военного контроля), занимался вымогательством денег у тех, кто подозревался в сотрудничестве с большевиками. В итоге

несколько месяцев Енборисов провел в тюрьме.

Утрата моральных ограничений коснулась и личной жизни офицерского корпуса. В частности, в годы Гражданской войны сам атаман Дутов и генерал А.С. Бакич содержали по нескольку любовниц, при том что были женаты и имели детей. Походный быт сопровождался и другими явлениями. Так, генерал В.А. Бородин, по одной из характеристик, «лучший и храбрейший из командиров корпусов, но имеющий слабость к молоденьким и хорошеньким адъютантам»[1151].

Взаимоотношения внутри офицерского корпуса также были далеко не простыми. Существовало деление на казачьих и неказачьих офицеров, причем некоторые представители каждой из групп с недоверием относились к другим. Этому вопросу, несмотря на традицию скрывать внутренние ведомственные противоречия, осенью 1918 г. был посвящен даже специальный материал в «Оренбургском казачьем вестнике». Штабс-капитан Насонов обратился к казачьим офицерам с открытым письмом, в котором писал: «Мне грустно видеть взаимное непонимание и недоверие, которое замечается между офицерством пехотным и казачьим… Я, сражавшийся все время в рядах казаков, в минуты испытаний и лишений боевой жизни – видел все величие духа и полное единение у боевого офицерства. У нас не было деления на офицеров пехотных и казачьих. Блестящие боевые офицеры: есаул Ершов, Донецков, капитан Булгаков и Володин – никогда о своих преимуществах не говорили. Они все силы отдавали борьбе с большевиками, и для пустых ребяческих раздоров у них не было времени. Нам всем нужно брать с них пример»[1152].

Конфликты существовали и среди собственно казачьих офицеров. В частности, в конце октября – начале ноября 1918 г. буквально из-за совершенно ничтожного вопроса о писарях разгорелся острейший конфликт между генерал-майором Г.П. Жуковым и его штабом, с одной стороны, и начальником 1-й Оренбургской казачьей дивизии генерал-майором Д.М. Красноярцевым – с другой. Подоплека конфликта заключалась в неясности вопроса о подчиненности дивизии Красноярцева. Вопрос пришлось улаживать на уровне Войскового атамана и правительства[1153]. Достаточно частыми в офицерской среде стали и антидисциплинарные поступки. Так, 6 октября 1918 г. Дутов был вынужден объявить выговор одному из наиболее известных руководителей повстанческого движения в войске есаулу А.П. Донецкову «за некорректное отношение к командующему фронтом»[1154].

В годы Гражданской войны появились и нехарактерные для прежних времен нововведения. Так, в сентябре 1918 г. было

образовано общество офицеров Оренбургского казачьего войска[1155]. Очевидно, это был своеобразный офицерский профсоюз для защиты корпоративных интересов. Создание такого общества было видимым проявлением политизации казачьего офицерства периода Гражданской войны. Кстати, вскоре после своего учреждения общество по решению 3-го чрезвычайного Войскового Круга было закрыто как имеющее политический характер[1156].

Тем не менее определенная тенденция налицо. Если до 1917 г. для офицеров политики, как таковой, не существовало, то в новых условиях политические пристрастия нередко предопределяли поступки офицеров. Среди оренбуржцев, не считая перешедших к красным, наиболее ярким примером офицера, для которого партийность возобладала над воинским долгом, стал член партии эсеров Генштаба полковник Ф.Е. Махин, который стал одним из активных участников военного заговора против атамана А.И. Дутова в декабре 1918 г. Махин был не одинок. «Социалистический душок» казачьи офицеры отмечали и у еще одного старшего офицера – командира 17-го Оренбургского казачьего полка полковника Н.Г. Смирнова[1157].

Во второй половине 1918-го – первой половине 1919 г. в ожесточенной борьбе на Урале решалась дальнейшая судьба России. Обстановка на фронте Юго-Западной армии складывалась следующим образом. В состав только что образованной Юго-Западной армии телеграммой начальника штаба Верховного главнокомандующего № 309 от 17 октября была включена Бузулукская группа полковника Махина. Сам Махин получил назначение на должность командующего войсками Ташкентской группы и командующего Оренбургской казачьей пластунской дивизией и 20 октября выехал в Ак-Булак[1158], а в командование войсками Бузулукской группы вступил начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии полковник Бакич[1159]. Помимо Бузулукской и Ташкентской групп войск в состав Юго-Западной армии входила и Уральская группа под командованием генерал-майора В.И. Акутина. По свидетельству одного из участников Гражданской войны на Урале на стороне красных, уральцы были гораздо реакционнее (т. е. непримиримее) оренбуржцев, лучше относившихся к красным и часто остававшихся в своих станицах при отступлении белых (уральцы, как правило, в этом случаи уходили с армией)[1160].

Задачей армии было сдерживать наступление красных, причем на Бузулукском направлении предполагалась пассивная оборона на укрепленных позициях, являвшихся на самом деле фикцией[1161], до окончания формирования Оренбургской казачьей

сводной дивизии, после чего, по всей видимости, предполагалось наступление. Уральская группа должна была обороняться на Саратовском направлении и прикрывать Уральскую область, а также войти в связь с Астраханским казачьим войском и войсками полковника Л.Ф. Бичерахова, действовавшими на западном берегу Каспийского моря.

Лишь Ташкентская группа Махина после перегруппировки должна была перейти в решительное наступление и взять город Актюбинск, приготовившись «к безостановочному продвижению на Ташкент»[1162]. В резерве у Дутова в конце октября оставалась лишь 5-я Оренбургская стрелковая дивизия.

Есть основания полагать, что решение Дутова наступать на Актюбинск и далее на Ташкент в своей основе имело не только военные соображения. Осенью 1918 г. к Дутову из Туркестана с секретной миссией был направлен член антибольшевистской подпольной Туркестанской военной организации поручик П.П. Папенгут (назад в Туркестан он возвращаться не стал, а впоследствии дослужился у Дутова до чина полковника, став его штаб-офицером для поручений). Папенгут должен был передать Дутову письмо полковника И.М. Зайцева с изложением подготовленного белыми подпольщиками, вероятно, совместно с британской разведкой плана общего восстания в Туркестане против большевиков, в котором должны были принять участие как белые и их союзники англичане, так и местные ферганские, бухарские и туркменские повстанцы (басмачи). Дутова просили поддержать восстание наступлением на Актюбинск, что он и предпринял. По мнению командующего войсками Туркестанской Советской Республики Г.В. Зиновьева, Дутов рассчитывал захватить Туркестан и использовать его как базу в случае отступления с Южного Урала. При этом, как писал Зиновьев, «Ашхабадский и Ферганский фронты, хотя они и были серьезны, но не имели того решающего значения, как Оренбургский»[1163]. Момент был выбран очень удачно – после оставления Оренбурга и бегства в Туркестан и до присылки в декабре 1918 г. боеприпасов из центра с караваном А.Т. Джангильдина (20 000 винтовок, 2 000 000 патронов, 10 000 бомб, 7 пулеметов) войска Зиновьева практически не имели патронов.

Вообще воинство Зиновьева со стороны выглядело довольно оригинально. По словам очевидца, «пестро выглядела армия – шляпы, папахи, фуражки, кепки, даже приспособленные для головы дамские муфты… Армяки, шубы, шинели, кафтаны, тужурки… Лохматые, сделанные из кошмы сапоги…»[1164]. Помимо отсутствия одежды, войска красных не имели топлива для разогрева пищи, обогрева помещений и работы паровозов. Топили

кизяком, разбирали на дрова железнодорожные постройки, позднее из Ташкента в качестве топлива было доставлено три эшелона сушеной рыбы[1165]. Тем не менее на этом фронте силы красных превышали 17 000 человек[1166] (по другим данным, их численность доходила до 30 000 человек[1167], минимальная цифра составляет 10 400—10 800 штыков и сабель при 31 орудии[1168]), что представляло довольно серьезную угрозу для армии Дутова.

Наступление Дутова должно было послужить сигналом к восстанию в Туркестане. Однако восстание в самый разгар его подготовки из-за предательства потерпело неудачу, вследствие чего наступление Дутова оказалось бессмысленным[1169]. Сам атаман для поддержания связи с туркестанским подпольем направил в Фергану в начале октября 1918 г. есаула Н.М. Юдина с проектом договора о создании Юго-Восточного союза[1170] (по другим данным – Восточного союза[1171]). Дутов решил вернуться к идее союза, разработанной еще в 1917 г. на юге России. Однако у реанимированного проекта были и свои особенности. В частности, огромным союзом должно было руководить оренбургское правительство с самим Дутовым во главе. По проекту Дутова в состав союза должны были войти Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское и Астраханское казачьи войска, Башкирия, Казахстан, Туркестан, Хива и Бухара, а также, в перспективе, Кубанское и Терское казачьи войска. Допускалась внутренняя самостоятельность вошедших территорий при военно-политическом и хозяйственном взаимодействии. Столицей союза должен был стать Оренбург, откуда и исходила инициатива его создания (идею одобрил Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска). Таким образом, Дутов вынашивал честолюбивый, но по-своему политически наивный план создания подчиненной себе огромной конфедерации. Слишком разнородные силы предполагалось включить в ее состав. Впрочем, после Государственного совещания, а тем более после объединения антибольшевистских сил под властью адмирала А.В. Колчака необходимость в таком союзе отпала, как отпала и сама возможность его организации во главе с таким высокопоставленным политическим и военным деятелем, как Дутов.

На Актюбинском направлении 14–15 октября произошел ожесточенный бой у станции Ак-Булак, однако белые успеха в наступлении на Ташкент не добились. Между тем под станцией Яйсан 19 октября они чуть не взяли в плен штаб Г.В. Зиновьева[1172]. В дальнейшем на этом участке фронта имели место даже братания красных и белых (на станции Каратугай)[1173]. В те же дни казаки на этом направлении совершили рейд в тыл

красных, захватив позади линии фронта станцию Бистамак за Актюбинском[1174].

Несмотря на укрепление подступов к городу, 29 октября пал Бузулук, однако красные не стали развивать наступление далее на Оренбург, что, по всей вероятности, было связано с необходимостью переброски частей 1-й советской армии на Южный фронт. 16 ноября туда была отправлена Инзенская дивизия[1175]. Части Бузулукского участка в этот период находились в крайне тяжелом состоянии. Ситуацию облегчило лишь то, что в первой половине ноября командование 1-й советской армии занималось переброской войск на Южный фронт и до середины ноября на Бузулукском фронте сохранялось относительное затишье, а со второй половины месяца красные повели наступление на Оренбург, причем к началу декабря фронт проходил в районе станции Сорочинская.

20 октября 1918 г. временно исполняющий обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерал-лейтенант С.Н. Розанов телеграфировал Дутову о стратегических задачах, возлагавшихся на его армию: «Необходимо установить связь и правильность сношения с армией Алексеева, отрядов (так в документе. – *А. Г.*) Бичер[ах]ова и англичан, а также, принимая в расчет выгоду дополнительного базирования на Персию, является крайне необходимым использовать Каспийское море…»[1176]

К этому времени амбиции Дутова выходили не только за пределы Оренбургской губернии, но уже и за пределы Южного Урала. 23 октября он писал Генерального штаба генерал-лейтенанту А.И. Деникину: «Ваше В[ысокопревосходитель]ство Глубокоуважаемый Антон Иванович. Пользуюсь случаем передать Вам, доблестный генерал, привет от Оренбургского казачьего войска. Подателями сего письма, два офицера Сибирской армии, мне совершенно не известны, и, хотя предъявили свои документы, тем не менее я не могу через них передать Вам наши военные дела. Наверное, к Вам уже прибыл один Сибирский генерал, который и передаст все документы[1177]. Мы же, казаки, можем только просить Вас о возможности связи с Вами. Мы деремся все – мобилизация задела всех до 45 лет. Ждем от Вас выхода на Волгу и взятия Саратова, тогда мы вздохнем полной грудью. Глубокий поклон борцам за матушку Русь[,] в лиц[е] Вашем приветствую всю Вашу Армию»[1178]. Дутов и другие вожди казачества на востоке России возлагали большие надежды на Добровольческую армию.

Лишь 20 (7) декабря Деникин написал свой ответ, адресованный почему-то «Главнокомандующему Добровольческой

Армией» А.И. Дутову: «Милостивый Государь Александр Ильич. От имени Добровольческой Армии шлю в Вашем лице славному Оренбургскому казачьему войску низкий поклон и сердечную благодарность за Ваше теплое приветствие в письме от 23 Октября за № 1012. С особым удовлетворением Добровольческая Армия следит за эпической борьбой, которую Оренбургское войско ведет против нашего общего врага большевиков и преклоняется перед выдающейся доблестью и самоотвержением, с которыми Вы и Ваши казаки делаете то же великое историческое дело, которому второй год служит Добровольческая Армия. Несмотря на большое расстояние, нас разделяющее, мы делаем одно общее дело и, с Божьей помощью, дождемся того дня, когда одновременным движением на Москву с Востока и с Юга мы сомкнемся плечом к плечу и братски протянем друг другу руки. Прибытие Союзного флота в Черное море и начавшаяся высадка десанта союзников в Одессе и ожидающаяся в ближайшем времени в Крыму и на Черноморском Побережье выдвигают[1179] вопрос о создании Южного фронта и восстановлении Русской армии на всем необъятном фронте от низовьев Волги до нашей бывшей западной границы. К формированию этой армии будет приступлено немедленно по получении от Союзников обещанной ими материальной части и денежных средств, и надеемся к весне выставить внушительную вооруженную силу, с которою можно будет предпринять движение на Север для освобождения Центральной России от владычества большевиков. В этой борьбе надеемся на сотрудничество и Ваших доблестных казаков. Узнав о нуждах Оренбургских и Уральских казаков, я обратился через Начальника Английской военной миссии при Добр[овольческой] Армии Генерала Пуль (бывший Главнокомандующий Союзным десантом в Архангельске[)] с просьбой об оказании Вам и Уральскому войску помощи патронами, снарядами и снаряжением из Баку через Гурьев распоряжением Командующего там Английскими силами Ген[ерал]-Майора Томсона. Такая помощь может быть будет оказана и по Ташкентской железной дороге. Сибирский Генерал, о котором Вы упоминаете, прибыл к нам и в настоящее время принимает участие в Совещании и в городе Яссах, где собрались по приглашению Союзников все государственно мыслящие люди Юга России для предварительного обмена мнений по вопросам, связанным с восстановлением России и помощи в этом деле Союзниками. Прилагая краткий стратегический и политический обзоры, прошу в свою очередь чаще информировать о Ваших действиях, планах, организации вооруженных сил, помощи союзников и проч[ем]»[1180].

Получил ли Дутов это письмо, учитывая неудачи и отступление на фронте его армии в январе 1919 г., – неизвестно.

На основе анализа писем Дутова складывается впечатление, что оренбургский атаман очень любил лишний раз подчеркнуть свою преданность верховной власти, как военной, так и политической. 28 октября 1918 г. он направил письмо председателю Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьеву, в котором писал: «Глубокоуважаемый Николай Дмитриевич! Пользуюсь случаем выразить Вам свое глубокое уважение и пожелать Вам успеха в столь трудном деле, как строительство России в современном ее положении. Оторванные от центра, мы совершенно лишены возможности знать течение политической жизни, а между тем это необходимо. Незнание подрывает авторитет местной власти, а мы дали Вам слово поддерживать Вас, поэтому хочется знать Ваши планы, Ваши стремления и желания, дабы на местах заранее подготовить почву для восприятия всех распоряжений центра. Вопросы о приходе союзников, размерах их помощи, времени начала их работы и прочем слишком остры и слишком часто задаются. Каково положение Комитета членов Учредительного собрания и Съезда их, каковы отношения с Сибирской Думой и т. п. важные дела. Но здесь, находясь в неизвестности, подчас приходится очень трудно. Я каждую неделю буду Вам посылать фельдъегеря к Главковерх и буду Вам писать; прошу не отказать в ответе. Главное затруднение у нас – отсутствие денег и денежных знаков. Все сделал, что мог, но получить их неоткуда, да и бесполезно. Вот ровно год, как я живу самостоятельно, ни копейки помощи, ни одного знака подкрепления. Настроение в районе Оренбурга падает с каждым днем. Интеллигенция вся почти убежала, и народ безмолвствует, и в этом я вижу грозу. Надо принимать самые резкие, бьющие по первым [меры], дабы вывести народ из безмолвия, а для этого самое лучшее средство – пропаганда. Если можете, посылайте агитаторов в тыл Красной армии, наводните его листовками, газетами, воззваниями, чем хотите, но заставьте его говорить о Вас. Вас никто не знает, не верят никому, и только печать и агитация рассеют эту тьму. Большевики бьют пропагандой. Обратите на это внимание. Больше пушек и пулеметов работает агитация. Казачество твердо духом, оно держит знамя борьбы, но и его надо поддерживать. Мы от Всероссийского правительства не получили ни одного указа, ни одной грамоты, а таковые для нас, казачьих вождей, имеют огромное значение. Несколько слов Правительства будет достаточно, чтобы все успокоить, а то все местные приелись уже. Обратитесь и к крестьянству, разъясните им казачье настроение,

нашу борьбу, опять-таки наше[го] слова, как казаков, для крестьянства мало и они нам плохо верят. Таковое же обращение д[олжно] б[ыть] и [к] Нар[одной] Армии. Сейчас особенно тяжело приходится уральцам, их почти со всех сторон окружили. Нам ничего не известно о движении союзников, а это могло бы сыграть большую роль. Когда и куда придут[?] С Кавказом и Туркестаном я в связи, там дела идут отлично. Я генералу Болдыреву писал и доносил все подробно, но не знаю, известны ли Вам мои донесения. Помогите, ради Бога, денежными знаками, без них очень тяжело. С каждым курьером на Ваше имя будут доставляться все местные газеты. Прошу передать мой привет членам Всероссийского Правительства. Глубокоуважающий Вас *А. Дутов*»[1181].

На мой взгляд, нет никаких оснований считать это письмо, как полагает И.Ф. Плотников, попыткой давления Дутова на правительство[1182]. Налицо попытка Дутова выяснить, каково положение вверенной ему территории в административном отношении, ибо необъяснимое продолжение функционирования губернских и уездных уполномоченных Комуча после упразднения власти последнего создавало двоевластие и вело к противоречиям[1183].

31 октября Дутов разговаривал с Болдыревым по аппарату. Как записал Болдырев в своем дневнике, у Дутова нет связи с уральцами из-за порчи проводов, а «в Оренбурге появилось, по его словам, настроение паническое. Конечно, опять просит денег»[1184]. Таким образом, Дутов своими постоянными жалобами и просьбами о финансовой помощи сумел довольно быстро надоесть Верховному главнокомандующему.

Между тем в октябре 1918 г. исполнился год с начала борьбы Дутова против большевиков. Огромный интерес представляет приказ атамана, посвященный итогам первого года борьбы. Дутов писал: «Сегодня ровно год, как Оренбург[ское] казачье войско с оружием в руках отстаивает государственный порядок и защищает войско. За этот долгий срок войско пережило многое: оно видело и единение и распад; видело удачи и поражения; испытало и разорение и пожары; на земле войска не было ни одного дня, когда бы оно не боролось с большевиками. Войско Оренбургское может гордиться своей стойкостью. Войсковое правительство в силу судеб было оторвано от своего войска, но народ и казаки сами поняли, куда их собираются вести вожди большевиков и к чему клонится весь большевизм. Казачество вольное, никогда не знавшее рабства, не могло не видеть в комиссародержавии попытки надеть германское ярмо на русскую душу и опутанного вести русского гражданина по своей указке.

Гордые полученной свободой, нося в себе кровь великих сынов степей, крепко стоящие за свое, исторически сложившееся самоуправление, Оренбургские казаки не могли согласиться с большевиками, и безнадежная вражда весной 1918 года вновь вспыхнула по всей войсковой земле, но уже с новой силой и действительной победой. Лишенные оружия, патронов, обмундирования, седел и др[угого] военного снаряжения, доблестные сыны Оренбургского войска, имея в своих рядах седых защитников вольности казачьей, неудержимым потоком, с палками и нагайками кинулись на торжествующие уже победу банды красноармейцев, и чудо совершилось: народное движение смело большевиков, и ныне мы видим прекрасные, стройные полки казаков, вооруженные взятым с бою оружием, в изобилии снабженные артиллерией и пулеметами и имеющие все технические средства для борьбы – аэропланы, броневики и проч[ее]. Да здравствует вольное, славное Оренбургское войско! Да живет в нем дух борцов за право и справедливость! Не сломить казачьи силы наемникам немцев! Оренбургское казачье войско, гордое единением своей грозной силы и крепостью рядов, вышло из пламени пожаров и гибели разорения закаленным и твердым. Не пустит оно врага в свои пределы и будет крепко биться за матушку Русь. Слава казакам – бойцам, слава дедам и отцам, воспитавшим в русском духе своих сынов и внуков! Вечная память павшим за свободу казачества!..»[1185]

По случаю годовщины в Оренбургской городской думе при участии Дутова состоялось торжественное заседание. Любопытна оценка Дутовым текущих событий. По его мнению, в связи с разгромом Германии движение большевиков на восток России «никакими тактическими соображениями не продиктовано, а есть преступное стремление большевистского командного состава. Они просто хотят здесь все разграбить, забрать кассы и скрыться»[1186]. С трудом верится, что Дутов настолько сильно недооценивал противника, видя в большевиках только лишь германских наемников, а не новых хозяев России, и всерьез полагал, что с разгромом Германии их миссия в России будет закончена.

В начале ноября Дутов посетил Актюбинский фронт, причем по возвращении в Оренбург ему 5 ноября в военном госпитале была сделана операция по удалению четырех зубов. Как сообщалось, удаление зубов было следствием контузий. «В настоящее время я совершенно здоров и продолжаю исполнять свои обязанности», – заявил тогда атаман[1187].

11 ноября 1918 г. завершилась Первая мировая война – самая кровопролитная и жестокая из всех, что велись до тех пор. И хотя

России не было в числе стран-победительниц, победоносное завершение войны бывшими союзницами для участников Белого движения, безусловно, было событием огромного значения. Белые имели все основания считать себя победившими, ведь они сохранили верность союзническому долгу и, похоже, искренне верили, что теперь, когда война на Западе завершена, высвободились целые армии, бывшие союзники не бросят русских антибольшевиков на произвол судьбы. Заверения союзников и слухи создавали твердую почву для таких иллюзий. Неизвестно откуда в оренбургских газетах появились сведения о движении к Перми 50-тысячной армии союзников под командованием генерала Пуля, большие надежды возлагались и на помощь англичан из Туркестана[1188]. В тот же период в Оренбурге было широко распубликовано обращение генерала Пуля к русскому народу и к оренбургским казакам с просьбой о помощи союзникам в их совместной с русскими борьбе против красных и заверениями в поддержке антибольшевистских сил со своей стороны[1189].

Дутов не обошел вниманием окончание войны и выступил со специальным обращением к населению: «Никогда еще мир не был свидетелем такого конца войны. Полная капитуляция миллионных армий и подчинение всем требованиям победителей есть первый случай из мировых войн… Что же мы видим в России. Может ли она радоваться с е й ч а с (разрядка документа. – *А. Г.*). Где то величие нашей родины, заставляющее весь мир прислушиваться к голосу русских? Где наша непобедимая ранее армия? Где те солдаты, которые покрыли себя неувядаемой славой… Где тот патриотизм, который в дни тяжелых испытаний спасал Русь… И теперь, в начале 20-го века, Россия вновь переживает тяжелые дни. Ее столица Москва и священный Кремль вновь заняты врагом. Наступил час, когда каждый русский гражданин должен вспомнить свое историческое прошлое и вспомнить святые имена Минина, Кутузова и в их деяниях видеть для себя достойные подражания примеры… К победе, к самопожертвованию зовет вас, русские люди, история вашей страны». Дутов хотел, чтобы Россия присутствовала на мирном конгрессе, «ибо право голоса может быть дано только тому, кто понимает государственность и кто боролся за благо своей родины…»[1190].

12 ноября опубликован еще один приказ Дутова, имевший пропагандистский характер. В этом документе атаман призывал к объединению антибольшевистских сил и к помощи в первую очередь соседям-уральцам – «нашим братьям по крови и духу»[1191].

Не имея возможности победить противника на фронте, Дутов обращается к командному составу РККА с призывом переходить на сторону белых. В опубликованном в газетах в ноябре 1918 г. обращении к офицерам, служащим в рядах красных, Дутов изложил свои взгляды по главнейшим политическим и военным вопросам, а кроме того, проявил незаурядные литературные способности и талант агитатора: «Я, атаман Дутов, стою во главе одной из армий, действующих против большевиков и их союзников австро-германцев. Обращаюсь к вам, офицеры русской армии. Неужели вы, доблестные офицеры, забыли честь и достоинство нашей Великой России? Неужели вы, офицеры Генерального штаба, можете служить в армии, разлагающей русский народ и губящей родину? Неужели вы не видите всего ужаса, который всюду оставляют после себя красные полки? Голод, холод и осиротевшие семьи расстрелянных и замученных вашими подчиненными должны же тронуть ваши сердца! Мы, офицеры честной русской армии, совместно с союзниками ведем борьбу за восстановление чести России, и вы не можете по долгу совести вести борьбу с нами. Силы наши растут. Пройдет время, и правда восторжествует. Куда пойдете вы? Везде за вами будет идти имя изменника Родины. Остановитесь, еще не поздно! Вы можете стать прежними сынами России. В ваших руках много есть способов помочь нам в борьбе с большевиками. Я от имени русского народа, как член Всероссийского Учредительного Собрания, зову вас на подвиг, на подвиг честный, на благо Родины. Атаман *Дутов*»[1192]. В этот же период атаман пишет свою знаменитую поэму «Набат», которая затем была опубликована во многих газетах, а в 1919 г. с незначительными изменениями даже выпущена в виде листовки[1193].

Интересна оценка Дутовым текущего стратегического положения на левом фланге Восточного фронта, изложенная им в письме к уральскому казаку, генерал-майору Б.И. Хорошхину от 15 ноября 1918 г. Дутов писал о поддержке оружием и боеприпасами, оказанной им уральцам, отмечал, что «положение Уральска очень серьезно, но настроение казаков прекрасное. Я послал помощь, какую мог. Послал 13-й Оренбургский казачий полк и Восточный партизанский отряд, всего 1020 человек. Четыре дня тому назад послан 11 Бузулукский полк при большом числе офицеров. Положение и нашего войска тоже серьезное. Фронт Актюбинский и Бузулукский очень активны. На Бузулукском фронте против меня около десяти тысяч. На Актюбинском такая же цифра. Сейчас обрушиваюсь на Актюбинский с тем, чтобы освободить часть войск и помочь Бузулукскому. Прошу вас всемерно настаивать на посылке нам

патронов, оружия и, если возможно, сапог. О деньгах я не говорю, ибо они нужны ежеминутно и в огромном количестве. Бюджет моей армии требует ежедневного расхода в 5 миллионов рубл[ей]. Мне же знаков, вот уже год, не присылают. Недавно открыли кредит на 20 миллионов, и этот кредит в течение недели израсходован. Так как казачество борется беззаветно, не требуя ни похвал, ни вознаграждения, то это обстоятельство надо учесть и всемерно о нем напоминать. Мы Брестского мира не заключали и союзникам помогали, как умели и чем могли, а посему сейчас своевременно об этом поставить союзников в известность и при будущем государственном строительстве сохранить за казачьими войсками все их льготы и права на землю и недра, воды и леса. Думаю, что выйдем с честью из тяжелого положения и в наши стольные города не пустим большевиков»[1194]. Из этого письма становятся понятными представления Дутова о послевоенном устройстве России и непосредственно казачьих войск.

Приход к власти адмирала Колчака

18 ноября 1918 г. в результате переворота в Омске к власти пришел адмирал А.В. Колчак, ставший Верховным Правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Это событие является одним из ключевых в истории Белого движения. По некоторым данным, в качестве возможных претендентов на пост Верховного Правителя накануне переворота его организаторами рассматривались кандидатуры Дутова, Генерального штаба генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева и Войскового атамана Забайкальского казачьего войска полковника Г.М. Семенова. За кандидатуру Дутова выступал Войсковой атаман Сибирского казачьего войска генерал-майор П.П. Иванов-Ринов[1195].

Реакция политических и военных деятелей востока России на омские события была далеко не однозначной. Психологически фронт к появлению диктатора был готов – слухи о готовящейся диктатуре муссировались еще с лета 1918 г.[1196] Одним из первых военных и политических лидеров востока России 20 ноября 1918 г. официально (Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска № 1312[1197]) признал верховную власть Колчака и вошел в его оперативное подчинение атаман Дутов, что во многом повлияло на выбор остальных лидеров (неофициальное подчинение Дутова Колчаку, вполне возможно, произошло уже 19 ноября или даже 18-го, поскольку 19–20 ноября датирован телефонный разговор Дутова с Колчаком, в котором атаман уже говорит об исполнении приказов Колчака). Как вспоминал Г.К. Гинс, «претендовать на звание Верховного Правителя он (Дутов. – *А. Г.*) не собирался. Это связало бы его, как человека, любящего, прежде всего, независимость атамана. Он сразу признал адмирала, но от имени войск Оренбургского и Уральского он сделал запрос адмиралу по поводу отношения его к Учредительному Собранию, так как войска якобы волновались ввиду конфликта между адмиралом и Учредительным Собранием»[1198].

Были и недовольные переворотом. 23 ноября 1918 г. Войсковой атаман Забайкальского казачьего войска полковник Г.М. Семенов направил премьер-министру П.В. Вологодскому, Верховному уполномоченному Директории на Дальнем Востоке генерал-лейтенанту Д.Л. Хорвату и атаману Дутову следующую телеграмму: «Историческая роль и заслуги перед Родиной особого Маньчжурского отряда, напрягавшего в течение восьми месяцев все свои силы в неравной борьбе с общим врагом Родины,

стянутым для борьбы с отрядом [со] всей большевистской Сибири, – неоспорима. Адмирал Колчак, находясь в то время на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху этого отряда, и благодаря ему отряд остался без обмундирования и припасов, имевшихся тогда в распоряжении адмирала Колчака, посему признать адмирала Колчак [как] Верховного Правителя Государства не могу. На столь ответственный перед Родиной пост я как Командующий Дальневосточными войсками и выставляю кандидатами Генерала Деникина, Хорвата и Дутова, каждая из этих кандидатур мною приемлема. № 0136/а Походный Атаман Дальневосточных Казачьих Войск и Командующий Корпусами Приамурским и Отдельным Восточным Казачьим полковник *Семенов*»[1199]. Оренбургское правительство и командование выступили резко против любых проявлений оппозиционности новой власти, отметив, что «некоторые организации, утратившие свои права с момента образования Всероссийского Правительства, пытаются воспользоваться происшедшими переменами в составе Всероссийского Правительства для внесения новой смуты в ряды войск и среди граждан, начавших свою творческую работу и объединившихся вокруг единой власти, находящейся в городе Омске»[1200].

24 ноября Генерального штаба полковник Д.А. Лебедев, назначенный незадолго до этого начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего, телеграфировал Семенову: «Протестуя против Верховного Правителя, Вы заявляете себя лицом более компетентным политических вопросов, чем генерал Деникин, Хорват и Дутов, и идете против них и всех военных и гражданских государственно настроенных кругов, а раз против них, значит, вместе с их врагами, то есть ясно с кем. Пока не теряем надежды, что Государственный разум возьмет у Вас верх над личным чувством»[1201]. Выдвижение кандидатуры Дутова было инициативой самого Семенова, Дутов об этом не знал, однако такая инициатива его в какой-то степени компрометировала перед верховной властью, тем более что он и не претендовал на нее, вероятно боясь ответственности и не считая себя для этого достаточно способным.

1 декабря Дутов направил Семенову – одному из своих бывших воспитанников – письмо, в котором призвал признать Колчака. Он писал: «Телеграмма ваша о непризнании Колчака Верховным Правителем мною получена. В той же телеграмме вами признается этот образ правления и его состав, кроме адмирала Колчака, и указываются лишь персональные несогласия. Вы признаете на этот пост достойными Деникина, Хорвата и меня. Хорват признал власть Колчака, о чем я извещен

так же, как и вы. Полковник Лебедев от имени Деникина признал власть Колчака. Таким образом, Деникин и Хорват отказались от этой высокой, но тяжелой обязанности. Я и войско признали власть адмирала Колчака тотчас же по получении об этом известия, и тем самым исключается возможность о моей кандидатуре. Следовательно, адмирал Колчак должен быть признан и вами, ибо другого выхода нет. Я, старый боец за родину и казачество[1202], прошу вас учесть всю пагубность вашей позиции, грозящей гибелью родине и всему казачеству. Сейчас вы задерживаете грузы военные и телеграммы, посланные в адрес Колчака. Вы совершаете преступление перед всей родиной и, в частности, перед казачеством. За время борьбы я много раз получал обидные отказы в своих законных просьбах, и вот уже второй год войско дерется за родину и казачество, не получая ни от кого ни копейки денег и обмундировываясь своими средствами, помня лишь одну цель – спасение родины, и всегда признавало единую всероссийскую власть без всяких ультиматумов, хотя бы в ущерб благосостоянию войска. Мы, разоренные и имеющие много сожженных дотла станиц, продолжаем борьбу, и в рядах наших сыны, отцы и деды служат вместе. Мы, изнемогая в борьбе, с единственной надеждой взирали на Сибирь и Владивосток, откуда ожидали патроны и другие материалы, и вдруг узнаем, что вы, наш брат, казак, задержали их, несмотря на то что они адресованы нам же, казакам, борцам за родину. Теперь я должен добывать патроны только с боем, ценою жизни своих станичников, и кровь их будет на вас, брат атаман. Неужели вы допустите, чтобы славное имя атамана Семенова в наших степях произносилось с проклятием? Не может этого быть! Я верю в вашу казачью душу и надеюсь, что моя телеграмма рассеет ваши сомнения и вы признаете адмирала Колчака Верховным Правителем Великой России»[1203].

Для усиления эффекта Семенову было направлено, скорее всего по поручению Дутова, послание представителя Оренбургского казачьего войска в Омске полковника Н.С. Анисимова, в котором говорилось: «Игра во власть – гибель нашему делу… Атаман Дутов никогда не делал и не может делать личной политики, и в этом его сила и значение»[1204]. Вмешательство Дутова и его отказ от претензий на верховную власть предотвратили возможный вооруженный конфликт внутри белого лагеря. Позиция Дутова в отношении конфликта Семенова с Колчаком в дальнейшем нашла свое отражение в «деле» полковника В.Г. Рудакова, однако об этом ниже.

Вместе с тем по сути своей пассивный протест Семенова был не столь опасен для Колчака в сравнении с реальными попытками

свержения Верховного Правителя, предпринятыми деятелями партии социалистов-революционеров (ПСР). Отмечу, что партийность, привнесенная в Россию в конце XIX – начале XX в., сыграла в последующих событиях русской истории весьма неблаговидную роль. Деятели эсеровской партии, пришедшие к власти в России в 1917 г., в значительной степени ответственны за трагические для нашей страны события того года, анархию и последовавший в результате ее захват власти большевиками. При этом нельзя не отметить, что летом – осенью 1918 г. эсеры играли видную роль в антибольшевистском движении на востоке России, впрочем, есть основания полагать, что деятельность эсеров на Волге по целому ряду причин (в частности, вмешательство партийных деятелей в сугубо военные вопросы, назначения в армии по принципу лояльности социалистическим идеям, борьба со своими политическими противниками в антибольшевистском лагере, отказ от сотрудничества с представителями правого лагеря) принесла больше вреда антибольшевистскому сопротивлению, чем пользы.

Каковы были цели эсеров в борьбе с Колчаком? Прежде всего, они стремились любым путем вернуть себе власть в России, утраченную после падения Временного Всероссийского правительства (Директории). Являясь победителями на выборах во Всероссийское Учредительное собрание, они считали только себя вправе встать у руля государственной машины в этот непростой момент. Как писал член ЦК ПСР В.Г. Архангельский, «партия, собравшая большинство голосов при выборах в Учредительное Собрание, обязана была выступить на его защиту против посягательств представителей меньшинства на ясно выраженную волю народа»[1205]. Однако опыт нахождения эсеров у власти в 1917 г. и летом – осенью 1918 г. отчетливо продемонстрировал полную несостоятельность их политического курса, ведшего к гибели страны. Генерал В.Г. Болдырев отмечал, что «самарское правительство было весьма тесно связано с только что утратившей власть эсеровской партией, с которой у многих еще слишком свежи были счеты. Керенщина была еще слишком памятна даже при нависшей угрозе со стороны Советов»[1206]. Во многом по этой причине противники эсеров – сторонники правого курса – считали «состав «черновского» Учредительного Собрания, избранного в ненормальных условиях и состоявшего почти наполовину из большевиков и левых социалистов-революционеров, не правомочным…» и выступали за созыв нового Учредительного собрания после свержения власти большевиков[1207].

Еще до омского переворота эсеры «готовились к неминуемой

атаке справа»[1208]. В военно-политическом отношении эта подготовка сводилась к агитации и формированию батальонов имени Учредительного собрания, в которых офицерские должности предоставлялись только эсерам[1209], и русско-чешских полков. Ко времени переворота 18 ноября эсеры имели три центра своего политического влияния на востоке России: Директорию (Омск), заметно полевевший съезд членов Учредительного собрания (Екатеринбург)[1210] и Совет управляющих ведомствами Комуча (Уфа)[1211].

Здесь уместно процитировать высказывание находившегося в 1918–1919 гг. на востоке России британского полковника Д. Уорда – командира 23-го Мидлсекского батальона: «…Уфимская Директория вела свою власть от умеренной партии социалистов-революционеров и состояла из «интеллигенции» – республиканцев, визионеров, непрактичных людей… Эти люди обвиняли казаков за их безотчетную лояльность, а офицеров армии за все преступления, в которых виноваты цари, и в худшие дни Второй Революции они травили их, подобно крысам, в подвалах и на улицах. Офицеры и казаки в свою очередь проклинали Керенского и социалистов-революционеров за расстройство старой армии, за то, что именно они развели в стране анархию и большевизм. Не может быть никаких сомнений, к кому надлежит отнести порицание»[1212].

Думаю, не стоит сомневаться в том, что в случае победы белых Колчак действительно созвал бы Учредительное собрание. Об этом он сам совершенно искренне, на мой взгляд, писал 28 июля 1919 г. в частном письме генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву: «Не мне, принявшему перед Сенатом присягу в передаче этому Собранию всей полноты власти и обязавшемуся в его немедленном созыве, как только будет уничтожен большевизм, говорить о целесообразности этого…»[1213] При этом Колчак был резко против предложения Пепеляева о немедленном созыве Учредительного собрания в ходе войны, полагая, что «это будет победа эсеровщины, того разлагающего фактора государственности, который в лице Керенского и К° естественно довел страну до большевизма. На это я никогда не пойду»[1214]. Аналогичные соображения были высказаны им в ответ на ноту Верховного совета Антанты от 26 мая 1919 г.[1215]

Не смирившись с потерей власти после переворота в Омске 18 ноября 1918 г., социалисты предприняли ряд безуспешных попыток реванша. Одной из наиболее опасных для Белого движения можно назвать попытку захвата власти в результате заговора против Войскового атамана Оренбургского казачьего войска и командующего войсками Юго-Западной армии генерал-

лейтенанта А.И. Дутова в Оренбурге. Об этой и других попытках вооруженного реванша эсеров в союзе с лидерами национальных окраин и пойдет речь.

Почти за месяц до переворота, 22 октября 1918 г., ЦК ПСР выпустил обращение ко всем партийным организациям. Его составил лидер партии В.М. Чернов, призвавший соратников по партии быть готовыми к отражению ударов контрреволюции[1216]. Это обращение, безусловно, принесло большой вред эсерам. В то же время Чернов сумел в чем-то предвосхитить грядущие события. Уже 5 ноября в разговоре по прямому проводу между Уфой (М.А. Веденяпин (Штегеман) и С.Ф. Знаменский) и Омском (В.М. Зензинов) Веденяпин сообщал Зензинову: «Мне очень хотелось бы Вас хоть немного познакомить с положением после падения Самары[1217]. Развал в армии произошел полный, ее почти нет, она рассыпалась. Это заставило Центральный Комитет **призвать всех членов партии под ружье** (здесь и далее подчеркнуто в документе. – *А. Г.*), и тут мы это осуществили и **вместе с чешским командованием вопреки приказам Болдырева создали добровольческие части, которые держат фронт**, в наших частях с **офицерства берется подписка не носить погон и кокард**, только при таких мерах приходится что-либо делать. Нами предприняты шаги совместно с чехами к широкому формированию добровольцев. Несколько дней назад мы отправили все части на фронт, дав им задачу **взять Самару.** Здесь создался известный подъем, и наши товарищи выполнят это задание, если Вы не произведете тут перемен, которые разрушат все. **В партии определенное настроение отойти в сторону от борьбы, полное недоверие к Временному правительству**[1218], как только связали свою судьбу с Сибирским правительством…»[1219] Таким образом, деятели ПСР имели основания всерьез опасаться за свое будущее еще до переворота в Омске.

В этот же период эсеры предприняли ряд шагов по укреплению своего положения. Прежде всего, активно велись переговоры с военными, о чем будет сказано ниже. Кроме того, была предпринята попытка поставить под свой контроль местные власти. В частности, еще до прихода Колчака к власти, в десятых числах ноября, оренбургским губернским уполномоченным Комуча (как ни парадоксально, эти лица еще продолжали выполнять свои функции вплоть до распоряжения Колчака об их отчислении 26 ноября 1918 г.[1220]) была получена телеграмма из Уфы с возмущением против того, что некоторые учреждения получают распоряжения из Омска, минуя Совет управляющих ведомствами Комуча. Уфимские политики требовали

руководствоваться их распоряжениями, а не омскими. Дутов писал в Омск, что «означенным распоряжением предложено руководствоваться всем правительственным учреждениям, находящимся на территории Оренбурга и губернии. Ввиду того что до образования Всероссийского съезда[1221] [территория] находилась в сфере влияния Самарского комуча, остальная территория подчинялась Сибирскому и Оренбургскому войсковому правительствам, [в] настоящее время [с] образованием центровласти *подобное* распоряжение Совета создает двойственность управления губернии. Благоволите разъяснить взаимоотношения и в интересах общегосударственных предоставить Губернскому уполномоченному Врем[енного Всероссийского] правительства по гражданской территории губернии право непосредственных сношений с центром»[1222].

Вопросы военного планирования в партии социалистов-революционеров доверялись профессионалам. Функционировала специальная военная комиссия[1223], в состав которой входил член партии эсеров Генерального штаба подполковник Федор Евдокимович Махин – один из главных участников заговора в Оренбурге. В историографии полковник Ф.Е. Махин зачастую изображается как жертва политических преследований, что, по всей видимости, связано с труднодоступностью и недостаточным количеством источников для объективной оценки его деятельности.

На самом деле никакой жертвой Махин не был, а вполне осознанно участвовал в подготовке переворота, представляя среди заговорщиков оппозиционные атаману Дутову силы в армейской среде. Именно он являлся автором доклада о восстановлении Восточного фронта против германцев, будучи негласным консультантом Комуча[1224]. Причем многие члены партии склонны были видеть в нем потенциального военного вождя. Даже после провала попытки реванша лидеры эсеров не скупились на похвалу в его адрес. Вероятно, столь велики были их надежды на военные и организаторские способности Махина. В частности, председатель Комуча В.К. Вольский в своем докладе на заседании IX Совета партии эсеров (июнь 1919 г.) заявил: «Только один был у нас, один, чей образ светлым лучом врезался в каждого, кто только с ним встречался. Знаток военного дела, подлинный военный вождь, организатор, глубоко понимавший душу народа и знавший ключ к его душе, полный личного бесстрашия и храбрости и глубочайшей преданности идее демократического восстановления России – таков был незабвенный Федор Евдокимович Махин… Если кто достоин был стать военным руководителем, главою военного дела

революционной демократической трудовой республики, то это был Махин. Если кому и можно было вручить временную[1225] и политическую диктатуру, то это только Махину, славному и честному демократу эсеру, редкостно мощной личности. Несчастье Комитета, который в военном деле вынужден был полагаться на эсеров Лебедева, Фортунатова, затем Взорова[1226], не дало ему возможности поставить Махина в центр своего военного дела»[1227]. Как писал С.Н. Николаев, «после падения Уфы, в начале июля, Комитет мог ввести в органы центрального управления генерального штаба подполковника Ф.Е. Махина, но допустил ошибку, назначив его на фронт…»[1228]

18 октября 1918 г. Махин получил назначение на должность начальника 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии с зачислением по Оренбургскому казачьему войску[1229]. Находясь именно на этой должности, он принял участие в попытке социалистического реванша в Оренбурге. К тому же этот офицер пользовался доверием другого участника заговора – башкирского лидера А.-З. Валидова[1230]. По его характеристике, Махин – «очень ценный человек и мой личный друг»[1231].

В лице полковника Ф.Е. Махина ПСР имела своего верного сторонника, чего нельзя было сказать о других старших офицерах Народной армии, которые, как писал современник, «вели политику, для Комитета вредную, направляя свое внимание и усилия к укреплению Сибирского правительства, отвечавшего их привычкам и симпатиям»[1232]. Более того, некоторые офицеры «в прилегающих к Волге местностях… предпочитали идти на юг в добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в народную, в надежность которой не верили, усматривая в общем курсе политики определенное партийное течение»[1233]. И, как позднее писал управляющий ведомством внутренних дел Комуча П.Д. Климушкин: «…между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению»[1234]. Не таков был Махин! Однако, и это признают практически все эсеровские мемуаристы, лидеры Комуча не оценили его по достоинству, когда у них на это было время, и не доверили ему, по крайней мере, пост начальника штаба Народной армии, на который Махин вполне мог рассчитывать[1235]. Возможно, это произошло в связи с общим недоверием эсеров к военным. Уже осенью 1918 г. из штаба Махина сообщали: «Полковник Махин срочно выехал на фронт. Нам очень хотелось получить К[1236]. Полковник Махин назначен Командующим Ташкентской группой… возможно… желал бы [быть?] хоть на вашем[1237] фронте. Не знаю, считает ли он более важным оставаться на

своем месте… мне же кажется, что он имеет основания думать о том, что его забыли. Сам же он этого не высказывал, не теряем надежды снова с Вами увидеться, хотя в дебри забрались мы порядочно. На нашем фронте наступила зима. Противник активен. Возможно в ближайшем будущем серьезное столкновение; чувствуем себя оторванными; не имеем сведений о происходящем. Прошу сообщить об общем положении, о союзниках и ваших планах действий…»[1238] К сожалению, подобные переговоры, где часть сведений подразумевается или зашифрована, вызывают больше вопросов, чем дают ответов.

Омский переворот застал социалистов врасплох. Хотя сами члены Директории и подозревали о подготовке переворота задолго до омских событий, ежедневно опасаясь быть арестованными (Н.Д. Авксентьев)[1239], а «идея диктатуры носилась в воздухе»[1240]. Тем не менее к серьезному военно-политическому противоборству с правым лагерем социалисты оказались неготовыми. Обстоятельства омского переворота к настоящему времени исследованы довольно подробно, поэтому остановлюсь на событиях, последовавших за ним.

Как уже говорилось, в ноябре 1918 г. на востоке России функционировало несколько эсеровских организаций. Одной из основных являлся функционировавший в Уфе Совет управляющих ведомствами Комуча (председатель и управляющий ведомством торговли и промышленности – В.Н. Филипповский, члены: М.А. Веденяпин (управляющий ведомствами иностранных дел, почты и телеграфов), П.Д. Климушкин (управляющий ведомствами внутренних дел, земледелия и государственной охраны), И.П. Нестеров (управляющий ведомствами путей сообщения, труда и юстиции), Ф.П. Рудко), ставший после Государственного совещания в Уфе, в результате которого на востоке России было образовано Временное Всероссийское правительство (Директория), организацией с весьма странными полномочиями (на самом деле Совет представлял собой в завуалированной форме бывшее правительство Комуча). Официально Совет считался органом областной власти на территории Комуча[1241].

По сути, эсеры под другим названием сохранили прежде правительство Комуча. Как писал видный деятель ПСР С.Н. Николаев, отвечавший за ликвидацию учреждений Комуча, «у К[омите]та… не было прямых политических побуждений к полному отказу от своего политического бытия при условии существования других областных правительств»[1242].

После падения Директории Совет взял на себя «всю полноту Верховной власти на территории Комитета Членов Всероссийского Учредительного Собрания»[1243] и направил

телеграмму премьер-министру П.В. Вологодскому в Омск с требованием освободить арестованных членов Директории, арестовать участников переворота и объявить о восстановлении прав Директории. В противном случае члены Совета намеревались объявить Вологодского врагом народа и предложить всем областным правительствам выступить против Омска. Копии телеграммы были разосланы всем правительствам, на поддержку которых рассчитывали в Уфе – оренбургскому, уральскому, башкирскому, правительству Алаш-Орды, а также Чехословацкому национальному совету в Екатеринбурге и Главнокомандующему вооруженными силами Временного Всероссийского правительства Генерального штаба генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву, телеграмма была разослана, кроме того, в Лондон, Париж, Рим, Прагу, Вашингтон и Токио[1244]. Тогда же было выпущено воззвание: «[В] Омске совершен Государственный переворот. Арестованы находящиеся в Омске Члены Всероссийского Правительства. Граждане. Ответ[ьте?] [на] Удар [по] Революции, и становитесь Все в ряды Русско-Чешских имени Учредительного Собрания Полков, отряда Фортунатова и добровольческих отрядов Народной Армии. Не медлите ни часа. В промедлении смерть демократии. А вместе с ней и смерть начавшей возрождаться Великой России. Все к оружию. Все за Учредительное собрание»[1245]. Однако лидеры ПСР жестоко просчитались – несмотря на победу на выборах в Учредительное собрание, ни население, ни областные правительства, за исключением, пожалуй, лишь башкирского, их не поддержали. Некоторую помощь эсерам оказали также чехословаки. Кроме того, социалисты из состава уральского Войскового съезда направили Дутову ряд вопросов, в том числе оскорбительного характера – например, не подтасовывает ли он телеграммы уральцам, которые идут через Оренбург. Дутов сообщил, что отвечает на поставленные вопросы лишь из уважения к уральскому казачеству, порицая и презирая партийных[1246].

ЦК ПСР объявил адмирала А.В. Колчака «врагом народа» и заочно вынес ему смертный приговор[1247]. В ночь на 19 ноября совещание Бюро съезда членов Учредительного собрания и ЦК ПСР в Екатеринбурге постановило, что вся власть должна перейти к съезду, который будет представлен особым органом. Во внутренней переписке ПСР этот орган назван Исполнительным комитетом съезда членов Учредительного собрания[1248]. По мнению И.Ф. Плотникова, орган получил название комиссии по руководству борьбой с Колчаком[1249]. Л.А. Кроль в своих воспоминаниях приводит еще одно название этого органа – комитет для борьбы с заговором в Омске[1250]. В комитет вошли

семь человек: В.М. Чернов, В.К. Вольский, И.С. Алкин (от мусульман), Ф.Ф. Федорович, И.М. Брушвит, Н.В. Фомин и Н.Н. Иванов. Задачей этой организации стало стягивание к Уфе и Златоусту верных эсерам частей с фронта и вступление в переговоры с большевиками[1251].

Уже 19 ноября началась активная военная и организационная подготовка предстоявшей борьбы. В политическом плане были воссозданы распущенные Директорией местные революционно-демократические правительства (Комуч, башкирское правительство), развернута широкомасштабная пропагандистская кампания по осведомлению населения о характере и целях омского переворота, наконец, Исполкому удалось добиться от местных общественных учреждений (дум, земств), а также от Чехословацкого национального совета заявлений о непризнании переворота[1252]. Один из эсеров позднее писал, что «в особенности нам не следовало упускать из своего внимания Екатеринбург, где мы должны были произвести революционный переворот в первую голову, изгнав сибирское командование и водрузив на его месте свою собственную власть»[1253].

В военном отношении Исполком попытался стянуть в Екатеринбург рабочие дружины с окрестных заводов, но не успел этого сделать. Только 21 ноября, на следующий день после отъезда депутатов из Екатеринбурга, к городу подошел отряд вооруженных рабочих Нижнетагильского завода, численностью 800 человек. Подойди этот отряд на два дня раньше, соотношение сил могло кардинально измениться![1254] Кроме того, была предпринята попытка заручиться поддержкой генералитета. Однако никто из старших офицеров не согласился возглавить вооруженную борьбу с Омском. По некоторым данным, Дутов получил из Уфы предложение о поддержке, однако в ответ якобы «советовал осторожность, так как-де ему известно из бесспорного источника, что за спиной Колчака стоят англичане»[1255].

Согласно мемуарам Чернова, отказались командующий Екатеринбургской группой войск генерал-майор Р. Гайда (Екатеринбург) и командующий Самарской группой войск Генерального штаба генерал-майор С.Н. Войцеховский (Уфа)[1256].

18 ноября М.А. Веденяпин сообщил Ф.Ф. Федоровичу: «Сейчас иду говорить с генералом ВОЙЦЕХОВСКИМ. Думаю, что этот разговор будет решающим»[1257] – эсеры сразу после омских событий стали апеллировать к армии. Позднее, 29 декабря 1918 г., Войцеховский на станции Тавтиманово достаточно осторожно записал в своем дневнике после долгого семимесячного перерыва в записях: «Сложная политическая обстановка; борьба диктатуры и демократии (Учред[ительное]

соб[рание]). Я генерал на русской службе, но, кажется, не в милости у начальства. На этих днях Уфа будет очищена. Куда назначат меня – еще не знаю. Рассчитываю на корпус»[1258]. Между тем в Ставке за Войцеховским закрепилась репутация сторонника эсеров[1259], возможно не лишенная оснований.

Главнокомандующий вооруженными силами Временного Всероссийского правительства Генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Болдырев 18–19 ноября находился в пути из Уфы в Челябинск и, судя по его воспоминаниям, пребывал в полной растерянности. Первоначально он собирался «немедленно освободить арестованных и разоружить отряд Красильникова[1260], арестовать и предать суду виновных»[1261], по его мнению, то, «что свершилось в Омске, [–] безобразие и означает катастрофу»[1262]. Однако затем в нем произошел какой-то перелом, и, задаваясь вопросом «Что делать?», Болдырев все же решил «временно уйти, не делать новых осложнений в армии»[1263], а ведь ему ничего не стоило помешать перевороту. Болдырев был возмущен бездействием Колчака в Омске и заявил ему при разговоре: «Я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения [к] государственной власти, хотя, может быть, и несовершенной, но имевшей в своем основании признак законного избрания… я не ошибусь, если скажу, что Ваших распоряжений как Верховного Главнокомандующего на фронте слушать не будут. Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова ни устно, ни письменно, не обращался к войскам и все ожидал, что в Омске поймут все безумие совершившегося акта и ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране *более* внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин я должен Вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и я считаю восстановление Директории считаю (так в документе. – *А. Г.*) совершенно необходимым немедленное освобождение Авксентьева и других, немедленное восстановление в правах и сложения (так в документе. – *А. Г.*) Вами Ваших полномочий. Я считал долгом чести и совести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что Вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы [в] сколько-нибудь правовом государстве допустимы такие приемы»[1264].

Колчак ответил жестко: «…я передаю возможно кратко факты и прошу говорить о них, а не о своем отношении к ним. Директория вела страну к Гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до их вступления на пост верховной власти, свершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный, и виновные мною преданы полевому

суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать долее, возбудив против себя все общественные круги и военные в особенности…»[1265] Поскольку ранее перед Директорией Болдырев ставил вопросы о преследовании ПСР за бунт против верховной власти и об аресте членов ЦК партии, теперь ни о каком сотрудничестве с представителями ПСР речь не шла[1266]. 19 ноября в 22 часа Колчак приказал Болдыреву прибыть в Омск, неисполнение чего должно было считаться актом неповиновения.

В прощальном письме от 21 ноября 1918 г. уже бывшим своим подчиненным: Дутову, командующему Сибирской армией генерал-майору П.П. Иванову-Ринову и главнокомандующему Западным фронтом генерал-майору Я. Сыровому Болдырев писал: «Уходя из рядов доблестной Русской армии, завещаю помнить, что будущее России на фронте и в создании единой сильной[,] боеспособной армии. Будет прочен фронт и крепка духом армия, будет обеспечено и возрождение Великой России. Прошу передать всем офицерам, солдатам и казачеству мою горячую признательность за их доблесть и великие труды. Главнокомандующего Генерала Сырового прошу передать мой братский привет доблестным чехословакам за их незабываемую помощь России…»[1267]

Воззвание из Уфы с протестом против низложения Директории и с призывом объединиться в борьбе против Колчака было получено и в Оренбурге. Причина обращения оппозиционеров к Дутову понятна – оренбургский атаман и командующий войсками Юго-Западной армии располагал в то время довольно крупными вооруженными силами (по данным на 28 декабря 1918 г. – не менее 33,5 тысячи штыков и сабель[1268]) и мог не только морально, но и вполне реально воздействовать на других политических деятелей. Как впоследствии отмечал помощник Дутова Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин: «Поддержка атаманом Дутовым той или другой стороны в те дни имела первенствующее значение»[1269]. Однако, поскольку Дутов уже признал верховную власть Колчака, на его содействие эсеры в тот период рассчитывать не могли. В другой своей работе Акулинин писал: «Когда в Омске, 18 ноября 1918 года, произошел государственный переворот, Адмирал Колчак, прежде всего, обратился в Оренбург к Атаману Дутову, считаясь с его авторитетом и силою. В то время Атаман Дутов был волен принять любое решение: признать или не признавать Адмирала Колчака Верховным Правителем. В его руках была надежная армия, превосходившая во всех отношениях и молодые части Сибирской Армии и Народную Армию Учредительного Собрания. Дутов поступил как казак-государственник. Отбросив в сторону

всякое местничество и личные интересы, он признал Адмирала Колчака Верховным Правителем, чем сразу укрепил его положение. В своем решении он глубоко верил, что приходом к власти популярного адмирала дело попало в верные руки»[1270]. Впрочем, генерал Болдырев впоследствии отметил, что Дутов являлся «довольно важной, хотя и скрытой пружиной Омского переворота»[1271].

Не имея возможности повлиять на решение Дутова, эсеры предприняли попытку срыва его переговоров с Колчаком. Еще до 21 ноября произошел перерыв связи с Оренбургом[1272]. В разговоре по прямому проводу между представителем Совета управляющих ведомствами М.А. Веденяпиным и представителем Чехословацкого национального совета доктором Куделя первый заявил: «Попытка Совета (управляющих ведомствами. – *А. Г.*) воспрепятствовать сговору КАЛЧАКА (так в документе. – *А. Г.*) с Дутовым по прямому проводу, парализована генералом Сыровым, который запретил даже доставлять Совету контрольную ленту, обеспечив монархистам возможность беспрепятственно осуществлять свой заговор и лишив Совета (так в документе. – *А. Г.*) возможности принять меры противодействия. Кроме того, генерал СЫРОВОЙ крайне ограничил даже круга (так в документе. – *А. Г.*) лиц и учреждений, которым Совет Управляющих может посылать политические телеграммы и не только на фронт, но и на всей территории, освобожденной от большевиков. Сейчас генерал Сыровой требует отправки Дутову пяти миллионов, которые будут употреблены для содействия Колчаку против демократии. Генерал Сыровой требует передачи в руки военного командования милиции и государственной охраны, без чего Совет не сможет осуществлять важнейшие свои функции охраны безопасности граждан, государственного порядка и самой государственной власти, Совету известно предположение о назначении генерала КАППЕЛЯ командующим Самарского и Симбирского фронта. Совет отдает должное военным заслугам и способностям генерала Каппеля, но он (Каппель. – ***А***. Г.) никогда не скрывал своих монархических убеждений, и назначение его на столь ответственный пост в момент монархического Омского мятежа равносильно активному содействию этому мятежу. Указанные меры, ослабляющие позицию демократии и содействующие монархистам, оправдываются будто бы интересами фронта. Совет Управляющих и вся русская демократия *более* кого бы то ни было заинтересованы в укреплении фронта, разрушение которого грозит потерей последней территории, откуда может вести борьбу демократия, и содействующие монархистам уже вызвали тревогу

на фронте, поколебали его стойкость и угрожают окончательно разложить его, ибо войска демократии не смогут и не захотят драться за монархию. Мы гарантируем успешную защиту Самарского и Симбирского участка фронта при условии назначения командующим русскими частями этого фронта полковника Махина при общем командовании Войцеховского. Все указанные меры были бы приняты, меры оккупационные монархического неприятельского отряда (так в документе. – *А. Г.*), но совершенно непонятны, когда они исходят от имени демократического правящего органа дружественной чехословацкой нации. Мы полагаем, что меры эти представляют ряд недоразумений, которые мы просим выяснить. Если же такие меры, как изъятие из рук Совета милиции и Государственной Охраны, назначение командующим фронтом генерала Каппеля, предоставление Дутову возможности сговориться с Колчаком и отправка ему денежных средств для осуществления своего заговора, будут приводиться в исполнение, то Совет Управляющих, лишенный возможности исполнять свои задачи и нести ответственность, вынужден будет сложить свои полномочия. Мы надеемся, однако, что между Чешской и Русской демократией не может возникнуть таких разногласий и что указанные недоразумения будут Вами устранены»[1273].

В.М. Чернов в этой связи отметил: «Но здесь мы столкнулись с целым рядом трудностей… Нам надо было для посылки в Омск снять с фронта несколько наиболее надежных в революционном смысле частей. Но они были разбросаны, «нейтралитет» Гайды и Войцеховского означал выполнение «оперативных» директив Омска, а директивы эти были направлены к разобщению тех частей, на которые могли опереться мы…»[1274] Как впоследствии вспоминал Генерального штаба генерал-лейтенант Д.В. Филатьев, «антигосударственная партия [эсеров] и такой же Комуч… теперь с легким сердцем готовы были начать войну с тылом во имя торжества партийных догм, а если ее не открыли, то только потому, что за ними никакой силы не оказалось и надежда на какую-то мобилизацию «всех сил» не оправдалась, как не осуществилось желание втравить в борьбу с Омском чехов»[1275].

19 ноября по распоряжению А.В. Колчака участники съезда членов Учредительного собрания во главе с В.М. Черновым были арестованы группой молодых офицеров 25-го Екатеринбургского горных стрелков полка в екатеринбургской гостинице «Пале-Рояль»[1276]. Причиной ареста стала телеграмма Колчаку из Уфы, подписанная несколькими деятелями Комуча, с угрозой открытия боевых действий против Омска[1277]. Однако под давлением Чехословацкого национального совета генерал Гайда был

вынужден отпустить арестованных, и они вечером 20 ноября были высланы в Челябинск. По мнению СП. Мельгунова, Гайда все время вел двойную игру[1278]. К слову сказать, его личным другом был видный эсер-кооператор Н.В. Фомин[1279].

22 ноября солдаты и офицеры 25-го Екатеринбургского полка подали рапорт на имя Гайды, утверждая, что арест депутатов был осуществлен по их инициативе: «Мы, видя отсутствие мер по отношению к предателям, решились на шаг, нарушивший воинскую дисциплину… не спросив разрешения своих высших начальников, мы арестовали мятежников, во главе с Черновым…»[1280] В Челябинске командующий Чехословацким корпусом генерал Сыровой предложил делегатам съезда выехать в город Шадринск Пермской губернии «как наиболее удобный, спокойный пункт»[1281]. В Шадринске никакая активная работа, разумеется, была бы невозможна. Исполком съезда выдвинул категорическое требование отправки в Уфу – единственное место, где эсеры могли чувствовать себя в то время в относительной безопасности. Помимо того, что в Уфе находился Совет управляющих ведомствами Комуча, город был еще и центром формирования оппозиционных Омску вооруженных сил – уже упоминавшихся выше русско-чешских полков и батальонов имени Учредительного собрания, запрещенных в свое время генералом Болдыревым (этот запрет Уфой фактически игнорировался[1282]). Вечером 23 ноября участники съезда прибыли в Уфу[1283]. Однако и там они почувствовали себя не вполне комфортно из-за двусмысленной позиции чехов, зависевших от союзников, которые поддержали переворот в Омске (особенно Великобритании), а по некоторым данным даже были его инициаторами[1284]. Кроме того, на съезде в конце ноября произошел раскол на левых и правых, причем первые выступали за ликвидацию съезда, всего антибольшевистского фронта и за отъезд в Советскую Россию[1285].

Чешский политический деятель доктор Влассак полагал, что «особенно на театре военных действий, к которому принадлежит Уфа, насильственные политические выступления недопустимы, и командование имеет право их не допускать и предупреждать. На этот счет, несомненно, командующий группой (Войцеховский. – *А. Г.*) потребует указание от штаба Западного фронта»[1286].

После прибытия в Уфу Чернов, фактически находившийся на нелегальном положении, от имени ЦК ПСР направил Чехословацкому национальному совету ультиматум, потребовав сотрудничества в борьбе против Колчака или окончательного разрыва отношений. Ультиматум помимо требований содержал краткий обзор событий на востоке России в сентябре – ноябре

1918 г., а также характеристику сложившихся политических сил. В тексте ультиматума командному составу чехословацких войск противопоставлялись старшие офицеры русской армии, которые якобы оттесняли «на задний план, держа в загоне и распыляя истинно демократическую часть офицерства, носительницу труда и таланта…»[1287].

Любопытно, что в ультиматуме предлагалось создать объединенное русско-чешское военное ведомство, которое возглавил бы управляющий чехословацким военным ведомством подполковник (произведен 29 ноября 1918 г.) Рудольф Медек «при двух товарищах министра по выбору русской демократии»[1288]. По всей видимости, на один из постов товарища военного министра предполагалось назначить Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина[1289]. Этот ультиматум в Челябинск должны были отвезти И.М. Брушвит и Л.Я. Герштейн, а в Челябинске к ним должен был присоединиться Н.В. Фомин.

Однако события развивались стремительно. Приказ об аресте бывших членов Комуча и их союзников был отдан адмиралом А.В. Колчаком 30 ноября 1918 г. В приказе говорилось: «Бывшие члены Самарского Комитета Членов Учредительного Собрания, Уполномоченные Ведомствами бывшего Самарского Правительства… и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе, в ближайшем тылу сражающихся с большевиками войск, пытаются поднять восстание против Государственной власти: ведут разрушительную агитацию среди войск; задерживают телеграммы Верховного Командования; прерывают сообщения Западного Фронта и Сибири с Оренбургскими и Уральскими казаками; присвоили громадные суммы денег, направленные Атаману Дутову для организации борьбы казаков с большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобожденной от большевиков»[1290]. Далее всем русским военным начальникам предписывалось «самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц»[1291].

Уже утром 2 декабря, в понедельник, в Уфу из Челябинска прибыл отряд командира 41-го Уральского стрелкового полка полковника А.В. Круглевского (450 штыков)[1292]. А 3 декабря Генерального штаба генерал-майор С.Н. Войцеховский заявил В.К. Вольскому, что не может ручаться за безопасность съезда в Уфе, и предложил делегатам уехать в другое место[1293]. Получив такой ответ, депутаты пришли к выводу о необходимости привести в полную боевую готовность верные части. Здесь существует расхождение в изложении хода событий двумя съездовцами – С.Н.

Николаевым и Н.В. Святицким. Первый утверждал, что преданных съезду войск в Уфе хватало, второй же считал, что войск не было, поскольку все верные эсерам формирования находились на фронте, в 200 верстах от Уфы. Тучи над эсерами сгущались, и, вероятно, поэтому лидер партии В.М. Чернов значительно усилил свою охрану – с 4–6 до 20 человек[1294].

В распоряжении съезда в Уфе, по сведениям С.Н. Николаева, были следующие силы: русско-чешский батальон (полк) (400–450 штыков), отряд (батальон) имени Учредительного собрания (1000 штыков на фронте и 250 – в Уфе) и конный отряд корнета Б.К. Фортунатова (100 сабель). Кроме того, депутаты рассчитывали на поддержку Ижевской бригады и мусульманских (башкирских) частей. В самой Уфе формировался еще один батальон имени Учредительного собрания, но генерал Войцеховский приказал не выдавать солдатам оружие. Позднее он, по свидетельству депутата Н.В. Святицкого, уступил требованиям съездовцев, но не изменил своего отрицательного отношения к формированию таких частей[1295]. Депутат С.Н. Николаев вспоминал: «…под предлогом, что стоящим в тылу частям нет нужды иметь надлежащее вооружение. В их распоряжении были оставлены лишь берданки, и то в недостаточном количестве, и несколько дрянных пулеметов»[1296].

Вполне надежен был конный отряд Б.К. Фортунатова. Вот что спустя десять с лишним месяцев после рассматриваемых событий записал в своем дневнике один из офицеров отряда: «Сзади же нас… ненавистная нам реакционная армия, которая, оправившись, несмотря на то что мы прикрывали их отход, не преминула [бы?] с нами расправиться»[1297]. Яркий пример отношения сторонников ПСР к белым. Что касается Ижевской бригады, то надежды эсеров на нее не оправдались, бригада практически сразу перешла на сторону адмирала Колчака. На офицерском собрании командир бригады штабс-капитан Журавлев – ставленник эсеров – попытался склонить офицеров на сторону Директории. Его поддержали лишь двое сообщников, которые вместе с самим Журавлевым через некоторое время бежали из бригады, захватив два миллиона рублей[1298]. В одной из телеграмм сообщалось: «Отступление от Ижевска происходило беспорядочно. Самую большую беспорядочность проявил штаб. Поступок Ижевского штаба по отношению к Членам Учредительного] Соб[рания] самое постыдное, вернее – предательское. Члены Учредительного] Соб[рания] даже не были поставлены в известность относительно оставления Ижевска. Чрезвычайное осадное положение и военная диктатура введена и проводится самым беспощадным образом…»[1299] По всей

видимости, речь шла о ненадежности ижевцев в отношении их приверженности ПСР.

По свидетельству того же Николаева, отряд Фортунатова был приведен в боевую готовность и верхом прождал до утра, офицеры русско-чешского батальона (полка) также ждали сигнала к выступлению и, не дождавшись, разошлись по домам. Дело в том, что посланец от съезда к этим частям был задержан правительственными войсками, и сигнала к выступлению не последовало[1300]. В ночь на 3 декабря целый ряд (по разным данным, от 12 до 14, точный список до сих пор неизвестен) членов Учредительного собрания (Н.Н. Иванов, Ф.Ф. Федорович (оба – члены ЦК ПСР), В.Е. Павлов, В.Н. Филипповский, И.П. Нестеров, В.В. Подвицкий, СМ. Лотошников, В.Т. Владыкин, И.В. Васильев, Дощанов[1301], А.Н. (по другим данным – В.А.) Алексеевский, С.Н. Николаев, К.Т. Почекуев, а также киргизский депутат (Г.-А.-Р. Фохретдинов, М.А. Мирза-Ахмедов или Х.-Б. Юргули-Агаев), а также заведующий охраной съезда эсер А.Н. Сперанский, управляющий канцелярией съезда Н.Я. Барсов, бухгалтер съезда В.А. Марковецкий и другие были арестованы и отправлены в Омск (прибыли 5 декабря) для проведения суда над ними, в Челябинске был арестован Н.В. Фомин[1302]. Войцеховский вместе со штабом на время ареста «тактично» ушел в кино[1303].

Оставшиеся на свободе одиннадцать лидеров партии и представителей руководящих органов съезда, в том числе такие политические фигуры, как В.М. Чернов, М.А. Веденяпин, В.К. Вольский, ПД. Климушкин и другие (Н.И. Ракитников, КС. Буревой (Сопляков), Н.В. Святицкий, И.С Алкин, Д.П. Сургучев, а также два представителя офицерской эсеровской группы (!)[1304], фамилии которых установить не удалось), собрались 5 декабря на нелегальное совещание. Было принято решение прекратить борьбу с большевиками и «…все силы демократии направить против диктатуры КОЛЧАКА (так в документе. – *А. Г.*)»[1305]. Однако уже 10 декабря ЦК ПСР провозгласил борьбу на два фронта (и против красных, и против белых). «Борьба с Колчаком должна выразиться в подготовке восстания против власти его и его клевретов», – вспоминал один из депутатов[1306]. В июне 1919 г. курс на борьбу с белыми был закреплен решением 9-го Совета партии эсеров, на котором была выдвинута идея «единого боевого фронта демократии против контрреволюции»[1307].

Для организации восстания была избрана военная комиссия в составе четырех человек (известны глава комиссии В. Соколов, один из ее членов – ДП. Сургучев – оба впоследствии расстреляны[1308], весьма вероятно, что еще двое – уже упоминавшиеся члены офицерской эсеровской группы, имена

которых эсеровские мемуаристы не афишировали). Центром восстания должен был стать район Уфы и Златоуста. Планировалось своими силами занять уфимский район, а затем заключить договор с представителями наступавших на Уфу частей красных. Остававшиеся на свободе депутаты должны были разъехаться по районам и активно участвовать в организации восстаний в районе Златоуста, Екатеринбурга, Омска и Томска. В Уфе оставались лишь несколько человек для центрального руководства. Восстание планировалось осуществить через полторы-две недели. Всерьез рассматривались утопические идеи повторного созыва Учредительного собрания в Москве в союзе с большевиками и левыми эсерами.

По причине отсутствия связи с верными съезду частями восстание не было поднято. К тому же чехи потребовали от съезда не уводить их части с фронта, лишив съезд таким образом какой бы то ни было вооруженной силы. Но, как справедливо отметил Г.К. Гинс: «Легкая победа в Екатеринбурге и Уфе не была окончательною победою. Правительству Колчака все время пришлось вести борьбу на два фронта: с большевиками и эсерами»[1309].

События в Оренбурге следует рассматривать как подготовку одного из эсеровских выступлений, заблаговременно раскрытую сторонниками омской власти. Об этом свидетельствует и высказывание В.М. Чернова в беседе с делегатами английской независимой рабочей партии в апреле 1920 г. о том, что после событий в Екатеринбурге и Челябинске «борьба была перенесена в Оренбург»[1310]. Хотя идея выступления в Оренбурге появилась у заговорщиков еще до директив ЦК ПСР.

Уже 19 ноября (впрочем, в том же деле есть и другая датировка разговора – 20 ноября) атаман Дутов сообщил Колчаку по прямому проводу, что «Комитет Учредительного собрания своими воззваниями мешает работать и нарушает спокойствие. Все идет из Уфы. Доношу, что во вверенной мне армии полный порядок. И я свято исполняю Ваши приказы [и] приму меры, чтобы армия не коснулась политики. Просил бы Ваши директивы по отношению гражданских управлений и населения. Как относятся союзники и Чешский совет? Как Америка, Италия и Япония [?] Я уверен, что чехи лишь по тактическим соображениям не говорят открыто, лишь в душе сочувствуют. Где генерал Болдырев и что он предпринимает [?] Сейчас перехватил радио о занятии союзниками Петрограда – буду проверять. Убедительно прошу ежедневных Ваших директив и полной информации, без чего сейчас нельзя. Могу ли рассчитывать на это [?] Счастливо оставаться. Атаман *Дутов*». Известен ответ

Колчака: «…Всей душой благодарю Вас, господин атаман, за Ваше согласие работать со мной [ради] общей цели по спасению Родины. Из всех полученных мною заверений в поддержке и помощи от союзников и начальников частей мне особенно дорог Ваша помощь и поддержка как сильного защитника и первого защитника Родины, не прерывавшего борьбы с ее врагами. Вчера у меня была депутация представителей всех казачьих войск и сообщила мне солидарность со мной и готовность совместно работать. Препятствия к общественной безопасности исходят из указанного Вами источника, а также партии, связь с которой бывшего Правительства послужила причиной Омских событий. Очень озабочен этим вопросом, но затрудняюсь сообщить Вам свои соображения по [этому] поводу и пошлю Вам их шифром…»[1311]

Опасность оренбургского заговора для белых заключалась в том, что в числе его организаторов были представители нескольких разноплановых и достаточно влиятельных политических сил: член ЦК ПСР В.А. Чайкин, башкирский лидер А.-З. Валидов, казахский лидер и автономист М. Чокаев, представители оренбургской казачьей интеллигенции: командующий Ташкентской группой Юго-Западной армии Генерального штаба полковник Ф.Е. Махин и атаман 1-го (Оренбургского) военного округа полковник К.Л. Каргин. Несмотря на кажущуюся «реакционность» казачьей столицы, именно в Оренбурге заговорщики могли рассчитывать на поддержку воинских частей, входивших в состав Юго-Западной армии Дутова и непосредственно подчиненных ярым противникам оренбургского атамана Валидову и Махину. Захватив власть, заговорщики могли расколоть антибольшевистский лагерь на востоке России и тем самым привести к падению всего Восточного фронта. Башкирский лидер А.-З. Валидов, судя по его воспоминаниям, ненавидел Колчака больше, чем многие эсеры, и открыто называл его своим врагом[1312]. Противоречия резко усилились после обнародования 21 ноября приказа Колчака о ликвидации казахского и башкирского правительств и о роспуске Башкирского корпуса. Впоследствии, в январе 1919 г., башкирское правительство издало приказ о том, что считает этот приказ недействительным и приступает к восстановлению корпуса[1313].

22 ноября в командование корпусом вступил сам Валидов. По мнению генерала Акулинина, Валидов вел постоянные переговоры по прямому проводу с членами Учредительного собрания в Уфе[1314]. Для координации подпольной работы в Оренбург прибыл член ЦК ПСР, лидер туркестанских эсеров,

политик крайне левого толка В.А. Чайкин. Он был давним другом Валидова, и они легко нашли общий язык[1315]. По поводу политических взглядов Чайкина депутат Е.Е. Лазарев в письме Е.К. Брешко-Брешковской от 6 ноября 1918 г. писал: «Непримиримо левым оказался член ЦК Чайкин, молодой, очень неглупый и человек настойчивый, который резко порицает ЦК за то, что тот допустил даже Уфимское совещание и явно участвовал в измене и предательстве Учредительного собрания и самой партии с. – р…»[1316]

Вместе с еще одним будущим заговорщиком – депутатом от Ферганской области и вторым товарищем председателя Съезда членов Учредительного собрания (от мусульманской фракции) Мустафой Чокаевым Чайкин 22 ноября 1918 г. бежал из железнодорожного вагона, доставившего их из Екатеринбурга в Челябинск. Среди депутатов распространился слух, что всех их арестуют, и Чайкину с Чокаевым было поручено заготовить на всякий случай семь троек с надежными ямщиками[1317]. Они ушли из вагона со всеми своими вещами и больше в поезд не возвращались. Как писал М. Чокаев: «Мы теперь убедились, что совместная с белыми борьба против большевиков не приведет нас к нашей цели»[1318].

Именно тогда, согласно воспоминаниям Чокаева, у них созрел план освобождения Туркестана от красных, для чего необходимо было смещение Дутова[1319]. Это решение, таким образом, было принято двумя депутатами вне связи с официальными директивами руководства партии и съезда. Если верить в этом отношении Чокаеву, то получается, что цели у всех заговорщиков были разные, но план действий один: смещение Дутова и восстановление власти Учредительного собрания.

Для сравнения: сам Валидов позднее писал о событиях тех дней так: «Единственное, что можно было сделать для победы демократии, – это, договорившись с верными демократической идее уральскими и оренбургскими казаками, отстранить генерала Дутова. Если бы это удалось, было бы восстановлено правительство Комуча, и красные могли бы быть снова отброшены за Волгу»[1320]. Конечно, наивно думать, что восстановление власти Комуча могло способствовать каким-либо успехам на фронте (в этом вопросе приоритет явно за диктатурой), но в этой цитате – политическая программа заговорщиков.

Валидов лично инспектировал верные ему части на Актюбинском фронте 6 и 25 ноября, именно на фронте он встретился с будущими заговорщиками: полковниками Махиным и Каргиным (Каргин до революции некоторое время находился

под негласным надзором полиции [1321], происходил из той же станицы Буранной, что и отец Махина) и представителями уральцев и договорился с ними о мерах против Дутова[1322]. Свержение Дутова, одним из первых признавшего Колчака, для оппозиции могло стать символом скорой победы и над самим Колчаком.

Таким образом, заговор стал складываться как минимум с 25 ноября. Такого же мнения придерживался и М. Чокаев, утверждавший, что «…переворот этот мог быть задуман только после прихода к власти адмирала Колчака»[1323]. Однако в мемуарах Валидова есть фраза, относящаяся уже к неудачному исходу заговора, которая дезавуирует предыдущее высказывание: «Так за несколько часов провалился план, который готовился в течение нескольких месяцев»[1324]. В этом случае начало формирования заговора можно отнести к периоду августа – сентября 1918 г. – времени наиболее острого противостояния между Комучем и атаманом Дутовым, а приход к власти Колчака еще более способствовал консолидации левой антиколчаковской и антидутовской оппозиции. К сожалению, любые заговоры, особенно неудачные, оставляют после себя минимальное количество источников. Поэтому нельзя точно сказать, когда начал формироваться этот заговор.

Известно лишь, что уфимские эсеры активно участвовали в переговорах со своими сторонниками на Южном Урале. В ноябре 1918 г. М.А. Веденяпин вел переговоры по прямому проводу с полковником Махиным, сам факт участия в которых, на мой взгляд, является преступлением со стороны Махина – армия не должна вмешиваться в политику. Есть данные о том, что эти разговоры были регулярными, однако сохранились тексты только двух из них. 6 ноября между Уфой и станцией Ак-Булак Ташкентской железной дороги, на которой находился Махин, состоялся первый документально подтвержденный разговор:

«В е д е н я п и н. Здравствуйте, Федор Евдокимович, привет Вам от всех нас. Я Вас слушаю.

М а х и н. Доброе здоровье, Мих[аил] Александрович. Во-первых, я хотел ответить на Ваш вопрос [о] посредничестве [в] деле Майстраха[1325] с Петровичем[1326]. Прибыть лично для переговоров не могу, говорить только по аппарату, во 2-х узнать от Вас об общем положении.

В е д е н я п и н. Вас запросил, потому что Майстрах указал на Вас, сделал это только для формалистики, знал заранее о неосуществимости суда. Общее положение таково. Временное Правительство на днях издаст акт о ликвидации всех областных правительств, в том числе и нашего Совета. Сибирский аппарат

Министров и административный переходят в распоряжение Вр[еменного] Правительства], **другими словами Сибирское Правительство становится Всероссийским** (здесь и далее – подчеркнуто в документе. – *А. Г.*). [В] Настоящее время на этом сосредоточено все внимание. [В] Настоящее время положение [для] нас значительно ухудшилось. Съезд в Екатеринбурге приступил к работам. В Уфе нас четыре человека: Филипповский, Нестеров, Климушкин и я. На фронте у нас только добровольческие части Каппеля, Фортунатова, батальон Имени Учредительного Собрания и русско-чешский полк и ваши части. **Есть приказ ген**[ерала] **Болдырева о прекращении формирования добровольческих частей и о роспуске имеющихся.** Ижевск **все еще борется,** туда сегодня поехали Былинкин[1327] и Несмеянов[1328]. Донской[1329] шлет Вам привет и очень просит Вас приехать к нему в Советскую Россию. Прибыл курьер из Деникинской армии, который сообщает, что якобы армия насчитывает до 120 тысяч штыков.

М а х и н. Собственно на моем Ташкентском фронте мы заставили противника перейти к обороне. Менее успешно идут дела на Самарском фронте. Там инициатива в руках противника. Перспективы пока трудно там наметить, ибо они в значительной степени будут зависеть от числа союзнических войск, которые будут находиться в России. Лично я продолжаю пока не верить в близком будущем союзной помощи с их стороны, но твердый курс **политики Временного Правительства заставляет думать, что у него есть большая реальная сила, вероятно, таящаяся где-либо в Сибири.** Где генерал Галкин. Тогда трудно объяснить (на этом документ обрывается. – *А. Г.*)»[1330].

11 ноября Веденяпин в связи с распоряжением Омска о роспуске областных правительств беседовал с оренбургским представителем башкирского правительства: «В Омске Сибирское Правительство восторжествовало. Мы боимся, что не только будет ликвидирован Совет Управляющих, **но будут также ликвидированы** (здесь и далее – подчеркнуто в документе. – *А. Г.*) договорные обязательства Комитета в частности и **договор между Комитетом и Малой Башкирией и Алаш-Ордой.** Поэтому необходимо нам солидарно действовать, чтобы наш договор не был нарушен. Считаю необходимым приезд Вашего представителя в Уфу»[1331]. Башкиры отправили своих представителей в Уфу, однако были слабо осведомлены о положении в Омске.

16 ноября Веденяпин беседовал с начальником штаба Махина:

«У аппарата начальник штаба полковника **МАХИНА.**

Командующий войсками полковник МАХИН дня три не получает от Вас информаций. Поэтому поручил мне с Вами переговорить и справиться, когда последний раз Вами передавалась очередная информация и, если есть что-либо новенького, будьте добры передать, я запишу.

В е д е н я п и н. Очередная информация передавалась каждый день. Вчера последний раз была отправлена в 10 часов вечера. Сегодня мы справимся, куда делись посланные Вам телеграммы. Сейчас же абсолютно нет времени и трудно сообразить, что Вам в настоящее время передать. Вечером мы постараемся Вам все сообщить. Сердечный привет Федору Евдокимовичу.

Н а ч а л ь н и к ш т а б а. Благодарен. Последние сведения были получены от Вас от 13 числа. Очевидно, они где-нибудь задерживаются, поэтому я просил бы Вас передавать нам сведения по прямому проводу. Сведения нам крайне необходимы, т. к. мы издаем газету «Ташкентский фронт» и нуждаемся в материале.

В е д е н я п и н. Постараемся. Провод часто бывает занят военными депешами, и это лишает нас возможности передавать непосредственно. Сейчас приму меры, чтобы Вы получили сведения.

Н а ч а л ь н и к ш т а б а. Очень благодарен. Счастливо оставаться»[1332].

Связь Махина с Уфой не прекратилась и после омского переворота. 19–20 ноября он вновь беседовал с Веденяпиным. Махин заявил: «Теперь на нас лежит большая задача спасти Россию и восстановить границы, как Франция восстановила в семьдесят первом году. Веденяпин. – Приезжайте к нам, Вас ждем. Все Вам шлем привет, **в настоящее время на Самарском фронте развивается наше наступление и можно ожидать большой трепки большевикам** (подчеркнуто в документе. – *А. Г.*)». Махин ответил на это: «Ура. Будем стараться, только дальше от всех тех Самарских авторитетов, которые в верхах творят здания военной мощи России. К Вам постараюсь приехать. Держите крепко свое Знамя. До свидания»[1333].

В ночь с 1 на 2 декабря 1918 г. (по другим данным, которые не представляется возможным проверить, – 6 декабря[1334]) заговорщики провели свое первое и последнее совещание в Оренбурге, в здании Караван-сарая – резиденции башкирского правительства. Случайность или нет, но незадолго до совещания 19 ноября 1918 г. комендант зданий Караван-сарая Такиулла Алиев был произведен из подпоручиков в поручики и тем же приказом из поручиков в штабс-капитаны[1335]. На совещании, по

воспоминаниям одного из его участников, М. Чокаева, присутствовали: Валидов, Чокаев, Махин, Каргин и Чайкин[1336]. Однако, по мнению Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина, присутствовали также члены башкирского правительства, местные социалистические лидеры и несколько офицеров башкирских полков[1337]. К данному свидетельству следует относиться достаточно осторожно, так как сам Акулинин, разумеется, не являлся участником совещания и не мог в точности знать состав присутствовавших.

На совещании заговорщики утвердили состав будущего объединенного правительства трех стран (Казахстан, Башкурдистан, Казачье государство). Полковник Махин должен был стать главнокомандующим, атаман 1-го военного округа Каргин – Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска[1338], Башкурдистан представлял Валидов, Казахстан – представитель Алаш-Орды в Оренбурге Сейдазим (Сейдазым) Кулмухамедович Кадирбаев (ранее – уполномоченный Комуча по Тургайской области, утвержден в должности 25 июля 1918 г. по представлению Дутова[1339]) и М. Чокаев (пост министра внешних связей), В.А. Чайкин также получил должность в этом правительстве. Позднее он писал, что в Оренбурге принимал «руководящее участие в подготовке восстания против атамана Дутова»[1340]. Есть сведения о нерешительности заговорщиков – в частности, К.Л. Каргин предлагал повременить с арестом Дутова[1341].

Во время совещания в Оренбурге были расквартированы четыре башкирских стрелковых полка (1-й, 2-й, 4-й и 5-й), Атаманский дивизион Оренбургского казачьего войска, 1-й Оренбургский казачий запасный полк, в котором обучались молодые казаки, конвойная сотня и караульная рота, а также артиллерийские и технические части[1342]. Таким образом, у заговорщиков, при опоре на башкирские части, были все основания рассчитывать на победу. Однако поручик Али-Ахмед Велиев (Ахметгали), по характеристике Валидова – татарский купец из Челябинска[1343], донес о тайном совещании коменданту г. Оренбурга – капитану А. Заваруеву. Тот в свою очередь предупредил об этом главного начальника Оренбургского военного округа Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина. Сразу же были приведены в боевую готовность Атаманский дивизион и запасный полк, установлено наблюдение за Караван-сараем и казармами башкирских частей, в распоряжение коменданта города вызваны русские офицеры, служившие в башкирских полках. Однако, поняв, что инициатива перешла к сторонникам Дутова, Валидов в полдень 2 декабря

выехал из города, захватив все имевшиеся в наличии вагоны. Он остановился в селе Ермолаевка Оренбургского уезда Оренбургской губернии. Так или иначе, но попытка заговора против власти Дутова и Колчака не удалась.

2 декабря 1918 г. Дутов писал помощнику военно-морского министра по казачьим делам генерал-майору Б.И. Хорошхину: «… меня травят везде и всюду, но, пока я на своем посту, – я не брошу борьбы, как бы тяжело и обидно подчас ни было. Казаки меня понимают. В самом Оренбурге тоже имею сильных врагов – атамана Каргина и полк[овника] Махина. Характеристику обоих спросите у Анисимова; я писать не буду: долго и много надо говорить. Башкурдистан сошел с ума и выразил неподчинение адмиралу; ну, да я очень-то не буду разговаривать, а вы там устройте так, чтобы им не давали денег на их дела, ибо это преступление – жить на российских хлебах и вести интригу и не подчиняться власти. Полки свои втянули в политику, и мне много приходится тратить времени и труда, чтобы все это улаживать. Алаш-орда тоже шипит, а татарва уже заявила свой нейтралитет. Противно это все. Валидов – это одна сплошная глупость и недоразумение. Работы так много, что последние нервишки кончаю и устал безумно…»[1344]

В дальнейшем судьбы заговорщиков сложились по-разному. Полковник Махин получил от штаба Юго-Западной армии предписание отправиться в Омск, ему была гарантирована полная безопасность. Из Омска через Владивосток он выехал за границу[1345]. В командование Ташкентской группой вступил генерал-майор Г.П. Жуков. Башкирские части были выведены из Оренбурга на усиление Северного участка Юго-Западной армии, прикрывавшего территорию Башкирии[1346]. По имеющимся данным, атаман Каргин ездил по округу и агитировал казаков переходить к большевикам[1347], он по постановлению окружного съезда 1-го военного округа был смещен со своей должности и даже попал в тюрьму, в отсутствие Дутова выпущен, затем вновь арестован и отправлен в Ставку[1348], позднее попал в плен к красным под Иркутском и, по некоторым данным, расстрелян в 1921 г. по приговору военного трибунала 5-й армии. Чокаев с супругой отправился в Гурьев и далее в Баку. Вадим Чайкин уехал вместе с ними[1349]. А.-З. Валидов через некоторое время перешел на сторону большевиков.

После провала оренбургского заговора новые попытки выступлений не прекратились. Под влиянием воззваний оппозиционеров группа офицеров и казаков 4-й сотни 16-го Карагайского атамана Дутова полка повела агитацию против Колчака[1350]. Руководители выступления были арестованы и

отправлены с фронта в Оренбург. Наказания для них, чтобы не разжигать противоречия еще больше, были ограничены дисциплинарными взысканиями[1351].

Есть данные о том, что Валидов в декабре 1918 г. установил из Ермолаевки связь с Уфой посредством летучей почты, доставка корреспонденции занимала менее суток[1352]. Кроме того, он встречался с неким офицером Кондратьевым – доверенным лицом Н.Д. Авксентьева, отвечавшим за связи с башкирским правительством. Возможно, что после высылки членов Директории за границу он представлял при Валидове интересы оставшихся на свободе эсеров. По крайней мере, он считал, что диктатура Колчака долго не продержится и власть вновь вернется к сторонникам Учредительного собрания. Этот же офицер передал башкирам оружие, спрятанное на Усольском заводе[1353]. Конечно, все эти инициативы нельзя сравнивать по масштабам с попыткой переворота в Оренбурге. Вместе с тем, как справедливо отмечал Г.К. Гинс, победа не была окончательной: «Правительству Колчака все время пришлось вести борьбу на два фронта: с большевиками и эсерами»[1354].

В свете вышеприведенных фактов становится совершенно ясной несостоятельность тезиса советской историографии о том, что против большевиков эсеры боролись всерьез, тогда как против белых как будто бы «понарошку»[1355]. На самом деле происходило прямо противоположное – в конце 1918 г. эсеры пришли к прекращению борьбы с большевиками и всемерно стремились к свержению диктатуры Колчака, считая большевиков куда менее опасным противником. Доказательством тому уфимские переговоры группы эсеров во главе с В.К. Вольским с большевиками в январе 1919 г. (справедливости ради отмечу, что эсеровские организации почти сразу после этих переговоров поспешили от них откреститься и назвать переговорщиков провокаторами[1356]). Эта постоянная борьба стала одной из причин неудачи Белого движения на востоке России и привела в начале 1920 г. к гибели адмирала А.В. Колчака. Однако политическая близорукость эсеров привела их к закономерному финалу.

Весьма показательны судьбы эсеров – участников борьбы с Колчаком и их товарищей по партии, восставших в 1918 г. против большевиков. Если в отношении первых со стороны колчаковцев невозможно даже употребить слово «репрессии», то совсем иная ситуация во втором случае – большевики своих врагов не щадили.

Ведя подрывную работу против армии адмирала Колчака, представлявшей в 1918–1920 гг. наиболее мощную

антибольшевистскую силу на востоке России, эсеры и их сторонники фактически потворствовали большевикам (несмотря на антибольшевистскую демагогию). После окончания Гражданской войны многие из них оказались выброшенными за пределы страны и всеми забытыми. Впрочем, некоторые из них нашли себе новое «достойное» амплуа – стали работать на польскую (Чокаев[1357]) или советскую (Валидов[1358], Махин[1359]) разведку.

Здесь можно привести, на мой взгляд, вполне справедливое высказывание из антиэсеровского политического памфлета, составленного неким В. Ферганским во Владивостоке в 1921 г.: «Партия эс-эров в течение четырех лет русской революции сыграла роковую для русского народа роль. Эс-эры систематически взрывали все возникавшие на территории Совроссии национальные государственные образования. Добравшись до власти и не будучи в силах удержать ее в своих руках, эс-эры позорно капитулировали перед коммунистами. Преступная, предательская, антинациональная работа»[1360]. Генерального штаба генерал-лейтенант К.В. Сахаров весьма ярко охарактеризовал деятельность эсеров: «Едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководит действиями социалистических партий и их работников. Им важна не Россия и не Русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни, – более чисто убежденные, фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру»[1361]. К сожалению, параллели с современной партийной борьбой кажутся слишком отчетливыми.

Барон А.П. Будберг отмечал в своем «Дневнике»: «Каков бы ни был Колчак, но Омская обстановка выдвинула его к власти, к власти, ведущей смертный бой с большевизмом, и сто раз проклят тот, кто восстает на него и этим помогает большевикам…»[1362] Однако эсеры и лидеры национальных окраин в очередной раз поставили свои узкопартийные и узкоэтнические интересы выше государственных, за что впоследствии и поплатились. Несмотря на впечатляющую победу на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., эсеры уже в 1918 г. не получили практически никакой поддержки населения в своей борьбе как с правым, так и с левым лагерем, и в этом нет парадокса – деятели ПСР так и остались теоретиками, проводниками уже упоминавшихся книжных теорий, которым они подчиняли все остальное. Очевидно, что в условиях Гражданской войны (как и тотальных войн вообще[1363]) при полном

напряжении сил воюющих сторон никакого третьего пути, демократической альтернативы, просто не было – победа должна была достаться тому, кто смог в новых, «революционных» условиях оказаться бесчеловечнее, любыми средствами заставить население драться на его стороне. Как показала практика, лучше других это получилось у большевиков. В этом трагизм как самой Гражданской войны, так и Белого движения.

После признания Дутовым Колчака сибирская пресса на все лады расхваливала оренбургского атамана, часто выдавая желаемое за действительное. Впрочем, эти едва ли не «житийные» очерки не только вызывают улыбку критически настроенного читателя, но и содержат некоторые достоверные суждения о личности Дутова. Так, одна из газет сообщала, что Дутов – «боевой офицер, георгиевский кавалер[1364], средних лет, человек твердой воли, далекий от карьеризма, демократ по убеждениям. Отличительным свойством его характера является независимость. На этой почве чехословацкое командование при всех его стараниях не могло привлечь его к тесному сотрудничеству на Поволжском фронте. Атаман остался во главе самостоятельного отряда из казаков и добровольцев, в числе которых много молодых офицеров. Но свои боевые задачи он согласовал с общими задачами борьбы против красной армии и немало помог делу, отблагодарив этим способом чехословаков за помощь, оказанную ими, в свою очередь, Дутову в начале лета… Атаман, по его собственным словам, не задается слишком широкими задачами, считая ближайшей своей целью охрану Оренбургского края от разлагающего большевистского влияния. Поэтому он и держится особняком не только от чехословаков, но и от сибирского правительства, а также от бывшего самарского. Зато Дутов все время находится в тесном контакте с уральскими казаками… В качестве вождя войск Дутов представляет крупную величину. Он решителен, когда нужно, и очень осторожен в остальное время… В отряде Дутова суровая дисциплина. Все отлично одеты, носят старую форму с погонами и кокардами, прекрасно питаются, хорошо вооружены, ладят с населением, всегда трезвы[1365] (чему способствует преобладание среди казаков староверов[1366]), вообще представляют образцовое войско. От Челябинска до Миасса и Троицка дутовцы охраняют железные дороги…»[1367].

…Осенью 1918 г. «в потрепанном легком костюмчике, гол как сокол, багажа никакого, кажется вплоть до зубной щетки»[1368] пробирался на грузовом пароходе «Моряк» из Одессы через Северный Кавказ к старшему брату в Оренбург есаул Николай Ильич Дутов – участник Первой мировой войны. Как

свидетельствовал очевидец, Н.И. Дутов «много повидал и испытал, человек не глуп… Вид у него самый несчастный…»[1369]. И далее – «брадобрею работы всегда достаточно. Один Дутов берет не меньше 20 минут своим бритьем. Борода у Дутова растет обильно и быстро, и щетина такая твердая, что бритва звенит и лишь с громадным трудом делает свое дело. Бритье это, повторяющееся изо дня в день, привлекает обычно всех спутников и является тем поворотным моментом, когда дурное утреннее настроение сменяется хорошим вечерним»[1370]. Брат Дутова отличался веселым нравом. По свидетельству очевидца, он оказался «необычайно интересным спутником… мастером на экспромты и сыпящим ими вовсю… Перебрал он буквально всех, а про себя самого он пропел так:

Из Одессы шел «Моряк»,
Плавал по Дунаю,
И застрял на нем Казак,
Для чего – не знаю»[1371].

Удалась или нет его миссия – неизвестно. Достоверно лишь, что в ноябре 1918 г. он добрался до Новороссийска, а далее, вероятно, отправился в Екатеринодар.

«Дело» полковника Рудакова

В начале 1919 г. произошел конфликт Дутова с членом Войскового правительства Оренбургского казачьего войска В.Г. Рудаковым. Суть этого конфликта до сих пор не вполне ясна. Однако очевидно, что атаман Дутов в этой истории проявил себя далеко не с лучшей стороны. Чтобы разобраться в произошедшем, необходимо для начала представить себе личность Рудакова и его деятельность в войске. Василий Григорьевич Рудаков был ярким представителем оренбургской казачьей интеллигенции начала XX в. Он родился 27 февраля 1885 г. в семье казака-земледельца станицы Кичигинской 3-го (Троицкого) военного отдела Оренбургского казачьего войска. До 18 лет жил в станице и занимался хозяйством. В 1903 г. окончил Нижнеувельское двухклассное училище и два года проработал педагогом в казачьей школе. Поступив на военную службу, Рудаков в 1907 г. окончил Оренбургское казачье юнкерское училище, а в 1913 г. – Интендантскую академию в Петербурге. С 1907 по 1910 г. он служил в чине хорунжего в Отдельном Оренбургском казачьем дивизионе, дислоцированном в Гельсингфорсе. Рудаков принял участие в Первой мировой войне, занимался вопросами военного снабжения (занимал должность дивизионного интенданта[1372]), к 1917 г. был награжден пятью орденами и произведен за отличия в три чина. Вопросы военного снабжения не были предметом формального интереса Рудакова, который к 33 годам уже являлся автором четырех научных работ по этой и близкой к ней тематике: «Органическая химия»; «Военная администрация Германии»; «Продовольствие германской армии» и «Пищевые раскладки Германии»[1373].

Осенью 1917 г. подполковник Рудаков, избранный депутатом, принимал участие в работе чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска, проходившего в войсковой столице. 28 сентября совместно с представителями других военных округов депутатами М.А. Арзамасцевым и К.Л. Каргиным он был командирован на казачью конференцию в Екатеринодар[1374], а 2 октября 101 голосом из 145 избран членом Войскового правительства Оренбургского казачьего войска по продовольственному делу, возглавив отдел снабжения[1375]. В период Гражданской войны Рудаков принимал самое активное участие в политической жизни оренбургского казачества. Именно он составил проект конституции Юго-Восточного союза[1376] (по всей видимости, основу проекта Рудаков привез из Екатеринодара), сторонником идеи которого был Дутов.

По возвращении из командировки 26 октября 1917 г. войсковой старшина Рудаков вступил в должность члена Войскового правительства, а также помощника главноуполномоченного Временного правительства по продовольственному делу в Оренбургской губернии и Тургайской области. Как известно, в этот период должность главноуполномоченного занимал сам полковник Дутов. 31 января 1918 г., вскоре после оставления казаками Оренбурга (18 января), В.Г. Рудаков выступил перед делегатами 2-го чрезвычайного Войскового Круга, собравшегося в Верхнеуральске, с докладом о положении Оренбурга после занятия его большевиками. Как отмечалось в протоколе заседания, «в своем докладе [он] рисует картину событий, происходивших в первые дни занятия Оренбурга большевиками, отмечает жертвы казаков и офицеров, зверски убитых и растерзанных бандитами. Заявляет, что при выезде из Оренбурга на станции Оренбург при обыске у него большевики отобрали 24 000 р. казенных денег, взятых им для доставления в г. Верхнеуральск[1377]. В заключение доложил, что семейства войскового атамана Дутова и некоторых членов войскового правительства большевиками арестовано (так в документе. – *А. Г.*) и увезено неизвестно куда… Рудаков, дополняя доклад, выяснил роль группы в лице Седельникова, Копытина, Завалишина[1378] и др[угих], захвативших самочинно власть в войске, именующих себя временным Советом Оренбургского войска, причем указал, что лица эти помогли большевикам занять Оренбург, так как сам Кобозев[1379] заявил, что если бы не Седельников, Копытин и др[угие], то большевикам не взять бы Оренбурга»[1380].

2 февраля 1918 г. В.Г. Рудаков вошел в состав финансовой комиссии Круга для решения вопроса о денежном займе и в тот же день выступил с докладом о продовольственном деле в войске, причем доклад вызвал поддержку атамана Дутова[1381]. На следующий день Дутов и Рудаков ушли в отпуска по болезни, первый – на 2 месяца, второй – на месяц с сохранением содержания[1382]. Оба офицера заявили, что, если Круг прикажет им остаться на службе, они подчинятся этому приказу. Но, несмотря на постановление об отпуске, Дутов и Рудаков не покинули Круг.

Вновь заявил о себе Рудаков примерно через месяц, когда под видом простого казака по заданию Войскового правительства[1383] прибыл в свою родную станицу Кичигинскую и от имени правительства повел агитацию с целью поднять казаков на борьбу с большевиками[1384]. Из Кичигинской, в которой по решению Войскового правительства расположился 3-й боевой пункт, или

узел сопротивления, куда должны были стягиваться отряды самообороны из окрестных станиц, Рудаков разослал по станицам распоряжения о присылке всех имеющихся дружин. Первыми прибыли отряды из станиц Таяндинской и Коельской. Общее военное командование было возложено на есаула В. Степанова. Однако 30 марта 1918 г. кичигинские фронтовики признали советскую власть, и Рудакову пришлось спешно покинуть станицу. 3 апреля командующий восточными отрядами, действующими против Дутова, В.К. Блюхер, заявил казачьей делегации: «Вот до чего Ваше офицерство Вас доводит – Рудаков, кажется, пойман и ваш Дутов скоро будет пойман»[1385]. Однако будущий красный маршал ошибался, Рудакова красным захватить не удалось. Тем не менее он не принял участия в Тургайском походе, в который весной 1918 г. с войсковой территории ушел сам Дутов и другие члены Войскового правительства. В походе в составе партизанского отряда Оренбургского казачьего войска участвовал сын Рудакова, он погиб при возвращении отряда в бою у станции Кувандык[1386].

После освобождения значительной части войска от большевиков 27 июня 1918 г. Рудаков выступил на Круге объединенных станиц Оренбургского казачьего войска с внеочередным докладом о действиях казаков против большевиков и об охране Оренбурга. Кроме того, он сообщил Кругу о взятии на себя хозяйственной инициативы перед союзными послами[1387] – по всей видимости, речь шла о переговорах с представителями Великих держав по вопросам снабжения оренбургских казачьих частей. Круг постановил вынести Рудакову благодарность за его труды на пользу войска. 3 июля он вошел в состав комиссии для поверки и учета денежных сумм и ведения денежных книг, а на следующий день вместе с еще четырьмя депутатами Круга был командирован в Оренбург для учета сельскохозяйственных машин и отпуска их пострадавшим станицам, а также в помощь атаману 1-го военного округа К.Л. Каргину[1388].

Рудаков постоянно в работе: в июле 1918 г. он едет в Омск, в августе в составе делегации Войскового правительства – в Самару для доклада членам Комуча о политическом курсе Оренбурга[1389], затем принимает участие в совещании в Челябинске по вопросу о созыве Государственного совещания, в сентябре участвует в самом Государственном совещании[1390] и в работе 3-го чрезвычайного Войскового Круга в Оренбурге. 21 сентября и 3 октября 1918 г. Рудаков выступил на Круге с докладами по продовольственному вопросу, предложив конкретные меры по преодолению возможного голода в войске[1391]. При возвращении Рудакова из Омска в конце июля его попутчиком оказался видный

деятель партии социалистов-революционеров Л.А. Кроль, отразивший в своих мемуарах воззрения Рудакова. Кроль вспоминал: «Я ехал в вагоне полковника Рудакова, с которым у нас завязалась серьезная беседа по поводу методов дальнейшего устроения судеб освободившейся территории. К Комучу Рудаков относился скептически, но с Комучем Оренбургскому войску приходилось сильно считаться из-за материальных ресурсов. К вступлению атамана Дутова членом Комуча – что немало нас всех удивляло – Рудаков относился очень просто: отчего не использовать атаману Дутову своего положения члена Учредительного Собрания для большего влияния в Комуче; имея свою реальную воинскую силу, Дутов фактически независим от Комуча; наконец, Дутов в любой момент, когда это будет выгодно, может так же легко уйти из Комуча, как он в него вошел. Особые условия казачьего быта, по словам Рудакова, и заинтересованность казачества в сохранении его приводили его к выводу, что если бы удалось в разумном виде создать федерацию, то, пожалуй, это было бы наилучшим исходом. Мысль о создании автономии Горнозаводского Урала с рабочим населением, иного уклада жизни и с иной психологией, чем казачье, Рудаков одобрял. Избавиться от беспокойного элемента и передать его области горнозаводского Урала было бы очень хорошо. Одним словом, в полковнике Рудакове я нашел сочувствие, и мы тут же, развернув карту Урала, намечали, примерно, границы Оренбургского войска и Горнозаводского Урала, учитывая еще третью претензию, башкир, имевших в то время свое правительство, поддерживаемое Самарой. По пути мы остановились, встретившись на разъезде с поездом атамана Дутова, ехавшего в Омск… Через час примерно мы двинулись дальше. Вернувшийся от атамана полковник Рудаков сообщил мне, что он передал нашу беседу атаману и что тот в общем тоже сходится с нами во взглядах»[1392].

1 октября 1918 г. по решению 3-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска Рудаков был произведен в чин полковника[1393]. Однако еще до официального производства его не раз называли полковником. Чтобы разобраться, он с недоумением телеграфировал Войсковому правительству: «[Из] Моих документов значусь полковником, разве произведен?»[1394] Как выяснилось, произошла ошибка.

Во второй половине ноября 1918 – марте 1919 г. он ездил в командировку в Омск, на совещание казачьих представителей при помощнике военного министра по казачьим делам и далее – на Дальний Восток. С этой поездкой и были связаны основные события его конфликта с Дутовым. Созыв совещания официально

мотивировался следующим: «Верховн[ый] Главноком[андующий], принимая во внимание заслуги казачества в борьбе за возрождение России, дабы в дни устроения ее не нарушить вековых традиций и особенности быта казачьих войск, с целью урегулирования ряда экономических, хозяйственных, военно-административных и бытовых вопросов, разрешенных и проведенных в жизнь в период всеобщей разрухи войсковыми самоуправлениями крайне разнообразно, а также для выработки общих для всех казачьих войск положений, приказал установить при моем (военного министра. – *А. Г.*) помощнике по казачьим войскам[1395] совещание из представителей войсковых общественных самоуправлений всех казачьих войск, командируемых Войсковыми Кругами или правительствами по одному от каждого войска… Вице-Адмирал *Колчак*… 4 ноября 1918 г.»[1396]. Выбор пал на Рудакова в связи с желанием войсковой администрации достичь нескольких целей одновременно: и командировать своего надежного представителя на совещание, и добиться увеличения снабжения. Именно Рудаков подходил для решения обеих задач – он был одним из высших войсковых чиновников и одновременно специалистом по снабжению.

В Омске Рудаков рассказал о нужде войска в теплой одежде, вооружении, боеприпасах, подготовленных резервах и моральной поддержке (присылке хотя бы небольшой части другого казачьего войска)[1397]. Рудаков встретился с Верховным Правителем и Верховным главнокомандующим адмиралом А.В. Колчаком, начальником штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба полковником Д.А. Лебедевым и со всеми министрами. Военный министр выделил войску 2 миллиона патронов, перевозившихся из Владивостока, министр финансов сообщил о выделении Оренбургу 5 миллионов руб., еще 5 миллионов сдано в полевое казначейство Юго-Западной армии, и такая же сумма была обещана в ближайшее время. Рудакову было сообщено, что из Америки ожидалось поступление 600 миллионов руб., из которых 100 миллионов должны были быть направлены Дутову[1398]. Совещание казачьих представителей состоялось 29 ноября[1399].

Одергивания Рудакова со стороны Дутова начались уже в декабре 1918 г. 11 декабря 1918 г. Дутовым в Омск полковнику Н.С. Анисимову для передачи Рудакову была направлена телеграмма: «Войсковое Правительство, командируя Вас, не дало Вам право рекомендовать [от] имени Правительства кого-либо [на] административные должности и особенно [на] должность Губернского комиссара»[1400]. Почти три недели спустя, 31 декабря 1918 г., Дутов «ввиду перегруженности работой и невозможности

без ущерба дела вести столь сложную отрасль Государственного Хозяйства, как продовольствие» назначил Рудакова вместо себя главноуполномоченным Всероссийского правительства по продовольствию Оренбургской губернии, Оренбургского казачьего войска, Тургайской области и Башкурдистана[1401]. Однако в дальнейшем их отношения резко ухудшились.

Причины назначения Рудакова изложены в докладной записке военно-окружного контролера Отдельной Оренбургской армии С. Жихарева, который писал: «Командующему приходилось выполнять ряд многочисленных обязанностей, вытекавших из совмещения в своем лице других должностей, а именно: Войскового Атамана Оренбургского Казачьего войска, Председателя войскового Правительства и Главноуполномоченного Министерства Продовольствия по Оренбургской губ. и Тургайской области. С 19/20 октября (1918 г. – *А. Г.*), с учреждением особой должности Главного Начальника Округа, Командующий Армией хотя и был свободен от бремени забот по разрешению вопросов хозяйственного характера, тем не менее многие из этих вопросов им разрешались по-прежнему. В общем по всем означенным выше, а также и по другим вопросам, вообще мало имеющим общего с делом командования армией как таковым, командующий г[енерал]-л[ейтенант] ДУТОВ ежедневно был осаждаем посетителями и просителями, часто ожидавшими очереди по несколько дней. Детальное знакомство со всеми делами, связанными с отправлением означенных должностей, а также выполнение всех многочисленных обязанностей и формальностей, относящихся к этим делам и должностям, было физически невозможно и, несомненно, должно было повести к отрицательным результатам, что не замедлило, например, сказаться на должности Главноуполномоченного Министерства Продовольствия. Выполнение большей части связанных с этою должностью обязанностей было поручено члену войскового Правительства полковнику РУДАКОВУ, при заместителях последнего уполномоченных Нарбуте (по хлебным операциям)[1402] и Орлове (по мясным операциям). Означенный продовольственный орган назначен был обслуживать интересы армии по преимуществу. В распоряжение его поступили эвакуированные с Бузулукского фронта в весьма значительном количестве необходимые для армии продовольственные и иные грузы (пшеница, сахар, мануфактура и проч.). Точных данных о количестве и стоимости означенных грузов установить не представилось возможным ввиду приема их агентами уполномоченного без участия представителей Государственного Контроля и отсутствия в

отчетности уполномоченного точных формальных данных по этому предмету, тем не менее, по частным сведениям, стоимость их определялась до 100, если не *более,* миллионов. Между тем орган уполномоченного в действительности почти не обслуживал нужд армии (за исключением заготовок мяса, производившихся лишь в последнее время за счет военных кредитов); эвакуированные грузы также мало были использованы для нужд армии, так как переданы большей частью на удовлетворение нужд населения, главным образом казачьего. Большая часть отчетности уполномоченным не представлена, денежные счета находятся в крайне неурегулированном состоянии, причем даже самим г[енерал]-л[ейтенантом] ДУТОВЫМ заявлено было 17 февраля с/г (1919. – *А. Г.*) на заседании войскового круга, что имеются данные о наличии разных злоупотреблений по продовольственным операциям, осуществлявшимся полковником РУДАКОВЫМ. Носились слухи о возможных злоупотреблениях и по другим операциям. Означенное выше положение дел могло, конечно, отразиться и на духе чисто казачьей армии, порыв которой мог быть не использован. По отзывам многих, духовной связи с командованием вообще в армии не чувствовалось»[1403].

Еще до возвращения Рудакова из командировки 13 февраля 1919 г. Дутов на заседании Войскового правительства поднял вопрос о его деятельности. 17 февраля оренбургский атаман выступил перед депутатами 3-го очередного Войскового Круга в Троицке с речью, в которой заявил, что Рудаков «выехал в Читу и вел с Атаманом Семеновым переговоры, не имея на это никаких полномочий. Потом он отправился во Владивосток также без разрешения. Состоя уполномоченным по продовольствию, Полковник Рудаков не сдал отчетов, а между тем денежные обороты по продовольственным операциям превышают десятки миллионов рублей и имеются данные о разных злоупотреблениях»[1404]. В Омске Рудаков получил от оренбургского представителя при Ставке полковника Н.С. Анисимова 500 000 руб. и не представил по ним отчета. Кроме того, Рудаков, как утверждал Дутов, превысил полномочия, действуя у атамана Семенова от имени самого Дутова, а затем не подчинился приказу последнего вернуться в войско и самовольно уехал во Владивосток, откуда прислал телеграмму о сложении с себя полномочий члена правительства. По решению Дутова Рудаков был выведен из состава Войскового правительства, снят со всех должностей и должен был быть доставлен в Троицк для расследования и предания суду[1405]. Круг после выступления Дутова принял решение просить Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака о немедленной высылке Рудакова в войско.

8 марта Рудаков уже возвратился и выступил перед депутатами Войскового Круга с отчетным докладом о поездке. Ему удалось по низким ценам закупить для казаков мануфактуру и предметы первой необходимости и в десятых числах февраля с большими трудностями отправить их двумя поездами из Харбина в войско. Доход войска должен был составить около 6,5 миллионов руб. Еще в Омске Рудакову удалось получить на нужды войска 21 миллион руб. и добиться отправки в войско свыше 2 миллионов винтовочных патронов.

Рудаков опроверг обвинения Дутова и заявил: «Господа депутаты!.. На то, что я командирован был только на совещание казачьих представителей, докладываю, что, кроме этого, я выполнял еще очень много поручений… был… избран для доклада Центральному Правительству о тяжелом положении Оренбургского Края в финансовом и вообще экономическом отношениях и командирован, несмотря на то что я от этого отказывался, ссылаясь на предпринятые мною большие операции по продовольственному делу… я хлопотал о деньгах на восстановление станиц… согласно распоряжения Командующего Юго-Западной армии Генерала Дутова… испрашивал у Штаба Верховного Главнокомандующего и у Главных Управлений Военного Министерства отпуск вооружения, снаряжения и обмундирования для нашей армии… согласно его же распоряжения… выхлопатывал 20 миллионов рублей для нашей армии… согласно распоряжения Войскового Правительства… я был уполномочен получить 10 миллионов рублей на восстановление погорелых станиц и 1 400 000 руб. на покрытие расхода страхового капитала. И еще было очень много поручений…»[1406]

Поездка Рудакова на Дальний Восток также не была самовольной: в ноябре 1918 г. Помощником Дутова и главным начальником Оренбургского военного округа на театре военных действий Генерального штаба генерал-майором И.Г. Акулининым ему была дана инструкция во избежание краха оренбургского фронта во что бы то ни стало достать вооружения и денежных средств, хотя бы и на Дальнем Востоке, «ибо в противном случае будет крах войска»[1407]. По мнению Акулинина, которое он высказал, очевидно, уже в период нахождения Рудакова в Омске, такая поездка могла бы способствовать ликвидации «семеновщины». Дал санкцию на поездку и сам Дутов. Кроме того, поехать в Читу и Владивосток Рудакова просил начальник штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба полковник Д.А. Лебедев.

Командировочные документы Рудакова подтверждают его

право ехать на Дальний Восток. В рукописном черновике удостоверения № 3902 от 15 ноября 1918 г. указано: «Дано сие Члену Войскового правительства Оренбургского Казачьего Войска Полковнику Рудакову в том, что он командирован в г. Омск в центральное правительство с чрезвычай[ной] важности поручением и секретными докум[ентами], а посему Начальникам дорог и комендантам Станций Российских железных дорог предлагается оказывать содействие в предоставлении Полковнику Рудакову служебного вагона и в прицепке этого вагона к поездам, следующим без задержки при проезде в г. Омск, и при возвращении из командировки к месту служения. Пом[ощник] Вой[скового] Ат[амана] [Генерального штаба генерал-майор *И.Г. Акулинин*]»[1408]. В том же деле имеется черновик другого удостоверения Рудакова № 3899, напечатанный на машинке, на бланке Войскового правительства Оренбургского казачьего войска и заверенный войсковой печатью. В нем сообщается: «Предъявитель сего член Войскового Правительства, полковник Василий Григорьевич Рудаков, командирован в г. Омск для участия в созываемом при Помощнике Военного Министра Совещании представителей войсковых общественных самоуправлений казачьих войск для урегулирования ряда хозяйственно-экономических, военных, административных и по войсковому самоуправлению вопросов, *а также и для всестороннего* (выделенный курсивом текст зачеркнут. – *А. Г.*) освещения пред Всероссийским Временным Правительством положения в Оренбургском крае»[1409]. Далее в текст внесена столь значительная правка, что необходимо привести оба варианта. Машинописный текст следующий: «Кроме того, полковнику Рудакову поручено войти в сношение с представителями Японии в отношении военного снабжения Оренбургского войска, что удостоверяется подписью с приложением войсковой печати. Председатель Войскового Правительства и Войсковой Атаман, Генерал-Лейтенант [А.И. Дутов (подпись отсутствует. – *А. Г.*)]. Члены Правительства, Полковник Шангин. Войсковой Секретарь *Г. Иванов*»[1410]. Внесенная от руки правка выглядит следующим образом: «Причем полковнику Рудакову разрешено *по* (выделенный курсивом текст зачеркнут. – *А. Г.*) необходимости отъезда его из Омска по делам службы ранее окончания *созываемого при* (выделенный курсивом текст зачеркнут. – *А. Г.*) сессии указанного выше совещания полномочия свои передать полковнику Н.С. Анисимову. Что удостоверяется подписью с приложением войсковой печати»[1411]. Оба варианта, таким образом, не исключали отъезд Рудакова на Дальний Восток, тем более что в первом из них шла речь о японцах.

Еще один документ от 14 декабря 1918 г. разграничивал полномочия полковников Анисимова и Рудакова: «В целях установления правильного взгляда [в] правящих кругах Омска на Оренбургского представителя полковника Анисимова, изменившегося [с] прибытием [в] Омск полковника Рудакова, Войсковое Правительство заявляет, что полковник Рудаков был командирован [в] Омск *исключительно* (выделенный курсивом текст зачеркнут. – *А. Г.*), главным образом, для всестороннего освещения положения [в] Оренбургском крае и войске пред Центральной властью, участие [в] совещании при помощнике Военного министра Рудакову было поручено [с] целью ознакомления [с] постановкой казачьего вопроса вообще [и] личного доклада Войсковому Пр[авительст]ву, ибо вызов [в] Оренбург для этой цели полковника Анисимова Войсков[ое] Пр[авительст]во считало невозможным, поэтому полномочия полковника Анисимова командированием полковника Рудакова нисколько не умаляются»[1412].

Переговоры в Чите с раненным в обе ноги и руку осколками бомбы (в результате покушения 19 декабря 1918 г. в Мариинском театре Читы[1413]) Семеновым 22 декабря 1918 г. Рудаков вел от себя лично, а не от имени Дутова, причем Семенов предложил направить на Оренбургский фронт забайкальские казачьи части (бригаду, в перспективе же речь шла о направлении под Оренбург конной дивизии, бригады пехоты, конно-артиллерийского дивизиона, инженерного и железнодорожного батальонов и трех бронепоездов[1414] – до трети имевшихся в Забайкалье сил[1415]) и бесплатно осуществить поставку военного имущества. Военное имущество (400 винтовок, 48 000 патронов, 20 000 фуфаек, 30 000 поясных ремней, 10 000 брезентовых патронташей, 10 000 котелков, 1000 ружейных ремней, 500 кобур, 600 000 аршин мануфактуры и т. д.) было отправлено в войско. Кроме того, Семенов согласился подчиниться Дутову и тем самым Колчаку. Примирение Колчака и Семенова при посредничестве Дутова резко повышало авторитет оренбургского атамана, значительно укрепляло белый лагерь на Востоке России, а кроме того, вело к усилению Оренбургского фронта за счет забайкальских частей, которые предлагал Семенов. Однако Дутов не взял на себя бремя быть посредником между Читой и Омском, хотя имел все шансы на успех. Более того, во время разговора с Рудаковым 24 декабря 1918 г. по прямому проводу он в угоду политическому моменту заявил: «Помощь Семенова нам не нужна»[1416]. Несмотря на отказ Дутова, товары от Семенова войско получило, однако забайкальские казаки на Южный Урал так и не были посланы[1417]. Спустя неделю после этого разговора, как уже говорилось выше,

Рудаков получил от Дутова новое ответственное назначение. Таким образом, *до* конца 1918 г. у оренбургского атамана не было претензий к своему помощнику, в том числе и в связи с вопросом о Семенове.

Из Читы Рудаков выехал во Владивосток, куда прибыл 2 января 1919 г. Здесь он встречался с генералами П.Г. Бурлиным, В.И. Волковым, П.П. Ивановым-Риновым, Г.Д. Романовским и Д.Л. Хорватом, многими региональными общественными деятелями. Кроме того, во время командировки Рудаков неоднократно встречался с представителями союзников и из этих встреч смог сделать правильный вывод, что они готовы оказывать белым материальную помощь, но на помощь людьми рассчитывать нельзя. Уссурийские казаки передали Рудакову для оренбуржцев 3000 винтовок, 10 000 башлыков и 1000 теплых халатов для раненых[1418], владивостокские предприниматели пожертвовали на нужды войска до 2 миллионов руб. Рудаков содействовал закупке и вывозу с Дальнего Востока товаров, заготовлявшихся там для войска, часть из которых должна была быть закуплена и доставлена еще в конце 1918 г., но из-за разрухи на железной дороге доставлена не была. Таким образом, войско получило три вагона медикаментов, несколько вагонов бумаги для Войскового издательства и другие товары. Кроме того, с Дальнего Востока удалось вывести много товаров, предназначенных оренбургским организациям, предприятиям, штабам, воинским частям и станицам (штабу Отдельной Оренбургской армии, штабу Оренбургского военного округа, окружному интендантству Оренбургского военного округа, окружному правлению 1-го военного округа; Войсковой сапожной фабрике, оренбургскому мыловаренному заводу, станицам Кичигинской, Ключевской, Крутоярской, Лугов-ской, Таналыцкой, Усть-Уйской, окружному атаману 3-го военного округа, башкирским частям, 2-й гаубичной батарее и другим адресатам). Были взяты товары и для сибирских казаков. В общей сложности удалось вывезти 56 вагонов. Таким образом, в условиях почти полного хаоса и разрухи на Транссибирской железной дороге Рудаков, преодолев множественные препоны, смог снабдить войско значительным количеством товаров первой необходимости, что нельзя не поставить ему в заслугу. Кроме того, заботясь о выгоде войска, он смог обеспечить ему значительную прибыль при предстоявшей продаже закупленных товаров.

По словам самого Рудакова, «что касается пущенных по моему адресу еще бесконечного множества самых нелепых обвинений… я заявляю, что это гнусная клевета и я даже не нахожу нужным на это отвечать, ибо это ниже моего достоинства.

Как видите, все заявление (Дутова. – *А. Г.*) является каким-то сплошным недоразумением. Действия я свои считаю совершенно законными и правильными, направленными всецело ко благу казаков и Родины вообще… я сделал для войска все, что было в моих силах. Я отдал войску все свое знание, всю энергию, все свое здоровье, я отдал самое для меня дорогое – моего сына… Теперь у меня осталась только моя честь. И вот Вы, для кого я все отдал, отнимаете у меня последнее – мою честь, нет, этого я Вам не отдам, ибо честь моя дороже моей жизни»[1419]. Протоколы заседаний Войскового Круга скупо свидетельствуют о том, что доклад Рудакова вызвал продолжительные горячие прения, после чего была принята резолюция о переходе к очередным делам. Во всяком случае, Рудаков не был арестован, что уже свидетельствует о недоказанности обвинений в финансовых злоупотреблениях. Однако в составе Войскового правительства его так и не восстановили.

Получается, что обвинение Рудакова в том, что он «не представил… отчета» о затратах, было вовсе не основным в речи Дутова. Рудаков в декабре 1918 – феврале 1919 г. направил Войсковому правительству и Кругу восемь телеграмм с отчетами о своей работе, так что войсковая администрация была осведомлена о его действиях. Разумеется, спустя 85 лет после рассматриваемых событий ни доказать, ни опровергнуть наличие злоупотреблений со стороны Рудакова невозможно.

Вместе с тем оренбургского атамана больше всего возмутил факт самовольного, с его точки зрения, отъезда Рудакова в Читу для переговоров с Семеновым. По сути, Рудаков стал жертвой переменившейся политической обстановки и личных опасений Дутова. Когда его в середине ноября 1918 г. направляли в командировку, ни о каком конфликте Семенова с верховной властью речь не шла. Предложение Семенова признать Дутова в качестве Верховного Правителя сильно компрометировало последнего перед Колчаком и его окружением. Визит же оренбургской делегации к мятежному атаману в Читу мог и вовсе быть воспринят Омском как попытка объединения казачьей оппозиции, что могло плохим кончиться для самого Дутова. Оренбургский атаман опасался, возможно не без оснований, что в Ставке в связи с действиями Рудакова усомнятся в его собственной лояльности (при этом проехать в Читу, чтобы продвинуть оренбургские грузы, Рудакову посоветовал не кто иной, как Д.А. Лебедев), и стремился не запятнать свою репутацию верного сторонника центральной власти. Дутов отлично понимал, что без поддержки омской Ставки его положение весьма непрочно, поскольку снабжение Отдельной

Оренбургской армии всецело зависело от контролировавшего железную дорогу Омска. Поэтому оренбургский атаман предпочел в угоду собственному спокойствию предать своего помощника. В своей ответной речи Рудаков аргументированно ответил на все обвинения Дутова. Более того, его поездка, как выяснилось, принесла ощутимую пользу войску. Но это уже не имело значения.

Буквально на следующий день после обсуждения на Круге, 9 марта 1919 г., Дутов приписал к своему письму Колчаку следующий постскриптум: «К Вам устроился в Ставку полков[ник] Рудаков, бывший член Войск[ового] правительства и мой помощник по продовольствию, я едва[-]едва от него отделался, считаю долгом предупредить, что много говорит и как будто дело, но очень и очень любит деньги, очень ловок, хитер и замешан в некрасивых сношениях с германскими агентами через жену польку»[1420]. Вряд ли Рудакову с подобной характеристикой удалось задержаться в Ставке.

На мой взгляд, этот отрывок свидетельствует далеко не в пользу оренбургского атамана, обнаружившего свое злопамятство и продолжившего возводить поклеп, теперь уже очевидный, на своего бывшего соратника. Зато доказательство лояльности Верховному Правителю было налицо, и оренбургский атаман мог быть спокоен за свое положение. Однако Дутов этим не ограничился и в письме Колчаку от 22 марта не преминул вновь кинуть камень в адрес Рудакова: «В Челябинск к нам прибыло два маршрутных поезда из Сибири с мануфактурой. Мы ее получить не можем, ибо требуют с нас оплаты таможенной пошлины и акциза, тогда как Китайское правительство освободило этот груз от всяких налогов, и население, ждавшее этих поездов, теперь принуждено отказаться от мысли использовать этот так трудно приобретенный, товар, ибо таможня заявила, что досмотр продолжится около 3-х месяцев. Я, конечно, не сомневаюсь, что в этих поездах привезен и контрабандный груз; их вел Полковник Рудаков, о котором я Вам докладывал, и вполне допускаю злоупотребления. Поэтому Круг и назначил Комиссию – принять эти вагоны и все, что окажется не по нарядам, – реквизировать для армии. Мы сами стараемся пресечь злоупотребления и помочь Центральной Власти и никогда не станем на скользкий путь сепаратизма. Я не знаю, какое впечатление произведет на Вас мое письмо, но Атаман Дутов никогда не врал и клеветничеством не занимался, а говорил всегда правду в глаза, не считаясь ни с положением, ни с чином, преследуя лишь интересы горячо любимой Родины и борясь за ее честь, не ожидая никаких наград и не добиваясь никаких постов»[1421]. По всей

видимости, деятельность Рудакова ассоциировалась у Дутова с сепаратизмом Семенова, иначе непонятно, к чему вообще фраза о сепаратизме. Особенно анекдотично сразу после упоминания об оклеветанном Дутовым Рудакове выглядит фраза первого о том, что он «клеветничеством не занимался, а говорил всегда правду в глаза».

Позднее Рудаков числился прикомандированным к Управлению Главного полевого интенданта штаба Верховного главнокомандующего (на 5 апреля 1919 г.). В нашем распоряжении есть данные о том, что 22 июля 1919 г. он был зачислен в резерв чинов интендантского отдела Восточно-Сибирского военного округа. По свидетельству Г.В. Енборисова, Рудаков в начале 1920 г. в чине генерал-майора служил в Чите у атамана Г.М. Семенова[1422], с которым познакомился еще в свою командировку на Дальний Восток. Действительно, есть данные о том, что в марте 1920 г. генерал-майор Рудаков состоял в Главном управлении по казачьим делам Российской Восточной окраины – у атамана Семенова[1423]. Сведения о дальнейшей судьбе Рудакова крайне противоречивы, и однозначно сказать, относятся ли они именно к нему или к его однофамильцам, невозможно. Дело в том, что в Белом движении на Востоке России участвовало несколько старших офицеров Рудаковых, из которых наиболее известен генерал-майор Б.А. Рудаков, служивший, как и наш герой, по интендантскому ведомству, что, разумеется, значительно осложняет поиск. По некоторым данным, В.Г. Рудаков позднее оказался в эмиграции в Шанхае[1424]. Позднее, по всей видимости разочаровавшись в Белом движении, Рудаков уехал в СССР[1425].

В случае с Рудаковым Дутов, пойдя по пути наименьшего сопротивления, продемонстрировал боязнь ответственности, интриганство и, наконец, предательство своего ближайшего соратника. Столь негативные черты одного из крупнейших казачьих вождей периода Гражданской войны не могли не повлиять на общий исход Белой борьбы на Востоке России.

Падение Оренбурга и разложение армии

После падения Бузулука в конце октября 1918 г. на фронте армии Дутова наступило относительное затишье. Как впоследствии писал Генерального штаба генерал-майор С.А. Щепихин, на всем Восточном фронте осень 1918 г. была периодом «почти полного умирания военных действий: обе стороны были утомлены, питание войск плохо налаживалось, армии находились в периоде реорганизации»[1426]. На фронтах Юго-Западной армии в декабре 1918 г. относительное затишье продолжалось – красные решительных действий не предпринимали, белые держали оборону ранее занятых позиций. Сам Дутов 2 декабря 1918 г. в письме генерал-майору Б.И. Хорошхину отметил, что «про наши дела сейчас трудно что-либо определенное сказать. Вчера я беседовал с Вами по аппарату и высказал свою боль. Настроение казаков хорошее, обмундирование достаю, хотя прибегаю к крутым мерам – раздеваю на улице господ-граждан. Нет винтовок и нет патронов – вот горе и беда. Думаю, что Вы знаете это и парализуете это, как позволяет обстановка. Нам все надо, нужды наши Вам известны и надоели выше головы. Я уверен, что Н.С. Анисимов[1427] поставил Вас в полный курс наших недостатков и Вы их устраните. Повторяться не буду»[1428]. Помощи от союзников так и не поступило. Тщетно представитель французской военной миссии капитан французской службы З.А. Пешков (старший брат Я.М. Свердлова и приемный сын М. Горького) заверял казаков, что «нельзя ждать помощи завтра, но она во всяком случае есть и будет и людьми, и снарядами, и всем…»[1429]. От союзников белые реальной поддержки так и не дождались.

13 января 1919 г. Колчак сообщал американскому консулу Э. Гаррису, что, по данным, полученным от атамана Дутова, из-за эсеровской пропаганды казаки отказываются сражаться[1430].

В декабре 1918 г. – январе 1919 г. попытки контратаковать красных на Бузулукском участке стратегического успеха не имели. 25 декабря Дутов поставил задачу развить наступление на Северном участке для поддержки самарской группы белых (3-я Оренбургская казачья бригада), наступательные действия предполагались и на Бузулукском участке, на других участках намечалось занять оборону[1431].

Вскоре части участка перешли к обороне, а затем стали одну за другой постепенно оставлять станции Ташкентской железной дороги, приближаясь к казачьей территории и к самому Оренбургу. Положение армии Дутова становилось критическим. Приказом Верховного Правителя и Верховного

главнокомандующего № 92 от 28 декабря 1918 г. Юго-Западная армия была разделена на Отдельные Оренбургскую и Уральскую армии под командованием генерал-лейтенантов А.И. Дутова и Н.А. Савельева соответственно[1432]. В армии Дутова оставалось два корпуса – I Оренбургский казачий и Оренбургский армейский, который приказом № 94 от 3 января 1919 г. получил номер IV[1433]. 2 января 1919 г. Дутов подписал оперативный приказ войскам армии, возложив на армию задачу активной обороны на Северном и Уральском участках (о выведении этого участка из подчинения Дутову в связи с расформированием Юго-Западной армии командарм еще не знал) при переходе в наступление на Бузулукском (с 5 января) и Илецком. На Орском участке предлагалось действовать на сообщения красных. *Особое* внимание Дутов обращал на необходимость наличия резервов за флангами войск.

В преддверии Рождества Дутов организовал заготовку рождественских подарков для войск. 5 января в приказе войскам армии он писал:

«Сегодня годовщина первого дня боев под Оренбургом.

Ровно год прошел с того момента, когда казаки, офицеры и сознательные граждане Оренбурга почти безоружны, с ограниченным числом патронов бросились в атаку на большевицкие банды и гнали их за Новосергиевку.

Вспоминая весь этот тяжелый год, год борьбы, смены настроений, я с глубоким чувством удовлетворения отмечаю бодрость, веру в успех начатого дела и доведения его до конца.

ВОИНЫ! На вас смотрит мир и сердце каждого **русского** (выделено в документе. – *А. Г.*) гражданина бьется радостно, видя Ваши стройные полки и батареи.

Вы возрожденные, закаленные в испытаниях, гордо вынесли чистым и незапятнанным Знамя Русского Государства и национального достоинства.

Еще немного напряжений, и победа за нами, а с ней покой, мир и благоденствие.

Горжусь в этот исторический для нашего края день стоять во главе войск Юго-Западной Армии и низко кланяюсь Вам, богатыри духа, рыцари чести и патриоты России. Слава Вам, защитникам Родины.

История не забудет Вас»[1434].

11 января 1919 г. атаман писал главнокомандующему Вооруженными силами Юга России Генерального штаба генерал-лейтенанту А.И. Деникину на Белый Юг (письмо № 1328): «… Наше войско сепаратических стремлений не имеет и борется за всю Россию. На Вашу Армию мы возлагаем большие надежды и

полагаем, что только Вы и решите окончательно судьбу России. Ваша Армия находится на юге и имеет все под рукой. В Ваших руках уголь, железо, нефть, лучшие пути сообщения, сравнительно короткое расстояние до Москвы. Кроме того, Вы имеете возможность, владея Черным морем, получить всевозможные пополнения и припасы…»[1435]

На Ташкентском направлении 29 декабря 1918 г. красные повели наступление. Один из его участников, простой чернорабочий, с уважением отмечал, что «казаки не отдавали ни одну пядь земли без боя»[1436]. Особым ожесточением отличался бой у станции Мертвые Соли, проходивший при 30-градусном морозе. Многие красноармейцы были одеты лишь в ботинки и шинели. По разным свидетельствам, в этом бою красные только обмороженными потеряли от 400 *до* 800 человек[1437]. После боя под Мертвыми Солями серьезного сопротивления большевикам на Ташкентском направлении уже не было.

12 января 1919 г. белыми был оставлен город Илецкая Защита, в этот же день Дутов издает приказ о необходимости парировать наступление красных встречными ударами. 20 января 1919 г. белые во исполнение приказов Дутова от 12 и 14 января предприняли неудачную попытку рейда на Актюбинск в тылу красных. Предлагалось очистить заблаговременно заготовленные позиции от снега. Однако было уже поздно.

Поздравляя войска с Новым годом, Дутов писал 13 января:

«Тяжелый 1918 год отошел в вечность, много горя и слез унес он с собою. Много лишений, тревог и боевого труда пришлось пережить и Вам защитники правды – верные сыны измученной отчизны.

Много событий стало лишь воспоминаньем, но Ваши подвиги, Ваши славные дела всегда будут живы.

Приветствую Вас с Наступающим Новым Годом, всей душой желаю Вам скорейшей победы над позабывшим Бога и совесть врагом.

Верю глубоко и твердо, что еще несколько усилий, и Вы будете окончательными победителями, увенчав себя вечной славой, завоевав себе заслуженный покой и отдых.

За Ваши самопожертвования, подвиги и верность долгу Вас будет благословлять Русский народ, а сыны и внуки вспоминать с гордостью и уважением.

Верю, что грядущий год будет светлым и радостным торжеством правды и порядка, годом отдыха после бранных трудов.

Так напрягите же еще свои силы для общего блага, для общего счастья!»[1438]

14 января 1919 г. на Бузулукском направлении оставлена станция Новосергиевская. Задержаться на ее рубеже, где осенью 1918 г. возводились укрепления, войскам не удалось. В этот же день был издан очередной оперативный приказ войскам армии. Общей задачей армии была установлена активная оборона и развитие решительных действий к северо-западу и к югу от Оренбурга, в том числе на сообщения противника[1439]. Бои на Ташкентском направлении в январе носили поистине героический характер. Весной 1919 г. Дутов подписал только за эти бои сразу пять представлений к Георгиевскому оружию и ордену Св. Георгия 4-й степени[1440]. Тем не менее положение продолжало ухудшаться.

15 января Дутов приказал закрыть увеселительные заведения Оренбурга, угрожая всякому пьяному поркой. «Роскошь, пьянство и безобразие не могут быть допущены в городе, вокруг которого льется святая кровь защитников Родины», – писал атаман[1441].

16 января спешно создается Мрясовский боевой участок войскового старшины Р.П. Степанова для прикрытия долины реки Большой Ик. Войска в состав вновь образованного участка перебрасывались с ташкентского фронта. 22 января участок вошел в состав IV Оренбургского армейского корпуса. Дутов в январе запросил помощи у соседней Западной армии[1442].

17 января штаб IV Оренбургского армейского корпуса находился на станции Переволоцкая, на следующий день – уже на последней перед Оренбургом крупной станции Каргала. Опасаясь репрессий со стороны красных, казачье население спешно покидало родные станицы и поселки[1443]. При этом некоторые казачьи общества заняли откровенно двурушническую позицию, пытаясь заискивать и перед наступающими красными, и перед уходящими белыми.

К примеру, жители станицы Капитоновской в середине января 1919 г. направили своих делегатов и в штаб Бузулукской группы – узнать, как быть дальше, и к красным – с заявлением о том, что станичники были насильно мобилизованы белыми[1444]. Одновременно с этими акциями казаки Капитоновской станицы дезертировали из 4-й Оренбургской казачьей дивизии, действовавшей в составе Бузулукской группы. 25-й Оренбургский казачий полк той же дивизии был совершенно небоеспособен – не подчинялся приказам, при одном слухе о приближении красных оставил станцию Новосергиевскую, обнажив фланг 7-го Хвалынского стрелкового полка дивизии А.С. Бакича, более того, казаки приняли решение отступать только до своих станиц, а при занятии их частями РККА разойтись с оружием по домам[1445].

На мой взгляд, эти случаи были весьма характерны для

любых территориальных частей (именно такими являлись казачьи формирования Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий), действующих к тому же на своей территории. Точно так же, для сравнения, в 1918 г. по своим деревням разбегались мобилизованные крестьяне из частей Народной армии. Тем не менее Войсковое правительство 12 января постановило «защищать войско до последнего предела»[1446]. Антидисциплинарные поступки казаки совершали и ранее. В начале января 1919 г. в одном из приказов по армии был упомянут отказ казаков Пластунского дивизиона из состава I Оренбургского казачьего корпуса идти в бой, за что весь личный состав был предан военно-полевому суду с требованием расстрелять виновных немедленно[1447].

Несмотря ни на что, Дутов даже в эти тяжелые дни продолжал формировать новые части. Из казаков старших возрастов были сформированы 30-й Сакмарский и 32-й Донецкий казачьи полки. В каждом из них было по две конных и четыре пеших сотни. 30-й полк был придан IV корпусу, 32-й – I корпусу[1448]. Позднее оба полка были переданы в IV корпус.

Занятые красными станицы стремились продемонстрировать свою полную лояльность новой власти. Например, станица Павловская, несмотря на мороз, встречала приход красных хлебом-солью и колокольным звоном, народ, в том числе казаки-старики, стоял без шапок с иконами и хоругвями. Впрочем, занимавшие станицу красные, среди которых было много мадьяр и русских атеистов, к подобному приему отнеслись с искренним презрением[1449].

С целью поддержать уральцев и оренбуржцев Колчак 16 января телеграфировал, что «правительство и союзники напряженно следят за геройской борьбой казаков с изменниками России большевиками, предавшими разграблению наше государство, предавшими поруганию наши святыни в МОСКВЕ. Мы знаем тяжкие условия борьбы казаков, отрезанных на сотни верст от железной дороги. Мы знаем, что помощь Оренбуржцам и Уральцам идет медленно. Пусть казаки знают, что все напряженно работают, чтобы спасти их из тяжкого положения. Правительство не допустит гибели Оренбургского и Уральского казачества, являющегося оплотом верности своей Родине. Генерал ДЕНИКИН также с Вашими братьями Донцами и Кубанцами напрягают все усилия, чтобы подать Вам помощь. Передайте Оренбуржцам и Уральцам, чтобы они собрали все мужество и твердо отражали врага, уверенные, что помощь идет со всех сторон»[1450]. К сожалению, эти красивые обещания так обещаниями и остались.

19 января на сторону красных, захватив пропуска и секретную переписку командира полка, перебежал неоднократно предававшийся ранее военно-полевому суду командир 1-й сотни 25-го Оренбургского казачьего полка, казак Никольской станицы сотник И.Е. Рогожкин. Он поступил на службу в РККА, получил назначение на должность командира конной разведки 212-го Московского полка 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии[1451] и даже отправил через линию фронта письмо своей сотне с призывом в полном составе переходить к красным. Впоследствии этот перебежчик с целью выслужиться перед большевиками заявлял о своей попытке убить атамана Дутова, которую он не осуществил якобы из-за того, что рядом были дети[1452].

Тем не менее даже в эти тяжелые дни авторитет Дутова среди казаков был достаточно высок. В частности, 17 января 1919 г. казаки станицы Кичигинской 3-го военного округа вынесли постановление: «Мы, нижеподписавшиеся жители-казаки Кичигинской станицы, сего числа обсуждали вопрос текущего момента, а главное о борьбе с предателями родины – большевиками, не могли не обратить своего особенного и должного внимания на те тяжелые испытания, кои выпали на долю нашего Батьку (здесь и далее – так в документе. – *А. Г.*) Войскового Атамана А.И. Дутова с Войсковым правительством – перенесшими все невзгоды и трудности с мужеством, энергией и явной опасностью для их жизни в борьбе на защиту родного казачества и войска Оренбургского… Мы, казаки Кичигинской станицы, восхищаемся стойкостью и мужеством Вашим атаман, в непосильной борьбе с названными наемниками; мы, видя Ваше умелое руководительство войском и Юго-Западным фронтом; мы надеемся, что испытания, пережитые нами, не придется уж вновь переживать. А потому смело заявляем Вам, атаман, что мы все готовы во всякое время встать вместе с Вами на защиту родного войска и родины и не положим оружия, пока война с большевиками не будет доведена до конца. Довольно насильникам пить нашу казачью кровь и грабить народные очаги, мы надеемся, что все казачество твердо верит и скажет, что оно не допустит повторения ошибок, происшедших в прошлом году, через которые немало пролито крови и слез. Да хранит Бог Вас, атаман, правительство и все казачество»[1453].

Однако отдельные порывы не переломили общей ситуации. В связи с резким ухудшением обстановки на фронте штаб Отдельной Оренбургской армии забил тревогу. 19 января Дутов издает новый оперативный приказ о прикрытии подступов к Орской железной дороге и Оренбургу и удержании участка

Ташкентской железной дороги между Оренбургом и Актюбинском для недопущения соединения большевистского центра с Туркестаном. Для решения этих задач командующий армией приказывал упорно обороняться на Северном и Бузулукском участках[1454].

В этот же день в 22 часа 30 минут полковник А.С. Бакич получил по телеграфу приказ Дутова держаться во что бы то ни стало. В 23 часа командир IV Оренбургского армейского корпуса получил срочную телеграмму начальника штаба Отдельной Оренбургской армии Генерального штаба генерал-майора А.Н. Вагина: «…Командарм приказал… все силы использовать для занятия указанного… положения, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, ибо Оренбург должен обороняться в целях обеспечения его эвакуации…»[1455] Армейское командование до последнего верило в возможность удержания казачьей столицы, так и не сумев заблаговременно завершить эвакуацию города. Командир IV корпуса Генерального штаба генерал-майор В.Н. Шишкин телеграфировал в штаб армии, что в связи с изменой Рогожкина и успехами красных казаки волнуются и «положение становится крайне серьезным. На Северном фронте по сводке все отступают, суживая выход на Орское направление, отход вверенного мне отряда при данной обстановке считаю единственным выходом»[1456]. На следующий день в очередной директиве штаб армии рекомендовал «начальникам боевых участков и боевых корпусов самыми решительными и беспощадными мерами поддерживать дисциплину в войсках»[1457]. Тем не менее факты массового дезертирства казаков (почти исключительно из состава 24-го и 25-го Оренбургских казачьих полков), а также военнопленных и обозных имели место и в дальнейшем[1458]. Особенно негативно на настроениях казаков сказалась сдача войсковой столицы – Оренбурга.

21 января город был оставлен Отдельной Оренбургской армией, к вечеру того же дня он был охвачен полукольцом красных, а уже на следующий день около 11 часов утра занят наступавшими с запада частями 2-й бригады 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии и прорвавшейся с юга конницей Туркестанской армии (28-й Уральский полк[1459]), причем есть сведения, правда не находящие подтверждения в других документах, что прорыв группы красных из Туркестана был осуществлен на несколько часов раньше[1460]. Кроме того, есть данные о том, что в Оренбурге по соединении двух групп красных командующий 1-й армией Г.Д. Гай арестовал командующего войсками Туркестанской республики Г.В. Зиновьева[1461]. Впрочем, эти сведения из воспоминаний нуждаются в перепроверке.

В ходе Оренбургской операции с 8 по 22 января 1919 г. войска 1-й армии красных захватили 662 пленных, 201 перебежчика, 134 лошади, 4 пулемета, 4 орудия, 806 снарядов, 28 ящиков с патронами, 25 телефонных аппаратов и другие трофеи[1462]. Количество захваченного имущества не впечатляет. По всей видимости, в данной статистике не учтены трофеи, взятые в самом Оренбурге. В самом городе красным досталось по крайней мере 18 исправных паровозов и около 2000 вагонов. По занятии Оренбурга в городе по распоряжению члена РВС Восточного фронта П.А. Кобозева, уже имевшего большой опыт борьбы с Дутовым, была осуществлена регистрация всех офицеров и казаков[1463].

С потерей Оренбурга, по мнению атамана Дутова, «армия потеряла сердце»[1464]. Тем не менее удалось сохранить артиллерию, обозы, имущество и большинство частей. Белые отходили с упорными боями. Вскоре после оставления Оренбурга Войсковое правительство и атаман перебрались сначала в Орск, а затем в Троицк. Основной задачей армии Дутова было не позволить красным наладить регулярную железнодорожную связь с Туркестаном, поэтому войска должны были бороться буквально за каждый клочок железнодорожного полотна на все еще остававшемся под контролем казаков участке между Илецкой Защитой и Актюбинском (от станции Ак-Булак до последней перед Актюбинском станции Курайли[1465]). Стоит подчеркнуть, что недопущение соединения Туркестана с Советской Россией было одной из главнейших стратегических задач армии Дутова и к чести Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Южной армий, которых отдельные современные исследователи считают чуть ли не никчемными объединениями, эта задача успешно решалась вплоть до окончания боевых действий на Южном Урале осенью 1919 г.

Вообще в начале 1919 г. карта боевых действий в районе Оренбурга напоминала слоеный пирог – занятый красными Оренбург, южнее – контролируемый казаками небольшой участок Ташкентской железной дороги в районе станций Ак-Булак – Курайли, еще южнее – войска Туркестанской группы красных. Сам Дутов, вспоминая этот тяжелый период, говорил: «Против нас действовала одна из лучших частей большевистской армии… так называемая «железная дивизия» под командой Гая… У них было отличное вооружение, была вначале прекрасная дисциплина. Положение наше иногда бывало очень тяжелое. Но… я ведь никогда не отчаивался!»[1466]

В январе 1919 г. части Отдельной Оренбургской армии, потеряв связь с Отдельной Уральской армией, были вынуждены

отходить на восток, в глубь территории войска. Войска Бакича обошли занятый красными Оренбург с севера и продолжали отходить по правому (северному) берегу притока Урала – реки Сакмары, чтобы выйти из-под флангового удара красных. Отличительной особенностью территории между Сакмарой и Уралом являлось то, что дороги здесь пролегали исключительно по долинам вышеупомянутых рек. Закрепиться можно было лишь на линии рек Большой Ик, Буртя, Касмарка, Бурлы и Киялы, которые зимой не представляли собой серьезной преграды для красных. По мнению начальника штаба армии Генерального штаба генерал-майора А.Н. Вагина, «рубежи эти, перехватывая все пути с запада на восток и северо-восток, являются для нас единственными оборонительными линиями»[1467].

Командование Отдельной Оренбургской армии осознавало важность удержания рубежа Сакмары. В докладе об обстановке на фронте генерал Вагин указывал на то, что «наиболее вероятными для главных действий противника будут дороги вдоль р. Сакмара и р. Урал, выводящих кратчайшим путем к узлу наших тыловых дорог г. Орску…»[1468].

Красные развивали свой успех, наступая вдоль линии Орской железной дороги. Задачей Отдельной Оренбургской армии в конце января стала «временная оборона для укомплектования, после чего решительное наступление для восстановления связи с Уральской армией»[1469]. Приказом от 24 января Дутов предписывал иметь на каждом участке резервы и при наступлении противника вести активную оборону, основанную на маневре резервов во фланг наступающих красных, чего они панически боялись[1470].

На рубеже реки Большой Ик частям белых удалось организовать серьезное сопротивление и продержаться около трех недель до десятых чисел февраля. Этот факт опровергает утверждение комбрига Ф.Е. Огородникова, что «во всех боях до Орска белые не могли организовать упорной обороны»[1471]. Части IV армейского корпуса выполняли одну из наиболее тяжелых и ответственных задач – обороняли линию Орской железной дороги[1472].

Дутов, перебравшийся в Орск, 4 февраля призывает казаков собраться с силами и побороть врага:

«Станичники! Наше войско переживает тяжелые дни. Телеграф и почта работают скверно. Вы не получаете никаких сведений и живете слухами. Их же распускают, главным образом, большевики или им сочувствующие. Все получаемые Вами известия касаются Оренбурга и будто бы развала нашей Армии. По обыкновению, правду перемешивают с ложью и получается

безотрадная картина. Все это еще более осложняется и заставляет верить слухам тем, что вереницы обозов, беглецов и эвакуированных учреждений, которые тянутся через Ваши станицы и создают впечатление полного распада. Бежавшая из города интеллигенция и купечество, свободно могущие встать в войсковые ряды, убегая, оправдывают себя в Ваших глазах распусканием самых нелепых сведений.

Я, властью мне данной избранным Вами же Кругом, приказываю всех без исключения, не взирая на чины, возраст, пол и положение: распускающих ложные слухи и позорящих казачество немедленно арестовывать и отправлять в города: Верхне-Уральск, Троицк, Челябинск или ст. Ново-Орскую к атаманам соответствующих округов с протоколом допроса. В то же время требую от станичников и, главным образом, от станичниц сохранения полного спокойствия и помощи мне в деле поимки дезертиров и уклоняющихся от службы на фронте, безразлично, будь то офицер или казак. По долгу совести и обязанности, как Ваш народный избранник, сообщаю, что Оренбург сдан благодаря *прорыву и распаду части фронта* (курсив документа. – *А. Г.*). Вина эта лежит всецело на казаках *13 полка* из низовых станиц, зачинщицей всего считаю ст. Краснохолмскую, а также предательство казаков *8 полка* тех же станиц. Сдачи и перебежки казаков *24 полка* из станиц по Самарской жел[езной] дор[оге], главным образом, коноводами явились казаки Алексеевской и Капитоновской станиц. Все же остальные части, не исключая и частей бывшей Народной Армии, остались твердо на своих местах и сдержали фронт и заполнили прорыв.

Ныне фронт вполне установлен и ряды предателей, трусов и беглецов пополнены (так в документе. – *А. Г.*) как стариками, так и другими сознательными казаками. Особенную доблесть и стойкость проявили конные и артиллерийские части казаков 2 Округа. Для усиления нашего фронта сейчас подошли к Армии Сибирские стрелки, пластуны 2-го округа и идут артиллеристы и пулеметчики французы. Как видите, нет места панике и беспокойству. Я, Ваш Атаман, стою на посту и со своей Армией берегу Вас и Ваше достояние. Прошу помнить одно, что тыл и армия не одно и то же. В тылу все кажется страшным, в армии в это время полное спокойствие. Будьте истыми казаками, и мы не посрамим земли русской и не покроем позором вольного казачества. С нами Бог и правда! Войсковой Атаман и Командующий Армией, Генерал-Лейтенант *Дутов*»[1473].

Посетив в тот же день медицинские учреждения Орска, атаман пришел в ужас и в приказе по армии отметил: «За 25 лет службы, протекавших при самых невероятных условиях, я первый

раз вижу такой хаос, нерадение, преступное отношение к делу – антисанитарию»[1474].

В такой тяжелейшей обстановке 9 февраля в Троицке открылся 3-й очередной Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска, на котором присутствовало 189 депутатов. Первоначально предполагалось созвать Круг 15 января в Оренбурге[1475], затем он был отложен до 28 января, чтобы депутаты могли съездить в станицы[1476], но, как и в начале 1918 г., из-за сдачи города красным это осуществить не удалось. Эта сессия Круга была самой долгой из всех и продлилась аж до 27 июня (с перерывом с 17 апреля по 1 июня 1919 г.). В начале февраля Дутов самоустранился от военных вопросов и, покинув Орск, должен был активно участвовать в работе Круга. На посту командующего армией его замещал начальник штаба Генштаба генерал-майор А.Н. Вагин, начальником штаба временно стал генерал-квартирмейстер Генштаба полковник Г.И. Петрановский-Белаш, должность последнего временно замещал Генштаба полковник И.И. Смольнин-Терванд. Как писал С.А. Щепихин, Дутов, «невзирая на серьезность общего военного положения, продолжал отдавать предпочтение политике»[1477]. Перед этим, однако, в день открытия Круга атаман издал оперативный приказ армии обеспечивать фланг и тыл Западной армии, держа связь с ее левым флангом и не допуская восстановления железнодорожного сообщения Оренбурга с Туркестаном[1478]. Предполагалась активизация действий в районе Актюбинска.

Председателем Круга по традиции был избран М.А. Арзамасцев. В марте в связи с избранием его членом Войскового правительства председателем Круга избрали П.Х. Фомичева. С 12 июня председательствовал А.М. Лукьянов. При открытии Круга Дутов, как и прежде, положил на стол атаманскую булаву в знак передачи верховной власти в войске органу казачьего представительства. Затем, выйдя на трибуну, Дутов вместо речи зачитал свое обращение к казакам, составленное в Орске. Зачитав обращение, Дутов добавил: «Станичники и депутаты, настоящий Круг собрался и, надеюсь, в последний раз при существующих обстоятельствах. В будущем придется работать, может быть, уже при другой, мирной, спокойной обстановке, когда восстановится закон и порядок. Пребывание Круга в Троицке, а не в Орске, как предварительно намечалось, сделано для того, чтобы близость фронта не могла мешать работе Круга. Войсковой Круг, отлично понимая обстоятельства, своими авторитетными постановлениями и горячим отношением к защите войска скажет свое слово в третий и последний раз»[1479]. Слова Дутова оказались пророческими – «при существующих обстоятельствах» это была

последняя сессия оренбургского Войскового Круга. Депутаты Круга выражали надежду на помощь союзников, хотя бы техническую – на помощь людьми уже надежды не было.

Дело генерала Сукина

Изучая документы по истории Белого движения, нельзя не прийти к выводу о том, что внутренние противоречия сыграли весьма неблаговидную роль в его судьбе. Исключения в этом отношении не составляло и антибольшевистское движение оренбургского казачества, во главе которого стоял Дутов. Конфликтные ситуации, возникавшие у Дутова с его соратниками и подчиненными, не имели единичного или же случайного характера, а являлись своеобразной закономерностью. Выше уже были рассмотрены достаточно острые конфликты, возникавшие у атамана с казачьими офицерами В.Г. Рудаковым и Ф.А. Богдановым. Причиной первого стало стремление Дутова продемонстрировать свою преданность адмиралу А.В. Колчаку в его конфликте с атаманом Г.М. Семеновым, причина второго крылась в противоречиях, возникших летом – осенью 1918 г. между руководителями казаков-повстанцев и самим Дутовым.

К сожалению, дошедшие до наших дней документальные свидетельства обо всех этих внутренних разногласиях являются крайне отрывочными (наиболее острая информация, скорее всего, вообще не фиксировалась на бумаге, тем более что конфликты имели как объективные, так и субъективные причины), позволяющими лишь в самых общих чертах реконструировать ход событий и понять корни тех или иных противоречий. Ниже речь пойдет еще об одном конфликте, связанном с именем Дутова.

В начале 1919 г. неудачи на фронте Отдельной Оренбургской армии активизировали деятельность недоброжелателей командующего армией и Войскового атамана генерал-лейтенанта А.И. Дутова в тылу. Одним из них являлся Генерального штаба генерал-майор Николай Тимофеевич Сукин – бывший однокашник Дутова по академии Генерального штаба.

В жизненном пути двух генералов было много общего. Так же как и Дутов, Сукин происходил из казачьей дворянской семьи и окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. По специальности артиллерист, он затем обучался в Михайловском артиллерийском училище и в академии Генерального штаба. Сукин, судя по его успеваемости в академии Генерального штаба, являлся способным к военной науке, волевым, целеустремленным и знающим казачьим офицером. Академию он окончил значительно лучше Дутова. По характеристике С.А. Щепихина Сукин – «человек не глупый, хороший математик и усидчивый, но большой кунктатор[1480], без темперамента, без фантазии, даже суховатый. Ему по существу надо быть на штабных должностях

большого штаба. Но организатор, особенно по готовым трафаретам, он был недурной… Сукин с женой, весьма непрозрачно державшей его под каблуком, жил недалеко от штаба… «Ну, здравствуй, эс-эр!» – так приветствовал меня Сукин»[1481].

Первоначально Дутов и Сукин дружили. Во всяком случае, Сукин был крестным отцом дочери Дутова Елизаветы, родившейся в 1914 г. Корни их конфликта следует искать в событиях лета 1918 г., когда Оренбургское казачье войско оказалось искусственно разделенным между двумя правительствами: Комитетом членов Всероссийского Учредительного Собрания, которому подчинился Дутов (территория 1-го военного округа) и Временным Сибирским правительством (территория 2-го и 3-го военных округов). Сукин стал начальником штаба Уральского Отдельного (с 26 августа 1918 г. – III Уральского армейского) корпуса, в состав которого входило немало оренбургских казачьих формирований 2-го и 3-го округов, не подчиненных Дутову, стремившемуся в то же время руководить всеми оренбуржцами. Кроме того, к концу 1918 г. Сукин был практически единственным оренбургским казачьим генералом – генштабистом, который не подчинялся Дутову, мог претендовать на пост Войскового атамана и даже действительно «метил в Войсковые атаманы»[1482]. Для Дутова это был сильный и опасный соперник, к тому же пользовавшийся популярностью у казаков.

Про Сукина в Западной армии сочинили шуточный куплет на мотив знаменитого «Шарабана»[1483]:

> Ханжин, папаша, ты нас не трогай, —
> Ведь мы пойдем своей дорогой.
> Вот из Сибири нависли плети,
> И стали Сукина мы дети.

Есть данные о том, что уже в начале 1918 г. Н.Т. Сукин вел агитацию против Дутова в станице Требиатской[1484]. 2 декабря 1918 г. Дутов жаловался помощнику военно-морского министра по казачьим делам генерал-майору Б.И. Хорошхину на Н.Т. Сукина, тогда начальника штаба III Уральского армейского корпуса, «сидящего в Челябе[1485] и не желающего мне подчиниться из-за самолюбия: как же – однокашник, баллами выше меня по списку, и вдруг такой ужас; но хуже всего то, что его жене это никак неприемлемо. Эх, счеты, счеты! а где же Родина и где любовь к казачеству»[1486].

Не оставался в долгу и Сукин. О том, что он всегда

интриговал против Дутова, вспоминал и полковник М.Ф. Воротовов[1487]. Как полагал генерал Щепихин, «эти два оренбургских медведя давно не поладили. Дутов, видя в умном, но тяжеловатом на подъем Сукине своего конкурента, подверг его полк[1488], пришедший с фронта не в особенно хорошем виде, расформированию, а самого Сукина остракизму. Более полугода обиженный Сукин таил в себе месть и случай представился на днях. В Оренбург пробрался от Атамана Семенова некто ротм[истр] Закржевский с кипой антиколчаковской литературы; между прочим с известной брошюрой «Атаман Семенов и Колчак», в которой первый превозносится, а второй поносится до невероятия. Этот тип, Закржевский, попался контрразведке Сукина и был им арестован. Вся литература и, между прочим, соблазнительные письма Семенова к Дутову были отобраны и посланы в Ставку. Тот факт, что Дутов не только не догадался сделать с Закржевским то же, что сделал Сукин, но, наоборот, обласкал посла от брата Атамана, наводит известную тень на Дутова и ставит под большое сомнение искренность признания им Диктатора»[1489].

Кроме того, в преддверии 3-го очередного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска он, теперь уже командир VI Уральского армейского корпуса, Генерального штаба генерал-майор, сообщал начальнику штаба Западной армии Генерального штаба генерал-майору С.А. Щепихину, что «Дутов страшно волнуется. Оправдывая себя, ругает соседей справа – башкир и слева – уральцев, причем относительно башкир допустил явную неправду, донеся, что они разбежались, между тем они держат 60 верст фронта, то же, вероятно, и с уральцами, но проверить нельзя. Дутов вызывает [Н.С.] Анисимова[1490] на подкрепление, боится, его забаллотируют, страшно нервничает»[1491]. Тем не менее, как показали дальнейшие события в отношении башкир, вскоре перешедших к красным, Дутов был недалек от истины.

В феврале 1919 г. Сукин направил в адрес Войскового Круга, депутатом которого он был избран, докладную записку с резкой критикой политики Дутова и Войскового правительства. Записка была зачитана на вечернем заседании Круга 12 февраля. В своей записке Сукин выразил уверенность, что Красная армия доживает последние месяцы. Прося огласить доклад при закрытых дверях, Сукин писал:

«Постановлением одностаничников Буранной станицы я избран депутатом на войсковой круг, но так как мне вверено командование войсками на Уфимском фронте, я не могу, бросив командование, лично присутствовать на Войсковом Кругу, почему прошу принять мой письменный доклад… **Наши задачи** (здесь и

далее – подчеркнуто в документе. – *А. Г.*) я считаю следующие: 1) Поднять настроение казаков, твердо объявив, что большевиков войско считает врагами родины и будет биться с ними до последней капли крови. Выставит[ь] на фронт последнего казака, истратит[ь] последний рубль, но не примирит[ь]ся с предателями и разорителями родной земли. Объявить красным, что за разорение станиц ответят те губернии и уезды, из которых были сформированы красноармейские части, и они заплатят все убытки. Станицы, не пострадавшие от большевиков, должны помочь разоренным станицам всем своим достатком.

2) Наладить хозяйство войска, так как в последний год оно пришло в полный упадок. Войско живет в долг. Много денег расходуется непроизводительно и неэкономно (Куда и кем).

3) Твердо и определенно высказать свой взгляд на Верховное Правительство и принять определенную линию поведения, так как шаткость во взглядах Войскового Правительства за последние полгода сильно в р е д и л а (разрядка документа. – *А. Г.*) войску и общему делу.

4) Поставить во главе войска честных, смелых и определенных людей, которые не меняли бы своих взглядов, как мельница крылья в зависимости от ветра.

5) Прекратить незаслуженное возвышение офицеров, знаменитых только тем, что они убегали в Тургай, где проедали войсковые деньги и ничего не сделали для освобождения войска[1492], а дать возможность встать в передние ряды войска людям знания и опыта, не думающим только о чинах и окладах, а честно исполняющим[1493] свой долг перед Родиной.

Я полагаю, что войско[1494], да и вся Россия переживают сейчас период совершенно другого характера, чем в начале большевизма: тогда для того, чтобы оградить себя от проникновения этих идей, войско стремилось обособиться, жить автономно от других частей государства, зараженных большевизмом, теперь дело другое: от этой болезни вылечилась Сибирь, Дон и Украина и с ними войско может идти одной дорогой к воссозданию Единой великой России. Мечтать о федерации и самостоятельном существовании войско не может потому, что оно занимает слишком растянутый кусок земли, не связанный ни одной железной дорогой. Войско бедно в техническом отношении, не имеет ни одного завода и без подвоза всяких изделий, начиная с «гвоздя», жить не может. Бояться же того, что кто-то протянет руку на наши казачьи земли, не следует, ибо земли, особенно в Сибири, много. На наш внутренний казачий быт и самоуправление никто посягать не будет, ибо для этого нет причин, а потому войско может смело связаться с

Сибирью самым тесным образом и работать вместе на общее дело.

Если Сибирь сочла необходимым в настоящее время вручить власть одному лицу, именно Адмиралу Колчаку, который не принадлежит ни к какой политической партии, а принял на себя власть лишь для спасения Родины и восстановления в ней порядка справедливого для всех партий, то войско может не раздумывая вверить свои силы этому вождю с полной уверенностью, что он употребит их на пользу Родине. За что говорит его военная слава, его гражданское мужество в смутные дни и его политическая честность и прямота.

К сожалению, ни одним из этих качеств не обладает Войсковой Атаман Генерал Дутов. В дни Керенского, когда положено начало разложения нашей армии, Атаман Дутов, состоя в то время председателем союза казачьих войск, усиленно добивался возможности быть ему полезным. Во время выступления Корнилова, когда слово союза казачьих войск могло оказать большое влияние на казачьи полки фронта, Атаман Дутов уклонился от определенного ответа, а предложил услуги тому же Керенскому для переговоров с Корниловым.

Деятельность атамана во время наступления большевиков на Оренбург была сплошным обманом себя и населения, вызвавшая (так в документе. – *А. Г.*) лишь ненужные жертвы, то же самое было и в Верхнеуральске. После возвращения в освобожденный казаками 1-го округа Оренбург, атаман ничего не предпринял для освобождения Верхнеуральска и Орска, а завел сношение с Самарским Комитетом, который недалеко ушел от большевиков. Во всей деятельности его сначала и *до* конца преобладало одно стремление возвысить себя и своих приближенных в ущерб даже общему делу и результаты налицо, среди офицеров создан такой раскол, который починить удастся не скоро, а без офицеров войско воевать не может[1495].

Расходование войсковых сумм было самое бесхозяйственное, а учет и проверка едва ли возможны. Зная Атамана Дутова с детства и всю его семью, я спокойно, не боясь погрешить против истины, заявляю, что он принес войску много вреда и очень мало пользы. Поэтому считаю его недостойным быть войсковым атаманом. Если это мое откровенное мнение Кругу не нравится, то прошу не стесняясь исключить меня из войскового сословия; но я считаю долгом это высказать и высказываю. В Войсковом Правительстве есть несколько совершенно неподготовленных и не понимающих своей работы членов, их надо заменить, но не тем способом, как это делалось до сих пор, т. е. просто выбрали, а желательно, чтобы честный, пользующийся доверием Войсковой

Атаман сам выбрал себе помощников в Правительство из кандидатов, предложенных Войсковым Кругом, так как ему с ними придется работать, и он их должен знать и верить им…»[1496]

Нельзя не признать, что многие обвинения, высказанные Сукиным, были обоснованными.

Разумеется, лояльный Дутову Войсковой Круг поддержал своего атамана. 13 февраля 1919 г. Круг вынес резолюцию: «Обсудив доклад Войскового Атамана в связи с письменным докладом делегата Буранной станицы, состоящего ныне командиром 6-го отдельного армейского корпуса Генерал-Майора Сукина, в котором последний, кроме критики Войскового Правительства вообще и в частности Войскового Атамана, которого он, Сукин, находит не только не приносящим пользы войску, но даже причинившим большой вред и разорение, ничего не имеет (так в документе. – *А. Г.*). Причем в докладе своем Сукин предупреждает, что если Войсковой Круг не одобрит его взглядов, то может исключить его, Сукина, из казачьего звания. Находя, что делегат Сукин в очень грубой форме и с клеветою во многих случаях возводит обвинение на избранника Круга, Войскового Атамана, Генерал-Лейтенанта Дутова, которому Круг неоднократно выражал доверие, каковое выражает и теперь, Третий Очередной Войсковой Круг постановил: признать делегата Буранной станицы, Генерал-Майора Сукина виновным в клеветничестве на Войскового Атамана и Правительство[1497] и, принимая во внимание заявление его, что взглядов своих он не изменит, лишить его звания Оренбургского казака. Боясь же за разложение находящихся под его командой частей вверенного ему корпуса, просить Верховного Главнокомандующего об устранении Генерал-Майора Сукина от командования 6 корпусом»[1498]. Резолюция была направлена Верховному Правителю.

Нельзя исключать и того, что Сукин в борьбе с Дутовым мог являться выразителем мнений противников оренбургского атамана – командующего Западной армией генерал-лейтенанта М.В. Ханжина (в 1918 г. Сукин был у него начальником штаба) и его начальника штаба – Генерального штаба генерал-майора СА. Щепихина. К слову сказать, последний на январскую 1919 г. телеграмму Дутова о стойкости защитников Оренбурга в январе 1919 г., заканчивавшуюся фразой: «…Положение критическое, дух же бодрый. Я на своем посту атамана остаюсь до конца», наложил резолюцию: «Обычное краснобайство и паника»[1499]. Щепихин, много лет лично знавший Дутова, возможно, был прав в своей оценке, однако подобная эмоциональность даже в письменных резолюциях демонстрирует резко негативное отношение к Дутову

со стороны командования Западной армии – правофлангового соседа Отдельной Оренбургской армии Дутова.

Не хотелось бы связывать этот случай с конфликтом, но в феврале 1919 г. Дутов потребовал вернуть в свою армию 19-й Оренбургский казачий полк из корпуса Сукина[1500].

Для расследования дела Сукина, которое могло отразиться и, скорее всего, отражалось на взаимодействии двух армий, Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак назначил чрезвычайную следственную комиссию[1501]. Во главе комиссии был поставлен генерал-лейтенант Ф.К. Язвин, прибывший в 20 числах марта 1919 г. в Троицк. Дутов писал Колчаку о деятельности Язвина 22 марта 1919 г.: «Круг и я усматриваем со стороны этого генерала ироническое отношение к Кругу и его представителям – депутатам, командированным в Комиссию. Сегодня генерал Язвин заявил двум депутатам, что ему довольно и одного, и на представителя армии, состоящего в то же время депутатом Круга, генерал Язвин кричал, стуча кулаком по столу и насмехаясь над Кругом, называл его «державным». Мы признаем Вашу власть и не мыслим посягать на нее, в Оренбургской армии и Войске перемена власти прошла спокойно, и Ваше имя свято оберегается от всяких нападок. Если я и позволяю себе писать Вам откровенно, то только глубокое уважение к Вам и благоговение за ту непосильную тяжесть, которую Вы взяли на свои плечи, заставляет меня говорить только от сердца, отбрасывая все условности. Генерал Язвин приехал с определенными вопросами и от депутатов добивается ответа, на каком основании Круг исключил такого почтенного генерала, как генерал Сукин, из казачьего сословия. Этот генерал – народный герой: он взял Уфу. Постановление Круга определенно говорит, что генерал Сукин исключается из казачьего сословия, согласно его собственного желания, как о том просил генерал Сукин в своем докладе, если Круг не согласится с ним. Круг не согласился, и результат налицо. Ни в каком большевизме Круг не упрекал Сукина. Генерал Язвин прибыл в Троицк со списком, в котором указывалось, кого он желает допросить. Это были: бывший атаман Каргин, ныне сидящий в тюрьме, генерал Красноярцев, отставленный мною от дивизии, как совершенно никуда не годный, депутат [С.А.] Кашигин, ведущий определенную политику, и некоторые другие лица определенного направления, причем допросы этих лиц производились без участия депутатов, а Полковником Федоровым, представителем от Западной армии. Между тем этот Полковник в Оренбурге на службу не был принят Кадетскими корпусами, хотя в период большевизма и служил в этих корпусах. Деятельность Полковника

Федорова в период большевизма довольно туманна; об этом имеются известные факты. Затем Полковник Федоров служил у г. Валидова и был у него Начальником штаба; потом был Наштадив[1502] башкирской дивизии, и исполнил приказ Валидова – увел свою дивизию с фронта и поступил уже начальником штаба всех башкирских войск, когда политика Валидова была уже явно антигосударственной. Вот в этом депутаты и усматривают со стороны генерала Язвина, во-первых: не полный и беспристрастный опрос, а лишь выполнение определенной программы, заранее им составленной, а во-вторых, полное игнорирование Вашего желания иметь в составе Комиссии двух депутатов Круга. Когда депутаты Круга прибыли к генералу Язвину, то они были им допрошены, а показания записаны Полковником Федоровым; таким образом, депутаты явились не равноправными членами Комиссии, а какими-то свидетелями. Вот это все так взволновало Круг, что только мой авторитет удержал Круг от нежелательных осложнений с генералом Язвиным. Я дал письменные показания генералу Язвину и дал все документы, из которых Вы усмотрите, что я лишь отвечал на оскорбления генерала Сукина и только защищался, и если бы генерал Сукин не подавал своего доклада Кругу, то никакого дела бы и не было. Так что зачинщиком всей этой грязной истории являюсь не я, а генерал Сукин. Все это я Вам излагаю потому, что уж очень горько и обидно переживать мне все эти дрязги, сплетни в то время, когда льется кровь и созидается Россия, когда нужно единение и работа на общее дело. Я пишу Вашему Высокопревосходительству еще и потому, что мне, одному из первых борцов за Родину, ни к какой власти не стремившемуся и мечтавшему лишь не допустить красной рвани командовать в Русском государстве, теперь приходится оправдываться, включительно до того, что я не большевик. Это уже выше моих сил. Заканчивая описание определенной интриги против меня, я перехожу к некоторым частным вопросам…»[1503]

Таким образом, Дутов, активно используя доверительные отношения с Колчаком, искал поддержки Верховного Правителя и в этом конфликте. К сожалению, каких-либо данных о дальнейшей деятельности комиссии выявить не удалось. По мнению С.А. Щепихина, дело было замято начальником штаба Колчака Д.А. Лебедевым, причем «Сукин очутился в больших дураках и навсегда в глазах Колчака, как элемент беспокойный»[1504].

Несмотря на очередные нападки со стороны своих противников, Дутов тогда вновь сумел удержаться на плаву. Перевыборы на Войсковом Круге 18 февраля прошли для него

весьма успешно – 157 депутатов проголосовало за доверие Дутову, против – 2 и воздержавшихся – 7. На следующий день помощником Дутова и главным начальником Оренбургского военного округа на театре военных действий был вместо Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина избран Генерального штаба генерал-лейтенант Л.П. Тимашев. Было переизбрано и Войсковое правительство (в новом составе – Г.Ф. Шангин, А.С. Выдрин, П.П. Вопилов, М.А. Арзамасцев, М. Кочуров и В.И. Букреев).

Дальнейшая судьба Сукина была трагичной. Весной 1919 г. он во главе своего корпуса принимал активное участие в наступлении Западной армии к Волге, однако в результате контрнаступления красных на Восточном фронте его корпус был разбит, а затем и расформирован. Именно Сукин отличился тем, что после взятия Уфы не постеснялся выставить перед приехавшим на фронт Колчаком почетный караул без сапог, продемонстрировав тем самым бедственное положение фронта. По мнению С.А. Щепихина, этим поступком он наказал сам себя, т. к. караул был выставлен от его же корпуса[1505]. Сам Сукин с 1 июня 1919 г. находился не у дел – первоначально в распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего, а затем в резерве чинов Генерального штаба при Управлении 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. Принял участие в Сибирском Ледяном походе. Летом 1920 г. временно занимал пост начальника штаба главнокомандующего всеми Вооруженными силами Российской Восточной окраины, произведен в генерал-лейтенанты. По окончании Гражданской войны Сукин эмигрировал в Китай, откуда в 1933 г. вместе с братом генерал-майором А.Т. Сукиным выехал в СССР. 23 апреля 1937 г. он был арестован управлением госбезопасности НКВД Казахской ССР и 29 декабря 1937 г. расстрелян[1506].

Подводя итог, отмечу, что конфликт А.И. Дутова и Н.Т. Сукина носил не только межличностный характер, но отчасти являлся и проявлением напряженных взаимоотношений между штабами двух армий. Возникший антагонизм не мог не влиять на слаженность действий Западной и Отдельной Оренбургской армий накануне и в период весеннего наступления Восточного фронта белых в 1919 г. В качестве субъективной причины конфликта были амбиции Дутова, стремившегося поставить под свой контроль все оренбургские казачьи формирования.

Военные преобразования

8 февраля Верховный Правитель и Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России адмирал А.В. Колчак отправился в поездку на фронт[1507]. 10 февраля он прибыл в Челябинск, где на следующий день впервые встретился с Дутовым и где тогда же прошло совещание высшего военного руководства белого Восточного фронта, на котором обсуждался стратегический план предстоявших операций, в том числе и предполагавшегося наступления фронта. Вопрос о планировании весеннего наступления белого Восточного фронта в 1919 г. заслуживает специального рассмотрения.

На совещании 11 февраля присутствовали: Верховный Правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак, командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда, командующий Западной армией генерал-лейтенант М.В. Ханжин, командующий Отдельной Оренбургской армией генерал-лейтенант А.И. Дутов и, судя по воспоминаниям Р. Гайды[1508], начальники штабов всех трех армий (Генерального штаба генерал-майоры Б.П. Богословский, С.А. Щепихин и А.Н. Вагин) и начальник штаба Ставки – Генерального штаба генерал-майор Д.А. Лебедев. По более заслуживающим доверия воспоминаниям Щепихина, Д.А. Лебедев и А.Н. Вагин не участвовали в совещании, а в качестве секретаря присутствовал Генштаба полковник Д.М. Супрунович[1509].

Как вспоминал Гайда, план Ставки заключался в наступлении по линии Пермь – Вятка – Вологда. Сам Гайда утверждал, что выступил резко против такого плана и вместе с Дутовым отстаивал план наступления левого фланга фронта на соединение с войсками Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Деникина, действовавшими на Юге России. Для этого, по мнению Гайды, достаточно было продвинуться лишь на 90 километров. Впрочем, эта цифра далека от реальности. Якобы присутствовавший, по мнению Гайды, Лебедев выступил против предложения Гайды и Дутова, утверждая, что соединение могло привести к трениям о первенстве и пагубным последствиям в дальнейшем (Деникин на тот момент еще не подчинился власти Колчака). Все участники совещания, в том числе и сам Колчак, за исключением Гайды и Дутова, поддержали Лебедева. В конце заседания Колчак, по словам Гайды, заявил: «Кто первым дойдет до Москвы, тот станет хозяином положения»[1510]. Противникам такого подхода оставалось лишь согласиться с мнением

большинства.

Свидетельство Гайды о совещании следует считать преднамеренной ложью. По мнению С.П. Мельгунова, Гайда вопреки своим мемуарам был ярым сторонником северного варианта[1511]. Сам Дутов на Войсковом Круге заявил, что договорился с Гайдой об обмене пеших частей на конные[1512], однако в дальнейшем армия Дутова столь необходимой ей пехоты так и не получила.

Единственное достоверное и подробное свидетельство о совещании привел в своих мемуарах генерал Щепихин, детально описавший всю бессмысленность, несерьезность и даже позорность для Белого движения этого совещания при том, что не приехавший Лебедев давно уже принял свой собственный план предстоявшей операции, который Колчак должен был заставить принять и командующих армиями. Этот документ имеет исключительное значение для оценки стратегического планирования весеннего наступления белых на Восточном фронте.

Если верить Щепихину, Дутов на совещании заявил о готовности наступать и изложил историю своей борьбы с большевиками, несмотря на то что это было не к месту. Датой возможного начала наступления своей армии Дутов назвал 4 марта. Атаман полагал невыгодным выпускать из рук инициативу и говорил о необходимости нанесения главного удара в районе его армии для скорейшего соединения с Деникиным. Дутова поддержал Гайда. При этом атаман подчеркнул, что рассчитывать на энергичные действия его войск не приходится[1513].

Вскоре после совещания начальник штаба Западной армии – Генерального штаба генерал-майор С.А. Щепихин сообщил генерал-квартирмейстеру Ставки Верховного главнокомандующего Генерального штаба полковнику З.Ф. Церетели: «Оренбургская армия больна, почти все заражены политикой, а потому рассчитывать на серьезную работу ее трудно. Мне очевидцы докладывали, что ни в Актюбинске, ни в Илецкой Защите регулярных, если можно так выразиться, войск красных нет, а лишь по несколько сот местных большевиков, справиться с которыми легко, а если это не сделано, то, значит, внутреннее состояние Оренбургск[ой] армии должно внушать серьезное опасение. Я теперь должен признаться, что при обсуждении общего плана здесь в Челябе в присутствии Верховного мы были введены, быть может, вполне добросовестно командармом Оренбургск[ой] армии в заблуждение как относительно общего состояния армии, так, в частности, и относительно Башкирского участка. Основываясь на докладе

ген[ерала] Дутова, что все обстоит благополучно и что с башкирами он справится и был принят план, который я назову средним, так как он учитывал нанесение главного удара по центру на Уфу. Два крайних плана в то время отпали по различным причинам. План Гайды – нанесение главного удара в районе его армии, потому что слишком район удара удален от района, где нужна помощь. Второй крайний план, который, быть может, по обстановке данного момента теперь и надо принимать, именно – сосредоточение и главный удар от Верхнеуральск[а] – Троицка по Башкирии и наиболее решительный и быстро приводящий к результату, тогда не был принят ввиду удовлетворительного по освещению (? – *А. Г.*) ген[ералом] Дутовым обстановки положения и так как это решение сопровождается многими минусами, как то: трудность снабжения, медленность сосредоточения, горный район, не позволяющий работать большими силами и угрозой ему со стороны Уфы, то это решение было оставлено и принято известное уже Вам.

Полагаю, что менять в корне план не нужно и видоизменять нанесение главного удара на фронте Западной армии, но уделить больше внимания левому флангу и тылу нашей и Оренбургской армии за счет второстепенного Сибирского участка повелительно требует обстановка, иначе к моменту начала операции на Уфу можно быть вынужденным угрозой соединениям Оренбургской поспешно обессиливать занесенный удар и скомкать всю операцию, вот почему я [с] согласия Командующего Армией вначале нашего разговора и доложил Вам, что здесь нужна помощь серьезная, вполне самостоятельная, а не паллиативы, на которые способны Западная и Оренбургская армии. Первая – ввиду начатия исполнения общего плана, а вторая – обессилию. Отсюда ясно, что если Вы не пожертвуете Сибирской бригадой и второстепенными задачами, данными Гайда, то придется вывести нам часть своих сил, намеченных для удара, чем нарушить общий план на главном, а не на второстепенном, что будет при отозвании Сибирской бригады от Гайды участке»[1514].

Этому документу, впервые публикуемому в полном объеме, как источнику по истории стратегического планирования на Восточном фронте нет цены. К сожалению, призыв Щепихина о помощи оренбуржцам не был услышан в Ставке. Отдельную Сибирскую стрелковую бригаду Дутов так и не получил. Что касается обвинений в адрес атамана, то, разумеется, позднейшая критика его действий допустима, однако до перехода башкир на сторону большевиков он никак не мог их считать явными врагами, соответственно и ведение боевых действий на их территории являлось бы неоправданным.

Все же февральское совещание дало незначительный результат, поскольку каждый из командующих армиями – и Гайда, и Ханжин, и Дутов – имел свой собственный план действий и руководствовался им без должной координации с соседями[1515]. Генерал Щепихин с грустью писал о тройке командармов, в которой у каждого коня свой кучер[1516]. Ситуация осложнялась постоянным соперничеством между соседями: Гайдой и Ханжиным, а также Ханжиным и Дутовым[1517]. Причем Ханжин явно интриговал перед Ставкой против оренбургского атамана. Еще в августе 1918 г. Дутов отмечал, что Ханжин игнорирует, несмотря на переговоры с ним Дутова и собственное согласие Ханжина, оренбургское правительство в отношении назначений командного состава в оренбургские казачьи части[1518]. Я уже упоминал о происходивших позднее выпадах против Дутова со стороны служивших в Западной армии генералов Н.Т. Сукина и С.А. Щепихина.

Небезынтересно, что 14 февраля Деникин писал Колчаку: «Жаль, что главные силы сибирских войск, по-видимому, направлены на север. Соединенная операция на Саратов дала бы огромные преимущества: освобождение Уральской и Оренбургской областей, изоляцию Астрахани и Туркестана. И главное – возможность прямой, непосредственной связи Востока и Юга, которая привела бы к полному объединению всех здоровых сил России и к государственной работе в общерусском масштабе. Дай Вам Бог счастья и удачи. Искренно уважающий *А. Деникин*»[1519]. Письмо дошло до адресата, но, к сожалению, дата получения на документе не проставлена.

15 февраля в 10 часов утра Верховный Правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак вместе с Дутовым прибыл в Троицк. По свидетельству очевидца, «на вокзале были выстроены казачьи и французские части. Верховный Правитель принял парад. Представители города поднесли адрес. Представитель Войскового круга приветствовал Верховного Правителя и просил посетить заседание круга. Солнечный морозный день. Верховный Правитель с атаманом Дутовым и свитой отправились на тройках, сопровождаемые почетным казачьим конвоем и киргизскими всадниками в ярко-алых чалмах. Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска приветствовал Верховного Правителя долго несмолкаемыми криками «ура» и аплодисментами»[1520]. Журналист С.А. Ауслендер, сопровождавший Колчака в этой поездке, писал: «Солнце и мороз были неизменными нашими спутниками. Это придавало всей поездке отпечаток какой-то праздничной бодрости. Но почему-то особенно запомнился мне этот морозный,

бодрый воздух, эти сверкающие на солнце снежные поляны в Троицке. На чистеньком вокзале были выстроены казачьи и французские части. Генерал Дутов со своей атаманской булавой, круглолицый, круглоглазый, румяный, и все казаки такие же круглолицые, круглоглазые, румяные – все это какой-то спокойной радостью наполняло, хотя ведь только что они пережили отступление от родного Оренбурга…»[1521] По мнению журналиста, казаки являлись истинными представителями демократии и народности.

На заседании Круга, которое посетил Колчак, был зачитан доклад депутатов Верховному Правителю, в котором излагалась история борьбы оренбургского казачества с большевиками и говорилось о понесенных казаками потерях. Казаки выдвинули длинный список пожеланий (фактически требований) в адрес верховной власти: признать оренбургские местные деньги общегосударственными, утвердить войсковое самоуправление и войсковой банк, переподчинить станицы Троицкого и Челябинского уездов области войска Оренбургского, подчинить все оренбургские казачьи части в административном отношении Войсковому атаману, принять обмундирование и снаряжение казаков, а также содержание Войскового правительства и призрение семей убитых казаков на счет казны, выдать безвозвратную ссуду в 50 000 000 руб. на восстановление сожженных большевиками станиц, как можно скорее мобилизовать остальные казачьи войска, чтобы весной отпустить часть казаков на полевые работы, мобилизовать неказачье население, живущее на казачьей территории, наравне с казаками, выдать хлеб неурожайным станицам, снабдить войско овсом, предоставить не менее трех маршрутных поездов Владивосток – Челябинск для снабжения войска, дать возможность покупки и доставки сельскохозяйственных машин, ускорить постройку Троицко-Орской железной дороги, развить телеграфную и телефонную связь в войске, утвердить Оренбургский почтово-телеграфный округ с включением в него Тургайской и Уральской областей. О каких-либо обязательствах со стороны самих казаков не говорилось.

В ответной речи Колчак дал высокую оценку роли казачества в борьбе с большевиками, уклад казачьей жизни он назвал выражением истинного демократизма и заверил Круг в том, что никто не посягнет на казачьи вольности. Верховный Правитель пообещал пожелания Круга передать на рассмотрение правительства[1522]. Днем Войсковым Кругом по случаю приезда Верховного Правителя был дан праздничный обед. В 16 часов Колчак покинул Троицк.

В канун визита Колчака, 13 февраля, Совет министров в Омске постановил «признать необходимым издание актов для Оренбургского казачьего войска, гарантирующих:

1. Неприкосновенность, до созыва Национального Собрания, казачьей территории и принадлежность земель войску, как общине, со всеми недрами;

2. Незыблемость векового уклада Казачьей жизни с признанием Войскового Круга распорядителем внутренней жизни Войска, согласно установившимся принципам выборного начала, простирающегося до выборов Войскового Атамана включительно;

3. Признание территории Оренбургского Казачьего Войска в ныне существующих границах «Областью Войска Оренбургского»[1523]. По сути, верховная власть признала войсковую автономию, а заодно и фактическое положение вещей, при котором территория Оренбургского казачьего войска существовала во многом по своим собственным законам. Тогда же правительство приняло решение об удовлетворении других просьб оренбуржцев. 30 миллионов руб. было обещано на пайки и пособия, 25 миллионов – на восстановление сгоревших станиц, 1,4 миллиона руб. – в пожарный капитал войска[1524].

Уже 20 февраля депутаты благодарили Колчака – Круг «верит, что вслед за морально[й] и финансовой помощью истекающие кровью в неравной борьбе войск Оренбургской[1525] получит помощь и вооруженной силой. Председатель Круга *Арзамасцев*»[1526].

После отъезда Колчака Дутов 21 февраля направил Верховному Правителю письмо, в котором писал: «Ваше Высокопревосходительство, Глубокоуважаемый Александр Васильевич! С чувством беспредельной преданности пишу Вам это письмо. Ваше посещение нашего Круга и невероятно быстрое исполнение наших просьб сделали то, что **Ваше имя никогда не забудет Оренб**[ургское] **каз**[ачье] **войско** и пойдет **на врага с большей твердостью**, ибо оно **действительно увидело Вашу заботу** (предположительно, здесь и далее текст подчеркнут А.В. Колчаком. – *А. Г.*) о нем. Я после Вашего отъезда подвергся вновь самым невероятным нападкам и принужден был сложить свои полномочия, но Круг вновь избрал меня атаманом, дав из 159 голосов – 157 избирательных. Я горжусь этим. Был у нас на Круге генерал Сукин и давал свои объяснения, получился огромный скандал, и едва удалось уладить дело. Мне сказано им, что Вами назначена чрезвычайная следственная комиссия по моему делу и делу **Ген**[ерала] **Сукина**. Я очень рад этому, ибо все будет точно известно всем. Ваше Высокопревосходительство, пользуюсь Вашим любезным предложением и посылаю своего адъютанта с

этим письмом для устройства моей семьи. Я избрал г. Ново-Николаевск, и адъютант, передав Вам письмо, поедет туда, найдя квартиру, он возвратится, и тогда я воспользуюсь **любезностью Вашей предоставить мне для семьи несколько вагонов, именно: классный вагон, вагон 4 класса, ресторан, три товарных и одну платформу**. Мне стыдно затруднять Вас такими мелочами, но, будучи уверен в покое моей семьи, я легче и спокойнее могу работать и отдать уже полностью всего себя в Ваше полное распоряжение. Искренно и навсегда преданный Вам и глубокоуважающий Вас *А. Дутов*»[1527].

В тот же день управляющим Оренбургской губернией был назначен Генштаба генерал-майор В.Н. Шишкин[1528]. Весьма показательно, что предоставление семье Дутова персонального поезда из семи вагонов атаман посчитал мелочью. Письмо Колчаку повез адъютант Дутова есаул П. Чеботарев (сослуживец атамана по 1-му Оренбургскому казачьему полку), встретившийся с Верховным Правителем 7 марта[1529]. Судя по всему, просьба Дутова была удовлетворена[1530].

25 февраля атаман вновь вернулся к командованию армией. В этот период в Троицк из Омска прибыли французская, английская и японская военные миссии во главе с полковником Ю.Л. Пишоном (офицеры: майор Л.Л. Гильоми, майор де Каранга, капитан Ф.Э. Парис, поручик Ю. Фонтен, подпоручик Ш. Беллада), майором Нельсоном и капитаном Андо соответственно, причем все трое владели русским языком и неоднократно выступали перед депутатами Войскового Круга. Вместе с французами прибыла артиллерийская батарея, отряд пехоты и инструктора-пулеметчики с пулеметами различных систем, благодаря чему для казаков были организованы курсы пулеметного дела[1531]. Направляя миссию Пишона к Дутову, главнокомандующий союзническими войсками в Сибири генерал М. Жанен писал Дутову 16 января 1919 г.: «Я назначил моим представителем при Вашем Превосходительстве подполковника Пишон, который прибудет в Оренбург с французским отрядом, выделенным из состава французских войск в Челябинске. Подп[олковник] Пишон покинет Челябинск в самом непродолжительном времени. Он установит связь между Омском и союзными войсками, действующими на Кавказе. Последние извещены об его прибытии в Оренбург. Я буду очень благодарен Вашему Превосходительству за все то, что Вы сочтете возможным сделать для облегчения его миссии. Я счастлив воспользоваться случаем, чтобы закрепить дружественные отношения с доблестными оренбургскими казаками, выдающаяся храбрость которых и доблесть их атамана позволяют надеяться, что в

скором времени мы совместными силами достигнем решительного успеха и увидим торжество права и законности. Генерал *Жанен*»[1532].

Излюбленным коньком советских и некоторых современных историков и публицистов были разглагольствования на тему связей белых с интервентами, причем подразумевалось, что эти связи являлись фактическим предательством национальных интересов страны. В этой связи весьма показательно, что адмирал Колчак в 1919 г. отклонил ходатайство Войскового Круга области войска Оренбургского о производстве группы союзных офицеров – почетных казаков Оренбургского казачьего войска в казачьи генеральские, штаб– и обер-офицерские чины: полковника Пишона – в генерал-майоры, войскового старшины Гильоми – в полковники, есаула Парис – в войсковые старшины, сотника Фонтена – в подъесаулы и хорунжего Беллада – в сотники[1533]. На ходатайство Круга Колчак наложил резолюцию: «Никаких чинов или наград иностранным офицерам до признания соответствующими державами Правительства не может [быть] мною утверждаемо. Поэтому настоящее ходатайство Круга отклоняю. Верховный Правитель Адмирал Колчак»[1534]. Едва ли поступок Колчака свидетельствует о заискивании белых перед союзниками.

Армия отступала с тяжелыми боями. Штаб армии требовал как можно дольше удерживать рубеж реки Большой Ик, так как далее до Орска естественных преград фактически не было. Кроме того, по реке Большой Ик были расположены населенные пункты, где в условиях суровой уральской зимы могли размещаться обороняющиеся войска[1535]. Единственно возможным способом ведения обороны в таких погодных условиях было оставление на передовой сравнительно слабых заслонов, разведчиков и наблюдателей при сосредоточении в тыловых населенных пунктах значительных резервов для нанесения сильных ударов на угрожаемых участках фронта. На Юге России аналогичную тактику активной обороны успешно применял генерал-лейтенант Я.А. Слащов[1536]. В период с 5 по 25 февраля начальник штаба Дутова – Генерального штаба генерал-майор А.Н. Вагин замещал его на посту командующего армией[1537].

Дальнейшему удержанию позиции помешала измена части башкир во главе с видным деятелем башкирского национального движения, начальником башкирского войскового управления А.-З. Валидовым. После почти трех месяцев секретных переговоров башкиры с 10 часов утра 18 февраля 1919 г. перешли на сторону большевиков и открыли им фронт[1538]. По имеющимся данным, всего на сторону красных перешло 6556 человек[1539], что по

меркам Гражданской войны на востоке России было довольно значительной цифрой, способной повлиять в ту или иную сторону на стратегическую обстановку в масштабе фронта целой армии, что и произошло в дальнейшем. Тем не менее даже после этого командование ставило перед войсками задачу овладеть Актюбинском для облегчения положения армии[1540]. Атака Актюбинска привела к большим потерям и не дала положительного результата – войска залегли в 300–400 шагах от города, а позднее отошли[1541].

Дутов тяжело переживал произошедшее. Еще до перехода башкир к красным он предлагал придать башкирским формированиям характер партизанских и в связи с острой нехваткой пехоты любыми способами попытаться сохранить их в составе своей армии[1542]. При этом накануне перехода башкирский лидер А.-З. Валидов всячески заискивал перед командованием Западной армии, осуждая Дутова и добиваясь включения Башкирского корпуса в состав этой армии[1543]. Не исключено, что он попросту пытался выпытать у белого командования как можно более подробную оперативную информацию. Кроме того, еще в январе 1919 г. Колчак распорядился предать Валидова военно-полевому суду[1544]. Имел ли право С.А. Щепихин вести после этого с переговоры Валидовым?!

В докладе Щепихина, датированном 6 февраля 1919 г., отмечалось:

«Настоящий период борьбы с советской властью России является для нас переходным от добровольческой к постоянной регулярной армии.

Если в предшествующий, чисто добровольческий период армия добровольцев являлась единственной силой, то теперь она должна постепенно уступить место регулярным формированиям…

Мы теперь стоим перед лицом полного раскола союза казаков и башкир – достаточно прочитать нелестные отзывы о башкирах Атамана Дутова…

Башкиры, раньше чем их соседи казаки, поняли, что защита родной земли не есть только защита порога своей хаты, и охотно выступали «за грань» – выражение, доставившее столько горьких минут казачьим правительствам…

Преследуя личную цель, властолюбивый Валидов, цепляясь за власть, поссорил башкир с Оренбургскими казаками и, не учтя момента, стал в резкую оппозицию с существующей властью…

К сожалению, Атаман Дутов, став в резкую оппозицию к Валидову, перенес свою антипатию сначала на все Правительство

Башкурдистана, а затем, в последнее время, и на весь башкирский народ, обвинив его войска в своих неудачах.

Это несправедливо, это несчастная ошибка и тактический политический промах.

Но дело сделано – трещина слишком глубока – не со стороны Атамана Дутова ее надо исправлять!

Дабы наладить отношение с Башкирским народом надо удалить нынешнее Правительство и в первую очередь Валидова»[1545].

Едва ли уместно возлагать ответственность за переход башкир к красным на Дутова, как это делал и в 1919 г. и в эмиграции генерал Щепихин[1546]. Надо сказать, что после прихода к власти адмирала А.В. Колчака и провала заговора против него и Дутова в Оренбурге, уже в декабре 1918 – феврале 1919 г., до фактического перехода на сторону красных, башкиры проявляли неподчинение командованию Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий, действовали самостоятельно, а башкирское руководство передавало красным секретные сведения о войсках белых[1547]. Основной причиной измены были, на мой взгляд, политические пристрастия и амбиции, а также непонимание происходивших событий со стороны башкирского руководства, в особенности самого Валидова, принадлежавшего к сторонникам эсеров и считавшего Колчака и Дутова своими злейшими врагами[1548]. Нельзя не отметить и отсутствие у белого командования должной гибкости в решении крайне болезненного национального вопроса. Большевики же, несмотря на первоначальные колебания, поспешили удовлетворить все требования башкир (широкая автономия), лишь бы последние перешли на их сторону[1549].

Красные продолжили наступать по казачьим землям на Верхнеуральск, Троицк и Челябинск, стремясь овладеть зерновыми районами 3-го (Троицкого) и 4-го (Челябинского) военных округов Оренбургского казачьего войска и закрепить за собой весь Южный Урал[1550]. Примерно в этот период начальник штаба армии Генштаба генерал-майор А.Н. Вагин подготовил свой доклад по текущему моменту. Вагин писал:

«Исходя из условий обстановки и невозможности для армии перейти к широким активным действиям в ближайшее время, задачей армии является всемерное препятствование противнику продвигаться на восток и северо-восток и во что бы то ни стало удержать за собой узлы дорог Преображенский завод и гор[од] Орск, обеспечивая этим левый фланг Западной армии и тыл всего фронта.

Вместе с тем, имея в виду переход в наступление, по

перегруппировке и пополнении наших частей, а равно по сосредоточении резервов, настоятельно необходимо удержать за собой те рубежи, которые представляют из себя наиболее выгодное исходное положение для активных действий. Таковыми являются: 1) линия настоящего нашего расположения и линия рр. Б. Ик, Уртя, Буртя, представляющая из себя Западный выход из пересеченного и лесистого Южного Урала. Допуская загиб нашего левого фланга в общем направлении на гор. Орск, и восточнее и возможность оставления г. Орска, линию Преображенский завод – Таналыцкая – Елизаветинский необходимо безусловно удержать, дабы отсюда перейти в наступление и не терять связи с Западной армией, в то же время имея в этом случае особый отряд в районе восточнее г. Орска с задачей обеспечить наш левый фланг и для развития операции последствий для обратного занятия г. Орска и действий на гор[од] Актюбинск.

Учитывая же общее политическое и стратегическое положение, требуется принять все меры, дабы не дать красным возможности установить регулярное сообщение с Туркестаном, почему линия железной дороги Илецк – Актюбинск должна остаться в наших руках или же возложить задачу по порче и угрозе этой линии на особую группу наших войск…

В[о] исполнение задачи армии представляется возможным при упорном удержании упомянутых выше рубежей, ведя активную их оборону, с нанесением противнику коротких и сильных ударов, добиваясь частичного его поражения.

Для этого полагалось бы ограничиваться на передовых линиях сравнительно слабыми заслонами с разведывательными и наблюдательными задачами, начальникам всех боевых участков держать свои части сосредоточенно, выделяя возможно большую часть сил в резерве, обосновав оборону своих участков на маневрировании при широком содействии соседних участков»[1551].

В результате измены башкир на стыке Западной и Отдельной Оренбургской армий обстановка усугубилась – образовался разрыв, которым не замедлили воспользоваться красные, и возникла неотложная необходимость восстановления связи между двумя белыми армиями. Для этого левый фланг Западной армии предполагалось протянуть до станицы Кизильской[1552]. Правый фланг Отдельной Оренбургской армии и связь с Западной армией должен был обеспечивать IV Оренбургский армейский корпус. Впоследствии для прикрытия разрыва между Отдельной Оренбургской и Западной армиями на левом фланге последней была образована Южная группа под командованием Генерального штаба генерал-майора П.А. Белова (Г.А. Виттекопфа).

16 февраля командир IV Оренбургского армейского корпуса генерал-майор В.Н. Шишкин получил телеграмму командующего армией с приказом о сформировании на базе своего соединения нового, II Оренбургского казачьего корпуса в составе 4-й и 5-й Оренбургских казачьих дивизий и о своем назначении командиром этого корпуса. Буквально через несколько дней его сменил Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин (вместо Акулинина главным начальником Оренбургского военного округа на театре военных действий и помощником атамана стал Генерального штаба генерал-лейтенант Л.П. Тимашев). Из штаба IV Оренбургского армейского корпуса была выделена часть офицеров и чиновников на образование кадра штаба нового корпуса. В тот же день эти чины приступили к работе по управлению частями образованного соединения. IV Оренбургский армейский корпус должен был сдать новому корпусу свой участок фронта и срочно, в связи с глубоким обходом красных на Таналыково – Баймак, вызванным изменой башкир, выдвигаться на правый фланг армии в район станицы Кизильской. Передовые части IV корпуса должны были расположиться в районе Таналыково и войти в связь со Сводным Стерлитамакским корпусом Западной армии, действовавшим правее. Задачей Стерлитамакского корпуса было выдвижение на линию деревень Кирдасова – Баймак с целью занятия уральских горных проходов и обеспечения связи с Отдельной Оренбургской армией. Уже 4 марта IV Оренбургский армейский корпус был включен в состав Южной группы Западной армии. Во многом справедливым представляется упрек находившегося в этот период в Харбине Генерального штаба генерал-лейтенанта А.П. Будберга, что в конце 1918 г. «навеянное, как говорят, англичанами наступление в северном направлении через Пермь обрекло на съедение большевикам наиболее прочные антибольшевистские казачьи войска – Уральское и Оренбургское. Вместо того чтобы двинуть все силы на Самару и Царицын для соединения с Красновым и Деникиным, омские стратеги поперли на Пермь и этим погубили всю операцию»[1553].

27 февраля красные заняли Орск, 3 марта пал Актюбинск. Под Орском красные захватили 30 паровозов, до 2500 вагонов, 50 вагонов со снарядами, вагон кож (вагоны просто некуда было девать, т. к. железная дорога как раз под Орском и заканчивалась), 13 автомобилей, 2 мотоцикла, 3 аэроплана, свыше 150 000 снарядов[1554]. Моральный дух армии резко упал, Отдельная Оренбургская продолжала отход с боями. Боевые действия велись в настоящем «медвежьем углу» – на территории, где полностью отсутствовали железные дороги, а передвижение в

зимнее время было затруднено сильными метелями и глубоким снегом. Начался самовольный уход по домам, переходы на сторону красных и мародерство. В частности, 2-й Сызранский кавалерийский полк самовольно покинул боевые порядки и ушел в тыл, грабя этапы и станицы, попадавшиеся на пути[1555]. Эти явления были вызваны как значительным переутомлением войск в результате продолжительных боев, так и милиционным характером комплектования частей.

26 февраля Дутов телеграфировал в штаб Западной армии: «Положение Оренбурга катастрофическое. Некоторые части совершенно вышли из повиновения, есть случаи грабежа складов, транспортов, невозможно учесть, во что выльется операция»[1556].

После Войскового Круга атаман намеревался отправиться в Омск[1557], но эта поездка, видимо, из-за событий на фронте была отложена. Для повышения боевого духа частей Дутову пришлось осуществить ряд преобразований в войсках (были расформированы ненадежные части, укреплена дисциплина, проведены изменения в командном составе), что дало положительный результат.

В приказе по войскам Отдельной Оренбургской армии от 18 марта 1919 г. Дутов отметил, что «одной из важнейших причин неудачного похода, боевых операций армии за последние два месяца является моральное разложение некоторых казачьих конных частей, особенно тех из них, кои сформированы и укомплектованы казаками 1-го округа. В этих частях наблюдаются повышенная нервозность, нежелание драться вообще и в пешем строю в особенности, отсутствие воинской дисциплины и любви к своему родному измученному войску. Неустойчивость в таких полках обесценивает высокую доблесть, проявленную другими, верными своему долгу, частями. Армии и родине не нужна разложившаяся и трусливая толпа. Почему начальникам всех степеней, от отделенного до командира корпуса включительно, принимать самые решительные и суровые меры к поднятию дисциплины во всех воинских частях…»[1558]

По этому приказу были расформированы пять Оренбургских казачьих полков: 15-й, 23-й, 24-й, 25-й, 27-й, личный состав которых был обращен на укомплектование частей 2-й (15-й и 23-й полки), 4-й (24-й и 25-й полки) и 5-й (27-й полк) Оренбургских казачьих дивизий. Всех казаков, служивших при обозах расформировываемых частей, предписывалось поставить в строй. Расформирование требовалось завершить до 1 апреля 1919 г. 20 марта были расформированы 31-й и 32-й полки, 23 марта – 2-й Киргизский конный полк и Оренбургская казачья конноартиллерийская бригада[1559]. Тем не менее степень

разложения армии Дутова в январе – марте 1919 г. преувеличивать не следует – армия в основном сохранила свою боеспособность, хотя переживала не лучший период своего существования.

Развеять предубеждения поможет статистика потерь, понесенных оренбургскими казаками. Удалось выявить достаточно полные данные о характере потерь 28-го Оренбургского казачьего полка с 27 апреля по 4 июня 1919 г.[1560] (см. табл. 7).

Таблица 7

Характер потерь	Казаков
Убито, умерло от ран, умерло	25
Пропало без вести	28
В плену	24
Добровольно перешло на сторону красных	37
Убиты при следовании под стражей в штаб корпуса	9
Ранено и контужено	156
Всего:	279

Очевидно, что казаки в целом сражались с полной отдачей и потери для конницы были достаточно велики.

Весной 1919 г. под ружьем находились оренбургские казаки до 55-летнего возраста. Всего было сформировано 33 казачьих конных полка штатного состава, а также отдельные сотни и пешая бригада – в общей сложности около 40 полков. Для восстановления боеспособности армии было осуществлено ее укомплектование и перевооружение. Присланы пополнения из 2-го и 4-го военных округов, заново формировались отдельные казачьи бригады, которые теперь укомплектовывались молодыми казаками досрочного призыва. Предпринята попытка перевооружения армии трехлинейными винтовками[1561]. Разнокалиберная артиллерия заменена трехдюймовой. Гаубицы и 42-линейные пушки из-за отсутствия снарядов были отправлены в тыл – восточнее меридиана Верхнеуральск – Орск[1562].

К середине июня 1919 г. предполагалось призвать на службу казаков присяги 1921 г.[1563] Кроме того, в начале 1919 г. Дутов в связи с острой нехваткой пехоты на фронте своей армии и отсутствием помощи из Ставки обратил *особое* внимание на формирование пластунских частей (взамен ушедших к красным башкирских пехотных полков). С конца апреля 1919 г. мобилизованные казаки Оренбургского войска получали выходное пособие в размере 1000 руб. – конному, 600 руб. – пешему с конским снаряжением и 400 руб. – пешему без конского

снаряжения.

В конце марта – начале апреля была проведена реквизиция лошадей, повозок и упряжи для армии. Предполагалось реквизировать 1725 артиллерийских лошадей, 550 вьючных артиллерийских и пулеметных, 2500 обозных 1-го разряда и 8492 – 2-го разряда; 5843 пароконных и 1063 одноконных повозки[1564].

9 марта Дутов направил еще одно письмо Колчаку: «Ваше Высокопревосходительство Глубокоуважаемый Александр Васильевич! Позволяю себе вновь тревожить Вас своими письмами и отнимать столь дорогое у Вас время. Ваше неизменное *доброе* отношение ко мне **и к казачеству заставляет** (предположительно, здесь и далее текст подчеркнут А.В. Колчаком. – *А. Г.*) высказать несколько слов, сильно наболевших в душе. Я не льстец, но при нашей встрече я вынес одно, что Вы враг интриги, дипломатии, глубокий патриот и чисто бескорыстно любите нашу многострадальную Русь. Этим Вы навсегда сделали меня самым горячим Вашим сторонником и все, что я в силах – отдам Вам и сделаю для укрепления Вашей власти, Вашего имени и не остановлюсь ни перед чем ради защиты Вас. Смею заверить Ваше Высокопревосходительство, что я хотя занимаю скромный пост, но все-таки могу немного быть полезным, пока есть силы. За последнее время я очень устал, нервы дошли до предела, и я свалился. Последняя поездка на фронт, при страшном морозе, буране и трудности переездов, окончательно расстроила меня как работающий механизм. 865 вер[ст] – в 12 дней проехать, усмирять, наводить порядок, вразумлять и быть в то же время одному – очень тяжело. Про опасность я уже не говорю, я ночевал в пос. Тереклинском в 8 вер[стах] от красных, не зная, что части ушли с фронта, и имел при себе адъютанта и урядника. Но это все еще ничего. Воспользовавшись моим отсутствием, господа казачьи агитаторы начали поговаривать о смене Командарма и Атамана. Я приехал и сделал обычный доклад, и в результате, конечно, все замолчали, но все эти интриги, сплетни становятся не под силу и жить среди них очень тяжело. Все это, взятое вместе, вылилось в той телеграмме, которую я через Наштаверх осмелился прислать Вам. Я глубоко извиняюсь за нее, но больше не было сил и думал, что для казаков это будет лучше. Ведь владеть их душой, быть с ними и жить среди них тоже нелегко и мой крест очень тяжел. Я был бы счастлив, если бы кто-нибудь меня заменил, но, к сожалению, у нас нет никого. С одной стороны, чрезмерная усталость, с другой – какое-то непонятное отношение общества к казакам – еще более убедили в моей непригодности к современному течению. Если Ваше Превосходительство изволит вспомнить нашу беседу, то я

говорил тогда о «бывших» людях. Вот я уже, как мне показалось, пришел к этой категории и потому имел мужество это сознать и уйти. Но никто не пускает. Затем, Ваше Высокопревосходительство, я позволяю себе немного вернуться к прошлому. Когда еще не было славной Сибирской армии, казаки дрались, как умели, с тем, что у нас было, ни на что не надеясь. За их лавой и чехами тогда происходила мобилизация и обучения, и сибиряки, обучившись, одевшись и сплотившись, широкой лавиной двинулись вперед, и теперь они непобедимы. Слава и честь доблестным сибирякам, но все-таки казаки свою историческую роль форпоста и инициатора сыграли, и если теперь идет развал у некоторых, то ведь, собственно говоря, армия не спаяна, она милиционна, она народна, и это есть повстанцы, а не войска. Настоящие войска из них на Уфим[ском] фронте и, у меня дерутся и посейчас выше всяких похвал. Значит, дело в чем-то другом. И вот я, зная их душу, лично вожу их в бой, делаю ту работу, которую ни один из командиров не делает, да и не знает. Вот почему я защищаю казаков и при всей их неустойчивости надеюсь, [что] опять можно создать огромное число полков и в преследовании они будут незаменимы. Это будет по мере движения вперед по станицам. Сейчас весь Троицк наводнен агентами большевиков и была даже одна попытка к **восстанию, мною в корне и жестоко подавленная**. Не смея Вас более затруднять, спешу закончить письмо. Глубокоуважающий Вас и навсегда преданный *А. Дутов*»[1565].

К сожалению, ответы Колчака, по-видимому, сохранились лишь в личном архиве Дутова, судьба которого неизвестна.

В своем следующем письме Верховному Правителю от 22 марта 1919 г. Дутов описал осуществленные им военные преобразования: «…Я предполагал, сократив фронт, дать отдохнуть некоторой части войск, выбросить негодный элемент, заменить худых лошадей и, вообще, привести части в надлежащий вид. Путем всевозможных мер, до расстрела и тюрьмы включительно, удалось наладить тыл и фронт. Но обстановка на войне повелевает, а потому точное проведение плана невозможно. Успех Сибирской и Западной армий не мог быть не использован, и мои полки двинулись вперед, не отдохнув. Телеграммой я донес об этом. Пока движение вперед идет прилично. Я же занялся налаживанием связи с Уральцами и со своими станицами между Оренбургом и Орском. Мне частично удается поднимать станицы, но это еще только начало. Я уверен, что мне удастся поднять весь округ. Пока образованы партизанские отряды, и они работают на сообщениях противника, но слабо. Я инако (так в документе. – *А. Г.*) не мыслил, как с

началом весны, спадением вод и с возможностью работать вне дорог, развить конные действия в полном объеме. Схему и примерную организацию я надеюсь представить в ближайшем будущем. За полным истощением пополнений, так как в Войске уже нет людей, включая и пятидесятилетний возраст, я расформировал пока 6 полков, и офицеров и казаков передаю на доукомплектование оставшихся твердыми полков, батарей и дивизионов. В тылу имею некоторую часть, пока еще мало годную, но думаю, что через три недели и это пойдет в дело. Очень остро и скверно стоит вопрос с овсом. Войско свои запасы уже съело. Войско сеном и овсом питало две армии: Западную и Оренбургскую и, кроме того, для чехо-войск, по собранным мною справкам, из пределов Войска вывезено свыше 200 тысяч пудов овса. Ныне, когда в армии имеется свыше 6000 повозок обоза и транспорта, и произошла эвакуация 5-ти городов, Войско окончательно уничтожило все свои зерновые продукты. Не менее остро стоит вопрос с летним обмундированием; откуда и как его добыть, затрудняюсь даже себе представить. Депутаты Войскового Круга работают не покладая рук: все время ездят по станицам, собирают обмундирование, сапоги и сушат сухари, так как в половодье доставка хлеба будет невозможна. Я должен доложить Вашему Высокопревосходительству, что Круг совершенно не вмешивается в оперативные дела, но, тем не менее, всякую мою просьбу для армии исполняет немедленно и с большой готовностью. Три четверти успеха в деле восстановления фронта вверенной мне армии и перехода ее теперь в наступление принадлежит депутатам Круга, которые, невзирая на опасность, на вьюгу и на всевозможные неудобства, беззаветно и бескорыстно служили Родине и общему нашему делу. Я считаю долгом об этом Вам донести потому, что до меня дошли слухи, может быть, несправедливые, о незакономерных будто бы действиях Круга, подрывающих Центральную Власть. Ваше Высокопревосходительство, если и до Вас доходят такие слухи, не верьте им. Разве мы, Оренбургские казаки, не признали Вас и не делаем все для Вашего спокойствия и всемерно укрепляем создавшуюся Власть. Меня упрекают в пристрастности к казакам, но это не пристрастие, а лишь *более* близкое мое знакомство с их жизнью, чем тех, которые позволяют себе критиковать работу казаков. Мне не хочется обременять Вас повторением пережитого, но заставляют обстоятельства. Как мне, Войсковому Атаману, на котором лежит священная обязанность защищать свое Войско, не говорить о его заслугах. Из 26-ти полков, находящихся ныне в армии, свыше 15-ти работают в Западной и Сибирской армиях, и работают безупречно, а если и были развалы в полках вверенной

мне армии, то, будь Командующим не Атаман, а кто-либо другой, возможна была бы потеря всего фронта. Разве легко было расстреливать своих же казаков, которые два месяца тому назад безропотно и честно защищали Родину в течение 6-ти месяцев. Но мы это делали, и Круг сам требовал этого, ибо дело шло о спасении всей Родины. Теперь опять полки перешли в наступление, и дело налаживается. Я осмелюсь себе добавить к вышеизложенному, что мои полки имели в своих рядах и 19-летних и 50-тилетних и что они воевали у себя дома и, отдавая с боем свою станицу, должны были бросать на произвол и насилие своих жен и матерей и на полное расхищение все свое трудовым потом добытое имущество, и, тем не менее, казаки делали это, и много их осталось в рядах. Разве легко было казаку, после боя, взять обратно станицу и найти свою жену сошедшей с ума от того позора, которому она подверглась со стороны красноармейцев, как это имело место в станице Кизильской. Разве легко было казаку вернуться в свою станицу и найти, вместо дома с его запасами, одни угли. И, тем не менее, казаки это переносят и воюют. А эта колоссальная подводная повинность, надорвавшая вконец все войсковое хозяйство и привлекшая к работе на оборону подростков и женщин, разве это не заслуга. Мы твердо уверены, что Вы, Ваше Высокопревосходительство, сказавши нам на Кругу столь ласковые слова, не забудете Оренбургских казаков, а Родина вознаградит их за все их лишения. Наши земли перемешаны с крестьянскими, и казаки от последних только слышат насмешки, а временами и брань за свою упорную борьбу. У крестьян имеется достаточное число рук для работы; у нас же в станицах абсолютно нет никого. Мы никого не освободили от воинской повинности; даже безрукие и безногие и те служат в обозе. Такого колоссального напряжения не дала ни одна область государства Российского. Вот причины, почему я так упорно отстаиваю Оренбургское казачество, несмотря на многие недочеты. Как курьез, я могу Вам привести следующий факт: полузамерзшая девчонка 13-ти лет привозит мне пакет от общества одной станицы и на мой вопрос, почему это она привезла, ответила: «Больше некому было привезти». Приближается весна; надо сеять, пахать, а кто это будет делать. Между тем Войско живет только землей. Нас упрекают, главным образом, Круг, в том, что мы не признаем ни чьей власти. Где же справедливость. Правда, мы, не спрашиваясь Центральной Власти, объявили мобилизацию до 50-ти лет, но зато теперь, когда нам надо взять обратно к земле до 40 лет, мы входим с ходатайством к Вам и без Вашего согласия не посмеем взять из рядов хотя бы одного человека. Разве в этом можно усмотреть

неподчинение. Вы, Ваше Высокопревосходительство, своим присутствием на Круге санкционировали его, как Верховная Власть, и мы были твердо уверены, что наше народоправство стоит на определенном пути. Последовавшее затем постановление Совета Министров о признании нашей области и Войскового Круга и выборного начала окончательно укрепило нас в доверии Центральной Власти к казакам…»[1566]

Дутов явно заискивал перед Колчаком: «Ваше же официальное заявление, что Вы мыслите новую Россию, построенную лишь на демократических началах, дает мне право быть с Вами вполне откровенным. И поверьте, Ваше Высокопревосходительство, что льстить Вам я не буду и ради наград или повышений говорить Вам неправду или сообщать Вам неверные сведения я никогда не стану. Я навсегда являюсь Вашим самым послушным исполнителем Ваших приказов потому, что цель одна: спасти Родину. Вы ее любите и за честь ее стоите. Этого довольно, чтобы я ради Вас пожертвовал всем, включительно до моей жизни. Это письмо передаст Вам мой чиновник для особых поручений А.К. Горяев, которого я командировал в Минвнудел для упорядочения управления делами края. В поезде, который Вы любезно прислали, я отправляю Вам лошадь; с седлом получилась небольшая задержка; оно высылается дополнительно. Прошу принять мои уверения в глубокой преданности и полном уважении. Навсегда Ваш *А. Дутов*»[1567].

Глава 8
Внутриполитический курс Дутова на Южном Урале

В период Гражданской войны Войсковой Атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов на подконтрольной ему территории Южного Урала активно осуществлял собственную внутреннюю политику в социально-экономической, правоохранительной, национально-конфессиональной и культурной сферах. Несмотря на чрезвычайные условия братоубийственной войны и жесточайшую разруху, Дутов предпринимал шаги по укреплению экономического благосостояния подчиненного ему населения, облегчению положения семей мобилизованных, развитию правоохранительной системы. Достаточно взвешенной была национально-конфессиональная политика атамана, понимавшего сложность управления многонациональным регионом. Особенно активно проводилась политика в области культуры, именно при Дутове на Южном Урале появилось первое высшее учебное заведение.

Не рассмотрев особенности внутриполитического курса Дутова в 15-месячный период его управления Южным Уралом с ноября 1917 по апрель 1919 г. (с почти трехмесячным перерывом на период Тургайского похода 17 апреля – 7 июля 1918 г.) и не проанализировав комплекс проблем, с которыми ему приходилось сталкиваться и пути их решения, которые он находил, невозможно понять ни те задачи, которые должен был решать Дутов, ни истинный масштаб его личности.

Социально-экономическая политика Дутова

Социально-экономическая политика является важнейшей частью всей государственной политики. К социальной сфере относится вся жизнедеятельность человека (труд, образование, отдых, здоровье, материальная поддержка тех, кто не в состоянии себя обеспечить самостоятельно). При таком подходе к социальной политике должны быть отнесены и те направления внутренней политики, которые вынесены мною в последующие разделы (национальная и конфессиональная, правоохранительная и культурная политика). Гражданская война, безусловно, оказала серьезнейшее влияние на социальную политику властей как в общегосударственном масштабе, так и в рамках Южного Урала. С одной стороны, тяжелейший общегосударственный кризис обусловил рост потребности населения в социальной поддержке со стороны государства, но с другой – само государство было не в состоянии оказать такую поддержку населению в необходимом объеме.

Социальная политика неразрывно связана как с текущей политической конъюнктурой, так и с экономикой (как распределительная политика), причем без сильной экономики сильная социальная политики невозможна. Тем не менее администрация Дутова пыталась, несмотря на катастрофическое положение финансов, по мере возможности осуществлять масштабную социальную политику. Экономическое состояние Оренбургского казачьего войска в 1917–1919 гг. можно охарактеризовать как кризисное. После оставления красными Оренбурга летом 1918 г. город был совершенно разграблен. Из Государственного банка было вывезено 14 128 000 руб., в т. ч. 5 400 000 руб. неподписанных денежных знаков[1568]. Тяжелейший удар был нанесен большевиками весной 1918 г. по станицам Оренбургского войска, многие из которых оказались полностью уничтожены. Сожжены были станицы Донецкая (сожжено 647 дворов), Угольная (560 дворов), Григорьевская (560 дворов), Татищевская (539 дворов из 602), Благословенная (213 дворов из 224), НижнеПавловская (446 дворов из 688), Верхне-Павловская (193 двора из 485), Пречистенская (400 дворов), Донгузская (сгорели все 77 дворов), Мертвецовская (17 дворов), Воздвиженская (10 дворов)[1569]. В станице Донецкой уцелело лишь 15 домов, несколько казачьих семей было заживо брошено прямо в огонь, кроме того, сожжено 10 000 пудов общественного

хлеба[1570]. Данных по потерям еще двух пострадавших станиц Ильинской и Красногорской обнаружить не удалось. Во 2-м военном округе сгорели станицы Кидышевская, Краснокаменская и Кулахтинская. Во избежание возможных спекуляций здесь целесообразно привести подробнейшие статистические данные о реальных убытках, понесенных некоторыми из пострадавших станиц 1-го округа и компенсации по сведениям на сентябрь 1918 г.[1571] (см. табл. 8).

Таблица 8

Станица и дата пожара	Общее число дворов	Сгорело дворов	Оценка сгоревших построек (руб.)	Страховая сумма (руб.)	Исчислено пожарного вознаграждения (руб.)
Татищевская 12.06.1918	602	539	234 842,5	157 836	157 755
Верхне-Павловская 19.05.1918	485	193	124 528,5	83 018	83 018
Нижне-Павловская 19.05.1918	688	446	244 182	162 777	162 777
Станица и дата пожара	Общее число дворов	Сгорело дворов	Оценка сгоревших построек (руб.)	Страховая сумма (руб.)	Исчислено пожарного вознаграждения (руб.)
Донгузская 03.05 и 17.06.1918	77	77	40 175	28 240	21 571
Благословенная 25.05.1918	224	213	79 090	53 710	53 710
Донецкая	688	647	309 447	206 298	206 298
Всего:	2764	2115	1 032 265	691 879	685 129

Таким образом, выплаченная страховка в значительной степени компенсировала местным жителям их убытки в отношении сгоревших построек. Однако, невзирая на это, в дальнейшем в войске была развернута масштабная кампания помощи пострадавшим станицам.

Необходимо признать, что население сгоревших станиц действительно терпело серьезные лишения. Выжившим пришлось жить в открытом поле и частично в соседних станицах. Имущество жителей станиц Переволочной, Алексеевской, Григорьевской, Дедуровской, Угольной, Красногорской было

разграблено красными – уведен скот, отняты хлеб, деньги, одежда, инвентарь. Как отмечал один из очевидцев, «брали все, что нравилось красноармейцам, не гнушаясь принадлежностями белья»[1572]. На станицы накладывались контрибуции. Общие убытки войска составили десятки миллионов руб.[1573] Только три станицы – Кидышевская, Уртазымская и Кулахтинская – понесли убытков на сумму 4 889 127 руб.[1574] В то же время отмечалось, что эта сумма была названа без строгой оценки.

С установлением на территории части губернии и войска казачьей власти начались ответные действия белой администрации. Атаман утверждал, что «для высшего командования интересы всех граждан одинаковы и защита их есть первый долг воина и командира»[1575]. На практике было иначе. Казачья власть отстаивала в основном казачьи интересы. Уже затрагивался вопрос о наложении контрибуции на рабочие районы Оренбурга. Кроме того, жителям наиболее пострадавших от большевиков станиц Угольной и Григорьевской было разрешено переселение в Илецкую Защиту, причем предписывалось выселить из своих домов жителей районов Илецкой Защиты – Ташкент, Пчельник и Кирпичные Сараи, поскольку они принимали участие в боевых действиях против казаков[1576]. Помимо репрессивных мер, была развернута масштабная кампания по восстановлению сожженных станиц войска, в ходе которой станицам была оказана значительная материальная помощь. Были сделаны два займа по 500 000 руб. в оренбургском окружном интендантстве и в оренбургском торгово-промышленном союзе, возбуждено ходатайство перед Комучем о признании уничтожения станиц общегосударственным бедствием и ассигновании на их восстановление первоначально 10 000 000 руб.[1577] В пострадавшие станицы направлялись специальные отряды по уборке хлеба, оснащенные сельскохозяйственными машинами[1578]. На Преображение (19 августа) 1918 г. в пользу пострадавших станиц Союз рестораторов Оренбурга организовал на Беловке народное гулянье с лотереей, спектаклем и кабаре. Чистая прибыль составила несколько десятков тысяч рублей[1579].

Со склада общества «Орлес» 11 пострадавшим станицам (Благословенской, Нижне– и Верхне-Павловской, Донецкой, Мертвецовской, Татищевской, Донгузской, Григорьевской, Пречистенской, Угольной и Воздвиженской) к началу октября 1918 г. было выделено 69 877 досок, 75 226 единиц теса, 9351 шпала, 1662 бревна, 2271 брус, 12 110 горбылей[1580] и жердей и 1268 пластин[1581]. В пользу пострадавших станиц изымались суммы, выданные некоторым станицам большевиками. Например,

так было поступлено с 30 000 руб., полученными станицей Парижской 2-го военного округа[1582].

Кроме того, в пользу станиц, пострадавших от большевиков, в 1918 г. в 1-м военном округе предполагалось организовать 1-й внутренний 6 %-ный народный заем оренбургского казачества (планировался выпуск бумаг достоинством 25, 50 и 100 руб., срок займа – 10 лет, величина – 20 000 000 руб.[1583]). Для тех же целей была проведена войсковая лотерея (200 000 билетов по 25 руб. каждый, из общей суммы в 5 000 000 руб. 3 000 000 предназначалось для помощи станицам, а 2 000 000 – на выигрыши (реализовано оказалось только 10 % билетов) выпускались благотворительные открытки, организовывались аукционы. В частности, в конце 1918 г. областной милицией был устроен аукцион в пользу пострадавших станиц, на котором за 10 000 руб. была продана фуражка Дутова, за 9000 руб. удалось продать бутылку шампанского. Тут же двое офицеров заявили о готовности отдать жизнь за атамана[1584].

При этом нельзя не признать, что кампания помощи станицам носила ярко выраженный пропагандистский характер, – населению и представителям центральной власти, в основном в целях получения денежной помощи, а также для придания войску образа жертвы, постоянно напоминалось о зверствах большевиков. Порой эти напоминания были настолько назойливыми, что ныне кажутся откровенной спекуляцией на произошедшей трагедии. Кроме того, реальное значение произошедшего в ходе развернутой кампании многократно преувеличивалось. В Войсковом правительстве был даже организован специальный отдел, занимавшийся исключительно вопросом восстановления сожженных станиц[1585]. Кстати, в начале 1919 г. войско получило от правительства более 1 000 000 руб. в возврат денег, выданных из пожарного капитала в страховые премии за сожженные станицы[1586]. В Совет министров было внесено предложение об отпуске немыслимой суммы в 50 000 000 руб. на восстановление сожженных станиц. Обещано было выплатить 25 миллионов, но реально из Омска войско получило только 2 999 082 руб. 79 коп.[1587] Следует признать, что эта цифра была гораздо ближе к действительной сумме убытков, понесенных станицами. Кроме того, она с точностью до копейки равнялась той сумме, на которую к середине апреля 1919 г. Войсковым правительством было приобретено и выдано на восстановление станиц материалов[1588]. Для чего войсковой администрации понадобилось значительное преувеличение суммы ущерба – понять сложно. Едва ли эти средства по получении их войском могли быть пущены на другие цели.

Кроме того, к 1 марта 1919 г. было собрано еще 598 708 руб. 83 коп. добровольных пожертвований на восстановление станиц. Из этих денег сожженным станицам были выделены следующие суммы[1589] (см. табл. 9).

Таблица 9

Станица	Сумма компенсации
1-го военного округа	
Угольная	37 728 руб. 68 коп.
Григорьевская	54 751 руб. 67 коп.
Мертвецовская	1030 руб.
Донгузская	4864 руб.
Благословенная	20 227 руб. 50 коп.
Верхне-Павловская	12 160 руб.
Татищевская	63 840 руб.
Нижне-Павловская	34 656 руб.
Донецкая	30 400 руб.
Пречистенская	36 480 руб.
Воздвиженская	608 руб.
Красногорская	500 руб.
Ильинская	17 700 руб.
2-го военного округа	
Кулахтинская	3150 руб.
Кидышевская	28 620 руб.
Краснокаменская	1100 руб.
Итого:	347 815 руб. 85 коп.

Газета «Оренбургский казачий вестник» сообщала о реальном положении в различных частях войска. К примеру, в станицах по реке Сакмаре в августе 1918 г. были окончательно ликвидированы советские органы власти, завершен сенокос, шла уборка хлебов. В связи с острой нехваткой рабочих рук много сена осталось в копнах и много травы на корню, встречались сложности с уборкой хлеба, однако урожай был хороший. В то же время казаки не имели никаких сведений о ситуации в войске, газеты не поступали, чувствовалась нехватка предметов первой необходимости – чая, сахара, табака, мануфактуры (люди перешивали старую одежду), при этом настроение населения было хорошим[1590].

В сопоставимую с расходами на восстановление сожженных станиц сумму выросли расходы на проведение Войсковых Кругов. В 1919 г. предполагалось провести два Круга и израсходовать на это 400 000 руб., однако реально был проведен только один Круг,

расходы по которому до 1 июня 1919 г., когда Круг еще даже не закончил свою работу, уже составили 704 733 руб. 81 коп.

В своем письме Верховному Правителю адмиралу А.В. Колчаку от 24 апреля 1919 г. Дутов писал о внутреннем положении войска:

«…Затем я перейду к ведомству Внутренних дел. Мы в настоящее время берем от деревни все[:] и солдат, и хлеб и лошадей, а в прифронтовой полосе этапы, подводы и проч[ее] лежат таким бременем на населении, что трудно представить. Исходя из этого, казались бы естественными некоторые заботы Мин[истерства] вну[тренних] дел о деревне. Этого в сущности в полной мере не наблюдается. В прифронтовой полосе, а особенно в местностях, освобожденных от большевиков, земства не существуют. Налоги земские не вносятся, и служащие разбежались. Больницы в деревнях почти везде закрыты, лекарств нет, денег персоналу не платят, содержать больницы нечем. Школы не работают, учителей нет, жалованье им не платили за $^1/_2$ года и больше, все почти поступили в чиновники или же в кооперативы. Никаких агрикультурных мероприятий нет, дороги не исправляются, мосты не чинятся, все разваливается. В деревнях нет ситца, нет сахара, нет спичек и керосину. Пьют [о]траву, самогонку, жгут лучину, и вот эта сторона очень и очень важна. Та власть будет крепко, крепко поддержана всем народом, которая, кроме покоя и безопасности, даст хлеб, ситец и предметы первой деревенской необходимости. Поэтому вслед за армией должны следовать транспорты всех этих предметов необходимости. Я уже принял все меры к тому, чтобы отправить в Оренбург мануфактуру, сахар и спички. Считаю это очень важным. Суда в деревне нет, во многих селах нет священников, хоронят без церкви, крестят без обряда и т. д. – все это в деревнях приучает к безверию и распущенности. Религия – основа Руси, без нее будет страшно. Вот куда должна быть направлена политика Минвнудел. Я боюсь, что вмешиваюсь не в свое дело, но Вы, Ваше Высокопревосходительство, не раз мне говорили, что мои письма для Вас представляют известный интерес, вот почему я позволяю себе писать Вам вполне откровенно и гл[авным] обр[азом] о плохих фактах. Хорошее – само себя оправдывает. М[ожет] б[ыть], мое письмо в силу сообщений только фактов печальных и носит характер как бы безнадежности, но это не так. Ваша популярность и Ваша власть растет и укрепляется ежечасно, я лишь желаю еще большего для Вас и еще больше славы Вам, дабы ничто на Вашем государственном пути не омрачало ореола Вашего имени. Так нужно для всей России. Я очень и очень озабочен деревней и потому так и пишу. Сейчас есть губернии,

где нет волостного земства, есть – с ним, а есть и такие, где земство частью в уездах введено, частью – нет. Это необходимо урегулировать, т. е. признать волостное земство или его упразднить и соответственно этому вести организацию… Сейчас начался сезон летних работ. У многих крестьян есть машины, но нет запасных частей, и никто им не приходит на помощь. Раньше были земские н[ачальни]ки, теперь их нет, а один управляющий уездом ничего сделать не в состоянии, ибо в уезде иногда до 100 волостей. Меня за эти мысли здесь называют демократом, я, право, не нуждаюсь в кличке, ибо ни к одной из партий никогда не принадлежал и не принадлежу, а говорю только то, что вижу»[1591].

В очень деликатной форме оренбургский атаман изложил тот печальный факт, что войско не только в военном, но и в экономическом отношении оказалось фактически предоставлено Омском самому себе. Отмечу, что до февраля 1919 г. не было удовлетворено ни одно из ходатайств войска по Министерству финансов[1592]. Семьи мобилизованных казаков долгое время не получали от казны положенных пайков, а сами казаки вплоть до 1919 г. не получали компенсаций за выход на службу со своим обмундированием и лошадьми.

Дутов перечислил, пожалуй, все основные трудности, с которыми столкнулись население и власть в период Гражданской войны, – произвол администрации, разрушение общественных институтов, отсутствие предметов первой необходимости, примитивизацию жизни. Челябинский исследователь И.В. Нарский обобщенно называет произошедшее архаизацией деревенского существования, при которой деревня не металась в годы Гражданской войны между красными и белыми, а замкнулась в себе, стремясь свести к минимуму ущерб от вмешательства извне[1593]. Такая точка зрения во многом перекликается с образным сравнением кемеровского исследователя А.Г. Зарубина, по мнению которого белые и красные армии – «всего лишь волны над бездонной традиционалистской глубиной»[1594].

Положение было настолько серьезным, что властям не всегда удавалось обеспечить всем необходимым даже войска, обеспечение которых являлось приоритетной задачей. В армии не хватало обуви, в связи с чем в сентябре 1918 г. пришлось прибегнуть к мобилизации сапожников[1595]. Дело осложнялось хищениями военного имущества. Так, в Белебеевских казармах, где в сентябре 1918 г. размещался 1-й Оренбургский казачий полк, было растащено до 500 рогож, принадлежавших интендантству[1596]. На местах ширилась коррупция. Доходило

даже до торговли выборными станичными должностями. В частности, некто Коробцов за 1000 руб. купил должность атамана станицы Алексеевской 3-го военного округа[1597]. В ужасающем положении из-за нехватки специалистов, средств и бездействия местных властей находилось санитарное дело в войске. В конце 1918 г. Дутов лично инициировал сбор аптекарской посуды для армии[1598]. Кроме того, он сам занимался организацией помощи армии теплыми вещами[1599].

21 апреля 1919 г. Отдельной Оренбургской армии правительством был выделен, наконец, кредит в 154 449 078 руб., Западная и Сибирская армии получили в общей сложности 254 230 901 руб.[1600] Оклады денежного содержания казаков неоднократно менялись. С февраля по 23 июля 1918 г. все они как партизаны должны были ежемесячно получать по 300 руб., затем с 23 июля по 1 сентября нижние чины получали по 60 руб. в месяц, с 1 сентября был установлен оклад в 45 руб. в месяц, а в марте 1919 г. – 40 руб.[1601] Но из-за отсутствия средств отпуск невыплаченного жалованья казакам за период до 23 июля 1918 г. был отложен до образования единой общегосударственной власти и решения этого вопроса наряду с вопросом о выплатах казакам, не получившим довольствия за период Первой мировой войны. Нетрудно понять, что ни те ни другие так и не дождались обещанных денег. В 1919 г., когда выплату денег казакам вроде бы взяло на себя правительство Колчака, было решено сократить расходы казны и считать два возраста обязательными для службы, а остальные – мобилизованными. Пособия при выходе на службу конным казакам были определены в 800 руб., пешим – в 300. Оренбургскому войску в 1919 г. на пособия было выделено в общей сложности 30 миллионов руб. из расчета в 33 000 конных и 12 000 пеших казаков[1602]. Семьям призванных выплачивался 100-рублевый паек.

Правительство Дутова обращало внимание и на поддержку семей граждан, пострадавших в борьбе с большевиками. Приказом по Оренбургскому военному округу № 12 от 12 января 1918 г. были установлены пенсии всем гражданам, потерявшим трудоспособность в борьбе с красными[1603]. Постановлением Войскового правительства от 7 августа 1918 г. всем семьям казаков, погибших в борьбе с большевиками, было установлено пособие в 2000 руб.[1604] В пользу семей лиц, погибших в борьбе с большевиками, предполагалось передавать деньги, конфискованные по постановлениям военно-следственной комиссии[1605]. Однако, несмотря на все усилия, к концу августа 1918 г. средства на выдачу пособий были израсходованы, и их выдача была прекращена[1606]. Сентябрьский 1918 г. Войсковой

Круг установил размер пособия в 50 руб. на члена семьи погибшего (принадлежность к войску не оговаривалась)[1607]. По мере возможности в 1919 г. осуществлялась поддержка беженцев с занятой большевиками территории войска. Войсковая администрация в феврале 1919 г. на их поддержку испрашивала у правительства трехсоттысячный кредит, причем адмирал Колчак посчитал необходимым срочно оказать содействие[1608]. Однако в итоге было выделено в три раза меньше запрашиваемой суммы[1609].

Мобилизованные казаки также получали социальную поддержку, выражавшуюся помимо денежных пособий в общественной уборке зерна и сена. Кстати, в этой работе добровольно участвовали представители южноуральской интеллигенции. К сбору урожая привлекались и военнопленные, распределявшиеся между семьями казаков, некоторая часть пленных была распределена и между неказаками. Казакам-погорельцам, семьи которых не имели в станицах рабочих рук, были разрешены отпуска из частей домой на срок до месяца.

Промышленность, слаборазвитая в войске и до Гражданской войны, пришла в ее ходе в полный упадок. Не хватало топлива. Показательно, что из 13 000 оренбургских рабочих после оставления города красными осталось 8000[1610]. Таким образом, 5000 человек ушло с большевиками, что, с одной стороны, лишило оренбургский пролетариат наиболее идейных сторонников большевиков, но с другой – не могло не привести к росту стоимости рабочей силы.

По мере возможности Дутов старался содействовать развитию промышленности региона, интересовался этой сферой. В частности, 7 декабря 1917 г. он открыл съезд горно– и золотопромышленников Оренбургского края[1611]. Однако для нормализации этой отрасли одного интереса было явно недостаточно. Впрочем, нельзя согласиться с оценкой С.А. Щепихина, отмечавшего, что у Дутова было «в районе много заводов, но он их закрыл фактически, так как не имеет ни малейшего представления о[б] их эксплуатации. Сотрудников себе подобрал все своих казаков, среди которых невозможно выбрать специалистов – их нет там. А потому Дутов очень упростил этот вопрос, заводской, он от него просто отмахнулся»[1612].

В составе Войскового правительства существовали агрономический, ветеринарный, дорожно-строительный, кустарный, лесной, землеустроительный, оброчный, статистический, страховой, почвенно-экспедиционный, горный и продовольственный отделы, ведавшие войсковым хозяйством.

Конечно, далеко не все инициативы местной власти в отношении промышленности в 1918–1919 гг. удавалось реализовать на практике, но кое-что все же делалось. При Дутове в Орске заработала обувная фабрика. В Верхнеуральске при содействии правления 2-го военного округа – мыловаренный завод[1613]. В Оренбурге было намечено открытие табачного склада и фабрики. В местечке Кочкарь предполагалось построить патронный завод, на территории 1-го военного округа в 1918 г. намечалось усилить добычу полезных ископаемых. Предполагалось организовать известковый, алебастровый, меловой и кирпичный заводы, однако для этого не нашлось специалистов[1614].

Кожевенное производство, работавшее на нужды армии, истощило запасы сырья. Заготовка леса в 1918 г. в Оренбургской губернии провалилась. При большевиках вследствие бесхозяйственности при сплаве леса по реке Сакмаре были прорваны заграждения, и лес унесло, причем убытки составили до миллиона рублей. Часть леса уже при казаках была передана на восстановление сгоревших станиц. Все это привело к взлету цен на топливо, составивших 200 % относительно цен 1917 г.[1615]

Топливный кризис незамедлительно отразился на работе нуждавшихся в нефти мельниц и транспорта. После введения хлебной монополии и ограничения свободной хлеботорговли пришла в упадок мукомольная промышленность. Этому способствовал также неурожай 1917 г. в некоторых уездах и установление ненормальных твердых цен на хлеб, а затем их изменение. Хаос в организации поставок хлеба приводил к убыткам и спекуляции зерном. Хлеб вывозился в Ташкент, где выгодно перепродавался по спекулятивным ценам, тогда как сама Оренбургская губерния была на грани голода.

Вообще в Оренбургской губернии существовали такие отрасли промышленности, как добыча соли, угля, выделка железа, валяной обуви, масла. Все эти отрасли так или иначе пострадали от общегосударственного кризиса и разрухи. При этом население стремилось выходить из положения, в результате чего начался рост кустарной промышленности. К слову сказать, подобные мелкие и средние предприятия в Сибири и на Дальнем Востоке при белых составляли до 80 % всего промышленного потенциала[1616].

В 1918–1919 гг. на территории Оренбургского казачьего войска наметились тенденции к огосударствлению существовавшей здесь промышленности и ее государственному регулированию. Власть пыталась поставить промышленность под свой контроль, прежде всего, для обеспечения нужд армии. 21 августа 1918 г. Войсковое правительство издало постановление об

объявлении собственностью войска илецких месторождений каменной соли[1617]. Это постановление вызвало протест главноуполномоченного Комуча П.В. Богдановича, справедливо считавшего месторождения общегосударственным достоянием, вымежеванным из казачьей территории[1618]. Собственностью войска была объявлена и знаменитая гора Магнитная, а также организованная в Оренбурге большевиками социалистическая сапожная фабрика[1619]. Часть промышленных предприятий горнорудной промышленности летом 1918 г. была взята под управление Временным Сибирским правительством[1620]. Осенью 1918 г. Войсковым правительством было предписано губернской фабричной инспекции произвести учет металлов и месячную потребность в них различных ведомств, предприятий и населения. Незаявившие о наличии металла в 3-дневный срок подвергались штрафу в размере до 3000 руб., а металл конфисковывался[1621]. Кроме того, Войсковое правительство предпринимало попытки ужесточения контроля за рабочими. Были запрещены стачки, 31 августа 1918 г. издан приказ о борьбе с нарушителями рабочей дисциплины, разговаривающими во время работы и опаздывающими[1622]. В то же время заработная плата рабочих была достаточно высокой[1623]. Есть данные, что на востоке России она составляла 25–40 руб. за 8-часовой рабочий день в зависимости от квалификации рабочего. Для сравнения – фунт хлеба в Омске стоил 70–80 коп., бутылка водки – 6 руб.[1624]

Транспорт также находился в неудовлетворительном состоянии. Одной из насущных задач, стоявших перед Дутовым, являлось соединение территории войска и базы Белого движения на востоке России – Сибири – железной дорогой, для чего необходима была достройка рокадной Троицко-Орской железной дороги. Эта задача была стратегически важной для нормального обеспечения всего левого фланга Восточного фронта белых, а также для снабжения населения Южного Урала всем необходимым[1625]. В связи с отсутствием этой дороги, чтобы добраться из Челябинского уезда Оренбургской губернии в Оренбургский, вместо 250–600 верст по прямой приходилось делать крюк в 1500–2000 верст. С оставлением в октябре 1918 г. белыми узловой станции Кинель (в районе Самары) Оренбург лишился и такого пути.

Однако задача постройки новой железной дороги не могла быть решена только на местном уровне, требовалась помощь центра. И Дутов приложил немало усилий, чтобы добиться финансирования этого проекта правительством. Атаман ходатайствовал перед Министерством финансов о выделении на осуществление этого проекта 9 миллионов руб.[1626] В декабре

1918 г. ходатайство было удовлетворено, но реализовать проект так и не удалось. К началу Гражданской войны Троицкая железная дорога, строившаяся с 1914 г. (строительство с 1914 г. по осень 1916 г. было прервано в связи с началом Первой мировой войны), представляла собой лишь небольшую ветку, соединявшую города Троицк и Челябинск (кроме того, через Троицк проходила железная дорога на Кустанай – на восток). Между Троицкой железной дорогой (конечная станция Карталы) и Орском оставался недостроенный участок в 375 верст. К весне 1919 г. конечные участки дороги удалось продолжить на сто верст, но для того, чтобы сомкнуть обе линии, не хватило рельс[1627]. Небезынтересно, что достройка этой железной дороги была осуществлена лишь в 1930-х гг. Кроме того, в период Гражданской войны, несмотря на наличие железнодорожной магистрали, не было полноценного железнодорожного сообщения между Оренбургом и Орском. Дело в том, что эта железная дорога долгое время оставалась недостроенной и заканчивалась лишь на станции Сара в 71-й версте от Орска (всего от Оренбурга до Орска 306 верст). По расчетам укладка рельс занимала всего два месяца[1628]. Однако сложность с достройкой линии была связана с необходимостью строительства железнодорожного моста через Урал возле Орска. К 20 декабря 1918 г. на участке Сара – Орск было уложено 40 верст рельс, параллельно велось строительство моста[1629]. Оставление белыми этого района зимой 1919 г. не позволило завершить начатое. Летом – осенью 1918 г. поднимался вопрос о достройке железной дороги Уральск – Илецкая Защита (разобрана в годы Первой мировой войны[1630]), которая могла бы связать Оренбургское и Уральское войска[1631]. Однако и этот вопрос решен не был. К тому же казаки и киргизы на этой линии постоянно расхищали шпалы и иные железнодорожные материалы[1632].

Добавлю, что единственная транспортная артерия Сибири – Транссибирская магистраль – в 1918–1919 гг. работала крайне плохо, и даже при наличии железнодорожного сообщения Оренбурга с Сибирью перебои с поставками все равно имели бы место. Тем более что существовал острейший топливный кризис (для его преодоления на Ташкентской железной дороге в качестве топлива использовали даже кизяк и сушеную рыбу), усугубившийся с переходом в руки большевиков Колтубанского бора. То, насколько сложно было организовать поставки по Транссибу, продемонстрировала командировка полковника В.Г. Рудакова на Дальний Восток в конце 1918 – начале 1919 г.

К 1917 г. Южный Урал являлся одним из ведущих аграрных районов России. Однако в условиях Гражданской войны сельское

хозяйство также находилось в кризисном состоянии. В сельской местности в связи с мобилизацией и разрухой остро не хватало рабочих рук, инвентаря, транспортных средств. 1918 г. во 2-м и 3-м округах войска выдался неурожайным. Поголовье лошадей в Оренбургской губернии к 1920 г. сократилось на 16 % от уровня 1917 г., правда, худшее было впереди – к 1922 г., в основном из-за голода 1921–1922 гг., сокращение составило 61,3 %[1633]. Большинство помещичьих усадеб Оренбургской губернии было разграблено уже в 1917–1918 гг. С падением власти большевиков некоторые бывшие землевладельцы потребовали возвращения утраченной ими земельной собственности. Как и в других регионах, помещики часто обращались за помощью к начальникам воинских частей, которые вмешивались в этот вопрос на стороне землевладельцев. Подобные случаи не способствовали успокоению крестьянства.

В обязательном постановлении Войскового правительства по земельному вопросу от 9 августа 1918 г. говорилось, что землевладелец, произведший посев и запашку, является владельцем урожая. Если посев был осуществлен другим лицом, землевладельцу полагалось выплатить арендную плату и стоимость обработки земли[1634]. Еще на 1-м Войсковом Круге 26 апреля 1917 г. было принято постановление о том, что все частновладельческие земли (в том числе офицерские и монастырские) переходят в собственность войска (в основном эти земли сдавались их собственниками в аренду), а их владельцам полагался лишь надел в размере общевойсковой душевой нормы[1635]. Это положение было подтверждено постановлениями от 22 августа 1918 г. и от 23 апреля 1919 г.[1636] Излишки земли поступали в войсковой земельный фонд. Дополнительные наделы выделялись за арендную плату. Распределением земли ведали станичные правления, но окончательное решение этого вопроса оставлялось за Учредительным собранием. Целью аграрной реформы было увеличение землепользования земледельческого населения и создание крепких хозяйств[1637]. Всеми вопросами, связанными с земельной реформой, занимались войсковая и окружные земельные комиссии. К сожалению, в историографии встречаются не вполне обоснованные оценки этой реформы. Нельзя согласиться с утверждением о том, что политика в отношении землепользования неказачьего населения была якобы «подчеркнуто благожелательной»[1638]. Наоборот, для наделения землей неказаков, проживавших в войске, одним из необходимых условий был их переход в казачье сословие[1639]. Нет данных и о том, что предполагалось введение в войске наследственного землепользования[1640]. Такая мера подорвала бы один из

важнейших устоев казачества – службу за право пользования земельным наделом. Несмотря на тяжелую обстановку Гражданской войны, в войске функционировала почвенная экспедиция профессора С.С. Неуструева, обследовавшая к осени 1918 г. половину территории войска. Тем не менее в результате Гражданской войны на территории Оренбургской губернии в постоянной эксплуатации на 1920 г. находилось лишь 23 % площади высева 1917 г., а крестьянское хозяйство практически свелось к натуральному[1641].

Законодательство и реальная практика в обстановке братоубийственной войны значительно отличались друг от друга. В станицах широко распространилось незаконное лишение земельных наделов тех казаков, которые жили вне своих станиц[1642]. Колоссальные масштабы в деревне приобрело пьянство, сопровождавшееся ростом преступности. Пьянство широко распространилось и в войсках, в том числе среди офицерского состава. Впрочем, все эти явления были еще не так трагичны по сравнению с более поздним периодом 1921–1922 гг., когда в доведенном до отчаяния голодом населении Южного Урала, в том числе и казачьем, получило распространение людоедство и трупоедство[1643].

«Главная точка опоры России, – заявлял Дутов в 1919 г., – земельный вопрос. Последнее время под земельным вопросом стали понимать только вопрос о разделе земли, забывая, что, кроме владения землей, нужны средства для ее обработки и умение извлекать из земли наибольшую для себя и государства пользу. Взаимоотношения захватчиков земли и ее прежних владельцев должны быть, разумеется, урегулированы специальными законами, которые будут и могут быть изданы только Всероссийским национальным собранием. Право на землю для желающего трудиться и работать на земле должно быть священно. Но захват земли в излишке, как это имело место в эти годы, без возможности обработки ее собственным трудом, должен быть строго преследуем законом. Потому что это значило бы отнять землю у одних – помещиков, чтобы дать возможность другим счастливым новым владельцам – крестьянам – опять угнетать тех крестьян и батраков, которые оказались обделенными землей. Дав народу землю, надо ему дать и возможность ею разумно пользоваться. Нужны земледельческие машины, нужны сельскохозяйственные школы, нужна помощь по сбыту хлеба и регулировки цен на хлеб, нужны правительственные ссыпные пункты и т. д.»[1644].

Для снабжения войск по согласованию с казачьими представительными органами Дутов осуществлял платные

реквизиции продовольствия[1645]. Непосредственно реквизиции проводились станичной администрацией. Еще 25 марта 1917 г. была упразднена свободная хлебная торговля, что повлекло за собой крупномасштабную скупку хлеба и нелегальную спекуляцию. Много хлеба уходило и на подпольное винокурение, причем сами казаки в этой связи неоднократно просили восстановить казенную винную монополию[1646]. Уже осенью 1917 г. Дутов поставил под свой контроль губернские продовольственные органы. 14 ноября 1917 г. Войсковым правительством было объявлено о сдаче на ссыпные пункты хлеба, причем не сданный к 1 января 1918 г. хлеб реквизировался по твердым ценам и вывозился за счет владельцев[1647]. Дутов выступал как сторонник твердых цен на хлеб при сохранении свободы торговли. В такой позиции было некоторое противоречие, подрывавшее политику хлебной монополии. Кроме того, противоречие было и в том, что он одновременно являлся атаманом и главноуполномоченным Министерства продовольствия, т. е. служил и государству, и войску. На практике это приводило к поощрению реквизиций излишков у крестьян и защите казаков.

Блокада Оренбурга П.А. Кобозевым в конце 1917 г. – начале 1918 г. значительно ухудшила ситуацию с продовольствием в Оренбурге. Сам Кобозев сбывал этот хлеб по дешевке, создавая себе популярность и одновременно обрекая на голод целый регион. В некоторых станицах в те дни не оставалось ни куска хлеба[1648]. Разумеется, многие винили в этом не Кобозева, а Дутова. Дутов опирался на поставки крупных купцов и промышленников, которые, разумеется, наживались на сделках[1649]. Крестьянский труд обесценивался. Торговля находилась в упадке в связи с разрухой на транспорте, финансовым кризисом и остановкой промышленности в масштабе всего государства.

В связи с восстановлением в 1918 г. свободной торговли хлебом в Оренбургской губернии положение несколько улучшилось. Торговлю контролировали оренбургский торгово-промышленный союз и оренбургская городская продовольственная управа. Разрешение частного предпринимательства благотворно влияло на жизнь населения. Обед из двух блюд в июле 1918 г. можно было заказать в Оренбурге за 4 руб., из трех – за 5,5 руб., обеды даже доставлялись на дом, в меню предлагались блюда русской и кавказской кухни, мороженое[1650]. Осенью 1918 г. в Оренбурге была организована выдача дефицитных продуктов по умеренным ценам по карточной системе.

Летом 1919 г. Дутов говорил, что «прифронтовая полоса – области Уральская и Оренбургская и Пермская губерния – великая страдалица земли русской. Мы разорены. В Оренбургском войске детишки ходят буквально голые. Ман[уфактуры], чаю, сахару не получ[ают], мы не можем позволить себе эти роскоши. Между прочим, мануфактуру дают по 6 вершков на человека, – количество, из которого не сделаешь даже купального костюма»[1651]. В результате кризиса снабжения огромные масштабы приобрела спекуляция. Для борьбы со спекуляцией Дутов 14 марта 1919 г. запретил вывоз мяса и угон скота из Оренбургской губернии и Тургайской области[1652]. В Оренбурге осенью 1918 г. не было сахара, соли, табака, железа, керосина, спичек. Однако все это можно было приобрести на толкучем рынке и у спекулянтов по неимоверно высоким ценам. В частности, фунт сахара у спекулянтов стоил 30 руб., пуд соли – 10–12 руб. (государственная цена – 2 руб. 60 коп., в Самаре же стоимость достигала 24 руб.), молоко – 5–6 руб. за четверть, коробка спичек – 75 коп., осьмушка махорки – 7–9 руб.[1653] В то же время цены на хлеб в Оренбурге осенью 1918 г. были в 4–5 раз ниже аналогичных в занятой красными Вятке[1654].

Весной 1918 г. руководство казаков-повстанцев установило твердые цены на продукты: овес – 15 руб., сено – 2 руб., отруби – 5 руб., просо – 10 руб., рожь – 10 руб., пшеница – 15 руб., ячмень – 20 руб., мука – 20 руб., мясо – 30 руб., крупа – 20 руб.[1655] Справочные цены по Оренбургу на июль 1918 г. составляли: пуд мяса 2-го сорта – 72 руб., фунт сала или топленого масла – 3 руб. 75 коп., пуд подболточной муки – 24 руб., пуд соли – 2 руб. 30 коп., фунт перца – 16 руб., пуд свежих овощей – 20 руб., фунт чая – 10 руб., фунт сахара – 1 руб. 50 коп., пуд печеного хлеба – 32 руб., пуд крупы – 24 руб.[1656] В сентябре 1918 г. на Орском фронте существовали следующие цены: пшеница – 14 руб., просо – 12 руб., мука ржаная – 20 руб., пшеничная – 22 руб., крупа пшенная – 15 руб., рогатый скот живого веса – 30 руб., мясо – 65 руб., свежее баранье сало – 80 руб., картофель – 25 руб., капуста свежая – 25 руб., квашеная – 20 руб., лук – 40 руб., соль – 20 руб., овес – 15 руб., ячмень – 15 руб., ржаные отруби – 9 руб., прессованное сено – 3 руб. 50 коп., сено розвязью – 2 руб. 50 коп., солома пшеничная розвязью – 1 руб., ржаная – 1 руб., овсяная – 1 руб. 25 коп., ячменная – 1 руб. 40 коп. Поденная плата пешему чернорабочему составляла 12 руб., конному – 20 руб. Стоимость перевозки до 10 верст – 5 коп. с пуда-версты[1657]. В январе 1919 г. Дутов утвердил следующие предельные цены: пуд пшеницы – 12–15 руб., пуд мяса – 76 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. – 600 руб.), пуд сливочного масла – 380 руб. (в Ташкенте в марте

1919 г. – 2000 руб.[1658]), пуд картофеля – 16–20 руб., пуд керосина – 17 руб. 20 коп., пуд мыла – 240–260 руб.[1659] Небезынтересно, что при большевиках стоимость пуда муки в Оренбурге составляла 60–80 руб., тогда как при белых – 25 руб., т. е. примерно в три раза дешевле[1660].

Таким образом, цены на основные продукты при Дутове за период Гражданской войны претерпели незначительные изменения, и в сравнении с другими регионами (Поволжьем, Туркестаном), а также с периодом пребывания в Оренбурге большевиков были весьма умеренными. Следует признать обоснованным утверждение Генштаба генерал-майора И.Г. Акулинина в конце ноября 1918 г. о том, что «цены на жизненные припасы и продовольствие за последнее время нисколько не повысились»[1661].

Скачок цен произошел весной – летом 1919 г., по всей видимости, в связи с отменой твердых цен на пищевые продукты. Рыночные цены по Орскому уезду в июне 1919 г. были следующими: фунт чая – 90—120 руб., фунт сахара – 65 руб., коробка спичек – 3 руб., фунт керосина – 10 руб., фунт простого табака – 50–60 руб., фунт кофе в зернах – 20 руб., аршин ситца самой дешевой ткани – 35–40 руб., аршин самой дешевой материи на верхнюю одежду – 120 руб., фунт простого мыла – 7—12 руб.[1662]

Однако до начала боевых действий они были существенно ниже. Для сравнения накануне Гражданской войны в сентябре 1917 г. твердые цены на пшеницу по Оренбургскому уезду составляли 6 руб. 12 коп. за пуд, по Верхнеуральскому и Троицкому – 5 руб. 32 коп. Рожь стоила 5 руб. и 4 руб. 50 коп. соответственно. Овес – 5 руб. 20 коп. и 4 руб. 40 коп. соответственно. Пуд ячменя по всей губернии – 4 руб. 50 коп., гороха – 7 руб., проса – 4 руб. 40 коп.[1663] Следовательно, по сравнению с сентябрем 1917 г. цены на продукты в 1918 – начале 1919 г. выросли в среднем в 2–3 раза.

Для сравнения с 10 августа 1918 г. оклад рядового Народной армии составлял 45 руб., начальник дивизии получал 750 руб., командующий армией – 1000 руб.[1664] Командующий войсками Оренбургского военного округа на июль 1918 г. имел месячный оклад в 1800 руб. и 1000 руб. на разъезды и представительские расходы[1665]. Оклад Войскового Атамана с марта 1919 г. составил 3000 руб.[1666] Месячное жалованье рядового бойца армии Колчака было определено в декабре 1918 г. в 10 руб., младшие офицеры получали по 480 руб., командир полка – 800 руб.[1667]

Особую сложность представлял финансовый вопрос. Властям не удавалось собрать с населения налоги. На территории Южного

Урала, подконтрольной омскому правительству, в 1919 г. наблюдалась сильная инфляция, ходили разнообразные денежные знаки. Особенно распространены были стремительно обесценивавшиеся керенки, активно печатавшиеся на территории Советской России. Значительные сложности повлек обмен керенок весной 1919 г. на краткосрочные обязательства государственного казначейства в Омске. Однако в начале Гражданской войны сложилась обратная ситуация – денег не хватало. В этой связи ввиду прекращения связи с центральной властью и отсутствием кредитных билетов в финансовых учреждениях края с декабря 1917 г. в Оренбурге стали печататься местные временные денежные знаки (первоначально – 100– и 5-рублевого достоинства), пользовавшиеся большим спросом у населения[1668]. Эти же знаки продолжали иметь хождение и после взятия красными Оренбурга в январе 1918 г. Красные также печатали местные деньги.

С установлением в регионе казачьей власти в конце сентября 1918 г. было решено продолжать выпуск местных знаков, поскольку финансовой помощи Оренбургу со стороны не предвиделось, финансовое положение вновь оказалось катастрофическим[1669], а Комуч, памятуя летние противоречия с Дутовым, отказывался поддержать оренбургское правительство в этом отношении. Для выхода из кризиса нужно было не менее 5,5 миллиона руб. Этих денег Оренбург, несмотря на угрозу возобновить печатание собственных денег, от Самары так и не получил. И таким образом, был осуществлен выпуск дензнаков достоинством в 1, 3, 25 и 100 руб. Впрочем, выпуск был санкционирован Дутовым уже постфактум – на практике деньги печатались с июля 1918 г., т. е. с момента возвращения белых в Оренбург. Для пополнения казны в июле 1918 г. в Оренбурге осуществлялась ограниченная продажа казенного спиртного по карточкам, однако вскоре она была свернута. С ноября возобновилось печатание бон номиналом в 500 руб. Денежные знаки должны были быть со временем обменены на общегосударственные. 25 октября Дутов санкционировал выпуск денежных знаков на общую сумму до 150 000 000 руб. Впрочем, так называемые дутовки имели хождение лишь в Оренбургском и Верхнеуральском уездах. Уже в июле 1918 г. ни Челябинск, ни Троицк эти деньги не принимал[1670]. Лишь впоследствии Российское правительство в Омске оказало финансовую помощь Оренбургскому казачьему войску. По недавно обнаруженным данным общая сумма выпуска «оренбургских» денежных знаков составила 202 835 600 руб.[1671], из которых примерно 140 миллионов выпустили белые и порядка 60 миллионов –

красные[1672]. Добавлю, что Дутов был противником изъятия керенок, осуществленного на востоке России в 1919 г.[1673] 1 января 1919 г. в Оренбурге открылся Казачий банк, его основной капитал должен был составить 5 миллионов руб.[1674] Предполагалось, что текущие счета в банке открывались под 6 % годовых, годовые вклады – под 7 %, а долгосрочные под 8 %[1675]. Стремясь поддержать казаков, войсковая администрация считала возможным, чтобы они на текущий счет вместо денег сдавали хлеб, а получали обратно деньги с процентами.

Выпущенные при Дутове местные денежные знаки уже в 1919 г. были изъяты красными из оборота, причем в ходе их упразднения какие-либо компенсации не предполагались. Разумеется, эта мера ударила прежде всего по простым людям. Однако, как сообщалось в обращении оренбургского губисполкома к трудящимся губернии от 8 августа 1919 г., «пусть знают все враги трудового народа, что рабоче-крестьянская власть не признает за белогвардейскими бандами права на выпуск фабрикуемых ими «денежных знаков»…»[1676]. Чтобы сбавить возможное недовольство, было обещано в качестве компенсации выплатить «трудящимся» (рабочим, крестьянам, красноармейцам и служащим) сумму в пределах их двухнедельного заработка.

Подводя итог, отмечу, что в период Гражданской войны государство и общество, в том числе и в Южно-Уральском регионе, понесли колоссальные потери. Внушительные материальные потери повлекли за собой потери социальные. Тяжелейший системный кризис охватил все отрасли промышленности и сельского хозяйства. Производительность труда резко снизилась. Прежние экономические связи были нарушены изоляцией рассматриваемого региона фронтами Гражданской войны, а также недостаточной насыщенностью железными дорогами. Как следствие, произошел стремительный взлет цен на основные продукты и размах спекуляции. Дутов активно пытался переломить ситуацию, однако удавалось осуществить немногое. В условиях оставления белыми Поволжья и Приуралья в 1918–1919 гг. резко возросли миграции населения, в Оренбургской губернии значительно увеличилось число беженцев, отступавших вместе с армией из опасения быть захваченными красными. Беженцы нуждались в государственной поддержке даже в большем объеме, чем оседлое население. На социальную помощь населению нужны были деньги, а их у Дутова не было. Атаман пытался решать проблему при помощи усиления вмешательства государства в экономику, а также включения печатного станка. Это способствовало лишь частичному решению

проблемы. Во всяком случае, роста цен при условии их государственного регулирования в 1918–1919 гг. в Оренбуржье не наблюдалось. Однако, несмотря ни на что, один из основных показателей эффективности социальной политики – уровень жизни населения – в 1918–1919 гг. был невысок по всей России, что обусловлено как обстоятельствами вооруженной борьбы на территории страны, так и социально-экономическим кризисом с его последствиями (дороговизной, нехваткой одежды, топлива, продовольствия, медицинского обслуживания). В этих условиях можно говорить лишь о задаче власти облегчить участь населения. На мой взгляд, с этой задачей казачья администрация на Южном Урале справилась. И хотя административно-принудительные рычаги регулирования хозяйственной деятельности, по сути аналогичные рычагам политики военного коммунизма большевиков, белой администрацией рассматривались как исключение, тем не менее именно эти исключительные меры получили тогда широкое распространение и у белых[1677].

В целом тяжелое положение подконтрольного Дутову региона в социально-экономическом отношении практически не отличалось от общероссийской ситуации. Однако оно резко контрастирует с большевистскими заявлениями на этот счет. Любопытно одно из них от 4 июля 1919 г.: «Казацкие громилы, которые идут к нам с пиками и плетью, жгут наш хлеб, топчут поля, вырезывают лучших рабочих. За ними – иностранные танки, с ними офицерство и генералы, у них горы золота. Ибо за их спиной капитал всего мира»[1678]. Как видно, население подконтрольной белым территории вовсе не купалось в золоте, а терпело лишения, немногим меньшие, чем лишения населения Советской России.

Национальная и конфессиональная политика Дутова

Многонациональный и многоконфессиональный регион, равно как и такое же по составу казачье войско, которые возглавил Дутов в столь неспокойное время, требовали реализации продуманной и осторожной политики в национальном и конфессиональном вопросах, и, в отличие от многих белых генералов, понимание этого у Дутова, как человека с детства знакомого с местными реалиями, безусловно, было. Сам Александр Ильич был верующим православным человеком. Как уже отмечалось, в своем письме Верховному Правителю адмиралу А.В. Колчаку от 24 апреля 1919 г. Дутов писал: «Во многих селах нет священников, хоронят без церкви, крестят без обряда и т. д. все это в деревнях приучает к безверию и распущенности. Религия – основа Руси, без нее будет страшно. Вот куда должна быть направлена политика Мин[истерства] вну[тренних] дел… Я очень и очень озабочен деревней и потому так и пишу…»[1679] О многом говорит тот факт, что при отступлении из Семиречья в Китай в 1920 г. через горный перевал Кара-Сарык Дутову и его спутникам пришлось бросить почти все имущество, но Табынская икона Божьей Матери, несмотря ни на что, была ими сохранена. Сам Дутов в 1919 г. отмечал, что «…одна из твердых основ всякого государства – это религия, семья и школа. Последние десятки лет было сделано многое, к сожалению, чтобы убить в народе религиозное чувство. Не стоит, конечно, говорить о большевиках, которые православную русскую веру отдали на посмеяние…»[1680].

Религия все же продолжала играть определенную роль и в среде рядового казачества. В частности, казаки 9-го Оренбургского казачьего полка спасли от красных крест и Евангелие полковой церкви[1681]. А штаб Оренбургского военного округа был вынужден издать в сентябре 1918 г. даже специальное распоряжение об обстреле при необходимости любых укрепленных узлов, не исключая и колоколен[1682]. По всей видимости, казаки-артиллеристы считали стрельбу по церковным зданиям богохульством и не решались стрелять. Осенью 1918 г. многие станицы выступили в защиту православной церкви и за сохранение преподавания Закона Божия в школах[1683]. При этом Гражданская война и экономический кризис вносили свои коррективы и в дела церкви. В Юго-Западной армии не было полковых священников (такая же ситуация была в оренбургских казачьих полках в годы Первой мировой войны), поскольку их

установление потребовало бы расхода в 2 миллиона руб., на что у Дутова не было денег[1684].

В отношении церкви, как и в других вопросах, Дутов отстаивал как можно более широкие полномочия Оренбурга. В частности, Оренбург в 1918 г. выступил против выделения Челябинского и Кустанайского викариатств в отдельную от Оренбургской епархию[1685]. Во главе последней с 1914 г. находился епископ (с 12 апреля 1918 г. – архиепископ) Мефодий (М.Л. Герасимов), всецело поддерживавший Дутова.

В августе 1918 г. был опубликован приказ управляющего военным ведомством Комуча о воспрещении печати сообщений, содержащих «возбуждение или призыв к активным действиям на почве национальной розни»[1686]. Оренбургский атаман и сам понимал это и пытался не допустить разжигания национальной розни и притеснения представителей каких бы то ни было национальностей на подведомственной ему территории. Более того, он активно привлекал к участию в антибольшевистском движении мусульманское население [киргизов (казахов), башкир, татар], выпускал обращения к мусульманам с призывом поддержать белых. «Киргизы и башкиры, – отмечал он в апреле 1919 г., – это элемент, безусловно, государственно настроенный»[1687]. Как уже говорилось, оренбургский атаман содействовал формированию и вооружению башкирских и киргизских частей, снабжал башкир оружием и деньгами[1688]. Кстати, личный состав 1-го Башкирского полка в качестве отличительного знака имел на левом рукаве мусульманскую эмблему – синий щиток с белым полумесяцем[1689].

Впрочем, офицеры этих частей были в основном русскими (более жестко придерживаться этого принципа Дутов стал, по всей видимости, после измены Валидова). Боевые качества национальных частей оценивались современниками достаточно высоко. Показателем доверия Дутова было наличие у него личного киргизского конвоя, носившего особую форму – черкески, красные бешметы и меховые шапки с красным верхом[1690]. Специальным приказом оренбургский атаман, угрожая военно-полевым судом, требовал от казаков прекращения реквизиций скота и инвентаря у киргизов и гражданского населения вообще[1691]. Понимая важность религии в жизни населения, Дутов в своих приказах не забывал поздравить как православных, так и мусульман с их религиозными праздниками. Во время мусульманских праздников предписывалось освобождать солдат и казаков-мусульман от служебных обязанностей и улучшать им пищу[1692].

Дутов не препятствовал работе на подконтрольной ему

территории башкирского и киргизского правительств[1693], был открыт для сотрудничества во имя победы над большевизмом с любыми силами безотносительно национальности и вероисповедания. В 1917–1918 гг. он поддерживал автономию Башкурдистана. 15 ноября 1917 г. атаман сообщил башкирским лидерам А.-З. Валидову и Ш. Манатову: «Мы, казачие, так же будем управлять сами собой; конечно, и вы имеете полное право на такое управление»[1694]. В тот же день Центральным Башкирским шуро (советом) была провозглашена автономия Башкурдистана. В начале декабря 1917 г. в Оренбурге прошел Общекиргизский съезд. Тургайский уполномоченный С.К. Кадирбаев телеграфировал в адрес Войскового Круга в сентябре 1918 г.: «Шлю горячий привет дорогим соседям-казакам, от души желаю успеха во всех делах. Смею уверить, что киргизское население, помогавшее до сих пор материально, в скором времени активно выступит заодно с казачеством против бандитов-большевиков и их повелителей – немцев»[1695]. Таким образом, руководители башкир и киргизов долгое время работали рука об руку с Дутовым.

Уже говорилось об активной политике Дутова в отношении Туркестана и о его попытках установить контакты с басмачами. При этом позднейший конфликт Дутова с башкирским лидером А.-З. Валидовым, а затем переход к красным части башкир во главе с ним ни в коей мере нельзя считать ни проявлением каких бы то ни было антимусульманских настроений оренбургского атамана, ни провалом его национальной политики. По всей видимости, какое бы то ни было сотрудничество с социалистами, к которым относился и Валидов (причем в его случае на социалистическую ориентацию накладывалась и националистическая), после прихода к власти Колчака и попытки заговора против него и Дутова в Оренбурге с участием того же Валидова, было невозможно. Ошибка Дутова заключалась в том, что он вовремя не увидел и не предотвратил угрозу перехода башкирских войск к красным, а также не сумел пресечь тайные переговоры Валидова с большевиками, в ходе которых красные получали и оперативную информацию о положении белых. В то же время заговор не озлобил Дутова против башкир и киргизов, а повлек лишь *более* внимательное отношение с его стороны к этноконфессиональному вопросу.

Исключительное значение для характеристики национальной политики Дутова имеет его секретная «Записка о Башкирии, Киргизской степи и Оренбургском крае» от 26 мая 1919 г., адресованная министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву, незадолго до этого вступившему в должность. Записка была

опубликована ДА. Аманжоловой по машинописной копии (именно по этой причине публикатор не обнаружила прилагавшийся к подлиннику «Записки» доклад полковника И.М. Зайцева)[1696]. Мне удалось обнаружить подлинник этого документа, написанный рукой атамана, из чего можно сделать вывод, что записка была составлена им лично, а не помощниками. Небезынтересно, что подлинник и машинописные копии, изготовленные, судя по резолюции на документе, по поручению Пепеляева, несколько различаются по тексту. Кроме того, вместе с подлинником записки были найдены и другие важные документы, проливающие свет на национальную политику оренбургского атамана.

В своей «Записке» Дутов изложил основные принципы национальной политики, которые, по его мнению, способствовали бы укреплению авторитета центральной власти у башкир и киргизов. Разумеется, Дутов при составлении «Записки» учитывал и свои интересы как руководителя этого региона. «Записку» предваряет краткий исторический очерк региона, свидетельствующий о глубоком знании Дутовым прошлого родного края, однако, разумеется, наиболее интересна аналитическая часть документа. Оренбургский атаман считал, что «…с достаточной очевидностью вытекает непосредственная историческая связь Киргизской степи, Башкирии и Оренб[ургской] губ[ернии]. Разделять эти части невозможно без ущерба рус[ской] государственности»[1697]. По мнению Дутова, «с 1916 г. и поныне как Башкирия, так и Аллашорда (так в документе. – *А. Г.*) стремятся к сепаратизму и восстановлению своих ханств. Сам народ – башкиры и киргизы – темен и легко поддается агитации. Этим пользуются негосударственные элементы»[1698]. Далее Дутов совершенно справедливо писал о русофобии национальной интеллигенции и, демонстрируя незаурядное знание внутренней жизни киргизов, подробнейшим образом анализировал их современное состояние и отмечал, что «в степи нет партий и политики, там только борьба родов… «Разделяя – властвуй» как нельзя *более* подходит к девизу русской политики в степи и Башкирии и Туркестане»[1699]. При этом, по мнению оренбургского атамана, «все киргизские формирования воинских частей надо признать желательными только при условии формирования на русской территории в значительном удалении от степи, под руководством русских офицеров и при полном невмешательстве Аллаш-Орды в жизнь полков. Бывшие до сего времени формирования этого условия не придерживались, и мне пришлось разоружить оба полка. Кроме грабежа своего населения и помощи враждующим родам, ничего эти полки не

дали. Во всяком случае, нужно учесть, что мы ничем не ограждены от нанесения нам ударов со стороны инородцев и могут возникнуть большие неприятности»[1700].

Достаточно любопытны предложения Дутова по использованию в интересах России противоречий между башкирами и киргизами: «Башкиры и киргизы – скрытые враги. Киргизы не могут простить башкирам их передачу в русское] подданство в 1564 году и считают их виновниками появления русских в степи. Поэтому киргизы в XVIII, XVII (так в документе. – *А. Г.*) и XIX вв. всегда нападали на башкир, их убивали и грабили. Эта вражда осталась и доныне, и даже общая религия – ислам – не может сгладить этой розни. Это тоже небесполезно знать нам для упрочения русского начала. Потребности и запросы киргиз и башкир очень несложны, и их Правительству сравнительно легко удовлетворить. Одним из главных средств будет доставка в степи и Башкирию чая, до которого все большие охотники и который служит главным питанием. Киргизская степь не имеет почти телеграфа, почта не работает, города редки и очень малы, почему степь не может завязать прочных сношений с государством и знать о событиях и мероприятиях Верховной власти. Агитация правительственными органами не ведется, и потому слухи являются единственным средством осведомления. Мне кажется возможным использовать наиболее государственные элементы в деле агитации… Посылка таких лиц совершенно упрочит русскую государственность и в будущем даст большую денежную экономию, ибо предотвратит волнения и их последствия… Мне думается, что назначение киргиза управляющ[им] обл[астью] сейчас не совсем удобно и может только осложнить дело управления… Мероприятия, коими Всероссийское Правительство может привлечь киргиз и башкир на свою сторону, примерно таковы: улучшить продовольственный вопрос – гл[авным] обр[азом] дать в степь муку и чай, железо и хоть немного ситцу. Муки в степи нет совсем. Чай до 240 руб. фунт. Надо улучшить снабжение водой, устроить пруды, колодцы, орошение. Открыть почту и усилить телеграф, основать города или меновые дворы. Усилить школы. Выделить государственный] элемент и его наградить халатами, оружием, чинами и орденами, медалями, тогда мы будем иметь в степи надежных лиц, которые облегчат государственную задачу строительства России. Главное богатство кочевников – скот. В степи же нет ни одного ветеринарного врача, ни одного аптечного пункта и никаких мер к снабжению сеном на случай засухи не принимают власти. Этим путем мы можем себя укрепить навсегда»[1701]. «В конце Записки» с целью подчеркнуть собственную значимость Дутов не преминул отметить, что в

Туркестане под его руководством вел антибольшевистскую работу полковник И.М. Зайцев, хотя в действительности последний действовал вполне самостоятельно.

Интересное наблюдение о психологии киргизов сделал неизвестный офицер Волжского конного дивизиона корнета Б.К. Фортунатов: «Странная у киргиз психология. Они чтут и преклоняются только силе физической и богатству. То и другое по их понятиям неразлучно. Киргизин не может представить человека сильного бедным и богатым человека, но слабого. Стоит только перейти с ними на тон, не напоминающий о силе, как они становятся недоступными и упрямыми»[1702]. Безусловно, в своих решениях Дутов был вынужден учитывать психологию местного населения.

Известно несколько плакатов, выпущенных военно-административным управлением района Оренбургской армии осенью 1919 г. и касающихся положения мусульманского населения. В одном из них говорилось: «Инородцы всего Степного края – враги большевизма. Сыны степей бьются с ними на фронте. Помните о них и помогайте воинам-инородцам и их семьям, пострадавшим от предателей и насильников – большевиков»[1703]. Призыв другого гласил: «Оставить беднейших пострадавших от большевиков инородцев – киргиз, татар и башкир в степи без материальной помощи – преступление перед Россией! Помогайте им чем можете!!!»[1704]

Конечно, в условиях Гражданской войны предложенный Дутовым план развития киргизской степи представляется полуфантастическим, но в обстановке мирного времени он, как мне кажется, был бы единственно верным. Нельзя согласиться с утверждением о том, что «Записка» свидетельствует о великодержавном характере намерений Дутова[1705], документ говорит скорее о государственническом подходе атамана к национальной политике – единственно возможном с точки зрения не какого-либо отдельного народа, а всей страны в целом. Узконационалистические и антигосударственные взгляды казахских и башкирских националистов были мною описаны в разделе о приходе к власти адмирала А.В. Колчака.

В июне 1919 г. в канцелярии Главного начальника Южно-Уральского края был составлен доклад об организации бывшего Оренбургского генерал-губернаторства, автор которого полагал, что «туземное население… привыкло считать, что в годину бедствий, в годину испытаний оно всегда найдет поддержку от необъятной России, у которой всегда есть в Оренбурге мудрые и благожелательно к нему настроенные правители. Ввиду такой создавшейся исторической обстановки, необходимо, по-моему,

теперь же в годину неслыханных испытаний, ниспосланных как всей России вообще, так в особенности Туркестанскому краю, воссоздать управление Оренбургским краем на широких авторитетных основаниях, с тем чтобы эта власть снова способствовала возрождению нашей связи с оторванным Туркестанским краем, всеми мерами способствовала его скорейшему освобождению из-под гнета большевиков. С этой точки зрения, может быть, не только не следовало расформировывать особой Оренбургской армии, а наоборот – следовало бы ее, оборудовавши как следует со стороны технико-стратегической, усилить в должной мере для того, чтобы она свои освободительные действия могла повести с усиленной активностью и в направлении к Ташкенту»[1706]. Впрочем, Ставка, видимо, придерживалась иной точки зрения.

В начале мая 1919 г. Дутовым было составлено обращение к киргизскому народу:

«Сыны степей! Я, атаман Дутов, зная Вас, любя Вас, посылаю в степь одного из почитаемых Вами сынов Ваших Джан-Султан-Чуваковича-Сейдалина. Никто, как свой, не может понять Вас и знать Ваши нужды. Большевики разрушили все, что могли, и потому и Вам живется скверно. Нет у Вас ни хлеба, ни чая, ни сахара, ни ситца, ничего нет и купить не можете. Мало этого, Ваши табуны, Ваши верблюды и бараны и небольшое имущество – все это не в безопасности. Жестокий враг наш все хочет взять себе и ничего не дать. Нет закона и порядка у большевиков. Я знаю, что Вы тоже не любите большевиков. Я знаю Вас очень хорошо, братья киргизы. Когда я был у Вас в степи, Вы меня встречали, Вы меня уважали, и я помню это – вот почему я хочу помочь Вам, а для этого прошу моему представителю Сейдалину верить во всем, что он скажет, и сказать ему все нужды Ваши, дабы я мог помочь Вам и доложить обо всем Верховному Правителю. Вы живете далеко, о Вас иногда забывают, вот почему я хочу Вам дать возможность сказать свое слово. Я знаю, как в холодные зимы Вы теряете лошадей и баранов, я знаю, как гибнут Ваши табуны, когда нет травы и воды. Вам надо помочь так, чтобы все это устранить. Вам нужны колодцы, арыки, Вам нужны сенокосилки, грабли, Вам нужны железо, гвозди, машины и проч. Вам нужна почта и телеграф, Вам нужны ярмарки, где Вы могли бы купить все и продать, Вам нужны школы и газеты, чтобы знать, что делается везде, а не слушать одне сплетни и запугивания. Вам нужны лекарства, больницы, фельдшера и доктора как для людей, так и для Ваших табунов. Вам нужны мечети, где Вы могли поблагодарить или попросить Аллаха о Ваших нуждах и делах. Вас нужно уберечь от разбойников, Вас грабящих. Вам нужен свой

суд по обычаю предков и по Вашему Закону. Вам нужен хлеб и мука. Все это мне известно, и о Вас болит моя душа. Поэтому я и посылаю лицо Вам известное и происходящее от Вас же, скажите ему Ваши нужды и как Вам помочь, я буду стараться сделать это.

Голос народа – голос Аллаха, и он сам укажет путь Вашей помощи. Красивые слова – их лучше дело. Я жду от Вас этого дела и уверен, что Вы скажете дело. Не думайте, народы степей, что Вас забыли или что Вам не хотят помочь. Как видите, далеко не так. Я также хочу знать Ваш голос, Ваше согласие и Ваши указания – скажите их и они будут служить Всероссийскому Правительству указанием того, что для Вас нужно.

Шлю Вам свой привет, да хранит Аллах Вас и Ваши табуны»[1707].

При этом Дутов обоснованно не доверял киргизским лидерам. В своем письме Колчаку от 24 апреля 1919 г. он писал: «Агитация среди населения идет усиленным темпом, и я думаю, что будет своевременным вернуться к старой[1708] дислокации, т. е. опять занять казачьими гарнизонами (по сотне) Тургай, Иргиз и Кара-бутак. Этой мерой в значительной степени успокоится степь, и не будет у большевиков места для сбора. Только необходимо снабдить эти гарнизоны пулеметами, достаточными запасами патрон, муки, овса и др[угих] запасов продовольствия. Я позволяю себе об этом писать Вам потому, что хорошо знаю степь и их нравы. Подобная мера очень упрочит государственную власть русского народа и совершенно сведет к нулю все сепаратные попытки Алаш-Орды. Агентурным путем мною добыты сведения, что Алаш-Орда и, в частности, партия Букейханова[1709], вступили в какие-то тайные сношения с большевиками, и даже предполагался в мае м[еся]це съезд киргизских представителей в Оренбурге для провозглашения независимости Алаш-Орды. Теперь, ввиду боев под Оренбургом, конечно, съезд не состоится, но знаменателен сам факт, и он, хотя и слабо, похож на Башкирский вопрос. Смею Вас заверить, что весь киргизский народ, в своей массе, совершенно не думает о сепаратизме и независимости, а только небольшая кучка интеллигенции и честолюбцев – аксакалов желают власти, из-за личных, гл[авным] обр[азом] грабительских целей и потому вышеприведенные меры могут значительно успокоить все…»[1710]

Фраза Дутова относительно съезда киргизских представителей в Оренбурге свидетельствует о его осторожном отношении к политической активности башкир и киргизов. Такой подход имел основания – без контроля со стороны русской администрации башкирские лидеры начинали откровенную травлю русского населения. В частности, башкирское

правительство устранило на подконтрольной ему территории русскую милицию, что при чересполосном расселении русских и башкир делало условия существования русского населения крайне тяжелыми[1711]. Ни башкиры, ни киргизы до Гражданской войны не имели опыта государственного строительства, в связи с чем их стремление к самостоятельности в основном выливалось в сепаратизм и русофобию. Добавлю, что помимо башкирских и киргизских частей на подконтрольной Дутову территории шла работа по созданию и других национальных частей, в частности украинских, польских и югославянских[1712].

Не был присущ Дутову и антисемитизм, несмотря на значительную роль, которую играли евреи в рядах большевиков. Уже 22 ноября 1917 г. к Дутову явилась еврейская делегация, обеспокоенная возможностью погрома. Атаман заявил делегатам, что «погромное настроение, особенно по отношению к евреям, может повести к нежелательным последствиям»[1713].

По причине активного участия евреев в большевистском движении антисемитские настроения были чрезвычайно популярны в белом лагере. На 2-м чрезвычайном Войсковом Круге в Верхнеуральске депутат Русяев отметил исключительную роль евреев у большевиков и их стремление захватить власть[1714]. Убежденным антисемитом был один из крупных военачальников армии Дутова – генерал А.С. Бакич. Такие же воззрения разделял родственник и однокашник Дутова главнокомандующий армиями Восточного фронта Генерального штаба генерал-лейтенант К.В. Сахаров, который на генерала С.А. Щепихина «произвел впечатление совершенно ненормального человека»[1715].

Дутову, по всей видимости, немалых усилий стоило недопущение конфликтов на почве национальной розни. В связи с беспорядком, характерным для белого тыла, атаману приходилось разбираться с произволом местных властей, в том числе и в отношении евреев. В частности, в такого рода злоупотреблениях был обвинен начальник гарнизона города Кустаная Тургайской области штабс-капитан Коваленко. Кустанайский уезд входил в Оренбургский военный округ и Оренбургский край и, таким образом, подчинялся Дутову, являясь предметом постоянной головной боли оренбургского атамана как в связи с разного рода злоупотреблениями местной администрации, так и по причине пробольшевистских настроений местного населения. Коваленко отличился изданием приказа № 22 от 25 февраля 1919 г. по гарнизону города Кустаная, в котором указал, что «ввиду крайне осложнившегося квартирного вопроса признаю необходимым в 7-ми дневный срок выселить из города в уезд за 100 верст от железной дороги всех евреев и

военнообязанных без различия национальностей… Выселению не подлежат военнообязанные и евреи-врачи, фельдшера, служащие на электрической станции и служащие аптек и аптекарских магазинов»[1716].

Краснеть за распоряжение незадачливого обер-офицера пришлось Дутову, который телеграфировал в Омск 14 марта 1919 г.: «Коваленко мною не назначался, постановления о выселении евреев Кустаная я не делал, Коваленко будет смещен [с] должности, приказ передан [по] телеграфу. По должности нач[альника] края я никаких распоряжений не отдавал, ибо еще к исполнению только приступаю»[1717].

Нельзя не отметить и то, что сами еврейские общины Южного Урала старались содействовать Дутову. В частности, как ни парадоксально, но наиболее значительное пожертвование на восстановление сожженных большевиками в 1918 г. станиц Оренбургского казачьего войска в размере 100 000 руб. было сделано оренбургской еврейской общиной[1718]. Скорее всего, это было именно добровольным пожертвованием и едва ли могло иметь место какое-либо принуждение оренбургских евреев к этому шагу со стороны казачьей администрации – в противном случае об этом бы трубили все оппозиционные газеты. Товарищем городского головы Оренбурга при Дутове в 1918 г. был еврей по национальности Аронсон[1719]. Небезынтересно и то, что оренбургские казачьи части обслуживали в значительной степени врачи-евреи. Думается, это было едва ли возможно в том случае, если бы командующий армией был антисемитом. 1 декабря 1918 г. в 1-й женской гимназии Оренбурга состоялся вечер еврейской музыки и народных песен, организованный еврейским рабочим клубом, действовавшим в городе с конца года[1720].

На Южном Урале пропагандистскими органами белых не выпускались плакаты и листовки антисемитского содержания. Однако нужно отметить, что «еврейскую карту» активно разыгрывала пропаганда белых в Сибири, выпустившая множество антибольшевистских плакатов антисемитской направленности. Не исключено, что подобный материал, обращенный к низменным чувствам населения, попадал и на Южный Урал.

Вовлекая в антибольшевистское движение представителей национальных меньшинств, Дутов исходил из сугубо государственнической точки зрения, стараясь привлечь в ряды своих сторонников максимально широкие слои населения. Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о достаточно продуманной и взвешенной политике Дутова в этноконфессиональном вопросе.

Правоохранительная политика Дутова и террор

Дутову, как и другим облеченным властью людям, неизбежно приходилось сталкиваться с необходимостью осуществления собственной правоохранительной политики, а в условиях войны еще и карательных мероприятий. Сложность заключалась в том, что, несмотря на многочисленные приказы, регламентировавшие эту сферу, механизмы, позволявшие реально проконтролировать их надлежащее исполнение на местах, практически отсутствовали.

Уже 23 ноября 1917 г. Дутов издал приказ о недопустимости самосудов, в котором было отмечено, что «в Войсковое правительство поступили сведения и документы, свидетельствующие, что некоторые поселковые общества казачьего войска выносят смертные приговоры лицам, подозревающимся или уличенным в грабежах, кражах и т. п. преступлениях, некоторые из таких приговоров уже приведены в исполнение. Это явление глубоко безнравственного и антигосударственного характера, оно в корне должно пресекаться самым энергичным образом со стороны войсковых учреждений и должностных лиц. Войсковое правительство… решило, не останавливаясь ни перед какими суровыми мерами воздействия, раз и навсегда искоренить позорную и антигосударственную политику поселковых обществ в изыскании способов наказания преступников посредством составления смертных приговоров»[1721]. Однако на практике самосуды продолжались и после этого приказа.

По возвращении Дутова в Оренбург население города было уведомлено о том, что «никакие погромы – ни на религиозной, ни на национальной, ни на классовой почве – допущены не будут. Всякие насилия над личностью и имуществом граждан будут пресекаться в корне и караться самым беспощадным образом. Призываю граждан г. Оренбурга к спокойствию и доверию, а со смутьянами, распространяющими ложные слухи, будет поступлено по всей строгости закона»[1722]. Новая администрация требовала осуществлять реквизиции только в установленном законом порядке[1723].

С осени 1917 г. на территории войска стал функционировать мировой суд, станичные суды были упразднены. Летом 1918 г. на подконтрольной Дутову территории Оренбургского военного округа была восстановлена милиция, существовавшая при

Временном правительстве. Вскоре по освобождении Оренбурга от красных Дутов писал в приказе по Оренбургскому военному округу: «Подтверждаю мое категорическое требование о том, чтобы не было никаких самочинных обысков и арестов, а также захвата чужого имущества. Виновные будут привлекаться к ответственности по законам военного времени»[1724].

При штабе обороны Оренбургского казачьего войска существовал отдел охраны войск, выполнявший и милицейские функции, однако стремление Дутова к самостоятельности привело к созданию особой войсковой милиции, получившей позднее название областной военной милиции (приказ Войскового атамана Оренбургского казачьего войска № 34 от 26 августа 1918 г.). Фактически некоторое время сосуществовали войсковая и военная милиции, первая – в ведении Войскового правительства, а вторая – в ведении областного уполномоченного Комуча[1725]. К работе в милиции активно привлекалось местное, в том числе нерусское, население. Вернулись на службу и некоторые работники милиции, существовавшей при Временном правительстве.

К октябрю 1918 г. были разработаны штаты милиции, помощник начальника областной милиции П.С. Архипов составил «Учреждение областной милиции» и инструкцию для младших милиционеров[1726]. Все служащие войсковой милиции считались мобилизованными на действительную военную службу. Существовали отряды конной и пешей милиции, причем конная комплектовалась только казаками. Существовала и войсковая железнодорожная милиция. На местах работали участковые начальники, начальники городской и уездной милиции. Областную войсковую и военную милицию возглавляли капитан (позднее – полковник) А.М. Булгаков (видный деятель антибольшевистского повстанческого движения в низовых станицах Оренбургского казачьего войска), а с 15 сентября 1918 г. есаул (позднее – полковник) В.Н. Литвинов. При управлении милиции существовали уголовный (с 1 октября 1918 г. – Оренбургское областное уголовное бюро) и политический отделы.

При уголовном бюро предполагалось оборудовать судебную фотографию, сформировать картотеку преступников, открыть фотографический и уголовно-сыскной музеи, оборудовать цейхгауз для переодеваний и гримировки агентов. Офицеры, служившие в милиции, носили положенную им форму (армейскую или казачью), для классных чинов милиции было установлено защитное обмундирование, погоны из белого галуна на синем сукне с синими просветами, синий узкий кант по наружному продольному шву брюк. Погоны нижних чинов

милиции были синими с нанесенной на них трафаретной шифровкой «В.М.». Милиционеры обшивали воротники рубах в два ряда, грудь в один ряд (старшие милиционеры – галуном, младшие – синим кантом), помещали на ней газыри для патронов. Впрочем, организованная Дутовым милиция не была признана омским правительством[1727]. По мнению представителя войска в Омске Н.С. Анисимова, «совершенно не желающая считаться с исключительностью обстановки Министерская власть разрушала все, что с таким трудом создавалось, не давая взамен решительно ничего»[1728].

В своих действиях милиция руководствовалась законами Временного правительства и дореволюционным законодательством, но постепенно ряд деяний, ранее предусмотренных Уложением о наказаниях, был изъят из общей подсудности и обращен к административному разрешению (возможности выплатить штраф). В связи с эвакуацией судебных учреждений из Оренбурга осенью 1918 г. судопроизводство в городе прекратилось, в городе участились кражи со взломом.

Небезынтересен характер и количество наиболее распространенных преступлений. К сожалению, статистические данные (количество уличенных преступников) на этот счет по состоянию на январь 1919 г. имеются только по Верхнеуральскому, Троицкому и Челябинскому уездам Оренбургской губернии, не подчинявшимся Дутову в административном отношении[1729] (см. табл. 10).

Таблица 10

Преступление	Уезды		
	Верхнеуральский	Троицкий	Челябинский
Большевизм	206	—	—
Убийства	—	—	102
Кражи	49	676	—
Преступление	Уезды		
	Верхнеуральский	Троицкий	Челябинский
Хулиганство	—	83	935
Тайное изготовление опьяняющих средств	50	215	929
Спекуляция	—	—	427
Оскорбления должностных лиц	53	—	—
Самовольная порубка леса	—	—	139
Прочие	281	—	—

Как видно из таблицы, несмотря на очевидную неполноту данных, наиболее высоким уровень раскрываемости

преступлений, как, вероятно, и уровень самой преступности, был в Челябинском уезде, что, по всей видимости, объясняется наличием здесь важной железнодорожной магистрали и существенно большей политической и экономической значимостью этого района в сравнении с находившимися на периферии Верхнеуральским и Троицким уездами. Показательно и то, что большой размах получили хулиганство и самогоноварение.

Приоритетной задачей милиции была борьба с дезертирством и спекуляцией. В отношении последней Дутов пошел на постепенное ужесточение наказания – штраф в 1000 руб. был увеличен в три раза, а когда и это не дало результата, за спекуляцию 26 октября 1918 г. был установлен расстрел без суда и следствия по докладу обстоятельств дела самому атаману. В моем распоряжении нет сведений о том, насколько активно эта мера применялась на практике. В одном из приказов Дутов отмечал, что «спекуляция в городе Оренбурге все увеличивается. Обычные способы борьбы не оказывают действия. Входя в интересы беднейшего класса населения, я принужден принять суровые меры, почему объявляю всех спекулянтов, без различия класса, состояния и пола, вне закона, как предателей Родины, забывших честь, совесть и свой долг перед отечеством в его страдные дни. Все задержанные спекулянты подлежат без суда и следствия расстрелу по докладу мне всех обстоятельств дел. Исполнение этого приказа возлагаю на Главного Начальника Оренбургского Военного Округа»[1730]. В ноябре борьба со спекуляцией и самогоноварением в прифронтовой полосе была передана в ведение командующих группами войск. Последнее (впрочем, вне прифронтовой полосы) каралось довольно слабо (15 суток ареста)[1731], очевидно, в связи с повсеместным распространением этого преступления. Милиция также занималась надзором за санитарным состоянием магазинов и трактиров, цензурой фильмов, начальник милиции выдавал разрешения на проведение собраний и митингов. Годовой расход на милицию, по данным 1918 г., составлял 7 миллионов руб.[1732]

В отношении цензуры Дутов в октябре 1918 г. просил представителей оппозиционной печати оградить Войсковое правительство от фельетонов и высмеивать лишь его самого[1733]. В целом при Дутове, несмотря на некоторые ограничения военного времени (в отношении непечатания наименований конкретных воинских частей и соединений, а также оперативной информации), соблюдалась свобода печати, существовала независимая пресса.

Профессиональная подготовка сотрудников милиции на

территории Оренбургского казачьего войска оставляла желать лучшего. По мнению губернского уполномоченного Комуча П.В. Богдановича, милиция обнаружила «полное незнакомство с[о] своими правами и обязанностями и отсутствие служебного такта»[1734]. Так, в середине июля 1918 г. начальник областной милиции приказал арестовать на трое суток члена Оренбургской Городской Управы Крангачева во время служебных занятий последнего, т. к. он не явился в кабинет начальника милиции по первому требованию. Лишь вмешательство городского головы предотвратило арест. В конце июля во время представления в городском театре начальник милиции потребовал освободить ложу театрального комитета от членов городского самоуправления, утверждая, что это атаманская ложа, которую должен занять Генерального штаба полковник Н.А. Поляков. Ложа была очищена – городскому голове и двум членам управы пришлось пересесть. В начале 1919 г. при отступлении казачьих частей в глубь войска милиция отличилась грабежами и бесчинствами в некоторых станицах и поселках, причем ее деятельность стала предметом разбирательства на Войсковом Круге[1735].

Компетентность отдельных служащих милиции вызывала уныние. Известен случай, когда большевистским подпольщикам в Троицке без особых усилий удалось ввести в заблуждение следствие, инсценировав самоубийство поручика местной милиции, вышедшего на след подпольщиков и на самом деле ликвидированного ими самими[1736]. Добавлю, что на службу в милицию попали и некоторые сторонники красных[1737], которые своими действиями могли пытаться преднамеренно дискредитировать власть Дутова.

Милиции было мало. По этой причине в поездах была плохо поставлена проверка документов, и рабочие Ташкентской железной дороги летом – осенью 1918 г. имели возможность связываться с красными на Ташкентском фронте через поездную прислугу[1738]. Кроме того, из-за отсутствия милиции наведением порядка в тылу вынуждены были заниматься военные. Уже в середине марта 1919 г. Дутов приказал при каждом корпусе и дивизии сформировать отряд особого назначения для водворения порядка в тылу[1739].

Фактически же сельское население было предоставлено само себе. «Безобразничают, озорничают не приведи Бог как! Прямо большевики готовые… И ждут их, вот тебе крест!» – заявила генералу С.А. Щепихину хозяйка постоялого двора, рассказывая о местных жителях[1740].

Дутов стремился распространить деятельность особой

войсковой милиции и на Тургайскую область, что повлекло значительные сложности, связанные с не вполне ясным положением этой области в административном отношении. С одной стороны, область была включена в Оренбургский военный округ, который сначала непосредственно, а затем через помощников был подчинен Дутову. С другой стороны, в Тургайской области существовала своя гражданская администрация в лице областного комиссара, а позднее управляющего областью А.В. Матвеева. Кустанайский уезд помимо этих двух властей в начале 1919 г. подчинялся также приказам командующего Западной армией генерал-лейтенанта М.В. Ханжина. Серьезный конфликт по поводу административного подчинения этого региона возник уже в ноябре 1918 г., когда Дутов попытался заменить созданную Матвеевым в Тургайской области милицию своей. Противоборство длилось *до* марта 1919 г. и закончилось подчинением тургайской милиции руководству Оренбургского военного округа на театре военных действий[1741]. Налицо был хаос в управлении областью, что стало одной из причин серьезных антиправительственных выступлений населения в районе Кустаная в 1919 г.

В связи с беспорядками в Кустанайском уезде Дутов писал Верховному Правителю адмиралу А.В. Колчаку 24 апреля 1919 г.: «По приезде в Троицк я очень внимательно занялся Кустанайским уездом. Мятеж в общем подавлен, но далеко еще не кончен. Много дезертиров и хулиганов ускользнуло на юг, а главное – убежали их руководители [А.] Жиляев и [Л.И.] Таран. По агентурным данным, у них вновь набирается шайка, и им прислали пулеметы и оружия из Челкара, Казалинска и даже Ташкента. В настоящее время большевики скапливаются в Аксуате, что на вновь строящейся Сиб[ирской] жел[езной] дор[оге] Орск – Атбасар. Есть сведения, что Тургай, Иргиз, Кара-Бутак и станция Челкар служат притоном большевических (так в документе. – *А. Г.*) организаций. У меня все на фронте и далеко под Оренбургом, выделить что-либо в степи я сейчас не могу. Мною послано в Аксуат баталион пластунов и в г. Кустанае и его окрестностях стоят небольшие карательные партии, но их очень мало. Я оставил в Кустанае учебную команду полка Сахарова, и там больше ничего нет. 4-я кадровая бригада, находящаяся в Кустанае, должна быть оттуда выведена в Челябинск, ибо иначе она не может заниматься обучением вновь призванных и нельзя собрать мобилизованных, ибо они поглотят небольшой кадр и повторится Кустанайское восстание. В то же время настоятельно необходимо иметь пехотный гарнизон в Кустанае с пулеметами.

Отряды из корпуса Каппеля ушли обратно, и теперь нет сил. Я обращался в Ставку с просьбой поставить в Кустанае батальон пехоты, но мне отказали, почему я считаю долгом предупредить Ваше Высокопревосходительство о могущих быть недоразумениях… Гор[ода] Троицк и Кустанай совершенно не надежны в политическом отношении, здесь до прихода моего со штабом была преступная распущенность власти. Даже присылаемых из станиц большевиков следственные] комиссии немедленно освобождали. Городские думы ниже всякой критики. Теперь штаб мой ушел из Троицка и опять повторится прежнее. Власть местная всецело заодно с купечеством, оно гл[авным] образом] татарское, покровительствует ему и отсюда озлобление низов и рабочего класса. В эти города надо дать твердые воинские части и решительных администраторов. Как пример здешних судебных властей – приведу пример. Пользуясь мои[м] пребыванием в Омске, выпустили из тюрьмы Каргина, бывшего атамана 1-го округа, разложившего округ и казачьи части, следствием чего и были неудачи на Оренб[ургском] фронте. Этот же Каргин агитировал против Вас, как Правителя, а против меня, как атамана. Каргин участник заговора башкир, совместно с Валидовым и полк[овником] Махиным 5 декабря 1918 г. Я арестовал этого господина, и в мое отсутствие выпустили. Я как приехал, так вновь арестовал и, не надеясь на суд Троицка, отправил его в Ставку. При таких обстоятельствах работать трудно. Комкоры моей армии доносят, что большевики разбегаются по деревням с некоторым запасом оружия для поднятия в будущем восстаний в тылу при удалении армии. Мною приняты меры – посланы по всем деревням района армии отряды для сбора оружия, вылавливания большевиков и расстрела тех, у кого будет найдено оружие и боевое снаряжение…»[1742]

Оренбургского атамана серьезно беспокоили правопорядок и законность на вверенной ему территории. В письме Колчаку от 24 апреля 1919 г. он отметил, что «…суда в деревне нет… Суды и следователи работают из рук вон плохо, 60 % судейских служили и при большевиках, а до деревни суд совсем недоступен»[1743]. Высказывание Дутова справедливо – многие служащие действительно служили, что называется, при всех режимах[1744]. Есть данные о проникновении в следственные органы сторонников большевиков[1745]. Произвол коснулся и самого оренбургского атамана, на квартире которого в Оренбурге в июле 1918 г. был произведен обыск[1746].

Слабость правоохранительных органов влекла за собой не только беспорядки и рост преступности на местах, но и

вынуждала население самостоятельно изыскивать способы наведения порядка на своей территории. Так, на станичном сходе станицы Урлядинской 7 июля 1919 г. было постановлено, что «нельзя дожидаться, когда все дураки образумятся и вся сволочь засовестится. Мы всеми силами поможем поддержать в будущем предначертанные Вами (адмиралом Колчаком. – *А. Г.*) порядок и законность, ибо, наученные горьким опытом гражданской войны, не устыдимся *более* ложного прозвища «нагаечники»[1747]. Впрочем, этот документ не был проявлением правоохранительной политики Дутова, а лишь явился результатом ее слабости.

Местное население по-разному относилось к белым. По мнению генерал-майора К.Я. Гоппера, «крестьянское население Оренбургской и Уфимской губ. к западу от реки Ик, где чередуются села и деревни башкирские, русские, малорусские и казачьи, в большей своей части было пассивно, за исключением некоторых русских деревень, открыто сочувствовавших большевикам. По мере удаления к юго-востоку, в богатой долине реки Сакмары и в плодородных степях между реками Сакмарой и Уралом, большевизма уже почти не было заметно, но еще южнее, на границе с Киргизией, т. е. между Орском и Актюбинском, снова встречались села, давшие много добровольцев красной армии; в одном селе был даже священник, не скрывавший своих симпатий к большевизму»[1748].

При этом красные на Урале вели беспощадный террор против целых сословий, в числе которых, прежде всего, были казачество и духовенство. Только в 1918 г. в Оренбургской епархии было убито 15 священников, пострадало в общей сложности не менее 60[1749]. К ноябрю 1918 г. в Оренбургском казачьем войске было сожжено 14 станиц, уничтожено 4110 дворов[1750], точные данные о количестве разграбленного и испорченного имущества, сожженного хлеба, угнанного скота неизвестны. В некоторых станицах, например в Донецкой, красные весной 1918 г. уничтожали всех, кто попадался под руку, не щадя даже женщин и стариков, всего было убито около 50 человек, сожжены дома и церковь[1751].

Небезынтересно, что уже в апреле 1919 г. Дутов получил из Омска телеграмму с текстом печально известного циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. о терроре против казачества. Текст этого документа был опубликован в приказе начальника штаба Верховного главнокомандующего № 334 от 17 апреля 1919 г. и вслед за этим получил самое широкое распространение в белой печати, что явно способствовало дискредитации советских порядков[1752]. Независимо от этого документа в отношении казаков со стороны красных имели место

невероятные зверства, часть сведений о которых с указанием конкретных имен и населенных пунктов, где подобные случаи имели место (что позволяет с доверием отнестись к такой информации), публиковалась в антибольшевистской прессе[1753]. Кроме того, Дутов располагал соответствующими фактами по линии военной разведки, в том числе и агентурной (например, было достоверно известно, что в Актюбинске красные летом 1918 г. расстреливали по 10–12 человек за ночь[1754]). Подробности происходившего в данном очерке излишни. Важно лишь то, что эти факты не могли не повлиять на отношение Дутова к собственной правоохранительной политике.

В отечественной исторической науке исследователи и публицисты, основываясь на вырванных из контекста, тенденциозно подобранных, непроверенных фактах и предположениях, традиционно изображают режим Дутова как царство террора[1755]. Первые подобные оценки появились сразу после Гражданской войны. Один из авторов уже в 1920-е гг. писал, что якобы при Дутове «грабежи, убийства в городе (Оренбурге. – *А. Г.*) стали обычными. Выпущенные из тюрем уголовники работали как никогда, Дутов особенно решительных мер к восстановлению порядка и спокойствия не принимал. Он сам боялся за свою жизнь: ездил всегда окруженный плотным кольцом бородачей-казаков. Боясь отравы, он всегда опасливо ел, ел только после того, как с этого же блюда ели угощающие… Пристрастный издавна к алкоголю, Дутов в это время пил все больше, последние дни своего владычества он никогда не расставался с флягой водки»[1756]. Для большевиков важно было максимально очернить своего противника, тем *более* что события Гражданской войны в 1920-е гг. еще были свежи в памяти населения и вполне могли повториться.

Странно то, что эта тенденция сохранилась и в постсоветской историографии. Для изобличения «зверств» Дутова, как ни парадоксально, до сих пор используются пропагандистские материалы его противников. Похоже, некоторые авторы вообще не ставят перед собой задачу непредвзято разобраться в том, что на самом деле происходило в рассматриваемый период. Л.И. Футорянский, не приводя ссылки, утверждает, что в Оренбурге при Дутове был расстрелян каждый сотый житель, а террор носил массовый характер[1757]. Столь серьезное заявление нуждается в безусловной аргументации и никак не может быть принято на веру. ПА. Голуб, со ссылкой на меньшевистскую газету «Голос рабочего», пишет о переполненности оренбургской тюрьмы, в которой заключенные содержались в ужасных условиях[1758]. Таким образом, очевидно, что даже наиболее предвзятые авторы не

смогли указать заслуживающих внимания фактов террора при Дутове.

В работе А.Л. Литвина, считающейся основополагающей по проблеме террора в Гражданской войне, говорится, что 4 августа 1918 г. Дутов установил смертную казнь за сопротивление власти и уклонение от военной службы. 3 апреля 1919 г. был издан приказ о взятии заложников и расстрелах за неблагонадежность[1759]. Литвин пишет: «В воспоминаниях тех, кто пережил годы Гражданской войны, особенно недобрую память оставили отряды разных атаманов, предпочитавших действовать от имени регулярных армий»[1760]. Далее в *одном* ряду перечислены имена Б.В. Анненкова, Г.М. Семенова, А.И. Дутова, И.П. Калмыкова (причем с неверно указанным отчеством. – *А. Г.*), И.Н. Красильникова. По мнению Литвина, репрессивные приказы Дутова не отличались мягкостью[1761]. Во втором издании книги приведены все те же сведения о двух приказах с констатацией факта жестокости Дутова. Подобный подход нельзя считать сколько-нибудь серьезным.

Но что же достоверно известно о «терроре» Дутова?! Не секрет, что 1917 год и последовавшая Гражданская война породили резкий рост преступности, повлекли колоссальное падение нравов. Наведение порядка в новых условиях требовало от власти новых – *более* жестких и решительных действий. Как показал ход событий, руководители антибольшевистских правительств, в отличие от большевистской верхушки, не смогли правильно оценить всю серьезность вызова времени. Однако и суровые приказы белого командования не были панацеей без возможности реализовать их на практике.

21 сентября 1918 г. в Самаре был издан приказ по военному ведомству Комуча № 97 об учреждении военно-полевых судов в гарнизонах местностей, находящихся на военном положении. Военно-полевые суды создавались для ускорения судопроизводства. Предусматривалась смертная казнь за дезертирство, агитацию против отбывания воинской повинности, умышленные поджоги или потопления, грабежи, изнасилования[1762]. В Оренбурге военно-полевой суд работал с июля 1918 г. Председателем оренбургского военно-полевого суда первоначально являлся полковник Буш. В своей работе суд руководствовался в основном прежним военным законодательством (Свод военных постановлений 1869 г.). Уже 25 июля 1918 г. было предписано сообщать в газетах *обо* всех лицах, оправданных судом[1763].

Сам Дутов отмечал, что в июле 1918 г. по его приказу за отказ выступить против большевиков было расстреляно 200

казаков и за неисполнение приказа один офицер. «Это очень тяжело, но в создавшихся условиях неизбежно», – отмечал Дутов[1764]. Следует подчеркнуть, что оренбургский атаман считал необходимым применять такие методы воздействия лишь в крайнем случае. «Подписывая смертельный приговор, – заявлял он летом 1918 г., – я думаю, что я подписываю необходимый деловой приговор. Крутые решительные меры необходимы, и только ими можно насадить народовластие»[1765].

Приказом № 2 от 4 июля (21 июня) 1918 г. по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области вводилась смертная казнь за большинство серьезных преступлений – за убийство, разбой, нападение на должностных лиц и военных, «за активное участие в шайке, именующей себя большевиками и составленной преимущественно лицами не русского происхождения, приехавшими из Германии для уничтожения Российского Государства, а также для совершения тяжких преступлений: разбоя, убийства, грабежа, кощунства, похищения святынь, святотатства, без различия вероисповедания и захвата чужого имущества, виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни»[1766], такое же наказание предусматривалось за укрывательство комиссаров и красноармейцев и «лиц, выступивших с оружием в руках против войск, боровшихся за созыв УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ (так в документе. – *А. Г.*)»[1767]. Приказ был подготовлен и подписан еще предшественниками Дутова – временно исполнявшим должность Войскового атамана К.Л. Каргиным и уполномоченным Комуча по Оренбургской губернии П.В. Богдановичем. Впрочем, Дутов позднее разъяснил, что смертная казнь за укрывательство должна применяться лишь к лицам, укрывавшим «наиболее важных комиссаров»[1768].

Уже упоминалось, что в августе 1918 г. Комучем были отменены приказы по войску № 2 и 21 (от 4 августа 1918 г.), регламентировавшие применение смертной казни. Военно-судебные учреждения Оренбургского военного округа должны были руководствоваться приказом № 31 от 14 августа 1918 г. по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области, по которому военно-полевому суду предавались лица, обвинявшиеся в подстрекательстве, шпионаже, диверсиях, участии в скопищах, нападении на часового, убийстве, разбое, насилии, хранении неохотничьего огнестрельного оружия и взрывчатых веществ без разрешения. Приказ распространялся на преступления, совершенные с 18 января 1918 г.[1769] – со дня захвата Оренбурга красными.

В своей работе суд также руководствовался приказом по

Оренбургскому казачьему войску № 75 от 18 августа 1918 г., согласно которому за антиправительственные речи и сочинения и их публичное произнесение полагалась ссылка на поселение, за антиправительственную агитацию в войсках – каторжные работы, а за составление антиправительственных речей – заключение в крепость на срок до трех лет[1770]. Любопытно определение, кого следовало относить к большевикам и их пособникам – лиц, служивших в РККА или Красной гвардии на строевых должностях, на должностях комиссаров (кроме выборных), лиц, занимавших ответственные посты в военных и карательных учреждениях большевиков, доносчиков, если их доносы послужили причиной ареста или гибели кого-либо, участников большевистских обысков и арестов, а также всех, кто добровольно боролся в рядах красных с оружием в руках[1771].

Интересна практика военно-полевого суда, работавшего в Оренбурге под председательством полковника В.Ф. Кретчмера. К примеру, за первый побег со службы младший унтер-офицер 18-го Оренбургского стрелкового полка К. Болотский был приговорен к месяцу тюремного заключения с потерей некоторых прав и преимуществ по службе[1772]. За опоздание на службу по мобилизации на срок до 24 дней полагалось от одного до двух месяцев тюрьмы, за опоздание на больший срок полагалась смертная казнь. Так, 22 ноября к лишению всех прав состояния и смертной казни за 25-дневное опоздание на службу по мобилизации был приговорен младший фейерверкер мортирной батареи 5-й стрелковой артиллерийской бригады П.П. Марков, 30 лет. Приговор утвержден главным начальником Оренбургского военного округа Генерального штаба генерал-майором И.Г. Акулининым[1773]. Однако, «принимая во внимание его, подсудимого, чистосердечное сознание, добровольную явку и тяжелое семейное положение по уборке хлеба, а также письменное заявление командующего мортирной батареей 5-й стрелковой артиллерийской бригады суд… ОПРЕДЕЛЯЕТ: ходатайствовать перед командующим Войсками заменить подсудимому Петру Маркову назначенное ему наказание содержанием в тюрьме Военного ведомства сроком на ЧЕТЫРЕ месяца с лишением унтер-офицерского звания и с потерей некоторых прав и преимуществ по службе»[1774]. Налицо известная мягкость приговора.

Бывало, что приговоры военно-полевого суда смягчались войсковым начальством. К примеру, в июле 1918 г. временно командовавший в отсутствие Дутова войсками Оренбургского военного округа Генерального штаба полковник И.Г. Акулинин смягчил приговор прапорщику Б. Мартынову, заменив лишение

всех прав состояния и смертную казнь разжалованием в рядовые и отправкой «в распоряжение генерала Ханжина[1775] с назначением на один из наиболее опасных фронтов, где бы он кровью мог смыть свой позор»[1776]. Смертный приговор активному сторонику большевиков есаулу И.А. Юдину был также смягчен. Юдин был разжалован в рядовые и приговорен к заключению в крепости, на повестку Войскового Круга Дутовым было вынесено предложение о лишении его казачьего звания[1777]. Оренбургским командованием практиковалось не только смягчение приговоров, но и полное освобождение заключенных, если это диктовалось государственными интересами. Так, по просьбе башкирского политика С. Мрясова войсковой администрацией были освобождены из тюрьмы башкиры, арестованные по обвинению в большевизме[1778].

Приведу для примера приговоры в отношении казаков. Казак пулеметной команды 19-го Оренбургского казачьего полка И.С. Челпаченков, признанный виновным «в неисполнении приказания начальника по нерадению и [в] самовольном отсутствии от команды, неоднократно замеченном пьянстве и неисправимо дурном поведении», приговорен к одиночному заключению в тюрьме Военного ведомства на два месяца, замененному четырехмесячным заключением в гражданской тюрьме[1779]. За брань в ответ на замечание унтер-офицеров один из нижних чинов приговорен к отправке в дисциплинарную часть на один год[1780]. Достаточно частыми были оправдательные приговоры, но есть материалы и о приведении в исполнение смертных приговоров, причем смертной казни подвергались и казаки[1781]. В ноябре 1918 г. за дезертирство, кражу и промотание казенных вещей прямо на Форштадтской площади Оренбурга был расстрелян рядовой Оренбургского добровольческого имени атамана Дутова полка А. Вейс[1782]. Там же за убийство офицера своего полка был расстрелян прапорщик Беденко[1783].

За осень 1918 г. в Оренбурге было приведено в исполнение немногим более ста смертных приговоров – что в условиях Гражданской войны нельзя считать значительной цифрой. Сохранилась статистика деятельности военно-полевого суда при штабе Оренбургского казачьего войска за осень – начало зимы 1918 г., которую считаю необходимым опубликовать во избежание дальнейших спекуляций относительно «террористического» режима Дутова. Для удобства восприятия данные объединены в таблицу 11[1784].

Таблица 11

Период	Поступило		Рассмотрено		Приговорено					Оправдано
	дел	чел.	дел	чел.	к смертной казни	к каторжным работам	к тюремному заключению	к телесным наказаниям	на фронт	
09.1918[1]	205	291	77	94	37	—	13	3	1	27
10.09—01.10.1918	17	20	22	33	11	8	—	—	—	3
01—15.10.1918	20	21	16	43	20	6	3	—	—	14
16—31.10.1918	35	46	37	64	28	5	13	—	—	18
01—16.11.1918	9	25	22	27	8	1	4	—	2	9
17.11—01.12.1918	2	3	18	33	8	4	7	—	1	3[2]
01—12.12.1918	6	11	10	12	4	2	4[3]	—	—	—
Итого	294	417	202	306	116	26	44	3	4	74

[1] Возможно, речь идет о статистике до 10.09.1918 г.

[2] Кроме того, к выселению приговорено 8 человек и к работам – 1 человек.

[3] Кроме того, 1 человек приговорен к выселению.

Из таблицы следует, что за три с лишним месяца в Оренбурге в жесточайших условиях Гражданской войны было вынесено только 116 смертных приговоров, всего же Дутов с июля 1918 г. находился в Оренбурге менее 7 месяцев, вряд ли в те месяцы, за которые статистика отсутствует, количество смертных приговоров было существенно большим. По некоторым данным, из числа заключенных Оренбургской губернской тюрьмы было расстреляно 177 человек[1785]. Таким образом, при населении Оренбурга в 1918 г. в 155 000 человек[1786] едва ли справедливо заявление Л.И. Футорянского о расстреле каждого сотого жителя. Также из таблицы видно, что военно-полевой суд не справлялся с потоком поступавших дел, отсюда и перезаполненность оренбургской тюрьмы, о которой пишут некоторые авторы. Вместе с этим бросается в глаза и немалое количество оправдательных приговоров.

Белое правосудие в целом старалось действовать в рамках существовавших законов. Показательно, что Генштаба полковник И.Г. Акулинин на прошении жены приговоренного к смертной казни за службу у красных рабочего П.Т. Горшкова – А.Е. Горшковой о смягчении приговора как якобы насильно мобилизованному 7 сентября 1918 г. наложил резолюцию: «Будет поступлено по закону»[1787].

Статистическими данными о внесудебных расправах я не располагаю, хотя, скорее всего, они имели место как на фронте, так и в тылу[1788]. Подобные расправы, как и самосуды, не имеют

непосредственного отношения к правоохранительной политике Дутова, – едва ли сам атаман мог одобрять такие действия некоторых своих подчиненных, однако в результате ожесточения, вызванного большевистским произволом, эти случаи становились неизбежными.

По мнению поручика Л. Бобрикова, «атаман Дутов, с которым мы также соприкасались, был сторонником крутых и репрессивных мер. Иногда нашему отряду приходилось соприкасаться с казачьими отрядами атамана Дутова и видеть, как действуют казаки; приходилось нашему отряду быть также в подчинении у казачьих атаманов. Это знакомство с казаками так подействовало на нас, что и мы стали применять шомпола и даже расстрелы, правда, в редких и исключительных случаях. Крестьяне жаловались главнокомандующему Народной армией, генералу Болдыреву[1789], и он запрашивал начальника нашего отряда по поводу его действий, на что тот ответил, что исполнял приказания казачьего начальства»[1790]. Таким образом ответственность за любой произвол перекидывалась на казаков, и в итоге подчас совершенно необоснованно как у населения, так и у военного руководства складывался их отрицательный образ.

Однако даже при подавлении антиправительственных выступлений власти старались соблюдать установленный порядок судопроизводства. В частности, 1 апреля 1919 г. военно-полевой суд при штабе I Оренбургского казачьего корпуса рассмотрел дело о 74 крестьянах, захваченных с оружием в руках при оказании сопротивления правительственным войскам. Из числа задержанных расстреляно было лишь 11 человек. 24 человека получили различные сроки (от 12 до 20 лет) ссылки в каторжные работы. Остальные 39 человек были оправданы[1791]. Как видно, приговор, учитывая обстоятельства, не только не был суров, но задержанных даже распределили по категориям с учетом степени вины каждого.

3 апреля 1919 г. датируется приказ Дутова о взятии заложников в неблагонадежных в политическом смысле населенных пунктах. По всей видимости, перед своим отъездом в Омск атаман закручивал гайки. Предписывалось брать заложников «из кандидатов в будущие комитеты бедноты и [в] комиссары, в числе от десяти до пятидесяти человек, в зависимости от величины поселка. Заложников этих под конвоем направлять в г. Троицк, в распоряжение начальника штаба Оренбургского военного округа, предупредив население поселка, в которых (так в документе. – *А. Г.*) взяты заложники, что последние немедленно ответят головой в случае малейшего признака неблагонадежности и попыток к беспорядкам в

поселках, в которых они взяты»[1792]. Впрочем, данных о применении этой меры на практике обнаружить не удалось.

Однако было бы неверно считать карательные органы Дутова полностью неэффективными. Определенных результатов им все же удалось добиться. Показателем эффективности является значительное число ликвидированных большевистских вожаков и активистов, среди которых наиболее известны губернский комиссар юстиции М.Н. Бурзянцев, член оренбургского губисполкома башкирский большевик Б. Шафеев, занимавшаяся шпионажем в пользу красных большевичка М. Корецкая. В январе 1919 г. в Оренбурге белыми был расстрелян некто Гоштов, являвшийся секретарем подпольного революционного штаба (выдан своими же)[1793]. Председатель оренбургского губернского комитета РКП(б) С.А. Кичигин был уничтожен в результате самосуда. Всего же в списке уничтоженных белыми на Южном Урале вне боевых действий большевиков, активистов и подпольщиков десятки фамилий[1794].

В середине апреля 1919 г. мощный удар был нанесен контрразведкой Отдельной Оренбургской армии по большевистской организации Троицка. Однако крупнейшим успехом белых на Южном Урале (впрочем, успехом контрразведки Западной армии вне связи с правоохранительными органами Дутова) стала ликвидация в конце марта 1919 г. ядра челябинской подпольной организации большевиков, при которой были задержаны сразу 66 человек во главе с З.И. Лобковым (Б.Я. Голубь), С.А. Кривой и В.И. Гершбергом, небезынтересно, что 9 задержанных были впоследствии полностью оправданы белыми[1795]. Добавлю, что в ликвидации большевистского подполья на Южном Урале важную роль сыграли органы контрразведки, а также местное антибольшевистски настроенное население, содействовавшее властям в этом вопросе.

Нельзя сказать, что заключенные при Дутове содержались в каких-то нечеловеческих условиях. Как уже говорилось, в конце 1917 г. большая группа арестованных оренбургских большевиков, достаточно вольготно содержавшихся в тюрьме, совершила побег. В период тюремного заключения они могли свободно вести переписку, всегда разрешались свидания, камеры даже не запирались. Заключенным Оренбургской губернской тюрьмы разрешались свидания, причем делалось это «в целях обеспечения интересов правосудия и облегчения участи заключенным»[1796]. Заключенные имели право, находясь в тюрьме, писать письма на волю. В частности, в Государственном архиве Оренбургской области сохранилось подобное письмо находившегося в одиночном заключении Р.А. Марсакова, датированное 6 ноября

1918 г. Автор, приговоренный к смертной казни, считал себя мучеником и писал родственникам: «Вы должны гордиться тем, что ваш сын и брат и товарищ пал жертвою революции»[1797]. Едва ли у красных заключенным дозволялось писать на волю что-либо подобное. Добавлю, что, как это ни парадоксально, при белых в Оренбурге работала весьма сомнительного характера организация – Оренбургский Социалистический Красный Крест, помогавшая легально – заключенным-меньшевикам, а нелегально – большевикам[1798].

При этом 4 сентября 1918 г. начальник военно-судной части Оренбургского военного округа полковник Братановский телеграфировал из Оренбурга в Самару, что «тюрьмы переполнены, свободных мест нет»[1799]. Однако подобная ситуация в 1918–1919 гг. существовала не только на Южном Урале, но и в Приуралье и Сибири[1800], что вовсе не свидетельствует о разгуле белого террора – в этом случае тюрьмы бы пустовали. По данным на 24 августа 1918 г., в Оренбургской губернской тюрьме содержался 691 человек, включая 2 политзаключенных, 590 подследственных по политическим обвинениям, 12 уголовников, 82 подследственных по уголовным статьям и 5 пересыльных уголовников[1801]. Следственные органы белых попросту не справлялись с резко возросшим количеством дел. Кстати, в январе 1919 г. при оставлении белыми Оренбурга политзаключенные так и остались в тюрьме[1802].

К 15 сентября 1918 г. в Оренбургской губернской тюрьме содержалось 805 мужчин и 30 женщин (расчетное число заключенных – 391 человек), в илецком исправительном отделении – 43 мужчины (расчетное число – 586 человек), в Верхнеуральской уездной тюрьме – 450 мужчин и 1 женщина (расчетное число – 317 человек), в Троицкой – 152 мужчины и 11 женщин (расчетное число – 96 человек) и в Челябинской уездной тюрьме – 781 мужчина и 58 женщин (расчетное число – 785 человек). Данных по Орской уездной тюрьме не сохранилось. Таким образом, всего в исправительных учреждениях Оренбургской губернии содержались 2231 мужчин и 100 женщин[1803]. Однако было бы неверно считать, что условия содержания являлись нечеловеческими. При перезаполненности тюремное начальство для содержания заключенных арендовало дополнительные дома[1804]. Политзаключенный Кондратьев зарисовал внутренний вид одиночной камеры Оренбургской центральной губернской тюрьмы в сентябре 1918 г. На рисунке изображена зарешеченная комната с немного обшарпанными стенами. В комнате стул, на котором сидит с грустным видом заключенный, стол, на котором видны кувшин с водой, стакан и

большой каравай[1805]. Судя по всему, условия вполне сносные. В тюрьмах работали врачи, хотя они и не были предусмотрены по штатам. При этом только суточный расход на продовольствие заключенных составлял 5000 руб. Оренбургское тюремное ведомство при отсутствии помощи из Самары погрязло в долгах за отопление, освещение, продукты и телефон. Общая сумма долга к осени 1918 г. составляла 284 155 руб.[1806]

Белый террор был лишь ответной реакцией на насилие, развязанное большевиками. Имеющиеся факты не только не позволяют считать репрессивную политику Дутова жестокой, но вообще едва ли дают основание говорить о белом терроре как о массовом явлении. Однако в условиях Гражданской войны это было скорее недостатком, чем добродетелью. И хотя Дутова нельзя назвать слабым руководителем, но, видимо, он просто не мог себе представить, насколько жестоким надо быть в послереволюционной атмосфере по отношению к собственному народу, чтобы добиться от него повиновения.

Культурная политика Дутова (образование, наука, литература, искусство)

С сожалением приходится обращаться к разделу о культурной политике Дутова. Сожаление это обусловлено тем, что, если бы оренбургский атаман не уделял в годы Гражданской войны столь значительного внимания этой сфере, а все силы бросил бы на решение военных вопросов и скорейшее достижение победы над противником, возможно, именно в борьбе с большевиками он смог бы добиться гораздо больших успехов и в значительно большей степени способствовать окончательной победе белых сил в общегосударственном масштабе. Однако Дутов и Войсковое правительство, фатально недооценивая противника, считали борьбу с большевиками временной и скоротечной. В связи с этим они уделяли значительное внимание развитию вечных ценностей, в частности культуры. С другой стороны, не заботиться о войске, в том числе и о его культурной жизни, Дутов, как выборный Войсковой атаман, не мог. Результаты этой работы поистине впечатляют.

Несмотря на разруху Гражданской войны, в учебных заведениях на территории Оренбургского войска в 1917–1919 гг. учебный процесс не прекращался. Уже 5 декабря 1917 г. в войске был образован Совет по народному образованию, в состав которого вошли представители отделов народного образования войска, Войскового Круга, гимназий, высших начальных и начальных училищ, в том числе избранные съездом учащих (т. е. учителей. – *А. Г.*) казачьих школ. Первое заседание Совета открыл сам Дутов. Атаман призвал членов Совета обратить внимание на внешкольную просветительскую деятельность и «принять все меры к тому, чтобы в Оренбургском войске был открыт общеказачий университет с отделениями профессионального характера, который являлся бы для Оренбургского войска и казачества вообще не только культурно-просветительным центром, но и таким высшим учебным заведением, где бы молодое поколение как казачьего населения, так и из других слоев русского общества, – могли бы получить и общее образование, и те знания по всем отраслям народного хозяйства, в которых так нуждается население края»[1807]. Совет функционировал и в 1918 г., в этот период в нем обсуждались вопросы программы начальных училищ, введения 4-годичного курса в казачьих училищах, вопрос о двухклассных училищах и вопрос о выборе учебников[1808].

Оренбургский отдел Всероссийского Учительского Союза вынес резолюцию о непризнании большевистской власти законной, в результате чего декреты советской власти местными образовательными учреждениями не выполнялись. Более того, большевики, с приходом их к власти в Оренбуржье, были вынуждены с этим смириться, чтобы не закрывать учебные заведения[1809]. При этом организованный в Оренбурге городской комитет по народному образованию, даже при большевиках, проводил в жизнь школьную реформу, разработанную Министерством народного просвещения Временного правительства.

С установлением казачьей власти просветительская работа обрела *более* широкий размах. 20 октября 1918 г. в Оренбурге произошло незаурядное событие – была торжественно открыта Высшая вольная школа – первое высшее учебное заведение на Южном Урале (и третье после Пермского университета и Уральского горного института (Екатеринбург) на всем Урале), в котором главным образом, предполагалось преподавание естественно-научных дисциплин для подготовки специалистов, в которых нуждался край. На открытии присутствовали Дутов, И.Г. Акулинин, П.В. Богданович и К.Л. Каргин. Дутов сказал:

«От имени Всероссийского Временного Правительства объявляю высшую вольную школу в г. Оренбурге открытой!

В то время когда на Руси происходит страшная ломка всего, когда страна почти всеми брошена, народ страдает в дыму пожаров, когда льются потоки крови, – в некоторых отдаленных уголках течет здоровая жизнь, проявляется стремление к свету и знаниям. Высшая вольная школа в Оренбурге даст нам светлый луч, который проникнет во мрак, нас окружающий. Она создается в беспримерно тяжелых условиях. Под грохот пушек и снарядов, которые долетают до нашего Оренбургского края, создается высшая вольная школа. Этот факт знаменательный. Открытие ее говорит нам о том, что наш русский народ верит в свое возрождение, в будущее России. Как раз в то время, когда все темнее становится в центре, мы видим первую ласточку света здесь, на далекой окраине. Когда в центре уничтожаются и гибнут высшие учебные заведения, знания отодвигаются на дальнюю ступень, здесь открывается высшая вольная школа. Она открывается для того, чтобы дать возможность всем желающим получить образование. Она даст нам тот источник знаний, без которого немыслимо возрождение родины.

Я еще раз от имени Всероссийского Правительства приветствую создателей школы и выражаю пожелание полного успеха в делах. Я желаю для школы всего хорошего, что может

только пожелать любящий родину человек»[1810].

На создание этого учебного заведения было выделено 25 000 руб. Открытие Высшей вольной школы в октябре 1918 г. было весьма своевременным и позволило оренбургскому атаману отвлечь внимание населения от все ухудшавшегося положения на фронте. 26 ноября атаман посетил юбилейный вечер в честь 50-летия 1-й Оренбургской мужской гимназии[1811].

Отделы народного образования функционировали как в Войсковом правительстве, так и при правлениях военных округов. Казалось бы, даже в конце XIX в. в войске существовала практически всеобщая грамотность населения, что было уникальным показателем для России, к 1917 г. грамотность казачьего населения составляла 77 % (неграмотными оставались дети и часть стариков). И тем не менее Войсковое правительство не думало останавливаться на достигнутом.

На 1917 г. в войске функционировало 650 начальных училищ с 1200 учащимися, 30 двухклассных и 30 высших начальных училищ, 3 прогимназии[1812]. На 1918 г. в 1-м военном округе было намечено открытие 5 высших начальных и 15 двухклассных училищ, 7 библиотек-читален[1813]. Эти планы были нарушены Гражданской войной. Однако частично их удалось реализовать. В 1918 г. правительство выделило войску кредит в размере 587 400 руб. на народное образование[1814]. Только в 1918 г. на казачьей территории было открыто 40 новых школ, в том числе десять одноклассных училищ, двенадцать добавочных комплектов из существовавших школ, четыре четырехклассных войсковых гимназии в станицах Великопетровской, Еткульской, Звериноголовской и Усть-Уйской. В последней гимназия формировалась по типу реального училища[1815]. В станице Кулевчинской было открыто высшее начальное училище. Высшее начальное училище открылось осенью 1918 г. и в станице Урлядинской, причем один из вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества уроженец этой станицы Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин писал в родные места: «Поздравляю дорогих станичников [с] открытием Высшего училища. Радуюсь новому рассаднику света и знания. В просвещении молодого поколения наше будущее»[1816]. К сентябрю 1918 г. в войске было 33, а в 1919 г. – уже 36 высших начальных училищ[1817]. Бюджет войска по народному образованию на 1919 г. составил 4 195 000 руб.[1818] На 1919 г. было намечено открытие ни много ни мало трех реальных училищ (в станицах Городищенской, Уйской и Кизильской), двух гимназий (в станицах Кваркенской и Нижнеувельской), двенадцати высших начальных училищ (в станицах Кардаиловской, Гирьяльской,

Нижнеозерной, Гумбейской, Таналыкской, Кособродской, Лейпцигской, Верхнеувельской, Еманжелинской, Долгодеревенской и Чебаркульской), двух учительских семинарий (в Орске и станице Татищевской) и тюрко-татарской учительской семинарии в Орске, трех ремесленных школ (в Оренбурге, станицах Магнитной и Кичигинской), двух школ для взрослых (в станицах Островской и Полтавской), казачьего учительского института и двух мусульманских библиотек.

В общей сложности на территории войска в 1918 г. в русских школах училось до 56 000 детей, в мусульманских – до 5000[1819]. В высшем начальном училище станицы Степной родительским комитетом было постановлено ввести обязательное обучение французскому и немецкому языкам[1820].

В конце 1917 г. оклад учителя казачьей школы составлял 600 руб. в год, кроме того, ежемесячно к окладу добавлялось 20 руб. пособия. 492 учителя имели квартиры при школах, 628 – не имели, но получали квартирное пособие[1821]. Подготовка офицерских кадров осуществлялась в Оренбургском военном училище. В связи с нехваткой офицеров специальных частей и отсутствием базы для создания специализированных учебных заведений училище из казачьего было преобразовано в универсальное, в котором помимо подготовки казачьих офицеров были сформированы пехотная рота, кавалерийский эскадрон, артиллерийский взвод и инженерное отделение. Таким образом, отпала нужда в сохранении Оренбургской школы прапорщиков[1822]. В различные периоды 1917–1919 гг. в училище постоянно обучалось около 150–320 юнкеров. В начале 1919 г. училище было эвакуировано на восток России и позднее разместилось в Иркутске[1823]. К июлю 1919 г. оно выпустило 285 офицеров, по данным на 18 июля в нем обучалось 100 юнкеров (по штату полагалось 320)[1824]. В 1917–1918 гг. был поднят вопрос об открытии в Оренбурге Казачьего университета, однако в связи с Гражданской войной этот проект осуществлен не был. В сентябре 1918 г. Войсковым правительством было принято решение об открытии в Оренбурге войскового учительского института, однако проект осуществить не удалось. В том же году в Верхнеуральске и Троицке открылись две учительские семинарии. В учительскую семинарию, в которую без экзаменов принимали лиц, окончивших высшие начальные и двухклассные училища, была преобразована и Оренбургская русско-киргизская учительская школа[1825]. На предстоявшие рождественские каникулы в Оренбурге, Верхнеуральске и Троицке в сентябре 1918 г. было намечено открытие творческо-наглядно-показательных курсов для учителей начальных школ, причем

только на это Войсковой Круг выделил до 40 000 руб.[1826] В ведение войска в 1918 г. был принят Оренбургский женский институт[1827]. При нем осенью 1918 г. было открыто трехклассное начальное училище с обучением английскому и французскому языкам, рисованию, лепке, пению и музыке. Плата за обучение составляла 150 руб. в год с казаков и 210 руб. – с неказаков[1828].

На август 1918 г. было намечено открытие в Оренбурге смешанной четырехклассной гимназии для взрослых (прообраз вечерних школ, возникших в советское время). Первые три класса должны были быть 5-месячными, последний – 7-месячным. Ежемесячная плата за обучение должна была составить 40–55 руб.[1829] Предполагалось открыть в городе в 1919 г. и сельскохозяйственную школу[1830]. В 1918 г. был объявлен конкурс на написание и издание учебника по истории войска, однако осуществить этот проект не удалось, и конкурс продлили на 1919 г., причем первая премия составляла 6000 руб.

Нельзя не отметить, что прибыль от продажи вышедшей в 1919 г. официальной биографии Дутова шла на создание стипендий в оренбургских учебных заведениях[1831]. Розничная цена книги была определена в 10 руб.[1832], затраты на издание составили 35 000 руб.[1833], и прибыль, скорее всего, должна была быть значительно больше этой суммы. По случаю годовщины начала борьбы с большевиками в ноябре 1918 г. было постановлено открыть в оренбургских учебных заведениях 10 стипендий[1834]. Специальные стипендии учреждались для детей казаков, пострадавших в борьбе с большевиками. Осенью 1918 г. для улучшения учебных помещений был учрежден школьно-строительный фонд Оренбургского казачьего войска. Учителя-казаки, прослужившие свыше 15 лет, по постановлению Войскового правительства от 18 ноября 1918 г. приравнивались к полноправным учителям и подлежали освобождению от мобилизации[1835]. 6 декабря 1918 г. от мобилизации были освобождены учителя и библиотекари казачьего сословия в 4-м военном округе[1836]. В 1919 г. на время летних каникул предполагалось призвать на военную службу учителей (казаков) средних учебных заведений. От призыва в это время освобождались лишь директора (казаки) средних учебных заведений и инспектора (казаки) высших начальных училищ[1837].

Белое командование уделяло внимание и пропаганде среди населения. Конечно, масштабы этой пропаганды несопоставимы с агитацией красных и носили лишь локальный характер. В Войсковом правительстве функционировал Осведомительный отдел, ведавший вопросами пропаганды. Осведомительный отдел «Осведстепь» существовал и при Военно-административном

управлении района Оренбургской армии осенью 1919 г.[1838] Кроме того, в войске существовало собственное издательство с информационным бюро, типография и электротипография, в которых печатались приказы, листовки и газета «Оренбургский казачий вестник». Для башкирского населения листовки и воззвания выпускались на национальном языке[1839]. 25 декабря 1918 г. при управлении генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западной армии было образовано особое отделение, задачей которого являлась культурно-просветительская работа. Силами этого отделения издавалась газета «Вестник штаба Юго-Западной армии»[1840]. На широкую ногу было поставлено издание официального органа войсковой администрации – газеты «Оренбургский казачий вестник», подлежавшей обязательной рассылке по станицам в целях взаимной передачи информации (*до* 5 октября 1918 г. рассылка была бесплатной[1841], причем в каждую станицу рассылалось по 5 экземпляров газеты). В конце 1918 г. возникла идея издания еженедельного казачьего журнала[1842], однако в связи с событиями на фронте и нехваткой средств осуществлена она не была (для сравнения в соседнем Сибирском казачьем войске издавался еженедельник «Иртыш»). В июле 1919 г. Войсковое правительство выпустило циркуляр об организации культурно-просветительских кружков на местах[1843].

Тем не менее жажда информации в населении не удовлетворялась инициативами сверху. В результате казаки сами предпринимали меры для удовлетворения любопытства. Конечно, на первом месте по широте распространения были слухи. Частично новости узнавали из газет, частично от возвращавшихся с позиций казаков. Однако существовали и другие способы узнавания новостей. В частности, в станице Гирьяльской 27 ноября 1917 г. было организовано общество просвещения, организовывавшее дважды в неделю чтения в помещении станичной школы[1844]. Такие же общества были созданы в станицах Городищенской[1845] и Урлядинской, причем в состав последнего был принят сам Дутов[1846]. Другие станицы также образовывали культурно-просветительские кружки и общества. Аналогичный кружок существовал в Троицке при железной дороге. Войсковое правительство считало необходимым оказывать таким обществам материальную поддержку.

Дутов, безусловно, понимал значимость просвещения для будущего России. 11 декабря 1918 г. при посещении станицы Бердской он заявил о необходимости «иметь сознательных казаков и казачек и легко будет жить им, ибо три четверти современной разрухи падает на долю невежества и безграмотности»[1847].

Местная интеллигенция с выгодой для себя беззастенчиво пользовалась этой «слабостью» оренбургского атамана. Наиболее яркий пример – вопиющее по своему цинизму в условиях тяжелейшей Гражданской войны прошение казака Миасской станицы, 33-летнего инженера П.В. Анфалова от 20 октября 1918 г.: «Благодаря всеобщему развалу и разрухе в промышленности я не имею возможности применить свои молодые теоретически-технические познания на практике и, таким образом, не имею возможности накоплять практически-технический опыт, который мог бы послужить на пользу развития промышленности в РОДНОМ ВОЙСКЕ (здесь и далее – стиль документа. – *А. Г.*), – поэтому покорнейше ПРОШУ ВОЙСКОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РАЗРЕШИТЬ МНЕ ДВУХГОДИЧНУЮ ПОЕЗДКУ В АМЕРИКАНСКИЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ для практического совершенствования моих инженерных познаний. Я задыхаюсь в атмосфере бессмысленной всеразрушительной борьбы здесь без возможности приложить свою выработанную научную дисциплину в практике жизни и твердо верю, что ПРАВИТЕЛЬСТВО РОДНОГО ВОЙСКА поймет меня и пойдет мне навстречу, имея в виду не один только мой личный интерес, но и интерес родного войска. Смею заверить ВОЙСКОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, что, если смерть прежде времени не унесет меня, я, вернувшись через два года из Америки, сумею приложить свои познания в области промышленности на пользу РОДНОГО ВОЙСКА… Я военнообязанный, но никогда не служил в войсках. Во время войны по ходатайству Директора Ревельского Судостроительного, механического и снарядного завода через Оренбургского Наказного Атамана я главным Генеральным Штабом был оставлен при заводе. И теперь, как рядовой в кровавой бойне, я вряд ли принесу пользы РОДНОМУ ВОЙСКУ больше, чем как практик инженер, вооруженный знаниями, для пополнения которых я и прошу разрешение на поездку в Америку… В средствах я не нуждаюсь, но в валюте (долларах), которую мне не пришлось бы покупать у спекулянтов по бешеным ценам, – я нуждаюсь… я прошу… Способствовать мне для получения в обмен на русские деньги необходимого количества Американской валюты в долларах через Американского Посла при Российском Правительстве или Американского Консула во Владивостоке…»[1848] Анфалов собирался отправиться в Америку с женой, ребенком и даже няней ребенка. Дутов наложил резолюцию, что не встречает возражений, и ходатайство было удовлетворено. На мой взгляд, это еще раз свидетельствует об излишней мягкости Дутова. Ведь через два года, когда Анфалов должен был возвратиться в Россию, чтобы применять свои

познания на благо Оренбургского казачьего войска, не было уже не только самого войска, но даже и страны с таким названием.

Значительное внимание казачья администрация уделяла открытию библиотек и совершенствованию их работы на войсковой территории. По данным на 1917 г., в войске действовало 100 больших библиотек-читален[1849]. В самом Оренбурге функционировала войсковая библиотека. По смете от 25 сентября 1918 г. на каждую библиотеку-читальню войско выделяло по 1800 руб.[1850] В одном из документов, датированном 16 декабря 1918 г., отмечалось, что в 1-м военном округе в 1918 г. «хозяйничанье большевиков… помешало правлению своевременно открыть все 15 библиотек, предположенных к открытию по сметам 1917 и 1918 года. В настоящее время они спешно открываются. В Сибири специально командированными агентами закуплены большие партии книг, и здесь, в Оренбурге, усиленно скупаются книги для пополнения и составления библиотек… библиотеки-читальни усиленно работают»[1851]. Библиотеки комплектовались в основном духовно-нравственной литературой, беллетристикой, философскими и медицинскими сочинениями и т. д.[1852] Войсковой Круг в сентябре 1918 г. обратил внимание на необходимость издания произведений русских классиков для нужд образования в связи с нехваткой литературы[1853]. Отделом народного образования были изданы отдельными брошюрами избранные сочинения А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя («Тарас Бульба») с краткими биографическими очерками писателей и вопросниками для сознательного чтения и правильного понимания прочитанного[1854]. В 1919 г. планировалось, если позволят обстоятельства, начать выпуск в войске специализированного педагогического журнала для казачьих школ.

Сам Дутов в 1919 г. опубликовал на страницах газеты «Оренбургский казачий вестник» свою статью «Очерки по истории казачества»[1855]. Предполагалось, что это будет серия статей, однако вышел только первый очерк.

В ноябре 1918 г. читальню станицы Сакмарской, по которой имеются статистические данные, посетил 2021 человек, газеты за сутки зачитывались до полной непригодности, в связи с чем желательно было присылать их в 3–4 экземплярах. Книжный фонд во многих библиотеках был сравнительно обширным. В станице Сакмарской – 1700 томов, Бердской – 1500, Краснохолмской – 1270, Воздвиженской и Миасской – по 1200, Челябинской – 900[1856].

Постановлением Войскового правительства от 17 октября 1918 г. было утверждено Положение о Войсковом горном музее

при горном отделе Войскового правительства. Музей являлся хранилищем всех геологических, минералогических и рудных материалов, коллекций и документов, относящихся к территории Оренбургского казачьего войска, а также «проводником прикладных знаний для всех интересующихся лиц»[1857]. Предполагалось издание «Ежегодника Войскового Горного Музея». Несмотря на Гражданскую войну, в 1918 г. в войске под руководством геолога Д.Н. Соколова велась геологическая разведка. В ходе этой работы был открыт Тугайкульский причелябинский буро-угольный район с расчетным запасом угля не менее 10 миллиардов пудов[1858].

Как уже упоминалось, в войске в период Гражданской войны функционировала почвенная экспедиция под руководством выдающегося отечественного почвоведа профессора С.С. Неуструева (1874–1928), обследовавшая к осени 1918 г. половину территории войска. К слову сказать, именно в 1918 г. в Оренбурге Неуструев опубликовал свою работу «Естественные районы Оренбургской губернии», внесшую значительный вклад в отечественное ландшафтоведение и являющуюся одним из лучших образцов региональной физико-географической характеристики[1859].

При Войсковом штабе, даже в период Гражданской войны, существовал оркестр. Кроме того, в войске действовал Войсковой музыкантский хор, дававший благотворительные концерты. На 1918 г. было намечено преобразование хора в музыкальное училище. Численность хора в 1918 г. была увеличена до 62 человек[1860]. Смета хора в войсковом бюджете на 1918 г. составляла 70 000 руб. В период пребывания Дутова в Оренбурге в 1918 г. выступал с концертами (в качестве дирижера) известный виолончелист, профессор саратовской консерватории С.М. Козолупов – один из основателей российской виолончельной школы и учитель М.Л. Ростроповича – сам выходец из оренбургских казаков и воспитанник Войскового хора (25 октября 1918 г. Козолупов был назначен капельмейстером хора[1861]). Благодаря Козолупову в 1918 г. был возрожден Войсковой оркестр[1862], давший 17 декабря симфонический концерт. Помимо этого, в Оренбурге и других центрах работали многочисленные увеселительные заведения, в том числе четыре кинематографа («Фурор», «Люкс», «Чары» и «Аполло»). Порой происходящее напоминало пир во время чумы. Так, например, 7 января 1918 г., когда вопрос о том, быть или не быть войску, стоял ребром, в 1-й женской гимназии Оренбурга был проведен концерт классической музыки[1863].

Функционировал и Оренбургский городской театр. В 1918 г.

в нем ставились спектакли, как классические, так и современные на актуальные темы, как, например, комедии «Спекулянты» и «Вова приспособился»[1864]. Ставились и «представления эротического пошиба»[1865]. Сам Дутов 22 декабря 1918 г. организовал в городском театре детский спектакль «Степка Растрепка» для детей из станиц 1-го округа[1866]. Позднее он говорил, что «нация, любящая своих детей, берегущая их, – не может быть плохой и недолговечной»[1867]. В Троицке по инициативе коменданта города поручика Зиновьева организовывались бесплатные гарнизонные спектакли, чтения и беседы для частей гарнизона[1868]. Торговля спиртными напитками, однако, была запрещена и каралась штрафами.

Таким образом, при Дутове, несмотря на всю остроту Гражданской войны, культурная жизнь подвластного ему региона имела, пожалуй, даже более активный характер, чем до установления его власти и чем после ухода белых с территории войска. Оренбуржье в этом отношении явно выделялось в лучшую сторону на общем фоне Урала периода 1917–1922 гг.[1869] Данный факт никак не вяжется с утверждениями некоторых авторов о кровавой диктатуре и тотальном страхе, который якобы охватил Южный Урал под властью Дутова. Дутову и его администрации удалось, несмотря на разруху и социально-экономический кризис, не только сохранить, но даже и усовершенствовать, насколько это возможно в условиях войны, войсковую систему просвещения. В то же время активная политика в сфере культуры явно отвлекала казачью администрацию от решения более существенных в тот период военно-политических вопросов.

Глава 9
Сановник

Наступление

В конце февраля – начале марта 1919 г. Генштаба генерал-майор И.Г. Акулинин запрашивал штаб соседней Западной армии: «Считаю долгом осведомить Вас [с] положением Оренбургской армии. Положение серьезное. Многие части после падения Орска потеряли боеспособность и катятся назад, не оказывая никакого сопротивления. Некоторые полки не существуют, разбежались или перешли на сторону красных с оружием в руках. Необходима присылка какой-либо свежей пехотной части для восстановления фронта, иначе создается серьезная угроза Вашему флангу и даже тылу. В районе Троицка сосредоточено пополнения из казаков старших возрастов, но вооружить их нечем – винтовок больше в запасе нет. На что может рассчитывать Оренбургская армия в смысле помощи с Вашей стороны живой силой и оружием?»[1870]

Акулинину в ответ было сказано, что вопрос о помощи решает Ставка.

Между тем в канун весеннего наступления Восточного фронта белых, 2 марта 1919 г., командующий Западной армией генерал-лейтенант М.В. Ханжин направил в Ставку шифрованную телеграмму:

«Вверенная моему командованию Западная Армия накануне перехода в решительное наступление, которое должно повлиять в лучшую сторону на обстановку всего фронта и создать залог успеха для ведения военных операций. Западная Армия, наносящая главный удар, вправе рассчитывать не только на полную связь с ее действиями операций соседних армий, но и на полную поддержку с их стороны, даже поступаясь частными интересами этих Армий в пользу главного удара.

Ниже я кратко излагаю обстановку на фронте соседних Армий к моменту общего наступления, дабы ясно было, все ли из указанных мной условий были учтены перед началом решительных действий. Сибирская Армия составила свой план действий и вчера перешла к его выполнению, не заняв указанного ей исходного положения – до сих пор левофланговый участок этой армии от железной дороги Сарапул – Красноуфимск до разграничительной линии с Западной Армией не занят войсками Сибирской Армией, и этот разрыв фронта я должен прикрывать полутора полками моего Уфимского корпуса, отвлекая эти силы на неопределенное время от выполнения поставленной корпусу задачи.

ОРЕНБУРГСКАЯ АРМИЯ находится в том же состоянии полного разложения казачьих частей, как было под Оренбургом;

разложение грозит перейти и на приданные этой Армии пехотные части – сегодня мне доложено, что Самарский кавалерийский полк с оружием в руках оставил фронт и двигается на станицу Полтавскую с грабежом местного населения и разрушая военную дорогу Армии. Командование Оренбургской Армии бессильно, как и под Оренбургом, восстановить порядок в своих рядах, ибо вчера один из командиров корпусов этой Армии просил меня прислать надежный карательный отряд. Ясно, что такая Армия не только не выполнит возложенной на нее общей директивой Ставки задачи, она не только не способна [к] наступлению, но у нее даже нет сил удержать фронт и остановить стихийный отход и обнажение фланга и тыла ударной Армии. По долгу Генерала русской службы, поставленного во главе Армии и накануне выполнения важной задачи, по долгу русского человека, болеющего за судьбу Родины, докладываю – в такой критический момент нужны решительные меры, чтоб выйти с честью. Совершенно не входя в рассмотрение ни военной, ни политической деятельности Генерала Дутова, я полагаю, что одной из главнейших причин поражения и разложения Оренбургской Армии является совмещение деятельностей (так в документе. – *А. Г.*) КОМАНДАРМА и Войскового Атамана. Катастрофа под Орском могла бы быть предотвращена, если бы КОМАНДАРМ в критический момент не покинул Армию ради интересов Круга. Должность Войскового Атамана, во-первых, поглощает время у КОМАНДАРМА и отвлекает его от Армии, во-вторых, как выбранного ставит его в зависимость во всех отношениях от Войскового круга. Необходимо передать командование Оренбургской Армией лицу вполне независимому и не обремененному посторонними обязанностями. Только эта мера может спасти положение на фронте Оренбургской Армии, только при этом условии я могу быть спокоен если не за свой левый фланг, то хотя бы за свой тыл; кроме того, только при точном соблюдении моим соседом справа общих и обязательных для всех Армий военных директив и, в частности, директивы о разграничительных линиях я буду считать, что мне даны все средства для выполнения возложенной на меня задачи»[1871].

В данном документе имеет значение, быть может, даже не столько правота слов Ханжина, хотя высказывались, во многом, справедливые упреки, сколько его резко отрицательное отношение к соседней армии и ее командующему перед решающим наступлением.

Впрочем, основания для сомнений в боеспособности оренбуржцев у Ханжина были. Помимо информации от генерала Акулинина, в конце февраля – начале марта штабом Западной

армии от одного из оренбургских офицеров было получено душераздирающее сообщение о состоянии армии Дутова: «Оренбургская армия разрушается окончательно, виною неумелого управления ею также неспособность учесть обстановку. Картина под Орском разыгрывается типично [для] Оренбургской, но в более сгущенных красках, пресловутая операция взятия Актюбинской окончательно губит дело. Но дай Бог вывести наши пехотные части в целом виде, которых собраны под Актюбинском три четверти всей Армии, ст. Сары оставлена, и на ней брошена масса вооружения, снаряжения, огнестрельных припасов и интендантского имущества, то же по всей вероятности случится и с Орском. Части окончательно деморализованы бесконечным отступлением, можно сказать, что бегут от первого выстрела, в довершение всего контрразведка поставлена отвратительно, масса большевицких шпионов безнаказанно снуют здесь и делают свое дело, вчера наши потеряли 2 пушки, сегодня с утра в городе идет провокационная стрельба, завтра со штармом выезжаю в Троицк, на телеграфной линии Орск – Троицк тоже есть шпионы, которые задерживают наши депеши, или же совсем прячут, или перевирают шифровки – нужно принять меры – одну радиостанцию путем усиленной работы привел в надлежащий вид и связал с Картолой[1872], как передавал Комрад[1873] 1, и очень плохо с ним не придется говорить по прямому проводу…»[1874]

В результате в штабе Западной армии сложилось впечатление, что «штарм Оренбургской сам не знает, что у него делается»[1875].

Несмотря на крайне низкий уровень стратегического планирования в Ставке Колчака, в начале марта на фронте Западной армии началось наступление, конечной целью которого должно было стать взятие Москвы. Намеченный план взаимодействия армий при наступлении был сорван практически сразу. Плана действий за Волгой не существовало вовсе[1876].

Генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, бывший главнокомандующий войсками уфимской Директории (Временного Всероссийского правительства), писал, что «при успехе операции… получилась бы огромная охватывающая красных дуга, сжимание концов которой сулило самые решительные результаты. Москва, кроме того, лишилась бы запасов богатого юга, лишилась бы угля и столь необходимого ей жидкого топлива»[1877]. Военный министр правительства адмирала Колчака, Генерального штаба генерал-лейтенант А.П. Будберг отмечал, что наступление в южном направлении «создавало, по соединении с Деникиным, общий фронт, усиливало обе ныне разъединенные стороны, давало возможность распределить более

целесообразно личный состав обоих фронтов.

Наступление в этом направлении прикрывало верные нам районы Уральских и Оренбургских казаков, создавало спокойный тыл, давало возможность использования богатств Троицко-Орского района (зерно, фураж и скот), открывалась возможность навигации по Каспийскому морю и подвоза через Кавказ»[1878]. По мнению известного русского военного теоретика, Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, «это наступление выводило сначала в район, заселенный поволжскими немецкими колонистами (Саратов – Красный Кут – Камышин), представляющих (так в документе. – *А. Г.*) собою противобольшевицки настроенных крестьян, а затем приводило к соединению с Донским казачеством… В случае удачи этого наступления создалась бы обширная неразрывная противобольшевицкая территория, включавшая в себя все казачества, а также наиболее противобольшевицки настроенных крестьян»[1879].

Весной 1919 г. *белое* наступление могло развиваться в двух направлениях: 1) Казань – Вятка – Котлас на соединение с войсками Северного фронта Генерального штаба генерал-лейтенанта Е.К. Миллера и союзниками и 2) Самара (Саратов) – Царицын на соединение с войсками Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Деникина, действовавшими на Юге России. Разумеется, неверно считать северное направление приоритетным в стратегии Ставки адмирала А.В. Колчака[1880], главный удар вдоль линии Самаро-Златоустовской железной дороги, стремясь прорваться к Волге, наносила Западная армия, однако по разным причинам сконцентрировать все первоначально намеченные для нанесения удара войска этой армии, не растягивая их по фронту, и скоординировать наступление с соседними армейскими объединениями не удалось[1881]. При этом наиболее близко к действительности высказывание Генерального штаба генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева, позднее служившего в Ставке Колчака: «Был еще один, третий вариант, кроме двух указанных: двинуться одновременно и на Вятку и на Самару. Он приводил к эксцентрическому движению армий, действиям враздробь и к оголению фронта в промежутке между армиями. Такой образ действий мог бы позволить себе полководец, уверенный в самом себе и в своих войсках и располагающий превосходством сил, стратегическим резервом и широко развитою сетью железных дорог для переброски войск по фронту и в глубину. При этом одно из направлений выбирается как главное, а прочие – суть демонстрации для введения противника в заблуждение. Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не

было, исключая уверенности в себе полководца, поэтому такой вариант должен был быть отброшен из обсуждения, как ведущий неумолимо к полному неуспеху. Между тем он именно и был избран для сокрушения большевиков, что и привело Сибирские армии в конечном результате к краху. Положение большевиков весною 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана для действий»[1882]. Ответственность за выработку плана весеннего наступления и за последующий его провал лежит на начальнике штаба Ставки Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерал-майоре ДА. Лебедеве. Как писал о Лебедеве С.А. Щепихин, «у него в голове трудно докопаться до мыслей о благе России: здесь только честолюбие»[1883]. В другом месте Щепихин писал, что Лебедева в годы Первой мировой войны в штабе 3-й армии называли Митькой, «он на наших глазах превратился в Митьку и в Митяя. А Митяй он был действительно форменный: заносчивый, фанфаронистый и крест Георгиевский вырвал зубами у Цурикова[1884]; очень недалекий и отменно ленивый, т. е. непривычный к тому тяжкому труду, который сопровождает офицера Генерального штаба на всех видах его поприща»[1885]. Лебедев, по мнению Щепихина, имел лишь один служебный талант – быстро разбираться в людях и бить по их слабым местам.

Представляется справедливым утверждение генерала для поручений при Верховном Правителе и Верховном главнокомандующем, а позднее (с сентября 1919 г.) генерал-квартирмейстера Ставки Генерального штаба генерал-лейтенанта М.А. Иностранцева, по убеждению которого «**главнейшей причиной** (здесь и далее выделено Иностранцевым. – *А. Г.*) неудачи всего Сибирского движения было именно крайне неудачное, невежественное в научном смысле и легкомысленное управление армией, за которое ответственен, конечно, не Колчак, как не военный специалист, а моряк, а **прежде всего и только** генерал Лебедев»[1886]. По свидетельству генерала Р. Гайды, Дутов, находясь в Омске, дважды докладывал Колчаку о плохой работе Ставки и в особенности генерала ДА. Лебедева[1887].

Небезынтересно, что осенью 1919 г. точно так же растопыренными пальцами наступали на Москву Вооруженные силы Юга России. В условиях маневренной войны только наступление являлось залогом победы, едва потеряв наступательный порыв и начав топтаться на месте, войска переходили к отступлению. Добавлю, что численности белых армий явно не хватало для того, чтобы наступать по всем направлениям.

Уже 13 марта частями Западной армии была взята Уфа, причем первыми в город с боем вошли части 18-го Оренбургского казачьего полка[1888], по некоторым данным, в плен тогда едва не попал сам Л.Д. Троцкий[1889]. Успехи на фронте армии Ханжина со второй половины марта стали сказываться и на положении всего левого фланга белого Восточного фронта. 18 марта началось одновременное наступление частей Южной группы Западной армии и Отдельной Оренбургской армии. Испуганные красные даже посчитали, что на фронт прибыли свежие части белых[1890]. От Колчака Дутову пришла благодарственная телеграмма: «Благодарю Вас и прошу передать всем начальникам и войскам, проявившим мужество и сознание долга в тяжелый период наступления большевиков, мою благодарность. Благодарю части, не павшие духом и ныне перешедшие в наступление. Жду от казаков прежней доблести»[1891].

СА. Щепихин писал, что «…по существу, Дутов со своей псевдоармией – мыльный пузырь и левый фланг Западной армии на весу»[1892]. Тем не менее в результате военных преобразований Дутову удалось добиться усиления армии, и в середине марта 1919 г. казаки перешли в наступление. 4 апреля Западная армия заняла Стерлитамак, 7 апреля – Белебей, 10 апреля – Бугульму и 15 апреля – Бугуруслан. В сложившейся ситуации белым важно было, не теряя соприкосновения с противником, энергично преследовать его, чтобы до вскрытия рек овладеть стратегически важными пунктами. На Южном Урале таким пунктом был Оренбург. Не случайно в директиве от 12 апреля 1919 г. Колчак предписал Отдельной Оренбургской армии овладеть районом Оренбург – Илецк – Актюбинск. По овладении Оренбургом армию предполагалось расформировать.

Для казачьей психологии было важно, кто в данный момент контролирует центр того или иного военного округа, в чьих руках находится войсковая столица. Во многом, в зависимости от этого, казаки решали, участвовать им в борьбе с большевиками или нет. Так, Оренбургский губернский комитет РКП(б) и губисполком сообщали в ЦК в апреле 1919 г., что «более года участвуя в борьбе с казачеством, губком должен засвидетельствовать, что мы имеем дело с противником сильным, ловким, дисциплинированным, прекрасно действующим оружием, способным, благодаря образцовой коннице, к быстрым массовым переброскам сил. Падение Оренбурга создает сплошную контрреволюционную стену, тесно объединившуюся из оренбургского, уральского казачества, тем более что преданное советской власти казачество уже ушло при продвижении противника в наши ряды на Уфимский фронт. Губкомитету известно, что один только усердно

распускаемый нашими врагами ложный слух о падении Оренбурга вызывает приток свежих сил колеблющейся части казачества, которая поголовно уйдет к Колчаку в случае падения Оренбурга»[1893]. Несмотря на некоторую долю преувеличения в отношении боеспособности казачьей конницы, данное свидетельство, очевидно, в целом отражает реальное положение вещей.

В Оренбурге, являвшемся столицей войска, центром 1-го военного округа и важнейшим узлом железных дорог, было свыше 100 фабрик и заводов, население города к 1912 г. составляло 146 000 человек[1894] (в 1918 г. – 155 000[1895]). Гражданская война в Оренбуржье для казаков во многом была борьбой за Оренбург. В одних случаях эта борьба велась за удержание города (осень – зима 1917 и 1918 гг.), в других – за овладение им (весна – лето 1918 и 1919 г.). По мнению советского военного историка полковника В.Ф. Воробьева, в случае падения города крупные конные массы уральских и оренбургских казаков, выйдя на простор севернее реки Урал, могли совершить глубокий рейд по тылам Южной группы армий советского Восточного фронта[1896].

8 апреля в 5 часов утра налетом 2-й Оренбургской казачьей дивизии Отдельной Оренбургской армии был занят город Орск. Начиная с 9 апреля усиленными переходами по 60–70 верст в сутки двигался к казачьей столице II Оренбургский казачий корпус Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина, командир которого пришел к убеждению о необходимости ворваться в Оренбург на плечах красных, не дав противнику возможности опомниться[1897]. Для белых в той ситуации подобное решение являлось единственно верным. 16 апреля войска Дутова с налета взяли Актюбинск. В начале мая был освобожден Илецкий городок. Кольцо полуокружения вокруг Оренбурга сжималось. Из разведсводок поступали сведения о возможном оставлении города красными без боя[1898]. В рядах самих красных велись разговоры, что их сейчас погонят до самой Волги[1899]. 17 апреля Акулинин отдал оперативный приказ № 9 (б) о занятии Оренбурга к Светлой Заутрене – 23 часам 50 минутам 19 апреля и о сборе всех частей на пасхальную молитву вокруг войскового собора[1900]. Оренбургские большевики и командование 1-й армии паниковали[1901].

Однако форсированное наступление белых привело к отставанию пехоты, артиллерии и тылов, а также к переутомлению войск. Первый удар получился слабым, и занять Оренбург до разлива рек весной 1919 г. белым не удалось, в результате чего левый фланг белого Восточного фронта прочно увяз в боях за город фактически до конца лета 1919 г., когда

стратегическая инициатива перешла к красным[1902]. Как образно написал С.А. Щепихин, Дутов двинулся на Оренбург – «разбивать свой лоб во фронтальных атаках»[1903].

М.В. Фрунзе справедливо полагал, что распутица должна будет стать союзником красных[1904]. В дальнейшем красные, действуя по внутренним операционным направлениям, быстро перебрасывали подкрепления на угрожаемые участки и тем самым не позволяли белым достичь где-либо решающей победы. Как вспоминал живший тогда в Оренбурге Б.Б. Пиотровский, «… казаки отступили за Урал и держались там очень долго. С крыши гимназии были хорошо видны степь, появление казачьих отрядов и перестрелка с красноармейцами»[1905]. Противники даже перекликались друг с другом через Урал[1906]. К сожалению, белые в мае – июле 1919 г. не проявили достаточной активности в набегах на красные тылы и в разрушении линии Ташкентской железной дороги – единственной связи Оренбурга с советским центром, при более решительных действиях под Оренбургом вполне возможно было добиться успеха[1907].

Новые хозяева Оренбурга сполна продемонстрировали свою сущность. Оренбургские чекисты, как и в 1918 г., реквизировали у бежавших белогвардейцев и буржуазии вещи и ценности в пользу ГубЧК, руководители которой одевались «самым шикарным образом», содержали на казенные деньги любовниц и пьянствовали[1908]. Похожая ситуация происходила и в армейском командовании[1909]. Не кто иной, как сам председатель Оренбургской ГубЧК товарищ Бояршинов с братом и еще двумя компаньонами Ереминым и Фокиным, «будучи эвакуированы с ценностями на ст. Платовка напились там одеколону (конфискованного), как говорят, до свинства, устроили скандал, последствием чего было у них хищение из вагона на несколько десятков тысяч рублей золотых вещей…»[1910]. С оренбургскими рабочими, надеявшимися на приход пролетарской власти, большевики не считались, причем в духе идеализма, присущем первым большевикам, в одном из документов с негодованием отмечалось, что «диктатура пролетариата не может быть над пролетариатом»[1911].

Несмотря на то что операция белых под Оренбургом приобрела для них затяжной характер, Ленина активность оренбургских и уральских казаков крайне беспокоила. 11 июня он телеграфировал в Симбирск: «Нельзя ли аэропланами побить повстанцев, ликвидация необходима немедленно и полная»[1912]. В глубоком тылу красных участились случаи крестьянских выступлений, способствовавших (возможно, преднамеренно) действиям белых на Восточном фронте. В одной из сводок

отмечалось, что в Симбирской губернии «крестьяне озверели, с вилами, кольями и ружьями в одиночку и толпами лезут на пулеметы, несмотря на груды трупов, и их ярость не поддается описанию»[1913].

Ликвидация оренбургского направления и выход к Самаре весной – летом 1919 г. могли дать белым огромное высвобождение сил за счет значительного сокращения протяженности фронта, существенно упрощали снабжение (появлялась возможность подвоза по железной дороге), срывали готовившийся красными контрудар из района Бузулук – Сорочинская – Михайловское (Шарлык) и давали возможность соединиться с Деникиным, после чего победа большевиков была бы уже невозможна. Дальнейшая борьба в случае успеха белых на Южном Урале становилась для них гораздо легче, положение красных при таких обстоятельствах делалось угрожающим.

Все это свидетельствует о том, что борьба за Оренбург имела решающее значение для обеих воюющих сторон, однако Ставка с конца октября 1918 г. и вплоть до их расформирования не выделила ни Юго-Западной, ни ее преемнице – Отдельной Оренбургской армии ни одной боеготовой части (за исключением 42-го Троицкого стрелкового полка, сформированного из переселенцев Кустанайского уезда и перешедшего на сторону красных), даже, наоборот, забрав в начале 1919 г. из армии Дутова наиболее боеспособный IV Оренбургский армейский корпус (переподчинен Южной армейской группе Западной армии 4 марта 1919 г.), сильный столь необходимой Дутову пехотой, 9-ю Башкирскую стрелковую дивизию (передана в Западную армию), 4-ю Оренбургскую кадровую бригаду, дислоцировавшуюся в Кустанае, 33-й Оренбургский казачий полк, 10-й авиационный отряд сотника Р.А. Батурина (придан III Уральскому армейскому корпусу Западной армии[1914]). Кроме того, в результате перехода башкир на сторону красных Дутов лишился также и башкирских частей (в основном пехотных).

Таким образом, Отдельная Оренбургская армия весной 1919 г., даже несмотря на попытку Дутова усилить ее путем частичного реформирования, была крайне ослаблена. Но и при столь неблагоприятных условиях она во второй половине марта 1919 г. перешла в наступление, что свидетельствует как об успехах преобразований Дутова, так и о высокой боеспособности и стремлении оренбургских казаков продолжать борьбу с большевиками.

Об этом свидетельствует и Генерального штаба генерал-майор П.П. Петров, который писал, что еще в феврале 1919 г., в наиболее тяжелый период для оренбуржцев, «оренбургские

казаки на южном фланге в горах целым рядом удачных мелких действий не только расстраивали противника, но заставляли его тащить туда резервы с участков, которые намечались для удара весной»[1915].

Пожалуй, можно согласиться и с Г.Х. Эйхе, по мнению которого передача стратегического резерва Ставки – Волжского корпуса Генерального штаба генерал-майора В.О. Каппеля в Западную армию и введение его в бой по частям были серьезным просчетом командования. В составе Отдельной Оренбургской армии корпус Каппеля мог бы полностью изменить всю стратегическую обстановку[1916]. Самое интересное, что в штабе Западной армии тоже считали необходимым после уфимской победы усилить Южную группу П.А. Белова для разгрома 24-й Симбирской Железной и 20-й Пензенской стрелковых дивизий 1-й советской армии и занятия Стерлитамака, причем такое усиление, считалось, пробудит в оренбуржцах уверенность в своих силах[1917]. Однако армия Дутова в наиболее ответственный момент, по сути, оказалась действиями Ставки предоставлена своей собственной участи. Разумеется, нельзя снимать с оренбуржцев ответственность за неудачи, но при анализе обстановки необходимо учитывать особую сложность их положения.

Штаб Западной армии весной 1919 г. интересовало: «Будет обеспечен наш левый фланг [при] продвижении нашем на Бузулук, или же мы сами должны обеспечивать себя, не надеясь на Оренбургскую армию, т. е. нам нужно решить, направлять ли генерала Белова кулаком на Оренбург, кулаком на Бузулук или ввиду невыясненности положения на фронте Оренбургской армии держать этот кулак между двумя направлениями»[1918]. За выяснением этого вопроса белое командование своевременно не оценило опасность сосредоточения в районе Бузулука крупных сил красных. Уже 10 апреля 1919 г. красными из состава 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской армий была создана Южная группа Восточного фронта под командованием М.В. Фрунзе, которая с 28 апреля перешла в контрнаступление, лишившее Колчака шансов на победу.

Главный начальник Оренбургского края

Территория Оренбургской губернии и казачьего войска в границах 1917 г. была огромна, причем это обстоятельство затрудняло управление этой территорией. Неудивительно, что в годы Гражданской войны реальный практический опыт управления регионом в чрезвычайных условиях привел к его раздроблению на две части, подчиненные разным властям: 1) Оренбургский и Орский уезды; 2) Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды. Разумеется, амбициозного Дутова такое положение вещей не устраивало. Атаман боролся за возвращение в свое ведение северных уездов губернии и округов войска.

13 февраля 1919 г. на заседании Совета министров в Омске было постановлено учредить должность главного начальника Оренбургского края с подчинением ему Оренбургской губернии (без Троицкого и Челябинского уездов), а также Кустанайского и Актюбинского уездов Тургайской области. Вопрос о включении в край Троицкого и Челябинского уездов был предоставлен на усмотрение командования[1919]. Гражданская администрация была подчинена военной власти. Начальником края с правами генерал-губернатора был назначен Дутов. Учитывая отступление его армии, подчиненная Дутову территория Оренбургской губернии была минимальной (фактически только Верхнеуральский уезд и часть Орского). Добавлю, что в октябре 1918 г. во исполнение постановления 1-го Войскового Круга 1917 г. был, наконец, образован 4-й (Челябинский) военный округ Оренбургского казачьего войска. Это нововведение объективно усиливало позиции Дутова в удаленных от войсковой столицы уездах Оренбургской губернии, находившихся фактически вне его ведения – Троицком и Челябинском. Такое положение сохранялось и в 1919 г.

Еще 2 декабря 1918 г. в письме помощнику военно-морского министра по казачьим делам генерал-майору Б.И. Хорошхину Дутов просил подчинить Оренбургскому, а не Курганскому военному округу Троицкий и Челябинский уезды Оренбургской губернии. По мнению Дутова, «оба уезда казачьи – значит дробить войска на две части и подчинять разным начальникам вредно в политическом и в др[угих] отношениях»[1920]. 5 декабря аналогичное представление, касавшееся помимо вышеперечисленных еще и Верхнеуральского уезда, было направлено министру внутренних дел представителем войска при Всероссийском Временном правительстве Н.С. Анисимовым. «… выделение этих уездов, – писал он, – дробит Оренбургское

Казачье Войско, перечисляя главную его массу в другую область и в ведение других центров, когда именно необходимо сохранить единство центра – Оренбург, с его, во всяком случае, удовлетворительно уже налаженным аппаратом. На обстоятельство это уже обращено внимание и по Военному Ведомству и сделаны соответствующие представления. Отторжение этих уездов, может быть, было необходимо тогда, когда было только Сибирское Правительство и когда Оренбург являлся самостоятельным Государственным центром, ныне же, когда народилась общая власть, признанная Оренбургским Правительством, надобность эта миновала…»[1921] Впрочем, успех Дутова был лишь частичным – 4 января 1919 г. постановлением управляющего МВД в состав Оренбургской губернии был возвращен Верхнеуральский уезд[1922]. Комиссия при МВД в декабре 1918 г. также постановила подчинить Дутову все уезды Оренбургской губернии, вошедшие в Приуральский округ[1923], однако это решение, по всей видимости, не осуществилось, поскольку вопрос затрагивал не только гражданскую администрацию, но и военную, влияя на военно-окружную систему, что уже могло отразиться и на положении фронта.

Противники передачи Дутову этих уездов полагали, что они неотделимы, т. к. имеют общее земство (Верхнеуральский и Троицкий уезды), кроме того, летом 1918 г. в них была осуществлена мобилизация в Сибирскую армию, и переподчинять их Дутову было бы нецелесообразно[1924]. Более того, уже в 1918 г. возникла идея организации особой Челябинской губернии с включением в нее Челябинского, Троицкого и Златоустовского уездов. Однако вопрос о ее подчиненности был крайне сложным в связи с тем, что дробились ранее существовавшие Оренбургская губерния и Оренбургское казачье войско.

Не вполне определенной была ситуация с подчиненностью Кустанайского уезда Тургайской области. На управление уездом в военном отношении претендовали сразу три военных округа: Курганский, Оренбургский и Тюменский[1925].

21 февраля, не будучи должным образом проинструктирован относительно своего нового назначения, атаман телеграфировал в Омск председателю Совета министров, а также в МВД: «Согласно телеграммы Верховного правителя я назначен начальником Оренбургского края, прошу указаний границ края, прав, обязанностей, штатов, инструкций. 853. Ген[ерал-]лейт[енант] Дутов»[1926]. На Дутова было возложено и без того слишком много обязанностей, в связи с чем он в течение месяца так и не смог приступить к работе на своем новом посту. 18 марта он писал министру внутренних дел А.Н. Гаттенбергеру:

«Докладываю Вашему Превосходительству, что к фактическому исполнению должности Главного Начальника края я еще не приступил, ибо совершенно **не могу** (здесь и далее – подчеркнуто карандашом в МВД. – *А. Г.*) найти людей, знакомых с краем и знающих **соответствующие законоположения**. Принимаю самые энергичные меры к скорейшему созданию аппарата и донесу Вам незамедлительно о сформировании канцелярии. До этого времени прошу Вас, Ваше Превосходительство, не считать меня причастным к тем или иным промахам и недочетам гражданского строительства края, ибо все начальствующие лица в уездах и городах, а также милиция, назначены не мною, и при страшной запутанности дел управления, ввиду нахождения края между бывшим Сибирским правительством и Комучем, невозможно в короткий срок привести все в ясность. До сего времени руководящими данными служат как прежние законы, так и законы Временного Правительства, законы Сибирского Правительства, законы Комуча и законоположения ныне существующей Власти. Население очень охотно использует эту неразбериху и применяет к себе то распоряжение, которое выгодно ему. Близость фронта и влияние Западной армии, Оренбургской армии, Курганского и Оренбургского военного округов еще *более* увеличивают путаницу. Каждый Командарм и каждый Главначокр[1927] выпускает свои обязательные постановления, назначает реквизиции, и исполнение их возлагается на различные аппараты, начиная от милиции, кончая карательным отрядом.

Население задергано, запуталось и не знает, кого слушаться. В такой атмосфере работать сейчас очень трудно. Я приступил к точному и определенному выяснению границ и прав каждого начальника. Настаиваю на выделении гражданских дел в ведение управляющих губернией и краем. Думаю реорганизовать милицию и выделить казачью милицию из общекраевой и предоставить ей право работать только на казачьей земле, а для городов и уездов иметь общую милицию, непосредственно подчиненную через Управляющих губерниями, Начальнику края, а значит, и Вам, господин Министр. Все попытки земств и городов влиять на милицию я категорически отстраняю и думаю, что мне удастся все привести в ясность и представить Вашему Превосходительству подробный доклад»[1928].

Ответ А.Н. Гаттенбергера последовал 25 марта: «Я вполне согласен с высказанным Вашим Превосходительством взглядом и считаю, что Вы изволите стоять на вполне закономерной и государственной точке зрения, что является залогом возможности совместной плодотворной работы. Затронутые Вашим

Превосходительством вопросы требуют обстоятельного ответа, на который я, к сожалению, не имею времени ввиду краткости пребывания в Омске Вашего курьера…»[1929] Уже в начале апреля Дутов хвастался перед сибирским журналистом: «Гражданское управление в настоящее время мною вполне сформировано… При его организации я был очень осторожен и приглашал лиц со строгим выбором. Между прочим, даже самые незначительные должности управления занимают лица с законченным университетским образованием…»[1930] Любил Дутов и подчеркнуть свою суровость. В частности, он заявлял, что в отношении сбора налогов «мы действуем весьма энергично… Назначаем срок, и если он пропущен, то сейчас же неуклонно и безжалостно приводим в действие некоторые меры… И поверьте мне, отлично выходит!.. Иначе нельзя»[1931]. Дутов любил бравировать своей твердостью, которой в действительности ему всегда не хватало.

Деятельность Дутова на новом посту нашла свое отражение в нескольких документах по национальному вопросу – относительно башкир и киргизов, анализ которых был приведен в разделе о национальной политике оренбургского атамана. Как писал лично знавший Дутова Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин, «помимо должностей – Войскового атамана Оренбургского Войска и командующего оренбургской армией, он (Дутов. – *А. Г.*) занимал еще два ответственных поста: уполномоченного Временного Правительства по продовольственной части и главного начальника Оренбургского края. Благодаря такому сочетанию получилось единоначалие и устранились ведомственные трения. Таким образом, А.И. Дутов – с одной стороны, как выбранный Атаман, опирался на волю народа, а с другой стороны, как начальник края, явился представителем центральной власти, получив назначение – сначала от Временного Правительства из Петрограда, потом от Сибирского Правительства. В этом были его сила и авторитет. Власть А.И. Дутова – как военная, так и гражданская, – кроме Оренбургского войска, распространялась на громадную территорию, со включением части губерний – Оренбургской, Уфимской и Самарской, а также Тургайской области. Управляя краем и командуя армией, он обнаружил большие военные дарования и организаторские способности: особенно поразительно было его умение выходить с честью из самых трудных положений. У него был правильный глазомер и верный взгляд военный: на дело он смотрел в целом, не увлекаясь частностями и не разбиваясь по мелочам»[1932].

Подобная характеристика рисует идеализированную картину,

реальность же была несколько иной. Должность Главного начальника Оренбургского края (не позднее апреля переименована в Главного начальника Южно-Уральского края) просуществовала лишь с 13 февраля по 23 мая 1919 г., вызвав недоумение общественности. В положении о краевых управлениях предусматривался временный характер их деятельности, однако фактический срок их существования оказался еще *более* коротким – в частности, управление Главного начальника Оренбургского края даже не успело толком сформироваться. Впустую были потрачены средства, которые могли бы быть использованы для других целей, еще *более* усугубилась дезорганизация тыла. Подобными просчетами власти пользовались ее противники в целях дискредитации омского правительства, указывая на его неспособность вывести страну из кризиса. Получила распространение поговорка: «От генерал-губернатора и диктатора один шаг до императора».

Переименование Оренбургского края в Южно-Уральский повлекло неимоверную путаницу – «многие пакеты наши направлялись в Екатеринбург и даже Златоуст, несмотря на то что на конвертах была ясная надпись «г. Троицк»; и, наоборот, несколько пакетов, а один даже с надписью «срочный», адресованные Уральскому краю, доставлялись в наш. Есть основание предполагать, что часть направленной к нам переписки отправлена даже в Уральск»[1933]. Помимо адресов аналогичная путаница происходила с определением сферы компетенции того или иного начальника края. Возникали противоречия между военной и гражданской властями и между представителями власти разных уровней. Несмотря на это, высказывались предложения объединить под властью начальника края Уральскую область и освобождаемые местности Туркестана[1934].

В лабиринтах омской политики

С первых чисел апреля Дутов фактически уже не командовал Отдельной Оренбургской армией, а уехал в Омск и занимался там политической деятельностью. С 7 апреля до самого расформирования армии Дутова замещал с небольшим недельным перерывом с 18 по 25 апреля его начальник штаба Генерального штаба генерал-майор А.Н. Вагин[1935]. Таким образом, атамана Дутова вряд ли уместно обвинять в каких-то боевых неудачах этого периода или ставить ему в заслугу успехи – он к ним уже не имел никакого отношения. По должности Войскового атамана Дутова замещал главный начальник Оренбургского военного округа на театре военных действий и помощник Войскового атамана Генерального штаба генерал-лейтенант Л.П. Тимашев.

9 апреля Дутов приехал в Омск и был принят Верховным Правителем. В своем официальном интервью атаман указал несколько целей приезда: 1) военные вопросы; 2) вопрос о новых границах Оренбургского края; 3) национальный вопрос – взаимоотношения с башкирами и киргизами; 4) вопрос об обсеменении полей в связи с неурожаем в 1918 г.[1936]

Уже на следующий день Дутов встретился с Председателем Совета министров П.В. Вологодским, управляющим делами Верховного Правителя и Совета министров Г.Г. Тельбергом. Разговор касался информирования населения о решениях правительства и судьбы института главных начальников края[1937].

С целью заручиться поддержкой союзников Дутов в тот же день встретился с командующим союзными войсками в Сибири французским генералом М. Жаненом, который записал в своем дневнике: «Дутов явился к завтраку в сопровождении киргизской охраны, одетой в меховые шапки и малиновые мундиры. Это любопытная физиономия: средний рост, бритый, круглая фигура, волосы острижены под гребенку, хитрые живые глаза, умеет держать себя, прозорливый ум. Я не знаю, насколько он сведущ в военной тактике, но он должен уметь захватывать своих людей на сходах, дорогих сердцу казаков. Этим я объясняю себе его влияние. Он рассказывает нам о своих битвах во время революции, о своих партизанских операциях и о своем обратном наступлении после того, как большевики отбросили его в пустыню. Он просит у меня поддержки, чтобы обезопасить дальнейшую судьбу своей армии, так как думает, что его снимут с командования. Он говорит, что это ему безразлично, но важно, чтобы его казаки остались вместе и отдельным корпусом дошли

до Москвы. Он рассказывает нам, между прочим, о своих расправах с железнодорожниками, более или менее сочувствующими большевикам. Он не колебался в таких случаях. Когда саботажник-кочегар заморозил паровоз, то он приказал привязать кочегара к паровозу, и тот замерз тут же. За подобный же проступок машинист был повешен на трубе паровоза»[1938]. Если верить Жанену, Дутов уже в начале апреля догадывался или имел сведения о своей возможной отставке с поста командующего армией. В конце этого весьма насыщенного встречами дня Дутов совместно с Колчаком и чинами штаба Верховного главнокомандующего посетили благотворительный вечер в пользу оренбуржцев, проводившийся в гарнизонном собрании[1939].

11 апреля в 11 часов утра Дутов посетил Войсковую управу и Войсковой штаб Сибирского казачьего войска[1940]. В этот же день состоялось долгожданное причисление атамана к Генеральному штабу[1941], произошедшее спустя десять с лишним лет после окончания им академии. Несмотря на то что это причисление было не чем иным, как своеобразным поощрением атамана со стороны верховной власти и не было связано с какими-либо его заслугами на военном поприще, Дутов все же получил некоторую моральную компенсацию за унижения академического периода. По всей видимости, это был политический ход самого Верховного Правителя, стремившегося укрепить свои доверительные отношения с атаманом.

12 апреля в 19 часов ответный визит атаману нанесли исполнявший должность Войскового атамана Сибирского казачьего войска полковник Е.П. Березовский (Войсковой атаман генерал-майор П.П. Иванов-Ринов в этот период состоял командующим войсками Приамурского военного округа и находился на Дальнем Востоке) и начальник Войскового штаба полковник В.С. Михайлов. По всей вероятности, на этих встречах речь шла в том числе и о помощи сибирских казаков оренбуржцам. К слову сказать, просьба об этом была направлена оренбургским Войсковым Кругом сибирцам еще в феврале 1919 г.[1942] Между тем Березовский не считал себя полномочным распорядиться призывом сибирцев, соответствующее представление было направлено войсковой администрацией в правительство. Уже готовые формирования сибирских казаков в этот решающий момент находились в резерве Верховного главнокомандующего на отдыхе и доукомплектовании, а также участвовали в обеспечении порядка и борьбе с восстаниями на территории Сибири[1943]. В итоге в ходе весеннего наступления оренбуржцы так и не дождались ни одной шашки от соседнего Сибирского казачьего войска. Лишь во второй половине мая

сибирские казаки были отправлены на фронт, однако момент был упущен – Восточный фронт белых уже стремительно катился на восток. Если бы Сибирская казачья дивизия к середине апреля 1919 г. оказалась под Оренбургом рядом с наступавшими частями Отдельной Оренбургской армии, Оренбург был бы взят белыми, а готовившийся красными контрудар – сорван. Не менее эффективно было бы использовать сибирцев и на направлении главного удара – на подступах к Самаре, где белые особенно остро нуждались в свежей коннице.

13 апреля Дутов, Колчак, члены правительства и представители союзников присутствовали на панихиде по генералу Л.Г. Корнилову, причем, по свидетельству очевидца, на оренбургском атамане были погоны с литерой «Ат.», якобы обозначавшей его атаманскую должность. На самом деле погоны с такой шифровкой были установлены для Атаманской казачьей сотни Оренбургского казачьего войска[1944], по всей видимости, сотня была позднее переформирована в двухсотенный Атаманский дивизион, погоны которого и носил Дутов. В тот же день прошла еще одна панихида по случаю сорокового дня со смерти супруги генерала Б.И. Хорошхина, на которой также присутствовал Дутов[1945].

Можно предположить, что в Омске Дутов в своих целях широко использовал доверительное отношение к нему со стороны Верховного Правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака. Однако омский период жизни Дутова был далеко не безоблачным. У атамана нашлись свои недоброжелатели. За активное участие в омской политической жизни Дутов был охарактеризован помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерал-лейтенантом бароном А.П. Будбергом как человек, «везде сующий свой нос»[1946].

В эти дни в омских газетах писали: «Вот уж год с лишком имя атамана Дутова не сходит со страниц газет. Его жизнь – причудливая сказка, не укладывающаяся ни в одну из рамок жизненной логики»[1947]. По мнению корреспондента газеты «Сибирская речь», беседовавшего с Дутовым в первый раз еще летом 1918 г., за прошедшие месяцы «генерал заметно изменился. Усталость, утомление разлиты в его чертах. Морщины вокруг губ наметились глубже и резче. Только глаза – черные и блестящие по-прежнему горят железной волей и удалью»[1948].

Вызывают по меньшей мере удивление суждения Дутова о положении на фронте Отдельной Оренбургской армии и в целом на Восточном фронте белых: «Теперь наше положение в военном смысле безусловно прочное, устойчивое. Нами уже пережиты

тяжелые мгновения, они не повторятся теперь!.. Сейчас мои части (начало апреля 1919 г. – *А. Г.*) находятся в соприкосновении с красными уже в пяти – десяти верстах за Орском… Красные бегут как только могут и успевают бежать… Нет сомнения… в том, что большевистское царствование заканчивается… с каждым шагом вперед нашей армии, крепнет положение нашего правительства, и растет к нему доверие… А доверие к нему и сейчас огромное в населении!

– Когда же будем в Москве, генерал? – спрашиваю я, прощаясь с ним. – В августе? <…>

– Да, в августе мы будем в Москве! – твердо повторяет генерал А.И. Дутов»[1949]. Подобные безответственные заявления, сделанные в обстановке эйфории от незначительных успехов весеннего наступления белого Восточного фронта, даже несмотря на провокационные вопросы со стороны журналистов, недопустимы для крупных политических и военных деятелей. Разумеется, в период наступления можно было быть оптимистом, но Дутов, несомненно, знал и истинное положение на фронте и в тылу, знал о нехватке способных военачальников, проблемах с подготовленными резервами, снабжением. Почему же он позволил себе такое высказывание?! Это не может объясняться только лишь стремлением успокоить население или провокационной постановкой вопроса журналиста. Ведь уже через два месяца после интервью ответ Дутова казался откровенно смехотворным. Если этот ответ не был преднамеренно искажен журналистом, что маловероятно, то приходится склониться к мысли о том, что оренбургский атаман в данном случае проявил крайнюю недальновидность. К сожалению, это был далеко не единичный случай в его политической карьере.

Можно предположить, что 18 апреля (день сдачи Генерального штаба генерал-майором А.Н. Вагиным Дутову временного командования Отдельной Оренбургской армией[1950]) Дутов вернулся из Омска в Троицк, ставший пристанищем Войскового правительства и, таким образом, временно превратившийся в столицу войска. Переехать в Оренбург правительство предполагало лишь по освобождении от красных Самары[1951].

Из Троицка атаман писал Колчаку 24 апреля: «Пользуясь неизменно Вашим внимательным ко мне отношением, я позволяю себе вновь беспокоить Вас своими письмами и своими впечатлениями. Заранее извиняюсь, если я отнимаю дорогое у Вас время… Агентура армии дает еще и следующие сведения – интеллигенция и особливо купечество страшно недовольны мобилизацией их и реквизицией белья. Начинаются просто

разговоры, что Верховный Правитель не нужен, пора поставить царя и разогнать Омское пр[авительст]во. Вот и сбываются мои предположения, что большевики слева и Монархисты – справа соединились и начинают работу совместно. Я, конечно, принимаю все меры к прекращению всего безобразия и жестоко караю за сокрытие белья, лошадей и проч. У нас здесь очень слабо поставлена агитация и печать, нет бумаги, нет типографий. Я пишу Вашему Высокопревосходительству м. б. без соблюдения этикета, но общность всех к стремлению поскорее создать Русь, заставляет меня быть подчас не совсем дисциплинированным… Теперь считаю долгом доложить Вам, что в связи с передачей моей армии генералу Белову (Витекопф), я фактически устраняюсь от военных операций, а потому излагаю кратко свое последнее мнение. В настоящее время мне кажется, что большевики в районе Сызрань – Самара сосредотачивают значительные силы и собирают кулак. Наши победоносные войска растянулись и действуют на широком фронте. Войска утомлены трудными переходами в распутицу и поредели в рядах. Мне думается, что корпус Каппеля было бы своевременно подтянуть в Уфу и район Белебей – Бугульма. Наша армия сильна победой, и она не должна иметь неудач, а потому на Самару необходимо смотреть со вниманием. Этим я заканчиваю свое повествование и еще раз прошу меня извинить за вмешательство, может быть, не в свое дело. Относительно должности Пох[одного] Атамана буду иметь честь доложить Вам по прибытии в Ставку. Последнее время очень скверно себя чувствую – с приезда в Троицк опять начались приступы моей контузии, и я пережил вновь несколько неприятных обмороков. В связи с принятием новой должности Пох[одного] Атамана, меня озабочивает судьба Края, коего я являюсь начальником, я не успел испросить Ваших указаний в Омске, м. б. возможно это будет узнать теперь? Не откажите принять мои уверения в совершенном и глубоком почтении, преданности и уважении *А. Дутов*»[1952].

Это пространное письмо Дутова наиболее ярко выражает его политические взгляды и свидетельствует о том, что оренбургский атаман не являлся монархистом, хотя в советской историографии подобная точка зрения была господствующей. Более близка к действительности оценка И.Ф. Плотникова, по мнению которого Дутов был настроен умеренно-демократически[1953]. Как я уже отмечал, по своим политическим взглядам Дутов был наиболее близок к кадетам. 22 марта 1919 г. он писал Колчаку: «Ваше же официальное заявление, что Вы мыслите новую Россию, построенную лишь на демократических началах, дает мне право быть с Вами вполне откровенным»[1954]. Столь однозначные оценки

свидетельствуют о точном знании оренбургским атаманом политических взглядов Верховного Правителя. Вряд ли Дутов позволил бы себе критиковать монархистов, если бы хоть немного сомневался в том, что Колчак таковым не является.

Вообще письма Дутова Колчаку весьма интересны. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о характере этой переписки. Известны пять писем Дутова Верховному Правителю, все они относятся к 1919 г. и датированы: 21 февраля, 9 и 22 марта, 24 апреля и 31 октября. Значительный полугодичный перерыв в письмах с конца апреля по конец октября обусловлен тем, что в этот период Дутов с некоторыми перерывами находился в Омске и имел возможность непосредственно общаться с Колчаком. Судя по всему, личное знакомство Дутова с Колчаком состоялось в Челябинске 11 февраля 1919 г. во время поездки последнего на фронт. Первое и самое короткое письмо Дутова было написано по горячим следам этой встречи, видимо, с целью закрепить существовавшее с ноября 1918 г. заочное, а с февраля 1919 г. уже личное доверительное отношение к Дутову со стороны Верховного Правителя. В марте – апреле объем писем увеличивался – Дутов чувствовал, что Колчаку интересно его мнение, и позволил себе писать подробнее. При этом оренбургский атаман в письмах постоянно извиняется за то, что осмеливается беспокоить Колчака, всячески выражает свое почтение, постоянно пишет о единстве взглядов с Колчаком. Посредством писем Колчаку Дутов пытался проводить интриги, бороться со своими оппонентами в войске. В то же время письма Дутова содержат и рациональное зерно – в них освещается видение Дутовым целей и задач государственного и военного строительства, борьбы с разрухой и т. д., затронут широкий спектр проблем. Все письма, за исключением третьего от 22 марта (машинописного), написаны самим Дутовым от руки, что предполагает доверительное отношение между корреспондентами. И действительно, отношения Колчака и Дутова, несмотря на неудачи на фронте Отдельной Оренбургской армии, носили именно такой характер. Показательно, что письма Дутова хранились Колчаком в одной папке вместе с письмами наиболее близкого ему человека – гражданской жены А.В. Тимиревой и другими важными для него документами. Не исключено, что идеи, изложенные Дутовым в письмах Верховному Правителю, оказали непосредственное влияние на политику Колчака. Судя по этим письмам, оренбургский атаман был одним из основных советников Колчака. Интересно высказывание Дутова о Колчаке и о себе самом: «Верховный Главнокомандующий работает не покладая рук. За короткий срок создано многое.

Может быть, и там существуют ошибки. Но сейчас… не время судить за них. Всякий русский гражданин должен беречь этот драгоценный хрустальный сосуд – Всероссийскую власть, возглавляемую адмиралом Колчаком… Мне предлагали неоднократно большую власть, но я не хотел принимать ее, опасаясь, что вручение мне власти может быть понято как стремление казаков захватить в свои руки власть. Когда я первый признал власть Колчака, у меня было 42 полка. Я счастлив, что главнокомандующий армиями Юга России генерал Деникин признал адмирала Колчака. Теперь в освобожденной от большевиков России нет такого уголка, где бы эта власть не была признана. Есть колеблющиеся умы, говорящие, что правительство не признано пока союзниками. Но не беспокойтесь, дорогие граждане, – придет день, когда русский народ везде заставит признать эту власть»[1955].

Из писем Дутова Колчаку становится ясно, что Дутов знал заранее (по всей видимости, более чем за месяц) о предполагавшейся реорганизации его армии и дальнейшем его назначении на должность Походного атамана всех казачьих войск. Белое командование предполагало расформировать Отдельную Оренбургскую армию после взятия Оренбурга[1956], на практике же случилось иначе. Скорее всего, эти вопросы обсуждались еще во время апрельского визита Дутова в Омск.

23 апреля Дутов как командующий армией составляет своеобразное командное «завещание» – аттестации некоторым высшим офицерам своей армии. На основе аттестаций Дутова можно получить представление о том, каким виделось атаману руководство армией после его ухода.

Командир I Оренбургского казачьего корпуса генерал-лейтенант Г.П. Жуков: «Здоров. Выносли. Храбр. Решителен. Настойчив. С железной волей. Отличный кавалерийский начальник. В боях спокоен. Обладает большой инициативой. Военное дело знает отлично и любит его. Прекрасный семьянин. Трезв и высоконравственен. Честен. Патриот. Убеждений твердо-непреклонных. Опытный генерал. Пользуется огромным уважением. Прямолинейно-правдив. Враг зависти и интриг. Справедлив. Выдающийся. Вполне достоин выдвижения на должность командарма или Глав[ного] нач[альника] округа»[1957].

Командир IV Оренбургского армейского корпуса генерал-майор А.С. Бакич: «Вполне здоров. Выносли. Отлично храбр. В среде солдат и офицеров сильно популярен и пользуется огромным уважением. Прекрасный администратор и хозяин. Вполне дисциплинирован, строг и настойчив в требованиях. Убеждений твердых. Решителен в бою и отважен в задачах.

Начитан. В бою абсолютно спокоен и умно руководит войсками. Пользуется расположением всего населения, где проживал. В боях с большевиками все время. Формировал Сызранскую стрелковую дивизию и все время с ней в боях. Трезв. Выдающийся. Вполне может командовать корпусом и в боях на этой роли незаменим»[1958].

Генштаба генерал-майор В.Н. Шишкин: «Здоров. Энергичен. Безупречно честен. Начитан. Всесторонне развит. Отлично разбирается в вопросах общественных и политических, твердых убеждений, готов на самопожертвование. В бою спокоен, распорядителен, пользуется уважением подчиненных, особенно среди офицеров. Выдающийся. Достоин выдвижения на должность комкора или крупный административный пост»[1959].

Начальник окружного и Войскового штабов генерал-майор В.Н. Половников: «Прекрасных душевных качеств: прям, честен до щепетильности, аккуратен, строг и прямолинеен с подчиненными. Враг интриг. Отличный семьянин. Совершенно не пьет. Пользуется огромным уважением, как среди казаков, так и офицеров. Справедлив и беспристрастен. Дело знает. Начитан. В бою совершенно спокоен, умело руководит. Прекрасный кавалерийский начальник. Знает лошадь и любит ее. Настойчив, обладает сильной волей. В борьбе с большевиками с октября 1917 года. Много сделал по создании русской армии, особенно казачьей. Хороший хозяин. Убеждений вполне твердых. Выдающийся. Достоин командовать корпусом (конным). Вполне подготовлен к должности наштаба округа и войска»[1960].

Как видно, своим преемником на посту командарма Дутов хотел видеть Г.П. Жукова, корпус которого должен был в этом случае принять В.Н. Половников. Непонятно зачем Дутов дал аттестацию А.С. Бакичу, который формально находился на службе в соседней Западной армии. Также неясно, в какой роли атаман видел своего бывшего помощника Генштаба генерал-майора И.Г. Акулинина.

Уже 25 апреля Дутов из-за неотложных дел и по состоянию здоровья сдал командование армией генералу Вагину[1961]. Штаб армии переехал в Орск. Вскоре атаман вновь покинул Троицк и выехал в Омск. В те победоносные для белых дни атаман едва ли мог подумать о том, что, уехав теперь, он больше никогда не вернется в родное войско. Вероятнее всего, очередная поездка в Омск была связана с необходимостью подготовки грядущей реорганизации армии. Не подлежит сомнению и то, что Дутов хотел играть более значительную роль на Востоке России и оказывать непосредственное влияние на политику правительства.

Сохранилось описание отъезда атамана: «Провожала

небольшая группа военных – представителей войсковых частей в городе, иностранцев и казаков. Небольшого роста, в форме Генерального Штаба, крепкая фигура, с глазами, которые светятся внутренним огнем… Атаман тихо беседует с провожающими, стоя у своего вагона… Приходит на мысль: будь у него соответствующие силы – давно мы могли быть в Саратове и связать наш фронт с югом России, где, быть может, не было бы последних неудач»[1962].

6 мая (23 апреля) 1919 г. с помпой был отпразднован войсковой праздник Оренбургского казачьего войска. На празднование в Троицке были приглашены французские офицеры, принятые в почетные казаки войска: полковник Ю.Л. Пишон, войсковой старшина Л.Л. Гильоми, есаул Ф.Э. Парис и хорунжий Ш. Беллада. Присутствовали члены Войскового правительства, управляющий Оренбургской губернией Генерального штаба генерал-майор В.Н. Шишкин, члены правления 3-го военного округа и т. д.[1963] Для казаков были организованы призовые скачки, джигитовка и рубка. В качестве призов выдавались папиросы и мануфактура[1964].

Дутов обратился к казакам с поздравлением: «*Войско ОРЕНБУРГСКОЕ!* Твое Войсковое выборное Правительство после долгой разрухи наконец имеет возможность день 23-го Апреля, день Войскового Праздника, отпраздновать согласно обычая. Оглядываясь назад, Войсковое Правительство видит, какое напряжение дало войско за эти годы. Вспоминая прошлое, войско Оренбургское не могло забыть седой славы своей и не посрамило земли русской. Казачье синее знамя высоко веяло на берегах Урала, и руки, его державшие, были тверды и крепки. Все кругом рушилось, горело, кровь лилась рекой, стоны и ужас были на войсковой земле. Но не погнулся и не погиб казак – степняк, Оренбуржец. Весь в крови, обожженный и в лохмотьях, но вышел казак из этого ада и только тверже стал духом. Родина Мать – твой сын сделал все, что мог. Благослови же и Ты его в день Войскового Праздника. Мы же, призвав на помощь Святого Великомученика и Победоносца Георгия, опять будем биться за тебя, великая мать Россия. В день нашего праздника все войско Оренбургское вознесет молитвы за павших честно в бою, на живых испросит силы и удачи. Войско ОРЕНБУРГСКОЕ. Крепись, недалек час великого праздника всея Руси, все Кремлевские колокола дадут свободный трезвон и возвестят Миру о целости Руси православной. Великий подвиг твой, Казачество Оренбургское, не будет забыт – он вечно напомнит твоему потомству о славных днях героической борьбы за честь и достоинство Родины нашей. От имени Войскового Правительства

приказываю праздновать этот день с великой торжественностью и вспомнить наш обычай – собрать войска, назначить парады, отслужить молебны, устроить казачью потеху – рубку, скачку, джигитовку. Пусть день 23-го Апреля лишний раз напомнит Вам, родные, что живы мы, сильны мы и что удаль казачья еще крепка в нас. С праздником Родное Войско поздравляет Ваше Войсковое Правительство»[1965].

Приказ был издан в период, когда еще не выдохлось весеннее наступление белых, и, разумеется, он проникнут большими надеждами на скорую победу.

Поздравительные телеграммы были получены Дутовым и правительством от многих видных военных и политических деятелей. Адмирал Колчак телеграфировал: «В день Войскового праздника славного Оренбургского казачьего войска шлю доблестным казакам Оренбуржцам свой привет в Твердой уверенности, что казачество как исконный оплот Государственности и порядка будет служить впредь ратными трудами и подвигами делу возрождения России»[1966]. Командующий Западной армией генерал от артиллерии М.В. Ханжин писал из Уфы: «Вас и лихое Оренбургское казачье войско поздравляем с войсковым праздником. Я и вверенная мне армия да поможет Вам Георгий Победоносец в святом деле освобождения родины»[1967]. Представитель войска в Омске Н.С. Анисимов писал: «Горячо помолясь Богу в день Войскового праздника, приветствуем Тебя, батько Атаман, и все родное казачество, уверены, что скоро враг освободит родные поля и грозные казачьи полки встанут в передних рядах освободителей матушки Москвы и всей России. Да будет единая великая Россия, вечная слава Оренбургскому казачьему войску и его лихому Атаману»[1968]. В телеграмме временно командовавшего Отдельной Оренбургской армией Генерального штаба генерал-майора А.Н. Вагина из Орска говорилось: «Я и чины штаба армии офицеры и станичники казаки сердечно поздравляем Вас с войсковым праздником молим патрона Нашего войска Св. Георгия Победоносца [о] ниспослании Вам сил на создание объединяющего казачества управления походного Атамана»[1969]. Свои поздравления прислали и союзники: адмирал Танака и генерал А. Нокс[1970].

Дутов решил воспользоваться праздником, чтобы поднять боевой дух войск. В частности, Атаманскому дивизиону было пожаловано старинное знамя Тысячного полка Оренбургского казачьего войска 1756 г., побывавшее вместе с казаками в Германии, Франции и Турции, а также серебряные Георгиевские трубы Оренбургского войска[1971].

Не исключено, что именно при давлении со стороны Дутова 1 мая 1919 г. омское правительство выпустило Грамоту казачьим войскам, в которой, отметив заслуги казачества перед Россией, подтвердило незыблемость устоев казачьей службы, поземельных отношений, военного и гражданского управления казачьих войск. В этом же документе правительство торжественно объявило своей ближайшей задачей подготовку закона, гарантирующего сохранение войскового самоуправления, автономию казачьих областей и неприкосновенность казачьих земель[1972].

6 мая по распоряжению Колчака для полевых работ были уволены со службы казаки Оренбургского войска присяги 1898 г. и старше[1973]. Эта мера получила неоднозначную оценку современников и историков, поскольку вела к значительному сокращению состава казачьих частей. В Западной армии было разрешено отпустить домой 10 % казаков на срок в 20 дней. Увольнению подлежали только те, кому к 1 апреля 1919 г. было больше 40 лет[1974]. Небезынтересно, что случайно или нет, но при передаче этого сообщения телеграфом было приказано уволить казаков присяги 1918 г. и старше, что означало увольнение наиболее боеспособной молодежи[1975]. Как вскоре выяснилось, это была ошибка. Вообще с телеграфом армии Дутова творилось что-то непонятное. На участке станица Елизаветинская – Орск постоянно происходили повреждения линии, в результате чего армия Дутова получала телеграммы иногда с опозданием в трое суток. По данным на 28 мая, из Уфы в Орск не могло пройти до 300 военных телеграмм[1976].

Однако Дутов был уже далек от этих проблем. Секретарь российского консульства в Кульдже (Западный Китай) А.П. Загорский (Воробчук), находившийся в командировке в Омске, вспоминал о своем знакомстве с Дутовым в этот период: «С Александром Ильичом я познакомился лично в мае девятнадцатого года в Омске и встречался там с ним много раз. Последний раз в этом городе я виделся с ним при его отъезде в Читу для примирения атамана Г.М. Семенова с Верховным Правителем. Минут тридцать в его поезде мы беседовали о положении на Уральском фронте, и я видел, как не уверен уже был Александр Ильич в благоприятном для нас исходе борьбы. Второй звонок заставил меня выйти из салон-вагона атамана. На площадке Александр Ильич, прощаясь со мною, как бы шутливо сказал: «До свиданья, надеюсь, мы еще увидимся с Вами в Кульдже»…»[1977] Если это свидетельство достоверно, то слова Дутова оказались пророческими, хотя в мае – июне 1919 г. ничто не предвещало скорый и трагический исход войск Дутова в Западный Китай.

Между тем во второй половине мая 1919 г. в Омске разразился скандал. Связан он был с интервью председателя Совета министров Российского правительства в Омске П.В. Вологодского органу сибирских областников, томской газете «Сибирская жизнь», опубликованным 29–30 апреля и 1 мая (№ 84–86), а 15 мая 1919 г. частично перепечатанным омской газетой «Наша заря» (№ 102) – органом демократической государственной мысли. Причиной скандала стали в значительной степени необоснованные выпады Вологодского против командования Отдельной Оренбургской армии. Интервью было дано Вологодским, судя по его дневниковым записям, еще 15–16 апреля своему другу, редактору газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианову[1978]. Поскольку на момент выхода статьи оренбургский Войсковой атаман и командующий армией генерал-лейтенант А.И. Дутов находился в Омске, статья была злободневной, и можно предполагать какую-то интригу, осуществлявшуюся самим Вологодским, в прошлом активным деятелем партии социалистов-революционеров. Вместе с тем цель публикации, дискредитировавшей оренбургское командование, была, по словам самого Вологодского, вполне благонамеренной – «предупредить повторение ошибок, дающих в результате такие ужасные последствия (имеется в виду отступление Отдельной Оренбургской армии в январе – феврале 1919 г. – *А. Г.*)»[1979]. В статье сообщалось:

«В заключение П.В. Вологодский познакомил нас с интересным материалом, относящимся к оренбургской армии, в которой, как известно, в январе обнаружилось разложение, закончившееся катастрофой – отходом ее от Оренбурга, Орска и Актюбинска, потерей имущества огромной ценности и перспективой окружения ее большевистскими войсками, разделения и уничтожения. Страшный это был момент… Одной из причин постигшей армию катастрофы и разложения ее было совмещение с командованием армией ряда других многосложных обязанностей. Еще в конце сентября прошлого года началось формирование частей этой армии, в состав которой входили казаки и башкиры. С 10 октября, после падения Самары и Бузулука, состав армии усилился частями народной армии на отвоеванном у большевиков фронте. Дело по формированию армии и ее военно-окружных управлений усложнилось, требуя громадного напряжения и работы от командного состава.

Между тем в лице командующего армией генерала Дутова совмещался целый ряд важнейших должностей: начальника округа, войскового атамана Оренбургского казачьего войска, Председателя войскового правительства, главноуполномоченного

мин[истерст]ва продовольствия по Оренбургской губернии и Тургайской области, а в звании члена учредительного] собр[ания] ген[ералу] Дутову пришлось еще нести обязанности по гражданскому управлению краем, участвуя в заседаниях оренбургского комитета уполномоченных от всероссийского] учредительного] собрания. По всем этим делам, чаще всего не имевшим ничего общего с делом командования армией, генерала Дутова ежедневно осаждали посетители и просители, ожидавшие своей очереди часто по несколько дней. Естественно, что такая работа, превышавшая физические силы одного человека, фактически не исполнялась. А недосмотр, несвоевременность или отсутствие необходимых распоряжений и мер[,] злоупотребления и т. п. внесли[1980] разложение. Наприм[ер], орган уполномоченного по продовольствию, не обслуживая нужд армии, – эвакуированные с бузулукского фронта в большом количестве продовольственные грузы, необходимые армии, как пшеница, сахар, мануфактура и проч., стоимостью свыше ста миллионов рублей, остались без учета и в большей их части достались не армии, а казачьему населению. Здесь было много всякого рода злоупотреблений, раскрывать и исследовать которые было некому. Духовной связи с командованием в армии не замечалось, и это отразилось на духе армии, это погасило порыв ее к победе.

Дальше. С 20 октября была учреждена должность начальника округа, но она была возложена на помощника войскового атамана и в то же время бывшего и начальником снабжения, и это лицо оказалось настолько перегруженным разнородными обязанностями, что у него не оставалось времени для надзора за деятельностью военно-окружных учреждений. Штаб военного округа, совмещая обязанности штаба войскового правительства, лишен был возможности заниматься своим прямым делом, а потому финансовая и другие отрасли сложного хозяйства армии оставались в хаотическом состоянии. Все это сопровождалось появлением самых противоречивых слухов о положении дел на фронте, нервировавших общество, а в то же время часть этого общества беспечно предавалась увеселениям, втягивавшим и военных. Когда под влиянием слухов о продвижении большевиков усиливалась в обществе тревога, его успокаивали уверениями о полной безопасности. Эти уверения распространялись вплоть до того дня, когда защитники Оренбурга, очутившегося в катастрофическом положении, – в большинстве офицеры, юнкера, кадеты и гимназисты – вынуждены были спасаться бегством от входившего в город противника.

Недальновидность командования, затормозившая

своевременную эвакуацию, явилась причиной страшной катастрофы: эвакуация, объявленная лишь 16 января, уже с 20 числа этого месяца превратилась в паническое бегство. Часть эшелонов с погруженным ценным военным имуществом осталась на станции и досталась большевикам, потому что не было ни паровозов, ни железнодорожного персонала, который разбежался. Эвакуированные больные и раненые часами оставались на морозе, да и в теплушках было не лучше, ибо они, за отсутствием дров, не отапливались. Многие военнослужащие, даже чины штаба армии, едва успели выехать, побросав имущество. Воспитанники военных гимназий уходили пешком, и многие из них, лишенные теплой одежды, замерзали в пути. Питательные органы на пути эвакуации совсем не были организованы, и потому многие, не располагавшие средствами для удовлетворения придорожных акул, голодали. Солдаты этапных комендантов дня по два – по четыре ничего не ели.

Разложение в частях армии быстро прогрессировало и дошло до того, что под городом Орском все вывезенное сюда артиллерийское, интендантское, автомобильное и друг. имущество досталось большевикам. Казачьи же части, высылавшиеся для задержания противника, захватывали подаваемые под эвакуируемые грузы подводы, чтобы не отстать в бегстве от военных. При такой обстановке слухи о бегстве с фронта офицеров легко воспринимались на веру в станицах, укрепляя в сознании казачества мысль о безнадежности и безуспешности борьбы с большевиками. Но теперь, слава Богу, это несчастье уже изжито, Оренбургская армия вновь возрождается, и нужно, чтобы страшный урок был полностью учтен и использован, а боевыми подвигами за восстановление родного гнезда была заглажена только что набросанная тяжелая в жизни казачества страница»[1981].

Надо сказать, что в статье были некоторые абсолютно справедливые упреки. В частности, совмещение Дутовым должностей атамана и председателя Войскового правительства, носивших военный и земско-хозяйственный характер, вызывало нарекания уже летом 1918 г.[1982], однако ни тогда, ни позднее эта критика услышана не была. Официальные представители Оренбургского казачьего войска отнюдь не считали, что действия Вологодского будут способствовать преодолению ими прошлых ошибок, и сразу после публикации интервью в Омске начали активно протестовать против этого поступка премьера. Уже через день (17 мая) к Вологодскому за объяснениями приехал сам Дутов вместе с официальным представителем Оренбургского казачьего войска в Омске генерал-майором Н.С. Анисимовым.

Встреча, очевидно, запомнилась премьеру, т. к. он уделил ей значительное внимание на страницах своего дневника:

«Пятница 16 мая. Утром в мой кабинет при Совете Мин[истр]ов явился атаман Дутов вместе с представителем Уральского казачества ген[ерал]-м[айором] Анисимовым. Дутов выразил мне свое неудовольствие по поводу моего интервью с сотрудником «Сибирской жизни» (результат беседы моей с редактором ее А.В. Адриановым) о положении Оренбургского края. Это интервью было перепечатано в омской газете «Наша Заря» (официальный орган). Он заявил, и его поддержал Анисимов, что сообщения, сделанные мною сотруднику «Сибирской жизни», не соответствуют действительности, и в то же время являются оскорбительными для чести его, Дутова, лично и для Оренбургского войска, и задал мне вопрос, корректировалось ли это сообщение мною. Я ответил, что оно мною не корректировалось, но, насколько я помню, оно отвечает содержанию моей беседы. Материалом же для моей беседы послужили, с одной стороны, совершенно официальные документы, с другой, личные мои беседы с оренбургскими беженцами. (Под официальными документами я разумел сообщение государственного контролера Г.А. Краснова в Совете Министров о положении дел в Оренбургском крае по исследованию полевого контролера Жихарева. Об этом сообщении я говорил как-то в своем дневнике.) Атаман Дутов вел со мной разговор в сдержанном тоне, но кончил так, что заявил, что будет просить Верховного Пр[авите]ля получить от меня удовлетворение в той или иной форме, и доложит об этом на кругу Оренбургского казачьего войска. Дутов ушел от меня, не подав мне руки. Анисимов более горячо реагировал на мой ответ ат[аману] Дутову, также не подал мне руки и заявил, что Уральское войско также станет в этом деле в защиту Оренбургского войска. Надо сказать, что в беседе с Адриановым я обрисовал совершенную неорганизованность эвакуации Оренбургского войска, мучения в дороге Оренбургских кадетов и институток, о предоставлении лучших вагонов «милым дамам», произвол комендантского состава и проч[ее]»[1983].

Дневниковая запись, на мой взгляд, наглядно демонстрирует слабую осведомленность Вологодского в казачьих вопросах. Например, он неоднократно называет Н.С. Анисимова (причем не только в этой записи) представителем Уральского казачьего войска, тогда как тот представлял оренбургское казачество. Тем более удивительно такое утверждение Вологодского после его личной беседы с Анисимовым. Из этого можно сделать вывод о том, что казаки безотносительно их войсковой принадлежности у

Вологодского ассоциировались исключительно с «происками правых», о которых в связи с деятельностью атаманов А.И. Дутова и Г.М. Семенова он писал в дневнике (запись от 15 апреля 1919 г.).

В ходе беседы с Дутовым и Анисимовым Вологодский подтвердил сказанное в интервью, после чего протесты оренбуржцев стали адресоваться в Совет министров и непосредственно Верховному Правителю адмиралу А.В. Колчаку. В архивах Москвы и Оренбурга мне удалось обнаружить два таких протеста – самого Н.С. Анисимова в Совет министров и Войскового правительства Оренбургского казачьего войска Верховному Правителю. Наиболее резко протестовал Анисимов:

«Я не имею в виду докладывать подробно Совету Министров о том, что в оскорбительных и для командования армией и особенно для войска Оренбургского отзывах главы Российского Правительства кроме неправды, подтасовки фактов и крайнего сгущения красок нет ничего. Опровержение всего этого уже сделано по команде Генералом Дутовым, как командующим армией и Войсковым Атаманом. Своей же задачей перед Советом Министров ставлю следующее положение: предположим, что все изложенное в газете есть правда от начала и до конца, то мог ли и тогда глава Правительства говорить об этом в печати? Допускала ли это военная этика? Допускал ли это, наконец, просто Государственный разум?

Для доказательства того, что этого делать было нельзя, я возьму примеры из прошлого. В начале Германской войны, вследствие несчастно сложившихся обстоятельств, у Сольдау погибла со всем имуществом целая первоочередная, дисциплинированная армия, причем достоверно известно, что почти без боя сдавались в плен лучшие гвардейские части. Заявлял ли в печати тогдашний Министр Председатель о разложении русской армии и о негодности командного состава? Нет, этого не было. И вполне понятно почему. Это – мог сделать только Министр, который определенно стремился бы к подавлению духа в войсках, подрыву авторитета командного состава и, как неизбежное следствие, – гибели Родины.

Дальше. Разгром нашей армии в Галиции, оставление в руках противника интендантского имущества большой ценности, оставление, даже без выстрела, подвозимых новых английских пушек, бегство солдат даже до того, что пришлось с тыла высылать карательные отряды и вешать бегущих на столбах по дороге. Оповещалось ли о такой катастрофе миру бывшим Министром Председателем? Нет не оповещалось. И не могло быть этого сделано, и по причинам мною уже высказанным, и потому

еще, что боевая неудача, вносящая всегда беспорядок и разложение даже в образцовые и дисциплинированные войска, далеко еще не обозначает общего разложения. Затем Тарнопольский разгром с оставлением миллиардного имущества, Рига. И тогда, при общем разложении армии, у Керенского, стремившегося убить, как будто даже сознательно, армию и погубить страну, не хватило духа оповестить об этом во всеуслышание. Уже из приведенных трех сопоставлений достаточно ясно видна вся преступность с Государственной точки зрения выпада господина Председателя Совета Министров по отношению войска Оренбургского, имеющего два самостоятельных казачьих корпуса, взявших недавно Актюбинск, Илецкую Защиту и ныне осаждающих Оренбург и, кроме того, до 15-ти полков, дерущихся в составе Западной и Северной Армий.

Это одно положение. Другое – это то, что мы принуждены видеть в выпаде Председателя Совета Министров не только неумную политику, но определенную травлю Оренбургского казачества, двухлетняя эпическая борьба которого у всех на глазах. Были оставлены Казань, Симбирск, Самара с огромным имуществом. Была, наконец, оставлена Уфа и Стерлитамак, поставившие Оренбургскую армию в тяжкое положение и предрешившие участь Оренбурга еще с осени 1918 г. Почему же господин Председатель Совета Министров не нашел в этом ничего достойного внимания общества, а нашел необходимым афишировать только неудачу Оренбургского казачества? Да еще в таком недопустимо оскорбительном для войска освещении? Неужели та кровь, которая пролита и сейчас обильно льется войском, то разорение, те пылающие и уничтожаемые дотла станицы заслуживают со стороны главы Правительства только такого отношения?

Обращаюсь, наконец, к последним дням. Нам известно из официальных источников, что не «возрождающаяся», – как говорит Министр Председатель, – а всегда боеспособная Оренбургская армия, обильно полившая своей кровью обратный путь до Оренбурга, – в настоящее время упорно бьется с успехом под стенами этого города, отдавая ежедневно по 100–150 жизней на благо Родины, а в то же время Западная армия уже откатилась за сотню верст назад, отдав два города. В рядах этой армии есть и разложение. Правый фланг и тыл Оренбургских корпусов снова под большой угрозой. Может быть, господин Министр Председатель на днях в печати будет говорить о позоре разложения частей Западной Армии и о негодности и неспособности командного состава?!

О борьбе казачьей армии под Оренбургом в настоящий

момент я считаю нелишним привести выдержки из оперативных донесений, чтобы мое заявление об «упорной борьбе под стенами Оренбурга» не было голословным. «Орск, 16-го мая 19-го года, оперативная, Оренбургский участок. [На] правом боевом участке тремя сотнями 23-го полка 14-го мая занята гора Платова, что на 12 верст северо-восточнее Оренбурга. Пока вследствие чрезмерного переутомления после крайне ожесточенного боя на линии хутора Белова, не имея физической возможности двигаться, части закрепились на линии гора Платова, гора Алебастровая и станица Нежинская. 15-го противник оставил свои окопы на правом фланге участка и отходит за Сакмарский разъезд. В окопах оставлено красными много патрон. Оставленные позиции заняты нашими частями. Потери на этом участке за 13 мая: убито 4 офицера и 72 казака, ранено 2 офицера и 56 казаков, без вести пропало 76 казаков».

Я считаю долгом обратить внимание Совета Министров, что в войне нормальный процент убыли распределяется так: 5–7 процентов убитыми и 93–95 ранеными и контуженными. Приведенные же донесения показывают, что из всего числа выбывших из строя убито гораздо больше, чем ранено. И это явление – постоянная особенность казачьего фронта. Не стыдно ли главе Российского Правительства хотя бы перед трупами!

Другое донесение. «Орск, 18-го мая 19 г., оперативная, Оренбургский участок. Наши части заняли хутор Гребени. Южнее наши части заняли станцию Меновой Двор и южную часть ж. дор. моста через Урал и продолжают наступать для овладения городом Оренбургом. Мост цел. 8-ой казачий полк занимает станицы Павловскую, Никольскую, Городищенскую, Краснохолмскую и Красноярскую (это линия станиц по левому берегу Урала к западу от Оренбурга). Красные обстреливают эти станицы с правого берега реки Урала слабым артиллерийским огнем». Совет Министров изволит видеть, что делает слабая[1984] числом казачья Оренбургская армия. А где сейчас Западная армия, передовая линия которой, кстати сказать, тоже заполнена Оренбургскими казаками, я полагаю Совету Министров известно.

Только что прозвучали в газетах яркие, выразительные, отдающие должное войску Оренбургскому, слова ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ, Генерала Жанена, Адмирала Танаки, Помощника Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего Генерала Бурлина, справедливо указавшего, что только за спиной многострадального Оренбургского казачества оказалось возможным создать Сибирскую армию, – как резким, оскорбительным для войска и гасящим дух диссонансом прозвучали слова министра Председателя.

Мне известно, что номер 102 газеты «Наша Заря», помимо нашего воздействия и даже без нашего ведома, не допущен на фронт распоряжением особой канцелярии Верховного Главнокомандующего. Значит, слова и мнения главы Правительства, опубликованные в печати, признаны могущими дурно повлиять на дух армии.

Что это? Измена ли делу возрождения России или просто недомыслие?!

И в том и в другом случае войско Оренбургское не может иметь доверия к такому лицу (т. е. к Вологодскому. – *А. Г.*) и решительно протестует против такого оскорбительного выпада Министра Председателя по его адресу»[1985].

Члены Войскового правительства были *более* дипломатичны и последовательно опровергли все тезисы председателя Совета министров[1986]. В их ответе отмечалось, что «заявление же это Вологодского указывает на то, что он смотрит на все с обывательской точки зрения, но для того, чтобы правильно судить об этом, надо быть воином или казаком в душе, чтобы понять всю трагедию, совершающуюся в душе воина, оставляющего свою позицию, и казака, отдающего врагу родные станицы… Все высказанное Министром Вологодским об Оренбургском казачьем войске и его армии показывает недоброжелательное отношение к Оренбургскому войску, основанное на непроверенных слухах и отнюдь не укрепляющее фронт и ведущее к благу России, поэтому Войсковое Правительство просит Ваше Высокопревосходительство оградить Оренбургское войско от подобных выпадов по его адресу, с чьей бы то ни было стороны»[1987]. К сожалению, нет сведений о содержании протеста самого А.И. Дутова, хотя по имеющимся данным такой протест был и даже зачитывался вместе со статьей Вологодского и представлением Анисимова 2 июня 1919 г. на вечернем заседании 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского[1988].

В ГА РФ удалось обнаружить источник, которым пользовался Вологодский, критикуя оренбургское командование. Это докладная записка военно-окружного контролера Оренбургского военного округа на театре военных действий С. Жихарева, подготовленная еще, видимо, в феврале – начале марта 1919 г., как писал ее автор, «во исполнение приказания Вашего, Г. Государственный Контролер, основанного на сделанном Вам г. Председателем Совета Министров предложении иметь от меня сведения о тех впечатлениях, которые создались у меня относительно происходивших в жизни Оренбургской Армии событий – не как у Представителя Государственного Контроля, а

как у стороннего очевидца событий»[1989]. Небезынтересно, что подлинник записки с пометками ее читателей, в том числе, видимо, самого Вологодского, хранится в делах Совета министров вместе с докладом Анисимова по этому вопросу, а копия – в личном архиве Вологодского[1990]. Судя по всему, на основе записки Жихарева 25 февраля 1919 г. государственным контролером был сделан доклад на вечернем заседании Совета министров[1991]. В майском интервью Вологодский, по сути, своими словами передал содержание этой записки. Однако кое-что добавил от себя и исказил вследствие слабого знакомства с историей антибольшевистского движения и обстановкой на Южном Урале. В итоге статья получилась значительно резче записки и разразился скандал.

Тем не менее основные обвинения оренбуржцев вполне могут быть отнесены не только к интервью, но и к тексту записки Жихарева, в связи с чем уместен вопрос о той роли, которую играл последний в Оренбургском военном округе на театре военных действий. Исходя из текста записки, явно недоброжелательной по отношению к командованию Отдельной Оренбургской армии, ясно, что контролер Жихарев не мог быть человеком Дутова или сторонником оренбуржцев. Жихарев непосредственно подчинялся государственному контролеру омского правительства Г.А. Краснову, а последний, в свою очередь, П.В. Вологодскому. Формально военно-полевой контроль был независим от армейского командования и проверял исключительно хозяйственную деятельность армии[1992]. Однако в записке Жихарев выступил как информатор Вологодского обо всем происходящем, отчасти выполняя те же функции, что и военные комиссары в РККА.

С государственной точки зрения Вологодскому такое интервью давать и публиковать ни в коем случае не следовало, т. к. оно подрывало авторитет армейского командования, не случайно номер газеты с интервью Вологодского был распоряжением особой канцелярии Верховного главнокомандующего не допущен на фронт независимо от протестов оренбуржцев. Наиболее целесообразно было провести закрытое расследование произошедшего и не дискредитировать армию. Однако Вологодский с его ограниченным кругозором провинциального адвоката посчитал иначе[1993]. Словно желая загладить свою вину, редакция «Нашей Зари» уже в № 104 от 17 мая опубликовала статью «Казачка-герой» о героизме оренбургской казачки М. Пастуховой. Вызывает удивление не только сам факт интервью Вологодского, но и крайне низкий уровень его информированности о происходящем на

подчиненной его правительству территории. Выдвигая обвинения, премьер руководствовался одним-единственным и притом непроверенным источником (в его личной папке с материалами о Дутове, Семенове и Хорвате других документов о положении на Южном Урале, кроме упомянутой записки и анонимного письма о злоупотреблениях оренбургских почтово-телеграфных служащих, нет), в результате чего сам попал впросак. В то же время глупость это или измена – судить пока рано. Хочется верить, что в дальнейшем этот вопрос прояснится.

17 мая в Омск с фронта вернулся Колчак. Дутов, находившийся тогда фактически не у дел, был в составе делегации, встречавшей Верховного Правителя. 23 мая атаман принял участие в заседании совещания представителей казачьих войск при помощнике военного министра и сделал доклад о создании казачьего министерства и совещания при нем в 25 выборных от всех войск[1994].

В этот же день Отдельная Оренбургская армия была переформирована в Южную. Ставка, видимо, осознала невозможность самостоятельной борьбы казачьей конницы без поддержки армейской пехоты (конница не могла штурмовать укрепленные районы в полосе железной дороги, а военные действия были привязаны именно к ней) и создала смешанную армию со значительной долей оренбургских казаков (свыше 45 %). Дутов освобожден от должности командующего армией и Указом Верховного Правителя № 257 назначен на пост Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии, оставаясь при этом Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска[1995]. О готовящемся почетном назначении он знал задолго до подписания Колчаком Указа (до февраля 1917 г. должность Походного атамана могли занимать только члены императорского дома). Еще 23 апреля 1919 г. депутаты Войскового Круга одобрили грядущую перемену[1996].

Прощальный приказ Дутова войскам был подготовлен еще 26 апреля, а опубликован лишь 27 мая. Атаман никого не забыл. В своем приказе он писал:

«История нашей Армии неразрывно связана с историей борьбы Оренбургского Казачества с большевизмом.

Восстание казаков в станицах и их партизанские действия привели к занятию города Оренбурга 20 июня 1918 года.

Это позволило мне при посредстве Штаба Округа, а после Штаба Армии выполнить крупную работу по созданию правильно организованных войск.

Всем известны и хорошо памятны те чрезвычайно тяжелые условия, в которых находились Командование и войска в смысле

формирования и снабжения.

Оренбургская Армия была охвачена тесным полукольцом противника, не имея глубокого, не угрожаемого со стороны неприятеля, тыла.

Формирование приходилось вести тут же на театре военных действий.

Правильного обучения не было, так как части иногда до окончания сформирования приходилось отправлять на фронт.

Обстановка требовала высшего напряжения, и казачье население безропотно выставило в ряды армии всех до 55 лет.

Успешная операция по овладению Орском открыла путь подвоза из Сибири боевых средств, и это дало возможность вести успешную борьбу по январь месяц.

В этот и последующий тяжелые периоды жизни армии ей не раз приходилось прекращать решительные действия, вследствие истощения огнестрельных припасов.

Далее, части Армии и население пережили минуты малодушия, но зато большая часть мужественно перенесла все тягости и лишения и после этого целым рядом примеров своей боевой работы доказала верность долгу перед Родиной, и я уверен, в дальнейшем явит новые примеры отваги и самопожертвования.

Благодарю всех Начальников, офицеров, казаков и солдат 1-го и 2-го Казачьих корпусов и 4-го Армейского за непрерывную боевую работу в течение четырнадцати месяцев.

Благодарю всех из состава бывших офицерских рот, принявших видное участие в начале борьбы, когда вооруженные силы Казачества были очень незначительны.

Приношу глубокую признательность своему ближайшему Помощнику и заместителю – Начальнику Штаба Армии, Генерального Штаба, Генерал-Майору **Вагину**, разделившему со мной труды командования Армией при указанных, чрезвычайно тяжелых условиях, при недостатке средств борьбы и вынесшего на своих плечах главнейшую организационную работу, состоя с июля 1918 года во главе Штаба Округа, а после Штаба Армии.

Прошу принять искреннюю благодарность Командира 1-го корпуса Генерала Жукова и 4-го Армейского корпуса Генерала Бакич, несших на себе тяжелую ответственность командования почти во все время существования Оренбургской Армии, а также Командира 2-го казачьего корпуса Генерала Акулинина, который в короткий срок своего командования сумел влить в войска наступательный дух и энергию.

Сердечно благодарю своих ближайших сотрудников: по управлению, руководству войсками и разработке стратегических

операций Генерал-Квартирмейстера, Генерального Штаба, Полковника Белаш; и организационной работе Армии Дежурного Генерала Полковника Альметева, а также благодарю исполняющего должность Начальника Оперативного отделения Капитана Кострова, напряженно проработавших в Штабе Армии со дня его сформирования.

Благодарю Главного Начальника Округа и Начальника Штаба Округа и Управлений, а также Начальника Военных Сообщений Полковника Лазарева за их работу при чрезвычайно тяжелых и неблагоприятных условиях.

Всем частям и Начальникам в составе новой Армии при более благоприятных общих условиях ведения войны искренне желаю еще больших успехов на пути к осуществлению общей высокой задачи, объединяющей всех Русских, любящих свою родину – освобождения России и ее духовного центра Москвы от большевистского ига и созыва Народных Представителей возрожденной России.

В добрый час!»[1997]

Походный атаман всех казачьих войск

27 мая состоялась встреча Дутова и начальника Главного управления по делам казачьих войск генерал-майора Б.И. Хорошхина с адмиралом Колчаком[1998], и в тот же день оренбургский атаман приступил к исполнению своих новых обязанностей[1999]. Начальником штаба при Дутове стал Генерального штаба генерал-майор Г.Ф. Одноглазков. Первоначально штаб Походного атамана располагался в Екатеринбурге, однако позднее был перенесен в Омск.

11 июня 3-й очередной Войсковой Круг 105 голосами против 25 при 4 воздержавшихся высказался за допустимость совмещения Дутовым должностей Походного и Войскового атамана, что говорит о полной лояльности Круга Дутову даже в отношении столь деликатного вопроса как совмещение им нескольких должностей, вызывавшего в основном негативную реакцию в военных и правительственных кругах. На следующий день председатель Круга П.Х. Фомичев в знак протеста против этой, по его словам, «роковой ошибки» добровольно сложил свои полномочия[2000]. Однако никакой катастрофы по этому поводу не произошло. Новым председателем был избран А.М. Лукьянов.

Созданная специально для Дутова должность Походного атамана и генерал-инспектора кавалерии считалась в белом руководстве чуть ли не почетной отставкой, на это указывает и первоначальное расположение штаба Походного атамана в Екатеринбурге – вдали от центров политической жизни Белого Востока, однако, скорее всего, Колчак стремился просто зафиксировать не совсем понятный статус Дутова, уже давно находившегося в Омске, а после расформирования Отдельной Оренбургской армии остававшегося только оренбургским атаманом и явно терявшего в полномочиях. Новая должность Дутова соответствовала II классу «Табели о рангах» и, следовательно, была на одну ступень выше, чем III класс, к которому принадлежал Дутов по своему генерал-лейтенантскому чину.

Впрочем, С.А. Щепихин указал и другие мотивы нового назначения: «Атаман Дутов, личность архипопулярная, так и просится на первые роли – но его опасаются: сегодня он против Семенова, а завтра за; сам себе навязывает должность Походного Атамана всех казачьих войск…»[2001].

Каковы же были права и обязанности Походного атамана? Во «Временном положении о Походном Атамане казачьих войск» говорилось, что:

«1) Должность Походного Атамана учреждается только на военное время. 2) Походный Атаман избирается Съездом представителей казачьих войск из генералов казачьих войск, выставленных кандидатами на эту должность Войсковыми Кругами или Войсковыми Правительствами казачьих войск, и утверждается в должности Верховной Властью. 3) Походный Атаман подчиняется непосредственно Главнокомандующему фронтом и пользуется правами Командующего Армией. Но в исключительных, не терпящих отлагательства случаях – по вопросам мобилизации и употребления казачьих частей согласно их особенностей службы и свойств Походному Атаману представляется право непосредственного письменного сношения с Верховной Властью, причем копии таковых сношений (рапортов, докладов и проч.) должны быть одновременно с сношением представляемы и Председателю казачьего Совещания (Начальнику главного управления по делам казачьих войск). 4) Походный Атаман – в отношении подчиненных ему строевых казачьих частей, Штабов и Учреждений, находящихся на театре войны – является Начальником с правами Командующего Армией в строевом и военно-административном отношениях, а также и по инспектированию частей – согласно существующих до сего правил. Все же военно-боевые (так в документе. – *А. Г.*) операции и задачи выполняются строевыми частями по распоряжениям общего командования на фронте. Таким образом, в круг ведения Походного Атамана входит общее наблюдение за боевой готовностью, благоустройством и своевременным удовлетворением всеми потребностями казачьих частей, обязанность осмотра и инспектирования их, а также право назначения на высшие строевые должности до командира полка включительно, но по предварительным соглашениям с Представителем Казачьего совещания (Главуказа) и с Войсковыми Атаманами тех войск, в строевых частях коих назначаются на должности начальствующие лица, а также тех войск, к войсковому сословию коих принадлежат эти лица. **Примечание:** За Командующим Армиями остается право в случаях несоответствия и выяснившейся непригодности к занимаемой должности Начальников строевых частей или совершения преступлений – экстренного отстранения их от должностей и временного замещения таковых соответствующими лицами казачьего сословия с уведомлением о том Походного Атамана. 9[2002]. По отношению к строевым частям, находящимся в тылу, на территориях своих войск и стоящих в подчинении своих Войсковых Атаманов, Походному Атаману предоставляется право лишь инспектирования строевых частей, а также иметь общее

наблюдение за боевой готовностью, благоустройством и своевременным удовлетворением всеми боевыми потребностями казачьих частей, действуя через Войсковых Атаманов и входя с ходатайствами к подлежащим высшим учреждениям и лицам. 10. Походный Атаман участвует в выработке операционных задач и планов Штаба Главнокомандующего фронтом. 11. Походному Атаману предоставляется право производства в чины за боевые отличия и награждения орденами в тех пределах, какие предоставлены Верховной власти – командующим Отдельными Армиями. 12. О результатах инспектирования и осмотра Походный Атаман представляет отчет о состоянии казачьих частей войск и представляет их Главнокомандующему фронтом. 15. Во время отсутствия Походного Атамана – по болезни, увольнения в отпуск, командировки и друг[их] причин – вступает во временное исполнение должности Помощник его, который в своей должности определяется на тех же основаниях, как и Походный Атаман – согласно ст. 2. сего Положения – одновременно с ним. 16. При Походном Атамане учреждается Штаб, определяемый особым штатом, утвержденным Верховной властью»[2003].

Новый штаб Дутова был организован на широкую ногу. При штабе имелся обоз с походной кухней, 3 экипажами, 2 рессорными телегами, 2 легковыми автомобилями, грузовиком и 2 мотоциклетами (для Дутова и для его начальника штаба), в обозе по штату полагалось 99 лошадей. Всего в штабе числилось ни много ни мало 127 человек[2004].

Не только Дутов пользовался поддержкой Колчака, но и самому Верховному Правителю была весьма полезна поддержка такого авторитетного военного и государственного деятеля, каким к лету 1919 г., безусловно, являлся Дутов. Сохранилось свидетельство, которое дорогого стоит. Гражданская жена Колчака А.В. Тимирева на допросе в иркутской губернской тюрьме 26 января 1920 г. показала, что Колчак отрицательно относился к атаманам Б.В. Анненкову и Г.М. Семенову и лучшего сравнительно с другими мнения был о Дутове[2005].

29 мая Дутов выехал в Екатеринбург и далее в Пермь, чтобы выяснить обстановку накануне визита в город самого Колчака для урегулирования серьезного конфликта с командующим Сибирской армией генерал-лейтенантом Р. Гайдой[2006]. Накануне своего визита в Пермь Колчак рассматривал самые разные варианты решения этого конфликта, вплоть до силового, для чего взял в поездку свой конвой и приказал привести в состояние повышенной боеготовности находившийся в Екатеринбурге батальон охраны Ставки. Судя по всему, для мирного решения

вопроса и сохранения престижа верховной власти Колчаку и потребовалось содействие Дутова в переговорах с Гайдой. Колчак посетил Пермь в ночь на 1 июня, видимо, на следующий день после приезда Дутова. Оренбургский атаман принял участие в переговорах с Гайдой, даже просил Колчака за мятежного генерала, чем способствовал компромиссному выходу из сложившейся ситуации[2007]. По неясным пока причинам Дутов поддерживал Гайду во многих вопросах и позднее[2008].

2 июня Колчак, Дутов, Гайда и В.Н. Пепеляев выехали из Перми в Екатеринбург, где к ним присоединился Генерального штаба генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, а уже 4 июня Колчак, Гайда, Дитерихс и Дутов вернулись в Омск[2009]. Тогда же в Омск прибыл и бывший командующий войсками Приамурского военного округа генерал-майор П.П. Иванов-Ринов. 6 июня Дутов на казачьем совещании доложил о положении на фронте[2010].

Об их приезде помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерал-лейтенант барон А.П. Будберг писал: «…надо весьма опасаться, что эта политиканствующая троица (т. е. Гайда, Иванов-Ринов и Дутов. – *А. Г.*) устроит здесь какой-нибудь кавардак… наличие здесь (в Омске. – *А. Г.*) Дутова и Иванова-Ринова, в связи с острым подъемом казачьего значения, дают (так в документе. – *А. Г.*) благодатную почву для разных слухов и предположений. Политиканство и интриги глушат здесь, как бурьян, всю созидательную работу; все рвутся к власти; бедный Адмирал (Колчак. – *А. Г.*) действительно находится в каком-то пленении; как бы хотелось, чтобы он нашел в себе решимость собрать в одну кучу всех местных политиканов и выслать их из пределов Сибири *подобно* тому, как то было сделано с членами Директории. Я даже говорил с Акинтиевским[2011], бывающим у Адмирала ежедневно с оперативным докладом, чтобы забросить Адмиралу идею о полезности и необходимости забрать Гайду, Дутова, Иванова-Ринова и полдюжины наиболее честолюбивых политиканов и отправить их за границу через Семипалатинск и далее, через пределы Китая; это сразу освежит Омскую атмосферу и даст возможность работать спокойно, избавив нас от всяких аспирантов, переворотчиков и жадных авантюристов, работа которых, по видимости как будто бы и в нашу пользу, вредит общему делу хуже всяких красных наступлений… Дутов, Иванов-Ринов и иже с ними носятся по городу и что-то махлюют. Бесконечно тяжело все это, противно и навевает самые грустные мысли…»[2012] К сожалению, генерал Будберг, увлекшись оскорблениями, совершенно не поясняет причины столь резких высказываний, в частности, в адрес Дутова. Другой мемуарист

отмечал, что в Омске всем заправляли Дутов, Дитерихс и Иванов-Ринов[2013].

Не исключено, что Колчак внял советам и по этой причине отправил Дутова в командировку на Дальний Восток, о которой пойдет речь ниже. С 8 июня 1919 г. секретарем Дутова стал барон Андрей Андреевич Будберг[2014]. В июне в Омске при участии Дутова проходил Чрезвычайный съезд представителей казачьих войск. Оренбургское казачье войско на съезде представляли также генерал-майор Н.С. Анисимов и полковник М.П. Шмотин[2015]. 26 июня Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак выразил желание сформировать Сводно-казачий полк и иметь его в своем личном подчинении, а кроме того, позволил Дутову также сформировать при себе казачий полк (1-я и 2-я сотни – оренбургские, 3-я – уральская, 4-я – сибирская, 5-я – забайкальская, 6-я – сводная (семиреки, астраханцы, амурцы, уссурийцы, енисейцы и иркутяне)[2016].

8 июня 1919 г. Дутов выехал из Омска в инспекторскую поездку по казачьим войскам Дальнего Востока, где руководил борьбой с партизанским движением, а также налаживал взаимоотношения между верховной государственной властью и местными атаманами Г.М. Семеновым, И.П. Калмыковым и И.М. Гамовым, ориентировавшимися в своей политике на Японию. Цель поездки сам атаман определил как «инспекцирование войск, ознакомление на местах с размерами большевистского движения и, в качестве походного атамана, личное знакомство со всеми казачьими войсками, их правлениями и также с постановлениями войсковых правлений и настроением населения»[2017]. Поездка Дутова стала заметным событием военно-политической жизни Дальнего Востока того времени. Даже руководители Белого движения считали дальневосточную атаманщину крайне вредным и опасным для общего дела явлением. Думается, этот термин имеет отношение в первую очередь к дальневосточным казачьим атаманам, проводившим собственную политическую линию. Однако документы свидетельствуют, что отдельные проявления атаманщины были присущи всем казачьим войскам, обусловливались особенностями казачьей психологии и политики. Атаманщина негативно сказалась на состоянии белого тыла, влекла за собой казачий сепаратизм, вызывала озлобление местного населения против белых, которое связывало местный безудержный произвол[2018] с политикой государственной власти. Наконец, именно из-за атаманщины белый Восточный фронт не получил с Дальнего Востока в 1918–1919 гг. ни одной воинской части, тогда как подкрепления были бы совсем не лишними и могли переломить ситуацию. В этой связи миссия Дутова,

авторитетного казачьего руководителя, имела огромную значимость.

Как вспоминал И.И. Серебренников, «следующая после Уфимского Совещания встреча моя с атаманом А.И. Дутовым состоялась в Чите летом 1919 года, в кафе гостиницы Селект. Это была встреча мимолетная, мы обменялись лишь несколькими словами – и разошлись, чтобы никогда уже не встретиться больше»[2019].

14 июня атаманом Семеновым в честь Дутова был устроен торжественный обед, на котором присутствовали и японские представители. Семенов сказал: «Счастлив принимать у себя такого гостя, как атаман Дутов, счастлив еще более, что на обеде имеют возможность присутствовать также представители дружественной нам державы Японии. Был бы очень рад, если присутствие здесь атамана Дутова и генерала Оба послужило лишним случаем укрепить дружественные отношения с Японией»[2020]. Крики «ура» и «банзай» огласили помещение. С ответным словом выступил Дутов, присоединившийся к высказыванию Семенова и приветствовавший его. После этого Семенов предложил тост за здоровье атамана Дутова и прибывших с ним гостей. Дутов поднял бокал за Семенова. Далее через переводчика выступил японский генерал-лейтенант Оба, который сказал: «…В Японии нет ни одного грамотного человека, который не знал бы генерала Дутова. Плодотворная, полная отверженности, работа генерала Дутова в борьбе с большевиками укрепляет уверенность, что Россия имеет честных людей (знатных дворян[2021]), которые выведут Россию на свою дорогу»[2022].

В Чите с 14 июня Дутов участвовал в работе 3-го Войскового Круга Забайкальского казачьего войска. Он выступил перед депутатами Круга с речью, обрисовав положение Белого Востока. В ответной речи забайкальский атаман Г.М. Семенов в очередной раз пообещал отправить на Восточный фронт часть своих войск.

На следующий день Круг вынес постановление о мобилизации в помощь Уральскому фронту[2023], однако оно так и осталось на бумаге. Дутов участвовал в проводах на фронт бывшего начальника читинской городской милиции, оренбургского казака Г.Т. Крохалева, тогда же был осуществлен сбор пожертвований на восстановление сожженных станиц (для этой цели образован даже специальный комитет, еще один комитет собирал деньги в помощь оренбуржцам на фронте, причем в первый же день было собрано 40 000 руб., после этого порыв читинцев заметно охладел), а затем около 18 часов атаман встретился с делегацией читинского Клуба национального возрождения. На основе высказываний Дутова дальневосточные

журналисты сделали вывод о поверхностном знании Омском ситуации на Дальнем Востоке. В Чите Дутов выступил с лекцией об истории борьбы оренбургских казаков с большевиками, однако по непонятным причинам местным офицерам было запрещено присутствовать на лекции, что дало повод для ерничанья журналистов по поводу «неблагонадежности» Дутова в понимании читинских властей[2024]. Далеко не всем понравилось высказывание Дутова о том, что он своим высоким положением обязан его Величеству русскому народу[2025].

Оренбургский атаман изначально собирался из Читы 19 июня выехать в Омск, но в связи с изменившимися обстоятельствами отправился накануне вечером в сопровождении выделенной Семеновым охраны через Хабаровск в Приморье. В последний день Дутов вновь встретился с японским генералом Оба. Между прочим, во время состоявшегося тогда же торжественного обеда русскую делегацию научили пользоваться японскими палочками.

В дороге Дутова встречали почетные караулы на станциях Даурия и Маньчжурия. На одном из разъездов атаман познакомился с американским инспектором Забайкальской железной дороги и обсудил с ним состояние и перспективы железнодорожного дела. Атамана очень интересовала возможность сооружения новых железных дорог на территории Оренбургского войска. Дутов в своей беседе проявил деловую хватку и получил от американца адреса нескольких лиц, которые могли быть заинтересованы в работе на войсковой территории. Как отметил в своем дневнике секретарь атамана А.А. Будберг, «надо удивляться… удивительной разносторонности дарования А.И.Д. Когда я слушал его деловую беседу с американцем, как-то трудно было представить себе, что это говорит профессионал военный, а не ловкий крупный коммерческий делец»[2026]. Далее путь лежал через территорию Маньчжурии. В пути Дутов продолжал получать почту и информационные сводки.

22 июня Дутов встретился с полковником Араи – начальником японской продовольственной базы – и высказал ему признательность за помощь японцев Белому движению[2027]. 23 июня он прибыл в Гродеково, где завершал свою работу 7-й Войсковой Круг Уссурийского казачьего войска (открылся 18 июня). Здесь Дутов встретился с атаманом Калмыковым. 24 июня уссурийские казаки пожаловали Дутову звание почетного старика станицы Гродековской[2028]. На Круге был затронут вопрос о посылке войск на Восточный фронт, но точно так же, как и в Чите, ничего, кроме обещаний, Дутов не добился. После Круга Дутов совершил поездку по Уссурийскому войску и осмотрел расквартированные там части. В ночь на 25 июня Дутов и

Калмыков выехали в Никольск-Уссурийский. Поезд атаманов и бронепоезд сопровождения несколько раз останавливались для исправления разобранного местными партизанами пути, причем пять раз подвергались обстрелу. Никто при этих обстрелах не пострадал. Несмотря на то что нападения, скорее всего, были инсценированы самим Калмыковым[2029], Дутов согласился с доводами уссурийского атамана о невозможности при столь широком размахе партизанского движения перебросить какие-либо части с Дальнего Востока на Восточный фронт.

26 июня Дутов и Калмыков добрались до Владивостока. Газета «Голос Приморья» писала в те дни: «А.И. Дутову не раз ставили в упрек его совместную работу с различными по политическому облику кругами, но тот, кто ближе знает его, никогда не поставит ему этого в вину. А.И. Дутов в деле воссоздания родины совершенно беспартиен. Он работал в свое время с правительством Керенского, пока была хоть какая-нибудь надежда, что таковое доведет страну до Учредительного собрания; он работал совместно с самарским комитетом до тех пор, пока комитет не занялся вновь разложением армии; он работал неутомимо и с теперешним омским правительством, каковое первый признал за единую верховную власть. В борьбе с большевиками в Оренбурге атаман Дутов работал в декабре 1917 года с комитетом [спасения] родины и революции, состоявшим, главным образом, из эсеров, но пользовался одновременно и громадной поддержкой со стороны торгово-промышленного класса и умеренных групп населения. По занятии в июне 1918 года города Оренбурга А.И. Дутову пришлось иметь все время под боком вновь избранную городскую думу во главе с социалистической управой…»[2030] Находясь во Владивостоке, Дутов 27 июня с 17 до 19 часов побывал на заседании биржевого комитета (председатель – К.К. Сабардин) и, как обычно, поведал об истории борьбы оренбуржцев[2031]. Деятели комитета приняли решение закупить предметы первой необходимости на сумму в 200 000 руб. и отправить их оренбургским казакам.

28 июня атаман встретился с командующим войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом, комендантом владивостокской крепости полковником Х.Е. Бутенко, представителями союзников генералами А. Ноксом, У. Гревсом, Иохио и Хагино, а также управляющим Приморской области М.М. Эверсманом[2032].

29 июня Дутов и Калмыков выехали в Хабаровск. В эти дни оренбургский атаман запросил разрешение адмирала Колчака задержаться на Дальнем Востоке для ликвидации партизанского движения. 1 июля 1919 г. со станции Евгеньевка Уссурийской

железной дороги он послал телеграмму Колчаку и в МВД: «Никаких мер к охране мостов на дороге не принято. Исправление делается только по приказу военных властей военными силами. Полное бездействие власти вообще, а железнодорожной в частности. Взял на себя инициативу исправлять дорогу угрозами, неотступными требованиями, исправлен путь у Евгеньевки [на] Кустанай (? так в документе. – *А. Г.*). Всякое промедление и миндальничание приведет к большим последствиям. Прошу в случае разрешения подчинить все войска русские, находящиеся в Гродеково, Никольске-Уссур[ийском] и Хабаровске, а также на жел[езной] дороге между ними. Американцы ничего не сделают, кроме вреда. Еду в два дня. Дорожных мастеров мало на линии, необходимо усилить. Большевиков здесь боятся, борьба с ними труда не представляет, если прикажете, я возьму на себя очистку полосы от шаек, прошу только разрешения применить те же меры, которые мною были приняты в Хабаровске № 1118. Генерал-Лейтенант *Дутов*»[2033].

Документ свидетельствует о решимости Дутова и негативной оценке им деятельности американцев на Дальнем Востоке. Кроме того, из этой телеграммы можно сделать вывод о том, что идея временно подчинить Дутову все русские войска в Приморье принадлежала самому атаману, а не Колчаку. Последний лишь издал приказ, удовлетворив просьбу атамана. Этот факт может говорить и о влиянии Дутова на военно-политические решения Верховного Правителя.

В Спасске атаман осмотрел авиационный парк и наблюдал за полетами. На последовавшем торжественном обеде Дутов поблагодарил чинов гарнизона и выразил уверенность в успешном развитии и процветании авиационного дела в России.

4 июля в 12 часов Дутов и Калмыков прибыли в Хабаровск. На вокзале для встречи был выставлен почетный караул местного гарнизона с оркестром 36-го Сибирского стрелкового полка и *Особого* Уссурийского отряда атамана Калмыкова. Присутствовали русские и японские офицеры, а также представители городских организаций. Состоялось посещение кадетского корпуса и размещенного в его здании Хабаровского атамана Калмыкова военного училища. В тот же день оренбургский атаман выступил перед депутатами хабаровской городской думы с речью о борьбе оренбуржцев с большевиками и о государственных задачах России. В своем выступлении Дутов сказал: «Почему крестьянство шло за мной, это должно быть понятно: я всегда и везде открыто говорил, что Россию нужно спасать собственными руками. Далее меня спрашивали: почему вы деретесь, когда вся Россия против вас? Я отвечал: не верю,

чтобы 180-ти миллионный народ шел против нас, не верю, чтобы он сам задушил себя, верю, что народ проснется, взглянет на действительность и, ужаснувшись своего безумия, совершит чудеса… Я полагаю, граждане, что пройдет еще 2 года, русский народ построит свое государство на костях и крови лучших сынов своих, закрепит его величие и поймет, что мощь его заключается в русской армии, которая будет предметом гордости русского народа. Западные народы, пережившие войну, не испытали большевизма в той мере, как это выпало на долю России, и через два года мы посмотрим, кто будет сильнее… Первыми учли это наши ближайшие соседи и союзники и потому-то они бескорыстно помогают нам… У большевиков все заводы и большая сеть железных дорог, благодаря которым им легко маневрировать. У нас этого нет, – зато есть твердый дух и вера. Сейчас большевики бросили все силы на Уральский фронт, но в это время армия ген[ерала] Деникина взяла Камышин, Царицын и Харьков и приближается к Воронежу!.. Отвлекая на себя большие силы красных, мы этим даем возможность двигаться Деникину. Нам все равно, кого будут вперед приветствовать в освобожденной России. Здесь не может быть мелкого честолюбия и тщеславного эгоизма. Я думаю, что количество орденов не всегда указывает на количество заслуг. В нашей армии орденов не носят (имелась в виду бывшая Отдельная Оренбургская армия. – *А. Г.*). Самая дорогая награда будет тогда, когда русский народ скажет нам за себя – «спасибо»…»[2034]

На заседании присутствующим удалось собрать 50 000 руб. для оренбургских казаков. На следующий день в честь Дутова был организован торжественный *обе*д. Из Хабаровска Дутов намеревался отправиться в Благовещенск, а затем возвратиться с Дальнего Востока в Новониколаевск, однако эти планы вновь сорвались.

Небезынтересно, что, несмотря на забастовку железнодорожников на Дальнем Востоке летом 1919 г., поезд Дутова следовал без задержек, что сами железнодорожники объясняли уважением к казачеству[2035]. 6 июля атаман на пароходе «Джон Коккериль» отплыл по Амуру из Хабаровска в Благовещенск. Его провожали представители городского самоуправления и журналисты, а также почетный караул с оркестром от отряда Калмыкова. На следующий день, 7 июля, Дутов из села Помпеевка Амурской области издал приказ о своем вступлении на основании приказа Колчака от 6 июля в командование всеми русскими войсками, расположенными в городах Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Гродеково и в полосе железной дороги между этими городами[2036]. Генерал-

квартирмейстеру штаба Приамурского военного округа Генерального штаба генерал-майору Н.И. Ефимову в Хабаровске предписывалось выделить Дутову 100 000 руб. на проведение мобилизации. 8 июля Дутов распорядился соорудить на станции Евгеньевка бронеплощадку, залив цементом обычную платформу, атаману Уссурийского казачьего войска генерал-майору И.П. Калмыкову, назначенному заместителем Дутова и начальником хабаровского гарнизона, последний приказал прислать для бронепоезда орудие[2037]. Тогда же Дутов обратился к местному населению: «От имени Верховного Правителя объявляю полное прощение всем насильно мобилизованным в Красную армию при условии немедленного перехода к нам. Добровольцам же красноармейцам могу простить их заблуждение только при условии выдачи своих комиссаров… Граждане! Я знаю, что все суровые приказы не нравятся вам, но мне, борющемуся за свободу и счастье России, за установление порядка и правильного исполнения законов вот уже почти два года, к сожалению, пришлось убедиться, что только суровыми мерами можно добиться точного исполнения всех распоряжений в столь тяжелое время»[2038].

Дутов высоко отозвался об уссурийском атамане Калмыкове: «Человек очень достойный, честный русский патриот и хороший русский офицер… скромен в своей личной жизни… живет в одной комнате со своими ординарцами. У него нет личных средств»[2039]. Тем не менее Омск не утвердил назначение этого «очень достойного» человека заместителем своего эмиссара Дутова, в результате Дутову пришлось назначить себе заместителем Генерального штаба генерал-майора Н.И. Ефимова. Впрочем, в своих действиях он по-прежнему опирался на Калмыкова.

Оренбургский атаман развил бурную деятельность по ликвидации партизан – отдал приказ о мобилизации лошадей и повозок в Хабаровском уезде, 8 июля объявил железную дорогу Хабаровск – Никольск-Уссурийский на осадном положении, при котором все служащие приравнивались к мобилизованным.

В Благовещенске Дутов произвел смотр Амурской казачьей бригады. 11 июля атаман выступил перед представителями городских организаций. Как обычно, Дутов рассказывал об истории своей борьбы с большевиками, причем безбожно врал, без зазрения совести выплескивая на головы неосведомленных слушателей байки о том, как накануне оставления Оренбурга в январе 1918 г. он якобы ходил в атаки во главе мобилизованной за два дня 17-тысячной конницы и отогнал большевиков на 200 верст от Оренбурга[2040]. Непонятно одно, неужели аудитория была

настолько наивна, чтобы все это воспринимать всерьез?!

12 июля Дутов из Благовещенска телеграфировал Колчаку о необходимости выдать двухмиллионную ссуду Амурскому казачьему войску на «заготовку предметов первой необходимости [в] дополнение [к] уже отпущенному весной сего года одному миллиону рублей, какового не хватило [на] заготовку одного только сноповязательного шпагата, ходатайствую [о] немедленном отпуске Амурскому войску этой ссуды, иначе население останется [к] закрытию навигации без обеспечения самыми необходимыми продуктами и предметами»[2041]. Принял он сторону казаков и в тяжбе Амурского войска с Амурским водным управлением за пароход «Благовещенск»[2042]. Разумеется, подобные во многом популистские шаги способствовали росту авторитета Дутова как казачьего лидера.

14 июля Дутов вернулся в Хабаровск и вступил в командование войсками Хабаровского района, причем лично руководил подготовкой контрпартизанских операций. В Хабаровске Дутов встретился с представителями Комитета Союза возрождения России на «деловой чашке чая»[2043]. Особенно сильным партизанское движение было в Южном Приморье и Амурской области. Полагаясь на свой боевой опыт, Дутов надеялся в течение полутора месяцев покончить с партизанским движением в регионе. План Дутова заключался во временной (на три недели) мобилизации уссурийских казаков и создании из них нескольких ударных групп. Он считал необходимым вести широкую пропаганду и одновременно осуществлять конные рейды, ввести контроль на транспорте и путях сообщения, усилить милицию[2044]. Мобилизация прошла весьма успешно – походному атаману удалось мобилизовать до 6000 казаков Гродековского, Полтавского и Платоно-Александровского станичных округов Уссурийского казачьего войска – почти всех, способных носить оружие[2045]. Боевые действия в июле – августе развернулись по всему Приамурью. Войсками Гродековского района Дутов командовал лично. В результате партизанам был нанесен ощутимый удар. Впрочем, успех, достигнутый благодаря мобилизации значительного числа войск, оказался временным – уже осенью 1919 г. начался новый всплеск партизанского движения.

Как один из основоположников Белой борьбы и признанный лидер казачества Дутов повсюду встречал радушный прием. Успехи кружили голову, и во время своей дальневосточной командировки атаман начал активно давать интервью и писать общественно-политические и нравоучительные статьи в дальневосточные газеты под заголовком «Мои наблюдения».

Существует по меньшей мере две публикации такого рода. Это статьи «Мои наблюдения о японцах» и «Мои наблюдения о русской женщине»[2046]. В первой статье, которую Дутов написал 17 июля, он ставил японцев в пример русским за их выправку, дисциплинированность, скромность, трудолюбие, любовь к детям и писал, что «народ, любящий армию и солдат, прекрасно в ней служащий, – всегда и везде будут заслуживать только уважение»[2047]. Во второй статье, написанной 12 июля в Хабаровске, но опубликованной после более поздней статьи о японцах, Дутов привел примеры жертвенности женщин, начиная с античных времен и заканчивая женскими батальонами 1917 г., и патетически заключил: «Русские женщины! Страна ждет от вас подвига»[2048]. Дутов рассуждал в печати и о международном положении Дальнего Востока. По его мнению, намечалось сближение русских с японцами в связи с идеей союза Японии с Россией в возможной войне против Северо-Американских Соединенных Штатов. Росла поддержка американцев. Китайцы были безразличны, а монголы все больше тяготели к России[2049].

График работы Дутова, проживавшего в гостинице «Эспланад», в те дни был следующим: 9—11 часов – прием частных посетителей, 11–14 часов – доклады чинов штаба, 17–19 часов – прием официальных лиц по гражданскому управлению, 19–20 часов – прием представителей печати и общественных организаций[2050].

В Хабаровске 26 июля Дутов издал прощальный приказ-обращение к забайкальским, амурским и уссурийским казакам:

«Станичники забайкальцы, амурцы и уссурийцы! К Вам мой приказ. Ваша ревностная, честная и бескорыстная служба родине на глазах у всех. Не мне ее отмечать, она оценится народом русским, запишется в его историю и оценится всем казачеством. Мое слово одно – продолжайте ваше дело помощи России, исполняйте свой долг до конца. Приказываю всем станичникам, станичным атаманам, командному составу оказывать всякое содействие гражданским властям края и областей при обращении к вам за помощью. Они также служат родине и их работа нужна государству. Ваша прямая обязанность, как представителей военной мощи России, помочь всем до оружия включительно.

Бросим бывшие трения, недовольство друг другом и в тесном русском единении будем творить общее дело и строить новую Русь. Все приказы командующего войсками и его указания в борьбе с большевиками исходят от имени центральной власти, всеми нами признанной, а потому нам, казакам, щеголявшим всегда разумной воинской дисциплиной, эти приказы надо исполнять особливо тщательно и быстро. Все же приказы

командующего войсками округа в деле борьбы с большевизмом обычно исходят из желания облечь эту борьбу в единый план, в единство действий, а потому требую отзываться на призыв командующего войсками также, как вы отзываетесь на мой, атамана походного. Сыны мои, станичники дорогие, батько ваш худого не посоветует, а потому к единению, дружбе и общей работе на благо всего государства и призываю вас. Желаю удачи и здоровья»[2051].

29 июля в печати было объявлено о предстоящем отъезде Дутова[2052]. По сведениям на 30 июля, он уже выехал в Омск. С отъездом Дутова масштабы борьбы с партизанами значительно уменьшились. Основным итогом поездки Дутова стала, по мнению хабаровского историка С.Н. Савченко, переориентация Колчака на сотрудничество с местными атаманами в борьбе с партизанским движением. Избранный курс объективно усиливал значение казачества в политике Колчака. Сами атаманы постарались продемонстрировать свою полную лояльность Верховному Правителю, однако так и не дали ни одной части на Восточный фронт. Кроме того, Дутов, как представитель Колчака, лично убедился в затруднительности подобной поддержки[2053].

4 августа Дутов из Благовещенска прибыл в Читу, собираясь отправиться оттуда в Иркутск, на съезд Иркутского казачьего войска. Небезынтересно, что в ходе поездки Дутов на пограничной станции Маньчжурия встретился и беседовал с Р. Гайдой, содержание этой беседы генералов неизвестно[2054].

В качестве Походного атамана Дутов назначал на различные должности и производил в следующие чины казачьих офицеров, причем большинство назначений и производств касалось офицеров-оренбуржцев – т. е. его собственных выдвиженцев. Это можно объяснить и тем, что он, быть может, не хотел активно вмешиваться в дела других казачьих войск. Дутов в своих приказах заботился о своевременном и законном производстве и награждении офицеров казачьих войск, также участвовал в разрешении различных спорных ситуаций. В поездке по Дальнему Востоку его сопровождали штаб-офицер для поручений войсковой старшина К.С. Новокрещенов, личный адъютант войсковой старшина П.Ф. Чеботарев (в 1919 г. Колчак утвердил его производство сразу в два чина) и два ординарца – подъесаул Н.К. Сережников (астраханец) и сотник Кармилов (сибирец), а также подпрапорщик 2-го Уфимского железнодорожного батальона Романов.

Небезынтересно, что связь с Дутовым в 1919 г. пытались поддерживать представители Юга России. В марте 1919 г. в штаб А.И. Деникина прибыл генерал-майор М.Н. Бородин из

Уральского казачьего войска. В связи с его приездом отдел иностранных дел донского правительства заинтересовал вопрос о том, как можно проехать к Дутову. Удивительно, что донское правительство у генерала-уральца интересовалось почти исключительно сведениями не об Уральском, а об Оренбургском войске. От Бородина удалось выяснить, что:

«1) После занятия Оренбурга советскими войсками всякая связь с Адмиралом Колчаком и Сибирью прервана, почему он лишен возможности сообщить что-либо о положении дел на фронте армии Колчака и Дутова. Вооруженные силы Колчака он исчисляет: **Действующую Армию** (здесь и далее подчеркнуто в документе. – *А. Г.*) в 100 000 человек (состоит из добровольцев, чехословаков и союзников) и **резерв Армии** в 200 000 человек (мобилизованных) хорошо вооруженных и снаряженных, которые теперь обучаются и будут готовы для военных действий к началу весны.

2) Оренбургские казаки в большинстве сочувствуют большевикам. Атаман Дутов особою популярностью не пользуется и где он находится после занятия Оренбурга большевиками точно неизвестно. По предположениям он находится на станции Актюбинской.

3) Уральская Армия представляет силу в 20 000 человек (17 конных полков, 1 пеший полк и 2 дивизиона). После очищения Уральска от большевиков вся эта Армия продвинулась к западу от Уральска и неделю тому назад была расположена в 40 верстах у станции Переметной, имея небольшой отряд, 2 дивизиона, в Гурьеве.

Настроение Уральцев антибольшевистское. Признают единую, неделимую Россию, но не желают, чтобы нарушился их прежний уклад жизни. Уральцы поедут и за пределы области, куда угодно, но только не все, а 6 полков, сформированных из молодых казаков. Командует Армией Генерал-Лейтенант Савельев. Управляет войском войсковое Правительство под общим руководством и наблюдением Войскового Круга. Атаман еще не выбран, но уральцы считают, что без Атамана жить нельзя, а потому предстоят выборы.

Генерал Бородин полагает, что Адмиралом Колчаком сделаны были две ошибки: первое – это подчинение первоначально уральцев генералу Дутову[2055], против чего они протестовали, и Адмирал Колчак должен был отменить свое распоряжение, подчинив уральцев непосредственно себе, на что последние охотно согласились, и вторая – заключавшаяся в том, что Адмирал Колчак назначил было в уральское войско **Наказного** Атамана по своему выбору, который, однако,

уральцами принят не был, почему и это распоряжение было отменено…»[2056]

Надо сказать, что на этом и некоторых других примерах можно видеть довольно слабую и искаженную осведомленность белого Юга о событиях на Белом Востоке. На имя атамана с поручиком Юматовым, прибывшим на юг от Колчака и собиравшимся ехать обратно, 1 июля 1919 г. был передан пакет начальника канцелярии совета управляющих отделами донского правительства Генштаба полковника А.И. Бабкина (окончил академию на год позже Дутова и, возможно, был с ним знаком).

4 августа ожидалось прибытие Дутова на Чрезвычайный казачий Круг Иркутского войска[2057]. Дутов должен был принять участие в разрешении конфликта между Войсковым атаманом Иркутского казачьего войска генерал-майором П.П. Оглоблиным и командующим войсками Иркутского военного округа Генерального штаба генерал-лейтенантом В.В. Артемьевым, арестовавшим иркутского атамана за самоуправство.

Предыстория этого дела была такова. Атаман Оглоблин боролся за официальное признание Иркутского казачьего войска. Правительство узаконило статус войска 10 июня 1919 г. После этого Оглоблин, неадекватно понявший свое новое положение, решил подчинить себе Иркутский казачий полк, входивший в состав Сводной казачьей бригады генерал-майора И.Ф. Шильникова. Через голову последнего Оглоблин решил тайно сменить командира полка, назначив вместо полковника П.И. Войлошникова оренбуржца полковника А.Г. Бычкова. Разумеется, подобное беспардонное вмешательство представителя гражданской администрации (хотя и с правами командира отдельного корпуса) встретило резкий отпор как со стороны командира бригады, так и со стороны командующего войсками округа. В начале июля 1919 г. Оглоблин и некоторые другие представители казачьей администрации были арестованы. 28 июля в Иркутск прибыла следственная комиссия под председательством Генштаба генерал-лейтенанта В.В. фон Нотбека для расследования инцидента, подтвердившая обоснованность обвинений в отношении Оглоблина.

Приезд Дутова в этой обстановке был совершенно некстати. Очевидно, что атаман симпатизировал своему же оренбуржцу Бычкову и близкому по положению «брату»-атаману Оглоблину. Толком не разобравшись в ситуации, Дутов заявил себя сторонником Оглоблина. На вокзале для встречи оренбургского атамана был выстроен почетный караул иркутских казаков. Среди встречавших был генерал-майор И.Ф. Шильников, которого Дутов знал еще по 1917 году, когда Шильников был его заместителем

на 2-м общеказачьем съезде. Тем не менее Дутов в связи с делом Оглоблина демонстративно не подал Шильникову руки[2058]. Тогда же Походный атаман разрешил Шильникову сдать командование бригадой Генштаба полковнику Попову. По всей видимости, не без содействия Дутова Оглоблин был освобожден из-под ареста. На мой взгляд, Дутов в этом незначительном, но весьма показательном эпизоде ярко продемонстрировал свою подлинную сущность, выразившуюся в ситуативном, а не абсолютном отношении к воинской дисциплине, в приоритете личных предпочтений и привязанностей над приказами.

В дальнейшем, уже по приезде в Омск, Дутов ознакомился с материалами расследования комиссии Нотбека, а также с позицией Колчака по этому вопросу и нашел в себе силы признать собственную неправоту и попытаться восстановить справедливость. Став командующим армией, Дутов приблизил к себе обиженного им Шильникова, назначив его своим чрезвычайным уполномоченным по охране общественного спокойствия и государственного порядка в Тургайской области. Позднее Шильников получил крупную для генерала – неоренбуржца должность командующего I Оренбургским казачьим корпусом и принял участие в Голодном походе.

12 августа Дутов возвратился из своей поездки по Дальнему Востоку в Омск. По итогам поездки был составлен обширный отчет, хранящийся в настоящее время в Центральном архиве ФСБ. В отчете говорилось о благоприятном впечатлении, произведенном на Дутова японцами, и неблагоприятном – американцами, войска которых, по его мнению, отличались разнузданностью. Их солдаты, «получая очень большое жалование, пьянствуют, развратничают и дебоширят. К стыду русских женщин, надо отметить, что некоторые из них, прельщенные американским золотом, бросают свои семьи ради них»[2059].

По приезде в Омск атаман посетил заседание 5-го Чрезвычайного Войскового Круга Сибирского казачьего войска, рассказал о своей поездке и фотографировался с депутатами[2060]. 14 августа в Омске казаками был устроен торжественный обед в честь чехословаков, Дутов и другие видные деятели казачества произносили речи. Мемуарист записал: «На душе грустно было. Веет что-то большевизмом»[2061]. Имелись в виду ассоциировавшиеся с большевиками бесконечные митинги. В этот же день к Дутову прибыл курьер от донского атамана Генерального штаба генерал-лейтенанта А.П. Богаевского есаул Стариков[2062].

Летом 1919 г. в политической жизни востока России

значительно усилилась роль вождей казачества, стремившихся оказывать влияние на политические и военные вопросы. Казаков в связи с продолжительным отступлением белого Восточного фронта как в обществе, так и в правительственных кругах считали фактически последней надеждой[2063]. Очень скоро, однако, стала очевидна призрачность этой надежды.

19 августа в Омске открылась Чрезвычайная конференция представителей девяти казачьих войск (Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского) под председательством генерал-лейтенанта П.П. Иванова-Ринова. На предварительном заседании, прошедшем накануне, конференция была признана аналогичной Войсковому Кругу, Дутова избрали ее почетным председателем[2064]. На заседании 21 августа Ивановым-Риновым было сделано громкое политическое заявление о том, что конференция является оппозицией верховной власти. «…наша задача – добиться также полной реконструкции Правительства и очистить ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ от окружающей его камарильи», – заявил он[2065]. Дутов поддержал эту точку зрения, отметив приниженное и подчас неприязненное отношение власти к казачеству.

На следующий день на повестке дня стоял вопрос о должности Походного атамана. Дутов сказал, что эта должность должна быть выборной. В ведении Походного должны быть все казачьи части, должен быть единый казачий фронт[2066].

22 августа Дутов и представители казачьих войск отправили на имя адмирала Колчака телеграмму, в ответ на которую на следующий день Колчак телеграфировал Дутову из своего поезда: «Сердечно благодарю Вас, Атаман, и представителей казачьих войск за Вашу телеграмму 22-го с[его] м[есяца] в общности взглядов и целей наших я черпаю сил[ы] и уверенность в конечной победе и в восстановлении РОДИНЫ (здесь и далее сохранен стиль документа. – *А. Г.*) нашей как великой державы волей РУССКОГО НАРОДА управляемой Адмирал *Колчак*»[2067]. Надо сказать, что помимо приветственной телеграммы Дутов в тот же день запросил Колчака относительно денег, положенных ему как Походному атаману на представительские расходы, но получил отказ[2068].

23 августа после утреннего заседания Дутов ездил в Ставку, где обсуждал возникшие вопросы по обороне, проблемам эвакуации и ситуации с иркутским атаманом Оглоблиным. На вечернем заседании он предложил «выработать пожелания, вытекающие из прений по текущему моменту, и доложить их ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ, причем заявить Ему, что казачество,

являясь ядром Государственности, не желает никаких переворотов, но в интересах спасения Отечества считает своим долгом высказать эти свои пожелания, которые должны выражаться приблизительно в следующих восьми пунктах:

1. Власть ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ должна быть единоличной.

2. Совет Министров должен быть подчинен Верховной власти.

3. В виду громоздкости Совета Министров необходимо выработать проект его сокращения.

4. Должны быть приняты меры к роспуску Экономического Государственного Совещания и Сената.

5. В секретном докладе ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ необходимо указать на необходимость облегчения аппарата Ставки, приведением его в более полевой вид.

6. Высказать пожелания о более энергичной и планомерной эвакуации ценностей.

7. Не вмешиваться в персональное назначение командного состава, но высказать некоторые свои пожелания по этому поводу.

8. Чтобы каждый раз союзниками точно и определенно было указано, куда и сколько прибудет материала и чтобы в приемочной Комиссии был представитель от казаков»[2069].

Обсуждение по просьбе Дутова было отложено до доработки этого проекта. Очевидно, что казачьи вожди к августу 1919 г. перестали довольствоваться своей прежней незначительной ролью в политической жизни Востока России и стремились играть более заметную роль, влияя на государственное управление. Верховная власть была вынуждена считаться с этим давлением.

Участники конференции, видя слабость фронта и тыла, высказались за переустройство государственной власти в сторону военной диктатуры. Казаки выступили за подчинение Совета министров непосредственно Колчаку, упразднение двоевластия (Верховный Правитель – Председатель Совета министров), реконструкцию всей системы государственного управления. Была выдвинута идея учреждения при Колчаке помощников по гражданской (председатель Кабинета управляющих) и военной (главнокомандующий) части[2070]. Приоритетной ставилась задача обороны от большевизма. Казачьи атаманы высказались за созыв Государственного совещания – высшего законосовещательного органа из лучших людей для единения власти и общества.

28 августа делегация конференции встретилась с Колчаком и потребовала принять это предложение, вместе с тем в свой проект казаки включили и неприемлемые для верховной власти требования контроля казачьей конференции за принятием всех решений, касавшихся казачества, а также посылки казачьих

частей на фронт только по согласованию с их выборными атаманами[2071]. В итоге казакам пришлось значительно смягчить свои требования.

Участники конференции направили свое приветствие всем казачьим войскам: «Выборные представители девяти казачьих войск, собравшись на чрезвычайный Съезд в городе Омске, шлют горячий братский привет доблестному казачеству, вставшему грудью на защиту истерзанной Родины, казачьего единства, самобытности и поруганной веры отцов наших. Доблестное казачество, охранявшее Государство Российское от внешнего врага, раскинулось на рубежах Отечества от Черного моря и до Великого океана и в течение четырех веков свято и нерушимо выполняло свою задачу. Предатели народа русского, изменники большевики, напали с незащищенного тыла на казачество и стремятся по заранее составленным планам истребить его по частям. Донцы, Терцы, Кубанцы, Уральцы, Оренбуржцы, Сибиряки и Семиреченцы приняли на себя весь удар советских полчищ, встали под старые свои знамена как один человек от 17 до 50 лет. Донцы, Кубанцы и Терцы уже опрокинули врага и двигаются неудержимой лавиной к сердцу России – Москве. Уральцы же, Оренбуржцы и Сибирцы ведут смертельную борьбу с мировой нечистью большевизма, надвигающейся в Сибирь. Пятый чрезвычайный Войсковой Сибирский Круг, собравшись в государственном центре в минуту переживаемой опасности, проявил великую силу духа, доблесть и мужество, объединив вокруг себя всех лучших русских людей. Чрезвычайный казачий Съезд войсковых представителей девяти казачьих войск твердо верит, что Забайкальцы, Амурцы, Уссурийцы, Иркутяне и Енисейцы последуют примеру своих старых братьев и, не теряя минуты времени, поднимутся поголовно от мала до велика на защиту Родины и казачества. № 3. Почетный Председатель, Войсковой Атаман Оренбургского казачьего войска, Генерал-Лейтенант *Дутов*. Председатель – Войсковой Атаман Сибирского казачьего войска, Генерал-Лейтенант *Иванов-Ринов*. Товарищ Председателя Уссурийского казачьего войска, Полковник *Бирюков*. Секретари: Семиреченского казачьего войска, Есаул *Ушаков*, и Амурского казак *Костромин*»[2072].

Сам Дутов написал пространное обращение к оренбуржцам, которые в этот период под давлением красных постепенно оставляли территорию родного войска:

«Воззвание Походного Атамана Дутова к казакам войска Оренбургского. Дорогие и родные станичники и станичницы! Вам всем от малого до старого привет и поклон. Тяжко Вам, злой враг вновь вторгнулся в Ваши станицы, и опять переживаете Вы ужасы

разорения и войну. Велик Бог земли Русской и велики страдания народа Его. Тягчайшие испытания налагаются на верных сынов христианских, но не оскудела земля духом веры православной. Сейчас в Омске и др[угих] городах толпы народа идут в церкви и к Богу несут свои сердца, ибо все страдания даны нам за грехи наши, за нашу прежнюю благополучную, сытую и спокойную жизнь. Начали забывать Бога и церковь Его. Просветлели умы народные и, конечно, не безбожники большевики, не их лжеучение смутит сердца Ваши. Я, волею Верховной Власти назначенный походным Атаманом всех казачьих войск и с согласия Войскового Круга нашего принявший должность эту, ездил по всей Сибири и Дальнему Востоку, объединял все казачьи войска и смотрел их. Я был у Забайкальцев, Уссурийцев, Амурцев, Енисейцев и Иркутян, и все казаки эти душой с нами, и посылают к нам на фронт полки и части свои. Я был у народов Монголии, Даурии, был у Бурят и Хакасов, приезжали ко мне представители Таранчинского народа из далекой Кульджи, и все они мне, Вашему Атаману, давали слово помощи и полки их растут. Они не служили Царскому Правительству, но теперь охотно сами идут к нам, казакам. Был я и в Сибирском казачьем войске на Круге их, видел небывалый подъем войска, и встало оно также, как и Оренбургское, во весь свой рост и мобилизуется, давая родине 5 дивизий. Мне пришлось принять участие в борьбе с большевиками и на Дальнем Востоке, и там казаки мой приказ выполнили успешно и быстро. Вся казачья семья дружна и мыслит одинаково. Теперь в Омске собралась вся казачья конференция. Много вопросов надо решить, чтобы помочь казачеству в трудную минуту, а в дальнейшем направить жизнь на счастие и благополучие. Я, ваш атаман, избран председателем конференции и по долгу своему пред Вами должен работать сейчас в Омске не покладая рук.

Мне, только что объехавшему все войска, лучше известны нужды казачьи, особенно же страдания казака Оренбургского. Сердце мое болит, что я не с Вами, дорогие станичники, что я не могу вместе с Вами переносить все тягости Вами переживаемые. Но я тешусь мыслью, что здесь в Омске лучше сумею отстоять Ваши нужды и снабдить войско всем необходимым для свершения великого подвига. Я верю, что работа моя здесь увенчается полным успехом, и это делает разлуку мою с войском не столь тяжелой. Много тяготы выпало на тебя, казака войска Оренбургского, но будь тверд и стоек. Все эти временные неудачи не страшны, всего богатства и добра своего не унесешь с собой в землю. Богу нужна чистая душа, а такая всегда была у казака-Оренбуржца. Мученик казачества Российского ты, казак

Оренбургский и Уральский, светлый венец дарует Тебе Господь, и доброе имя Твое среди всего Российского казачества сохранится навеки. Предки Твои, казаки Оренбургские, много испытали от кочевников и немало лет прошло, пока устроились казаки. Теперь та же война и ты, войско Оренбургское, опять стоишь авангардом, защищая Русь великую и веру православную.

Я, стоящий во главе всего казачества Российского, зову Вас вновь, родные сыны мои и деды седые, на стражу и брань, дабы верен остался заветам предков своих славный борец за честь и родину – казак Оренбургский. Вечная слава павшим и громкая слава живым борцам-казакам. Да Хранит Вас Господь и Мать Пресвятая Богородица и да будет победа Вам, сыны мои родные. Походный Атаман всех казачьих войск и Войсковой Атаман Оренбургского казачьего войска, Генерального Штаба, Генерал-Лейтенант Дутов»[2073].

Поток хвалебных телеграмм Дутову на его почетном посту не иссякал. Решением казачьей конференции его должность была приравнена к выборной[2074]. Комитет харбинского отделения «Партии народной свободы» (кадетов) телеграфировал Дутову 5 сентября 1919 г.: «Атаман, вы ведете казачество в бои за Великую Россию, Вы с казаками клянетесь умереть за родину, мы верим славному патриоту, борцу, верим казачеству, вставшему под знамена в самый трудный момент [для] России, верим, что Ваш патриотизм воодушевит и доблесть поднимет страну и насилие будет сметено, со своей стороны мы принимаем меры к тому, чтобы вызвать широкую поддержку казачеству в обществе, опираясь на верных сынов родины. Да здравствует казачество и его походный атаман, да здравствует Великая Россия»[2075]. 7 сентября из Владивостока была получена телеграмма организационного отдела дальневосточного бюро Всероссийского Крестьянского Союза омской платформы. Отправители телеграммы просили у Дутова как «верного, неутомимого борца [за] национальное возрождение родины… поддержки проведению идеи союза [в] широких слоях крестьянства во имя скорейшей победы и величия родины»[2076].

Дутову даже посвящали стихи. В частности, некий А.Ю. Савицкий (А.Ю.С.) посвятил ему свое стихотворение «Всеобщее ополчение», написанное 14 сентября 1919 г.[2077]:

> Изуверы комиссары, близок ваш конец:
> Поднялся на вас Кубанец, Терец и Донец!
> <…>
> Наши силы грозны – велики —
> Поднялись все казаки!

Астраханцы вслед за ними также поднялись
И покончить с вражьей силой жизнью поклялись!
Оренбуржцы и Уральцы жмут уж вас давно,
Семиреки и Сибирцы с ними заодно!
Енисейцы, Иркутяне, Забайкальцы тож
Поднялись на комиссаров повсеместно сплошь!
Уссурийцы и Амурцы проявили пыл,
Не щадя бьют вражью силу, охраняя тыл!
Словом, силушка казачья поднялась горой…
Эх, покайтесь, изуверы, смерть не за горой!
Воевать вам с казаками не с руки, невмочь…
Утекайте, пока можно, из России прочь!
Перестаньте народ русский без конца мутить —
Пора дать ему спокойно – безмятежно жить!
Приняли вы ведь немало на душу грехов —
Берегитесь, изуверы, мести казаков.

Не забывал Дутов на посту Походного атамана и о собственных удобствах и статусе. В частности, в конце августа 1919 г., несмотря на тяжелую обстановку на фронте, в Омск прибыл Оренбургский казачий Атаманский дивизион в составе 1 штаб-офицера, 10 обер-офицеров, 3 чиновников и 200 казаков при 250 лошадях. В связи с отсутствием свободных помещений дивизион был расквартирован в окрестностях города[2078]. Поезд Дутова состоял из семи вагонов: его салона, столовой, вагона начальника штаба, вагона для чинов штаба и епископа Камчатского Нестора, вагона канцелярии и чинов штаба, сборного вагона и вагона для караула[2079]. 2 сентября 1919 г. Дутов по поручению Верховного Правителя отбыл на фронт в сопровождении конвойного взвода, Атаманского дивизиона, штаб-офицера для поручений и двух ординарцев[2080].

К сожалению, нет подробных сведений о пребывании Дутова в этот период на фронте. Известно лишь, что 6 сентября он вместе с Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком, главой британской военной миссии в Сибири генералом А. Ноксом, а также некоторыми министрами омского правительства посетил 3-ю армию, где 9 сентября оказался свидетелем блестящей конной атаки 3-й Сибирской казачьей дивизии под станицей Островской[2081]. Впрочем, по данным современного исследователя истории сибирского казачества В.А. Шулдякова, Колчак со свитой подъехали к месту боя уже после этой атаки[2082]. В ходе атаки казаки изрубили около 500 красноармейцев, более 1800 человек захватили в плен, были взяты 6 орудий и 20 пулеметов, много

оружия, боеприпасов, санитарный перевязочный отряд и обозы двух бригад противника. В целом в этот день белые разгромили пять советских стрелковых полков, а также штабы, управления и обозы двух бригад красных. По представлению Дутова Колчак наградил Войскового атамана Сибирского казачьего войска и командира Сибирского казачьего корпуса генерал-лейтенанта П.П. Иванова-Ринова за атаку под Островской орденом Св. Георгия 4-й степени[2083]. В ходе поездки на фронт Дутов посетил конную группу генерал-майора В.И. Волкова и Отдельную Оренбургскую казачью бригаду генерал-майора Ю.И. Мамаева[2084]. Вечером 9 сентября Колчак и Дутов прибыли в станицу Пресновскую, где произвели смотр и поздравили казаков 2-го Оренбургского казачьего полка с несколькими блестящими победами, одержанными в те дни. Командир полка полковник В.А. Бородин был произведен в генерал-майоры, другие офицеры также получили производства в следующие чины. Кроме того, казаки передали Дутову захваченное ими знамя 307-го советского полка[2085].

По возвращении в Омск 12 сентября Дутов по поручению Колчака встретился с заместителем Войскового атамана Сибирского казачьего войска по гражданскому управлению полковником Е.П. Березовским и объявил ему об успешном боевом крещении Сибирского казачьего корпуса и о представлениях к наградам[2086]. 15 сентября Дутов принимал участие в заседании Совета Верховного Правителя – коллегиального органа при Колчаке, созданного для обсуждения важнейших военных и политических вопросов, – по вопросу о созыве законосовещательного органа[2087].

Глава 10
Крушение надежд

Вновь во главе армии

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующего Восточным фронтом армий Генерального штаба генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса от 18 сентября 1919 г. № 1074 Южная армия переименовывалась в Оренбургскую, в командование армией вступал генерал-лейтенант А.И. Дутов с освобождением от должности генерал-инспектора кавалерии[2088]. Для усиления мощи армии в нее откомандировывались казачьи офицеры Оренбургского, Уральского, Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск, находившиеся в тыловых штабах и управлениях и не числившиеся по Генеральному штабу.

21 сентября 1919 г. Дутов формально вступил в командование армией, однако был вынужден задержаться в Омске, принимая участие в работе казачьей конференции и занимаясь формированием своего штаба. 24 сентября он встречался с главнокомандующим Восточным фронтом Генерального штаба генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом, а затем и с самим Колчаком[2089]. 28 сентября Дутов внес предложение именовать епископа Нестора «Епископом всех казачьих войск», поскольку это «вызывается самой жизнью»[2090]. По утверждению военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга, «казачья конференция разодралась с Дутовым и Хорошхиным[2091]; им ставится в вину, что они знали от Дитерихса о его решении отрешить Иванова-Ринова от командования, но не доложили этого конференции; этим воспользовались для сведения старых счетов и наговорили Дутову таких вещей, что он собирается ехать в Новониколаевск «по семейным делам»[2092]. Экстренный отъезд Дутова 29 сентября в Новониколаевск по семейным делам на один-два дня подтверждается документально[2093]. Скорее всего, это была последняя встреча Дутова с семьей. По некоторым данным, здесь же находились его отец и тяжелобольной брат[2094]. Что же касается казачьей конференции, то, по всей видимости, Дутов даже в казачьей среде постоянно вел свою собственную игру, стремясь угодить и центральной власти и казакам, возможно, устранить сильных соперников из числа других казачьих вождей и стать основным представителем казачества при верховной власти.

Вскоре Дутов вернулся к работе. 8 октября он писал генералу Деникину (№ 2809): «Разрешите мне от лица 10 казачьих войск приветствовать Вас, как могучего борца за возрождение великой и

единой России и поздравить Вас с блестящими победами. Ваши успехи спасли нас и нашу армию, и только благодаря Вам удалось остановить начавшееся было безудержное отступление. Ныне дела поправились, и операции приняли планомерный характер. Мною с Генералом Нагаевым[2095] был командирован к Вам подъесаул моего артиллерийского дивизиона Жуков с письмами и докладами Вам. Полагаю, что он доехал и вручил Вам мои пакеты. Нового почти ничего не произошло и в сущности мало изменилось. Владивостокский инцидент укрепил русское имя и влияние Адмирала Колчак[а], но эсэры работу свою ведут. Восстания повсеместно в Сибири продолжаются, и хотя решительно ликвидируются, но положение еще далеко от успокоения и розовых надежд. В настоящее время я вновь призван к работе на фронте, назначен командующим Оренбургской армией. Южная армия Белова не существует, а сам командарм отозван. Мне поставлена задача связи с Уральцами и с Вами и работа на Ташкентском направлении. Бог поможет, народ поддержит, и тогда, возможно, что-либо сделаю. Не смогу отнимать Ваше время, заканчиваю письмо. Прошу принять в лице Вашем привет всех казаков нашего фронта доблестной Добровольческой Армии. С глубоким уважением и полной преданностью. *А. Дутов*»[2096].

10 октября была образована Московская группа армий во главе с Генштаба генерал-лейтенантом К.В. Сахаровым (начальник штаба Генштаба генерал-майор В.И. Оберюхтин), в которую вошли 3-я и Оренбургская армии, а также Степная группа[2097]. 12 октября Дутов не без влияния своего начальника штаба генерал-майора И.М. Зайцева, лично знакомого с адресатом, написал письмо начальнику мусульманского партизанского отряда в Ферганской области Иргаш-баю: «Мне, Атаману всех Казачьих Войск Российской Армии, известно, что Вы, доблестный вождь славных ферганских джигитов, будучи верным охранителем интересов России в Фергане, ведете неустанную и упорную борьбу с большевиками, преступно захватившими власть в Туркестане и поправшими право, честь и религию предков всех народов, населяющих Великую Россию. Время их торжества так же коротко, как время тьмы от заката до восхода солнца, ибо ни один изменник Отчизне и гонитель веры ее не может выдержать ослепительного блеска лучей солнца – правды и свободы, каковые несут всей России и Фергане верные сыны Родины и ее могущества. Час освобождения России – близок: Русская армия победоносно приближается к сердцу России – Москве. Не сегодня завтра придет поддержка и к Вам со стороны славных Оренбургских казаков и всего казачества. В

признание Ваших заслуг перед Родиной и Вашим краем и за особые отличия в борьбе с врагами ее – большевиками, произвожу Вас в СОТНИКИ с зачислением по Оренбургскому Казачьему Войску и вручаю Вам свой портрет и боевые подарки, как наихрабрейшему воину в Фергане. Да поможет Вам АЛЛАХ и ВЕЛИКИЙ ПРОРОК ЕГО МАГОМЕТ в дальнейшей борьбе с насильниками и хулителями Бога – большевиками, которые дерзнули посягнуть на религию предков и принесли миру голод, нищету и разорение»[2098].

В тот же день Дутов составляет письмо хану Джунаиду в Хиву. В письме Дутов акцентировал внимание на попрании большевиками религии и призывал Джунаида активизировать борьбу с большевиками. Весной 1920 г. он обещал, что казаки появятся в пределах подконтрольной Джунаиду территории. Как и Иргаша, Джунаида Дутов произвел в сотники с зачислением по войску, отправил ему свое фото и подарки[2099]. Помимо этого, атаман составил похожее по содержанию на два предыдущих письма обращение «Славные джигиты Ферганы!»[2100].

Как представляется теперь, старания Дутова по формированию антибольшевистской коалиции в союзе с вожаками басмачей были напрасны. Действительно, последние были враждебно настроены по отношению к советской власти, однако при этом преследовали только свои собственные интересы, а их планы не отличались дальновидностью. Так, Джунаид-хан и окружавшая его туркменская кочевая аристократия стремились избежать зависимости от каких бы то ни было внешних сил и были заинтересованы лишь в как можно более длительном сохранении нестабильности в России. Сам Джунаид неоднократно совершал набеги на русские поселения. Уже в январе 1920 г. он был разбит красными и с отрядом в 100 человек скрылся в Каракумах[2101].

Дутов и Зайцев прибыли к войскам из Омска, когда те находились уже вдали от родных мест – в районе городов Атбасара и Кокчетава. Дутов выпустил крайне оптимистичное обращение к войскам, в котором отмечал, что он вновь со своими казаками. Атаман принял нелегкое хозяйство – армия рушилась и безостановочно отступала по голой, безлюдной степи, не имея достаточных запасов продовольствия. Только что армия пребывала в состоянии полного разложения. Причем, как отмечал один из офицеров, «самым диким элементом развала вырисовывались оренбургские казаки, сдававшиеся в плен полками и даже более крупными войсковыми организациями»[2102].

В частях свирепствовал тиф, который к середине октября выкосил до половины личного состава. По некоторым данным,

Дутов сразу по прибытии приступил к реорганизации армии[2103]. В Атбасаре он обратился к войскам, отметив, что оставил армию полгода назад сплоченной и крепкой, а принимает жалкие остатки, тем не менее он рад служить и работать на благо родины и войска[2104]. По свидетельству С.А. Щепихина, «на автомобиле подъехал Дутов – прямо с пути. Я его за гражданскую войну видел второй раз. Какая разница. В июле 1918 года он был в зените славы, полный надежд, жизнерадостный. Теперь передо мной был старик с унылым лицом. Побрился, улыбался «высочайшей улыбкой», выработал уже привычки и манеры персоны, большого пана, но в глазах пустота: ни огня, ни бравости – пустые очи! Обошел всех; здоровался. Затем молебен с поминанием на эктимиях «Славного Атамана Александра Ильича Дутова!»… Александр Ильич мне в этот раз сильно не понравился: явно было, что человек не только не верил в успех своей новой армии, не только изверился в людях с Адмиралом во главе, но что он уже вообще не верил в «белое дело». Не верил, но по инерции тянул хомут!.. А между тем Дутов должен был дать себе отчет, что его имя, его участие в борьбе не только давало стимул многим участникам, но многие из них за это имя жертвы приносили! Имел ли право он, Атаман Дутов, в это время [не?] поддерживать этот теплящийся светильник веры в *белое* движение?»[2105].

14 октября 5-я советская армия вновь переправилась через Тобол и перешла в наступление. Белые отходили к следующему рубежу – реке Ишим. Как записал в эти дни в своем дневнике служивший в корпусе А.С. Бакича военный врач 35-го Оренбургского казачьего полка Л. Головин: «Не вырисовывается у храброго Колчака война, черт бы ее взял. Мы же теперь (имелся в виду IV Оренбургский армейский корпус. – *А. Г.*) – голова и хвост, и могучее тело дутовской Оренбургской отдельной армии»[2106]. Головин имел в виду то, что корпус Бакича составил костяк армии Дутова.

Главнокомандующий Восточным фронтом Генерального штаба генерал-лейтенант М.К. Дитерихс телеграфировал адмиралу Колчаку 22 октября 1919 г. о тяжелом положении армии: «Правый фланг у Тобольска не внушает спокойствия, может опять представить угрозу обхода противником первой армии… Прочие армии слабы числом, но приступают к пополнению рядов и способны вести упорную борьбу, отстаивая каждый рубеж, но перелома общего положения создать сами не смогут без помощи новых резервов. Резервы образовать смогу, но с постановкой Омска в опасное положение, так как потребуется времени до шести недель»[2107].

С вечера 23 октября красные (Кокчетавская группа 5-й армии)

перешли в наступление против корпуса А.С. Бакича. Через день их наступление приобрело широкомасштабный характер. Дутов приказал Бакичу выделить два конных отряда (полковника Р.П. Степанова и войскового старшины Савельева) для переброски на север, к реке Ишим, с целью обороны переправы через нее, поддержания связи с частями генерала Лебедева и прикрытия направления на Кокчетав. Остальные части корпуса должны были отходить в направлении на Атбасар. В связи с отсутствием зимней одежды, перевязочных средств, эпидемией тифа, отступлением, приближением зимы и полной неизвестностью в будущем участились случаи дезертирства из частей корпуса. Бежали в основном казаки, стремившиеся вернуться в родные станицы, чтобы заняться хозяйством.

29 октября 1919 г. красные заняли Петропавловск и начали практически безостановочное преследование белых вдоль Транссибирской магистрали. На левом фланге белого Восточного фронта войска Дутова отступали к Ишиму, к вечеру 30 октября штаб IV Оренбургского армейского корпуса прибыл в Атбасар. Дутов рассчитывал занять оборону по реке Ишим, чтобы прикрыть сосредоточение главных сил армии. Не исключено, что из района Атбасар – Кокчетав *белое* командование предполагало нанести фланговый удар по войскам 5-й армии, уверенно наступавшим вдоль Транссиба[2108].

31 октября Дутов писал Верховному Правителю адмиралу Колчаку из Кокчетава о положении своей армии (№ 2985):

«Ваше Высокопревосходительство Глубокоуважаемый Александр Васильевич! Оторванность моей армии от центра и ежедневная порча телеграфа совершенно не дают мне сведений, что делается на белом свете. Сижу впотьмах. Единственный раз получил газету «Русь» и «Сиб[ирская] Речь» один № от 18/X, вот и все сведения. Кое-как удается получать только директивы и почти никаких сводок.

В народе и армии тьма слухов, один нелепее другого, то все разбежались, то Вас уже нет в Омске, то Пр[авительст]во выехало в Павлодар, то в Иркутск и т. д. Развеять их не могу, ибо нет ни газеты, штаб не сформирован, вся армия в движении, согласно новой директивы, кроме того формируется вновь, свертываясь из 5 в 2 корпуса и т. п. К тому же огромные пространства без телеграфа. Есть 20 мотоциклов, но они сейчас не работают, ибо грязь и снег. Автомобилей нет. Имею только два своих. Грузовики – исправных только пять. В общем, я получил от Южной армии тяжелое наследство.

Но главный наш ужас – это полное отсутствие хотя бы какой-либо одежды. Кровью обливается сердце, смотря на войска.

Холод, где грязь, где снег, населенные пункты редки и очень малы, тиф косит и направо и налево. Бывшие штабы Южной армии, оставшиеся расформированными, поступили по-свински – уехали в Омск на автомобилях и экипажах и назад ничего не вернули. Я совершенно без перевязочных средств. Сапог нет, а валенки, в малом числе, есть, но сейчас грязь. Я реквизирую везде, где могу, но только озлобляю население и что из этого выйдет – не знаю.

Настроение в частях вверенной мне армии удовлетворительное, а в 4-м корпусе даже хорошее. Будь теплее и сапоги, шинели и полушубки, тогда бы армия была стальной. То, что в ней осталось, закалено и испытано, и только ее одеть, дать артиллерию и винтовки, и она будет драться до последнего. В 1-м корпусе у меня только 5 орудий на весь корпус, из них три французских, часть орудий на быках.

Больше всего меня смущают больные – их уже до 3000, все тиф, куда их девать, жел[езной] дор[оги] нет и транспортов тоже, теплого ничего. Принимаю все меры, но достаю только десятки, когда нужны тысячи. Верю в Бога, в правду и честь русскую, и это дает мне силы работать.

Я объехал все части свои, и то, что я пишу Вам, есть результат осмотра. Мой фронт – это необъятная степь и расстояния громадны. Я пишу, как всегда Вашему Высокопревосходительству, совершенно открыто и правдиво.

Меня не пугает обстановка, я к ней привык и не вижу ничего страшного. Я только прошу Вас, если возможно, лично приказать прислать мне винтовок, орудий, теплое, патроны, белье и табак. Если можно, то георг[иевских] крестов. Было бы очень важно получить это именно от Вас и с Вашим посланным от Вашего Имени.

Буду бороться, пока есть силы. Будьте уверены, Ваше Высокопревосходительство, что Оренбургская армия, первая Вас признавшая, Вас поддержавшая, всегда будет с Вами и за Вас, только помогите нашим действительным нуждам. Всегда преданный Вам и верный Вам Атаман *Дутов*»[2109].

В связи со значительным усилением эпидемии тифа и натиском красных закрепиться на Ишиме не удалось. Дутов приказал оставить у реки разведывательные части, а основным силам продолжать движение к Атбасару форсированным маршем с целью закончить сосредоточение к 8 ноября и приступить к переформированию и укомплектованию корпуса. Было решено отходить на Омск. По причине отступления войска потеряли соприкосновение с противником. 6 ноября было получено известие о переименовании Оренбургской армии приказом

Верховного главнокомандующего в Отдельную Оренбургскую.

В этот же день отход армии был приостановлен. Части IV корпуса заняли оборону в районе городов Атбасар – Кокчетав. Вплоть до получения 19 ноября известия о сдаче Омска, оставленного белыми 14 ноября, армия стояла на месте, на фронте все еще наиболее боеспособного корпуса Бакича было спокойно. Лишь после получения вести о падении столицы белой Сибири отступление было продолжено, к тому же вновь активизировались красные. Как писал Генерального штаба полковник А.Ю. Лейбург, из всей армии «только 4-й корпус и был пока боеспособным, и собственно весь фронт держался пока только им и двумя казачьими полками 1-го [Оренбургского казачьего] корпуса»[2110].

5 ноября Дутов пишет командующему Московской группой армий, что «надежд на Оренбургскую армию возлагать каких-либо в смысле боевых временно нельзя. Части бывшей Южной армии мной осмотрены. Дух и вера подорваны. Люди и командный состав устали до предела. Армия, вернее остатки, все время в движении, обременены обозами, или, вернее, сами обоз. Кадры же, которые представляет из себя Оренбургская армия – превосходны. Если дать хотя бы $1^1/_2$ месяца, отдых, пополнить и одеть, то армия воскреснет»[2111]. В том же донесении атаман отметил, что в армии половина оружия в негодном состоянии, нет артиллерии, авиации, автомобилей, парков, мастерских, типографии, каких бы то ни было запасов. Не было и одежды, что не замедлило вскоре сказаться на личном составе армии самым печальным образом. Росла эпидемия тифа. «Живем сейчас только местными средствами, раздевая население и делая из них большевиков», – писал Дутов[2112]. Отступавшая армия растянулась на 1200 верст в длину и 200 в ширину. Наиболее надежным и сплоченным Дутов считал корпус Бакича. В письме Дутов отметил важность удержания богатого продовольствием и фуражом района Атбасар – Кокчетав – Акмолинск, добавив в заключение: «Я не просил армии, мне ее дали, я пошел на понижение, т. к. я командовал ранее отдельной армией и уже более года генерал-лейтенант, исключительно памятуя пользу дела и блага родины. Меня армия звала и встретила восторженно, поэтому и доношу, что можно сделать из армии или же ее погубить вконец»[2113]. Как обычно, атаман изображал из себя бессеребреника и, как обычно, рассказывал об этом на каждом шагу.

Между тем организация снабжения армии находилась в катастрофическом состоянии. Представители армии в Омске прилагали все усилия, чтобы обеспечить войска всем необходимым, но при хаотическом состоянии снабжения,

характерном для белого тыла того периода, необходимо было не только раздобыть необходимое для армии, что само по себе было непросто, но и суметь отстоять заготовленное от посягательств со стороны. Так, для армии Дутова из Степной группы была получена колонна грузовиков, но ее тут же забрали на разгрузку эвакуировавшегося Омска. Представитель Дутова в Омске поручик Зубков всерьез опасался, что транспорты с обмундированием и теплым бельем, приготовленные для оренбуржцев, перехватят представители Омской группы Генштаба генерал-майора С.Н. Войцеховского[2114].

В день сдачи Омска главнокомандующий армиями Восточного фронта Генерального штаба генерал-лейтенант К.В. Сахаров[2115] писал родственнику и однокашнику Дутову со станции Татарская:

«Дорогой Александр Ильич! Должен тебе обрисовать в полной откровенности обстановку и перспективы[2116] на будущее 1) Сила армии и физическая и моральная подорвалась в значительной мере: форсированное наступление в сентябре, давшее нам в результате ряд частичных успехов и выход на То[бол], не было совершенно поддержано с тылу[:] ни одного солдата пополнения, ни теплой одежды. Даже не было дальнейшего плана наступления, фронт преступно бездействовал Красные оправились, усиленно подвезли новые части и перешли 14/10 в наступление. Несмотря на геройское сопротивление, армия не способна к ее обороне (так в документе. – *А. Г.*), покатилась назад к Ишиму, затем к Иртышу, неся большие потери, тая с каждым днем, имею ряд доказательств и свидетельствую, что армия тяготилась бездействием на Тоболе и жаждала нового наступления. Ясно, [то], что теперь переживает армия от своего верха до рядовых бойцов, такого еще не было. При начале отхода мы получили свыше 20 тысяч пополнения, но влитое в невыгодной обстановке, это пополнение из мобилизованных – только отсюда, а частью и предатели [2]) в настоящее время: первая армия г[енерала] Пепеляева выведена [в] стратегический резерв [в] район Томск – Новониколаевск – Барнаул, формирует части, широко применяя добровольческое начало; рассчитываю к 30 Января 1920 года довести ее до 30 тысяч штыков. Вторая армия ген[ерала] Войцеховского (бывшая Н. Лохвицкого) отходит за Иртыш севернее ж[елезной] д[ороги], третья армия ген[ерала] Каппеля, каков состав и численность армии, могу установить лишь восточнее Иртыша. Теперь же никто из начальников не может дать этих данных, хотя бы приблизительно. Но ясно, что потери велики и [в] ближайшее время к решению крупных задач наступательной операции этими

силами приступить нельзя. [3]) План, данный в последней моей директиве, следующий[:] теперь же группировать резервы Войцеховского, Каппеля примерно на меридиане ст. Татарской, приведя части в порядок, усилить их, разбив красных коротким ударом по пяти – 7 перехода[м], дабы обеспечить возможность[2117] подготовки к весне путем формирования дивизий из существующих в армиях кадров. 4) Как я и доложил Верховному Главнокомандующему, эти печальные результаты распыления сил и крушения частных успехов, основанных на величайшем напряжении фронта, знаменуют собою определенное крушение той системы, которая поставила [правительство?] с его всероссийскими министерствами превыше фронта как необходимого для победы[,] напряжения тыла[, —] это не нападки на правительство и тыл, вызванные неудачами фронта; нет, это именно все указывает [на] усилия фронта и лучших русских людей – бойцов, разбивших систему тыла; его полную неспособность, его страшную бездеятельность и непонимание обстановки в целом и в частности. 5) Приняв после этого пост главнокомандующего, я принял его не как почет и праздник, а как тяжелую честную работу и великую ответственность, буду работать до конца, объединю людей, которые не складывали оружия ни разу и заставлю работать и сражаться всех отживающих и укрывающихся, каждому понять, что мы бьемся в неимоверно тяжелых условиях[2118]… я очень сомневаюсь[2119], что нет возможности переговорить подробно с тобою и установить общие взгляды на планы дальнейших действий, иностранную политику – ибо теперь снова выдвигается вопрос об активной помощи нам Японии; если без этого продолжение борьбы будет невозможно, то мы должны добиться активной помощи. [6]) Представляю те трудности, которые всего больше выпали на твою долю, на твою армию, в тяжелую [минуту] ты был снова призван на пост командующего армией, [мы] сделали все, что в силах [для] снабжения фронта, но прошу понять, [что] этой возможности малых… по сколько возможно… твой план активных партизанских действий на Кокчетав – Атбасар (или как ты план на Кустанай и Ор[ск]); главные силы армии на Павлодар на восток привожу все силы, чтобы войти армии (Каппеля) и тобою действительно ли связь (так в документе. – *А. Г.*) путем высылки отдельных отрядов и налаживания… подвоза и прошу верить в мое искреннее чувство уважения и старой братской дружбы, жму руку, да хранит тебя [и] твою армию Господь, верю, что с его помощью мы выйдем из тяжелых времен и в конце концов победим жидовский интернационал. Твой *Сахаров*. 14/11 1919 г. ст. Татарская»[2120].

Этот весьма интересный документ, несмотря на ряд неясных мест в тексте, свидетельствует о критическом взгляде К.В. Сахарова на состояние фронта и демонстрирует постепенное крушение характерной ранее для белого военного командования абсолютной уверенности в победе. В то же время Сахаров скрывает свое негативное отношение к Дутову, которое было заметно в Омске[2121].

В письме Сахарова Дутову упоминался план партизанских действий, разработанный Дутовым. Этот план был изложен им подробно в телеграмме Колчаку и Сахарову:

«20 ноября Акмолинск. Телеграмма № 130 я доложил кратко свои соображения относительно предстоящих действий вверенной мне армии и представил на утверждение намеченный план зимней кампании, сущность которой сводится к следующему: [1)] Совместно со 2-м Степным корпусом [занимать] настоящий район театра военных действий и удерживать богатый хлебородный край, состоящий из областей: Акмолинской, Семипалатинской и уездов отдельных областей. 2) Широко развить партизанские действия, чтобы смелыми налетами непрерывно громить тыл красных. Всякие попытки красных вытеснить нас из занимаемого района парировать сильными короткими ударами. 3) [В] Течение зимнего периода привести растрепанные войсковые части в должный порядок, укомплектовать, вооружить и снабдить их всем необходимым; сформировать новые части путем мобилизации русского населения и вербовки добровольцев из местного туземного населения. 4) Весною, пользуясь этим районом как плацдармом, в согласии с действиями других армий Восточного Фронта развить смелые и решительные действия в любом направлении, намечая сейчас же главным[и] из них направления: Кустанай, Троицк и Орск. Ставя себе такую тяжелую задачу, я все же нахожу в интересах общего дела, что удержание в наших руках района Атбасар – Акмолинск – Каркаралинск – Павлодар – Семипалатинск крайне необходимо помимо разного назначения успокоительного воздействия на население сопредельных областей, особенно туземного и преждевременного ликования красных, обладание указанным районом будет иметь решительное влияние на развитие операций в будущем, с потерею для нас этого края, выход наших армий за реку Обь, движение в западном направлении, будет весьма затруднен[о]. Однако директивой Вашей № 7938/Оп. указано Оренб[ургской] армии развить партизанские действия из района Кокчетава и Атбасара, главные силы направлять к Иртышу, другими словами, намечается преднамеренный отход за Иртыш, ибо вследствие пустынного характера района к западу от Иртыша на протяжении

350, 450[2122] верст немыслимо располагать войска в этом районе, и для того, чтобы развить партизанские действия в крупном масштабе, повиснув на фланге красных и громя непрерывно их тыл, держать красных все время в тревоге, наши партизанские отряды, опираясь на сильное ядро, откуда получали бы подкрепление и снабжение[,] после [отхода] главных сил вверенной мне армии за Иртыш партизанские отряды будут предоставлены самим себе и будет трудно рассчитывать на их серьезную работу, кроме того, имеются сведения, что в уездах: Троицком, Кустанайском и Орском войсковых частей красных почти совершенно нет и Оренбургские казаки формируют партизанские отряды, которые намерены пробраться во вверенную мне армию, отсюда принимаются меры для установления и поддержания тесной связи с войском. С отходом армии за Иртыш будет немыслимо поддерживать связь с войском, что невыгодно отразится на настроении Оренбуржцев, [как] находящихся в армии, так и оставшихся в войске. Принимая во внимание все эти соображения, я наметил план предстоящих действий, который и представил на Ваше утверждение, но ответа до сих пор не получил. Убедительно прошу уведомить меня [в] спешном порядке – вести ли мне все подготовительные работы в духе намеченного мною плана или же выполнять указания, данные в последней директиве № 7938/Оп оттягивать главные силы за Иртыш. В случае одобрения намеченного мною плана необходимо для облегчения его выполнения для обеспечения необходимо сейчас же осуществить все те мероприятия, которые мною изложены [в] телеграмме № 130. № 675/Оп. Командарм Отдельн[ой] Оренбургской Генштаба Ген[ерал-]лейт[енант] *Дутов*»[2123].

Радостное событие произошло в отступавшей армии в эти дни. В штаб армии в Акмолинске[2124] была доставлена икона особо почитаемой на Южном Урале Табынской Божьей Матери. Дутов телеграфировал главнокомандующему по этому случаю: «16 ноября неожиданно явилась в Штаб вверенной мне Армии Чудотворная икона Табынской Божьей Матери с небольшим штатом священнослужителей. Видя Перст Божий, неисповедимыми путями направивший святой образ в Оренбургскую Армию, принял икону, и отныне она находится под защитой Оренбургской Армии. Донося о чем, прошу объявить Оренбургским казакам, башкирам и уфимцам, что святыня края найдена и 25 ноября назначено молебствие перед чудотворной иконой о даровании победы»[2125].

Голодный поход

22 ноября стало известно о том, что красные обошли Атбасар с севера и северо-запада и вышли в тыл армии Дутова. Вплоть до полудня штаб корпуса Бакича оставался в городе, а затем, чтобы избежать плена, покинул Атбасар, отходя с корпусом в арьергарде армии. Для обеспечения прохождения обозов от Атбасара к Акмолинску и ликвидации прорыва противника по южному берегу Ишима были направлены отряды под общим командованием есаула В.Н. Захарова. Красные 25–26 ноября вели наступление на фронте, а, кроме того, искусно маневрируя, в ночь на 26 ноября обошли Акмолинск с севера и овладели им, захватив часть обоза корпусного интендантства и других управлений IV Оренбургского армейского корпуса. Началась сдача в плен одиночных бойцов и даже мелких частей из состава корпуса. Красные продолжали действовать в тылу Отдельной Оренбургской армии и наступали в направлении на Каркаралинск, где находился штаб армии.

Остатки I Оренбургского казачьего корпуса под командованием забайкальского казака генерал-майора И.Ф. Шильникова участвовали в боях под Кокчетавом, а позднее из района Атбасара отходили на Щучье – Акмолинск и далее на Сергиополь. По свидетельству самого Шильникова, корпус при отходе не потерял ни одного человека[2126]. Следовательно, в боях при отступлении корпус не участвовал, и вся их тяжесть целиком легла на корпус Бакича.

По степени тягот, выпавших на долю отступавших частей Дутова, из всех белых армий с ними могут сравниться, пожалуй, только войска Отдельной Уральской армии, почти полностью погибшей в Туркестане в начале 1920 г.[2127] В полном смысле слова для оренбуржцев это был Голодный поход» – именно такое название уже в эмиграции получил поход частей армии по практически безжизненной северной Голодной степи в Семиречье в конце ноября – декабре 1919 г.[2128] По-настоящему это был крестный путь Отдельной Оренбургской армии, отступавшей по малонаселенной, голодной местности, ночуя под открытым небом[2129]. Резали и ели лошадей и верблюдов. У местного населения отбиралось все – продукты, фураж, одежда, транспорт, но и этого было недостаточно для многотысячной людской массы. За все реквизируемое, как правило, выплачивались деньги, хотя и не всегда в должном размере[2130]. Смертность от холода и истощения возрастала, соперничая со смертностью от тифа. Тяжелобольных оставляли умирать в населенных пунктах,

умерших не успевали хоронить и обременяли этим печальным обрядом местных жителей. Войска двигались большими переходами, оторвавшись от противника. На отставших одиночных солдат и казаков часто нападали киргизы, причем зачастую невозможно было даже узнать, куда исчез человек.

Армия была деморализована, и разложение приняло чудовищные масштабы. В первых числах декабря на сторону красных практически в полном составе, исключая офицеров, перешли 22-й Оренбургский казачий полк (кроме второй сотни), 35-й Оренбургский казачий полк, первая батарея 5-го артиллерийского дивизиона и комендантская команда штаба сводной Оренбургской казачьей бригады полковника В.Н. Нагаева. При отходе от Атбасара в городе осталась сотня дивизиона есаула Малятина и много солдат и казаков из состава корпуса, на сторону красных перешла понесшая большие потери сотня (45 шашек) дивизиона есаула Ведерникова вместе с командиром сотни[2131]. Как сообщалось в корпусном журнале военных действий: «Ввиду перехода вышеуказанных частей на сторону противника боевой состав корпуса очень маленький и небоеспособный, так как в оставшихся частях корпуса настроение у солдат и казаков плохое»[2132].

Один из гражданских мемуаристов писал: «Мы наслышались столько про всякие безобразия, творимые администрацией Дутовской армии, в районе Акмолинска и Атбасара, где коменданты городов и местечек грабили население не хуже большевиков и насиловали женщин, что решили по возможности не попадать в район движения войск. Насилия касались почему-то и тут, главным образом, сельской интеллигенции, погромные воззвания против которой Дутов еще издавал при отступлении из Оренбурга на Троицк. Я сначала не верил всему этому, но когда потом познакомился ближе с командующим казачьим составом, главным образом тем, который из грязи вылез в князи, то все рассказы оказались еще далеко не полными»[2133]. При отступлении была брошена почти вся артиллерия армии[2134].

Части IV корпуса отступали на Каркаралинск, пытаясь максимально долго удержаться у Спасского завода. При подходе армии к Каркаралинску стало известно, что 1 декабря красные овладели Семипалатинском, а 10 декабря – взяли Барнаул, не оставив войскам Дутова шансов соединиться с основными силами белого Восточного фронта (первоначально намечался выход к Новониколаевску). Между тем, по мнению Щепихина, у пессимистично настроенного Дутова изначально был план отвода армии на Семипалатинск с целью оторваться от Восточного фронта и действовать самостоятельно[2135].

Возможен был единственный путь дальнейшего отхода – в Семиречье, где действовали части под командованием генерал-майора Б.В. Анненкова. 6 декабря приказом командира IV Оренбургского армейского корпуса генерала Бакича в Каркаралинск должны были быть отправлены все больные и излишние обозы, связь с некоторыми частями корпуса была потеряна. Арьергард корпуса прикрывали казаки атамана Захарова. 10 декабря Бакич прибыл в Каркаралинск, где части его корпуса должны были сосредотачиваться для дальнейшего движения на Сергиополь, на присоединение к войскам атамана Анненкова. 13 декабря Каркаралинск был занят красными.

В середине декабря Дутову было отправлено письмо о положении основных сил белого Восточного фронта, которое, судя по всему, он не получил, поскольку оно было перехвачено красными и вскоре появилось в советских газетах. Автор письма поручик Зубков, по некоторым данным, был представителем Дутова при Ставке и информировал его о происходящем (в ЦА ФСБ сохранилось несколько его предыдущих писем от 5, 8 и 9 ноября 1919 г., адресованных Дутову и его секретарю А.А. Будбергу). Письма Зубкова отличались большой информативностью. Картина, которая рисуется в этом письме, свидетельствует о полной дезорганизации Восточного фронта белых во второй половине ноября – декабре 1919 г. Зубков писал Дутову: «Ваше превосходительство, вчера, 15-го, за все время пути, в первый раз догнал штаб фронта и поезд генерала Сахарова на станции «Татарской». Наш состав остановился в 3-х верстах от станции. Представился генералу Сахарову. Я предупредил его, что отправлю курьера Главковостоку…[2136] рад этому и сейчас же послал письмо, которое и посылаю. Перед каждой посылкой фельдъегерей, я буду предупреждать его, о чем мы и условились. Постоянной связи с частями фронта [нет?]. Все оперативные сведения сосредоточены в отделе сообщений у полковника Супроновича и подполковника Воздвиженского. Отдел Главковерха опередил генерала Сахарова и переехал в Новониколаевск. Вчера туда отбыл В[ерховный] Пр[авитель]. Он следует 7-ю составами, и каждая его остановка задерживает планомерное прохождение эшелонов. Вчера к его приходу генерал Сахаров выбыл. В[ерховный] Пр[авитель] передвигается в Иркутск. Последние сведения оперативные и политические рисуются в следующем виде: город Омск красные захватили обходом на станцию Масловка, где захватили 10-ть составов и закрыли выход из города. Части, оставшиеся в городе, и части, отступающие через город, попали в мешок, из которого пробиваются цепями вдоль железной дороги. Начиная от станции

Московки до 4-й Татарской, путь настолько забит, что подать паровозам угля и воды нет возможности. Об остановках поездов ежедневно доносил, подать им помощь нет свободных путей. До сего числа стоят уже 32 состава, не говоря уже о различных учреждениях. Остаются составы со снарядами, патронами, оружием. При мне отдавалось распоряжение взорвать их на станции Корниловка. Мост через реку Иртыш взорвать не удалось ввиду отхода частей по этому единственному пути. Отношение железнодорожной администрации к своим обязанностям самое отвратительное. Из Татарской распоряжением Главковостока было приказано подать состав с углем и водой, дабы вывести штабные поезда. Поезд прибыл, но без воды и угля и закупорил без того забитый путь. В Омске оставлено 40 маневренных паровозов и 15-ть испорченных и замороженных. Станция Куломзино была все же разгружена, но город Омск не справился с задачей эвакуации, и все это осталось в вагонах. Штаб генерала Каппеля должен был вчера ночью прибыть в Татарскую, но я его не дождался, так как нужно было дать знать генералу Одножданову[2137] и генералу Попову о необходимости на 13 декабря состав передать на учетный путь и просто отправить его литерным, иначе участь, постигшая состав, не миновала бы и нас. Сегодня утром мы двинулись литерным поездом В.К., но скорость движения полка все та же – в сутки 10 до 20 верст. Как причина к наиболее быстрому продвижению, поставлена необходимость держать постоянную связь с вами и Главковостоком. Сам же Главковосток заметно плохо осведомлен об оперативной обстановке, так как от частей, отступающих к северу от Омска, до сего времени сведений нет. Чехи бросили охрану железной дороги и уезжают во Владивосток. Польские войска не согласились заменить их и из Новониколаевска выезжают на восток, захватывая все составы; жалобы на них по этому поводу посылал. Никто, наконец, не идет восстанавливать фронт; политическое положение пока неясно, по разговорам частным (с офицерами) состава генерала Нокса узнал лишь, что будто бы политическую конъюнктуру создают и диктуют японцы. Россия, Германия и Япония – группировка недалекого будущего, о которой говорят уже открыто. Генерал Белов[2138] уже успел переехать в город Иркутск, оставив о себе нелестные воспоминания, говорят о том, что себя он эвакуировал очень удачно. Генерал Сахаров вчера в 11 часов вечера выехал в г. Новониколаевск, где остановился, вероятно, ненадолго. Для Оренб[ургской] армии освобождаются линии Татарская – Славгород и Семипалатинск – Барнаул – Новониколаевск. Глубоко беспокоит положение Оренб[ургской] армии, созданное

великим отходом восточного фронта. О судьбе транспортов, отправленных из Омска, пока нет вестей. Дай вам Бог, ваше превосходительство, силы и здоровья перенести испытания, выпавшие на долю многострадальной Оренб[ургской] армии. Преданный вам поручик *Зубков*. 10 декабря 1919 года»[2139].

Между тем то, что происходило в армии самого Дутова было, пожалуй, пострашнее. В период с 14 по 31 декабря войска корпуса Бакича в арьергарде армии отходили тремя колоннами к Сергиополю. Этот отрезок пути (550 верст от Каркаралинска до Сергиополя) был одним из наиболее тяжелых для отступающих: ко всем прежним бедам, преследовавшим армию, добавилось и то, что в свои права вступила зима с двадцати-тридцатиградусными морозами. В условиях пустынной степной местности, продуваемой всеми ветрами, для голодных, истощенных многодневными переходами людей это было смертельно опасно. По свидетельству участника похода, «снега да бураны морозные, холод да голод… Пустыня безлюдная… Люди гибнут, и лошади дохнут сотнями – от бескормицы валятся… Кто на ногах еще бредут кое-как с отшибленной памятью… Поголовный тиф всех видов увеличивает тяжесть похода: здоровые везут больных, пока сами не свалятся, спят в пустынной местности все вместе, прижавшись друг к другу, здоровые и больные… Отстающие погибают»[2140]. По одной достаточно резкой характеристике многие взрослые мужчины – штатские участники похода из интеллигенции – во время этого отступления психологически надламывались и вели себя значительно менее достойно, чем женщины. Как писал один из авторов, «самым нелепым, никудышным и смешным, убогим, а иногда и просто отвратительным элементом на протяжении всего пути и жизни в Китае был интеллигентный мужчина – горожанин»[2141]. Дутов двигался в арьергарде армии.

Участник похода Генерального штаба полковник А.Ю. Лейбург вспоминал: «Две картины этого похода никогда не изгладятся из моей памяти: это картина страшной степной метели и ожесточения человека в борьбе за жизнь. Огромная снеговая туча обтянула все небо, и густая пелена задернула свет. Неожиданно настала ночь. Наступил ужасный степной буран, когда пустынный ветер разыгрался на просторе [и] взрыл снеговую беспредельность. Белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной ночи, окутал все. Снежный прах слепил глаза, занимал дыхание, все кругом ревело, свистало, выло и трепало со всех сторон. Двигаться вперед, да еще и без дороги, было невозможно. Все сгрудились вместе, стараясь укрыться за подводами. И все, эти люди, лошади и повозки, покрывалось

густым снежным прахом»[2142].

Борясь за то, чтобы просто выжить, люди ожесточались. Второй эпизод, поразивший полковника Лейбурга, как ни прискорбно, был характерен для той катастрофической ситуации, в которой оказались остатки армии и многочисленные беженцы. Заняв покинутый жителями аул, «начальник Отдельной Туркестанской стрелковой бригады старый полковник Р. (командир какого-то саперного батальона в мирное время), войдя в одну из… зимовок и выгнав всех, увидел в ней лежащего офицера, женщину и ребенка. Офицер болен тифом, его жена ухаживает за ним. Когда полковник Р. узнает, что этот офицер не принадлежит к чинам его бригады, он приказывает им убираться из зимовки. И никто не возмутился, никого не тронуло беспомощное, итак много переживавшими, положение женщины, ребенка и больного офицера. Им пришлось уехать на подводе дальше. Что с ними стало, остались ли в живых или погибли от мороза и голода в степи?»[2143].

Аулы, зимовки и пикеты с продовольствием и фуражом на пути отступления армии имелись, но далеко не в том количестве, какое требовалось для многотысячной людской массы[2144]. Первоначально красная конница преследовала отступавших, но примерно на полпути соприкосновение с противником было потеряно. Преодолев 110 верст голодной степи, Новый год войска встречали уже в районе Сергиополя. Во время похода в одной из стычек с противником погиб начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии Генштаба генерал-майор В.А. Вишневский, оренбургские казаки также понесли тяжелую утрату – погиб известный оренбургский партизан полковник А.М. Булгаков[2145], из старших офицеров армия потеряла и войскового старшину Савельева[2146]. Данные о численности и потерях армии Дутова в ходе Голодного похода сильно различаются. По одним, вероятно, завышенным данным, по приходе в Сергиополь было зарегистрировано 33 тысячи человек из 60 тысяч, отступивших с Южного Урала[2147]. По другим данным, в армии Дутова было до 40 тысяч человек, из которых лишь 3 тысячи боеспособных[2148]. Наиболее близким к действительности следует считать третий вариант, согласно которому из 20-тысячной в районе Кокчетава армии до Сергиополя дошло около половины состава[2149]. Наконец, о 12–14 тысячах человек, из которых было 1–2 тысячи боеспособных, писал еще один белый мемуарист[2150]. А сам Дутов считал, что удалось вывести 14 тысяч человек при 150 пулеметах и 15 орудиях[2151].

Дутов и Анненков

29-летний талантливый организатор белых партизан полковник Б.В. Анненков еще в декабре 1918 г. во главе своей Партизанской дивизии был направлен в Семиречье для борьбы с повстанцами Лепсинского и Копальского уездов (Черкасская оборона). Однако усмирение восстания затянулось почти на год до октября 1919 г. Покинуть Семиречье и усилить в переломный период лета 1919 г. своей дивизией белый Восточный фронт Анненков, несмотря на приказ Колчака, не захотел и продолжил бороться с восставшими семиреченскими крестьянами. В октябре за победу над ними приказом Верховного Правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака Анненков был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и чином генерал-майора. После ликвидации Черкасской обороны Анненков повел борьбу с частями Семиреченского фронта красных. Были взяты города Копал и Джаркент. В декабре 1919 г. в Семиречье была образована Отдельная Семиреченская армия, численностью 7200 штыков и сабель и 6 орудий. Не будет преувеличением сказать, что к началу 1920 г. Анненков в Семиречье находился на положении местного князька, который, если это было в его интересах, подчинялся центральной власти, а если нет – действовал по собственному усмотрению. Явных соперников он старался устранять. В частности, арестовал и изгнал из Семиречья Войскового атамана Семиреченского казачьего войска Генерального штаба генерал-майора А.М. Ионова.

Появление дутовцев в Семиречье стало неожиданным и неприятным сюрпризом для Анненкова. По свидетельству, оставленному, вероятно, кем-то из анненковцев:

«…Вдруг, как снег на голову, с запада подходит Оренбургская армия атамана Дутова. Армия!!! Громкое слово. Это не армия, а 13 тысяч ртов, больных тифом. Из 13 тысяч ни одного бойца. Это чистый факт. Эту «армию» пришлось принять Семиреченскому фронту под свою защиту, ибо она была совершенно НЕБОЕСПОСОБНА (так в документе. – *А. Г.*). Уже к бывшим двум фронтам прибавился еще один, в западном направлении. Оренбургцы, отступив, потянули за собой красноармейцев, и те вышли на тракт Сергиополь – Копал… партизанам страшен новый враг. Этот враг очень сильный и грозный. Это – тиф, занесенный оренбургцами… Кошмарную картину представляла из себя отступающая вереница Оренбургского обоза, именуемая «армией». Большинство женщин и детей. Бойцов не видно. Все сидят на повозках или санях, в которых запряжены или едва

идущие кони, или верблюды. Закутанные в самых разнообразных костюмах сидят солдаты, офицеры и казаки со своим семейством. Рядом винтовка, иногда пулемет. Лошадьми не управляют – холодно. Лошади плетутся за впереди идущей повозкой. Так эта печальная процессия проползает деревню, измученные, голодные, как саранча, накидываются на все съедобное, пожирают, засыпают с тем, чтобы завтра снова продолжить тот же трудный путь. По дороге разбросаны снаряды, патроны, пулеметы, а винтовкам счета нет, но больше всего мертвых тел. Их не зарывают, нет сил. В самых разнообразных позах застыли они вдоль дороги. Кто скорчился и греет руки ртом, кто пытается встать. Кто же прикрывает эту «армию»? Никто! Она идет под честным словом. Два полка, только два полка красной кавалерии и то слабых, измученных тифом, плетутся в одном переходе за дутовцами по этой печальной дороге. Вот эта «армия» вышла на этапную дорогу Копал – Сергиополь. Здесь она ожила. Полный порядок. Всего вдоволь. Армии отведен самый богатый район, безопасный. Нужно защищать одну лишь дорогу. Увы! в одну прекрасную ночь на эту дорогу вышли два красных полка и «армия» умоляет ее поддержать. Дивизион прогоняет красных, он должен уже здесь находиться, ибо образовался фронт.

Атаман Дутов прибывает в последних эшелонах, но он почему-то шел со своим конвоем не по дороге, а степью, наблюдая в бинокль за своей армией. Сложена песенка:

Из страны, страны далекой,
С Оренбурщины широкой,
В непогоду и буран
Сыпет Дутов атаман.

Кто в санях, а кто верхом,
Кто в телеге, кто пешком,
Кто с котомкой, кто с сумой,
Кто с собакой, кто с женой и т. д.

Довольно хлесткая песенка. Она не понравилась Дутову. Он морщился, когда читал. Приехав в район атамана Анненкова, Дутов поспешил к нему, чтобы выяснить вопрос. Атаман Анненков его встретил очень радушно, как дорогого гостя. Долго шли «любезные» переговоры. Атаман Анненков говорит: «Ты генерал-лейтенант. Ты довольно уже командуешь армией, у тебя больше опыта и у тебя 16 генералов, да отличный штаб. У меня нет штаба, я один армией командую лишь два месяца и младше тебя. Прими общее командование». Атаман Дутов отвечает: «Я

измучен до крайности. Моя армия «небоеспособна». Ты молодой, полный сил и энергии. Командуй ты, а у меня болят старые раны». Атаман Анненков отвечает: «У тебя их три, а у меня 8». Одна получена еще недавно. Общий результат. Атаману Анненкову пришлось принять почти насильно армию, а измученный Дутов, добровольно подчинившись, уехал в теплый и дальний уголок гор[од] Лепсинск ведать административными делами «края». Атаман Анненков отлично сознавал, что создалось положение, при котором армия не может долго держаться, но он хотел выиграть время, чтобы хоть до весны, до подножного корма продержаться, а там двигаться на юг, имея 15 тысяч конницы. Увы! Надежды его не оправдались. Оренбургцы не хотели больше драться. Они говорили: мы не признаем атамана Анненкова. Мы знаем лишь своего атамана Дутова. Он устал, а мы не меньше его устали. Он командовал, а мы кровь лили. Эти разговоры почти открыто шли всюду и среди рядовых, и в штабах. Атаман Анненков страшно возмутился, он отдал приказ: «В Оренбургском отряде слышу «разговорчики», которые тяготят славных партизан. Я принял Вас не для того, чтобы кормить и содержать на попечении, а для того, чтобы дрались, и я сумею Вас заставить драться… и т. д. в этом духе. Приказ был подтвержден несколькими расстрелами, в том числе двух полковников, и оренбургцы притихли. Они увидели, здесь не шутят. Началось бегство за границу. Сперва генералов со своими штабами, потом полковников, но их на границе ждало горькое разочарование: У них отнимались те казенные вещи, которые они «забыли» сдать, отнималось оружие, хорошие лошади и снималась форма. «Вы беженцы, вам уже все это не нужно, а мы еще будем драться» – так им отвечали на их возмущение»[2152].

Приход в Семиречье истощенных, измотанных дутовцев, 90 % которых, по утверждению генерала Бакича, были больны различными формами тифа[2153], был встречен сравнительно благополучно существовавшими анненковцами враждебно, были даже случаи вооруженных столкновений[2154]. Впоследствии, уже находясь в Китае, генерал А.С. Бакич просил китайские власти разместить анненковцев отдельно от чинов его отряда (бывших дутовцев). В апреле 1920 г. он писал по этому поводу: «Имея же в виду ни чем не удержимый антагонизм между частями вверенного мне Отряда и частями Генерала Анненкова, порожденный допущенными последними насилиями и грабежами в минувших Декабре, Январе и Феврале месяцах по отношению к переносящим в это время эпидемию тифа чинам моего Отряда, я прошу разместить партизан[2155] в случае перехода их на территорию Китая не в лагере на р. Эмиль, а в другой местности,

удаленной от моего лагеря не менее чем на 150 верст. Только при соблюдении этих моих предположений я могу ручаться за то, что не будет столкновений между моими солдатами и партизанами Генерала Анненкова, могущими (так в документе. – *А. Г.*) привести к очень нежелательным беспорядкам»[2156]. В другом своем письме, адресованном генералам Н.С. Анисимову, А.Н. Вагину и Г.М. Семенову, Бакич отмечал, что «способ командования и порядки в партизанских частях Атамана Анненкова, где не соблюдались основные требования военной службы, отрицались законность и порядок, допускались невероятные бесчинства и грабежи, как по отношению к мирному населению деревень и станиц, а равно и по отношению к чинам моего отряда, вследствие болезни не могущих постоять за себя, вызвало озлобление против партизан Генерала Анненкова со стороны чинов моего Отряда. Памятуя, однако, общую цель – борьбу с большевиками, пришлось со многим мириться и принять совместное участие в боях по тракту Сергиополь – Урджарская…»[2157].

На Анненкова жаловались и ранее, причем эти жалобы доходили даже до Омска. В частности, беженец Я. Егошкин 12 декабря 1918 г. писал на имя Верховного Правителя, что отряд Анненкова «бездействует, живет в станице Урджарской, объедает и без того скудно собранные продукты, ведет себя как в стране завоеванной, никого кроме Анненкова признавать не хочет, а сам Анненков живет себе в Семипалатинске, собирая новых и новых добровольцев. Говорят, что он тянет, потому что не хочет признавать власти Генерала Ефремова (Ионова), кстати сказать желающего показать твердость, но ее нет у него и нет последовательности… дело не в личности Ефремова, а просто в мелких честолюбивых, скажу, даже низменных и прочих побуждениях Анненкова: Я де подавлю большевизм, а честь припишут другому…»[2158].

«Не только жители, но и Оренбургская армия, – писал генерал Бакич в сентябре 1920 г. директору Русско-Азиатского банка, – после перенесенного трудного похода от Каркаралинска, попав в район оперирования партизан Анненкова, не мало испытала горя и лишения от своеобразного хозяйничанья на русской земле над русскими же людьми – защитниками Единой России «Брата Атамана» и его помощников. Больных и изнуренных походом и недостатком продовольствия офицеров и солдат бессовестно обирали партизаны и районные коменданты Атамана. От вышедших же вместе с армией беженцев было отобрано буквально все до последних пожитков заместителями «Брата Атамана», есаулами Козловым и Арбузовым, Власенко и

другими…»[2159] Достаточно ярко характеризует Анненкова и еще один пример, приведенный Бакичем. «Надеюсь, что Вам также небезызвестно, – писал он урумчийскому генерал-губернатору, – поведение Генерала Анненкова и его отряда во время нахождения последнего на перевале Чулак (Сельке). Там все офицеры и солдаты, пожелавшие по каким-либо причинам оставить его отряд, по приказанию Генерала Анненкова раздевались почти донага и изгонялись из отряда – вдогонку же им высылались разъезды солдат или киргиз, вооруженные самим Анненковым, которые уничтожали несчастных. Полагаю, что Вам также известен неслыханный еще в истории случай, когда в отряде Анненкова на том же перевале Чулак около сорока семейств офицеров его же отряда и беженцев были безжалостно ограблены, женщины и девушки от 7 до 18 лет изнасилованы, а затем зарублены»[2160]. Приведенные документы полностью подтверждают те сведения о зверствах анненковцев, которые были опубликованы советскими юристами в 1991 г. на страницах «Военно-исторического журнала»[2161] и достоверность которых ранее мне казалась сомнительной[2162]. Факты произвола анненковцев по отношению к дутовцам отражены и в других источниках[2163]. Один из участников Белого движения на Восточном фронте, характеризовавший себя как «простого русского интеллигента… волею судеб одевшего мундир армии адмирала Колчака»[2164], отмечал, что «прислушавшись ко всем рассказам местных жителей, очевидцев, и судя по отношению Анненкова к Оренбуржцам, для нас стало ясно, что мы попали в самое после большевиков бесправное место, и если что атаману (Анненкову. – *А. Г.*) взбредет в голову, то он с нами и сделает»[2165].

Сам же Анненков в своем приказе от 31 (18) марта 1920 г. цинично написал: «Итак, двухлетняя борьба в Семиречье дала грустные результаты, благодаря только лишь приходу таких «беженцев-гастролеров», как Дутов, пришедший с оборванными, голодными и разутыми людьми, везя с собою массу баб, но без снарядов и патронов, привезя с собою тиф и развал»[2166]. Позднее, уже на суде Анненков был менее резок в оценках и отметил: «Когда армия Дутова вошла в расположение моих войск, она являлась полностью небоеспособной. Это были разложившиеся части, стремительно катившиеся к китайской границе. Вместе с ними шло упаднические настроение во всех частях верст на 900 по фронту. К тому же большинство людей оказались больными тифом. По сути, вся армия представляла собой сплошной тифозный лазарет. Ни одна кавалерийская часть не двигалась верхом, все ехали на санях. Создалось положение такое, что, если

не принять решительных мер, наступит всеобщее разложение, паника, все сразу рухнет, и будет полнейший крах. Во многих частях армии оказались малодушные, которые, видя наши неудачи на Восточном фронте, думали, что все пропало. Я считал необходимым принять самые срочные меры, чтобы вывести армию из катастрофического положения… По этому поводу издали приказ, категорически запрещавший под угрозой немедленного расстрела распространение панических слухов, проматывание и продажу казенного имущества, оружия. В приказе также отмечалось, что, как командующий Отдельной Семиреченской армией, я рассматриваю для себя нравственным и служебным долгом считать одинаково близкими сердцу бойцами своих старых подчиненных и вновь влившихся в армию, как одинаково отдающими свои жизни и здоровье во благо Родины, и не делать между ними никаких различий. Я преклонялся перед мужеством, героизмом и преданностью Родине частей армии генерала Дутова, перенесшей массу лишений и невзгод по пути отступления из Оренбургской губернии…»[2167]

Однако на практике отношение анненковцев к дутовцам было далеко не таким благожелательным.

По приходе в Семиречье 13 января 1920 г. в журнале военных действий корпуса Бакича была сделана следующая запись: «Ввиду развала частей всего Восточного фронта и трудного положения Отдельной Оренбургской армии, на долю которой выпал тяжелый крест, вследствие чего войскам 4-го Корпуса, входящим в состав Оренбургской армии, пришлось сделать весьма продолжительные, почти беспрерывно в течение полугода, передвижения, сначала из района Оренбургской губернии к Аральскому морю, далее через Иргиз, Тургай и Атбасар в район гор[одов] Кокчетав, Петропавловск и Каркаралинск, в район города Сергиополя. Все те трудности, лишения и разные невзгоды, которые перетерпели Войска лихого 4-го Оренбургского Армейского Корпуса вместе с командиром Генерал-Майором Бакич и Начальником штаба Генерального штаба Полковником Смольнин во время этого продолжительного марша по пустынно-степным областям – не поддавались описаниям; лишь благодарное потомство дорогой родины России по достоинству оценит боевую службу, труд и лишения истинно русских людей, преданных сынов своей Родины, которые ради спасения своей Великой Отчизны самоотверженно встречали всякие мучения и терзания. Совершив небывалый в истории поход, преодолев все невероятные трудности, победив даже самую природу, лихие храбрые духом войска 4-го корпуса под руководством своего боевого командира вышли благополучно в населенный район, где

им удалось передохнуть, оправиться и привести себя в должный порядок. Но ввиду невероятных антисанитарных условий во время вышеуказанного похода по пустынно-степным районам эпидемия тифа всех видов достигла повального характера и, к великому прискорбию, много хороших бойцов выбыло из строя. Ввиду полного отсутствия укомплектований – ряды частей корпуса сильно поредели, и вся боевая организация в частях корпуса была нарушена»[2168].

По свидетельству участника событий офицера Иркутского казачьего войска И. Еловского, «хотя оренбургский отряд и занимал свои позиции, удерживая таковые; но не мог уже быть по-прежнему боеспособным, так как почти весь отряд превратился в повальных больных тифом. Части с каждым днем таяли. Смертность была ужасающая. Медикаментов никаких почти не было, а также и ухода. Хотя госпиталь Красного Креста и принимал больных, но на весь отряд было мало госпитальной администрации. Медицинским персоналом делался обход по квартирам расположения частей, где находились больные. Иногда среди больных два-три человека умирали и лежали вместе с больными по несколько дней, так как не только вынести умерших, но подать пить больным было зачастую некому. Случалось, что вследствие недосмотра один или несколько человек, находясь в сильном бреду, выходили из квартир в одном белье, босые, и разгуливали, при 25–30° холода, по снегу. От каждой части назначались особые команды, которые беспрерывно рыли могилы и носили туда умерших. Зарывали в одну могилу иногда до 25 человек. Жители сел, в которых размещался отряд, тоже повально были все больны; их положение было еще хуже, так как похоронить умершего, вырыть могилу было некому…»[2169].

По оценке противника, в Семиречье корпус Бакича, как и ранее, оставался наиболее боеспособным соединением армии Дутова[2170]. Той же оценки придерживались и белые, считавшие Бакича одним «из лучших ее (Отдельной Оренбургской армии. – *А. Г.*) командиров корпусов»[2171]. Между тем войска Бакича испытывали серьезную нехватку боеприпасов, вынудившую их в конечном итоге оставить Семиречье. Как писал уже в Китае сам Бакич, «все мои просьбы к Генералу Анненкову о снабжении патронами моих частей оставались безрезультатными, хотя таковые, впоследствии доставшиеся красным в Учарале, имелись в большом количестве…»[2172]. Отказывалось анненковцами и в выдаче дутовцам продовольствия и фуража, причем сам Анненков отлично знал *обо* всем происходящем[2173]. Кроме того, как писал в своем отчете особоуполномоченный Российского Общества Красного Креста С.С. Аксаков, анненковцы в станице Урджарской

с ведома начальника штаба Анненкова полковника Н.А. Денисова отобрали много имущества (лошадей, медикаменты и т. д.) у медицинского персонала, пришедшего с оренбуржцами, причем «генерал Бакич был бессилен в этот период и ничего сделать не мог»[2174], сами же анненковцы заявляли дутовцам, «что мы (дутовцы. – *А. Г.*) им не нужны, что мы убирались бы вон с территории Семиреченского района»[2175].

Положение красных, противостоявших белым в Семиречье, было немногим лучше. По признанию одного из советских авторов, «красноармейские части Семиреченского фронта до самого конца 1919 г. не обладали серьезной стойкостью и дисциплиной, что отрицательно сказывалось на их боеспособности. Даже оперативные вопросы нередко решались на митингах красноармейцев»[2176]. Присылка пополнений на Семиреченский фронт осуществлялась с октября 1919 г., но фактически до конца марта 1920 г. красные не могли добиться перелома в свою пользу.

На совещании Дутова и Анненкова в станице Урджарской (ставке последнего) в последних числах декабря 1919 г. было принято решение о создании Отдельной Семиреченской армии[2177]. Первоначально идея Дутова сводилась к тому, чтобы прочно обосноваться в Семиречье и оздоровить армию, однако действия анненковцев не позволили этому осуществиться. Приказом Дутова по Отдельной Оренбургской армии № 3 от 6 января 1920 г. все части, учреждения и заведения армии сводились в отдельный «Отряд атамана Дутова». Штаб армии, штаб Оренбургского военного округа на театре военных действий, все управления Отдельной Оренбургской и Южной армий, корпусные штабы и часть дивизионных и бригадных (3-й Оренбургской казачьей дивизии, Туркестанской Отдельной стрелковой и 4-й кадровой бригад) подлежали расформированию. В отряд были включены 1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии, а также Отдельная Сызранская Егерская бригада, которые пополнились личным составом всех расформированных соединений. Все чины штабов, команд, управлений и учреждений, приданные к штабам, передавались на усиление следующих соединений: I Оренбургского казачьего корпуса и 3-й Оренбургской казачьей дивизии – в 1-ю Оренбургскую казачью дивизию; IV Оренбургского армейского корпуса – во 2-ю Оренбургскую казачью дивизию; Туркестанской Отдельной стрелковой бригады – в Сызранскую Отдельную Егерскую бригаду[2178]. После переформирования состав отряда стал следующим[2179] (см. табл. 12).

Таблица 12

Подразделение	Командир	Численность (чел.)
1-я Оренбургская казачья дивизия	полковник Р.П. Степанов	
1-я бригада	полковник Т.О. Савельев	
33-й Оренбургский казачий полк	полковник А.И. Скорняков (по другим данным, полковник А.П. Прокопьев)	2000
Атаманский полк II-го военного округа Оренбургского казачьего войска	войсковой старшина В.Н. Захаров	2000
2-я бригада	Полковник А.С. Колокольцов	1500
1-й Оренбургский казачий полк	войсковой старшина К.С. Колокольцов	
4-й Оренбургский казачий полк	полковник Д.В. Кочнев	
2-я Оренбургская казачья дивизия	генерал-майор А.С. Шеметов	до 3500
1-я бригада	генерал-майор Попов	до 2000
Оренбургский казачий атамана Дутова полк	полковник Е.Д. Савин	
14-й Оренбургский казачий полк	полковник Кузнецов	
2-я бригада		до 1500
15-й Оренбургский казачий полк	полковник Глебов	
16-й Оренбургский казачий полк	полковник Малюков	
2-я Оренбургская инженерная сотня		
Оренбургский конно-артиллерийский дивизион		
Отдельная Сызранская Егерская бригада	генерал-майор Никитин	до 3000
1-й Сызранский егерский полк	полковник Чигарин	до 2000
2-й Сызранский егерский полк	подполковник Малеев	

Подразделение	Командир	Численность (чел.)
Конно-егерский полк	полковник Евгеньев	
Киргизский конный дивизион Зеленого Знамени		
Сызранский егерский артиллерийский дивизион	капитан Полонский	
Артиллерийская батарея	полковник Д.Н. Кирхман	
Отдельные, технические, санитарные части и учреждения		
Конвой начальника отряда	полковник Мурзиков	200
Автомобильный отряд		
Радиостанция		
1-й полевой госпиталь	старший врач Чемоданов	
15-й госпиталь	старший врач Сергеев	
173-й госпиталь	старший врач Лебедев	
Госпиталь № 5-8	старший врач Борзаборатов	
Всего в отряде: до 15 000 чел., в том числе до 7000 штыков и до 2000 сабель при 200 пулеметах и 5 орудиях.		

Начальником отряда с правами командира неотдельного корпуса тем же приказом назначался командир IV Оренбургского армейского корпуса генерал-майор А.С. Бакич[2180]. Впрочем, на этот счет существуют разночтения. По данным журнала военных действий, IV корпуса Бакич получил права командира отдельного корпуса[2181]. Добавлю, что, по сведениям атамана Дутова, изложенным им лишь накануне своей гибели в начале 1921 г., Бакич в своих целях тиражировал этот приказ с преднамеренно сфальсифицированной записью о предоставлении ему *более* широких прав командира отдельного корпуса[2182]. Поскольку подлинник приказа мне неизвестен, а весьма вероятно, вообще не сохранился, установить истину в этом немаловажном вопросе пока не представляется возможным. Дутов был спокоен за судьбу отряда. Он знал, что люди спаяны двумя годами тяжелейшей борьбы и лишений, почти все являлись земляками, кроме того, Дутов доверял своему преемнику генералу Бакичу.

Один из участников событий писал, что «задача генерала (Бакича. – *А. Г.*) была далеко не легкая, потому что армия была поголовно вся больная и из 12–14 тысяч человек только около 1–2 [тысяч] можно было, и то с трудом, поставить под ружье. Подтягивание армии и ее переформирование шли вплоть до нового года[2183]. Вид подходящих частей самый ужасный: не люди, а живые трупы, порой без всякого белья, только в одном тулупе и валенках. Медицинской помощи почти никакой за неимением медикаментов, при самом скверном питании. Только крепкие

натуры казаков могли нечто *подобное* выдержать»[2184].

Переформирование происходило с 14 по 19 января (с 1 по 6 января по старому стилю, установленному в Семиречье Анненковым)[2185].

При включении оренбуржцев в состав Отдельной Семиреченской армии Анненков изъял их армейские средства в размере 90 миллионов сибирских рублей, 1,5 пуда золота, принадлежавшего 2-му военному округу Оренбургского казачьего войска, и другие ценности[2186]. С дипломатическими целями на Дальний Восток отправились оставшиеся не у дел генералы И.М. Зайцев и И.Ф. Шильников.

Автор одной из характеристик, относящихся к этому периоду, отмечал, что начальник отряда атамана Дутова «генерал Бакич сам из южных славян, говорит с большим акцентом, очень прост и доступен в обращении, во все сам лично вникает и чем только может помочь, всегда готов все сделать. Вечно в хлопотах и заботах, всюду за всем смотрит сам, как хороший хозяин, и энергии не теряет, хотя перед ним почти безнадежная задача (сохранить армию. – *А. Г.*). Характер у него как [у] южанина горячий, но скоро успокаивается, и если что не по нему, то накричится вволю, но худого не сделает; дисциплина у него строгая, но справедливая; офицеров держит в руках, за что те – распустившиеся за последнее время – его иногда недолюбливали, в особенности те, которые попали к нему из других частей. Солдаты же его любили и готовы за ним идти всюду. Безобразий и насилий, о которых приходилось постоянно слышать при проезде через армии Дутова и Анненкова, мне со времени вступления в командование отрядом Бакича[2187] слышать не приходилось»[2188].

Бакич начал с жестких мер. 8 февраля (26 января) он писал генерал-майору И.М. Зайцеву: «Нет ни Анненковцев, ни Дутовцев, а чины единой Семиреченской армии»[2189]. В жесткой форме он требовал от бывшего начальника штаба Отдельной Оренбургской армии подчинения, отмечая, что «допущенная Вами анархия при расформировании Штарма[2190] и Управлений Вам подчиненных вопреки Определенному приказу № 3, благодаря чему неизвестно куда делось и расхищалось ценное казенное имущество и деньги, вынуждают меня просить Командарма до выяснения ликвидационной комиссией всех виновных в расхищении и получения Ваших объяснений по этому поводу как Наштарма Оренбургской временно задержать Вас в районе Семиреченской Армии…»[2191].

Отряд атамана Дутова был включен в состав Отдельной Семиреченской армии генерала Анненкова и подчинен

последнему во всех отношениях. Штаб отряда был сформирован из штаба IV корпуса и штаба Отдельной Оренбургской армии, начальником штаба стал Генерального штаба полковник И.И. Смольнин-Терванд (8 января 1920 г. произведен Дутовым в генерал-майоры впредь до утверждения Верховным Правителем[2192]). В последнем приказе Дутова по армии говорилось: «Тяжелый крест выпал на долю Отдельной Оренбургской Армии. Велением судьбы войскам пришлось сделать весьма продолжительные, почти непрерывные в течение полугода, передвижения, – сначала из района Оренбургской губернии к Аральскому морю, далее через Иргиз, Тургай и Атбасар в район Кокчетав – Петропавловск. Отсюда через Акмолинск и Каркаралинск в район Сергиополя. Все те трудности, лишения и разные невзгоды, которые претерпели войска Оренбургской Армии, во время этого продолжительного марша по пустынно-степным областям не поддаются описаниям. Лишь беспристрастная история и благодарное потомство по достоинству оценят боевую службу, труд и лишения истинно русских людей, преданных сынов своей Родины, которые ради спасения своей Отчизны самоотверженно встречают всякие мучения и терзания…»[2193] 23 января 1920 г. Дутов был зачислен в списки лейб-атаманского имени атамана Анненкова полка[2194].

19 (6) января белыми был оставлен Сергиополь. Части под сильным давлением войск противника отходили по тракту Сергиополь – Чугучак, заняв позиции у Нарынского пикета. 2 февраля (20 января) приказом войскам Отдельной Семиреченской армии начальник отряда атамана Дутова генерал-майор А.С. Бакич был назначен командующим частями Северного фронта армии и заместителем Анненкова, а через день принял фронт. Таким образом, в его подчинение поступили уже не только части бывшей Отдельной Оренбургской, но и части Отдельной Семиреченской армии.

Сам Дутов стал главным начальником Семиреченского края (гражданским губернатором), перебравшись в Лепсинск. Возможно, Анненков опасался конкуренции со стороны своего более известного соперника и стремился убрать Дутова из армии[2195], сосредоточив в своих руках всю военную власть.

В Лепсинск Дутов, по его собственной оценке, ехал в подавленном настроении, как в ссылку. Не радовало его и то, что по пути атаману устраивались торжественные встречи, почетные караулы, однако это была лишь декорация, по-настоящему теплый и искренний прием Дутов встретил лишь в Учарале и самом Лепсинске. Пребывание свое в последнем он называл «весьма тяжелым». К слову сказать, незадолго до этого в плен к

красным попали его личный секретарь А.А. Будберг и адъютант хорунжий Мишуков (по некоторым данным, Мишуков в 1937 г. был арестован в Красноярске по обвинению в создании диверсионно-повстанческой организации, учитывая, что в тот период в Красноярске жила вся семья Дутова подобное совпадение, на мой взгляд, не является случайным).

О своих переживаниях в тот период Дутов позднее, 17 июля 1920 г., уже находясь в Китае, писал генералу Бакичу: «…я отвечу на Ваш вопрос, почему я не остался при отряде. Вы отлично сознавали, что оставить отряд за собою и подчиниться Анненкову я не мог. То есть лично я бы это сделал, раз это было нужно, но войсковой Атаман Оренбургского войска, а тем паче походный Атаман казачьих войск сделать этого не мог, – иначе подчинение было бы признанием атаманства Анненкова, что даже тогда было невозможно. Оставалось одно решение: передать Вам и уйти самому. Жить при отряде, напр[имер] в Бахтах, было, очевидно, невозможным. Я бы Вам мешал и стеснял, даже невольно, да и Анненков жил рядом, что не сулило удовольствия. Уезжая в Лепсинск, как [в] центр края, я ехал с подавленным настроением и ехал в ссылку… Дальнейшая жизнь и работа в Лепсинске несколько сгладила горечь моего пребывания вдали от отряда. За последний я был спокоен: во-первых, люди были спаяны лишениями уже два года; во-вторых, почти все одного места; и в-третьих, я Вам отдавал отряд, знал, что делал, т. е. был уверен в порядке и сохранении отряда.

Я знал, что Вы ради дела сумеете быть и политиком и поступитесь личными своими симпатиями и привычками. Я был прав. Будучи спокоен за отряд, я начал борьбу с Анненковым тихо и планомерно, всегда защищая интересы граждан… Казаки-семиреки ненавидели Анненкова и охотно подчинялись мне»[2196].

Дутов намеревался своими действиями изолировать Анненкова. Север и юг Семиречья контролировали ставленник Дутова генерал Бакич и семиреченский атаман Генштаба генерал-майор Н.П. Щербаков, центр – сам Дутов. По его мнению, у Анненкова оставался лишь район Учарала, к тому же он должен был считаться с мнениями сразу трех генералов. Кроме того, Дутов наладил связь с Кашгаром и Урумчи, выслав туда миссии. Из Иркештама от однокашника Дутова по академии генерала Муханова поступили сведения о его отряде.

По словам Дутова, «жизнь моя в Лепсинске была не из важных, хотя бы начать с довольствия»[2197]. Атаман вспоминал, что его конвой получал горячую пищу лишь дважды в неделю, для поддержания больных приходилось охотиться на голубей, лошади ни разу не получали овса, паслись на снегу, причем их пало до

25 %. Дутов даже ездил в Копал и добился получения продовольствия из Южного Семиречья. Лошади обоза были настолько слабы, что не могли дойти 15 верст до Лепсинска и подняться в горы. Врачей и медикаментов у Дутова не было, при том, что болели почти все чины. Доходило до того, что в качестве ординарцев при Дутове служили старики семиреки, а в качестве караула – милиция.

В период пребывания Дутова в Лепсинске по инициативе Анненкова было проведено два совещания трех атаманов, как писал Дутов, только он был настоящим, а двое остальных – самозванцами[2198]. На первом совещании в Осиповке, которое закончилось, по мнению Дутова, впустую, был заслушан доклад генерала Н.П. Щербакова. Второе совещание собрал уже сам Дутов с целью выработки плана весенней кампании 1920 г. После своей поездки в Копал он пришел к выводу, что положение в Семиречье может спасти только Южная группа Щербакова. План Дутова был следующим: «Надо было брать Гавриловку и Джаркент, и тогда все Семиречье было бы наше. Народ волновался там, басмачи делали свое дело; мусульмане звали нас… Со стороны Семипалатинска нам серьезно угрожать не могли. Войдя в Семиречье и овладев Верным, мы входили в связь с Ферганою, Бухарою и Хивою и Закаспием – все это изжило большевизм. Нужен был лишь толчок, а там по всей границе – английские войска», – писал Дутов[2199]. Таков был его план, однако реализован он не был. По мнению Дутова, виноват в этом был Анненков, который «затеял обход красных через Чулак – Сельке, Сайримнор и Лао-ца-гоу на Харгос, и, конечно, начал тормозить, и все полетело. В результате получилась ерунда, и мы – в Китае»[2200].

Иначе считал Анненков, отметивший уже 31 (18) марта в своем приказе: «Ввиду начавшихся волнений среди населения, в районе, занимаемом Армией, я телеграфно просил Атамана Дутова в случае, если связь между нами будет порвана, принять на себя командование всеми частями, которые будут находиться в его районе. Но Дутов, по привычке и по обычным приемам, не предупредив никого, забрав лишь небольшой личный конвой и все ценности, бежал на Китайскую границу. Лепсинск остался без начальства, и в нем начались волнения. Это послужило сигналом к восстанию в других деревнях и привело к тому, что частям пришлось, будучи окруженными со всех сторон, отходить к Китайской границе… [Дутов] еще раз доказал, что в трудную минуту остается верным самому себе, и, спасая свою шкуру, не подумает о своих подчиненных и бросит их, как бросал неоднократно в Оренбурге, Верхнеуральске и т. п… Состоящего в

списках Лейб-Атаманского полка Генерала Дутова исключить, как опозорившего себя своим постыдным бегством и недостойного носить славное имя партизана»[2201]. Кто бы ни был виноват в произошедшем, эпопея белого Семиречья подошла к концу. Отмечу лишь, что еще 27 (14) марта на китайскую территорию перешел отряд атамана Дутова под командованием генерал-майора А.С. Бакича, после чего продолжение борьбы в Семиречье являлось бессмысленной жертвой. Кроме того, на сторону красных 27 марта перешел начальник снабжения Отдельной Семиреченской армии полковник А.А. Асанов, издавший приказ о сдаче всей армии красным, под воздействием которого многие части действительно сдались. Таким образом, поступок ушедшего в Китай Дутова никак нельзя считать позорным. Выдвинутые Анненковым обвинения оставлю на его совести.

Исход

В ночь на 29 (16) марта 1920 г. Дутов, узнав о прекращении связи во все стороны, был вынужден покинуть Лепсинск вместе с отрядом, причем половина его казаков передвигалась пешком – лошади конвоя паслись в горах и нужно было их собрать. В Тополевке он разогнал митинг, пройдя Покотиловку и сделав в ней дневку, отряд вступил в горы. Переход шел без преследования со стороны красных, которые даже не знали в дальнейшем точного пункта перехода Дутовым китайской границы[2202].

2 апреля (20 марта) атаман с конвойной сотней (командир – войсковой старшина А.З. Ткачев) и отрядом особого назначения через ледниковый перевал Кара-Сарык на горном хребте Джунгарский Алатау (высота около 5800 м) перешел в Китай, в районе города Джимпань Синьцзянской провинции, в долине реки Бортала. Сам атаман перед китайской границей был спущен на канате с отвесной скалы почти без сознания. Переход осложнялся присутствием в отряде женщин и детей. Сопровождавшие Дутова войска при переходе границы были разоружены и интернированы. По воспоминаниям самого Дутова, двинулись «в Сарканскую щель, шли всю ночь по колено в снегу, без дороги, при 15° мороза. Дорога была сплошной ужас, то по реке, то по скалам, то по долине, сплошь занесенной снегом. Когда вошли в щель, начались муки. Дорога шла по карнизу и леднику. Ни кустика, нечем развести огня, ни корма, ни воды. Так шли три дня и пришли к перевалу Кара-Сарык (14 900 футов). Дорога на гору шла по карнизу из льда и снега. Срывались люди и лошади. Я потерял почти последние вещи. Вьюки разбирали, и несли в руках. Перевал брали полуторо[2203] суток. Когда я забрался на вершину, начался буран, и многие поморозились. Я случайно избег этого, хотя я был в одной шинели.

Редкий воздух и тяжелый подъем расшевелили контузии мои, и я потерял сознание. Два киргиза на веревках спустили мое тело на 1 версту вниз и там уже посадили на лошадь верхом, и после этого мы спускались еще 50 верст. Вспомнить только пережитое – один кошмар! И наконец, в 70 верстах от границы мы встретили первый китайский[2204] пост. Вышли мы 50 % пешком, без вещей, вынесли только икону, пулеметы и оружие. Друг друга не узнавали, до того все почернели и похудели, остались одни глаза. Дальнейшие мытарства уже были легче»[2205].

Один из офицеров – участников похода, выступавший в печати под псевдонимом Синзянский и опубликовавший серию

очерков об отступлении армии Дутова, посвятил этому переходу небольшое стихотворение:

Барталинское ущелье[2206]

(Март 1920 г.)

На западе дальнем Китая
Есть горный поток Бартала
Из снежной вершины Тянь-Шаня
Начало та речка взяла.

Сурово ущелье потока,
Снег, камень, теснины кругом,
Года за горами без срока,
Как день убегает за днем.

Несет свои снежные воды
По камням, ущельям стремясь,
Ищет простора, свободы,
В бешеном беге дымясь.

Безмолвны вершины Тянь-Шаня,
Над белой чалмою всегда,
Как стражи границы Китая,
Закованы броней из льда.

Вот, что-то вдали зачернело,
Спускаясь ущельем с горы,
По снежному полю налево
Вниз горной реки Барталы,

Все ниже и ниже спускаясь…
Видны уж фигуры людей,
Устало рядами равняясь
Ведут под уздцы лошадей.

Суровы, позноблены лица,
С тоской в наболевшей груди
Покинув родные станицы,
Повзводно идут казаки.

Перевал Кара-Сарык бывает открыт для перехода лишь в июне месяце, тем не менее отряд Дутова сумел преодолеть его сравнительно благополучно за четверо суток и был интернирован в долине реки Бортала в 5 верстах от Джимпаня. По всей видимости, дутовцы провели в лагере около месяца. Здесь Дутов издал приказ, разрешавший всем желающим вернуться в Россию. Была объявлена двухдневная запись, причем набралось 240 человек, которые 5 мая уехали домой (у И.И. Серебренникова ошибочно – 6 мая). Проводы сопровождались молебном перед Табынской иконой. Дутов уезжавшим посоветовал не предавать тех, кто остался в Китае[2207].

Не вполне ясна нестыковка в хронике событий. С одной стороны, известно, что проводы возвращавшихся проходили на реке Бортала 5 мая, но, с другой, уже 2 мая атаман и верные ему казаки остановились на жительство в городе Суйдин Илийского округа Синьцзянской провинции, в 40 верстах от Кульджи (центра Илийского округа), как было указано китайскими властями. Ответить на этот вопрос пока сложно. «Так мы добрались до Джампаня, а потом и до Суйдуна. Просьба уйти в Чугучак была не уважена, да мы бы и не дошли – не было сил. К тому же китайцы врали, что Ваш (Бакича. – *А. Г.*) отряд весь разбежался… Результат – пришли в Суйдун пешком, кое-как дотащили половину лошадей. Я, имея всего-навсего 140 000 рублей сибирских денег, конечно, не могу себе позволить никаких, даже элементарных, удобств, не имея ни одного колеса, ни денег, ни вещей, – поддерживать свой атаманский престиж трудно», – писал Дутов Бакичу[2208].

По донесению советской агентуры, после перехода границы «настроение большинства белых здесь (в Синьцзяне. – *А. Г.*) во всяком случае не воинственное. Если бы они знали истинное положение в Советской России, то безусловно многие не замедлили бы выехать туда. Большинство их не едут, опасаясь мобилизации. Они так утомлены войной, так разбиты нравственно сознанием бесцельности тех мучений, которые они приняли сами и причинили другим, что их пугает перспектива снова взяться за оружие с какими бы ни было целями. Им нужен отдых и только отдых…»[2209].

В Суйдине дутовцам было предложено разместиться в казармах русского консульства, рядом с которыми имелся небольшой участок земли. Однако часть казарм была занята китайскими солдатами, остающиеся же помещения были недостаточны для отряда, в связи с чем Дутов оставил в казармах лишь часть офицеров и казаков, а остальные были размещены в землянках. Сам атаман снял себе две комнаты в городе[2210].

Сохранилось описание квартиры Дутова, на которой он был впоследствии убит: «Это была небольшая, в две маленьких комнаты, разделенных сенями, глинобитная сартовская сакля, но с деревянными полами и с самой примитивной туземной обстановкой. Одна комната была спальней и столовой атамана, а во второй помещалась его канцелярия, и там же спал Н.В. Дутов[2211]. В весьма небольшом дворе находилась еще однокомнатная сакля, в которой помещались два фельдъегеря атамана и его вестовые. Рядом стоял навес, под которым находились две лошади Александра Ильича»[2212].

Имеется еще одно свидетельство об исходе Дутова в Китай. Его автор, войсковой старшина Оренбургского казачьего войска Савич, прошел вместе с атаманом весь путь от Атбасара и Кокчетава до Суйдина. Он вспоминал:

«По степям, по пескам, бездорожьем, глубокой осенью, под натиском красных полчищ, отходили уцелевшие остатки войск атамана Дутова. Казаки на конях, а раненые, больные и семьи – в телегах и повозках. В особой каретке, о двух конях, шествовала Святыня Оренбургского Войска – большая Табынская икона Пресв[ятой] Богородицы. Пути-дороги и переживания отходивших за иные границы известны по трудам летописцев, но об оренбуржцах было мало сведений, а поход их назывался голодным и тяжким. Кочевники угнали в глубь степей свои стада. Питаться приходилось большей частью затирухой из муки, и немало осталось могильных бугорков без крестов, для которых не было дерева.

Миновали городки: Иргиз, Тургай, Атбасар, Кокчетав, Акмолы, Каркаралы[2213], Сергиополь и подошли к Лепсинску, в котором пришлось оставить весь обоз и часть коней, и, неся на руках икону, а раненых и больных на носилках, начали подниматься по снежным крутизнам Алатау к перевалу Кара-Сарык. Были случаи, когда кони срывались с тропинок в глубины снегов, откуда их нельзя было вытащить. Добравшись до высшей точки, где почти постоянно бывают снежные бураны, мы начали спуск с гор, и вскоре обрадовала нас зелень травы и кустов, и чем ниже, тем больше чувствовалась весна. И стали мы лагерем на берегу горной речки Барталы, и была Страстная Седмица, и приказал атаман построить из зелени кущу для иконы, пред которой и пели мы Пасху, а вокруг стояли конные степняки, понимали, видно, что мы благодарим Бога, и потчевали нас вынимаемыми из-за пазух горячими лепешками.

Прибежали вооруженные китайские солдаты, впереди которых верхом на низенькой лошадке трусил офицер в погонах, при сабельке, но сошел с коняшки, снял котелок, поклонился

всем, поздравил с прибытием и предложил сдать оружие и следовать в недалекий городок. На голове этого офицера вместо военного убора был штатский котелок.

Прочитав нам большой папирус с приветствием от своего правительства, скомандовал своим солдатам, которые были одеты в штаны и куртки, а на плечах их были кофты с[о] многими иероглифами, на головах их тюбетейки, из-под которых на спины свисали заплетенные косы, а ружья у них были самые разнокалиберные и… солдаты побежали вслед за своим офицером.

Тронулись и мы в недалекую дорогу и прибыли в городок Суидун (так в документе. – *А. Г.*) и расположились в мазанках, где раньше стояла русская охрана нашего консульства. Атаману отвели особую квартирку, и при нем было несколько вооруженных казаков-стариков. Наступил полнейший отдых и покой, и прекрасное питание, и весна, и уверенность, что нас здесь никто не достанет – за границей, за снежными крутизнами, да кроме этого, близ нас была казарма китайских солдат, у которых шла усиленная муштровка, больше, правда, с шагистикой и построением каре, когда передняя линия солдат для отражения противника стреляла лежа на земле, вторая с колена, а третья стоя, потом солдаты уходили в казармы и был покой, и часовой ставил свое ружье у стены, а сам играл с мальчишками в бабки или в чехарду. Но все-таки нельзя было не думать и не вести беседы о нашем дальнейшем. Большинство из нас горело желанием как можно скорее добраться к мудрейшему генералу Дитерихсу в Приморье.

Слышно было и о Врангеле, и потянуло меня именно к нему. Сотник атамана Анненкова ИД. Козлов одобрил мой план и готов быть со мною, а я порадовался такому спутнику, который знал местные языки. Доложил я о своих планах атаману Дутову, который мысль мою одобрил и направил мою просьбу в наше консульство, где сейчас же снабдили нас удостоверениями личности, посоветовали взять с собой в дорогу запас медикаментов, которые нужны будут и нам самим и [тем,] кто будет нуждаться в лечении. Выдали нам по десятку долларов и сказали, чтобы послезавтра мы были бы на окраине города, откуда уходит груженый верблюжий караван, следующий в город Кучар. Явились мы с сотником к атаману Дутову, передавшему нам словесные поручения к генералу Врангелю, прибавив в нашу казну еще по десятке долларов и пожелав нам счастливого пути. Испросили мы благословения у Пресвятой Девы, распрощались с друзьями, уложили свои нехитрые пожитки в небольшие мешочки и в указанное время явились к старшему каравана, который уже

был предуведомлен консульством и встретил нас как родных…»[2214]

Секретарь российского консульства в Кульдже А.П. Загорский (Воробчук) вспоминал, что «в марте же месяце двадцатого года Российское Консульство в Кульдже было, по распоряжению пекинского правительства, закрыто и интернированные в Китай остатки Белых армий оказались без всякой государственной защиты. К нашему счастью, Синцзянским генерал-губернатором, в состав провинции которого входили долина р. Боротолы, район г. Кульджи (Илийский край) и г. Чугучак (Тарбагатай), был друг белых русских и враг большевиков, семидесятилетний генерал Ян. Он отнесся к интернированным русским весьма сердечно и приказал местным властям выдавать им по два паунда (фунта. – *А. Г.*) муки на человека в день и по столько же каменного угля для варки пищи. В мае месяце он разрешил отряду атамана Дутова перейти на стоянку в г. Суйдун, расположенный на главном пути из России в Кульджу, в сорока пяти верстах от русской границы, где имелись наши казармы для консульского конвоя человек на двести. Вследствие же того, что в отряде было до тысячи человек, то (так в документе. – *А. Г.*) большая часть отряда разместилась в суйдунских казармах и [в] вырытых казаками во дворе казарм землянках, а Первый Оренбургский имени Атамана Дутова полк расположился верстах в 25 от Суйдуна, в селении Душегур. На новых стоянках чины отряда получали от китайских властей вышеуказанный паек муки и угля, и только. Питались люди весьма скудно, но и для этого им пришлось продавать своих лошадей, седла и др[угое] скромное имущество. Атаман продавал собственные вещи и выручку отдавал на содержание казаков. В конце мая Александр Ильич приехал в Кульджу (50 верст от Суйдуна) и остановился у заведовавшего консульскими зданиями б[ывшего] драгомана[2215] консульства г. [Г.Ф.] Стефановича. Я в это время жил уже на частной квартире, вне консульства, и, узнав о приезде атамана, пошел в консульство. Александр Ильич гулял по аллеям консульского сада. Увидев меня, он пошел ко мне навстречу и еще на расстоянии шагов пятидесяти сказал: «Помните, я говорил Вам в Омске, что мы встретимся в Кульдже»…Его слова в поезде, в Омске, я тогда принял за шутку, но они оказались пророческими»[2216]. Как видно, Дутов обладал отличной памятью.

В Суйдине Дутов организовал свой штаб и разместил три сотни казаков в специально вырытых землянках. Кроме того, Дутов сформировал артиллерийские и инженерные части, а также обоз[2217]. Атаман сделал официальные визиты китайской администрации в Курэ, Суйдине и Кульдже. Своим

уполномоченным при российском консульстве в Кульдже – главном городе региона – Дутов назначил игумена Иону.

Китайские власти взяли отряд под покровительство, пообещав ежемесячно выдавать по одному пуду пшеничной муки на человека и снабжать отряд углем. Однако своего обещания о снабжении отряда продуктами питания и фуражом китайцы не выполнили. Казаки были вынуждены для пропитания продавать за бесценок обмундирование и имущество, устраиваться на тяжелые работы. Разумеется, русским невозможно было по дешевизне и неприхотливости конкурировать с китайской рабочей силой, но положение было столь тяжелым, что офицеры и казаки нанимались полоть рис по пояс в воде, получая за это лишь два цента в день. Из-за отсутствия фуража вскоре погибли отрядные лошади[2218].

Дутов с горечью писал генералу Бакичу 17 июля 1920 г.: «В ящике конвоя и особой сотни – 5 000 000 рублей сибирскими, при цене теперь 85 коп. – тысяча – это ничто. Весь наш капитал при размене даст 4250 здешних рублей (тедз). Я же лично живу продажею своих лошадей и вещей, но их-то скудно. Сейчас я проживаю на себя только 70–80 тедз в месяц, больше не в состоянии. И то хватит только до сентября, а дальше не знаю. Серебра и романовских не имею. Курс здесь низкий: романовские рубль – 6–7 копеек, сибирские 1000 р. – 85 коп.; серебро – рубль за рубль, но последнего нет ни сантима.

Всякая представительность, что особенно ценится китайцами, для меня невозможна. Нет ни лошадей, ни экипажа, ни обстановки, ни повара, ничего, а главное, денег. Я езжу верхом, и могу угостить китайских чиновников лишь чаем, но без сахара. Взяток или подарков я не делал никому, ибо не из чего, а это здесь нужно, без этого ничего не сделаешь. Численность и состав отряда Вам известны. Сейчас работаем вовсю, и кое-как одеваем себя и кормимся. Имя мое помогло. А там что будет, не пропадем…

Невероятным трудом из отчисления 15 % в артель удалось сколотить около 1000 тедз, и на это живем. Люди обносились донага, а переход свыше 500 верст по сплошной гальке или острым камням изорвал последнее…

Живем мы в Суйдуне, Мазаре[2219], Чимпандзы, Дашагуре и по заимкам; очень небольшая часть – в Кульдже. Я с конвоем и особою сотнею – в Суйдуне. Занимаем бывшие консульские казармы. Конечно, от казарм остались только стены. Все остальное отсутствует, но мы собственными силами потихоньку ремонтируем и живем, хотя часть помещается прямо во дворе. Я живу на квартире – занимаю комнатку без окон, т. е., вернее, без

стекол. Лично при мне живут два фельдъегеря и три казака. Вот это семья моя, и я готовлю сам себе обед, ежедневно состоящий из рисового супа с бараниной или лапшой. Несмотря на скудость и полное отсутствие посуды, я живу буржуем, ибо имею самовар, и его воркотня напоминает мне родину. В Кульдже, где много русских, где жизнь дешевле и лучше, я жить не могу, ибо туда мой отъезд не допускают, да я и сам не поехал бы из-за пьянства и игорных притонов там. А без отряда я не поеду. Здесь мы сжились, и нет сплетен, а Кульджа – большой город со всеми соблазнами, а главное, с большим числом всякой интеллигенции, что дает только атмосферу сплетен и интриг. День проходит незаметно: утром езжу верхом, днем в отряде; вечер пишу, езжу опять верхом, чай и сон…»[2220] В связи с тяжелыми условиями существования в конце 1920 г. сам атаман переболел малярией.

Отряд атамана Дутова, в котором оказалась основная масса оренбургских казаков, под командованием генерал-майора А.С. Бакича также перешел в Китай (27 марта 1920 г.) и был интернирован в лагере на р. Эмиль под городом Чугучак. Долгое время в отряде Бакича не знали о судьбе Дутова и его небольшого отряда, лишь спустя месяц после перехода границы стали поступать сведения на этот счет. В апреле – мае 1920 г. генерал Бакич для обеспечения своего отряда конфисковал все серебро бывшей Отдельной Семиреченской армии (243 пуда), находившееся в Чугучаке, а также реквизировал скот (8000 баранов), закупленный колчаковским правительством на нужды армии[2221], часть средств удалось получить от богатых сартов, являвшихся русскими подданными[2222]. Этими мерами он существенно облегчил положение своего отряда, кроме того, учитывая степень развала армии, отступившей в Китай разрозненными группами, Бакич имел моральное право действовать таким образом. По сути, это был единственный возможный способ спасти вверенных ему людей, оказавшихся всеми брошенными и никому не нужными. Разумеется, серебро было бы справедливее разделить между всеми отрядами бывшей Отдельной Семиреченской армии, имевшими право на часть ее имущества.

Эти самовольные действия Бакича не могли вызвать одобрение тех, кто считал себя его начальниками, – Анненкова и Дутова. 17 (4) июня Дутов писал Бакичу: «Я полагал, что Вы, конфисковав 87 ящиков серебра, кое-что из материалов и несколько тысяч голов скота, поделитесь с нами, хотя бы серебром в пропорции отрядов, т. е. 1 на 10. У Вас около 10 000 человек было, не знаю, сколько теперь. А у меня было около 1000, а сейчас набирается до 1600, так как беглецы Анненкова все идут

ко мне и на коленях молят о принятии их. Русские люди – я не могу отказать им на чужбине. В результате денежные дела мои – чуть ли не еженедельный кризис, а бьешься, как рыба о[б] лед. О себе лично я ничего не прошу: пока есть три смены белья; я сыт. Но русским людям помогать я обязан, а своим казакам должен, а их-то у меня до 1000 человек. Вот почему я и рассчитывал на присылку Вами десятой доли серебра. Скот и пр[очее], конечно, не могут быть пересланы. Десять пудов серебра значительно разрядили бы напряженную атмосферу и не очень подорвали бы Ваш отряд. Но до сего времени Вам об этом не писал, полагая, что Вы сами запросите. Или думаете, что мы не нуждаемся… Наш с Вами лозунг все же остается без изменения, и я уверен, что сторонников его будет немало не только среди русских, славян, а даже и иностранцев. Об Анненкове – дело его закончено. Оружие, которое он закопал, китайцами найдено и отобрано. И последняя тысяча, бывшая с Анненковым, значительно поредела, – разбежались; осталось не больше 400 человек. Анненкову предложено перейти в глубь Китая, в город Хами[2223], что и будет им выполнено на днях. Анненков распродал массу имущества… Не имея в отряде ни одного врача, очень тяжело живется. Может быть, Вы найдете возможным одного командировать ко мне. Кажется, все, что мог сообщить. Поклон всем Вашим подчиненным от рядового до генерала. Не найдете ли возможным периодически присылать Ваши приказы. Желаю Вам всего лучшего. Ваш *А. Дутов*»[2224]. В дальнейшем отношения Бакича и Дутова переросли в конфликт, связанный, в первую очередь, с вопросом объединения антибольшевистских сил в Западном Китае и главенства в будущей единой организации. Что же касается притока к Дутову анненковцев, то от Анненкова бежали в Кульджу в основном оренбуржцы. В частности, после отвратительных насилий, совершенных анненковцами в отношении семей оренбуржцев и последовавшей расправы оренбуржцев над насильниками, в полном составе из лагеря «Орлиное Гнездо» на перевале Сельке, где располагался Анненков, в конце апреля 1920 г. ушел к Дутову 1-й Оренбургский казачий полк войскового старшины Н.Е. Завершинского[2225], разместившийся в деревне Мазар.

Глава 11
В изгнании

Подготовка к новой борьбе

Итак, Дутов оказался за пределами России. Части бывшей Отдельной Оренбургской армии оказались сосредоточены в приграничном районе вокруг двух центров Западного Китая – городов Суйдин (отряд Дутова) и Чугучак (отряд Бакича) на значительном удалении друг от друга. Дутову было тогда 40 лет, он был вовсе не стар, полон энергии и не мог смириться с тем, что дело, которому он посвятил всего себя, проиграно. Очень скоро он сосредоточил свое внимание на подготовке нового похода на Советскую Россию, однако объединить для этого все антибольшевистские силы Западного Китая Дутову оказалось не по плечу.

Недавний подчиненный и командир наиболее многочисленного отряда белых, интернированного в Западном Китае, генерал А.С. Бакич к осени 1920 г. уже считал себя вполне независимым начальником и писал урумчийскому генерал-губернатору: «Заявляя Вам, что, являясь по службе и годами значительно старше Генерала Анненкова и больше его принесшего на благо русского народа своих знаний и трудов, я признаю над собой только законное Российское Правительство, признанное иностранными державами; только такое правительство и никто другой вправе сместить меня с командования отрядом и назначить заместителя. От этого моего права, пока я жив, я никогда не отступлю и распоряжаться моим назначением или смещением лицам, подобно генералу Анненкову, ни в коем случае не позволю»[2226]. В приказе от 3 марта 1921 г. Бакич вполне убедительно, на мой взгляд, изложил свою позицию в этом вопросе. По мнению генерала, после оставления командования Дутовым и прекращения существования армии Анненкова «отряд вышел совершенно закономерно из подчинения командующим, как Оренбургской, так и Семиреченской армиями и сделался самостоятельным во всех отношениях… Подчиненные мне войска, как войска единого Всероссийского Правительства, возглавляемого Адмиралом Колчаком, Правительства теперь уже не существующего, естественно, не могут быть законно подчинены никому, кроме меня, помимо повеления нового общепризнанного Российского Правительства, когда таковое будет создано…»[2227].

Часть казаков все еще стремилась к продолжению борьбы с большевиками, обнадеживающими казались слухи о восстаниях на советской территории и продолжающемся сопротивлении красным на Юге России и в Сибири, но многим не под силу было

вынести полуголодную и однообразную жизнь в эмиграции, и нижние чины постепенно стали уезжать в Советскую Россию[2228]. В лагере отряда Бакича на реке Эмиль отток приобрел массовый характер – боевой состав сократился наполовину, зато оставшиеся были вполне надежными и преданными – им не было дороги в Советскую Россию. Поскольку представления о жизни в Советской России были крайне смутными, возвращавшихся на родину заранее считали покойниками[2229]. Впоследствии ходили слухи о том, что вернувшиеся в Советскую Россию офицеры и добровольцы были расстреляны красными[2230]. По данным штаба Бакича, к 27 (14) июля в лагере осталось 1468 офицеров, 3557 солдат, 721 член семей военнослужащих и 1000 гражданских беженцев, всего 6746 человек[2231]. Численность перешедших границу в составе отряда сократилась на 346 офицеров, 4482 нижних чина и 64 члена семей военнослужащих, итого отряд покинули 4892 человека.

Несмотря на независимое положение Бакича, среди оренбургских казаков из его отряда было много сторонников Дутова. Более того, казаки Атаманского полка, узнав о переходе их Войскового атамана в Китай, стали стремиться уехать из лагеря Бакича на реке Эмиль в Суйдин. Слух об этом первоначально тайном плане достиг некоторых других частей, где эту идею также встретили с одобрением. Казаки верили, что Дутов поведет их в новый поход на большевиков. Стало известно об этом и командованию отряда. Для успокоения казаков к ним был направлен полковник А.С. Колокольцов, а затем командир Атаманского полка полковник Е.Д. Савин был вызван в штаб отряда. После разъяснительной беседы в штабе он больше не предпринимал попыток увести полк к Дутову[2232]. Отказ Бакича отпустить казаков к своему атаману вызывает удивление и ставит вопрос о том, какие задачи ставил перед собой генерал после интернирования отряда в Китае? Зачем ему надо было насильно удерживать части, стремившиеся к продолжению борьбы, в лагере? Однозначно ответить на эти вопросы пока нельзя. Большевики между тем внимательно наблюдали за белыми. Пользуясь близостью к границе, они пытались действовать даже на китайской территории, с этой целью через границу переправлялись советские секретные агенты.

В период июня – июля 1920 г. Дутов произвел Бакича в генерал-лейтенанты, что нашло отражение в их переписке, но, к сожалению ни сам приказ, ни его дату обнаружить не удалось. Этот документ мог сохраниться в личном архиве Дутова, судьба которого до сих пор неизвестна. Признание Бакичем собственного производства в следующий чин Дутовым было равнозначно его

подчинению Дутову, на что и рассчитывал последний, однако получилось иначе. Переписку Дутова с Бакичем в этот период достаточно красноречиво характеризует пространное письмо оренбургского атамана от 22 (9) июля. Дутов, пока еще в дружеской форме, писал Бакичу:

«Ваше Превосходительство, Андрей Степанович.

Рапорт Ваш за № 71/н от 14 июня 1920 года мною получен 2-го июля с[его] г[ода].

Нет никаких сомнений в том, что, как я полагал и на что особенно указывал в прежних своих письмах к Вам, доклады различных лиц, слухи и различные сплетни не имеют оснований и не порождают причин недоверия к Вам с моей стороны. Я особенно доволен случаем еще раз высказать Вам снова, что моя работа на славу и пользу Единой и Нераздельной России идет рука об руку с Вашею и преследует одну общую цель, в чем я никогда не сомневался, – спасение Родины – России от разнузданной большевицкой власти.

Исходя из этого, я, однако, не могу ограничиться простым констатированием факта общности нашей работы и цели и единства пути к достижению этой цели, а должен предупредить Вас, Андрей Степанович, о характере нашей переписки, которая, как мне кажется на основании Вашего рапорта № 71/н, с Вашей стороны в общем не понята Вами так, как я бы хотел.

Прежде всего, я определенно игнорировал возможность перемены к Вам уже тем, что писал Вам все время, посвящая Вас во все, что на моих глазах творилось. Я заранее предупредил Вас, что за время трехлетней нашей совместной работы я привык считать Вас наиболее доверенным и ценным помощником, и мое доброжелательное отношение к Вам всегда исключает возможность положения, при котором Вы были бы в каком-либо от меня подозрении.

Между нами, в течение трех лет испытывающими вместе революционную ломку на фронте, где выковываются и выкристаллизовываются отношения людей, не могут иметь места посредничества третьих лиц и их интриги. Самым фактом письма № 502 к Вам я это подчеркнул.

Далее. Я смотрю на все эти доносы, сплетни и доклады, как на несомненные факты, доказывающие существование, где бы то ни было, но, безусловно, около

нас, той атмосферы, тех разговоров, которые окружающими толкуются, перехватываются и разносятся. Но я знаю, что эти доносы глупы и наивны в той области, где они желают породить между мною и Вами некоторую шероховатость. И вот я не хочу закрывать на это глаза. Я считаю необходимым, в начале раскрыв сердечность наших отношений, затем убить в корне начавшиеся кривотолки, поставив об этом в известность командиров частей. Нет ничего опаснее толпы, но опасны и кривотолки этой толпы.

И Вы, Андрей Степанович, теперь согласитесь со мною, что выбранный мною путь бьет именно по самой сплетне. Обвинять докладчиков я не могу, так как это приезжие люди. То, что они передавали, они обыкновенно рисовали, как бы настроения и чувства, которыми живет бывшая Оренбургская Армия. Сами они не слыхали, да, конечно, не только они, но и никто не мог слышать от Вас именно чего-либо, позорящего меня, но в отряде меня кое-кто ругает и, чтобы дать весу своим домоганиям, бессовестно опирается на имя *более* известное, в данном случае Ваше и, может быть, генерала Смольнина. Это возможно, и этого, я думаю, и Вы не будете отрицать.

Наличность известной неблагожелательной для меня атмосферы в известном кругу лиц отряда есть, и вот цель моего письма и составлял, главным образом, этот круг.

Своим предложением прочесть это письмо командирам частей и лицам, равным им по власти, я, с одной стороны, добился того, что моя цель была достигнута, с другой – совершенно наглядно дал понять, что отношения мои с Вами не могут составлять тайны и не могут быть объектом для каких-нибудь доносов впредь, ибо все будет объявлено. Таким образом, тот успех сплетен, которым, как Вам кажется, даю я веру, имеет и обратное значение и обратный смысл, который, при правильном пользовании его, ведет, я полагаю, не к розни между Вами, отрядом и мною, а, наоборот, к большему сплочению, от чего торжествует общее дело.

Вот то исходное положение, которое в зависимости от сообщенной мною выше цели, если Вы будете иметь его в виду при чтении письма, придает совершенно другой характер всему высказанному в письме № 502. Вам бросился в глаза тон этого письма. Вы согласны, что он диссонирует в наших отношениях, и Вы на это

обратили внимание, но я не думал, что Вы сочтете его за личную обиду для себя. Между тем это так просто. Если всегда на деле, в мелочах, даже не изменять идеи общего дела (так в документе. – *А. Г.*), ставить в[о] главу угла именно это, если хотите, самоотречение, тогда будет исключена возможность ошибок к своим лучшим доброжелателям.

Я мог бы, конечно, уже одним основным положением считать вопрос, затронутый Вами, совершенно исчерпанным, но для того, чтобы уничтожить даже самую возможность существования некоторой недоговоренности между нами, я разберу некоторые места своего письма № 502, которые, если встать на Вашу точку зрения понимания моего письма (так в документе. – *А. Г.*), могут, на первый взгляд, как будто противоречить тому тону и характеру письма, которые я, как автор, на что имею, конечно, право, и хотел ему придать и за ним утвердить.

При объяснении таковых мест, я буду отвечать на Ваше письмо, т. е. брать те места, которые Вы изволили сами выбрать в своем письме. Это будет самое лучшее: здесь я становлюсь, если хотите, с точки зрения не моего толкования письма, в самое невыгодное для меня положение. Я оставлю в стороне рапорт генерала Смольнина, представленный Вами мне: он будет иметь определенное значение и последствия.

Я Вам писал, что Вы восторженно приняли дисциплину Анненкова и отдали приказ о введении таковой в отряде. Благоволите взять мое письмо и читать: где есть хоть слово о моем мнении по сему вопросу? Где даже намек на мое недовольствие по поводу того, что Вы подружились с Анненковым, приняв от него часы и шашку? Я сообщил Вам то немногое, что знал о Вас.

Сдав армию Анненкову и Вам, с Вашего согласия, поручив отряд, разве я не показал, что Вашему опыту и усмотрению я доверил самое дорогое для меня? Я мог иметь, по поводу изменения дисциплины, свое мнение, но ведь Вы его от меня не слышали, насколько я помню, еще? Принятие анненковской дисциплины, с моей точки зрения, было жертвою, но ведь и подчинение Оренбургской Армии Анненкову также – жертва. Та и другая жертвы были принесены во имя спасения тысяч веровавших нам людей. И Вы имели основание полагать,

что Ваша жертва последовательно вытекала из моей. Цель была одна, и Вы могли считать себя продолжателем моей идеи. Вы и я все это делали не для своего удовольствия и не по какому-нибудь капризу. Вы теперь видите, что Вам не следовало останавливаться в Вашем письме ко мне на оправдании, в конце концов, моей же идеи.

Как Вы, так и [я], ставим выше всего общее дело. И раз мы пришли к заключению вверить судьбу Армии Анненкову, мы должны были использовать все средства беззаветно служить общему делу. Когда Командующий Армией[2233] обратился ко мне с просьбою своим авторитетом помочь дать ему средства для Армии из запасов золота эвакуированных учреждений, разве я мог отказать в этом? Ради спасения 500 беженцев 2-го округа[2234] и во имя экономии золота для Войска нужно было ставить на карту существование целой Армии, которая кровью расплачивалась за каждую пядь последнего кусочка русской земли.

Дело не требовало излишних разговоров. Я сам в Лепсинске ничего не имел, не имею ничего и в Китае. Мне было ясно, что беженцы не пропадут и без этого золота, войско же, когда мы вернемся, от 60 фунтов не оскудеет, и я дал распоряжение. Как оно исполнено, насколько реально неудовольствие правления 2-го округа, или оно негодует на меня, так сказать, платонически, ибо, быть может, это золото осталось бы еще у них и доныне неиспользованным, – я этого не знаю, но нравственно я прав. Обижаться, конечно, могут: это их выгода и их право, но я иду далее. Если бы я в тот момент знал, что Анненков – совершенно подлый человек, но не изменник, я все равно отдал бы это распоряжение. Он командует фронтом, ему вверены войска, и пока он не изменник, я не имею права не верить ему.

Силою обстоятельств взявши все в свои руки в Семиречье, он чувствовал в себе достаточно сил, опыта, знания и бодрости, и он должен был бороться. Зато он не имеет права теперь сказать, что мы ему мешали. Нет, ему помогали люди, которые беззаветно отдавали для общего дела всю свою душу, проводили на деле идею самоотречения тыла в пользу Армии. «Все для армии, для фронта, все для войны».

И вот как далеки от понимания меня мои строгие

критики, и как бы я советовал им прежде, чем критиковать, проникнуться духом благородства, проникнуться истинным пониманием общего для спасения Родины дела. Без этого я не представляю, что же, кроме простого шкурничества, мешает им вернуться в Советскую Российскую Федеративную Республику.

Вы хотите узнать мое отношение к Анненкову теперь, так как из письма № 502 ничего вывести по сему поводу нельзя. Но после этого Вы получили письмо от 26 апреля, которое я послал Вам из Джампаня: оно должно было показать Вам, что я знаю очень много из скверных анненковских проделок, и мой взгляд на Анненкова, насколько я уяснил себе, разделяется Вами и отрядом в полной мере. Я буду иметь возможность переслать Вам мои мысли, написанные мною полтора месяца тому назад, в середине мая, об интригах Анненкова, откуда Вы почерпнете полную чашу тех замыслов и сетей, которыми Анненков старался окружить меня в Лепсинске.

Вы могли обидеться за себя и за своих помощников. Здесь я не имею в виду генерала Смольнина: у Вас помощников много. Нет ничего удивительного, что Вы обиделись, но, конечно, не за себя, а за помощников. После всего сказанного мною Вам, – за себя, Вы видите, я Вам не давал даже повода обижаться. За всех же своих помощников в столь тяжелое время ручаться не всегда можно, как я убедился лично на опыте, хотя это для начальника, верящего своим подчиненным, и достойно и честно, но, простите меня, иногда бывает и невозможно.

Вы пишете, что в течение 21 дня я так резко изменил взгляд на Вас и отряд и что тон и заголовок последующего письма уже дружествен. Вас это удивляет, а между строк можно читать: ну, и мельница же Атаман, раз за три недели взгляды совершенно новые.

Весь тон и мысли настоящего письма достаточно определенно вырисовали всю необходимость письма № 502 и его цель, что по поводу этой Вашей заметки я отвечать не буду.

Вырисовав Вам, глубокоуважаемый Андрей Степанович, свою точку зрения по затронутому Вами невольно в определенной плоскости вопросу, который я вовсе не хотел поднимать, остаюсь в глубокой уверенности, что происшедший между нами обмен мыслей послужит еще к большему взаимному

пониманию, к вдумчивому обсуждению поступков каждого из нас и к тому глубокому уважению, которые характеризуют обыкновенно взаимоотношения людей, абсолютно верящих благородству стремлений других.

Атаман Дутов»[2235].

Таким образом, на данном этапе отношение Дутова к Бакичу оставалось в целом положительным, однако уже чувствовались предвестники будущего разрыва между генералами.

12 августа (30 июля) 1920 г. Дутов издал свой приказ № 141, в котором писал: «…2. Ввиду разбросанности частей бывшей Оренбургской армии и ушедших из отряда Атамана Анненкова, находящихся ныне в Китае, в Илийско-Тарбагатайском крае, на положении интернированных, я, желая объединить их как в смысле нравственном, так и в строевом, и направить все части к единству действий, дисциплине и порядку, приказываю все воинские части, команды, управления, учреждения и заведения, входившие ранее в состав Оренбургской и Семиреченской армий и отряда полковника Брянцева, считать Кадрами частей Оренбургской отдельной армии. 3. Я, являясь Главным Начальником Семиреченского Края, в то же время принимаю на себя прежние права Командарма отдельной Оренбургской. 4. Части, расположенные в лагере на реке Эмиль, что у Чугучака, именовать по-прежнему отрядом Атамана Дутова и считать Начальника его на правах Командира отдельного корпуса… 7. Никакие выделения частей, перемещения их, командировки на Д[альний] Восток, без моего ведома и приказа не разрешаю. 8. Отдельным г.г. офицерам, чиновникам и нижним чинам командировки, увольнения и отпуски разрешаю без моего приказа только лицам, пользующимся правами комотдкорпуса[2236]…»[2237]. По сути, приказ Дутова был необходим, но оренбургский атаман, на мой взгляд, превысил свои полномочия и не учел изменившихся обстоятельств, при которых командиры отрядов, перешедших в Китай, фактически оказались независимыми друг от друга начальниками. Кроме того, важно обратить внимание на назначение Бакича командиром отдельного корпуса, поскольку до этого он считался командиром неотдельного корпуса. В дальнейшем этот нюанс был, видимо, забыт Дутовым, который считал Бакича по-прежнему своим подчиненным с правами командира неотдельного корпуса. Бакич же истолковал этот приказ как полное признание своей самостоятельности.

По свидетельству офицера Атаманского полка Н. Дутова, пробравшегося из лагеря на р. Эмиль в Суйдин к Дутову, «отряд

Атамана Дутова в г. Суйдине был размещен в больших казармах, служивших для конвоя Российских консульств в Китайском Туркестане. Первое, что **бросилось** [в глаза] **это – дисциплина, чистота и порядок** (выделено в тексте. – *А. Г.*), казаки жили строевой жизнью, сохраняли свои силы и набирались новых для будущей борьбы. Шла секретная работа и подготовка к выступлению 18-ти волостей от Усть-Каменогорска до Джаркента и только ждали делегатов для переговора о дне и часе, которые уже были назначены. Злой рок прервал работу Атамана»[2238]. По распоряжению Дутова с офицерами и казаками проводились занятия. Всего, по данным советской разведки, у Дутова в Суйдине было лишь около 250 казаков[2239]. По другим данным, только в составе 1-го Оренбургского казачьего полка имелось 300–400 сабель[2240], в конвойной и особой сотнях состояло около 260 человек, в Чимпандзе находилось еще 200 человек и в Кульдже еще 300, включая не менее 150 офицеров[2241]. Таким образом, общая численность отряда Дутова составляла около 1000 человек. Новости поступали к Дутову каждые 10 дней через русского консула в Кашгаре, передававшего атаману сводки новостей, полученных британской радиостанцией.

В Верном при содействии Дутова в мае 1920 г. была организована подпольная офицерская организация во главе с неким Александровым. Известны имена членов этой организации (бывших анненковцев): семиреченский казак полковник СЕ. Бойко, Воронов, Кувшинов, Покровский, Сергейчук. Все они работали в областном военном комиссариате. Подпольщики сумели организовать несколько боевых групп. В самом Верном находилось 50 человек, в Талгаре – около 200 человек (руководители – Т. Легостаев, Н. Исаев, М. Артамонов, П. Кишканов, Г. Федоров), в Тюргене (Михайловское) – 80, в Джаланаше – 50, в Надеждинской – 200 (руководители – Я. и А. Алексеевы, Р. Шустов, А. Есютин, П. Устинов) и в бывшей станице Больше-Алма-Атинской – 80 человек (руководитель – Бутурлакин). В общей сложности членами организации было инфильтровано 31 советское учреждение или воинская часть[2242]. Для связи с Дутовым от организации был делегирован некий Байбулин. Предполагалось сосредоточиться в Верном и при содействии сил Дутова из Китая очистить город и область от большевиков. Однако этот план был раскрыт. Есть сведения о том, что у Дутова была также связь с подпольем в Пржевальске, Пишпеке, Ташкенте, Семипалатинске и даже Омске. В письме к Бойко Дутов писал: «Продовольствие нужно на первое время. Хлеб по расчету на 1000 человек на три дня должен быть заготовлен в Барухадзиле и Джаркенте. Нужен и клевер, овес,

также мясо; такой же запас в Чилике… Сообщите точное число войск на границе»[2243]. 11–19 июня 1920 г. в Верном произошло восстание гарнизона. По данным Д.А. Фурманова, в Кульдже о готовящемся восстании говорили уже за неделю до него[2244]. Таким образом, можно говорить об участии Дутова в подготовке этого выступления.

Усилились и белые отряды в самом Китае. Летом 1920 г. на территории Алтайской и Семипалатинской губерний вспыхнуло мощное антибольшевистское крестьянское восстание, в котором приняло участие свыше 15 000 человек. В середине осени 1920 г. после неудачи восстания в район Чугучака через Монголию пришел отряд повстанцев под командованием офицера Сибирского казачьего войска есаула Д.Я. Шишкина численностью до 800 человек, половина из которых сохранила оружие[2245]. В лагере на реке Эмиль их считали большевиками и относились недружелюбно. Шишкин встал на сторону Дутова и полковника Е.Д. Савина, был весной 1921 г. арестован при содействии Бакича и попал в китайскую тюрьму в Урумчи[2246], его дальнейшая судьба неизвестна[2247]. К весне 1921 г. шишкинцы как отдельная группа рассеялись, отчасти пополнив отряд Бакича. На 13 ноября, по данным штаба помощника главкома войск Республики по Сибири, у Бакича осталось не более 3000 человек, причем до 45 % составляли офицеры[2248]. По данным самого Бакича, на 27 (14) сентября в его отряде состояло 6 генералов, 150 штаб-офицеров и 1250 обер-офицеров, всего 1406 человек без учета нижних чинов[2249]. По данным разведки штаба Туркестанского фронта, внимательно наблюдавшей за положением белых в Западном Китае, к 30 декабря 1920 г. в отряде состояло 2730 человек при 108 винтовках[2250].

В августе 1920 г. рейд на советскую территорию (Чиликтинская долина и Зайсан) из района Чугучака совершил партизанский отряд есаула Остроухова (2 атамана Анненкова полк и добровольцы отряда Бакича) численностью в 50—100 человек. К нему хотел присоединиться полковник Е.Д. Савин из отряда Бакича, но его отговорили.

Антибольшевистская активность белых в Западном Китае поддерживалась Японией. В августе 1920 г. в Синьцзян под видом туристов прибыли офицеры японской разведки Нагамини и Сато, в декабре с целью содействовать объединению белых в Западном Китае регион посетил японский майор Цуга[2251].

Дутову удалось наладить контакты с антибольшевистскими элементами в Семиречье. С его деятельностью в советской историографии связывалась подготовка восстания в Нарынском уезде в ноябре 1920 г.[2252] По имеющимся сведениям, возглавил

восстание командир 1-го батальона 5-го пограничного полка бывший капитан Д. Кирьянов – человек Дутова. Восставшие открыли границу с Китаем и выдвинули лозунги «Долой коммунистов!», «Народная власть», «Свобода торговли». Восстание продлилось с 5 по 20 ноября и было подавлено, некоторые участники сумели бежать в Китай.

Дутов наладил контакт с антибольшевистски настроенным военным губернатором Илийского округа Западного Китая Дженчжау-ши, поддерживал связь с лидерами басмачей, установил связь с Генерального штаба генерал-лейтенантом П.Н. Врангелем, по некоторым данным, с Ташкентом и даже Оренбургом, предпринимал попытки организовать антибольшевистское подполье в рядах РККА. Сохранилось письмо Дутова лидеру ферганских басмачей Иргаш-баю, написанное 1 октября 1920 г. В нем Дутов писал:

«Командующему армий в Фергане Ергаш-Баю. Еще летом 1918 г. от Вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением от Вас – связаться и действовать вместе. Я послал с ним Вам письмо, подарки: серебряную шашку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до Вас не дошел. Ваше предложение – работать вместе – мною было доложено Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска, и оно постановлением своим зачислило Вас в Оренбургские казаки и пожаловало Вас чином Есаула.

В 1919 году летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал Ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от Адмирала Колчака едет Миссия в Хиву и Бухару, послал с нею Вам вновь письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны, серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до Вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с Вами. Ныне я нахожусь на границе Китая у Джаркента в г. Суйдуне. Со мной отряды всего до 6000 чел[2253]. В силу обстоятельств оружие мое сдано Китай[ском]у Правительству. И теперь я жду только случая вновь выступить и ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий. Буду ждать Вашего любезного ответа. Шлю поклон Вам и Вашим храбрецам»[2254].

Дутов выпустил обращение к населению с изложением целей и задач борьбы с большевиками. Один из мемуаристов писал, что вместе с Дутовым в Суйдине оказалось шесть мусульман-депутатов Учредительного собрания, а сам атаман планировал начать борьбу с большевиками под лозунгами джихада[2255]. Едва ли такая версия обоснованна. Дутов пытался поддерживать связь с басмачами, но его борьба никогда не проходила и не могла проходить исключительно под исламскими лозунгами, хотя бы

потому, что сам Дутов не являлся мусульманином. Ближе к действительности идея того, что новый поход готовился под лозунгами защиты религии (христианства и ислама) от осквернения большевиками. Но, как известно, попытки белых формировать добровольческие части под религиозными лозунгами в 1919–1922 гг. потерпели фиаско – формируемые по религиозному принципу части были сравнительно немногочисленны (всего на востоке России с сентября до середины ноября 1919 г. в добровольческие дружины Святого Креста вступило не более 6000 человек), формировались достаточно медленно, а их боевая ценность оказалась невелика (наиболее восприимчивым к религиозным призывам оказалось гражданское беженское население)[2256]. Кроме того, необходимо учитывать наметившееся еще в XIX в. падение роли религии в обществе, а также удар по авторитету церкви, нанесенный с приходом к власти большевиков, взявших курс на ликвидацию религии. В этой связи едва ли начинание Дутова ожидал успех. С другой стороны, Дутов ни на кого, кроме добровольцев, рассчитывать при вторжении на территорию Советской России не мог. Для принудительных мобилизаций, по крайней мере первоначально, у него просто не могло быть достаточно сил.

Тем не менее атаман продолжал действовать. В одном из писем осенью 1920 г. он отметил, что им «ведется большая работа по всему Семиречью до Ташкента… Я имею связь с Харбином и Генералом Врангелем»[2257]. Большие надежды в отношении притока религиозно настроенных добровольцев Дутов возлагал на наличие в его отряде чудотворной иконы Табынской Божьей Матери. С Дальнего Востока Дутов получил денежные средства для своего отряда, началась закупка оружия в Илийском крае, а разведывательная и контрразведывательная работа приобрела еще больший размах. Активную роль в этой работе играл главный священник отряда Дутова игумен Иона[2258], которого в отряде за его чересчур мирскую деятельность недолюбливали и пели:

> С крестом в руке, с револьвером в кармане
> Иона-поп – служи при атамане[2259].

Игумен Иона был близким другом Дутова и представителем отряда в Кульдже, где занимался сбором денежных средств на нужды отряда. По этой причине он часто встречался с директором кульджинского отделения Русско-Азиатского банка С.В. Дуковичем и его тестем А.П. Загорским (Воробчуком) – бывшим секретарем российского консульства[2260].

Кроме того, игумен Иона являлся одним из идеологов похода

на Советскую Россию именно под религиозными лозунгами (небезынтересно, что именно этот человек и в 1919 г. стоял у истоков «крестоносного» движения). В августе 1920 г. он подготовил проникнутый утопическими идеями доклад Дутову по этому вопросу, в котором писал: «…настоящий поход будет уже последним походом, олицетворяющим решительную борьбу со злом… В нем оружие, сила военная должны уступить место силе духовной, и эта последняя сила, вылившаяся в могучее народное восстание, должна обеспечить нам победу. Народ сам должен своими собственными силами свергнуть ненавистную власть… Вполне естественно, что при появлении отряда, сильного духом, крепкого в убеждениях, спаянного любовью к Святой Руси, закаленного походами, безумно преданного своему атаману, – все те, в ком еще горит искра веры, не утратилась способность возвращения к прежним добрым навыкам, все они должны примкнуть к отряду для борьбы со злом.

Но для того, чтобы вести за собой десятки тысяч людей, чтобы быть для них путеводной звездой, овладеть их волей, чувством и утушить бушующее море людских низких страстей, – необходимо нам самим заняться собственным нравственным самоусовершенствованием, искоренением злых навыков, приготовлением себя к той высокой миссии, которую каждый берет на себя…»[2261].

Как говорится, комментарии относительно серьезности затевавшейся авантюры излишни. На отца Иону разведкой Туркестанского фронта была заведена специальная личная карточка, в которой, между прочим, говорилось:

«Подозревается в похищении драгоценностей находящейся при нем иконы и тайном шпионаже в пользу Илийского Дао-иня и выдаче ему всех неблагонадежных русских эмигрантов.

Игумен Иона присоединился к Дутову где-то около Акмолинска с чудотворной иконой Табынской Богоматери, весьма чтимой в Оренбургской, Самарской и Уфимской гг.[2262] На щедрые пожертвования икона была обделана в ценную оправу с бриллиантами, рубинами и другими ценными камнями. С течением времени все эти ценности были обо[драны], что не без оснований было приписано ему, как неотлучно находящемуся при иконе[2263].

Присоединившись к Дутову, он без особого труда привел его под свое влияние, стал его правой рукой и вскоре назначен главным священником армии. С течением времени его влияние на Дутова несколько усилилось, что все [его] желания проводились Дутовым в жизнь без промедления. К числу таковых причисляется и предполагаемое выступление Дутова на

Совроссию в 1920 году.

По прибытии в Китай Иона поселился в Кульдже, оставил икону в отряде Дутова…

В борьбе за первенство Дутова со Щербаковым, Иона присоединился к первому, доказывая Щербакову его необоснованное требование»[2264].

Поскольку эти данные не предназначались для печати и вполне сочетаются с другими свидетельствами о деятельности игумена Ионы, есть все основания им доверять. Надо сказать, что разведка Туркфронта длительное время не воспринимала военно-политическую активность Дутова всерьез. В одном из донесений сообщалось, что «деятельность Дутова сводится к созданию проектов и вообще развитию условно-продуктивной работы, маскирующей беспомощность и вытекающее из этого бездействие»[2265]. Атаман якобы даже предложил китайским властям в обмен на военную помощь в размере 20 000 человек и снабжение белых отрядов амуницией и оружием передать Китаю территорию Семиречья.

План Дутова при детальном рассмотрении был конечно же не лишен смысла. Отряд Бакича, согласно этому плану, должен был захватить находившийся рядом с лагерем на реке Эмиль город Чугучак и захватить хранившееся в нем оружие отряда, изъятое китайцами при интернировании белых. После этого необходимо было выступить через Бахты на Лепсинск и Сергиополь, выставить у последнего заслон, а главными силами соединиться с Дутовым в Верном[2266]. Одновременно большие надежды возлагались на выступление против большевиков местного населения при опоре на агентуру Дутова. Белые якобы даже оборудовали в Кульдже подпольный завод по производству патронов, что, впрочем, кажется маловероятным. Советская разведка имела сведения о доставке в Кульджу оружия для белых китайцами[2267]. Дутов подготовил листовки, адресованные народам Туркестана, русскому населению и большевикам. В пропаганде упор был сделан на то, что Дутов – народный вождь. Пропагандировалось выборное начало на местах. Акцентировалось внимание на разрухе в Советской России и бедственном положении населения[2268]. Постепенно действия Дутова стали вызывать у красных все большие опасения. Красные даже допускали возможность потери половины Семиречья и для упреждения такого результата стягивали в регион войска[2269].

Но далеко не все в работе Дутова шло гладко. Видя активизацию его военно-политической деятельности, китайские власти стали сами проводить мобилизацию, предполагая в случае неудачи Дутова не пустить его на китайскую территорию, чтобы

последняя не подверглась вторжению со стороны Советской России. Это означало, что Дутов должен был в случае провала неизбежно погибнуть, попав в плен к красным. Вторично интернироваться в Китае ему бы уже не позволили. Атаман и сам чувствовал обреченность затеи. «Я выйду умирать на русскую землю, и в Китай больше не вернусь», – говорил он[2270]. Несмотря на успехи в подпольной работе на советской территории, он потерпел фиаско в организации единого антибольшевистского фронта в Западном Китае. Прежде всего, такое объединение было невыгодно китайцам, которые стремились сохранить изолированное друг от друга положение белых отрядов. И уж во всяком случае не собирались выдавать им оружие. Кроме того, белые вожди сами не смогли найти общий язык друг с другом. Первым из игры вышел Анненков, еще летом 1920 г. отправившийся со своим отрядом в глубь Синьцзяна, а в марте 1921 г. арестованный китайскими властями.

Острый конфликт у Дутова произошел с семиреченским Войсковым атаманом генералом Щербаковым. Дутов не стеснялся в своих приказах отмечать, что Щербаков – «человек невероятной жестокости, властный, не желающий считаться с настроениями народа и враг крестьян»[2271]. По доносу Дутова Щербаков несколько дней даже просидел под арестом. В конце концов Щербаков даже вызвал Дутова на дуэль, причем по некоторым данным Дутов поехал на дуэль в Кульджу, однако усилиями офицеров его отряда поединок был предотвращен. Дуэль решено было отложить до возвращения в Россию[2272], но в день смертельного ранения Дутова Щербаков приехал к нему домой и принес извинения[2273], кроме того, Дутов тогда же должен был присутствовать на вечере в честь Щербакова.

Генерал Бакич также не захотел подчиниться атаману, в результате чего между старыми соратниками по борьбе произошел разрыв. Надо сказать, значительная доля ответственности за него лежит на Дутове, который через голову Бакича пытался отдавать приказы подчиненным Бакичу частям[2274].

В одном из своих последних приказов за № 207 от 30 (17) января 1921 г. атаман Дутов писал о Бакиче уже в совершенно ином тоне, чем ранее:

«С начала интернации[2275] Отряда моего имени, начальник его, генерал Бакич, совершенно пренебрег основным военным законом – держать связь со старшим, и за восемь месяцев пребывания в Китае ни разу не потрудился запросить меня ни почтою, ни телеграфом, ни посылкою фельдъегеря, или командируя офицеров, имея к тому все средства. Из Чугучака в

Кульджу и Суйдин еженедельно приезжают торговцы и беженцы, и они охотно взяли бы на себя труд передать мне письма и донесения. Каждый русский, приехавший из Чугучака, считал своим долгом зайти ко мне и представиться, и мой к ним всегдашний вопрос – нет ли писем мне от генерала Бакича – получал обычный ответ: нет.

Между тем ген[ерал] Бакич посылал телеграммы в Пекин, в Читу и Харбин и получал ответы. Мне же что-либо сообщить считал излишним. Ген[ерал] Бакич имел серебро, романовские деньги и другие средства и свыше 1000 одних только офицеров, что безусловно давало ему полную возможность завязать со мною правильные почтовые сношения, но, очевидно, это было для ген[ерала] Бакича невыгодным. В начале нахождения в Китае, в Чугучаке, распространился слух о моем расстреле красными и вообще смерти. Мне известно, что г.г. офицеры и казаки, интересуясь судьбою своего атамана, заходили в Штаб, спрашивали его *обо* мне, но Штаб, его начальник, совместно с начальником Отряда, упорно молчали и, не отрицая слуха, ничего не сделали для выяснения его. Судьбе угодно было сохранить меня, и я сам известил отряд о своем месте нахождения. Приказы, кои я посылал в Чугучак, частям не объявлялись, так как де не было бумаги. Оправдание неудачное – ибо деньги на бумагу были в отряде, а бумага в Чугучаке есть, доказательством чему служит покупка мною бумаги у чугучакских торговцев. Генералу Бакичу, а тем паче его начальнику Штаба должно быть известно, что в воинских частях существует еще и такой порядок: приказ, нужный для объявления, посылается с вестовым по частям, где его или переписывают, или просто прочитывают. Из дальнейшего будет ясна причина сокрытия моих приказов – просто надо было изъять имя Атамана Дутова из жизни и все внимание сосредоточить на господине генерале Бакиче.

Не имея совершенно средств, не имея перевозочных материалов, я тем не менее смог дважды командировать офицера в лагерь на реке Эмель (так в документе. – *А. Г.*) и, кроме того, пользовался и телеграфом, и попутчиками, дабы связаться с Отрядом. Оба моих офицера благополучно прибыли в Суйдин и выполнили поручения. Командир моего Атаманского полка нашел же возможным прислать двух своих офицеров с донесениями. Полагаю, что Начальник Отряда имел больше способов в своем распоряжении для связи. Мне, измученному походами и больному, нужен был экипаж, я обратился к генералу Бакичу и получил отказ; тогда как командир полка, полковник Савин, нашел же способ прислать мне два фургона. И так во всем.

Генерал Бакич пишет мне письмо – «Дорогой Войсковой Атаман», изъявляет мне восторги, что я жив и т. п.; на деле же все обратно. При отъезде моего штаб-офицера [П.П.] Папенгут[2276], ген[ерал] Бакич заявил, что он прекращает всякие сношения со мною, и что Атаман Дутов кончил свою деятельность. Что ген[ерал] Бакич прекращает свои сношения – это для меня не новость, ибо он их и не начинал, а были лишь остатки самой обычной вежливости – ответ на мои письма и запросы. Что же касается прекращения моей деятельности – это дело мое, а не генерала Бакича. Я – русский, а не иностранец, как ген[ерал] Бакич, и для меня интересы России дороже всего. Я прекращу свою работу лишь за смертью. Генерал Бакич и его начальник штаба заявили моему штаб-офицеру, что они не верят в возможность ухода в Россию и что он делает все, чтобы убедить начальников частей в невозможности дальнейшей борьбы его отрядом. Все порывы истинно-русских людей, желавших продолжения борьбы за правое дело, генералом Бакичем наказуются заключением в китайской тюрьме или, как, напр[имер], генерала Никитина, откомандировывают от отряда.

Начальник Отряда со своим Штабом до того не заинтересован в том, что делается в пограничной полосе России, что разведка совершенно откинута, и, когда в июле 1920 года, во время Алтайского движения, командиры частей просили средства на разведку и изъявляли желание принять участие, генерал Бакич категорически отказал в этом. Полки сами на свои средства посылали агентов. Когда генерал Анисимов изъявил желание информировать отряд, ген[ерал] Бакич отказал ему в пуде серебра на это дело.

Печальная история ухода Красного Креста из лагеря есть непонимание генер[алом] Бакичем своих прав. Считаю уместным напомнить ген[ералу] Бакичу, что я, передавая ему отряд, подписал приказ, определяющий его права, как командира неотдельного корпуса, между тем, ген[ерал] Бакич в переписке с А.А. Булыгиным передергивает «Положение о пол[евом] упр[авлении]», присваивая себе права чуть ли не Главнокомандующего. Мне известно, что в части попал приказ, где были указаны права ген[ерала] Бакича как командира корпуса отдельного – это умышленно неправильная перепечатка.

Зимняя заготовка баранов обошлась отряду в среднем по 11 рублей за голову, между тем любой скотопромышленник из Кульджи перегнал бы баранов в Чугучак за половинную плату. Баран в Илийском крае на серебро стоит 3 р. 50 к. или 4 рубля. Не вижу экономии в расходе серебра, и, вместо того, чтобы за 60 000 рубл[ей] серебра купить 5000 баранов, можно было купить 15

000 голов и обеспечить отряд вплоть до 1922 года. Удивляюсь тому обстоятельству, что ген[ерал] Бакич с налету захватывает $^1/_3$ часть серебра, бывшего у консула Долбежева, скот у Шевченко и тем лишает отряд кредитов от посланника в Пекине, но не считает нужным взять 13 000 гурт баранов, пасущийся у Чугучака, закупленный еще агентами Сибирского правительства. Генерал Бакич ежедневно недополучает 2000 джин муки, что пагубно для отряда, но оставляет без внимания 30 000 пудов пшеницы закупок Анненкова, кои ссыпаны в Чугучаке. Не думаю, чтобы это было неизвестно генералу Бакичу, раз известно мне. Причина, очевидно, в том, что ген[ерал] Бакич не сумел завоевать себе расположения как среди населения, так и среди местных властей. Мне известны случаи непринятия ген[ерала] Бакича местным китайским начальником. Это уже оплеуха всему отряду.

Удивляет меня еще и то обстоятельство, что при отряде существует казначейство, но серебро хранится начальником отряда у себя под кроватью. Что это? Акт недоверия присяжным чинам Государственного Казначейства, или здесь неведомая тайна. Во всяком случае, это – незаконно, и не дело Начальника Отряда лично выдавать мешки с серебром. Можно вести учет иным порядком.

Мне известно, что перевод, сделанный генералом Анисимовым в размере 25 000 лан, до сего времени не получен, ибо начальник отряда требует выдачи его золотом, и в то же время отряд – буквально голый. Имея в отряде все мастерские, инструменты, огромное количество обозов и лошадей, значительный запас серебра и других ценностей, имея огромный комплект всякого рода специалистов: инженеров, коммерсантов, агрономов и мастеров всех цехов – преступно просидеть 6 месяцев и не создать мастерового городка. При наличии таких сил и средств можно было бы забить все местные фирмы.

Распоряжения ген[ерала] Бакича свелись в отряде к тому, что воинский отряд превратился в лагерь беженцев с полным отсутствием дисциплины и воинских отличий: каждый живет по себе и для себя. Некоторые части разбились по поселкам и сходкою решают вопросы службы и наряда. Меры, принимаемые полковником [Р.П.] Степановым и генералом [А.С.] Шеметовым к поднятию дисциплины и порядка, сочувствия в штабе Отряда не встречают. Особым бельмом в отряде для генерала Бакича служит мой Атаманский полк, ввиду сохранения им в полном объеме воинской дисциплины. Но в то же время генерал Бакич усиленно подчеркивает, что его отряд – военный, когда дело касается заработка отдельными чинами или организации ими какого-либо коммерческого предприятия.

Подполковник Папенгут был свидетелем прибытия в Чугучак офицера любимой генералом Бакичем Сызранской дивизии. В 30° мороз в одной рваной шинели, надетой на рваное белье и имея на ногах куски кошмы, вместо сапог. Что же тогда делается с казаками? Волосы становятся дыбом. Попытка реквизировать частною инициативою созданный кожевенный завод закончилась крахом завода, и, вместо получения 11 000 овчин, полученных от съеденных к 1-му августа баранов, выдано было на полк по 10 плохо обделанных шкурок, но штаб получил полностью.

У меня имеются данные, что генерал Бакич в начале интернации пытался увести отряд в Пекин, о чем шла усиленная переписка с русским посланником. Я совершенно не был уведомлен об этом, между тем, более 80 % отряда составляют оренбургские казаки, и их Атаману, очевидно, небезынтересно было знать, куда ведет их начальник, поставленный тем же Атаманом.

Знакомясь с жизнью отряда по приказам, я из 108 номеров мне присланных, усмотрел, что 31 приказ посвящен судебной части, т. е. 30 % всех приказов составляют судебные дела и приговоры – это тогда, когда нет бумаги. Да разве судом исправляют виновных? Господин генерал! Надо уметь поставить себя так, чтобы не судный приговор заставлял исполнять приказы, а уважение к начальнику. Обычно все арестованные отправляются в ямынь (китайскую тюрьму). Ведь всем известно, что из себя представляет китайская яма, и в нее сажать тех русских, кои 5000 верст прошли с огромными лишениями, неся с собою огромную любовь к Родине. За что такое издевательство над русскими да еще в чужой стране, с полудеспотическими законами?! Я страдаю душою за всех русских Чугучака и Эмеля. Генералу Бакичу, как сербу, может быть, неясны мои побуждения, но я не могу больше допустить издевательства над русскими – славянами.

Я оценил заботы генерала Бакича об отряде, бывшие в Семиречье и в начале интернации, – благодарил приказом и произвел в генерал-лейтенанты, но генерал Бакич забыл, что, принимая от меня производство, он тем самым подчиняется мне всецело. Генерал Бакич принял все меры к тому, чтобы разложить отряд и держать его полуголодным и голым, очевидно, надеясь, что к весне подчиненные уйдут от ген[ерала] Бакича, и он сможет поехать на Дальний Восток, выполнив свою задачу, окруженный почетом. Эти расчеты ошибочны, и настоящий приказ мною послан как в Пекин дипломатическому корпусу, так и в Харбин к генералу Анисимову.

Генерал Бакич забыл, что отряд носит мое имя, и я не могу

допустить, чтобы оно трепалось зря.

Генерал Бакич, получив мои подробные сообщения и приказы, ответил на них краткою бессодержательною бумагою, приложив стихи Анненковского сочинения. Считаю *подобное* отношение к высокому государственному делу освобождения России – издевательством.

Мною был командирован на р. Эмель штаб-офицер для поручений при мне капитан Папенгут, и он доложил мне, что ген[ерал] Бакич запретил ему доклад от моего имени командирам частей отряда и не допустил капитана Папенгута на заседание, бывшее у генерала Бакича с ком[андирами] частей по поводу поручения капитана Папенгута, между тем последний офицер удостоверением был уполномочен говорить от моего имени. Я не могу понять, как генерал Бакич, состоя начальником отряда моего имени, решился не допустить заместителя моего. Это и оскорбление мне, и нарушение воинской вежливости. На оперативный приказ о выходе в Россию генерал Бакич ответил полным отказом, заявив, что отряд не пойдет в Россию и что он не боеспособен. На приказ о выдаче серебра для общего дела спасения России, переданный лично ген[ералу] Бакичу капитаном Папенгут, генерал Бакич ответил отказом, и на вторичный приказ мой по телеграфу положил свою резолюцию, которую привожу как в доказательство понимания генералом Бакичем русского дела и русского языка: «Телеграмму читал и на совещание начдивов обсуждалось; отряд находится в очень тяжелых условиях, и болие, чем рание (здесь и далее так в документе. – *А. Г.*), решено было – нет возможности пока ничего уделить: офицеры, казаки и сольдаты голие и босие». Начальник] Отряда Ген[ерал][-] Лейт[енант] Бакич, 23 окт[ября] 1920 г.

Дважды генерал Бакич не исполнил моего боевого приказа, хотя бы и прикрылся совещанием начдивов.

Исходя из всего этого, я не могу *более* быть равнодушным к делам отряда моего имени на реке Эмиль, и ради спасения казаков и русских людей, интернированных у Чугучака, принимаю решительные меры. Русская пословица говорит, что «рыба тухнет с головы», а потому я, властью, мне данной, отрешаю от должности начальника отряда моего имени на реке Эмиль – генерал-лейтенанта Бакича и его начальника штаба ускоренного выпуска генерального штаба генерал-майора Смольнина…»[2277]

Многие конкретные обвинения, выдвинутые Дутовым, безусловно, были обоснованны. Бакич действительно стремился свести к минимуму контакты с Дутовым и его влияние на свой отряд, кроме того, он старался пресекать попытки своих

подчиненных принять участие в новом походе на Советскую Россию. Видимо, справедливы и упреки в бесхозяйственности, хотя в это сложно поверить – Бакич имел достаточно большой опыт именно хозяйственной деятельности. Что касается хранения Бакичем серебра под кроватью – думаю, он считал, что такой способ достаточно надежен, гарантирует от всяких случайностей и повышает его авторитет как начальника отряда.

Очевидно, Дутов не вполне понимал, что вообще происходит в соседнем отряде и чем руководствуется в своих действиях его начальник. Но, если говорить в целом, приведенный выше документ совершенно не соответствует по своей форме приказу, скорее это личная исповедь Дутова или даже публичное обращение к Бакичу. В тексте, наряду с искренней болью за судьбу оренбургских казаков, проскальзывает и обида уязвленного самолюбия Дутова. Это дало повод одному из советских журналистов назвать этот приказ истерическим[2278]. Дутов сам себе противоречит, сначала обвиняя Бакича в отсутствии связи, а затем критикуя письма Бакича в свой адрес. Неподчинение Бакича Дутову при принятии от последнего чина генерал-лейтенанта выглядит странно, но объяснимо. Существенно то, что Бакич с начала 1920 г. не находился у Дутова в подчинении, а подчинялся лишь Анненкову. Дутов сам стал заложником ситуации, созданной им и Анненковым в Семиречье, когда оренбургский атаман фактически самоустранился от руководства армией. Но поскольку Анненков себя дискредитировал насилиями его подчиненных по отношению к чинам бывшей Отдельной Оренбургской армии, а сама Отдельная Семиреченская армия в марте 1920 г. прекратила свое существование, Бакич в Китае посчитал себя независимым и от Анненкова, и от Дутова. Не захотел он делиться с Дутовым и имевшимся у него значительным запасом серебра, выдав лишь 6 пудов. Подобному отношению способствовало и то, что ни первый, ни второй реально не сделали ничего, чтобы помочь многочисленному отряду Бакича. Приказ о походе на Советскую Россию Бакич вполне обоснованно посчитал авантюрой. Против выступления на совещании высказались все старшие начальники отряда. Как отметил Бакич в своих показаниях, еще осенью 1920 г. «приказ Дутова сочувствия в корпусе не встретил и после обсуждения был отвергнут и дан в отрицат[ельном] духе ответ»[2279]. К тому же конкретного плана взаимодействия между отрядами, по имеющимся данным, не было[2280], а координация действий при отсутствии средств связи была затруднительна.

Что касается приказа об отрешении Бакича, то Дутов допустил в тексте несколько серьезных ошибок, дезавуировавших

этот приказ в глазах Бакича. Прежде всего, он позволил себе опуститься до личных оскорблений, выставляя Бакича малограмотным человеком и инородцем, хотя в безграмотном ответе по телеграфу мог быть повинен телеграфист, а не сам Бакич, а что касается национальности Бакича, то она, разумеется, имела значение в формировании его личности и черт характера, но говорить о том, что боевому генералу русской службы, георгиевскому кавалеру и герою двух войн были чужды интересы России, по меньшей мере оскорбительно. Еще один промах Дутова – выпад против начальника штаба Бакича генерала Смольнина, который закончил никак не ускоренный, а полный курс академии Генерального штаба, причем с лучшим результатом, чем сам Дутов. Тем же приказом Дутов назначил начальником отряда генерал-майора Оренбургского казачьего войска А.С. Шеметова, начальником штаба – полковника СИ. Кострова.

Как вспоминал один из очевидцев, «ранней весной до Чугучака и лагерей (отряда Бакича. – *А. Г.*) дошел суйдунский приказ Дутова. Помню, что, читая это безграмотное, написанное языком приготовишки, сочинение, невольно думалось: какое, однако, передо мною явное, поразительное убожество и между тем в руках этих людей, в частности этого человека, была и жизнь и смерть, была судьба сотен тысяч и миллионов людей. Этого человека прочили когда-то в верховные правители России… Приказ был весьма пространный, характера агитационного, рассчитанный на поднятие бунта в отряде (Бакича. – *А. Г.*)»[2281]. В отряде Бакича сторонниками Дутова были распространены копии этого приказа.

Дутов телеграфировал князю Кудашеву в Пекин: «Сообщаю Вам [и] дипломатическому корпусу, [что] мною Начальник] отряда [в] Чугучаке генерал Бакич за самоуправство, незаконные реквизиции, нарушение международных законов [и] прочие деяния отрешен от должности вместе с Нач[альником]штаба. Назначен новый начальник генерал Шеметов. Сообщаю на предмет оказания помощи отряду, прошу деньги адресовать генералу Шеметову… Дутов»[2282]. Этому распоряжению Дутова Бакич не подчинился. Приказ не вызвал энтузиазма и у других старших офицеров, быть может, за исключением полковника Савина. Так, полковник Р.П. Степанов наложил на документ резолюцию: «Представить комкору» (т. е. Бакичу. – *А. Г.*), решив не нарушать субординацию[2283]. Генерал А.С. Шеметов также категорически отказался от нового назначения[2284].

От возможных негативных последствий Бакича, конечно, спасла гибель Дутова спустя лишь неделю после неприятного для

него приказа. После конфликта с Дутовым и его гибели Бакич, как старший офицер оренбургских частей, переименовал свой отряд атамана Дутова в Отдельный Оренбургский корпус. Потенциальный соперник Бакича, выдвиженец Дутова, генерал А.С. Шеметов, по некоторым данным, получил повышение[2285]. Дутов направил в отряд Бакича даже секретную инструкцию своему сторонникy – командиру Атаманского полка (22 офицера и 60 казаков при 4 пулеметах на январь 1921 г.[2286]) полковнику Е.Д. Савину – о приведении приказа в исполнение любыми способами[2287]. Попытка мятежа Савина была пресечена, участники (сам полковник Савин, есаулы Остроухов и Шишкин) попали в китайскую тюрьму[2288] и были закованы в кандалы[2289]. Добавлю, что атаманцы находились в постоянной оппозиции по отношению к Бакичу[2290]. Полковник Савин писал в Суйдин в марте 1921 г.: «Здесь (на р. Эмиль. – *А. Г.*) давно все погибло… настроение моего полка – делать дело… Смерть Атамана меня поразила и огорчила, убило (так в документе. – *А. Г.*) всякую энергию – верил и любил человека… Атаманский полк душой с Вами…»[2291]

В начале 1921 г. Дутов писал о положении своего отряда: «Мой отряд имеет 1015 человек, состоит из Семиреченского кадрового пластунского батальона в Чимпандзы силою в 218 штыков, казачьего полка в Мазаре… и моего личного отряда в 275 (?) человек. Мы имели при переходе границы 4 миллиона сибирскими знаками и 35 000 романовских, и никаких припасов; половину общего числа лошадей, и только казачий полк имел обоз. Пришли в места расположений, пройдя от границы 280 верст по горам и камням, буквально босые и голые и, вдобавок, голодные. Мой отряд получал от китайских властей по $1^1/_2$ (?) джина муки, и ничего больше. Усилиями русских людей в Илийском крае отряду была дана денежная помощь за все 8 месяцев, в размере 15 000 лан; это приходится на человека около 15 лан, или около 15 тецз. Отряд имеет свои мастерские по всем отраслям производства во всех трех пунктах. Особенно хороши кузницы, слесарные и пимокатки. Отряд имеет ежедневно обед и ужин, для казаков и чай. Для офицеров – собрание, где чай, обед из двух блюд и мясной ужин. Все это бесплатно. В Чимпандзе и Кульдже отряд имеет бесплатные столовые для беженцев. Каждый офицер и казак моего отряда получил: полушубок, папаху, сапоги, пояс, две смены белья, две пары портянок, полотенце, верхнюю рубаху, штаны, фуражку и пару погон.

Мы построили казармы с двумя ярусами нар, окнами и дверями, имеем баню, церковь, библиотеку и офицерское собрание. Полный порядок и полная воинская дисциплина. Но мы

не имеем ни одного врача и ни одного специалиста; в этом наше несчастье. Отряд всегда готов к выходу в Россию. Офицеры живут в общежитиях, семейные – в землянках»[2292].

Ликвидация

Обеспокоенность советского руководства наличием значительных организованных и закаленных годами борьбы антибольшевистских сил вблизи границ Советской России понятна, тем более что сами белые не теряли надежды «с честью», как писал генерал Бакич[2293], вернуться на родину и свергнуть большевистский режим, и, конечно, особенно активно в этом направлении работал Дутов. Активная и успешная антибольшевистская деятельность Дутова и его непререкаемый авторитет в казачестве стали причинами физического устранения атамана. Широко распространено мнение о том, что Дутов был убит чекистами, на самом деле являющееся явным упрощением.

28 (15) ноября 1920 г. Дутов составляет завещание, которое дошло до нас лишь в выписке, сделанной выдающимся исследователем-эмигрантом И.И. Серебренниковым из архива личного секретаря Дутова подъесаула Н.А. Щелокова. Завещание было написано в Суйдине на бланке Походного атамана всех казачьих войск за № 740. Текст этого документа был следующим:

«Завещание. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Находясь в здравом уме и твердой памяти, я, Александр Ильич Дутов, православный, 41 году от роду, занимающий должность выборного Войскового Атамана Оренбургского казачьего войска и Походного Атамана всех казачьих войск, Генерального Штаба Генерал-Лейтенант, добровольно и сознательно, в случае моей смерти, завещаю все свое имущество, находящееся у меня на квартире и мне принадлежащее, равно как и деньги, вещи, лошадей, экипажи, сбрую, белье, письменные и туалетные принадлежности, шубы, пальто, посуду, золотые вещи: часы, портсигары и прочее, Оренбургского казачьего войска станицы Остроленской 2-го Отдела Александре Афанасьевне Васильевой и дочери моей и ее, Вере, последней, если Александра Афанасьевна Васильева умрет; буде же жива, то она, Александра Афанасьевна Васильева, единственная моя наследница всего, что есть у меня. Лошади, жеребец вороной «Васька», вороной мерин «Мальчик», сивые «Орлик» и «Вольшебаш»[2294], «Гунтер» и киргизская лошадь «Мишка» составляют личную мою собственность и потому принадлежат мне, а по смерти моей Александре Афанасьевне Васильевой, и я в сем завещании оставляю доверенность на имя А.А. Васильевой на получение моих денег из Банка в Кульдже: десяти тысяч илийских тецз. Душеприказчиком своим и опекуном над А.А. Васильевой и дочерью Верою назначаю игумена отца Иону. Всему написанному верить. Закрепляю все моею подписью

и казенной, по должности, печатью. Аминь»[2295].

Подлинник документа был заверен сразу двумя печатями: Походного и Войскового атамана. Дутов ничего не оставлял своей законной семье, возможно, зная, что она осталась на занятой большевиками территории, он не захотел подвергать близких опасности.

Остановлюсь подробнее на подготовке и проведении спецоперации по ликвидации атамана. По мнению начальника разведывательного отдела штаба Туркфронта Кувшинова, «… присутствие в [китайских] провинциях белогвардейцев может привести к весьма печальным для Китая последствиям. Несомненно, Китайские власти учитывают это обстоятельство, и если мирятся с присутствием на их территории русских белогвардейцев безоружных, то вооруженных – лишь терпят до поры до времени, пока не имеют возможности с ними разделаться…»[2296]. Слова эти оказались пророческими.

Не вызывающим сомнений историческим фактом является то, что 6 февраля (24 января) 1921 г. около 18 часов атаман Дутов в возрасте 41 с половиной года был смертельно ранен в своем доме в Суйдине и на следующий день, 7 февраля, в 7 часов утра скончался от большой кровопотери. На этом достоверно известная информация об обстоятельствах произошедшего практически заканчивается.

Существует несколько версий произошедшего. Попробую, опираясь исключительно на свидетельства очевидцев с обеих сторон, а не на последующие искажения, восстановить истинный ход событий, повлекших за собой гибель атамана. Небезынтересно, что долгое время после гибели Дутова в СССР официальной являлась версия о том, что атаман был убит кем-то из своих[2297], однако позднее (после реабилитации репрессированных участников спецоперации в 1960-х гг.) ликвидация была все же поставлена в заслугу советским спецслужбам, различные подразделения которых, очевидно, даже конкурировали между собой за право внести в свою историю этот эпизод. Именно это обусловило большой поток очерков о спецоперации с различающимися деталями произошедшего, опубликованных в советский период. Отброшу явно несуразные версии о том, например, что Дутов был убит разочаровавшимся в Белом движении семиреченским казаком, подосланным Семиреченской облчк[2298], или что его убил собственный адъютант[2299], и сосредоточусь на сравнительном анализе наиболее близких к действительности данных.

Итак, большевистское руководство приняло решение покончить с Дутовым, но задача эта была непростой.

Спецоперация была разделена на два этапа – внедрение в окружение Дутова и собственно похищение (или ликвидация) атамана. Чекисты дважды пытались проникнуть к Дутову, но обе попытки не увенчались успехом. Тогда и было решено подготовить спецоперацию. Чем объяснялся выбор момента ликвидации? Основная версия – приближение дня, намеченного Дутовым для выступления. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что не похищение, а именно ликвидация атамана была санкционирована Ташкентом, а до этого Москвой. Осуществление спецоперации лично курировали полномочный представитель ВЧК в Туркестане Я.Х. Петерс и ответственный сотрудник РВС Туркфронта 23-летний В.В. Давыдов[2300], ставший в дальнейшем уполномоченным по Илийскому пограничному округу[2301]. Важную роль играли председатель Джаркентской ЧК Суворов и его заместитель Крейвис. Таким образом, это была совместная операция РВС, в ведении которого также находились вопросы безопасности и ВЧК, и ставить ее в заслугу одним лишь чекистам неверно. Наркомфин выделил на осуществление операции немалую сумму 20 000 руб. золотом[2302] (не вполне понятно, на что нужны были такие большие деньги – едва ли найм нескольких боевиков и приобретение для них необходимого снаряжения и лошадей столько стоил, подкуп же сторонних лиц в ходе операции не предполагался).

Непосредственным руководителем операции был избран молодой начальник джаркентской милиции Касымхан Галиевич Чанышев (1898 г. р.). Известно, что Чанышев в 1917 г. служил денщиком, осенью 1917 г. он стал одним из руководителей Красной гвардии Джаркента[2303]. Следует упомянуть, что Чанышев, по слухам, считался потомком князя или хана, родился в богатой купеческой семье, есть данные о том, что он являлся бывшим офицером (впрочем, скорее всего, ложные), в Кульдже жил его дядя, что позволяло будущему ликвидатору сравнительно часто бывать в городе, не вызывая особых подозрений. В 1919 г. Чанышев вступил в большевистскую партию[2304]. Такой человек был вполне подходящей фигурой для того, чтобы возглавить операцию. Выбор оказался действительно удачным, тем более что свой первый удар Дутов планировал нанести как раз по Джаркенту.

Городской голова Джаркента (позднее – г. Панфилов) Ф.П. Миловский, бежавший в Кульджу, рекомендовал Чанышева Дутову для связи с городом. Тем более что Чанышев ранее рассказал Миловскому о готовности к восстанию целого ряда лиц в Джаркенте. Дутов не знал, что Чанышев перед знакомством с ним побывал в Ташкенте (официально было заявлено, что ездил

охотиться), где беседовал с Я.Х. Петерсом и В.В. Давыдовым[2305]. По официальной версии, между Миловским и Дутовым Чанышев прошел еще через одно звено – отца Иону. Впрочем, по мнению неизвестного офицера личного отряда Дутова, с отцом Ионой Чанышева свел ветеринарный врач и одновременно секретарь русского консульства А.П. Загорский (Воробчук), живший тогда в Кульдже[2306]. Скорее всего, такая точка зрения безосновательна – Воробчук в годы Гражданской войны лично пострадал от действий Чанышева и едва не был им убит. Вряд ли он мог поддерживать отношения со своим явным недругом, к тому же расследование деятельности Воробчука, осуществленное в эмиграции, подтвердило его полную благонадежность[2307].

Воробчук вспоминал, что Чанышева с Дутовым, наоборот, познакомил отец Иона[2308]. По официальной версии, игумен Иона якобы заявил Чанышеву при встрече: «Я человека узнаю по глазам. Вы наш человек и вам необходимо познакомиться с атаманом. Он человек хороший, и если вы будете помогать (в другом варианте – работать. – *А. Г.*) ему, то он вас никогда не забудет»[2309].

По возвращении с «охоты» Чанышев написал Дутову письмо, в котором выражал недовольство советской властью, жаловался на то, что у его отца были конфискованы сады, и заявлял о своей готовности в любой момент вместе с чинами милиции поддержать атамана. В конце письма содержалась просьба о личном знакомстве с Дутовым с целью изложить сведения о подготовке восстания в Джаркенте. Ответа от Дутова не последовало.

Тогда Чанышев отправился к Дутову сам. По официальной советской версии, их встреча произошла при содействии некоего полковника Аблайханова[2310], являвшегося переводчиком Дутова. Чанышев знал его с детства. С Аблайхановым Чанышев встретился в лучшей харчевне Суйдина[2311]. Аблайханов быстро организовал встречу Чанышева с атаманом. Дутов беседовал с Чанышевым с глазу на глаз. Последний выдавал себя за ярого антибольшевика – члена подпольной джаркентской организации и обещал периодически снабжать Дутова информацией о положении в Семиречье. После получения первых сведений от Чанышева Дутов обещал направить к нему своего человека в качестве помощника. В дорогу будущему ликвидатору Дутов выдал листовки для распространения в Семиречье («Народам Туркестана», «К чему стремится атаман Дутов?», «Обращение к большевику», «Слово атамана Дутова к красноармейцам», «Обращение к населению Семиречья»). В одной из листовок говорилось: «Братья, заблудившиеся и заведенные в тупик,

измученные братья. Стон ваш дошел до меня. Я увидел слезы ваши, ваше горе, нужду и страдания. И мое сердце русское, душа православная заставляет забыть все обиды, причиненные вами вашей родине многострадальной. Ведь нас всех так мало осталось!»[2312]

Организаторы операции в этой связи даже стали сомневаться, не ведет ли Чанышев двойную игру?! По одному из свидетельств, первоначально Чанышев действительно был завербован Дутовым, но позднее перевербован красными[2313]. По свидетельству некоего большевика и старого чекиста ДА. Мирюка, находившегося тогда на ответственной работе в Семиречье, он лично задержал Чанышева при попытке пересечь границу с Китаем на одной из горных троп. Насколько этому можно верить – большой вопрос. Тем не менее Мирюк заявлял, что именно он задержал и разоблачил Чанышева как белогвардейца, изъял у него пакет со сведениями о расположении воинских частей, их численности, об Особых отделах, списки комиссаров, работников трибуналов, членов большевистской партии с их адресами, а также призывом к Дутову с такими строчками: «Только один ваш шаг – и у нас тут все готово, чтобы перебить большевиков и разгромить Совдепию»[2314]. Чанышев был арестован. Либо это было скоропалительным шагом самого Мирюка, не осведомленного о спецоперации и роли в ней Чанышева, либо последний действительно изначально являлся антибольшевиком, либо вся эта версия является неправдой.

Перевербовка была произведена в стиле красных – топорно, но эффективно. В Джаркенте был арестован отец Чанышева (по некоторым данным, кроме него еще десять родственников Чанышева). Скорее всего, его просто взяли в заложники на случай бегства сына к Дутову[2315]. Таким образом, у главного «ликвидатора» появился еще один аргумент для изображения себя как жертвы большевиков. После встречи с атаманом Чанышев вернулся на советскую территорию. Обладая хорошей зрительной памятью, он сумел нарисовать план квартиры Дутова, уточненный позднее при помощи М. Ходжамиарова (Ходжамьярова), выполнявшего функцию курьера и приславшего Дутову первое донесение Князя (такое кодовое имя получил Чанышев у атамана). Донесение, написанное примерно через неделю после первой встречи Чанышева с Дутовым[2316], конечно же содержало недостоверную информацию. Последующие донесения направлялись Чанышевым с другими связными, что дало возможность сформировать целую группу боевиков, которые могли беспрепятственно проникать к Дутову. При беспечности атамана в отношении собственной безопасности, думается, это

было несложно.

Бывший секретарь российского консульства в Кульдже А.П. Загорский (Воробчук), встречавшийся с Дутовым в октябре 1920 г. и активно помогавший атаману, предупредил последнего о том, что Чанышеву доверять нельзя. Он писал впоследствии:

«Атаман принял меня в своей канцелярии и сообщил, что в недалеком будущем он намерен со своим отрядом выступить в пределы России. Я был весьма удивлен таким решением атамана и, зная, что в отряде нет никакого оружия, а лошади частью распроданы, частью пали от истощения, а также и то, что в отряде находилось всего человек 15–20 офицеров, большинство которых произведены из вахмистров и урядников, я спросил Александра Ильича: с кем же и с чем вы выступите?

Здесь Александр Ильич сообщил мне, что он связался с некоторыми антикоммунистическими кругами на советской территории, что там его ждут и присоединятся очень многие даже из красной гвардии, что они же снабдят его оружием и что его очень часто навещает, по поручению антикоммунистических организаций, начальник милиции города Джаркента (Джаркент находится в 33 верстах от китайской границы, т. е. в 78 верстах от Суйдуна), некто Касымхан Чанышев.

При нашем разговоре присутствовал капитан Д.К. Шелестюк[2317], бывший командир одного из пехотных полков Отдельной Бригады, оперировавшей некоторое время в конце девятнадцатого года в Джаркентском уезде, Семиреченской области, остатки которой рассеялись по Илийскому краю.

При упоминании атаманом имени Чанышева я невольно вздрогнул. Касымхана Чанышева я, как б[ывший] председатель Джаркентской Городской Думы и управляющий Джаркентским уездом, знал очень хорошо. Это был молодой, лет 25, местный татарин, во время войны призванный в армию и служил в г. Скобелеве денщиком у доктора квартировавшего там артиллерийского дивизиона. В конце [19]17-го года он дезертировал из дивизиона, прибыл в г. Джаркент, где жили его мать и брат, и стал усердным сторонником коммунизма. В первых числах марта [19]18-го года квартировавший в Джаркенте 6-й Оренбургский полк ушел в Оренбург, Джаркент и весь уезд остались без[о] всякой защиты. Касымхан Чанышев и писарь местного управления воинского начальника Шалин секретно организовали из всяких бродяг и преступников отряд в 78 человек, захватили никем не охранявшиеся военные склады с имевшимся там оружием и казармы и объявили себя местным отрядом красной гвардии.

В моем распоряжении, как начальника уезда и председателя

Думы, было всего 35 милиционеров, которые немедленно разбежались, и город попал в руки этих бандитов. 14-го марта я и целый ряд местных чиновников, находившихся в городе, прибывших с фронта офицеров и общественных деятелей были ими арестованы и заключены в тюрьму. Все это я рассказал А.И. Дутову, умоляя его прекратить всякие сношения с Чанышевым, как с подосланным к нему советчиками провокатором. Александр Ильич, улыбаясь, ответил мне:

– То, что было тогда, теперь совершенно изменилось, Чанышев – верный мне человек и уже доставил мне 32 винтовки с патронами, а в ближайшие дни доставит даже несколько пулеметов. Он и его группа дали мне обязательство сдать мне Джаркент без боя и вступить в мой отряд…

Как я ни старался убедить атамана не верить Чанышеву, он оставался при своем мнении. Тогда я просил Александра Ильича для его личной безопасности переселиться в казармы, чтобы быть постоянно под охраной отряда. На это Александр Ильич мне ответил, что, живя в казармах, он будет слишком стеснять своим присутствием офицеров и казаков в их повседневной, и без того весьма неприглядной жизни, и он на это пойти не может. Наконец, я просил его принять более строгие меры к его охране в его резиденции и рекомендовал, чтобы дежурный офицер обязательно обыскивал каждого посетителя, прежде чем допустить его к атаману.

– Бог с вами, Анастасий Прокопиевич, как я могу подвергать такому унижению людей, идущих ко мне с чистым сердцем, – возразил мне Александр Ильич.

Мои просьбы ни к чему не привели.

Капитан Шелестюк во время нашего разговора с атаманом молчал, но они часто переглядывались, и мои доводы вызывали у обоих одинаковые улыбки. Из этого я видел, что капитан Шелестюк посвящен во все решения атамана и вполне согласен с ними. Атаман не сказал мне, кто его и как познакомил с Чанышевым, но позже мне говорили близкие к Александру Ильичу, что это знакомство произошло через игумена Иону. Сам о[тец] Иона мне никогда ничего об этом не говорил.

Александр Ильич пригласил нас в столовую позавтракать. Я и там, в присутствии его супруги, пытался еще уговорить атамана быть сугубо осторожным с посетителями, подобными Чанышеву, но он безапелляционно ответил мне:

– Я никого и ничего не боюсь, мне еще в Оренбурге одна весьма известная гадалка предсказала все то, что произошло со мною за последующее время, и даже то, что я попаду в Китай, где буду случайно ранен, но поправлюсь и вернусь в Россию с

большой славой. Я верю в ее предсказания…

После завтрака он пригласил меня поехать с ним в казармы и посмотреть, в каких условиях живут его соратники. Мы поехали в его экипаже. От его квартиры до казарм нужно было проехать версты две по дороге, идущей пустырями вокруг городской стены. Я обратил на это внимание атамана и сказал:

– Если Вы часто здесь ездите, то большевики могут Вас убить без всякого для них риска одним выстрелом или даже камнем.

– Какой же Вы трус, Анастасий Прокопиевич, – смеясь, ответил атаман, – я каждый день один верхом езжу подышать свежим воздухом верст за десять от Суйдуна в сторону России и ничего не боюсь. Я верю в предсказания моей гадалки…

В казармах Александр Ильич познакомил меня со всеми офицерами отряда. Побывали мы с ним в нескольких землянках-квартирах семейных офицеров, и я пришел в ужас при мысли, как эти несчастные люди будут жить в таких условиях зимой, т. к. морозы в этом районе доходят до 20 и ниже градусов по Реомюру.

С тяжкими мыслями об атамане и его отряде я возвратился в тот же день домой и вечером рассказал С.В. Дуковичу о нужде отряда. Мы тут же решили устроить в банковском помещении благотворительный в пользу отряда бал. В ноябре месяце такой бал был проведен и дал свыше тысячи серебряных долларов чистого дохода, что по местным условиям превзошло все наши ожидания. Кроме того, мы собрали некоторое количество медикаментов и оконного стекла, что было очень важно, т. к. и в том и в другом в отряде была большая нужда. Переданные нами выручка от бала и другие пожертвования значительно скрасили жизнь отряда.

Вскоре после этого Александр Ильич приехал в Кульджу и провел несколько дней в нашей среде. На устроенном нами в банковском доме в честь [н]его большом ужине играл любительский эмигрантский оркестр, Александр Ильич и бывшие с ним здесь офицеры были в восторге от оказанного им кульджинцами приема, и все веселились почти до утра. На Рождество Христово атаман устроил в отряде елку, на которую пригласил нас и некоторых других беженцев. Елка прошла при общем веселье как гостей, так и милых хозяев. Расставаясь после этого с Александром Ильичом, никто не мог предполагать, что это была наша последняя с ним встреча»[2318].

Таким образом, Дутов, планируя новый поход, проявил свойственное ему вопиющее легкомыслие. Неудивительно, что этот поход генерал А.С. Бакич справедливо посчитал авантюрой, а финал самого Дутова оказался таким трагичным.

Однако вернусь к официальной версии подготовки

ликвидации. В основном Чанышев контактировал с игуменом Ионой, лишь в исключительных случаях встречаясь с самим Дутовым (таких встреч было две). Донесения Дутову с заведомо ложной информацией составлялись Чанышевым под руководством В.В. Давыдова. Почту в Суйдин доставляли будущие участники ликвидации М. Ходжамиаров (дважды), братья Г.У. и Н.У. Ушурбакиевы (1904 и 1895 г. р. соответственно) и другие.

Первоначально Дутов проверял Чанышева: «Там от вас неподалеку в Чимпандзе стоит мой полковник Янчис, не сможете ли вы подбросить ему две винтовки и револьвер системы «наган»[2319]. Задание явно бесполезное ввиду малого количества единиц оружия. Вероятно, это была какая-то проверка. Тем не менее Чанышев встретился с полковником и сделал все, о чем просил Дутов.

В своих ответах на донесения Чанышева Дутов излагал те планы, которые собирался реализовывать. В частности, он писал Чанышеву: «Письмо ваше получил. Теперь сообщаю новости. Анненков уехал в Хами. Все находящиеся теперь в Китае мною объединены. Имею связь с Врангелем. [Дела комиссаров Кульджи все хуже и хуже, наверное, скоро уедут. Началось восстание в Зайсане.] Наши дела идут отлично. Ожидаю на днях получения денег, они уже высланы. [Связь держите с Чимпандзе, там есть полковник Янчис, он предупрежден, что к нему будут приезжать люди, от кого – он не должен спрашивать, да ему и не сообщается о вас. Про Вас знаю только я один. Продовольствие нужно: на первое время хлеб по расчету на 1000 человек, на три дня должен быть заготовлен в Боргузах или Джарканте, и нужен клевер и овес. Мясо тоже. Такой же запас в Чилике на 4000 человек хлеба и фураж. Надо до 180–200 верховых лошадей. Даю слово никого не трогать и ничего не брать силой. Передайте мой поклон Вашим друзьям – они мои. Посылаю своего человека под Вашу защиту и ответ:] Сообщите точно число войск на границе, как дела под Ташкентом и есть ли у Вас связь с Ергаш-баем [Поклон, дружище, ваш Д. К Янчису будете посылать – говорите только одно: по приказу атамана]»[2320]. Упоминаемые в расчетах Дутова 4000 человек, скорее всего, силы А.С. Бакича, на которые он надеялся. Дата написания этого документа мне неизвестна и едва ли может быть установлена без доступа к материалам ЦА ФСБ.

Дело в том, что с датами основных событий ликвидации налицо весьма сильная путаница. По официальной советской версии, Чанышев познакомился с Дутовым лишь в январе 1921 г. Кроме того, известно, что атаман для контроля за Чанышевым направил в Джаркент своего контрразведчика, уроженца Троицка поручика Д.И. Нехорошко (1880 г. р.), устроившегося на работу в

милицию делопроизводителем. Однако если Чанышев познакомился с Дутовым только в январе 1921 г. и тот прислал затем в Джаркент Нехорошко, то как объяснить данные об аресте Нехорошко Джаркентской ЧК и о расстрельном приговоре, вынесенном ему по решению Коллегии Семиреченского Облчк еще в конце декабря 1920 г.?![2321] Кроме того, эти данные никак не вяжутся со сведениями официальной версии спецоперации об аресте Нехорошко в конце января 1921 г. Очевидно, что в разных даже официальных версиях ликвидации допущены искажения, которые в отношении столь значимого события носят, скорее всего, намеренный характер.

К слову сказать, в официальной истории органов госбезопасности Узбекистана говорится о том, что Дутов и Чанышев активно работали вместе уже в ноябре 1920 г.[2322] Следовательно, их знакомство должно было состояться еще раньше. Такая версия ближе к действительности, а срок спецоперации в этом случае существенно удлиняется. В документальном романе К. Токаева «Последний удар», основанном на подлинных документах, отмечено, что Чанышев получил задание встретиться с Дутовым еще в сентябре 1920 г.[2323] Значит, и письмо Дутова о готовности к выступлению относится не к январю 1921, а к 1920 г. Нехорошко, дезориентированный чекистами, сообщал Дутову о Чанышеве: «Он действительно отдается нашему делу. Что от него зависит, он делает. Так что работа его деятельная, но очень остры шипы у Советской власти… С нетерпением ожидаем Вас и Вашего прихода, но никак не дождемся»[2324]. Кстати, в одном из последующих писем Дутов прислал Чанышеву свою фотографию с дарственной надписью в знак особого расположения.

Недавно опубликован фрагмент еще одного чрезвычайно оптимистичного письма Дутова Чанышеву, датированного концом октября 1920 г.: «Ген[ерал] Врангель соединился с крестьянами Махно и теперь работают вместе. Фронт его усиливается ежедневно. Франция, Италия и Америка официально признали генерала Врангеля главой Всероссийского правительства, послали помощь: деньги, товары, оружие и 2 пехотных французских дивизии. Англия пока подготавливает общественное мнение против большевиков и на днях ожидается ее выступление. Дон и Кубань соединились с Врангелем. Все эти сведения достоверны, так как получены об этом телеграммы из Пекина и газеты. Бухара совместно с Афганистаном выступает на днях против Соввласти. Думаю, что шаг за шагом коммуна погибнет, комиссарам грозят все последствия народного гнева. Советую семью Вашу перевезти в Кульджу под видом свидания с родственниками или закупки

товаров. Пока все. Поклон Вам и другим, кто против народа не работал»[2325]. Едва ли подобный оптимизм был уместен, тем более что информация была непроверенной и в своей достоверной части относилась к лету 1920 г., а к осени уже не соответствовала действительности.

Участники операции надеялись выманить Дутова на советскую территорию для рекогносцировки, но это не удалось. Впрочем, в официальной версии указывается, что Дутов в какой-то момент начал сомневаться в Чанышеве и направил его в Кульджу на встречу с неким отцом Падариным (с запиской: «Отец Падарин. Предъявитель сего из Джаркента – наш человек, которому помогите во всех делах»), от которой Чанышев уклонился, уехав в Джаркент и объяснив агенту Дутова Нехорошко свое возвращение опасением за близких, которым мог грозить арест. Добавлю, что Нехорошко был познакомлен Чанышевым с Ходжамиаровым и Г.У. Ушурбакиевым.

Кстати, небезынтересно, что Падариным разведка Туркфронта ошибочно считала отца Иону[2326]. Характерно, что эта ошибка в дальнейшем закрепилась и в официальных советских версиях ликвидации Дутова.

Сотрудники ЦА ФСБ опубликовали письмо Дутова Чанышеву, написанное после этих событий: «Ваш обратный проезд в Джаркент меня удивил, и я не скрою от Вас, что я принужден сомневаться и быть осторожным с Вами, поэтому вперед до доказательства Вами преданности нам я не сообщу многого. Сообщу лишь Вам последние сведения, полученные три дня тому назад. Ваши большевики озверели потому, что им будет конец. У меня был один мусульманин с Кубани и передал письмо Врангеля. Содержание его не скажу. Деньги от Врангеля я получил. Каково мое отношение к китайцам и их ко мне – Вам знать незачем… Мы теперь имеем тесную связь со всеми, и надо сейчас не играть на две лавочки, а идти прямо. Я требую службы Родине – иначе я приду и будет плохо. А если кто из русских в Джаркенте пострадает – ответите Вы, и очень скоро. Я требую сдачи в Чимпандзе 50 винтовок с патронами – иначе сами учтите, что будет. Вы сделать это можете, и тогда поздравляю Вас с чином и должностью высокой, почетом и уважением. До свидания. *А.Д.*»[2327]. Если верить процитированному письму, получается, что Чанышев передал для белых около 50 винтовок, что уже было немало. Советское руководство подобная перемена в ходе спецоперации, когда она стала бы работать на Дутова, явно не устраивала.

По данным сотрудников ФСБ, Чанышев в общей сложности не менее пяти раз переходил в Китай через границу. Вторая его

встреча с Дутовым состоялась 9 ноября 1920 г. После этой встречи он пишет Чанышеву письмо: «Ваше письмо получил. Очень благодарен за сведения и за Вашу работу. Новости таковы: восстание Алтайской губернии и около Семипалатинска идет, и подавить его не смогли. Связь с Дальним Востоком и Врангелем у нас установлена. До меня дошли слухи, что красные хотят предпринимать поход на Китай, и в Джаркент переходит штаб армии… Правда ли все это? На все Ваши подробные вопросы отвечу следующим посланным, которого очень прошу прислать к вечеру 16 ноября. С ним сообщу подробный план действий. Мне необходимо прислать три винтовки с патронами, лучше 3-х линейки. Если устроите это дело – награда будет очень большая. Людей еще пошлю. Дело наше идет вперед. Вас прошу работать так: внушать населению, что пока будут большевики – нет порядка, помощи. Запутать аппарат власти, введя больше канцелярщины и милиции, надо скрывать дезертиров. В следующий раз пришлю выдержки из телеграмм и газет как иностранных, так и русских. Проверьте слух о движении к Джаркенту 3-х советских полков из Аулие-Ата. Прошу прислать советские газеты. Ходят ли телеграммы в Оренбург и Семипалатинск – узнайте это. Желаю всего хорошего. Будьте здоровы. *Д.*»[2328].

Опубликовано и еще одно письмо Дутова, ставшее поводом для принятия решения о ликвидации атамана. Оно датировано декабрем 1920 г.: «К[асымхан] Письмо получил, сейчас же отвечаю, кажется, ждать нечего. Если 5 полк наш – то с Богом начинайте. Буду сегодня давать распоряжение. Мне посланный сказал, как только полк восстанет, то сейчас же идти на границу на другой день быть там 4 по старому стилю, часть наших будет держать разъезды у границы, а вы действуйте по обстановке. Главное, запасайте оружие и высылайте его на границу. Там сейчас же вооружатся и уйдут к Вам на помощь. Телеграф обязательно перерезать и дать знать в Баскунчи и в Баргузир. Там есть наши люди, они поддержат Вас сейчас же. Когда начнется восстание, посылайте в Гавриловку, Апсинск[2329] гонцов, там ждут, и дальше в Уч-Арале, Алакуль. Вся эта местность готова, оттуда дадут знать в Чугучак и лагерь. Не забудьте дать знать в Пржевальск и Кольджат. Помните, что от этого зависит все – связь во все стороны и оружие на границу. Чимпандзе имеет более 300 бойцов. Желаю удачи и до свидания»[2330]. Таким образом, атаман все еще надеялся на отряд Бакича («дадут знать в Чугучак и лагерь»). Единственно, что вызывает удивление в этом документе – упоминание 5-го полка. Если документ действительно датирован декабрем (то есть после провала выступления 1-го

батальона этого полка), едва ли в части могли сохраниться какие-либо антибольшевистские ячейки. Вряд ли Дутов не знал о поражении восстания в Нарынском уезде, чтобы позволить Чанышеву себя дезинформировать на этот счет. К тому же это было рискованно и для самого Чанышева, поскольку обман мог быть легко раскрыт. Если же документ относится все-таки к ноябрю, тогда возникает вопрос о роли Чанышева и созданной при содействии советской разведки ложной организации в самом Нарынском восстании. Не стала ли эта роль организующей?! Быть может, игра с Дутовым завела большевиков слишком далеко?! К сожалению, без доступа к документам спецоперации ответить на эти вопросы невозможно.

В начале января 1921 г. Чанышев предпринял первую попытку убить Дутова (в Китай направлены М. Ходжамиаров, Ю. Кадыров и один из братьев Байсмаковых), однако из-за восстания в 3-м китайском пехотном полку 9 января 1921 г.[2331] Суйдин был взят под усиленную охрану, и о покушении нечего было и думать. В этот период Дутов занимался формированием в своем отряде пластунского батальона в Чимпандзе.

15 января 1921 г. Чанышев и его помощники были арестованы Семиреченской облчк по подозрению в причастности к контрреволюционной организации полковника Бойко[2332], причем эта новость всполошила весь Джаркент. По городу поползли слухи, что он, как особо опасный преступник, отправлен в Ташкент. По свидетельству Д.А. Мирюка, Чанышеву был вынесен расстрельный приговор, после чего ничего не стоило привлечь его к ликвидации Дутова. Тем более что в заложники были взяты 9 его родственников. По одному из свидетельств, Чанышев собрал группу боевиков из отчаянных контрабандистов во главе с Ходжамиаровым. Контрабандистское прошлое Ходжамиарова документально подтверждено[2333]. Все боевики были малограмотными или имели начальное образование[2334]. Впрочем, для участия в операции нужно было совсем другое – физическая сила, решительность и выносливость. Этими качествами они обладали.

31 января группа Чанышева пересекла границу с Китаем уже непосредственно для организации убийства оренбургского атамана[2335]. Сейчас известны имена всех ликвидаторов, ушедших тогда в Китай. Их было шестеро: К.Г. Чанышев, М. Ходжамиаров, Г.У. Ушурбакиев, братья К. и М. Байсмаковы, Ю. Кадыров. Как вспоминал сам Чанышев, с ними был еще и 50-летний С. Моралбаев[2336]. При этом Чанышев вовсе не упоминает Н.У. Ушурбакиева, присоединившегося к группе позднее. 2 февраля ликвидаторы прибыли в Суйдин.

Боевики Чанышева были отличными всадниками и стрелками, обладали большой физической силой и хладнокровием, в особенности М. Ходжамиаров. Все они были уйгурами по национальности и ничем не отличались от местного населения по *обе* стороны границы. Махмуд Ходжамиаров родился в Джаркенте в 1894 г. и был, видимо, самым старшим из всех. Из Джаркента происходил и Г.У. Ушурбакиев (равно как, скорее всего, и его брат).

Долгое время от группы не поступало сообщений. В связи с отсутствием известий о группе в Суйдин был направлен и Н.У. Ушурбакиев (по другим данным, это был не он, а его брат Г.У. Ушурбакиев). Последний, судя по всему, сообщил, что в случае задержки заложники будут расстреляны. При содействии органов госбезопасности Казахстана удалось выявить фотографии Ходжамиарова и Г.У. Ушурбакиева, фото Н.У. Ушурбакиева было опубликовано еще в советской печати. Таким образом, известны изображения почти половины членов террористической группы.

Как оказалось, операция сорвана не была, а группа расположилась на явочной квартире в Суйдине. По одной из версий, предполагалось вывезти Дутова в мешке, ответив при возможной проверке, что внутри воззвания атамана. Накануне ликвидации, по свидетельству Н.У. Ушурбакиева, роли распределились следующим образом: «В штаб к Дутову идет Махмут Ходжамьяров… Старший из братьев Байсмаковых Куддук, знакомый с часовыми, должен все время находиться как можно ближе к Махмуту. Касымхан Чанышев и Газиз (или Азиз Ушурбакиев. – *А. Г.*) будут прохаживаться у ворот крепости, готовые в любую минуту броситься на помощь Махмуту и Куддуку. Юсупу Кадырову, Мукаю Байсмакову и мне поручалось прикрыть огнем отход главных участников операции в случае, если вспыхнет перестрелка»[2337]. Операцию, по утверждению Ушурбакиева, наметили на 22 часа, когда город затихнет, но Дутов еще не ляжет спать, ворота крепости будут открыты, а караулы не будут удвоены на ночь.

Со слов игумена Ионы подробности убийства Дутова были таковы[2338]: Чанышев сидел в советской тюрьме и был присужден к расстрелу, но, чтобы спасти себя, согласился принять участие в ликвидации Дутова. Отряд большевиков, вооруженный револьверами с отравленными пулями, прибыл в день убийства в Суйдин, расположившись в отдельном доме на окраине города. Дутов ежедневно ездил в казармы один, без охраны. Чанышев разделил свой отряд на две группы и подстерегал Дутова по двум дорогам из города в казармы. Однако в тот день Дутов из-за болезни остался на квартире. Около 17 часов к воротам его дома

подъехали три мусульманина. У ворот должен был дежурить китайский солдат, но его не было на месте. Один из прибывших остался у входа, двое зашли во двор. Вестового попросили доложить, что привезен пакет из России. Во дворе у входных фонарей стоял дневальный. Вестовой доложил Дутову, тот разрешил гостям войти, один из них остался с дневальным, а второй пошел с вестовым. Дутов вышел, а убийца, доставая пакет, выхватил из-за сапога револьвер и застрелил его двумя выстрелами в упор, потом выстрелил в вестового и убежал. Мусульманин во дворе после первого выстрела убил дневального. Пуля пробила Дутову руку и проникла в живот, на следующий день атаман скончался. Есть сведения о том, что Дутов был ранен в печень[2339].

По значительно *более* детальному и заслуживающему доверия свидетельству одного из сотрудников российского консульства в Кульдже, близко знавшего Дутова, пропуск Чанышеву и сопровождавшим его лицам к Дутову выдал игумен Иона, находившийся тогда в Кульдже. Получается, что сам игумен Иона в своих показаниях либо побоялся сознаться в этом, либо преднамеренно скрыл данный факт. Преднамеренное же сокрытие может свидетельствовать о двойственности той роли, которую играл этот человек.

В 10 утра трое убийц выехали из Кульджи в общем дилижансе, предполагая к 16 часам быть в Суйдине. В этот день Дутов отправил в Кульджу своего племянника и адъютанта сотника Н.В. Дутова, а к самому атаману должен был прибыть его товарищ по академии, семиреченский атаман Генерального штаба генерал-майор Н.П. Щербаков. Щербаков пробыл у Дутова до темноты. Возвращаться в Кульджу ему было поздно и небезопасно, поэтому Дутов предложил ему переночевать в Суйдине, в отряде, отправив его на тройке в помещение отряда («Западный Базар») и выделив для сопровождения своего фельдъегеря Лопатина. Сам атаман также намеревался отправиться к своему отряду, где предполагался вечер в честь Щербакова.

Другой фельдъегерь Дутова И. Санков отправился поить лошадей за город. Кроме самого Дутова, в доме оставалось лишь три казака: глухой казак – повар, два часовых: сын фельдъегеря Василий Лопатин и Василий Павлов. Около 17 часов к квартире атамана верхом (так в описании. – *А. Г.*) подъехал Чанышев с сопровождающими. Оставив одного из подельников у входа с лошадьми, Чанышев с другим убийцей вошли в кухню и, предъявив пропуск, попросили у находившихся там повара и В. Лопатина разрешения увидеть Дутова по срочному делу. Дутов,

сославшись на усталость, отказался принять Чанышева, но последний проявил настойчивость и указал на важность пакета, который привез.

Дутов уступил просьбам и пригласил Чанышева (второй убийца остался рядом с В. Павловым). Следом за Чанышевым с винтовкой зашел часовой Лопатин. Атаман вышел из спальни в приемную (по некоторым данным, в одном белье[2340]), встав около двери в спальню. Чанышев вошел, хромая, и сказал: «Вам есть пакет». Затем он нагнулся, как бы доставая пакет из сапога, выхватил оттуда револьвер с отравленной, как показала экспертиза пулей, и выстрелил. Пуля пробила Дутову руку, которую атаман имел обыкновение держать у последней пуговицы кителя, и попала в живот. Вторым выстрелом Чанышев застрелил часового, попав ему пулей в шею. Третий выстрел вновь был направлен в Дутова, однако к этому времени атаман скрылся в спальне, и пуля застряла в дверном косяке. С началом стрельбы сопровождавший Чанышева мусульманин ликвидировал второго часового, попав ему в живот. Еще одним выстрелом Чанышев прострелил ногу упавшего Лопатина и быстро выбежал во двор. Затем все трое участников операции вскочили на лошадей и, проскакав 49 верст, благополучно скрылись на территории Советской России. Смертельно раненный Дутов выбежал за дверь и, не чувствуя ранения, крикнул вдогонку: «Ловите этого мерзавца!» Между тем глухой повар Дутова вообще ничего не услышал.

Первую перевязку Дутову сделала его молодая жена А.А. Васильева, имевшая на руках грудного ребенка – дочь Веру. Всю ночь Дутов, находившийся в сознании, провел в страшных мучениях. По имеющимся данным, из часовни отряда к нему была перенесена чудотворная Табынская икона Божьей Матери, однако чуда не случилось. С 2 часов ночи боли значительно усилились, началась частая рвота, атаман стремительно терял силы. Стало ясно, что Дутов умирает. Лишь к 6 утра из Кульджи прибыли игумен Иона и врач А.Д. Педашенко, но было поздно. Игумен Иона едва успел наскоро напутствовать умирающего, а помощь врача уже не требовалась. Дутов скончался рано утром 7 февраля от внутреннего кровоизлияния в результате ранения печени и заражения крови от отравленной пули (по другим данным – от большой потери крови[2341]). В тот же день скончались и оба часовых. Дутов и часовые были похоронены во дворе казарм отряда, но позднее, при ликвидации отряда 28 февраля 1925 г., все три гроба были перенесены на местное католическое кладбище[2342].

А.П. Загорский (Воробчук), приехавший в Суйдин из Кульджи

на следующий день, впоследствии изложил в своих небольших воспоминаниях рассказ фельдъегеря атамана Дутова прапорщика И. Санкова: «Касымхан Чанышев и киргиз, тоже Касымхан, часто бывали у атамана, и он подолгу с ними разговаривал один на один в своей канцелярии. Мы хорошо знали в лицо этих посетителей, и атаман приказал нам беспрепятственно пропускать их к нему. Около 7 часов вечера в роковой день, как только начало темнеть, мы заперли ворота в наш двор на засов. Часовые с винтовками в руках заняли свои посты: мой сын стоял у ворот, а казак Маслов в сенях квартиры атамана. Я и один вестовой сидели в нашей комнате. Кто-то постучал снаружи в ворота. Мой сын спросил, кто там. Ему ответили: «Касымхан Чанышев по спешному делу к атаману».

Сын отворил ворота, я в окно увидел вошедшим во двор киргиза Касымхана, а за воротами три верховые лошади и возле них Касымхана Чанышева и еще одного мусульманина. Так как эти визитеры посещали атамана очень часто, то я отнесся к этому спокойно, а только смотрел в окно и наблюдал за приехавшими. Я слышал, как Маслов доложил атаману о приезде Касымхана. Касымхан вошел в сени, прихрамывая. Атаман вышел к нему из своей спальни, поздоровался с ним и спросил, отчего тот хромает. Касымхан сказал, что он случайно по дороге ушиб ногу. Он вынул и передал атаману какой-то пакет. Маслов стоял рядом с Касымханом.

Как только атаман стал вскрывать пакет, Касымхан выхватил из своего кармана револьвер и в упор выстрелил в него, быстро повернулся к Маслову и вторую пулю выпустил в того. Атаман бросился к двери своей спальни, но убийца еще раз выстрелил в него и быстро выскочил за ворота. В момент стрельбы Касымхана в атамана и Маслова Касымхан Чанышев выстрелил и убил наповал моего сына. Я и бывший со мной вестовой бросились в дом атамана и увидели, что Маслов уже мертвый, пуля попала ему в шею. Атаман сидел на своей кровати, прижимая рукою на боку сильно кровоточившую рану. Другая рука у него тоже была ранена. Мы немедленно вызвали из отряда фельдшера Евдокимова, послали гонца в Кульджу к о[тцу] Ионе и просили поскорее прислать доктора. Евдокимов делал все, что мог, но к утру атаман скончался. Убийцы, совершив свое каиново дело, быстро вскочили на лошадей и скрылись»[2343]. Тогда же в Кульджу был отправлен гонец с известием о тяжелом ранении атамана. Несколько человек, включая двух врачей, сразу же выехали в отряд, однако, прибыв в Суйдин около 9 часов утра, нашли Дутова уже мертвым.

Между тем, по свидетельству генерала Щербакова, «отец

Иона принимал деятельное участие в убийстве атамана. Об этом… говорил и поручик Аничков, который также, как и генерал Щербаков, и отец Иона, был, в момент убийства атамана, в Кульдже»[2344].

Приведу еще одну версию, изложенную анонимным офицером личного отряда Дутова. Впрочем, автор неточен в указании даты убийства – якобы 21 февраля по старому стилю. Соответственно можно сомневаться в том, насколько близко он соприкоснулся с произошедшими событиями. Вместе с тем эти воспоминания содержат много ценных и неизвестных фактов из жизни отряда. Он писал:

«Мы, офицеры атамановского отряда и ближе к нему стоящие – личного конвоя, до сих пор не знаем детально тех причин, которые были сложны и сплетены из многих и многих интриг, приведших к трагической смерти любимого всеми батьки-атамана.

Но знаем много, и все отрядники знают те версии смерти Атамана, которыми в те далекие годы жил отряд, жил и клялся, когда наступит момент, жестоко отмстить и убийцам и их помощникам…

О, мы не говорим, что отец Иона – отрядной и военный батюшка, любимец атамана, был к этому злому делу причастен, мы этого сказать не можем, но вспомнить должны, что он много знал, слишком было велико его влияние на атамана и не всегда оно было благотворным…

Атаман жил в Суйдуне… в фанзе из трех смежных комнат. С ним жила его жена, как ее называли отрядники – Шурочка, личная охрана – подхорунжий Мельников, прапорщики Лопатин и Санов.

У ворот дома всегда стояла пара часовых – почетный китайский караул.

У крыльца – казак с шашкой и винтовкой.

Слухи об убийстве атамана шли давно. Кто-то плел эту паутину с давних времен, и когда офицеры Личного отряда учредили на крыше атамановской фанзы скрытый пост – офицера с револьвером, то атаману его штатские помощники[2345] внушили, что это против него.

И он, придя в офицерское собрание отряда, порвал на своей груди рубашку и сказал: «Убивайте, если вы так!»

Офицеры сидели понуря голову. Им было стыдно, что их любимый Вождь произнес такую клевету на них, которые в любую минуту за него отдали бы свою жизнь.

После атаман понял это и говорил: «Господа, господа офицеры, кто-то кует темное дело. Будьте осторожны».

Но офицерский пост с крыши фанзы был снят.

О. Иона жил в Кульдже и часто ездил, проходя без доклада в кабинет, к атаману.

Большую к нему любовь и уважение питал наш вождь. А почему – этого в отряде никто не знал, и лишь только мы, более близкие к атаману, знали, что он ведет огромную работу по созданию барьерного государства для предохранения Азии от чар и злодейств красных, знали мельком и про предложение англичан – перейти на службу отряду для охраны афганской границы от продвижения туда красных коммунистов.

В это был посвящен о. Иона и еще некоторые из штатских.

Они и творили что-то, но что – из отрядников никто не старался узнать, атаману верили на слово, больше, чем себе. Знали, что он не обманет, не предаст и не продаст. Больше казаку ничего не нужно было…

Вечерело. Атаман только что пообедал и несколько нервный прошел в свой кабинет.

К нему только что приезжал атаман Семиреченского казачьего войска генерал Щербаков, который после ряда недоразумений с Походным Атаманом приехал и принес ему братские извинения.

Атаман приказал кучеру Андрюшке – верному и постоянному телохранителю, отвести на атамановской тройке сивых лошадей-огней, подарок Верховного Правителя, генерала в отряд.

Офицеры отряда делали ему банкет, на который позже должен был приехать и сам атаман.

Взволнованный беседой, атаман сидел в кабинете и думал.

Темнело. У крыльца стоял казак Маслов. Андрей увез генерала. Тот Андрей, который за каждым посетителем стоял позади и своей могучей фигурой уничтожал у того всякую злую мысль против атамана.

Темнело, надвигалась зимняя ночь, как у ворот послышался конский топот.

Приехало трое: Чанышев и еще двое. Чанышев с одним пришли к крыльцу атамановской фанзы, другой остался у ворот с лошадьми.

Казак Маслов крикнул:

– Кто идет?

– Чанышев. К Атаману!

– Подожди, доложу. – И Маслов свистком вызвал офицерский караул. Сын Лопатина пошел с докладом к атаману. Атаман отказался принять, но Чанышев добивался, говорил, что привез что-то особенно важное, и Походный с большим неудовольствием сказал:

– Ну, черт с ним! Пусть идет, – а сам вышел в приемную.

Чанышев вошел в комнату, сильно хромая. Как будто повредил ногу. Он был в халате.

Подхромал к атаману и сказал:

– Ну, я тебе, атаман, привез хорошее письмо. – И он стал шарить за пазухой, потом мгновенно выпрямился, в руке его сверкнул сталью револьвер, и посыпались выстрелы в атамана и в стоящего в стороне сына Лопатина.

Атаман бросился в кабинет за «Смит-Вессоном», который у него всегда лежал на столе, а в это время на дворе послышались тоже выстрелы. Приехавший с Чанышевым в упор стрелял в казака.

Атаман вертелся в кабинете, ища револьвера, сын Лопатина лежал смертельно раненным в приемной, и когда Походный выскочил без револьвера туда, Чанышева уже не было.

В темноте ночи слышался удаляющийся топот лошадей.

– Держи их, мерзавцев! – крикнул атаман и, когда из столовой вышла его жена, сказал:

– Мерзавец, ранил в руку!

Он помолчал и потом сказал:

– Ты меня извини, но мне что-то нехорошо. Нервы, что ли, расстроились… Пойду, немного прилягу, Шурочка!..

И он ушел в кабинет. Погоня никого не настигла. Часовых у ворот не оказалось. Через полчаса у атамана был отрядной фельдшер.

Отряд радовался – злодеяние не удалось – атаман ранен только в руку, но прошло некоторое время, и в отряд приехал фельдшер. Он был бледен, как мертвец, и отрывисто бросил:

– Конец. Атаман умирает!

И объяснил, что пуля попала в руку и рикошетом в живот. Слепое ранение.

Весть была для всех потрясающая. С атаманом рушились все надежды, с атаманом уходила душа отряда, отряд лишался того, на кого чуть не молился.

Утром, в шесть часов, атаман умер. И в десять утра умерли сын Лопатина и казак Маслов.

Три смерти в одно утро.

Не было плача в отряде, но у всех офицеров и казаков глаза были полны слез, и у некоторых они скатывались мелкими капельками по бородатым лицам.

С земли ушел большой человек России, из отряда ушел отец и вождь.

Утром приехал о. Иона. Он был потрясен трагичной вестью, плакал и в плаче рассказывал, что уже давно знал о готовящемся

покушении, но перепутал числа и опоздал предупредить атамана.

Перепутал на один день.

Не верить ему было нельзя – слишком искренне было его горе и мучился он так сильно, что не мог служить панихиду.

И панихида была необычная. Пел хор, но пел плача. Запоют заупокойное песнопение и прекратят: хор плачет, казаки в строю плачут, офицеры стоят, не поднимая голов, и крупные слезы падают на снег.

Умер Атаман! Прах его предали земле, и когда уходили от могилы, клялись казаки и офицеры, что, когда разыщут злодеев и их помощников, не будет страшнее на земле казни, которую они совершат над ними.

И кровь убиенного Атамана Дутова до сих пор вопиет к небу, требуя мщения»[2346].

Сильные, искренние строки. Но все же вернусь к анализу изложенной версии. Итак, все три наиболее достоверных белых версии – версия отца Ионы, анонимного дипломата и неизвестного офицера личного отряда Дутова в основном совпадают. Не исключено, что в их основе рассказ самого, уже смертельно раненного, Дутова. Очевидно, атаман перед смертью сообщил своему окружению о предательстве Чанышева. Имя же Ходжамиарова в Суйдине никому ничего не говорило. Если о нем и знали, то в любом случае как о человеке Чанышева. В этой связи в белой историографии в дальнейшем закрепилась ошибочная версия о том, что непосредственным убийцей был Чанышев. Вызывает интерес и свидетельство о том, что отец Иона знал или догадывался о готовящемся покушении. Кстати, эти данные подтверждаются и другим белым мемуаристом, по сведениям которого о приезде убийц в Кульджу с целью покушения на атамана 6 февраля отца Иону предупредил какой-то киргиз. Отец Иона не поверил и отправил его к китайцам клясться на Коране. В итоге было бездумно потрачено время, а атамана спасти не удалось[2347]. Кстати, осведомленный британский генеральный консул в Синьцзяне П. Эсертон считал, что именно священник у Дутова был большевистским агентом[2348]. Преемник Дутова на посту начальника отряда полковник Т.В. Гербов (в 1919 г. служил в штабе Верховного главнокомандующего[2349]) отмечал, что в отряде знали о предполагавшемся покушении, но Дутов отказался принять меры предосторожности[2350].

Рассмотрю версии красной стороны. По одной из советских версий, Дутов был с адъютантом. Убийца выпустил две пули в лицо атаману, одну – в адъютанта. В комнату охраны один из участников бросил гранату, еще три гранаты были брошены

самим Чанышевым в окно штаба Дутова, в окно казармы и в центр крепостного двора[2351]. Впрочем, такая версия нигде не находит подтверждения, равно как и сведения о том, что Ходжамиаров попытался оглушить Дутова, чтобы запихнуть его в мешок и похитить (бесшумно осуществить столь дерзкую акцию в присутствии третьего лица (часового, ординарца или адъютанта) было невозможно). По содержащим некоторую долю преувеличения воспоминаниям Н.У. Ушурбакиева – участника операции, пережившего всех остальных, «вечером 6 февраля, как было условлено, наша группа подошла к крепости. Махмут и Куддук лихо осадили коней у самых ворот. Спешились и направились к часовому.

– Пакет для его превосходительства, – сказал Махмут, показывая конверт с большими сургучными печатями.

– Жди, позову дежурного, примет, – ответил тот.

– Велено вручить лично в руки, видишь? – показал он дутовцу подчеркнутые двумя жирными линиями слова: «Совершенно секретно» и «Вручить лично».

Махмут спокойно, как будто каждый день ходил по этой дорожке, зашагал к дому, стоящему в глубине двора. Вслед за ним протиснулся Куддук. Разговор с охранником у дома был примерно таким же. Только на этот раз казак доверительно добавил: «Кажись, их превосходительство уже почивают…» Дутов полулежал на тахте, о чем-то вполголоса говорил с адъютантом, который разбирал на столике бумаги. Махмут успел заметить только поблескивающие в свете лампады иконы, большеглазые лики святых.

Лихо козырнув, Махмут протянул пакет. Адъютант вскрыл его, подал Дутову. Тот стал читать вслух: «Господин атаман, хватит нам ждать… Пора начинать. Все сделал[2352]. Ждем только первого выстрела…»[2353] – и вдруг метнул исподлобья острый, изучающий взгляд на гонца. Махмут стоял, как изваяние. Атаман стал читать дальше: «Сожалею, что не смог приехать лично…»[2354]

– А где Чанышев? – так же резко вскинув голову, спросил Дутов.

– Он ушиб ногу и сам приехать не может, – спокойно ответил Ходжамьяров. – Он ждет вашу милость у себя.

– Это еще что за новости?! – выкрикнул атаман.

Махмут понял, что вариант похищения Дутова отпадает. Выхватив наган, он выстрелил в упор. В то же мгновение на него бросился адъютант. Еще выстрел, и он падает к ногам Махмута. Третий раз Махмут выстрелил в Дутова, свалившегося с тахты»[2355]. При всей важности свидетельства Ушурбакиева он участвовал лишь в обеспечении операции и мог знать детали

только со слов Ходжамиарова. Куда важнее сохранившийся в ЦА ФСБ и по сей день недоступный даже для специалистов, хотя и опубликованный сотрудниками ФСБ отчет непосредственного убийцы – Ходжамиарова: «При входе к Дутову я передал ему записку, тот стал ее читать, сидя на стуле за столом. Во время чтения я незаметно выхватил револьвер и выстрелил в грудь Дутову. Дутов упал со стула. Бывший тут адъютант Дутова бросился ко мне, я выстрелил ему в упор в лоб. Тот упал, уронив со стула горевшую свечу. В темноте я нащупал Дутова ногой и выстрелил в него еще раз»[2356]. Письмо Чанышева, по всей видимости, должно было дать Ходжамиарову несколько секунд, чтобы сориентироваться в обстановке и приготовиться убить или все же похитить атамана. В кабинете атамана Ходжамиаров захватил одну из лучших фотографий Дутова[2357], которая в настоящее время хранится в Центральном архиве ФСБ. Однако члены группы Чанышева даже после стрельбы не могли быть полностью уверены в том, что Дутов мертв. Вообще же, если Чанышев не участвовал в самой ликвидации – непонятно, зачем он был нужен боевой группе в Суйдине, где его легко могли узнать и, по некоторым данным, действительно узнали.

Далее участники операции разделились Чанышев и Г.У. Ушурбакиев отправились в Кульджу, где несколько дней провели в доме дяди Чанышева. Остальные же «ликвидаторы» вернулись в Джаркент[2358]. Действия Чанышева и Ушурбакиева мотивированы неуверенностью в успехе операции. Однако уже в ближайшие дни новость о гибели Дутова широко распространилась по Суйдину и Кульдже и можно было возвращаться в Советскую Россию (Чанышев и Ушурбакиев вернулись спустя два дня). На следующий день после убийства в 14 часов состоялись похороны атамана. Могила была вырыта среди землянок отряда, во дворе казарм. Атамана отпевал игумен Иона. Все присутствовавшие, по свидетельству очевидца, «навзрыд плакали»[2359].

По одной из версий, через два-три дня после похорон могила Дутова была ночью разрыта, а тело обезглавлено и не захоронено – убийцам нужны были доказательства исполнения приказа[2360]. Впрочем, если Дутов был похоронен в расположении отряда, сделать это было практически невозможно, и свидетельство об отрезании головы остается скорее легендой. Впоследствии, при передаче казарм отряда Дутова СССР, спустя несколько лет, казаки с разрешения католического духовенства перенесли останки Дутова на суйдинское католическое кладбище (вероятно, кладбище Доржинки в 4 километрах от Суйдина), где на его могиле сложили пирамиду из крупного булыжника.

После гибели атамана в Суйдине было проведено серьезное

расследование обстоятельств случившегося, допрошено множество людей, связанных с Дутовым. К большому сожалению, материалы этого расследования по сей день не обнаружены. В моем распоряжении есть лишь небольшой документ с выжимками из него. Даже из этой выборки понятно, что следственный материал имеет огромную ценность.

До сих пор оставалось не вполне ясно, была ли проведена целенаправленная ликвидация или же убийство Дутова произошло в результате провала группой Чанышева похищения и вывоза атамана в Советскую Россию с целью предания суду революционного трибунала?! В опубликованной недавно книге близкого к ФСБ журналиста А.Е. Хинштейна приводится телеграмма джаркентских чекистов в Верный с незамысловатой просьбой: «Разрешите убить Дутова, расход от пятидесяти до ста тысяч николаевских»[2361]. По свидетельству автора, соответствующее разрешение было дано в канун Нового года. С учетом этих сведений можно утверждать, что изначально предполагалось похищение атамана, но, когда такая операция была сочтена малореальной, было принято решение о ликвидации. В последний приезд группы Чанышева в Суйдин ее участники готовились уже именно к убийству Дутова. Это было заранее спланированное политическое убийство. Охрана атамана, да и сам он в задуманной им опасной игре с большевиками оказались не на высоте, не учтя главного – обеспечения собственной безопасности.

После ликвидации в Ташкент Петерсу и в Москву Дзержинскому были отправлены телеграммы об успехе операции. 11 февраля Петерсом из Ташкента в Москву (ВЧК) с копией председателю Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, члену РВС Туркестанского фронта Г.Я. Сокольникову (Брилианту) была направлена следующая телеграмма: «В дополнение посланной вам телеграммы сообщаю подробности: посланными через джаркентскую группу коммунистов шестого февраля убит генерал Дутов и его адъютант и два казака личной свиты атамана при следующих обстоятельствах. Руководивший операцией зашел [на] квартиру Дутова, подал ему письмо и, воспользовавшись моментом, двумя выстрелами убил Дутова, третьим адъютанта. Двое оставшихся для прикрытия отступления убили двух казаков из личной охраны атамана, бросившихся на выстрелы в квартиру. Наши сегодня благополучно вернулись [в] Джаркент». Копия телеграммы была адресована в ЦК РКП(б)[2362].

В приказе по отряду Дутова от 7 февраля (25 января) 1921 г. говорилось: «Сего числа, в 8 часов утра, раненный рукою злодея, скончался Походный Атаман всех казачьих войск и Войсковой

Атаман Оренбургского казачьего войска Генерального Штаба Генерал-Лейтенант Дутов»[2363]. Командование отрядом, расположенным в Суйдине, Мазаре и Чимпандзе, принял на себя полковник Т.В. Гербов. Начальником штаба был подполковник П.П. Папенгут.

Раненные убийцами атамана ординарец Дутова старший урядник Василий Лопатин и часовой, приказный конвойной сотни Василий Маслов «за верную службу, кровью запечатленную»[2364] в тот же день были произведены в прапорщики. Как оказалось, ранения были смертельными. Верных соратников Дутова похоронили 10 февраля.

9 февраля приказом по отряду было объявлено, что «тела Атамана и верных ему офицеров здесь, на чужой земле, погребены временно, и наш святой долг, во имя незабвенной любви к нашему дорогому вождю, вывезти прах его, вместе с погибшими с ним двумя офицерами, в родное Войско, дабы останки его были вечным укором насильников народной воли в гибели любимого героя нашего правого дела»[2365]. Приказано было заказать три цинковых гроба.

За успешно проведенную ликвидацию Чанышев в Ташкенте получил орден Красного Знамени, золотые часы с цепью от ВЧК (№ 214365, награждение произведено лишь 4 августа 1924 г. «за непосредственное руководство операцией убийства атамана Дутова»[2366]), наградной наган и пост председателя джаркентского ГПУ (по другим данным, особоуполномоченного по Семиреченской области), именем Чанышева была названа одна из главных улиц этого города. Есть сведения о том, что эта награда была выдана ему одновременно и за участие в ликвидации полковника П.И. Сидорова – единственного крупного белого вождя в Западном Китае, уцелевшего после ликвидации Дутова и разгрома Бакича.

7 марта 1921 г. Чанышев получил и еще один подарок – прекращение с учетом новых заслуг Чанышева его дела Семиреченской облчк[2367]. Небезынтересно, что лишь в 2000 г. Чанышев по этому делу был реабилитирован. По горячим следам в апреле 1921 г. Чанышеву было выдано охранное удостоверение за подписью самого Я.Х. Петерса (№ 1883): «Предъявитель сего тов. Чанышев Касымхан 6 февраля 1921 г. совершил акт, имеющий общереспубликанское значение, чем спас несколько тысяч жизней трудовых масс от нападения банды, а поэтому требуется названному товарищу со стороны советских властей внимательное отношение и означенный товарищ не подлежит аресту без ведома Полномочного представительства»[2368].

Ходжамиарова наградили золотыми именными часами и

маузером с надписью: «За лично произведенный террористический акт над атаманом Дутовым товарищу Ходжамьярову». В.В. Давыдов был отмечен орденом Красного Знамени от Президиума ЦИК СССР и золотыми часами от РВСР[2369]. В том же 1921 г. он вступил в большевистскую партию.

Так трагически оборвалась жизнь атамана – генерала А.И. Дутова, положившего начало Белому движению на востоке России. «Если суждено быть убитым, то никакие караулы не помогут»[2370], – говорил Дутов летом 1919 г. во время своей поездки на Дальний Восток. Подобный фатализм и легкомыслие стали причиной его гибели спустя полтора года. «Мир праху твоему, доблестный витязь, борец за честь и свободу России и русского народа… Вот жертвы казачества на алтарь России: Корнилов, Караулов, Каледин, Назаров, Дутов», – писал анонимный автор одного из некрологов[2371]. Убийство Дутова было первым в длинной череде ликвидаций, организованных советскими органами госбезопасности за пределами Советской России, а позднее СССР. А.О. Приданников – офицер, отступивший в Китай с остатками армии Дутова, посвятил этому трагическому событию свое стихотворение «На чужбине»[2372]:

Сменялись дни, ползли, как нехотя, недели.
Нет-нет да налетал и буйствовал буран.
Вдруг весть в отряде громом пролетела, —
Убит в Суйдине Дутов – атаман.

Упали духом казаки, в досаде,
Что не сумели Дутова сберечь, —
Убийцы скрылись. Стыд такой отряду, —
Отточенный клинок не снял голов их с плеч.

Доверьем пользуясь, под видом порученья
Явились к Дутову злодеи. И сражен
Еще один вождь Белого движенья,
Погиб в чужой стране, никем не отомщен…

Нельзя сказать, что Дутов никем не был отмщен. Сам атаман был убит врагами, погиб как воин, фактически на поле боя, многие же из его противников погибли от рук своих прежних друзей и соратников. Возмездие было страшным. Из непосредственных участников ликвидации первым погиб Чанышев. В 1932 г. он был арестован в городе Ош по подозрению в присвоении государственных средств и спекуляции. Арест, как сообщалось позднее, был необоснованным, но Чанышев был убит

якобы при попытке побега[2373]. На жизнь М. Ходжамиарова было совершено три покушения в 1921, 1925 и 1928 гг., закончившиеся безрезультатно[2374]. Кроме того, бывшие ликвидаторы неоднократно подвергались компрометации, причем их деятельность в результате этого подвергалась проверке партийными органами[2375]. В январе 1937 г. семья М. Ходжамиарова, возглавлявшего тогда МТС села Б. Аксу Уйгурского района Алма-Атинской области (жена и 9-летняя дочь), была зверски зарублена топорами в собственном доме[2376]. Сложно сказать, было ли это простым убийством или же кто-то из дутовцев решил отомстить за своего атамана (вероятнее вторая версия). Вскоре (9 ноября 1937 г.) был арестован, а 20 октября 1938 г. расстрелян по постановлению тройки УНКВД Алма-Атинской области (обвинен в активном членстве с 1918 г. под руководством английской разведки в уйгурской националистической контрреволюционной организации[2377]) и сам ликвидатор (в то время – председатель Джаркентского городского совета депутатов трудящихся), в годы Великой Отечественной войны погиб его единственный сын Туглук (1924 г. р.). 21 января 1938 г. арестован и 19 сентября того же года расстрелян по обвинению в сотрудничестве с японской разведкой Г.У. Ушурбакиев (на момент ареста – студент высшей коммунистической сельхозшколы в Алма-Ате)[2378]. По иронии судьбы жизнь двух убийц Дутова и соратника атамана, а позднее его оппонента, генерала Н.Т. Сукина кончилась практически одновременно в одном и том же алма-атинском застенке. Был арестован и Н.У. Ушурбакиев, но уцелел и, пережив всех ликвидаторов, умер в Орске в 1970-х гг. Судьба братьев Байсмаковых и Ю. Кадырова пока неизвестна. Не пережил 1938 г. Я.Х. Петерс, в 1941 г. расстрелян В.В. Давыдов, загадочна смерть Ф.Э. Дзержинского…

Глава 12
Итоги

Судьба оренбуржцев в Западном Китае

Ликвидация Дутова способствовала распаду казачьей эмиграции в Западном Китае. Очевидно, что из-за дальности расстояний оренбуржцы здесь оказались оторванными от центров белой эмиграции – Харбина и Шанхая – и последнего очага антибольшевистского сопротивления – Приморья. Поэтому после гибели Дутова игумен Иона из его отряда был командирован в Шанхай. Лишь к концу 1921 г. в связи с происками своих врагов (НА. Щелокова) он смог добраться до Шанхая, сообщив представителям дипломатического корпуса в Пекин о тяжелом положении отряда. По его данным, в Суйдине оставалось около 1000 человек, для содействия которым необходимо было 5000 долларов, гарантии безопасности от выдачи в Советскую Россию и от преследования китайскими властями[2379].

Убийство такого крупного политического и военного деятеля, каким являлся Дутов, было сильнейшим ударом по оренбургской казачьей эмиграции. Возникла проблема сохранения преемственности атаманской власти. Как вспоминал офицер отряда А.С. Бакича А.О. Приданников, «перед самой Пасхой (1921 г. – *А. Г.*) снова усиленно заговорили о вооруженных вспышках в России. Еще раньше этого через киргиз[ов] и сарт[ов] доходили до отряда из Кульджи кой-какие сведения про работу Атам[ана] Дутова. Передавалось, что он все время не прерывает связь с Семиречьем, имея намерение использовать растущее недовольство большевиками в этом крае. Как это водится всегда, одни одобряли намерения Дутова, другие относились к этому отрицательно. И вдруг по отряду разнеслась печальная весть, что 7/20 февраля[2380] Атам[ан] Дутов убит. Никто не хотел этому верить, считая, что это просто-напросто провокация. Но вскоре же это было подтверждено приказом по отряду. Много было догадок и предположений по поводу убийства. В казачьих дивизиях большинство приходило к тому заключению, что среди казачьих генералов нет такого авторитетного генерала, каким был Атам[ан] Дутов. Упоминались имена *более* известных генералов, как ген[ерал] Акулинин, ушедший в Уральское войско, чтобы пробраться к генералу Деникину, и ген[ерал] Анисимов, находящийся на Дальнем Востоке. Но они находились где-то «за тридевять земель» и ничем не проявили себя в прошлом, как это было с Атам[аном] Дутовым. Надежда на возвращение на Родину ушла вместе со смертью Атамана. Все помыслы о походе в Россию отпали окончательно»[2381].

После смерти атамана была назначена комиссия под

председательством подполковника П.П. Папенгута для приема переписки и денежных сумм Дутова в составе есаулов Пальмина, Кожевникова, капитана Конобеева, подъесаула НА. Щелокова и хорунжего А.Г. Готина. Сохранилось описание материалов, обнаруженных у Дутова. Опись имущества была составлена после смерти атамана, причем выявлено следующее: булава-насека области войска Оренбургского; печать «Походный Атаман всех казачьих войск»; печать «Войсковой Атаман Области Войска Оренбургского»; печать «Управление интендантства 1-ой от. ст. ст. бригады»; штемпель «Начальник 1-ой от. ст. ст. бригады»; штемпель «Интендант 1-ой от. ст. ст. бригады»; штемпель «Контроль». Дела: 1. Личная переписка за 1917–1920 гг. 3 дела; 2. Переписка командующего Отдельной Оренбургской армией. 1 дело; 3. Государственный переворот 18 ноября 1918 г. 1 дело; 4. Грамоты и приказы личные. 1 дело; 5. Переписка с адмиралом А.В. Колчаком. 1 дело; 6. Переписка с генералом Н.С. Анисимовым (представителем войска в Омске). 1 дело; 7. Переписка Главного начальника Семиреченского края. 1 дело; 8. Денежные документы. Запечатанный пакет; 9. Телеграммы Главного начальника Семиреченского края. 1 дело; 10. Шифры. 1 дело; 11. Приказы по Семиреченскому краю. 1 дело; 12. Телеграммы. 5 дел; 13. Запечатанный пакет с визитными карточками[2382]. Также было найдено 1999 руб. серебром и 7437 руб. *66* коп. илийскими тезами. Обнаружены медикаменты: 7 банок соды, банка сулемы, две с половиной банки лимонной кислоты (по всей видимости, для полосканий), банка аспирина (жаропонижающее), цинксульфурика (? – *А. Г.*), борная кислота, коробка фенацетина, коробка бертолетовой соли, флакон хины (от лихорадки), фляжка креозота, коробка бромистого калия (успокоительное), бутылка касторки (слабительное). У атамана также нашли револьвер, подаренный ему Колчаком, шашку в серебряной оправе, 221 японский патрон, 18 брошюр, пишущую и швейную машинки. Осталось и две лошади – Орлик и Большебаший (пал в апреле 1921 г. вскоре после гибели хозяина). Войсковые реликвии были сданы на хранение при денежном ящике отряда для передачи их в будущем Войсковому Кругу. Ответственными за сохранность документов после гибели Дутова были назначены начальник хозяйственной части отряда подъесаул А.Я. Арапов и хорунжий А.Г. Готин. Надо признать, что выбор оказался крайне неудачным, т. к. вскоре оба «ответственных» оказались в китайской тюрьме. Что произошло с архивом Дутова дальше – неизвестно. И, судя по всему, бесценный личный архив Дутова, вывезенный им в Китай, был безвозвратно утрачен.

При прохождении мимо могилы Дутова всем командам приказано было отдавать честь. Также был объявлен конкурс на составление чертежей двух катафалков для перевозки праха Дутова и погибших вместе с ним казаков[2383]. 20 апреля Кульдже в память о Дутове состоялся концерт духовной музыки, давший 215 руб. на нужды отряда. Личный отряд Дутова возглавлял войсковой старшина А.З. Ткачев – штаб-офицер для поручений при Походном атамане всех казачьих войск. Поскольку атаман хотел простить всех наказанных, 15 февраля была объявлена амнистия и полное восстановление провинившихся в их правах.

Тем не менее отряд в Суйдине не избег общей участи, наверное, всех белых отрядов в Китае – разложения. Этому способствовали лишения и тяжелое материальное положение, в том числе отсутствие предметов первой необходимости, как, например, одежда, влекшее за собой болезни. Кроме того, после смерти Дутова уже не нашлось достаточно авторитетного начальника, который бы мог поддержать в отряде надлежащую дисциплину, прежде всего среди офицерского состава, который разделился на несколько противоборствовавших группировок. Велась агитация в пользу подчинения семиреченскому атаману Щербакову. Активную и довольно неблаговидную роль в начавшихся после гибели Дутова дрязгах и борьбе за власть в отряде сыграл игумен Иона, ставший опекуном вдовы Дутова А.А. Васильевой. Сторонником отца Ионы выступил подъесаул А.Я. Арапов. Полковник Гербов как начальник отряда был даже вынужден издать по этому поводу специальный приказ, в котором отметил, что «вмешательство духовного отца, пользующегося религиозным чувством чинов отряда, в командование отрядом считаю преступным»[2384]. 5 марта Гербов, не вынеся происходящего, «с грустью в сердце» решил отказаться от командования отрядом и от идеи его сохранения. 24 апреля он покинул отряд, оставив заместителями войсковых старшин Ткачева и Завершинского. Начальником отряда стал Ткачев, позднее утвержденный в этой должности преемником Дутова на атаманском посту генерал-майором Н.С. Анисимовым. Анисимов телеграфировал Ткачеву в конце 1921 г.: «Храните булаву, дела Атамана»[2385].

Жесткие меры уже не помогали. Люди, видимо, перестали понимать смысл сохранения отряда и насильственного удержания их в нем. Приказы по отряду пестрят сообщениями о самовольной продаже офицерами седел, в отряде распространилось пьянство (кстати, сам Дутов неоднократно издавал приказы против пьянства), причем даже среди старших офицеров (полковник Янчис и подполковник Земляницын), имели место даже случаи

побегов офицеров из отряда, некоторые уезжали в Советскую Россию, на квартире Дутова была обнаружена недостача пуда серебра[2386]. Остановлюсь на этом подробнее. Дело в том, что после гибели атамана квартира не была сразу же опечатана. Отец Иона, одним из первых осмотревший квартиру 7 февраля, преднамеренно затягивал ответ на вопрос о деньгах. Полковник Гербов прямо отметил в одном из приказов: «Неполучение Отрядом 20 000 тецз, 200 000 рублей романовскими и одного пуда серебра оставляю на совести игумена Ионы»[2387].

Были и другие факторы, свидетельствовавшие о прогрессировавшем разложении. Личный адъютант атамана сотник Н. Дутов дерзил, прикидывался больным, чтобы отлынивать от службы (в итоге он был исключен из отряда, несмотря на родство с атаманом). Уезжавшие в Кульджу офицеры своими действиями позорили там отряд, играли в азартные игры в китайских игорных домах, участвовали в драках, порой абсолютно беспричинных, посещали публичные дома, вследствие чего в отряде распространились кожно-венерические заболевания, певчие офицеры церковного хора стали пропускать богослужения. Разложению способствовала и деятельность советской агентуры, по-прежнему проявлявшей интерес к отряду. Для того чтобы красные не отравили воду, существовал специальный караул возле фильтра для воды. Пользуясь темнотой нижних чинов, большевистские агенты открыто выясняли у них сведения о численности отряда[2388]. Возможно, именно советские агенты пускали слухи в отряде о необходимости всем расходиться и устраиваться на работы, исключаясь из отряда. Для поддержания дисциплины «за митинговщину» из отряда были исключены все офицеры пластунского батальона полковника Янчиса[2389]. Исключались или разжаловались офицеры и других подразделений. По мнению начальника отряда, все, кто хотел уйти, могли это сделать, когда уход был разрешен Дутовым весной 1920 г. Теперь же отряд живет по воинским уставам, интернирован и не является добровольческим. Ткачев отмечал, что «пока Отряд имел возможность кормить и одевать, здесь было любо, а теперь, когда нет средств, якобы можно с легкостью уходить, составлять собственное благополучие на стороне… Такое мышление, по меньшей мере, безнравственно»[2390]

20 июля 1921 г., спустя примерно полгода со смерти Дутова, начальник отряда издал приказ, в котором говорил о своем тяжелом положении и подвел итоги существования отряда за прошедший период. Приказ этот настолько важен, что считаю необходимым привести его максимально полно:

«Со смерти Атамана Дутова прошло 6 месяцев. Обстановка, в

какой пришлось за это время существовать отряду, была крайне тяжелой. Положение начальника Отряда – еще более тяжелым. Приходилось вести серьезную работу, дабы показать китайским властям, что смерть Атамана Дутова не убила в нас веры в победу над большевиками, что наш Отряд и после смерти Атамана Дутова, крепкий его заветами, будет высоко держать знамя русского дела, будет неизменно силен своею спайкою и дисциплиною.

С самого начала, однако, моему предшественнику полковнику Гербову пришлось столкнуться с работою бывшего представителя в Кульдже, игумена Ионы. Этот тщеславный и властолюбивый человек, рядом беззаконных поступков, сумел подчинить своему влиянию некоторых офицеров нашего Отряда и посеять глубокую рознь среди них. Преступное поведение игумена Ионы оценено приказами по Отряду Атамана Дутова, а Русская Комиссия в Кульдже своим постановлением от 14 марта поддержала оценку Начальника Отряда и просила китайские власти задержать игумена Иону, чтобы потребовать от него отчета по его деятельности. Однако игумен Иона избежал суда общества и военных властей и поспешно тайно уехал в Урумчи, где находится и по сие время. Перед отъездом Игумен Иона, пользуясь своим саном, без разрешения Начальника Отряда, тайно привел к присяге депутатов последнего Войскового Круга Области Войска Оренбургского подъесаула Арапова и хорунжего Готина на верность службе Отряду, потребовав от них заботу о сохранении целости Отряда.

Подъесаул Арапов и Хорунжий Готин совершили сразу же проступок против дисциплины, не доложив для получения разрешения Начальнику Отряда о желании их принять присягу.

Далее, во время командования Отрядом полк[овника] Гербова, подъесаул Арапов неоднократно, как это было в требовании удалить из Отряда подъесаула Соломова, вмешивался в права, принадлежащие исключительно Начальнику Отряда… (здесь и далее текст утрачен. – *А. Г.*)

…в Урумчи, им (Ионой. – *А. Г.*) был сделан перевод на имя подъесаула Арапова 16 тысяч илийских тецз, взятых игуменом Ионою, при своем отъезде, тайно из отрядных денег. Выяснилось, что игумен Иона, ведя политику своего исключительного влияния на Отряд, выбрал орудием своей преступной политики подъесаула Арапова и, с его согласия, решил все деньги, которые им будут собираться на отряд, присылать в адрес подъесаула Арапова, о чем и объявил, в пылу горячности, помощнику Атамана Дутова по управлению Семиреченским Краем, А.И. Звереву.

Полковник Гербов не счел возможным для себя далее оставаться Начальником Отряда и, после отказа подъесаула Арапова перевести деньги на имя начальника Отряда, отдал приказ об исключении себя из списков Отряда, оставив на основании 8 ст. Устава Полевой Службы своими заместителями меня и командира 1-го Оренбургского казачьего Атамана Дутова полка Войскового Старшину Завершинского. Я, как старший в чине и должности, вступил в командование Отрядом.

Встав во главе Отряда, я, памятуя о сохранении Отряда, решил рядом спокойных мер и своим ровным отношением к делу воспрепятствовать продолжению интриг и незаконностей в Отряде. Во имя умиротворения жизни в Отряде и его спокойствия я часто поступался даже своим авторитетом, как Начальника Отряда, надеясь на благоразумие г.г. офицеров, находящихся под влиянием игумена Ионы. И мне порою казалось, что я достигну, хотя бы ценою некоторого своего унижения, того, чего недоставало нам после смерти Атамана.

Однако мне пришлось убедиться в противном.

Ныне я имею неоспоримые данные, что моя доброта была понята как мое бессилие, – мое ровное отношение как заигрывание перед подъесаулом Араповым. Я имел не раз возможность убедиться, что своим мягкосердечием я удесятерил лишь наглость слепых людей.

Подъесаул Арапов, которому я разрешил оставить отрядные деньги на его личном счету в Банке, стал пользоваться этим и начал с того, что предъявил мне в Кульдже ультиматум, заявив, что, если я не уберу подъесаула Щелокова, представителя Отряда и моего Заместителя в [Кульдже]… то он останется в Кульдже и, имея у себя деньги…своих людей, оставив Отряд без средств. Не желая осложнять дела, я, после того, как подъесаул Щелоков подал рапорт о болезни, вызвал его в Отряд и уничтожил представительство Отряда в Кульдже и при Русской Комиссии. В настоящее время я узнал, что подъесаул Арапов, посещая часто Кульджу, вошел без моего ведома в сношения с некоторыми лицами, занялся формированием там сотни, назначил командира сотни хорунжего Доренских и, назначив для связи с Кульджою хорунжего Доренских, уполномочил его быть лицом, объединяющим г.г. офицеров: оренбуржцев и семиреков.

В то же самое время подъесаул Арапов, пользуясь расположенностью к нему лично Дирекции Русско-Азиатского Банка в Кульдже, непосредственно, без моего ведома, вошел в сношения с игуменом Ионою, самовольно распорядился из переведенных на Отряд генералом Анисимовым и находящихся в настоящее время в Урумчах 50 000 илийских тецз выдать 12 000

игумену Ионе на поездку его на Восток.

Я имею сведения и еще о многих преступлениях подъесаула Арапова, своим поведением роняющего значение и авторитет мой, как Начальника Отряда и в Кульдже и в Мазаре. До меня дошло о наличии в Кульдже группы г.г. офицеров, желающих воспользоваться поведением подъесаула Арапова ради своих честолюбивых планов, ведущих к попиранию догм международного права; мне известно о существовании в Мазаре среди г.г. офицеров полка так называемых «араповцев».

Я раз навсегда решил прекратить все эти домогания и предлагаю всем, желающим играть в политику и интриги, заняться своим делом. Я долго ждал благоразумия, но, видимо, Бог решил наказать некоторых г.г. офицеров, так как отнял у них разум.

Усматривая в действиях и поведении подъесаула Арапова ряд служебных преступлений… предаю подъесаула Арапова военно-полевому суду с донесением о том г. Илийскому Джен-Шоу-Ши»[2391].

Возможно, деятельность отца Ионы подана в этом документе исключительно негативно, но, думается, едва ли человек, в отношении которого имеются упреки в финансовой нечистоплотности и интриганстве, достоин причисления к лику святых, о чем уже упоминалось.

Любопытными сведениями о деятельности отца Ионы, подъесаулов Щелокова и Арапова располагала советская разведка. По данным красных, отец Иона «после убийства Дутова в Суйдуне ездил туда и пытался попасть в начальники оставшегося отряда, но господа офицеры «сие» провалили, после чего, взяв 6000 те[ц]з из [отряд]ных сумм, вернулся в Кульджу. В возникшей вслед за этим междоусобной борьбе «аристократической» партии Щелокова с партией членов войскового круга, возглавляемой [Арапо]вым и Скобелкиным, принял деятельное участие на стороне последних и даже участвовал в заговоре, имевшем целью свергнуть ставленника Щелокова – Ткачева. Заговор был раскрыт кит[айскими] властями и участники арестованы, но его арест не коснулся.

Как член шан-хуя[2392] был делегирован на Д[альний] В[осток] в Шанхай, Пекин, Харбин и пр[очие] города выступать от этого общества и в его защиту как перед китвластями, так и [перед] русскими учреждениями и должностными лицами для отыскания средств существования белой эмиграции и военных отрядов.

Перед его отъездом в Кульдже в честь его был устроен банкет, на котором ему был преподнесен золотой крест с бриллиантами, стоимостью 5000 тез, приобретенный эмиграцией на последние

гроши. По поводу этого подарка существует двустишие: «Господи, ты спас вора на кресте, спаси же теперь крест на воре»[2393].

Щелоков «по смерти Дутова хотел играть в отряде видную роль. Для этой цели собрал вокруг себя своих единомышленников и образовал с ними верную и белую кость, причем себя считали аристократами. Все же остальные – отщепенцы. Партия устанавливала кутежи и оргии. Подчинив себе отряд через бесхарактерного Ткачева, возмечтал распространить свое влияние и на Кульджу… Был представителем начальника отряда в Кульдже»[2394]. Позднее Щелоков уехал на Дальний Восток к Н.С. Анисимову.

Арапов «имел свой отряд в 400 чел. Пользовался благосклонностью всех слоев эмиграции. Среди казаков имел огромный авторитет. Отличался силой воли. С Ткачевым был «в контрах». Возвышение его авторитета грозило «благополучию» Ткачева. Желая этого избежать, Ткачев различными интригами добился его ареста китайцами, но [Арапов] впоследствии был освобожден»[2395].

Генерал Бакич после гибели Дутова отправил телеграмму в Харбин для передачи генерал-майору Н.С. Анисимову: «[Из] Кульджи сообщают[, что в] Дутова, ныне Гербова отряде [–] безвластие. Денежная панама[2396] игумен Иона [с] частью денег уехал [в] Пекин, старшими офицерами [и] казаками корпуса (Бакича. – *А. Г.*) решено послать туда начальника оренб[ургского] казака, кандидат [–] генерал-майор Корнаухов, возложить [на] куль[д]ж[инский] отряд гарантию [–] сохранность грамот, ценностей, регалий Оренбургского] войска, бывших [в] Кульдже, казаками корпуса также принимаются меры [на] сохранность указанного. Как старший Оренб[ургской] армии прошу еще раз подтвердить Синорус[2397] [(]Урумчи[)] выдачу денег корпусу безразлично [на] чье имя, не получая до сих пор переводов, буквально голодаем, помогите также Кульдже»[2398]. В дальнейшем, однако, предложенный Бакичем генерал-майор Н.П. Карнаухов так и не стал во главе бывшего отряда Дутова в Суйдине.

Заместителем атамана с 1 марта 1921 г. стал генерал-майор Н.С. Анисимов, избранный на этот пост организационным собранием оренбургских казаков в Харбине. Однако после падения Белого Приморья стало известно, что Анисимов растратил войсковые капиталы. Еще осенью 1920 г. от атамана Г.М. Семенова Анисимов получил свыше 100 000 золотых рублей на поддержку оренбуржцев в Синьцзяне, однако этих денег Бакич и Дутов для своих отрядов практически не получили. Лишь впоследствии в результате расследования деятельности

Анисимова, проведенного ревизионной комиссией под председательством надворного советника ПС. Архипова, были выявлены факты хищений большей части этих средств (57 000 руб.)[2399]. Ему было выражено недоверие, а Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков 16 февраля 1923 г. был избран бывший помощник Дутова Генерального штаба генерал-майор И.Г Акулинин, остававшийся на этом посту вплоть до своей смерти в 1944 г. Впоследствии Анисимов перешел на сторону большевиков и 5 апреля 1925 г. с группой казаков угнал из Шанхая в СССР пароход «Монгугай».

Деятельность Н.С. Анисимова негативно отразилась и на боеготовности оренбургских казачьих частей в Приморье. По свидетельству поручика Б.Б. Филимонова, «желая иметь под рукой во Владивостоке верную опору, Генерал Анисимов выделил из [Отдельной Оренбургской казачьей] бригады до 120 лучших Урядников и Подхорунжих, из коих образовал под начальством Полковника [Н.П.] Сокорева Школу Подхорунжих Оренбургского казачьего войска имени Атамана Дутова. Таким образом, в результате эгоистических мероприятий Анисимова, бригада, сохранив свою значительную численность, значительно понизилась качественно, и, отличная еще в Забайкалье, в 1920 году, Оренбургская бригада в Приморье, в 1921–1922 годах, стала заметно слабее»[2400].

Жизнь бывшего отряда Дутова нельзя назвать полностью мирной. Происходили и стычки с красными. Так, 20 февраля возле границы прапорщик 1-го Оренбургского казачьего полка Яковлев и младший урядник Бектинеев встретили разъезд красных в количестве 6 вооруженных всадников. Красные открыли по казакам револьверный огонь, однако казаки, не имевшие огнестрельного оружия, не побоялись численно превосходящего противника и умудрились избить красных дубинками[2401], за что раненный в этой стычке Яковлев был произведен в хорунжие. Были и отрадные явления, поскольку часть офицеров и казаков все же продолжала проявлять сознательность. Например, приглашенный китайцами на обед вместе с большевиками старший урядник М. Маслов заявил: «С этой сволочью за семь верст не сяду…», после чего был посажен за отдельный стол и получил лучшее угощение[2402]. В августе 1921 г. из Советской России бежал в отряд ранее плененный красными в Чугучаке сотник 33-го Оренбургского казачьего полка Дмитриев[2403]. Этот побег был не единичным (впрочем, нельзя исключать того, что некоторые «бежавшие» могли быть завербованы советской разведкой). Отличия казаков и офицеров в ряде случаев отмечались награждением орденами. Например, 17

апреля 1921 г. офицер 1-го Оренбургского казачьего атамана Дутова полка сотник Красильников «за блестящее выполнение возложенной на него командировки, связанной с опасностью лично для него» был награжден орденом Св. Анны 3-й степени[2404]. Нижних чинов награждали Георгиевскими крестами. Численность и состав отряда в первой половине 1921 г. были следующими: 1-й Оренбургский казачий полк (Мазар), Семиреченский пластунский батальон (Суйдин) – 80 человек, кадровый пластунский батальон (Чимпандзе, 2 сотни), атаманская батарея, конвойная и особая сотни, инженерная (сформирована Дутовым 11 ноября 1920 г.) и комендантская команды. При отряде существовали также резерв офицерских чинов, суд чести и гауптвахта.

Люди не теряли надежды мирным или военным путем вернуться в Россию. Для поддержания морального духа в день Войскового праздника был издан торжественный приказ:

«Великие страдания терпит сейчас наша Родина; великие муки несет русский народ, наши дорогие семьи, отцы, жены и дети. Местью и справедливым возмущением пылают наши сердца.

В прошлом году на Баратале, в этот день войскового праздника, среди нас был наш Войсковой Атаман. Теперь его нет. Но его мысли, его воля, его заветы мы храним у себя в сердце. Он нам сказал тогда, что, как бы ни были велики наши страдания, какие бы лишения мы ни терпели, мы, оренбуржцы, здесь находящиеся, перенесем все, памятуя о службе наших предков и зная, какие они терпели невзгоды. Нас ничто не должно смущать. За нами правда. С нами покровитель наш Св. Георгий, среди нас заступница рода христианского, Св. Чудотворный образ Табынския Божия Матери.

Мы твердо верим, что скоро настанет желанный час пробуждения русского народа. Разнесется боевой клич возмущенного народа, загудит церковный благовест на Святой Руси православной, и тогда сгинет ненавистная нам власть большевиков…»[2405]

18 августа отряд посетил вице-консул Великобритании Фриц Морис, что было масштабным событием отрядной жизни. Морис побывал на могиле Дутова, в знак уважения отдал честь, после этого осмотрел помещения отряда и заверил его начальника в том, что доложит обо всем виденном генеральному консулу в Кашгаре.

К 1 августа в отряде оставалось 4458 руб. 77 коп. К декабрю осталось только 956 руб. 57 коп. Комиссия по русским делам в Кульдже и русское консульство во главе с Г.Ф. Стефановичем старались оказывать отряду материальную помощь.

Содействовало и общество русский шан-хой (председатель – С.В. Дукович), созданное с военно-политическими целями в Кульдже в качестве преемника упраздненной консульской власти. Отряд сохранил хорошие отношения с китайскими властями. Казаки продолжали вести собственное хозяйство, а также активно подрабатывали. Занимались огородничеством, рыболовством, организовав собственную рыболовную артель во главе с войсковым старшиной Ткачевым. В отряде существовала своя хлебопекарня, которой заведовал хорунжий Голиков (с 15 мая 1921 г. – хорунжий А.Г. Готин), в Чимпандзе выделывали шкуры. Процент от заработной платы отдавался в отряд. Не отчислявшие денег исключались из отряда. Что касается офицеров, то большую часть своих заработков они пропивали[2406].

Отвратительное, но вместе с тем показательное пьяное буйство произошло в отряде в октябре 1921 г. 14 октября отмечалось такое «значительное» событие, как сотенный праздник конвойной сотни. Конвойцам разрешено было приобрести 6 бутылок джюна (китайской водки), однако сверх этого втайне от начальства было куплено еще 20 бутылок, в результате чего многие напились до потери сознания. Разговор коснулся политических вопросов, и началась пьяная драка, в которой участвовал и начальник хозяйственной части 1-го Оренбургского казачьего полка есаул Пальмин. Наказание было довольно суровым – по 25 плетей для участников драки[2407]. На следующий день начальник отряда ввел категорический запрет на спиртное. Тем не менее отрядники все равно умудрялись в обход всех запретов доставать алкоголь. В начале 1922 г. в офицерском собрании капитан Бельский бросил в сотника Франк-Айриха чашку с ужином, причем, как выяснилось, оба были пьяны.

В конце 1921 г. были получены деньги от Анисимова. Началась их трата. Были установлены оклады командирам всех уровней. По данным на январь 1922 г., начальник отряда получал 45 тецз в месяц, начальник штаба – 37, командир полка – 27, командиры отдельных сотен (конвойной и особой) и батареи – по 21, командиры сотен полка – по 20. Минимальная ставка составляла 12 тецз. Кроме того, начальник отряда выделял себе 150 тецз на представительские расходы, деньги получал и представитель отряда в Кульдже. Суточное довольствие казаков составило 15 коп. приварочное, 2,5 фунта хлеба, 3,8 золотника соли на хлебопечение, 0,5 фунта мыла.

Новый год и Рождество 1922 г. встречали весело – рождественскими играми и городками. Был организован торжественный вечер, все казаки получили по 6 тецз. Однако радость вскоре омрачилась обострением отношений с китайцами.

Уже 14 января 1922 г. было закрыто представительство отряда в Кульдже, выезд туда чинов отряда был запрещен. Китайские власти даже намеревались выдать некоторых офицеров в Советскую Россию.

По разведданным красных подготовку весеннего наступления на Джаркент в Кульдже в 1922 г. вел генерал Щербаков. Как основную ударную силу предполагалось использовать отряд атамана Сидорова. 500 оренбуржцев под командованием полковника Брянцева должны были ударить на Лепсинск. В штабе Туркфронта возникла идея нанесения превентивного удара по белым в Илийском крае, поскольку район Кульджи при вторжении 1921 г. не был охвачен красными и антибольшевистский очаг здесь уцелел[2408]. Общую численность белых в крае советская разведка к 27 марта 1922 г. оценивала примерно в 1080 человек (Кульджа – 200, Суйдин – 350, Мазар – 300, Чимпандзе – 100, долина реки Боротал – 130 человек). Советская разведка, в том числе и путем засылки агентуры, по-прежнему внимательно следила за белыми.

Начальник отряда войсковой старшина А.З. Ткачев в 1924 г. получил следующую характеристику штаба Туркфронта: «Человек бесхарактерный, недалекий. Всецело находится под влиянием своей жены и подъесаула Щелокова. Благодаря чему его авторитет свелся к нулю. Властолюбивый эгоист. С помощью Щелокова убрал Гербова с должности начальника отряда Дутова и занял его место. В военном деле не пригоден. Был отстранен Дутовым от командования конвойной сотней за неисправное отношение к делу и трусость. Будучи начальником отряда Дутова, все деньги отряда тратил на кутежи и вообще в свое удовольствие, не считаясь с положением прочих белых. Окружил себя родней. Щелоков и хорунжий Голиков – адъютант по строевой части его родня. Занимаясь пьянством и кутежами, ввел порку казаков за малейшую оплошность или пьянство. Этим вызвал сильный ропот не только со стороны его отряда, но и вообще всей белой эмиграции. По получении денег от генерала Анисимова (с Д.В.) захватил большую часть себе со штабом, на которые производились разгул, кутежи и оргии. В пьяном виде среди офицеров происходили драки. Многих мертвецки пьяных относили по домам»[2409]. Как ни прискорбно, такая оценка, сделанная для внутреннего пользования по запросу ГПУ, являлась объективной. К сожалению, более поздние документы по истории отряда, скорее всего, до наших дней не сохранились.

Ликвидация Дутова и разгром отряда Бакича[2410] предопределили окончание активной вооруженной борьбы оренбургских казаков против большевизма, которая в основном

завершилась в 1922 г. Оренбуржцы, да и вообще русские эмигранты в Западном Китае после 1921 г. перестали быть сколько-нибудь организованной вооруженной силой, началась борьба за власть и разложение. Начальнику отряда Дутова войсковому старшине А.З. Ткачеву крутыми мерами удавалось сохранять отряд на протяжении 1921–1924 гг., однако все очевиднее становилась нецелесообразность этого, да и невозможность. В начале 1925 г. бывший отряд Дутова был ликвидирован. В 1926 г. Ткачев передал на хранение урумчийскому генерал-губернатору Яну булаву Оренбургского казачьего войска. Сам Ткачев вскоре умер, а губернатор в 1928 г. был убит большевиками[2411]. Дальнейшая судьба этой реликвии неизвестна. Все эти события позволили большевикам уже в 1927 г. утверждать, что «русских в Синьцзяне очень мало и политического значения они (белый элемент) не имеют»[2412].

Тем не менее в Синьцзяне, по данным на начало 1930-х гг., оставалось около 18 000 русских[2413]. Наиболее организованной белой организацией в Западном Китае во 2-й половине 1920-х гг. являлся «Офицерский союз» полковника П.П. Папенгута (около 45 офицеров). Его члены занимались хозяйственной деятельностью, но сохраняли дисциплину и субординацию. Реальной силой союз, конечно, не являлся. Другую офицерскую группу (не более 35 человек) возглавлял полковник И.В. Могутнов. Некоторые ветераны Белого движения, оказавшиеся в Западном Китае, пытались продолжать антибольшевистскую работу и во 2-й половине 1920-х гг., имели даже связь с Оренбургом. Фактически многие из них работали на английскую разведку, заинтересованную в информации о ситуации в СССР. Им противостояли ОГПУ и Коминтерн, имевшие в Западном Китае свою разведывательную сеть. На счету этих организаций были беспрецедентные по своей сути тайные аресты активных белогвардейцев на территории Западного Китая с последующей высылкой их в СССР для расправы.

Реальной силой в Западном Китае становились дунгане, росло советское влияние. В апреле 1931 г. в регионе началось грандиозное мусульманское восстание против китайской администрации. Во главе восстания встал генерал Ма Цзуин. Свою роль в его подавлении сыграли и ветераны борьбы с большевиками, бывшие дутовцы и анненковцы. Китайцы для подавления восстания использовали любые средства. Как нельзя кстати оказались закаленные в боях ветераны Гражданской войны, которых местные власти использовали в качестве наемников на подавлениях. Первый такой отряд (180 человек) сотника Франка был сформирован в Урумчи. Здесь же была

мобилизована и артиллерийская батарея полковника Кузнецова. Действия белых были весьма успешными, что привело к более широким масштабам их использования. В частности, мобилизация была проведена и в Илийском округе. По некоторым данным, китайцы угрожали бывшим белым в случае их отказа сотрудничать высылкой в СССР. При согласии же было обещано жалованье. Первый отряд в 250 сабель был сформирован в Кульдже. С 1931 г. подавлению восстания активно содействовал СССР, опасавшийся образования у своих границ мусульманского государства.

Бывшие дутовцы неоднократно отличались в боях с повстанцами. В 1933 г. при обороне столицы Синьцзяна, Урумчи, выдающиеся качества продемонстрировал отряд полковника Н.М. Альметьева (не более 400 бойцов). Бывший начальник штаба отряда Дутова генерал-майор П.П. Папенгут с тремя казачьими полками сыграл важную роль в перевороте 12 апреля 1933 г. в Урумчи (тогда казаки потеряли 53 человека). Со вступлением в Синьцзян по просьбе китайской администрации советских войск П.П. Папенгут был отстранен от командования и по согласованию с советским генконсульством расстрелян в Урумчи в декабре 1933 г. после двух лет борьбы с дунганами на стороне китайцев[2414]. Судьба Папенгута и его подчиненных трагична. Ведь, по сути, у них не было выбора – отказаться от участия в подавлении восстания они не могли, а когда стали не нужны – были уничтожены. Небезынтересно и то, что бывшие белые во многих операциях участвовали совместно с частями РККА, что способствовало возвращению многих из них на родину и окончательной ликвидации антисоветского очага в Западном Китае[2415].

За могилой Дутова следил второй фельдъегерь атамана прапорщик И. Санков, хранивший в своей землянке и Табынскую икону. По данным на 1937 г., в Кульдже был сооружен достойный памятник Дутову и его сподвижникам. Чудотворная икона Табынской Божией Матери находилась в храме в Кульдже[2416]. Однако кладбище, на котором был похоронен атаман, как и многие другие русские кладбища на территории Китая, было, скорее всего, уничтожено во времена «культурной революции». Думаю, было бы правильно организовать научную экспедицию в Западный Китай, чтобы выяснить, сохранились ли в этом регионе какие-либо следы пребывания русских эмигрантов. Гарантией того, что прах Дутова мог уцелеть, является захоронение атамана в цинковом гробу, благодаря этому возможно и обнаружение могилы в случае отсутствия надгробия. Быть может, когда-нибудь прах атамана будет перезахоронен на родине.

Один из офицеров отряда Дутова писал: «Пройдут годы, рассеется зловещий кошмар над страстотерпицей Родиной, и сыновья и внуки тех, кто тебя, Атаман, выбирал, с великой честью перенесут твои кости в родную Оренбургскую землю и колокола родного собора[2417] встретят тебя еще раз. Спи… спокойно!»[2418]

С уходом в эмиграцию антибольшевистское движение оренбургского казачества не прекратилось, а лишь приобрело иные формы. Само существование Зарубежной России было вызовом большевистскому режиму. Тем более что это существование было достаточно организованным и сплоченным. В общей сложности в эмиграции оказалось около 1500 офицеров – участников антибольшевистского движения оренбургского казачества (не только казачьих офицеров). Уже в 1920 г. в Харбине оренбургскими казаками была создана Рабочая артель, переименованная в 1922 г. в Оренбургскую казачью дальневосточную станицу – первое казачье объединение в Маньчжурии (атаман – есаул А.Я. Арапов). В 1924 г. в Харбине была образована Оренбургская имени атамана А.И. Дутова станица (атаман – генерал-майор В.В. Кручинин). В 1927 г. обе станицы объединились в одну. Оренбургские казаки в 1923 г. вошли в состав Восточно-Казачьего союза с центром в Харбине (председатель правления – оренбургский казак, полковник Г.В. Енборисов). В Шанхае также существовала Оренбургская имени атамана Дутова станица, атаманом которой являлся полковник Д.В. Кочнев. В 1930—1940-х гг. оренбуржцы входили в Союз казаков на Дальнем Востоке, некоторое время возглавлявшийся оренбургским казаком, генерал-майором А.В. Зуевым (с 1937 г. – атаман Оренбургской имени атамана Дутова станицы в Харбине). Наиболее благоприятным периодом существования оренбургской казачьей эмиграции на Дальнем Востоке были 1930-е гг., когда казаки уже сумели адаптироваться к новым условиям существования, активизировали исследовательскую и просветительскую работу. Несмотря на тяжелое материальное положение оренбургских казаков-эмигрантов, в этот период в Харбине функционировал кружок ревнителей истории Оренбургского казачьего войска, трудами которого в 1932–1936 гг. ко дню войскового праздника выходили ежегодные однодневные газеты, а в 1937–1939 гг. даже отдельные сборники «Оренбургский казак», публиковавшие мемуары и исследования по истории войска, в том числе периода Гражданской войны. Именно в 1930-х гг. в Китае вышли воспоминания генералов И.Г. Акулинина и А.В. Зуева, полковника Г.В. Енборисова о периоде Гражданской войны, без знакомства с которыми серьезное изучение истории антибольшевистского движения оренбургского

казачества невозможно.

В годы Второй мировой войны часть оренбургских казаков, включая генерала Акулинина, поддержала Германию в борьбе с СССР. Со вступлением советских войск в 1945 г. в Маньчжурию основные центры антибольшевистского движения оренбургского казачества были ликвидированы, часть казаков бежала на Филиппины, в Австралию, США. Войсковой казначей Г.А. Ильиных передал войсковые архивы соратнику Дутова Н.П. Скобелкину, уехавшему в Австралию. По некоторым данным, архивы в 1960-х гг. пропали из-за легкомыслия сына Скобелкина, передавшего их в Сан-Франциско некоему «общеказачьему атаману» Дмитриеву, где они были впоследствии уничтожены. И все же будем надеяться, что на самом деле войсковые архивы где-то сохранились и еще ждут своего возвращения на родину.

В Австралии были созданы казачьи станицы, в том числе и Оренбургская (в Брисбене), однако они были крайне малочисленны, и об их деятельности почти нет сведений. Таким образом, можно говорить о том, что антибольшевистское движение оренбургского казачества, продолжавшееся в эмиграции, в первые послевоенные годы в своей организованной форме сошло на нет. Связано это было как с разгромом основных центров оренбургской казачьей эмиграции и ликвидацией лидеров казачества, так и со старением казаков-эмигрантов, ассимиляцией казачьей молодежи, отсутствием средств на организационную, просветительскую и издательскую деятельность, а также с невозможностью казаков-эмигрантов как-либо влиять на внутренние процессы, происходившие в СССР. В Австралии и США до сих пор живы потомки участников этого движения, сохраняющие память о борьбе своих отцов и дедов и хранящие реликвии этой борьбы.

Семья Дутова

Судьба гражданской жены Дутова Александры Афанасьевны Васильевой и дочери от этого брака Веры Александровны после смерти атамана до сих пор неизвестна. По обнаруженным мною сведениям, Васильева впоследствии уехала в город Тяньцзин и жила там[2419]. Туда же перебрался сотник Н.В. Дутов – адъютант атамана. Ясно, что дочери атамана Вере Александровне на момент гибели Дутова было не более трех лет.

О судьбе законной супруги атамана Ольги Викторовны Петровской и детей Дутова от этого брака есть более определенные сведения. А.П. Царицынцева – дочь полковника Оренбургского казачьего войска П.Н. Корелина, учившаяся в Оренбургском институте имени Николая I (Николаевский женский институт благородных девиц), вспоминала: «Оля Дутова училась в младших классах (третьем и четвертом) и была с нами в эвакуации. На обратном пути из Иркутска, в Красноярске Олю на станции встретила мать, жена Александра Ильича. Она остановилась в Красноярске, а Оля с нами. В Красноярске дали ей работу – уборщицей в каком-то учреждении – и квартиру. Она еще говорила нам: «Спасибо, что нашлись такие сознательные и человечные люди». Это было в 1920 году. О дальнейшей судьбе этой семьи я не знаю ничего»[2420]. До сих пор это было последним по времени известием о судьбе семьи Александра Ильича, однако по воле случая выяснились и перипетии их дальнейшей жизни.

В 2004 г. мне довелось познакомиться с И.А. Бакаловой и Л.А. Кузнецовой – правнучками казачьего вождя по линии его второй дочери Надежды Александровны. Кроме того, посредством переписки с различными организациями удалось дополнить имевшуюся информацию о потомках Дутова. Удалось установить следующее. Супруга Дутова всю жизнь прожила в Красноярске под фамилией Петровская и умерла своей смертью там же, вероятно, в 1940-х гг. Дети Дутова, даже старшие, едва ли хорошо запомнили своего отца – когда они доросли до сознательного возраста, Александр Ильич уже очень редко мог видеться со своими близкими. Почему семья Дутова осталась на захваченной большевиками территории – неясно. Впрочем, детям Дутова во многом повезло. Дочери жили под фамилией матери, которая для их же безопасности отдала детей в красноярский детский дом (во всяком случае, младших). Повзрослев и выйдя замуж, они взяли фамилии мужей. Разумеется, все, что касалось родства с казачьим атаманом, тщательно скрывалось. Таким образом они смогли избежать преследований.

Старшая дочь Дутова, Ольга Александровна, окончила четыре класса Оренбургского института имени Николая I (1919–1920 гг.), «…училась хорошо, была старательная, с подругами простой, как обыкновенная девочка, без кичливости и зазнайства… беленькая, светловолосая, с голубыми глазами, круглолицая и коренастенькая, похожая на отца, среднего роста»[2421]. После Гражданской войны она жила в Красноярске (по имеющимся сведениям, вместе с матерью) и работала на неквалифицированных работах, возможно с целью скрыть свое происхождение. Известно, что она была уборщицей, в период Великой Отечественной войны работала в магазине, позднее переехала из Красноярска в Пятигорск, где и скончалась.

Надежда Александровна вместе с другими детьми Дутова после Гражданской войны оказалась в красноярском детском доме. По свидетельству ее внучки Л.А. Кузнецовой, она была небольшого роста и обладала нежным голосом.

Трижды выходила замуж. Первый муж (до 1931 г.) Иван Александрович Качин работал главным бухгалтером Красноярского драматического театра им. А.С. Пушкина, участвовал в Великой Отечественной войне и пропал без вести в 1943 г. Его мать Марфа Ивановна работала поварихой в том самом детском доме, в котором скрывались дочери Дутова, – именно она позднее рассказала правду своим внукам, которые были одновременно и внуками Александра Ильича. Второй муж, Николай (его фамилия потомкам Н.А. Петровской неизвестна), по непроверенным данным, был начальником лагеря в Норильске, о третьем муже вообще не имеется никаких сведений. Потомкам известна лишь приписываемая ему фраза в адрес жены: «Ах ты, дутовское отродье!» Н.А. Петровская умерла в Красноярске уже в наши дни – в 1984 г.[2422] Трагически сложилась судьба сына Дутова Олега, который умер в возрасте не старше 28 лет во время блокады Ленинграда (по другим данным, погиб на фронте под Ленинградом). О судьбе еще двух дочерей оренбургского атамана, Марии и Елизаветы, пока никаких сведений обнаружить не удалось.

У Надежды Александровны Петровской было несколько детей: Маргарита Ивановна (от первого брака), Владимир Николаевич (? от второго брака), Нина и Александр (от третьего брака). Последние трое жили в Красноярске. Старшая дочь, Маргарита Ивановна Качина, с 1963 г. проживает в городе Загорск (ныне – Сергиев Посад) Московской области. Она родилась 15 мая 1928 г. в Красноярске, с трех лет воспитывалась отцом, с матерью практически не имела общения (весьма вероятно, Надежда Александровна специально старалась избегать

контактов с дочерью, чтобы максимально обезопасить ее от преследований), с началом Великой Отечественной войны пошла работать швеей, участвовала в трудовом фронте. В 1956 г. уехала из Красноярска вместе с мужем – офицером Александром Ивановичем Бакаловым (2 апреля 1928 – май 1963), жила в военных городках. В мае 1963 г. ее муж скончался от ран, полученных при подавлении вооруженного мятежа в Венгрии в 1956 г. В Москве и в Сергиевом Посаде живут две замечательные женщины – сестры Ирина Александровна Бакалова и Лариса Александровна Кузнецова, которые и сообщили мне большую часть приведенных выше сведений о семье Н.А. Петровской. Лишь случайно они узнали, что являются правнучками Дутова. Род Дутова продолжается: праправнуки оренбургского атамана Мария Владимировна и Александр Владимирович Кузнецовы являются студентами Российского государственного гуманитарного университета и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова[2423].

Заключение

Заканчивая свой рассказ о трагической судьбе Дутова, а вместе с ним и всей России, считаю уместным процитировать удивительно проникновенное стихотворение современной поэтессы Дианы Кан «Табынская икона Божьей Матери»:

Михаилу Андреевичу Чванову

Табынская икона Божьей Матери,
дожди хлестали Твой пресветлый лик…
Вилась дорога поминальной скатертью,
вела за ледяной Карасарык.

Рубцом легла передовая линия
последней бранной воле вопреки,
где, как лампасы яицкие синие[2424],
китайские сияют ледники…

…Ужель забыл про атамана Дутова
высотками застроенный Форштадт?[2425]
Яицкий ветер не окреп покудова,
и корни русские во льдах азийских спят.

Прощаю вас, дома многоэтажные,
за то, что, вырастая без корней,
вы вознеслись, надменные и важные,
над стороной растоптанной моей.

Средь суеты станичной вдруг почудится:
не помнящий ни дедов, ни отцов,
сидит малец на лавочке и щурится
на цепь чужих заснеженных венцов.

Но если приглядеться вдаль внимательно,
сверкнет во мгле мерцающий ледник —
Табынская икона Божьей Матери,
то светит Твой неугасимый лик.

Как оценивали Дутова в качестве политика, военного и, наконец, просто человека другие видные деятели Белого

движения, современники и лично знавшие его люди? Бывший председатель Совета министров Российского правительства П.В. Вологодский, несмотря на его конфликт с Дутовым в мае 1919 г., следующим образом 26 февраля 1921 г. отозвался на гибель оренбургского атамана:

«В Кульдже убит знаменитый атаман оренбургского войска ген[ерал]-лейт[енант] А.И. Дутов, убит предательски шайкой большевиков, ворвавшихся при содействии окружавших Дутова в его ставку. Хотя у меня лично с ген[ералом] Дутовым и было личное столкновение по поводу моего интервью с сотрудником «Сибирской Жизни» о беспорядочном отступлении Дутова из Оренбурга, но я его ценил, как большого патриота, не стяжателя, как человека, который ради честолюбивых замыслов не пойдет на подлости. Морально он был чище всех атаманов. Он был типичным казаком – умным, еще более хитрым, демократом, стоявшим везде и всюду за своих казаков. Но он, видимо, был окружен людьми слабыми в культурном и общественном смысле. Ген[ерал]-м[айор] Анисимов, бывший представитель оренбургского войска при правительстве Колчака и ныне называемый преемником Дутова, простой казак, фанатик казачества, но без доблестей, какие имел Дутов, без военных заслуг, какие были у Дутова, без широкого политического развития и понимания современных условий жизни. Такая замена Дутова не может создать подъема у оренбургского казачества, часть которых (так в документе. – *А. Г.*) прибыла в Сибирь с каппелевцами и ждала Дутова на Востоке. Очень возможно, что большевики, ожидая проникновения Дутова на фронт с Дальневосточной Республикой, поспешили с ним покончить предательским путем. Армия, возглавляемая на этом фронте атаманом Дутовым, была бы популярнее и у воинских частей, и у местного населения, чем армия, возглавляемая атам[аном] Семеновым…»[2426]

Такая оценка представляется весьма справедливой. Гораздо резче высказывался бывший однокашник Дутова по кадетскому корпусу и академии, Генерального штаба генерал-майор СА. Щепихин, который считал, что «раз взошел на подмостки – сам с них человек не спустится добровольно. Так и Дутов: он борется с Советами, но не забывает и своих конкурентов на власть в войске. Здесь он проявляет подчас жестокость и всегда коварство. Коварна его игра на два фронта – перед Комучем и перед Сибирью; перед Атаманом Семеновым и Адм[иралом] Колчаком. Он не стремится объединиться с соседями[-]уральцами, как бы опасаясь за свою власть[2427]. Думается, что если бы не неудачи, вновь его постигшие под Оренбургом зимой 1918 года, – он не

так охотно пошел бы под знамя Колчака. Первый период его борьбы с Советами можно назвать поистине героическим: один, без союзников, первый поднимал знамя против большевиков. Разбит. Уходит в степи, всеми, кроме небольшой кучки преданных людей, брошенный. Второе его появление – результат выступления чехов и Комуча и отчасти Уральцев… Последовательные заигрывания с ним Комуча, Колчака, Семенова – возвышали его в собственных глазах, а поклонение населения – окончательно вскружило голову. Так до конца дней своих не успел Александр] И[льич] Дутов строго проконтролировать, подсчитать, проверить тот свой умственный и практический багаж, с которым он так легкомысленно сел в экспресс карьеризма. Очертя голову бросался в бой, забыв, что положение, столь случайно завоеванное (вернее, неожиданно свалившееся), обязывает… Что за радостями власти наступят будни серой, ответственной работы, ничего общего не имеющей с подготовкой Дутова по жизненному пути… Но легкомыслие! Этот стимул, этот признак, столь навязчиво сопровождающий почти всех вождей (и в кавычках и без них) революции, не обошел и Дутова. «Почему не я?!» – вероятно, не раз так вопрошал свою судьбу и Дутов»[2428]. Можно согласиться со Щепихиным – Дутов кажется порой легкомысленным и недальновидным, но было бы неверно сводить его личные качества лишь к этим недостаткам.

Генерального штаба генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель, судя по его запискам, считал Дутова человеком решительным[2429]. Генерал Р. Гайда выделял Дутова среди казачьих атаманов и писал, что тот был исключением – начал сражаться против большевиков с целью навести порядок в стране еще до выступления чехословаков и не отступил от этого лозунга. По мнению Гайды, Дутов являлся монархистом и патриотом, однако его попытки повлиять на других казачьих атаманов были безрезультатными[2430].

Весьма осведомленный британский генеральный консул в Китайском Туркестане (Синьцзяне) П. Эсертон в своих воспоминаниях отмечал: «Авторитет Дутова среди казачьего элемента русского народа был таким, что, если бы атаман жил дальше, он бы достиг далеко идущего влияния на судьбы России и Азии. Он был способным человеком с сильным чувством справедливости, казаки восторженно приветствовали его назначение на высокий пост в армии Колчака. В самом деле их отношение к нему было проявлением уважения и восхищения, и они искренне подчинялись его власти. С другой стороны, большевики считали Дутова одним из своих наиболее опасных врагов и, таким образом, ими была расставлена сеть, чтобы

поймать в нее атамана… Так погиб Генерал Дутов, быть может, самый лучший и уж точно самый популярный из казачьих атаманов, и вместе с ним погибли надежды на великое казачье возрождение в Сибири и Азиатской России»[2431].

Один из офицеров личного отряда Дутова впоследствии писал: «Так ясно встает перед глазами сердечный, добрый, такой отзывчивый Александр Ильич, всегда входивший во все мелочи жизни своего маленького личного отряда в Суйдине… Сколько чисто отеческого, бесхитростно-теплого было в его грузной за его последние годы фигуре, в его маленьких добрых глазах. Сколько он пережил с 1917 года… Тогда это был бравый, моложавый войсковой старшина 1-го Оренбургского казачьего полка, энергичный, умный, деловой, сразу начавший налаживание совершенно запутанных революцией казачьих дел… Теперь грузный генерал-лейтенант Дутов, усталый и совершенно седой… Мы его, иногда, между собой называли «дедушка»…»[2432]

По свидетельству близко знавшего Дутова Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина, впрочем несколько идеализировавшего атамана, «благодаря своему природному уму, твердости характера и кипучей энергии Атаман Дутов объединил вокруг себя не только казаков, но и все здравомыслящее население в Оренбургском крае, включая татар, башкир и киргиз. Среди казаков он пользовался большим авторитетом… Его трудами была создана Оренбургская армия… А.И. Дутов был человек с большой инициативой: он умел разбираться во всякой области, обстановке и не боялся брать на себя ответственность. В своей военной и гражданской деятельности руководствовался, прежде всего, здравым смыслом и целесообразностью. Свои распоряжения он любил облекать в форму приказов, избегая неясности и двусмысленных толкований: во всем предпочитал четкость и определенность… А.И. Дутов – и по наружности, и по духу – был «правильный», истовый, казак, мистически влюбленный в свое Оренбургское Войско, но превыше всего ставил Россию. Во имя освобождения России он работал и денно и нощно, стремясь к объединению всех противобольшевистских сил. Со всеми местными властями, которые возникали в процессе борьбы, он устанавливал тесное общение, дабы действовать вкупе, единым фронтом, против общего врага – большевиков. Так, когда в Самаре организовался Комитет Членов Учредительного Собрания, а затем в Сибири сформировалось Сибирское Правительство – он немедленно поехал сначала в Самару, а потом в Омск. По пути завязал сношения с Чехо-Словакским (так в документе. – *А. Г.*) командованием и с сибирскими казаками. С Уральским войском у него связи были установлены раньше. Ни

одно крупное событие на Восточном фронте за время гражданской войны не проходило без участия Атамана Дутова. Он был непременным членом всех сколько-нибудь значительных совещаний и конференций… Борьбу с большевиками А.И. Дутов вел в широком масштабе: он никогда не отделял местных казачьих интересов от общего дела. Когда того требовала обстановка, он по собственному почину, в ущерб своим войсковым интересам, посылал полки на поддержку соседних армий. Так, Оренбургские части, помимо непосредственной обороны казачьей территории, сражались: на Волге, на Каме, на Белой, под Самарой, Уфой, Пермью и Екатеринбургом, а впоследствии – в Сибири, Забайкалье, Семиреченской области и Приморье. Борьба Оренбургского Войска под водительством Атамана Дутова имела общегосударственный характер и протекала в общерусском русле. Оренбургские казаки не ограничивались защитой только «родных очагов». Как верный сын России, А.И. Дутов глубоко скорбел о несчастиях, постигших нашу Родину. Не дождался славный Атаман Дутов пробуждения своей порабощенной Родины. Но он твердо верил в ее будущее»[2433].

«Крупный деятель антибольшевицкого движения, умный и с широким кругозором человек, высоко образованный офицер, глубоко преданный Родине и интересам казачества – таким рисуется мне облик покойного атамана А.И. Дутова, трагически погибшего от руки наемного убийцы в 1921 году. Это был настоящий казак Великой России. Да будет жива память о нем среди всех, кому еще близки идеи Белой борьбы и в ком не заглохла любовь к Родине», – писал видный сибирский общественный деятель и ученый И.И. Серебренников[2434].

Генерального штаба генерал-лейтенант СВ. Денисов, в прошлом командующий Донской армией, писал: «Белая Россия, а в частности Оренбургское казачество никогда не забудут доблестных сподвижников, к числу коих надо отнести защитников края: Белого Вождя-Атамана Генерала Дутова, начавшего на востоке России борьбу с большевиками, и всех его главнейших [помощников]… Членов Войскового Правительства, верных до конца станиц и всех тех белых воинов, нам неведомых, но которых знает казачество, положивших свои жизни за Родину и Край»[2435]. Имя Дутова после его смерти было занесено в казачий синодик[2436] наряду с именами А.П. и М.П. Богаевских, А.М. Каледина, Л.Г. Корнилова, К.К. Мамантова, Г.М. Семенова, А.Г. Шкуро и других казачьих вождей.

Можно отметить, что Дутов был достаточно образованным человеком для своего времени, сам в период своего атаманства

покровительствовал развитию образования на Южном Урале, именно при нем в регионе открылось первое высшее учебное заведение, атаман также обладал несколькими весьма важными качествами народного вождя эпохи Гражданской войны: ораторским талантом, решительностью, харизмой, увлекавшей за ним массы, был тонким психологом. По свидетельству достаточно хорошо знавшего Дутова М.П. Полосина, «оратором Дутов, действительно, был прекрасным, и всегда хорошо знал психологию своих слушателей. В этом я убедился, бывая и слушая Дутова на Казачьем Круге. Круг был по своему составу очень разношерстный, настроенный против Дутова и против борьбы с большевиками, однако кончился тем, что Дутов снова был выбран атаманом абсолютным большинством, против одного голоса старика Каширина, отца небезызвестных потом большевиков, офицеров Кашириных»[2437]. Казак станицы Верхнеуральской К. Сандырев впоследствии вспоминал: «Нужно отдать справедливость ораторскому искусству Дутова. Я никогда не видел, чтобы он волновался, если даже дело касалось и его личности, с удивительным спокойствием, с улыбочкой и быстрой находчивостью всегда отвечал на затронутые вопросы, не имея никогда под рукой блокнота… Однажды, выслушав его предложение о формировании «белой армии», я задал вопрос, почему дано такое название «белая армия», не другая какая-нибудь, серая и прочее. Дутов с железным спокойствием ответил, что белая армия названа потому, что в ней оказались действительные защитники казачества с белыми усами и бородой»[2438]. Не случайно жители станицы Арсинской в своем приветственном обращении назвали Дутова народным генералом[2439]. И действительно, Дутов, несмотря на его любовь к удовольствиям, был очень прост и доступен в повседневной жизни. Он часто появлялся в обществе без охраны, даже в периоды своих наибольших успехов не гнушался общением с рядовыми казаками, любой человек мог прийти к атаману на прием со своими проблемами. Казаки боготворили атамана, в частности, личный состав Конвойной сотни даже носил его на руках[2440]. В знак уважения к заслугам Дутова станичными приговорами он был причислен к станицам Красногорской (с июля 1918 г.) и Бердской[2441]. Кроме того, 23 марта 1919 г. он был избран почетным казаком станицы Травниковской[2442]. Казаки родной станицы Дутова Оренбургской в октябре 1918 г. высказались за предоставление ему дворового места[2443].

Из этих свидетельств видно, что Дутов умел находить общий язык как с руководителями антибольшевистского движения и представителями союзников, так и с простыми казаками.

Сказывался и опыт политической деятельности в течение 1917 г., которого большинство белых вождей не имело. Таким образом, Дутов оказался одним из наиболее подготовленных в политическом отношении руководителей белого лагеря.

Дутов был отзывчивым человеком и, если кто-то нуждался в его помощи, старался эту помощь оказать. Например, в конце 1918 г. к атаману обратился его бывший однополчанин, тяжело и неоднократно раненный прапорщик И.Н. Кожевников, с просьбой о переводе на нестроевую должность. Дутов наложил резолюцию о том, что лично знает Кожевникова и добавил, что «надо ему помочь и взять в Караульную сотню»[2444]. В заслугу Дутову можно поставить открытие первого на Южном Урале и третьего на всем Урале высшего учебного заведения – Высшей вольной школы.

Живи оренбургский атаман лет на сто – двести раньше, вполне возможно, он бы стал одним из героев казачьего фольклора наряду с Платовым, Баклановым и другими знаменитыми вождями казачества! Любопытно, что и образ Дутова в народном сознании со временем приобрел некоторые сверхъестественные черты, которые казаки традиционно приписывали своим вождям. Как уже упоминалось, Дутова считали оборотнем. Один из современников отмечал в сентябре 1918 г., что «большевики боялись больше всего «хитростев» Дутова. Так эти большевики рассказывали, что Дутов несколько раз бывал в г. Троицке на заседаниях совета, оставлял на дверях совета записку с изображением фигуры из трех пальцев и с надписью: «Здесь был Дутов». Затем большевики рассказывали, что Дутов постоянно маскируется: он носит то сапоги, то валенки с тупыми носками, то с острыми приподнятыми, шапки и верхнюю одежду. В Белорецке мне пришлось беседовать с одним рабочим завода, и вот что говорил мне этот рабочий-большевик:

«– Как бы изничтожить этого Дутова… Трудно только, хитер больно уж он, не знаешь, где его сыскать. Вот, говорят, сейчас он находится у нас в Белорецке.

– Как это так? – спросил я.

– Как! Очень просто. Дутов имеет шестьдесят личностей. В месяце тридцать дней, и он на каждый день имеет по две личности.

Это мне говорил сознательный рабочий, который пробыл два года на немецком фронте»[2445]. В народе о Дутове распространялись самые разные слухи. Например, что он, переодевшись мешочником, уехал на Дон или, переодевшись киргизом, ускакал в степь или даже, переодевшись угольщиком, шпионит в Оренбурге. Говорили, что атаман ослеп или же скрывается в Оренбурге в одежде монаха[2446]. Как сообщал в

1918 г. «Оренбургский казачий вестник», «имя атамана приобрело какой-то демонический облик и среди невежественных крестьян и рабочих рисовалось, как имя разбойника, «атамана», чуть не живьем поедающего людей»[2447]. Одновременно с этим в его образе была и комическая составляющая, обусловленная в первую очередь внешним обликом атамана, который был невысоким и полным человеком. Кстати, к самому себе Дутов тоже относился с заметной долей иронии[2448]. Кроме того, атаман считал себя фаталистом и даже говорил об этом окружающим[2449].

Стартовые условия карьеры Дутова как сына казачьего генерала и представителя войсковой элиты были благоприятными. Однако и сам будущий атаман зарекомендовал себя до 1917 г. хорошим, храбрым и амбициозным офицером. Академическая неудача больно ударила по его самолюбию. Он ушел в частную размеренную жизнь в провинциальном Оренбурге, отказался от карьеры. Однако в условиях катастрофы 1917 г. в нем возродилось стремление к самореализации. Он принял новые правила игры и сам стал активно играть по ним, уловил веяние времени, несмотря на то что в обстановке 1917 г. будущее выглядело весьма неопределенным.

Порожденный 1917 годом, он стал во многом типичным продуктом той эпохи и характерным казачьим политиком. Прежде всего, уже в 1917 г. перед нами предстал совершенно другой человек – карьерист, приспособленец, достаточно изощренный демагог и интриган. Фигура малопривлекательная. При этом Дутов не шел на поводу у толпы, не был ничьей марионеткой, что приписывали ему позднее некоторые недобросовестные авторы, а действовал так, как считал правильным. Он хитрил, старался уйти от ответственности, иногда вел двойную игру.

В атаманы Дутов попал, конечно, на волне своей петроградской популярности. Однако он превратился в казачьего вождя, в какой-то степени выразителя казачьих интересов. В годы Гражданской войны Дутову удалось повести за собой тысячи казаков. Почему это произошло? Явилось ли это следствием политики большевиков или же стало результатом неизбежного повышения роли личности в условиях Смуты, авторитета Дутова и его действий? Скорее всего, истина находится где-то посредине.

Являлся ли Дутов выразителем интересов огромной массы казачества? Или же, наоборот, действия самого атамана как сильной личности предопределили вовлечение казачества в Гражданскую войну, а без него серьезного сопротивления Советской власти оренбуржцами оказано бы не было? Думаю, ответ на этот вопрос у каждого свой.

Дутов любил комфорт и был тщеславен – все это, безусловно, отрицательные черты для вождя Гражданской войны. Вызывает недоумение количество именных частей, шефом которых он числился. В частности, при атамане на Южном Урале были сформированы Оренбургский стрелковый добровольческий полк имени атамана Дутова (в 5-й Оренбургской стрелковой дивизии)[2450], Атаманский дивизион и 16-й Карагайский генерала атамана Дутова казачий полк, который, кстати, несмотря на шефство, к сентябрю 1918 г. «обносился, оборвался, обезлошадился»[2451]. Имя Дутова носила и пехотная рота Оренбургского военного училища[2452]. Кстати, в знак уважения к оренбургскому атаману в Забайкалье в период Гражданской войны был сформирован 2-й конный атамана Дутова полк, вошедший в состав Маньчжурской атамана Семенова дивизии.

Разумеется, Дутов мог достичь значительно больших результатов, если бы не допустил в период своего управления Южным Уралом нескольких стратегических ошибок. Одной из основных ошибок Дутова и других вождей антибольшевистского сопротивления была значительная мягкость установленных ими режимов, хотя представители «революционной демократии» по традиции называли белых вождей диктаторами. Как отмечал один из видных деятелей антибольшевистского движения оренбургского казачества Г.В. Енборисов, «мне это примиренчество ужасно не нравилось. Дутов тоже на это был не тверд, очень уж он был «общественный», что к его погону и не шло»[2453].

Конечно, диктатором в полном смысле этого слова Дутов не был – в период Гражданской войны на территории России таковым являлся, наверное, только Ленин. Во-первых, власть Дутова, пусть во многом и формально, но все же была ограничена Войсковым Кругом, и за период Гражданской войны оренбургский атаман трижды проходил процедуру перевыборов на свой пост, причем все четыре Войсковых Круга, прошедших в этот период, выразили доверие и самому Дутову, и Войсковому правительству. Кстати, незаконные решения Дутова казаки иногда опротестовывали. Например, летом 1918 г. он единолично распорядился освободить свою родную Оренбургскую станицу от общеокружных повинностей. Чрезвычайный съезд 1-го военного округа посчитал такое решение незаконным и отменил его[2454].

Вызывает по меньшей мере усмешку утверждение, что «Дутов, проходя процедуру демократических выборов, был как глава правительства и наказной (! – *А. Г.*) атаман гораздо легитимнее, чем главы других Белых правительств»[2455].

Большевистское правительство было вовсе не легитимно и

тем не менее удержало власть. Легитимность же Дутова и других белых вождей никакого значения для победы в Гражданской войне не имела. К тому же, несмотря на Войсковой Круг, Дутов, по мнению генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова, все равно «делал что хотел»[2456].

Во-вторых, 1917 г. слишком сильно размыл все представления о рамках дозволенного, и любое, даже незначительное стремление власти к наведению порядка после поворотных событий того рокового для России года воспринималось распустившимся населением как ущемление его прав. Как и в 1905 г., население в 1917 г. восприняло свободу как освобождение от каких бы то ни было обязанностей в отношении государства. Старые методы управления в такой ситуации уже не годились – население не подчинялось. Воспринималась только сила. Между тем нет никаких данных о развязывании Дутовым кровавого террора на Урале, что пытались, а иногда пытаются и по сей день инкриминировать ему некоторые историки. На основе многолетнего изучения истории России конца XIX – первой четверти XX в., включая период Гражданской войны, не могу не прийти к, быть может, жестокому, но основанному на документальных данных выводу о том, что белым для победы в Гражданской войне необходимо было подвергнуть население подконтрольных им территорий геноциду, как поступали на своей территории красные. На такой шаг белые, разумеется, ни при каких обстоятельствах пойти не могли.

Впрочем, для полной победы над большевиками жестко и даже жестоко должны были бы действовать все антибольшевистские лидеры, а не один только Дутов. Однако приходится признать, что вожди Белого движения, в отличие от их противника, так и не поняли всей сложности стоявшей перед ними задачи, не осознали необходимости бросить все и не останавливаться перед самыми жесткими мерами для достижения победы. Сколько бы ни говорили о белом терроре, очевидно, что белые вожди – люди, порожденные старым режимом, не могли представить себе тот масштаб насилия, который был необходим в 1917–1922 гг. для достижения победы над врагом. Такое представление, однако, имелось у закаленных годами нелегальной борьбы большевиков, которые ради захвата власти не остановились перед тем, чтобы залить всю страну кровью своих же соотечественников. Впрочем, их методы воздействия не сводились к одному лишь террору, составляя довольно жестокую, но при этом эффективную систему управления. Не секрет, что большевистские лидеры сумели понять то, чего не сумели их оппоненты, военные профессионалы по другую линию фронта –

принципы ведения войны в новых условиях, сумели соединить войну и политику, о чем писал еще К. фон Клаузевиц и что не удалось белым. Именно создание массовой Красной армии под управлением квалифицированных офицеров старой армии, контролировавшихся комиссарами, а также выдвижение понятных и привлекательных для большинства населения лозунгов принесло большевикам победу (в течение 1919 г. средний ежемесячный прирост численности РККА составил 183 000 человек[2457], для сравнения – общая численность Вооруженных сил на Юге России к 5 октября 1919 г., в период максимальных успехов, достигала всего лишь 153 082 человек[2458], в РККА на ту же дату числилось уже 2,5 миллиона бойцов). Конечно, можно говорить о военно-географическом преимуществе красных, позволявшем им действовать по внутренним операционным линиям, о том, что мобилизационный ресурс подконтрольных белым областей был истощен, однако и у белых были свои преимущества, но эффективно воспользоваться ими они не сумели. В итоге организация победила импровизацию. Каждый решает для себя сам, на ком лежит большая ответственность за трагическую судьбу нашей родины в XX в. На белых ли, с их во многом интеллигентским отношением к Гражданской войне, или на красных, придерживавшихся принципа «цель оправдывает средства».

Помимо слишком мягкого, на мой взгляд, для Гражданской войны политического курса ошибочным следует считать и неумение Дутова расставить приоритеты и сосредоточиться на решении главной задачи – вооруженной борьбе с большевиками, отложив на время войны прочие вопросы, в частности проведение активной политики в области культуры. В результате этого открытые при нем для казаков школы и библиотеки после Гражданской войны остались, а казаков как таковых в них уже не было.

Наконец, Дутов, как свидетельствуют документы, в своих решениях далеко не всегда руководствовался общегосударственными задачами, ставя во главу угла местные, а порой и свои личные интересы. Конечно, он не был сепаратистом и не мыслил себя и казаков вне борьбы с большевиками, чему в значительной степени способствовало нахождение войска в 1917–1919 гг. в прифронтовой полосе и масштабное восстание казаков «снизу» весной 1918 г. В такой ситуации потенциальный отказ атамана от активной борьбы с красными был бы равносилен потере им власти. На это Дутов пойти не мог. В то же время нет никакой гарантии, что, окажись он на месте любого из дальневосточных «батек», он бы не занял ту сепаратистскую

позицию, какой придерживались прояпонски настроенные Г.М. Семенов и И.П. Калмыков[2459], не выставившие на Восточный фронт ни одной части. Фактически следует признать правоту оценки Дутова как автономиста. К слову сказать, в феврале 1919 г. 3-й очередной Войсковой Круг утвердил текст присяги оренбургского казака. Казаки должны были присягать не только государству и Верховному Правителю, но также Войсковому Кругу и его избранникам – то есть выборной местной власти[2460].

С.А. Щепихин отмечал, что Дутов, Семенов и другие атаманы «очень энергично, по-своему весьма добросовестно и, быть может, иногда бескорыстно ведут борьбу с большевиками, но как. Везде только свой интерес, своя грань, свои станичники, а до остального никакого дела»[2461]. И действительно, в 1918 г. Дутов оказал незначительную военную помощь Комучу и своим соседям-уральцам, направив на их фронты лишь по одному полку (2-й и 13-й Оренбургские казачьи полки соответственно). Кстати, решение об отправке 2-го полка в Самару было принято на Круге объединенных станиц Оренбургского казачьего войска еще до возвращения Дутова из Тургайского похода[2462], атаману же оставалось только согласиться с ранее принятым решением. В то же время атаман пытался сполна воспользоваться как этим фактом, так и произошедшей помимо его воли передачей значительного количества оренбургских казачьих частей на другие фронты (с конца 1918 – начала 1919 г. – в составе Западной и Сибирской армий). Едва ли сам Дутов, если бы решение данного вопроса зависело от него, передал бы эти части своим регулярным соседям. Более того, он неоднократно пытался вернуть их в войско или хотя бы подчинить себе.

Так, 5 октября 1918 г. он провел через Войсковой Круг решение о подчинении себе всех оренбургских казачьих частей, якобы «для общего руководства и избежания замедлений помощи Самаре»[2463]. В феврале 1919 г. Дутов добивался возвращения в войско двух бригад с Уфимского фронта и замены их казаками 45-летнего возраста[2464]. Между тем оренбургские конные части и соединения были весьма востребованы на других фронтах и успешно себя там проявили (лучше, чем на территории самого войска). А кроме того, уфимское направление должно было стать главным в предстоявшем весеннем наступлении, и перевод на него бойцов второго, а подчас и третьего сорта, какими были 45-летние казаки, должен был сказаться на боеспособности казачьих соединений и уж тем более на темпах их движения, которые при наступлении были весьма важны. Стремление Дутова вернуть казаков в войско легко объяснимо – лишаясь бригад и дивизий, Оренбургское войско ничего не получало взамен и,

следовательно, снижалась его боевая мощь. Особенно это было ощутимо при отступлении от Оренбурга в январе – феврале 1919 г. Кроме того, сами казаки, оказавшиеся вне подчинения своего оренбургского командования, часто стремились вернуться в войско или не желали признавать никого, кроме Дутова. Например, устроивший в одном из уфимских кафе в мае 1919 г. пьяный дебош прапорщик 18-го Оренбургского казачьего полка П.А. Никольский, не желая подчиняться пытавшимся его утихомирить офицерам, заявил, что он «служит в войсках Дутова, какового только одного и признает, а до остального ему нет дела»[2465].

Близко знавший Дутова С.А. Щепихин отмечал: «У Дутова с Толстовым[2466] не было теплых отношений, как то должно было бы предполагаться у двух соседей братьев-казаков. Да и с кем из соседей дружил Дутов: каждого он стремился, выражаясь грубо, по-казацки «облапошить». Ничего не давая на борьбу с большевиками «Комучу», он ни пальцем не шевельнул, чтобы помочь Уральцам: сунув и той и другой стороне по одному полку, сомнительной стойкости, так сказать для представительства, Дутов с эпическим спокойствием взирал, как большевики колотят сначала на Волге, а затем по Уральску. Ему не дано было понимания общности дела, он не усваивал жизненной необходимости помочь соседу, хотя бы в собственных интересах: разбив соседей, враг навалится и на него»[2467].

Адмирал Колчак, пришедший к власти при активной помощи казачества, в итоге так и не решился поставить на место многочисленных казачьих атаманов. К тому же Дутов в Омске считался одним из наиболее преданных верховной власти атаманов. Тем не менее в условиях тотальной войны требовался жесткий контроль и за ним. Разумеется, последствия конфликта с влиятельным оренбургским атаманом могли быть непредсказуемыми. Однако я склоняюсь к тому, что даже в случае жесткого дисциплинарного воздействия Омска на Дутова последний не пошел бы на серьезное обострение отношений с Колчаком. Только в этом случае было возможно рациональное распределение пехоты и конницы по всему Восточному фронту (оренбургские казаки представляли собой наиболее многочисленную часть колчаковской конницы). Только централизованное управление могло привести белых к победе, однако казачьи регионы так и остались автономными, а казачьи атаманы продолжили проводить собственную политическую линию.

Тем не менее следует считаться с фактами, которые свидетельствуют о значительном вкладе Дутова и всего

оренбургского казачества в антибольшевистское движение. Атамана, таким образом, можно поставить в один ряд с вождями Белого движения в общегосударственном масштабе (к слову сказать, и Деникина, и Колчака также можно заподозрить в пренебрежении общегосударственной задачей соединения Южного и Восточного фронтов белых в пользу честолюбивых замыслов приоритета того или иного фронта в занятии Москвы), однако при этом надо учитывать вышеупомянутые особенности его политики.

На самом деле действия Дутова и многих других белых вождей, атаманов и военачальников подпадают под единую схему. На Белом Востоке практически не было ни одного начальника дивизии, командира корпуса, командующего армией (например, Р. Гайда, А.Н. Пепеляев, А.И. Дутов), не говоря уже об атаманах, которые бы в условиях Гражданской войны не совершали антидисциплинарных поступков. Старшие начальники подавали дурной пример всем остальным. Абсолютного значения приказа не существовало. Не берусь судить в целом о других белых фронтах, но вполне допускаю аналогичную ситуацию. Я уже писал об общей распущенности населения после 1917 г. Коснулась она в значительной степени и офицерского корпуса. По сути, любой сколько-нибудь значимый воинский начальник в новых условиях являлся своеобразным атаманом для своих подчиненных. Интересы своей части, отряда, дивизии, корпуса, армии, войска ставились выше приказов сверху, которые исполнялись лишь по мере необходимости. Такой «атаман» для своих подчиненных был и царь и бог. За ним они готовы были пойти куда угодно. Как отмечал современник, «в условиях гражданской войны нет «устойчивости частей», а все зиждется лишь на «устойчивости отдельных вожаков»[2468].

Воинская дисциплина же в ее правильном понимании, равно как и взаимодействие отсутствовали как таковые. Об этом, как мне представляется, совершенно справедливо писал генерал Щепихин[2469] Совершенно иначе дисциплина была поставлена у красных. Возлагая вину за революцию, Гражданскую войну и последующий эксперимент над народом на большевиков, мы не должны забывать о том, что проигравшая Гражданскую войну сторона в не меньшей, а может быть, даже и в большей степени ответственна за все последствия этого. Если мы решим для себя этот вопрос – мы станем лучше разбираться в самих себе.

Я начал свое повествование о Дутове с того, что его имя и весь жизненный путь неразрывно связаны с казачеством. Заканчивая, сделаю некоторые обобщения касательно участия казачества в революции и Гражданской войне.

Февраль 1917 г. казачество приняло с огромным энтузиазмом, надеясь реализовать собственную программу, ярко проявившуюся еще в период первой русской революции, – избавиться от максимального количества обязанностей, сохранив при этом все прежние привилегии. О том, что этот подход шел вразрез с государственными интересами России да и с совестью, мало кто из казаков задумывался.

Как особое сословие, имевшее в своей основе здоровое государственное начало, казачество, конечно, не могло оставаться в стороне от активного участия в Белом движении. Не будет преувеличением сказать, что без казачества как базы не было бы и Белого движения. Не случайно первыми очагами антибольшевистского сопротивления еще осенью 1917 г. стали земли Донского, Кубанского, Оренбургского и Забайкальского казачьих войск. Это произошло исключительно благодаря антибольшевистской позиции войсковой элиты – офицерского корпуса, сохранившего свой кадровый состав, а также казаков-стариков. Но основная масса молодых казаков, возвращавшихся с фронтов Первой мировой войны, не хотела даже слышать о возможности вооруженной борьбы с самопровозглашенной властью, заняла выжидательную и даже пробольшевистскую позицию, оставив своих атаманов практически одних в борьбе с захватившими власть большевиками.

В результате большевикам зимой 1918 г. удалось взять казачьи земли под свой контроль. Начинается ущемление прав казачества, разворачивается беспощадный террор против не желающих подчиняться. Такой подход к военизированному и привилегированному сословию приводит к масштабным восстаниям, а затем, как правило при помощи внешних сил (чехословаков, добровольцев), к освобождению казачьих войск от красных и восстановлению прежнего порядка управления.

Антинаучным следует считать заявление канадского историка Н. Перейры о том, что якобы примыкание казаков к белым способствовало дискредитации последних из-за ассоциации казачества в крестьянском населении с исполнителями полицейских функций при старом режиме[2470]. Как известно, на стороне большевиков выступили самые разнородные элементы, в том числе маргинализированные и откровенно уголовные – большую степень дискредитации трудно себе представить. Тем не менее все это не лишило красных победы в Гражданской войне.

После освобождения казачьих территорий на них создаются уже близкие к регулярным казачьи вооруженные формирования, однако и сами казаки, и выразители их позиции атаманы в новых

условиях преследуют свои собственные цели, далеко не всегда совпадающие с государственными задачами антибольшевистской России. В наибольшей степени негативные последствия этого, вылившиеся в сепаратизм и атаманщину, проявились на неподконтрольных белому центру окраинах – Дальнем Востоке, Семиречье, Кубани. В меньшей степени это было присуще остальным казачьим войскам.

Разумеется, какой-то костяк казаков являлся непримиримым по отношению к красным (по моим расчетам, в Оренбургском войске – не более 30 % воюющих). Настроенные таким образом непримиримые активно участвовали в антибольшевистском сопротивлении на всех его этапах, героически боролись и в конце концов были вынуждены уйти в эмиграцию (для примерного выявления этой цифры по всем войскам необходимо установить численность казаков-эмигрантов мужского пола, оставшихся за пределами Советской России и не вернувшихся на родину в первые годы эмиграции). На долю этих людей выпали наибольшие тяготы и страдания. Выдающуюся роль в борьбе с большевиками сыграл офицерский корпус казачьих войск, практически все представители которого приняли участие в Гражданской войне на стороне белых и своим примером способствовали притоку в белый лагерь значительной массы рядовых казаков. В значительной степени это объясняется тем, что за годы Первой мировой войны казачество, в отличие от регулярной армии, смогло сохранить своих кадровых офицеров. Отмечу, что в годы Гражданской войны в рядах белых армий находилось подавляющее большинство лиц войскового сословия. Нельзя отрицать и такое явление, как красное казачество, но оно являлось крайне немногочисленным, и основу его, по утверждению одного из современных исследователей истории казачества, составляли добровольно расказачившиеся деклассированные элементы[2471].

На начальном этапе гражданского противостояния (1918 г.), когда белые армии находились в стадии зарождения, казачество сыграло колоссальную роль, дав белым значительное преимущество, особенно в подготовленной стратегической коннице, наличие которой в условиях маневренной войны было трудно переоценить. В белых армиях юга России процент казаков был очень высоким (61 % боевого состава Вооруженных сил на Юге России, по данным к 5 января 1920 г.[2472], 65 % личного состава знаменитых «цветных» полков в начале 1919 г.[2473]).

Однако большинство казаков не относилось к числу непримиримых и было готово воевать только на территории своих войск, причем при наступлении, как и при отступлении, эти

люди всеми способами уклонялись от участия в вооруженной борьбе.

Таким образом, фактически казачество в период Гражданской войны не доросло до четкого понимания общегосударственных задач и значения борьбы с большевиками, за что сполна поплатилось как в ходе самой войны, так и в дальнейшем. В среде рядового казачества активное нежелание драться «за мужичьи выгоды» вызывало пробольшевистское настроение крестьянства соседних губерний и областей, а также связанную с этим боязнь за свои семьи, оставшиеся в станицах. Судя по всему, казачьи войска также не имели руководителей, способных справиться с казачьей массой и жестко подчинить ее своей воле. Не смогли этого осуществить и белые вожди, что, видимо, следует считать одной из основных причин поражения Белого движения. Между тем только при жесткой зависимости от центра и контроле казачество могло быть эффективным. Фактически же казачьи войска периода Гражданской войны являлись полунезависимыми автономными республиками, считавшимися с решениями центра лишь постольку, поскольку эти решения их устраивали.

В итоге в Гражданскую войну казачья альтернатива оказалась несостоятельной. Большинство казачьих атаманов этого периода – главных выразителей настроений казачьей массы – были фигурами малопривлекательными. Малопривлекательной была и позиция самого казачества. Не случайно многие мемуаристы отмечали, что в условиях ослабления контроля центра казаки превращались в деструктивную массу. В данном случае вполне уместно провести параллель с действиями казачества в Смуту XVII в.

Свою негативную роль сыграло и некоторое недоверие к казакам со стороны белого командования, которое так и не решилось сделать ставку на казачество и поддержать его необходимыми пополнениями и техникой в самый напряженный период борьбы. Казаки востока России (в первую очередь Уральского и Оренбургского казачьих войск, на долю которых и выпала здесь основная тяжесть вооруженной борьбы с красными) оказались фактически брошены и предоставлены самим себе. После незапланированного, как утверждают некоторые мемуаристы, отхода на Оренбург 2-й Сызранской стрелковой дивизии полковника А.С. Бакича при отступлении белых с Волги в октябре 1918 г. ни Юго-Западная, ни ее преемница Отдельная Оренбургская армии до мая 1919 г. не получили в свое распоряжение ни одной воинской части (пожалуй, кроме 42-го Троицкого стрелкового полка). Более того, из армии был изъят целый армейский корпус (того же А.С. Бакича), кадровая бригада,

казачий полк и авиационный отряд. Все это формировало в казачестве чувство одиночества в борьбе с превосходящим противником. Присутствие даже незначительных контингентов союзников или небольших частей других казачьих войск могло бы полностью изменить ситуацию, дав понять казакам, что они не одиноки в своей борьбе. К тому же при умелом использовании (в качестве армейской конницы, а не территориальных частей) казаки могли дать прекрасный боевой материал (и давали его[2474], но в меньшем количестве, чем могли бы).

Для оренбургских казаков Гражданская война была необычной и очень тяжелой. Они не были к ней подготовлены. Все было в новинку. Впервые казаки сражались как самостоятельная сила, создали свою армию, активно использовали пластунские части, впервые в войске появились казачий авиаотряд и собственная бронетехника. К бремени власти не были готовы ни Войсковое правительство, ни сам атаман Дутов (несмотря на его политический багаж 1917 г.), а ведь оно, как один из очагов сопротивления большевикам, до создания единой всероссийской власти осенью 1918 г. имело самостоятельное общегосударственное значение, и ответственность на плечи Дутова ложилась колоссальная.

Гражданская война обострила давние противоречия между казаками и крестьянами, казаками и их степными соседями. Оренбургские казаки (как и их соседи уральцы) были вынуждены сражаться на огромной территории практически отдельно от своих союзников по борьбе, не получая не только усиления пехотными частями (большинство казачьих частей были конными), но часто и необходимых запасов – по некоторым данным, Отдельная Оренбургская армия снабжалась Ставкой по остаточному принципу – после Сибирской и Западной армий. Несмотря на изначально неблагоприятные условия, в Оренбургском казачьем войске отсутствовали такие негативные для Белого движения явления, порожденные революцией и Гражданской войной, как казачий сепаратизм и «атаманщина». Атаман Дутов был политической фигурой общероссийского масштаба и не представлял себе казачество вне борьбы с большевиками и вне России. Как писал Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин, «Войсковые Правительства Казачьих Войск отнюдь не покушались на русскую государственность и не мыслили себя вне Великой России, за воссоздание которой казаки боролись в первых рядах. К сожалению, боролись не общим фронтом, а порознь: каждое Войско само по себе»[2475].

Нельзя согласиться с тезисом о том, что казачество, в том

числе оренбургское, не пошло в армии Дутова и Колчака. По мнению Е.В. Волкова и Л.И. Футорянского, оренбургское казачество потенциально могло выставить против красных до 70 000 бойцов от 18 до 48 лет, однако на практике выставило в несколько раз меньше – не более 35 000 человек, или 6 % населения войска[2476]. При этом Л.И. Футорянский пишет, что в Первую мировую войну Оренбургское казачье войско выставило 31,6 тысячи бойцов[2477].

Отмечу, что, по данным крупного военного теоретика Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, мобилизационное напряжение России в годы Первой мировой войны составило 9,3 % населения, или около 15,5 миллиона человек[2478]. По его мнению, Россия в сравнении с Западной Европой была более чувствительна к любому отвлечению рабочих рук и значительно менее способна к напряжению людьми. При этом мобилизационное напряжение было полным – призваны были даже ратники ополчения 2-го разряда. Остальное военнообязанное население из общего количества в 26 миллионов мужчин от 18 до 43 лет либо было на оккупированной территории, либо негодно к военной службе (около 5 миллионов человек), либо не могло быть мобилизовано, т. к. работало на оборону в тылу.

По моим подсчетам, в годы Первой мировой войны Оренбургское казачье войско выставило не менее 35 000 человек, включая офицеров (не менее 722 человек), строевых и нестроевых нижних чинов, потери войска составили около 80 офицеров и 1493 нижних чинов убитыми и пропавшими без вести[2479]. Это означало, что с войны живыми вернулись почти все, что немаловажно для понимания событий Гражданской войны. За вычетом потерь к началу Гражданской войны в войске должно было находиться около 33,5 тысячи фронтовиков.

Какова же была численность оренбургских казаков в антибольшевистских вооруженных формированиях? Как уже говорилось, Оренбургскому войску в 1919 г. было выделено в общей сложности 30 миллионов рублей на пособия из расчета в 33 000 конных и 12 000 пеших казаков[2480]. Следует исходить из того, что это максимально возможная и явно завышенная цифра мобилизованных (45 000 человек).

Документально известно, что для борьбы с большевиками Войсковым правительством были мобилизованы практически все казаки, способные носить оружие. По некоторым данным, против красных сражалось казаков больше, чем было мобилизовано в годы Первой мировой войны (по словам явно преувеличивавшего Дутова – втрое больше[2481]). В годы Гражданской войны только в

1-м военном округе были мобилизованы казаки 36 возрастов (от 19 до 55 лет), в остальных округах – 27 возрастов, а гражданское население привлекалось к тыловым работам (по другим данным, примерно половина станиц выставила с 1 октября 1918 г. казаков до 55 лет, а остальные – от 18 до 45 лет[2482]). 5 октября 1918 г. был издан приказ по войску о мобилизации казаков 1873–1898 гг. рождения (т. е. с 20 до 45 лет) и о призыве из числа мобилизованных казаков 1883–1898 гг. рождения во 2-м и 3-м округах (неподконтрольных Дутову)[2483]. В общей сложности, по данным Дутова, оренбуржцы выставили 42 конных, 4 пластунских полка и 16 батарей[2484]. Весной 1919 г. в связи с полевыми работами от службы были освобождены казаки от 40 лет и старше, был издан приказ о прощении дезертиров с возвращением их в части, причем обе эти меры, по мнению командира II Оренбургского казачьего корпуса Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина, были ошибочными и порождали внутренние противоречия в войсках[2485]. К концу августа на военной службе состояли казаки 23 возрастов (с 1921 по 1899 г. призыва включительно (т. е. 1878–1900 гг. рождения)[2486].

Необходимо отметить, что в годы Гражданской войны численность оренбургских казаков, сражавшихся на стороне белых, в разные периоды довольно сильно различалась. В середине января 1918 г. во время боев за Оренбург у Дутова было не более 2000 человек[2487]. В Тургайский поход в апреле 1918 г. с ним ушло только 240 соратников[2488]. На территории 1-го военного округа тогда же развернулось масштабное повстанческое движение, в которое было вовлечено около 7000 казаков. Во 2-м и 3-м военных округах восстало также около 7000 казаков, причем войсковой старшина М.И. Замятин, руководивший восстанием в этом районе, в начале июля 1918 г. утверждал, что сверх этой цифры мобилизовано еще 15 000 казаков, однако для них нет оружия[2489]. По более точным данным, во 2-м и 3-м военных округах вне подчинения Дутову на 11 июля 1918 г. действовали 137 офицеров и 8361 казак[2490]. К 15 июля в распоряжении Дутова был 141 офицер и 10 904 казака[2491]. На 23 августа 1918 г. в подчинении Дутова, включая и башкирские части, находилось 327 офицеров, 9500 шашек и 2200 штыков. Всего – 12 027 человек[2492]. Наибольшая цифра реально выступивших против красных оренбургских казаков приведена в приказе по военному ведомству Временного Сибирского правительства № 15 за август 1918 г. – 36 632 казака[2493]. Скорее всего, в этом случае допущено преувеличение. Сам Дутов, обращаясь к адмиралу Колчаку в мае 1919 г., утверждал, что

якобы под ружьем находится 60 000 оренбуржцев[2494].

По данным на 21 сентября 1918 г., на фронтах Оренбургского военного округа числилось 609 офицеров, 7058 шашек, 2555 штыков[2495]. К 15 октября 1918 г. в Оренбургском войске было мобилизовано 549 офицеров, 99 чиновников и врачей и 24 559 нижних чинов[2496]. Всего – 25 108 офицеров и казаков без учета чиновников и врачей. Это не так уж и мало. На 29 октября 1918 г. в не подчинявшемся Дутову III Уральском Отдельном корпусе насчитывалось 10 362 казака (из 2-го и 3-го военных округов)[2497]. В этом же корпусе на 10 декабря 1918 г. насчитывалось уже 13 426 казаков[2498].

В Юго-Западной армии, в которую были включены как Оренбургское, так и Уральское казачьи войска, а также армейские (не казачьи) части, в конце декабря 1918 г. состояло не менее 13 537 казаков-оренбуржцев (при общей численности армии в 33,5 тысячи человек)[2499], к 18 января 1919 г. в армии насчитывалось уже не менее 15 144 казаков-оренбуржцев[2500]. В Южной армии, образованной 23 мая 1919 г. из частей Отдельной Оренбургской армии, Оренбургского военного округа на театре военных действий и Южной группы Западной армии, по данным на 23 июня 1919 г., числилось не менее 14 338 оренбургских казаков[2501]. В других армиях белого Восточного фронта на то же число состояло по меньшей мере 2258 оренбуржцев[2502]. Таким образом, к 23 июня 1919 г. в войсках адмирала А.В. Колчака находилось свыше 16 596 оренбургских казаков. Кроме того, на выполнение транспортной повинности было мобилизовано, по данным на конец февраля 1919 г., 3456 казаков[2503]. В войсках Московской группы армий на 1 октября 1919 г. (т. е. уже после оставления территории Оренбургского казачьего войска) находилось 205 оренбургских казачьих офицеров и генералов, 7112 казаков и 50 добровольцев[2504].

В сентябре 1918 г. комиссия по народному образованию 3-го чрезвычайного Войскового Круга постановила освободить от мобилизации всех учителей и библиотекарей казачьего сословия (кроме офицеров)[2505]. 16 февраля 1919 г. 3-м очередным Войсковым Кругом были внесены изменения во Временное положение о службе казаков области войска Оренбургского, по которому казаки, достигшие 20 лет, зачислялись на военную службу сроком на 2 года, в военное время допускался призыв всех боеспособных казаков с 18 лет[2506]. Разрешения на увольнение от службы в военное время давало Войсковое правительство. При необходимости охранять войсковую территорию льготы по семейному и имущественному положению отменялись (уже 14 июня 1919 г. тот же Круг ввиду «крайне критического и

безвыходного положения в семьях призванных» ходатайствовал перед командующими армиями о разрешении отпусков и льгот[2507]). Далее следовал длинный список освобожденных от мобилизации, в который были включены все чины войсковой и гражданской милиции, служащие в войске, станичные атаманы (кроме офицеров), поселковые и станичные писаря (в период с октября 1918 г. по февраль 1919 г. освобождались в полном составе станичные и поселковые правления; казаки, бежавшие из плена, имели годовую льготу[2508]), станичные медицинские и ветеринарные фельдшеры, священники, дьяконы, муллы, старообрядческие наставники, станичные и поселковые учителя, имеющие звание министерского учителя (кроме офицеров), все мусульманские учителя, служащие только в казачьих школах, все служащие войсковых учреждений и рабочие мастерских, обслуживающих войско[2509].

Подводя итог подсчетам, можно сказать, что в Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Южной армиях, являвшихся преемницами друг друга, в разные периоды числилось 12–15 тысяч оренбургских казаков (в основном из 1-го военного округа). Вне этих армий постоянно действовало еще примерно от 7 до 13 000 оренбуржцев (в основном из 2-го, 3-го и 4-го военных округов). Таким образом, всего Оренбургское казачье войско в годы Гражданской войны поставило под ружье до 28 тысяч офицеров и казаков. Данная цифра на 5,5 тысячи человек меньше численности казаков-фронтовиков, оставшихся в строю к 1917 г. Речь идет только о боевом составе, исключая тыловые службы и штабы, в которых также служило значительное количество казаков и о численности которых пока нет обобщенных данных. Если говорить в целом, войско выставило то количество казаков, которое выставляло и прежде в военное время.

Конечно, можно не остановиться на этом и задаться вопросом, куда же подевались упомянутые 5,5 тысячи человек и почему невозможно было мобилизовать вместо 28 тысяч человек все 70 000, о которых пишут некоторые авторы?! Постараюсь дать ответ на этот немаловажный и весьма сложный вопрос. На 1 января 1908 г. казачье население мужского пола в войске составляло 229 461 человека. Распределялось оно в 1908 г. следующим образом (справа для наглядности приведен возраст этих же казаков через 10 лет – в 1918 г.)[2510] (см. табл. 13).

Таблица 13

Возрастная группа на 01.01.1908 (лет)	Число казаков на 01.01.1908	Возрастная группа на 01.01.1918 (лет)
до 7	49 950	до 17
7—14	36 887	17—24
14—17	17 301	24—27
17—18	5358	27—28
18—21	10 923	28—31
21—38	49 078	31—48
38—60	41 995	48—70
60—65	9624	70—75
старше 65	8345	старше 75

Жирным шрифтом выделены те возраста, которые должны были подлежать призыву в 1918–1919 гг. Всего, по данным на 1 января 1908 г., таких казаков было 119 547 человек. Разумеется, к 1918 г. эта цифра за счет естественной убыли должна была быть значительно меньше. К слову сказать, разница доходила порой до поразительной цифры в 68 %. Например, в поселке Кременкульском в 1898 г. родилось 32 мальчика, однако на 24 августа 1918 г. было зарегистрировано только 10[2511]. Какова судьба остальных – умерли ли они, были ли мобилизованы или просто скрывались – не известно.

Итак, по данным на 1 января 1908 г., в служилом составе войска (18–38 лет) числилось 18,6 % мужского населения, т. е. 42 680 человек[2512]. По сведениям челябинского историка М.Д. Машина, к 1 января 1916 г. в войске числилось 758 офицеров и 55 356 казаков в возрасте от 20 до 38 лет, причем из этого числа неспособными к военной службе являлись 14 035 казаков. Таким образом, за вычетом неспособных, в общей сложности войско в 1916 г. гипотетически могло поставить под ружье 41 321 казака, что составляло 15,6 % мужского казачьего населения. Дополнительно могли быть призваны 10 младших возрастов войскового ополчения, численность которых составляла 20 304 человека[2513]. В итоге при полном напряжении войско могло выставить не более 61,5 тысячи бойцов.

Почему же ни белым, ни императорскому правительству не удалось поставить под ружье еще по меньшей мере 30 000 казаков?! Думаю, ответ на этот вопрос следующий. По статистике – 20–24 % казаков (около 12 000 человек), подлежавших призыву, были негодными к военной службе и освобождались от нее, существовала необходимость в охране станиц и постоянном нахождении в них некоторого количества казаков (охрана арестованных, денежного ящика и т. п., а также, вероятно, на случай угрозы со стороны иногороднего населения и степняков,

опасения на счет которых были присущи казакам на генетическом уровне даже многие годы спустя после ликвидации киргизской угрозы; в годы Гражданской войны еще и служба летучей почты). В 1914–1917 гг. многие семьи лишились кормильцев и их сыновья или братья должны были оставаться в станицах при семьях (как единственные сыновья или единственные работники). Наконец, в Первую мировую не было потребности в таком количестве конницы.

К 1918 г. ситуация усугубилась. В ходе Первой мировой войны казаки помимо безвозвратных понесли и небезвозвратные потери (инвалиды, раненые, контуженые, военнопленные – всего не менее 3823 человек[2514]), нет статистических данных о потерях войска непосредственно в ходе кампании 1917 г., по всей видимости, значительными были потери войска в ходе Гражданской войны (боевые потери, террор, эпидемии). Часть казаков перешла на сторону красных (по некоторым данным, около 2000 человек[2515]), а кроме того, многие фронтовики просто не желали больше воевать ни у белых, ни у красных. Призванные же в связи с территориальным характером комплектования частей всегда имели сильный соблазн разойтись по домам.

Значительно хуже в годы Гражданской войны обстояло дело с наличием конского запаса, истощившегося уже в 1914–1917 гг., сложнее, чем до 1918 г., было обеспечивать войска оружием, боеприпасами, амуницией, продовольствием и фуражом, выплачивать огромной массе мобилизованных жалованье и пособия по выходу на службу, а также обеспечивать оставшиеся без работников семьи. Нельзя забывать и о том, что в 1918–1919 гг. по территории войска почти все время проходила линия фронта и часть казаков неизбежно оказывалась под властью красных. Все эти причины и обусловили невозможность тотальной мобилизации оренбургского казачества.

При этом многие мемуаристы достаточно правдиво, на мой взгляд, описывают опустевшие в результате мобилизации станицы войска. В частности, полковник М.Ф. Воротовов вспоминал о событиях лета 1919 г.: «Грустно, Боже! Как грустно было проходить по опустевшим родным станицам. Казаки все были в частях. Старики все ушли в пластуны… Проходили по станицам, и только одни женщины плачем провожали нас и в последний раз не знали как угостить и накормить…»[2516]

В качестве курьеза можно отметить, что даже женщины и старики стремились принять участие в вооруженной борьбе с большевиками. Например, в команду фельдъегерей был зачислен 70-летний вахмистр станицы Верхнеозерной Х. Корабельщиков[2517]. В годы Гражданской войны отличилась

казачка станицы Нижнеозерной М. Пастухова – участница защиты Зимнего дворца в составе женского ударного батальона. Она пробралась в войско с оружием и наравне с мужчинами приняла участие в сопротивлении красным. Добровольно поступила в 1-й Оренбургский казачий запасный полк, окончила учебную команду, приняла участие во всех боях с 24 декабря 1917 г. по 17 января 1918 г., состояла в партизанском отряде Дутова, затем есаула М.Ф. Шеина, в 29-м Оренбургском казачьем полку. Воевала под Стерлитамаком и Уфой, была ранена. Участвовала в рейде в тыл красным, за боевые отличия произведена во все чины до чина подхорунжего включительно. Перенесла сыпной тиф и, еще не до конца оправившись, вернулась в строй, награждена серебряной медалью президента Французской республики[2518].

В годы Гражданской войны войско дало на фронт немногим меньше людей, чем в годы Первой мировой, что уже говорит об успешности мобилизации. Разница никак не может быть отнесена исключительно на счет нежелания оренбуржцев бороться с большевиками, ведь именно Оренбургское казачье войско стало костяком наиболее мощных казачьих, если их так можно назвать, армий востока России – Юго-Западной и Отдельной Оренбургской. Только уральские казаки, помимо оренбуржцев, смогли также создать свою собственную армию, которая, однако, не играла той роли, какую играли Юго-Западная и Отдельная Оренбургская армии. Выставить же вдвое больше людей, по всей видимости, было невозможно – такая мера поставила бы войско на край гибели в хозяйственно-экономическом отношении. Один из руководителей антибольшевистского движения оренбургского казачества Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин писал, находясь в эмиграции: «Обращаясь к недавнему прошлому и учитывая все, что было сделано Оренбургскими казаками в борьбе с красным интернационалом, каждый из нас со спокойной совестью скажет: Оренбургское Войско долг свой перед Россией и казачеством выполнило»[2519]. По свидетельству противника, оренбургские и уральские казачьи части были серьезным подспорьем для белых[2520].

Боевые действия на территории Южного Урала в 1917–1919 гг. носили маневренный характер, важнейшими узлами сопротивления являлись города. В связи с обширностью и малонаселенностью территории, а также незначительным количеством войск и красных и белых, растворявшихся в этом пространстве, бои шли в основном за контроль над населенными пунктами, позволявший обеспечить войска жильем и питанием и часто предопределявший благожелательное отношение населения близлежащих территорий к той или иной из воюющих сторон.

Кроме того, как правило, в течение всего периода Гражданской войны в этом регионе боевые действия были прочно привязаны к железным дорогам. Бои велись также за контроль над шоссейными и иными коммуникациями.

Сплошная линия фронта, повсеместно занятая войсками, отсутствовала в связи со сложностью ведения боевых действий вне дорог, огромным пространством театра военных действий и малочисленностью сил противоборствующих сторон, борьба носила очаговый характер. Отсутствие сплошных фронтов приводило к возможности масштабных прорывов и обходов. Эти же факторы предопределили невозможность массирования здесь конницы – белому командованию просто нечем было бы заменить в таком случае отведенные в резерв или сосредоточенные в каком-либо одном пункте казачьи части. Войска были нечувствительны к потере тылов, т. к. все необходимое возили с собой. Причиной тому были перебои со снабжением и, собственно говоря, отсутствие налаженного тыла. Подобная практика добавляла значимости контролю над населенными пунктами, приравнивавшемуся к войне за теплые квартиры.

Действовать в пешем строю казаки не любили. При спешивании боевой состав уменьшался, а казаки постоянно беспокоились за своих лошадей, оставшихся в тылу с коноводами. Первым желанием спешившихся в том случае, если бой принимал характер упорного, было убежать назад к лошадям и ускакать в глубокий тыл. В этой связи белое командование предлагало отводить лошадей как можно дальше от передовой во избежание возможного соблазна оставить позиции[2521]. Суровая уральская зима накладывала свои особенности на характер боевых действий в регионе. Из снега сооружались окопы и шалаши, внутри которых укладывались кошмы и одеяла, укреплялись населенные пункты, а в связи с невозможностью движения вне дорог опорные пункты сооружались прямо на путях сообщения. Зимой пулеметы устанавливались на санях, что позволяло их применять в маневренном бою. На передовой находились слабые заслоны, осуществлявшие наблюдение, основная масса войск располагалась в населенных пунктах в резерве. При этом из-за быстрой смены событий руководство войсками было затруднено. По этой причине начальники, даже крупные, должны были лично участвовать в боях. Наступавшие войска численно увеличивались, отступавшие – уменьшались. «Остановка [–] это гибель в гражданской войне», – писал генерал Щепихин[2522].

Если говорить о казачьих военачальниках, то необходимо признать, что Гражданская война выдвинула мало талантливых командиров. Сам атаман А.И. Дутов был скорее политиком и

организатором, чем военачальником. Можно отметить полководческое искусство Генштаба генерал-майора И.Г. Акулинина, генерал-майора Р.П. Степанова, Генштаба полковника Ф.Е. Махина (все трое – кадровые офицеры), некоторых других офицеров, однако большинство не проявило качеств кавалерийских начальников.

Гражданская война по сравнению с Первой мировой потребовала от казачества существенно больших жертв, о которых до сих пор нет точных статистических данных. Масштабы потерь ужасают. К примеру, донская станица Нагавская (2-й Донской округ) за период Первой мировой войны потеряла 6 человек убитыми и 30 ранеными, тогда как в Гражданскую войну – 270 человек убитыми и 80 % мужского населения ранеными[2523].

Потери, которые понесло оренбургское казачество в этой борьбе, также были достаточно велики. Массовое участие казачества в антибольшевистском движении обусловило беспощадное отношение большевиков ко всему сословию, вершиной которого в законодательном плане стало печально известное циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., согласно которому планировалось «провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью», а также поголовное истребление богатых казаков[2524]. Так или иначе, против Советской власти боролось, а следовательно, подлежало уничтожению почти все войско. Более того, 5 июня 1919 г. на заседании оренбургского губкома РКП(б) обсуждался вопрос об уничтожении всех казаков «свыше 45 лет, не имеющих сыновей в Красной армии и не стоящих на стороне Советской власти», и большинство членов комитета высказалось за. Я не располагаю сведениями о применении этой меры на практике, но характерна сама постановка вопроса. Уже в 1919 г. большевики поняли бесперспективность политики беспощадного террора против казачества и взяли курс на его раскол. Однако многие казаки, несмотря на ухищрения большевистских идеологов, не отвернулись от белых до самого конца. По имеющимся отрывочным данным, только из станицы Донецкой в 1919 г. с Дутовым ушли 5 офицеров, 2 военных чиновника и 708 казаков, из Верхне-Павловской – 3 офицера и 131 казак, из Капитоновской – 130 казаков[2525].

За период Гражданской войны в Оренбургском казачьем войске было сожжено, разграблено и разрушено 16 станиц, уничтожено не менее 4110 дворов[2526]. Население Оренбургской губернии, значительную часть территории которой занимало Оренбургское казачье войско, с осени 1917 по весну 1923 г.

сократилось на 32,2 %, исчезли 27,1 % крестьянских и казачьих хозяйств[2527]. При отступлении на восток в районе Красноярска из-за подрыва моста в плен к красным попало Войсковое правительство вместе с войсковыми регалиями и казной. Судьба членов правительства, по имеющимся косвенным подтверждениям, скорее всего, сложилась трагически[2528], однако попытки выяснить хотя бы какие-то сведения на этот счет в красноярском краевом архиве и архиве УФСБ положительного результата не дали – люди как будто просто исчезли с лица земли. Трагически погиб Войсковой атаман А.И. Дутов. Уничтожена или эмигрировала казачья интеллигенция, офицерский корпус. В среднем потери сельского мужского населения Оренбургской губернии в 1917–1920 гг. составили 9,6 % (данные по Оренбургскому, Исаево-Дедовскому и Орскому уездам, оставшимся в 1920 г. в составе Оренбургской губернии), все сельское население губернии (опять-таки только в новых урезанных границах) сократилось в среднем примерно на 7,1 %[2529]. В абсолютных цифрах потери составили 47 788 человек, что, учитывая малочисленность армий периода Гражданской войны, действовавших в этом районе, отсутствие данных по всей губернии в границах до 1919 г. (не учтены Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды) и отсутствие данных по городскому населению, следует признать весьма внушительной цифрой.

Впрочем, худшее было еще впереди. Только в 1920–1922 гг., т. е. уже после окончания наиболее масштабных боевых действий, в основном в результате голода, население Оренбургской губернии сократилось на четверть, в Каширинском уезде (бывшем Исаево-Дедовском) убыль населения достигала 67,2 %, в Орском – 31,7 %[2530]. Демографические потери не были восполнены и ко второй половине 1920-х гг. Сама территория войска в административном отношении была разделена (с очевидной целью расколоть казачество) между Челябинской губернией (Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды) и Оренбургско-Тургайской губернией Киргизской республики (Казахстан) и остается раздробленной до наших дней.

Важной отличительной чертой Гражданской войны стали масштабные потери гражданского населения казачьих областей. Есть все основания утверждать, что в период 1917 – первой половины 1930-х гг. в Советской России осуществлялась целенаправленная политика геноцида казачества (расказачивание и раскулачивание), в результате которой оно перестало существовать. Причины такой политики большевиков очевидны – казачество являлось единственной в стране организованной и

многочисленной социальной группой, представители которой были настроены резко антибольшевистски, обладали боевым опытом, военной подготовкой и внутренней организацией. Впрочем, в ходе Гражданской войны большевики осознали невозможность подчинить казачество исключительно насильственным путем. Уже в апреле 1919 г. при освобождении белыми территории 1-го военного округа, занятого красными с января 1919 г., выяснилось, что большевики практически не расстреливали казаков, «особенных безобразий не чинили», в результате чего казаки стали более лояльны к красным и менее склонны к поддержке белых[2531]. Командир II Оренбургского казачьего корпуса Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин в рапорте командующему армией от 25 апреля 1919 г. прямо писал об отсутствии «особенно сердечного отношения со стороны «родных станичников» к казачьим частям»[2532]. Разочарование в борьбе коснулось и командного состава. К примеру, есть сведения, что состоявший в распоряжении Войскового штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Л.Н. Доможиров, выступая весной 1919 г. на станичном сходе в станице Кизильской, говорил казакам о бесцельности борьбы с красными[2533].

Несмотря на крайнюю остроту конфликта с властью большевиков и мужество многих казаков, проявленное в борьбе, казачество эту войну проиграло. Почему? Причин поражения немало. Условно выделим основные их группы: 1) военные и экономические; 2) политические и организационные; 3) социально-психологические. К военным и экономическим причинам можно отнести острую нехватку пехотных частей на казачьих фронтах, недостаток оружия и боеприпасов, средств связи и техники, нерегулярность снабжения армии, отсутствие развитой сети железных дорог в тылу, оборудованной тыловой базы и военной промышленности в войске, постоянное превосходство противника в силах и средствах и значительные размеры театра военных действий, не позволявшие сосредоточить в одном месте крупную конную массу для массированного удара или рейда в тыл красных. Свою негативную роль сыграли также ошибки некоторых казачьих генералов.

К числу основных политических и организационных причин поражения оренбургского казачества можно отнести: роспуск казаков старше 42 лет по домам в период весеннего наступления 1919 г., приказ о прощении дезертиров и возвращении их в свои части (впрочем, в этом отношении не все однозначно, т. к. существует точка зрения, что казачье дезертирство было в значительной степени вызвано беспокойством казаков за судьбу

своих семей на занятой красными территории), привлечение в части военнопленных, слабую борьбу против большевистской агитации в казачьих частях и выдвижение на руководящие должности почти исключительно казаков по происхождению, иногда вопреки профессиональной пригодности кандидата.

Среди социально-психологических причин – низкий уровень политической сознательности казаков, усталость от многолетней войны (некоторые казаки воевали с 1914 г.), противоречия с неказачьим населением, башкирами и киргизами, беспокойство казаков за свои семьи в станицах (неизбежное явление при милиционном комплектовании армии). К этим причинам можно добавить также относительную мягкость режима атамана Дутова по отношению к сторонникам большевиков и саботажникам из казачьей среды, а также стремление казаков активно бороться с большевиками лишь в войсковых пределах и т. д.

По мнению Генерального штаба полковника А.А. Зайцова, «казачество все же было тесно связано со своей территорией и отстаивание и ее и своих вольностей от покушений большевиков в глазах подавляющей массы казачества не было равносильно вооруженному походу на советский центр. Казачество было готово выделить часть своих сил для решения общерусских задач, но наряду с ними у него были и свои местные, казачьи задачи». Иными словами, казачество могло выделить лишь часть сил для общегосударственной борьбы против красных, а также предоставить свою территорию в качестве базы для развития Белого движения. В полной мере это справедливо по отношению к Оренбургскому казачьему войску. До создания массовой Красной армии такая особенность казачества давала белым неоспоримое преимущество перед их противником и стала одной из причин крупных успехов Белого движения в 1919 г. Однако отсутствие у белых аналогичного имевшемуся у красных репрессивного аппарата не позволило вождям Белого движения, несмотря на вышеуказанное преимущество, быстро сформировать массовые армии (при помощи террора) и в конечном итоге обрекло их на поражение.

С другой стороны, С.А. Щепихин отмечал, что никто из лидеров Белого движения не решился доверить судьбу этого движения казакам, сделав на них ставку. Возможной причиной этого был тот факт, что «что-то мешает казакам до глубины проникнуться идеей государственной, идеей общего порядка и поставить эту идею превыше всего, а главное над местными, узкими интересами»[2534].

Далее Щепихин добавляет: «Кто-то довольно метко выразился, что идея у казаков в их желудке. Это справедливо в

отношении всей массы русского народа»[2535]. Можно сказать, что казачество, как и остальное население России, стало жертвой собственной недальновидности.

По итогам Гражданской войны казачество как особая социальная группа было большевиками ликвидировано, лучшие его представители оказались уничтоженными или были вынуждены покинуть родину. Законодательным упразднением казачества стало в 1920 г. постановление ВЦИК, распространившее законоположения о землеустройстве и землепользовании РСФСР на казачьи земли. В том же году в казачьих областях были введены органы власти, предусмотренные Конституцией РСФСР. Одним из итогов гражданского противостояния и политики расказачивания стало полное духовное и физическое уничтожение в СССР и ассимиляция с неказачьим населением такой социальной группы, как оренбургское казачество. В 1920–1922 гг. казаки и крестьяне Оренбургской губернии попытались выступить еще раз с оружием в руках против большевистской власти и ее бесчеловечной продовольственной политики, однако было уже поздно – повстанческие выступления без поддержки регулярной армии, при отсутствии опытного командного состава и достаточного количества оружия были заведомо обречены на провал.

Тем не менее память о Дутове осталась. Не случайно спустя полтора года после окончания Гражданской войны на Южном Урале, в феврале 1921 г. чекисты из Илецкой Защиты с тревогой сообщали в Оренбург: «Понимание кр[асноармей]цев в защите трудящихся среднее, в настоящее время между массами кр[асноармей]цев много несознательных, кои настраивают кр[асноармей]цев на другую сторону, т. е. на сторону монархии. Политработа отсутствует за неимением политработников, школы грамоты тоже работают плохо, где бы нужно усилить политработу, и, говорят, почему-то не проводят бесед с кр[асноармей]цами и не устраивают больше школ безграмотных, где бы можно было понимать кр[асноармей]цу о защите трудящихся. Положение гарнизона и района. Настроение кр[асноармей]цев среднее, такое же настроение населения. В районе, проводя продовольственную политику, настроение населения обостренно (так в документе. – *А. Г.*), сообщается, что население района с наступлением весны ожидает восстания, но определенно сказать нельзя, пошли слухи, что якобы около города Ташкента появившийся Дутов и что весной придет выручать казачество. В таком смысле население ожидает весны и восстания с помощью Дутова. Политработа ведется слабо, в деревнях ячейки бездействуют»[2536]. Эта сводка весьма впечатляет.

Не исключено, что слухи о выступлении Дутова связаны с той агентурной работой, которую он вел в 1920 г. с территории Западного Китая. Помнили о Дутове и за рубежом.

Бывший подопечный Дутова по Оренбургскому казачьему училищу Ф.И. Елисеев писал:

«Никогда не угаснет в нас память об этом великом поборнике Казачества и об этом большом патриоте нашего великого Отечества России. И мы счастливы тем, что на юнкерской скамье ощущали и воспринимали слова и военные поучения этого большой и благородной души человека… Работая с группой джигитов по азиатским странам Дальнего Востока в 1935 г., я попал Шанхай. Там в «Казачьем Доме» встретил я своих однокашников по училищу и многочисленную казачью Старшину всех Сибирских Казачьих Войск. 23 апреля 1935 г. в день Великомученика и Победоносца Святого Георгия я был гостем на Войсковом празднике Оренбургского Казачьего Войска. Там, тогда в Шанхае я многое узнал, услышал о борьбе Казачества, о личности и деяниях Атамана Дутова.

В душах, в сознании Оренбургского Казачества Атаман Дутов увековечен как легендарный Вождь-Атаман. И его писанный красками портрет, во весь рост, с атаманской насекой, украшающий одну из стен «Казачьего Дома», является для них символом казачьей правды, чести, доблести и жуткой голгофы их Атамана и всего Казачества»[2537].

В Кафедральном соборе Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости в Сан-Франциско хранится сооруженная 23 апреля 1966 г. икона Святого Великомученика и Победоносца Георгия со скромной надписью: «Сия икона сооружена казаками Оренбургского Казачьего Войска в память убиенного Войскового Атамана Александра И. Дутова и Казаков за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших и за рубежом умерших».

Анонимный автор писал: «История оценит А.И. Дутова впоследствии. Для русских же людей и особенно для казаков его мученическая смерть пусть служит источником вдохновения к служению Родине и освобождению ее от большевиков»[2538].

Дутов обладал многочисленными слабостями, вполне свойственными обычным людям, не выделялся способностями, не был особенно умен, однако при этом в нем были и те качества руководителя и организатора, которые позволили ему в смутное время встать во главе одного из крупнейших казачьих войск России, создать практически из ничего собственную вполне боеспособную и достаточно сильную армию и повести беспощадную борьбу с большевиками, став выразителем надежд, а порой даже кумиром сотен тысяч поверивших ему

соотечественников. И если для многих, кого он увлек за собой, эта борьба окончилась вместе с военным поражением осени 1919 г. на Урале, то сам атаман боролся до конца, до смерти и даже погиб как непримиримый борец, не покорившись врагу, изгнавшему его – участника и героя трех войн – с родной земли, за которую он боролся всю свою жизнь.

Атаман Дутов был и останется в истории непримиримым борцом за свободу и независимость своей страны и лучшую долю для своего народа. Остается надеяться, что, несмотря на все весьма серьезные его недостатки как человека и как политического и военного деятеля, доброе имя атамана будет восстановлено, а благодарные потомки найдут возможность поставить Дутову памятник на его родине.

Основные даты жизни и деятельности А.И. Дутова

5 августа 1879 – в Казалинске Сыр-Дарьинской области родился Александр Ильич Дутов.

1889–1897 – обучался в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе.

1897–1899 – обучался в Николаевском кавалерийском училище.

9 августа 1899 – Дутов произведен в чин хорунжего.

1899–1902 – на службе в 1-м Оренбургском казачьем полку.

1901 – окончил курс наук в 3-й саперной бригаде по разряду «выдающийся».

1902 – выдержал экзамен при Николаевском инженерном училище, прикомандирован к инженерным войскам.

1902–1909 – на службе в 5-м саперном батальоне.

1 октября 1903 – произведен в поручики.

1904 – зачислен в Николаевскую Академию Генерального штаба.

11 марта – 1 октября 1905 – принимал участие в Русско-японской войне.

23 января 1906 – награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

1 октября 1906 – произведен в штабс-капитаны.

31 мая 1907 – рождение у А.И. Дутова и О.В. Петровской дочери Ольги.

30 апреля 1908 – окончил Николаевскую академию Генерального штаба без права на причисление к Генеральному штабу.

13 января 1909 – отправился во временную командировку при Оренбургском казачьем юнкерском училище.

12 сентября 1909 – рождение дочери Надежды.

24 сентября 1909 – переведен в Оренбургское казачье юнкерское училище.

1909–1916 – на службе в Оренбургском казачьем юнкерском (с 1910 – Оренбургском казачьем) училище.

6 декабря 1909 – произведен в есаулы.

6 декабря 1910 – награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

22 мая 1912 – рождение дочери Марии.

16 октября 1912 – 16 октября 1913 – годовое цензовое командование 5-й сотней 1-го Оренбургского казачьего полка.

6 декабря 1912 – произведен в войсковые старшины.

31 августа 1914 – рождение дочери Елизаветы.

1914–1915 – состоял действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии.

20 марта 1916 – отъезд на фронт.

с 3 апреля 1916 – возглавил стрелковый дивизион 10-й кавалерийской дивизии, участвовал в боях в Карпатах и в Румынии.

1 октября 1916 – ранен и контужен под деревней Паничи в Румынии, временно лишился зрения и слуха, получил трещину черепа.

16 октября 1916 – назначен командующим 1-м Оренбургским казачьим Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком.

16 марта 1917 – прибыл в Петроград в качестве делегата полка на общеказачий съезд.

23–29 марта 1917 – принял участие в Первом общеказачьем съезде.

с 5 апреля 1917 – член Временного Совета Союза казачьих войск.

1—13 июня 1917 – принял участие во втором общеказачьем съезде, единогласно избран председателем съезда.

13 июня 1917 – избран членом (затем председателем) Совета Союза казачьих войск.

начало июля 1917 – поездка Дутова в Оренбург.

12–15 августа 1917 – принял участие в московском Государственном совещании.

28 августа 1917 – встреча с А.Ф. Керенским.

30 августа 1917 – встреча с Б.В. Савинковым и М.В. Алексеевым.

31 августа 1917 – встреча с А.Ф. Керенским.

11 сентября 1917 – Дутов председательствует на совещании представителей казачьих частей Петрограда.

15 сентября 1917 – встреча с А.И. Верховским.

20 сентября – 3 октября 1917 – принял участие в работе Чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска.

23 сентября 1917 – программное выступление Дутова на Круге.

1 октября 1917 – Дутов избран Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска.

7 октября 1917 – выехал в Петроград.

15 октября 1917 – назначен главноуполномоченным Временного правительства по продовольствию по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области.

16 октября 1917 – произведен в полковники.

26 октября 1917 – возвращение Дутова в Оренбург и издание приказа о непризнании большевистского переворота.

8 ноября 1917 – Дутов вошел в состав оренбургского Комитета спасения Родины и Революции.

15 ноября 1917 – арест оренбургских большевиков и предотвращение захвата власти в Оренбурге.

конец ноября 1917 – Дутов избран депутатом Учредительного собрания от Оренбургского казачьего войска.

с 7 декабря 1917 – Дутов принял участие в работе 2-го очередного Войскового Круга.

11 декабря 1917 – создание Оренбургского военного округа.

23 декабря 1917 – начало первого наступления красных на Оренбург.

7 января 1918 – начало второго наступления красных на Оренбург.

18 января 1918 – падение Оренбурга, бегство Дутова в Верхнеуральск.

с 29 января 1918 – Дутов принял участие в работе 2-го чрезвычайного Войскового Круга.

26 марта 1918 – падение Верхнеуральска.

17 апреля – 7 июля 1918 – Тургайский поход.

3 июля 1918 – взятие Оренбурга казачьими повстанческими отрядами.

10 июля 1918 – назначен главноуполномоченным Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области.

13–19 июля 1918 – поездка в Самару.

22 июля – 3 августа 1918 – поездка в Омск.

25 июля 1918 – произведен в генерал-майоры.

5 августа 1918 – снят с поста главноуполномоченного Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области.

12 августа 1918 – декларация Войскового правительства Оренбургского казачьего войска об образовании области войска Оренбургского.

13 августа 1918 – Дутов лишен всех полномочий Комуча.

8 – не позднее 17 сентября 1918 – Дутов принял участие в работе уфимского Государственного совещания.

18 сентября – 8 октября 1918 – Дутов принял участие в работе 3-го чрезвычайного Войскового Круга.

28 сентября 1918 – взятие белыми под руководством Дутова

города Орска.

4 октября 1918 – произведен в генерал-лейтенанты.

17 октября 1918 – создание Юго-Западной армии под командованием Дутова.

20 октября 1918 – открытие в Оренбурге первого высшего учебного заведения – Высшей вольной школы.

1–2 декабря 1918 – попытка свержения власти Дутова в Оренбурге.

28 декабря 1918 – переформирование Юго-Западной армии в Отдельную Оренбургскую под командованием Дутова.

21 января 1919 – падение Оренбурга.

11 февраля 1919 – челябинское совещание командующих армиями по вопросу о весеннем наступлении с участием А.В. Колчака и Дутова.

13 февраля 1919 – Дутов назначен главным начальником Оренбургского края.

15 февраля 1919 – посещение Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком заседания 3-го очередного Войскового Круга в Троицке.

18 февраля 1919 – Дутов переизбран на пост Войскового атамана.

18 марта 1919 – переход в наступление частей Отдельной Оренбургской армии.

7—18 апреля 1919 – поездка Дутова в Омск.

11 апреля 1919 – причисление Дутова к Генеральному штабу.

16 мая 1919 – встреча Дутова с П.В. Вологодским.

23 мая 1919 – расформирование Отдельной Оренбургской армии и назначение Дутова на пост Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии.

29 мая – 4 июня 1919 – поездка Дутова в Пермь.

8 июня – 12 августа 1919 – поездка Дутова на Дальний Восток.

7 июля 1919 – вступление Дутова в командование всеми русскими войсками, расположенными в городах Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Гродеково и в полосе железной дороги между ними.

начало сентября 1919 – поездка Дутова на фронт.

18 сентября 1919 – Дутов назначен командующим Оренбургской армией (с начала ноября – Отдельной Оренбургской) с освобождением от должности генерал-инспектора кавалерии.

22 ноября – 31 декабря 1919 – «Голодный поход» Отдельной Оренбургской армии.

6 января 1920 – переформирование армии в Отряд атамана

Дутова под командованием генерал-майора А.С. Бакича; Дутов назначен Главным начальником Семиреченского края.

2 апреля 1920 – переход Дутовым с конвойной сотней и отрядом особого назначения китайской границы через ледниковый перевал Кара-Сарык в районе города Джимпань Синьцзянской провинции Китая.

2 мая 1920 – прибытие Дутова в город Суйдин Илийского округа Синьцзянской провинции.

11–19 июня 1920 – восстание гарнизона города Верный.

12 августа 1920 – приказ Дутова о создании Отдельной Оренбургской армии.

5—20 ноября 1920 – восстание в Нарынском уезде.

30 января 1920 – приказ Дутова об отрешении генерал-лейтенанта А.С. Бакича от должности начальника Отряда атамана Дутова.

6 февраля 1921 около 18 часов – покушение на Дутова группы боевиков К.Г. Чанышева, атаман смертельно ранен М. Ходжамиаровым.

7 февраля 1921 в 7 часов утра – Александр Ильич Дутов скончался от ран в Суйдине.

Примечания

[1] Народное *дело*. Ежедневная кооперативная газета (Оренбург). 1918. № 116. 30.11. С. 1.

[2] *Толстой А.Н.* Собрание сочинений. Т. 5. М., 1959. С. 590.

[3] Напр.: *Алдан-Семенов А.И.* Гроза над Россией: Повесть о Михаиле Фрунзе. М., 1984; Коновалов Г. Воля: Роман // Волга: 1987. № 10; *Токаев К.* Последний удар: Роман. Алма-Ата, 1986. Ликвидации Дутова посвящены пьеса М. Кабирова «Незабываемые дни» и повесть З. Танхимовича и А. Сергеева «Конец атамана» (1964 г.) и др.

[4] Конец атамана. Казахфильм, 1970. Сценарий: А.С. Михалков-Кончаловский, Э. Тропинин. Режиссер Ш.К. Айманов. Роль Дутова сыграл В.И. Стржельчик.

[5] *Дутов* Александр Ильич // Великая Октябрьская Социалистическая Революция: Энциклопедия. Изд. 3. М., 1987. С. 153; *Дутова* мятеж // Там же. С. 153–154; *Дутов* Александр Ильич // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 202; *Дутова* мятеж 1917–1918 // Там же. *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины. М., 1964; *Попов Ф.Г.* Дутовщина (Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). М. – Самара, 1934.

[6] *Сайгин Н.И.* В тылу у Дутова (Борьба подпольщиков и партизан Оренбуржья против дутовщины в 1918 году). Оренбург, 2001; *Чирухин Н.А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг. Дисс. к. и. н. М., 1992.

[7] *Петров СМ.* Борьба с дутовщиной (Первый этап, 1917 год – январь 1918 года). Челябинск, 1937. С. 19.

[8] *Очерки* истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1983. С. *55.*

[9] Алексеев Д.Г., Голубых М.Д., Калмыков В.М. Комкор М.В. Калмыков: Документальная повесть. Уфа, 1988. С. 9.

[10] *Попов Ф.Г.* Дутовщина (Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). М. – Самара, 1934. С. 29.

[11] См., напр.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 176–177.

[12] *Минц И.И.* История Великого Октября. В 3 т. Изд. 2. Т. 3. *Триумфальное* шествие Советской власти. М., 1979. С. 468.

[13] Там же. С. 635.

[14] *Булах В.* Как рабочие защищали Оренбург от белых. М., 1928. С. 6.

[15] *Пожидаева Г.В.* Помощь иностранных империалистов дутовским мятежникам (1918 г.) // Уральский государственный

университет им. А.М. Горького. Ученые записки № 77. Серия историческая. Вып. 13. Победа Октябрьской социалистической революции и успехи социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1968. С. 16. Аналогичная концепция фигурирует в еще одной статье: *Безверхий А.* Дутовщина – агентура иностранного империализма // Чкаловская коммуна (Чкалов). 1957. № 233 (8896). 03.10. С. 2.

[16] *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины (1917–1919). М., 1964. С. 89.

[17] *Он же.* Октябрь на Южном Урале (Борьба за установление и упрочение Советской власти на Южном Урале в 1917–1918 гг.). Челябинск, 1957. С. 105.

[18] *Попов Ф.Г.* Дутовщина (Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). М. – Самара, 1934; *Петров С.М.* Борьба с дутовщиной (Первый этап, 1917 год – январь 1918 года). Челябинск, 1937.

[19] *Воробьев В.Ф.* Оборона Оренбурга (апрель – май 1919 г.). М., 1938.

[20] *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины (1917–1919). М., 1964.

[21] Там же. С. 147.

[22] *Машин М.Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. Саратов, 1984.

[23] *Альтов В.* Именем Республики Советов // Страницы незримых поединков / Сост. В.С. Сидак, П.И. Выприцкий. Челябинск, 1989. С. 50–62; *Он же.* Рейд за кордон // Советская Россия. 1971. № 230 (4654). 02.10. С. 4; *Арипов Р.А., Мильштейн Н.Я.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана (документальные очерки истории 1917–1930 гг.). Ташкент, 1967; *Вахидов Х.* Еще раз об искажении исторических фактов // Простор (Алма-Ата). 1966. № 10. С. 118–119; *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1980. С. 146–149; *Козубский К.Э., Ивлев М.Н.* Теракт в Суйдуне: убийство оренбургского атамана // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия: Исторический альманах. 2005. № 8; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* КГБ: Спецоперации советской разведки. М., 2000. С. 21–28; *Рузиев М.Р.* Возрожденный уйгурский народ. Алма-Ата, 1976; *Марковчин В.В.* Три атамана. М., 2003; *Милованов Н.* Касымхан Чанышев // Незримый фронт. 1917–1967 / Сост. С.А. Коновалов. Алма-Ата, 1967; *Огаров О.* Агония белых в Синцзянской провинции // Военная мысль (Ташкент). Издание РВС Туркфронта. 1921. Кн. 2. Май – июль. С. 327–330; *Тибекин П., Кульбаев С.* Непозволительные домыслы и смещения // Простор (Алма-Ата). 1965. № 6. С. 107–109; *Хинштейн А.[Е.], Жадобин А.[Т.], Марковчин В.[В.]* Конец атамана // Московский комсомолец.

1999. 30.05. С. 8–9 и т. д.

[24] См., напр.: *Дутов* Александр Ильич // Советская военная энциклопедия. Т. 3. Гражданская – Йокота. М., 1977. С. 272; *Дутов* Александр Ильич // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. Изд. 2. М., 1987. С. 202; *Дутов* Александр Ильич // Великая Октябрьская Социалистическая Революция: Энциклопедия. Изд. 3. М., 1987. С. 153.

[25] *Александр* Ильич Дутов: Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего Войска, Генерал-Лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи и проч., относящееся к деятельности Войскового Атамана. Составлено согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанами отряда Атамана Дутова. Б. м., б. г. [Троицк, 1919]. 130 с.

[26] *Акулинин И.[Г.]* Атаман А. Дутов. К пятнадцатилетию смерти // Иллюстрированная Россия. 1936. № 8. С. 5; *Он же.* Атаман А.И. Дутов // Оренбургский казак (Харбин). 1933. № 4. 06.05; *Он же.* Колчак и атаман Дутов // Возрождение (Париж). 1930. № 1711. 07.02. С. 2; *Он же.* Месть за Атамана Дутова // Атаманский вестник. 1937. № 7. Июнь – июль. С. 11; *Он же.* Набат Атамана Дутова // Родимый Край (Париж): Ежемесячный казачий журнал. 1931. № 2. С. 11–14; *Он же.* Оренбургский атаман ген[ерал] Дутов // Часовой. 1929. № 3–4. С. 6; Ген[ерал]-м[айор] Зуев [А.В.] Памяти героя Белого движения // Луч Азии. 1938. Февраль. № 42—2. С. 40.

[27] *Белая* Россия. Альбом № 1 / Сост. Генерального штаба генерал-лейтенант С.В. Денисов. Нью-Йорк, 1937. С. 72; *Гуль Р.Б.* Красные маршалы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 230–235; *Казачий* словарь-справочник. Т. 1. Кливленд, 1966. С. 223–225; *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 2. Катастрофа. Белград, 1931. С. 159–160; *Рождественский С.* Гибель атамана Дутова. К пятидесятилетию его убийства в 1921 году // Родимый Край (Монморанси). 1972. Июль – август. № 101. С. 15–21; *Серебренников И.И.* Великий отход. Рассеяние по Азии белых Русских Армий 1919–1923. Харбин, 1936. С. 32–40.

[28] См., напр.: *Войнов В.М.* Оренбургское казачье войско // Диалог. Издание идеологического отдела Оренбургского обкома КПСС (Оренбург). 1990. № 19–20. Октябрь. С. 30–38.

[29] Как будто в советской историографии что-либо подобное было сделано. – *А. Г.*

[30] *Никифоренко Ю.* «Наследники» Дутова // Диалог. Издание идеологического отдела Оренбургского обкома КПСС (Оренбург). 1990. № 19–20. Октябрь. С. 39, 42.

[31] См., напр.: *Абрамовский А.П., Ковзов В.С.* Дутов Александр Ильич // Челябинск: Энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 263; *Аманжолова Д.А.* Два атамана. Александр Дутов и Борис Анненков // История. 2002. № 32. 23–31.08. С. 12–16; *Атаман Дутов* // Апрелков А.В., Попов Л.А. Судьбы казацкие. Челябинск, 2002. С. 213–228; *Василенко С.Ю.* Трагическая гибель атамана А.И. Дутова // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции. Кемерово, 2001. С. 215–219; *Войнов В.М., Плотников И.Ф.* Дутов Александр Ильич // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2. Екатеринбург, 2000. С. 190; Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска Александр Дутов и борьба оренбургских казаков (1917 – март 1918) // *Нелепин Р.А.* История казачества. Т. 2. СПб., 1995. С. 473–474; *Воскобойников Г.Л.* Дутов А.И. (1864–1921) // «Казачья сотня» (Краткие биографии ста деятелей казачества на поприще военной и гражданской службы, науки, литературы и искусства в XVI–XX вв.). Вып. 1. М., 1996. С. 155–156; *Дайнес В.* «Сторонник порядка, дисциплины, твердой власти…» // Ориентир. Журнал Министерства обороны России. 2002. № 7. С. 60–61; *Дутов* Александр Ильич // Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 3. «Д» – Квартирьер. М., 1995. С. 140; *Дутов* Александр Ильич // Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 543; *Дутов* Александр Ильич // *Клавинг В.В.* Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917–1923 гг.). СПб., 1998. С. 46; *Дутов* Александр Ильич // *Клавинг В.В.* Белая гвардия. СПб., 1999. С. 262–263; *Дутов* Александр Ильич // *Шикман А.П.* Деятели отечественной истории: Биографический словарь-справочник. Кн. 1. А – К. М., 1997. С. 277–278; *Тормозов В.* Атаман Дутов: «Я люблю Россию…» // История. 1997. Март. № 10. С. 9, 16. *Футорянский Л.И.* Люди и судьбы Оренбургского края // 1743. Историко-литературный альманах (Оренбург). 2000. № 1. С. 51–53 и др.

[32] *Шамбаров В.Е.* Белогвардейщина. Рязань, 1996. С. 443; То же. Изд. 2. Перераб. и доп. М., 1999. С. 529.

[33] *Ганин А.В.* Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов // Кубанец: Журнал Кубанской казачьей ассоциации США. Колтс Нек, Нью-Джерси. 2001. Февраль. № 209. С. 27–32; *Он же.* Александр Ильич Дутов. К 80-летию убийства Атамана Оренбургского казачьего войска // Станица. 2001. № 1(34). С. 25–26.

[34] Автор – атаман Дутов. Публикация В.М. Войнова // Урал (Екатеринбург). 1992. № 3. С. 164–166; *Войнов В.М.* Атаман Дутов и трагедия оренбургского казачества // Рифей. Уральский краеведческий сборник. Челябинск, 1990. С. 70–83; *Он же.* Дутов

Александр Ильич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 104–105; *Он же.* Жизнь и смерть атамана Дутова // Уральский следопыт. 1993. № 3. С. 5—12; *Он же.* Избрание Дутова атаманом // Станица (Москва). 1992. № 2. Март. С. 3; *Он же.* Оренбургское казачье войско // Диалог. Издание идеологического отдела Оренбургского обкома КПСС (Оренбург). 1990. № 19–20. Октябрь. С. 30–38; *Он же.* Правда об Оренбургском казачестве // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990. № 1. С. 206–216; *Он же.* Синие лампасы // Комсомольская правда. 1991. 02.04. № 74 (20074). С. 2; *Плотников И.Ф.* К характеру взаимоотношений атамана А.И. Дутова и Верховного Правителя России А.В. Колчака // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. С. 5–8; *Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь – август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.): Сб. науч. статей. Хабаровск, 1999. С. 40–74.

[35] *Чирухин Н.А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг.: Дисс. к. и. н. М., 1992.

[36] *Хинштейн А.[Е.], Жадобин А.[Т.], Марковчин В.[В.]* Конец атамана // Московский комсомолец. 1999. 30.05. С. 8–9.

[37] *Хинштейн А.[Е.]* Подземелья Лубянки. М., 2005. С. 47–70.

[38] Там же. С. 50. По этическим соображениям я воздержусь от цитирования этих отрывков.

[39] *Козубский К.Э., Ивлев М.Н.* Теракт в Суйдуне: убийство оренбургского атамана // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия: Исторический альманах. 2005. № 8; *Марковчин В.В.* Три атамана. М., 2003; *Плешкевич Е.А.* А. Дутов и Г. Семенов: враги или герои Отечества? // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 254–261; *Сафонов Д.А.* Легенда о «казачьем мятеже» // 1743. Историко-литературный альманах (Оренбург). 2000. № 1. С. 35–62.

[40] *Дутов* Александр Ильич // *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 87–89.

[41] *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 126.

[42] *Апрелков А.В., Попов Л.А.* Судьбы казацкие. Челябинск, 2002. Работа написана в основном на опубликованных источниках и исследованиях, но с привлечением местного

архивного материала. Авторы, с большой любовью относясь к своему краю и к казачеству, видимо, с целью приукрасить свою книгу решили повсеместно использовать заимствованные в других работах ссылки на материалы центральных архивов, порой даже не удосуживаясь как следует замаскировать заимствование. Занимаясь подобного рода работой, они, скорее всего, рассчитывали на непрофессионализм читающей аудитории. Заимствования, судя по всему, были осуществлены из работ В.М. Войнова, Г.Х. Эйхе, некоторых сборников документов, а возможно, и из других трудов путем механической замены сокращения ЦГАОР и ЦГАСА на ГА РФ и РГВА соответственно. Но если научно-справочный аппарат В.М. Войнова и ссылки на фонды бывшего Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА, ныне – Российский государственный военный архив) еще не утратили своего значения, то с трудами более раннего времени и ссылками на документы бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР, ныне – Государственный архив Российской Федерации) у авторов вышла явная неувязка, поскольку практически все документы бывшего ЦГАОР, касавшиеся боевых действий антибольшевистских формирований в 1917–1922 гг., были в 1966 г. переданы в ЦГАСА и получили новые шифры хранения. В итоге складывается довольно забавная ситуация, когда значительная часть ссылок на фонды ГА РФ в работе А.В. Апрелкова и Л.А. Попова, списанных из старых работ (с научно-справочным аппаратом до 1966 г.), либо вообще отсутствует, либо представлена фондами, не имеющими никакого отношения к истории Гражданской войны. К примеру, фонда 1447 в настоящее время в ГА РФ не существует, а фонд 1718, на который челябинские авторы ссылаются применительно к событиям Гражданской войны, ныне – коллекция известного журналиста XIX в. М.Н. Каткова, содержащая документы до 1900 г. (всего имеется 15 единиц хранения, тогда как Апрелков и Попов ссылаются, в частности, на дело 19). Авторы, преднамеренно игнорируя работы других исследователей данной тематики при использовании наработанного ими материала, проявляют вопиющее неуважение как по отношению к предшественникам, так и по отношению к читателю. Показательно, что рецензентом книги Апрелкова и Попова является признанный специалист по истории оренбургского казачества доктор исторических наук, профессор В.С. Кобзов. Впрочем, можно говорить об определенной тенденции такого рода, свидетельствующей о глубочайшем кризисе отечественной исторической науки. Для сравнения,

предисловие к упоминавшейся выше книге Хинштейна подписано… заместителем президента Российской академии наук, доктором философских наук, профессором, почетным сотрудником контрразведки генерал-полковником В.Л. Шульцем.

[43] Один из наиболее ярких примеров – статьи П.А. Голуба, печатающего из номера в номер в журнале КПРФ «Диалог» статьи о зверствах белых. В одной из своих публикаций Голуб написал о Дутове, что «этот ярый реакционер сразу же показал подвластному населению, «где раки зимуют». Опираясь на верхи казачества, он тут же перешел в атаку по всему фронту, от которой среди населения раздался стон» (*Голуб П.[А.]* «Белый» террор в России // Диалог: Теоретический, общественно-политический и литературно-художественный журнал КПРФ (Москва). 2001. № 11. С. 68). На мой взгляд, стремление выдать желаемое за действительное и подогнать факты под заранее готовую схему нельзя считать сколько-нибудь серьезным исследованием. Весьма похожа по направленности и брошюра Н.И. Сайгина, изданная общественно-политической газетой «Оренбургская правда». Исследование основано преимущественно на литературе 1960—70-х гг., причем в конце работы автор выразил уверенность, что «ушла в историю борьба трудящихся Оренбуржья против дутовщины. Но сознательные рабочие и крестьяне Южного Урала даже теперь в пору так называемой «демократии» не забывают, какой дорогой ценой была завоевана Советская власть… Труженики Оренбургской области бережно ухаживают за многочисленными могилами красноармейцев, подпольщиков и партизан, погибших в годы Гражданской войны от рук дутовских белоказаков…» (*Сайгин Н.И.* В тылу у Дутова (Борьба подпольщиков и партизан Оренбуржья против дутовщины в 1918 году). Оренбург, 2001. С. 61).

[44] См., напр.: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 21.

[45] *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 44.

[46] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 5.

[47] *The Trotsky Papers.* Edited and annotated by Jan M. Meijer. Vol. I. 1917–1919. L. – P., 1964. P. 29.

[48] *Dictionary* of the Russian Revolution. G. Jackson, editor-in-chief; R. Devlin, assistant editor. N.Y.—L., 1989. P. 201.

[49] *Smele J.* Civil war in Siberia: the anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 226.

[50] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 92. Л. 4.

[51] *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 96.

[52] *Luckett R.* The White Generals. An Account of the White

Movement and the Russian Civil War. N.Y., 1971. P. 165. Перевод мой.

[53] *Fleming P.* The fate of admiral Kolchak. Edinburgh, 2001. P. 84. Перевод мой.

[54] *Ауский С.* Казаки. Особое сословие. М. – СПб., 2002. С. 214, 317, 321.

[55] *Pereira N.G.O.* White Siberia. The Politics of Civil War. London – Buffalo, 1996. P. 60. Перевод мой.

[56] *Заболотный Е.Б.* Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995. С. 145.

[57] *Ганин А.В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; *Он же.* Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального Штаба, 1901–1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. Т. 1. М., 2004. С. 152–196; *Он же.* Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала: Материалы 3-й Межрегиональной научно-практической конференции 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003. С. 27–36; *Он же.* Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Материалы 5-й Международной научной конференции 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С.151–154; *Он же.* Предки и потомки Войскового атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова // Генеалогический вестник (Санкт-Петербург). 2005. № 21. С. 40–47; *Он же.* Тургайский поход и антибольшевицкое повстанческое движение в Оренбургском казачьем войске (апрель – июль 1918 г.) // Антибольшевицкое повстанческое движение. Белая гвардия: Исторический альманах (Москва). 2002. № 6. С. 47–50; *Он же.* Казак в эмиграции: судьба генерала И.Г. Акулинина (1920–1944 гг.) // Новый исторический вестник (Москва). 2004. № 2 (11). С. 174–182; *Он же.* Генерал-майор И.Г. Акулинин // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2000. № 8. С. 85–91; *Он же.* Российский историк генерал-майор И.Г. Акулинин // Труды научной конференции «Ломоносов-2000». История /Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2000. С. 34–36; *Он же.* Большая Игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая Гвардия: Исторический альманах. 2005.

№ 8; *Он же.* Шестой побег генерала Зайцева // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2005. № 3. С. 28–32; «*Устроиться* всем казакам в пределах Китая не представляется возможным…»: Письмо и памятная записка об оренбургских казаках генерал-майора И.Г. Акулинина.

Публикация А.В. Ганина // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 2002. № 1. С. 89–95.

[58] К сожалению, в ходе работы над книгой мне не было позволено ознакомиться с материалами о Дутове из Центрального архива ФСБ, сотрудники управления регистрации и архивных фондов ФСБ рекомендовали мне пользоваться книгой В.В. Марковчина – Ответ Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ от 21.01.2004. № 10/ А-266.

[59] *Боевые* расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. / Публ. Р.Г. Гагкуева и А.А. Каревского // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия: Исторический альманах. 2001. № 5; *Дальневосточная* политика Советской России (1920–1922 гг.): Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996; *Директивы* командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 1, 3. М., 1971, 1974; *Иностранная* военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане: Документы и материалы. Т. 2. Сентябрь 1919 г. – декабрь 1920 г. Алма-Ата, 1964; *Лодзинская* операция: Сб. документов Мировой Империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). Маневренный период 1914 г. М.—Л., 1936; *Собрание* оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехо-словацким) фронтом тов. Вацетиса. 18.07.—07.09.1918 года. М., 1918; *Список* войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии. Составлен к 15 августа 1918 года. Публикация А.А. Каревского // Белая гвардия: Исторический альманах. 1999–2000. № 3; *М.В. Фрунзе* на фронтах гражданской войны: Сб. документов. М., 1941.

[60] *Заика Л., Бобренев В.* Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1991. № 3; *Советская* деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000; *Судебный* процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов. М., 2002.

[61] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1.

[62] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70.

[63] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6.

[64] Незаконченный дневник оренбургского казачьего офицера А.О. Приданникова – БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14; ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183.

[65] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937; *Он же.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое Дело. Кн. 2. Берлин, 1927; *Байкалов К.К.* Воспоминания. Якутск, 1966;

Верховский А.И. Россия на голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918; *Гая-Гай [Г.Д.].* Борьба с чехо-словаками на Средней Волге. М., 1931; *Он же.* Первый удар по Колчаку: Военно-исторический очерк. М., 1926; Годовщина первой революционной армии. М., 1920; *Евсеев [Н.Ф.]* Разгром генерала Бакича // Красная Армия Сибири (Новониколаевск). 1923. № 5–6; *Кирюхин Н.И.* Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 годов. М., 1928; *Кобозев П.[А.]* В борьбе за массы // За власть Советов: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957; *Муртазин М.Л.* Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М., 1927; *Петров В.И.* Мятежное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003; *Серебренников И.И.* Великий отход. Рассеяние по Азии белых Русских Армий 1919–1923. Харбин, 1936; *Собенников П.[П.]* Ликвидация Бакича // Красная конница. 1935. № 2; *Тоган З.-В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997; *Тухачевский М.Н.* Первая армия в 1918 году // *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. М., 1964.

[66] *Гражданская* война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, 1930.

[67] *Елисеев Ф.И.* А.И. Дутов в Оренбургском казачьем училище // *Елисеев Ф.И.* Первые шаги молодого хорунжего / Под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2005.

[68] *Барон* Унгерн в документах и мемуарах / Сост. и ред. С.Л. Кузьмин. М., 2004; *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «ШЕСТЬ ЛЕТ» 1917–1922 гг.) / Под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925; *Будберг А.[П.]* Дневник // Архив русской революции. Т. 13–15. Берлин, 1924; *Голеевский Н.Н.* Лето на Волге. 1918 год // Russian Emigre Archives. V. 2. Fresno, California, 1973; *Головин Л.* Связанная совесть. Фрагмент дневника / Публикация В.Г. Семенова // Гостиный Двор (Оренбург). Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 2003. № 14; *Гоппер К.[Я.]* Четыре катастрофы: воспоминания. Рига, 192; *Дутов Н.* Атаманский полк (Из воспоминаний) // Оренбургский казак. Харбин, 1937; *Еловский И.* Голодный поход Оренбургской армии (Из воспоминаний участника похода). Пекин, 1921; *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932; *Камский.* Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923; *Мишић Живојин*, војвода. Моје успомене. Београд, 1984; *Носков К.* Авантюра, или Черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин, 1930; *Ряннель Т.* Тувинские рассказы // День и ночь (Красноярск): Литературный журнал. 1998. № 4–5 – http://

www.memorial.krsk.ru/memuar/ Riannel_T.htm; *Синзянский.* Крестный путь Отдельной Оренбургской армии. Каркаралинская голодная степь 1919 г. (Из дневника конвойца) // Луч Азии (Харбин). 1937. № 32/4; *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985; *Хитун С.Е.* Дворянские поросята. Сакраменто, 1974. – http://militera.lib.ru/memo/russian/hitun_se/01.html; *Штейфон Б.А.* Кризис добровольчества // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Добровольцы и партизаны. М., 1996.

[69] *Казачество.* Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 220–221.

[70] *Арчак* – деревянная основа казачьего седла. – *А. Г.*

[71] *Пушкарев С.Г.* Россия 1801–1917: власть и общество. М., 2001. С. 340.

[72] *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 г. Часть гражданская. Оренбург, 1909. С. 2.

[73] Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска с приложением схемы и ведомости знакам отличий, высочайше пожалованным строевым частям Оренбургского казачьего войска. По М.И. Иванину, Ф. Старикову и П. Пастухову. Казань, 1911. С. 1; *Мамонов В.Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург – Челябинск, 1995. С. 178–179; *Машин М.Д.* Оренбургское казачье войско. Изд. 2, испр. Челябинск, 2000. С. 44; *Цыбин В.М., Ашанин Е.А.* История волжского казачества (к 300-летию Саратовской, Камышинской и Царицынской казачьих станиц). Саратов, 2002. С. 26–27.

[74] *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 12.

[75] *История* казачества Урала. Оренбург – Челябинск, 1992. С. 55.

[76] *Абрамовский А.П., Ковзов В.С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 38.

[77] *Положение* об Оренбургском казачьем войске. СПб., 1840. С. 3, 12–13.

[78] *Генерального* штаба полковник Хорошхин [И.]. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 45.

[79] *Положение* об Оренбургском казачьем войске. СПб., 1840. С. 17, 26.

[80] *Абрамовский А.П., Ковзов В.С.* Указ. соч. С. 115.

[81] *Рыбалко А.А.* История и быт казаков Новолинейного района: Этнографический очерк // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 125.

[82] *Абрамовский А.П., Ковзов В.С.* Указ. соч. С. 146–147.

[83] *Генерального* штаба полковник Хорошхин [И.]. Указ. соч. С.

53.

[84] *Акулинин И.[Г.]* Что вспомнилось // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 15.

[85] *Оренбургский* казак, его экономическое положение и служба: Очерк современного быта оренбургских казаков / Сост. Д.Е. Серов. Оренбург, 1900. С. 82.

[86] *Капустина В.М.* Казачье самоуправление и земства (Проблема взаимодействия в Оренбургской губернии) // Русская нация и русская идея: история и современность. Оренбург, 1996. Ч. 1. С. 184.

[87] *Доклад* о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск Генерал-Лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 44.

[88] *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1914 год. Часть гражданская. Оренбург, 1915. С. 1.

[89] Там же. С. 2.

[90] Мой расчет по: Доклад о результатах командировки… С. 9, 12; *Тавастшерна А.В.* Оренбургское казачье войско // Военная энциклопедия. Т. 17. М., 1914. С. 152; *Оренбургский* казак, его экономическое положение и служба… С. 107; *Всеподданнейший* отчет об Оренбургском казачьем войске за 1895 год. Часть военная. Оренбург, 1896. С. 2; *Всеподданнейший* отчет Наказного атамана Оренбургского казачьего войска за 1900 г. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 41. Л. 8; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 5, 8; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 г. Часть гражданская. Оренбург, 1909. С. 2; *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1910 г. Часть гражданская. Оренбург, 1911. С. 2; *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 14.

[91] *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 3.

[92] *Доклад* о результатах командировки… С. 13.

[93] *Соколов Д.Н.* Оренбургская губерния: Географический очерк. М., 1916. С. 9.

[94] *Оренбургский* казак, его экономическое положение и служба… С. 111–113.

[95] Высочайше утвержденное 9 сентября 1867 года Положение о размежевании земель Оренбургского казачьего войска.

[96] ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 43. Л. 1.

[97] *Оренбургский* казак, его экономическое положение и служба… С. 35.

[98] ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 43. Л. 66об.

[99] ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 270. Л. 4–7, 11об. – 14, 18—18об.

[100] *Оренбургский* казак, его экономическое положение и служба… С. 61.

[101] *Басов Д.* Пробег из Маньчжурии (Херсу) в Петербург 8.700 вер. // Военный сборник. 1907. № 2. С. 98.

[102] *Редигер А.* Комплектование и устройство вооруженной силы. Изд. 3. СПб., 1900. С. 16.

[103] *Всеподданнейший* отчет об Оренбургском казачьем войске за 1895 год. Часть военная. Оренбург, 1896. С. 2.

[104] *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 704.

[105] *Всеподданнейший* отчет об Оренбургском казачьем войске за 1895 год. Часть военная. Оренбург, 1896. С. 2.

[106] К 1 января 1902 года было уже 520 школ с 34 731 учащимся (Доклад о результатах командировки… С. 62).

[107] ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 15. Л. 17об.

[108] *Доклад* о результатах командировки… С. 24.

[109] Мой расчет по: *Отчет* о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1907 г. Часть гражданская. Оренбург, 1908. С. 69.

[110] *Путинцев В.* Истинно наше преступление // Военный сборник. 1911. № 4. С. 74.

[111] *Мамонов В.Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург – Челябинск, 1995. С. 139–148.

[112] *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1996. С. 80.

[113] *Ганжина И.М.* Словарь современных русских фамилий. М., 2001. С. 177.

[114] *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 140.

[115] *Александр* Ильич Дутов: Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего Войска, Генерал-Лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи и проч[ее], относящееся к деятельности Войскового Атамана. Составлено согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанами отряда Атамана Дутова. Б. м., б. г. [Троицк, 1919]. С. 1.

[116] За содействие в поиске данных о родословии Дутовых выражаю благодарность сотруднику РГИА С.В. Богданову.

[117] РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 3887. Л. 5.

[118] Там же. Л. 7.

[119] Там же. Л. 5.

[120] Там же. Л. 1б.

[121] Там же. Л. 67—68об.

[122] *Адрес-календарь* личного состава служащих в Оренбургской губернии, Тургайской и Уральской областях и в Уфимско-Оренбургских учреждениях на 1880 год. Оренбург, 1879. С. 334.

[123] ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 70/2. Л. 6об.

[124] РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 29003. Л. 2об.—3.

[125] ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—13.

[126] *Водопьянов В.П.* История 6-го Оренбургского казачьего полка. М., 1996. С. 285–287.

[127] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 8097. Л. 4об. – 9; *Список* полковникам по старшинству. Составлен по 1 января 1905 г. СПб., 1905. С. 933.

[128] *Список* Генералам, штаб и обер-офицерам, принадлежащим к потомственному дворянству и получившим в силу положения Высочайше утвержденного 18 января 1875 г. потомственные участки из земель Оренбургского казачьего войска – ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 31. Л. 42.

[129] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 8097. Л. 7об.

[130] Там же. Л. 21.

[131] Там же. Л. 11.

[132] *Адрес-календарь* и справочная книжка Оренбургской губернии на 1914-й год. Оренбург, 1914. С. 118.

[133] *Александр* Ильич Дутов. С. 1.

[134] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.

[135] *Александр* Ильич Дутов. С. 1–2.

[136] *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий (1881–1903). М., 1973. С. 301.

[137] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6050. Л. 163об. – 164.

[138] РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Д. 2020. Л. 93об. – 94; *Четверть* века Казачьей Сотни Николаевского Кавалерийского Училища (1890 – 4 июня 1915) // Педагогический сборник (Петроград). 1915. № 8. С. 112.

[139] *Марков А.* Кадеты и юнкера // Кадеты и юнкера. М., 2001. С. 80.

[140] *Воробьева А.Ю.* Российские юнкера, 1864–1917: История военных училищ. М., 2002. С. 12.

[141] *Вертепов Д.* Царская Сотня // Военная Быль (Париж). 1956 № 18. С. 19.

[142] *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000. С. 316.

[143] *Из нашего* прошлого. Воспоминания членов союза б[ывших] юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь 1. Гельсингфорс, 1943. С. 9; *Марков А.*

Указ. соч. С. 60; *Отфиновский К.К.* Мое пребывание в кадетском корпусе и военном училище // Военная Быль (Париж). 1968. № 89. Январь. С. 28.

144 См., напр.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 324.

145 *Бразоль А.* Николаевское Кавалерийской училище // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. № 120. С. 177.

146 *Фон Менд Э.* В училище // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза б[ывших] юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь 1. Гельсингфорс, 1943. С. 9.

147 См., напр.: *Слезкин Ю.А.* Летопись пережитых годов. Буэнос-Айрес, 1975. С. 35.

148 *Сулин С.* Воспоминания о Николаевском Кавалерийском Училище // Казачьи Думы (София). 1923. № 9. 15.09. С. 30.

149 *Великий* князь Гавриил Константинович. В мраморном дворце: Мемуары. М., 2001. С. 51.

150 *Баженов А.* Сотня юнкеров Николаевского Кавалерийского Училища (Отдельные главы из неизданной книги) // Сибирский Казак: Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932 г. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года / Под ред. Е.П. Березовского. Харбин, 1934. С. 242.

151 *Трубецкой В.С.* Записки кирасира // Князья Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 420.

152 *Фон Мэнд Э.* Указ. соч. С. 9.

153 *Кузьмин-Караваев Д.* Корнетский обход // Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза б[ывших] юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь 1. Гельсингфорс, 1943. С. 53–56.

154 *Трубецкой В.С.* Указ. соч. С. 420–422.

155 *Марков А.* Указ. соч. С. 83.

156 *Вертепов Д.* Указ. соч. С. 19.

157 Там же. С. 19–20.

158 *Вадимов Е.* Корнеты и звери (славная школа). Нью-Йорк, 1954. С. 3.

159 *Хороманский В.* «Молодой с вокзала» // Военная Быль (Париж). 1966. № 79. Май. С. 40.

160 *Бразоль А.* Указ. соч. С. 176.

161 *Вольтижировка* – выполнение сложных упражнений на скаку.

162 *Иппология* – наука о лошади.

163 *Вадимов Е.* Указ. соч. С. 20; как вариант «константная экзубиция секулярных новаторов, тенденций, кульминоренции индивидуум социал…» – *Бразоль А.* Указ. соч. С. 180.

164 В художественной форме этот тип офицера блестяще

изображен П.Н. Красновым в романе-эпопее «От Двуглавого Орла к красному знамени».

[165] *Баженов А.* Указ. соч. С. 244.

[166] *Фон Мендт Э.* Указ. соч. С. 5.

[167] *Ленчик* – деревянная основа седла.

[168] *Баженов А.* Указ. соч. С. 248; *Бразоль А.* Указ. соч. С. 184.

[169] *Хороманский В.* Указ. соч. С. 40.

[170] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 2.

[171] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.

[172] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 2.

[173] *Генерал* Дутов. Биография и деяния (Воспоминания соратников). Харбин, 1928. С. 24. Сведения предоставлены М.А. Кутузовым.

[174] *Александр* Ильич Дутов. С. 2.

[175] Там же. С. 3.

[176] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 2.

[177] См.: *Ганин А.В.* Проблемы казачества начала XX века в освещении журнала «Военный сборник» (1900–1914) // Россия и реформы. Вып. 5 / Ред. – сост. О.Р. Айрапетов. М., 2002.

[178] *Суров А.* Материальное положение офицеров казачьих войск // Военный сборник. 1900. № 3. С. 147.

[179] Там же. С. 154.

[180] *Краснов П.Н.* О строевом командовании казачьим полком // Военный сборник. 1906. № 4. С. 115.

[181] Там же.

[182] *Старый.* Кавалерийские мысли и наброски // Военный сборник. 1906. № 6. С. 144.

[183] *Доможиров Л.* Льгота казачьих офицеров // Военный сборник. 1908. № 8. С. 100.

[184] Там же. С. 112.

[185] *Краснов П.Н.* Льгота Донских казачьих офицеров (По поводу статьи Л. Доможирова) // Военный сборник. 1908. № 11. С. 125.

[186] Там же. С. 120.

[187] *Доможиров Л.* Казачьи вопросы // Военный сборник. 1911. № 11. С. 51.

[188] *Александр* Ильич Дутов. С. 3.

[189] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 51об.

[190] Там же. Л. 51.

[191] *Еще раз* об Оренбургском институте благородных девиц / Публикация В.Г. Семенова // Гостиный Двор (Калуга). 1997. № 5.

С. 232.

[192] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 61.

[193] *Дружинин К.И.* Императорская Николаевская военная академия // Военная энциклопедия. Т. X. СПб., 1912. С. 601.

[194] *Алексеева-Борель В.[М.]* Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 16–17.

[195] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 2об.—3.

[196] *Чепурнов Н.И.* Наградные медали Государства Российского. М., 2000. С. 617.

[197] *Участники* русско-японской войны. Т. 6. СПб., 1909. С. 181.

[198] *Mayzel Matitiahu.* Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabruck, 1979. P. 13.

[199] Это выражение некоторые авторы связывают с частым употреблением генштабистами таких фраз, как «момент для атаки», «поймать момент» и т. п. – Фон *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 56; *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1989. С. 118. Однако нельзя исключать и игры слов, характеризующей быстрое продвижение офицеров Генштаба по службе.

[200] *Грулев М.* Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 140.

[201] *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 59; *Гурко Д.И.* Воспоминания генерала // *Гершельман Ф.К., Гурко Д.И.* Генералами рождаются: Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002. С. 256.

[202] *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. М., 1997. С. 180.

[203] *Деревянко И.В.* Мозг армии (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79.

[204] *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 61.

[205] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 3.

[206] Кстати, другой вождь Белого движения генерал-лейтенант А.И. Деникин также не мог забыть унижения, причиненного ему в академии, из которой он первоначально был исключен. См.: *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 68.

[207] Атаман Дутов в данном случае неточен: полковник Ф.Е. Махин был отчислен от старшего класса Императорской Николаевской военной академии в 1910 г., затем вновь поступил в старший класс академии в 1911 г. и в 1913 г. закончил

дополнительный курс по первому разряду с причислением к Генеральному штабу – РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243–230 (1917 г.). Л. 72—72об.

[208] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 34об. – 35.

[209] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 94.

[210] *Кроки* (от франц. croquis – набросок) – чертеж важнейших элементов участка местности, выполненный приемами глазомерной съемки (Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 789).

[211] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 51—51об.

[212] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 78, 96, 99, 102, 105, 107, 111об., 127об.

[213] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 21, 25, 29, 52, 59, 63, 77, 80, 96, 99, 125, 127, 153, 203; Д. 1384. Л. 346.

[214] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 8097. Л. 12.

[215] *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 287.

[216] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 203; Д. 1360. Л. 147, 162.

[217] *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 349.

[218] Подробнее см.: *Сазонов К.* Бунт роты 5-го Саперного батальона в ноябре 1906 года в Киеве // Военная Быль (Париж). 1971. № 111. Июль. С. 30–31.

[219] РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 542. Л. 8об.

[220] *Воробьева А.Ю.* Указ. соч. С. 30–31.

[221] Слесарев Константин Максимович (1870—03.1921) – Генерального штаба генерал-майор. Начальник Оренбургского казачьего училища (вплоть до 1920 г.). – *А. Г.*

[222] *Семенов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Б. м., 1938. С. 6–7.

[223] «Атаман Дутов, который хорошо умел говорить с казаками…» – *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 56. – *А. Г.*

[224] *Елисеев Ф.И.* А.И. Дутов в Оренбургском казачьем училище // Елисеев Ф.И. Первые шаги молодого хорунжего / Под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2005. С. 156–158.

[225] РГВА. Ф. 40215. Оп. 2. Д. 216. Л. 54.

[226] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 8097. Л. 13, 14, 15.

[227] РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 2624. Л. 1; *Александр* Ильич Дутов. С. 21.

[228] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 1об.

[229] *Александр* Ильич Дутов. С. 3–4.

[230] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 8097. Л. 6.

[231] *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 188.

[232] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 5.

[233] Цит. по: *Александр* Ильич Дутов. С. 24–25.

[234] Цит. по: *Александр* Ильич Дутов. С. 26–27.

[235] *Кручинин А.С.* Христианский рыцарь // Военная Быль (Москва). 1993. № 3 (132). С. 18.

[236] *Александр* Ильич Дутов. С. 4.

[237] Цит. по: *Александр* Ильич Дутов. С. 26.

[238] ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 119. Л. 15. Опубликовано в: Гостиный Двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах (Оренбург). 1999. № 7. С. 111.

[239] *Войнов В.М.* Атаман Дутов и трагедия оренбургского казачества // Рифей: Уральский краеведческий сборник. Челябинск, 1990. С. 71; Автор – атаман Дутов. Публикация В.М. Войнова // Урал (Екатеринбург). 1992. № 3. С. 165.

[240] *Еще раз* об Оренбургском институте благородных девиц. С. 232.

[241] *Труды* Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXIII. Оренбург, 1911. С. 268.

[242] *Трут В.П.* Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998. С. 35, 44–45, 52.

[243] РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 258. Л. 67об. Автор выражает благодарность А.В. Марыняку за указание этого источника.

[244] Там же. Л. 67об.

[245] *Андоленко С.* Высочайшие награды казачьим частям // Военная Быль (Париж). 1968. № 93. Сентябрь. С. 41.

[246] М.С. Тюлин неточен – Дутов был Войсковым атаманом. – *А. Г.*

[247] К моменту назначения Дутова на фронт Ф.А. Келлер уже командовал III конным корпусом. – *А. Г.*

[248] М.С. Тюлин ошибается – Дутов не был награжден Георгиевским оружием. – *А. Г.*

[249] М.С. Тюлин ошибается – Дутов не имел Георгиевских наград. – *А. Г.*

[250] Речь идет о первом выборном атамане Оренбургского казачьего войска (1917) генерал-майоре Николае Петровиче Мальцеве (1863–1920?). – *А. Г.*

[251] ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 54—54об.

[252] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

[253] РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 84. Л. 11–12.

[254] *Приказ* Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. 1916. № 296. 05.03.

[255] *Приказ* Начальника Штаба Верховного

Главнокомандующего. 1916. №. 617. 09.05.

[256] *Приказ* Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. 1916. № 1692. 07.12.

[257] РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 87. Л. 25об., 55; см. также: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Изд. 6. Кн. 1. М., 1988. С. 26.

[258] *Александр* Ильич Дутов. С. 5.

[259] *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 4. 1915–1917 гг. М., 1994. С. 50.

[260] РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.

[261] *Александр* Ильич Дутов. С. 5.

[262] Там же. С. 21–22.

[263] *Казаков А.* Румыния в Мировой войне // Румынский фронт. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / Сост. Ф.И. Васильев. М., 1922. С. 41–42.

[264] *Васильев Ф.И.* Румынский фронт // Румынский фронт. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Сост. Ф.И. Васильев. М., 1922. С. 81.

[265] *Полосин М.[П.]* 1918 год (из воспоминаний обывателя) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, 1930. С. 234.

[266] *Александр* Ильич Дутов. С. 120.

[267] *Высочайший* приказ от 16.10.1916 // Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. Октябрь. С. 27. (Библиотека РГВИА. Инв. № 14823).

[268] РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 89. Л. 4.

[269] *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 95.

[270] *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана // Белое дело. Избранные произведения: В 16 т. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 88.

[271] РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

[272] *Александр* Ильич Дутов. С. 120.

[273] РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 88. Л. 14, 17, 19, 21.

[274] *Васильев Ф.И.* Румынский фронт // Румынский фронт. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / Сост. Ф.И. Васильев. М., 1922. С. 116–117.

[275] РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 88. Л. 27.

[276] РГВИА. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 89. Л. 5.

[277] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 8097. Л. 16. Аналогичные документы сохранились в: ГАОО. Ф. 38. Оп. 2. Д. 103.

[278] РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 2624. Л. 2.

[279] Там же. Л. 1об.

[280] *Александр* Ильич Дутов. С. 21.

[281] *Шмелев А.В.* Казачество в 1917 году // Наши Вести. Издание Союза чинов Русского корпуса (Санта-Роза, Калифорния). 1998. Сентябрь. № 452/2753. С. 7.

[282] *Зайцев И.М.* Почему казачество безмолвствовало в 1917 году? // Армия и флот (Шанхай). 1932. Сентябрь. Т. 35. № 8—1169. С. 31.

[283] *Шкуро А.Г.* Указ. соч. С. 90–91.

[284] *Александр* Ильич Дутов. С. 6.

[285] Там же. С. 119.

[286] *Акулинин И.Г.* Атаман А.И. Дутов – Hoover Institution Archives. Mariia Dmitrievna Vrangel' Collection. Box 14. Folder 8.

[287] *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Париж, 1921. С. 120–121.

[288] *Русский* инвалид (Петроград). 1917. № 64. 15.03. С. 3.

[289] *Вестник* Союза Казачьих Войск (Петроград). 1917. № 1. 30.04. С. 1.

[290] *Новосильцев Д.[Г.]* Совет Союза казачьих войск в Петрограде // Наша станица (Белград). 1937. № 25–26. Март – апрель. С. 12.

[291] *Труды* Общеказачьего Съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде / Обработаны под редакцией И.Г. Харламова. Пг., 1917. С. 11.

[292] Там же. С. 84.

[293] *Шмелев А.В.* Указ. соч. (Окончание) // Наши Вести. Издание Союза чинов Русского корпуса (Санта-Роза, Калифорния). 1999. Июнь. № 455/2756. С. 9.

[294] *Александр* Ильич Дутов. С. 6.

[295] *Зайцев И.М.* Указ. соч. С. 31.

[296] *Русский* инвалид. 1917. 17.04. № 89. С. 3.

[297] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 181, 185об.

[298] *Верцинский Э.А.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 47.

[299] *Александр* Ильич Дутов. С. 119.

[300] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 188.

[301] *Вестник* Союза Казачьих Войск. 1917. № 1. 30.04. С. 1.

[302] Далее следует разнарядка представительства казачьих войск во Временном Совете. – *А. Г.*

[303] *Вестник* Союза Казачьих Войск. 1917. № 1. 30.04. С. 3–4.

[304] Подробнее см.: *Протоколы* 1-го Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1917.

[305] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 26–27.

[306] *Дутов А.[И.]* Всероссийский казачий круг // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917. № 10. 21.07. С. 1.

[307] *Ермолин А.П.* Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982. С. 35.

[308] *Половцов П.А.* Дни затмения: Записки Главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа генерала П.А. Половцова в 1917 году. М., 1999. С. 96–97.

[309] *Шмелев А.В.* Указ. соч. (Окончание). С. 10.

[310] *Греков А.Н.* Союз Казачьих Войск в Петрограде в 1917 году // Донская летопись: Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. Б. м. 1923. № 2. С. 240. Уточнено по: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 181; *Вестник* Союза Казачьих Войск. 1917. № 14. 01.08. С. 3; *Протокол* Заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1917. 29.09.

[311] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9.

[312] *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 54. (К сожалению, Г.З. Иоффе не указывает источник этих сведений. – *А. Г.*).

[313] Там же. С. 53.

[314] Подробнее о позднейших мифах на этот счет см.: *Катков Г.М.* Дело Корнилова. М., 2002. С. 162–171.

[315] В частности, автор одной из последних публикаций на эту тему, стремясь доказать наличие такого заговора, основывается в основном на воспоминаниях А.Ф. Керенского и исследовании Г.З. Иоффе, которые в силу своей идеологической направленности априори не могут дать объективной картины рассматриваемых событий (см.: *Абинякин Р.М.* Военно-патриотические организации 1917 года: к предыстории Белого движения // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург): Исторический научно-популярный альманах. 1999. № 6. С. 5—12).

[316] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 88. Л. 165.

[317] *Вестник* Союза Казачьих Войск. 1917. № 11. 07.07. С. 4.

[318] *Александр* Ильич Дутов. С. 23.

[319] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 247.

[320] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 46. Л. 16об.

[321] Там же. Л. 10–11.

[322] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 5. 09.07. С. 4; *Войнов В.М.* Дутов Александр Ильич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 104.

[323] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 20. 13.08. С. 2.

[324] *Дутов А.[И.]* Всероссийский казачий круг // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917. 21.07. № 10. С. 1–2.

[325] См., напр.: *Оренбургский* казачий вестник. 1917. 23.07. № 11. С. 1.

[326] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 205. Л. 1–4.

[327] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 14. 18.01. С. 4.

[328] *Вестник* Союза Казачьих Войск. 1917. № 14. 01.08. С. 4.

[329] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 252.

[330] *Вестник* Союза Казачьих Войск. 1917. № 15. 05.08. С. 6.

[331] Там же. С. 4.

[332] *Дело* генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г.: В 2 т. Т. 2. Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых. 27 августа – 6 ноября 1917 г. М., 2003. С. 202.

[333] *Басханов М.К.* Генерал Лавр Корнилов. Лондон, 2000. С. 417.

[334] В несколько отличающейся от архивного экземпляра газетной версии резолюции после этих слов добавлено «и герою, вождю революции КЕРЕНСКОМУ» – *Вестник* Союза Казачьих Войск. 1917. № 16. 12.08. С. 1.

[335] Машинописная копия – ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 77. Л. 36—36об.

[336] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 253.

[337] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.

[338] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 283.

[339] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.

[340] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 253.

[341] *Амфитеатров-Кадашев В.А.* Страницы из дневника / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. М. – СПб., 1996. С. 490.

[342] *Казачество.* Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 375.

[343] *Мельников Н.М.* Алексей Максимович Каледин. Личность и деятельность (Воспоминания) // Донская летопись: Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. Б. м. 1923. № 1. С. 24.

[344] *Государственное* совещание: Стенографический отчет / С предисл. Я.А. Яковлева. М.—Л., 1930. С. 74. Из цитаты исключены выкрики с мест и комментарии. – *А. Г.*

[345] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 34. Июль – октябрь 1917. М., 1981. С. 127.

[346] *Государственное* совещание. С. 367.

[347] Там же. С. 290.

[348] Там же. С. 289.

[349] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 259–260.

[350] *Государственное* совещание. С. 289.

[351] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 20. 13.08. С. 2–3.

[352] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 24. 23.08. С. 2–3.

[353] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 261; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 331.

[354] *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. М. – Мн., 2001. С. 337.

[355] Лучшее описание обстоятельств произошедшего, на мой взгляд, содержится в брошюре Б.В. Савинкова: «26-го вечером я приехал в Зимний Дворец на заседание Временного Правительства для защиты законопроекта о смертной казни в тылу. Почти немедленно из Малахитовой залы я был вызван в кабинет Керенского… Керенский молча протянул мне исписанный листок бумаги. Я прочел его и не поверил своим глазам. Я не помню дословно текста, но смысл его состоял в том, что верховный главнокомандующий требует немедленной передачи всей полноты военной и гражданской власти ему. Под этим ультиматумом стояла подпись: «В. Львов». Львова я почти не знал, о его беседах с Керенским тоже не знал, о его поездках в ставку тоже не знал. Поэтому прочитанный мной ультиматум мне показался мистификацией. Но Керенский сказал, что он проверил заявление Львова по прямому проводу у ген. Корнилова, и в доказательство показал мне ленту своего разговора. В ленте этой не содержалось текста ультиматума, предъявленного Львовым. Керенский спрашивал кратко, подтверждает ли ген. Корнилов то, что говорит Львов, и ген. Корнилов ответил: «Да, подтверждаю». Ни тогда, ни после, ни теперь я не понимал и не понимаю, как мог Керенский в деле столь огромного государственного значения ограничиться таким неопределенным вопросом, и я не понимал и не понимаю, как мог ген. Корнилов подтвердить то, содержание чего ему не было и не могло быть известно. Я был убежден, что в основе происходящего лежит недоразумение. Ген. Корнилов, я в этом не сомневался, не принимал участия в заговоре. Три дня назад он уверял меня, что будет верно служить Временному Правительству. За три дня не случилось ничего, что могло бы поколебать его решение» (*Савинков Б.[В.]* К делу Корнилова. Париж, 1919. С. 24–25). Нельзя исключить и преднамеренной провокации со стороны Керенского, стремившегося устранить своего потенциального соперника. – *А. Г.*

[356] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 141об.; опубл. в: *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 32.

[357] *Лукомский А.[С.]* Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 122.

[358] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 142; опубл. в: *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 32.

[359] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 143; опубл. в: *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 33.

[360] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 58. Л. 1—1об.; опубл. в: *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 494.

[361] *Басханов М.К.* Указ. соч. С. 459.

[362] Можно предположить, что речь идет о событиях 23 августа, когда ординарец Корнилова В.С. Завойко в связи с приездом Б.В. Савинкова был, согласно его собственных показаний, отправлен из Ставки на два дня в одно из имений в окрестностях Могилева – *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 98.

[363] *Хан Хаджиев.* Великий Бояр. Белград, 1929. С. 115.

[364] *Л. Т-ов.* Воспоминания атамана А.И. Дутова о генерале Л.Г. Корнилове // Русская армия (Омск). 1919. № 84. 26.04. С. 2.

[365] Записано под диктовку В.Н. Львова 25 мая 1921 г., в редакции «Последних Новостей» (прим. П.Н. Милюкова. – *А. Г.*).

[366] Известная правая организация под председательством члена Государственной Думы П.Н. Крупенского (прим. П.Н. Милюкова. – *А. Г.*).

[367] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 337, 407.

[368] *Вакар Н.[П.]* Заговор Корнилова (беседа с А.Ф. Керенским) // Последние Новости (Париж). 1937. № 5812. 21.02. С. 2; *Катков Г.М.* Указ. соч. С. 165.

[369] *История* гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка великой пролетарской революции. М., 1935. С. 199.

[370] *Вакар Н.[П.]* Заговор Корнилова (беседа с А.Ф. Керенским) // Последние Новости. 1937. № 5811. 20.02. С. 2.

[371] *Сидорин В.[И.]*, ген. Заговор Корнилова (письмо в редакцию) // Последние Новости. 1937. № 5817. 26.02. С. 3; *Дюсиметьер [Л.П.]*, полк. Заговор Корнилова (письмо в редакцию) // Последние Новости. 1937. № 5907. 28.05. С. 3.

[372] *Вакар Н.[П.]* Генерал Л.Г. Корнилов и А.Ф. Керенский. Беседа с П.Н. Финисовым // Последние Новости. 1937. № 5825. 06.03. С. 3.

[373] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 50–51.

[374] Там же. Л. 60.

[375] *Солоневич И.Л.* Пути, ошибки и итоги // Солоневич И.Л. Белая империя. М., 1997. С. 288.

[376] *Дело* генерала Л.Г. Корнилова. Т. 2. С. 161.

[377] *Тоболин Ив.* Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича // Красный архив. Исторический журнал (М.—Л.). 1928. № 1 (26). С. 171; *Филипп Миронов.* Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 30.

[378] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 263.

[379] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 145об.; опубл. в: *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 35.

[380] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 146; опубл. в: *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 35–36.

[381] Цит. по: *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 268.

[382] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 65–66.

[383] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 269.

[384] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 146об.; опубл. в: *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 36.

[385] *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 1. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. М., 2003. С. 81–82.

[386] Цит. по: *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 423.

[387] *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 34. М., 1981. С. 434.

[388] *Шмелев А.В.* Указ. соч. (Окончание). С. 11.

[389] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 39. 19.09. С. 5.

[390] *Речь* (Петроград). 1917. № 214. 12.09. – ОР РГБ. Ф. 135. Разд. 3. Карт. 21. Д. 15. Л. 6; Председатель совета союза казачьих войск А.И. Дутов о результатах совещания казаков // Армия и Флот Свободной России (Петроград). 1917. № 211. 14 (27).09. С. 3.

[391] *Греков А.Н.* Указ. соч. С. 270.

[392] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 60. 24.10. С. 2.

[393] ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 63—63об.; опубл. в: *Дело* генерала Л.Г. Корнилова… Т. 2. С. 60–61.

[394] *Верховский А.И.* Россия на голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918. С. 134.

[395] *Приказ* Временного правительства армии и флоту о чинах военных. 1917. 16.10. С. 15.

[396] *Александр* Ильич Дутов. С. 8.

[397] *Вестник* Союза Казачьих Войск. 1917. № 18. 16.09. С. 2.

[398] *Протокол* заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1917. 20.09.

[399] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 41. 01.10. С. 2.

[400] *Сафонов Д.А.* Легенда о «казачьем мятеже» // 1743. Историко-литературный альманах (Оренбург). 2000. № 1. С. 38–39.

[401] *Казачий* делегат. Среди казаков (Обзор казачьего делегата) // Рабочий класс Урала в годы войны и революции. В документах и материалах / Под ред. А.П. Таняева. Т. 3. Октябрьский переворот. Свердловск, 1927. С. 138.

[402] ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 120. Л. 132—132об.

[403] *Войтинский* Владимир Савельевич (12.11.1885—11.06.1960) – член РСДРП(б). В 1917 г. – меньшевик. Комиссар Временного правительства на Северном фронте (с середины июля

1917 г.). – *А. Г.*

[404] Т. е. Верховным главнокомандующим. – *А. Г.*

[405] По всей видимости, речь идет о назначении Генерального штаба генерала от инфантерии В.А. Черемисова Главнокомандующим армиями Северного фронта 9 сентября 1917 г. – *А. Г.*

[406] *Филоненко* Максимилиан Максимилианович (1880–1947) – правый эсер. Двоюродный брат Л.С. Канегиссера. С лета 1917 г. – комиссар 8-й армии, затем комиссар Юго-Западного фронта. С июля 1917 г. – Верховный комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего. Сторонник Корнилова, затем перешел на сторону Керенского. – *А. Г.*

[407] Т. е. Верховный главнокомандующий. – *А. Г.*

[408] ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 44. Л. 63–77.

[409] В документе ошибочно – «отвечающему». – *А. Г.*

[410] *Протокол* заседания чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1917. 27.09.

[411] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 42. 02.10. С. 1.

[412] Там же. С. 2.

[413] *Казачий* делегат. Среди казаков (Обзор казачьего делегата) // Рабочий класс Урала в годы войны и революции. В документах и материалах / Под ред. А.П. Таняева. Т. 3. Октябрьский переворот. Свердловск, 1927. С. 138.

[414] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 45. 06.10. С. 4.

[415] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 5.

[416] *Александр* Ильич Дутов. С. 29–30.

[417] Там же. С. 30.

[418] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 55. 18.10. С. 4.

[419] Что подразумевает Щепихин в данном случае, не ясно. – *А. Г.*

[420] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 51об. – 52.

[421] Автор неточен, тогда еще Петрограду. – *А. Г.*

[422] *Щепихин С.А.* Под стягом Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г.: Сборник 1. Прага, 1930. С. 166–167.

[423] Р.Б. Гуль ошибается – Дутов вплоть до 1919 г. не был причислен к Генеральному штабу и не носил бороды, после контузии он носил усы и короткие стрижки. – *А. Г.*

[424] *Гуль Р.Б.* Красные маршалы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 231.

[425] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 4—4об.

[426] *Александр* Ильич Дутов. С. 23.

[427] *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 34. М., 1981. С. 219.

[428] *Акулинин И.Г.* Атаман А.И. Дутов – Hoover Institution Archives. Mariia Dmitrievna Vrangel' Collection. Box 14. Folder 8.

[429] *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 34. М., 1981. С. 434.

[430] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 63. 27.10. С. 1.

[431] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 65. 29.10. С. 1.

[432] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9.

[433] РГВА. Ф. 40215. Оп. 2. Д. 214. Л. 140–141.

[434] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 29. Л. 35.

[435] *Белая* Россия. Альбом № 1 / Сост. Генерального штаба генерал-лейтенант С.В. Денисов. Нью-Йорк, 1937. С. 36.

[436] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 88. Л. 171.

[437] *Войнов В.М.* Оренбургское казачье войско в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1919 гг.) // Оренбургское казачье войско: исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 74.

[438] *Страничка* революционной борьбы оренбургского пролетариата. Вып. 1. Оренбург, 1921. С. 16.

[439] *Саликов Д.[П.]* Первый удар // За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С. 80–81.

[440] *Протоколы* 1-го очередного съезда первого округа Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1917. С. 30.

[441] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 68. 02.11. С. 3.

[442] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 67. 01.11. С. 1.

[443] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 69. 03.11. С. 4.

[444] Цит. по: *Митропольская Т.Б.* Из истории семиреченского казачества: Учебное пособие. Алматы, 1997. С. 66.

[445] ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–3.

[446] *Минц И.И.* История Великого Октября. В 3 т. Т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1979. С. 369; *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Париж, 1922. С. 184.

[447] *Сафонов Д.А.* Указ. соч. С. 35–62.

[448] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 70. 04.11. С. 4.

[449] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 72. 07.11. С. 4.

[450] *Щербаков П.К.* Дни великих свершений // За власть Советов. Саратов, 1968. С. 125–127.

[451] Так его фамилия писалась в документах того времени, в литературе обычно упоминается как Цвиллинг.

[452] *Сафонов Д.А.* Указ. соч. С. 59.

[453] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 81. 17.11. С. 3.

[454] *Попов Ф.Г.* Дутовщина (Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). М. – Самара, 1934. С. 31.

[455] *Еленевский А.[П.]* Перечисление войсковых частей Поволжья и Сибири в 1918–1919 годах // Военная Быль (Париж). 1968. № 89. Январь. С. 38.

[456] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 73. 08.11. С. 4.

[457] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 88. Л. 248.

[458] Судя по всему, Дутов здесь решил продемонстрировать молодой сестре милосердия свою решительность, о расстрелах в начальный период борьбы Дутова сведений нет. – *А. Г.*

[459] *Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931. С. 48–51.

[460] Там же. С. 52.

[461] Там же. С. 55.

[462] Там же. С. 59.

[463] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 118. Л. 23.

[464] Там же. Л. 26.

[465] Там же. Л. 59.

[466] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 76. 11.11. С. 3.

[467] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 80. 16.11. С. 1.

[468] *Александров Ф.А.* Разгром дутовщины // На фронте и в тылу. Из истории гражданской войны и укрепления советской власти на Урале. Пермь, 1959. С. 10.

[469] *Александр* Ильич Дутов. С. 116.

[470] *Евдокимов И.* Побег большевистских комиссаров из дутовской тюрьмы: Записки бывшего тюремного надзирателя // Гражданская война в Оренбургском крае. По воспоминаниям участников Гражданской войны и документам / Сост. А. Борисов. Чкалов, 1939. С. 63.

[471] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 150. Л. 16об.

[472] С.М. Цвилинг, А.А. Коростелев, И.Д. Мартынов и другие после побега выехали в Бузулук.

[473] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 80. 16.11. С. 3.

[474] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 84. 21.11. С. 2.

[475] *Войнов В.М.* Оренбургское казачье войско… С. 77.

[476] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 218.

[477] *Лисовский Н.К.* Октябрь на Южном Урале (Борьба за установление и упрочение Советской власти на Южном Урале в 1917–1918 гг.). Челябинск, 1957. С. 96–97.

[478] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 25. Дутов позднее заявлял о 32 000 человек – ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9.

[479] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 35.

[480] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

[481] *Триумфальное* шествие Советской власти. Ч. 1. М., 1963. С. 391.

[482] РГВИА. Ф. 8049. Оп. 1. Д. 1. Л. 36об.

[483] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 4. 05.01. С. 2.

[484] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 6об.

[485] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 158. Л. 103.

[486] *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Черчилль и Милюков против Советской России. М., 1989. С. 13.

[487] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 94. 05.12. С. 4.

[488] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 1. 01.01. С. 1.

[489] *Александров Ф.А.* Указ. соч. С. 9; *Булах В.* Как рабочие защищали Оренбург от белых. М., 1928. С. 3.

[490] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 89. 28.11. С. 6.

[491] *Правда.* Центральный орган РСДРП. 1917. 09.12. (26.11.). № 200 (131). С. 1.

[492] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 80. Л. 194об.

[493] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 18. Л. 172, 174.

[494] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 100. 13.12. С. 4; Почти такой же текст был принят станицей Травниковской и спустя полтора года 23 марта 1919 г. – ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 29. Л. 79—79об.

[495] *Хесин С.С.* Матросы революции. Участие военных моряков в борьбе за упрочение Советской власти (октябрь 1917 г. – март 1918 г.). М., 1958. С. 266.

[496] *В.И. Ленин* и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 27–28.

[497] *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. М., 1979. С. 472.

[498] *Большаков Л.* Это было в семнадцатом… // Урал (Свердловск). 1961. № 4; *Уральский* Следопыт (Свердловск). 1967. № 4. С. 8; *Скробов В.С.* Военное строительство на Урале в период упрочения Советской власти. Разгром Дутовщины // Защита Великого Октября. М., 1982. С. 194.

[499] *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 50. М., 1982. С. 10.

[500] *Известия* Центрального Исполнительного Комитета и петроградского совета Рабочих и Солдатских депутатов (Петроград). 1917. № 238. 28.11. С. 3–4.

[501] Исправлены опечатки, допущенные в статье по вине редакции газеты. Исправления внесены по: *Поправка* // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 94. 05.12. С. 2.

[502] Имеется в виду председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, фактический руководитель Петроградского военно-революционного комитета, народный комиссар иностранных дел Л.Д. Троцкий (Бронштейн). – *А. Г.*

[503] Аппельбаум Я.В. – представитель большевистской организации г. Троицка. Комиссар штаба Сводного Северного летучего отряда. – *А. Г.*

[504] В тексте не согласованно – «брат». – *А. Г.*

[505] В газете была допущена опечатка, имеющая свой смысл – вместо «избранники» было напечатано «тиранники», однако уже в

следующем номере газеты редакция принесла свои извинения. – *А. Г.*

[506] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 93. 03.12. С. 2.

[507] Настоящая фамилия большевика Г.Е. Зиновьева – Радомысльский. – *А. Г.*

[508] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 96. 08.12. С. 2; *Александр* Ильич Дутов. С. 56–59.

[509] *Копытин М.[П.]* Мой ответ // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. № 4. 05.01. С. 3.

[510] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 104. 17.12.

[511] Там же.

[512] Там же.

[513] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 4. 05.01. С. 3.

[514] Цит. по: *Апрелков А.В., Попов Л.А.* Судьбы казацкие. Челябинск, 2002. С. 219.

[515] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 101. 14.12. С. 2; *Рубин А.Г.* Оренбургское казачье войско: октябрь – декабрь 1917 г. // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Мат-лы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 107.

[516] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 101. 14.12. С. 2; № 104. 17.12.

[517] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 107. 21.12. С. 4.

[518] Киргизами или киргиз-кайсаками в Российской империи называли казахов.

[519] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[520] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 25; *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 98. 10.12. С. 2.

[521] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 99. 12.12. С. 3.

[522] 13 декабря была принята резолюция Войскового Круга по докладу военной комиссии о стягивании в войско всех частей для его защиты, причем принятые постановления в отношении фронтовых частей были отнесены и к полкам, находившимся в Туркестане (4-й и 6-й Оренбургские казачьи полки) (Оренбургский казачий вестник. 1917. № 102. 15.12. С. 2; № 99. 12.12. С. 3. – *А. Г.*).

[523] *Попов Ф.Г.* Дутовщина. С. 58–59.

[524] *Саликов Д.[П.]* Первый удар // За власть Советов: Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье / Сост. А.Я. Борисов и А.Г. Мартынова. Чкалов, 1957. С. 86.

[525] *Сафонов Д.А.* Указ. соч. С. 52.

[526] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 95. Л. 13–17.

[527] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9.

[528] *Федоров А.М.* Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией (Ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.). М., 1940. С.

82.

[529] *Александров Ф.А.* Указ. соч. С. 8.

[530] *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины (1917–1919). М., 1964. С. 11.

[531] *Нестерович-Берг М.А.* Указ. соч. С. 115.

[532] *Кручинин А.С.* Генерал-от-кавалерии А.М. Каледин // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель… / Сост. А.С. Кручинин. М., 2003. С. 141.

[533] *Документы* по истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап Гражданской войны / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. М., 1941. С. 36.

[534] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 214. Л. 1.

[535] *Кручинин А.С.* Атаман Г.М. Семенов // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов… / Сост. А.С. Кручинин. М., 2004. С. 244.

[536] Мне известны два брата Василий и Георгий Федоровичи Февралевы. Василий Федорович, по данным на 1910 г., являлся подъесаулом 1-го Нерчинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска, в 1916 г. он умер в Одессе от тяжелого ранения, полученного в Карпатах, в чине войскового старшины (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 320. Л. 19). Георгий Федорович в 1910 г. находился в чине есаула – Общий список офицерским чинам Русской ИМПЕРАТОРСКОЙ Армии. Сост. по 1-е Января 1910 г. СПб., 1910. С. 637, 841. К 1918 г. он дослужился до чина войскового старшины. Впрочем, нельзя однозначно утверждать, что к Дутову ездил именно Георгий Федорович Февралев.

[537] *Борьба* за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967. С. 92.

[538] *Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь – август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.): Сб. науч. статей. Хабаровск, 1999. С. 41.

[539] *Марковчин В.В.* Три атамана. М., 2003. С. 75.

[540] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 106. 20.12. С. 2; *Нарский И.В.* Две трагедии в Оренбурге, или Что приключилось в умах оренбуржцев за 12 лет // Оренбургское казачье войско: Страницы истории XIX–XX веков: Сборник научных трудов. Челябинск, 1999. С. 110–113.

[541] *Гражданская* война в Оренбургском крае. Чкалов, 1939. С. 25.

[542] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9.

[543] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1803. Л. 102.

[544] Там же. Л. 194.

[545] *Войнов В.М.* Оренбургское казачье войско… С. 76.

[546] *Трунин В.В.* На Каргалинском фронте (Записки добровольца) // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 111. 29.12. С. 2; *Яконовский Е.[М.]* Каргала // Военная Быль (Париж). 1952. № 2. С. 27.

[547] *Карпухин И.И., Александров А.И.* Северный летучий. Челябинск, 1972. С. 23.

[548] *Подшивалов И.* Указ. соч. С. 112.

[549] Составлено по: *Авдеев А.* Из истории борьбы за Советы // Пролетарская революция. 1930. № 9 (104). С. 99; *Александров Ф.А.* Указ. соч.; *Зануздanов Г.[И.]* С Румынского фронта – в отряд Кобозева // За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С. 131–134; *Лисовский Н.К.* Октябрь на Южном Урале (Борьба за установление и упрочение Советской власти на Южном Урале в 1917–1918 гг.). Челябинск, 1957. С. 112; *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. М., 1979. С. 471–472; *Петров С.М.* Борьба с дутовщиной (Первый этап, 1917 год – январь 1918 года). Челябинск, 1937. С. 92–97; *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале 1917–1918: Опыт военно-исторического исследования. М., 1925. С. 112; *Попов Ф.Г.* Дутовщина. С. 64–65 и др.

[550] *Гражданская* война в СССР. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). М., 1980. С. 87; *Федоров А.М.* Указ. соч. С. 85.

[551] *Блюхер В.К.* Статьи и речи. М., 1963. С. 44.

[552] Подробнее см.: *Граф Г.К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 268–279.

[553] Подробнее см.: *Ганин А.В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 30–31; *Хромов П.* Антивоенные выступления в войсках 12-й армии Северного фронта в конце 1916 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 4.

[554] *Подшивалов И.* Указ. соч. С. 58.

[555] *Скорбный путь* Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. 3. М., 2001. С. 244.

[556] *Гражданская* война в СССР. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). М., 1980. С. 87; *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. М., 1979. С. 472.

[557] *Триумфальное* шествие Советской власти. Ч. 1. М., 1963. С. 418; *Александров Ф.А.* Указ. соч. С. 15; *Карпухин И.И., Александров А.И.* Указ. соч. С. 35.

[558] *Александров Ф.А.* Указ. соч. С. 20.

[559] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 158. Л. 98.

[560] *Гражданская* война в СССР. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). М., 1980. С. 87.

[561] *Карпухин И.И., Александров А.И.* Указ. соч. С. 45.

[562] *Документы* по истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап Гражданской войны. М., 1940. С. 64.

[563] ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 574. Л. 2.

[564] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 111. 29.12. С. 3.

[565] *Попов Ф.Г.* Дутовщина. С. 67.

[566] *Кобозев П.[А.]* В борьбе за массы // За власть Советов: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С. 37.

[567] *Оренбургский* край (Оренбург). 1918. № 5. 06.01. С. 4.

[568] *Лесевицкий Н.* Борьба за Оренбург и Орск в 1917—19 г. // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. Кн. 4. М., 1923. С. 64.

[569] *Оренбургский* казачий вестник. 1917. № 112. 30.12. С. 4.

[570] *Оренбургский* казачий вестник. 1918 № 4. 05.01. С. 4.

[571] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 158. Л. 84.

[572] *Подшивалов И.* Указ. соч. С. 113.

[573] *Федоров А.М.* Указ. соч. С. 86.

[574] *Трубецкой А.Е.* Как мы пытались спасти Царскую Семью (история одной попытки) // Дворянское Собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах (Москва). 1995. № 2. С. 64; См. также несколько отличающуюся версию того же текста: *Трубецкой А.Е.* История одной попытки (январь – февраль 1918 г.) // Князья Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 523.

[575] *Карпухин И.И., Александров А.И.* Указ. соч. С. 57.

[576] Там же. С. 54.

[577] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

[578] Там же. Л. 2.

[579] Там же. Л. 13, 14.

[580] РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 207.

[581] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 2. 03.01. С. 4.

[582] *Яконовский Е.[М.]* Каргала // Военная Быль (Париж). 1952. № 2. С. 23.

[583] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 158. Л. 84.

[584] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

[585] Там же. Л. 10.

[586] РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 207.

[587] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 7. 10.01. С. 3.

[588] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

589 Там же. Л. 6об.

590 *Авдеев А.* Указ. соч. С. 100.

591 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 7. 10.01. С. 3.

592 *Страничка* революционной борьбы оренбургского пролетариата. Вып. 1. Оренбург, 1921. С. 24.

593 Подробнее см.: *Мутнов Н.* Помощь из Ташкента // За власть Советов: Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С. 76–77.

594 *Авдеев А.* Указ. соч. С. 102.

595 *Ермаков П.[З.]* Указ. соч. По другим данным – 2 37-мм траншейных орудия, 2 3-дм орудия, 2 мортирных оружия, 4 пулемета. В поезде было 4 теплушки и 3 платформы (*Карпухин И.И., Александров А.И.* Указ. соч. С. 70).

596 РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

597 *Яконовский Е.[М.]* Каргала // Военная Быль (Париж). 1952. № 3. С. 27.

598 ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 10.

599 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 11. 14.01. С. 1.

600 Там же. С. 2.

601 *Лесевицкий Н.* Указ. соч. С. 65.

602 *Авдеев А.* Указ. соч. С. 101.

603 *Ермаков П.[З.]* Указ. соч.

604 *Подшивалов И.* Указ. соч. С. 114.

605 *Яконовский Е.[М.]* Каргала // Военная Быль (Париж). 1952. № 3. С. 27.

606 Там же. С. 34.

607 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 11. 14.01. С. 4; № 12. 16.01. С. 4.

608 *Оренбургский* край. 1918. № 5. 06.01. С. 3.

609 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 14. 18.01. С. 1.

610 *Яконовский Е.[М.]* Каргалла // Военная Быль (Париж). 1952. № 3. С. 28–33.

611 РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 232.

612 ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 158. Л. 115.

613 РГВА. Ф. 40215. Оп. 2. Д. 214. Л. 150.

614 *Карпухин И.И., Александров А.И.* Указ. соч. С. 84–85.

615 *Яконовский Е.[М.]* Пугачевские дороги // Военная Быль (Париж). 1955. № 12. С. 2.

616 *Беленинов А.[С.]* Вперед // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 16. 21.01. С. 2.

617 Имеются в виду австрийские знамена. – *А. Г.*

618 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 16. 21.01. С. 4.

619 *Подшивалов И.* Указ. соч. С. 114.

620 *Авдеев А.* Указ. соч. С. 103.

[621] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. М., 1981. С. 322.

[622] *The Trotsky* Papers. Edited and annotated by Jan M. Meijer. Vol. I. 1917–1919. L. – P., 1964. P. 26.

[623] *Что делать* дальше? (Письмо к трудовому демократическому казачеству) // *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 16. 21.01. С. 2.

[624] *Седельников Т.[И.]* На другой день // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 15. 19.01. С. 2.

[625] *Протокол № 7* 2-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Верхнеуральск, 1918. 03.02.

[626] *Оренбургский* церковно-общественный вестник (Оренбург). 1918. № 7. 03.03. С. 3.

[627] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 20. 28.01. С. 4.

[628] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 158. Л. 112.

[629] 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк в документах и фотографиях / Публ. В.Г. Семенова // Гостиный Двор (Калуга). 1997. № 5. С. 218.

[630] *Шмотин М.[П.]* Славный подвиг казаков[-]Оренбур[ж]цев // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 42.

[631] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 255об.

[632] Предположительно речь идет о Филиппе Ивановиче Никитине (11.10.1856 – не позднее 1918), впрочем находившемся уже в годы Первой мировой войны в чине полковника. – *А. Г.*

[633] *Г.Ц.* Большевистские дни Оренбурга // Яицкая Воля (Уральск). 1918. № 151. 11 (24).08. С. 1.

[634] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 55. 08.09. С. 4.

[635] *Сафонов Д.А.* Указ. соч. С. 57.

[636] *Коростелев А.[А.]* Мои встречи с С. Цвиллингом // За власть Советов: Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С. 64.

[637] *Быков П.М.* Красная армия в борьбе за Урал. Свердловск, 1928. С. 95.

[638] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 93. Л. 8об.

[639] *Октябрь* в Поволжье. Саратов, 1967. С. 278.

[640] Правильно – Уртазымский. – *А. Г.*

[641] По имеющимся сведениям, Дутова в поселке Уртазымском ст. Таналыцкой попытался арестовать каторжник С.К. Колоколов (попал на каторгу за убийство поселкового атамана) (*За счастье* народное. Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 63, 331).

[642] В другом варианте рассказа об этом эпизоде Дутов сказал, что в поселке Уртазымском собралось на сход до 300 человек, озлобленных против него. Дутов своей речью якобы не только успокоил казаков, но настоял на открытии в поселке школы и собрал на нее на сходе 2500 руб. В станице Магнитной на сход собралось более 1000 человек, всех их Дутов опять-таки сумел настроить не против себя, а против большевиков («*С.Р.*» Генерал Дутов // Уфимская жизнь (Уфа). 1918. № 891 (109). 25.07 (07.08). С. 2).

[643] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 7. 11.07. С. 4.

[644] Автор неточен – Дутов был убит в 1921 г. – *А. Г.*

[645] *Гуль Р.Б.* Указ. соч. С. 231–232.

[646] Подробнее о М.С. Лопухине см.: *Трубецкой С.Е.* Минувшее // Князья Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 254–256; *Краевский Б.П.* Лопухины в истории Отечества. М., 2001. С. 466–467.

[647] *Трубецкой А.Е.* Как мы пытались… С. 62.

[648] *Попытка* спасения Царской Семьи из Тобольска (Отрывок из книги «Сумские гусары 1651–1951») // *Марков С.В.* Покинутая Царская Семья. 1917–1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. М., 2002. С. 538; *Соколов К.* Попытка освобождения Царской Семьи (Декабрь 1917 – Февраль 1918 г.) // Архив русской революции. Т. XVII. Берлин, 1926. С. 282; *Мельгунов С.[П.]* Судьба императора Николая II после отречения: Историко-критические очерки. Париж, 1951. С. 251.

[649] *Трубецкой А.Е.* Как мы пытались… С. 64.

[650] Там же. С. 63.

[651] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. 16.01. С. 4.

[652] *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период

Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 194.

[653] *Атаман* Дутов. Очерки по истории казачества // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 62. 09.04. С. 2.

[654] *Уральский* маяк (Верхнеуральск). 1918. № 50. 27.12. С. 2.

[655] БФРЗ. Ф. 1. Е-109. *Засс-Корчинский В.* Записки. Л. 25.

[656] *Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург, 2003. С. 91, 126, 221, 438, 445, 450, 451, 454, 464, 465, 468, 479, 482.

[657] *Ферро М.* Николай II. М., 1991. С. 321.

[658] *Подъесаул Ю.П.М.* Об атамане А.И. Дутове // ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

[659] *Протоколы* 2-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Верхнеуральск, 1918. С. 152. То же – ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 2.

[660] Подробнее см.: *Протоколы* 2-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Верхнеуральск, 1918. То же – ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 1—15.

[661] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 4. Л. 97.

[662] *Войнов В.М.* Судьба офицерского корпуса в решениях 2-го Чрезвычайного Круга Оренбургского казачьего войска (январь – февраль 1918 г.) // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Мат-лы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 117.

[663] Имеется в виду Войсковой Круг. – *А. Г.*

[664] На самом деле на тот момент Дутову было 39 лет. – *А. Г.*

[665] *Полосин М.[П.]* Указ. соч. С. 236–237.

[666] Там же. С. 240.

[667] *Апрелков А.В., Попов Л.А.* Судьбы казацкие. С. 213.

[668] *Письмо А.И.* Дутова к М.П. Богаевскому // Донская волна. 1918. № 17. 07.10. С. 15–16.

[669] *Гражданская* война в Оренбургском крае. По воспоминаниям участников Гражданской войны и документам. Сост. А. Борисов. Чкалов, 1939. С. 286.

[670] *Пожидаева Г.В.* Организация Советской власти весной 1918 г. в Оренбургском казачьем войске // Из истории партийных организаций Урала: Сб. ст. Свердловск, 1971. С. 49–50.

[671] *Шереметьев А.С.* В борьбе за трудовое казачество // За счастье народное: Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 72.

[672] *Пожидаева Г.В.* Организация Советской власти весной 1918 г. в Оренбургском казачьем войске // Из истории партийных организаций Урала: Сб. ст. Свердловск, 1971. С. 50.

[673] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990. С. 187.

[674] *Полосин М.[П.]* Указ. соч. С. 238.

675 Там же. С. 238–239.

676 Там же. С. 241.

677 Там же. С. 242.

678 Там же. С. 243.

679 *Ликвидация* Дутовщины // Рабочее утро (Оренбург). 1918. № 10. 18 (05).04. С. 2.

680 *Воротовов М.[Ф.]* Атаман А.И. Дутов и начало борьбы оренбургских казаков с большевиками // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 39.

681 *Блюхер В.К.* Статьи и речи. М., 1963. С. 50.

682 *Полосин М.[П.]* Указ. соч. С. 271.

683 *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 24–25.

684 Там же. С. 69, 76.

685 *Полосин М.[П.]* Указ. соч. С. 265; *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 54, 79.

686 *Подшивалов И.* Указ. соч. С. 118.

687 *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 42.

688 *Суворов Я.М.* В боях с дутовцами // За счастье народное: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 125.

689 *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 56.

690 Там же.

691 ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 10.

692 Там же. Л. 2.

693 *Филимонов Б.Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 23.

694 *Блюхер В.К.* Указ. соч. С. 46.

695 В.К. Блюхер в тот период возглавлял все красногвардейские отряды Урала, действовавшие против Дутова. На его личной печати было написано: «Командующий всеми восточными отрядами, действующими против Дутова». См.: РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 39. Л. 46об.

696 Н.Д. Каширин возглавлял Южноуральский партизанский отряд.

697 *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 44.

698 *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины. С. 52.

699 ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 574. Л. 48б, 48в.

700 *Суворов Я.М.* В боях с дутовцами // За счастье народное: Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 128.

701 *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины. С. 52–53; *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 58; *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 45.

[702] *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины. С. 52–53.

[703] *Александр* Ильич Дутов. С. 13.

[704] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 46.

[705] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 143. 29.12. С. 2.

[706] *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины. С. 52–53.

[707] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 143. 29.12. С. 2.

[708] Сведения сообщены автору жителем поселка Бриент Кваркенского района Оренбургской области студентом исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета Б.А. Амурзаковым (Оренбург, 2003).

[709] *Блюхер В.К.* Указ. соч. С. 46.

[710] Произведен в этот чин после боя у станицы Кассельской.

[711] Подсчитано автором по РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

[712] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 47.

[713] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 10.

[714] *Лисовский Н.К.* Разгром дутовщины. С. 53.

[715] *Лесевицкий Н.* Указ. соч. С. 69.

[716] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 61.

[717] *Александр* Ильич Дутов. С. 14.

[718] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 47.

[719] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 49.

[720] Там же. С. 50.

[721] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

[722] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 50.

[723] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 10.

[724] РГВА. Ф. 39503. Оп.1. Д. 1. Л. 11.

[725] Там же. Л. 10, 14, 29.

[726] Там же. Л. 36.

[727] *Головин Л.* Связанная совесть. Фрагмент дневника / Публикация В.Г. Семенова // Гостиный Двор (Оренбург). 2003. № 14. С. 229.

[728] ГАПО. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 432. Л. 2–3. Документ предоставлен М.Г. Ситниковым (Пермь).

[729] *За счастье* народное: Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 12.

[730] *Директивы* командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 1. М., 1971. С. 170.

[731] Там же. С. 168–169.

[732] ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 619. Л. 11–12.

[733] *Ненароков А.П.* Восточный фронт. 1918. М., 1969. С. 38.

[734] *Блюхер В.К.* Указ. соч. С. 48; *Суворов Я.М.* В боях с дутовцами // *За счастье* народное. Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 134.

[735] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 132. Л. 6.

[736] В Самаре 8 июня 1918 г. был создан Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания (Комуч).

[737] Пенза и Сызрань были захвачены чехословаками 29 мая 1918 г. См.: *Максаков В., Турунов А.* Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.—Л., 1926. С. 67.

[738] Сведения о свержении советской власти в Саратове, Царицыне и Камышине не верны.

[739] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

[740] РГВА. Ф. 39613. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[741] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

[742] Там же. Л. 38.

[743] Там же. Л. 41.

[744] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 53.

[745] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 6. 10.07. С. 3.

[746] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 77.

[747] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 1. 04.07. С. 2.

[748] *Александр* Ильич Дутов. С. 15.

[749] *Бюллетень* газеты «Народное дело» (Оренбург). 1918. 03.07.

[750] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 132. Л. 7.

[751] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 8. 12.07. С. 3.

[752] *Александр* Ильич Дутов. С. 15.

[753] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

[754] Скорее, мироздания. – *А. Г.*

[755] *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 21; См. также: *Зуев В.Ю.* Борис Борисович Пиотровский (1908–1990) // Портреты историков. Т. 3. Древний мир и Средние века /Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004. С. 236.

[756] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 5. 09.07. С. 4.

[757] Там же.

[758] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

[759] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 13. 19.06. С. 3.

[760] *Гражданская* война в Оренбуржье 1917–1919 гг.: Документы и материалы. Оренбург, 1958. С. 151; *Владимирова В. [Ф.]* Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 году / Под ред. Я.А. Яковлева. М.—Л., 1927. С. 336; *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. М. – Пг., 1923. С. 183.

[761] *Народное* дело. Ежедневная кооперативная газета (Оренбург). 1918. № 14. 25.07. С. 3.

[762] *Великая* Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 6. 11 января – 5 марта 1918 г. / Отв. ред. В.Д.

Поликарпов. М., 1986. С. 279.

763 *Оренбургский* церковно-общественный вестник. 1918. № 9. 31.03. С. 4.

764 *Абрамовский А.П., Ковзов В.С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 293.

765 *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 229.

766 *Абрамовский А.П., Ковзов В.С.* Указ. соч. С. 293, 299.

767 См., напр., описание изъятия миллиона рублей у оренбургского торговца Деева: *Коростелев А.[А.]* Мои встречи с С. Цвиллингом // За власть Советов: Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С. 61.

768 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 6. 10.07. С. 2.

769 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 7. 11.07. С. 3.

770 *Карликов* Вячеслав Александрович (1871 – после 1923) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1919). С 09.07(26.06).1918 – командующий Ташкентским фронтом. – *А. Г.*

771 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 7. 11.07. С. 3.

772 ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1 Д. 16. Л. 278об.

773 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 7. 11.07. С. 3.

774 Там же.

775 Там же.

776 Там же.

777 Там же. С. 4.

778 Там же. 1918. № 8. 12.07. С. 2.

779 Там же. С. 4.

780 Старого стиля. – *А. Г.*

781 *Народное* дело. 1918. № 5. 14.07. С. 2.

782 *Народное* дело. 1918. № 12. 23.07. С. 1.

783 ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 87. Л. 56.

784 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 1. 04.07. С. 2.

785 *Максаков В., Турунов А.* Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.—Л., 1926. С. 178.

786 *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май – октябрь 1918 года. Берлин, 1924. С. 87.

787 *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 201.

788 *Нежный А.* Князь Ухтомский, епископ Андрей – http://drevo.org.ru/ Texts/ Nezhny/02.htm.

789 ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 11.

790 Цит. по: *Булах В.* Как рабочие защищали Оренбург от белых. М., 1928. С. 19; ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 134. Л. 72; *Известия* Оренбургского исполнительного комитета Совета казачьих, рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

1919. № 1. 14.02. С. 4.

[791] «*С.Р.*» Генерал Дутов // Уфимская жизнь. 1918. № 891 (109). 25.07 (07.08). С. 2.

[792] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 104. Л. 44; *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 8. 12.07. С. 1; *Углицкий К.* К истории Дутовщины // Вестник просвещенца (Оренбург). 1928. № 7–8. С. 53.

[793] ГА РФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 39. Л. 27.

[794] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

[795] *Приезд* Дутова в Самару // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 13. 19.07. С. 2.

[796] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

[797] *Народное* дело. 1918. № 8. 18.07. С. 2.

[798] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 6об.

[799] *Александр* Ильич Дутов. С. 44–45.

[800] ГА РФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 39. Л. 41.

[801] Здесь и далее – В.К. Вольский. – *А. Г.*

[802] ГА РФ. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 3. Л. 28–29.

[803] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

[804] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 6об.

[805] *Чернов* Виктор Михайлович (1873–1952) – лидер и главный идеолог партии социалистов-революционеров. – *А. Г.*

[806] *Галкин* Николай Александрович – на описываемый период Генштаба полковник, управляющий военным ведомством Комуча. – *А. Г.*

[807] *Гурда* – название особо ценившегося кавказского холодного оружия. От древнего вайнахского слова «меч». Оружие изготавливалось в чеченском ауле Горделой. – *А. Г.*

[808] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 7—7об.

[809] *Щепихин С.А.* Под стягом Учредительного Собрания. С. 189.

[810] *Народное* дело. 1918. № 8. 18.07. С. 2.

[811] ГА РФ. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 8. Л. 57; Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 39. Л. 39.

[812] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1 Д. 16. Л. 226об.

[813] *Дерябин А.[И.]* Народная армия Комуча 1918 г. // Цейхгауз (Москва). Российский военно-исторический журнал. 1994. № 1 (3). С. 32–33.

[814] ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 10об.

[815] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 9.

[816] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

[817] *Протокол* № 1 заседания чрезвычайного съезда 1-го Округа Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1918. 21.07. С. 3–6.

[818] По всей видимости, эти действия были намечены на

совещании с участием Дутова в Самаре. – *А. Г.*

[819] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 3—4об.

[820] *Кроль Л.А.* За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921. С. 70.

[821] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 88; *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т. 1. В революции (1917–1919). Тяньцзин, 1937. С. 122.

[822] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 95. Л. 169.

[823] Оговорка Дутова – номерными были казачьи военные округа, а не уезды. – *А. Г.*

[824] Ошибка в инициалах – донским атаманом был П.Н. Краснов. – *А. Г.*

[825] В документе несогласованно «возрождение». – *А. Г.*

[826] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 67. Л. 207.

[827] *Рудаков В.Г.* – член Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. – *А. Г.*

[828] *Кроль Л.А.* Указ. соч. С. 69–70.

[829] *Мамонов В.Ф.* Гибель русской Вандеи. Казачество востока России в революции и Гражданской войне. Челябинск – Екатеринбург, 1994. С. 138; *История* казачества Азиатской России. Т. 3. XX век. Екатеринбург, 1995. С. 87.

[830] Речь идет о «Ленте отличия» – высшей награде для участников борьбы с большевиками в Оренбургском казачьем войске. Автор ошибается, этой наградой отмечали не по принципу участия или неучастия в Тургайском походе. Подробнее см.: *Ганин А.В.* Знаки отличия Оренбургского казачьего войска. 1918–1919 // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал (Москва). 2002. № 19 (3). С. 38–39. – *А. Г.*

[831] Верхнеуральска. – *А. Г.*

[832] *Полосин М.[П.]* Указ. соч. С. 285–286.

[833] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

[834] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 112об.

[835] Имеется в виду оставление Дутовым Оренбурга в январе 1918 г., затем Верхнеуральска и уход в Тургайские степи. – *А. Г.*

[836] ГА РФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

[837] Там же.

[838] *A Chronicle* of the Civil war in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Stanford, 2002. Vol. 1. P. 96.

[839] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 г.г. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. 2. Ч. 2. Верховный Правитель. Пекин, 1921. С. 8.

[840] Там же. Т. 1. Ч. 1. Пекин, 1921. С. 216.

[841] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 10.

[842] *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 118–119.

[843] Серебренников допускает ошибку – речь идет о летнем визите Дутова в Омск, осенью Дутов уже не выезжал в Сибирь. – *А. Г.*

[844] Большинство очевидцев все же считало Дутова низкорослым. – *А. Г.*

[845] *Серебренников И.И.* Мои встречи с атаманом А.И. Дутовым – Hoover Institution Archives. I. Serebrennikov Collection. Box 11. Folder 1.

[846] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1 Д. 16. Л. 231.

[847] ГА РФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

[848] *Дневник* П.Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2004. С. 255–256.

[849] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1 Д. 16. Л. 244.

[850] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

[851] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 3об.

[852] *Александр* Ильич Дутов. С. 17.

[853] *Протокол* № 13 Вечернего Заседания Чрезвычайного Съезда 1-го Округа Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1918. 01.08. С. 1.

[854] *Лесевицкий Н.* Указ. соч. С. 71.

[855] Командир полка Ф.И. Подзоров (1893–1918) носил прозвище «мой ангел», поскольку расстреливал всех, кого называл таким образом – ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 134. Л. 73. Подзоров погиб при обороне Орска в августе 1918 г.

[856] *Шарапов М.* Оборона Орска // За власть Советов. Воспоминания участников Гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С. 161.

[857] *Протокол* № 9 заседания чрезвычайного съезда 1[-го] Округа Оренбургского каз[ачьего] войска. Оренбург, 1918. 31.07. С. 4.

[858] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 95. Л. 10.

[859] ГАПО. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 217а. Документ предоставлен М.Г. Ситниковым (Пермь).

[860] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 189. Л. 19–20.

[861] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; Ф. 39499. Оп. 1. Д. 305. Л. 27. Документ предоставлен М.А. Хайрулиным.

[862] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

[863] ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 51. Л. 3—3об.

[864] Правильно – Фридмана. – *А. Г.*

[865] Мельников ошибается, Орск в этот период находился еще в руках красных. – *А. Г.*

[866] Мельников ошибается, Дутов был произведен в генерал-майоры Комучем. – *А. Г.*

[867] ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 51. Л. 7—7об., 51об. – 52.

[868] Там же. Л. 27—28об.

[869] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 18.

[870] *Красная* книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. С. 53.

[871] *Виноградов В., Сафонов В.* Борис Савинков – противник большевиков // Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 7.

[872] *Рибо Н.М.* История барона Унгерн-Штернберга, рассказанная его штатным врачом // Барон Унгерн в документах и мемуарах / Сост. и ред. С.Л. Кузьмин. М., 2004. С. 492.

[873] *Николаев С.Н.* Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, 1930. С. 143.

[874] *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 48.

[875] *Соловейчик А.С.* Борьба за возрождение России на Востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Ростов-на-Дону, 1919. С. 19.

[876] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 18; *Дневник* П.Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2004. С. 262.

[877] *Рабочее* утро (Оренбург). 1918. № 55. 03.08 (21.07). С. 2.

[878] Вероятно, речь идет о Генерального штаба подполковнике (со старшинством с 15.08.1916) Владимире Дмитриевиче Хартулари, окончившем Императорскую Николаевскую военную академию в 1913 г. и являвшемся штаб-офицером для поручений при штабе X армейского корпуса (с 12.06.1916), а позднее состоявшем в распоряжении начальника штаба армий Западного фронта (с 21.10.1917) – Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е Января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917. С. 127; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 года. Дополнение к списку генерального штаба изд. 1917. М., 1918. С. 127 (Библиотека РГВИА. Инв. № 9923). В эмиграции, по данным на 1922-й и 1924 гг., фигурирует Генерального штаба генерал-майор Виктор Викторович Хартулари, проживавший в Сербии и не упомянутый в списках Генерального штаба на 1917–1918 гг. – Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному, и курсовиков Николаевской военной Академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1-му августа 1922 года. Л. 31 (копия этого документа из архива Н.Н. Рутыча (Рутченко) предоставлена автору А.С. Кручининым); Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному, и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1-му марта 1924 года – ГА РФ. Ф.

Р-5945. Оп. 1. Д. 92. Л. 31.

[879] С 1917 г. военные отделы Оренбургского казачьего войска были переименованы в военные округа. – *А. Г.*

[880] Сведения неверны, Дутов после падения Оренбурга бежал во 2-й военный округ, где и находился до начала Тургайского похода. – *А. Г.*

[881] Речь идет о предании военно-полевому суду за «возбуждение одного класса против другого» редактора оренбургской меньшевистской газеты «Рабочее Утро» Я.М. Фридмана – *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Ч. 1. Восточный фронт Гражданской войны. Белград, 1930. С. 127–128; *Плешкевич Е.А.* Смена режимов на Урале в годы Гражданской войны // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 423.. – *А. Г.*

[882] ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 51. Л. 96об. – 97.

[883] *Щепихин С.А.* Под стягом Учредительного Собрания. С. 204.

[884] По всей видимости, речь идет о Положении об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г., направленном на количественное увеличение казачьего сословия. Положение закрепляло за Оренбургским казачьим войском земли по всей протяженности Оренбургской линии от границ Сибири до пределов Уральского казачьего войска. – *А. Г.*

[885] Имеются в виду Высочайшие грамоты оренбургскому казачеству от 23 февраля и 8 апреля 1906 г., закреплявшие за войском в вечное владение земли, предоставленные ему по положению от 12 декабря 1840 г. – *А. Г.*

[886] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 51—51об. Документ ранее опубликован с многочисленными искажениями (свыше 30) в приложении к книге: *Максаков В., Турунов А.* Указ. соч. С. 226–227.

[887] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 60–61.

[888] *Вестник* правительства Башкирии (Оренбург). 1918. № 5. 19.09. С. 3.

[889] *Судебный* процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов. М., 2002. С. 710.

[890] *Партия* социалистов-революционеров / Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль – октябрь 1917 г. / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 931.

[891] *Партия* социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 256.

[892] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

[893] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 16. Л. 1а—1в.

[894] Там же. Л. 278.

[895] Там же. Л. 15.

[896] *Футорянский Л.И.* Люди и судьбы Оренбургского края // 1743. Историко-литературный альманах (Оренбург). 2000. № 1. С. 39 (пагинация раздельная).

[897] *Кононенко А.А.* Социалисты в политической жизни Урала (1917–1918 гг.). Тюмень, 2003. С. 114–115.

[898] *Александр* Ильич Дутов. С. 61.

[899] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 33об.

[900] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 29—29об.

[901] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 1об.

[902] Там же. Л. 1об., 3, 4об.—5.

[903] Документы в деле отсутствуют. – *А. Г.*

[904] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 11. Л. 6об., 7об. – 8об.

[905] Явное преувеличение – Дутов мог находиться в боях лишь с апреля 1916 г. по конец января 1917 г. и затем с конца декабря 1917 г. с перерывами. Итого к августу 1918 г. никак не более полутора лет с перерывами. – *А. Г.*

[906] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 5об.

[907] Там же. Л. 2—2об. Черновик.

[908] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 777. Л. 35.

[909] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 40. 21.08. С. 2.

[910] *Чирухин Н.А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг.: Дисс. к. и. н. М., 1992. С. 191.

[911] Документ в деле отсутствует. – *А. Г.*

[912] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 46—46об.

[913] *Климушкин П.Д.* Указ. соч. С. 90.

[914] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

[915] В документе ошибочно – «опорачивает». – *А. Г.*

[916] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 16. Л. 2—5об.

[917] *Александр* Ильич Дутов. С. 83.

[918] Там же. С. 87.

[919] Там же.

[920] Там же. С. 88.

[921] РГВА. Ф. 40054. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.

[922] РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. По другим данным, 1915–1918 гг. призыва – Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. В 4 т. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 414.

[923] *Приказ* по Оренбургскому военному округу. 1918. № 119. 15.08 – РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

[924] *Вестник* правительства Башкирии. 1918. № 4. 11.09. С. 2.

[925] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.

[926] *Национально*-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 421–422.

[927] РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

[928] *Вестник* правительства Башкирии. 1918. № 2. 28.08. С. 1.

[929] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 39. Л. 21.

[930] См., напр.: *Национально*-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 431.

[931] Там же. С. 469.

[932] Там же. С. 478–479.

[933] Там же. С. 504–505.

[934] Там же. С. 484.

[935] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

[936] РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 112.

[937] См., напр.: *Национально*-государственное устройство Башкортостана. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 508–509.

[938] *Шушпанов С.Г.* Башкирские войска в Гражданскую войну 1918–1920 гг. Рукопись – архив автора.

[939] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 110.

[940] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 39.

[941] *Список* войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии. Составлен к 15 августа 1918 года / Публ. А.А. Каревского // Белая Гвардия: Исторический альманах. 1999–2000. № 3. С. 104–105.

[942] *Каревский А.А.* В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевицкой борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2003. С. 433.

[943] *Амангельды* Иманов: Статьи, документы, материалы / Под ред. С.Б. Бейсембаева. Алма-Ата, 1973. С. 114; *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 90.

[944] См., напр.: РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 29об.

[945] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 104.

[946] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 45.

[947] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 32.

[948] *Александр* Ильич Дутов. С. 85.

[949] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 33.

[950] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 43; ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 131—131об.

[951] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 135.

[952] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

[953] Там же. Л. 18—18об.

[954] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 304—304об.; 433.

[955] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 11.

[956] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 44—44об.

[957] *Вестник* правительства Башкирии. 1918. № 4. 11.09. С. 1.

[958] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 40. 21.08. С. 1.

[959] *Вестник* правительства Башкирии. 1918. № 2. 28.08. С. 1.

[960] *Оренбургский* вестник Учредительного Собрания (Оренбург). 1918. № 22. 31.08. С. 2.

[961] *Вестник* правительства Башкирии. 1918. № 2. 28.08. С. 1.

[962] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

[963] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 11.

[964] См., напр.: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 1—1об., 22—22об.

[965] См., напр.: *Головин Л.* Указ. соч. С. 229.

[966] *Протокол* № 8 заседания чрезвычайного съезда 1[-го] Округа Оренбургского каз[ачьего] войска. Оренбург, 1918. 30.07. С. 1.

[967] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 4об.

[968] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1918. С. 60.

[969] Подробнее об этом см.: *Ганин А.В.* Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Материалы 5-й Международной научной конференции. Кемерово, 2003. С. 151–154; *Он же.* Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала: Материалы 3-й Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2003. С. 27–36.

[970] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 97об.

[971] *Рабочее* утро (Оренбург). 1918. № 37. 12 (29.06).07. С. 3.

[972] *Рабочее* утро. 1918. № 40. 17 (04).07. С. 4.

[973] Т. е. лиц, ведущих тайную работу – *Рабочее* утро. 1918. № 43. 20 (07).07. С. 4.

[974] Имеется в виду Дутов. – *А. Г.*

[975] Имеется в виду возвращение отряда Дутова из Тургая в войско. – *А. Г.*

[976] *Рабочее* утро. 1918. № 54. 02.08. С. 4.

[977] В документе ошибочно – «положение». – *А. Г.*

[978] *Рабочее* утро. 1918. № 54. 02.08. С. 4.

[979] Там же.

[980] Цит. по: *Войнов В.М.* Офицерский корпус белых армий на Востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история (Москва). 1994. № 6. С. 56.

[981] *Александр* Ильич Дутов. С. 48.

[982] *Протокол* № 20 третьего чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1918. 03.10.

[983] По всей видимости, речь идет о генерал-майоре Д.М. Красноярцеве, командовавшем повстанцами, освободившими

Оренбург от красных. Позднее Красноярцев командовал 1-й Оренбургской казачьей дивизией. – *А. Г.*

[984] В документе ошибка, на самом деле – Филиппа Архиповича Богданова. – *А. Г.*

[985] *Протокол* № 9 – Приложение к протоколу № 20 третьего чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1918. 03.10.

[986] Там же.

[987] *Протокол* № 25 третьего чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1918. 05.10.

[988] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 6.

[989] Там же. С. 34.

[990] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 129; *Приказ* по Оренбургскому казачьему войску. 1919. 20.03. № 102 – РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 61. Л. 46об.

[991] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 470.

[992] Цит. по: *Тимошков С.* Разгром Южной армии Колчака // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 53.

[993] ОР РГБ. Ф. 320. Карт. 1. Д. 23. Л. 3–5.

[994] *Александр* Ильич Дутов. 129 с.

[995] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 254.

[996] *Протокол* № 26 третьего чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. 1918. 06.10.

[997] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 24. Л. 72.

[998] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 61.

[999] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 53. 06.09. С. 4.

[1000] *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 161.

[1001] *Анисимов Н.[С.]* Уфимские впечатления // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 58. 14.09. С. 2.

[1002] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 207.

[1003] *Акулинин И.Г.* Атаман А.И. Дутов – Hoover Institution Archives. Mariia Dmitrievna Vrangel' Collection. Box 14. Folder 8.

[1004] *Уфимское* Государственное Совещание. Предисловие и примечания А.Ф. Изюмова // Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929. С. 266.

[1005] Там же. С. 60.

[1006] *Кроль Л.А.* За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921. С. 103.

[1007] *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1. С. 195.

[1008] *Петров А.А.* Генерал-лейтенант Р. Гайда // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов… / Сост. А.С. Кручинин. М., 2004. С. 104.

[1009] Вероятно, речь идет о начальнике оперативного отдела

Главного управления Генерального штаба Народной армии Комуча Генерального штаба подполковнике А.Д. Сыромятникове. – *А. Г.*

[1010] *Солодовников [Б.]*, подполковник. Наш счет. Берлин, 192 (?). С. 6–7.

[1011] Там же. С. 11.

[1012] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

[1013] В.В. Сапожников в этот период являлся управляющим министерства народного просвещения Временного Сибирского правительства, а после Государственного Совещания был избран заместителем П.В. Вологодского во Временном Всероссийском правительстве. – *А. Г.*

[1014] Именины Александра, имевшие место в период проведения Государственного Совещания (8—23 сентября), приходились на 12 сентября по новому стилю (святитель Александр, преподобный Александр Свирский и благоверный князь Александр Невский (перенесение мощей). Именно святого Александра Невского Дутов считал своим небесным покровителем и всегда возил его образ с собой. – *А. Г.*

[1015] *Серебренников И.И.* Мои встречи с атаманом А.И. Дутовым – Hoover Institution Archives. I. Serebrennikov Collection. Box 11. Folder 1.

[1016] *Шендриков И.[Н.]* Государственность и казачество (К истории Уфимского государственного совещания) // Русская армия (Омск). 1918. 15.12. № 22. С. 2.

[1017] *То же* (Продолжение) // Русская армия (Омск). 1918. 17.12. № 23. С. 2.

[1018] *Уорд Д.* Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. М. – Пг., 1923. С. 69.

[1019] *Серебренников И.И.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 168.

[1020] *Уфимское* Государственное Совещание / Предисловие и примечания А.Ф. Изюмова // Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929. С. 117–118.

[1021] Это требование было обусловлено исключением из числа членов Учредительного собрания 30,5 % депутатов (большевиков и левых эсеров). – *А. Г.*

[1022] *Чирухин Н.А.* Указ. соч. С. 196–197.

[1023] ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 174. Л. 1—1об.

[1024] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 219; *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1. С. 202.

[1025] *Уфимское* Государственное Совещание. С. 237.

[1026] *Народное* дело. 1918. № 72. 08.10. С. 3; *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 77. 09.10. С. 3.

[1027] *Маргулиес М.С.* Год интервенции. Кн. 1. (Сентябрь 1918 –

апрель 1919 г.). Берлин, 1923. С. 48.

[1028] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 18. Г.М. Ипполитов при анализе этого документа ошибочно указал, что оренбургские казаки собирались встречать Добровольческую армию «со священником и хоругвями» (*Ипполитов Г.М.* Кто Вы, генерал А.И. Деникин?: Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А.И. Деникина в 1890–1947 гг. Изд. 2, перераб. Самара, 1999. С. 75–76). На самом деле в документе речь идет об уральских казаках.

[1029] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 68. 27.09. С. 1.

[1030] *Конституция* Уфимской директории // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С. 189, 191.

[1031] *Трукан Г.А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 52.

[1032] *Шендриков И.[Н.]* Указ. соч. // Русская армия (Омск). 1918. 15.12. № 22. С. 2.

[1033] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 1–2.

[1034] Там же. С. 29.

[1035] Там же. С. 70–71.

[1036] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 23. Л. 35.

[1037] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 149.

[1038] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

[1039] РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 4. Л. 423.

[1040] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

[1041] Там же. Л. 181.

[1042] *Лесевицкий Н.* Указ. соч. С. 72.

[1043] 23 или 24 сентября 1918 г. – *А. Г.*

[1044] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 61–62.

[1045] *Эк.* Ликвидация Орского фронта // Оренбургский вестник Учредительного Собрания (Оренбург). 1918. № 47. 05.10. С. 3.

[1046] *Лесевицкий Н.* Указ. соч. С. 72.

[1047] *Национально*-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 468.

[1048] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 169–170.

[1049] Там же. Л. 193.

[1050] *Иноятов Х.Ш.* Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М., 1984. С. 46–47.

[1051] *Народное* дело. 1918. № 66. 01.10. С. 2.

[1052] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 61. Л. 6об.

[1053] *С.Г.* Подробности взятия Орска // Народное дело. 1918. № 68. 03.10. С. 3.

[1054] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 141.

[1055] РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; *Протоколы* 3-го

чрезвычайного Войскового Круга. С. 143.

[1056] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 69–71.

[1057] *Александр* Ильич Дутов. С. 65.

[1058] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 211.

[1059] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 24—24об.

[1060] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 47об. Впрочем, Генерального штаба генерал-майор П.П. Петров в своих мемуарах отметил, что именно он настоял на отправке сызранских частей на прикрытие оренбургского направления (*Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 53).

[1061] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 72. В этой связи представляется не заслуживающим доверия утверждение военного комиссара 214-го Симбирского полка Н.И. Кирюхина о захвате частями РККА в Кинеле огромного количества трофеев (*Кирюхин Н.И.* Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 годов. М., 1928. С. 10).

[1062] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 18, 23.

[1063] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 70. Л. 156—158об.

[1064] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 108.

[1065] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 199.

[1066] РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 65; ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 30об.

[1067] РГВА. Ф. 40027. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

[1068] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 43об., 50об.

[1069] См.: *Балмасов С.С.* Уральское казачье войско в Гражданской войне. 1918–1919 гг. // Белое движение на Востоке России. Белая Гвардия: Исторический альманах. 2001. № 5. С. 70.

[1070] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 42—42об.

[1071] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

[1072] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 91, 92, 362.

[1073] Там же. Л. 92об. – 93.

[1074] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 163—163об.

[1075] *Волков Е.В.* «Коннице отведено едва ли не последнее место» // Белое движение на Востоке России. Белая Гвардия: Исторический альманах. 2001. № 5. С. 33.

[1076] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 22. Л. 10–11.

[1077] Там же. Л. 12.

[1078] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 14об.

[1079] *Яковлев В.В.* История крепостей. Эволюция долговременной фортификации. СПб., 1995. С. 298.

[1080] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 100–101.

[1081] Там же.

[1082] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

[1083] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 165об.

[1084] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 5.

[1085] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

[1086] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.

[1087] *Ганин А.В.* Южная армия Восточного фронта // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001. Кемерово, 2001. С. 95.

[1088] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.

[1089] *Огородников Ф.[Е.]* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938. С. 28.

[1090] На полях документа резолюция В.Г. Болдырева «Н[ачальнику] Ш[таба] 1) Доложить, что можно сделать относительно оружия, седел, обмундирования и сапог, 2) Что можно сделать в отношении денежной помощи. К этому вопросу надо отнестись осторожно – Оренбургск[ое] правит[ельство] выпустило слишком много бумажных денег. 3) Дать точные справки по всем моим отметкам. 28/X Г[енерал-]Л[ейтенант] Б[олдырев]». – *А. Г.*

[1091] На полях карандашная надпись В.Г. Болдырева «Расследовать». – *А. Г.*

[1092] На полях карандашная надпись В.Г. Болдырева «Откуда и сколько? Генералу Рудневу доложить!» – вероятно, речь идет об инспекторе артиллерии генерал-майоре С.И. Рудневе. – *А. Г.*

[1093] На полях карандашная надпись В.Г. Болдырева «Прошу доложить соображения». – *А. Г.*

[1094] На полях карандашная надпись В.Г. Болдырева «Доложить, можно ли помочь». – *А. Г.*

[1095] Т. е. батарея автоматических пушек системы Маклена (калибр – 37 мм, масса – 245 кг, масса снаряда – 0,5 кг, дальность стрельбы – 3,2 км, скорострельность – 100 выстрелов в минуту). – *А. Г.*

[1096] На полях карандашная надпись В.Г. Болдырева «Это было бы отлично!». – *А. Г.*

[1097] Очевидно, имеются в виду меньшевики и эсеры. – *А. Г.*

[1098] На полях карандашная надпись В.Г. Болдырева «Переговорить с мин[истром] снабж[ения] и продовольствия». – *А. Г.*

[1099] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 3–5.

[1100] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 77. 09.10. С. 3.

[1101] ГА РФ. Ф. Р-3403. Оп. 1. Д. 14. Л. 4, 14—14об.

[1102] *Народное* дело. 1918. № 79. 17.10. С. 3.

[1103] *Рабочее* утро. 1918. № 110. 13.10. С. 3.

[1104] *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 83. 17.10. С. 3.

[1105] Там же. С. 4.

[1106] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 20.

[1107] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; *Народное* дело. 1918. № 71. 06.10. С. 2.

[1108] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 160—160об.

[1109] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 35. Л. 123.

[1110] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 173.

[1111] РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 274.

[1112] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 21об.

[1113] 1-я Отдельная Оренбургская казачья бригада под командованием полковника В.А. Красноярцева была сформирована в районе станицы Никольской лишь в начале 1919 г. в составе 1-го Оренбургского и 4-го Оренбургского атамана Углицкого казачьих полков и вошла в состав I Оренбургского казачьего, а позднее IV Оренбургского армейского корпуса. Причина, по которой осенью 1918 г. уже существовали 2-я и 3-я бригады при отсутствии 1-й, не вполне ясна. Можно предположить, что командование намеревалось свести в бригаду 1-й Оренбургский и 4-й Левобережный подъесаула Филиппа Архиповича Богданова казачьи полки, но по каким-то причинам это преобразование осуществлено не было.

[1114] Позднее переименована в 4-ю Оренбургскую казачью дивизию.

[1115] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 232.

[1116] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 8.

[1117] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 101.

[1118] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 443об.

[1119] Напр.: *Волегов И.К.* Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, 1988. С. 37.

[1120] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга области войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 310.

[1121] Подсчитано по: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 106. Л. 1–5.

[1122] РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 72. Л. 35.

[1123] *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 257.

[1124] См., напр.: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 12. Л. 4—4об.; Оп. 2. Д. 75. Л. 8, 9об., 12.

[1125] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 75. Л. 8, 9об.; *Абрамовский А.П., Ковзов В.С.* Указ. соч. С. 322.

[1126] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.

[1127] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

[1128] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 18.

[1129] Все подсчеты произведены по данным о количестве артиллерийского имущества, находившегося в распоряжении

генералов Р. Гайды, С.Н. Люпова, С.Н. Войцеховского, А.И. Дутова, П.П. Иванова-Ринова, Ф.Ф. Шарпантье и чехословаков.

1130 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

1131 Там же. Л. 28.

1132 Там же. Л. 44.

1133 РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 161.

1134 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 463—463об.

1135 РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2422. Л. 32.

1136 ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 52об.

1137 ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 1об.

1138 Там же. Л. 2—2об.

1139 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 573.

1140 *Александр* Ильич Дутов. С. 64.

1141 РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 2об.

1142 Там же. Л. 29об.

1143 *Зуев А.В.* Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. 1918–1922 гг.: Очерки. Харбин, 1937. С. 28.

1144 РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 427.

1145 Там же.

1146 РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 14об.

1147 Там же. Л. 30.

1148 РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 57. Л. 59.

1149 ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 9об. – 10.

1150 *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. С. 161.

1151 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 26.

1152 *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 49. 01.09. С. 5.

1153 ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 72. Л. 242–243.

1154 РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 164.

1155 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

1156 *Приложения* к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. Оренбург, 1918. С. 173.

1157 *Зуев А.В.* Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. С. 49.

1158 РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.

1159 *Приказ* войскам Юго-Западной армии. 1918. 19.10. № 3 // РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 370—370об.

1160 *Государственный* архив Ульяновской области. Ф. Р-968. Оп. 7. Д. 73. Л. 21.

1161 Подробнее см.: *Ганин А.В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С. 52–54.

1162 *Приказ* войскам Юго-Западной армии 1918. 26.10. № 27 // РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 14об.

1163 *Зиновьев Г.В.* Всем трудностям и злоключениям наперекор // За Советский Туркестан. Ташкент, 1963. С. 207.

[1164] *Булах В.* Указ. соч. С. 26.

[1165] *Урал* и Прикамье (ноябрь 1917 —январь 1919): Документы и материалы / Под ред. М.С. Бернштама. Париж, 1982. С. 245.

[1166] *Сучков С.* Боевой путь 3-го советского Бузулукского полка // За власть Советов: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957. С.179.

[1167] *Олеандер П.П.* Интернациональный полк // За счастье народное: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 167.

[1168] *Иноятов Х.Ш.* Указ. соч. С. 47; *Попов Ф.Г.* Дутовщина. С. 186.

[1169] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 2—2об.; ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 33об.

[1170] *Зайцев И.[М.]* Из недавно пережитого // Соловецкие острова. 1926. Май– июнь. № 5–6. С. 39.

[1171] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 34об.

[1172] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 132. Л. 22.

[1173] *Булах В.* Указ. соч. С. 27.

[1174] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 83. 17.10. С. 2.

[1175] *Огородников Ф.[Е.]* Указ. соч. С. 28.

[1176] РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

[1177] Имелся в виду генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов. – *А. Г.*

[1178] ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 2. Л. 1об.

[1179] В документе ошибочно – «выдвигаем». – *А. Г.*

[1180] ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 2. Л. 7—7об.

[1181] *Окончательная* гибель Всероссийского Учредительного собрания. Сентябрь– декабрь 1918 г. / Публикация И.Ф. Плотникова // Исторический архив (Москва). 1999. № 4. С. 147–148.

[1182] *Плотников И.Ф.* Гибель Всероссийского Учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. Екатеринбург, 2002. С. 46.

[1183] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.

[1184] ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 3. Л. 9.

[1185] Миасская новая жизнь (Оренбург). 1918. № 121. 26(13).11. С. 2.

[1186] *Александр* Ильич Дутов. С. 95.

[1187] Оренбургский край. 1918. № 105. 07.11. С. 2.

[1188] Народное дело. 1918. № 100. 12.11. С. 2.

[1189] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 35. Л. 144; *Оренбургский* казачий вестник. 1918. № 96. 01.11. С. 2.

[1190] Народное дело. 1918. № 107. 20.11. С. 1–2.

[1191] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 35. Л. 139.

[1192] Правительственный вестник. 1918. № 1. 19.11 // ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 1; Оренбургский казачий вестник. 1918. № 93. 29.10. С. 3.

[1193] Одна из листовок хранится в ГАХК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 562. Л. 1.

[1194] *Письма* атамана Дутова // Наш путь: Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 46–47.

[1195] *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 2. В преддверии диктатуры. Белград, 1930. С. 108.

[1196] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

[1197] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 367—367об.

[1198] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. Верховный Правитель. С. 8.

[1199] ГА РФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

[1200] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 14. Л. 13об.

[1201] ГА РФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

[1202] Дутову тогда было 39 лет, а его стаж борца за родину и казачество составлял, если считать с марта 1917 г. (а очевидно, имеется в виду политический стаж, а не военный, т. к. ветеранами Первой мировой войны в тот период являлись практически все старшие офицеры), год и девять месяцев, зато самооценка была куда более высокой. – *А. Г.*

[1203] Русская армия (Омск). 1918. № 21. 14.12. С. 3.

[1204] Там же.

[1205] *Архангельский В.* Волжский фронт Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, 1930. С. 11.

[1206] *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «ШЕСТЬ ЛЕТ» 1917–1922 гг.) / Под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 29.

[1207] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 93.

[1208] *Юго-Восточному* Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания. Письмо секретаря съезда членов Всероссийского Учредительного собрания 10 декабря 1918 г. // Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 400.

[1209] О коллизиях, возникавших по этому поводу у беспартийных офицеров см.: РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 93, 94.

[1210] Преобразован из Комуча после образования 23.09.1918 г. Уфимской директории. – *А. Г.*

[1211] Орган исполнительной власти Комуча, после образования Уфимской директории перешел на положение

Уфимского областного правительства.

[1212] *Уорд Д.* Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. М.; Пг., 1923. С. 66.

[1213] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52б. Л. 1об.

[1214] Там же. Л. 2.

[1215] *Черчилль У.* Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003. С. 238.

[1216] *Ко всем* партийным организациям. Обращение ЦК ПСР 22 октября 1918 г. // Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 396.

[1217] Оставлена белыми 7 октября 1918 г. – *А. Г.*

[1218] Речь идет о Временном Всероссийском правительстве. – *А. Г.*

[1219] ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

[1220] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

[1221] Вероятно, опечатка, правильнее – «правительства». – *А. Г.*

[1222] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 95. Л. 295.

[1223] *Семенов (Васильев) Г.* Военная и боевая работа Партии Социалистов-Революционеров за 1917—18 гг. Берлин, 1922. С. 24.

[1224] *Чернов В.М.* Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 371.

[1225] Вероятно, опечатка, правильнее – «военную». – *А. Г.*

[1226] *Взоров В.* – поручик, член партии социалистов-революционеров, помощник Н.А. Галкина по должности управляющего военным ведомством Комуча, фактически исполнявший обязанности комиссара при нем. – *А. Г.*

[1227] *Судьба* Учредительного собрания / Доклад председателя Комуча В.К. Вольского: Публикация С.А. Павлюченкова // Исторический архив (Москва). 1993. № 3. С. 138.

[1228] *Николаев С.Н.* Политика «Комуча»: Опыт характеристики // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, 1930. С. 140.

[1229] *Приказ* по Оренбургскому казачьему войску № 326. 18.10.1918 г. // РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 189.

[1230] РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

[1231] *Тоган З.-В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 174.

[1232] *Николаев С.Н.* Политика «Комуча»: Опыт характеристики // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, 1930. С. 142.

[1233] *Лейтенант N.N.* Записки белогвардейца // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 84.

[1234] *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, 1930. С. 90.

[1235] *Николаев С.Н.* Политика «Комуча»… С. 140; *Майский И.М.* Указ. соч. С. 151.

[1236] Возможно, это аббревиатура от фамилии Климушкин. – *А. Г.*

[1237] Видимо, речь идет о Самарском фронте. – *А. Г.*

[1238] ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

[1239] *Fleming, P.* Op. cit. P. 109; *Майский И.М.* Указ. соч. С. 326.

[1240] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. Ч. 1. С. 284.

[1241] ГА РФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 263об.

[1242] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 537. Л. 67.

[1243] ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 26.

[1244] ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 20об.; *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. Верховный Правитель. С. 6; *Николаев С.[Н.]* Конец КОМУЧа // Современные записки (Париж): Общественно-политический и литературный журнал. 1931. Т. XLVI. С. 287–288.

[1245] ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 21.

[1246] *Письма* атамана Дутова // Наш путь: Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 47–48.

[1247] *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 54.

[1248] *Юго-Восточному* Комитету… С. 401–402.

[1249] *Окончательная* гибель Всероссийского Учредительного Собрания. Сентябрь– декабрь 1918 г. / Публикация И.Ф. Плотникова // Исторический архив (Москва). 1999. № 4. С. 144.

[1250] *Кроль Л.А.* За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921. С. 159.

[1251] *Добровольский А.В.* Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 гг. Новосибирск, 1999. С. 61–62.

[1252] *Чернов В.М.* Указ. соч. С. 390.

[1253] *Святицкий Н.[В.]* К истории Всероссийского Учредительного Собрания. Ч. 3. Съезд членов Учредительного Собрания. М., 1921. С. 68.

[1254] Там же. С. 112.

[1255] *Уорд Д.* Указ. соч. С. 92.

[1256] *Чернов В.М.* Указ. соч. С. 391.

[1257] ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 33.

[1258] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 772. Л. 26.

[1259] Там же. Л. 27.

[1260] *Красильников* Иван Николаевич (1880—04.01.1920) – генерал-майор (17.08.1919), активный участник омского переворота 18.11.1918 г. – *А. Г.*

[1261] ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 37.

[1262] ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 20.
[1263] *Болдырев В.Г.* Указ. соч. С. 114.
[1264] ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 40–42.
[1265] Там же. Л. 42–43.
[1266] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 325.
[1267] ГА РФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.
[1268] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
[1269] *Акулинин И.[Г.]* Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе // Возрождение (Париж). 1930. № 1711. 07.02. С. 2.

[1270] *Акулинин И.Г.* Атаман А.И. Дутов – Hoover Institution Archives. Mariia Dmitrievna Vrangel' Collection. Box 14. Folder 8.

[1271] *Болдырев В.Г.* Указ. соч. С. 170.

[1272] РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

[1273] ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 22—22об.

[1274] *Чернов В.М.* Указ. соч. С. 390–391.

[1275] *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Воспоминания очевидца. Париж, 1985. С. 36.

[1276] Новые материалы об этом см.: *Кручинин А.М., Неуймин Н.Б.* В защиту белого генерала // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2003. № 12. С. 102.

[1277] *Протоколы* допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе – феврале 1920 г. // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 304–305.

[1278] *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 2. С. 175.

[1279] *Чернов В.М.* Указ. соч. С. 391.

[1280] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 12; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: Сборник документов / Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. С. 42.

[1281] *Юго-Восточному* Комитету… С. 403.

[1282] *Святицкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 86.

[1283] *Владимирова В.[Ф.].* Указ. соч. С. 374.

[1284] *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 2. С. 111.

[1285] *Святицкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 123.

[1286] ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 21.

[1287] *Чернов В.* Обращение к социалистам Чехословакии (Уфа, ноябрь – декабрь 1918 г.) // The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. Documents from the P.S.-R. Archives / Marc Jansen [ed.]. Amsterdam, 1989. P. 337.

[1288] Ibid. P. 342.

[1289] *Юго-Восточному* Комитету… С. 404; *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 2. С. 182.

[1290] *Приказ* Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 56. 30.11.1918 г. // Русская Армия (Омск). 03.12.1918. № 13. С. 1.

[1291] Там же.

[1292] *Николаев С.[Н.]* Конец КОМУЧ-а. С. 290, 297; *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 63.

[1293] *Юго-Восточному* Комитету… С. 405.

[1294] *Святицкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 102, 127; *Юго-Восточному*

Комитету… С. 402.

[1295] *Святицкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 126.

[1296] *Николаев С.[Н.]* Конец КОМУЧа. С. 292.

[1297] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 804. Л. 10.

[1298] *Урал* и Прикамье. С. 588.

[1299] ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 7. Д. 16. Л. 11.

[1300] *Николаев С.[Н.]* Конец КОМУЧа. С. 293.

[1301] Личность установить не удалось. В другом списке – Лощенов – Юго-Восточному Комитету… С. 405. – *А. Г.*

[1302] Впоследствии из этой группы Н.В. Фомин и Н.Я. Барсов, вопреки указаниям адмирала А.В. Колчака, были расстреляны вместе с некоторыми другими арестованными во время восстания в пригороде Омска Куломзино в ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. Однако, несмотря на поднятую эсерами, а позднее и советскими историками истерию в связи с тем, что Колчак якобы уничтожает депутатов Учредительного Собрания, единственным погибшим депутатом являлся Н.В. Фомин. Другой депутат, К.Т. Почекуев, бежал из тюрьмы и замерз (*Плотников И.Ф.* Гибель… С. 89).

[1303] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 37об.

[1304] *Святицкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 135.

[1305] ГА РФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 8. Л. 13.

[1306] *Святицкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 136.

[1307] *Партия* социалистов-революционеров: Девятый Совет Партии и его резолюции (июнь 1919 г. Москва). Париж, 1920. С. 15.

[1308] *Святицкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 139–140.

[1309] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. Ч. 2. С. 14.

[1310] *Протокол* свидания Чернова с членами английской делегации, обнаруженный при аресте члена партии с.-р. т. Гончарова 23 VI (1920 г.) // Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 651.

[1311] ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 34, 36. С некоторыми искажениями опубликовано в кн.: *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 307–308.

[1312] *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 175.

[1313] РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 112.

[1314] *Акулинин И.[Г.]* Колчак и атаман Дутов… // Возрождение (Париж). 1930. № 1711. 07.02. С. 2.

[1315] *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 106, 117–118.

[1316] *Окончательная* гибель Всероссийского Учредительного Собрания. Сентябрь– декабрь 1918 г. Публикация И.Ф.

Плотникова // Исторический архив (Москва). 1999. № 4. С. 150.

[1317] *Святицкий Н.[В.]* Указ. соч. С. 114.

[1318] РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

[1319] Там же.

[1320] *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 185.

[1321] ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 420. Л. 278—278об.

[1322] *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 187.

[1323] РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 17.

[1324] *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 187.

[1325] Речь идет о неком Владимире Майстрахе (Майстрахове) – деятеле партии эсеров, позднее перешедшем к большевикам (См. также: РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 36. Л. 101). – *А. Г.*

[1326] Кто такой «Петрович», установить не удалось, однако из других документов известно, что он играл важную роль в военной организации ПСР, в частности, после переворота в Омске его просили послать полк Тараса Шевченко в Челябинск «к умирающему брату Бианки» (ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 26об.). По всей видимости, речь идет о каких-то эсеровских кодовых наименованиях. – *А. Г.*

[1327] *Былинкин А.С.* – член ПСР, баллотировался в члены Учредительного Собрания от Румынского фронта. Управляющий ведомством юстиции Совета управляющих ведомствами (1918). – *А. Г.*

[1328] *Несмеянов В.А.*(?) – член ПСР, участник московской боевой организации, вышел из ПСР в ноябре 1918 г. – *А. Г.*

[1329] *Донской* Дмитрий Дмитриевич (1881–1936) – член ПСР (вступил не позднее 1907 г.), врач, член ЦК ПСР (с 12.1917). Руководил военной комиссией ЦК ПСР (1918). Один из руководителей эсеровского антибольшевистского подполья в Москве. Арестован ВЧК летом 1919 г. В 1924 г. выслан в Нарымский край, работал в районной больнице. Покончил с собой. – *А. Г.*

[1330] ГА РФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

[1331] Там же. Л. 20.

[1332] Там же. Л. 25.

[1333] Там же. Л. 37.

[1334] *Национально*-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Т. 2. Ч. 1 Уфа, 2002. С. 10.

[1335] *Приказ* по Башкирскому войску. 1918. 19.11. № 8 // РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 56—56об.

[1336] РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

[1337] *Акулинин И.[Г.]* Колчак и атаман Дутов…//Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.

[1338] РГВА. Ф. 461 (К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.

[1339] ГА РФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 39. Л. 48—48об.

[1340] ГА РФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.

[1341] Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 7. 28(15).02. С. 16.

[1342] Состав частей гарнизона г. Оренбурга на момент заговора удалось узнать из единственного документа – Приказа по гарнизону г. Оренбурга № 79 от 18.11.1918 г. с объявлением очереди мытья частей в городских банях на неделю вперед – РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 50.

[1343] *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 187.

[1344] *Письма* атамана Дутова // Наш путь: Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 48.

[1345] *Выселение* полковника Махина // Енисейский вестник (Воля Сибири). Издается при Управлении Енисейской губернией (Красноярск). 1919. № 21. 08.02 (26.01). С. 3.

[1346] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 103.

[1347] Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 7. 28(15).02. С. 16.

[1348] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 52, 60.

[1349] *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 190.

[1350] *Войнов В.М.* Оренбургское казачье войско в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1919 гг.) // Оренбургское казачье войско: исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 92.

[1351] *Акулинин И.[Г.]* Колчак и атаман Дутов…//Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.

[1352] РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 99.

[1353] *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 189.

[1354] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 14.

[1355] *Плотникова М.Е.* Колчак и эсеровская «оппозиция» // Вопросы истории Сибири / Под ред. И.М. Разгона и Л.И. Боженко. Вып. 3. Томск, 1967. С. 174, 176, 179.

[1356] См., напр.: *Возрождающаяся* Россия: эсэры об уфимских предателях // Курганская свободная мысль. 1919. № 46. 04.03. С. 2.

[1357] *Исхаков С.М.* Предисловие // Из истории российской эмиграции: письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924–1932 гг.). М., 1999. С. 11.

[1358] Там же. С. 10–11.

[1359] По данным, требующим документального подтверждения, Ф.Е. Махин являлся шифровальщиком

Коминтерна при И.Б. Тито. Сведения сообщены автору профессором Белградского университета М. Йовановичем (Белград, Югославия).

[1360] *Ферганский Вл.* Партия социалистов-революционеров (эсэров) и ее роковая для Русского Народа роль за четырехлетний (1917–1921 гг.) период революции: Краткий очерк. Владивосток, 1921. С. 22.

[1361] *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 37–38.

[1362] *Будберг А.[П.]* Дневник // Архив русской революции. Т. 13. Берлин, 1924. С. 268.

[1363] *Гражданская* война, на мой взгляд, являлась таковой лишь со стороны красных. – *А. Г.*

[1364] Как уже говорилось, Дутов георгиевским кавалером не был. – *А. Г.*

[1365] Все эти факты едва ли соответствуют действительности. – *А. Г.*

[1366] Эти сведения неверны, в отличие от соседнего Уральского казачьего войска, в Оренбургском казачьем войске старообрядцы составляли меньшинство казачьего населения (по данным на 1902 г. – лишь 4,6 % – Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск Генерал-Лейтенанта Щербова-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 13.). – *А. Г.*

[1367] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 1.

[1368] *Литвинов А.* На «Моряке» в Добровольческую армию в 1918 г. // Военная Быль (Париж). 1962. № 54. С. 20.

[1369] Там же.

[1370] Там же. С. 21.

[1371] Там же. С. 21, 22.

[1372] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 43.

[1373] Оренбургский казачий вестник. 1917. 31.10. № 66. С. 4.

[1374] *Протокол* заседания Чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1917 г. 28.09. Позднее вместо К.Л. Каргина был избран полковник Чернов – Протокол заседания Чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1917. 30.09.

[1375] *Протокол* заседания Чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1917. 02.10; Оренбургский казачий вестник. 1917. № 45. 06.10. С. 4.

[1376] Оренбургский казачий вестник. 1917. № 86. 24.11. С. 4.

[1377] Деньги Рудаков вез в шапке (*Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 26). – *А. Г.*

[1378] Речь идет об оренбургских казаках – приверженцах большевиков. – *А. Г.*

[1379] *Кобозев* Петр Алексеевич (1878–1941) – в рассматриваемый период – чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири, руководил борьбой против Дутова. – *А. Г.*

[1380] Протоколы 2-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Протокол № 4. 1918. 31.01; То же – ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 3—3об.

[1381] Протоколы 2-го чрезвычайного Войскового Круга. Протокол № 6. 1918. 02.02; То же – ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 6.

[1382] Протоколы 2-го чрезвычайного Войскового Круга. Протокол № 7. 1918. 03.02; То же – ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 7.

[1383] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 55.

[1384] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 39. Л. 35.

[1385] Там же. Л. 46об.

[1386] Протоколы 3-го очередного Войскового Круга. С. 143.

[1387] Постановление № 75 казачьего Круга объединенных станиц Оренбургского войска. 1918. 14.06 // ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 97.

[1388] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 72—72об.

[1389] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 7. Л. 147об.

[1390] *Уфимское* Государственное Совещание / Предисловие и примечания А.Ф. Изюмова // Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929. С. 64.

[1391] Протоколы 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 50–51, 160, 171.

[1392] *Кроль Л.А.* За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921. С. 69–70.

[1393] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 141.

[1394] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 2. Л. 767.

[1395] В документе ошибочно – «полкам». – *А. Г.*

[1396] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 406—406об.

[1397] РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—1об.

[1398] Орский вестник. 1918. № 34. 18.12.

[1399] Оренбургский казачий вестник. 1918. 17.12. № 133. С. 2.

[1400] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 457.

[1401] Оренбургский казачий вестник. 1919. № 4. С. 1.

[1402] *Нарбут П.В.* – инспектор при главноуполномоченном по продовольствию Оренбургской губернии и Тургайской области (1917–1918 гг.). – *А. Г.*

[1403] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 61. Л. 7об.—8.

[1404] Протоколы 3-го очередного Войскового Круга. С. 139.

[1405] Там же. С. 48–49.

[1406] Там же. С. 139–140.

[1407] Там же. С. 140.

[1408] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 3. Л. 1281—1281об.

[1409] Там же. Л. 1291—1291об.

[1410] Там же. Л. 1291об.

[1411] Там же.

[1412] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 458—458об.

[1413] *Линьков А.* Атаман Семенов. Чита, 1919. С. 18–19. – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 1к об. – 1л.

[1414] Протоколы 3-го очередного Войскового Круга. С. 146.

[1415] *Кручинин А.С.* Атаман Г.М. Семенов // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов… / Сост. А.С. Кручинин. М., 2004. С. 265.

[1416] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 142.

[1417] Сложно сказать, собирался ли Семенов на самом деле отправлять войска на оренбургский фронт, во всяком случае, заявления на эту тему он продолжал делать до конца марта 1919 г. (см.: *Атаман Семенов.* Вопросы государственного строительства. Чита, 2002. С. 19).

[1418] По некоторым данным, было также передано 10 000 комплектов теплого белья (*Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь – август 1919 г.) // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.): Сб. науч. статей. Хабаровск, 1999. С. 54). Также имеется свидетельство о передаче помимо 3000 трехлинеек еще и 10 000 берданок (Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный. 1919. № 7. 28(15).02. С. 16).

[1419] Протоколы 3-го очередного Войскового Круга. С. 142–143.

[1420] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 46.

[1421] Там же. Л. 54.

[1422] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 99.

[1423] Использованы материалы именного каталога участников Белого движения из собрания ГА РФ.

[1424] *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 260.

[1425] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 177.

[1426] *Щепихин С.А.* Рец. на кн.: ген. П.П. Петров. «От Волги до Тихого Океана в рядах белых». Рига, 1930 // Сибирский архив. Вып. III. Прага, 1930. С. 136.

[1427] *Анисимов Н.С.* – полковник (позднее – генерал-майор), представитель Оренбургского казачьего войска при Ставке. – *А. Г.*

[1428] *Письма* атамана Дутова // Наш путь. Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 48.

[1429] *Шендриков И.[Н.]* На помощь // Русская армия (Омск). 1918. № 17. 08.12. С. 2.

[1430] *Dotsenko P.* The struggle for a democracy in Siberia, 1917–1920. Eyewitness Account of a Contemporary. Stanford, 1983. P. 79.

[1431] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 50—50об.

[1432] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

[1433] *Путеводитель* по фондам Белой армии /Российский государственный военный архив. Сост. Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижова. М., 1998. С. 131.

[1434] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

[1435] *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 4. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1925. С. 65.

[1436] Урал и Прикамье. С. 245.

[1437] Там же; *Иноятов Х.Ш.* Указ. соч. С. 48.

[1438] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 25.

[1439] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

[1440] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 362.

[1441] Там же. Л. 30.

[1442] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.

[1443] *Кирюхин Н.И.* Указ. соч. С. 54.

[1444] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 35.

[1445] В документе 7-й Хвалынский стрелковый полк ошибочно назван 4-м – РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 264–265.

[1446] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

[1447] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

[1448] Там же. Л. 46об.

[1449] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 10об.

[1450] Казачья речь (Троицк). 1919. № 7. 22 (09).01. С. 1.

[1451] Отмечу, что почетным красноармейцем этого же полка с 27 февраля 1922 г. числился В.И. Ленин (Ульянов).

[1452] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 277; ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 2об., 7– 8об., 10; Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 100.

[1453] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 2—2об.

[1454] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

[1455] Там же. Л. 17.

[1456] Там же. Л. 277.

[1457] Там же. Л. 58об.

[1458] Там же. Л. 332; РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 48; Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 5об., 6об.

[1459] *Чистов Б.Н., Жохов М.А.* Посланец партии: Очерк военно-политической деятельности П.А. Кобозева на Восточном фронте

(1918–1919 гг.). М., 1980. С. 154.

[1460] ГАПО. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 432. Л. 6. Документ предоставлен М.Г. Ситниковым (Пермь).

[1461] ГАПО. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 264. Документ предоставлен М.Г. Ситниковым.

[1462] *Гражданская* война в Оренбуржье… С. 170–171.

[1463] Там же. С. 172.

[1464] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 104.

[1465] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

[1466] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.

[1467] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 101об.

[1468] Там же.

[1469] Там же. Л. 156.

[1470] Там же. Л. 61.

[1471] *Огородников Ф.[Е.]* Указ. соч. С. 46.

[1472] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 63об.

[1473] Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 7. 28 (15).02. С. 16.

[1474] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 56об.

[1475] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 127. 10.12. С. 1.

[1476] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 142. 28.12. С. 2.

[1477] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.

[1478] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

[1479] Утро Сибири (Челябинск). 1919. № 36. 17.02. С. 2.

[1480] *Кунктатор* – медлительный, нерешительный человек. От прозвища римского полководца Квинта Фабия Максима Кунктатора (275–203 гг. до Р. Х.), придерживавшегося в период 2-й Пунической войны стратегии уклонения от решающих сражений и истощения противника. – *А. Г.*

[1481] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 9об.

[1482] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 35.

[1483] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 50об.

[1484] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 35.

[1485] Т. е. в Челябинске. – *А. Г.*

[1486] Письма атамана Дутова // Наш путь (Чита): Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП. 1923. Апрель. № 8. С. 48.

[1487] *Воротовов М.Ф.* В Забайкалье и на Приморском фронте в 1920–1921: Записки участника // Hoover Institution Archives. Colonel Vorotovov Collection. Folder VW Russia V954. L. 16.

[1488] По всей видимости, речь идет о 9-м Оренбургском казачьем полку, которым Сукин командовал с 5 августа 1917 г. – *А. Г.*

[1489] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 46об. – 47.

[1490] Представителя Оренбургского казачьего войска при

Ставке в Омске, пользовавшегося большим авторитетом в войске. – *А. Г.*

[1491] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 244.

[1492] Намек на Дутова. – *А. Г.*

[1493] В документе ошибочно – «исполняющих». – *А. Г.*

[1494] В документе ошибочно – «войска». – *А. Г.*

[1495] По всей видимости, речь идет о конфликте между оренбургскими повстанцами и партизанами, участвовавшими вместе с Дутовым в Тургайском походе. – *А. Г.*

[1496] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 264. Л. 7, 7об.—9.

[1497] В документе ошибочно «Правительства». – *А. Г.*

[1498] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 264. Л. 6.

[1499] *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. М., 1960. С. 282.

[1500] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 243.

[1501] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 41.

[1502] Т. е. начальник штаба дивизии. – *А. Г.*

[1503] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 51–54.

[1504] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 47.

[1505] Там же. Л. 62.

[1506] Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Производство 1937 г. Д. 011187.

[1507] Правительственный вестник (Омск). 1919. № 66. 11.02. С. 2.

[1508] *Gajda R.* Moje pameti. Praha, 1920. S. 117.

[1509] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 56.

[1510] *Gaida R.* Op. cit. S. 118.

[1511] *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 1. Конституционная диктатура. Белград, 1931. С. 126–127.

[1512] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 15.

[1513] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 56—57об.

[1514] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 8, 10–11, 18; Частично опубл. в кн.: *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. С. 55–56.

[1515] *Петров П.П.* Указ. соч. С. 76.

[1516] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78об.

[1517] Подробнее об этом см.: *Волков Е.В.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 103, 126–128; *Петров А.А.* Генерал-лейтенант Р. Гайда // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов… / Сост. А.С. Кручинин. М., 2004. С. 96.

[1518] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

[1519] ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 47. Л. 1об.—2.

[1520] Правительственный вестник (Омск). 1919. № 72. 19.02. С. 2.

[1521] *Ауслендер С.[А.]* В поезде Верховного Правителя. XI.

Казачий Круг // Сибирская Речь. Омск. 1919. № 65. 26.03. С. 2.

[1522] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 28–29.

[1523] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 61. Л.

[1524] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 129.

[1525] Вероятно, ошибка телеграфиста. Скорее всего, правильный текст – «истекающее кровью в неравной борьбе войско Оренбургское» или «войска Оренбургской (армии. – *А. Г.*)».

[1526] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 71. Л. 12.

[1527] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 41–42. С искажениями опубликовано И.Ф. Плотниковым – *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 335.

[1528] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 129.

[1529] Русская армия (Омск). 1919. № 47. 08.03. С. 2.

[1530] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 47.

[1531] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 111–112.

[1532] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 83.

[1533] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 372.

[1534] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 71. Л. 21.

[1535] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 101об. – 102.

[1536] Подробнее см.: *Кручинин А.С.* Генерал Я.А. Слащов-Крымский как полководец // Доброволецъ (Москва). 2003. № 2. С. 17–19.

[1537] РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 93. Л. 19.

[1538] *Тоган З.-В.* Указ. соч. С. 191; *Муртазин М.Л.* Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М., 1927. С. 68–72.

[1539] *Муртазин М.Л.* Указ. соч. С. 210.

[1540] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 92—92об.

[1541] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 175.

[1542] *Национально*-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 501.

[1543] Там же. С. 506–507.

[1544] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 41. Л. 82.

[1545] Там же. Л. 2—3об.

[1546] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 54об.

[1547] *Муртазин М.Л.* Указ. соч. С. 73, 76.

[1548] Тоган З. В. Указ. соч. С. 175, 186.

[1549] Там же. С. 190.

[1550] *Огородников Ф.[Е.]* Указ. соч. С. 56–57.

[1551] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 101об. – 102об.

[1552] Там же. Л. 92.

[1553] *Будберг А.[П.]* Дневник // Архив русской революции. Т. 13. Берлин, 1924. С. 286.

[1554] XV лет 24-й стрелковой Самаро-Ульяновской Железной Краснознаменной дивизии. Винница, 1933. С. 22.

[1555] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 26. Л. 211.

[1556] Там же. Л. 248–249.

[1557] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 60об.

[1558] *Гражданская* война в Оренбуржье… С. 162–163.

[1559] *Машин М.Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. Саратов, 1984. С. 72.

[1560] Подсчитано по: РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 75. Л. 1—24об.

[1561] РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

[1562] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 145—145об.

[1563] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1886. Л. 54.

[1564] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 233.

[1565] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 43–46.

[1566] Там же. Л. 47–51. Фрагменты письма опубликованы И.Ф. Плотниковым – *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 336–337.

[1567] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 55.

[1568] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 7. 11.07. С. 4.

[1569] *Приложения* к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. Оренбург, 1918. С. 158–159; менее точные данные – ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 2. Л. 841.

[1570] *Г.Ц.* Большевистские дни Оренбурга // Яицкая Воля (Уральск). 1918. № 155. 17 (30).08. С. 1.

[1571] Составлено по: *Приложения* к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. Оренбург, 1918. С. 162, 164.

[1572] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

[1573] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 6. 10.07. С. 2.

[1574] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 27. Л. 49об. Сумма уточнена по: *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 358.

[1575] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 430.

[1576] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 8. 12.07. С. 1.

[1577] *Приложения* к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. Оренбург, 1918. С. 3.

[1578] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 42. 23.08. С. 3.

[1579] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 40. 21.08. С. 6.

[1580] *Горбыль* – крайняя, с одной стороны выпуклая доска при продольной распилке бревна.

[1581] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 156.

[1582] Там же. С. 168.

[1583] *Первый* внутренний Оренбургского казачества народный 6 % заем: Проект. Оренбург, 1918. С. 1.

[1584] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 127. 10.12. С. 4.

[1585] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 87. Л. 69.

[1586] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 60об.

[1587] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 27. Л. 49.

[1588] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 358.

[1589] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 91. Л. 5.

[1590] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 42. 23.08. С. 3.

[1591] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 61–64.

[1592] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 64. Л. 4об.

[1593] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 262.

[1594] *Зарубин А.Г.* К типологии альтернативных движений (Орлов и Соловьев) // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции. 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 18.

[1595] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 236; ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

[1596] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 23. Л. 24об.

[1597] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 125.

[1598] Оренбургский край. 1918. № 126. 01.12. С. 2.

[1599] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 24. Л. 1; Д. 17. Л. 179—179об.

[1600] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 663. Л. 10.

[1601] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 544. Л. 3.

[1602] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 663. Л. 71об.

[1603] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 11. 14.01. С. 1.

[1604] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 20. Л. 77.

[1605] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 31. 09.08. С. 2.

[1606] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 43. 24.08. С. 6.

[1607] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 169.

[1608] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 79.

[1609] Там же. Л. 98.

[1610] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 4об.

[1611] Оренбургский казачий вестник. 1917. № 99. 12.12. С. 3.

[1612] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 47.

[1613] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 92. 27.10. С. 4.

[1614] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 42. 23.08. С. 3.

[1615] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 21.

[1616] *Рынков В.М.* Кустарная промышленность Сибири в условиях антибольшевистских режимов: государственная политика и стратегия предпринимательского выживания // История белой Сибири: Материалы 6-й международной научной конференции. 7–8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005. С. 152.

[1617] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 104.

[1618] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 44. 25.08. С. 4.

[1619] *Приложения* к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. Оренбург, 1918. С. 3.

[1620] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1768. Л. 23об.

[1621] ГА РФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

[1622] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 2. Л. 790.

[1623] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 572.

[1624] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 15.

[1625] *Наследов Б.[Н.]* Троицк-Орская жел[езная] дорога // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 56. 09.09. С. 5.

[1626] Оренбургский край. 1918. № 133. 11.12. С. 2.

[1627] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 120.

[1628] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 90. 25.10. С. 4.

[1629] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 657. Л. 2.

[1630] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 59. 15.09. С. 4.

[1631] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 3. Л. 1192об.; Д. 23. Л. 11.

[1632] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 43. 24.08. С. 6.

[1633] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 95.

[1634] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 19. Л. 30.

[1635] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 59. 15.09. С. 4.

[1636] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 87. Л. 92, 139; *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 86.

[1637] *Приложения* к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. Оренбург, 1918. С. 13.

[1638] *Назыров П.Ф.* Аграрная политика антибольшевистских правительств на Южном Урале (1918–1919 гг.): Автореф. на соискание ученой степени к. и. н. Челябинск, 2005. С. 21.

[1639] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 87.

[1640] *Назыров П.Ф.* Указ. соч. С. 20.

[1641] *Лабузов В.А., Сафонов Д.А.* Оренбургская деревня на завершающем этапе Гражданской войны (1920–1921 гг.). Оренбург, 2002. С. 7, 10.

[1642] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 85. 19.10. С. 3.

[1643] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 165–166; *Лабузов В.А., Сафонов Д.А.* Указ. соч. С. 79, 96–97.

[1644] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 61.

[1645] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.

[1646] ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 174. Л. 9об., 11об., 13об., 15, 19, 23, 25, 27, 34.

[1647] Оренбургский казачий вестник. 1917. № 78. 14.11. С. 1.

[1648] РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 205. Л. 37.

[1649] Народное дело. 1918. № 64. 27.09. С. 3.

[1650] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 246.

[1651] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 13.

[1652] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 170.

[1653] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 22об. – 23.

[1654] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 246.

[1655] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 7. Л. 7об.

[1656] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 38об. – 39.

[1657] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 23. Л. 44об.

[1658] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 12об.

[1659] *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. С. 175.

[1660] *Г.Ц.* Большевистские дни Оренбурга // Яицкая Воля. 1918. № 148. 08 (21).08. С. 1.

[1661] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 572.

[1662] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1767. Л. 13.

[1663] Оренбургский казачий вестник. 1917. № 32. 07.09. С. 1.

[1664] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 128.

[1665] Там же. Л. 47об.

[1666] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 119.

[1667] Русская армия. 1918. № 27. 22.12. С. 1.

[1668] РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 3. Д. 254. Л. 7.

[1669] Там же. Л. 416.

[1670] *Сем. Ант.* Дутовки // Уральский маяк (Верхнеуральск). 1918. № 42. 08.11. С. 2.

[1671] *Парамонов О.В.* «Дутовки». Боны Оренбургского Отделения Государственного Банка в 1917–1918 гг.: Каталог-исследование. М., 2005. С. 342.

[1672] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 181. Л. 19.

[1673] Оренбургский казачий вестник. 1919. № 71. 24.04. С. 2.

[1674] Русская армия. 1918. № 22. 15.12. С. 3.

[1675] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 148.

[1676] *Гражданская* война в Оренбуржье… С. 246.

[1677] *Рынков В.М.* Место и роль реквизиций в экономической политике антибольшевистских правительств Сибири // История белой Сибири: Материалы 5-й международной научной конференции. 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 288.

[1678] *Постановление* соединенного заседания ВЦИК советов, Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Всероссийского совета профсоюзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы от 4 июля 1919 г. // Декреты советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 333.

[1679] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 63.

[1680] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 61.

[1681] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 2. Л. 152.

[1682] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

[1683] ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 174. Л. 9, 11об.

[1684] Оренбургский край. 1918. № 107. 09.11. С. 2.

[1685] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 58. 14.09. С. 5.

[1686] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.

[1687] Русская армия. 1919. № 78. 15.04. С. 3.

[1688] *Национально*-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. Уфа, 2002. С. 246, 355; Т. 2. Ч. 1 Уфа, 2002. С. 481.

[1689] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 31. 09.08. С. 3.

[1690] *Khvostov M.* The Russian Civil war (2). White armies. Men-at-arms 305. Oxford, 2004. P. 36.

[1691] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 161.

[1692] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 290.

[1693] *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. С. 84; *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2003. С. 331.

[1694] *Национально*-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. Уфа, 2002. С. 193.

[1695] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 10.

[1696] «*Сам народ* темен и легко поддается агитации». Записка атамана А.И. Дутова о внутриполитической ситуации в Башкирии и на северо-западе Казахстана / Публ. Д.А. Аманжоловой // Источник (Москва). 2001. № 3. С. 46–51. Публикатор ошибочно адресовала эту записку прежнему министру внутренних дел А.Н. Гаттенбергеру, который на момент написания Дутовым документа уже ушел в отставку.

[1697] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 24.

[1698] Там же.

[1699] Там же. Л. 24об.

[1700] Там же. Л. 25—25об.

[1701] Там же. Л. 25об. – 26об.

[1702] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 804. Л. 16.

[1703] *Белое* движение: Каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.). СПб., 2000. С. 160.

[1704] Там же.

[1705] *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. С. 138.

[1706] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 13об.

[1707] Там же. Л. 5—6об.

[1708] Дореволюционной. – *А. Г.*

[1709] *Букейханов* Алихан Нурмухамедович (1870 – 27.09.1937) – киргизский политический деятель. Член кадетской партии (с 1905). Комиссар Тургайской области (с 19.03.1917). Член ЦК кадетской партии. Создатель партии «Алаш». Принимал участие в уфимском Государственном совещании. В декабре 1919 г. перешел на сторону красных. Расстрелян.

[1710] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 58–59.

[1711] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 2об.

[1712] См., напр.: РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 69; Народное дело. 1918. № 65. 29.09. С. 5.

[1713] Цит. по: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 202.

[1714] *Протокол* № 3 2-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Верхнеуральск, 1918. 30.01.

[1715] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

[1716] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 15. Л. 28.

[1717] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 23. Л. 61.

[1718] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 91. Л. 4об.

[1719] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 63. 20.09. С. 4.

[1720] Оренбургский край. 1918. № 131. 08.12. С. 2.

[1721] Цит. по: *Кобзов В.С., Семенов А.И.* Правоохранительные органы Урала в годы Гражданской войны. Челябинск, 2002. С. 89.

[1722] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 6. 10.07. С. 2.

[1723] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 31. 09.08. С. 2.

[1724] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

[1725] *Кобзов В.С., Семенов А.И.* Указ. соч. С. 61.

[1726] *История* УВД Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 78.

[1727] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 64. Л. 3об.

[1728] Там же.

[1729] Таблица составлена по: ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 36, 49, 51, 56об. – 57.

[1730] Миасская новая жизнь (Оренбург). 1918. № 122. 27 (14).11. С. 2.

[1731] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 106. 14.11. С. 4.

[1732] *Национально*-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: В 4 т. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 448.

[1733] Рабочее утро (Оренбург). 1918. № 105. 08.10. С. 2.

[1734] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 18—18об.

[1735] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 116.

[1736] *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С.199.

[1737] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 195. Л. 2об.

[1738] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 30об.

[1739] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 173.

[1740] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 8об.

[1741] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 42.

[1742] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 56–58, 59–60.

[1743] Там же. Л. 63–64.

[1744] См., напр.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 413.

[1745] *Звягин С.П.* Указ. соч. С. 142.

[1746] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 7. Л. 113об.

[1747] Станица (Москва). 2005. Декабрь. № 3 (46). С. 26; *Звягин С.П.* Указ. соч. С. 267.

[1748] *Гоппер К.[Я.]* Четыре катастрофы: воспоминания. Рига, 192. С. 152–153.

[1749] *Нечаев М.Г.* Красный террор и Русская Православная Церковь // Первая межвузовская научная конференция «История и террор». Вып. 1. Тезисы докладов. Пермь, 1993. С. 28.

[1750] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 96. 01.11. С. 3.

[1751] *Кобзов В.С.* Революция и гражданская война на Южном Урале глазами казачества // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 184.

[1752] См., напр.: *Кровожадный* приказ большевиков // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 75. 29.04. С. 1–2; *Большевистский* секретный приказ // Курганская свободная мысль (Курган). 1919. 04.05. С. 2; *Кровожадный* приказ большевиков // Утро Сибири (Челябинск). 1919. 07.05. С. 3.

[1753] Напр.: *Зверства* большевиков // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 31. 09.08. С. 4; Оренбургский казачий вестник. 1918. № 52. 05.09. С. 3; *Мученики* казачества // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 63. 10.04. С. 2; *Пытки* красных над казаком // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 89. 17.05. С. 2; *Под Оренбургом.* Донесения командира корпуса // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 91. 20.05. С. 1; Список лиц, расстрелянных большевиками в г. Оренбурге // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 93. 22.05. С. 1; *Кривощеков А.* Памяти мучеников за казачество // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 110. 14.06. С. 2; *Годовщина* павших за казачество // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 111. 15.06. С. 2; *Список* расстрелянных большевиками в гор. Оренбурге // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 128. 08.06. С. 2; *Жертва* красного террора // Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. № 42. 10.05. С. 4; *Зверства* красных над казаками // Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. № 44. 13.05. С. 3 и др.

[1754] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 83.

[1755] См., напр.: *Голуб П.[А.]* «Белый» террор в России // Диалог. Теоретический, общественно-политический и литературно-художественный журнал КПРФ (Москва). 2001. № 11. С. 68, 77–78; *Плешкевич Е.А.* А. Дутов и Г. Семенов: враги или герои Отечества? // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 260; *Поезд* смерти. М. – Куйбышев, 1935. С. 110–113, 126–130; *Пожидаева Г.В.* Помощь иностранных империалистов дутовским мятежникам (1918 г.) // Уральский государственный университет им. А.М.

Горького. Ученые записки № 77. Серия историческая. Вып. 13. Победа Октябрьской социалистической революции и успеи социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1968. С. 16; *Попов Ф.Г.* Дутовщина. С. 153–163; *Футорянский Л.И.* Белый и красный террор в период Октября и Гражданской войны на Южном Урале // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. С. 117–120.

[1756] *Булах В.* Указ. соч. С. 25.

[1757] *Футорянский Л.И.* Белый и красный террор. С. 120.

[1758] *Голуб П.[А.]* «Белый» террор в России. С. 77–78.

[1759] *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань, 1995. С. 131.

[1760] *Он же.* То же. М., 2004. С. 174.

[1761] Там же. С. 175.

[1762] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[1763] Там же. Л. 19об.

[1764] ГА РФ. Ф. Р-4886. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

[1765] Цит. по: *Войнов В.[М.]* Жизнь и смерть атамана Дутова // Уральский следопыт (Екатеринбург). 1993. № 3. С. 8.

[1766] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

[1767] Там же.

[1768] Там же. Л. 50.

[1769] Там же. Л. 9.

[1770] Там же. Л. 6–7.

[1771] Там же. Л. 50.

[1772] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 48об.

[1773] Там же. Л. 52об.

[1774] Там же. Л. 53.

[1775] На тот момент – командир Уральского отдельного корпуса. – *А. Г.*

[1776] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

[1777] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 154—154об.

[1778] *Национально*-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 399.

[1779] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 54об.

[1780] Там же. Л. 55.

[1781] РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 7.

[1782] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 104. 12.11. С. 4.

[1783] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 105. 13.11. С. 4.

[1784] Составлено по: РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 20, 43, 55, 68, 75, 84, 86.

[1785] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 128. Л. 1об.

[1786] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 86. 20.10. С. 3.

[1787] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 57.

[1788] Например, некий высокопоставленный представитель красных Бронштейн, прибывший в Орск вместе с известными оренбургскими большевиками Г.А. Коростелевым и А.З. Здобновым, впоследствии попал в плен к белым, ведя агитацию в сельской местности. По непроверенным данным, перед повешением ему в пятки вбили гвозди и гоняли без одежды по сугробам (ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 134. Л. 77).

[1789] Автор ошибается. В.Г. Болдырев являлся Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Временного Всероссийского правительства (Директории). – *А. Г.*

[1790] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 3–4.

[1791] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 32. Л. 18–19.

[1792] *Гражданская* война в Оренбуржье… С. 164.

[1793] ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 13.

[1794] *Сайгин Н.И.* В тылу у Дутова (Борьба подпольщиков и партизан Оренбуржья против дутовщины в 1918 году). Оренбург, 2001. С. 16–22.

[1795] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 393–394; Гражданская война на Южном Урале 1918–1919: Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 251, 266–267.

[1796] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

[1797] ГАОО. Ф. 2837. Оп. 1. Д. 65. Л. 2об.

[1798] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 141. Л. 80.

[1799] РГВА. Ф. 40054. Оп. 1. Д. 4. Л. 156.

[1800] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 23. Л. 23.

[1801] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 23об.

[1802] *Попов Ф.Г.* Дутовщина. С. 188.

[1803] ГА РФ. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Л. 1об.—2.

[1804] Там же. Л. 2об.

[1805] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 141. Л. 74.

[1806] ГА РФ. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

[1807] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 14. 18.01. С. 2.

[1808] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 42. 23.08. С. 4.

[1809] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 20.

[1810] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 87. 22.10. С. 3.

[1811] Оренбургский край. 1918. № 133. 11.12. С. 2.

[1812] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

[1813] *Доклад* Окружному съезду 1-й очередной сессии 1-го округа Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1917. С. 13, 17.

[1814] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 82. 16.10. С. 4.

[1815] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 287.

[1816] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 3. Л. 1233.

[1817] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 64. Л. 14; Приложения к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. Оренбург, 1918. С. 75.

[1818] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 64. Л. 46.

[1819] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 289.

[1820] *Абрамовский А.П., Ковзов В.С.* «Дело необходимое и крайне полезное…» // Архивное дело в Челябинской области. 1998. № 2 (5). С. 76; Они же. Учись, казак! // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. 2004. № 5. С. 116.

[1821] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 14. 18.01. С. 2.

[1822] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 43. 24.08. С. 6.

[1823] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 14л. Л. 1.

[1824] *Симонов Д.Г.* К вопросу о комплектовании армии адмирала А.В. Колчака командными кадрами // История «белой» Сибири: Тезисы научной конференции (7–8 февраля 1995 г.). Кемерово, 1995. С. 49; *Петров А.А.* Портупей-юнкера адмирала Колчака // История белой Сибири: Материалы 6-й научной конференции. 7–8 февраля 2005 г. Кемерово, 2005. С. 73.

[1825] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 42. 23.08. С. 4.

[1826] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 116–117.

[1827] Приложения к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 49.

[1828] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 91. 26.10. С. 4.

[1829] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 31. 09.08. С. 1.

[1830] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 91. Л. 9.

[1831] Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный. 1919. № 24–25. 06.07. С. 79.

[1832] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 27. Л. 141.

[1833] *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. С. 194.

[1834] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 20. Л. 214об.

[1835] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 59. Л. 7; *Гугнина О.В.* Политика А.И. Дутова в области народного образования (3 июля 1918 г. – 21 января 1919 г.) // Вестник Оренбургского Государственного Педагогического Университета. Гуманитарные науки. 2000. № 2 (17). С. 118.

[1836] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 59. Л. 13.

[1837] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 366–367.

[1838] *Белое* движение: Каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.). СПб., 2000. С. 159–160.

[1839] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 122.

[1840] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 26. Л. 232.

[1841] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 187.

[1842] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 84. Л. 44.

[1843] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 87. Л. 122.

[1844] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 15. 19.01. С. 3.

[1845] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 105. 13.11. С. 4.

[1846] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 53. 06.09. С. 5.

[1847] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 130. 13.12. С. 4.

[1848] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 20. Л. 241—241об.

[1849] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

[1850] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 52. Л. 13.

[1851] *Документ* без комментариев // Гостиный Двор (Калуга): Альманах. 1995. № 3. С. 96.

[1852] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 14. Л. 2.

[1853] *Приложения* к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 89–93.

[1854] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 292.

[1855] *Атаман* Дутов. Очерки по истории казачества // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 62. 09.04. С. 2.

[1856] *Гугнина О.В.* Национальные школы в Оренбургской губернии в 1918–1920 гг. // Вестник Оренбургского Государственного Педагогического Университета. Гуманитарные науки. 2001. № 3 (24). С. 103.

[1857] *Положение* о Войсковом горном музее при горном отделе Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1918. С. 2.

[1858] *Наследов Б.[Н.]* Горноразведочная экспедиция в 1918 году // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 42. 23.08. С. 4.

[1859] *Географический* атлас Оренбургской области / Науч. ред и сост., член-корр. РАН А.А. Чибилев. М., 1999. С. 95.

[1860] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 63. 20.09. С. 3.

[1861] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 202.

[1862] Оренбургский край. 1918. № 141. 21.12. С. 2.

[1863] Оренбургский край. 1918. № 5. 06.01. С. 3.

[1864] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 69. 29.09. С. 5.

[1865] Оренбургский край. 1918. № 114. 17.11. С. 2.

[1866] Оренбургский край. 1918. № 141. 21.12. С. 2.

[1867] *Атаман* Дутов о Японии // Голос Забайкалья (Чита). 1919. № 2. С. 4.

[1868] Оренбургский казачий вестник. 1919. № 122. 29.06. С. 2.

[1869] Ситуацию по Уралу см.: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 144–156.

[1870] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 26. Л. 205.

[1871] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 11. Л. 31—31об.

[1872] Имеется в виду конечная станция Троицкой железной дороги Карталы. – *А. Г.*

[1873] По всей видимости, телеграфное сокращение «командир радиостанции». – *А. Г.*

[1874] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 11. Л. 35—35об.

[1875] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 35.

[1876] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.

[1877] *Болдырев В.Г.* Указ. соч. С. 60.

[1878] *Будберг А.[П.]* Дневник // Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 241.

[1879] *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция. Ч. 4. Кн. 8. Б. м., 1937. С. 114.

[1880] *Плотников И.Ф.* Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А.В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль – май 1919 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 79–83.

[1881] *Волков Е.В.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 128.

[1882] *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 53–54.

[1883] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

[1884] Речь идет о событиях 1915 г., когда Лебедев являлся старшим адъютантом штаба XXIV армейского корпуса Генерального штаба генерала от кавалерии А.А. Цурикова. – *А. Г.*

[1885] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.

[1886] *Иностранцев М.[А.]* История, истина и тенденция. По поводу книги ген[ерал]-лейт[енанта] К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Прага, 1933. С. 10.

[1887] *Gajda R.* Moje pameti. Praha, 1920. S. 135.

[1888] РГВА. Ф. 39864. Оп. 1. Д. 1. Л. 87; Д. 5. Л. 63—63а.

[1889] *Волков Е.В.* Судьба колчаковского генерала. С. 131.

[1890] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 27. Л. 190об.

[1891] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 277об.

[1892] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 66об.

[1893] *Из истории* Гражданской войны в СССР. Т. 2. Март 1919 – февраль 1920. М., 1961. С. 88–89.

[1894] *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 371.

[1895] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 86. 20.10. С. 3.

[1896] *Воробьев В.Ф.* Оборона Оренбурга (апрель – май 1919 г.). М., 1938. С. 65.

[1897] РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 17об.

[1898] РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 18. Л. 87.

[1899] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 24об.

[1900] РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 5. Л. 16—16об.

[1901] *Гражданская* война в Оренбуржье… С. 296, 298.

[1902] Подробнее см.: *Ганин А.В.* Оренбургская операция и весеннее наступление Российской Армии адмирала А.В. Колчака на Восточном фронте // Ломоносов—2002. История. Труды научной конференции. М., 2003. С. 71–73.

[1903] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 76.

[1904] *Сиротинский С.А.* Путь Арсения. М., 1959. С. 140.

[1905] *Пиотровский Б.Б.* Указ. соч. С. 21.

[1906] *Булах В.* Указ. соч. С. 32.

[1907] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 196. Л. 155.

[1908] ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 15—15об., 21об.

[1909] Подробнее см.: *Васильев И.И., Зданович А.А.* Анатомия одного конфликта. История о том, как реввоенсовет армии отрешал от должности «своего» начальника особого отдела // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.И. Голдин. Архангельск, 1999. С. 42–49.

[1910] ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 16—16об.

[1911] Там же. Л. 18.

[1912] *The Trotsky* Papers. Edited and annotated by Jan M. Meijer. Vol. I. 1917–1919. L.; P., 1964. P. 554.

[1913] Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р-200. Оп. 4. Д. 31. Л. 234об.

[1914] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 418. Л. 238. Документ предоставлен М.А. Хайрулиным.

[1915] *Петров П.П.* От Волги до Тихого Океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 74.

[1916] *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. М., 1960. С. 218.

[1917] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 26. Л. 58.

[1918] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 27. Л. 189.

[1919] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

[1920] *Письма* атамана Дутова // Наш путь: Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 48.

[1921] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 13. Л. 16—16об.

[1922] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 90.

[1923] Там же. Л. 92.

[1924] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 95. Л. 152.

[1925] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 186. Л. 28.

[1926] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.

[1927] Т. е. главный начальник округа. – *А. Г.*

[1928] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 2—2об.

[1929] Там же. Л. 3—3об.

[1930] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.

[1931] Там же.

[1932] *Акулинин И.Г.* Атаман А.И. Дутов – Hoover Institution Archives. Mariia Dmitrievna Vrangel' Collection. Box 14. Folder 8.

[1933] ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 14об.

[1934] Там же. Л. 15об.

[1935] РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 93. Л. 19.

[1936] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.

[1937] Русская армия. 1919. № 75. 11.04. С. 3.

[1938] *Ген. Жанен [М.]* Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни: Художественно-литературный и научно-публицистический журнал (Новосибирск). 1927. Июль – август. № 4. С. 143.

[1939] Русская армия. 1919. № 73. 09.04. С. 4; № 76. 12.04. С. 4.

[1940] *Атаман* Дутов в Омске // Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 14. Апрель. Пасхальный номер. С. 21.

[1941] *Приказ* Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего от 11.04.1919 // РГВА. Ф. 39499. Оп. 2. Д. 2. Л. 63об.

[1942] Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 7. 28 (15).02. С. 18.

[1943] *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 1. 1917–1920. М., 2004. С. 299–315.

[1944] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 91об. – 92.

[1945] Русская армия. 1919. № 78. 15.04. С. 4.

[1946] *Будберг А.[П.]* Дневник // Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 277.

[1947] *А г-с.* Генерал А.И. Дутов // Сибирская Речь. 1919. № 80. 13.04. С. 3.

[1948] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.

[1949] Там же.

[1950] РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 93. Л. 19.

[1951] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 27. Л. 71.

[1952] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 56, 60–61, 64–65. Частично и с искажениями опубликовано И.Ф. Плотниковым – *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 337–338.

[1953] *Плотников И.Ф.* К характеру взаимоотношений атамана А.И. Дутова и Верховного правителя России А.В. Колчака // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. С. 6.

[1954] ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 55.

[1955] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 12.

[1956] *Огородников Ф.[Е.].* Указ. соч. С. 179.

[1957] РГВА. Ф. 39499. Оп. 2. Д. 46. Л. 90об.

[1958] Там же. Л. 8.

[1959] Там же. Л. 197об.

[1960] Там же. Л. 156об.

[1961] РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 93. Л. 19; РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 383.

[1962] *Степной А.* Записки с фронта. Троицк, май 1919 года // Русская армия. 1919. № 108. 25.05. С. 2.

[1963] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 40. Л. 3—3об.

[1964] Там же. Л. 13.

[1965] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 61. Л. 65.

[1966] Там же. Л. 67.

[1967] Там же.

[1968] Там же. Л. 67об.

[1969] Там же. Л. 67.

[1970] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 40. Л. 67, 68, 72.

[1971] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 61. Л. 66.

[1972] *Казачество.* Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 378–379.

[1973] РГВА. Ф. 30506. Оп. 1. Д. 2. Л. 74.

[1974] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 186. Л. 397, 443об. – 446.

[1975] Там же. Л. 448, 450.

[1976] Там же. Л. 460.

[1977] *Загорский А.[П.]* К истории атамана А.И. Дутова // Оренбургский казак: Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 15. Опубл.: Белая эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 12.

[1978] *A Chronicle…* Vol. 1. P. 236; *Россия* антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 166.

[1979] *Из прошлого* Оренбургского каз[ачьего] войска: Беседа с председателем совета министров П.В. Вологодским «Сибирская Жизнь» // Наша Заря: Орган демократической государственной мысли. Омск. 1919. № 102. 15.05. Четверг. Ежедневная газета. С. 3.

[1980] В документе не согласовано – «внесла». – *А. Г.*

[1981] *Из прошлого* Оренбургского каз[ачьего] войска: Беседа с председателем совета министров П.В. Вологодским «Сибирская Жизнь» // Наша Заря: Орган демократической государственной мысли. Омск. 1919. № 102. 15.05. Четверг. Ежедневная газета. С. 3.

[1982] *Протокол* № 15 Заседания чрезвычайного съезда 1[-го] Округа Оренбургского каз[ачьего] войска. Оренбург, 1918. 04.08. С. 2.

[1983] *A Chronicle…* Vol. 1. P. 248–249; *Россия*

антибольшевистская… С. 177–178.

[1984] В документе ошибочно – «слабое». – *А. Г.*

[1985] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 61. Л. 2–5.

[1986] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 42—43об.

[1987] Там же. Л. 43—43об.

[1988] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 386–387.

[1989] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 61. Л. 6.

[1990] Там же. Л. 6—10об.; Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 13—17об.

[1991] *A Chronicle…* Vol. 1. P. 214, 249.

[1992] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 208. Л. 1об.

[1993] Критическую оценку личности и способностей П.В. Вологодского современниками см.: *Государственному* делу преданы… / Публикация С.В. Дрокова // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 1999. № 6. С. 84.

[1994] РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 5. Л. 32об.

[1995] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 28. Л. 39.

[1996] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 27. Л. 57.

[1997] РГВА. Ф. 39625. Оп. 1. Д. 17. Л. 398—398об.

[1998] Правительственный вестник (Омск). 1919. № 148. 31.05. С. 2.

[1999] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1134. Л. 1.

[2000] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 412.

[2001] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

[2002] В документе зачеркнута старая нумерация пунктов (5, 6, 7, 8, 10, 11) и выставлена новая (9, 10, 11, 12, 15, 16), пропуски в нумерации и ее изменение связаны с тем, что, возможно, публикуемый текст Положения неполон. – *А. Г.*

[2003] РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—1об. Документ не заверен.

[2004] РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–3.

[2005] «*Милая*, обожаемая моя Анна Васильевна…». М., 1996. С. 321.

[2006] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1134. Л. 4; Современная Пермь (Пермь). 1919. 01.06; Освобождение России (Пермь). 1919. 03.06 (сведения из пермских газет предоставлены М.Г. Ситниковым (Пермь); *Будберг А.[П.]* Указ. соч. С. 267.

[2007] *Будберг А.[П.]* Указ. соч. С. 277.

[2008] Там же. С. 320.

[2009] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1134. Л. 6; Современная Пермь (Пермь). 1919. 04.06; 10.06; 11.06 (сведения из пермских газет предоставлены М.Г. Ситниковым); *Будберг А.[П.]* Указ. соч. С. 276.

[2010] РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 6. Л. 67об.

[2011] *Акинтиевский К.К.* (1884–1962) – Генерального штаба полковник (впоследствии – генерал-майор), начальник общего отдела штаба Верховного Главнокомандующего, с 10 июня 1919 г. – начальник оперативного отдела штаба Верховного Главнокомандующего. – *А. Г.*

[2012] *Будберг А.[П.]* Указ. соч. С. 276, 279.

[2013] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 596. Л. 3.

[2014] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1134. Л. 12.

[2015] РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

[2016] РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

[2017] *Беседа* с ген. Дутовым // Уссурийский Край (Никольск-Уссурийский). 1919. № 136. 01.07. С. 2.

[2018] См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 320. Л. 71.

[2019] *Серебренников И.И.* Мои встречи с атаманом А.И. Дутовым // Hoover Institution Archives. I. Serebrennikov Collection. Box 11. Folder 1.

[2020] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 24.

[2021] Дутов едва ли мог быть отнесен к знатным дворянам. – *А. Г.*

[2022] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 25.

[2023] РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

[2024] *Сибиряков Г.* Атаман Дутов – неблагонадежный лектор // Эхо (Владивосток). 1919. № 94. 29.06. С. 4.

[2025] *Сибиряков Г.* А.И. Дутов в Чите // Эхо. 1919. № 93. 28.06. С. 2.

[2026] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 33.

[2027] *Дутов* – Японцы // Дальневосточное Обозрение (Владивосток). 1919. № 93.

26.06. С. 1.

[2028] Уссурийский Край. 1919. № 157. 26.07. С. 3.

[2029] *Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь – август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.): Сб. науч. статей. Хабаровск, 1999. С. 62, 73.

[2030] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 7.

[2031] *Посещение* атаманом Дутовым биржевого комитета // Голос Приморья (Владивосток). 1919. № 511. 28.06. С. 3.

[2032] Забайкальская Новь (Чита). 1919. № 3211. 05.07. С. 3.

[2033] РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 191. Л. 82.

[2034] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 11–13.

[2035] *Апрелков А.В., Попов Л.А.* Судьбы казацкие. С. 223.

[2036] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1134. Л. 2.

[2037] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 14.

[2038] Там же.

[2039] Там же. Л. 17.

[2040] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 10.

[2041] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 71. Л. 149.

[2042] Там же. Л. 145.

[2043] *Атаман* Дутов в Хабаровске // Голос Приморья. 1919. № 532. 30.07. С. 1.

[2044] *Беседа* с ген. – лейт. А.И. Дутовым // Голос Приморья. 1919. № 512. 29.06. С. 4.

[2045] Уссурийский Край. 1919. № 153. 22.07. С. 3; *Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм. С. 65.

[2046] *Дутов А.И.* Мои наблюдения о японцах // Новости Владивостока (Владивосток). 1919. 26.07. С. 1; *Он же.* Мои наблюдения о русской женщине // Новости Владивостока. 1919. 28.07. № 23. С. 1.

[2047] *Дутов А.И.* Мои наблюдения о японцах // Новости Владивостока. 1919. 26.07. С. 1.

[2048] *Он же.* Мои наблюдения о русской женщине // Новости Владивостока. 1919.

28.07. № 23. С. 1.

[2049] *Атаман* Дутов о положении на Дальнем Востоке // Забайкальская Новь. 1919. № 3273. 20.09. С. 4.

[2050] Приамурье (Хабаровск). 1919. № 3406 (156). 23.07. С. 4.

[2051] ГАХК. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 243. Л. 1.

[2052] Уссурийский Край. 1919. № 159. 29.07. С. 3.

[2053] *Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм. С. 67.

[2054] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 18.

[2055] Это было сделано еще до Колчака при генерале В.Г. Болдыреве. – *А. Г.*

[2056] ГА РФ. Ф. Р-1261. Оп. 1. Д. 67. Л. 76–77.

[2057] *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 358.

[2058] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 60. Л. 7об.

[2059] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 72.

[2060] Русская армия. 1919. № 175. 15.08. С. 3.

[2061] *Устрялов Н.В.* Белый Омск: Дневник колчаковца // Русское прошлое: Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1991. № 2. С. 307.

[2062] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1134. Л. 11.

[2063] *Записки* Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака. Документы и материалы / Под ред. д. и. н., проф. А.В. Квакина. М., 2005. С. 500–501.

[2064] РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

[2065] Там же. Л. 10.

[2066] Там же. Л. 11*об.*

2067 ргва. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

2068 ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 71. Л. 201, 204.

2069 РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 15. Л. 23—23об.

2070 РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 14. Л. 35—35об.

2071 *Щулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 1. 1917–1920. М., 2004. С. 356–357.

2072 Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 35. 02.09. С. 26–27.

[2073] Там же. С. 27–28.

2074 Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный. 1919. № 36. 14.09. С. 25.

2075 РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

[2076] Там же. Л. 9.

2077 Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска: Журнал еженедельный. 1919. № 37–38. 26.09. С. 10.

2078 РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1134. Л. 18.

2079 РГВА Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4. Л. 2об.

2080 РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1134. Л. 28.

[2081] *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 3. Катастрофа. Пекин, 1921. С. 308.

2082 *Щулдяков В.А.* Войсковой Сибирский казачий корпус: планы, реалии и мифы (август – сентябрь 1919 г.) // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия: Исторический альманах. 2005. № 8.

2083 *Гинс Г.К.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 3. С. 308.

2084 РГВА Ф. 39768. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

2085 *Воротовов М.Ф. 2* Оренбургский казачий полк в 1918–1920 (Записки полковника Воротовова) // Hoover Institution Archives. Colonel Vorotovov Collection. Folder VW Russia V954. L. 41.

2086 *Щулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 1. С. 421.

2087 *Мельгунов СП.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 1. С. 276.

2088 РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 98; Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 634.

2089 РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—1об.

[2090] Там же. Л. 3.

[2091] *Хорошхин Б.И.* (1883–1936) – генерал-майор, начальник Главного управления по делам казачьих войск (1918–1919 гг.). – А. Г.

2092 *Будберг А.[П.]* Указ. соч. // Архив русской революции. Т.

15. Берлин, 1924. С. 324–325.

2093 РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

2094 *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 21.

2095 Речь идет о генерал-майоре Н.В. Нагаеве (1883–1976), командированном во второй половине 1919 г. из Омска через Владивосток и Новороссийск с секретным поручением к Деникину. – А. Г.

2096 ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 144. Л. 1—1об.

2097 рГва. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 645.

2098 РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—1об. Фотокопия письма опубликована в качестве иллюстрации в кн.: *Алескеров Ю.Н.* Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 31.

2099 РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.

2100 Там же. Л. 4–5.

2101 *Пылев А.И.* Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб., 2005. С. 136, 140, 157.

2102 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 804. Л. 9.

2103 *Уоппер К.[Я.]* Указ. соч. С. 157.

2104 *Синзянский.* От Тобола до Китая // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1938. С. 40.

2105 ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 34—34об.

2106 *Головин Л.* Указ. соч. С. 217.

2107 ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 92. Л. 15.

2108 ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 25.

2109 ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 66–69.

2110 ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 28.

2111 Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 81.

2112 Там же. С. 82.

2113 Там же. С. 85.

2114 Там же. С. 87.

2115 В документе, являющемся, судя по всему, машинописной копией телеграммы, причем напечатанной довольно безграмотно и с большими лакунами, указывается, что письмо написано Г.И. Сахаровым. Но, во-первых, представляется маловероятным, чтобы генерал-майор Г.И. Сахаров в столь доверительной форме мог обращаться к старшему по чину Дутову, во-вторых, Г.И. Сахаров не мог быть столь хорошо осведомлен о положении фронта и планах командования, и, наконец, в-третьих, автор письма пишет о себе как о главнокомандующем. Следовательно, авторство принадлежит К.В. Сахарову.

2116 В документе не согласовано – «перспектива», далее ошибки исправлены без оговорок. – *А. Г.*

[2117] В документе не согласовано – «возможной». – *А. Г.*

[2118] Далее пропущен бессвязный текст. – *А. Г.*

[2119] Вероятно, следует читать «сожалею». – *А. Г.*

[2120] РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 99. Л. 1—1об.

[2121] См., напр.: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 77, 79.

[2122] В документе ошибочно «4450». – *А. Г.*

[2123] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 92. Л. 14—14об.

[2124] ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 36.

[2125] Казачье эхо (Чита). 1919. № 16. 30 (17).11. С. 3.

[2126] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 60. Л. 7об.

[2127] Подробнее об отступлении уральцев см.: *Акулинин И.Г.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Кн. 2. Берлин, 1927. С. 122–147; *Масянов Л.[А.]* Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963; *Толстов В.С.* От красных лап в неизвестную даль (поход уральцев). Константинополь, 1922; *Фокин Н.И.* Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке. М., 1996.

[2128] См.: *Еловский И.* Голодный поход Оренбургской армии: Из воспоминаний участника похода. Пекин, 1921. К сожалению, в современной отечественной историографии из-за ошибки в работах С.В. Волкова, формально ссылающегося на брошюру Еловского (в интерпретации Волкова его фамилия звучит как «Елавский»), но в действительности с ней незнакомого, под термином «Голодный поход» ошибочно подразумевается поход генерал-лейтенанта А.С. Бакича из Синьцзяна в Монголию в 1921 г. (см., напр.: *Волков С.В.* Белое движение в России: организационная структура: Материалы для справочника. М., 2000. С. 161–162; *Он же.* Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. М.; СПб., 2003. С. 135; *Он же.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 359; *Восточный* фронт адмирала Колчака / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2004. С. 643; *Белая* эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 400).

[2129] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 29; *Синзянский.* Крестный путь Отдельной Оренбургской армии. Каркаралинская голодная степь 1919 г.: Из дневника конвойца // Луч Азии (Харбин). 1937. № 32/4. С. 7.

[2130] БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 36.

[2131] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 128—128об.

[2132] Там же. Л. 128об.

[2133] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 13.

[2134] Там же. Л. 18об.

[2135] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

[2136] Имеется в виду главнокомандующий Восточным фронтом, которым с 9 декабря 1919 г. стал Генерального штаба генерал-лейтенант В.О. Каппель. – *А. Г.*

[2137] Вероятно, речь идет о Генерального штаба генерал-майоре Г.Ф. Одноглазкове. – *А. Г.*

[2138] Имеется в виду Генерального штаба генерал-майор П.А. Белов (Г.А. Виттекопф) – бывший командующий Южной армией, а затем – начальник разгрузки Омска. – *А. Г.*

[2139] Красный Урал (Пермь). 1919. 25.12. (документ предоставлен М.Г. Ситниковым).

[2140] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.

[2141] *Камский.* Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923. С. 51.

[2142] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 30.

[2143] Там же. Л. 31.

[2144] *Камский.* Указ. соч. С. 6.

[2145] *Еловский И.* Указ. соч. С. 12.

[2146] *Донесение* А.И. Дутова Главнокомандующему фронтом от 5 января 1920 года № 3182 (документ из Центрального архива ФСБ). Опубл. в кн.: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 94.

[2147] *Синзянский.* Крестный путь. С. 7.

[2148] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 3.

[2149] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.

[2150] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 22.

[2151] *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 95.

[2152] ОР ОГБ. Ф. 320. Карт. 18. Д. 2 в. Л. 31–34.

[2153] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62.

[2154] БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 41.

[2155] Т. е. анненковцев. – *А. Г.*

[2156] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 21.

[2157] Там же. Л. 62; РГВА. Ф. 185. Оп. 7. Д. 4. Л. 204.

[2158] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 9. Л. 70.

[2159] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 70об.

[2160] Там же. Л. 72—72об.

[2161] *Заика Л., Бобренев В.* Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 68–77.

[2162] *Ганин А.В.* Южная армия Восточного фронта // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 97.

[2163] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 3; РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 89; *Камский.* Указ. соч. С. 7–8, 10, 20.

[2164] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 1.

[2165] Там же. Л. 21об.

[2166] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 70.

[2167] Цит. по: *Заика Л., Бобренев В.* Указ. соч. С. 75.

[2168] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 135об. – 136об.

[2169] *Еловский И.* Указ. соч. С. 13.

[2170] *Гражданская* война 1918–1921: В 3 т. / Под общей редакцией А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. Т. 3: Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930. С. 221.

[2171] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 15об.

[2172] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62.

[2173] Там же. Л. 74.

[2174] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 30об. – 31.

[2175] Там же. Л. 31об.

[2176] *Алескеров Ю.Н.* Указ. соч. С. 168.

[2177] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 35об.

[2178] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 100.

[2179] Реконструкция боевого расписания составлена по: РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 32—32об.; Ф. 16. Оп. 3. Д. 217. Л. 3об.; Д. 222. Л. 89—89об., 94; ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 99—100; Общий список офицерским чинам. Инициалы некоторых офицеров уточнены при содействии В.Г. Семенова (Оренбург).

[2180] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 99об.

[2181] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 136об.

[2182] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 90об.

[2183] Автор ошибается – переформирование было начато после Нового года. – *А. Г.*

[2184] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 22—22об.

[2185] В дальнейшем во избежание путаницы по возможности я указываю обе даты.

[2186] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 7.

[2187] В оригинале ошибочно – «Бакичем». – *А. Г.*

[2188] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 22об. – 23.

[2189] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 1.

[2190] Т. е. штаба Отдельной Оренбургской армии. – *А. Г.*

[2191] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 1.

[2192] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 24.

[2193] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 34–35.

[2194] *Шалагинов В.[К.]* Последние. Новосибирск, 1973. С. 44.

[2195] *Камский.* Указ. соч. С. 9.

[2196] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 87об. – 88об.

[2197] Там же. Л. 88.

[2198] Там же. Л. 88об.

[2199] Там же. Л. 89—89об.

[2200] Там же. Л. 89об.

[2201] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 69об. – 70об.

[2202] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 27об.

[2203] В документе ошибочно – «полторы». – *А. Г.*

[2204] В документе ошибочно – «калмыцкий». – *А. Г.*

[2205] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 90.

[2206] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 130.

[2207] *Синзянский.* Лагерь на реке Баратала (Кит. Туркестан, 1920 г.): Из записок оренбуржца // Наш Путь (Харбин). 1934. № 111 (205). 06.05 – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 5. Л. 130; *Серебренников И.И.* Великий отход. Рассеяние по Азии белых Русских Армий 1919–1923. Харбин, 1936. С. 38.

[2208] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 90об.

[2209] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 27об.

[2210] Н.Т. Атаман Дутов // Казачьи Думы: Общеказачий внепартийный орган (София). 1922. № 13. 09.04. С. 1

[2211] Сотник, племянник А.И. Дутова. – *А. Г.*

[2212] *Загорский А.[П.]* К истории атамана А.И. Дутова // Оренбургский казак: Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 17. Опубл.: *Белая* эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 14–15.

[2213] *Акмолы* и *Каркаралы* – Акмолинск и Каркаралинск. – *А. Г.*

[2214] Савич. Путь в Китай // Родимый Край (Монморанси). 1966. № 65. Июль – август. С. 22–23.

[2215] *Драгоман* – переводчик. – *А. Г.*

[2216] *Загорский А.[П.]* К истории атамана А.И. Дутова // Оренбургский казак: Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 16–17. Опубл.: *Белая* эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 13–14.

[2217] *С. Н-н.* Последний этап жизни и трагическая смерть атамана Дутова // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 91.

[2218] *Отряд* ген. Дутова // Казачьи Думы: Общеказачий внепартийный орган. София. 1922. № 14. 13.04. С. 1–2.

[2219] В 10 верстах к юго-востоку от Кульджи. – *А. Г.*

[2220] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 90об. – 92.

[2221] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 88, 98.

[2222] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 32об.

[2223] По некоторым данным, высылка Анненкова произошла не без содействия со стороны Дутова – *Огаров О.* Агония белых в Синьцзянской провинции // Военная мысль. 1921. Кн. 2. Май – июль. С. 328. – *А. Г.*

[2224] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 91—91об.; 93.

[2225] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 6.

[2226] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 72об.

[2227] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 85.

[2228] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 19.

[2229] *Камский.* Указ. соч. С. 56–57.

[2230] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 89.

[2231] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62об.

[2232] *Дутов Н.* Указ. соч. С. 89–90.

[2233] Т. е. Анненков. – *А. Г.*

[2234] Центр округа – г. Верхнеуральск. – *А. Г.*

[2235] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 95–99.

[2236] Т. е. командира отдельного корпуса. – *А. Г.*

[2237] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 93об. – 94об.

[2238] *Дутов Н.* Указ. соч. С. 90.

[2239] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 3.

[2240] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 8, 32об.

[2241] Там же. Л. 8об., 35.

[2242] *Арипов Р.А., Мильштейн Н.Я.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана: Документальные очерки истории 1917–1930 гг. Ташкент, 1967. С. 110.

[2243] Там же. С. 112; *Альтов В.* Расплата // Урал. 1971. № 5. С. 106.

[2244] ОР РГБ. Ф. 320. Карт. 6. Д. 3. Л. 85.

[2245] Краткая история банды Бакича – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 2.

[2246] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 87; Д. 223. Л. 2.

[2247] *Шулдяков В.А.* Подъесаулы Д.Я. Шишкин и А.П. Кайгородов: Материалы к биографиям двух выдающихся белых партизан Сибири // Антибольшевицкое повстанческое движение. Белая гвардия: Исторический альманах. 2002. № 6. С. 80.

[2248] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 34об.

[2249] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 72.

[2250] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 32—32об.

[2251] *Белов Е.А.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., 2003. С. 202; *Шалагинов В.[К.]* Указ. соч. С. 97.

[2252] *Иноятов Х.Ш.* Указ. соч. С. 196; Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. Изд. 3, доп. М., 1980. С. 65.

[2253] Очевидно, Дутов суммировал все отряды, которые полагал подчиненными себе, в том числе отряды Анненкова и Бакича. – *А. Г.*

[2254] *Арипов Р.А., Мильштей Н.Я.* Указ. соч. С. 113–115 (С. 114 – факсимиле этого письма). Цитируемый текст выверен с факсимиле документа.

[2255] *Синдзянский.* Как погиб Атаман Дутов: Записки конвойца

// Луч Азии (Харбин). 1936. № 20/4. Апрель. С. 8.

[2256] *Цветков В.Ж.* «Легион Святейшего Патриарха Тихона». Гвардия Православной Руси: из неосуществленных проектов // Военная Быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 23–24; *Волков Е.В.* Православные священники в белых армиях: люди, идеи, судьбы // ВоенКом: Военный Комментатор: Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2002. № 2 (4). С. 11–12; *Посадский А.В.* Страницы Белого добровольчества на востоке России // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2002. № 11. С. 84–93; *Цветков В.Ж.* Генерал Дитерихс, последний защитник Империи // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 46.

[2257] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 137. Л. 28.

[2258] *Иона* (в миру – Владимир Ильич Покровский; 17.04.1888—20.10.1925) – из крестьян Козельского уезда Калужской губернии. Сирота. Окончил Калужскую семинарию, Казанскую Духовную академию (1914). Доцент академии, иеромонах. Главный священник 11-й армии (1916). Проповедник 2-й армии Западного фронта (с 10.06.1917). В 1918 г. в Казани. В мае арестован, в том числе в связи с тем, что на его квартире жил представитель Дутова. Бежал. Выехал в Пермь, был пойман, избит, арестован и отправлен для предания суду военного трибунала в Тюмень. Освобожден белыми. Находился в Омске. Корпусной благочинный XI Яицкого армейского корпуса (с мая 1919). Игумен (1919). Главный священник Оренбургской армии (с 05.10.1919). Участник Голодного похода. Главный священник Семиреченского края (с 28.01.1920). В эмиграции – в Западном Китае (Кульджа). Архимандрит (с 12.04.1922). Принимал активное участие в контрразведывательной работе Дутова. После гибели Дутова выехал в Пекин. На службе в Российской Духовной Миссии. Епископ Тяньцзинский (Ханькоуский) (с 18.09.1922). Служил в г. Маньчжурия (с 19.10.1922). Святитель, Маньчжурский чудотворец. В 1996 г. Русской Православной Церковью заграницей причислен к лику святых. День памяти – 20 октября – ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277; *Материалы* к военной биографии святителя Ионы Ханькоуского // Военная Быль (Москва). 1997. № 9 (138). С. 2–4; *Поздняев Д.* Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998. С. 252–253; *Материалы* к жизнеописанию святителя Ионы Ханькоуского // Православная жизнь. 1999. № 10 (597). С. 2—13; *Архив* епископа Ханькоуского Ионы (Покровского) / Публикация Н.Т. Энеевой // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 317–350; *Энеева Н.Т.* Святитель русского зарубежья епископ Иона Ханькоуский (Покровский) // Там же. С. 9—27. В последней

статье без какого-либо упоминания источника заимствования, по всей видимости, приведены некоторые ссылки из моей книги об А.С. Бакиче, кроме того, указываются порой совершенно фантастические сведения об исходе оренбуржцев в Китай и их пребывании там.

2259 *Ени.* Смерть Атамана Дутова: По личным воспоминаниям офицера Личного Отряда Атамана // Возрождение Азии (Тяньцзинь). 1935. № 695. 22.05. – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 143об.

2260 *Загорский А.[П.]* К истории атамана А.И. Дутова // Оренбургский казак: Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 17. Опубл.: *Белая* эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 14.

2261 ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 10.

2262 Губерний. – *А. Г.*

2263 Это подтверждается и более поздними воспоминаниями об окладе иконы, в котором сохранились углубления от камней – Чванов М. «Всего мира надеждо и утешение» // Гостиный Двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах (Оренбург). 2003. № 14. С. 165. В то же время современники отмечали, что позднее в Маньчжурии отец Иона жил достаточно скромно и при этом собирал крупные суммы для поддержки русских беженцев – *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 86. – *А. Г.*

2264 РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 7—7об.

2265 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 35.

2266 ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 81; *Дальневосточная* политика Советской России (1920–1922 гг.): Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996. С. 127.

2267 РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1347. Л. 1.

2268 ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 111, 112, 148.

2269 РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 237. Л. 15–16.

2270 Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 103.

2271 ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 86.

2272 РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 9, 36об.; *Огаров О.* Указ. соч. С. 329.

2273 *Подъесаул Ю.П.М.* Об атамане А.И. Дутове – ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

2274 См., напр.: ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 137. Л. 28.

2275 Т. е. интернирования. – *А. Г.*

2276 Октябрь 1920 г. – *А. Г.*

2277 ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 88об. – 93об. Подлинник

хранится в: ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 73—76об.

[2278] *Шалагинов В.[К.]* Указ. соч. С. 104.

[2279] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 38.

[2280] В частности, командир верного Дутову Атаманского полка полковник Е.Д. Савин в январе 1921 г. не знал о том, в каком месте его полк должен перейти границу, а также не располагал какими бы то ни было еще инструкциями – ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 36.

[2281] *Камский.* Указ. соч. С. 53–54.

[2282] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 83.

[2283] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 73.

[2284] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 139. Л. 52об.

[2285] *Камский.* Указ. соч. С. 54.

[2286] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 35—35об.

[2287] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 38об.; *Шалагинов В.[К.]* Указ. соч. С. 105.

[2288] *Шалагинов В.[К.]* Указ. соч. С. 105; *Носков К.* Указ. соч. С. 40.

[2289] *Архив* епископа Ханькоуского Ионы (Покровского) / Публикация Н.Т. Энеевой // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 320.

[2290] См., напр.: ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 7.

[2291] ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 34.

[2292] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 94об. – 95.

[2293] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62об.

[2294] Конь Вольшебаш или Бальшебаший пал вскоре после смерти атамана – в конце апреля 1921 г. – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 22. – *А. Г.*

[2295] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 85об. – 86об.

[2296] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 29—29об.

[2297] См., напр.: Р. К ликвидации Бакича // Красная Армия на Востоке (Иркутск). 1922. № 6. Апрель. С. 45.

[2298] *Цебоев М.М.* Встреча в Гонолулу (О дипкурьере Е.М. Климеке) // Дипкурьеры: Очерки о первых советских дипломатических курьерах. М., 1970. С. 201–204.

[2299] *Петров В.И.* Мятежное сердце Азии: Синьцзян: Краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 304.

[2300] *Давыдов* Василий Васильевич (1898 – 16.10.1941) – сотрудник советской военной разведки. Из крестьян Смоленской губ. Член РКП(б) с 1918 г. Окончил первый курс архитектурно-строительного института (1921), курсы усовершенствования высшего начсостава (1930), Особый факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1936). Участник Гражданской войны, в Красной гвардии и РККА с 1917 г. Бригадный комиссар (1937). Арестован

9 июля 1938 г. Приговорен к расстрелу 6 июля 1941 г. Приговор приведен в исполнение. Реабилитирован в 1955 г.

2301 *Гуламов К.* Крах атаманов. Ташкент, 1970. С. 77.

2302 *Хинштейн А.[Е.], Жадобин А.[Т.], Марковчин В.[В.]* Конец атамана // Московский комсомолец – воскресенье. 1999. 30 мая. С. 8.

2303 Личность и деятельность А.П. Воробчука и обстоятельства убийства атамана А.И. Дутова – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Vorobchuk Papers. Box 3. Subject Files.

2304 *Тибекин П., Кульбаев С.* Непозволительные домыслы и смещения // Простор (Алма-Ата). 1965. № 6. С. 108.

2305 *Альтов В.* Рейд за кордон // Советская Россия. 1971. № 230 (4654). 02.10. С. 4.

2306 *Ени.* Указ. соч. // ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 144.

2307 Личность и деятельность А.П. Воробчука и обстоятельства убийства атамана А.И. Дутова – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Vorobchuk Papers. Box 3. Subject Files.

2308 *Загорский А.[П.]* К истории атамана А.И. Дутова // Оренбургский казак: Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 18. Опубл.: *Белая* эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 16.

2309 Цит. по: *Арипов Р.А., Мильштейн Н.Я.* Указ. соч. С. 116; См. также несколько измененный текст этого разговора: *Милованов Н.* Касымхан Чанышев // Незримый фронт. 1917–1967. Алма-Ата, 1967. С. 51; Полностью отчет Чанышева опубликован в кн.: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 118–123.

2310 Сведений об этом офицере обнаружить не удалось, впрочем, известен надворный советник Султан Аблайханов, находившийся в начале 1921 г. в Западном Китае, – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

2311 *Милованов Н.* Указ. соч. С. 52.

2312 Цит. по: *Хинштейн А.[Е.], Жадобин А.[Т.], Марковчин В.[В.]* Указ. соч. С. 9.

2313 *Василенко Г.* Хранитель истории. Из книги «Крик безмолвия» // Кубань. 1993. № 9—10. С. 77–78.

2314 Там же. С. 78.

2315 Тому, что имя Чанышева оказалось «оклеветанным» и на самом деле он даже изначально не был контрреволюционером, а являлся молодым коммунистом, посвящен ряд публикаций в советских журналах: *Тибекин П., Кульбаев С.* Непозволительные домыслы и смещения // Простор (Алма-Ата). 1965. № 6. С. 107–

109; *Вахидов Х.* Еще раз об искажении исторических фактов // Простор. 1966. № 10. С. 118–119.

[2316] *Милованов Н.* Указ. соч. С. 54.

[2317] Д.К. Шелестюк был одним из разработчиков плана вторжения на советскую территорию – РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 3а. – *А. Г.*

[2318] *Загорский А.[П.]* К истории атамана А.И. Дутова // Оренбургский казак: Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 17–19. Опубл.: *Белая* эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 15–17. В этом рассказе много общего с расследованием роли А.П. Воробчука (Загорского) в ликвидации Дутова – *Личность* и деятельность А.П. Воробчука и обстоятельства убийства атамана А.И. Дутова – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Vorobchuk Papers. Box 3. Subject Files.

[2319] Цит. по: *Милованов Н.* Указ. соч. С. 57.

[2320] *Арипов Р.А., Мильштейн Н.Я.* Указ. соч. С. 117; *Хинштейн А.[Е.], Жадобин А.[Т.], Марковчин В.[В.]* Указ. соч. С. 9; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 104. В квадратных скобках текст, приведенный в книге Марковчина.

[2321] *Жертвы* политического террора в СССР: Компакт-диск. Изд. 3, перераб. и доп. М., 2004.

[2322] *Арипов Р.А., Мильштейн Н.Я.* Указ. соч. С. 117.

[2323] *Токаев К.* Последний удар: Роман. Алма-Ата, 1986. С. 207.

[2324] Цит. по: *Альтов В.* Расплата // Урал. 1971. № 5. С. 109 (пересказ этого очерка представляет собой статья: *Рождественский С.* Гибель атамана Дутова. К пятидесятилетию его убийства в 1921 году // Родимый Край (Монморанси). 1972. № 101. Июль– август. С. 15–21; практически полностью идентичен и другой очерк В. Альтова: *Альтов В.* Именем Республики Советов // Страницы незримых поединков / Сост. В.С. Сидак, П.И. Выприцкий. Челябинск, 1989. С. 50–62.

[2325] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 106.

[2326] РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 7.

[2327] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 105.

[2328] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 107–108.

[2329] Возможно, Лепсинск. – *А. Г.*

[2330] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 109.

[2331] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 35.

[2332] Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Производство 1921 г. Д. 013225 – Письмо департамента Комитета национальной безопасности республики Казахстан по городу Алматы. № Г-49. 04.02.2005 автору – архив автора. По некоторым данным, был

арестован и родной брат Чанышева Абас, также принимавший участие в спецоперации, – *Хинштейн А.[Е.]* Подземелья Лубянки. М., 2005. С. 65.

[2333] Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Производство 1938 г. Д. 07899. Л. 186.

[2334] Напр.: Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Производство 1938 г. Д. 07899. Л. 6; Д. 4988. Л. 5.

[2335] Ранее утверждалось, что группа выступила в Китай почти сразу после ареста (в середине января 1921 г.). Здесь была главная нестыковка всех версий, на которую никто из исследователей почему-то не обращал внимания. Если группа выступила в новый рейд практически сразу после ареста и угрозы расстрела Чанышева и его взятых в заложники родственников, то как она могла добраться до Суйдина лишь ко 2 февраля? При том что все расстояние преодолевалось за несколько часов!

[2336] *Милованов Н.* Указ. соч. С. 64, 66; *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 122.

[2337] *Альтов В.* Рейд за кордон // Советская Россия. 1971. № 230 (4654). 02.10. С. 4.

[2338] ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 22; Н.Т. Атаман Дутов // Казачьи Думы: Общеказачий внепартийный орган (София). 1922. № 13. 09.04. С. 1; Архив епископа Ханькоуского Ионы (Покровского) / Публикация Н.Т. Энеевой // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 319.

[2339] *Акулинин И.[Г.]* Атаман Дутов. К годовщине его смерти // Возрождение (Париж). 1928. № 979. 06.02. С. 2.

[2340] *Оренбуржец.* Светлой памяти атамана А.И. Дутова – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

[2341] Там же.

[2342] *С. Н-н.* Последний этап жизни и трагическая смерть атамана Дутова // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 91–94.

[2343] *Загорский А.[П.]* К истории атамана А.И. Дутова // Оренбургский казак: Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 19–20. Опубл.: *Белая* эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 18.

[2344] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

[2345] Возможно, намек на отца Иону. – *А. Г.*

[2346] *Ени.* Указ. соч. – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 143об. – 144об.

[2347] *Синдзянский.* Как погиб Атаман Дутов: Записки конвойца // Луч Азии (Харбин). 1936. № 20/4. Апрель. С. 9.

[2348] *Etherton P.T.* In the heart of Asia. London, 1925. P. 197.

[2349] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1773. Л. 18.

[2350] *Шалагинов В.[К.]* Указ. соч. С. 105.

[2351] *Гуламов К.* Указ. соч. С. 91.

[2352] После этой фразы по другой версии следует: «Готовы» – *Арипов Р.А., Мильштейн Н.Я.* Указ. соч. С. 118.

[2353] После этой фразы по другой версии следует: «Тогда и мы спать не будем. Ваш Чанышев». – *А. Г.*

[2354] По другой версии, такой фразы не было. – *А. Г.*

[2355] *Альтов В.* Рейд за кордон // Советская Россия. 1971. № 230 (4654). 02.10. С. 4.

[2356] Цит. по: *Хинштейн А.[Е.], Жадобин А.[Т.], Марковчин В.[В.]* Указ. соч. С. 9.

[2357] Там же. С. 8.

[2358] *Токаев К.* Указ. соч. С. 271; *Милованов Н.* Указ. соч. С. 67.

[2359] *Загорский А.[П.]* К истории атамана А.И. Дутова // Оренбургский казак: Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 19. Опубл.: *Белая* эмиграция в Китае и Монголии / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 18.

[2360] *Софронова Е.И.* Где ты, моя Родина? М., 1999. С. 23.

[2361] Цит. по: *Хинштейн А.[Е.]* Указ. соч. С. 64.

[2362] Цит. по: *Хинштейн А.[Е.], Жадобин А.[Т.], Марковчин В.[В.]* Указ. соч. С. 9.

[2363] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 2об.

[2364] Там же. Л. 3.

[2365] Там же. Л. 3—3об.

[2366] *Василенко Г.* Указ. соч. С. 81.

[2367] Письмо департамента Комитета национальной безопасности республики Казахстан по городу Алматы. № Г-49. 04.02.2005 автору – архив автора.

[2368] *Василенко Г.* Указ. соч. С. 81.

[2369] *Гуламов К.* Указ. соч. С. 92.

[2370] Цит. по: *Марковчин В.В.* Указ. соч. С. 38.

[2371] *Н.Т.* Атаман Дутов // Казачьи Думы: Общеказачий внепартийный орган (София). 1922. № 13. 09.04. С. 1.

[2372] БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 188.

[2373] *Тибекин П., Кульбаев С.* Указ. соч. С. 108.

[2374] *Оренбурец.* Месть за Атамана Дутова // Атаманский вестник: Орган донского атамана (Париж). 1937. № 7. Июнь – июль. С. 11.

[2375] *Тибекин П., Кульбаев С.* Указ. соч. С. 108.

[2376] Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Производство 1938 г. Д. 07899. Л. 186; *Рузиев М.Р.* Возрожденный уйгурский народ. Алма-

Ата, 1976. С. 141.

[2377] Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Производство 1938 г. Д. 07899. Л. 168.

[2378] Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Производство 1938 г. Д. 4988. Л. 5. – Письмо департамента Комитета национальной безопасности республики Казахстан по городу Алматы. № С/307. 30.06.2005 автору – архив автора; *Жертвы* политического террора в СССР: Компакт-диск. Изд. 3, перераб. и доп. М., 2004.

[2379] *Отряд* ген[ерала] Дутова // Казачьи Думы: Общеказачий внепартийный орган (София). 1922. № 14. 13.04. С. 1–2.

[2380] На самом деле Дутов был убит 7 февраля по новому стилю. – *А. Г.*

[2381] Незаконченный дневник оренбургского казачьего офицера А.О. Приданникова – БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 65.

[2382] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 6—6об.

[2383] Там же. Л. 4об.

[2384] Там же. Л. 9.

[2385] Там же. Л. 58.

[2386] Там же. Л. 5, 12.

[2387] Там же. Л. 13.

[2388] Там же. Л. 7.

[2389] Там же. Л. 20об.

[2390] Там же. Л. 39об.

[2391] Там же. Л. 34об. – 37.

[2392] Правильнее – шан-хой. Общество русский шан-хой (председатель – С.В. Дукович) было создано с военно-политическими целями в Кульдже в качестве преемника упраздненной консульской власти. – *А. Г.*

[2393] РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 7об.

[2394] Там же. Л. 4.

[2395] Там же.

[2396] Т. е. аферист. – *А. Г.*

[2397] Телеграфное агентство. – *А. Г.*

[2398] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 21.

[2399] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 114–115, 119–120.

[2400] *Филимонов Б.Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 115–116.

[2401] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

[2402] Там же. Л. 33об.

[2403] Там же. Л. 44.

[2404] Там же. Л. 21.

[2405] Там же. Л. 25об.

[2406] Там же. Л. 49.

[2407] Там же. Л. 49об. – 50об.

[2408] РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 738. Л. 1, 8.

[2409] РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 3а об.—4.

[2410] Судьба оренбургских казаков, ушедших с Бакичем, подробно изложена в разделе, посвященном Бакичу, а также в моей предыдущей книге – *Ганин А.В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.

[2411] *С. Н-н.* Последний этап жизни и трагическая смерть атамана Дутова // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 94.

[2412] ОР РГБ. Ф. 320. Карт. 18. Д. 4. Л. 8.

[2413] *Русские* беженцы в Синьцзяне // Слово. 1934. № 1825. 28.04. С. 3 – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 17а.

[2414] ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 37—37об.

[2415] Подробнее об этом см.: *Аптекарь П.* Белое солнце Синьцзяна // Родина. 1998. № 1. С. 81–87; *Зражевский М.* Русские казаки в Синьцзяне // Третий Римъ. Русский альманах (Москва). 1999. № 3. С. 59–67; *Петров В.И.* Мятежное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 335–367; Окороков А.В. Русские добровольцы. М., 2004. С. 206–219; Hopkirk P. Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. New York – Tokyo – London, 1995. P. 215–242.

[2416] Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937 (страница не нумерована).

[2417] Взорван большевиками. – *А. Г.*

[2418] *Подъесаул Ю.П.М.* Об атамане А.И. Дутове // ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

[2419] Личность и деятельность А.П. Воробчука и обстоятельства убийства атамана А.И. Дутова – *Bakhmeteff* Archive of Russian and East European History and Culture. Vorobchuk Papers. Box 3. Subject Files.

[2420] *Еще раз* об Оренбургском институте благородных девиц. С. 232.

[2421] Там же.

[2422] Справка адресно-справочного бюро ГУВД Красноярского края от 27.07.2004 г. – архив автора.

[2423] Интервью И.А. Бакаловой и Л.А. Кузнецовой 05.06.2004 г. – архив автора.

[2424] Синие лампасы – знак различия оренбургских казаков, яицкие (уральские) казаки носили малиновые лампасы. – *А. Г.*

[2425] *Форштадт* – в данном случае казачье предместье Оренбурга, ныне застроенное многоэтажными домами. – *А. Г.*

[2426] *A Chronicle…* Vol. 2. P. 16.

[2427] Совершенно необоснованное заявление – помимо идеи объединения в рамках Юго-Восточного (или Восточного) Союза, предложенной Дутовым в 1917–1918 гг., в 1918 г. его Юго-

Западная армия включала в себя и формирования уральского казачества, объединение существовало в общегосударственном масштабе под властью Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака, какое-либо слияние двух войск было невозможно, не требовалось и даже было нежелательно, т. к. сделало бы невозможным эффективное управление столь крупной казачьей общностью. – *А. Г.*

[2428] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

[2429] *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. I. М., 1992. С. 203.

[2430] *Gajda R.* Moje pameti. Praha, 1920. S. 149.

[2431] *Etherton P.T.* Op.cit. P. 195–196, 198. Перевод мой.

[2432] *Подъесаул Ю.П.М.* Об атамане А.И. Дутове – ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

[2433] *Акулинин И.Г.* Атаман А.И. Дутов – Hoover Institution Archives. Mariia Dmitrievna Vrangel' Collection. Box 14. Folder 8.

[2434] *Серебренников И.И.* Мои встречи с атаманом А.И. Дутовым – Hoover Institution Archives. I. Serebrennikov Collection. Box 11. Folder 1.

[2435] Белая Россия. Альбом № 1. Нью-Йорк, 1937. С. 38.

[2436] *Казачий синодик* – список имен выдающихся казаков, погибших в годы освободительных войн, которых принято поминать во время торжественных заупокойных богослужений в день казачьей скорби (11 февраля) и в казачий траурный день (1 июня). – Казачий словарь-справочник. Т. 3. Сан-Ансельмо, 1969. С. 82–83.

[2437] *Полосин М.[П.]* Указ. соч. С. 235–236.

[2438] Цит. по: *Апрелков А.В., Попов Л.А.* Судьбы казацкие. Челябинск, 2002. С. 215–216. Об этом же говорил Дутов на заседании Войскового Круга 14 декабря 1917 г. – Оренбургский казачий вестник. 1917. № 102. 15.12. С. 3.

[2439] Казачья речь (Троицк). 1919. № 3. 07.01 (25.12.1918). С. 2.

[2440] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 82. 16.10. С. 4.

[2441] *Александр* Ильич Дутов. С. 23.

[2442] Оренбургский казачий вестник. 1919. № 76. 30.04. С. 2.

[2443] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 82. 16.10. С. 4.

[2444] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 72. Л. 214.

[2445] *Большевики* о Дутове // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 62. 19.09. С. 4.

[2446] Оренбургский казачий вестник. 1918. № 69. 29.09. С. 1.

[2447] Там же.

[2448] См., напр.: «*С.Р.*» Генерал Дутов // Уфимская жизнь. 1918. № 891 (109). 25.07 (07.08). С. 2.

[2449] Личность и деятельность А.П. Воробчука и обстоятельства убийства атамана А.И. Дутова – *Bakhmeteff* Archive of Russian and East European History and Culture. Vorobchuk Papers. Box 3. Subject Files.

[2450] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 23. Л. 41.

[2451] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 160.

[2452] РГВА. Ф. 39499. Оп. 2. Д. 2. Л. 91.

[2453] *Енборисов Г.В.* Указ. соч. С. 54–55.

[2454] *Протокол* № 8 заседания чрезвычайного съезда 1[-го] Округа Оренбургского каз[ачьего] войска. Оренбург, 1918. 30.07. С. 3.

[2455] *Плешкевич Е.А.* Демократическое строительство в Оренбургском казачьем войске в феврале 1917 – июле 1919 гг.: новый взгляд // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2003. № 13. С. 53.

[2456] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 9.

[2457] Подсчитано по: *Мовчин Н.* Комплектование красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: В 3 т. / Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. Т. 2. Военное искусство Красной армии. М., 1928. С. 87.

[2458] *Боевой* состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 года / Публикация Р.Г. Гагкуева // Белая гвардия (Москва). 1998. № 2. С. 96.

[2459] *Савченко С.Н.* Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 277.

[2460] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 65.

[2461] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 23об.

[2462] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 82. Л. 64.

[2463] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 188.

[2464] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 31.

[2465] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 427.

[2466] *Толстов* Владимир Сергеевич (07.07.1884–1956) – Войсковой атаман Уральского казачьего войска (с 11 марта 1919 г.). – *А. Г.*

[2467] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.

[2468] *Сулавко А.В.* Этюды по тактике в Гражданской войне. Никольск-Уссурийский, 1921. С. 19.

[2469] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 95об.

[2470] Перейра Н. Сибирская атаманщина: «военный вождизм» времен Гражданской войны // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции. 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 47.

[2471] *Шулдяков В.А.* Расказачивание и оказачивание как феномены русской революции и Гражданской войны // История

белой Сибири. Материалы 5-й международной научной конференции. Кемерово, 2003. С. 72.

[2472] *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926. С. 268.

[2473] *Марков* и марковцы. М., 2001. С. 447.

[2474] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 110.

[2475] Там же. С. 167–168.

[2476] *Волков Е.В.* Под знаменами белого адмирала. С. 120; *Футорянский Л.И.* Казачество России в огне Гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург, 2003. С. 296–297.

[2477] *Футорянский Л.И.* Казачество России… С. 299.

[2478] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 84, 87.

[2479] В связи с неполнотой данных возможны только приблизительные подсчеты по сведениям к 1 января 1917 г. Недостающие сведения восполнены приблизительно, исходя из известных штатов полков, батарей и сотен. Расчет выполнен по: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 6, 10, 30, 31, 61, 67, 68, 71—71об., 73, 80об., 99, 107, 109, 112, 114, 116, 118, 119, 122, 133, 135, 139, 140, 143, 147, 150—151об., 152, 155, 158, 160, 164, 166, 172, 174, 176, 178, 186об., 188, 191об., 206, 208, 215, 218, 219, 220, 222, 225, 226, 235об., 237, 238об., 240, 245, 247, 250, 251, 256, 259; Д. 53. Л. 8, 10об., 18, 27, 28, 35, 41, 42, 47, 65; Д. 56. Л. 28об., 49, 51–52, 85, 92, 97, 154—154об., 194—194об., 235, 248об., 263, 265, 272, 273, 282, 284, 299, 301, 317, 320, 323об., 335. Именной список погибших офицеров составлен В.Г. Семеновым (Оренбург).

[2480] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 663. Л. 71об.

[2481] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9.

[2482] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 25.

[2483] РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 160.

[2484] ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 9. По другим данным, 17 батарей – *Воротовов М.[Ф.]* Атаман А.И. Дутов и начало борьбы оренбургских казаков с большевиками // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 41.

[2485] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско. С. 127.

[2486] *Приказ* начальника штаба Верховного Главнокомандующего № 1005 от 24.08.1919 г.

[2487] *Гражданская* война в Оренбуржье (1917–1919 гг.): Документы и материалы. Оренбург, 1958. С. 36.

[2488] Подсчитано автором по РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

[2489] РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 67. Л. 123.

[2490] Расчет мой по: РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 4. Л. 98—98об.

[2491] *Войнов В.М.* Офицерский корпус белых армий. С. 57.

[2492] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

[2493] ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 544. Л. 6об.—7.

[2494] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 20. Л. 25.

[2495] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.

[2496] Расчет мой по: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 106. Л. 1–5.

[2497] Расчет мой по: РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 43. Л. 53—54об.

[2498] Расчет мой по: РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 65. Л. 394.

[2499] Расчет мой по: РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 8—10.

[2500] Расчет мой по: РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 20—21об.

[2501] Расчет мой по: *Боевые* расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. / Публ. А.А. Каревского и Р.Г. Гагкуева // Белое движение на Востоке России. Белая Гвардия: Исторический альманах. 2001. № 5. С. 153–155.

[2502] Там же. С. 145–152.

[2503] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 84.

[2504] Расчет мой по: РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 193. Л. 27об. – 33об.

[2505] *Протоколы* 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 137.

[2506] Эти изменения были сделаны еще в 1918 г. на предыдущем Войсковом Круге – *Дальний Г.* Военная служба казаков // Оренбургский казачий вестник. 1918. № 91. 26.10. С. 4; Похожие изменения были осуществлены и на Кубани, где призывной возраст был установлен в 20 лет, а общий срок службы – 3 года – *Положение* об организации и управлении Кубанской армии. Б. м. [Екатеринодар], 1918. С. 1–2.

[2507] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 468–469.

[2508] *Приложения* к протоколам 3-го чрезвычайного Войскового Круга. С. 171–172.

[2509] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 36–38.

[2510] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 72. Л. 196.

[2511] ГА РФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 522. Л. 16об. – 17.

[2512] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 72. Л. 188об.

[2513] *Машин М.Д.* Оренбургское казачье войско. Изд. 2, испр. Челябинск, 2000. С. 186.

[2514] *Семенов В.Г.* Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: Автореф. дисс. к. и. н. Оренбург, 2003. С. 18.

[2515] *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920). М., 1968. С. 240.

[2516] *Воротовов М.Ф.* 2 Оренбургский казачий полк в 1918–1920 (Записки полковника Воротовова) // Hoover Institution Archives. Colonel Vorotovov Collection. Folder VW Russia V954. L. 33–34.

[2517] *Протоколы* 3-го очередного Войскового Круга. С. 236.

[2518] Наша Заря (Омск). 1919. № 104. 17.05. С. 3.

[2519] *Акулинин И.[Г.]* Оренбургское войско в борьбе с большевиками (Памяти Атамана Дутова) // Родимый Край (Париж). 1930. № 2. С. 27.

[2520] *Евсеев Н.[Ф.]* Конница в разгроме белых на Урале в 1919 г. М., 1934. С. 54.

[2521] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 225об.

[2522] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 98.

[2523] *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921: Harvard university press, Cambridge – London, 2002. P. 282.

[2524] *Миронов Ф.* Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 138.

[2525] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 30. Л. 9, 74, 156.

[2526] См., напр.: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 353; Орский вестник (Орск). 1918. № 17. 08.11. С. 2.

[2527] Урал и Прикамье. С. 230.

[2528] *Grunman G.* The Ice Journey. A White Russian Officer remembers the loss of a Civil War and a homeland. [Б. м., б. г.] P. 120.

[2529] *Лабузов В.А., Сафонов Д.А.* Указ. соч. С. 9.

[2530] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 124.

[2531] *Гражданская* война в Оренбуржье… С. 303, 307.

[2532] Там же. С. 308.

[2533] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 30.

[2534] ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 23об.

[2535] Там же.

[2536] ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 9.

[2537] *Елисеев Ф.И.* А.И. Дутов в Оренбургском казачьем училище // *Елисеев Ф.И.* Первые шаги молодого хорунжего / Под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2005. С. 156, 158.

[2538] *В.Л.* Памяти атамана Дутова // Слово (Шанхай). 1934. № 1746. 06.02 – ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 9. Л. 14об.

Список сокращений

АДКНБ РК по городу Алматы – Архив департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по городу Алматы

БФРЗ – библиотека-фонд «Русское Зарубежье»

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ГАПО – Государственный архив Пермской области

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

ОР РГБ – отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РГВА – Российский государственный военный архив

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

ЦДНИОО – Центр документации новейшей истории Оренбургской области